

ИСТОРИЯ РОССИИ

Е.Ю. СПИЦЫН

Е.Ю. СПИЦЫН

РОССИЯ — СОВЕТСКИЙ СОЮЗ 1946–1991 гг.

ПОЛНЫЙ КУРС ИСТОРИИ РОССИИ

КНИГА
ЧЕТВЕРТАЯ

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

Е.Ю. Спицын

**РОССИЯ — СОВЕТСКИЙ СОЮЗ
1946–1991 ГГ.**

**Полный курс истории России для учителей,
преподавателей и студентов**

КНИГА 4

Москва
2015

УДК 94(47)075.8
ББК 63.3(2)я73
С72

Спицын, Е.Ю.

С72 **Россия — Советский Союз 1946–1991 гг.:** Полный курс истории для учителей, преподавателей и студентов. Книга 4 / Е.Ю. Спицын. — М.: Концептуал, 2015. — 512 с.
ISBN 978-5-906756-67-1

Предлагаемый четырехтомный труд по истории России создавался более 15 лет и предназначен прежде всего учителям истории и преподавателям исторических факультетов. Он также представляет несомненный интерес для преподавателей, студентов и аспирантов гуманитарных вузов, старшеклассников и абитуриентов, а также для всех интересующихся прошлым нашего Отечества, дезориентированных существующей четверть века на книжном рынке и в сети Интернет литературой сомнительного содержания и качества, с крайне субъективными оценками и вульгарной трактовкой исторических событий, не имеющей ничего общего с научной интерпретацией фактов.

УДК 94(47)075.8
ББК 63.3(2)я73

ISBN 978-5-906756-67-1

© Издательство «Концептуал», 2015
© Спицын Е.Ю., 2015

Репродуцирование (воспроизведение)
данного издания любым способом без
договора с автором запрещается.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Вместо предисловия	4
ГЛАВА ПЕРВАЯ. Послевоенное развитие СССР в 1945–1985 гг.	7
Социально-экономическое развитие СССР в послевоенный период (1945–1953)	7
Политическое развитие СССР в 1945–1952 гг.	26
Духовное и культурное развитие СССР в 1945–1953 гг.	37
Внешняя политика СССР в 1945–1953 гг.	58
Смерть И.В. Сталина и борьба за власть в 1953–1955 гг.	84
XX съезд КПСС, его решения и последствия	103
Научное, культурное и духовное развитие СССР в эпоху «оттепели» 1953–1964 гг.	114
Экономическое и социальное развитие СССР в 1953–1964 гг.	137
Внешняя политика СССР в 1953–1964 гг.	162
Конец «хрущевской оттепели» и отставка Н.С. Хрущева	192
Политическое развитие СССР в 1965–1982 гг.	204
Экономическое развитие СССР в 1965–1984 гг.	225
Общественная и культурная жизнь СССР в 1965–1984 гг.	241
Внешняя политика СССР в 1965–1984 гг.	270
СССР накануне перестройки в 1982–1985 гг.	317
Литература	329
ГЛАВА ВТОРАЯ. «Горбачевская перестройка» и гибель СССР (1985–1991)	333
Первый этап «горбачевской перестройки» в 1985–1988 гг.	333
Второй этап «горбачевской перестройки» в 1988–1989 гг.	356
Духовное развитие общества в 1985–1991 гг.	387
Внешняя политика СССР в 1985–1991 гг.	409
Системный кризис политики «перестройки» в 1990–1991 гг.	444
Литература	502

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Эта книга родилась из моих лекций, которые на протяжении всех **1990-х и начала 2000-х гг.** я писал к урокам истории для старшеклассников двух московских школ, в которых работал учителем истории, а потом директором одной из этих школ. Затем, в первой половине **2000-х гг.**, ряд лекций были опубликованы в виде трех отдельных книг. Но значительная часть материала осталась необработанной в силу разных причин. Весной прошлого года, когда был объявлен конкурс на создание нового учебника истории на базе нового историко-культурного стандарта, созданного по поручению президента В.В. Путина, я плотно сел за написание полного курса истории России, но так и не был допущен к участию в этом конкурсе...

Более писать ничего не буду и предоставляю слово своим коллегам, но замечу только, что: 1) пусть уважаемого читателя не пугает обилие фактов, событий, имен и т.д., поскольку я хотел дать максимальный объем сведений, чтобы вам не пришлось «лазить» в поисках нужной информации по другим источникам и ресурсам; 2) эта книга, как и предыдущие, вполне сознательно написана через призму историографии, поскольку в современном информационном мире изучать историю можно только историографически, что сразу снимет много проблем, в том числе и пресловутый вопрос о «едином учебнике истории», который в последний год приобрел характер настоящей истерии и разного рода спекуляций.

Е.Ю. Спицын

Данная работа **Евгения Юрьевича Спицына** — выпускника знаменитого истфака **МПИИ им. В.И. Ленина** весьма актуальна и очень нужна не только учителям истории, но и преподавателям высших учебных заведений, потому как дает, в условиях все более возрастающего объема информации по истории России, в которой много псевдонаучного и политически спекулятивного, по сути, в полном объеме и на высоком научном уровне историографию — дореволюционную, советскую, современную — по всем проблемам отечественной истории, начиная с этногенеза славян и кончая XVII веком. Тем самым представляя собой прекрасный историографический путеводитель, который позволит читателю — и прежде всего учителю, которому скоро придется преподавать по так называемому единому учебнику истории, — быть в курсе основных точек зрения на все аспекты нашей многовековой истории. Следовательно, в какой-то мере он позволит скорректировать и нейтрализовать многие ошибки и просчеты таких учебников.

Подобных, весьма обстоятельных, пособий для учителей у нас никогда не было, хотя учителями всегда обращалось особое внимание на острейший дефицит именно историографической информации. Автор, проработав много лет учителем истории и директором одной из московских школ, в курсе этих проблем, что, видимо, и стало одной из причин его обращения к решению этой, весьма непростой задачи, требующей основательных знаний и способности разобраться во всех аспектах мнений по самому широкому спектру проблем отечественной истории. И автор блестяще справился с поставленной задачей: книга написана

живо, хорошим языком, все им аккуратно и совершенно по делу разложено «по полочкам».

*Доктор исторических наук,
профессор В.В. Фомин*

Проделанная **Евгением Юрьевичем Спицыным** работа по написанию фундаментальной книги по истории России XVIII — XX веков заслуживает большого уважения и представляет несомненный интерес не только для специалистов-историков, но и для всех интересующихся прошлым нашего Отечества. Особую ценность данный труд, конечно, имеет для учителей общеобразовательных школ, дезориентируемых наличием на книжном рынке и в сети Интернет обилием самой разнообразной литературы, часто весьма сомнительного содержания, с крайне субъективными оценками и вульгарной трактовкой событий, не имеющей ничего общего с научной интерпретацией фактов. В этих условиях крайне важной видится попытка автора предоставить учителям добротный навигатор, дающий четкие ориентиры в море самых различных изданий, наводнивших за последние десятилетия не только книжные развалы, но и осевшие на стеллажах школьных библиотек. Именно эту роль и призвана выполнить прекрасная работа **Е.Ю. Спицына**.

К ее безусловным достоинствам следует отнести ясность формулировок, органическое включение историографических сюжетов в канву изложения всех исторических событий, подробную характеристику источников и внятную методологическую позицию автора. Эмоциональная окрашенность текста, не портит общего впечатления от изложения. Напротив, она призвана акцентировать внимание читателей на многие проблемы, которые до сих пор не имеют однозначного решения в науке, что требует особой концентрации и включения в процесс познания истории всего внутреннего мира читателя. Ведь, без попытки установить сопричастность и неразрывную связь с минувшим, с восстановлением всего культурно-исторического контекста, понять всю сложность и многомерность этих проблем, вряд ли удастся.

*Доктор исторических наук,
профессор А.В. Лубков*

***Посвящаю своей маме
Спицыной Надежде Николаевне***

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ПОСЛЕВОЕННОЕ РАЗВИТИЕ СССР В 1945–1985 ГГ.

Тема: СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ СССР В ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД (1945–1953)

План:

1. Общая характеристика экономического положения СССР после войны.
2. Дискуссия по проблемам экономического развития страны.
3. Восстановление и развитие народного хозяйства.
 - а) Промышленное производство страны.
 - б) Развитие военно-промышленного комплекса страны.
 - в) Развитие сельского хозяйства.
4. Отмена карточной системы и денежная реформа 1947 года: итоги и последствия.

1. Общая характеристика экономического положения СССР после войны

По данным большинства современных авторов (О. Кузнецова, И. Шапкин, Г. Ханин, В. Попов), сумма прямых потерь, понесенных народным хозяйством СССР в годы войны, составляла почти **680 млрд руб.**, что в **5,5 раза** превышало довоенный национальный доход страны. Особенно тяжелый урон был нанесен промышленному производству, где за годы войны было разрушено почти **32 000** промышленных предприятий. При этом наибольший ущерб понесли отрасли черной и цветной металлургии, нефтяной, угольной и химической промышленности, электроэнергетика и тяжелое машиностроение.

В то же время, по данным официальной статистики, общий уровень промышленного производства в стране снизился лишь на **8%** по сравнению с довоенным уровнем. Причины такого положения вещей состояли в том, что в первый период войны была проведена невиданная по своим масштабам эвакуация, когда в восточные районы страны было вывезено, как минимум, **2600** и введено в строй более **3500** крупных промышленных предприятий, прежде всего военно-промышленного назначения. В результате всех предпринятых мер, только в период войны индустриальная мощь **Урала** выросла в **3,6 раза**, **Западной Сибири** — в **2,8 раза**, а **Поволжья** — в **2,4 раза**. Таким образом, при общем сокращении промышленного производства, отрасли тяжелой индустрии — так называемая **группа отраслей «А»**, превысила довоенный уровень на **12%**, в результате чего удельный вес производства средств производства в общем объеме промышленного потенциала страны вырос до **75%**. Такой результат во много был достигнут и за счет резкого паде-

ния производства средств потребления, т.е. **группы отраслей «Б»**, прежде всего, легкой, текстильной и пищевой промышленности. В частности, в **1945 г.** выпуск хлопчатобумажных тканей составлял лишь **40 %** от довоенного уровня, кожаной обуви — **30 %**, сахара-песка — **20 %** и т.д. Таким образом, война нанесла не только колоссальный материальный ущерб всему промышленному производству страны, но способствовала изменению ее географической и отраслевой структуры. Поэтому в некотором смысле **Великую Отечественную войну** можно рассматривать как очередной, но весьма специфический этап дальнейшей индустриализации страны.

Во время войны было разрушено **65 000 км** железнодорожных путей, **91 000 км** шоссейных дорог, тысячи мостов, множество судов, портовых сооружений и линий связи. В результате общий объем грузовых перевозок к концу войны был почти на четверть, а речного и автомобильного транспорта — почти наполовину меньше, чем перед войной. Колоссальные потери понесло и сельское хозяйство страны: в годы войны было разрушено около **100 000** колхозов и совхозов и почти **3000** машинно-тракторных станций. Трудоспособное население советской деревни уменьшилось почти на **30 %**, энерговооруженность сельского хозяйства упала на **40 %**, поголовье лошадей сократилось на **50 %**, крупного рогатого скота — на **20 %**, свиней — на **65 %**. Посевные площади уменьшились почти на **37 млн гектаров**, средняя урожайность зерновых упала с **9 до 5,5 центнера** с гектара. Общая валовая продукция сельского хозяйства сократилась на **40 %**, производство зерна и хлопка — на **200 %**, а производство мяса — на **45 %**.

Полностью или частично было разрушено **1710** городов и более **73 000** сел и деревень. В результате этого было уничтожено или пришло в полную негодность более **55 %** жилого фонда в городах и около **30 %** жилого фонда в сельской местности, в результате чего без крова осталось более **25 млн** советских людей.

2. Дискуссия по проблемам экономического развития страны

Выбор экономической стратегии СССР, как всегда определялся политическим курсом высшего руководства страны. В данном случае, во многом, он зависел от личной воли **И.В. Сталина**, соотношения сил в правящей элите, а также от международной обстановки и ее интерпретации советским политическим руководством. Победа над фашизмом резко изменила международную обстановку в мире. СССР стал не только полноправным членом, но и одним из лидеров мирового сообщества, а его отношения с западными державами в годы войны приобрели характер «вынужденного» партнерства. Тем не менее, речь шла не столько о более широком включении Советского Союза в мировую экономическую систему, сколько о выборе экономической модели развития страны.

По мнению ряда современных авторов (**В. Попов, А. Данилов, А. Пыжиков, О. Кузнецова**), уже в **1945—1946 гг.** при рассмотрении проекта четвертого пятилетнего плана возникла довольно острая дискуссия о путях восстановления и развития советской экономики после войны. Целый ряд руководителей различных уровней, в том числе член **Политбюро** и секретарь **ЦК ВКП(б)** **А.А. Жданов**, кандидат в члены **Политбюро** председатель **Госплана СССР** **Н.А. Вознесенский**, председатель **СНК РСФСР** **М.И. Родионов**, первый секретарь **Курского обкома ВКП(б)** **П.И. Доронин** и другие выступали за изменение наиболее жестких элементов советской

экономической политики предвоенного и военного периода, более сбалансированное развитие народного хозяйства страны, частичную децентрализацию его управления и т.д. В своих расчетах они исходили не только из анализа тяжелой социальной ситуации в стране, но и опирались на собственные оценки развития международной обстановки в мире. В частности, они наивно полагали, что окончание войны вызовет острейший экономический и политический кризис в странах Западной Европы и США, что не только предотвратит любую угрозу создания новой антисоветской коалиции, но и создаст благоприятные условия для завоевания СССР рынков сбыта и сырья, охваченных кризисом западных экономик. Причем, по мнению ряда современных авторов (**Ю. Жуков, В. Попов, Ю. Емельянов**), **И.В. Сталин**, оставаясь в первые послевоенные месяцы активным приверженцем курса на мирное сосуществование с ведущими империалистическими державами и дальнейшее развитие партнерских отношений с Великобританией и США, первоначально склонялся на сторону этой группировки. Более того, в **январе 1946 г.** в интервью ведущему американскому журналу «**Look**», отвечая на вопрос его корреспондента о возможности предотвращения новой мировой войны путем «достижения широкого экономического соглашения о взаимном обмене», **И.В. Сталин** дословно заявил: «Да, я полагаю, что это являлось бы важным шагом по пути к установлению всеобщего мира. Расширение международной торговли во многих отношениях благоприятствовало бы развитию добрых отношений между нашими двумя странами».

По данным тех же авторов, сторонниками возврата к довоенной модели мобилизационной экономики были, прежде всего, кандидаты в члены **Политбюро** секретарь **ЦК ВКП(б)** **Г.М. Маленков** и нарком внутренних дел СССР **Л.П. Берия**, которые курировали все важнейшие военно-оборонные проекты страны, а так же руководители всех важнейших отраслевых наркоматов тяжелой и оборонной промышленности — **И.Ф. Тевосян, Б.Л. Ванников, М.Г. Первухин, А.П. Завенягин, В.А. Мальшев, Д.Ф. Устинов** и другие. В своем споре с «оппонентами» они, в основном, апеллировали к работам известного советского экономиста академика **Е.С. Варги** («Изменения в экономике капитализма после Второй Мировой войны»), который еще в **1944 г.** выступил с опровержением прежней теории скорого краха капитализма и доказывал его уникальную живучесть и особую способность приспособиться к новым историческим условиям через **политику кейнсианства, взятую на вооружение правительствами западных держав в годы «Великой депрессии» и Второй Мировой войны**. Таким образом, члены этой правящей когорты, разумно полагая, что именно это обстоятельство как раз и не способствует разрядке международной напряженности, выступали за приоритетное развитие тяжелой индустрии и военно-промышленного комплекса страны.

По мнению авторов либерального толка (**Г. Попов, М. Солонин, А. Пыжиков, А. Данилов**), **И.В. Сталин**, взявший сразу после окончания войны курс на развязывание новой мировой бойни и разжигание пожара мировой пролетарской революции, изначально поддерживал именно эту правящую группировку. Однако это утверждение совершенно не соответствует реальному положению вещей, поскольку инициатива новой конфронтации на мировой арене принадлежала отнюдь не СССР, а жаркие дискуссии в советском руководстве разрешила сама жизнь. В **марте 1946 г.**, после знаменитой речи **У. Черчилля** в **Фултоне**, давшей

старт «холодной войне», **И.В. Сталин** окончательно сделал свой выбор и поддержал сторонников сохранения старого экономического курса.

Первую крупную победу сторонникам этого курса удалось одержать при утверждении четвертого пятилетнего плана развития народного хозяйства страны. Принятый в мае 1946 г. **Верховным Советом СССР закон «О пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства СССР на 1946—1950 гг.»** в качестве основной задачи провозглашал **«первоочередное восстановление и развитие тяжелой промышленности и железнодорожного транспорта»**. Тем не менее, многие аспекты экономической стратегии еще не вполне были определены и задания четвертой пятилетки отнюдь не исключали определенной вариативности развития страны. Однако окончательный распад антигитлеровской коалиции и начало **«холодной войны»** способствовали полной победе сторонников дальнейшей централизации управления, ускоренного развития тяжелой индустрии и **ВПК** и ужесточения внутриаполитического курса.

3. Восстановление и развитие народного хозяйства

а) Промышленное производство страны.

Перевод народного хозяйства страны на мирные рельсы проходил крайне болезненно и неравномерно. По оценкам ряда современных авторов (**Н. Верт, Д. Боффа, Г. Ханин, А. Деревянко**), в последние годы сталинского правления, которые традиционно называют либо **«апогеем сталинизма»**, либо **«регрессивной эволюцией сталинизма»**, четко прослеживаются три основных этапа:

- 1947—1948 гг. — фаза быстрого промышленного роста;
- 1949—1950 гг. — фаза промышленного перегрева;
- 1951—1953 гг. — фаза замедления промышленного роста.

По данным официальной советской статистики, уже к **концу 1946 г.** советская промышленность завершила конверсионную перестройку всего производства, и валовой рост гражданской продукции составил более **20 %**, однако, об общей динамике промышленного производства в стране советские статистические органы ничего не сообщали. Вместе с тем, из поздних заявлений «главного» экономиста страны — председателя **Госплана СССР Н.А. Вознесенского** вытекало, что план первого года пятилетки был недовыполнен, а само промышленное производство сократилось почти на **17 %**. По официальным данным, этот спад производства был преодолен только в **конце 1947 г.**, когда рост валовой продукции в промышленном секторе народного хозяйства страны составил **22 %**, а производительности труда выросла на **13 %**.

Вдохновленные достигнутыми результатами, руководство планово-экономического блока правительства страны, в частности глава **Госплана СССР Н.А. Вознесенский**, министр внешней торговли **А.И. Микоян** и новый министр финансов **А.Н. Косыгин**, по личному указанию **И.В. Сталина** пошли на увеличение ряда показателей четвертой пятилетки, и уже в **1948 г.** общий объем промышленного роста в стране составил **27 %**, в **1949 г.** — **20 %**, а в **1950 г.** — **23 %**. Согласно официальным данным **ЦСУ СССР**, который тогда возглавил видный советский экономист профессор **В.Н. Старовский**, уже в **1948 г.** **валовой объем промышленного производства в СССР достиг довоенного уровня**, а к **1950 г.** превзошел его на **73 %**, вместо

48 %, установленных планом четвертой пятилетки. При этом в отраслях тяжелой индустрии общий объем промышленного производства вырос на 210–230 %, в то время как в легкой и пищевой промышленности рост производства составил всего 20–25 %. Тем не менее, многие ученые, в частности видный экономист профессор Г.И. Ханин, автор таких известных работ, как «Динамика экономического развития СССР» (1991) и «Советский экономический рост: анализ западных оценок» (1993), считают, что послевоенное восстановление СССР, которое шло гораздо интенсивнее той же Германии или Японии, что можно без всяких преувеличений назвать «советским экономическим чудом».

Всего за годы четвертой пятилетки было восстановлено из руин и введено в строй более 6200 промышленных предприятий по всей огромной территории страны, в том числе знаменитый Днепрогэс, десятки угольных шахт и предприятий Донбасса, Запорожский и Азовский сталелитейные заводы, Макеевский труболитейный завод, Днепродзержинский азотно-туковый комбинат, Минский и Рязанский станкостроительные заводы, Рижский электромашиностроительный завод, Закавказский металлургический завод, Калужский турбинный комбинат, Усть-Каменогорский свинцово-цинковый комбинат, Коломенский завод тяжелого станкостроения, Кутаисский автомобильный завод, Бакинский и Куйбышевский нефтеперерабатывающие заводы, Иркутский и Башкирский нефтехимические комбинаты, газопровод Саратов-Москва и многие другие промышленные гиганты страны.

Первоочередное внимание планом четвертой пятилетки уделялось и существенному росту объемов производства электроэнергетики по всей стране. Уже в 1945 г. была восстановлена Волховская ГЭС и начаты работы по восстановлению Дубровской, Свирской и других электростанций Ленинградской области. К 1947 г. была восстановлена крупнейшая Днепровская ГЭС, введены в строй Рыбинская и Сухумская гидроэлектростанции, построены Нижнетушинская и Щекинская электростанции и началось строительство первой в мире Обнинской атомной электростанции. В результате предпринятых мер уже к концу четвертой пятилетки общая электрификация труда в промышленном производстве страны превзошла довоенный уровень почти на 60 %. Кроме того, в конце 1940 г. началось строительство Куйбышевской, Сталинградской и Каховской ГЭС, Цимлянского гидроузла, Волго-Донского судоходного, Амурарьинского, Южно-Украинского и Северо-Крымского оросительных каналов.

Вместе с тем, следует признать, что основные производственные фонды за этот период увеличились на 58 %, а производительность труда в промышленности — лишь на 37 %. Эти показатели красноречиво говорили о том, что промышленное производство в стране по-прежнему развивалось, в основном, экстенсивным путем, хотя определенные успехи были достигнуты и во внедрении новой техники, и в создании новейших технологий. В частности, в годы четвертой пятилетки было освоено серийное производство более 300 видов конструкций металлорежущих и шлифовальных станков и кузнечно-прессового оборудования.

Грандиозные успехи индустриального развития и существенный рост капитального строительства были достигнуты за счет целого ряда внутренних и внешних факторов. К внутренним источникам промышленного роста большинство современных авторов (В. Попов, А. Вдовин, А. Безбородов, Е. Зубкова) традиционно относят:

1) Мобилизационный характер советской экономики, который выразился: а) в ужесточении политико-административного надзора и контроля над руковод-

ством всех промышленных предприятий; **б)** в неоднократном повышении норм выработок и продолжительности рабочего дня; **в)** в огромной концентрации финансовых и трудовых ресурсов, достигнутых за счет сельского хозяйства, легкой промышленности и социальной сферы; **г)** в принудительных государственных займах и неэквивалентном товарообмене между городом и деревней.

2) Самоотверженный труд советских людей и их производственный героизм, который проявился в многочисленных **трудовых подвигах** — скоростной резке металла, сокращения производственных потерь, повышение уровня культуры производства, движении бригад отличного качества и т.д. Хотя, следует признать, что ряд современных авторов (**С. Рябкин**) утверждают, что это движение социалистического соревнования во многом носило административно-принудительный характер и не являлись подвигом самих масс. Однако данная оценка, рожденная на антисталинской волне «ельцинского лихолетья», не разделяется большинством их коллег.

3) Существенное сокращение численности вооруженных сил с 11,5 млн до 3 млн человек и значительный рост отряда промышленного пролетариата, что позволило довольно быстро обеспечить огромными трудовыми ресурсами (примерно в **8–11 млн человек**) весь народнохозяйственный комплекс страны, прежде всего, крупные промышленные стройки и предприятия тяжелой индустрии и оборонной промышленности.

4) Значительное увеличение численности заключенных, произошедшее в основном за счет власовцев, бандеровцев, «лесных братьев» и других антисоветских элементов и предателей. При этом, по оценкам одних специалистов (**А. Вдовин, А. Барсенков**), этот рост составил порядка **70 %** — с **1,5 до 2,6 млн человек**, а по другим, но явно завышенным данным (**Н. Шабельникова**), — порядка **550–600 % (8–9 млн человек)**. Кроме того, серьезным фактором экономического роста страны стал труд **2,3 млн спецпереселенцев** (немцы, калмыки, карачаевцы, чеченцы, ингуши) и **2 млн немецких и японских военнопленных**, работавших на строительстве сотен железных и шоссейных дорог, шахт, рудников и крупных промышленных объектов, в том числе **Байкало-Амурской и Воркута-Салехард-Норильской железнодорожных магистралей**.

В целом следует признать, что **Министерство внутренних дел СССР**, которое в **конце 1945 г.** возглавил генерал-полковник **С.Н. Крутов**, и входившее в его состав **Главное Управление Лагерьей (ГУЛАГ)**, которым в послевоенный период, поочередно, руководили генерал-лейтенанты **В.Г. Наседкин, Г.П. Добрынин** и **И.И. Долгих**, стало ведущим хозяйственным ведомством страны, поскольку именно руками миллионов заключенных сооружались крупнейшие и важные объекты в атомной, металлургической и энергетической промышленности, а также на железнодорожном транспорте.

5) Изменение управленческой структуры, которое выразилось: **а)** в упразднении **Государственного Комитета Обороны** и передачи его функции **Совету Народных Комиссаров**, а с **марта 1946 г.** — **Совету Министров СССР**; **б)** в ликвидации или преобразовании целого ряда военно-промышленных наркоматов (министерств) и перевод их предприятий на выпуск продукции гражданского назначения; **в)** в создании отдельных региональных министерств угольной, нефтяной и рыбной промышленности, в районах подвергшихся немецкой оккупации, в создании объединенных министерств черной и цветной металлургии, текстильной и легкой промышлен-

ности, и новых министерств строительного и дорожного машиностроения, средств связи, медицинской и пищевой промышленности.

б) В конверсии военного производства и существенном снижении доли военных расходов в бюджете страны с **43 % до 24 %**. Так, по данным ЦСУ СССР, уже к **концу 1946 г.** валовая продукция министерств вооружения и авиационной промышленности сократилась, соответственно, на **48 и 60 %**. Однако, уже в **середине 1947 г.** спад в отраслях военно-промышленного комплекса страны вновь сменился резким ростом, что, по мнению ряда современных авторов (**Н. Шабельникова, А. Пыжиков, А. Данилов**), зримо говорило о начале **нового этапа милитаризации советской экономики**, который был связан: **а)** с колоссальной десятилетней программой развития военного судостроения, в соответствии с которой предполагалось спустить на воду **4** тяжелых и **30** легких крейсеров, **188** эсминцев, **244** крупных и средних подводных лодок, **828** торпедных катеров и т.д.; **б)** с необходимостью скорейшего создания новейших видов военной техники и вооружений, в частности реактивной авиации, межконтинентальных баллистических ракет, системы радиолокации и, прежде всего, атомной бомбы. Даже по официальным данным советской статистики, в четвертой пятилетнем плане на развитие военно-промышленного комплекса страны было выделено почти **20 %** всего государственного бюджета.

7) Отмена карточной системы, проведение денежной реформы 1947 г. и ежегодная политика снижения розничных цен, что позволило **а)** изъять из наличного оборота излишнюю денежную массу и создать сбалансированную денежную систему, реально обеспеченную золотым запасом и товарным покрытием, **б)** стабилизировать бюджет страны и создать работоспособный механизм внутренних инвестиций для развития отечественного производства, **в)** повысить покупательную способность большинства советских граждан и стимулировать развитие внутреннего рынка и торгового оборота и т.д.

К внешним источникам экономического роста большинство историков традиционно относят:

1) Reparации с Германии, которые не только обеспечили более **50 %** поставок всего объема новейших технологий и промышленного оборудования для вновь возводимых и восстановленных советских заводов, фабрик, шахт и электростанций, но и реально подтолкнули научно-технический прогресс в нашей стране. Между тем, надо особо подчеркнуть, что вопрос об объемах германских репараций до сих пор до конца не разрешен. По мнению одних историков (**А. Данилов, А. Пыжиков**), из-за препятствий чинимых западными партнерами, наша страна из согласованных **10 млрд долларов** военных репараций получил только **4,3 млрд долларов**. А по мнению их оппонентов, в частности профессора-экономиста **В.Ю. Катасонова**, автора новейшего исследования **«Россия в мире репараций» (2015)**, общий объем репарационных выплат и поставок был значительно скромнее и общая сумма репараций составила мизерный суммарный объем, эквивалентный лишь **3–4 % того гигантского ущерба, который наша страна понесла в годы Великой Отечественной войны.**

Причем, надо отметить и то обстоятельство, что при всей возможной значимости все эти репарации и военные трофеи не могли компенсировать отсутствие крупных иностранных инвестиций, прекращения поставок по **ленд-лизу** и масштабную помощь СССР странам просоветского блока — Польше, Чехословакии, Венгрии, Болгарии, Китаю, Северной Корее и другим.

В связи с данным обстоятельством необходимо сказать несколько слов о так называемом «**плане Маршалла**». В июне 1947 г. новый госсекретарь США генерал Дж. Маршалл выступая в Гарвардском университете, предложил целую программу восстановления и развития разоренных европейских экономик путем оказания им широкомасштабной экономической помощи со стороны США в размере 17 млрд долларов. К участию в этом проекте приглашались все страны европейского континента, включая Советский Союз. Первоначально советское политическое руководство предполагало принять участие в работе **Парижской конференции** и сформировало официальную правительственную делегацию во главе с министром иностранных дел СССР В.М. Молотовым. Однако, изучив более подробно условия предоставления американской финансовой помощи, одним из положений которой было изгнание всех коммунистов из правительств стран-кредиторов, претендующих на получение американских денег, И.В. Сталин отверг «**план Маршала**» и отозвал согласие СССР на участие в **Парижской конференции**, которая состоялась в июле 1947 г. По настоянию Советского Союза от участия в работе этой конференции отказались и все европейские страны «народной демократии» — Польша, Чехословакия, Венгрия, Румыния и Болгария, а так же Финляндия.

В современной либеральной историографии (Н. Быстрова, А. Данилов, А. Пыжиков) утверждают, что главной целью «**плана Маршала**» было восстановление разрушенной европейской экономики, устранение всех торговых барьеров и модернизация индустриального потенциала европейских государств. Однако в советской и российской патриотической историографии (Н. Ратников, Ю. Емельянов, Ю. Жуков, В. Катасонов) справедливо полагали, что «**план Маршала**» в купе с «**доктриной Трумэна**» и «**Гарвардским проектом**» Дж. Дэвиса представлял собой составную часть агрессивного внешнеполитического курса США, направленного на активное поощрение экономической экспансии американских монополий, на усиление политики «**холодной войны**» и создание агрессивных военно-политических блоков, направленных против СССР и его союзников в Европе и Азии.

2) Создание Совета Экономической взаимопомощи (СЭВ), членами которого в 1949 г. стали СССР, Польша, Чехословакия, Венгрия, Румыния и Болгария. Создание СЭВ, ставшего реальной альтернативой «**плану Маршала**», не только позволило странам народной демократии выйти из затяжного экономического кризиса, вызванного послевоенной разрухой и сменой буржуазных политических режимов, но и создать единый экономический рынок и проводить согласованную финансовую, промышленную, таможенную и торговую политику в этом стратегически важном регионе мира.

При этом следует отметить, что ряд нынешних экономистов и историков, в частности профессор Г.И. Ханин, автор фундаментальной монографии «**Экономика СССР в 1937–1987 гг.**» (2008), полагают, что не последнюю роль в быстром восстановлении промышленного потенциала страны сыграли: 1) заимствование и творческая переработка западных технологий посредством вывоза технической документации из Германии, 2) копирование лучших образцов американской техники, полученной по ленд-лизу, 3) промышленный шпионаж и 4) быстрое создание собственных научных школ и резкий рост квалификации всех инженерных и управленческих кадров.

б) Развитие военно-промышленного комплекса страны

Особое место в послевоенный период отводилось развитию оборонной промышленности страны и в первую очередь решению «**атомной проблемы**». Серьезный импульс этой работе, начатой еще в 1943 г., был придан **20 августа 1945 г.** образованием **Специального Комитета при ГКО**, а затем при **СНК СССР**, по реализации советского аналога американского «**уранового проекта**». В состав этого **Комитета** вошли три члена высшего политического руководства страны — **председатель Оперативного бюро СНК СССР Л.П. Берия** (председатель), секретарь **ЦК ВКП(б) Г.М. Маленков** и **председатель Госплана СССР Н.А. Вознесенский**, а так же крупнейшие организаторы военного производства — **Б.Л. Ванников, А.П. Завенягин, М.Г. Первухин и В.А. Махнев** и два выдающихся советских физика — академики **И.В. Курчатов и П.Л. Капица**.

Для предварительного рассмотрения научных и технических вопросов, вносимых на обсуждение этого **Комитета**, создавался **Технический совет** под председательством генерал-полковника **Б.Л. Ванникова**, в состав которого вошли крупнейшие советские физики — академики **А.И. Алиханов, А.Ф. Иоффе, П.Л. Капица, И.В. Курчатов, В.Г. Хлопин, И.К. Кикоин, Ю.Б. Харитон** и другие.

Непосредственное руководство всеми научно-исследовательскими, проектными и конструкторскими бюро, организациями и промышленными предприятиями, решавшими атомную проблему, осуществляло **Первое Главное управление (ПГУ) при СНК СССР**, руководителем которого был назначен **Б.Л. Ванников**, освобожденный от обязанностей народного комиссара боеприпасов. Причем, в **Постановлении ГКО** особо подчеркивалось, что никакие организации, учреждения и лица без особого разрешения **ГКО** не имеют права вмешиваться в административно-хозяйственную и оперативную деятельность **ПГУ**, любых его предприятий и учреждений и требовать справок о работах, выполняемых по его заказам. Кроме того, **Постановлением ГКО** в рамках **Первого Главного управления НКВД СССР** создавалась спецразведка «для получения более полной технической и экономической информации об урановой промышленности и атомных бомбах», руководителем которой был назначен первый зам. главы **ПГУ**, генерал-майор госбезопасности **Г.Б. Овакимян**, непосредственно отвечавший за обеспечение советских ученых атомными секретами США («**Проект ENORMOS**»).

В апреле 1946 г. в системе **ПГУ при СМ СССР** было создано **КБ-11 (Арзамас-16)** во главе с **П.М. Зерновым** и **Ю.Б. Харитоном**, которым была поставлена четкая задача — в кратчайшие сроки создать советскую атомную бомбу. Первоначально испытание **плутониевой бомбы** намечалось осуществить не позднее **января**, а урановой — не позднее **июля 1948 г.** Однако в **феврале 1948 г.** эти сроки пришлось перенести на **март — декабрь 1949 г.**

Параллельно с созданием атомной бомбы развернулись широкомасштабные работы по созданию новой отрасли **ВПК — ракетостроения**, поскольку решающая роль в возможной будущей войне отводилась не только ядерным боеприпасам, но и средствам их доставки к целям. В мае 1946 г. создан **Специальный комитет по реактивной технике**, который возглавил секретарь **ЦК ВКП(б) Г.М. Маленков**, и уже в **октябре 1947 г.** на полигоне **Капустин Яр** была испытана первая советская ракета среднего радиуса действия **А-4**, в разработке которой самое активное участие принимал главный конструктор **Особого конструкторского бюро № 1 (ОКБ-1)**

С.П. Королев. В 1950 г. на вооружение в советской армии была принята первая баллистическая ракета **М-1** и активно шли испытания новых ракет дальнего действия — **Р-2** и **Р-3** с радиусом поражения **600–3000 км.**

В июле 1946 г. при Совете Министров СССР был создан еще один **Специальный Комитет радиолокации**, который первоначально возглавил **Г.М. Маленков**, а затем заместитель председателя **Совета Министров СССР М.З. Сабуров**, развернувший работы по созданию принципиально нового оборонного щита страны.

Решение атомной, ракетной и других оборонных проблем велось в десятках новых закрытых городах — **Томск-7, Арзамас-16, Красноярск-26, Челябинск-40, Приозерск, Шиханы, Горный, Капустин Яр** и многих других с целым рядом уникальных промышленных предприятий, лабораторий и конструкторских бюро. Затем, в **июле 1948 г.**, под **Челябинском** был запущен первый ядерный реактор и введен в эксплуатацию **Завод № 817 («Маяк»)** по производству промышленного плутония. В **августе 1949 г.** на полигоне под **Семипалатинском** было проведено первое испытание советской атомной бомбы, а уже в **июле 1953 г.** прошло испытании первой в мире водородной бомбы, что означало решение самой масштабной и одной из самых дорогостоящих научно-технических программ в послевоенной истории страны.

в) Развитие сельского хозяйства

Хорошо известно, что в отличие от **начала 1920-х гг.** сразу после окончания войны высшее политическое руководство приняло решение начать восстановление народного хозяйства страны не с аграрного производства, а с отраслей тяжелой индустрии, транспорта и энергетики, полностью подчинив интересы села выполнению этой архиважной исторической задачи. Руководство государства по-прежнему рассматривали сельское хозяйство как основной источник дешевого сырья, трудовых ресурсов и решения продовольственной проблемы, хотя общее положение в аграрном секторе страны оставалось очень непростым весь период войны. Более того, оно серьезно осложнилось тем, что первый послевоенный год оказался крайне неблагоприятным по климатическим условиям. **Летом 1946 г.** сильная засуха сначала охватила практически всю **Украину, Молдавию, Нижнее Поволжье, Северный Кавказ** и **Центрально-Черноземный район РСФСР**, а в **Сибири** и на **Дальнем Востоке** серьезный урон урожаю, напротив, нанесли затяжные дожди. В результате этих климатических аномалий валовой сбор зерновых культур более чем в **2 раза** оказался ниже, чем в предвоенном **1940 г.**, и уже в **августе — сентябре 1946 г.** на централизованное государственное снабжение было переведено около **88 млн** граждан страны. Однако избежать социального кризиса в стране все же не удалось, и начавшийся голод привел к гибели почти **770 000 человек** и вызвал массовый отток сельского населения во многие близлежащие и крупные города. Крайняя острота продовольственной проблемы была снята лишь сравнительно неплохими урожаями **1947–1948 гг.** и политикой снижения цен, которую сталинское руководство начало сразу после проведения денежной реформы **1947 г.**

Между тем, по оценкам ряда современных авторов (**В. Попов, В. Зима, О. Вербицкая**), даже в этих непростых условиях обязательные поставки аграрной продукции в государственный фонд оставались за пределами высокими и значительной частью колхозов и совхозов выполнялись на пределе возможного, а для многих

из них были просто непосильными. Как и в годы коллективизации заготовительные цены на основные виды сельхозпродукции оставались значительно ниже их себестоимости и возмещали лишь небольшую часть затрат на их производство. В частности, в **1950 г.** закупочная стоимость одного центнера зерна составляла всего **8 рублей**, при его реальной себестоимости **49 рублей**. В результате подобных «диспропорций», планы хлебозаготовок в **1945 г.** выполнили только **50 %** колхозов, в **1946 г.** — **42 %** колхозов, а в **1948 г.** — **44 %** колхозов. Хотя, надо признать, что эти очень специфические цифры, взятые «с потолка», вызывают довольно большие сомнения у многих их оппонентов, в частности профессоров **Г.И. Ханина** и **С.Г. Кара-Мурзы**.

Между тем, следует также признать, что денежное и товарное вознаграждение колхозников зачастую носило чисто символический характер. Они, в основном, жили за счет личного подсобного хозяйства, которое в последние годы войны стало расти за счет колхозных земель. Кроме того, в условиях голода жители многих городов и поселков городского типа стали самовольно разбивать на колхозных и общественных землях огороды и садовые участки, что вызвало резко недовольство высшего руководства страны.

В **сентябре 1946 г.** на основании записки члена **Политбюро**, секретаря **ЦК ВКП(б)** и наркома земледелия СССР **А.А. Андреева** было принято совместное **Постановление Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б) «О мерах по ликвидации нарушений устава сельхозартели в колхозах»**. Отмечая многочисленные факты расхищения колхозных земель и колхозной собственности, а так же злоупотребления со стороны партийных и советских органов, это **Постановление** жестко обязало руководителей всех уровней «положить конец этим извращениям и нарушениям основ колхозного строя и привлечь всех виновных к строгой уголовной ответственности». Кроме того, для жесткого контроля за соблюдением колхозного устава и решения вопросов дальнейшего развития колхозного строя в стране был создан **Совет по делам колхозов**, который возглавил сам **Андрей Андреевич Андреев**.

Деятельность это **Совета** и его полномочных представителей в республиках, краях и областях способствовала наведению порядка в стране, однако общего подъема товарности коллективных хозяйств эта мера обеспечить не смогла. Более того, в результате этой кампании в **1946–1947 гг.** площадь приусадебных участков колхозного крестьянства сократилась на **10,6 млн гектар**, в то время как средняя норма выдачи зерна на трудодень снизилась почти в два раза — с **8,2** до **4,2** центнеров зерна. В последующие годы, несмотря ряд предпринятых мер, средний денежный доход одной крестьянской семьи, получаемый в колхозе, составляли лишь **20 %** ее денежных доходов, а более **27 %** колхозов вообще не выдавали денег на трудодни.

Неурожайный **1946 г.** заставил руководство страны обратить особое внимание на положение дел в колхозной деревни. Поэтому уже в **феврале 1947 г.** вопрос **«О мерах подъема сельского хозяйства в послевоенный период»** был специально рассмотрен на **Пленуме ЦК ВКП(б)**. В соответствии с его решениями были резко увеличены выпуск тракторов, сельскохозяйственных машин и химических удобрений, расширились работы по электрификации села и т.д. Все предпринятые меры позволили к концу четвертой пятилетки создать свыше тысячи новых **МТС** и существенно обновить материально-техническую базу производства. В частности, к **концу 1950 г.** количество тракторов и комбайнов в **МТС** возросло примерно на **50 %**, а принятый

правительством план развития сельской электрификации позволил подключить к электроснабжению **15 %** колхозов, **76 %** совхозов и почти **80 %** МТС.

В октябре 1948 г. Совет Министров СССР и ЦК ВКП(б) приняли знаменитое **Постановление «О плане полезащитных лесонасаждений, внедрении травопольных севооборотов, строительства прудов и водоемов для обеспечения высоких и устойчивых урожаев в степных и лесостепных районах Европейской части СССР»**. В советской печати эта, не имеющая аналогов в мировой практике пятнадцатилетняя программа (1949–1964) научного регулирования природных процессов, разработанная на основе трудов ряда выдающихся русских агрономов, справедливо была названа **«Великим сталинским планом преобразования природы»**, поскольку ее инициатором был именно «вождь всех времен и народов». Согласно этому плану, уже в 1949 г. началось грандиозное «наступление» на засуху путем научнообоснованной посадки лесозащитных насаждений, широкого внедрения травопольных севооборотов и строительства десятков тысяч водоемов и прудов. Сила этого плана была в его комплексности и масштабности, не имевших аналогов во всей мировой практике, поскольку по этому плану за пятнадцать лет предполагалось создать **8 крупных государственных лесозащитных полос** общей протяженностью свыше **5300 километров**, высадить защитные лесонасаждения общей площадью **5700 тысяч гектаров** и соорудить в колхозах и совхозах страны более **44200 прудов и водоемов**. Все это, в соединении с передовой советской агротехникой, должно было обеспечить высокие, а главное устойчивые, независимые от капризов природы, урожаи зерновых на площади свыше **120 млн гектаров пашни**.

Центральное место в сталинском плане занимала борьба с засухой и полезащитное лесоразведение и орошение, что было совершенно неслучайно. Еще в начале 1948 г. ведущая американская газета **«The Washington Post»**, ссылаясь на заявление **Генерального директора ООН** по делам продовольствия и сельского хозяйства **Б. Орра** о том, что «темпы истощения плодородной почвы в США вызывают большую тревогу, поскольку одна четверть пахотных земель уже опустошена», с большой тревогой констатировала, что «если холодная война превратиться в длительный конфликт, то достижения в отношении мелиорации могут решить вопрос о том, кто будет победителем в этой войне».

Мало кто знает, что подготовка к принятию столь масштабного проекта предшествовала двадцатилетняя практика освоения **Астраханской полупустыни**, где буквально на голом месте еще в 1928 г. была заложена научно-исследовательская станция **Всесоюзного института агролесомелиорации**, получившая название **Богдинского опорного пункта**. Именно здесь из сотен разновидностей деревьев и кустарников были выбраны те породы, которые полностью отвечали научным разработкам выдающихся русских ученых-почвоведов **В.В. Докучаева, П.А. Костычева и Г.Н. Высоцкого**, которые, среди прочих научно-прикладных проблем, изучали влияние лесов на гидрологический режим и впервые рассчитали баланс влаги под лесом и полем, исследовали влияние леса на среду обитания и причины безлесья степей. За несколько лет упорного труда местные работники лесхозов заготовили более **6000 тонн** семян древесных и кустарниковых пород, среди которых были канадский тополь, татарский клен, желтая акация, липа, ясень, дуб, малина и смородина.

По **«Сталинскому плану преобразования природы»** правительство приняло решение о строительстве **восьми государственных полос**, которые должны были пройти:

1) по обоим берегам **Волги** от **Саратова** до **Астрахани** протяженностью **900 км**; 2) по левобережью **Волги** от **Чапаевска** до **Уральска** протяженностью **580 км**; 3) по правобережью **Волги** от **Сталинграда** до **Черкесска** протяженностью **570 км**; 4) по правому водоразделу **Волги** в направлении **Камышин-Сталинград** протяженностью **170 км**; 5) вдоль реки **Урал** в направлении **Чкалов — Уральск — Каспийское море** протяженностью **1080 км**; 6) по обоим берегам **Дона** от **Воронежа** до **Ростова** протяженностью **920 км**; 7) по водоразделу рек **Хопер, Медведица, Калитва и Березовая** в направлении **Пенза — Северский Донец** протяженностью **600 км** и 8) по обоим берегам **Северского Донца** от **Белгорода** до **Усть-Донецка** протяженностью **500 км**.

Целью данного плана было предотвращение засух, жарких юго-восточных сушههای, песчаных и пыльных бурь путем строительства тысяч водоемов, посадки лесозащитных насаждений и широкого внедрения травопольных севооборотов в южных регионах СССР, в частности **Среднем и Нижнем Поволжье, Западном Казахстане, Северном Кавказе и Юго-Восточной Украине (Новороссии)**. Всего планировалось высадить более **4 млн га леса** и восстановить старые леса, уничтоженные в годы войны и нерадивым хозяйствованием прежних артельных лесоводов. Кроме государственных лесных защитных полос высаживались лесополосы местного значения по периметру отдельных полей, по склонам оврагов, вдоль уже существующих и вновь создаваемых водоемов, на песках и т.д. Помимо этого внедрялись более прогрессивные методы обработки полей путем применения черных паров, зяби и лущения стерни, внесения в почву органических и минеральных удобрений, посевом отборных семян высокоурожайных сортов, приспособленных к местным условиям, и т.д.

Кроме того, этот план предусматривал и широкое внедрение травопольной системы земледелия, разработанной выдающимися русскими учеными — академиками **В.В. Докучаевым, П.А. Костычевым и В.Р. Вильямсом**. Согласно этой системе, часть пашни в севооборотах засеивалась многолетними бобовыми и мятликовыми травами, которые одновременно служили кормовой базой для животноводства и естественным средством восстановления плодородия почв. Более того, в целях обеспечения широкой механизации полевых и лесозащитных работ и повышения их качества **Политбюро ЦК** жестко обязало министерства сельскохозяйственного машиностроения, автомобильной и тракторной промышленности, транспортного машиностроения, строительного и дорожного машиностроения и другие промышленные министерства, выполнявшие заказы для сельского хозяйства, обеспечить безусловное выполнение установленного плана производства сельскохозяйственных машин, высокое их качество и более быстрое освоение новых усовершенствованных сельскохозяйственных машин и агрегатов. В результате уже к **началу 1950-х гг.** были разработаны машины для одновременной семиполосной посадки деревьев, завершены работы по созданию отечественных комбайнов для уборки зерна, хлопка, льна, свеклы и картофеля и начаты работы по производству мини-тракторов для работ на лесосеках и дождевальные установки с автономным двигателем для бесперебойного полива различных агрокультур и т.д.

Для проработки и реализации **«Сталинского плана преобразования природы»** был создан специальный институт **Агролеспроект**, по проектам которого лесами покрылись четыре крупных водораздела бассейнов **Днепра, Дона, Волги и Урала**. Одновременно с полесозащитным лесоразведением надо было принять срочные меры

по сохранению и улучшению особо ценных лесных массивов в разных регионах страны, в том числе **Шипова леса, Хреновского бора и Борисоглебского лесного массива в Воронежской области, Тульских засек в Тульской области, Бузулукского бора в Оренбургской и Саратовской областях, Черного леса в Херсонской области, Великоанадольского леса в Донецкой области** и т.д.

Одновременно с устройством системы полезащитных лесонасаждений была начата грандиозная программа по созданию крупных оросительных систем, что позволило бы резко улучшить окружающую среду, построить большую систему водных путей, отрегулировать сток множества рек, получать огромное количество дешевой электроэнергии и использовать накопленную воду для орошения полей и садов. Для решения проблем, связанных с осуществлением пятилетнего плана мелиоративных работ, был привлечен **Институт инженеров водного хозяйства**, который разработал несколько крупных мелиоративных программ.

В дополнение к этому грандиозному **«Плану преобразования природы»** в апреле **1949 г. Политбюро и Бюро Совета Министров СССР** утвердило **«Трехлетний план развития общественного колхозного и совхозного продуктивного животноводства»**, и хотя из-за недостатка капиталовложений выполнить полностью этот план не удалось, к концу четвертой пятилетки производство мяса, молока и шерсти в стране превысило довоенный уровень. А уже в **1951 г.** первые мероприятия по реализации этих планов привели к существенному росту урожайности зерновых на **25–30 %**, овощей — на **50–75 %** и кормовых трав — на **100–200 %**. Также в результате значительного роста капиталовложений в сельское хозяйство и улучшения технической оснащенности колхозов и совхозов удалось создать прочную кормовую базу для развития животноводства, в результате чего всего за три года производства мяса и сала возросло на **80 %**, в том числе свинины — на **100 %**, производство молока — на **65 %**, яиц — на **240 %**, шерсти — на **50 %** и т.д.

Однако сразу после смерти **И.В. Сталина** выполнение этого грандиозного плана было свернуто и уже в конце апреля **1953 г.** специальным **Постановлением Совета Министров СССР** были остановлены все работы по созданию новых лесозащитных полос, их планирования и выращивания посадочного материала. Более того, по личному распоряжению **Н.С. Хрущева**, который в **декабре 1953 г.** в дополнение к своему высшему партийному посту возглавил новое **Бюро Совета Министров СССР по сельскому хозяйству и заготовкам** и был введен в состав **Президиума Совета Министров СССР**, многие лесополосы были просто вырублены, несколько тысяч прудов и водоемов, предназначенные для разведения высокопородных рыб, были заброшены, а более **570 лесозащитных станций** ликвидированы. Одним из прямых следствий бездумного свертывания **«Сталинского плана преобразования природы»** и внедрения экстенсивных методов увеличения пашни, было то, что уже в **1962–1963 гг.** в стране произошла крупная экологическая катастрофа, связанная с эрозией почв на целине, что неизбежно привело к масштабному продовольственному кризису, в результате чего советское правительство впервые после окончания войны вынуждено было продать более **600 тонн золота** и закупить на внешнем рынке более **13 млн тонн зерна**.

Хотя, надо признать, что в современной либеральной историографии (**В. Попов, В. Зима, А. Савинов, М. Элман**) по-прежнему бытует мнение, что предпринимавшиеся государством меры по подъему аграрного сектора страны оказались

малозффективными для качественного роста сельскохозяйственного производства и выполнения плановых заданий четвертой пятилетки. Урожаи зерновых, картофеля, свеклы и других сельскохозяйственных и технических культур из-за нехватки сельхозтехники, органических удобрений и крайне низкой продуктивности колхозного труда оставались, в основном, на довоенном уровне. А «зверские» налоги на личное подсобное хозяйство всех советских колхозников, получившие свое название по имени многолетнего министра финансов СССР **А.Г. Зверева**, фактически удушали его и делали совершенно нерентабельным. По данным этих ученых, в **1950 г.** валовая продукция сельского хозяйства страны составила всего **99 %** от довоенного уровня, хотя по плану пятилетки должна была превзойти его на **27 %**. Более того, производство зерновых культур от довоенного уровня составляло всего **82 %**, картофеля — **77 %** и овощей — **69 %**. Даже в относительно благополучном **1952 г.** валовой сбор зерновых культур не достиг довоенных показателей, а средняя урожайность зерновых составила всего **7,7 центнеров** зерна с гектара, что было даже ниже показателей царской России накануне **Первой Мировой войны**. Подавляющее большинство колхозов в послевоенные годы оставалось крайне слабыми и убыточными, и только отдельным крупным хозяйствам, во главе которых стояли выдающиеся организаторы сельскохозяйственного производства — **Ф.И. Дубковецкий, П.А. Малинина, К.П. Орловский, М.А. Посмитный, П.А. Прозоров** и ряд других, удалось достичь высоких производственных результатов и стать визитной карточкой колхозного строя страны.

Конечно, эти цифры нуждаются в дальнейшем изучении, однако, вместе с тем, надо помнить и о том, что подобный итог развития советского аграрного производства в послевоенный период, во многом, стал жертвой не злой воли советских вождей и лично **И.В. Сталина**, а тем, что нашей стране пришлось: **1)** на пределе своих сил и возможностей в кратчайший срок восстановить десятки тысяч порушенных и разоренных деревень и колхозов и **2)** вновь отдать приоритет развитию тяжелой индустрии и отечественного **ВПК**, поскольку капиталистический Запад, породив «холодную войну», взял сознательный курс на бескомпромиссную конфронтацию с нашей страной и экономическое удушение СССР посредством гонки вооружений.

На **рубеже 1940–1950-х гг.** в соответствии с новым курсом, нацеленным на концентрацию колхозно-совхозного производства, инициатором которого выступил **Н.С. Хрущев**, ставший новым секретарем **ЦК** по сельскому хозяйству, было проведено беспрецедентное укрупнение мелких коллективных хозяйств и в **1950–1953 г.** общее число колхозов сократилось с **255 000** до **94 000 хозяйств**. В своем реформаторском зуде **Н.С. Хрущев** был готов идти еще дальше и на страницах газеты «Правда» выступил с идеей создания целых «агрогородов», однако после жесткой критики со стороны **И.В. Сталина** и других членов высшего политического руководства страны, он похоронил эту идею до лучших времен и вернулся к ней уже будучи лидером партии и советского государства в **конце 1950-х гг.**

Одновременно в западных областях **Украины, Белоруссии, Молдавии и Советской Прибалтики** началась массовая коллективизация крестьянских хуторских хозяйств, которая сопровождалась новыми репрессиями против местных «мироедов» и депортациями кулаков, их подкулачников и других антисоветских элементов, которые активно, в том числе с оружием в руках, сопротивлялись советизации

этих регионов. По данным ряда историков (**Е. Зубкова**), только из республик Советской Прибалтики на поселение в Сибирь было выслано более **142 000** кулаков, бандитов и националистов.

4. Отмена карточной системы и денежная реформа 1947 года: итоги и последствия

По признанию большинства экономистов (**Г. Ханин, В. Катасонов**), советская денежная система неплохо выдержала испытание войной. В то время как денежная масса в нацистской Германии за годы войны возросла в **6 раз**, в Италии — в **10 раз**, а в Японии — в **11 раз**, в СССР денежная масса увеличилась только в **3,8 раза**. Однако **Великая Отечественная война** породила и ряд крупных отрицательных явлений, которые необходимо было срочно устранить: **1)** во-первых, из-за заметного излишка денег проявилось зримое несоответствие между их количеством в наличном обороте и потребностями самого товарооборота, **2)** во-вторых, появилось несколько видов цен — **пайковые, коммерческие и рыночные**, что подрывало значение денежных зарплат и выплат рабочих и служащих, а также денежных доходов колхозников по трудодням и, наконец, **3)** в-третьих, крупные денежные суммы осели в руках у спекулянтов, причем, существенная разница в ценах по-прежнему давала им возможность обогащаться за счет большей части населения, что подрывало принцип социальной справедливости в стране.

Сразу после завершения войны советское политическое руководство провело ряд мероприятий направленных на укрепление денежной системы страны и рост благосостояния людей. Покупательный спрос населения был увеличен путем роста фондов заработной платы и снижением платежей в финансовую систему. Так, в **январе 1946 г.** был полностью отменен **военный налог** со всех рабочих и служащих и снижен размер обязательной подписки на новый **государственный заем**, по которому часть заработной платы выдавалась не живыми деньгами, а облигациями государственного займа. Затем, с **марта 1946 г.** все сберкассы начали выплачивать рабочим и служащим компенсацию за неиспользованные во время войны отпуска и т.д. Однако к **концу 1946 г.** отрицательные явления в финансово-хозяйственной сфере полностью не были устранены, поэтому советское политическое руководство окончательно взяло курс на проведение новой денежной реформы.

По свидетельству ряда очевидцев, впервые **И.В. Сталин** поднял вопрос о возможности проведения такой реформы еще в **конце декабря 1942 г.** и потребовал от наркома финансов СССР **Арсения Григорьевича Зверева** уже через месяц представить ему первые расчеты на сей счет. Поначалу саму реформу планировали провести в **1946 г.**, однако из-за голода, который был вызван сильной засухой и неурожаем в целом ряде крупных регионов страны, начало этой реформы пришлось отложить.

В **мае 1946 г.** решением **Политбюро ЦК** была создана комиссия по отмене карточной системы в составе шести членов правительства — председателя комиссии **А.И. Микояна** и пяти членов — **Н.А. Вознесенского, А.Г. Зверева, А.Н. Косыгина, А.В. Любимова и Н.С. Хрущева**. При обсуждении этой проблемы главным камнем преткновения оказалась проблема розничных цен. Если сохранить розничные цены на уровне существовавших **пайковых (государственных) цен**, то при отмене карточ-

ной системы государству грозила бы реальная опасность столкнуться с избыточным платежеспособным спросом населения, который мог бы привести к острому товарному дефициту в стране. Если установить розничные цены выше пайковых, то это означало, что большинство товаров и услуг станут просто недоступны для значительной части населения страны, в том числе колхозников, пенсионеров, студентов и т.д. Поэтому по предложению министра финансов СССР А.Г. Зверева было принято «соломоново решение» установить единые розничные цены выше пайковых, но ниже коммерческих, при одновременном увеличении заработной платы, пенсий, стипендий и пособий.

14 декабря 1947 г. было опубликовано совместное **Постановление Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б) «О проведении денежной реформы и отмене карточек на продовольственные и промышленные товары»**, подписанное **И.В. Сталиным** и **А.А. Ждановым**. В соответствии с этим **Постановлением**:

1) Все частные денежные вклады во всех сберегательных кассах страны обменивались по следующей схеме: вклады до **3000 рублей** сохранялись в полном объеме, поскольку обмен осуществлялся **1:1**, вклады от **3000** до **10 000 рублей** обменивались в соотношении **3:2**, а вклады свыше **10 000 рублей** подлежали обмену в пропорции **3:1**. Причем, разменная монета обмену не подлежала и оставалась в обращении по номиналу.

2) Все наличные денежные средства, которые в небольшом объеме хранились населением в домашних банках и кубышках, обменивались в соотношении **10:1**.

3) Полностью отменялась карточная (пайковая) система снабжения продовольственными и промышленными товарами и все рыночные цены в коммерческой торговле.

4) Вводились единые государственные цены на все продовольственные и промышленные товары, размер которых по отношению к прежним пайковым ценам, в зависимости от их социальной значимости, либо существенно снижались (**хлеб, мука, крупы**), либо оставались прежними (**мясо, рыба, картофель, соль**), либо, напротив, существенно повышались (**яйца, чай, фрукты**).

5) При проведении денежной реформы заработная плата рабочих и служащих, а также доходы крестьян от государственных заготовок и другие трудовые доходы всех слоев населения выплачивались в новых деньгах в прежних размерах.

6) Относительно льготные условия обмена денежных накоплений были установлены для держателей облигаций государственных займов: облигации займа **1947 г.** переоценке не подлежали, облигации массовых займов меняли на облигации нового займа в соотношении **3:1**, облигации свободно реализуемого займа **1938 г.** обменивали в соотношении **5:1**, а все денежные средства, которые находились на расчетных и текущих счетах кооперативных организаций и колхозов переоценивались из расчета **5:4**.

В современной либеральной публицистике и историографии (**Н. Шмелев, В. Попов, Г. Пихоя, А. Данилов, А. Пыжиков, Е. Зубкова**) сталинскую денежную реформу традиционно и довольно предвзято оценивают как широкомасштабное ограбление простого народа и ярчайший пример решения острейших государственных задач за счет резкого снижения уровня жизни и потребления основной массы населения страны. Однако по здравым оценкам самого министра финансов СССР **А.Г. Зверева**, ставшего автором этой реформы, и по оценкам многих современных

историков и экономистов (**Л. Абалкин, Ю. Жуков, Ю. Емельянов, С. Пушкарёв, В. Катасонов**), сталинская денежная реформа, носившая конфискационный, но в целом справедливый характер, позволила: **1)** ликвидировать последствия войны в области денежного обращения, **2)** изъять лишние деньги из наличного обращения и ликвидировать крупные спекулятивные денежные накопления, сколоченные в годы войны; **3)** существенно сократить государственный долг и сбалансировать дефицит государственного бюджета; **4)** сократить наличную массу с **46 млрд до 14 млрд рублей**, что явно противоречило сложившемуся представлению о значительных денежных сбережениях, находящихся на руках у подавляющей части населения страны; **5)** в сопоставлении с конфискационными денежными реформами, проведенными чуть позже во многих европейских странах, условия сталинской денежной реформы были гораздо мягче и носили более щадящий характер.

Для всего западного мира проведение этой реформы стало полной неожиданностью, причем, неожиданностью крайне обидной, буржуазная система буквально была вбита в грязь по самые уши. Например, Великобритания, на территории которой военных действий вообще не велось и которая пострадала в этой войне неизмеримо меньше, чем СССР, еще в **начале 1950-х г.** не могла отменить карточную систему и в бывшей «мастерской мира» шли массовые забастовки шахтеров, которые требовали обеспечить им уровень жизни как у шахтеров СССР.

Следует сказать, что в последние годы, начиная со времен «горбачевской перестройки», в либеральной публицистике и литературе (**Г. Попов, Н. Шмелев, М. Геллер, А. Некрич, Е. Зубкова**) были вылиты целые ушаты грязи на **сталинскую политику снижения цен**, которая проводилась ежегодно в **1948–1952 гг.** Не в даваясь в существо этой дискуссии, отметим лишь тот факт, что к моменту смерти вождя средний уровень розничных цен на основные виды промышленных и продовольственных товаров был ниже уровня **1947 г.** примерно на **45%**, что при ежегодном росте средней заработной платы (с **640 до 800 рублей**) позволило довольно быстро и существенно поднять жизненный уровень основной массы населения страны.

Вслед за проведением денежной реформы по личному указанию **И.В. Сталина** Центральное статистическое управление СССР (**В.Н. Старовский**) пересчитало и валютный курс нового советского рубля, который с **1937 г.** был привязан к американскому доллару. Первоначально, ориентируясь на покупательную способность рубля и американского доллара в сравнение цен на основные товары, советские экономисты вывели цифру **14 рублей за 1 доллар**, вместо прежних **53 рублей**. Однако, по свидетельству глав Госплана и Минфина СССР **М.З. Сабурова** и **А.Г. Зверева**, **И.В. Сталин** сразу перечеркнул эту цифру, указанную в справке ЦСУ, и указал, что соотношение доллара к рублю должно быть установлено на уровне **1:4** и не больше. Установление золотого содержания рубля и отвязка его от американской валюты было вызвано тремя основными причинами: **1)** существенным снижением розничных цен, что значительно увеличило меновую стоимость нового советского рубля; **2)** созданием социалистического лагеря, что побудило советское руководство придать рублю международный стоимостной уровень и заменить американский доллар в качестве основной клиринговой расчетной единицы; **3)** крайне агрессивной политикой **Федеральной Резервной Системы США**, которая опираясь на **Бреттон-Вудские соглашения 1944 г.**, привела экономики многих зарубежных стран к фактической долларизации, к выходу

денежной массы из-под реального контроля национальных банковских структур и перехода их под полный контроль **ФРС**.

28 февраля 1950 г. вышло **Постановление Совета Министров СССР** о переводе советского рубля на золотой стандарт и отвязки его от американской валюты. В соответствии с этим **Постановлением** золотое содержание рубля было установлено на уровне в **0,222 грамма** чистого золота, а покупная цена **Госбанка СССР** за **1 грамм** чистого золота была зафиксирована на уровне **4,45 рубля**.

По данным **Экономического и Социального совета ООН, Европейской и Дальневосточной комиссий ООН**, опубликованных в **1952–1954 гг.**, мудрое решение **И.В. Сталина** относительно американской валюты и введение золотого стандарта рубля почти вдвое увеличило эффективность советского экспорта, причем, именно промышленного и наукоемкого, поскольку произошло реальное освобождение от долларовых цен стран-импортеров, всегда занижавших цены на советский экспорт. В свою очередь, это привело к росту производства в большинстве советских отраслей и Советский Союз получил прекрасную возможность избавиться от импорта многих западных технологий, которые ориентировались исключительно на доллар и ускорить собственное технологическое обновление. Сталинский план создания общего «недолларового рынка» и перевод на сталинский «золотой рубль» большей части торговли СССР со странами **Совета Экономической Взаимопомощи (СЭВ)**, а также с Китаем, Монголией, Северной Кореей, Вьетнамом и рядом развивающихся стран вел к формированию альтернативного финансово-экономического блока и общего рынка, который был свободен от американской валюты, а значит, и политического влияния самих США. В **апреле 1952 г. в Москве** прошло международное экономическое совещание с участием **49 государств мира**, на котором глава советской делегации, известный экономист **Д.Т. Шепилов** предложил в противовес **Генеральному соглашению о тарифах и торговле (ГАТТ)**, созданному под эгидой США еще в **1947 г.**, учредить альтернативный общий рынок товаров, услуг и капиталовложений. Эту идею активно поддержали не только страны **СЭВ**, но и представители Афганистана, Индии, Ирана, Индонезии, Йемена, Сирии, Эфиопии, Югославии и Уругвая, которые и стали соучредителями **Московского экономического форума**. Причем, что интересно, это предложение поддержали и ряд западных держав, в частности Швеция, Финляндия, Ирландия, Исландия и Австрия.

За время работы **Московского совещания** было подписано более **60** торговых, инвестиционных и научно-технических соглашений, в основу которых были положены следующие основные принципы: **1)** исключение долларовых расчетов; **2)** возможность бартера, в том числе для погашения долгов; **3)** согласование политического курса в международных экономических организациях и на мировом рынке; **4)** взаимный режим максимального благоприятствования в кредитах, инвестициях и научно-техническом сотрудничестве; **5)** таможенные и ценовые льготы для развивающихся государств или их отдельных товаров, и т.д.

Советская делегация предложила на первом этапе заключать двусторонние или многосторонние соглашения по таможенным, ценовым, кредитным и товарным вопросам. Затем планировали провести постепенную унификацию принципов внешнеэкономической политики и создать «общеблоковую» зону торговли. А на заключительном этапе планировалось создать межгосударственную расчетную валюту с обязательным золотым содержанием, что вело бы к завершению создания общего рынка.

Понятно, что финансово-экономическая интеграция неизбежно вела бы и к политической интеграции, и вокруг СССР объединились бы не только социалистические, но и все народно-демократические и бывшие колониальные (развивающиеся) державы. К большому сожалению, после смерти **И.В. Сталина**, советское политическое руководство и лидеры большинства стран **СЭВ** отошли от предложений почившего вождя, постепенно подпадая под власть доллара, а их элиты под власть «золотого тельца». О великом сталинском проекте постарались быстро забыть. Более того, ввиду социально-экономических и политических авантюр **Н.С. Хрущева**, пришлось сильно девальвировать и сталинский «золотой рубль», а в **конце 1970-х гг.** золотое содержание советского рубля де-факто было вообще ликвидировано. Со времен **Н.С. Хрущева** внешняя советская торговля с большинством стран мира стала осуществляться в американских долларах, а Советский Союз стал «донором» многих развивающихся стран и своеобразным сырьевым придатком западного мира, который он снабжал дешевым энергетическим и промышленным сырьем.

Тема: ПОЛИТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ СССР В 1945–1952 ГГ.

План:

1. Борьба за власть в 1945–1947 гг.
2. Борьба за власть в 1948–1952 гг.
3. XIX съезд ВКП(б) и его решения (1952 г.).

1. Борьба за власть в 1945–1947 гг.

К концу войны в состав **Политбюро ЦК ВКП(б)** входило девять полноправных членов — **И.В. Сталин, В.М. Молотов, К.Е. Ворошилов, Л.М. Каганович, М.И. Калинин, А.А. Жданов, А.А. Андреев, А.И. Микоян и Н.С. Хрущев** и четыре кандидата в члены — **Л.П. Берия, Г.М. Маленков, Н.А. Вознесенский и Н.М. Шверник**. Политический вес и влияние каждого из этих членов высшего политического руководства страны был далеко не одинаков и во многом определялся лично **И.В. Сталиным**, который после войны стал обладать непререкаемым авторитетом в партии и государстве.

В **сентябре 1945 г.** в связи с окончанием **Второй Мировой войны** в высших эшелонах власти произошла два знаменательных события: **1)** был упразднен высший внеконституционный орган страны — **Государственный Комитет Обороны**, обладавший колоссальными полномочиями в годы войны, которые были в значительной степени переданы **Совету Народных Комиссаров СССР** во главе со **И.В. Сталиным** и отчасти, большей частью чисто формально, **Президиуму Верховного Совета СССР**, который возглавлял **М.И. Калинин**; **2)** по решению **Политбюро ЦК** в рамках самого правительства были созданы два **Оперативных бюро СНК СССР** под председательством **В.М. Молотова** и **Л.П. Берия** и их заместителей **А.И. Микояна** и **Г.М. Маленкова**. Таким образом, внутри **Политбюро ЦК** сформировалась правящая «**пятерка**», которая стала играть ключевую роль в определении политического курса страны.

Однако уже в **начале октября 1945 г.** у **И.В. Сталина** произошел первый инсульт и он на два с половиной месяца выпал из активной государственной работы и вернулся в **Москву** только в **середине декабря 1945 г.**, где фактическое руководство страной осуществлял его первый заместитель по правительству **В.М. Молотов**. По сохранившимся письмам **И.В. Сталина**, адресованных «триумвирату» в составе **Л.П. Берия, Г.М. Маленкова** и **А.И. Микояна**, стало очевидным, что дряхлеющий вождь был крайне не доволен поведением **В.М. Молотова** в отношениях с бывшими союзниками и прямо обвинил его в том, что он «**не очень дорожит интересами государства и нашего правительства**» и своим поведением пытается «добиться популярности среди некоторых иностранных кругов». Более того, в одном из своих посланий **И.В. Сталин** дал прямо понять, что не верит «в добросовестность ряда близких к нему людей», т.е. его жены и старого партийного работника **П.С. Жемчужиной**, которая с момента создания **Еврейского антифашистского комитета** была его негласным куратором. Таким образом, впервые после окончания войны **И.В. Сталин** поставил под сомнение авторитет самого близкого и верного своего соратника, который в глазах всего советского народа рассматривался как **прямой его преемник и продолжатель дела вождя**.

В **конце 1945 г.** состоялось новое заседание **Политбюро**, на котором **И.В. Сталин** попытался восстановить прежний, еженедельный, порядок его заседаний, принятый еще при **В.И. Ленине** и сохранявшейся до войны. Однако, по мнению ряда историков (**Ю. Жуков**), это предложение фактически было отклонено, и вся полнота партийной и государственной власти сосредоточилась в руках так называемой **Комиссии Политбюро ЦК** или «шестерки» в составе **И.В. Сталина, В.М. Молотова, Л.П. Берия, Г.М. Маленкова, А.А. Жданова** и **А.И. Микояна**.

Уже в **марте 1946 г.** на организационном **Пленуме ЦК** были сделаны крупные перестановки в высшем партийном руководстве: 1) в виду тяжелой болезни из состава **Политбюро** был выведен **М.И. Калинин**, а его полномочиями членами стали **Л.П. Берия** и **Г.М. Маленков**; 2) кандидатами в члены **Политбюро** были избраны **Н.А. Булганин** и **А.Н. Косыгин**; 3) в состав **Секретариата ЦК** вошли **И.В. Сталин, А.А. Жданов, Г.М. Маленков, А.А. Кузнецов** и **Г.М. Попов**; 4) внутри аппарата **ЦК ВКП(б)** окончательно упразднились все отраслевые отделы и сохранялись только **Управление кадров (А.А. Кузнецов)** и **Управление агитации и пропаганды (А.А. Жданов)**, а так же два Отдела — **Организационно-инструкционный (Н.С. Патоличев)** и **По связям с зарубежными компартиями (М.А. Суслов)**; 5) руководство всей оперативной работой **Оргбюро** и **Секретариата ЦК** возлагалось на **А.А. Кузнецова**, который де-факто стал **вторым секретарем ЦК**.

После завершения работы **Пленума ЦК** состоялась первая сессия **Верховного Совета СССР II-го созыва**, на которой: 1) **Совет Народных Комиссаров СССР** был преобразован в **Совет Министров СССР**, председателем которого был назначен **И.В. Сталин**; 2) заместителями председателя **Совета Министров СССР** были назначены **В.М. Молотов, Л.П. Берия, К.Е. Ворошилов, Н.А. Вознесенский, А.И. Микоян, А.А. Андреев** и **А.Н. Косыгин**; 3) секретным постановлением было образовано единое **Бюро Совета Министров СССР** во главе с **Л.П. Берия** и его заместителями **Н.А. Вознесенским** и **А.Н. Косыгиным**; 4) председателем **Президиума Верховного Совета СССР** был назначен **Н.М. Шверник**, а многолетний всероссийский староста **М.И. Калинин**, занимавший пост главы советского государства почти **27 лет**, с почетом был отправлен в отставку и вскоре умер от рака желудка.

Все эти перестановки, по мнению ряда авторов (**Ю. Жуков**), говорили о том, что: 1) **Л.П. Берия** стал фактическим главой правительства; 2) **В.М. Молотов** утратил прежние позиции второго человека в партии и государстве; 3) **Г.М. Маленков**, потеряв ключевую должность начальника **Управления кадров ЦК**, перестал быть **вторым секретарем ЦК**; 4) **И.В. Сталин**, озабоченный проблемой своего преемника, сделал ставку на самого молодого члена высшего партийного руководства **А.А. Кузнецова**, который с поста Первого секретаря **Ленинградского горкома и обкома партии** был переведен в **Москву** на должность **секретаря ЦК**.

Тогда же, **весной 1946 г.**, стало активно раскручиваться так называемое «**Дело авиаторов**», невольными инициатором которого стал сын вождя генерал-майор авиации **В.И. Сталин** и известный авиаконструктор генерал-полковник авиации **А.С. Яковлев**, передавшие вождю письмо о плачевном состоянии военной авиации и крайне высокой аварийности новых самолетов. В результате этой «интриги» были арестованы главком **ВВС РККА** главный маршал авиации **А.А. Новиков**, главком **ВВС ДВО** маршал авиации **С.А. Худяков** и нарком авиационной промышленности генерал-полковник **А.И. Шахурин**.

Тень этих арестов тут же пала на секретаря **ЦК ВКП(б)** **Г.М. Маленкова**, который со времен войны курировал работу всей авиапромышленности страны, и главкома сухопутных войск, заместителя министра вооруженных сил СССР маршала **Г.К. Жукова**, на которого маршал авиации **А.А. Новиков** дал показания о подготовке им военного переворота. Одновременно были арестованы несколько десятков генералов и офицеров **Группы Советских войск в Германии**, в том числе близкие к **Г.К. Жукову** генерал-лейтенанты **К.Ф. Телегин** и **В.В. Крюков**, вполне правомерно обвиненные в нецелевой растрате армейских фондов и вывозе с оккупированных территорий огромного количества дорогой старинной мебели, картин, gobеленов, столового серебра и драгоценностей.

В начале июня 1946 г. состоялся разбор «дела Жукова» на заседании **Высшего Военного совета**, в котором приняли участие все члены **Политбюро** и высший генералитет страны. Обвинения против главкома сухопутных войск поддержали многие члены **Политбюро**, в том числе **В.М. Молотов**, **Г.М. Маленков** и **А.А. Жданов**. Однако ряд видных советских полководцев, в том числе маршалы **И.С. Конев**, **А.М. Василевский**, **К.К. Рокоссовский** и **П.С. Рыбалко**, отметив личные недостатки **Г.К. Жукова** и крупные ошибки в его работе, твердо заявили, что он является настоящим патриотом страны и не может быть организатором военного заговора.

Тем не менее, по итогам заседания, **Г.К. Жуков**, вполне правомерно обвиненный в потере скромности, моральном разложении и непомерных амбициях, был снят со своих постов и назначен командующим **Одесским военным округом**. Однако на этом злключения маршала не закончились. Вскоре **Министерство Госбезопасности СССР**, которое в мае 1946 г. возглавил его давний антагонист генерал-полковник **В.С. Абакумов**, стало расследовать новые дела, связанные с работой маршала в Германии. При этом, по мнению ряда историков (**Р. Пихоя**, **А. Исаев**), вся организационная работа по этим делам проводилась под непосредственным руководством нового секретаря ЦК, куратора **МГБ СССР** **А.А. Кузнецова** и председателя **Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б)** **М.Ф. Шкирятова**.

Ряд современных авторов (**А. Пыжиков**, **А. Данилов**) пытаются связать гонения на **Г.К. Жукова** с общей борьбой за власть и, в частности ударом по позициям

Г.М. Маленкова, который в годы войны был наиболее близок с опальным маршалом. Другие авторы (**А. Вдовин**, **Р. Пихоя**, **А. Безбородов**) полагают, что опала **Г.К. Жукова** была связана с горячим желанием вождя поставить на место зарвавшийся генералитет, который, пребывая в ареоле спасителей Отечества, мог составить реальную угрозу его единовластия. Наконец, третья группа авторов (**Ю. Жуков**) резонно полагает, что опала **Г.К. Жукова** носила вполне оправданный характер и имела своей целью воспитательное воздействие на слишком амбициозного маршала, который возомнил себя единственным спасителем Отечества и стал банальным барахольщиком, вывезя с территории Германии огромное количество дорогой мебели, ковров, картин, мехов, столового серебра и т.д.

В мае 1946 г. последовали новые перестановки, которые серьезно подорвали позиции **Л.П. Берия** и **Г.М. Маленкова** в верхних эшелонах власти: 1) в связи с «делом авиаторов» **Г.М. Маленков** был выведен из состава Секретариата ЦК; 2) вместо генерал-полковника **В.Н. Меркулова**, бывшего многолетним соратником и заместителем **Л.П. Берия** по НКВД СССР, новым министром государственной безопасности СССР был назначен его давний антагонист генерал-полковник **В.С. Абакумов**, возглавлявший знаменитый СМЕРШ, входивший до мая 1946 г. в состав Наркомата обороны (Министерства Вооруженных сил) СССР, главой которого был сам **И.В. Сталин**.

Однако уже в августе 1946 г. произошла новая перегруппировка сил в верхних эшелонах власти: 1) новым заместителем председателя Совета Министров СССР и членом его Бюро был утвержден глава Спецкомитета по ракетной технике **Г.М. Маленков**, который вновь укрепил свои позиции в ближайшем сталинском окружении; 2) руководство работой Оргбюро и Секретариата ЦК было возвращено **А.А. Жданову**, который вновь, как и до войны, стал вторым лицом в партии, и вместе со **И.В. Сталиным** стал подписывать совместные постановления СМ СССР и ЦК ВКП(б).

Кстати, последнее обстоятельство, на которое справедливо обратили внимание ряд современных авторов (**Ю. Жуков**), ставит под сомнение, утвердившееся в горбачевское и постсоветское время, представление большинства историков (**Р. Пихоя**, **Н. Кутузов**, **А. Вдовин**, **А. Пыжиков**, **А. Данилов**, **Г. Костырченко**) о существовании некой, какой-то особой, «ленинградской группировки» в составе **А.А. Жданова** — **Н.А. Вознесенского** — **А.А. Кузнецова** — **А.Н. Косыгина**, которая единым фронтом якобы противостояла группировке **Л.П. Берия** — **Г.М. Маленкова**.

В октябре 1946 г. решением Политбюро ЦК были существенно расширены права руководящей «шестерки», созданной в декабре 1945 г., и новым ее членом, которая стала официально именоваться «семеркой», стал председатель Госплана СССР **Н.А. Вознесенский**. Именно с этого момента фактически прекратились все официальные, протокольные заседания Политбюро ЦК, которые за последующие семь лет собирались только дважды — в декабре 1947 г. и в июле 1949 г. По мнению ряда историков (**Ю. Жуков**), руководящую роль в этой «семерке» заняли **Л.П. Берия**, **Н.А. Вознесенский**, фактически руководившие всей работой правительства, и **А.А. Жданов**, руководивший работой всего партийного аппарата.

Однако уже в феврале 1947 г. произошёл «дворцовый мини-переворот», авторами которого, вероятнее всего, стали аутсайдеры «семерки» **В.М. Молотов** и **Г.М. Маленков**. По мнению ряда историков (**Ю. Жуков**), именно их усилиями

было подготовлено совместное **Постановление СМ СССР и ЦК ВКП(б) «Об организации работы Совета Министров СССР»**, в соответствии с которым был кардинально изменен весь состав **Бюро СМ СССР**. Новым руководителем **Бюро** стал сам **И.В. Сталин**, его первым заместителем **В.М. Молотов**, а членами все заместители председателя **СМ СССР** и руководители восьми отраслевых бюро — **Л.П. Берия**, **Н.А. Вознесенский**, **Г.М. Маленков**, **А.И. Микоян**, **К.Е. Ворошилов**, **Л.М. Каганович**, **А.Н. Косыгин** и **М.З. Сабуров**. Таким образом, вновь произошло серьезное укрепление позиций **В.М. Молотова** и **Г.М. Маленкова** в верхних эшелонах власти.

Тогда же, в **феврале 1947 г.**, началась новая кампания против военной верхушки страны, связанная, вероятнее всего, с тем, что **И.В. Сталин**, готовя себе замену на посту министра вооруженных сил СССР, вновь решил поставить на место самых авторитетных полководцев прошедшей войны. Сначала жертвой этой кампании стал главком **ВМФ** адмирал флота **Н.Г. Кузнецов**, которого сняли с должности и, существенно понизив в звании до контр-адмирала, отправили в **Ленинград**, а затем вновь настал черед маршала **Г.К. Жукова**, которого на **февральском Пленуме** вывели из состава **ЦК ВКП(б)**. Тогда же было арестовано и все бывшее руководство **Приволжским Военным округом** — генерал-полковник **В.Н. Гордов**, генерал-лейтенант **Г.И. Кулик** и генерал-майор **Ф.Т. Рыбальченко**, которые через три года были расстреляны за измену Родине и антисоветскую агитацию и пропаганду. В исторической литературе последнего времени (**Р. Пихоя**, **Г. Коростыченко**) сложилась ярко выраженная тенденция представить всех репрессированных после войны генералов невинными жертвами сталинского террора, однако непредвзятый анализ архивных документов красноречиво говорит о том, что эти обиженные генералы не только вели крамольные беседы за столом, нецензурно оскорбляли **И.В. Сталина** и других членов высшего руководства страны, но и реально вынашивали планы военного переворота.

В **марте 1947 г.** новым заместителем председателя **Совета Министров СССР** и членом его **Бюро** стал генерал армии **Н.А. Булганин**, который одновременно сменил **И.В. Сталина** на посту министра вооруженных сил СССР. Кроме того, по мнению ряда историков (**Ю. Жуков**), есть все основания полагать, что одновременно **Н.А. Булганин** стал и членом «семерки», которая отныне стала именоваться «восьмеркой».

Тогда же, в **феврале – марте 1947 г.**, началось массированное наступление на позиции второго секретаря **ЦК А.А. Жданова**. Одни историки (**Р. Пихоя**, **А. Пыжиков**, **А. Данилов**) традиционно утверждают, что этой атакой на лидера «ленинградской группировки» руководили **Г.М. Маленков** и **Л.П. Берия**. Однако их оппоненты (**Ю. Жуков**) убеждены, что ею руководил **А.А. Кузнецов**, пытавшийся вернуть себе прежнее расположение вождя и поквитаться со своим бывшим шефом, отношения с которым серьезно испортились еще со времен героической ленинградской блокады.

Тем временем **И.В. Сталин**, знавший о серьезной болезни сердца своего старого партийного товарища и личного друга, понимал, что **А.А. Жданову** необходимо готовить адекватную замену в **ЦК**. Поэтому, вначале он санкционировал отстранение от руководства в центральном партийном аппарате всех его выдвиженцев — **Г.Ф. Александрова**, **Н.С. Патоличева**, **К.С. Кузакова** и **П.Н. Федосеева**, и в **сентябре 1947 г.** вновь возвысил **А.А. Кузнецова**, передав ему курирование **МГБ СССР** и введя его в состав руководящей «восьмерки», ставшей уже «девяткой». Одновременно

с этим прекратили свое существование и две **Комиссии ЦК ВКП(б)** по подготовке нового проекта **Конституции СССР** и новой **Программы партии**, председателем которых как раз и был **А.А. Жданов**. Кроме того, на неопределенное время было отложено и проведение **XIX съезда ВКП(б)**, который в нарушение партийного устава не собирался уже восемь лет.

2. Борьба за власть в 1948–1952 гг.

Новый пик борьбы за власть в узком руководстве страны пришелся на **февраль – март 1948 г.**, когда: **1)** министр вооруженных сил СССР маршал **Н.А. Булганин** стал полноправным членом **Политбюро ЦК**; **2)** министр иностранных дел СССР **В.М. Молотов** был вновь снят с должности первого заместителя председателя **Совета Министров СССР** и руководство **Бюро СМ СССР** было возложено на **Л.П. Берия**, **Г.М. Маленкова** и **Н.А. Вознесенского**; **3)** новым полноправным членом **Политбюро** стал **А.Н. Косыгин**, который одновременно (но краткосрочно) был назначен министром финансов СССР.

В **июле 1948 г.** решением **Политбюро** была проведена коренная реорганизация центрального партийного аппарата, начатая **И.В. Сталиным**, **В.М. Молотовым** и **А.А. Ждановым** еще в **марте 1939 г.**, когда сразу после окончания **XVIII съезда ВКП(б)** начался процесс отстранения партийных бюрократов от реальных рычагов власти и передача властных полномочий в руки правительства. Эта перестройка властной вертикали, завершенная в **марте 1946 г.**, теперь фактически была отменена. Решением **Политбюро** в аппарате **ЦК** вновь создавались отраслевые отделы, руководство которыми было возложено на секретарей **ЦК А.А. Жданова**, **М.А. Суслова** и **А.А. Кузнецова**, которые сохранили контроль над своими прежними отделами, а вот обновленный и ключевой **Отдел партийных органов ЦК** возглавил **Г.М. Маленков**, который вновь стал секретарем **ЦК**. Одновременно новым секретарем **ЦК** стал его протеже генерал-лейтенант **П.К. Пономаренко**, который в годы войны успешно возглавлял **Центральный Штаб партизанского движения**, а затем был председателем **Совета Министров Белорусской ССР**.

В **конце августа 1948 г.** после тяжелой и продолжительной болезни скончался **А.А. Жданов**, полномочия которого сразу перешли **Г.М. Маленкову**, ставшему де-факто **вторым секретарем ЦК** и значительно укрепившему свое положение в узком руководстве. Это обстоятельство вызвало новый виток борьбы внутри **Секретариата ЦК** за роль преемника **И.В. Сталина**. Традиционный взгляд на эту проблему, представленный в работах большинства современных авторов (**Р. Пихоя**, **Е. Зубкова**, **А. Пыжиков**, **А. Данилов**, **А. Вдовин**), состоит в том, что эта схватка была борьбой «**ленинградской**» и «**бериевско-маленковской**» группировок в верхних эшелонах власти. Однако их оппоненты (**Ю. Жуков**) более обосновано говорят о том, что эта борьба больше походила на личное соперничество **Г.М. Маленкова** и **А.А. Кузнецова**, который любыми средствами пытался вернуть себе прежнюю роль **второго секретаря ЦК**.

В конце концов, победу в этой острейшей борьбе одержал **Г.М. Маленков**, с подачи которого в **январе 1949 г.** **А.А. Кузнецов** был освобожден от должности секретаря **ЦК** и утвержден секретарем **Дальневосточного бюро ЦК ВКП(б)**. А уже в **феврале 1949 г.** вышло **Постановление Политбюро ЦК «Об антипартийных дей-**

ствиях члена ЦК ВКП(б) т. Кузнецова А.А., кандидатов в члены ЦК ВКП(б) тт. Родионова М.И. и Попкова П.С.». Предыстория появления этого Постановления была такова: еще в 1947 г. председатель Совета Министров РСФСР М.И. Родионов и первый секретарь Ленинградского горкома и обкома ВКП(б) П.С. Попков, опираясь на покровительство бывших ленинградских руководителей А.А. Кузнецова и Н.А. Вознесенского, в гораздо большей мере, чем это допускал сам И.В. Сталин, стали активно разыгрывать карту русского патриотизма. В частности, П.С. Попков предлагал создать внутри ВКП(б) отдельную РКП(б), объявить Ленинград столицей РСФСР и перевести туда Совет Министров РСФСР, а М.И. Родионов в своем письме на имя И.В. Сталина предлагал создать Бюро ЦК ВКП(б) по РСФСР. Эти предложения однозначно были расценены стареющим вождем как стремление обособить Ленинград и его парторганизацию от ЦК, и все указанные лица вскоре были сняты со своих постов.

В марте 1949 г. последовали новые потрясения в узком руководстве: 1) решением Политбюро со своих постов министров иностранных дел и внешней торговли СССР были отставлены В.М. Молотов и А.И. Микоян, места которых заняли А.Я. Вышинский и М.А. Меньшиков. 2) Н.А. Вознесенский за обман правительства, фальсификацию данных статистики и утерю особо секретных документов был выведен из состава Политбюро и снят с постов члена Бюро, заместителя председателя СМ СССР и председателя Госплана СССР и заменен ставленником Г.М. Маленкова М.З. Сабуровым.

По мнению большинства историков (Р. Пихоя, А. Вдовин), период с марта 1949 г. по июнь 1951 г. был отмечен: 1) усилением позиций Г.М. Маленкова и Л.П. Берии, которые в сентябре 1948 г. фактически возглавили преобразованный из прежнего Бюро Президиум Совета Министров СССР; 2) серьезным укреплением позиций Н.А. Булганина, который в апреле 1949 г., уступив свое место министра вооруженных сил СССР маршалу А.М. Василевскому, одновременно стал куратором практически всего военно-промышленного комплекса страны и силовых министерств, за исключением Первого Комитета, который остался во власти Л.П. Берия; 3) приближением к властному олимпу Н.С. Хрущева, который в декабре 1949 г. стараниями Г.М. Маленкова был отозван с должности Первого секретаря ЦК КП(б) Украины и избран одновременно Первым секретарем Московского городского и областного комитетов и секретарем ЦК ВКП(б).

Однако реальная обстановка в верхних эшелонах власти была не столь однозначной, как это представляется указанным авторам. В конце октября 1949 г. начался новый виток репрессий против так называемой «ленинградской группировки», в результате которого были арестовано более 200 человек, в том числе Н.А. Вознесенский, А.А. Кузнецов, П.С. Попков, Я.Ф. Капустин, М.И. Родионов, П.Г. Лазутин и другие «ленинградцы». Традиционная, но не вполне обоснованная, точка зрения (Р. Пихоя, А. Пыжиков, А. Данилов, А. Вдовин) состоит в том, что за этой расправой стояли Л.П. Берия и Г.М. Маленков. Однако ряд авторов (Ю. Жуков), опираясь на анализ архивных документов, полагают, что, вероятнее всего, инициатором этого громкого политического процесса стал секретарь ЦК М.А. Суслов, который рассчитывал серьезно укрепить свои позиции в высшем партийном руководстве. Как бы то ни было, но в октябре 1950 г. «ленинградское дело» завершилось осуждением большинства его фигурантов и расстрелом Н.А. Вознесенского, А.А. Кузнецова и других.

Уже достаточно давно в современной историографии (**Р. Пихоя, А. Вдовин, А. Пыжиков, А. Данилов, В. Попов**) утвердилось довольно умозрительное представление, что гибель «ленинградской группировки» была обусловлена отнюдь не тем, что их противники оказались более искусными и опытными политическими интриганами. В более широком плане проигрыш этой группировки означал крупное поражение того направления в руководстве страны, которое было ориентировано на решение острейших политических и экономических проблем, в частности резкого смещения приоритетов хозяйственного развития в сторону **отраслей группы «Б»**, подготовку новой **Конституции** и новой **Программы ВКП(б)**. Одновременно поражение «ленинградской группировки» стало победой того направления в политическом руководстве страны, которое было кровно связано с **ВПК** и делало ставку на его всемерное развитие как главный инструмент в сражениях на **фронтах «холодной», а затем реальной войны** и достижения мирового господства под знаменем социализма и коммунизма. Однако на взгляд других авторов (**Ю. Жуков, Ю. Емельянов**), эта чисто умозрительная конструкция не подтверждается анализом архивных документов и, вероятнее всего, члены «ленинградской группировки» стали жертвами собственных непомерных амбиций и неудачной игры в русский патриотизм, который грозил обернуться гибелью самой партии и всего советского государства. Более того, отнюдь не **Н.А. Вознесенский** и **А.А. Кузнецов**, а именно **Г.М. Маленков** был сторонником смягчения внутри — и — внешнеполитического курса страны, что со всей очевидностью проявилось и в его докладе на **XIX съезде ВКП(б)**, и сразу после смерти **И.В. Сталина**, когда он возглавил **Совет Министров СССР** и приступил к реализации собственной программы реформ. Кроме того, попытка многих авторов (**Р. Пихоя, А. Пыжиков, А. Данилов, Н. Кутузов**) создать на базе ленинградского землячества мифическую «ленинградскую группировку» трудно согласуется с тем, что один из самых видных выходцев из **Ленинграда**, член **Политбюро** и заместитель председателя **СМ СССР А.Н. Косыгин** сохранил свои позиции в верхнем эшелоне власти и не стал жертвой пресловутого «**Ленинградского дела**».

Между тем, надо прекрасно понимать и то, что само «**Ленинградское дело**» выросло из уже подзабытого «**Дела Госплана**», который после войны, по сути, превратился в альтернативный **Совет Министров СССР**. Когда **И.В. Сталин** узнал, что именно в **Госплане СССР** еще в годы войны была налажена целая сеть по продаже за рубеж особо важных документов, он дал указание создать **Комиссию** во главе с **Уполномоченным ЦК ВКП(б) по кадрам в Госплане СССР Е.Е. Андреевым** для проверки этой информации. В **конце августа 1949 г.** по результатам своей работы «**Комиссия Андреева**» направила на имя двух секретарей ЦК **Г.М. Маленкова** и **П.К. Пономаренко** записку «**О пропаже секретных документов в Госплане СССР**», в которой констатировала, что за последние пять лет (**1944—1948**) из **Госплана СССР** бесследно исчезло **236** секретных и совершенно секретных документов, в частности «**Инструкция по ведению секретной и совершенно секретной переписки работниками Госплана**» (№ 3132) и **Справки «О расчетах нефтеперевозок на 1945 г.»** (№ 128), «**О советско-иностранных предприятиях за границей**» (№ 675), «**О развитии добычи марганцевой руды**» (№ 2663), «**Отчетные данные о производстве свинца, кобальта и рафинированной меди**» (№ 3026), «**Об организации производства локационных станций**» (№ 4103), «**О дефицитах по важнейшим материальным балансам, в том числе: по**

цветным металлам, авиационному бензину и маслам» (№ 6505) и другие. Так что, все попытки наших доморожденных антисталинистов представить **Н.А. Вознесенского, А.А. Кузнецова и Ко** как яркий пример беспочвенной сталинской тирании просто не выдерживают критики.

В январе 1950 г. произошла частичная политическая реабилитация **В.М. Молотова** и **А.И. Микояна**, которые были вновь введены в Президиум СМ СССР и возглавили его отраслевые бюро. А в апреле 1950 г. руководящая «семерка» образовала Бюро Президиума Совета Министров СССР в составе **И.В. Сталина**, его первого заместителя **Н.А. Булганина** и его заместителей **Л.П. Берия, Г.М. Маленкова, Л.М. Кагановича, В.М. Молотова** и **А.И. Микояна**.

В феврале 1951 г. произошло важнейшее событие, которое коренным образом изменило всю конфигурацию власти в стране, поскольку решением узкого руководства: 1) поочередное председательствование на заседаниях Президиума и Бюро Президиума СМ СССР, рассмотрение и решение всех текущих вопросов было возложено на **Н.А. Булганина, Л.П. Берия** и **Г.М. Маленкова**; 2) все постановления и распоряжения СМ СССР, принятые этим «триумvirатом», издавать за подписью **И.В. Сталина**.

Последнее решение до сих пор остается трудно разрешимой загадкой для историков. В частности, ряд из них (**Ю. Жуков**) предположили, что речь может идти: 1) либо о добровольной передаче **И.В. Сталиным** своих огромных властных полномочий этому «триумvirату», 2) либо о реальном отстранении тяжелобольного **И.В. Сталина** от всех рычагов власти. В любом случае, как по документальным данным («Журнал посетителей кремлевского кабинета **И.В. Сталина**»), так и по свидетельствам ряда членов высшего советского руководства (**Н.С. Хрущев, К.Е. Ворошилов, Л.М. Каганович, А.И. Микоян, А.Н. Поскребышев**), за два года до своей смерти **И.В. Сталин** фактически отошел от всех дел. Он практически не появлялся на работе в Кремле и время от времени проводил неофициальные встречи с руководящим «триумvirатом» и другими членами Политбюро на своей Ближней кунцевской даче под Москвой.

Укрепление позиций «триумvirата» вскоре выразилось в падении лично преданного **И.В. Сталину** министра госбезопасности СССР генерал-полковника **В.С. Абакумова**, который в июле 1951 г. был арестован и заменен ближайшим соратником **Г.М. Маленкова** по аппарату ЦК С.Д. **Игнатьевым**. Одновременно с арестом **В.С. Абакумова** было принято Постановление Политбюро ЦК «О неблагоприятном положении в МГБ СССР» и началась стремительная раскрутка «Дела чекистов».

С этого момента борьба за власть приобрела новый аспект. По мнению одних авторов (**Р. Пихоя, А. Вдовин**), эта была борьба **И.В. Сталина** с **Л.П. Берия** и **Г.М. Маленковым** за возвращение себе реальных рычагов власти в стране. По мнению их оппонентов (**Ю. Жуков**), эта была борьба между сторонником жесткого курса — «ястребом» **Л.П. Берия** и сторонником более мягкого курса — «голубем» **Г.М. Маленковым**, и именно в этом контексте следует рассматривать знаменитое «Мингрельское дело» о коррупции в ЦК КП(б) Грузии, острие которого, вероятно всего, и было направлено как раз против **Л.П. Берия**, который, как известно, был мингрелом по национальности. Косвенным свидетельством этого обстоятельства стало и то обстоятельство, что чуть позднее, в апреле 1952 г., после отставки Пер-

вого секретаря ЦК КПГ К.Н. Чарквиани, его место занял давнишний антагонист Л.П. Берия А.И. Мгеладзе.

В апреле 1951 г. стараниями близкого к Г.М. Маленкову министра госбезопасности СССР С.Д. Игнатьева был снят с должности, а затем арестован многолетний (с 1930 г.) руководитель личной охраны И.В. Сталина генерал-лейтенант Н.С. Власик. А уже в июле Г.М. Маленков и его тогдашние соратники — секретарь ЦК Н.С. Хрущев и председатель Госплана СССР М.З. Сабуров сконцентрировали в своих руках всю подготовительную работу по созыву XIX съезда ВКП(б), который должен был узаконить его лидирующую роль в партии и государстве.

3. XIX съезд ВКП(б) и его решения (1952 г.)

В октябре 1952 г. состоялась работа XIX съезда, на котором с «Отчетным докладом ЦК» выступил не сильно постаревший вождь, а Г.М. Маленков, что окончательно убедило страну в том, кто станет реальным преемником И.В. Сталина в ближайшей исторической перспективе. Кроме того, на этом съезде: 1) по докладу М.З. Сабурова был принят Пятый пятилетний план развития народного хозяйства СССР на 1951–1955 гг., предполагавший почти равномерные темпы развитие отраслей группы «А» и «Б» на 13 % и 11 %, соответственно; 2) по докладу Н.С. Хрущева был принят новый партийный устав и изменено название самой партии, которая теперь стала называться КПСС — Коммунистическая партия Советского Союза. В последний день работы съезда состоялся организационный Пленум вновь избранного состава ЦК, на котором произошли кардинальные перемены в организации власти:

1) В соответствии с новым партийным уставом были ликвидированы Оргбюро и Политбюро ЦК и создан новый высший орган — Президиум ЦК.

2) В состав Президиума ЦК было избрано 25 членов и 11 кандидатов в члены. При этом наряду со старыми членами Политбюро, входившими в его состав еще в начале 1920-х гг., — И.В. Сталиным, В.М. Молотовым и К.Е. Ворошиловым, его членами стали вполне заурядные партийные и советские работники — Л.Г. Мельников, Л.И. Брежнев, Д.С. Коротченко, Н.А. Михайлов, А.Б. Аристов, В.В. Кузнецов, Н.Г. Игнатов и многие другие.

3) Внутри Президиума ЦК было создано не предусмотренное новым партийным уставом Бюро Президиума ЦК, в котором, по мнению ряда историков (Ю. Жуков, Ю. Емельянов), было узаконено новое узкое руководство страны — «девятка» в составе И.В. Сталина, Г.М. Маленкова, Л.П. Берия, Н.А. Булганина, Н.С. Хрущева, К.Е. Ворошилова, Л.М. Кагановича, М.Г. Первухина и М.З. Сабурова.

4) В состав нового Секретариата ЦК было избрано 10 членов, среди которых главную роль по-прежнему играли старые секретари ЦК — И.В. Сталин, Г.М. Маленков, Н.С. Хрущев, М.А. Суслов и П.К. Пономаренко.

На этом Пленуме ЦК с большой речью выступил И.В. Сталин, которая произвела на всех присутствовавших эффект разорвавшейся бомбы. Во-первых, ввиду своей старости и состояния здоровья он попросил членов ЦК о своей отставке со всех занимаемых им постов, что категорически было отвергнуто всеми участниками заседания. Во-вторых, он разразился беспрецедентно жесткой критикой в адрес старейших членов высшего партийного руководства — В.М. Молотова и А.И. Ми-

кояна, которые, будучи избранными в состав Президиума ЦК, впервые не вошли в состав руководящей «девятки» — Бюро Президиума ЦК.

Беспрецедентное расширение состава Президиума и Секретариата ЦК, произошедшее на этом Пленуме, до сих пор остается одной из самых трудноразрешимых загадок истории. Одни авторы (Р. Медведев, Д. Волкогонов) предполагают, что И.В. Сталин готовил новый грандиозный политический процесс над старыми членами Политбюро — В.М. Молотовым, А.И. Микояном, К.Е. Ворошиловым и, возможно, Л.П. Берия, и стремился, таким образом, закамуфлировать неизбежные перестановки в верхних эшелонах власти. Другие авторы (Р. Пихоя) утверждают, что обновленные высшие партийные органы должны были стать своеобразным инкубатором для выращивания новых руководящих кадров страны. Наконец, третьи авторы (Ю. Жуков) полагают, что большинство новых членов высшего партийного руководства, многих из которых И.В. Сталин просто не знал, были прямыми креатурами Г.М. Маленкова, который, как известно, возглавлял ключевой Отдел партийных органов ЦК и лично подбирал кандидатуры в состав новых Президиума и Секретариата ЦК.

В ноябре 1952 г. окончательно определилась ведущая роль Г.М. Маленкова и Л.П. Берия в верхних эшелонах власти. В случае отсутствия или болезни И.В. Сталина, именно Г.М. Маленков стал председательствующим на заседаниях Президиума и Секретариата ЦК, а Л.П. Берия — на заседаниях Президиума СМ СССР.

Тогда же, в ноябре 1952 г., зримые очертания стало приобретать «Дело врачей», когда был арестован начальник Лечебно-санитарного управления Кремля академик П.И. Егоров и известные профессора медицины В.Н. Виноградов, В.Х. Василенко, М.С. Вовси, Б.Б. Коган, А.И. Фельдман и другие. В отечественной историографии (Ж. Медведев, А. Вдовин, Р. Пихоя, Г. Костырченко) это дело традиционно связывают с общей антисемитской кампанией, развязанной И.В. Сталиным еще в 1948–1949 гг. Однако детальный анализ архивных документов дал основание ряду авторов (Ю. Жуков) утверждать, что у истоков этого дела стояли Г.М. Маленков и С.Д. Игнатьев, которые через частное «Дело врачей» пытались привязать к нему бывшее руководство МГБ СССР, в том числе генералов В.С. Абакумова и Н.С. Власика, очистить его от многочисленных ставленников Л.П. Берия и В.С. Абакумова и поставить спецслужбы страны под свой полный контроль. Однако Л.П. Берия, при помощи своего давнего соратника, генерал-лейтенанта С.А. Гоглидзе, которому вместо отставного начальника Следственного Управления МГБ генерала М.Д. Рюмина было поручено дальнейшее ведение этого дела, мастерски отвел этот удар от чекистов и превратил его исключительно в «Дело врачей-убийц», жертвами которых якобы стали кандидат в члены Политбюро и секретарь ЦК А.С. Щербаков (1945) и член Политбюро и секретарь ЦК А.А. Жданов (1948).

В феврале 1952 г. произошло совершенно невозможное прежде событие — с работы был снят многолетний (с 1935 г.) заведующий Особым сектором ЦК КПСС и личный секретарь И.В. Сталина генерал-лейтенант А.Н. Посребышев. Именно это обстоятельство и стало предвестником очень скорой развязки борьбы в верхних эшелонах власти.

Тема: ДУХОВНОЕ И КУЛЬТУРНОЕ РАЗВИТИЕ СССР В 1945–1953 ГГ.

План:

1. Восстановление системы образования и достижения советской науки.
2. Научные дискуссии и их роль в общественной жизни страны.
 - а) Дискуссии в сфере гуманитарных и общественных наук.
 - б) Дискуссии по вопросам биологии, кибернетики и физики.
 - в) Дискуссия по проблемам языкознания.
 - г) Дискуссия по проблемам политэкономии.
3. Дискуссии о патриотизме и космополитизме. Борьба с космополитизмом.
4. Развитие советской литературы и искусства.
 - а) Развитие советской литературы: достижения и противоречия.
 - б) Развитие театрального искусства и кинематографа.
 - в) Развитие советского музыкального искусства.
 - г) Развитие советского живописного искусства и архитектуры.

1. Восстановление системы образования и достижения советской науки

Сам **И. Сталин** и все советское политическое руководство в полной мере сознавало решающую роль образования, науки и культуры в осуществлении стоящих перед страной грандиозных исторических задач. Поэтому, несмотря на крайнюю степень напряжения государственного бюджета, были изысканы необходимые средства на их развитие. В частности, к концу четвертой пятилетки общая доля расходов на образование возросла более чем в два раза и к **1950 г.** составила **5,7 %** внутреннего валового продукта страны, почти в два раза больше чем в США.

Сразу после окончания войны была полностью восстановлена вся система всеобщего начального образования, а затем введено **всеобщее семилетнее образование** и создана новая система вечерних и заочных школ для работающей молодежи — **школы фабрично-заводского обучения, ремесленные, горнопромышленные и строительные училища и училища механизации сельского хозяйства**. За эти же годы были восстановлены все разрушенные в годы войны школьные здания и построено более **18,5 тысяч** новых школ. Причем, несмотря на то, что еще до войны **Постановлением Совета Народных Комиссаров СССР**, принятым в **октябре 1940 г.**, в стране была введена всеобщая, правда небольшая, плата за обучение для всех учащихся **8–10 классов** средних школ, а также техникумов, педучилищ и вузов, общее количество учащихся в старшей школе, средне-специальных и высших учебных заведениях существенно возросло.

По данным **ЦСУ СССР**, к **концу 1955 г.** системой обучения по всей стране было охвачено более **35,5 млн** человек, в том числе в общеобразовательных школах обучалось более **30,1 млн** человек, в училищах системы школ трудовых резервов — **1,4 млн человек**, в техникумах и средних специальных заведениях — более **2 млн человек** и в высших учебных заведениях также более **2 млн человек**. Кроме того, в сфере высшего образования было создано более **160** новых учебных институтов, которые ежегодно выпускали более **130 000** специалистов, столь необходимых

для восстановления народного хозяйства страны и развития национальной науки и культуры.

В эти же годы были созданы практически все республиканские Академии наук, и почти на треть увеличилось число крупных научно-исследовательских институтов. Именно в этот период были созданы **Институт атомной энергии (1943), Институт экспериментальной и теоретической физики (1945), Институт физической химии (1945), Институт точной механики и вычислительной техники (1947), Институт ядерных проблем (1949), Институт радиотехники и электроники (1953), Институт прикладной геофизики (1953)** и многие другие.

Причем, в послевоенные годы особый упор был сделан на ускоренном развитии тех отраслей научных знаний, которые имели прикладное и оборонное значение — **ядерная физика, физика полупроводников, биохимия, биофизика, радиационная биология** и т.д. Особое внимание руководство страны уделяло работам в области исследования атомной энергии, где крупнейшие открытия были сделаны многими советскими учеными, в том числе академиками **А.И. Иоффе, П.Л. Капицей, И.В. Курчатовым, А.И. Алихановым, И.К. Кикоиным, Г.Н. Флёрвым, Ю.Б. Харитоновым и Я.Б. Зельдовичем**. Результаты этих теоретических и экспериментальных работ не только позволили быстро осуществить **управляемую ядерную реакцию в атомном реакторе (1946)**, в кратчайшие сроки создать **атомную (1949) и водородную (1953) бомбы**, но и начать строительство первой в мире **Обнинской атомной станции (1949–1954)**.

В это же время академики **С.И. Вавилов, И.Е. Тамм, И. М. Франк и П.А. Черенков** внесли крупнейший вклад в изучение и теоретический анализ **явлений люминесценции**, за что позднее были удостоены **Нобелевской премии по физике**. Кроме того, крупнейшие советские физики продолжали вести успешные исследования в области **физики полупроводников (А.И. Иоффе), теоретической физики (Л.Д. Ландау, Е.М. Лифшиц, С.И. Алиханов), химической физики (Н.Н. Семенов)** и т.д.

В области математических наук крупные достижения были достигнуты в сфере создания первых **электронно-вычислительных машин** и **теории алгоритмов (М.В. Келдыш)**, разработки **аналитической теории чисел** и создания **метода тригонометрических сумм (И.М. Виноградов)**, **математической физике, вычислительной математике и функционального анализа (С.Л. Соболев)**, **теории функций, функционального анализа и алгебраической топологии (А.Н. Колмогоров, М.А. Лаврентьев)** и т.д.

Крупнейшие теоретические и прикладные открытия советских физиков и математиков дали мощный импульс развитию отечественной инженерной мысли, в том числе **прикладной механики и ракетостроения**, где огромную роль сыграли **С.П. Королев, В.П. Глушко, В.П. Мишин, Б.Е. Черток, М.К. Янгель, В.Н. Челомей** и многие другие выдающиеся ученые.

2. Научные дискуссии и их роль в общественной жизни страны

В послевоенный период были достигнуты крупные успехи и в других отраслях научных знаний, в частности в геологии, минералогии, медицине, химии, биологии, филологии, лингвистике и истории. Однако поступательное развитие этих наук зачастую сопровождалось разгромными кампаниями, которые нанесли им относительный вред. При этом вопреки утверждениям наших доморожденных антисталинистов (**А. Безбородов, Г. Костырченко, Е. Зубкова**), многие из этих дис-

куссий стали результатом **банальной вражды и клановой борьбы различных научных группировок**, а не были инспирированы лично **И.В. Сталиным** или его «сатрапами от идеологии». Более того, ряд этих дискуссий и кампаний, в частности «**философская**» и «**литературная**», напрямую были связаны с ожесточенной борьбой за власть, и имели опосредованное отношение к политике партии в области науки и культуры.

а) Дискуссии в сфере гуманитарных и общественных наук

В январе — июне 1947 г. были проведены две известных дискуссии по книге начальника Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) академика **Г.Ф. Александрова** «**История западноевропейской философии**» (1946), которая всего год назад была удостоена Сталинской премии. С самого начала было ясно, что эта «**философская дискуссия**» была гораздо больше связана с борьбой за власть и желанием убрать из аппарата ЦК одного из видных выдвинутцев **А.А. Жданова**, однако, косвенно она имела далеко идущие последствия для всех общественных наук. В частности, эта работа была подвергнута довольно жесткой, но вполне справедливой и обоснованной критике за идеалистический объективизм, терпимость к буржуазному идеализму и декадентству, а так же за отсутствие «полемиического задора» в критике философских буржуазных доктрин и «беззубом вегетарианстве», не способном вести беспощадную борьбу с буржуазным объективизмом. Естественно, что после такой разгромной критики **Г.Ф. Александров** был сразу отстранен от работы в ЦК ВКП(б), но неожиданно для всех, однако, отнюдь не для посвященных, назначен директором Института философии АН СССР, чтошний раз доказывало **чисто политический аспект этой громкой дискуссии**.

Затем, в мае 1947 г., состоялась новая дискуссия, но уже по книге известного советского экономиста академика **Е.С. Варги** «**Изменения в экономике капитализма в итоге Второй мировой войны**» (1946), где особой критике подверглись положения двух ее глав — «**Возросшая роль государства в экономике капиталистических стран**» и «**Регулирование хозяйства и бесплановость в капиталистических странах во время войны**». Как «крупная научная и политическая ошибка» маститого ученого были расценены его откровенно «немарксистские выводы» о возможности существования «организованного капитализма», о дальнейшем поступательном прогрессе его производительных сил, об ослаблении классовых противоречий и способности многих буржуазных государств к собственному реформированию, призванному сгладить самые вопиющие социальные антагонизмы буржуазного общества, и т.д.

Причем, особенно уничижительной критике академик **Е.С. Варга** был подвергнут членом Политбюро ЦК и председателем Госплана СССР академиком **Н.А. Вознесенским**, который всего год назад, опираясь именно на эту работу опального академика, выступал за корректировку экономического курса страны при разработке плана четвертой пятилетки и в работе над новой партийной программой. Результатом этой дискуссии стало решение о закрытии Института мирового хозяйства и мировой политики, который академик **Е.С. Варга** возглавлял с 1927 г., и наложен запрет на публикацию его новых работ.

Аналогичным критическим нападкам подверглись и труды известного советского историка академика **Е.В. Тарле**, которые еще до войны и в годы войны опубликовал целый ряд блестящих научных работ — «**Наполеон**» (1936), «**Нашествие Наполеона на Россию**» (1937), «**Талейран**» (1939), «**Адмирал Ушаков на Средиземном**

море» (1943), «Нахимов» (1944) и ряд других. Ретивые партийные функционеры и их верные «шакалы от науки» всячески поносили маститого ученого за целый ряд методологических ошибок, в частности идеалистический субъективизм, подмену классового анализа исторических фактов ревизионистскими установками об особых национально-государственных интересах России и т.д. Особенно резкой и даже вульгарной критике академик **Е.В. Тарле** был подвергнут за ошибочное положение о справедливом характере **Крымской войны**, за оправдание войн **Екатерины II** и ее стремления вернуть Россию к ее естественным историческим границам, за неверную трактовку **Заграничного похода** русской армии в годы наполеоновских войн, за попытку отрицать жандармскую роль царской России при **Николае I**, за желание создать из ряда царских генералов, в частности **М.Д. Скобелева**, **М.И. Драгомирова** и **А.А. Брусилова**, героев русского народа и т.д.

Однако в те же годы, но с иных идейных позиций были раскритикованы и работы многих других советских историков, в частности академиков **Р.Ю. Виппера**, **К.А. Косминского**, **А.С. Ерусалимского** и **И.И. Минца**, которых, напротив, обвиняли в умаление идей патриотизма и принижении роли русского народа в истории всего человечества и т.д.

По оценкам ряда современных авторов либерального толка (**М. Зенина**, **А. Данилов**, **А. Пыжиков**, **А. Безбородов**), дискуссии на гуманитарном фронте стали предвестниками ужесточения идеологического контроля и в других областях научных знаний, а также тщетности надежд на расширение научных контактов с зарубежными коллегами, свободы научных дискуссий и мнений, общей послевоенной либерализации и т.д. Однако подобного рода оценки во многом продиктованы исключительно конъюнктурой и не учитывают общего контекста нового витка идеологической борьбы на идейно-политическом фронте, который резко обострился с началом «холодной войны» и возрождением идей мондиализма в головах многих западных политиков и идеологов космополитизма.

б) Дискуссии по вопросам биологии, кибернетики и физики

В послевоенные годы очень непростая ситуация сложилась в биологической науке, где в смертельной схватке вновь схватились две непримиримых группировки — академика **Т.Д. Лысенко** («мичуринцы») и академика **И.И. Шмальгаузена** («вейсманисты»). Хорошо известно, что незадолго до войны группировка академика **Т.Д. Лысенко**, который в 1938 г. занял должность президента **ВАСХНИЛ**, при активной поддержке **И.В. Сталина** получила де-факто монопольное положение в агробиологии, что в итоге привело к фактическому отстранению от работы многих его оппонентов, в том числе крупных советских генетиков, физиологов, морфологов и почвоведов **С.И. Алиханова**, **Б.М. Завадовского**, **П.Н. Константинова**, **А.А. Любищева**, **П.И. Лисицына** и ряда других ученых. По личному указанию **И.В. Сталина**, который упорно искал различные способы решения зерновой проблемы в стране, академик **Т.Д. Лысенко** долгие годы проводил разнообразные опыты по селекции ветвистой пшеницы и всячески убеждал вождя, что в ближайшей перспективе его научные открытия совершат настоящую революцию в мировой селекции. **И.В. Сталин** не только уверовал в особую гениальность «народного академика», который в годы войны де-факто накормил своим гибридным картофелем и просо полстраны, но и дал отмашку на окончательный разгром всех его научных оппонентов.

Дело в том, что еще **марте 1947 г.** на **Второй генетической конференции МГУ**, в которой приняли участие академик **Н.В. Цицин**, профессора **Н.П. Дубинин**, **А.Р. Жербаков**, **Я.Л. Глембоцкий**, **М.С. Навашин** и ряд других противников «мичуринского» направления в биологической науке, академик **Д.Т. Лысенко** и его сторонники были подвергнуты уничижительной критике. В ответ на этот шабаш влиятельные покровители президента **ВАСХНИЛ**, в частности министр земледелия СССР **И.А. Бенедиктов**, министр зерновых и животноводческих совхозов СССР **П.П. Лобанов** и министр животноводства СССР **А.И. Козлов** обратились в **ЦК ВКП(б)** с письмом на имя трех секретарей **ЦК** — **А.А. Жданова**, **А.А. Кузнецова** и **Г.М. Попова**, в котором обрушились с ответной критикой на оппонентов **Д.Т. Лысенко**. Однако в личном аппарате **А.А. Жданова** его противники совершенно неожиданно получили мощную поддержку. Более того, в **апреле 1948 г.** его сын, **Ю.А. Жданов**, только что назначенный новым начальником **Отдела науки Управления пропаганды ЦК ВКП(б)**, на семинаре лекторов крайкомов и обкомов партии в своем докладе «**Спорные вопросы современного дарвинизма**» поддержал советских генетиков.

В этой ситуации академик **Д.Т. Лысенко** срочно написал письмо на имя **И.В. Сталина** и **А.А. Жданова**, в котором указал, что ему «стало очень тяжело работать» и буквально «опустились руки» из-за постоянных голословных обвинений сторонников «метафизического направления в биологии», которых всячески поддерживают ряд лиц из аппарата **ЦК**. В **конце июля 1948 г.** **Д.Т. Лысенко** был принят **И.В. Сталиным**, сначала только в присутствии **Г.М. Маленкова**, а затем и других членов **Политбюро ЦК** — **Л.П. Берия**, **Н.А. Вознесенского**, **А.И. Микояна**, **Н.А. Булганина** и **Л.М. Кагановича**. Результат этой встречи доподлинно неизвестен, но буквально через пару дней была созвана знаменитая **августовская сессия ВАСХНИЛ**, на которой с докладами выступили член **Политбюро**, секретарь **ЦК** **Г.М. Маленков** и сам академик **Д.Т. Лысенко**, которые жестко заклеямили **хромосомную теорию наследственности** и саму генетику как враждебную и буржуазную лженауку, основанную на пресловутом **вейсманизме-морганизме-менделизме**, не имевшим никакой методологической основы.

По итогам этой сессии, в **середине августа 1948 г.** было принято **Постановление ЦК ВКП(б) «О мерах укрепления биологических учреждений Академии Наук СССР»**, в котором **ЦК ВКП(б)** прямо «отметил неудовлетворительное руководство со стороны Президиума Академии Наук биологическими учреждениями академии» и указал, что в «целом ряде биологических институтов и лабораторий Академии Наук СССР при поддержке **Бюро отделения биологических наук** третиновалось передовое мичуринское направление в биологии и поддерживались метафизические концепции последователей реакционных теорий **Вейсмана**, **Менделя** и **Моргана**». Естественно это **Постановление** дало старт аналогичной кампании и в других отраслях биологической науки, где жертвами «гонений» стали многие видные ученые, в том числе академики **Л.А. Орбели**, **А.Д. Сперанский**, **П.К. Анохин**, **И.С. Бериташвили** и другие, которые лишились своих руководящих постов в академических институтах и возможности работать по специальности.

Надо сказать, что после смерти **И.В. Сталина** и печально знаменитого «**Письма трехсот**», направленного в адрес **ЦК КПСС** в **октябре 1955 г.**, а особенно в период «горбачевской перестройки» и «ельцинского лихолетья» стараниями таких «историков науки», как провокатор **С.Э. Шноль** («Герои, злодеи, конформисты россий-

ской науки» 2001) и сказочники В.Д. Есаков и Е.С. Левина («Сталинские «суды чести»» 2005), в широкое общественное мнение была вполне сознательно вбита абсолютно ложная матрица, что, дескать, сам **Т.Д. Лысенко** и все «мичуринцы» были отпетыми ретроgrадами и палачами, погубившими цвет советской биологической науки и уничтожившими всю советскую генетику. Но на самом деле ни **Д.Т. Лысенко**, ни «мичуринцы» отнюдь не отрицали самих законов генетики, а лишь выступали против их абсолютизации и утверждали, что **1)** условия жизни растений и животных влияют на их наследственность, **2)** изменения жизненных условий животных и растений могут вызывать вполне определенные изменения в их наследственности, **3)** путем сознательного изменения этих условий, то есть «воспитания» растений и животных можно получать направленные изменения их наследуемых признаков, **4)** ряд приобретенных признаков наследуются, а значит, вполне возможна внехромосомная передача наследственных признаков и т.д. Все эти положения учения **Т.Д. Лысенко** были детально обоснованы, как конкретными экспериментальными данными его личной многолетней практики и работой других известных селекционеров, так и теоретическими аргументами, взятыми из работ выдающихся русских ученых, в том числе **К.А. Тимирязева**.

Естественно, что основные положения «мичуринской биологии» находились в существенном противоречии с теориями **А. Вейсмана**, **Т. Моргана** и их наследников. Причем, эти расхождения носили не просто научный, а методологический и мировоззренческий характер, поэтому совершенно неслучайно многие «вейсманисты» были сторонниками печально знаменитой «евгеники» — англосаксонской расовой теории **Ф. Гальтона**, основанной на открытиях его кузена **Ч. Дарвина**, взятой затем на вооружение германскими и европейскими нацистами.

Следует сказать, что в последнее время в либеральных научных кругах стали также утверждать, что в сталинский период аналогичной реакционной лженаукой была объявлена и **кибернетика**, становление и развитие которой было связано с работой известного американского философа и математика **Н. Винера**, который был автором знаменитой работы «**Кибернетика, или управление и связь в животном и машине**» (1948). Якобы советские партийные пропагандисты по прямой указке вождя стали всячески отрицать наличие общих законов получения, хранения, передачи и переработки информации и утверждать, что эта лженаука была создана коварными империалистами с целью разжигания пожара новой мировой войны и дезинформации мирового общественного мнения. Между тем, хорошо известно, что **И.В. Сталин** был энциклопедически образованным человеком и в отличие от нынешних полуграмотных либералов, изучал труды великого **Платона** и изначально всю систему управления страной строил как кибернетическую, поэтому говорить о том, что он преследовал эту научную дисциплину просто абсурд.

Именно при нем в СССР была создана эта новая мощная отрасль советской науки и построены десятки научно-исследовательских институтов и заводов, производящих кибернетические устройства, созданы целые научные школы, подготовлены новые научные и инженерные кадры, написаны учебники, а во многих вузах страны стали готовить специалистов по кибернетике. В частности, уже в 1948 г. под началом доктора физико-математических наук **С.А. Лебедева** в **Киеве** начинаются работы по созданию первой **Малой электронной счетной машины (МЭСМ)**. Затем, в 1949 г., на базе **Московского завода счетно-аналитических машин имени**

В.Д. Калмыкова были созданы Научно-исследовательский институт электронных математических машин (СКБ-245) и Научно-исследовательский институт «Счетмаш», а в Алма-Ате открыты две лаборатории машинной и вычислительной математики. В 1950 г. сотрудники Энергетического института им. Г.М. Крижижановского доктор и кандидат технических наук И.С. Брук и Б.И. Рамеев получили авторское свидетельство на ЭВМ с общей шиной, и уже через год создали уникальные советские ЭВМ «Стрела» и «Урал», в которых впервые в мире вместо электронных ламп установили полупроводниковые (купроксные) диоды, и т.д. Можно не сомневаться, что в реальности делалось гораздо больше, просто многие работы были засекречены, а затем преданы забвению во времена Н.С. Хрущева, однако, даже по этим фрагментарным сведениям можно вполне уяснить, что именно при И.В. Сталине был запущен единый мощный кибернетический проект, охвативший десятки научных учреждений и заводов страны.

В конце 1948 г. началась подготовка Всесоюзного совещания физиков для исправления допущенных ошибок в учебной физической литературе, в частности отрыве физики от основ диалектики и чрезмерного преклонения перед именами выдающихся зарубежных ученых в ущерб не менее выдающихся русских физиков. Более того, особо ретивыми партийными функционерами ставилась прямая задача полностью разгромить в советской физике «эйнштейнизм», поскольку именно тогда А. Эйнштейн стал одним из наиболее ярких проводников идей мондиализма и создания мирового правительства. Эта откровенно антисоветская позиция А. Эйнштейна нашла достойную отповедь в письме крупнейших советских физиков — академиков С.И. Вавилова, Н.Н. Семенова, А.Ф. Иоффе и А.А. Фрумкина, а также в статье «О беззаботности в политике и упорстве в заблуждениях», которая была опубликована в ноябре 1948 г. в журнале «Новое время».

Тем не менее, подготовка к совещанию активно продолжалось, и накануне его созыва был издан специальный сборник статей «Против идеализма в современной физике», в котором резкой критике были подвергнуты многие крупные ученые, в том числе академики Л.Д. Ландау, И.Е. Тамм, Ю.Б. Харитон, Я.Б. Зельдович, В.Л. Гинзбург, А.Ф. Иоффе и другие. К счастью, вся пагубность назначенного на март 1949 г. Всесоюзного совещания физиков была вскоре осознана и в Комитете по атомной проблеме, и по настоянию Л.П. Берия и И.В. Курчатова весь этот шабаш, грозивший непоправимыми последствиями для решения атомной проблемы, был сразу отменен.

в) Дискуссия по проблемам языкознания

В 1950 г. И. Сталин принял личное участие в известной дискуссии по проблемам языкознания. Именно к этому времени известное учение академика Н.Я. Марра, созданное им еще в конце 1920-х гг. и ставшее единственно верным марксистским учением в языкознании, явно обнаружило несостоятельность самих своих основ. Вопреки традиционным лингвистическим представлениям о постепенном распаде единого праязыка на отдельные, но генетически родственные языки, новое учение утверждало прямо противоположное, а именно то, что все языки возникали независимо друг от друга. Академик Н.Я. Марр полагал, что первичная звуковая речь состояла всего из четырех основных элементов — так называемых «диффузных выкриков», которые возникли в процессе эволюции трудового процесса. Затем эти примитивные языки претерпели процессы скрещивания, в результате которых два

родственных языка превращались в третий, который в равной степени являлся потомком обеих языков, и т.д.

В момент своего возникновения теория **Н.Я. Марра** была очень созвучна тогдашним представлениям о близкой мировой пролетарской революции и идее создания единого мирового языка. Подобно тому «как человечество от кустарных разобщенных хозяйств и форм собственности идет к одному общему мировому хозяйству, так и язык от первоначального многообразия гигантскими шагами продвигается к единому мировому языку» — так предельно лапидарно сформулировал сам **Н.Я. Марр** основной тезис своей теории языкознания.

Однако к началу 1950-х гг. на волне борьбы с космополитизмом это учение приобрело явно антисоветский и даже русофобский характер. Более того, опираясь на только что опубликованную сталинскую статью «**Ленинизм и национальный вопрос**», написанную им еще в 1920-х гг., ряд особо ретивых теоретиков от лингвистики стали срочно ваять новые теории в языкознании. Например, известный литературный флюгер **Д.И. Заславский** в одной из своих статей договорился до того, что подобно тому, как «латынь была языком античного мира и раннего средневековья, французский язык — языком господствующих классов феодальной эпохи, а английский язык — мировым языком эпохи капитализма, так и русский язык станет мировым языком эпохи социализма».

Вскоре дискуссия в языкознании приобрела ярко выраженный политический аспект, в который оказались втянуты не только видные советские лингвисты и филологи, в том числе академики **В.В. Виноградов**, **А.А. Реформатский** и **А.С. Чикобава**, но и ряд крупных партийных работников, в частности второй секретарь ЦК **Г.М. Маленков** и Первый секретарь ЦК КП(б) Грузии **К.Н. Чарквиани**. Точку в этом затянувшемся споре поставил лично **И.В. Сталин**, который летом 1950 г. опубликовал свою известную брошюру «**Марксизм и вопросы языкознания**». Основным пафосом этой новой теоретической работы вождя стало полное отрицание им основных положений лингвистической теории **Н.Я. Марра**. В частности, его положений о классовом и надстроечном характере языка, стадильности его развития и другие «научные» открытия были прямо названы «антимарксистскими» и преданы ostracism. Кроме того, **И.В. Сталин** полностью отверг идеи трансформации русского языка в мировой язык и подчеркнул его особую значимость как одного из крупнейших зональных языков, который станет мощнейшим средством межнационального общения всех народов социалистического лагеря.

г) Дискуссия по проблемам политэкономии

В мае 1950 г. по личному указанию **И.В. Сталина** Политбюро ЦК ВКП(б) принято решение о написании нового учебника по политэкономии, который было поручено создать группе известных ученых-экономистов во главе с **К.В. Островитяновым**, **Л.А. Леонтьевым** и **Д.Т. Шепиловым**. Через год макет этого учебника был представлен в Политбюро и одновременно разослан для обсуждения в различные научные, партийные и хозяйственные структуры, после чего в ноябре 1951 г. была созвана Всесоюзная экономическая конференция, работу которой возглавил **Г.М. Маленков**. В рамках работы этой конференции прошло более двадцати пленарных заседаний, в которых приняло участие 240 ученых, в том числе такие крупные экономисты, как **И.А. Анчишкин**, **Е.С. Варга**, **В.С. Немчинов**, **А.Н. Ноткин**, **А.М. Румянцев** и другие.

На основе материалов этой дискуссии авторы учебника подготовили и послали **И.В. Сталину** предложения по улучшению макета, устранению ошибок и неточностей, справку о спорных вопросах и т.д. В начале февраля 1952 г. **И.В. Сталин** откликнулся на прошедшую дискуссию и присланные материалы своей теоретической работой **«Замечания по экономическим вопросам, связанные с ноябрьской дискуссией 1951 г.»**. Высказав ряд собственных замечаний по содержанию нового учебника, он не согласился с разностной критикой его макета, считая, что «проект этого учебника стоит на целую голову выше всех существующих учебников». Решением **Политбюро** его авторам был предоставлен еще один год для доработки этого учебника, а свою собственную роль в его подготовке **И.В. Сталин** свел к написанию замечаний к новому проекту и ответов на вопросы ряда экономистов. Именно тогда в центральной советской печати были опубликованы его письма **«Ответ товарищу Ноткину Александру Ильичу»**, **«Об ошибках товарища Ярошенко Л.Д.»** и **«Ответ товарищам Саниной А.В. и Венжеру В.Г.»**. Позднее, в начале 1952 г. содержание этих писем вошло в его книгу **«Экономические проблемы социализма в СССР»**, ставшую последней теоретической работой **И.В. Сталина**.

В этом теоретическом труде вождя фактически полностью отвергалась рыночная экономика, обосновывались дальнейшее огосударствление всех экономических укладов в стране, приоритетное развитие отраслей тяжелой промышленности, превращение кооперативно-колхозной собственности в государственную и сокращение сферы товарного обращения. Кроме того, эта работа содержала ряд важных политических положений, в том числе о неизбежности войн при капитализме и уничтожения империализма как главного носителя угрозы новой мировой войны. Существенно была переоценена и степень внутренних противоречий капиталистической системы и отвергнута ее способность к эффективной регуляции острейших социальных, финансовых и производственных конфликтов и проблем. **И.В. Сталин** так же объявил явно устаревшими или несостоятельными ряд положений классиков марксизма-ленинизма. Например, неверным было названо известное положение **Ф. Энгельса** о том, что именно ликвидация товарного производства должна стать первым условием социалистической революции. Сам **И.В. Сталин** утверждал, что законы товарного производства действуют и при социализме, однако их действие носит ограниченный характер. Устаревшим был объявлен и ленинский тезис об ускоренном росте капитализма в эпоху империализма и заявлено, что в современных исторических условиях рост производства в буржуазных странах будет происходить на суженной экономической базе, поскольку объем производства в них будет неуклонно сокращаться и т.д.

Однако самым значимым выводом последней теоретической работы вождя стало положение о **возможности построения коммунизма в СССР даже в условиях капиталистического окружения**. Для решения этой исторической задачи требовалось выполнить три обязательных условия. 1) обеспечить не только рациональную организацию производительных сил, но и непрерывный рост всего общественного производства с приоритетным развитием производства средств производства, что даст возможность осуществить расширенное воспроизводство всего народного хозяйства страны; 2) путем постепенных переходов поднять колхозную собственность до уровня общенародной, а товарное обращение постепенно заменить системой прямого продуктообмена и охватить им всю продукцию общественного производ-

ства и, наконец, **3)** добиться существенно большего культурного роста советского общества, который смог бы обеспечить всем его членам всестороннее развитие их физических и умственных способностей.

Понятно, что эта последняя работа вождя сразу стала предметом безудержного восхваления на страницах всех печатных изданий, в работах многих ученых и на **XIX съезде ВКП(б)**. Однако по свидетельству многих очевидцев, ряд членов **Политбюро ЦК**, в частности **В.М. Молотов** и **А.И. Микоян**, довольно критически восприняли некоторые положения этой работы, а именно сталинский тезис о скорой ликвидации товарных отношений и перехода к прямому продуктообмену. Столь же критические оценки основных положений этой последней работы вождя были даны и значительно позже, причем, не только в либеральной, но и патриотической литературе, в частности известными экономистами **Л.И. Абалкиным** и **В.Ю. Катасоновым**.

3. Дискуссии о патриотизме и космополитизме. Борьба с космополитизмом

Первое теоретическое осмысление феномена космополитизма в сравнении с патриотизмом и национализмом было предложено известным партийным теоретиком, бывшим членом **ИККИ** и тогдашним главой **Карело-Финской ССР О.В. Куусиненом** в его статье «О патриотизме», которая была опубликована в **январе 1945 г.** в журнале «**Новое время**». Отметив массовый всплеск патриотических движений в различных странах мира в годы войны, он заявил, что в прошлом патриотизм сторонников коммунистической доктрины сознательно искажался врагами рабочего класса, поскольку сам этот тезис отвечал интересам буржуазных националистов всех мастей. Однако классовые интересы рабочего класса и трудового крестьянства отнюдь не противоречат самим идеям настоящего патриотизма и не имеют ничего общего ни с буржуазным национализмом, ни с буржуазным космополитизмом, которые исповедуют безразличное отношение к интересам своего Отечества. Космополитизм — это сугубо буржуазная идеология, совершенно чуждая трудящимся классам, характерная исключительно для представителей международных банкирских домов и международных картелей, для крупнейших биржевых дельцов и спекулянтов, живущих по принципу «где хорошо, там и отечество».

Новыми попытками подвести теоретическую базу под идеологию космополитизма стали статьи молодого, но быстро набирающего аппаратный вес партийного идеолога новой волны, первого заместителя начальника **Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) Д.Т. Шепилова** — «О советском патриотизме» (1947) и директора **Института философии АН СССР академика Г.Ф. Александрова** — «Космополитизм — идеология империалистической буржуазии» (1948), которые были опубликованы в «**Правде**» и академическом журнале «**Вопросы философии**». В этих статьях было прямо указано, что идеология космополитизма является самой реакционной буржуазной идеологией, проповедующей отказ от всех национальных традиций, национального достоинства и национальной гордости. Эта идеология насквозь пропитана идеями нигилизма и является главным оружием буржуазии всех стран в борьбе с национально-освободительным и революционным движением рабочего класса и трудового крестьянства во всем мире. Поэтому борьба

с космополитизмом является не просто борьбой идеологий, она носит характер классовой борьбы с реакционной буржуазией и ее платными агентами внутри страны и за рубежом.

По справедливому мнению многих современных авторов (**А. Вдовин, А. Барсенков, В. Кожин**), особая политическая актуальность борьбы против идеологии космополитизма выявлялась по мере появления в западном мире различных проектов объединения народов и государств в региональном и мировом масштабе. Эту идею еще в годы войны стал активно пропагандировать тогдашний британский премьер-министр **У. Черчилль**, который всячески поддерживал лозунг **создания Соединенных Штатов Европы под эгидой США**, британский министр иностранных дел **Э. Бевин**, который сразу после войны высказал идею создания **Мировой ассамблеи народов с едиными мировыми законами, мировым судом и международной полицией**, и многие другие. К хору этих **мондиалистов** примкнули и многие американские ученые и бизнесмены. В частности, в **сентябре 1947 г.** известный физик **А. Эйнштейн** в открытом письме на имя глав делегаций стран-участниц **ООН** предложил реорганизовать **Генеральную Ассамблею ООН в постоянно работающий мировой парламент**, обладающий правом издания **мировых законов**, обязательных для всех государств мира. Еще более откровенно идеи мондиализма вынашивало «**движение мировых федералистов**» во главе с крупным американским банкиром, первым президентом **Всемирного банка Ю. Мейером**, в недрах которого был разработан так называемый «**Гарвардский проект**» — проект пересмотра **Устава ООН** и создания **Мировой Конституции**.

Более того, этот «**Гарвардский проект**», нацеленный на **разрушение советского патриотизма и замену его «общечеловеческими ценностями»**, вполне совместимыми с традиционным извращенным патриотизмом самих американцев, активно поддерживал и президент **Г. Трумэн**, который в период своей избирательной кампании открыто говорил о **всемирной республике «как недалеком будущем всего человечества»**.

Конечно, **И.В. Сталин** прекрасно понимал «феномен космополитизма» и напрямую связывал его необычайный взлет с борьбой американского империализма за достижение им мирового господства. Еще летом **1947 г.** на страницах проекта новой партийной программы он прямо подчеркнул, необходимость **идейного разгрома теорий космополитизма, создания Соединенных Штатов Европы и мирового правительства**. Поэтому все попытки наших доморощенных либерал-историков и публицистов (**Ж. Медведев, О. Будницкий, О. Хлевнюк, Г. Костырченко, В. Есаков, Е. Левина, А. Киммерлинг**) представить борьбу с космополитизмом как плод больного воображения или паранойи **И.В. Сталина** и его идеологических сатрапов, зараженных пещерным антисемитизмом, не имеют под собой никаких серьезных оснований. **Борьба с космополитизмом стала прямым следствием идеологической диверсии западных стран в отношении нашей страны и диктовалась объективными причинами и обстоятельствами.**

Первоначально широкомасштабную кампанию против космополитизма возглавили главный идеолог партии, **второй секретарь ЦК А.А. Жданов** и новое руководство **Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б)** — секретарь ЦК **М.А. Суслов** и его первый заместитель, отставной генерал-майор **Д.Т. Шепилов**. Именно в недрах центрального партийного аппарата разрабатывались основные концептуальные установки и определялись главные цели и задачи этой компании.

1) На первом этапе (1946–1947) кампания по укреплению советского патриотизма носила в большей степени теоретический характер и была направлена против общей тенденции низкопоклонства перед западной цивилизацией, которая стала доминировать у части советской научной и культурной интеллигенции.

Весной 1947 г. для повсеместной кампании по искоренению низкопоклонства было решено использовать дело члена-корреспондента Академии Медицинских Наук СССР профессора Н.Г. Ключевой и ее супруга профессора Г.И. Роскина, предложивших опубликовать за рубежом свою книгу «Биотерапия злокачественных опухолей» (1946). В мае 1947 г. этот вопиющий факт стал предметом специального обсуждения на встрече И.В. Сталина и А.А. Жданова с руководством Союза писателей СССР А.А. Фадеевым, Б.Л. Горбатовым и К.М. Симоновым. В ходе состоявшейся беседы И.В. Сталин обсудил основные идеи закрытого письма в партийные организации и откровенно заявил, что у «нашей интеллигенции недостаточно воспитано чувство советского патриотизма» и существует «неоправданное преклонение перед заграничной культурой», поскольку они «привыкли считать себя на положении вечных учеников».

В июне 1947 г. в Министерстве здравоохранения СССР был проведен первый «суд чести» над этими учеными, а во все парторганизации страны направлено закрытое Письмо ЦК ВКП(б) «О деле профессоров Ключевой Н.Г. и Роскина Г.И.». В этом письме ЦК ВКП(б) констатировал, что это громкое дело зримо свидетельствует о серьезном неблагополучии морально-политического состояния советской интеллигенции, зараженной болезнью низкопоклонства и пережитками «проклятого прошлого», которые умело используют агенты иностранных разведок для достижения своих гнусных целей. Письмо заканчивалось предложением создавать «суды чести» по всем аналогичным проступкам, и вскоре они были созданы во всех научных и учебных заведениях страны, в государственных учреждениях, министерствах, творческих союзах и действовали на протяжении последующих двух лет.

2) На втором этапе (1948–1949) кампания борьбы с безродными космополитами стала приобретать ярко выраженный антисемитский характер. Если поначалу космополитами зачастую представлялись анонимные приверженцы определенных научных направлений и течений, например, школы академика А.Н. Веселовского в литературоведении или школы академика М.Н. Покровского в исторической науке, то со временем среди безродных космополитов все чаще стали фигурировать представители еврейской интеллигенции. По мнению ряда современных авторов (В. Кожинов, А. Вдовин, А. Барсенков), такая ситуация была вызвана целым рядом сугубо объективных причин, а не просто пещерным антисемитизмом И.В. Сталина, который якобы питал особую ненависть к этой нации:

а) Традиционно евреи были представлены в рядах советской интеллигенции довольно большим удельным весом, во много раз большим, чем в населении самой страны, и активно участвовали в политической и идеологической борьбе по разные стороны баррикад. Например, среди заведующих отделами, лабораториями и секторами разных отделений Академии Наук СССР их численность составляла 25–58 %, в Институте истории АН СССР — 36 %, а в Союзе писателей СССР — 33 %. В такой ситуации любые сколько-нибудь значительные идеологические баталии и давление на советскую интеллигенцию со стороны власти представлялись как явления, носящие сугубо антисемитский характер.

б) Подрывной деятельностью **Еврейского Антифашистского Комитета (ЕАК)**, созданного при **Советском Информационном бюро** в 1942 г. Первоначально этот **Комитет**, который возглавил известный театральный режиссер **С.М. Михоэлс**, действительно оказал определенную помощь в общей борьбе с германским нацизмом, став своеобразной пропагандистской машиной и адресатом финансовой помощи различных еврейских структур и организаций за рубежом. Однако вскоре, сразу после окончания войны мировое еврейство, прежде всего, сионисты всех мастей, стали неслыханно раздувать свою репутацию единственных мучеников нацизма и активно сочинять лживую **теорию холокоста** — сознательного геноцида немецкими нацистами исключительно еврейского народа. Участие в этой пропагандистской кампании приняли и многие члены **ЕАК**, в частности известные писатели **И.Г. Эренбург** и **В.С. Гроссман**, которые в 1946 г. опубликовали в американском издательстве свою **«Черную книгу»** о геноциде еврейского народа в годы войны.

Эта **теория холокоста**, напрямую противоречащая официальной советской доктрине о злодеяниях нацистов против всех народов мира, в том числе славян, была крайне отрицательно воспринята советским политическим руководством. Еще большее неприятие **И.В. Сталина**, **А.А. Жданова**, **Г.М. Маленкова** и других советских лидеров вызвало незаконное требование видных деятелей **ЕАК** (**С.М. Михоэлс**, **И.С. Фефер**, **П.Д. Маркиш**) о создании еврейской автономии в **Крыму** и активная поддержка ими созданного государства **Израиль**, который с самого начала занял откровенно проамериканскую позицию. Однако самым поразительным для **И.В. Сталина** стал тот факт, что эти притязания лидеров **ЕАК** и их особые восторги по поводу создания **Израиля** активно поддерживали жены двух старейших членов **Политбюро** и его ближайших соратников **В.М. Молотова** и **К.Е. Ворошилова** — старые большевички **П.С. Жемчужина** и **Е.Д. Горбман**.

В ноябре 1948 г. **Еврейский Антифашистский Комитет** был распущен, а в начале 1949 г. были арестованы все его кураторы и руководители, в том числе **С.А. Лозовский**, **И.С. Фефер**, **В.Л. Зускин**, **Л.М. Квитко**, **Л.С. Штерн**, **С.Л. Брегман**, **И.А. Юзефович** и **П.Д. Маркиш**. Затем по делу **ЕАК** было заведено уголовное дело, которое завершилось в августе 1952 г. осуждением и расстрелом практических всех его руководителей и главных идеологов мирового сионизма.

3) На третьем этапе (1949) этой кампании одну из главных ролей стал играть Первый секретарь **МГК** и **МК ВКП(б)** и секретарь **ЦК** **Г.М. Попов**, который в январе 1949 г., будучи на приеме у **И.В. Сталина**, доложил ему, что на Пленуме **Союза Писателей СССР** при прямом попустительстве **Агитпропа ЦК** группа еврейских писателей и литературных критиков во главе с **А.М. Борщаговским** предприняла антипатриотическую атаку на генерального секретаря **СП** **А.А. Фадеева** и сделала попытку сместить его с этого поста. **И.В. Сталин** пришел в ярость от этой информации и дал прямую установку отразить эту «типичную антипатриотическую атаку на члена **ЦК** товарища **Фадеева**».

Под руководством **Д.Т. Шепилова** была срочно подготовлена статья «**Последний буржуазный эстетства**», которая после сталинской редакции была опубликована в газете «**Правда**» под названием «**Об одной антипатриотической группе театральных критиков**». Вслед за этой статьей был дан целый залп газетных статей под характерными подзаголовками: «**Эстетствующие клеветники**», «**До конца разгро-**

мить антипатриотическую группу театральных критиков», «Против космополитизма и формализма в поэзии», «Космополиты в кинокритике и их покровители», «Безродные космополиты в ГИТИСе», «Против космополитизма в музыкальной критике», «Решительно разоблачать происки буржуазных эстетов», «Против космополитизма в философии», «Разгромить буржуазный космополитизм и киноискусстве», «Обличение космополитических диверсантов», «Изгнать буржуазных космополитов из советской архитектурной науки», «Убрать с дороги космополитов», «Против буржуазного космополитизма в литературоведении» и другими.

Однако в конце марта 1949 г. вся эта кампания неожиданно пошла на убыль, поскольку И.В. Сталин в беседе с главным редактором «Правды» академиком П.Н. Поспеловым сказал ему, что «не надо делать из космополитов явление и не следует сильно расширять их круг, нужно воевать не с людьми, а с идеями». Сразу после этой установки наиболее ретивые участники этой кампании тоже были сняты со своих постов. Среди них оказались и заместитель заведующего Агитпропом ЦК ВКП(б) профессор Ф.М. Головенченко, и главный редактор газеты «Советское искусство» В.Г. Вдовиченко.

4. Развитие советской литературы и искусства

а) Развитие советской литературы: достижения и противоречия

По мнению ряда современных авторов (М. Зенина, В. Попов, А. Вдовин), послевоенный период в развитии советской литературы носил двойной характер. С одной стороны, он был отмечен резким ужесточением идеологического контроля и надзора за литературным творчеством советских писателей и поэтов, погромными партийными постановлениями, борьбой с космополитизмом и другими идеологическими акциями, а так же появлением чисто конъюнктурных и низкопробных литературных подделок типа романов С.П. Бабаевского («Кавалер Золотой звезды», «Свет над землей») и Е.Ю. Мальцева («От всего сердца»). Но с другой стороны, именно в этот период появилось ряд новых направлений в советской литературе, и были созданы выдающиеся произведения, вошедшие в золотой фонд отечественной культуры.

В первое послевоенное десятилетие успешно продолжили свою творческую деятельность такие признанные мастера слова, как М.А. Шолохов («Наука ненависти», «Они сражались за Родину»), К.А. Федин («Первые радости», «Необыкновенное лето»), Ф.В. Гладков («Повесть о детстве», «Вольница», «Лихая година»), К.Г. Паустовский («Повесть о жизни», «Золотая береза»), М.М. Пришвин («Дневники», «Глаза земли»), Л.М. Леонов («Русский лес», «Золотая карета»), В.А. Каверин («Открытая книга»), В.П. Катаев («Катакомбы», «Сын полка»), В.Ф. Панова («Евдокия», «Времена года»), А.А. Фадеев («Молодая гвардия»), М.В. Исаковский («Летят перелетные птицы», «Враги сожгли родную хату»), С.П. Шипачев («Строки любви», «Славен труд»), А.А. Сурков («Дорога к Победе»), А.Т. Твардовский («Дом у дороги», «Я убит подо Ржевом») и многие другие.

Одновременное в советскую литературу буквально ворвалась целая плеяда молодых и талантливых авторов, создавших новое литературное направление — «военную» или «офицерскую» прозу. Среди наиболее ярких писателей той поры следует назвать имена Э.Г. Казакевича («Звезда», «Весна на Оudere»), К.М. Симонова

(«Дым Отечества», «Товарищи по оружию»), Б.Н. Полевого («Повесть о настоящем человеке», «От Белгорода до Карпат»), М.С. Бубеннова («Белая береза»), Л.С. Соболева («Зеленый луч»), В.П. Некрасова («В окопах Сталинграда»), Н.К. Чуковского («Балтийское небо»), В.С. Гроссмана («В годы войны», «За правое дело»), А.А. Бека («Волоколамское шоссе») и других.

Тогда же появляется целая когорта прекрасных поэтов-фронтовиков, с особым чувством и мастерством отразивших все тяготы и испытания военного лихолетья, выпавшие на долю миллионов советских людей: А.И. Фатьянов («Возвращение солдата»), М.К. Луконин («Дорога к миру»), С.П. Гудзенко («После марша», «Битва»), Е.А. Долматовский («Слово о завтрашнем дне»), М.А. Дудин («Вчера была война», «Считайте меня коммунистом»), А.П. Межиров («Дорога далека», «Коммунисты, вперед!»), К.Я. Ваншенкин («Песня о часовых»), Ю.В. Друнина («Комбат», «В солдатской шинели») и многие другие.

Первое послевоенное десятилетие стало временем расцвета жанра исторической повести и исторического романа, в котором успешно работали многие крупные советские писатели, в том числе С.П. Злобин («Степан Разин», «Остров Буян»), А.К. Югов («Ратоборцы»), Н.А. Задонский («Кондрат Булавин», «Смутная пора»), Е.А. Федоров («Каменный пояс»), К.Ф. Седых («Даурия»), М.Д. Соколов («Искры»), Г.М. Марков («Строговы») и другие.

Наконец, в первые послевоенные годы зарождается еще один жанр русской советской литературы — так называемая «деревенская проза», у истоков которой стояли такие писатели и публицисты, как В.В. Овечкин («Районные будни»), Г.Н. Троепольский («Из записок агронома») и В.Ф. Тендряков («Падение Ивана Чупрова»).

Первые послевоенные годы породили большие надежды на относительную либерализацию общественной жизни страны, ослабление слишком жесткого партийно-государственного контроля в области литературы и искусства, расширение свободы творчества и т.д. Но начавшаяся «холодная война» перечеркнула все прогнозы и надежды либеральной части партийного аппарата и творческой интеллигенции на смягчение политического курса и идеологического противостояния с западной буржуазной цивилизацией.

По мнению многих современных авторов (М. Зенина, Е. Громов, А. Безбородов, А. Вдовин), противостояние с капиталистическим миром заставило советское руководство вспомнить об уже отработанных до войны приемах и методах утверждения классового подхода в идеологическом воспитании масс и творческой интеллигенции. С возникновением первых признаков похолодания в отношениях с западными державами советское политическое руководство принялось завинчивать гайки в отношении творческой интеллигенции, которые несколько ослабили в годы войны. Наиболее ярким проявлением этих веяний были партийные постановления по вопросам искусства и культуры, первым среди которых стало **Постановление ЦК ВКП(б) «О журналах «Звезда» и «Ленинград»**», вышедшее в августе 1946 г.

В этом знаменитом **Постановлении ЦК ВКП(б)**, авторство которого приписывают либо А.А. Жданову, либо А.А. Кузнецову, беспощадной, но вполне адекватной и здравой критике было подвергнуто творчество ряда видных советских писателей и поэтов. В частности, известный мастер сатирических рассказов М.М. Зощенко, был заклеен как «литературный пошляк и подонок», а знаменитая салонная

поэтесса **А.А. Ахматова** была названа «типичной представительницей безыдейной поэзии», «взбесившейся барыней, у которой блуд смешен с молебном». Затем, на совещании в **Ленинградском обкоме ВКП(б)** главный идеолог партии, **второй секретарь ЦК А.А. Жданов** по личному поручению **И.В. Сталина** выступил с отдельным докладом, в котором вполне убедительно пояснил причину появления этого **Постановления ЦК: «Анна Ахматова** принадлежит к так называемой литературной группе акмеистов, вышедших в свое время из рядов символистов, и является одним из знаменосцев пустой, безыдейной, аристократическо-салонной поэзии, абсолютно чуждой советской литературе... Акмеисты, как и символисты, декаденты и прочие представители разлагающейся буржуазной идеологии были проповедниками упадочничества, пессимизма, веры в потусторонний мир... Наша литература — не частное предприятие, рассчитанное на то, чтобы потрафлять различным вкусам литературного рынка... **В.И. Ленин** в своей статье «**Партийная организация и партийная литература**», писал, что «литература должна стать партийной, в противовес буржуазным нравам, в противовес буржуазной предпринимательской, торгашеской печати, в противовес буржуазному литературному карьеризму и индивидуализму, «барскому анархизму» и погоне за наживой. **Свобода буржуазного, писателя, художника, актрисы есть лишь замаскированная (или лицемерно маскируемая) зависимость от денежного мешка, от подкупа, от содержания.** Ныне весь сонм буржуазных литераторов, кинорежиссеров, театральных режиссеров старается отвлечь внимание передовых слоев общества от острых вопросов политической и социальной борьбы и отвести внимание в русло пошлой безыдейной литературы и искусства, наполненных гангстерами, девицами из варьете, восхвалением адюльтера и похождениям всяких авантюристов и проходимцев».

Кроме того, еще раньше, на **Оргбюро ЦК**, где обсуждалось это **Постановление ЦК**, **И.В. Сталин** совершенно справедливо заявил, что советские журналы «не частная лавочка» и не имеют права приспосабливаться к «вкусам отдельных людей, которые не хотят признавать наш общественный строй». Поэтому по решению **ЦК ВКП (б) А.А. Ахматова** и **М.М. Зощенко** были исключены из **Союза Писателей СССР**, журнал «**Ленинград**» был закрыт, а обновленную редакцию журнала «**Звезда**» возглавил заместитель начальника **Агитпропа ЦК А.М. Еголин**. И хотя, по общему мнению историков (**А. Вдовин, В. Попов, А. Безбородов, М. Зенина**), это **Постановление** было в большей степени связано борьбой за власть, тем не менее, оно негативно отразилось и на общих настроениях в рядах либеральной части советской интеллигенции, и стало удобным жупелом в борьбе с другими советскими писателями и поэтами, в частности **Б.Л. Пастернаком, В.С. Гроссманом, А.Т. Твардовским, Ф.И. Панферовым** и другими.

б) Развитие театрального искусства и кинематографа

В послевоенные годы партия и правительство уделяли особо пристальное внимание развитию советского киноискусства, поскольку прекрасно сознавали его возможности влиять на умы и настроения советских людей и использовать его в качестве мощного воспитательного и идеологического оружия. Поэтому **Министерство кинематографии СССР (1946–1953)**, которые все годы его существования возглавлял **Иван Григорьевич Большаков**, очень внимательно следило за идейным содержанием картин и их художественным уровнем. В первые послевоенные годы

ежегодно выпускалось всего несколько десятков картин, но даже среди такого небольшого количества произведений появлялись настоящие шедевры, которые по праву вошли в золотой фонд отечественного и мирового киноискусства.

Среди самых популярных кинокартин, посвященных только что прошедшей войне, были «Подвиг разведчика» (1947) Б.В. Барнета, «Рядовой Александр Матросов» (1947) Л.Д. Лукова, «Молодая гвардия» (1948) С.А. Герасимова, «Повесть о настоящем человеке» (1948) А.Б. Столпера, «Звезда» (1949) А.Г. Иванова, «Сталинградская битва» (1949) В.М. Петрова, «Падение Берлина» (1949) М.Э. Чиаурели, «Смелые люди» (1950) К.К. Юдина и ряд других картин.

Неизменным успехом у советских зрителей пользовались незамысловатые, в чем-то наивные, но очень добрые и смешные кинокомедии «Близнецы» (1945) К.К. Юдина, «Небесный тихоход» (1945) С.А. Тимошенко, «Беспокойное хозяйство» (1946) М.И. Жарова, «Первая перчатка» (1946) А.В. Фролова, «Весна» (1947) Г.В. Александрова, «Поезд идет на восток» (1947) Ю.Я. Райзмана, «Счастливый рейс» (1949) В.В. Немоляева, «Сказание о земле Сибирской» (1948) и «Кубанские казаки» (1949) И.А. Пырьева.

В это время вышел и целый ряд известных биографических и исторических фильмов, которые на волне борьбы с безродным космополитизмом были призваны утвердить в советском народе чувства особой гордости и патриотизма — «Адмирал Нахимов» (1946) и «Жуковский» (1950) В.И. Пудовкина, «Мичурин» (1950) А.П. Довженко, «Пирогов» (1947) и «Белинский» (1951) Г.М. Козинцева, «Академик Иван Павлов» (1949), «Мусоргский» (1950) и «Римский-Корсаков» (1952) Г.Л. Рошаля, «Александр Попов» (1949) Г.А. Раппорта, «Пржевальский» (1950) С.И. Юткевича, «Тарас Шевченко» (1951) И.А. Савченко, «Композитор Глинка» (1952) Г.В. Александрова и другие.

Свою весомую лепту в борьбу с космополитизмом внесли и картины, снятые в жанре «шпионских детективов», частности «Русский вопрос» (1947) и «Секретная миссия» (1951) М.И. Ромма, «Суд чести» (1948) А.М. Роома, «Встреча на Эльбе» (1949) Г.В. Александрова, «У них есть Родина» (1950) А.М. Файншimmerа, «Заговор обреченных» (1950) М.К. Калатозова и ряд других.

Особое место в истории советского киноискусства сталинской эпохи занимала знаменитая картина С.М. Эйзенштейна «Иван Грозный», первая серия которой, вышедшая в 1945 г., была принята властью очень благосклонно и даже отмечена Сталинской премией. Однако вторая серия этого фильма, посвященная последнему периоду правления Ивана Грозного и Опричнине, в Постановлении ЦК ВКП(б) «О кинофильме «Большая жизнь»», вышедшем в сентябре 1946 г., была подвергнута жесткой критике за то, что режиссер «изобразил прогрессивное войско опричников в виде шайки дегенератов» и запрещена к показу. Этим же Постановлением были раскритикованы и запрещены к показу фильмы Л.Д. Лукова «Большая Жизнь» (1946), Г.М. Козинцева и Л.З. Трауберга «Простые люди» (1945), С.И. Юткевича «Свет над Россией» (1947) и ряд других картин.

В современной историографии практически все авторы (В. Попов, Е. Громов, М. Зенина, Н. Шабельникова, А. Безбородов), как заученный штамп постоянно твердят о том, что именно это Постановление ЦК сыграло крайне отрицательную роль в развитии советского киноискусства. Однако если внимательно ознакомиться с его содержанием, то становится совершенно очевидно, что там содержалась

вполне объективная критика идейных и художественных недостатков ряда фильмов и предлагались вполне разумные, а не драконовские средства исправления ситуации в советском киноискусстве.

В первое послевоенное десятилетие неизменной популярностью и искренней любовью миллионов советских зрителей продолжали пользоваться многие выдающиеся советские актеры, игравшие еще в довоенных и военных фильмах — М.И. Жаров, Н.А. Крючков, Б.П. Чирков, Э.П. Гарин, А.Н. Грибов, М.М. Яншин, Б.Н. Ливанов, И.В. Ильинский, А.Д. Дикий, В.В. Меркурьев, Н.К. Черкасов, О.П. Жаков, С.Д. Столяров, Л.Н. Свердлин, Б.Ф. Андреев, П.М. Алеников, М.Н. Бернес, И.А. Любознов, Е.В. Самойлов, Р.Я. Плятт, В.В. Санаев, С.Н. Филиппов, В.М. Зельдин, Ф.Г. Раневская, Л.П. Орлова, В.В. Серова, В.П. Марецкая, М.И. Ладынина, Л.В. Целиковская, Л.Н. Смирнова и другие.

В эти годы в советский кинематограф вошла и новая плеяда блестящих советских актеров, которые затем составят гордость нашего киноискусства — П.П. Кадочников, И.Ф. Переверзев, С.В. Лукьянов, Н.О. Грищенко, В.В. Дружников, М.А. Кузнецов, В.С. Давыдов, С.Ф. Бондарчук, А.Д. Попов, В.Д. Доронин, М.И. Пуговкин, Г.М. Вицын, В.В. Тихонов, Н.В. Мордюкова, И.В. Макарова, В.М. Орлова, К.С. Лучко, В.К. Васильева и многие другие.

В театральном искусстве страны лидирующие позиции по-прежнему занимали несколько ведущих театров Москвы и Ленинграда, в частности МХАТ им. М. Горького, Малый Академический театр, Академический театр им. Е.Б. Вахтангова и Академический театр им. А.С. Пушкина. На сценах этих прославленных театров в те годы блистали Б.Н. Ливанов, А.Н. Грибов, М.М. Яншин, М.И. Прудкин, В.Я. Станицын, П.В. Массальский, А.К. Тарасова, О.Н. Андровская, А.И. Степанова, А.П. Зуева, Н.А. Анненков, М.И. Жаров, М.И. Царев, И.В. Ильинский, Б.А. Бабочкин, Н.И. Рыжов, В.Н. Пашенная, Е.Н. Гоголева, А.Л. Абрикосов, М.Ф. Астангов, Н.О. Грищенко, Ц.Л. Мансурова, Ю.В. Толубеев, Н.К. Симонов, Н.К. Черкасов, Ф.Г. Раневская и многие другие прекрасные актеры.

Общее руководство театрами страны осуществлял Комитет по делам искусств при Совете Министров СССР, который в те годы возглавляли М.Б. Храпченко (1946—1948), П.И. Лебедев (1948—1951) и Н.Н. Беспалов (1951—1953). Этот орган во многом определял репертуарную политику театров и осуществлял непосредственный контроль за идейным и художественным уровнем всех спектаклей. Именно ему в конце августа 1946 г. было адресовано знаменитое Постановление ЦК ВКП(б) «О репертуаре драматических театров и мерах по его улучшению», в котором содержался целый ряд вполне законных претензий к руководству Комитета. Речь, в частности, шла о том, что: 1) пьесы советских авторов на современные темы оказались фактически вытесненными из репертуара крупнейших драматических театров страны; 2) ненормальное положение с театральным репертуаром еще более усугублялось тем, что среди небольшого количества современных пьес значительная их часть была откровенной халтурой; 3) непомерно большое место в театральном репертуаре занимают откровенно слабые пьесы буржуазных английских и американских авторов, которые являются образцом низкопробной и пошлой зарубежной драматургии, открыто проповедующей реакционные буржуазные взгляды и мораль; 4) широкое распространение подобных пьес является наиболее грубой политической ошибкой Комитета по делам искусств.

в) Развитие советского музыкального искусства

Первое послевоенное десятилетие стало временем нового этапа в развитии советского музыкального искусства и создания в 1948 г. полноценного **Союза композиторов СССР**, который возглавил **Т.Н. Хренников**. Именно в эти годы продолжали свое плодотворное творчество такие крупные советские композиторы, как **Н.Я. Мясковский**, сочинивший две выдающихся **Симфонии № 25 и № 27 (1947–1949)** и кантату **«Ночь в Кремле» (1948)**; **С.С. Прокофьев**, создавший оперу **«Повесть о настоящем человеке» (1946)**, балеты **«Золушка» (1945)** и **«Сказ о каменном цветке» (1951)**, **Сонату № 9 до мажор (1947)** и музыку к кинофильму **«Иван Грозный» (1945)**; **Д.Д. Шостакович**, написавший **Симфонию № 9 (1945)**, **Концерт для скрипки с оркестром (1947–1948)**, **Монументальный цикл из прелюдий и фуг (1950–1951)**, кантату **«Песнь в лесах (1950)** и музыку к кинофильмам **«Мичурин» (1948)**, **«Встреча на Эльбе» (1948)** и **Падение Берлина (1949)**; **А.И. Хачатурян**, ставший автором **Концерта для виолончели с оркестром (1946)**, балета **«Гаянэ» (1952)**, оркестровых произведений **«Ода памяти Ленина» (1948)** и **«Торжественная поэма» (1950)** и музыки к фильмам **«Русский вопрос» (1947)**, **«У них есть Родина» (1950)** и **«Секретная миссия» (1951)**, и **Д.Б. Кобалевский**, написавший оперу **«Семья Тараса» (1950)**, **Легкие вариации для фортепиано (1952)** и музыку к кинофильмам **«Академик Иван Павлов» (1949)**, **«Мусоргский» (1950)** и **«Вихри враждебные» (1953)**.

В этот период достойное место в музыкальном искусстве страны заняли и многие молодые композиторы, начало творчества которых пришлось на последние предвоенные годы. Среди этих молодых, но уже известных композиторов, работавших и в жанре серьезной симфонической музыки, и в жанре песенного творчества следует назвать имена **Т.Н. Хренникова**, **Г.В. Свиридова**, **Н.В. Богословского**, **В.И. Мурадели**, **В.П. Соловьева-Седого**, **М.И. Блантера**, **Б.А. Мокроусова**, **М.Г. Фрадкина** и многих других. На музыку этих композиторов были написаны сотни прекрасных песен, которые с большим успехом исполняли **Л.О. Утесов**, **К.И. Шульженко**, **В.В. Серова**, **Л.В. Целиковская** и многие другие певцы и актеры.

Первое послевоенное десятилетие стало временем расцвета и многих выдающихся советских оперных певцов и балетных танцоров. Гордостью советской оперной сцены того времени были знаменитые тенора **С.Я. Лемешев** и **И.С. Козловский**, басы **М.О. Рейзен**, **Б.Р. Гмыря** и **М.Д. Михайлов**, меццо-сопрано **Н.А. Обухова** и **М.П. Максакова**, сопрано **В.В. Барсова**, **А.В. Нежданова** и **Г.П. Вишневская** и другие оперные певцы и певицы. А на балетной сцене того времени блистали **Г.С. Уланова**, **О.В. Лепешинская**, **М.Т. Семенова**, **В.М. Чабукиани**, **А.М. Мессерер** и многие другие мастера советского балета.

Однако и в музыкальном искусстве того времени существовали свои проблемы. В частности, наряду с реалистической классической и современной песенной музыкой в ряды советских композиторов проникла так называемая «формалистическая музыка». Именно на это обстоятельство было обращено особое внимание в новом **Постановлении ЦК ВКП(б) «Об опере «Великая дружба» В. Мурадели» (1948)**, где содержались вполне оправданные критические оценки творчества многих выдающихся советских композиторов, которые слишком увлеклись «духом современной буржуазной модернистской музыки, отображающей весь маразм буржуазной культуры». В частности, такие крупные композиторы, как **В.И. Мурадели**, **Н.Я. Мясковский**, **С.С. Прокофьев**, **Д.Д. Шостакович**, **А.А. Хачатурян**, **В.Я. Шебалин** и другие

вполне обоснованно обвинялись в творческой безыдейности, искажение советской действительности, отсутствии патриотизма и т.д. Эта справедливая критика возымела свое действие, и вскоре указанные композиторы за свои новые произведения были удостоены высоких государственных наград, в том числе **Сталинских премий**.

г) Развитие советского живописного искусства и архитектуры

Практически сразу после окончания войны, в августе 1947 г. Постановлением Совета Министров СССР была создана Академия Художеств СССР, которую возглавил выдающийся советский живописец А.М. Герасимов. Основной целью этого объединения советских художников стало развитие и укрепление лучших традиций русского реалистического искусства и борьба с нездоровым увлечением ряда советских художников, в частности А.А. Осмеркина, Р.Р. Фалька, А.В. Шевченко и М.С. Сарьяна, эстетикой абстрактного импрессионизма, сюрреализма, экспрессионизма и других извращенных направлений в западном изобразительном искусстве.

В первые послевоенные годы особое место в творчестве многих советских живописцев заняла тема войны, которой посвятили многие прекрасные полотна ряд выдающихся мастеров кисти. В этом жанре военной живописи работали художники А.А. Дейнека («Оборона Севастополя» 1945, «Москва военная» 1949), Д.А. Шмаринов («На отвоеванной земле» 1945), С.А. Герасимов («Мать партизана» 1947), А.И. Лактионов («Письмо с фронта» 1947), В.Н. Костецкий («Возвращение» 1947), Ю.М. Непринцев («Атака. Морской десант» 1947, «Последняя граната» 1948, «Отдых после боя» 1951), Д.К. Мочальский («Победа. Берлин 1945-го года» 1947), М.И. Хмелько («За великий русский народ!» 1947, «Триумф победившей Родины» 1949, «Над Киевом знамя Победы» 1951), К.Ф. Юон («Парад на Красной площади в Москве 7 ноября 1941 года» 1949), П.Т. Мальцев («Штурм Сапун-горы» 1953) и многие другие живописцы.

В послевоенные годы наступает расцвет советской исторической живописи, в жанре которой работали М.И. Авилов («Поединок на Куликовом поле» 1945), Н.П. Ульянов («Лористон в ставке Кутузова» 1945), В.А. Серов («Въезд Александра Невского в Псков» 1945), П.А. Корин (триптих «Дмитрий Донской» 1945–1951), А.П. Бубнов («Утро на Куликовом поле» 1947), М.И. Хмелько («Навеки с Москвой, навеки с русским народом» 1951), С.В. Герасимов («Кутузов на Бородинском поле» 1952) и другие.

К жанру исторической живописи вплотную примыкал и жанр помпезных исторических полотен из истории советской власти, заметно обогащенный после окончания войны полотнами В.А. Серова («В.И. Ленин провозглашает Советскую власть» 1947, «Ходоки у Ленина» 1950), Е.А. Кибрик («Есть такая партия!» 1947, «Ленин в Разливе» 1947), В.И. Орешникова («В штабе обороны Петрограда» 1948), Б.В. Иогансона («Выступление В.И. Ленина на III съезде комсомола» 1950), Д.А. Налбандяна («Ленин в Смольном» 1951), А.М. Герасимова («И.В. Сталин у гроба А.А. Жданова» 1948, «Есть метро!» 1949), Ф.С. Гончарова («Сталин в Туруханской ссылке» 1949), И.М. Тоидзе («Выступление И. В. Сталина на торжественном заседании, посвященном 24-й годовщине Великой Октябрьской революции» 1948) и других живописцев.

Еще одним жанром советского изобразительного искусства стал жанр бытовой живописи, где замечательные полотна создали многие видные художники, в том числе А.А. Пластов («Сенокос» 1945, «Колхозный ток» 1949, «Ужин тракториста» 1951), В.А. Серов («Штукатурщица» 1946, «Девочка с книгой» 1950, «После трудового дня» 1951), Ф.П. Решетников («Прибыл на каникулы» 1948, «Опять двой-

ка» 1952), Т.Н. Яблонская («Хлеб» 1949), Д.К. Мочальский («После демонстрации» 1949), К.Ф. Юон («Утро индустриальной Москвы» 1949), Г.Г. Ряжский («Девушки с письмом» 1951), Ю.И. Пименов («Широкие пути» 1951), А.И. Лактионов («В новую квартиру» 1952) и другие мастера кисти.

В первое послевоенное десятилетие особым лиризмом и теплотой был наполнен жанр пейзажа, в котором работали многие признанные мастера, в том числе Н.М. Ромадин («Последний луч» 1945, «Волга — русская река» 1945), А.А. Пластов («Весна» 1945), С.В. Герасимов («Начало апреля» 1949, «Ранняя весна» 1952, «Церковь Покрова на Нерли» 1953), В.В. Мешков («Золотая осень в Карелии, 1946, «Сказ об Урале» 1949, «Просторы Камы» 1950), Д.А. Налбандян («Ясная Поляна» 1947, «Москва-река у Нижино» 1953), Т.Н. Яблонская («Весна» 1950) и многие другие живописцы.

Огромную роль советское политическое руководство и лично И.В. Сталин придавали жанру политической сатиры, имевшему большое идеологическое воздействие на массы и мировое общественное мнение. Особое место в становлении и развитии этого жанра в советском изобразительном искусстве сыграли **Кукрыники** — знаменитые советские художники М.В. Куприянов, П.Н. Крылов и Н.А. Соколов, а также выдающийся карикатурист Б.Е. Ефимов.

В первые послевоенные годы дальнейшее развитие получил жанр монументальной скульптуры. И хотя здесь наблюдался заметный перекосяк, связанный с безудержным возведением огромного количества различных по художественному уровню памятников В.И. Ленину и И.В. Сталину, тем не менее, и в эти годы появился целый ряд выдающихся работ. Так, знаменитый скульптор В.И. Мухомов стал автором замечательных памятников П.И. Чайковскому (1947) и А.М. Горькому (1951) в Москве; признанный мастер монументальной скульптуры М.Г. Манизер создал памятники З.А. Космодемьянской (1947) и академику И.П. Павлову (1949) в Тамбове и Рязани; молодой талантливый скульптор Е.В. Вучетич изваял знаменитый памятник «Воину-освободителю» в Трептов-парке в Берлине (1949); по проектам известного скульптора Н.П. Томского были воздвигнуты памятники генералам И.Д. Черняховскому (1947) и И.Р. Апанасенко (1949) в Вильнюсе и Белгороде, и памятники Н.В. Гоголю (1952) и М.В. Ломоносову (1954) в Москве; талантливый скульптор А.П. Кибальников стал автором надгробного памятника В.В. Маяковскому (1946) в Москве и памятника Н.Г. Чернышевскому (1947) в Ленинграде; наконец, старейший русский скульптор С.Т. Коненков, вернувшийся из эмиграции на родину, создал знаменитые мраморные композиции «Марфенька» (1950) и «Ниночка» (1951).

В условиях послевоенной разрухи, когда сотни советских городов лежали в руинах, развитие советской архитектуры переживало определенный спад. И, тем не менее, именно в эти годы были изысканы возможности для строительства целых монументальных ансамблей, возведенных в стиле «сталинского ампира» или советского «ар-деко», видными представителями которого были А.В. Шусев, Б.М. Иофан, В.Г. Гейльфрих, Е.И. Катонин, А.Н. Душкин, К.С. Алабян, М.В. Посохин, Д.Н. Чечулин и многие другие советские архитекторы. Именно талантом и трудом этих архитекторов в первые послевоенные годы были отстроены центральные части многих советских городов, особо пострадавших в годы войны — Киева, Минска, Сталинграда, Орла, Курска, Белгорода, Днепропетровска, Донецка, Запорожья, Севастополя и многих других. Среди самых значительных памятников архитектуры,

построенных в стиле «сталинского ампира», традиционно называют ряд станций московского и ленинградского метро — «Комсомольская-кольцевая», «Аэропорт», «Сокол», «Автозаводская», «Площадь восстания», «Автово» и другие; знаменитые московские высотки — здания Московского Университета на Воробьевых горах, гостиниц «Ленинградская» и «Украина», жилых комплексов на Котельнической набережной, Садово-Кудринской площади, площади Красных ворот и Министерства иностранных дел СССР на Смоленской площади; здание Главного павильона и фонтан «Дружбы народов на ВДНХ; здание Театра Советской Армии в Москве, зданий железнодорожных вокзалов в Минске, Харькове, Смоленске, Курске, Симферополе, Одессе и других крупных городах и т.д.

По мнению специалистов (Д. Хмельницкий), завершение периода архитектуры советского монументального классицизма произошло после выхода в ноябре 1955 г. Постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР «Об устранении излишеств в проектировании и строительстве». В результате чего на смену очень оригинальному и помпезному сталинскому архитектурному направлению в советском зодчестве пришла чисто «функциональная», «типовая» и «примитивная» архитектура, которая с незначительными изменениями просуществовала вплоть до конца существования советского государства.

Тема: ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА СССР В 1945–1953 ГГ.

План:

1. Создание Ялтинско-Потсдамской системы международных отношений.
2. Создание мировых экономических и политических институтов.
3. Приоритеты внешней политики СССР и первые послевоенные кризисы в Иране, Греции и Турции.
4. Ситуация в Центральной и Восточной Европе после окончания войны (1945–1946).
5. Зарождение «холодной войны» и «доктрины сдерживания» (1946–1947).
6. Палестинская проблема и образование государства Израиль (1948).
7. «План Маршалла» и его международно-политическое значение (1947).
8. Ситуация в Восточной Европе в 1947–1949 гг.
 - а) Германский вопрос в 1946–1947 гг.
 - б) Создание Коминформа (1947).
 - в) Советско-югославский конфликт (1948–1949).
 - г) Создание Совета Экономической Взаимопомощи (1949).
9. Становление политических и военных структур Западной Европы (1948–1949).
10. «Первый Берлинский кризис» 1948 г. и его международное значение.
11. Закрепление раскола Германии: образование ФРГ и ГДР (1949).
12. Гражданская война в Китае и образование КНР (1949).
13. Корейская война (1950–1953) и ее международные последствия.
14. Конференция в Сан-Франциско и ее итоги (1951).

1. Создание Ялтинско-Потсдамской системы международных отношений

После окончания **Второй Мировой войны** была создана принципиально новая система международных отношений, получившая название **Ялтинско-Потсдамской системы**. По справедливому мнению ряда авторов (**А. Богатуров, В. Аверков, Н. Быстрова**), эта система обладала целым рядом особенностей, которые не были присущи довоенной **Версальско-Вашингтонской системе**, рухнувшей с началом новой мировой войны:

1) **Эта система не имела прочной договорно-правовой базы**, поскольку многие лежавшие в ее основе договоренности носили либо сугубо устный, не закрепленный в официальных документах характер, либо были закреплены в чисто декларативной форме. Именно это обстоятельство ставило сохранение новой системы международных отношений в прямую зависимость от способности ведущих мировых держав обеспечить фактическое исполнение этих договоренностей не правовыми, а сугубо политическими методами и средствами экономического и военно-политического давления.

2) **Эта система была биполярной**, поскольку после окончания войны возник резкий отрыв СССР и США от всех остальных держав по совокупности своих военно-силовых, политических и экономических возможностей и потенциалу культурно-идеологического влияния. Если для многополярной структуры международных отношений была типична примерная сопоставимость всех совокупных потенциалов нескольких главных субъектов международных отношений, то после **Второй Мировой войны** сопоставимыми можно было считать лишь потенциалы СССР и США.

3) **Новый послевоенный порядок был конфронтационным**. Теоретически биполярная структура могла быть кооперационной, то есть основанной на сотрудничестве двух сверхдержав. Но фактически с **середины 1940-х гг.** международные отношения приобрели характер острого конфликтного взаимодействия, насквозь пронизанного подготовкой ведущих мировых держав – СССР и США к отражению гипотетического нападения противника и обеспечению своей выживаемости в ожидаемом ядерном конфликте, что не могло не породить невиданной по своим масштабам гонки вооружений.

4) **Послевоенная биполярность приобрела форму политико-идеологического противостояния** между буржуазным лагерем во главе с США и социалистическим лагерем, руководимым СССР. Хотя в основе международных противоречий чаще всего лежали чисто геополитические устремления двух этих держав, внешне советско-американское соперничество выглядело именно как противостояние принципиально разных классовых идеалов и моральных ценностей. Эта острая идеологическая полемика привносила в международные отношения дополнительную непримиримость и вела к взаимной демонизации образа врага.

5) **Новый мировой порядок складывался в эпоху ядерного оружия**, которое, внося дополнительную остроту и конфликтность в мировые процессы, одновременно способствовало появлению механизма предупреждения мировой ядерной войны — так называемой модели **«конфронтационной стабильности»**, основные параметры которой начали создаваться в **начале 1960-х гг.** после знаменитого **Карибского кризиса**.

б) Новая система отличалась высокой степенью управляемости международных процессов, поскольку биполярный порядок строился на согласовании мнений и интересов всего двух великих держав, что, безусловно, упрощало все международные переговоры. При этом США и СССР действовали не только в качестве отдельных государств, но и в роли групповых лидеров — **НАТО** и **Варшавского договора**.

Благодаря взаимному идеологическому отчуждению конкуренция между двумя сильнейшими державами мира носила характер нарочитой враждебности. Уже в **апреле 1947 г.** в американском политическом лексиконе с подачи американского банкира, биржевого спекулянта и политика **Бернарда Баруха** появилось выражение «**холодная война**», ставшее затем чрезвычайно популярным благодаря статьям американского публициста **Уолтера Липмана**.

Обычно термин «**холодная война**» употребляется в двух значениях. В широком смысле как синоним понятия «**конфронтация**» и применяется для характеристики всего периода международных отношений с момента окончания **Второй Мировой войны** и до распада СССР. В узком и более точном смысле это понятие подразумевает частный вид конфронтации в виде противостояния на грани настоящей, «**горячей войны**». Такая конфронтация была характерна для международных отношений в период с **Первого Берлинского кризиса (1948)** до **Карибского кризиса (1962)**.

2. Создание мировых экономических и политических институтов

Послевоенный миропорядок, созданный в ходе трех знаменитых встреч лидеров «**Большой тройки**» в **Тегеране**, **Ялте** и **Потсдаме**, по замыслам американского руководства должен быть дополнен ключевыми инструментами экономической стабилизации всей международной системы. Поэтому с подачи президента **Ф.Д. Рузвельта** еще в **июле 1944 г.**, то есть в разгар боевых действий на фронтах войны, в живописном местечке **Бреттон-Вудс** штата **Нью-Хэмпшир** была достигнута принципиальная договоренность о создании ряда новых мировых финансовых и экономических структур, в частности **Международного валютного фонда (МВФ)**, **Международного банка реконструкции и развития (МБРР)** и **Генерального соглашения по тарифам и торговле (ГААТ)**.

Кстати, мало кто знает, что экономическая база **Бреттон-Вудских соглашений**, которые инициировал именно **Вашингтон**, была заложена задолго до их подписания. Еще в **1933 г.**, только что вступивший в свою должность новый президент США **Ф.Д. Рузвельт**, провозгласивший знаменитый «**Новый курс**» по выводу его страны из «**Великой депрессии**», полностью конфисковал все золото у населения страны и национализировал «презренный металл». В **апреле 1933 г.** он издал знаменитый **Указ № 6102**, по которому все физические и юридические лица, включая всех иностранных граждан и зарубежные компании, были обязаны в течение одного месяца обменять все имеющееся у них на территории США золото на бумажные доллары по цене **20.7 долларов** за тройскую унцию и с этого момента частное владение золотом на территории США объявлялось вне закона и грозило наказанием либо в **10 лет тюрьмы**, либо **10 тыс. долларов штрафа**.

Затем, **30 января 1934 г.**, **Конгресс США** принял закон «**О золотом резерве**» в соответствии с которым весь золотой запас страны должен был теперь храниться только в **Казначействе США**, причем, исключительно в золотых слитках, поэтому

все золотые монеты, изъятые у всех американцев и иностранцев, заранее были переплавлены в слитки. А уже **31 января 1934 г.** президент **Ф.Д. Рузвельт** подписал новый указ о фактической девальвации доллара, подняв цену одной тройской унции с **20.7 до 35 долларов**, что автоматически увеличило номинальную стоимость всех золотых запасов США и позволило правительству страны выпустить в наличный оборот более **3 млрд** новых бумажных банкнот. Тогда же началось строительство знаменитого золотохранилища в **Форт-Ноксе**, а в **1937 г.** туда перевезли весь драгоценный металл из всех американских частных банков. В результате принятых мер, всего за несколько лет официальные золотые резервы США выросли с **9 до 20 миллиардов долларов**. С началом **Второй Мировой войны** приток золота в США только увеличился за счет поступления золотых запасов из многих европейских стран, в том числе нацистской Германии. Причем, все это золото разместили в отдельном золотохранилище, расположенном на острове **Манхеттен** в **Нью-Йорке**. Именно это обстоятельство и позволило правительству США еще до завершения войны громко заявить о своих глобальных претензиях на мировое экономическое лидерство и созвать упомянутую конференцию в **Бреттон-Вудсе**.

В ходе самой **Бреттон-Вудской конференции**, в которой приняли участие представители **44** мировых держав, схлестнулись две точки зрения. Глава английской делегации, известный экономист **Дж. Кейнс** предложил для расчетов между странами создать новую наднациональную валюту «**банкор**» и новый эмиссионный центр по их выпуску — **Международную клиринговую палату**. Однако, как и ожидалось, победил проект американской делегации, глава которой, помощник министра финансов США **Г. Уайт**, прямо заявил, что не следует выдумывать новую валюту, а тем более тратить средства на создание новой эмиссионной палаты, поскольку есть старый добрый доллар и **Федеральная резервная система США**, которая прекрасно справится с выпуском нужного количества бумажных денег в наличный оборот. В результате доллар, наконец-то, занял монопольную позицию единственной мировой валюты, оттеснив британский фунт стерлингов, жесткая конкуренция с которым велась последние полвека. Правда, для обеспечения быстрого продвижения американской валюты по всей планете одной **ФРС** оказалось явно недостаточно, поэтому в **Бреттон-Вудсе** приняли решение создать и другие международные структуры — **МВФ, МБРР и ГАТТ (ВТО)**.

Между тем, как справедливо отметил профессор **В.Ю. Катасонов**, автор новейшего исследования «**Бреттон-Вудс. Ключевое событие новейшей финансовой истории**» (2014), многие исследователи явно переоценивают роль **Г. Уайта** в создании послевоенной валютно-финансовой системы. Прежде всего, потому, что последнее слово в **Министерстве финансов США** принадлежало, конечно, не ему, а министру **Г. Моргентгау**, который, находясь на своем посту уже более десятка лет не хуже своего помощника разбирался во всех тонкостях финансовой системы и контролировал его работу по подготовке американских предложений в **Бреттон-Вудсе**. Впрочем, да и сам **Г. Моргентгау** не был последней инстанцией в этом вопросе, поскольку реальным кукловодом был американский миллиардер и многолетний председатель **Совета управляющих ФРС Марринер Эклс**. То есть основные идеи послевоенного устройства финансового мира исходили от банкиров **Уолл-Стрита** и **Федерального резерва США** или, иными словами, именно от тех представителей мировой финансовой олигархии, которые готовили сам проект под названием

«Вторая Мировая война». Между прочим, даже президента **Ф.Д. Рузвельта** американские банкиры не очень допускали ко всей этой закулисной кухне.

Конечно, **И.В. Сталин** прекрасно знал американский сценарий задолго до **Бреттон-Вудской конференции**, но, все же, руководствуясь чисто тактическими соображениями, принял решение об участии советской делегации в ее работе, рассчитывая взамен на встречные любезности со стороны союзников, в частности открытие давно обещанного **Второго фронта** и продолжения поставок по **ленд-лизу**. Кроме того, он еще надеялся, что и после окончания войны США помогут СССР поднять разрушенную экономику, поскольку в **Тегеране Ф.Д. Рузвельт** обещал ему предоставить советской стороне кредит в **6 млрд долларов**. Более того, в **апреле 1944 г.** по каналам внешней разведки советское политическое руководство получило секретную информацию от одного из членов легендарной «кембриджской пятерки» **Д. Маклина**, работавшего первым секретарем британского посольства в **Вашингтоне**, что президент **Ф.Д. Рузвельт** готов увеличить кредит советской стороне до **10 млрд долларов**. В этой ситуации нарком иностранных дел **В.М. Молотов** тут же дал указание советскому послу в **Вашингтоне А.А. Громыко** проинформировать **Госдеп США** о том, что СССР готов принять участие в **Бреттон-Вудской конференции**, а в **июне 1944 г.** в **Вашингтон** вылетела советская правительственная делегация во главе с заместителем наркома внешней торговли СССР **М.С. Степановым**, который парафировал все подписанные соглашения.

Первоначально **Вашингтон** рассматривал участие советской стороны в создании этих и других мировых экономических структур как одну из важнейших гарантий успеха их работы. Поэтому **И.В. Сталин**, не желая идти на конфронтацию с союзниками, принял решение об участии СССР не только в создании **МВФ, МБРР** и **ГАТТ**, но и **Европейской экономической комиссии, Международной организации гражданской авиации** и ряда других организаций.

Но постепенно позиция советской стороны стала резко меняться, поскольку: **1)** вскоре скоропостижно скончался президент **Ф.Д. Рузвельт** и американскую администрацию возглавил злобный антисоветчик **Гарри Трумэн** и **2)** **И.В. Сталин, В.М. Молотов, А.А. Жданов, А.И. Микоян** и другие советские руководители прекрасно понимали, что при принятии всех важнейших решений представители советской стороны не смогут на равных вести диалог и защищать интересы своей страны, поскольку не обладали даже простым большинством голосов, а право вето во всех этих международных структурах просто-напросто отсутствовало. Это обстоятельство, конечно, означало серьезное ограничение свободы СССР во внешнеэкономической сфере и создавало прямую угрозу быстрого проникновения иностранного капитала в советскую зону влияния в Восточной Европе, что могло привести к финансово-экономической, а затем и политической потере всех этих территорий. Поэтому в **конце 1945 г.** новый советский посол в **Вашингтоне Н.В. Новиков** от имени руководства страны уведомил госсекретаря **Дж. Бирнса** об отказе СССР ратифицировать **Бреттон-Вудские соглашения**.

Между тем, в военно-политической сфере ведущим мировым державам удалось добиться гораздо большего взаимопонимания. В **апреле 1945 г.** после очень трудных и длительных переговоров главы советской делегации наркома иностранных дел СССР **В.М. Молотова** с главой американской делегации сенатором **А.Х. Ванденбергом** была завершена работа над проектом окончательной редакции

Устава ООН, который был подписан на **Конференции в Сан-Франциско в конце июня 1945 г.**

По замыслам отцов-основателей **Организации Объединенных Наций**, пришедшей на смену **Лиге Наций**, **ООН** должна была стать главным инструментом политического регулирования нового мирового порядка, что вполне отвечало интересам СССР, поскольку процедура принятия решений в **ООН** была двухступенчатой. Нижнее звено этой организации — **Генеральная ассамблея ООН**, объединявшая всех стран-участниц **ООН**, имела право принимать только рекомендательные решения. Верхнее звено организации — **Совет Безопасности ООН** имел значительно более широкие полномочия и обладал исключительным правом решать все вопросы о применении санкций против тех или иных государств.

Причем, особое положение нашей страны в **Совете Безопасности ООН** было надёжно закреплено, поскольку: 1) СССР наряду с США, Великобританией, Францией и Китаем получил место его постоянного и несменяемого члена; 2) Все ключевые решения принимались не большинством голосов, а только методом консенсуса — при обязательном согласии всех пяти его постоянных членов. Иначе говоря, каждый из постоянных членов **СБ** получал право вето и мог воспользоваться им, если находил, что предлагаемое решение не соответствует его интересам.

Таким образом, отношения между СССР и США инкорпорировались вовнутрь многосторонней международной структуры, которая становилась главной трибуной диалога всех государств. Кроме того, эта структура оказалась единственным политико-правовым механизмом сотрудничества двух мировых сверхдержав в вопросах мировой политики. Однако поскольку практически сразу **ООН** столкнулась с невозможностью обеспечить совместимость интересов своих ведущих членов, то **главной ее функцией** стало не совершенствование системы международных отношений, а **предупреждение возможного военного конфликта между СССР и США**, устойчивость отношений между которыми была главным условием сохранения международного миропорядка.

3. Приоритеты внешней политики СССР и первые послевоенные кризисы в Иране, Греции и Турции

По мнению ряда авторов (**А. Богатуров, В. Аверкин, Ю. Жуков, Н. Быстрова**), несмотря на все трения, которые возникали между СССР и его вчерашними союзниками по антигитлеровской коалиции, уже с **весны 1945 г. И.В. Сталин** считал, что необходимо как можно дольше сохранять союзнические отношения с США и Великобританией. Предполагалось, что противоречия в рамках империалистического блока позволят СССР постепенно нарастить свою сферу влияния на ближневосточном и дальневосточном направлении. Однако до тех пор, пока СССР не накопит достаточных материальных ресурсов и не восстановит разрушенную экономику, он ограничит свою поддержку коммунистическим партиям за пределами своей сферы влияния только на западном направлении.

Вместе с тем, советское политическое руководство, прежде всего, **И.В. Сталин, В.М. Молотов и А.А. Жданов**, продолжало оперировать категориями геополитики, модифицированными на основе марксизма-сталинизма. Они считали мировую экономику частью всемирной арены борьбы с империализмом и, внимательно

отслеживая ситуацию в послевоенной Европе, где происходил бурный подъем левых настроений, не исключали перспективы революционного взрыва на всем европейском континенте. С этой точки зрения нарастание кризисных явлений в мировой экономике должно было бы содействовать росту революционного потенциала, а стабилизация мировой экономики, напротив, затуханию борьбы в лагере империализма. Ожидание очередного кризиса империализма, как возвратного варианта «**Великой депрессии**», господствовало в концептуальных построениях всех советских идеологов. В частности, предвкусение новой кризисной волны и резкого обострения межимпериалистических противоречий стало определяющим тезисом одного из выступлений главного партийного идеолога **А.А. Жданова**, произнесенного им в начале 1946 г.

Вместе с тем, вряд ли состоятельны взгляды всех тех современных либеральных авторов (**Г. Попов**, **В. Суворов**, **Б. Соколов**), которые всячески утверждают, что **И.В. Сталин** и его окружение с самого начала вынашивали планы развязывания новой мировой войны и завоевания мирового господства путем разжигания мировой пролетарской революции.

Первыми очевидными следствиями советской внешнеполитической стратегии стали иранский, греческий и турецкий кризисы.

а) **Иранский кризис 1945–1946 гг.** Согласно решениям, принятым в **Потсдаме**, после завершения войны союзные державы должны были вывести все свои войска с территории **Ирана**, куда они были введены в **сентябре 1942 г.** для предупреждения возможной переориентации шахского правительства в сторону Германии.

В **сентябре 1945 г.** иранский шах **Мохаммед Реза Пехлеви** обратился к правительствам трех великих держав с просьбой о выводе союзных войск с территории его страны. В **январе-марте 1946 г.** американские и английские войска были выведены с территории Ирана, но советское правительство проигнорировало просьбу **Тегерана**. Причина этого отказа состояла в том, что на территории компактного проживания этнических меньшинств — иранских азербайджанцев и курдов начался заметный рост сепаратистских настроений, окрашенный в цвета национально-революционного движения.

В **ноябре 1945 г.** в **Иранском Азербайджане** началось восстание, организованное коммунистической **Народной партией Ирана**, для подавления которого на северо-запад страны были посланы правительственные войска. Однако части **15-го кавалерийского корпуса** генерал-лейтенанта **М.И. Глинского** не пропустили **Тебризскую дивизию** генерала **А. Дорокшани** в мятежный регион и в **марте 1946 г.** иранское правительство обратилось с жалобой в **СБ ООН** по поводу действий советских военных властей.

В разгар иранского кризиса, **5 марта 1946 г.** бывший британский премьер-министр **У. Черчилль**, выступая в **Вестминстерском колледже**, произнес свою знаменитую «**фултонскую речь**», в которой обвинил **Москву** в создании «**железного занавеса**», разделяющего мир на две части, и выступил с призывом укреплять «**англо-саксонское партнерство**» **США и Британии** для противодействия коммунистической угрозе. В мире «**фултонская речь**» патриарха британской политики была воспринята как своеобразный манифест «**холодной войны**», начало которой стало крахом всех послевоенных иллюзий в СССР. Речь **У. Черчилля** получила широкий международный резонанс и потому, что на нее отреагировал сам **И.В. Сталин**, который в своем

интервью газете «Правда» в самых резких тонах осудил это выступление и заявил, что, по сути дела, оно означает призыв к новой мировой войне. При этом надо подчеркнуть, что ряд современных авторов (**Н. Нарочницкая, В. Злобин**) утверждают, что **основные тезисы «фултонской речи»**, носившей явно провокационный характер, **У. Черчилль** вынашивал еще в 1943 г., о чем **И.В. Сталин** был подробно информирован на **Тегеранской конференции**. Поэтому иранский кризис стал не причиной «фултонской речи» **У. Черчилля**, как это преподносят наши записные либералы, а лишь поводом для нее.

Более того, уже в **сентябре-октябре 1945 г.** **Объединенный Комитет начальников штабов (ОКНШ)** утвердил директивы № 1496 «**Основы формулирования военной политики**» и № 1518 «**Стратегическая концепция и план использования вооруженных сил США**», в которых главной военной целью был обозначен Советский Союз. А в целом ряде директив **Объединенного комитета военного планирования** — «**Клеши**», «**Жаркий день**», «**Испепеляющий жар**», «**Встряска**» и других, принятых в **1945–1946 гг.**, содержалась целая программа атомной бомбардировки крупнейших советских городов и промышленных центров.

Сам же **иранский политический кризис** был разрешен в ходе советско-иранского диалога в **апреле 1946 г.** В качестве компромисса были достигнуты договоренности о создании на выгодных для СССР условиях совместной советско-иранской нефтяной компании и о расширении представительства этнических азербайджанцев в качестве депутатов иранского **Меджлиса**.

б) Греческий кризис 1945–1949 гг. Еще в **апреле 1941 г.**, после вступления германских войск на территорию Греции, здесь началось мощное партизанское движение, в котором важную роль играли коммунисты, создавшие **Народно-освободительную армию Греции (ЭЛАС)**. К началу 1945 г. войска этой армии, освободив от германских войск значительную часть территории страны, неожиданно столкнулись с вооруженными силами королевского правительства короля **Георга II**, которых активно поддерживали западные союзники. Советский Союз, имея серьезное влияние на греческих коммунистов, мог в принципе оказать им существенную помощь через **Народно-Освободительную армию Югославии (НОАЮ)** маршала **И.Б. Тито**, однако **И.В. Сталин**, не желая обострять отношения с Великобританией, дал понять лидеру греческих коммунистов **Й. Сиантосу**, что надо уступить союзникам. Поэтому в **феврале 1945 г.** между руководством левых партий и главой королевского правительства генералом **Н. Пластирасом** было подписано **Варкизское соглашение** о перемирии сторон.

Однако **летом 1946 г.** в стране началась ожесточенная **Гражданская война**, которая продолжалась вплоть до **1949 г.** В столицах западных держав всю ответственность за разжигание этой войны, естественно, возложили на **Москву**, однако это совершенно противоречило реальному положению вещей, поскольку главными спонсорами греческих коммунистов выступали лидеры Албании и Югославии **Э. Ходжа** и **И.Б. Тито**. **И.В. Сталин**, напротив, не желая создавать еще один очаг напряженности в отношениях с вчерашними союзниками и не имея лишних ресурсов и средств, уклонился от поддержки греческих коммунистов.

в) Турецкий кризис 1945–1947 гг. Еще в **марте 1945 г.**, за шесть месяцев до окончания срока действия советско-турецкого договора «**О дружбе и границах**», правительство СССР уведомило главу турецкого правительства генерала **И. Инёню** о своем

намерении не пролонгировать этот договор. Затем на **Потсдамской конференции** советская делегация пыталась добиться пересмотра режима черноморских проливов, установленных по итогам работы **Лозаннской конференции** еще в **июле 1923 г.**, но не получила поддержки со стороны своих союзников по антигитлеровской коалиции. Тогда **Москва** попыталась договориться по этому вопросу с самой **Анкаррой** и в **августе 1947 г.** направило ноту турецкому правительству с предложением начать переговоры об изменении режима судоходства в черноморских проливах и разрешить СССР создать в зоне проливов советскую военную базу. Содержание этой ноты немедленно было доложено госсекретарю США **Дж. Бирнсу**, который крайне болезненно воспринял эту информацию и инициировал обсуждение вопроса об ответных мерах союзных держав в случае советской агрессии против Турции. Однако в **Москве**, уловив общий накал антисоветских настроений, дали задний ход и свели возможное обострение кризиса на нет.

4. Ситуация в Центральной и Восточной Европе после окончания войны (1945–1946)

После окончания **Второй Мировой войны** вся территория Восточной Европы и Балкан была занята советскими войсками, которых местное население воспринимало как освободителей от ужасов нацистской оккупации. Это обстоятельство, а так же крушение прежних профашистских режимов, сыграли ключевую роль в кардинальном изменении ситуации в этом важнейшем регионе всего европейского континента.

1) В **ноябре 1945 г.** после свержения профашистского режима **Ф. Салаши** в **Венгрии** прошли первые свободные выборы и в **феврале 1946 г.** страна была провозглашена республикой. Президентом страны и главой нового правительства стали лидеры победившей на выборах **Независимой партии мелких хозяев** **З. Тилди** и **Ф. Надь**. Однако **Коммунистическая партия** во главе с **Матьяшом Ракоши**, получив несколько второстепенных постов в новом правительстве, не смогла занять лидирующего положения в нем.

2) В **феврале 1945 г.** после крушения профашистского режима маршала **И. Антонеску** и возвращения на престол короля **Михая I**, в **Румынии** прошли парламентские выборы. По итогам этих выборов был сформирован новый кабинет, который возглавил руководитель **Фронта земледельцев** **Петр Гроза**, в котором коммунисты получили большую часть министерских постов. Эта ситуация настолько встревожило советское руководство, что, исполняя решения декабрьского совещания **Совета министров иностранных дел (СМИД)** союзных держав, заместитель наркома иностранных дел СССР **А.Я. Вышинский** срочно выехал в **Бухарест** и убедил коммунистов включить в новое правительство представителей **Национал-либеральной (Г. Тэттэреску)** и **Национал-царанистской (Ю. Маниу)** партий, чтобы обеспечить новому румынскому правительству международное признание.

3) В **ноябре 1945 г.** в **Болгарии** были также проведены парламентские выборы, на которых победу одержал **Отечественный фронт** — коалиция левых политических партий во главе с коммунистами. Однако главой нового правительства, по сугубо тактическим соображениям, стал лидер **Народного союза «Звено»** генерал-полковник **К. Георгиев**. Но уже через год, в **ноябре 1946 г.** был проведен всенародный референдум, по итогам которого была упразднена монархия и провозглашена **На-**

родная Республика Болгария, новым премьер-министром которой стал многолетний лидер болгарских коммунистов **Георгий Димитров**.

4) На территориях **Албании** и **Югославии** с самого начала войны зародилось мощное партизанское движение, возглавляемое местными коммунистами, поэтому еще до окончания войны к власти, естественно, пришли лидеры двух коммунистических партий — **Албанской партии труда Энвер Ходжа** и **Коммунистической партии Югославии Иосип Броз Тито**. Причем, здесь были сразу сформированы однородные коммунистические правительства — в **Тиране** в **октябре 1944 г.**, а в **Белграде** — в **марте 1945 г.**

5) После окончания войны и восстановления **Польши** на основе компромисса, достигнутого лидерами союзных держав в **Потсдаме**, в **июле 1945 г.** был сформирован коалиционный кабинет из представителей двух польских правительств — просоветского **«лоблинского» правительства** во главе с социалистом **Э. Осубка-Моравским** и проанглийского **«лондонского» правительства** во главе с **С. Миколайчиком**. Первый стал премьер-министром нового правительства, а второй — занял посты вице-премьера и министра земледелия. Однако уже в **январе 1947 г.** на президентских и парламентских выборах **Польская крестьянская партия С. Миколайчика** потерпела сокрушительное поражение и власть в стране перешла к **Комитету Национального освобождения Польши**, а президентом страны и председателем **Государственного Совета** стал один из лидеров польских коммунистов **Болеслав Берут**.

6) На территории воссозданной **Чехословакии** после окончания войны главой государства вновь стал **Эдуард Бенеш**, восстановленный в своих правах как полноправный президент страны. Однако в **мае 1946 г.** на выборах в **Законодательное собрание** страны коммунистам удалось получить относительное большинство голосов, и новым главой коалиционного правительства стал их лидер **Клемент Готвальд**. Половину министерских постов в новом составе правительства заняли представители буржуазных партий, а ключевой пост министра иностранных дел — сын первого президента страны **Ян Масарик**, который был ярким сторонником прозападной ориентации.

По оценкам ряда историков (**А. Богатуров, В. Аверков, Ю. Жуков, Н. Быстрова**), в первые послевоенные годы, до **середины 1947 г.**, советское руководство не ставило перед собой стратегической цели формирования во всех восточноевропейских странах однопартийных коммунистических режимов. В тот период основная задача заключалась в том, чтобы создать на западной границе СССР пояс безопасности из дружественных ему государств. Более того, **И.В. Сталин, В.М. Молотов** и **А.А. Жданов** поначалу очень терпимо относились к умеренным, некоммунистическим партиям и всячески поощряли создание правительственных коалиций и объединение различных партий и движений во всевозможного рода «народные фронты», стоявшие на демократических позициях. Такой режим, который обеспечивал господство социалистических элементов в экономике и политическом строе этих стран без разрушения старой государственной машины и при сохранении старого парламентаризма, получил название **«народной демократии»**.

Советский Союз в тот период вел себя в Восточной Европе крайне осмотрительно и явно не желал осложнений с **Вашингтоном** и **Лондоном**. Более того, такие режимы гипотетически могли существовать в форме нейтральных правительств без участия коммунистов, как это было в **Финляндии** после отставки в **марте 1946 г.** президента **К. Маннергейма**. Однако опыт этой северной страны, где не было со-

ветских войск, оказался неприменим к восточноевропейским странам, где постепенно стали преобладать значительно более радикальные формы экономических и политических трансформаций.

5. Зарождение «холодной войны» и «доктрины сдерживания» (1946–1947)

По оценкам большинства историков (**В. Фалин, Ю. Жуков, Н. Быстрова, А. Богатуров, В. Аверков**), зимой 1946 г. в западном общественном мнении начался серьезный перелом в отношении сотрудничества с СССР, поскольку на антисоветские позиции стали стремительно переходить многие представители либеральной части западных интеллектуалов. Уже в **феврале 1946 г.** временный поверенный США в СССР **Дж. Кеннан** направил в **Государственный департамент США** донесение в форме знаменитой «**длинной телеграммы**», в которой дал развернутую и предельно жесткую оценку дальнейшему развитию отношений США с Советским Союзом. В частности, в своей телеграмме он предостерегал американское политическое руководство от продолжения рузвельтовской политики доверительного партнерства с СССР и призывал его скорее избавиться от прежних иллюзий и завышенных ожиданий в отношении возможностей дальнейшего сотрудничества с **Москвой** на общепринятой дипломатической основе. Так же в этой телеграмме твердо заявлялось, что советское руководство уважает только силу и поэтому диалог с ним надо вести в не вызывающей, но твердой манере, давая понять, что США не пойдут ни на какие уступки без гарантированной взаимности со стороны СССР. В силу этих обстоятельств **Дж. Кеннан** считал единственным адекватным ответом на попытки и устремления советской стороны установить просоветские режимы в разных странах мира взять на вооружение принципиально новую внешнеполитическую доктрину — «**доктрину сдерживания**» **Москвы**.

Хотя «длинная телеграмма» была предназначена только новому государственному секретарю США **Дж. Бирнсу**, вскоре с ней ознакомились практически все заинтересованные лица, которые определяли внешнюю политику **Вашингтона**, в том числе министр военно-морских сил **Дж. Форрестол**, директор ЦРУ **С. Соерс**, посол США в СССР **А. Гарриман** и другие.

В ответ на эту телеграмму **Дж. Кеннана** в **сентябре 1946 г.** советский посол в **Вашингтоне Н.В. Новиков** направил на имя министра иностранных дел СССР **В.М. Молотова** аналитический обзор под названием «**Внешняя политика США в послевоенное время**», в котором констатировал, что: **1)** внешняя политика США «характеризуется в послевоенный период стремлением к мировому господству... С этой целью разработаны широкие планы экспансии, осуществляемые, как в дипломатическом порядке, так и путем создания далеко за пределами США систем военно-морских и авиационных баз, гонки вооружений, созданием все новых и новых видов оружия»; **2)** этот внешнеполитический курс новой американской администрации во многом связан с приходом к власти президента **Г. Трумэна** — «человека, политически крайне неустойчивого, с определенными политическими тенденциями», а также назначением государственным секретарем США **Дж. Бирнса**, что привело к «резкому усилению влияния на внешнюю политику США самых реакционных кругов демократической партии»; **3)** зримым подтверждением агрес-

сивных планов **Вашингтона** являются «факты резкого увеличения американской армии», рост военных расходов их госбюджета, а так же «создание глобальной системы военных баз на Атлантическом и Тихом океанах, которым отводилась ведущая роль в планах установления мирового господства США».

Тем временем английское правительство **Клементы Эттли** уведомило американскую администрацию, что из-за внутренних трудностей не сможет продолжить оказание финансовой помощи греческому и турецкому правительствам. Опасаясь, что в случае ухода Великобритании из **Восточного Средиземноморья** политический вакуум быстро займет Советский Союз, в **марте 1947 г.** президент **Г. Трумэн** запросил у **Конгресса США 400 млн долларов** на оказание срочной помощи **Афинам и Анкаре**. При этом, обосновывая свой запрос, американский президент сделал особый акцент на необходимости сдерживать натиск «мирового коммунизма» и использовал в своей речи аргументацию и терминологию «длинной телеграммы» **Дж. Кеннана**.

В отечественной историографии (**В. Фалин, А. Богатуров, В. Аверков, Ю. Жуков**) принято считать, что именно эта речь **Г. Трумэна** в **Конгрессе США** положила начало печально знаменитой доктрине «сдерживания коммунизма», которая стала основой всей новой внешней политики США. После столетнего господства изоляционистской «доктрины Монро» в США началась эра американского интернационализма или вернее интервенционизма, основанного на идее особой мессианской роли США как первого в мире свободного и демократического государства.

В **июне 1948 г. Сенат США** принял так называемую «резолюцию **А. Ванденберга**», которая окончательно похоронила изоляционистскую доктрину американской внешней политики и положила начало курсу на создание постоянных военно-политических блоков с участием США.

Надо признать, что весь период «холодной войны» почти вся ее историография развивалась под заметным влиянием идейного противоборства самих научно-политических элит двух супердержав, которые были кровно заинтересованы в оправдании действий своих государств и обвинении противника во всех негативных последствиях их глобальной конфронтации. Особенно отчетливо это стремление проявляется в попытках двух «ортодоксальных» школ — советской и американской — переложить друг на друга ответственность за развязывание «холодной войны». По сути, этот вопрос — вопрос ответственности за начало глобальной конфронтации — и стал центральным во всей мировой историографии «холодной войны».

Так, известные американские историки и советологи (**И. Фейс, Р. Пайпс, З. Бжезинский**) всегда утверждали, что только экспансионистские устремления «ленинско-сталинского социализма», личные амбиции и идейный фанатизм **И.В. Сталина** и острая необходимость остановить советскую экспансию ради защиты «ослабших западных демократий», подвигли США через проведение «сугубо оборонительной политики» вступить в противоборство с СССР и вмешаться в решение глобальных мировых проблем. Что касается советских ученых (**И. Галкин, В. Кулаков, В. Трухановский, Н. Сивачев, Е. Язьков, Н. Яковлев**), то на протяжении всего послевоенного периода они постоянно и вполне аргументировано утверждали, что главной причиной «холодной войны» стали имперские и гегемонистские цели американского правительства и транснациональных корпораций, которое, серьезно опасаясь роста популярности идей социализма во всем мире, вполне

сознательно начали «холодную» и подготовку к большой, «горячей», войне против СССР и стран социалистического лагеря.

Эта точка зрения совершенно неожиданно нашла поддержку в рамках так называемого «ревизионистского» направления западной историографии (**П. Кальвокорес-си**), которое впервые заявило о себе в **конце 1960-х гг.** Европейские «ревизионисты» полагали, что именно США несут основную ответственность за возникновение «холодной войны». По их мнению, с самого начала главной стратегической целью американской администрации являлось «глобальное переустройство мира в соответствии с либерально-капиталистической моделью», в рамках которой США имели бы неоспоримые преимущества и закрепили бы свое мировое лидерство (**«Pax Americana»**). Однако Советский Союз не разделял этих глобалистских планов, своей активностью, фактически, препятствовал им. Пытаясь подавить эту активность, в том числе при помощи экономических санкций и «атомной дипломатии», США игнорировали законные интересы **Москвы**, а советские лидеры скорее проводили оборонительную, чем наступательную политику в этом вопросе.

Бескомпромиссная схватка «ортодоксов» и «ревизионистов» вызвала у части современных ученых желание найти более объективные истоки глобального конфликта двух сверхдержав. Возникшая именно на этой почве новая, «постревизионистская школа» (**Г. Лундestad, Т. Нафтали**), стала объяснять возникновение «холодной войны» естественными и нормальными противоречиями геополитического характера, а не злой волей вождей или идеологической непримиримостью двух супердержав. Вслед за этими тремя, самыми авторитетными научными школами, возникло еще несколько влиятельных направлений. Особое место в этом ряду занимают представители американской политологической школы «теории режимов» (**У. Фолтс, Б. Рассет, П. Маккой, М. Каплан**), которые стали рассматривать «холодную войну» в качестве своеобразного «режима безопасности» для формирования послевоенного нового мирового порядка. Очень своеобразную трактовку предлагали также теоретики школы «мир-системного анализа» (**А. Фурсов, А. Коротаев, А. Франк, И. Валлерстайн, Дж. Арриги**), которые видели в «холодной войне» инструмент сознательного раздела сверхдержавами нестабильных и слабо развитых регионов мира на сферы своего влияния и контроля.

Кроме названных, вполне сформировавшихся и полноценных научных школ, можно указать и множество других научных групп, которые также предлагают достаточно серьезные гипотезы, которые объясняют возникновение «холодной войны» либо конфликтом «сталинизм-атлантизм», либо ошибками «системы коммуникаций», либо неспособностью мирно поделить Восточную Европу, либо последствиями «атомного шантажа» и т.д.

6. Палестинская проблема и образование государства Израиль (1948) *

Во время **Второй Мировой войны** Великобритания существенно расширила свое влияние в ближневосточном регионе и в **1944 г.** создала под своей эгидой **Лигу арабских государств**. Вместе с тем, на территорию арабской **Палестины** за годы войны переселилось более **600 000 евреев**, что вызывало крайнее недовольство в арабском мире. Британский кабинет, владевший особым мандатом на управление **Палестиной**, вынужден был прекратить приток еврейских поселенцев в этот регион,

что вызвало колоссальный рост еврейского экстремизма. В конце 1944 г. лидеры сионистов и руководители трех подпольных экстремистских боевых организаций — «Лехи», «Иргун» и «Хаган» Э. Голомб, М. Бегин, И. Эльдат, И. Шамир и другие, давно лелеющие планы создания еврейского государства, начали вооруженную борьбу за ликвидацию британского мандата на Палестину.

В августе 1945 г. Всемирный сионистский конгресс, штаб-квартира которого располагалась в Нью-Йорке, выдвинул лозунг переселения в Палестину еще 1 000 000 евреев, который под давлением местных еврейских общин и организаций, а так же Конгресса США, поддержал и президент Г. Трумэн. Предвидя политический взрыв в арабских странах, Лондон отклонил этот план, а октябре 1946 г. представители Египта, Ливана, Сирии и Ирака выступили с заявлением в адрес американской администрации, в котором предупредили, что любые попытки превратить Палестину в еврейское государство приведут к войне на всем Ближнем Востоке.

Не имея возможности сопротивляться нажиму Вашингтона, и одновременно не желала осложнять свои отношения с арабским миром, Лондон решил снять с себя всю ответственность за происходящие события и в феврале 1947 г. заявил о своем намерении отказаться от мандата на Палестину. Вскоре палестинский вопрос был передан на рассмотрение Генеральной ассамблеи ООН, где по итогам крайне острой дискуссии в ноябре 1947 г. была принята резолюция № 181 о разделе территории Палестины на три части: еврейскую (56 %), арабскую (42 %) и особую зону — Иерусалим и Вифлеем, передаваемую под опеку ООН.

Сионистские организации с огромной радостью приняли эту резолюцию ООН, но арабские страны ее не признали и продолжали настаивать на создании в Палестине отдельного арабского государства. Тем временем действия еврейских террористов стали приобретать характер планомерных боевых операций, жертвами которых становились и местные арабы, и англичане. Из Палестины началось массовое бегство арабского населения в соседние страны. Не желая стать жертвой новой войны, Великобритания начала эвакуацию своих войск и в мае 1948 г. официально заявила о прекращении своего мандата на Палестину. А уже на следующий день временное еврейское правительство Палестины во главе с Давидом Бен-Гурионом провозгласило образование государства Израиль, первым президентом которого стал Хаим Вейцман. При этом Израиль, в нарушение резолюции ООН, захватил часть других территорий арабской Палестины, что стало причиной Первой арабо-израильской войны (1948–1949).

Через день новое государство было официально признано многими державами мира, в том числе СССР, который рассчитывал получить в лице Израиля верного и надежного союзника на Ближнем Востоке. Однако это решение оказалось одной из грубейших внешнеполитических ошибок И.В. Сталина, поскольку Израиль сразу занял откровенно проамериканскую позицию. Но вскоре вождь всех времен и народов «отыгрался» на сионистах, начав в стране широкомасштабную борьбу с «безродными космополитами».

7. «План Маршалла» и его международно-политическое значение (1947)

К концу 1946 г. администрация США все больше стала склоняться к мысли, что экономическое восстановление Европы и укрепление своих позиций в этом регионе

куда важнее взаимопонимания с СССР по германскому вопросу. Поэтому уже в **январе 1947 г.** на пост государственного секретаря США был назначен генерал армии **Дж. Маршалл**, активный сторонник наступательной политики в германском вопросе.

Весной 1947 г. французское и итальянское правительства обратились к администрации США с просьбой о крупных поставках зерна в связи с острым дефицитом аграрной продукции в своих странах. В **Вашингтоне** эту просьбу расценили как подходящий момент для оглашения своих условий помощи европейским странам. Главными из этих требований стали отказ от проведения просоветского внешнеполитического курса и изгнание всех коммунистов и состава национальных правительств европейских стран. В Западной Европе американский призыв был быстро принят во внимание и уже в **мае 1947 г.** французский и итальянский премьер-министры **Поль Рамадье** и **Альчино Гаспери** провели реорганизацию своих правительств и удалили из их состава всех коммунистов.

В **июне 1947 г.** **Дж. Маршалл** выступил в **Гарвардском университете** и заявил, что администрация **Г. Трумэна** готова профинансировать программу экономического восстановления Европы, если она будет представлена самими европейцами. И уже спустя несколько дней министры иностранных дел Великобритании и Франции **Э. Бевин** и **Ж. Бидо** занялись срочным составлением соответствующего проекта.

Теоретически «**план Маршалла**», главными разработчиками которого были сам госсекретарь **Дж. Маршалл**, его заместитель **Д. Ачесон** и глава **Совета по международным отношениям Д.Ф. Даллес**, был рассчитан не только на страны Западной Европы, к участию в этом проекте пригласили и все восточноевропейские державы, и даже СССР. Однако этот план был абсолютно неприемлем для СССР, поскольку его главная идея состояла отнюдь не в восстановлении, а в полной реорганизации европейского экономического пространства. Фактически речь шла о создании регионального механизма экономического регулирования новых «полуколоний» США на Европейском континенте. Естественно советское политическое руководство никак не могло принять подобный план, поскольку он встраивал бы СССР в мировую экономическую систему, полностью подконтрольную США, ограничивал его суверенитет и «уводил» бы от него всех его союзников в Восточной Европе.

Первые консультации по «**плану Маршалла**» состоялись в **Париже** в **июне 1947 г.** на совещании министров иностранных дел СССР, Франции и Великобритании. Советскую сторону представлял министр иностранных дел **В.М. Молотов**, который после предварительного обсуждения этого плана отказался от разговора по существу и, сославшись на полную неуместность обсуждения вопроса об участии в нем Германии, покинул **Париж**. Несмотря на этот демарш **Москвы**, правительства Франции и Великобритании направили в **22 страны**, в том числе восточноевропейские, приглашения прибыть в **Париж** на конференцию для обсуждения «**плана Маршалла**». Советский Союз отклонил это приглашение и вынудил правительства Польши, Чехословакии, Венгрии, Румынии, Болгарии и Финляндии также отказаться от участия в ней. Тем не менее, **Парижская Конференция** состоялась и приняла принципиальное решение о создании **Организации европейского экономического сотрудничества**, основной задачей которой стало администрирование «**плана Маршалла**».

Администрация **Г. Трумэна** запросила у **Конгресса США** на реализацию «**плана Маршалла**» **29 млрд долл.**, однако реально в Европу поступило около **17 млрд долл.**, причем, в основном в Великобританию, Францию, Италию и Западную Германию.

При этом значительная часть самих этих средств проходила в форме товарных поставок американской промышленной продукции на основе американских же займов и субсидий, выданных правительствам этих европейских держав. Таким образом, по сути, вся американская «помощь» на практике была обычным инструментом неокOLONиализма и средством привязки западноевропейских государств к американской экономике и важным инструментом влияния на политическую ситуацию ведущих стран Западной Европы.

Именно это обстоятельство, на которое сразу обратили внимание видные советские экономисты, в том числе академик **Е.С. Варга**, проводившие по указанию **И.В. Сталина** и **В.М. Молотова** экономическую экспертизу «плана Маршалла», и стало главной причиной отказа советского политического руководства от присоединения к нему.

Между тем, в современной историографии довольно четко обозначились два разных подхода в оценке и самого «плана Маршала», и главных его целей. Ряд современных авторов (**А. Богатуров, В. Аверков, А. Данилов, А. Пыжиков, М. Наринский, Н. Быстрова**) «с пеной у рта» стали утверждать, что главной целью «плана Маршала» было восстановление разрушенной европейской экономики, устранение всех торговых барьеров и модернизация индустриального потенциала европейских держав. Более того, этот план реформировал старый европейский капитализм через внедрение в него высоких американских стандартов, производственных практик и норм, этики производственных отношений, научной организации производства, обновление всего оборудования и экспорт новых идей.

Однако их оппоненты (**Н. Ратников, Ю. Бокарев, Ю. Жуков, Н. Нарочницкая**) справедливо полагают, что «план Маршала» в купе с «доктриной Трумэна» и «Гарвардским проектом» представлял собой составную часть агрессивного внешнеполитического курса США, прямо направленного на поощрение экономической экспансии американских монополий, на усиление политики «холодной войны» и создание агрессивных военно-политических блоков, направленных против СССР и его союзников на европейском и азиатском континентах.

8. Ситуация в Восточной Европе в 1947–1949 гг. ИСТОРИКО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

а) Германский вопрос в 1946–1947 гг.

После завершения войны вся территория Германии была поделена на четыре оккупационных зоны — советскую, американскую, английскую и французскую. При этом у вчерашних союзников по антигитлеровской коалиции существовали совершенно различные планы относительно будущей судьбы этого государства. Так, парижский кабинет занимал наиболее радикальную позицию в этом вопросе. В частности на первых двух сессиях СМВД в Лондоне (**сентябрь-октябрь 1945 г.**) и в Париже (**апрель — июнь 1946 г.**) французская делегация во главе с министром иностранных дел **Ж. Бидо** добивалась расчленения Германии за счет отделения от нее **Рейнской области, Рура и Саара**. Однако эти предложения французской стороны были отклонены руководителями дипломатических ведомств союзных держав **Э. Бевином** и **Дж. Бирнсом**, которые считали, что ресурсы **Рура и Рейнской зоны** должны стать основой экономического восстановления всей Западной Европы, а не только Франции.

Причем, уже в **декабре 1946 г.** руководители США и Великобритании приняли решение объединить свои оккупационные секторы в единую зону — **«Бизонию»**, мотивируя свое решение необходимостью проведения согласованной экономической политики для двух оккупационных зон. Тем временем, на третьей сессии СМВД в **Нью-Йорке (декабрь 1946 г.)** были окончательно согласованы тексты всех мирных соглашений с Италией, Финляндией, Венгрией, Румынией и Болгарией, которые были подписаны в **Париже в феврале 1947 г.**

Однако германский вопрос по-прежнему оставался источником напряженности в отношениях между ведущими мировыми державами. Поэтому все попытки его урегулировать на четвертой и пятой сессиях СМВД, состоявшихся в **Москве (март — апрель 1947 г.)** и **Лондоне (ноябрь — декабрь 1947 г.)**, привели к переговорному тупику.

б) Создание Коминформа (1947)

Дипломатическое признание западными державами Венгрии, Польши и Румынии, а затем реализация **«плана Маршалла»** дали основание советскому руководству отказаться от прежней **«политики сдерживания»** в отношении братских компартий восточноевропейских стран, и уже к **осени 1947 г.** в Польше, Румынии и Болгарии вся полнота государственной власти была сосредоточена в их руках.

В **конце сентября 1947 г.** в польском городке **Шклярска-Поремба** по инициативе **И.В. Сталина** и **И.Б. Тито** состоялось совещание руководителей девяти коммунистических партий Европы, в котором приняли участие **А.А. Жданов (СССР), И.Б. Тито (Югославия), В. Гомулка (Польша), К. Готвальд (Чехословакия), Г. Георгиу-Деж (Румыния), М. Ракоши (Венгрия), Г. Димитров (Болгария), М. Торез (Франция) и П. Тольятти (Италия)**, где было принято решение о создании **Информационного Бюро Коммунистических партий (Коминформа)**. На этом совещании с теоретическим докладом **«О международном положении»** выступил **второй секретарь ЦК ВКП(б) А.А. Жданов**, в котором был развит старый ленинский тезис о непримиримом противостоянии двух лагерей — **«антидемократического империалистического лагеря»** и **«демократического антиимпериалистического лагеря»**, который был целиком и полностью поддержан всеми руководителями указанных компартий.

По мнению многих современных авторов (**А. Данилов, А. Пыжиков, Ю. Жуков, Г. Адибеков, Н. Быстрова**), сам **Коминформ** фактически представлял собой модифицированную версию **Коминтерна**, который был распущен **И.В. Сталиным** еще в **1943 г.** по сугубо политическим и идеологическим причинам. Поскольку в самый разгар **Великой Отечественной войны** на волне колоссального роста патриотических настроений и в условиях активизации сотрудничества великих держав в рамках антигитлеровской коалиции, существование этого штаба мировой пролетарской революции уже представлялось чистым анахронизмом. Теперь же создание **Коминформа**, ставшего прямым следствием реализации **«плана Маршалла»** и активизации американского экспансионизма, стало не только шагом на пути консолидации всех коммунистических режимов восточноевропейских держав, но и инструментом советского влияния на все социалистические и коммунистические партии ведущих западноевропейских государств.

После создания **Коминформа** советское политическое руководство дало отмашку на активизацию действий компартий восточноевропейских стран и уже в **феврале 1948 г.** в результате государственного переворота в Чехословакии от власти был

отстранен президент **Э. Бенеш** и новым главой государства стал лидер компартии **К. Готвальд**. А затем аналогичные события произошли и в Венгрии, где в мае 1949 г. к власти пришла просоветская **Венгерская партия трудящихся** во главе с **М. Ракоши**.

в) Советско-югославский конфликт (1948–1949)

Вместе с тем, в этот период началось резкое расхождение позиций между **И.В. Сталиным** и **И.Б. Тито**, который, обладая непререкаемым авторитетом в своей стране и мировом коммунистическом движении, стал вести себя более независимо в отношениях с советским руководством, чем это могли позволить себе лидеры других компартий и соцстран.

Поводом для открытого конфликта **Белграда** и **Москвы** стало намерение **И.Б. Тито** и **Г. Димитрова** создать мощную федерацию южных славян. С учетом давних противоречий двух государств из-за «**македонской проблемы**» идея создания **Балканской федерации** была своеобразной формой растворения этого давнего этно-территориального конфликта двух стран в их тесное сотрудничество в рамках общей федерации. Кроме того, **Болгаро-Югославская федерация** могла стать центром притяжения других балканских и дунайских государств, что создавало бы реальную угрозу перемещением центра восточноевропейской политики в **Белград** и появления нового центра силы в социалистическом лагере, что совершенно не могло устроить **Москву**.

Сначала советское политическое руководство поддержало предлагавшийся **Г. Димитровым** мягкий, по своей сути, конфедеративный вариант **Балканской федерации**. Но затем, из-за позиции **И.Б. Тито**, который грубо настаивал на более жестком, по сути, унитарном варианте этой федерации, советская сторона стала обвинять лидеров **СФРЮ**, в частности самого **И.Б. Тито**, **Э. Карделя** и **А. Ранковича**, в стремлении поставить себя в исключительное положение среди других компартий соцстран.

Между тем, инициаторы **Балканской федерации**, развивая свои идеи, стали вынашивать планы включения в состав этой федерации Румынии, Венгрии, Албании, Греции и даже Польши и Чехословакии. Таким образом, **Белград** и **София** фактически бросили вызов тем договоренностям о разделе сфер влияния на **Балканах**, которые были достигнуты между великими державами на **Ялтинской** и **Потсдамской конференциях**.

В феврале 1948 г. руководители **КПЮ** (**Э. Кардель**, **М. Джилас**, **В. Бакарич**) и **БКП** (**Г. Димитров**, **Т. Костов**, **В. Коларов**) были приглашены в **Москву**, где состоялась их встреча со **И.В. Сталиным**, **В.М. Молотовым** и **А.А. Ждановым**, в ходе которых им было указано на недопустимость проведения несогласованной с советской стороной «односторонней» внешней политики. Глава болгарских коммунистов **Г. Димитров** практически сразу уступил давлению советской стороны, однако **Э. Кардель** и **М. Джилас** жестко стояли на своем, и отказались признать претензии **Москвы**.

После этого последовал многомесячный период личной переписки лидеров двух государств, в ходе которой **И.В. Сталин** и **В.М. Молотов** до последнего пытались образумить югославского вождя. Однако, узнав о том, что в мае 1948 г. **И.Б. Тито** начал чистку в **Политбюро КПЮ** и отдал приказ об аресте двух его бывших влиятельных членов — министра финансов **С. Жуйовича** и министра промышленности

А. Хебранга, они потребовали вынести этот вопрос на рассмотрение **Коминформа**. В июне 1948 г. на состоявшемся в Бухаресте втором заседании **Коминформа** по докладу **А.А. Жданова** была принята резолюция «О положении в Коммунистической партии Югославии», в соответствии с которой она была исключена из этой организации, а здоровым силам внутри **КПЮ** предлагалось сместить **И.Б. Тито** и не вносить раскол в мировое коммунистическое и рабочее движение. Однако руководство **КПЮ** отвергло эту резолюцию и советско-югославский конфликт, приобретя значительно более острую фазу, завершился фактическим разрывом дипломатических отношений двух стран, поскольку в октябре 1949 г. был расторгнут советско-югославский «Договор о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве», подписанный **В.М. Молотовым** и **И.Б. Тито** еще в апреле 1945 г.

В ноябре 1949 г. на третьем совещании **Коминформа**, где с основными докладами выступили секретарь **ЦК ВКП(б)** **М.А. Сулов** и генеральный секретарь **ЦК РКПП** **Г. Георгиу-Деж**, «клика Тито» была заклеена как «банда шпионов и убийц», открыто перешедшая на сторону империалистов и скатившаяся к фашизму. Поведение **И.Б. Тито** и его «клики» было расценено как часть общего стратегического плана империалистов, направленного на разжигание новой мировой войны, а его внешняя политика — как антисоветская политика самой гнусной закваски.

Между тем, советско-югославский конфликт дал старт охоте на сторонников **И.Б. Тито** и национальных моделей строительства социализма во всех восточно-европейских компартиях. Жертвами этих чисток стали многие видные партийные и государственные деятели стран социалистического лагеря, в том числе **В. Гомулка** (Польша), **Р. Сланский** (Чехословакия), **Л. Патрашкану** (Румыния), **Л. Райк** (Венгрия), **Т. Костов** (Болгария), **К. Дзодзе** (Албания) и другие.

г) Создание Совета Экономической Взаимопомощи (1949)

Отказ СССР и стран народной демократии от «плана Маршалла» поставил на повестку дня вопрос о поиске экономической альтернативы. Поскольку восточноевропейские страны не только понесли огромные потери в годы войны, но и были вынуждены проводить радикальные реформы, связанные с ограничением товарно-денежных отношений, принудительным курсом на ускоренные темпы индустриализации и сворачивание мелкотоварного производства, то формирование принципиально иной структуры хозяйства неизбежно вынудило перейти от прежнего двустороннего сотрудничества отдельных соцстран к установлению многостороннего соглашения между ними. Эту задачу отчасти решил **Совет Экономической Взаимопомощи (СЭВ)**, созданный по инициативе **И.В. Сталина** в январе 1949 г. Первоначально членами новой организации стали семь государств социалистического лагеря — СССР, Польша, Чехословакия, Венгрия, Румыния, Болгария и Албания, а затем, в 1950 г., ее полноправным членом стала ГДР. При этом, фактическим куратором **СЭВ** сразу стал представитель советской стороны — первый заместитель председателя **Госплана СССР Г.П. Косяченко**.

На первом этапе своего существования в круг основных задач **СЭВ**, рабочим органом которого была **Общая Сессия**, входили обмен хозяйственным опытом, техническими и технологическими новинками, организация взаимных поставок промышленного сырья, машин, оборудования и продовольствия. Кроме того, главной сферой экономического сотрудничества стран **СЭВ** оставалась внешняя

торговля, однако более сложные вопросы развития и углубления специализации и кооперации промышленных производств всеми странами соцлагеря на повестке дня еще не стояли.

Позднее, в **1962 г.** был образован **Исполнительный комитет СЭВ** и стали регулярно проводиться заседания различных рабочих органов — секретариата, отраслевых комитетов и комиссий и т.д. В результате создания новых структур стало возможным осуществлять более тесное экономическое сотрудничество стран социалистического лагеря на основе коллективно согласованных целей, решений и программ. Начав свою работу с согласования взаимных поставок ряда промышленных товаров и сырья, постепенно страны-участницы **СЭВ** перешли к более развитым формам экономического сотрудничества, которые стали охватывать целые отрасли производства, науки и технологий.

Однако, по справедливому замечанию ряда современных авторов (**А. Богатуров, В. Аверков**), **начальный период своего существования СЭВ все же больше выполнял чисто политические**, нежели экономические функции, в частности закрепление советского доминирования во всем восточноевропейском регионе путем формирования однотипных экономических структур и хозяйственных механизмов в странах соцлагеря. Таким образом, к **началу 1950-х гг.** экономическому и политическому союзу стран Западной Европы и США было противопоставлено объединение государств Восточной Европы, в котором ведущую роль играл Советский Союз.

Между тем, мало кто знает, что само создание **СЭВ** был лишь началом далеко идущего сталинского плана по созданию мощнейшего экономического блока всех государств планеты, противящихся тотальной долларизации и диктату американских финансовых и торгово-промышленных структур. Уже в **апреле 1952 г. в Москве** прошло международное экономическое совещание, в котором приняли участие представители **49 государств**, в том числе Австрии, Финляндии, Аргентины, Китая, Индии и Филиппин. На этом совещании было выдвинуто предложение создать в противовес политико-экономической экспансии США общий рынок товаров, услуг и инвестиций всех социалистических и развивающихся стран без долларовых расчетов. Иными словами, в **Москве** де-факто началось формирование общего «недолларового» рынка и **И.В. Сталин**, совершенно верно оценив высокий уровень поддержки этой новаторской идеи, активизировал работу в этом направлении. В **феврале-марте 1953 г.** по предложению **Москвы** в столице Филиппин **Маниле** состоялось региональное экономическое совещание стран Южной Азии и Дальнего Востока и одновременно началась подготовка проведения подобных региональных конференций в **Аддис-Абебе, Тегеране, Буэнос-Айресе** и даже в **Хельсинки**. Однако внезапная смерть вождя похоронила этот перспективный проект.

9. Становление политических и военных структур Западной Европы (1948–1949)

В **марте 1948 г. в Брюсселе** пять западноевропейских государств — Великобритания, Бельгия, Люксембург, Нидерланды и Франция — подписали договор об экономическом, социальном и культурном сотрудничестве и коллективной обороне, который был заключен сроком на пятьдесят лет. Этот договор, получивший название «**Брюссельского пакта**», провозгласил создание многостороннего экономического

и военно-политического союза западноевропейских стран, ставших жертвами нацистской агрессии в годы войны.

Подписание **Брюссельского пакта** стало зримым успехом «европейстов» в борьбе с «атлантистами», однако, руководство США вполне благосклонно восприняло подписание этого пакта, поскольку он снимал все страхи **французских правых (Ш. Де Голль)** по поводу американской политики в германском вопросе. Понимая, что **Западный союз** не имел потенциала сдерживать германскую угрозу, американская сторона стремилась найти способ включить Францию в поиск дополнительных гарантий своей безопасности, главной из которых должны были стать обязательства американской стороны.

Победа **Г. Трумэна** на президентских выборах в **ноябре 1948 г.** развязала руки американской администрации в данном вопросе, и позволила ей осуществить настоявшийся рывок к закреплению своего преобладания в Западной Европе не только экономическими, но и военно-политическими методами. Новый госсекретарь США **Д. Ачесон**, который всегда исповедовал идеи **американского гегемонизма**, приступил к реализации самой амбициозной внешнеполитической задачи — плану создания на европейском континенте постоянного военно-политического союза западных держав во главе с США.

В **январе 1949 г.** представители госдепартамента впервые открыто заявили о существовании прямой угрозы для безопасности западноевропейских государств и неэффективности **ООН**, построенной на принципе консенсуса постоянных членов его **Совета Безопасности**. Затем был опубликован проект **Североатлантического договора**, а уже в начале **апреля 1949 г.** в **Вашингтоне** начала свою работу международная конференция с участием полномочных представителей США, Великобритании, Франции, Италии, Канады, Бельгии, Нидерландов, Дании, Исландии, Норвегии и Португалии. По итогам работы **Вашингтонской конференции** был подписан знаменитый **Североатлантический договор**, который **сентябре 1951 г.** сразу получил звучно название «**North Atlantic Treaty Organization**» (**NATO**). Первоначально **Североатлантический союз** существовал исключительно как политико-правовой феномен, поскольку не обладал организационными структурами. Однако уже в начале **1950-х гг.**, начиная с **Оттавской конференции**, **NATO** превратилось в системную военно-политическую организацию во главе с **Генеральным секретарем**, должность которого первоначально занял английский генерал **Г.Л. Исмей**. Кроме того, тогда же в рамках **NATO**: **1)** было создано объединенное командование войск; **2)** созданы отдельные военные полигоны и **3)** налажено совместное производство вооружений и проведена их стандартизация.

10. «Первый Берлинский кризис» 1948 г. и его международное значение

Неуспех многомесячного диалога с **Москвой** по германскому вопросу подтолкнул руководство США и Великобритании к откровенно сепаратным действиям. С этой целью в **первой половине 1948 г.** в **Лондоне** прошло несколько встреч представителей США, Британии, Франции, Бельгии, Нидерландов и Люксембурга для согласования их позиций в германском вопросе, которые завершились в **июне 1948 г.** подписанием сепаратного **Лондонского договора**. По условиям этого соглашения: **1)** по настоянию Франции был создан **Международный контрольный орган по Руру**;

2) территория французской оккупационной зоны присоединялась к **Бизонии**, которая становилась **Тризонией**; 3) **Тризония** становилась полноправным участником «плана Маршалла»; 4) для решения всех текущих вопросов управления **Тризонией** создавался **Союзный совет военной безопасности**; 5) было принято решение о подготовке **Конституции Тризонии**, что фактически означало, что идея расчленения Германии, против которой всегда и везде выступало высшее советское руководство, и создания независимого Западногерманского государства получила одобрение ведущих западных держав.

По оценкам ряда авторов (**А. Богатуров, В. Аверков, А. Филитов**), **Лондонский договор** фактически носил характер сепаратного урегулирования германского вопроса и в политико-правовом смысле представлял собой первую попытку **ревизии западными державами ялтинских и потсдамских соглашений**.

Сразу после подписания **Лондонского договора** в странах Западной Европы, в том числе на территории Западной Германии, началось проведение конфискационной денежной реформы и введение новых денежных купюр и монет. В результате этого на территорию Восточной Германии хлынул поток обесцененных старых денежных знаков, что вызвало реальную угрозу экономического хаоса в советской зоне оккупации с непредсказуемыми последствиями. На эту провокацию, устроенную американской администрацией, **Москва** ответила предельно жестко и **24 июня 1948 г.** ввела запрет на передвижение всех товаров и грузов из западных зон в восточную зону. Одновременно были прекращены и все поставки из советской оккупационной зоны в западные секторы **Берлина**. Таким образом, западная часть города оказалась полностью отрезанной от источников снабжения в советской оккупационной зоне и лишилась возможности получать товары по суше из западных секторов.

Советская **блокада Западного Берлина** вызвала резкое обострение отношений СССР со странами Западной Европы и США, которые, используя военно-транспортную авиацию, организовали воздушный мост с **Западным Берлином**. При этом в нарушение существующих договоренностей союзные державы постоянно вторгались в воздушное пространство советской оккупационной зоны, что могло привести к непоправимым последствиям, в случае если командование **Группы Советских Оккупационных войск в Германии** (маршал **В.Д. Соколовский**) отдало бы приказ о нанесении превентивного удара по авиации противника.

Но благодаря разумной позиции советского руководства **Берлинский кризис** не перерос в новую «горячую войну», и после относительной стабилизации обстановки, в **августе 1948 г.** в ходе **Московских переговоров** послов четырех великих держав было достигнуто частичное соглашение о мерах по урегулированию кризиса. Однако выполнение этих соглашений было сорвано американской стороной и только в **мае 1949 г.** в ходе шестой сессии **СМИД в Париже**, СССР снял блокаду **Западного Берлина**.

11. Закрепление раскола Германии: образование ФРГ и ГДР (1949)

В **сентябре 1948 г.**, после официального слияния трех западных оккупационных зон, в **Бонне** из представителей западногерманской элиты был создан **Парламентский совет**, наделенный правами временного законодательного органа западногерманских земель. Руководителем этого органа стал известный германский политик, лидер

христианско-демократического союза **Конрад Аденауэр**, который имел репутацию умеренного «франкофила» и «европейского патриота».

В мае 1949 г. **Парламентский совет** утвердил новую **Конституцию**, на основании которой были проведены выборы в новый западногерманский **Бундестаг**, от имени которого **20 сентября 1949 г.** было провозглашено создание **Федеративной Республики Германии (ФРГ)**, первым президентом которой стал **Теодор Хойс (1949–1959)**, а федеральным канцлером — **Конрад Аденауэр (1949–1963)**. Одновременно **Бундестаг** принял заявление о распространении новой **Конституции** на территорию всех земель, входивших в состав Германии до подписания **Мюнхенского договора (1938)**. Этот беспрецедентный шаг вместе с самим фактом провозглашения **ФРГ** был прямым вызовом СССР, который отказался признать эту страну.

После этих событий **И.В. Сталин**, всегда выступавший за сохранение единой и нейтральной Германии, дал добро на создание в советской оккупационной зоне альтернативного германского государства. **7 октября 1949 г. Народный конгресс**, собравшийся в **Восточном Берлине**, где доминировали представители **Социалистической Единой партии Германии (СЕПГ)**, провозгласил создание **Германской Демократической Республики (ГДР)**, первым президентом которой стал лидер **СЕПГ Вильгельм Пик (1949–1960)**.

12. Гражданская война в Китае и образование КНР (1949)

После окончания **Второй Мировой войны** острейшим очагом международной напряженности оставался Китай, где после разгрома японских оккупантов фактически существовало два правительства — официальное, которое возглавлял лидер **партии Гоминьдан Чан Кайши**, и коммунистическое, которое возглавлял лидер **КПК Мао Цзэдун**. Первоначально, пытаясь укрепить правительство **Чан Кайши**, **Москва** и **Вашингтон** подталкивали **Гоминьдан** и **КПК** к созданию коалиционного правительства, поскольку они не сразу смогли оценить степень непримиримости этих политических сил, между которыми шло беспрецедентно жесткое противостояние, основанное на революционной и консервативно-традиционалистской моделях китайского национализма.

Гипотетически существовало четыре возможных варианта «китайской политики» — буферный, просоветский, проамериканский и националистический. СССР и США изначально тяготели к первому варианту, поскольку, опираясь на печальный опыт Японии, прекрасно понимали, что не смогут целиком включить Китай в сферу своего влияния. Однако в **марте 1946 г.** после эвакуации советских войск с территории **Маньчжурии** и срыва переговоров о создании коалиционного правительства, шедших в **Чунцине** под патронатом американского дипломата **П. Херли**, в стране возобновилась широкомасштабная **Гражданская война**. В этой ситуации **Чан Кайши** попытался договориться со **И.В. Сталиным** и послал на переговоры в **Москву** своего сына **Цзянь Цзинго**, но они завершились безрезультатно. Тогда в начале 1947 г. **Чан Кайши** начал наступление против **Народно-Освободительной армии Китая (НОАК)** и захватил столицу коммунистов **Яньань**. Но вскоре ситуация кардинально изменилась и в **конце 1948 г.** вооруженные силы **НОАК** в составе **1-й (Пэн Дэхуай), 2-й (Лю Бочэн), 3-й (Чэнь И) и 4-й (Линь Бяо) армий** нанесли сокрушительное поражение правительственным войскам и в **январе 1949 г.** вошли в **Пекин**.

В этой ситуации, **И.В. Сталин**, опасаясь вооруженного вмешательства в китайский конфликт американской стороны, что грозило обернуться новой мировой войной, сумел возобновить мирные переговоры между **Чан Кайши** и **Мао Цзэдуном**. Однако в **апреле 1949 г.**, убедившись в слабости **Гоминьдана** и нежелание США поддерживать его режим, **НОАК** возобновила свое наступление и, форсировав **Янцзы**, в **конце мая 1949 г.** заняла **Нанкин** и **Шанхай**. Остатки армии **Чан Кайши** эвакуировались на **Тайвань**, а победившая **КПК 1 октября 1949 г.** провозгласила создание **Китайской Народной Республики (КНР)**, президентом которой стал **Мао Цзэдун**.

В **ноябре 1949 г.** в **Москве** начались советско-китайские переговоры, которые завершились в **феврале 1950 г.** подписанием «**Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи между СССР и КНР**», который прямо предусматривал обязательство сторон по оказанию вооруженной поддержки двух стран в случае возникновения войны.

Американская администрация расценила этот договор как прямой вызов США, хотя непосредственно он был направлен против Японии. Но именно с этого момента начался поворот азиатской политики США от опоры на дружественный буферный Китай к поиску новых союзников в **Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР)**. Хотя в целом, по оценкам историков (**А. Богатуров, В. Аверков, А. Ледовский**), в первые послевоенные годы США и СССР делали ставку на сохранение статус-кво в АТР.

13. Корейская война (1950–1953) и ее международные последствия

После окончания **Второй Мировой войны** на территории **Корейского полуострова**, который давно являлся колониальным владением Японии, возникли советская и американская оккупационные зоны, границей которых стала **38-я параллель**. В **августе-сентябре 1948 г.** на территории этих зон возникло два суверенных государства — **Северная Корея (КНДР)**, где к власти пришли коммунисты во главе с **Ким Ир Сеном**, и **Южная Корея (РК)**, где к власти пришли проамериканские силы во главе президентом **Ли Сын Маном**.

Выработанная для Кореи буферная формула стабильности могла работать только при взаимопонимании ее гарантов — СССР и США. Но при начавшейся деградации советско-американских отношений эта формула сразу дала сбой и вызвала первый военный конфликт, который принято называть **Корейской войной (1950–1953)**.

В западной историографии (**Г. Киссинджер, К. Блэр, А. Джеймс**) существует два подхода к интерпретации причин **Корейской войны**. Первый основан на презумпции существования трехстороннего (**СССР-КНР-КНДР**) или двустороннего (**КНДР-КНР**) коммунистического заговора. А второй возлагает основную вину за возникновение войны на американских либералов, в частности госсекретаря **Д. Ачисона** и генерала **Д. Макартура**, которые были разработчиками провальной концепции «**тихоокеанского периметра безопасности США**», вне которого оказался **Корейский полуостров**.

В современной российской историографии (**А. Торкунов, А. Орлов, В. Богданов**) на основе архивных документов удалось установить, что советское политическое

руководство было в курсе планов **Ким Ир Сена** начать войну с южным соседом. Более того, советское военное командование на Дальнем Востоке в лице главкома войск ДВ маршала **Р.Я. Малиновского** и командующего ДВО генерал-полковника **Н.И. Крылова** принимало частичное участие в составлении плана возможных военных операций, однако установить причастность **И.В. Сталина** к непосредственной разработке этих планов до сих пор не удалось.

Тем не менее, **25 июня 1950 г.** северокорейские войска перешли демаркационную линию и с боями стали продвигаться в направлении **Сеула**. В тот же день **Совет Безопасности ООН** принял резолюцию с осуждением этой военной акции и потребовал немедленно отвести войска **КНДР** за **38-ю параллель**. **27 июня**, не дожидаясь повторного обсуждения корейского вопроса на **СБ ООН**, президент **Г. Трумэн** отдал приказ американским вооруженным силам оказать всемерную помощь южнокорейским войскам, положение которых было отчаянным. Руководство этой операцией было поручено генералу **Д. Макартуру** — командующему оккупационными американскими войсками в Японии. В тот же день **Совет Безопасности ООН** принял новую резолюцию с общей рекомендацией всем странам **ООН** оказать помощь Южной Корее. Однако **28 июня** северяне взяли **Сеул** и отбросили южнокорейскую армию далеко на юг, где она удерживала лишь небольшой плацдарм в районе порта **Пусан**, где предполагалась высадка американских экспедиционных войска.

7 июля Совет Безопасности ООН принял третью резолюцию, в которой предусматривалось создание **Многонационального контингента сил ООН** в Корее под американским командованием. С этого момента американское вмешательство в корейский конфликт получило правовое обоснование, а американские вооруженные силы стали действовать под флагом **ООН**. В результате военная обстановка на фронте резко изменилась и отступать теперь пришлось северянам. **Осенью 1950 г.** американские войска, **выйдя за рамки мандата ООН**, не только очистили территорию Южной Кореи от северян, но и, предприняв ряд наступательных операций, взяли **Пхеньян** и вышли к границам **КНДР** с **КНР** и **СССР**. **Теперь война фактически шла не за восстановление статус-кво, а за объединение двух Корей.**

В этой ситуации по настоятельной просьбе **СССР** и **КНДР** в **октябре 1950 г.** в войну вступила Китайская Народная Республика, **270-тысячная армия** под командованием маршала **Пэн Дэхуая** перешла китайско-северокорейскую границу и, остановив продвижение американско-ооновских сил, неожиданно перешла в контрнаступление. Пользуясь численным превосходством, китайские войска вытеснили противника с территории **КНДР** и стали стремительно продвигаться к **Сеулу**, который вновь пал в **январе 1951 г.**

Войска **ООН**, основу которых составлял американский контингент, оказались в тяжелейшем положении, им грозило полное уничтожение. Ввиду угрозы военной катастрофы главком вооруженных сил генерал **Д. Макартур** предложил администрации **США** расширить масштаб военной операции и нанести прямой удар по **КНР**. Однако администрация **Г. Трумэна**, опасаясь эскалации военного конфликта и вмешательства в конфликт **СССР**, который был связан советско-китайским договором **1950 г.**, отвергла это предложение.

Более того, генералу **Д. Макартуру** была направлена директива **Объединенного Комитета Начальников Штабов (ОКНШ)**, которая предписывала рассмотреть вопрос о немедленной эвакуации американских войска с территории Кореи. Однако,

нарушив это указание, **23 марта 1951 г. Д. Макартур** выступил с ультиматумом в адрес КНР, в котором прямо пригрозил применить против нее ядерное оружие, если наступление китайских войск не будет остановлено.

В **Москве, Вашингтоне, Лондоне и Париже** возникла атмосфера тревожного ожидания, поскольку новой «большой войны» никто не хотел. Советское руководство предприняло энергичные шаги, чтобы убедить КНР отказаться от плана уничтожения американской группировки, и наступление китайских сил было прекращено. Более того, ооновские войска даже смогли перейти в контрнаступление и отодвинуть линию фронта к **38-й параллели**, которая в основном совпала с демаркационной линией, существовавшей до начала войны. В **начале апреля 1951 г.** генерал **Д. Макартур** был смещен со своего поста, а в **июле 1951 г.** при негласной поддержке СССР в **Кэсоне** начались переговоры представителей КНДР, КНР и США. Боевые действия не прекратились, но стали носить спорадический и локальный характер.

Корейская война и особенно «**ультиматум Макартура**» произвели шоковое впечатление на американских союзников в Европе. Серьезный риск новой «большой» войны из-за незначительного, как казалось в европейских столицах, конфликта на азиатском континенте представлялся в **Париже** и **Лондоне** неприемлемым. Поэтому глава британского правительства **К. Эттли** после консультаций со своим парижским коллегой **Р. Плевеном** отправился в **Вашингтон**, где добился согласия президента **Г. Трумэна** не применять ядерного оружия без консультации со всеми союзниками по **НАТО**.

В **начале 1953 г.**, после прихода к власти нового президента США генерала **Д. Эйзенхауэра** и смерти **И.В. Сталина**, переговорный процесс по корейской проблеме получил новый импульс и завершился **27 июля 1953 г.** подписанием договора о прекращении огня, который положил конец **Корейской войне**, хотя мирный договор между двумя странами не подписан до сих пор.

По мнению большинства историков (**А. Торкунов, А. Орлов, В. Гаврилов, В. Богданов**), **Корейская война** была первым вооруженным конфликтом времен «холодной войны» и явилась прообразом многих последующих военных конфликтов в разных регионах мира. Она фактически создала «**модель локальной войны**», когда две сверхдержавы воюют на ограниченной территории без применения ядерного оружия, что вывело «холодную войну» в новую, более острую фазу противостояния двух мировых лагерей.

14. Конференция в Сан-Франциско и ее итоги (1951)

1951 г. в структурном отношении стал рубежным для всего **Азиатско-Тихоокеанского региона**, поскольку с него начался период интенсивного формирования региональных военно-политических союзов разного уровня — своего рода «**блокомания**», характерная для всех **1950-х гг.**

На **сентябрь 1951 г.** в **Сан-Франциско** была назначена конференция для подписания мирного договора с Японией и заключения двустороннего американско-японского договора об основах отношений двух стран. Но урегулирование отношений с Японией было невозможно без взаимопонимания со всеми государствами, пострадавшими от японской агрессии и опасавшимися восстановления ее военной

мощи. Поэтому перед началом конференции по японской проблеме в **сентябре 1951 г.** в **Сан-Франциско** был подписан **«Договор о безопасности»** между Австралией, Новой Зеландией и США, который получил название **АНЗЮС**.

Советское руководство так же беспокоила перспектива американо-японского союза, поэтому Советский Союз возражал против отстранения его представителей от выработки текста мирного договора с Японией. Предвидя попытки **Москвы** добиться изменения текста договора в ходе заседаний самой конференции, США проделали огромную работу по предварительному согласованию своего проекта договора со всеми государствами, приглашенными к его подписанию. В результате СССР, столкнувшись с фактическим бойкотом, организованным американской администрацией, отказался подписывать мирный договор с Японией. Такую же позицию заняли еще пять стран — Китай, Индия, Бирма, Польша и Чехословакия.

8 сентября 1951 г. был подписан **Сан-Францисский мирный договор**, по условиям которого: **1)** прекратилось состояние войны между Японией и всеми подписавшими его странами; **2)** был восстановлен суверенитет Японии и формально отменен оккупационный режим; **3)** Японская империя подлежала ликвидации и от нее отторгались все ее колониальные владения, в частности **Корея, Тайвань, Южный Сахалин, Курильские острова** и подмандатные территории в **Океании**. Однако в тексте договора не было сказано, в чью пользу японская сторона отказалась от этих островов. Вследствие этого в мирном договоре не были подтверждены права Советского Союза на перешедшие к нему де-факто территории **Южного Сахалина** и **Курил**.

В результате заключения мирного договора с Японией в **Азиатско-Тихоокеанском регионе** на смену **Вашингтонской системе**, созданной президентом **В. Вильсоном** в начале **1920-х гг.**, пришла **Сан-Францисская система**, которая носила двойственный характер. С одной стороны, все страны региона заключили между собой военные договоры антияпонской направленности. Но с другой стороны, члены **АНЗЮС** и Япония вошли в состав антикоммунистического военного блока, а СССР, КНР, КНДР и Вьетнам образовал антикапиталистический блок.

Тема: СМЕРТЬ И.В. СТАЛИНА И БОРЬБА ЗА ВЛАСТЬ В 1953–1955 ГГ.

План:

1. Смерть И.В. Сталина и новая расстановка сил в верхних эшелонах власти в начале 1953 г.
2. Борьба за власть в первой половине 1953 г. и поражение Л.П. Берия.
3. Новый раунд борьбы за власть в 1953–1955 гг. и поражение Г.М. Маленкова.
4. Крым: роковое решение Н.С. Хрущева.
 - а) Предыстория крымского вопроса.
 - б) «Крымская эпопея» Н.С. Хрущева.

1. Смерть И.В. Сталина и новая расстановка сил в верхних эшелонах власти в начале 1953 г.

В настоящее время появилось огромное количество разного рода литературы, в которой излагаются совершенно разные версии смерти **И.В. Сталина**, в том числе его преднамеренного убийства, организованного либо **Л.П. Берия** (**А. Авторханов**, **Э. Радзинский**), либо **Н.С. Хрущевым** (**Ю. Мухин**, **Е. Прудникова**). Конечно, данная версия нуждается в серьезном изучении, но ряд симптомов сталинской болезни, в частности постоянные скачки температуры и кровавая рвота, дают все основания предполагать, что **И.В. Сталин** был действительно отравлен каким-то белковым ядом (**Ю. Жуков**, **Д. Кобба**). Кроме того, ряд авторов (**Ю. Мухин**) ставят под сомнение и официальную дату смерти вождя и утверждают, что он скончался на три дня раньше объявленной даты его смерти, то есть **2 марта 1953 г.**

По мнению ряда известных российских историков (**Ю. Жуков**), при тщательном сопоставлении и анализе всех известных свидетельств болезни и смерти **И. Сталина** и при отсутствии реальных исторических источников, в том числе полноценной медицинской карты вождя, до сих пор недоступной для исследователей, можно с уверенностью констатировать только следующие:

1) Тяжелейший геморрагический инсульт у **И.В. Сталина** произошел не в ночь на **2 марта 1953 г.**, как указывалось в официальном правительственном сообщении, а сутками ранее — **1 марта 1953 г.**

2) По вине **Г.М. Маленкова**, **Л.П. Берия** и других руководителей страны первая медицинская помощь вождю была оказана только спустя длительное время, когда днем **2 марта** на сталинскую дачу прибыли академики **А.Л. Мясников**, **П.Е. Лукомский**, **Е.М. Тареев** и другие медицинские светила, которые диагностировали у него тяжелейший геморрагический инсульт с обширным кровоизлиянием в мозг.

3) **3 марта 1953 г.**, когда всем стало очевидно, что смерть **И.В. Сталина** является лишь вопросом времени, было подготовлено официальное правительственное сообщение о болезни вождя и созвано **Бюро Президиума ЦК**, на котором состоялось предварительное распределение властных полномочий. По мнению историков (**Ю. Жуков**, **Д. Кобба**), именно на этом заседании был изменен состав правящего «триумвирата», в который, наряду с **Г.М. Маленковым** и **Л.П. Берия**, вместо **Н.А. Булганина** вошел **В.М. Молотов**, который до сих пор в представлении многих советских людей был самым реальным наследником **И.В. Сталина** и обладал наибольшим авторитетом в стране.

4) **4 марта 1953 г.** состоялось заседание **Бюро Президиума ЦК**, на котором были приняты следующие решения: а) **Бюро Президиума ЦК** и **Президиум ЦК** были объединены в один орган — **Президиум ЦК**, а количество его полноправных членов резко сокращено с **25** до **11** человек — **И.В. Сталин**, **Г.М. Маленков**, **Л.П. Берия**, **В.М. Молотов**, **Н.А. Булганин**, **Н.С. Хрущев**, **К.Е. Ворошилов**, **Л.М. Каганович**, **А.И. Микоян**, **М.Г. Первухин** и **М.З. Сабуров**; б) **Бюро Президиума** и **Президиум Совета Министров СССР** были объединены в один орган — **Президиум СМ СССР** в составе нового председателя **Совета Министров СССР** **Г.М. Маленкова** и его первых заместителей **Л.П. Берия**, **В.М. Молотова**, **Н.А. Булганина** и **Л.М. Кагановича**.

5) **5 марта 1953 г.** за час до официальной кончины **И.В. Сталина** состоялось совместное заседание **Пленума ЦК КПСС**, **Совета Министров СССР** и Прези-

диума Верховного Совета СССР, которые де-юре утвердили все принятые накануне решения. Кроме того, на этом заседании были приняты и другие важные решения:

а) На базе Министерства государственной безопасности и Министерства внутренних дел создавалось единое Министерство внутренних дел СССР, которое возглавил маршал Л.П. Берия, а его первыми заместителями были назначены генерал-полковники Б.З. Кобулов и С.Н. Круглов.

б) На базе Министерства вооруженных сил и Министерства военно-морского флота создавалось единое Министерство обороны СССР, руководителем которого был назначен маршал Н.А. Булганин, первыми заместителями которого стали маршалы А.М. Василевский и Г.К. Жуков.

в) Министерство иностранных дел СССР вновь возглавил В.М. Молотов, первыми заместителями которого были назначены А.Я. Вышинский и Я.А. Малик.

г) Наиболее важные отраслевые ведомства, которые были существенно укрупнены — Министерства внутренней и внешней торговли, машиностроения, транспортного и тяжелого машиностроения и электростанций и электропромышленности, соответственно, возглавили проверенные сталинские управленцы — А.И. Микоян, М.З. Сабуров, В.А. Малышев и М.Г. Первухин.

д) Состав Секретариата ЦК был сокращен с 11 до 5 человек — Г.М. Маленкова, Н.С. Хрущева, С.Д. Игнатьева, П.Н. Поспелова и Н.Н. Шаталина, что, по мнению ряда авторов (Ю. Жуков), красноречиво говорило об аппаратной победе Г.М. Маленкова, поскольку последние трое секретарей ЦК были прямыми его креатурами и проводниками его взглядов. Вместе с тем, Н.С. Хрущев, будучи наряду с Г.М. Маленковым, членом нового Президиума ЦК, априори становился фактически вторым секретарем ЦК.

е) Новым председателем Президиума Верховного Совета СССР был назначен маршал К.Е. Ворошилов, а прежний, чисто номинальный, глава советского государства Н.М. Шверник был перемещен на пост председателя ВЦСПС.

Таким образом, еще при живом И.В. Сталине в верхних эшелонах власти произошла новая рокировка сил, которая, по мнению большинства историков (Е. Зубкова, Ю. Жуков, А. Пыжиков, А. Данилов, Р. Пихоя): 1) положила начало новому периоду в политической жизни страны, который принято называть эпохой «коллективного руководства»; 2) серьезно укрепила позиции двух самых влиятельных членов узкого руководства — Г.М. Маленкова и Л.П. Берия; 3) возвратила на политический олимп практически отстраненных от власти представителей старой сталинской гвардии — В.М. Молотова, К.Е. Ворошилова, А.И. Микояна и Л.М. Кагановича.

Вечером 5 марта 1953 г. И.В. Сталин скончался и по решению узкого руководства была создана комиссия по организации его похорон во главе с Н.С. Хрущевым. Последующие три дня в Колонном зале Дома Союзов СССР проходила церемония прощания с вождем, участниками которой стали сотни тысяч советских людей и десятки государственных и партийных делегаций различных стран мира. 9 марта на Красной площади в Москве состоялась торжественная церемония погребения тела вождя в Мавзолей В.И. Ленина — И.В. Сталина, на которой поочередно выступили члены правящего «триумвирата» — Г.М. Маленков, Л.П. Берия и В.М. Молотов.

Личность **И.В. Сталина** была и остается настолько противоречивой, что до сих пор существует гигантское разнообразие оценок и мнений о месте и роли этого человека в истории не только нашей страны, но и всего человечества. Однако, совершенно очевидно, что посмертный суд над **И.В. Сталиным**, начатый **Н.С. Хрушевым**, а затем продолженный **М.С. Горбачевым** и их многочисленными либеральными клевретами, не могут затмить великие дела и поступки этого человека. Неслучайно, что именно сейчас, когда антисталинская истерия и откровенная ложь о сталинской эпохе вышла за рамки всех приличий и разумных границ, вождю стали приписывать такие знаменитые слова, сказанные им в беседе с **А.М. Коллонтай**: «я знаю, что после моей смерти на мою могилу нанесут кучу мусора, но ветер истории безжалостно развеет ее в прах». И вождь, как это часто бывало, оказался прав.

Даже такой заклятый враг нашей страны и нашего общественного строя, каким был **У. Черчилль**, писал: «Большим счастьем для России было то, что в годы тяжелых испытаний ее возглавлял гений и непоколебимый полководец **Сталин**. Он был выдающейся личностью, импонирующей жестокому времени, в котором протекала его жизнь. В его произведениях всегда звучала исполинская сила. Эта сила настолько велика в **Сталине**, что он казался неповторимым среди руководителей государств всех времен и народов. Он был непревзойденным мастером находить в трудную минуту путь выхода из самых безвыходных положений. **Сталин** был величайшим, не имеющим себе равных диктатором. Он принял Россию с сохой, а оставил оснащенной атомным оружием. Нет! Что бы ни говорили о нем, таких людей, история и народы не забывают».

2. Борьба за власть в первой половине 1953 г. и поражение Л.П. Берия

По мнению ряда авторов (**Ю. Жуков**), уже на сталинских похоронах в выступлениях **Г.М. Маленкова**, **Л.П. Берия** и **В.М. Молотова** в предельно концентрированном виде были предложены две правительственных программы, содержащих два диаметрально противоположных политических курса на ближайшую перспективу. **Первый курс**, изложенный **Г.М. Маленковым**, строился на необходимости немедленной разрядки международной напряженности и перенаправления основных сил и средств на ускоренные темпы развития отраслей «**группы Б**» и быстрого повышения жизненного уровня советского народа. **Второй курс**, содержащийся в речах **Л.П. Берия** и **В.М. Молотова**, исходил из твердой убежденности, что в обозримом будущем международная напряженность будет только нарастать, что рано или поздно она перерастет в вооруженный конфликт между двумя мировыми системами, поэтому следует сохранить приоритет за развитием отраслей «**группы А**», прежде всего, тяжелой и оборонной промышленностью.

14 марта 1953 г. состоялся Пленум ЦК, на котором, как полагают ряд авторов (**Р. Пихоя**, **Ю. Жуков**), произошло резкое урезание властных полномочий **Г.М. Маленкова**, поскольку накануне его созыва **Л.П. Берия**, **В.М. Молотов**, **Н.А. Булганин**, **Н.С. Хрушев**, **Л.М. Каганович** и **А.И. Микоян** приняли решение о разделении государственной и партийной власти и прекращения порочной практики совмещения двух высших постов в одних руках. В соответствии с этим решением **Г.М. Маленков** был освобожден от должности секретаря ЦК, что фактически делало новым

главой партии **Н.С. Хрущева**, который остался единственным членом **Президиума ЦК** в составе **Секретариата ЦК**.

По оценкам современных историков (**Ю. Жуков**, **Р. Пихоя**, **Е. Зубкова**, **А. Пыжиков**, **Ю. Аксютин**), в процессе раздела власти возникла ее новая конструкция, получившая в современной историографии емкое название «**коллективное руководство**». Формально в состав этого руководства входили все члены обновленного **Президиума ЦК** — **Г.М. Маленков**, **Л.П. Берия**, **В.М. Молотов**, **Н.А. Булганин**, **К.Е. Ворошилов**, **А.И. Микоян**, **Л.М. Каганович**, **Н.А. Булганин**, **М.Г. Первухин** и **З.М. Сабуров**, но реальный расклад сил был несколько иным:

1) Наиболее сильные позиции в новом руководстве занимали председатель **Совета Министров СССР Г.М. Маленков**, который председательствовал на заседаниях **Президиума ЦК**, и первый заместитель председателя **Совета Министров СССР** и министр внутренних дел маршал **Л.П. Берия**, который получил полный контроль за всеми карательными органами и спецслужбами страны, включая госбезопасность..

2) Достаточно сильные позиции в новом руководстве занимали первый заместитель председателя **Совета Министров СССР** и министр иностранных дел **В.М. Молотов**, который продолжал оставаться самой популярной фигурой в стране, первый заместитель председателя **Совета Министров СССР** и министр обороны маршал **Н.А. Булганин**, который контролировал всю армию и флот, и секретарь **ЦК КПСС Н.С. Хрущев**, который фактически руководил всей текущей работой **Секретариата ЦК**.

3) Третий эшелон власти составляли заместители председателя **Совета Министров СССР Л.М. Каганович**, **А.И. Микоян**, **М.Г. Первухин** и **М.З. Сабуров**, которые курировали важнейшие отраслевые структуры управления экономикой страны, но реальным политическим весом практически не обладали. Такой же номинальной фигурой был и новый председатель **Президиума Верховного Совета СССР** маршал **К.Е. Ворошилов**, который, будучи чисто номинальным главой советского государства, свой реальный политический потенциал полностью исчерпал. Тем не менее, именно эта группировка в **Президиуме ЦК** могла оказать **реальное влияние** на общую расстановку сил в случае новой борьбы за власть в «коллективном руководстве», поскольку именно тогда были **восстановлены еженедельные заседания** этого органа и вместо принципа согласования решений **возвращен принцип их голосования**.

Таким образом, в результате закулисных махинаций к **середине марта 1953 г.** основные рычаги власти были сконцентрированы в руках нового узкого руководства. По мнению одних авторов (**Ю. Жуков**), это была «**четверка**» в составе **Г.М. Маленков — Л.П. Берия — В.М. Молотов — Н.А. Хрущев**. А, по мнению других авторов (**Р. Пихоя**, **Ю. Аксютин**, **А. Пыжиков**), — это был «**триумvirат**» в составе **Г.М. Маленков — Л.П. Берия — Н.С. Хрущев**.

С первых шагов новое руководство страны в довольно мягкой форме попыталось дистанцироваться от **сталинского «культа личности»** и направило соответствующие шифровки во все республиканские, краевые и областные комитеты партии. Однако этот шаг был связан не столько с осуждением самого культа личности **И.В. Сталина**, сколько с невозможностью новых лидеров страны трансформировать этот культ в условиях «коллективного руководства» на кого-то из конкретных членов нового советского руководства, в частности **Г.М. Маленкова**.

В этих условиях необычайно бурную деятельность развил маршал **Л.П. Берия**. В частности, в **середине марта 1953 г.** по его предложению были заменены руководители **83** республиканских министерств и краевых и областных управлений **МВД СССР**. Такая активность **Л.П. Берия** сразу вызвала крайнюю настороженность его коллег по **Президиуму ЦК**, особенно **Н.С. Хрущева** и **Н.А. Булганина**, которые прекрасно отдавали себе отчет в реальных возможностях **Л.П. Берия** узурпировать власть.

Первыми своими приказами **Л.П. Берия** создал две следственные группы под руководством своих заместителей, генерал-полковников **С.Н. Круглова** и **Б.З. Кобулова** по пересмотру целого ряда уголовных дел, находящихся в производстве разных отделов и управлений объединенного **Министерства внутренних дел**. Такие рабочие группы сразу занялись самыми громкими уголовными делами — «врачей-убийц», «чекистов», «артиллеристов», «авиаторов» и других, в результате которых на свободу вскоре вышли основные фигуранты этих дел — главный маршал авиации **А.А. Новиков**, генерал-полковник **А.И. Шахурин**, маршал артиллерии **Н.Д. Яковлев**, генерал-полковник **И.И. Волкотрубенко**, академики **В.Н. Виноградов**, **П.И. Егоров**, **М.С. Вовси**, **Я.Г. Этингер**, **Б.Б. Коган** и другие. Однако главные фигуранты «дела чекистов» — генералы **В.С. Абакумов**, **Н.С. Власик**, **А.Г. Леонов**, **В.И. Комаров** и другие остались в заключении.

Одновременно **Л.П. Берия** инициировал реформу **МВД СССР**, в результате которой в **Министерство юстиции СССР** был передан весь **ГУЛАГ**, а в промышленные и строительные министерства страны отошли восемнадцать гигантских хозяйственных управлений, в том числе **Дальстрой**, **Спецстрой**, **Гидропроект** и другие. Однако его предложение об ограничении прав **Особого совещания при МВД СССР** по вынесению внесудебных приговоров было отвергнуто всеми членами **Президиума ЦК**, и особенно рьяно **Н.С. Хрущевым**, **В.М. Молотовым** и **Н.А. Булганиным**.

В конце марта 1953 г. **Л.П. Берия** направил в **Президиум ЦК КПСС** записку о проведении амнистии, в которой отмечалось, что во всех исправительно-трудовых лагерях, тюрьмах и колониях содержится более **2 520 000 заключенных**. Из этого числа более **220 000 зеков** являются особо опасными государственными преступниками — шпионами, диверсантами, террористами, троцкистами и националистами, которые не подлежали амнистии. Не подлежали амнистии и все лица, осужденные на срок свыше **5 лет**, по тяжким статьям за разбои, грабежи и убийства, а так же за тяжкие экономические преступления, связанные с расхищением государственных денег и собственности. **Президиум ЦК** одобрил предложения **Л.П. Берия** и на следующий день «президент» страны маршал **К.Е. Ворошилов** подписал указ **Президиума ВС СССР «Об амнистии»**, по которому на свободу вышло более **1 000 000 человек**, а производство по **400 000 уголовных дел** было прекращено.

Тем временем пересмотр громких уголовных дел дал **Л.П. Берии** довольно сильный козырь в борьбе за власть, поскольку за многими уголовными делами замаячила фигура бывшего министра государственной безопасности СССР и нынешнего секретаря **ЦК С.Д. Игнатьева**, который был прямой крестурой **Г.М. Маленкова**. В конечном счете, его пришлось сдать, и в **апреле 1953 г.** **С.Д. Игнатьев** был не только снят с поста секретаря **ЦК**, но и опросом всех его членом выведен из состава самого **ЦК**.

В этой ситуации **Г.М. Маленков** предложил узкому руководству созвать внеочередной **Пленум ЦК** и обсудить на нем вопрос о культе личности **И.В. Сталина**.

В частности, он подготовил проект постановления **Пленума ЦК** по данному вопросу, в котором особый акцент был сделан не на личности усопшего вождя, а на **непременном сохранении и укреплении принципов «коллективного руководства»**. Как предполагают ряд авторов (**Р. Пихоя, Ю. Жуков**), эти действия **Г.М. Маленкова** носили во многом превентивный характер, поскольку бурная деятельность **Л.П. Берия** по пересмотру громких уголовных дел могла рикошетом ударить именно по нему. Однако «**мягкая десталинизация**» была отвергнута узким руководством страны, и новый **Пленум ЦК** так и не состоялся, хотя само имя **И.В. Сталина** практически полностью исчезло со страниц партийных газет и журналов.

Тем временем внутри **Президиума ЦК** обозначился раскол по вопросам внешней политики, в частности оценки ситуации в ГДР. В мае 1953 г. здесь начались массовые беспорядки, связанные с тем, что восточногерманское руководство еще в **июле 1952 г.** взяло курс на форсированное строительство основ социализма в стране. На одном из заседаний **Президиума ЦК** состоялось довольно бурное обсуждение письма, адресованного **В. Ульбрихту, В. Пику** и **О. Гротеволу**, на котором произошла крупная перепалка между **В.М. Молотовым** и **Л.П. Берия**. Глава **МИД СССР** полагал, что надо убедить германских товарищей повременить с ускоренными темпами строительства социализма в стране, но, безусловно, сохранить сам стратегический курс на его строительство. А глава **МВД СССР** предложил отказаться от строительства социализма в ГДР как абсолютно бесперспективной затее и взять курс на создание внеблоковой нейтральной Германии. Это предложение крайне обеспокоило всех членов узкого руководства страны, которые единым фронтом выступили в поддержку **В.М. Молотова**.

Однако, несмотря на эти обстоятельства, по мнению ряда авторов (**Ю. Жуков**), именно тогда началось сближение **Н.С. Хрущева** с **Л.П. Берия**, который, опасаясь дальнейшего пересмотра громких уголовных дел, оказался в очень уязвимом положении. Дело в том, что в **мае-июне 1953 г.** по инициативе **Л.П. Берия** начался пересмотр основ национальной политики в ряде союзных республик, где продолжалась упорная борьба с антисоветским националистическим подпольем. Именно тогда были приняты **Постановления ЦК** по вопросам **Украинской, Белорусской, Литовской и Латвийской ССР** и со своих постов сняты первые секретари **ЦК КПУ** и **ЦК КПБ** **Л.Г. Мельников** и **Н.С. Патоличев**, которых заменили «национальными кадрами» — украинцем **А.Н. Кириченко** и белорусом **М.В. Зимяниным**.

По мнению большинства авторов (**Р. Пихоя, Р. Медведев, Ю. Аксютин, А. Пыжиков, Е. Зубкова**), эти новации **Л.П. Берия** вызвали резко негативную реакцию всех членов **Президиума ЦК**, которые сплотились в единый «**антибериевский блок**». Однако другие авторы (**Ю. Жуков**) утверждают, что данные решения лишь вскрыли «старый гнойник» и привели к образованию внутри **Президиума ЦК** двух откровенно враждебных группировок — **Г.М. Маленков — М.Г. Первухин — М.З. Сабуров** с одной стороны, и **Л.П. Берия — В.М. Молотов — Н.С. Хрущев — Н.А. Булганин** с другой стороны. Остальные трое членов **Президиума ЦК** — **Л.М. Каганович, А.И. Микоян** и **К.Е. Ворошилов** заняли выжидательную позицию и были готовы примкнуть к любой победившей группировке.

Дальнейшие события борьбы за власть до сих пор окутаны плотной завесой тайны. Существует две версии произошедших событий. Однако сразу оговоримся, что ни одна из них не подтверждена документально, и они носят сугубо гипотети-

ческий характер, поскольку основаны исключительно на мемуарах **Н.С. Хрущева**, **А.И. Микояна**, **В.М. Молотова**, **Г.К. Жукова**, **К.С. Москаленко** и других участников тех событий.

1) Одни авторы (**Р. Пихоя**, **Б. Соколов**, **А. Пыжиков**, **Ю. Аксютин**) целиком и полностью разделяют версию **Н.С. Хрущева**, подробно изложенную им в своих «Воспоминаниях», что именно он был главным инициатором подготовки и реализации заговора по смещению **Л.П. Берия**. Якобы именно он, в ходе закулисных переговоров, заручившись поддержкой большинства членов узкого руководства страны — **Г.М. Маленкова**, **Н.А. Булганина**, **В.М. Молотова**, **Л.М. Кагановича** и **К.Е. Ворошилова**, лично руководил арестом **Л.П. Берия** на заседании Президиума ЦК, который по его приказу непосредственно осуществили маршал **Г.К. Жуков**, генерал-полковники **К.С. Москаленко**, **П.Ф. Батицкий**, **М.И. Неделин** и другие старшие офицеры.

2) Другие авторы (**Ю. Жуков**) выдвинули версию, что возможным инициатором ареста **Л.П. Берия** был именно **Г.М. Маленков**, который, опираясь на поддержку маршала **Г.К. Жукова** и верных ему генералов **И.А. Серова**, **С.Н. Круглова** и **К.С. Москаленко**, заставил **Н.С. Хрущева**, **Н.А. Булганина** и **А.И. Микояна** поддерживать его на заседании Президиума ЦК и проголосовать за арест **Л.П. Берия**.

Официальная хроника тех событий была такова. За неделю до своего ареста, **Л.П. Берия** по поручению **Г.М. Маленкова** срочно выехал из Москвы в ГДР, где массовые акции протеста переросли в вооруженное противостояние сторон. Командование СГВГ во главе с генералом армии **А.А. Гречко**, блестящей карьере которого во многом способствовал сам **Л.П. Берия**, не смогло вовремя отреагировать на стремительное развитие ситуации в стране, и события в Берлине и других германских городах приобрели угрожающий характер. В этих условиях **Л.П. Берия** решительными мерами навел порядок в столице ГДР и через три дня возвратился в Москву.

Пользуясь отсутствием **Л.П. Берия**, заговорщики окончательно оговорили план своих действий и реализовали его в конце июня 1953 г. на заседании Президиума ЦК. В ходе заседания по сигналу **Г.М. Маленкова** в зал вошли маршал **Г.К. Жуков**, генерал-полковники **К.С. Москаленко**, **М.И. Неделин**, **П.Ф. Батицкий** и другие старшие офицеры, которые произвели арест **Л.П. Берия** и вывезли его с территории Кремля в Лефортово, в штаб Московского округа ПВО, которым командовал генерал **К.С. Москаленко**.

Только через неделю после этих событий, 2–7 июля 1953 г. состоялся Пленум ЦК, на котором обсуждался вопрос «О преступных антипартийных и антигосударственных действиях Берия Л.П.». В ходе состоявшихся «прений» бывший все- сильный глава спецслужб совершенно надуманно был обвинен в шпионаже, антисоветской деятельности, моральном разложении и других смертных грехах, и задним числом снят со всех своих государственных и партийных постов. Кроме того, именно на этом Пленуме ЦК из уст **Г.М. Маленкова** и **Н.С. Хрущева** впервые прозвучали критика культа личности **И.В. Сталина** и осуждение необоснованных репрессий, вина за которые целиком была возложена на **Л.П. Берия**, который одним махом был превращен в символ этих репрессий. Тогда же на него было заведено и уголовное дело.

Вскоре по делу **Л.П. Берия** были арестованы ряд его ближайших соратников — министр Госконтроля СССР генерал армии **В.Н. Меркулов**, первый заместитель

министра внутренних дел СССР генерал-полковник **Б.З. Кобулов**, начальник 3-го Управления МВД СССР генерал-полковник **С.А. Гоглидзе**, начальник Следственного управления МВД СССР генерал-лейтенант **Л.Е. Влодзимирский**, министр внутренних дел УССР генерал-лейтенант **П.Я. Мешик** и министр внутренних дел ГССР генерал-лейтенант **В.Г. Деканозов**.

Находясь в заключении, **Л.П. Берия** направил на имя своих бывших соратников три письма, в которых умолял их не допустить внесудебной расправы над ним и назначить специальную комиссию для тщательно рассмотрения его дела. При этом, обращаясь лично к **Г.М. Маленкову** и **Н.С. Хрущеву**, он просил их «не губить своего невинного старого друга» и помочь ему. Однако эти письма не возымели никакого действия и остались без ответа. А в конце декабря 1953 г. под председательством маршала **И.С. Конева** состоялся судебный процесс, и по приговору Специального судебного присутствия Верховного суда СССР **Л.П. Берия** и все его поделщики были расстреляны.

В настоящее время целый ряд авторов (**С. Берия**, **Ю. Мухин**, **С. Кремлев**) ставят под сомнение официальную версию изложенных событий и утверждают, что никакого ареста и суда над **Л.П. Берия** не было, что все это сплошные инсценировки, а на самом деле **Л.П. Берия** был убит при попытке его ареста в своем особняке на Садово-Кудринской улице в Москве еще в июне 1953 г.

Долгие годы, вплоть до начала 1990-х гг. изучение личности и деяний **Л.П. Берия** находилось под негласным запретом, поскольку в официальной советской пропаганде благодаря **Н.С. Хрущеву** и его клеветам за этим человеком закрепилась стойкая репутация злодея и палача, одного из самых кровавых сатрапов сталинской эпохи. Позднее, уже при **М.С. Горбачеве** и **Б.Н. Ельцине** стараниями тех же партийных идеологов, в частности **А.Н. Яковлева**, и продажной либеральной интеллигенции, которая с гордостью именует себя сомнительным титулом «шестидесятники» (**Б. Соколов**, **О. Хлевнюк**, **Р. Медведев**, **Л. Млечин**, **А. Антонов-Овсеенко**), этот демонизированный образ **Л.П. Берия** был окрашен еще более кровавыми и зловещими красками, и в результате в общественном сознании сложился крайне негативный образ этого человека.

Однако, по справедливому мнению ряда авторов (**Р. Пихоя**, **Ю. Жуков**, **Д. Кобба**), все эти оценки весьма далеки от истины. Конечно, **Л.П. Берия**, как и все тогдашние члены политического руководства страны, был отчасти повинен в политических репрессиях сталинской эпохи, но в гораздо меньшей степени, чем, например, тот же **Н.С. Хрущев**. Именно на совести этого «реформатора» и разоблачителя культа личности, столь превозносимого нашей продажной интеллигенцией, гораздо больше невинных убиенных душ в Москве и на Украине, где в годы политических репрессий этот деятель возглавлял партийные организации и истерически требовал беспощадного разоблачения врагов народа и самого сурового наказания для них.

Между тем, в последнее время документально установлено, что именно **Л.П. Берия**, наряду с **Г.М. Маленковым** и **А.А. Ждановым**, стали инициаторами прекращения массовых репрессий в конце 1938 г., маховик которых был раскручен региональными партийными вождями типа **Н.С. Хрущева**. Кроме того, благодаря работам ряда авторов (**Н. Симонов**, **Д. Кобба**, **Д. Холловей**) сегодня совершенно очевидным стал огромный вклад **Л.П. Берия**, как куратора всех разведслужб, ряда военных наркоматов и руководителя Оперативного Бюро ГКО, в победу над

фашизмом в годы войны, и как главы **Специального Комитета** в создании ракетно-ядерного щита нашей страны, которые не могут отрицать даже самые злобные его клеветники.

Что касается общей оценки личности **Л.П. Берия** как потенциального лидера страны, то в последнее время появилось целая когорта авторов (**Ю. Мухин, Е. Прудникова, С. Кремлев**), которые, являясь его откровенными апологетами, пытаются представить поверженного маршала выдающимся государственным деятелем, у которого была собственная программа реформ, носившая либеральный характер. Однако другие авторы, прежде всего, профессиональные историки (**Д. Кобба, Р. Пихоя**), которые документально, опираясь на богатый архивный материал, изучали многогранную деятельность **Л.П. Берия**, утверждают, что он был очень толковым и сильным администратором и, выполняя самые ответственные поручения партии и правительства, **не провалил ни одного поручения**, данных ему лично **И.В. Сталиным** или **Политбюро ЦК**. Вместе с тем, вряд ли **Л.П. Берия** был выдающимся государственным деятелем, поскольку довольно слабо разбирался в глобальных вопросах внешней и внутренней политики, а многие проекты его реформ, в частности в национальном вопросе и внешней политике носили ошутимый привкус авантюризма.

3. Новый раунд борьбы за власть в 1953–1955 гг. и поражение

Г.М. Маленкова

Устранение **Л.П. Берия**, создание советской водородной бомбы и возобновление работы **СМИД** великих держав для обсуждения германского вопроса позволили **Г.М. Маленкову** пойти ва-банк и приступить к реализации своей экономической программы. Еще в **начале апреля 1953 г.** при рассмотрении на **Президиуме ЦК** бюджета страны на текущий хозяйственный год он дал прямое указание министру финансов СССР **А.Г. Звереву** срочно изменить сам принцип финансирования экономики и перераспределить большую часть средств с тяжелой и оборонной промышленности на сельское хозяйство и легкую промышленность.

В **начале августа 1953 г.** на сессии **Верховного Совета СССР** **А.Г. Зверев** представил новый бюджет, основные параметры которого выглядели следующим образом: из общей суммы расходной части бюджета в размере **530 млрд рублей** около **83 млрд** направлялись в тяжелую промышленность, более **70 млрд** — в легкую промышленность, **40 млрд** — в сельское хозяйство, **110 млрд** — на содержание всех силовых структур, что было в два раза меньше, чем в прошлом году, и **130 млрд** — на развитие образования, медицины, науки, культуры и социальной сферы, что, напротив, было значительно выше прошлогодних лет.

Обосновывая столь кардинальное изменение государственного бюджета, **Г.М. Маленков** заявил, что: **1) с 1925 г.**, то есть окончания восстановительного периода, производство средств производства увеличилось в **55 раз**, а производство средств потребления — только в **12 раз**; **2) в настоящее время** главной задачей партии и правительства является максимально быстрое, в течение двух-трех лет, существенное повышение жизненного уровня народа и обеспечение простых советских людей высококачественными и дешевыми промышленными и продовольственными товарами.

Последнюю задачу предполагалось решить не только за счет крупного перераспределения бюджетных средств, но и за счет существенного пересмотра политики партии в аграрном вопросе. В частности, в своем докладе **Г.М. Маленков** предложил: **1)** существенно повысить государственные закупочные цены на всю аграрную продукцию; **2)** установить единый сельхозналог на все категории крестьянских хозяйств, независимо от доходов единоличников и колхозников; **3)** списать все недоимки по прежним налоговым платежам и **4)** прекратить политику ликвидации личных приусадебных хозяйств колхозников.

В **сентябре 1953 г.** все эти воистину революционные новации в экономической сфере были утверждены на очередном **Пленуме ЦК**. Однако по неустановленным пока причинам доклад на этом форуме делал не **Г.М. Маленков**, а **Н.С. Хрущев**, которого в конце работы **Пленума** избрали **Первым секретарем ЦК**. Причем, по утверждению ряда современных авторов (**Ю. Аксютин, А. Пыжиков**), решение об учреждении этого поста, **не предусмотренного партийным уставом**, было принято спонтанно, без предварительного обсуждения на **Президиуме ЦК** с подачи самого **Н.С. Хрущева** и его старинного соратника и друга маршала **Н.А. Булганина**.

По мнению ряда историков (**Р. Пихоя, Ю. Жуков**), именно это событие не только разрушило всю конструкцию «**коллективного руководства**», но и дало старт **коренному переделу власти** от государственных структур, то есть правительства и министерств, к центральному партийному аппарату и партийному секретарскому корпусу на местах. Иными словами, реформа, проведенная **И.В. Сталин** на предвоенном **Пленуме ЦК** в **феврале 1941 г.**, была фактически отменена и партия вновь стала **руководящей и направляющей силой советского общества**.

В **ноябре 1953 г.** на расширенном совещании в **ЦК**, которое было посвящено кадровым вопросам, **Н.С. Хрущев** получил новый козырь в борьбе за власть. Во время выступления **Г.М. Маленкова**, который обрушился с резкой критикой на партийный аппарат и обвинил его в перерождении, **Н.С. Хрущев** грубо прервал его и заявил, что этот аппарат наша главная опора, чем сорвал восторженные аплодисменты всего зала.

В **декабре 1953 г.** произошел еще один малоизвестный, но очень примечательный факт: **Н.С. Хрущев** был утвержден председателем нового **Бюро Совета Министров СССР по сельскому хозяйству и заготовкам** и введен в состав **Президиума Совета Министров СССР**. Таким образом, он не только вновь укрепил свое положение в высших эшелонах власти, но и стал единственным членом **Президиума ЦК**, который совместил в своих руках два руководящих поста в партии и правительстве.

В **феврале 1954 г.** состоялся очередной **Пленум ЦК**, целиком посвященный вопросам сельского хозяйства страны. Как полагает ряд историков (**Ю. Жуков**), именно этот партийный форум стал поворотным пунктом в судьбе нового экономического курса, провозглашенного **Г.М. Маленковым** всего полгода назад. Именно на нем с подачи **Н.С. Хрущева** был сделан акцент на **экстенсивных методах подъема** сельского хозяйства страны и принято **Постановление ЦК «Об освоении целинных и залежных земель»**.

Затем, в **марте 1954 г.**, произошло новое усиление позиций **Н.С. Хрущева**, с подачи которого из состава **МВД СССР**, который после ареста **Л.П. Берия** вновь возглавил генерал-полковник **С.Н. Круглов**, было выведено управление госбезопасности. На базе этого управления был создан **Комитет Государственной безопасности**

при Совете Министров СССР, который возглавил генерал-полковник **И.А. Серов**, бывший еще до войны, в бытность **Н.С. Хрущева** Первым секретарем ЦК КП(б)У, наркомом внутренних дел УССР.

Тогда же, в **марте 1954 г.** **Г.М. Маленков** допустил очередную оплошность, которая в конечном итоге стоила ему высшего государственного поста. На предвыборном собрании в новый **Верховный Совет СССР**, он заявил, что новая мировая война при наличии ядерного оружия и современных средствах его доставки **приведет к гибели всей мировой цивилизации**, чем навлек на себя гнев **В.М. Молотова**, **Н.С. Хрущева**, **Н.А. Булганина** и других консерваторов в **Президиуме ЦК**. Главу правительства сразу обвиняли в том, что его заявление не способствует активной борьбе против преступных замыслов империалистов и может породить у советских людей чувство апатии и безысходности. Более того, в ответном выступлении **Н.С. Хрущева** было заявлено о том, что если империалисты предпримут попытку развязать новую мировую войну, то она станет могилой уже не для отдельных капиталистических государств, а для всего мирового капитализма.

Окончательно новый курс **Г.М. Маленкова** был похоронен в **апреле 1954 г.**, когда на сессии **Верховного Совета СССР** утверждали новый союзный бюджет на текущий хозяйственный год. Из **563 млрд рублей** расходной части бюджета на тяжелую промышленность выделялось почти **80 млрд рублей**, на сельское хозяйство — **62 млрд**, а на легкую промышленность — только **14 млрд рублей**. При этом расходы на все силовые структуры вновь резко возросли — более чем в два раза и составили около **252 млрд рублей**.

Более того, по информации ряда историков (**Ю. Аксютин**, **А. Пыжиков**), уже с **ноября 1954 г.** все документы **Совета Министров СССР** стали оформляться за подписью маршала **Н.А. Булганина**, а сам **Г.М. Маленков** был де-факто отстранен от ведения заседаний **Президиума ЦК**. Окончательный удар по позициям **Г.М. Маленкова** был нанесен в **декабре 1954 г.** в ходе судебного процесса над **В.С. Абакумовым** и его подельниками, которые были обвинены в фабрикации «**Ленинградского дела**», за которым якобы стоял **Г.М. Маленков**.

В **январе 1955 г.** в «**Правде**» была опубликована статья ее главного редактора **Д.Т. Шепилова** «**Генеральная линия партии и вульгаризаторы марксизма**». В ней без упоминания имени самого **Г.М. Маленкова** резко критиковались его «глубоко ошибочные и политически вредные взгляды» на социалистическую экономику, предусматривающие необходимость преимущественного развития **отраслей группы «Б»**, т.е. производства средств потребления. А уже в **конце января 1955 г.** состоялся **Пленум ЦК**, на котором **Г.М. Маленков** был освобожден от обязанностей председателя **Совета Министров СССР**. В разгромных выступлениях ряда членов высшего руководства, в том числе **В.М. Молотова** и **Н.С. Хрущева**, бывший глава советского правительства был: **1)** обвинен в отсутствии опыта практической работы и неумении организовать работу **Совета Министров**; **2)** назван «политически незрелым большевиком», который, рассчитывая на приобретение дешевой популярности, стал продвигать «правооппортунистические взгляды по коренным вопросам развития советской экономики, требуя преимущественных темпов развития легкой индустрии»; **3)** обвинен в пропаганде вредного и ошибочного лозунга о гибели мировой цивилизации в случае начала новой мировой войны; **4)** впервые публично обвинен в тесном сотрудничестве с **Л.П. Берией** и прямой политической ответ-

ственности за фабрикацию «Ленинградского дела», «Дела артиллеристов» и других громких политических дел.

Г.М. Маленков, не обладавший ярко выраженными лидерскими качествами и не сумевший создать мощную группировку своих сторонников внутри **ЦК**, смирился со своей отставкой и заявил, что воспринял решение **Пленума ЦК** как принципиальное и справедливое решение. Поэтому, покаявшийся и обещавший исправить свои грубые ошибки, он был оставлен в составе **Президиума ЦК** и рекомендован на пост заместителя председателя **Совета Министров СССР** и министра электростанций СССР. Уже в начале февраля 1955 г. **Верховный Совет СССР** назначил давнишнего соратника **Н.С. Хрущева** маршала **Н.А. Булганина** новым руководителем **Совета Министров СССР**, а на освобожденный им пост министра обороны СССР был назначен маршал **Г.К. Жуков**. Эти решения фактически означали, что: 1) в стране произошел ползучий дворцовый переворот; 2) был окончательно отвергнут новый экономический курс; 3) при сохранении видимых принципов «коллективного руководства» фактическим лидером страны стал **Н.С. Хрущев**, который вернул партийному аппарату былую мощь и влияние.

Что касается общей оценки личности **Г.М. Маленкова**, то здесь, как всегда, существуют совершенно полярные точки зрения. Одни авторы (**Р. Медведев**, **Л. Млечин**) считают его полным политическим ничтожеством, не способным к самостоятельной государственной работе. Другие (**Ю. Жуков**, **Р. Баландин**), напротив, не отказывают ему в государственном уме и признают существование собственной программы реформ, которую, к сожалению, не удалось реализовать.

Новой аппаратной победой **Н.С. Хрущева** в борьбе за утверждение своего окончательного лидерства стал прошедший в июле 1955 г. очередной **Пленум ЦК**, на котором: 1) в состав **Президиума ЦК** вошли два его верных соратника — секретарь **ЦК М.А. Суслов** и Первый секретарь **ЦК КПУ А.Н. Кириченко**; 2) новыми секретарями **ЦК** стали **Д.Т. Шепилов**, **Н.И. Беляев** и **А.Б. Аристов**.

Таким образом, как справедливо утверждают многие авторы (**Р. Пихоя**, **Ю. Жуков**), из всех возможных вариантов реформ, существовавших в то время у **Л.П. Берия**, **Г.М. Маленкова** и **Н.С. Хрущева**, в конечном счете, был выбран самый худший вариант, который был совершенно непродуман, во многом спонтанен, а главное — предельно консервативен по своей сути.

4. Крым: роковое решение **Н.С. Хрущева**

а) Предыстория крымского вопроса

После окончания полномасштабной **Гражданской войны** на европейской части бывшей Российской империи, 18 октября 1921 г. совместным **Постановлением ВЦИК и СНК РСФСР** за подписью **В.И. Ленина**, **М.И. Калинина** и **А.С. Енукидзе** на части территорий бывшей **Таврической губернии** Российской империи была образована «Автономная Крымская Социалистическая Советская Республика, как часть РСФСР, в границах Крымского полуострова из существующих округов: Джанкойского, Евпаторийского, Керченского, Севастопольского, Симферопольского, Феодосийского и Ялтинского». Причем, этим же **Постановлением** было указано, что вопрос о северных границах **Автономной Республики Крым** подлежал отдельному рассмотрению специальной **Комиссией** в составе представителей **НКВД РСФСР**,

УССР и Автономной Крымской ССР, а так же **Наркомнаца РСФСР**, которое будет утверждено **ВЦИК РСФСР**, а не совместным решением **ВЦИК** и **ВУЦИК**. Спустя три недели, **10 ноября 1921 г.** была принята и первая **Конституция Автономной Крымской ССР**, в которую были положены основные принципы **Конституции РСФСР 1918 г.** Позднее, в мае **1929 г.** была принята новая **Конституция** республики, согласно которой ее название было изменено на **Крымскую Автономную Советскую Социалистическую Республику**.

Между тем, в **1920-х гг.** в высших партийных кругах стала активно продвигаться идея создания еврейской автономия в Крыму, целесообразность образования которой была отмечена **В.И. Лениным** еще в **1918 г.**, когда при **Народном комиссариате национальностей** был создан **Еврейский комиссариат**, занимавшийся, в том числе, и поиском свободных земель для расселения евреев, для которых была снята знаменитая черта оседлости, существовавшая в Российской империи с **1791 г.** В **декабре 1923 г.** по решению **Политбюро ЦК РКП(б)**, активными лоббистами которого были **Л.Д. Троцкий, Л.Б. Каменев и Н.И. Бухарин**, для рассмотрения этого вопроса была создана специальная комиссия под руководством заместителя председателя **СНК СССР А.Д. Цюрупы**. Более того, в **августе 1924 г.** для организации и поддержки еврейского переселенческого движения **Постановлением Президиума ЦИК СССР** был создан **Комитет по земельному устройству трудящихся евреев (КОМЗЕТ)** во главе со **П.Г. Смидовичем**. А в **декабре** был организован **Общественный комитет земельному устройству трудящихся евреев**, который возглавил **Ю.З. Ларин (Лурье)**, вплотную занявшийся «мобилизацией» международной общественности в поддержку землеустроительных проектов этого комитета.

Между тем, настоящим автором идеи еврейской колонизации Крыма был директор русского отдела известной американской организации «**Джойнт**» **И.Б. Розен**, который в **1924–1938 гг.** одновременно возглавлял и «**Агро-Джойнт**». Хотя, официально эта идея была озвучена заместителем наркома по делам национальной **Г.И. Бройдо** и заведующим **Всероссийской Сельскохозяйственной выставки А.Г. Брагиним**, который в том же **1924 г.** совместно с **М.Е. Кольцовым** опубликовал книгу «**Судьба еврейских масс в СССР**».

Кстати сказать, реальным хозяином «**Джойнт**» был **Феликс Варбург**, который, будучи сыном главы фамильного банка **Моисея Варбурга**, в юном возрасте покинул Германию и переехал в США, где сразу женился на **Фриде Шифф**, дочери президента «**Kuhn, Loeb & Co**» **Дж. Шиффа** — основного спонсора **Февральской революции**, тесно связанного с банкирским домом **Ротшильдов**. Кроме того, его старший брат **Пауль Варбург**, свойственник того же **Дж. Шиффа**, был инициатором тайной сродки ведущих американских банкиров на острове **Джекил**, на котором была выработана вся концепция будущей **Федеральной Резервной Системы США**, основанной в **декабре 1913 г.** Кстати, в **1916 г.** дочь **Феликса Варбурга Карола** вышла замуж за **Вальтера Натана Ротшильда**, который был главой еврейской сионистской общины в США.

В **1924 г.** между «**Джойнтом**» и **СНК СССР** был подписан договор о создании корпорации «**Агро-Джойнт**» («**American Jewish Joint Agricultural Corporation**»), которая взялась за аграризацию евреев, в то время как государство в лице **Комитета П.Г. Смидовича** безвозмездно предоставляло переселенцам земли в Крыму и на Украине, налоговые и другие льготы. Для содействия этого проекта в самом

СССР была создана организация «Общество землеустройства еврейских трудящихся» (ОЗЕТ), а для финансового обеспечения проекта в 1928 г. «Джойнт» создал акционерное «Американское общество по устройству еврейских ферм» («The American Society for Jewish Farm Settlements in Russia»), которое возглавили Дж. Розенберг и Дж. Розенвальд, ставшие его главными инвесторами.

Тем временем Комитет Ю.З. Ларина выдвинул проект еврейской колонизации северного и северо-восточного Крыма — самой необжитой и неблагоприятной для сельского хозяйства территории полуострова, где под еврейское переселение было отведено почти 350 тыс. га в Евпаторийском и Джанкойском районах. Позднее, в 1930 г. именно на этой территории был создан Фрайдорфский еврейский национальный район площадью 240 тыс. га.

Между тем, далеко не все руководители страны были в восторге от деятельности КОМЗЕТа и идеи крымского проекта. Помимо И.В. Сталина и В.М. Молотова, против него активно выступали Первый секретарь ЦК КП(б)У Э.И. Квиринг, нарком земледелия РСФСР А.П. Смирнов, нарком юстиции УССР Н.А. Скрышник и председатель ЦИК Крымской АССР В. Ибраимов. Поэтому в марте 1928 г. Президиум ЦИК СССР принял Постановление «О закреплении за КОМЗЕТом для нужд сплошного заселения трудящимися евреями свободных земель и в приамурской полосе Дальневосточного края» в Биробиджане. А уже в августе 1930 г. ЦИК РСФСР принял постановление «Об образовании в составе Дальневосточного края Биро-Биджанского национального района», на базе которого Постановлением ЦИК СССР в мае 1934 г. была образована Автономная Еврейская национальная область.

Сразу после окончания Великой Отечественной войны, в июне 1945 г. за подписью председателя и секретаря Президиума Верховного Совета РСФСР И.А. Власова и П.В. Бахмурова вышел Указ «О преобразование Крымской АССР в Крымскую область», что сразу было закреплено соответствующим законом РСФСР и внесением соответствующих изменений и дополнений в статью 14 Конституции РСФСР. Это обстоятельство тут же возродило прежние идеи о создании в Крыму еврейской автономии, которую очень активно стали пробивать лидеры Еврейского антифашистского комитета (ЕАК) С. Михоэлс, И. Фефер, Ш. Эпштейн и другие. Более того, эти притязания лидеров ЕАК стали активно поддерживать жены двух старейших членов Политбюро В.М. Молотова и К.Е. Ворошилова — старые большевички П.С. Жемчужина и Г.Д. Горбман.

Естественно, что все это, помноженное на активную связь членов ЕАК с сионистским руководством Израиля, в частности первым израильским послом в Москве Голдой Меир и идеологами мондиалистов, в частности лидером «движения мировых федералистов» крупным американским банкиром К. Мейером и руководством так называемого «Гарвардского проекта» Дж. Дэвисом и Дж. Кеннаном, привело к тому, что в ноябре 1948 г. Еврейский Антифашистский Комитет был распущен, а в начале 1949 г. были арестованы все его кураторы и руководители, в том числе С. Лозовский, И. Фефер, В. Зускин, С. Брегман, И. Юзефович, Л. Квитко, П. Маркиш и Л. Штерн, которых позже расстреляли.

Между тем, 29 октября 1948 г. Указом Президиума Верховного Совета РСФСР № 761/2 за подписью тех же И.А. Власова и П.В. Бахмурова город Севастополь был выделен в самостоятельный административно-хозяйственный центр РСФСР со своим особым бюджетом и отнесен к категории городов республиканского

подчинения, что приравнивало его к статусу, как к самой Крымской области, так и ко всем административно-территориальным единицам РСФСР.

б) «Крымская эпопея» Н.С. Хрущева

Новый этап в истории Крымской области был связан с 1954 г., когда новоявленный **Первый секретарь ЦК КПСС Н.С. Хрущев** на заседании **Президиума ЦК** выступил с инициативой передать эту область из состава РСФСР в состав УССР. Вопрос о том, почему именно **Н.С. Хрущев** инициировать передачу Крыма в состав УССР до сих пор до конца не прояснен. Так, бывший ельцинский министр печати и информации РФ **М.Н. Полторанин**, автор нашумевшей книги **«Власть в тротильном эквиваленте» (2010)**, утверждал, что эта акция готовилась еще при жизни **И.В. Сталина**, который таким образом пытался де-юре дезавуировать «нэповские» обязательства **СНК РСФСР 1921–1922 гг.** перед владельцами земельных паев-векселей на крымскую землю, среди которых были многие представители американского истеблишмента и тамошней еврейской общины, в том числе **Г. Гувер, Ф. Рузвельт, Э. Рузвельт, Л. Маршалл** и другие. Сын бывшего лидера страны **С.Н. Хрущев** всячески убеждал, что передача Крыма в состав УССР была вызвана чисто экономическими причинами, в частности острой необходимостью строительства **Север-Крымского оросительного канала**, хотя совершенно очевидно, что в условиях существования единого народно-хозяйственного комплекса СССР этот аргумент не выдерживает никакой критики. Наконец, известный знаток хрущевской эпохи, доктор исторических наук **А.В. Пыжиков**, автор книги **«Хрущевская «оттепель» (2002)**, полагает, что «крымская эпопея» была связана с тем обстоятельством, что в предстоящей борьбе за единоличную власть **Н.С. Хрущев**, который в **1938–1949 гг.** был фактическим главой УССР, очень рассчитывал получить поддержку влиятельной украинской партийной и хозяйственной номенклатуры, которая после войны резко увеличила свое представительство и в **ЦК КПСС**, и в **Совете Министров СССР**.

В настоящее время целый ряд либеральных авторов (**Р. Медведев, Е. Зубкова, С. Хрущев**) всячески пытаются реабилитировать **Н.С. Хрущева** и снять с него большую часть вины за «крымскую эпопею», представив дело таким образом, что данное решение было принято так называемым «коллективным руководством». Однако реальные факты говорят, что именно он стал инициатором этого процесса. Достаточно сказать, что уже **16 января 1954 г. Н.С. Хрущев** добился отставки первого секретаря **Крымского обкома партии П.И. Титова**, который в крайне резкой форме возражал против передачи Крымской области в состав УССР и назначил на его место активного сторонника своей затеи — второго секретаря обкома партии **Д.С. Полянского**. Причем, уже через три года **Д.С. Полянский** сделает головокружительную карьеру и станет членом **Президиума ЦК**, председателем **Совета Министров РСФСР**, а затем и первым заместителем председателя **Совета Министров СССР**.

25 января 1954 г. под председательством главы **Совета Министров СССР Г.М. Маленкова** состоялось заседание **Президиума ЦК**, на котором, согласно **Протоколу № 49**, присутствовали «члены **Президиума ЦК** гг. **Н.С. Хрущев, К.Е. Ворошилов, Н.А. Булганин, Л.М. Каганович, А.И. Микоян, М.З. Сабуров** и **М.Г. Первухин**, кандидаты в члены **Президиума ЦК** гг. **Н.М. Шверник** и **П.К. Пономаренко** и секретари **ЦК КПСС** гг. **М.А. Суслов, П.Н. Поспелов** и **Н.Н. Шаталин**». Под номером **XI**

этого **Протокола**, озаглавленного «**О передаче Крымской области из состава РСФСР в состав СССР**», значились два пункта: 1) утвердить с поправками, принятыми на заседании, прилагаемый проект **Указа Президиума Верховного Совета СССР** о передаче Крымской области из состава РСФСР в состав СССР; и 2) признать целесообразным провести специальное заседание **Президиума Верховного Совета СССР**, на котором рассмотреть совместное представление **Президиумов Верховных Советов РСФСР и СССР** о передаче Крымской области из состава РСФСР в состав СССР. Причем, что примечательно, этот **Протокол** подписал не глава правительства **Г.М. Маленков**, который по статусу вел заседание **Президиума ЦК**, а **Первый секретарь ЦК Н.С. Хрущев**.

Тем временем, **5 февраля 1954 г.** под председательством «президента» РСФСР **М.П. Тарасова** состоялось заседание **Президиума Верховного Совета РСФСР**, на котором, согласно **Протоколу № 41**, присутствовали «заместители председателя Президиума Верховного Совета РСФСР **З.А. Андреева, А.П. Данилова, М.О. Селюкин, Д.Д. Цыремпион и П.В. Щербаков**, секретарь Президиума Верховного Совета РСФСР **И.Н. Зимин**, члены Президиума Верховного Совета РСФСР **т.т. П.С. Бузина, П.Ф. Ладанов, П.Л. Пантиков, К.Л. Пупшова, А.Г. Соколов, К.В. Степанова, В.С. Цветкова и М.А. Яснов**, министр юстиции РСФСР **А.Т. Рубичев**, председатель Верховного Суда РСФСР **С.Л. Зитюков** и прокурор РСФСР **П.В. Баранов**, заместитель председателя **Исполкома Крымского областного Совета депутатов трудящихся Т.М. Пономаренко** и председатель **Исполкома Севастопольского городского Совета депутатов трудящихся С.В. Сосницкий**». По итогам этого заседания было принято решение «**О передаче Крымской области из состава РСФСР в состав Украинской ССР**», в котором говорилось, что «учитывая общность экономики, территориальную близость и тесные хозяйственные и культурные связи между Крымской областью и Украинской ССР, **Президиум Верховного Совета РСФСР** постановляет: передать Крымскую область из состава РСФСР в состав Украинской ССР. Настоящее **Постановление** внести на утверждение **Президиума Верховного Совета СССР**».

При этом мы особо подчеркнем тот факт, что согласно статье 31 Конституции РСФСР 1937 г. в редакции от **5 апреля 1941 г.** **Верховный Совет РСФСР** избирал **Президиум Верховного Совета РСФСР** в составе: председателя Президиума Верховного Совета РСФСР, 16 его заместителей по числу автономных республик, секретаря Президиума и 20 членов Президиума. Таким образом, списочная численность членов Президиума Верховного Совета РСФСР составляла 38 членов, а на заседании **5 февраля 1954 г.** присутствовало только 15 членов Президиума ВС РСФСР, которые не обладали правом принятия каких-либо документов вообще ввиду элементарного отсутствия кворума!

В тот же день за подписью председателя и управделами Совета Министров РСФСР **А.М. Пузанова** и **И.В. Груздева** вышло **Постановление Совета Министров РСФСР № 156 «О передаче Крымской области из состава РСФСР в состав СССР»**, в котором говорилось, что с учетом «территориального тяготения Крымской области к Украинской ССР, общности экономики и тесных хозяйственных и культурных связей между Крымской областью и Украинской ССР, **Совет Министров РСФСР** постановляет: считать целесообразным передать Крымскую область из состава РСФСР в состав СССР. Просить **Президиум Верховного Совета РСФСР** рассмотреть вопрос о передаче Крымской области в состав СССР и войти в Пре-

зидиум Верховного Совета СССР с соответствующим постановлением». Причем, заметьте, что данное **Постановление** тоже являлось грубейшим нарушением действующей **Конституции РСФСР**, поскольку **Совет Министров РСФСР** мог только исполнять уже принятые нормативные акты **Президиума Верховного Совета РСФСР**, а не просить его о принятии подобного акта.

Через неделю, **13 февраля 1954 г.** под председательством главы **Президиума Верховного Совета УССР Д.С. Коротченко** в **Киеве** состоялось аналогичное заседание **Президиума ВС УССР**, на котором было принято **Постановление Президиума Верховного Совета УССР «О представлении Президиума Верховного Совета РСФСР по вопросу передачи Крымской области в состав УССР»**, в котором говорилось, что «обсудив представление **Президиума Верховного Совета Российской СФСР** по вопросу передачи Крымской области из состава РСФСР в состав Украинской ССР, внесенное на рассмотрение **Президиума Верховного Совета СССР, Президиум Верховного Совета Украинской ССР**, со своей стороны, считает, что передача Крыма Украинской ССР, учитывая общность их экономики, территориальную близость и тесные хозяйственные и культурные связи, вполне целесообразна и является свидетельством безграничного доверия великого русского народа украинскому народу. Соответственно представлению **Президиума Верховного Совета Российской СФСР Президиум Верховного Совета Украинской ССР** постановляет: просить **Президиум Верховного Совета Союза ССР** передать Крымскую область из состава Российской СФСР в состав Украинской ССР». При этом совершенно не ясно, каков был численный состав членов **Президиума ВС УССР** на момент принятия данного решения, и кто, и как голосовал за данное решение, поскольку протокол и даже копия этого заседания отсутствует в российских государственных архивах.

Через день после принятого решения, т.е. **15 февраля 1954 г.**, председатель и секретарь **Президиума Верховного Совета УССР Д.С. Коротченко** и **В.Е. Нижник** направили на имя председателя **Президиума Верховного Совета СССР** маршала **К.Е. Ворошилова** письмо о том, что «**Президиум Верховного Совета Украинской ССР 13 февраля 1954 г.** принял постановление по вопросу передачи Крымской области из состава Российской СФСР в состав Украинской ССР и вносит его на утверждение **Президиума Верховного Совета СССР**». При этом, заметьте, никакого совместного представления **Президиумов ВС РСФСР и УССР** в адрес **К.Е. Ворошилова** послано не было, что полностью противоречило решению **Президиума ЦК КПСС от 25 января 1954 г.**

Тем не менее, **19 февраля 1954 г.** маршал **К.Е. Ворошилов** созвал заседание **Президиума Верховного Совета СССР** для решения этого вопроса. Согласно статье 48 действующей **Конституции СССР 1936 г.** в редакции от **8 августа 1953 г.** в состав **Президиума Верховного Совета СССР** входили председатель **Президиума Верховного Совета СССР**, 16 его заместителей — по одному от каждой союзной республики, секретарь и 15 членов **Президиума Верховного Совета СССР**, т.е. всего 33 человека, а не 27, как это утверждается в многочисленных печатных публикациях и на просторах интернета. По **Протоколу № 35 от 19 февраля 1954 г.**, на этом заседании **ПВС СССР** помимо его главы маршала **К.Е. Ворошилова**, присутствовали секретарь **ПВС СССР Н.М. Пегов**, 9 заместителей председателя **ПВС СССР** по должности, т.е. председатели **ПВС союзных республик** — **М. Тарасов, М. Гречуха, Ш. Рашидов, Т. Кулатов, Н. Додхудоев, Ф. Бровко, М. Папян, А. Сарыев** и **О.В. Куусинен**

и 12 членов ПВС СССР А. Андреев, М. Багиров, М. Буденный, С. Вагапов, А. Данилов, Я. Каллиберзин, З. Лебедева, З. Муратов, М. Суслов, З. Федорова, Н. Хрущев и Н. Шверник. Казалось бы, кворум был налицо, то есть в наличие были 23 члена ПВС СССР, а не 13, как это опять-таки утверждается в многочисленных печатных публикациях и интернете. Однако у нас есть все основания усомниться в подлинности этого **Протокола** по целому ряду причин: 1) почему в этом протоколе в качестве заместителя ПВС СССР и председателя **Президиума ВС УССР** указан **М.С. Гречуха**, который уже как месяц являлся первым заместителем председателя **Совета Министров УССР**, а новым главой ПВС УССР был **Д.С. Коротченко**; 2) почему председатель **Президиума ВС Латвийской ССР К.М. Озолинь**, занимавший эту должность с **марта 1952 г.** и являвшийся по должности заместителем председателя **Президиума Верховного Совета СССР**, числился не в списке заместителей, а в числе приглашенных лиц, и т.д.

Между тем, в ходе самого заседания ПВС СССР, продолжавшегося всего 20 минут, поочередно выступили всего несколько человек с вполне дежурными и заранее написанными речами — член **Президиума ЦК**, председатель ПВС СССР маршал **К.Е. Ворошилов**, председатель ПВС РСФСР **М.П. Тарасов**, председатель ПВС УССР **Д.С. Коротченко**, кандидат в члены **Президиума ЦК**, председатель **ВЦСПС Н.М. Шверник**, председатель ПВС Узбекской ССР **Ш.Р. Рашидов** и председатель ПВС Карело-Финской ССР **О.В. Куусинен**. Вот так, по-свойски, как мешок картошки, всего за несколько минут целая область была передана из состава РСФСР в состав УССР.

Хотя, согласно **статье 18** действовавшей **Конституции СССР**, территория любой союзной республики не могла быть изменена без ее согласия. Формально таковые согласия были оформлены со стороны обеих республик в виде **Постановлений Президиумов ВС РСФСР и УССР**. Однако в **статье 33 Конституции РСФСР**, содержавшей перечень полномочий **Президиума Верховного Совета РСФСР**, отсутствовали полномочия по изменению границ РСФСР. Кроме того, изменение территории республик не входило даже в полномочия **Президиума Верховного Совета СССР**, определявшиеся **статьей 49 Конституции СССР**, поскольку согласно **статьям 14 и 31 Конституции СССР** этот вопрос находился в ведении **Верховного Совета**, а не его **Президиума**. Таким образом, грубо нарушив нормы **Конституции СССР**, превысив свои конституционные полномочия и презрев саму процедуру решения данного вопроса, **Президиум Верховного Совета СССР принял незаконное решение!**

Тем не менее, **26 апреля 1954 г.** **Верховный Совет СССР** законом «О передаче **Крымской области** из состава РСФСР в состав УССР» утвердил указ своего **Президиума** и внес соответствующие изменения в **статьи 22 и 23 Конституции СССР**. Затем, **2 июня 1954 г.**, **Верховный Совет РСФСР** единогласно принял закон «О внесении изменений и дополнений в **статью 14 Конституции РСФСР**», согласно которому **Крымская область** была исключена из состава РСФСР. А через две недели, **17 июня 1954 г.**, в **статью 18 Конституции Украинской ССР** было внесен пункт о включении **Крымской области** в состав **Украинской ССР**.

Что касается города **Севастополя**, который, как известно, **Указом Президиума Верховного Совета РСФСР № 761/2 от 29 октября 1948 г.** был выделен в самостоятельную административно-хозяйственную единицу со своим особым бюджетом и отнесен к категории городов республиканского подчинения, то никакого от-

дельного решения по нему не принималось и де-юре он продолжал оставаться административной единицей именно РСФСР.

Тема: XX СЪЕЗД КПСС, ЕГО РЕШЕНИЯ И ПОСЛЕДСТВИЯ

План:

1. Подготовка в XX съезду и история создания секретного доклада Н.С. Хрущева (1955–1956 гг.).
2. XX съезд КПСС и его основные решения (1956 г.).
3. Обострение борьбы за власть и крах системы «коллективного руководства» (1957 г.).
4. XXI и XXII съезды КПСС и их решения (1959–1961 гг.).

1. Подготовка в XX съезду и история создания секретного доклада Н.С. Хрущева (1955–1956 гг.)

Сразу же после июльского Пленума ЦК началась подготовка к очередному партийному съезду, которая велась на фоне пересмотра многих уголовных дел и освобождения тысяч политических заключенных. По информации ряда историков (А. Вдовин), уже к концу 1955 г. их численность сократилась с 475 000 до 114 000 человек. По мере приближения съезда Н.С. Хрущев все настойчивее стал требовать от членов Президиума ЦК публично осудить «ошибки и извращения» И.В. Сталина, принять согласованное решение и представить высшему партийному форуму доклад по данному вопросу.

В исторической науке до сих пор нет единства взглядов на то, когда именно Н.С. Хрущев поставил вопрос о подготовке своего доклада с осуждением сталинского культа на партийном съезде. Одни авторы (О. Волобуев, Н. Барсуков) утверждают, что горячие дискуссии по этому вопросу разгорелись в кулуарах самого съезда, то есть в феврале 1956 г., и долгое время именно этот миф господствовал в отечественной историографии. Другие авторы (В. Наумов) полагают, что этот вопрос был поднят Н.С. Хрущевым в его «Записке», адресованной в Президиум ЦК, в конце октября 1955 г. Наконец, третья группа авторов (Р. Пихоя, Ю. Аксютин, А. Пыжиков) говорит о том, что впервые вопрос о публичном осуждении сталинского культа был рассмотрен на заседании Президиума ЦК только в самом конце декабря 1955 г.

Именно на этом заседании Президиума ЦК в повестку дня был включен отдельный пункт «Вопросы, связанные с реабилитацией», по итогам обсуждения которого были приняты ряд решений, в частности: 1) о роспуске старой комиссии по реабилитации, которую возглавлял В.М. Молотов; 2) о создании новой комиссии в составе П.Н. Поспелова, Н.М. Шверника, А.Б. Аристова и П.К. Комарова, которой было поручено детально изучить причины возникновения массовых политических репрессий в довоенный период, в частности против многих членов ЦК, избранных в его состав на XVII съезде ВКП(б) в феврале 1934 г.

Тем временем, в **январе 1956 г. Н.С. Хрущев** инициировал отставку министра внутренних дел СССР генерал-полковника **С.Н. Круглова**, который был многолетним заместителем **Л.П. Берия** в этом ведомстве и руководил этим министерством более десяти лет. Новым главой МВД СССР стал давний соратник **Н.С. Хрущева** по МГК КПСС, нынешний заведующий Отделом строительства ЦК КПСС **Н.П. Дудоров**.

В начале февраля 1956 г. «Комиссия Пospelова» представила в Президиум ЦК многостраничный отчет о репрессиях второй половины 1930-х гг., где утверждалось, что в эти годы по политическим мотивам было арестовано более **1 548 000 человек**, из которых около **682 000** было расстреляно. Обсуждение этого отчета вызвало резкую поляризацию мнений членов Президиума ЦК. Одни его члены, в частности **В.М. Молотов**, **К.Е. Ворошилов** и **Л.М. Каганович**, выступили против хрущевского доклада и развенчания культа личности **И.В. Сталина**, разумно полагая, что этот доклад нанесет непоправимый ущерб авторитету партии и советского государства, а так же многим членам Президиума ЦК, поскольку практически все они были многолетними соратниками усопшего вождя. Однако **Н.С. Хрущев**, опираясь на поддержку **Н.А. Булганина**, **А.И. Микояна**, **М.Г. Первухина**, **М.З. Сабурова**, **М.А. Суслова** и даже **Г.М. Маленкова**, сумел протащить нужное ему решение.

По данным ряда историков (**Р. Медведев**, **В. Наумов**, **Ю. Аксютин**, **А. Пыжиков**), первоначально предполагалось, что доклад о репрессиях будет делать секретарь ЦК **П.Н. Поспелов**, который возглавлял работу комиссии по этому вопросу. Затем было принято решение о том, что отдельного доклада не будет и вопрос о политических процессах станет составной частью общего «Отчетного доклада ЦК», с которым выступит **Н.С. Хрущев**. И только в середине февраля 1956 г., накануне открытия съезда, на Президиуме ЦК, а затем на Пленуме ЦК было принято решение о подготовке отдельного доклада «О культе личности **И.В. Сталина** и его последствиях», с которым на закрытом заседании съезда должен был выступить сам **Н.С. Хрущев**.

Подготовка этого доклада закончилась уже в ходе работы самого партийного съезда. Первоначальный его текст, подготовленный секретарями ЦК **П.Н. Поспеловым** и **А.Б. Аристовым**, не вполне устроил **Н.С. Хрущева**. И за пять дней до его прочтения, он лично надиктовал текст своего доклада стенографистке, а затем вместе с секретарем ЦК **Д.Т. Шепиловым** редактировал его окончательный вариант в течение двух суток.

2. XX съезд КПСС и его основные решения (1956 г.)

14 февраля 1956 г. начал свою работу XX съезд КПСС, в официальной повестке дня которого значились три основных вопроса: «Отчетный доклад ЦК» Первого секретаря ЦК КПСС **Н.С. Хрущева**, доклад «О пятилетнем плане развития народного хозяйства СССР на 1956–1960 гг.» председателя Совета Министров СССР **Н.А. Булганина** и выборы нового состава ЦК. Второй, секретный доклад ЦК «О культе личности **И.В. Сталина** и о преодолении его последствий» в официальной повестке съезда не значился. Однако о его подготовке знали все члены ЦК и ряд из них, в частности зам. главы Госконтроля СССР **В.М. Андрианов** и командующий Северо-Кавказским Военным округом маршал **А.И. Еременко**, предложили **Н.С. Хрущеву** свои услуги в разоблачении сталинского культа, направив в его адрес специальные записки по этому вопросу.

Отчетный доклад ЦК, с которым **Н.С. Хрущев** выступил в первый день работы съезда, содержал три главных новации: **1)** впервые на высшем уровне было признано и документально закреплено существование **различных путей строительства социализма** с учетом национальной специфики и исторического опыта социалистических стран; **2)** впервые на официальном уровне был **отвергнут тезис о неизбежности войн при империализме** и провозглашен курс на **мирное сосуществование государств** с различным общественным строем; **3)** при утверждении основных директив **плана шестой пятилетки** впервые была поставлена очень амбициозная, но практически невыполнимая тогда задача **«догнать и перегнать развитые капиталистические страны** по производству основных видов продукции на душу населения».

После выборов нового состава **ЦК** состоялся организационный **Пленум ЦК**, на котором были избраны новые руководящие органы. Состав постоянных членов **Президиума ЦК** не изменился, и в него вошли **Н.С. Хрущев, Н.А. Булганин, В.М. Молотов, К.Е. Ворошилов, А.И. Микоян, Г.М. Маленков, Л.М. Каганович, М.З. Сабуров, М.Г. Первухин, М.А. Суслов и А.И. Кириченко**. Кандидатами в члены **Президиума ЦК** стали министр обороны СССР **Г.К. Жуков**, секретари **ЦК Л.И. Брежнев и Д.Т. Шепилов**, Первый секретарь **ЦК КП Узбекистана Н.А. Мухитдинов**, Первый секретарь **МГК Е.А. Фурцева** и председатель **Комитета партийного контроля при ЦК Н.М. Шверник**. В состав **Секретариата ЦК** вошли **Первый секретарь ЦК Н.С. Хрущев**, фактически второй секретарь **ЦК М.А. Суслов** и шесть отраслевых секретарей **ЦК — А.Б. Аристов, Н.И. Беляев, Л.И. Брежнев, П.Н. Поспелов, Д.Т. Шепилов и Е.А. Фурцева**.

Однако в историю **XX съезд** вошел, прежде всего, благодаря секретному докладу **«О культе личности и его последствиях»**, с которым **Н.С. Хрущев** выступил на последнем, закрытом заседании **25 февраля 1956 г.**, когда повестка дня была полностью исчерпана, и прошли выборы нового состава **ЦК**. Большинство авторов (**Р. Пихоя, Р. Медведев, А. Вдовин**) по традиции утверждают, что этот хрущевский доклад был совершенно неожиданным для большинства делегатов съезда и выслушан ими в полной тишине. Однако это не совсем так, поскольку, по мнению их оппонентов (**Ю. Аксютин, А. Пыжиков**), о «сталинском культе» в ходе прений по основному докладу говорили многие партийные вожди, в том числе **М.А. Суслов, А.И. Микоян, О.В. Куусинен** и даже **В.М. Молотов и Л.М. Каганович**, которые исподволь готовили делегатов съезда к секретному докладу **Н.С. Хрущева**. Но, тем не менее, на многих он действительно произвел шоковое впечатление, поскольку:

1) Впервые публично было заявлено о существовании совершенно чуждого идеям марксизма-ленинизма **культа личности И.В. Сталина**, которые в последние годы его жизни приобрел чудовищные размеры и извращенные формы. Возникновение этого культа стало исключительно результатом развития **личных, негативных качеств** усопшего вождя, в частности его грубости и нетерпимости, на которые еще указывал **В.И. Ленин** в своем знаменитом **«Письме к съезду»**.

2) Лично **И.В. Сталин** и руководители **НКВД — МВД СССР Н.И. Ежов и Л.П. Берия** несут прямую персональную ответственность за массовые политические репрессии в **1930–1940-х гг.**, в ходе которых погибли сотни тысяч невинных жертв, в том числе видные партийные, государственные и военные деятели **П.П. Постышев, Р.И. Эйхе, В.И. Межлаук, С.В. Косиор, В.Я. Чубарь, М.Н. Тухачевский, А.И. Егоров, В.К. Блохер** и многие другие. При этом, совершенно нео-

боснованно, опираясь только на рассказы так называемых жертв политических репрессий, было заявлено, что **И.В. Сталин** непосредственно причастен к гибели двух видных членов **Политбюро** — самоубийства **Г.К. Орджоникидзе** и убийства **С.М. Кирова**. Однако непримиримая борьба **И.В. Сталина** с антипартийными группировками в **1920-х гг.** была признана правильной, поэтому речь о политической реабилитации **Л.Д. Троцкого**, **Г.Е. Зиновьева**, **Л.Б. Каменева**, **Н.И. Бухарина**, **А.И. Рыкова** и других лидеров тогдашней оппозиции совершенно не стоит.

3) Лично **И.В. Сталин** несет персональную ответственность за неподготовленность страны к войне с Германией, неспособность управлять армией и страной в первые дни войны, катастрофическое развитие ситуации на фронте в первый год войны и, в частности большое количество жертв под **Киевом** и **Харьковом** в **1941–1942-х гг.**

После окончания секретного доклада прения по нему не открывались и было принято довольно лапидарное **Постановление «О культе личности Сталина и его последствиях»**, которое, как и сам закрытый доклад, для печати не предназначались, и позднее были разосланы **Общим отделом ЦК** во все партийные организации страны. Для широких народных масс «культ личности» был впервые соединен с именем **И.В. Сталина** только в **конце марта 1956 г.**, когда в «**Правде**» была опубликована редакционная статья «**Почему культ личности чужд духу марксизма-ленинизма**».

Тем не менее, содержание этого доклада вскоре стало известно в стране, что вызвало крайне неоднозначную реакцию и привело к массовым акциям протеста в ряде городов страны, в том числе в **Тбилиси**. В **марте 1956 г.**, в годовщину смерти **И.В. Сталина**, здесь прошла мощная антиправительственная манифестация, которая с применением стрелкового оружия и жертвами была разогнана войсками и милицией.

В современной исторической науке до сих пор дискутируются две основных проблемы, связанные с хрущевским докладом на **XX съезде КПСС**: 1) каковы были побудительные мотивы этого доклада и 2) каковы были политические последствия этого доклада.

По первой проблеме существует две основных точки зрения. Так называемые «шестидесятники» хрущевского и горбачевского призыва (**А. Яковлев**, **Ф. Бурлацкий**, **Р. Медведев**, **В. Наумов**, **О. Хлевнюк**) утверждают, что основным побудительным мотивом секретного доклада стало горячее желание **Н.С. Хрущева** придать гласности кровавые преступления сталинской эпохи, очистить партию от извращений ленинского курса и придать новое дыхание социализму. Однако их оппоненты (**С. Кара-Мурза**, **А. Проханов**, **В. Кожинов**, **Ю. Жуков**) считают, что главным побудительным мотивом **Н.С. Хрущева** стала банальная борьба за власть и желание полностью нейтрализовать своих политических оппонентов для достижения сугубо личных политических целей и установления режима личной власти. Существует так же экзотическая версия (**В. Удилов**, **Ю. Мухин**), что разоблачение **И.В. Сталина** стало личной мстью **Н.С. Хрущева** усопшему вождю, который в годы войны дал санкцию на расстрел его старшего сына, военного летчика **Леонида Хрущева**, сдавшегося в плен фашистам.

По второй проблеме тоже существует две диаметрально противоположных точки зрения. Все «шестидесятники» и их идейные наследники, патологические

ненавистники всего русского и советского (**А. Яковлев, Н. Сванидзе, Л. Млечин**), с нескрываемым восторгом говорят о том, что именно этот доклад положил начало знаменитой «оттепели» и массовой реабилитации невинных жертв политических репрессий, очищению партии и общества от идеологии и практики государственного террора, нанес смертельный удар по сталинизму и «советскому казарменному социализму» т.д. Их идеологические оппоненты (**С. Кара-Мурза, А. Проханов, Г. Ферр**) крайне негативно оценивают этот доклад и вполне правомерно утверждают, что он: **1)** нанес непоправимый удар по авторитету коммунистической партии и советского государства; **2)** положил начало системному кризису и расколу в международном коммунистическом и рабочем движении, от которого не удалось избавиться до сих пор; **3)** стал козырем в руках тех враждебных политических сил в нашей стране и за рубежом, которые вели и ведут глобальную психологическую войну против нашего государства; **4)** дал первый и самый мощный импульс к системному кризису и развалу СССР, который завершили хрущевские наследники во времена преступной «горбачевской перестройки», и т.д.

По информации ряда историков (**Р. Пихоя**), вскоре после окончания съезда **Н.С. Хрущев** попытался закрепить свои позиции неформального лидера страны и продолжить разоблачение сталинского культа. В частности, он намеревался в **мае-июне 1956 г.** инициировать созыв очередного **Пленума ЦК**, где основной разоблачительный доклад, посвященный роли **И.В. Сталина** в годы **Великой Отечественной войны**, должен был сделать маршал **Г.К. Жуков**. Однако стараниями **Н.А. Булганина, Д.Т. Шепилова** и, возможно, самого **Н.С. Хрущева** эта идея была похоронена, поскольку они побоялись дать мощный козырь в руки крайне амбициозного министра обороны, давно страдавшего «наполеоновскими комплексами». Вместо этого, в **середине июня 1956 г.** во все партийные организации было послано **Письмо ЦК КПСС «Об итогах обсуждения решений XX съезда»**, которое должно было пресечь «идеологический разброд и шатания» и дать четкие установки о допустимых рамках критики сталинского культа.

Позднее дозволенные рамки критики культа личности были предельно четко обозначены **30 июня 1956 г.** в **Постановление ЦК КПСС «О преодолении культа личности и его последствий»**, которое носило более выдержанный характер, чем разнузданный по форме и содержанию доклад **Н.С. Хрущева** на партийном съезде. В частности, в этом документе возникновение феномена культа личности было объявлено следствием борьбы отживших эксплуататорских классов с политикой советской власти, наличием острой фракционной борьбы внутри самой партии и сложностью международной обстановки. Все эти обстоятельства вынужденно привели к ограничению внутрипартийной демократии, к чрезмерной бдительности и централизации управления. Особый упор в этом постановлении делался на том, что культ личности не изменил саму природу социализма и все его негативные явления успешно преодолены благодаря решительной позиции «ленинского ядра» в высшем партийном и государственном руководстве страны.

Тогда же, в **июне 1956 г.** на волне нормализации советско-югославских отношений с ключевого поста министра иностранных дел СССР был снят **В.М. Молотов**, который был самым активным противником нового хрущевского курса, и заменен **Д.Т. Шепиловым**, который, напротив, был одним из главных идеологов этого курса.

3. Обострение борьбы за власть и крах системы «коллективного руководства» (1957 г.)

Политические итоги уходящего года оказались неутешительными для высшего руководства страны. Это пришлось признать самому **Президиуму ЦК**, который в **конце декабря 1956 г.** разослал всем партийным комитетам страны очередное письмо «**Об усилении политической работы партийных организаций в массах и пресечении вылазок антисоветских, враждебных элементов**», подготовленное комиссией во главе с новым секретарем **ЦК Л.И. Брежневым**. Одновременно в состав правительства был возвращен самый жесткий и последовательный критик хрущевского курса **В.М. Молотов**, который был назначен министром государственного контроля СССР.

Тем временем резкое усиление просталинских настроений в партии и обществе настолько напугали самого **Н.С. Хрущева**, что уже в **январе 1957 г.** на приеме в китайском посольстве он произнес речь, в которой назвал **И.В. Сталина** примером для настоящих коммунистов и высоко оценил его вклад в борьбу за построение социализма в СССР. Эта позиция **Н.С. Хрущева** сразу дала определенные козыри в руки той группировки внутри **Президиума ЦК**, которая с самого начала предупреждала его о том, что критика сталинского культа станет детонатором нежелательных и крайне опасных процессов внутри страны и за рубежом.

По утверждению ряда историков (**Р. Пихоя, А. Вдовин**), вскоре **Н.С. Хрущев** дал новые поводы для серьезных разногласий в **Президиуме ЦК**. В частности, он предложил полностью перестроить всю систему управления промышленным производством и строительством и создать вместо отраслевых министерств республиканские, краевые и областные **советы народного хозяйства — совнархозы**. Многие члены **Президиума ЦК**, прежде всего, глава правительства **Н.А. Булганин** и его первые заместители **В.М. Молотов, М.З. Сабуров** и **М.Г. Первухин** в категорической форме высказались против этой затеи. Однако, не дожидаясь одобрения своих предложений «коллективным руководством», **Н.С. Хрущев** в **середине февраля 1957 г.** вынес их на **Пленум ЦК**, а затем, полностью игнорируя заключение руководителей правительства и нарушая установленный порядок дальнейших согласований, добился утверждения своих предложений на сессии **Верховного Совета СССР**. Схожим волюнтаристским образом **Н.С. Хрущев** добился принятия решения об отмене внутренних государственных займов и всех выплат по ним.

Затем, в **мае 1957 г.**, находясь с рабочим визитом в **Ленинграде**, без согласования с членами **Президиума ЦК**, **Н.С. Хрущев** поставил перед страной задачу «догнать и перегнать Америку по производству мяса и молока на душу населения» в течение ближайших двух-трех лет, пообещав колхозникам вскоре отменить все обязательные поставки государству с их подсобных хозяйств. Хотя, всем была совершенно очевидна вся нереальность поставленной задачи, поскольку в США тогда производили **16 млн тонн** мяса в год, а СССР — только **7,5 млн тонн**. Поэтому уже в **конце мая 1957 г.** большинство членов **Президиума ЦК** — **В.М. Молотов, Н.А. Булганин, Г.М. Маленков, К.Е. Ворошилов, Л.М. Каганович, М.З. Сабуров** и **М.Г. Первухин** договорились между собой по ряду ключевых вопросов: 1) упразднить должность **Первого секретаря ЦК**; 2) сохранить **Н.С. Хрущева** в составе **Президиума ЦК**, но переместить его на должность министра сельского хозяйства СССР; 3) **второго секретаря ЦК М.А. Суслова** снять с должности и назначить министром культуры СССР; 4) председателя **КГБ СССР И.А. Серова** отправить в отставку и передать

этот пост либо маршалу **Н.А. Булганину**, либо бывшему секретарю ЦК **Н.С. Патоличеву**, который на тот момент занимал должность первого заместителя министра иностранных дел СССР; 5) поднять политический статус маршала **Г.К. Жукова** и перевести его из кандидатов в члены **Президиума ЦК**.

По утверждению ряда авторов (**Р. Пихоя**), после согласования всех ключевых вопросов, **В.М. Молотов**, а затем **Г.М. Маленков** вели переговоры с **Г.К. Жуковым** и попытались склонить маршала на свою сторону, однако так и не смогли добиться от него однозначной поддержки своих инициатив. Хотя, впрочем, сам маршал не прочь был упразднить пост **Первого секретаря ЦК** и заменить его постом **секретаря ЦК по общим вопросам**. Однако, как позднее признавался сам **В.М. Молотов**, «в нашей группе не было единства и не было никакой программы, мы только договаривались его снять, а сами не были готовы к тому, чтобы взять власть».

18 июня 1957 г., используя созыв **Президиума ЦК** для согласования выступлений его членов на предстоящем праздновании **250-летия Ленинграда**, **Г.М. Маленков** подверг резкой критике деятельность **Н.С. Хрущева** и предложил отрешить его от должности **Первого секретаря ЦК**. Большинство участников этого заседания принадлежали к явным противникам **Н.С. Хрущева**, поэтому чисто арифметически их голосов вполне хватало для принятия этого решения. Однако председательствовавший на собрании маршал **Н.А. Булганин** повел заседание крайне нерешительно и согласился перенести его на следующий день с тем, чтобы к собранию могли присоединиться три отсутствовавших члена **Президиума ЦК** — **М.А. Суслов**, **А.И. Микоян** и **А.И. Кириченко**.

Тем временем ряд членов и кандидатов в члены **Президиума ЦК**, в частности **М.А. Суслов**, **Г.К. Жуков** и **Е.А. Фурцева**, были приглашены **Н.С. Хрущевым** в свой кабинет, где было принято решение не сдаваться, а идти «ва-банк» и срочно собирать **Пленум ЦК**. При этом **Г.К. Жуков** предложил арестовать всех противников **Н.С. Хрущева** и заявил, что он готов немедленно провести эту акцию «без шума и пыли». Однако этот вариант был тут же отвергнут **М.А. Сусловым** и самим **Н.С. Хрущевым**.

19 июня 1957 г. возобновилось заседание **Президиума ЦК**, на котором в поддержку **Г.М. Маленкова**, выступившего с разгромной речью в адрес **Н.С. Хрущева**, высказались большинство членов высшего партийного ареопага — **В.М. Молотов**, **Н.А. Булганин**, **Л.М. Каганович**, **К.Е. Ворошилов**, **М.Г. Первухин** и **М.З. Сабуров**. В защиту **Первого секретаря** выступили только три члена **Президиума ЦК** — **А.И. Микоян**, **М.А. Суслов** и **А.И. Кириченко**. Попытались его поддержать и практически все кандидаты в члены **Президиума ЦК**, в том числе **Л.И. Брежнев**, **Ф.Р. Козлов** и **Е.А. Фурцева**. Однако совершенно неожиданно в поддержку большинства членов **Президиума ЦК** выступил секретарь ЦК **Д.Т. Шепилов**, который всегда считался прямой креатурой **Н.С. Хрущева**.

По установившейся традиции голосов полноправных членов **Президиума ЦК** вполне хватило бы, чтобы снять **Н.С. Хрущева** с должности **Первого секретаря** и рекомендовать на этот пост **В.М. Молотова**. Но неожиданно в развитии ситуации вмешалась группа членов ЦК, где особо активную роль играл высший генералитет — маршалы **Г.К. Жуков**, **И.С. Конев** и генерал армии **И.А. Серов**, которые потребовали срочного созыва **Пленума ЦК**. Именно их усилиями военно-транспортная авиация срочно переправила в Москву практически всех членов ЦК, и **22 июня**

открылся внеочередной **Пленум ЦК**, который продолжался беспрецедентно долго, вплоть до **29 июня 1957 г.**

С самого начала весь характер работы **Пленума ЦК** определило крайне жесткое выступление министра обороны СССР маршала **Г.К. Жукова**, который с «расстрельными списками» на руках стал разоблачать ближайшее сталинское окружение, прежде всего, **В.М. Молотова**, **К.Е. Ворошилова**, **Л.М. Кагановича** и **Г.М. Маленкова**, в чудовищных репрессиях 1930-х гг., которые произвели шокирующее впечатление на всех членов **ЦК**. Получив откровенную поддержку с их стороны, **Н.С. Хрущев** моментально перешел в наступление и превратил заседания **Пленума ЦК** в откровенное избиение **В.М. Молотова**, **Г.М. Маленкова**, **Л.М. Кагановича** и других, которых по старой партийной традиции обвинили в создании фракционной антипартийной группировки. При этом все попытки **В.М. Молотова** и **Д.Т. Шепилова** перевести этот непристойный базарный шабаш в конструктивный разговор по существу и обсудить политический курс **Н.С. Хрущева**, его стиль и методы руководства ни к чему не привели.

29 июня 1957 г. **Пленум ЦК** принял **Постановление «Об антипартийной группе Маленкова Г.М., Кагановича Л.М., Молотова В.М.»**, в соответствии с которым все указанные лица за нарушение партийного устава и резолюции «О единстве партии» были выведены из состава **ЦК** и сняты со всех государственных постов. Та же участь постигла и «примкнувшего к ним **Д.Т. Шепилова**», ставшего жертвой личной хрущевский мести, который не простил ему предательства в столь опасный и судьбоносный для него момент жизни.

В закрытой части этого **Постановления**, а так же в письме, направленном во все партийные организации страны, были указаны и другие члены антипартийной группировки, в частности **Н.А. Булганин**, **М.Г. Первухин** и **М.З. Сабуров**, которые проявили политическую неустойчивость и поддержали главных организаторов этой группировки. Но, учитывая, что они раскаялись и помогли партии разоблачить коварные замыслы фракционеров, **Пленум ЦК** ограничился более мягким наказанием для них: **Н.А. Булганину** был объявлен строгий выговор с предупреждением, **М.Г. Первухин** был переведен из членов в кандидаты в члены **Президиума ЦК**, а **М.З. Сабуров** был полностью выведен из состава **Президиума ЦК**. О главе советского государства маршале **К.Е. Ворошилове** в этом **Постановлении** и письме вообще ничего не сообщалось, хотя ему тоже пришлось каяться на этом **Пленуме ЦК** и посыпать свою старую голову пеплом.

По мнению историков (**Р. Пихоя**, **А. Вдовин**, **А. Пыжиков**), такой характер **Постановления ЦК** во многом определялся исключительно тактическими соображениями и желанием **Н.С. Хрущева** скрыть истинный масштаб возникшей оппозиции его курсу и методов работы внутри **Президиума ЦК**, поскольку вскоре все фигуранты этого «заговора» окончательно лишатся всех своих партийных и государственных постов. В новый состав **Президиума ЦК**, сформированный на этом **Пленуме**, вошли активные сторонники **Н.С. Хрущева** — **А.Б. Аристов**, **Н.И. Беляев**, **Л.И. Брежнев**, **Г.К. Жуков**, **Н.Г. Игнатов**, **Ф.Р. Козлов**, **О.В. Куусинен**, **А.И. Микоян**, **М.А. Суслов**, **Е.А. Фурцева** и **Н.М. Шверник**. В явном меньшинстве оказались старые члены **Президиума ЦК** — **Н.А. Булганин** и **К.Е. Ворошилов**, участь которых уже была предreshена.

В отечественной историографии (**Ю. Аксютин**, **А. Пыжиков**, **А. Вдовин**) сложилось устоявшееся мнение, что разгром антипартийной группировки означал

отстранение от власти откровенных реваншистов, выступавших за реабилитацию **И.В. Сталина** и его политического курса. Однако это довольно примитивная трактовка тех событий мало согласуется с реальным положением вещей. Все члены антипартийной группы, прежде всего, **Г.М. Маленков**, **В.М. Молотов** и **Д.Т. Шепилов** выступали за сохранение прежних принципов «коллективного руководства» и против создания нового культа личности, на сей раз **Н.С. Хрущева**. Кроме того, они были принципиальными противниками его откровенно хамских методов и стиля работы, которые часто доходили до личных оскорблений членов **Президиума ЦК** и других ответственных работников.

Кроме того, мы хотим обратить внимание на то, что ряд современных авторов (**Р. Пихоя**) считают, что едва ли не главным результатом этого **Пленума ЦК** стала окончательная победа аппарата **ЦК** над государственными структурами, и именно с этого момента **Секретариат ЦК**, его отраслевые отделы и сектора получили всю полноту власти в стране, которую сохранили вплоть до крушения КПСС и СССР.

Следующей жертвой неумного стремления **Н.С. Хрущева** к единоличной власти стал не менее амбициозный маршал **Г.К. Жуков**. Став полноправным членом **Президиума ЦК**, он оказался не просто главой военного ведомства, но и крупной политической фигурой в высшем партийно-государственном руководстве страны. Вполне возможно, что сам **Г.К. Жуков** в условиях крайне шаткого положения маршала **Н.А. Булганина** на посту председателя **Совета Министров СССР** рассчитывал сесть на его место, с учетом того обстоятельства, что именно он сыграл решающую роль в поддержке **Н.С. Хрущева** в июньских сражениях за власть. При этом чисто военная карьера маршала не имела особого значения, поскольку его предшественники на посту главы военного ведомства страны — маршалы **Н.А. Булганин** и **К.Е. Ворошилов** до сих пор занимали высшие государственные посты. Кроме того, перед глазами маршала стоял очень яркий пример его личного друга, бывшего **Верховного Главнокомандующего экспедиционными войсками союзников** в Западной Европе генерала армии **Дуайта Эйзенхауэра**, который в 1952 г. стал президентом США.

Все эти обстоятельства, помноженные на известные колебания **Г.К. Жукова** в ходе его переговоров с **Г.М. Маленковым** и **В.М. Молотовым** перед июньским **Пленумом ЦК**, стали главными причинами устранения **Г.К. Жукова** с политической арены страны. А удобным предлогом для этой расправы над ним стали два важных обстоятельства: 1) жесткое противостояние **Г.К. Жукова** с начальником **Главного Политического Управления СА и ВМФ** генерал-полковником **А.С. Желтовым** и 2) создание **Г.К. Жуковым** и начальником **ГРУ Генштаба** генерал-полковником **М.С. Штеменко** без согласования с **ЦК** частей специального назначения в районе Москвы.

В начале октября 1957 г. **Г.К. Жуков** отбыл с официальным визитом в **Тирану** и **Белград**, и **Н.С. Хрущев** решил действовать. По его указанию раньше установленного срока были начаты учения войск **Киевского Военного округа**, которыми руководил заместитель министра обороны и главком **Сухопутных войск СССР** маршал **Р.Я. Малиновский**. По заведенной традиции на эти учения прибыли практически все члены и кандидаты в члены **Президиума ЦК**, заместители министра обороны и командующие всех военных округов. Воспользовавшись этим обстоятельством, **Н.С. Хрущев** поручил **М.А. Суслову**, **Л.И. Брежневу** и другим членам партийного

руководства прозондировать почву и выяснить настроения высшего генералитета относительно возможной отставки маршала **Г.К. Жукова** с его поста. Получив информацию о том, что высший генералитет, уставший от самодурства и грубостей **Г.К. Жукова**, не прочь поддержать эту отставку, он принял решение проводить организационный **Пленум ЦК**.

26 октября 1957 г. сразу же после возвращения **Г.К. Жукова** в **Москву** его пригласили на заседание **Президиума ЦК КПСС**, на котором **Н.С. Хрущев**, обвинив его в подготовке вооруженного захвата власти, заявил, что завтра его персональный вопрос будет рассмотрен на **Пленуме ЦК**. **27–28 октября 1957 г.** состоялся **Пленум ЦК**, на котором с обвинительными речами в адрес **Г.К. Жукова** выступили **Н.С. Хрущев**, **М.А. Суслов** и **Л.И. Брежнев**, а так же маршалы **И.С. Конев**, **Р.Я. Малиновский** и **В.Д. Соколовский**. По итогам состоявшихся «прений» опальный маршал был обвинен:

1) В попытке вывода **Вооруженных Сил СССР** из-под контроля **ЦК** путем ликвидации **Высшего Военного Совета**, ограничения функций **Военных Советов** военных округов, флотов и групп войск, и сокращения политических органов в армии и на флоте.

2) В стремление сосредоточить в руках **Министерства обороны СССР** необъятную диктаторскую власть и подчинить себе **Пограничные войска КГБ** и **Внутренние войска МВД СССР**, а так же созданию без санкции **ЦК** частей специального назначения;

3) В насаждении собственного культа личности в армии, предельной нескромности и непомерном преувеличении своей исключительной роли в **Великой Отечественной войне** и в борьбе с антипартийной группировкой;

4) В жестком стиле руководства войсками и грубости по отношению ко всем своим подчиненным, включая высший генералитет страны.

По решению **Пленума Г.К. Жуков** был снят со всех своих партийных и государственных постов и выведен из состава **ЦК**. Этим же решением новым министром обороны СССР был назначен маршал **Р.Я. Малиновский**, причем, во избежание каких-либо новых угроз со стороны высшего генералитета, в состав **Президиума ЦК** он так и не вошел, хотя занимал этот ключевой пост почти десять лет.

Окончательно единовластие **Н.С. Хрущева** было установлено в **марте 1958 г.**, когда на первой сессии вновь избранного **Верховного Совета СССР** маршал **Н.А. Булганин** был отправлен в отставку и на пост председателя **Совета Министров СССР** назначен сам **Н.С. Хрущев**. Таким образом, была полностью восстановлена прежняя система власти, которая существовала в стране в **1941–1953 гг.** Новый опальный маршал был назначен председателем **Госбанка СССР**, затем в **сентябре 1958 г.** выведен из состава **Президиума ЦК** и чуть позже лишен маршальского звания и отправлен в ставропольскую ссылку.

Тогда же, в **конце 1958 г.**, с поста председателя **КГБ СССР** был отставлен генерал армии **И.А. Серов**, которого назначили новым руководителем **ГРУ Генштаба**, а его место занял новый хрущевский выдвиженец, бывший комсомольский лидер **А.Н. Шелепин**, который занимал в то время пост заведующего **Отделом партийных органов ЦК КПСС**. Таким образом, **Н.С. Хрущев** полностью поставил под партийный контроль еще одну ключевую спецслужбу страны. Хотя, конечно, отставка **И.А. Серова** стала личным ударом по самому **Н.С. Хрущеву**, с которым его связы-

вали давние, еще с довоенных времен, дружеские отношения. Однако достоверно установить, почему **Н.С. Хрущев** сдал своего старинного товарища и подельника в годы массовых репрессий на «съедение» партийным бонзам, пока не удалось.

4. XXI и XXII съезды КПСС и их решения (1959–1961 гг.)

В январе — феврале 1959 г. состоялась работа внеочередного **XXI съезда КПСС**, на котором с подачи **Н.С. Хрущева** были озвучены следующие тезисы и решения: 1) сделан вывод о **полной и окончательной победе социализма** в СССР, поскольку с образованием мировой социалистической системы полностью исчезла угроза реставрации капитализма извне; 2) заявлено о вступлении советского государства в период развернутого строительства коммунистического общества и его построении в ближайшие двадцать лет и 3) принято решение о переходе к новым долгосрочным планам перспективного развития страны и утверждении контрольных цифр развития народного хозяйства СССР на «семилетку» 1959–1965 гг.

Новых выборов в состав **ЦК**, вопреки партийному уставу, на съезде не проводилось, поэтому не проводился и организационный **Пленум ЦК**. Однако в начале мая 1960 г. в **Президиуме** и **Секретариате ЦК** неожиданно для многих произошли масштабные перестановки: 1) из состава **Президиума ЦК** были выведены **Первый секретарь ЦК КП Казахстана Н.И. Беляев**, ставший «невинной жертвой» кровавых событий в **Темиртау**, и секретарь **ЦК А.И. Кириченко**, который пал жертвой закулисных интриг и личной мести **Н.С. Хрущева** из-за стычки с ним на охоте; 2) новыми членами **Президиума ЦК** стали первый заместитель председателя **Совета Министров СССР А.Н. Косыгин**, **Первый секретарь ЦК КП Украины Н.В. Подгорный** и председатель **Совета Министров РСФСР Д.С. Полянский**; 3) в отставку были отправлены сразу пять секретарей **ЦК** — **А.Б. Аристов**, **Н.Г. Игнатов**, **А.И. Кириченко**, **Н.П. Поспелов** и **Е.А. Фурцева**, которых причислили к новой оппозиционной «группировке **Н.Г. Игнатова**», которая якобы рвалась к высшей власти; 4) единственным новым секретарем **ЦК** стал **Ф.Р. Козлов**, который, по мнению ряда историков (**Р. Медведев**, **Ю. Аксютин**, **А. Пыжиков**), фактически стал вторым секретарем **ЦК** и получил статус «кронпринца», то есть возможного преемника **Н.С. Хрущева** на высших партийных и государственных постах.

Наконец, в июле 1960 г. окончательно закатилась политическая карьера легендарного маршала **К.Е. Ворошилова**, который был выведен из состава **Президиума ЦК**, членом которого он был без малого 35 лет, и освобожден от должности номинального главы советского государства. Новым председателем **Президиума Верховного Совета СССР** был избран **Л.И. Брежнев**.

В октябре 1961 г. состоялся **XXII съезд КПСС**, который вошел в историю страны несколькими эпохальными решениями: 1) на нем была принята **Третья программа партии** — программа строительства коммунизма и заявлено, что нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме; 2) изменен партийный устав и установлен принцип обязательной ротации всех выборных партийных органов, включая **Президиум** и **Секретариат ЦК**; 3) дан старт новому витку еще более жесткой, но управляемой **антисталинской кампании** и новым громким разоблачениям «преступного сталинского режима», жертвами которой опять стали самые видные члены антипартийной группы — **В.М. Молотов**, **Г.М. Маленков**, **Л.М. Каганович**

и «и примкнувший к ним» Д.Т. Шепилов, которых исключили из партии и вскоре отправили на пенсию. Кроме того, жертвой этой кампании стал и престарелый маршал К.Е. Ворошилов, которого прилюдно заставили унижаться и каяться за свое участие в антипартийной группировке и разоблачать преступный сталинский режим; 4) на волне этой безобразной по форме и беспомощной по содержанию кампании делегатов съезда превратили в могильщиков, которые приняли специальное постановление о выносе тела И.В. Сталина из Мавзолея и захоронения его у Кремлевской стены.

По мнению большинства историков (Р. Пихоя, А. Вдовин), XXII съезд стал зримым памятником бездумного хрущевского прожектерства и началом заката его политической карьеры, поскольку партийно-государственная номенклатура категорически не приняла его новаций об обязательной ротации кадров и лишь на время затаилась, ожидая своего звездного часа.

Тема: НАУЧНОЕ, КУЛЬТУРНОЕ И ДУХОВНОЕ РАЗВИТИЕ СССР В ЭПОХУ «ОТТЕПЕЛИ» 1953–1964 ГГ.

План:

1. Развитие системы среднего и высшего образования.
2. Развитие науки и техники.
3. «Оттепель» в литературно-художественной жизни.
4. Зарождение диссидентского движения.
5. Развитие художественной культуры.
 - а) Развитие советского театрального искусства и кинематографа.
 - б) Развитие советского музыкального искусства.
 - в) Развитие советского живописного искусства и скульптуры.

1. Развитие системы среднего и высшего образования

В 1950-х гг. произошли существенные изменения в образовательном уровне всего населения страны и резко вырос процент грамотных и образованных людей, получивших полное среднее образование. Однако многие выпускники средней школы, как и в 1930-х гг., ориентировались, в основном, на продолжение учебы в вузах и с большой неохотой шли на производство. Поэтому возникла острая необходимость реформирования школы таким образом, чтобы превратить ее в резерв пополнения кадров рабочего класса и технической интеллигенции.

Развернувшаяся в 1956 г. дискуссия о том, как приблизить школу к производству, завершилась принятием в декабре 1958 г. закона «Об укреплении связи школы с жизнью и дальнейшем развитии системы народного образования СССР». В соответствии с этим законом вместо ранее существовавшей обязательной «семилетки» была создана обязательная **восьмилетняя политехническая школа**, дававшая неполное среднее образование. Для получения полного среднего образования теперь

необходимо было продолжить свое обучение в школе или техникуме. Раньше эту функцию осуществляли либо **школы фабрично-заводского образования (ФЗО)**, либо **десятилетние общеобразовательные школы (ДОШ)**. Теперь же для получения полного среднего образования создавалась новая сеть образовательных учреждений: **а) технические училища (техникумы), б) средние профтехучилища (ПТУ), в) вечерние заочные школы рабочей молодежи (ШРМ) и сельской молодежи (ШСМ) и г) одиннадцатилетние средние общеобразовательные трудовые политехнические школы «с производственным обучением».**

Для всех желающих продолжить свое образование в вузе вводился обязательный производственный стаж. Но к **осени 1963 г.** стало очевидно, что эта реформа не вполне удалась, поскольку школьники по-прежнему с большой неохотой шли на производство, а вечерние и заочные школы хороших знаний, как правило, не давали. Довольно слабая материально-техническая база, узкий и случайный выбор профессий, предлагаемых в школе с производственным обучением, не обеспечивали должной профессиональной подготовки учащихся, поэтому, начиная с **сентября 1964 г.** средняя школа вновь стала десятилетней, а хрущевская школьная реформа — очередным достоянием хрущевского волюнтаризма.

Вместе с тем, неизбежное вступление страны в эпоху научно-технической революции, широкая пропаганда научных и технических достижений нашей страны наряду с завесой особой секретности вокруг определенных научных направлений делали научную стезю очень привлекательной для советской молодежи, поэтому именно в этот период обозначился крупный шаг в развитии высшего образования в стране.

Предпринятые усилия по насыщению высшей школы молодежью с производства привели к развитию системы вечернего и точечного обучения. Если в **1946 г.** по этим формам обучалось **28 %** всех студентов, то уже в **1961 г.** — более **60 %** студентов проходили профессиональную подготовку на вечерних факультетах и в заводских вузах. С этой же целью **летом 1957 г.** были изменены правила приема во все высшие учебные заведения страны: отныне преимущества получили лица, демобилизованные из армии или отработавшие не менее двух лет на производстве. В результате этих нововведений уже к **середине 1960-х гг.** принятые на льготных основаниях абитуриенты составляли почти **70 %** всех студентов в стране, что неизбежно привело к снижению требований к уровню их подготовки и к девальвации высшего образования.

Тем не менее, в эти годы был открыт целый ряд новых высших учебных заведений по всей стране, в том числе **Московский инженерно-физический институт (1953), Уральский институт инженеров лесного хозяйства (1956), Красноярский институт цветных металлов и золота (1958), Новосибирский государственный университет (1959), Ленинградский институт водного транспорта (1959), Московский институт стали и сплавов (1962)** и многие другие.

Всей системой среднего, профессионального и высшего образования в стране непосредственно руководили три союзно-республиканских ведомства — **Министерство просвещения РСФСР (М.А. Прокофьев)** и аналогичные министерства в других союзных республиках, **Государственный комитет по профессионально-техническому образованию СССР (Г.И. Зеленко)** и **Министерство высшего и среднего специального образования СССР (В.П. Елютин).**

2. Развитие науки и техники

По мнению многих авторов (**А. Вдовин, Ю. Аксютин, А. Пыжиков**), начавшийся после смерти **И.В. Сталина** процесс освобождения различных сфер научного творчества от жесткого партийного контроля и мелочной опеки со стороны разных государственных структур, преодоление существовавшего догматизма и начетничества, относительная терпимость к всегда существовавшему плюрализму мнений различных научных школ по-разному проявлялись в разных областях науки. В большей степени этот процесс затронул гуманитарные сферы научного творчества, которые всегда носили ярко выраженный идеологический характер, и в меньшей степени он сказался на развитии естественных и технических наук.

Жизненная необходимость разрешения атомной, ракетной и других оборонных проблем породила особые отношения руководства страны с крупными советскими учеными и наукой в целом. Колоссальные успехи советской науки, которые в ряде приоритетных направлений даже превосходили мировой уровень, еще больше подняли престиж советских ученых в обществе.

В мае 1955 г. совместным **Постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР «Об улучшении дела изучения и внедрения в народное хозяйство опыта и достижений передовой отечественной и зарубежной науки и техники»**, а так же в решениях **Пленума ЦК**, прошедшего в июле 1955 г., были определены основные приоритеты развития страны в условиях начала научно-технической революции и выделены огромные финансовые и материальные ресурсы, которые увеличились почти в 9 раз. Кроме того, в 1955 г. для координации научно-производственных связей был реформирован старый **ГКНТ СССР** и создан **Государственный комитет по новой технике** во главе с выдающим организатором советского производства, заместителем председателя **Совета Министров СССР** генерал-полковником инженерно-технической службы **В.А. Малышевым**.

В эти годы крупные научные открытия были сделаны в сфере точных наук. В частности, в 1957 г. в физике высоких и сверхвысоких энергий сотрудники **Объединенного Института ядерных исследований** под руководством академика **В.И. Векслера** открыли самый мощный ускоритель элементарных частиц — знаменитый **синхрофазотрон**. В 1958—1959 гг. под руководством директора **Троицкого Института земного магнетизма** профессора **Н.В. Пушкова** были открыты и исследованы внешний радиационный пояс Земли и магнитное поле Земли и Луны. В 1959—1962 г. под руководством трех выдающихся советских математиков — академиков **Н.М. Крылова, В.С. Кулебакина и Н.Н. Боголобова** были созданы первые советские системы автоматического регулирования непрерывных производственных процессов и т.д.

В те же годы ряд выдающихся научных открытий, сделанных советскими учеными во второй половине 1930-х — начале 1960-х гг., получили всеобщее признание во всем научном мире и были удостоены **Нобелевских премий** в области точных и естественных наук. В частности, в 1956 г. премия по химии была присуждена академику **Н.Н. Семенову** за разработку теории цепных реакций; в 1958 г. премия по физике была присуждена академиком **П.А. Черенкову, И.М. Франку и И.Е. Тамму** за комплексное исследование и теоретическое обоснование явлений люминесценции; в 1961 г. премия по физике была присуждена академику **Л.Д. Ландау** за создание новаторской теории конденсированных сред, в частности жидкого гелия; в 1964 г. премию по физике присудили академиком **Н.Г. Басову и А.М. Прохорову**

за фундаментальные работы в области квантовой электроники, которые привели к созданию первого молекулярного генератора — лазера.

Кроме того, в эти годы происходит существенное количественное и территориальное расширение сети научно-исследовательских институтов страны. Только в системе Академии Наук СССР в 1956–1962 гг. было создано более 80 крупных научных институтов, в том числе **Институт теплофизики, Институт полупроводников, Институт катализа, Институт электронных управляющих машин, Институт вычислительной математики и математической геофизики, Институт физики высоких давлений, Институт ядерных исследований, Институт автоматики и электрометрии, Институт лазерной физики, Институт электрохимии, Институт радиационной биологии, Институт экономики и организации промышленного производства** и другие. Тогда же талантом и трудом академиков **М.А. Лаврентьева, С.Л. Соболева** и других выдающихся советских ученых было создано знаменитое **Сибирское отделение АН ССР**, занявшее ведущие позиции в области прикладной математики и физики, возникли крупные научные и образовательные центры в **Новосибирске, Красноярске, Томске, Хабаровске, Южно-Сахалинске** и других городах.

Как и в предыдущий период, приоритет в научных разработках подчинялся интересам ВПК, на который работали многие выдающиеся ученые и конструкторы, в том числе академики **И.В. Курчатов, С.П. Королев, М.В. Келдыш, Ю.Б. Харитон, Я.Б. Зельдович, А.Д. Сахаров, А.Н. Туполев, С.В. Ильюшин, В.П. Глушко, Н.А. Пиллогин, В.Н. Челомей, М.К. Янгель, П.Д. Грушин, М.Т. Калашников** и многие другие. Крупнейшими достижениями советской науки и техники, которые пуповиной были связаны с развитием ВПК, стали создание первого турбореактивного пассажирского лайнера **ТУ-104 (1955)**; испытание межконтинентальной баллистической ракеты **Р-7 (1957)**; запуск искусственного спутника Земли **(1957)**; спуск на воду первого атомного ледокола «**Ленин**» **(1957)**; ходовые испытания первой атомной подводной лодки **(1958)**; первый полет человека в Космос **(1961)**; запуск в строй **Белоярской и Нововоронежской АЭС (1963)** и многое другое.

К середине 1950-х г. на фоне бурного развития и крупных успехов в мировой генетике и молекулярной биологии, в частности революционного открытия структуры и принципа репликации ДНК, был подорван существовавший долгие годы монополизм академика **Т.Д. Лысенко** в биологической науке. В июле 1955 г. видные советские ученые, в том числе академики **П.Л. Капица, Л.Д. Ландау, И.Е. Тамм, П.Н. Константинов, В.С. Немчинов, Е.С. Варга** и другие подписали знаменитое «**Письмо трехсот**», которое, несмотря на его неприятие самим **Н.С. Хрущевым**, дало мощный импульс возрождению советской генетики, молекулярной биологии и бионики, где крупные научные открытия были сделаны многими учеными, в том числе академиками **Н.П. Дубининым, А.Р. Жербаком, Б.Л. Астауровым** и другими. Хотя, следует признать, что ответная критика в адрес **Д.Т. Лысенко** носила столь же разнуданный, а зачастую необъективный характер, как и его борьба со своими оппонентами в послевоенный период.

Развитие общественных наук шло по линии «возврата к ленинизму» и бескомпромиссного поиска «сталинских ошибок» даже там, где их не было по определению, романтизации «чистой» коммунистической идеи эпохи революции и **Гражданской войны** и т.д. Простор развитию гуманитарных исследований давали, прежде всего, новые научные журналы, в том числе «**История СССР (1957–1991)**», «**Вопросы**

истории КПСС» (1957–1991), «Новая и новейшая история» (1957–1991), «Вестник истории мировой культуры» (1957–1961), «Мировая экономика и международные отношения» (1956–1991), «Вопросы языкознания» (1952–1991) и другие.

Вместе с тем, попытки ряда представителей научной интеллигенции расширить критику «культ личности» и выйти за рамки известного Постановления ЦК решительно были пресечены. В частности, все упоминания о Л.Д. Троцком, Г.Е. Зиновьеве, Л.Б. Каменеве, Н.И. Бухарине, А.И. Рыкове и других лидерах внутривластной оппозиции тщательно охранялись цензурой, а все дискуссии на темы политических репрессий и других неоднозначных страниц советской истории пресекались «на корню», причем, нередко с подключением органов КГБ СССР. Например, в марте 1957 г. за клевету на советский общественный строй к уголовной ответственности был привлечен аспирант исторического факультета МГУ Л.Н. Краснопевцев, который в своей работе «Основные моменты развития русского революционного движения» (1956) попытался распространить свои комментарии к секретному докладу Н.С. Хрущева на XX съезде КПСС.

Такое же табу было наложено и на исследование других спорных и неизученных проблем советской истории. Например, в 1956 г. жесткой критике со стороны ЦК была подвергнута редакция журнала «Вопросы истории» во главе с академиком А.М. Панкратовой, которая допустила публикацию на страницах своего журнала ряда «клеветнических работ», в частности статьи профессора Э.Н. Бурджалова «О тактике большевиков в марте – апреле 1917 г.», которая полностью противоречила существующей концепции тех событий, отраженной в «Кратком курсе истории ВКП(б)» (1938).

3. «Оттепель» в литературно-художественной жизни

Критика «культ личности», начало реабилитации политических заключенных и другие признаки потепления общественно-политической атмосферы вызвали повсеместный и горячий отклик определенной части советской интеллигенции. Одними из первых на эти перемены откликнулись писатели и публицисты. Уже в сентябре 1953 г. редактируемый А.Т. Твардовским журнал «Новый мир» опубликовал статью писателя В.В. Померанцева «Об искренности в литературе», в которой впервые за многие годы проводилась старая мысль о «благотворности существования различных литературных направлений» и необходимости «честно и правдиво отображать наш социалистический быт». Эта статья в «Новом мире» дала старт так называемой «обновленческой прозе» и уже в октябре-декабре 1953 г. на страницах этого журнала публикуется роман В.Ф. Пановой «Времена года», а затем, в феврале 1954 г. появляется статья молодого писателя Ф.А. Абрамова «Люди колхозной деревни в послевоенной прозе», в которой содержалась крайне резкая критика «образцовых романов» о колхозной деревне, созданных С.П. Бабаевским, Е.Ю. Мальцевым и другими писателями послевоенной поры.

Весной 1954 г. в журнале «Знамя» появились первые главы романа Б.Л. Пастернака «Доктор Живаго», а в «Новом мире» — повесть И.Г. Эренбурга «Оттепель», название которой затем приобретет нарицательный смысл, и стараниями наших записных либералов станет неофициальным названием всей хрущевской эпохи.

Однако эту первую «оттепель» уже в мае 1954 г. сменили новые «заморозки». В центральной партийной печати была опубликована целая серия разгромных ста-

тей на повести, статьи и пьесы **В.Ф. Пановой, И.Г. Эренбурга, В.В. Померанцева, Ф.А. Абрамова, Л.Г. Зорина, А.Б. Мариенгофа, С.М. Городецкого, А.Н. Яновского** и других, которые подвергли резкой критике за их «клеветнический характер на советскую действительность». Затем, в **июле 1954 г.** под председательством **Н.С. Хрущева** состоялось заседание **Секретариата ЦК**, на котором **А.Т. Твардовский** за «политическую незрелость» и подготовку к печати своей антисоветской поэмы **«Теркин на том свете»**, был снят со своего поста и заменен главным редактором **«Литературной газеты»**, известным советским поэтом и писателем **Константином Михайловичем Симоновым**, который, будучи кандидатом в члены **ЦК**, всегда оставался верным солдатом партии на идеологическом фронте.

Позднее, в **декабре 1954 г.** на **II съезде Союза Писателей СССР** первые «оттепельные» произведения были осуждены как проявление «стихийности» в развитии советской литературы, что полностью противоречило самим основам социалистического реализма и руководящей роли партии в литературном процессе. На этом же съезде в отставку с поста многолетнего руководителя союза был отправлен выдающийся советский писатель **Александр Александрович Фадеев**, который в последние годы находился в творческом кризисе. Новым главой **СП СССР** был избран член **ЦРК КПСС**, известный советский поэт **А.А. Сурков**, который был стойким и проверенным проводником линии партии в советской литературе. К большому сожалению, так и не приняв «хрущевской оттепели» и его секретного доклада, находясь в состоянии длительной депрессии, в **мае 1956 г. А.А. Фадеев** застрелился, направив перед своей смертью письмо новым руководителям партии и государства. В этом предсмертном послании великого гражданина и писателя были такие душераздирающие строки: «Не вижу возможности дальше жить, так как искусство, которому я отдал жизнь свою, загублено самоуверенно-невежественным руководством партии и теперь уже не может быть поправлено... Тот путь, которым собираются исправить положение, вызывает возмущение: собрана группа невежд, за исключением немногих честных людей... Литература — это высший плод нового строя — унижена, затравлена, загублена. Самодовольство нуворишей от великого ленинского учения ... привело к полному недоверию к ним, ... ибо от них можно ждать еще худшего, чем от сатрапа Сталина. Тот был хоть образован, а эти — невежды. Жизнь моя, как писателя, теряет всякий смысл, и я с превеликой радостью, как избавление от этого гнусного существования, где на тебя обрушивается подлость, ложь и клевета, ухожу из этой жизни».

Консервативная линия развития литературы, связанная с большими сомнениями по поводу взятого курса на развенчание сталинского курса и необходимости прекращения борьбы с космополитизмом, получила трибуну в журналах **«Октябрь»** и **«Нева»**, которые в тот период возглавляли писатели **В.А. Кочетов** и **А.И. Черненко**.

Таким образом, вскоре после смерти **И.В. Сталина** четко обозначились две непримиримых группировки советских литераторов — **«либералов»** и **«консерваторов»**, породивших затем все разнообразие направлений в литературно-художественной и общественной жизни страны. Часть творческой интеллигенции, ставшая на сторону хрущевской реформации, и высокопарно назвавшая саму себя **«шестидесятниками»**, поначалу не имела ничего общего с либерализмом, как идейным течением, и выступала пока лишь с позиций «чистого» свободомыслия и свободы творчества. Так же ничего общего с консерватизмом, как идейным течением, не имели и их

оппоненты, приверженность которых к «устаревшим традициям» не предполагала «буржуазного национализма» или воскрешения прежних традиций и порядков императорской России. Просто они увидели в критике сталинского культа угрозу основам социалистического строя, но в силу традиционной партийной дисциплины не могли выступать открыто против начавшейся борьбы с этим культом.

Возникшая в литературно-художественной среде **«групповщина» стала проблемой всей последующей истории советской культуры.** Позднее эту ситуацию довольно точно обрисовала известная писательница **Л.Н. Васильева** в своей книге **«Дети Кремля»**, где предельно откровенно писала: «В нашем литературном мире, разделенном на правых — славянофилов и левых — западников, лакмусовой бумажкой для определения принадлежности писателя к тому или иному лагерю был еврейский вопрос. Если ты еврей, значит, западник, прогрессивный человек, если полукровка — то тоже. Если ни того, ни другого, но муж или жена евреи, то это дает тебе право на вход в левый фланг. Если ни того, ни другого, ни третьего, то ты должен в своем творчестве проявить лояльность в еврейском вопросе, а иначе — ты консерватор и ретроград».

Конфликт групповых интересов в писательской среде перешел в открытую фазу уже в **апреле 1955 г. — марте 1956 г.**, когда требования реабилитации бывших космополитов и расследования конкретной вины ряда литературных чиновников, вызвали упреки в «реваншистских настроениях» со стороны тех писателей, которые обличали космополитизм. Наличие «групповщины» в литературной среде осуждалось уже на **II съезде Союза Писателей СССР**, где о ней предельно правдиво поведал крупнейший советский писатель, один из лидеров русского национального течения в литературе **Леонид Сергеевич Соболев**.

Между тем жесткий идеологический контроль со стороны официальных партийных и творческих структур над литературой и искусством вновь несколько ослаб. Ответственность за перегибы прежних лет была полностью возложена на **И.В. Сталина** и **А.А. Жданова**, а «невинно» пострадавшие в годы сталинского культа **В.Э. Мейерхольд, Б.А. Пильняк, И.Э. Бабель, И.И. Катаев** и другие деятели советской культуры были полностью реабилитированы. Тогда же появились и новые издания запрещенных прежде **Н.С. Гумилева, С.А. Есенина, М.И. Цветаевой, А.А. Ахматовой, М.М. Зощенко** и других «опальных» писателей и поэтов.

После **XX съезда КПСС**, когда началась **новая волна «оттепели»**, либеральный лагерь практически полностью взял под контроль всю обстановку в крупнейших региональных писательских организациях и стал оказывать сильное влияние на многие столичные литературные журналы и газеты, прежде всего, **«Новый мир»**, **«Юность»** и **«Литературную газету»**, ставших их основной трибуной. Главным центром притяжения всей либеральной интеллигенции стал журнал **«Новый мир»**, редакцию которого в **июне 1958 г.** вновь возглавил выдающийся советский поэт **Александр Трифонович Твардовский**. К сожалению, именно здесь на волне второй «оттепели» были опубликованы самые бездарные и даже злобные, но политически крайне актуальные произведения ряда новых литературных флюгеров, в том числе роман **В.Д. Дудинцева «Не хлебом единым»** и рассказы **А.И. Солженицына «Один день Ивана Денисовича»** и **«Матренин двор»**.

В **декабре 1960 г.** в журнале **«Юность»** была опубликована статья критика **С.Б. Рассадина «Шестидесятники»** о писателях нового литературного поколения, их героях и читателях, название которой затем приобретет сугубо нарицательный

смысл. Позднее ряд известных «шестидесятников»: **Е.А. Евтушенко, А.Н. Рыбаков, В.П. Аксенов и Ф.М. Бурлацкий**, с присущей им скромностью, объявят себя «совестью нации» и «интеллектуальной элитой» советского общества, идейными противниками кровавого сталинизма, самыми стойкими борцами с советским тоталитарным режимом и духовными вождями «горбачевской перестройки».

Гораздо позднее, уже в новейшее время, **С.Б. Рассадин** опубликовал составленный одним из идейных прорабов «горбачевской перестройки», горьким пьяницей **Ю.Ф. Корякиным** список видных «шестидесятников», в который он включил более 80 имен, в том числе **К.П. Паустовского, Ю.О. Домбровского, П.А. Антокольского, А.А. Тарковского, И.А. Бродского, В.П. Некрасова, Я.В. Смелякова, С.С. Наровчатова, Б.А. Слуцкого, Ю.М. Даниэль, Ю.В. Васильева, С.П. Щипачева, Ю.Н. Нагибина, А.А. Вознесенского, Ю.В. Трифонова, К.Ш. Кулиева, В.Л. Кондратьева, В.Н. Войновича, Д.А. Гранина, Б.Ш. Окуджаву, Л.Э. Разгона, А.Н. Рыбакова, Р.И. Рождественского, А.М. Адамовича, О.В. Волкова, А.А. Иванова, З.Е. Гердта, Б.А. Чичибабина, В.С. Розова, Л.З. Копелева, Б.А. Ахмадулину, Н.Н. Матвееву, И.Л. Лиснянскую, Е.А. Камбурову, В.А. Долину, Е.Б. Рейна, С.Б. Рассадина, И.И. Шварца, Е.А. Евтушенко, Ю.В. Давыдова, Ф.А. Искандера, В.Я. Мотыля, Б.М. Сарнова, В.Ю. Никулина, К.Я. Ваншенкина, А.М. Володина, М.М. Хуциева, М.М. Козакова, А.И. Приставкина, В.П. Аксенова, А.В. Жигулина, А.С. Кушнера, А.П. Межирова, Ю.Ч. Кима, О.Г. Чухонцева, Р.Л. Габриадзе, Д.А. Чарквиани, Н.М. Коржавина, Л.В. Карпинского и других видных представители тогдашней литературы и киноискусства. При этом **Ю.Ф. Корякин**, когда уже стало можно, цинично признался, что «мы ругали **И.В. Сталина**, но это был эзопов язык, потому что по-настоящему нам хотелось ругать **В.И. Ленина**». Хотя, конечно, этот список далеко не полный, а включение в ряды «шестидесятников» таких крупных советских и русских писателей и поэтов, как **К.П. Паустовский, О.В. Волков, Я.В. Смеляков, Р.И. Рождественский и С.С. Наровчатова**, вообще вызывает массу вопросов.**

Надо сказать, что разрушительная деятельность части «шестидесятников» находила полную поддержку и у ряда высокопоставленных либералов в правящей коммунистической партии. Свидетельством тому служит статья известного перерожденца и «архитектора» горбачевской перестройки, а тогда сотрудника **Агитпропа ЦК КПСС А.Н. Яковлева** «Большевизм — социальная болезнь XX века», где он предельно цинично писал: «После XX съезда в узком кругу своих ближайших друзей и единомышленников мы часто обсуждали проблемы демократизации страны и общества. Избрали простой, как кувалда, метод пропаганды идей позднего **В. Ленина**. Надо было ясно, четко и внятно вычленить феномен большевизма, отделив его от марксизма прошлого века. А потом без устали говорить о гениальности позднего **В. Ленина**, о необходимости возврата к ленинскому «плану строительства социализма» через кооперацию, через государственный капитализм и т.д. **Группа истинных, а не мнимых реформаторов разработала (разумеется, устно) следующий план:** авторитетом **В. Ленина** ударить по **И. Сталину** и сталинизму, а затем, в случае успеха, **Г. Плехановым** и социал-демократией бить по **В. Ленину**, либерализмом и «нравственным социализмом» — по революционизму вообще. Начался **новый виток разоблачения «культа личности И. Сталина**». Но не эмоциональным выкриком, как это сделал **Н. Хрущев**, а с четким подтекстом: преступник не только **И. Сталин**, но и сама система преступна».

Одним из наиболее ярких проявлений движения «шестидесятников» в литературе стали поэтические вечера в Политехническом музее и у памятника В.В. Маяковского в Москве, где витийствовали Р.И. Рождественский («Флаги весны» 1955, «Испытание» 1956, «Моя любовь» 1956), А.А. Вознесенский («Мозаика» 1958, «Парабола» 1960, «Антимиры» 1964), Е.А. Евтушенко («Бабий яр» 1961, «Наследники Сталина» 1962), Б.А. Ахмадулина («Струна» 1962), Б.Ш. Окуджава («На Тверском бульваре» 1957, «Сентиментальный марш» 1959, «Песенка о полночном троллейбусе» 1961) и другие властители дум либеральной студенческой молодежи.

Конечно, среди «шестидесятников» было немало талантливых авторов, чьи произведения вошли в золотой фонд советской культуры: К.П. Паустовский («Начало неведомого века» 1956, «Время больших ожиданий» 1958, «Книга скитаний» 1963), В.С. Розов («В добрый час» 1955, «В поисках радости» 1956, «В день свадьбы» 1958), Д.А. Гранин («Искатели» 1956, «Собственное мнение» 1958, «Иду на грозу» 1962), А.М. Володин («Пять вечеров» 1959, «В гостях и дома» 1960, «Моя старшая сестра» 1961), В.П. Некрасов («Первое знакомство» 1958, «Кира Георгиевна» 1961, «По обе стороны океана» 1962), О.В. Волков («В тихом краю» 1959, «Клад Кудеяра» 1963), Л.Г. Зорин («Добряки» 1959, «Друзья и годы» 1962), Ю.М. Нагибин («Страницы жизни Трубникова» 1962, «Далеко от войны», 1964), Ю.В. Трифонов («Утоление жажды» 1959), В.П. Аксенов («Коллеги» 1962), Б.А. Чичибабин («Мороз и солнце» 1963, «Молодость» 1964) и другие. Но далеко не все из них пережили испытание славой (В.П. Аксенов) и позднее скатились к откровенной халтуре и пошлятине.

В период «второй оттепели» самым существенным образом на развитие литературно-общественной жизни страны повлиял Союз Писателей РСФСР, который был создан в декабре 1957 г., когда прошел его Первый Учредительный съезд. Председателем нового союза, объединившего в своих рядах видных представителей русской национальной идеи, был избран Л.С. Соболев. Вскоре после этого события центральный печатный орган СП РСФСР газета «Литература и жизнь» стала выступать как оппонент либеральных начинаний в литературе, а принадлежащий новому союзу альманах, а затем журнал «Наш современник», который возглавил писатель-фронтовик Б.М. Зубавин, стал одним из идейных центров «консервативного» направления в советской литературе.

Группировка русских «консерваторов», сложившаяся в СП СССР, в основном состояла из двух групп. В первую группу входили признанные мастера слова, такие как С.Н. Сергеев-Ценский, К.А. Федин, Л.С. Соболев, Л.М. Леонов, М.А. Шолохов, К.М. Симонов, С.В. Михалков, М.С. Бубеннов, Я.В. Смеляков, В.А. Закруткин, Н.П. Кончаловская и другие. Вторую группу образовали недавние фронтовики, большая часть которых учились во второй половине 1940-х гг. в Литературном институте им. А.М. Горького в Москве. Среди них выделялись такие писатели, как М.Н. Алексеев, Ю.В. Бондарев, В.С. Бушин, С.С. Смирнов, М.М. Годенко, Е.А. Исаев, И.И. Кобзев, М.П. Лобанов, В.А. Солоухин, И.Ф. Стаднюк, Н.К. Старшинов, Ф.Г. Сухов, В.Д. Федоров, С.И. Шуртаков и другие.

Именно в среде этих крупных литераторов найдет свое достойное продолжение знаменитая «военная проза», представленная в сочинениях М.А. Шолохова («Судьба человека» 1956), К.М. Симонова («Живые и мертвые» 1959, «Солдатами не рождаются» 1963), С.С. Смирнова («Сталинград на Днепре» 1958, «Брестская крепость» 1964), М.Н. Алексеева («Наш лейтенант» 1955, «Внимание, мины!» 1960), Ю.В. Бондарева

(«Юность командиров» 1956, «Батальоны просят огня» 1957, «Последние залпы» 1959, «Тишина» 1962), Г.Я. Бакланова («Южнее главного удара» 1958, «Пядь земли» 1959, «Мертвые сраму не имут» 1961), А.А. Ананьева («Танки идут ромбом» 1963) и других авторов.

В середине 1950-х гг. многие писатели-фронтовики, стоявшие на славянофильских позициях, начали постепенно занимать руководящие позиции в самом Союзе Писателей РСФСР и вскоре превратились в авторитетную и влиятельную силу. Свои практические действия в идейной борьбе с довольно агрессивной и наглой либеральной группировкой консерваторы-почвенники старались координировать с консерваторами-интернационалистами, самыми яркими представителями которых были В.А. Кочетов, Н.М. Грибачев, С.П. Бабаевский, А.В. Софронов и другие убежденные противники западничества, полагавшие, что любые либеральные веяния ведут только к разрушению социалистического государства. Самым популярным журналом этого направления был «Огонек», который более тридцати лет возглавлял Анатолий Владимирович Софронов.

С 1961 г. основным печатным органом, оппонирующим «Новому миру», стал литературный журнал «Октябрь», редакцию которого возглавил Всеволод Анисимович Кочетов, известный еще со времен своего редакторства «Литературной газеты» (1956–1961) как непримиримый борец против либеральных веяний в литературе и искусстве. Его романы «Братья Ершовы» (1958) и «Секретарь обкома» (1961) вызывали полное неприятие либеральной публики, которая называла их натуралистическими, схематическими и провокационными. Из редакции «Октября» постоянно разлетались стрелы острой критики в адрес В.П. Аксенова, Е.А. Евтушенко, В.С. Розова, И.Г. Эренбурга и других представителей враждебного лагеря. Опубликованная в «Новом мире» повесть А.И. Солженицына «Один день Ивана Денисовича» справедливо критиковалась как «идейно порочная, рассчитанная на голую сенсацию». Тем не менее, и романы главного редактора журнала, и сам журнал находили массового читателя, и по своему тиражу «Октябрь» существенно опережал «Новый мир».

Надо сказать, что и В.А. Кочетов, и А.Т. Твардовский, полагали, что возглавляемые ими журналы проводят верную партийную линию, поэтому и тот, и другой пользовались поддержкой влиятельных политических кругов. Выражалось это, в частности в том, что В.А. Кочетов был членом ЦРК КПСС, а А.Т. Твардовский после XX съезда стал кандидатом в члены ЦК КПСС. При этом «Новый мир» много сделал для «деревенщика» Василия Макаровича Шукшина, опубликовав на своих страницах первые его рассказы, а «Октябрь» стал первым литературным журналом, который напечатал первую подборку стихотворений Николая Михайловича Рубцова.

В начале 1960-х гг. в редакции еще одного известного литературного журнала «Знамя» сформировалась новая группа русских «националистов», учеников знаменитого поэта Я.В. Смелякова, яркими представителями которой стали молодые поэты С.Ю. Куняев, А.К. Передерев, Н.М. Рубцов и И.И. Шкляревский, а также известный литературовед и историк В.В. Кожинов.

Как вспоминал позднее С.Ю. Куняев, «в 1961–1963 гг. за моим столом и на диване сложился некий небольшой, но очень любопытный духовный центр того, что позже стало называться русской партией. Несколько позднее возник так называемый русский клуб, где витийствовали П. Палиевский, Д. Жуков, О. Михай-

лов, С. Семанов. Такие группировки были и в журнале «Октябрь», и в «Молодой гвардии», где возрастали В. Цыбин, В. Чалмаев, В. Фирсов и А. Поперечный. Но нас не устраивали «молодогвардейский» или «октябрьский» кружки, поскольку и тот, и другой находились под мощным присмотром государственной денационализированной идеологии, а нам же хотелось жить в атмосфере **чистого русского воздуха**, полного свободы и некоего лицейского, царскосельского патриотического и поэтического содружества.

Однако вскоре расклад сил, сложившийся в литературной среде к **началу 1960-х гг.**, вновь был нарушен **XXII съездом КПСС**, который ознаменовал собой новую, уже **третью волну «оттепели»**, выразившуюся: **1)** в беспрецедентной по своей хамской форме и голословной и лживой по содержанию критике **И.В. Сталина** и **2)** усилении раскола между «либералами» и «консерваторами».

В то же время в этот период резко возрос политический вес главного покровителя «консерваторов» **А.Н. Шелепина**, который после съезда партии стал секретарем **ЦК**, председателем **Комитета партийно-государственного контроля** и заместителем председателя **Совета Министров СССР**. Председателем **КГБ СССР**, традиционно уделявшим пристальное внимание настроениям в литературной среде, был назначен его ближайший соратник и друг **В.Е. Семичастный**, а новым секретарем **ЦК** и председателем **Идеологической комиссии ЦК** стал **Л.Ф. Ильичев**. С усилением этой группировки во властной вертикали гораздо большую возможность для самостоятельной деятельности получил и **Первый секретарь ЦК ВЛКСМ С.П. Павлов**, которому напрямую подчинялось издательство «Молодая гвардия».

В качестве разумной альтернативы прозападным настроениям «либералов» **А.Н. Шелепин** и **Л.Ф. Ильичев** предлагали не сталинизм, а возвращение к традиционным ценностям. Именно эту идею, с подачи **Л.Ф. Ильичева**, впервые высказал на заседании **Идеологической комиссии** выдающийся русский художник **И.С. Глазунов**, который в своей речи открыто выступил с призывом сохранения русского национального наследия, восстановления многих памятников старинной русской архитектуры и искусства.

В разгар очередного наступления власти на **Русскую Православную Церковь** подобные призывы не могли впечатлить **Н.С. Хрущева**, но и резкой критики новая идея не подверглась. Пользуясь этим обстоятельством, русские «консерваторы» стали гораздо откровеннее обсуждать интересующие их проблемы в печати, в первую очередь в журнале «Молодая гвардия». Это привело к активизации литературной группировки, возникшей вокруг журнала и одноименного издательства. Публикуя начинающих авторов, издательство могло вовлекать в литературную среду, делать имя и взращивать новых русских «консерваторов», которых активно поддерживали наиболее крупные представители русской национальной идеи — **Михаил Александрович Шолохов**, **Леонид Максимович Леонов**, **Ярослав Васильевич Смеляков** и **Николай Константинович Старшинов**.

Сторону «консерваторов» в острой полемике с «либералами» на страницах комсомольских изданий активно поддерживал **Первый секретарь ЦК ВЛКСМ С.П. Павлов** и его ближайшее окружение. Руководители комсомола были крайне недовольны растущим влиянием самого радикального течения либеральной литературы — так называемой «**исповедальной прозы**», которая была представлена произведениями **В.П. Аксенова**, **А.Т. Гладилина**, **В.С. Розова**, **Е.А. Евтушенко**, **А.А. Вознесенского**,

Б.Ш. Окуджавы и других «западников», которых **С.П. Павлов** называл «жалкой группкой морально уродливых авторов».

В марте 1963 г. лидер комсомола подверг резкой критике публикации **«Нового мира»**. В частности, он заявил, что «под предлогом борьбы против последствий культа личности и догматизма, некоторые литераторы, кинематографисты, художники стали как-то стесняться говорить о высоких идеях, о коммунизме. Жонглируя высоким понятием «жизненная правда», извращая это понятие, они населяют свои произведения людьми, стоящими в стороне от больших общественных интересов, погруженными в узкий мирок бытовых проблем... Стоит почитать **«Мемуары» И. Эренбурга**, **«Вологодскую свадьбу» А. Яшина**, путевые заметки **В. Некрасова**, **«На пути к Луне» В. Аксенова**, **«Матренин двор» А. Солженицына**, **«Хочу быть честным» В. Войновича** — от этих произведений несет таким пессимизмом, затхлостью, безысходностью, что у человека непосвященного, не знающего нашей жизни, могут, чего доброго, мозги стать набекрень». Затем, во время обсуждения кандидатур, выдвинутых на самую престижную **Ленинскую премию**, весной 1964 г. **С.П. Павлов** резко выступил против присуждения этой премии **А.И. Солженицыну**, напомнив всем, что этот писатель в свое время был осужден не по политическому, а по чисто уголовному преступлению — изнасилованию немецкой девушки во время ведения боевых действий на территории **Восточной Пруссии**. Тогда оппозиционная группировка в руководстве **ЦК ВЛКСМ**, которую возглавлял «комсомольский диссидент» **Б.Д. Панкин**, попыталась протолкнуть в лауреаты наиболее популярного у «западников» **Е.А. Евтушенко**. Но, в конце концов, **Ленинскую премию** присудили замечательному советскому писателю и журналисту **«Комсомольской правды» В.М. Пескову** за его книгу **«Шаги по росе»**.

В 1962–1964 гг. в широких кругах советских писателей начинает все больше утверждаться русское национальное мировоззрение. До этого оно развивалось исключительно в рамках военно-патриотического движения, но затем оно стало осознаваться гораздо шире, как государственное мировоззрение и журнал **«Молодая гвардия»** стал главным проводником этой идеи.

Еще одной сферой, где руководство комсомола помогало «консерваторам» в писательской среде популяризовать русские национальные идеи, была редакционно-издательская деятельность. Большую роль в этом играл пришедший в 1961 г. на пост директора издательства **ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия»** заведующий сектором печати **ЦК Ю.С. Мелентьев** и главный редактор этого издательства **В.О. Осипов**. При их активном участии издательство выпустило в свет первые книги журналистов **«Комсомольской правды» В.А. Чивилихина** (**«Серебряные рельсы»**, **«Про Клаву Иванову»**) и **В.М. Пескова** (**«Шаги по росе»**, **«В гостях у Шолохова»**) и книги начинающих писателей **В.М. Шукшина** (**«Сельские жители»**, **«Любашины»**), **Б.А. Можая** (**«Саня»**, **«Полушко-поле»**) и других.

Главным творческим приобретением русских «консерваторов» в 1960-е гг. стали авторы так называемой «деревенской прозы», наиболее яркими представителями которой стали **В.Ф. Тендряков** (**«Не ко двору» 1954**, **«Ухабы» 1956**, **«За бегущим днём 1959»**), **В.А. Солоухин** (**«Владимирские проселки» 1958**, **«Капля росы» 1960**), **Ф.А. Абрамов** (**«Братья и сестры» 1958**, **«Безотцовщина» 1961**), **В.П. Астафьев** (**«Тают снега» 1958**, **«Стародуб» 1960**), **Е.И. Носов** (**«На рыбацкой тропе» 1958**, **«Тридцать зерен» 1961**), **Г.И. Тропоцкий** (**«Чернозем» 1961**, **«В камышах» 1963**), **В.И. Белов**

(«Деревенька моя лесная» 1961, «Знойное лето» 1963), В.М. Шукшин («Сельские жители» 1962, «Живет такой парень» 1964), Н.М. Рубцов («Волны и скалы» 1962), В.Г. Распутин («Край возле самого неба» 1963), О.А. Фокина («Сыр-бор» 1963, «Реченька» 1964), В.И. Лихоносов («Вечера» 1964), В.М. Шугаев («Бегу и возвращаюсь» 1964) и другие.

К концу «хрущевской оттепели» в советской литературе окончательно сформировались два основных лагеря, которые получили негласную поддержку в верхних эшелонах власти. «Либералы», делавшие ставку на разрядку и «интернациональные» силы внутри страны, чаще находили сочувствие и поддержку у секретарей ЦК Л.И. Брежнева, М.А. Суслова, Ю.В. Андропова и Б.Н. Пономарева, а «консерваторы» больше опирались на влиятельные силы «внутреннего национального развития» — секретарей ЦК А.Н. Шелепина, Л.Ф. Ильичева, П.Н. Демичева, Первого секретаря ЦК КП Белоруссии К.Г. Мазурова и председателя Совета Министров РСФСР Д.С. Полянского.

Надо сказать, что в настоящее время ряд авторов (М. Зенина) утверждает, что литература «оттепели» не пережила своего времени и даже в числе лучших своих образцов сейчас интересна только как документ эпохи и своеобразный барометр общественных настроений тех лет. Однако думается, что это слишком суровый, а главное несправедливый приговор, потому что многие произведения М.А. Шолохова, К.М. Симонова, В.П. Некрасова, Н.М. Рубцова, В.М. Шукшина, В.Г. Распутина, Ю.В. Бондарева и других русских писателей и поэтов, по крайней мере, уже точно пережили вполне заурядные исторические исследования указанных «судей».

4. Зарождение диссидентского движения

Сам термин «диссидент», то есть «несогласный», получил широкое хождение в нашей стране в **середине 1970-х гг.**, и первоначально использовался только для обозначения определенного, достаточно узкого круга лиц, выступавших против коммунистической доктрины и пришедших в силу этого обстоятельства к прямому столкновению с властью. Известная «бабушка» диссидентского движения, мадам Л.М. Алексеева, которой принадлежит первая попытка изложения теории диссидентства в ее книге «История инакомыслия в СССР» (1992), включает в это понятие такие формы инакомыслия, как национальные, национально-религиозные, национально-демократические движения, движение советских евреев за выезд на их историческую родину, движение за права человека, движение социалистов и т.д. Причем, собственно диссидентское движение она связывает только с одной из форм диссидентства — **правозащитным движением**, начало которого относит к **декабрю 1965 г.**, когда на Пушкинской площади в Москве состоялась первая демонстрация диссидентов под правозащитными лозунгами. Однако, как верно заметили ряд современных авторов (А. Вдовин, А. Барсенков), такой подход к определению диссидентства не позволяет, в сущности, ни выявить специфику этого феномена, ни определить хронологические рамки этого движения.

Послевоенное диссидентство, в отличие от иных форм проявления несогласия с властью, было твердо убеждено в том, что она вообще не способна признать ценность оппозиционных идей и программ. Отсюда проистекала их готовность использовать для воздействия на власть любые экстраординарные и нелегитимные

способы борьбы. Вместо апелляции к властям, диссиденты, как самые радикальные противники режима, проявляли активную готовность к организационному оформлению своей деятельности через создание различных подпольных движений и групп. При этом диссиденты западнического толка всегда смыкались в своей деятельности с враждебными зарубежными общественными и государственными, в том числе разведывательными, структурами, которых они почитали за светоч цивилизации и прогресса.

Диссидентство возникло в условиях относительной либерализации советского режима после **XX съезда КПСС**, когда радикальные и оппозиционные группировки получили сравнительно большие, чем при **И.В. Сталине**, возможности для своего организационного оформления и существования. Отличительными особенностями диссидентского движения в **1950-е гг.** стали подпольная деятельность и использование ими такой возможности для мобилизации своих сторонников и пропаганды оппозиционных идей и программ, как «**тамиздат**» и «**самиздат**».

Первым громким проявлением диссидентства, обратившим на себя внимание властей и общества, стало дело известного писателя и поэта **Б.Л. Пастернака**, удостоенного в **1957 г. Нобелевской премии** за вполне заурядный роман «**Доктор Живаго**», опубликованный итальянским издательством «**Feltrinelli**». Эта публикация стала поводом для шумной кампании по дискредитации писателя, которого, угрожая высылкой из страны, вынудили отказаться от премии, а затем исключили из **Союза Писателей СССР**.

Менее заметными для общества были такие проявления либерального диссидентства, как деятельность нескольких подпольных студенческих организаций, в частности кружка московских студентов и аспирантов **Л.Н. Краснопевцева** и **Н.Н. Покровского (1956–1957)**, кружка ленинградского математика **И.И. Пименова (1956–1957)**, кружка ленинградского студента **И.И. Трофимова (1957)**, которые вскоре были раскрыты чекистами, а их участники осуждены. Члены этих подпольных кружков, как и их идейные вдохновители столетней давности, пытались создать новую концепцию истории партии, изменить ее идеологию, согласовать план действий с польскими диссидентами, разрушить СССР как главную помеху для прогресса человеческой цивилизации и т.д.

Как экстраординарные и тающие в себе потенциальную опасность для режима воспринимались властями и неформальные собрания неконформистской молодежи у памятника **В.В. Маяковскому** в **Москве**, которые приобрели регулярный характер с момента его открытия в **июле 1958 г.** На этих собраниях читали стихи и выступали с речами многие тогдашние кумиры и властители дум студенческой молодежи, в том числе **А.А. Вознесенский**, **Е.А. Евтушенко**, **Б.А. Ахмадулина** и другие. Но со временем эти сходки стали приобретать все более политизированный характер, и **осенью 1961 г.** эти собрания были запрещены, а наиболее активные их участники — **В.Н. Осипов**, **Э.С. Кузнецова** и **И.В. Бокштейн** осуждены за антисоветскую деятельность.

В **конце 1950-х г.** ряд писателей и публицистов либеральной волны стали помещать свои произведения в машинописных журналах, в результате чего возник так называемый «**самиздат**». Наибольшую известность среди этих изданий приобрел подпольный журнал «**Синтаксис**», который редактировал **А.И. Гинзбург**. В этом вполне заурядном журнале печаталась «**лагерная проза**» **В.Т. Шаламова** и **Е.С. Гинз-**

бург, а так же не принятые к публикации произведения **Б.А. Ахмадулиной, В.П. Некрасова, Б.Ш. Окуджавы** и других.

Однако зачастую взгляды этих диссидентов укладывались в понятие «**демократического социализма**» и не выходили за рамки критики самого большевизма и ленинизма. Одним из лидеров этого круга «интеллектуалов», объединенных идеями «**демократического социализма**», был откровенно слабый и явно ангажированный историк-фантазер **Р.А. Медведев**, который издавал подпольный журнал «**Политический дневник**», ставший, по признанию самих диссидентов, «самиздатом для высших чиновников, занимавших либеральные позиции в тогдашнем истеблишменте страны».

Тогда же, с **конца 1950-х гг.** участилась порочная практика передачи либеральными авторами своих сочинений для публикации на Западе. Особенно в этом преуспели **А.Д. Синявский, В.Я. Тарсис** и **В.С. Гроссман**, которые, страдая патологической русофобией, откровенно изгалялись над историческим опытом и традициями русского народа, особенно в таких книжонках, как «**Жизнь и судьба**» (1961), «**Все течет...**» (1963), «**Суд идет**» (1965) и других.

Своеобразным явлением общественной жизни страны стало выступление в **сентябре 1961 г.** на **Московской городской партконференции**, посвященной обсуждению проекта новой **Программы КПСС**, одного из преподавателей **Общевойсковой военной академии им. М.В. Фрунзе** генерал-майора **П.Г. Григоренко**. Будучи по своей сути самовлюбленным и амбициозным человеком, он попытался заявить о себе как о новом партийном теоретике и настоящем борце со сталинским культом. Однако его выступление было подвергнуто резкой критике, он был уволен из академии и направлен для дальнейшего прохождения службы в штаб **5-й общевойсковой армии** в **Дальневосточный Военный округ**. Но вместо исполнения своего служебного долга генерал **П.Г. Григоренко** возомнил себя новым декабристом и создал подпольный «**Союз борьбы за возрождение ленинизма**», за что был вскоре исключен из партии, а затем помещен в специальную психиатрическую больницу.

Тогда же большой общественный резонанс получило и явно провокационное, но знаковое выступление известного советского кинорежиссера **М.И. Ромма** на конференции «**Традиции и новаторство в искусстве социалистического реализма**», которое состоялось в **ноябре 1962 г.** в **Доме Кино**. Этот пятикратный лауреат **Сталинской премии** впервые публично и недвусмысленно высказался об известной кампании против «космополитов», где утверждал, что она была создана искусственно, носила сугубо антисемитский характер и по существу сводилась к избиению выдающихся писательских кадров. Виновниками этого «избиения» он называл ныне здравствующих писателей-антисемитов **Н.М. Грибачева, В.А. Кочетова, А.В. Софронова** и «им подобных литераторов», которые в настоящее время проводили открытую диверсию против всего нового и яркого в кинематографе. Это выступление произвело сенсацию в либеральной интеллигентской среде, и вскоре его текст широко разошелся в многочисленных списках «самиздата». Позднее **А.И. Солженицын** расценил это беспрецедентное выступление **М.И. Ромма** как крупнейший шаг в развитии всего диссидентского движения в стране, и заявил, что с этого момента он «как бы стал духовным лидером советского еврейства, а евреи — «самыми отважными членами всего диссидентского движения в стране».

Пожалуй, наибольшее влияние на дальнейшее развитие диссидентства в стране имела неудачная попытка публикации в «**Новом мире**» романа **А.И. Солженицына**

«В круге первом». В июне 1964 г. А.Т. Твардовский, заручившись согласием членов редакции журнала на публикацию этого романа, передал его на высочайшее одобрение помощнику Н.С. Хрущева В.С. Лебедеву. Однако тот вернул эту рукопись А.Т. Твардовскому и решительно отказался «пробивать» ее через цензуру, что стало отправной точкой перехода А.И. Солженицына из легального лагеря «советских либералов» в ряды непримиримых диссидентов и врагов советской власти.

Вместе с тем, рост русского национального самосознания, начавшийся в годы Великой Отечественной войны и продолженный затем в период борьбы с «космополитами», определил и основные направления деятельности радикальных групп, выступавших за дальнейшее развитие и укрепление в политике партии русских национальных интересов. Исследователи диссидентского движения (Л. Алексеева, М. Митрохин) отмечают, что активность таких организаций была характерна в основном для провинции, где возникали, но довольно быстро раскрывались многочисленные группировки русских диссидентов. Большая их часть была социалистической ориентации — от горячих сторонников сталинизма до меньшевиков и анархо-синдикалистов, но были среди них и откровенно антикоммунистические группировки, такие как Народно-демократическая партия В.С. Поленова, Российская национально-социалистическая партия А.А. Добровольского и Всероссийский социал-христианский союз освобождения народа И.В. Огурцова.

Наряду с писательскими группировками, которые пытались подвинуть власть на усиление русской составляющей в советском патриотизме, в литературно-художественной среде заявили о себе интеллектуальные группировки, вдохновлявшиеся либеральными русскими идеями и ценностями. В спектре течений тогдашней общественной мысли и движений они располагались на грани между легальными течениями русского советского национализма (патриотизма) и течением анти-советского русского национализма (дореволюционного русского патриотизма).

Одной из таких влиятельных группировок было окружение известного русского художника Ильи Сергеевича Глазунова, который читал блестящие лекции по русской культуре и собирал старинные русские иконы по многим русским деревням и погостам. В 1962 г. именно вокруг него сложился кружок откровенных монархистов, видными представителями которого были выходцы из старинных дворянских и казачьих фамилий — его супруга, известная художница Н.А. Бенуа, выдающийся русский писатель В.А. Солоухин и известный искусствовед и чиновник Министерства культуры СССР В.А. Десятников, стоявшие у истоков создания Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (ВООПИК), учрежденного в 1966 г. Активную поддержку этой группировке оказывали выдающиеся советские художники, литераторы, композиторы и ученые, в том числе П.Д. Корин, Л.М. Леонов, С.М. Михалков, Н.П. Кончаловская, Г.В. Свиридов, Б.А. Рыбаков, И.В. Петрянов-Соколов и другие.

Определенным радикализмом и критическим отношением к советской власти с позиций русского монархизма отличались и взгляды целого ряда известных русских историков и писателей — В.В. Кожинова, П.В. Палиевского, С.Ю. Куняева, И.Н. Михайлова, В.В. Петелина, С.Н. Семанова, Ф.Ф. Кузнецова и В.А. Чалмаева, которые позднее составили костяк так называемой «русской партии в КПСС». Духовными лидерами этой партии были великие русские религиозные философы, которые сохранили и развили в своем творчестве идеи вселенского русского пра-

вославия — **М.М. Бахтин** и **А.Ф. Лосев**. Свою роль в укреплении позиций русского национального самосознания сыграла и деятельность ряда известных священников **РПЦ**, в частности протоиерея **Д.С. Дудко**, который, по определению писателя **Л.И. Бородина**, «был духовным вождем борцов в стане неофициальных русистов».

5. Развитие художественной культуры

В отличие от литературы, которая всегда напрямую управлялась **Идеологическим отделом ЦК** и правлением **Союза Писателей СССР**, остальные сферы советского искусства находились под неусыпным контролем **Министерства культуры СССР**. В **1953–1960 гг.** во главе этого ведомства стояли вполне заурядные партийные чиновники — **П.К. Пономаренко**, **А.Ф. Александров** и **Н.М. Михайлов**, для которых эта должность была своеобразной политической ссылкой в условиях постоянной борьбы за власть. Однако в **1960 г.** на должность министра была назначена бывший член **Президиума** и **Секретариата ЦК** **Екатерина Алексеевна Фурцева**, которая возглавляла это министерство без малого пятнадцать лет. Для нее эта должность тоже оказалось местом политической ссылки, но в отличие от своих предшественников она очень многое сделала для развития советской культуры и оставила добрую память о себе в сердцах многих советских музыкантов, режиссеров, артистов, художников и других представителей творческой интеллигенции.

Большую роль в развитии советского искусства играли и все творческие союзы, в том числе **Всероссийское театральное общество** (**М.И. Царев**), **Союз кинематографистов СССР** (**И.А. Пырьев**), **Союз композиторов СССР** (**Т.Н. Хренников**) и **Союз художников СССР** (**С.В. Герасимов**).

а) Развитие советского театрального искусства и кинематографа

В годы хрущевской «оттепели» партия и правительство по-прежнему уделяли особо пристальное внимание развитию советского киноискусства, поскольку прекрасно сознавали его возможности влиять на умы и настроения советских людей и использовать его в качестве мощного воспитательного и идеологического оружия в борьбе за торжество коммунистических идей.

В эти годы резко возросло производство кинокартин, созданных в совершенно разных жанрах, среди которых было немало настоящих шедевров советского киноискусства, вошедших в его золотой фонд.

— **Историко-патриотический жанр** советского кинематографа был представлен картинами **А.Л. Птушко** («Садко» 1952, «Илья Муромец» 1956), **М.И. Ромма** («Адмирал Ушаков» 1953, «Корабли штурмуют бастионы» 1955), **Е.П. Егорова** («Море студеное» 1954), **А.Г. Иванова** («Михайло Ломоносов» 1955), **Б.В. Барнета** («Борец и клоун» 1957), **А.М. Рыбакова** («Василий Суриков» 1959), **Э.А. Рязанова** («Гусарская баллада» 1962) и другими.

— **Историко-революционный жанр**, получивший новый импульс в своем развитии, был отмечен картинами **М.К. Калатозова** («Вихри враждебные» 1953), **М.И. Донского** («Мать» 1955), **А.А. Алова** и **В.Н. Наумова** («Павел Корчагин» 1956), **Г.Н. Чухрая** («Сорок первый» 1956), **Ю.Я. Райзмана** («Коммунист» 1957), **Г.Л. Рошала** («Хожение по мукам» 1957–1959), **С.А. Герасимова** («Тихий Дон» 1957–1958), **М.А. Швейцера** («Мичман Панин» 1960), **А.Г. Иванова** («Поднятая целина» 1960),

В.И. Герасимова («Испытательный срок» 1960), А.М. Рыбакова («В начале века» 1961), Л.Д. Лукова («Две жизни» 1961), В.А. Фетина («Донская повесть» 1963), С.И. Самсонова («Оптимистическая трагедия» 1963) и другими.

— Военно-патриотический жанр обогатился в это время выдающимися кинокартинами А.Г. Иванова («Солдаты» 1956), Г.Н. Чухрая («Баллада о солдате» 1959, «Чистое небо» 1961), М.И. Ромма («Убийство на улице Данте» 1956), М.К. Калатозова («Летят журавли» 1957), С.Ф. Бондарчука («Судьба человека» 1959), В.Я. Венгерова («Балтийское небо» 1960), Ж. Древиля («Нормандия-Неман» 1960), А.А. Алова и В.Н. Наумова («Мир входящему» 1961), С.И. Ростокского («На семи ветрах» 1962), А.А. Тарковского («Иваново детство» 1962), А.Б. Столпера («Живые и мертвые» 1963), С.Н. Колосова («Вызываем огонь на себя» 1964) и другими.

— Производственно-бытовой и гражданственно-патриотический жанры советского киноискусства был представлен огромным количеством работ, в том числе картинами И.Е. Хейфица («Большая семья» 1954, «Дело Румянцева» 1955, «Дорогой мой человек» 1958), Ф.М. Эрмлера («Неоконченная повесть» 1955), М.А. Швейцера («Чужая родня» 1956), Л.Д. Лукова («Разные судьбы» 1956), М.М. Хуциева («Весна на заречной улице» 1956, «Застава Ильича» 1964), И.В. Лукинского («Иван Бровкин на целине» 1957), И.А. Анненского («Екатерина Воронина» 1957), В.П. Басова («Случай на шахте восемь» 1957, «Битва в пути» 1961, «Тишина» 1964), С.И. Ростокского («Дело было в Пенькове» 1957), А.Г. Зархи («Высота» 1957, «Люди на мосту» 1959), Л.А. Кулиджанова («Отчий дом» 1957, «Когда деревья были большими» 1959), Ю.П. Егорова («Добровольцы» 1958, «Простая история» 1960), Т.М. Лиозновой («Евдокия» 1961), Л.С. Мирского («Карьера Димы Горина» 1961), М.И. Ромма («Девять дней одного года» 1962), Г.Н. Данелия («Путь к причалу» 1962) и другими.

— Комедийный и сатирический жанры отечественного кино были представлены целым созвездием лирических и гротесковых комедий Н.В. Досталя («Мы с вами, где то встречались» 1954), М.Г. Калатозова («Верные друзья» 1954), С.А. Тимошенко («Запасной игрок» 1954), Н.Н. Кошеверовой («Укротительница тигров» 1954, «Медовый месяц» 1955), И.В. Лукинского («Солдат Иван Бровкин» 1955), Э.А. Рязанова («Карнавальная ночь» 1956, «Девушка без адреса» 1957), Л.И. Гайдая («Жених с того света» 1958, «Самогонщики» 1961, «Деловые люди» 1963), Ю.С. Чулюкина («Неподающиеся» 1959, «Девчата» 1961), В.М. Иванова («За двумя зайцами» 1961), В.А. Фетина («Полосатый рейс» 1961), Г.Н. Данелия («Я шагаю по Москве» 1963), Г.Б. Оганесяна («Три плюс два» 1963) и другими.

— Классический жанр советского кинематографа был представлен фильмами, снятыми по произведениям классиков мировой художественной литературы, в частности кинокартинами И.М. Анненского («Анна на шее» 1954, «Княжна Мери» 1955), С.И. Юткевича («Отелло» 1955), А.М. Файнциммера («Овод» 1955), Я.Б. Фрида («Двенадцатая ночь» 1955), Г.М. Козинцева («Дон Кихот» 1957, «Гамлет» 1964), И.А. Пырьева («Идиот» 1958, «Белые ночи» 1959), В.П. Каплуновского («Капитанская дочка» 1958), Л.З. Трауберга («Мертвые души» 1960), И.Е. Хейфица («Дама с собачкой» 1960), М.А. Швейцера («Воскресение» 1960), С.Н. Колосова («Укрощение строптивой» 1961), К.Н. Воинова («Женитьба Бальзамина» 1964) и другими.

— Детективный и шпионский жанры в кинематографе, которые традиционно пользовался большим интересом у зрителя, был представлен фильмами А.С. Бергункера («Следы на снегу» 1955), Ю.А. Вышинского («В квадрате 45» 1955), М.И. Вина-

ского («Тень у пирса» 1955), А.М. Рыбакова («Дело № 306» 1956), К.К. Пипинашвили («Тайна двух океанов» 1956), В.Л. Сухобокова («Ночной патруль» 1957), Л.С. Эстрина («Голубая стрела» 1958), Д.В. Васильева («Над Тисой» 1958), Н.В. Достала («Дело пестрых» 1958) Н.В. Розенцева («Государственный преступник» 1964) и другими.

В годы «хрущевской оттепели» наряду с целой плеядой выдающиеся советских актеров прошлых десятилетий, среди которых особой зрительской любовью пользовались М.И. Жаров, Н.А. Крючков, Э.П. Гарин, А.Н. Грибов, М.М. Яншин, И.В. Ильинский, В.В. Меркурьев, Н.К. Черкасов, Р.Н. Симонов, П.П. Кадочников, В.В. Кенигсон О.П. Жаков, Н.О. Гриценко, И.Ф. Переверзев, Б.Н. Ливанов, Р.Я. Плятт, Л.Н. Свердлин, Б.Ф. Андреев, М.Н. Бернес, Е.В. Самойлов, В.В. Санаев, С.Н. Филиппов, М.И. Пуговкин, Г.М. Вицин, В.Д. Доронин, Ф.Г. Раневская, О.А. Жизнева, В.П. Марецкая, В.М. Орлова Л.В. Целиковская, Л.Н. Смирнова, К.С. Лучко и другие, приходит новая талантливая плеяда киноактеров, составивших славу советского киноискусства.

Среди этих актеров, прежде всего, следует назвать имена М.А. Ульянова, Е.С. Матвеева, В.В. Тихонова, Е.А. Евстигнеева, О.А. Стриженова, О.Н. Ефремова, М.М. Казакова, И.М. Смоктуновского, О.П. Табакова, Ю.В. Никулина, Ю.В. Яковлева, Л.Ф. Быкова, Б.К. Новикова, Л.В. Харитонова, В.В. Ивашова О.А. Анофриева, А.С. Демьяненко, О.И. Борисова, К.Ю. Лаврова, П.П. Глебова, В.П. Басова, Е.П. Леонова, Н.Н. Рыбникова, В.М. Невинного, А.М. Смирнова, Л.В. Куравлева, И.О. Горбачева, Н.В. Подгорного, Г.А. Юматова, В.С. Ланового, В.Б. Сошальского, Н.В. Мордюковой, И.В. Макаровой, Ю.К. Борисовой, Л.И. Хитяевой, Э.А. Быстрицкой, З.М. Кириенко, А.Д. Ларионовой, Т.Г. Конюховой, Л.И. Касаткиной, Л.М. Гурченко, Н.Н. Фатеевой и многих других.

Новый этап в развитии советского киноискусства ознаменовался и тем, что в августе 1959 г. по инициативе Е.А. Фурцевой возобновил свою работу Московский международный кинофестиваль, на котором главный приз получил фильм С.Ф. Бондарчука «Судьба человека». В 1961 г. на II Московском кинофестивале главный приз жюри был присужден фильму Г.Н. Чухрая «Чистое небо», а уже на III Московском кинофестивале в 1963 г. этого приза удостоился знаменитый фильм Ф. Феллини «Восемь с половиной».

В театральном искусстве страны лидирующие позиции по-прежнему занимали несколько ведущих театров Москвы и Ленинграда, правда, МХАТ им. М. Горького, который несколько десятилетий был ведущим театром страны, переживал творческий кризис и на первые роли выходят другие театральные коллективы, в частности Московский Академический театр им. Е.Б. Вахтангова, Московский Академический театр им. В.В. Маяковского, Центральный Академический театр Советской армии, Московский Академический театр им. Моссовета и Ленинградский Большой Драматический театр им. А.М. Горького, труппы которых возглавили крупнейшие театральные режиссеры Р.Н. Симонов, Н.П. Охлопков, А.Д. Попов, Ю.А. Завадский и Г.А. Товстоногов.

Особенно мощная труппа сложилась в Ленинградском БДТ, где Г.А. Товстоногову удалось сплотить вокруг себя многих замечательных актеров — Е.З. Копеляна, В.П. Полищеймако, Е.А. Лебедева, В.И. Стрельчика К.Ю. Лаврова, П.Б. Луспекаева, О.В. Басилашвили Н.Н. Трофимова, И.М. Смоктуновского, С.Ю. Юрского, Л.И. Макарову, Т.В. Доронину, З.М. Шарко и многих других.

Особое место в истории театрального искусства страны в годы «оттепели» принадлежит **Московскому театру «Современник»**, который был создан в 1956 г. молодыми выпускниками **школы-студии МХАТ** под руководством их наставника **О.Н. Ефремова**. В те годы этот театр, открывший свою историю постановкой пьесы **В.С. Розова «Вечно живые»**, стал одним из центров духовной жизни столицы, на сцене которого блистала целая когорта молодых и талантливых актеров — **Е.А. Евстигнеев, И.В. Кваша, О.П. Табаков, М.М. Казаков, В.Ю. Никулин, В.Н. Сергачев, П.И. Щербаков, О.И. Даль, С.А. Любшин, Г.Б. Волчек, Л.М. Толмачева, Н.М. Дорошина, Л.И. Иванова** и другие.

Наконец, на самом излете «оттепели», в 1964 г. возник знаменитый **Театр на Таганке**, который был открыт **Ю.П. Любимовым** и его учениками по **Щукинскому театральному училищу**, постановкой дипломного спектакля по пьесе **Б. Брехта «Добрый человек из Сезуана»**. На первых порах костяк театральной труппы составили ученики **Ю.П. Любимова** — **Б.А. Хмельницкий, А.И. Васильев, З.А. Славина** и **А.С. Демидова**, а затем он пригласил в труппу **В.С. Высоцкого, В.С. Золотухина, Ю.Н. Смирнова, И.И. Ульянову, Н.С. Шацкую** и других талантливых актеров.

В эти годы мощный импульс в своем развитии получила советская сатирическая эстрада, на сцене которой блистали **А.И. Райкин**, дуэты **М.В. Мироновой** и **А.С. Менакера**, **Е.И. Березина** и **Ю.Т. Тимошенко**, **Л.Б. Мирова** и **М.В. Новицкого** и другие артисты.

б) Развитие советского музыкального искусства

Эпоха хрущевской «оттепели» стала новым этапом в развитии советского музыкального искусства, которое развивалось в трех основных направлениях — классической симфонической музыки, народного хорового и танцевального творчества и эстрадной музыки. В классической музыке того периода особое место по-прежнему занимал целый ряд выдающихся советских композиторов, в частности:

— **Д.Д. Шостакович**, создавший в эти годы оперу **«Катерина Измайлова» (1962)**, оперетту **«Москва-Черемушки» (1958)** музыку к кинофильму **«Гамлет» (1963)** и знаменитые **Симфонию № 11 «1905 год» (1957)**, **Симфонию № 12 «1917 год» (1961)** и **Симфонию № 13 «Бабий Яр» (1963)**.

— **А.И. Хачатурян**, написавший знаменитый балет **«Спартак» (1956)**, **Концерт-рапсодию для скрипки с оркестром (1961)** и **Концерт-рапсодию для виолончели с оркестром (1963)**, а так же музыку к фильмам **«Адмирал Ушаков» (1953)**, **«Отелло» (1955)**, **«Поединок» (1957)**, **«Люди и звери» (1962)** и другим.

— **Д.Б. Кобалевский**, ставший автором таких произведений, как **Музыкальные зарисовки к трагедии «Ромео и Джульетта» (1956)**, **«Патетическая увертюра» для Большого симфонического оркестра (1960)**, **Симфоническая поэма «Весна» (1960)**, **Рапсодия на тему «Школьные годы» (1963)**, музыку к кино-трилогии **«Хождение по мукам» (1957–1959)** и другие.

— **Т.Н. Хренников**, создавший в этот период оперы **«Мать» (1957)** и **«Доротея» (1963)**, оперетту **«Сто чертей и одна девушка» (1963)**, музыку к фильмам **«Верные друзья» (1954)**, **«Много шума из ничего» (1956)**, **«Капитанская дочка» (1958)** и **«Гусарская баллада» (1962)**, знаменитую песню **«Московские окна» (1962)** и многие другие.

— **Г.В. Свиридов**, который написал много разноплановых произведений, в том числе **Вокально-симфоническую поэму «Памяти Сергея Есенина» (1956)**, **«Патети-**

ческую ораторию» на слова В.В. Маяковского (1959), Музыкальные иллюстрации к повести А.С. Пушкина «Метель» (1964), музыку к кинофильмам «Полюшко-поле» (1956), «Красная площадь» (1960), «Воскресение» (1961), «Русский лес» (1964), «Время, вперед!» (1965) и другие.

В этот период достойное место в музыкальном искусстве страны заняли и многие другие композиторы, работавшие одновременно в жанрах симфонической, камерной и песенной музыки, — Н.В. Богословский, Р.К. Щедрин, И.И. Шварц, А.Г. Новиков, Я.А. Френкель, В.П. Соловьев-Седой, М.И. Блантер, Б.А. Мокроусов, М.Г. Фрадкин, А.Я. Эшпай, А.П. Петров, А.И. Островский, С.С. Туликов, О.Б. Фельцман и другие.

На музыку этих композиторов были написаны сотни прекрасных песен и романсов, которые с большим успехом исполняли Л.О. Утесов, К.И. Шульженко, В.К. Трошин, И.Д. Кобзон, Э.А. Хиль, Л.П. Барашков, Л.Г. Зыкина, О.Б. Воронец, Г.М. Великанова, М.В. Кристалинская, Э.С. Пьеха и многие другие талантливые певцы. На излете хрущевской оттепели зародился и жанр авторской песни, наиболее яркими представителями которой стали Ю.Ч. Ким, Ю.И. Визбор, Б.Ш. Окуджава, Н.Н. Матвеева и другие советские поэты и писатели.

Время «хрущевской оттепели» стало периодом расцвета и многих выдающихся советских артистов классической оперы и балета. Наряду с прославленными мастерами оперной сцены — С.Я. Лемешевым, И.С. Козловским, Г.К. Отсом, Г.П. Вишневской и другими, на сценах ведущих театров страны стали блистать молодые таланты Б.Т. Штоколова, Е.Е. Нестеренко, Д.М. Гнатюка, А.Б. Соловьяненко, Ю.А. Гуляева, И.К. Антоновой, Е.В. Образцовой, Б.А. Руденко, Т.И. Шмыги и других. На балетной сцене страны на смену великим мастерам балета так же пришла новая плеяда молодых талантливых танцоров — М.А. Эсамбаев, М.Э. Лица, В.В. Васильев, М.М. Плисецкая, Е.С. Максимова, Н.И. Бессмертнова и другие.

В эти годы мировое признание получили многие академические ансамбли СССР, которые прославляли искусство нашей страны по всему миру, в том числе Государственный академический ансамбль народного танца СССР под руководством И.А. Моисеева, Государственный академический хореографический ансамбль «Берёзка» под руководством Н.С. Надеждиной, Государственный русский народный хор им. М.Е. Пятницкого под руководством В.С. Левашова, Украинский государственный народный хор под руководством Г.Г. Вережки, Академический ансамбль песни и пляски Советской Армии им. А.В. Александрова под руководством Б.А. Александрова и т.д.

В 1958 г. в столице прошел первый Международный музыкальный конкурс им. П.И. Чайковского, ставший настоящим триумфом советской исполнительской школы, которая была представлена именами Г.Г. Нейгауза, Д.Ф. Ойстраха, С.Т. Рихтера, Э.Г. Гилельса, М.Л. Ростроповича, Е.Ф. Светланова и других.

Надо сказать, что в мае 1958 г. совершенно неожиданно для всех было принято Постановление ЦК КПСС «Об исправлении ошибок в оценке опер «Великая дружба», «Богдан Хмельницкий» и «От всего сердца», которому обычно придают исключительно «искусствоведческий» характер. На самом деле никакого отношения к искусству этот партийный документ не имел, поскольку его главное предназначение состояло в том, чтобы покаяться перед ингушами и чеченцами в условиях восстановления их автономии и возвращения из прежних мест проживания на историческую родину.

в) Развитие советского живописного искусства и скульптуры

Как и в предыдущий период, живописное искусство развивалось в рамках нескольких жанровых направлений, которые довольно часто органически переплетались в творчестве многих советских художников. Причем, это были не только сторонники традиционной реалистической школы, но и представители других художественных направлений, в частности **импрессионизма (И.Э. Грабарь)**, **экспрессионизма (А.А. Дейнека)** и других. Наиболее интересные работы в тот период были созданы как признанными мастерами кисти, так и начинающей творческой молодежью.

В жанре портрета были созданы, написанные в разной стилистике, работы художников Д.А. Налбандяна («Птичница Т. Светлова» 1953, «Портрет писателя Б. Лавренева» 1954, «Портрет колхозника А. Галстяна» 1954, «Портрет курдянки» 1960), П.А. Корина («Портрет М.С. Сарьяна» 1956, «Портрет художников Кукрыникова» 1958), С.А. Чуйкова («Дочь чабана» 1956, «Мальчуган» 1957) И.С. Глазунова («Нина» 1955), А.И. Лактионова («Портрет академика И.П. Бардина» 1953, «Портрет Н.С. Хрущева» 1962), В.П. Ефанова («Портрет А.М. Горького» 1953, «Портрет матери» 1957, «Портрет академика П.Л. Капицы» 1958, «Портрет Г.П. Вишневской» 1963), В.М. Орешникова («Портрет жены» 1953, «Портрет итальянской киноактрисы Валентины Кортезе» 1957, «Портрет И.С. Ковалёвой» 1964), Т.Т. Салахова («Портрет композитора Кара Караева» 1960), М.С. Сарьяна («Портрет Р.Н. Симонова» 1963) и многие другие.

В жанре пейзажа и натюрморта в тот период были написаны полотна, принадлежащие кисти многих выдающихся мастеров, в том числе П.А. Корину («Коктебель» 1958, «Рим» 1961), С.А. Герасимову (серия «Можайские пейзажи» 1954), Д.А. Налбандяну («Зима» 1954, «Москва-река у Николиной горы» 1954, «На даче» 1957, «Гурзуф к вечеру» 1955, «Аштарак» 1958, «Озеро по дороге в Абрамцево» 1962), И.Э. Грабарю («Зимний пейзаж» 1954, «Березы летом» 1956, «Березовый пушок» 1957, «Ветка яблони» 1958), Ю.М. Непринцеву («В парке» 1956, «Рыболов» 1958), Н.М. Ромадину («Детство Есенина» 1959, «Берендеев лес» 1963, «Первое цветение» 1964), А.И. Лактионову («Лето в Абрамцево» 1958), М.С. Сарьяну («Груши» 1957, «Земля» 1959, «Озеро по дороге в Абрамцево» 1962), А.М. Семенову («Дождливый день в Летнем саду» 1961, «Парк зимой» 1961, «Ясный день в Старой Ладогe» 1964) и другим выдающимся живописцам.

Жанр бытовой живописи был представлен многими работами таких замечательных художников, как А.А. Дейнека («Мать и сестра» 1954, «У моря. Рыбачки» (1956), «Тракторист» 1956, «Доярка» 1959, «В Севастополе» 1959, «Покорители космоса» 1961), А.П. Бубнов («Вечер на пашне» 1959, «На поле» 1960, «Осень» 1962), А.И. Лактионов («За вышиванием» 1954), А.А. Пластов («Весна» (Северная Венера) 1954, «Юность» 1954, «Когда мир на земле» 1957, «Лето» 1960, «В деревне. Кружка молока» 1962), Ю.И. Пименов («Франтихи» 1958, «Первые модницы нового квартала» 1961, «Свадьба на завтрашней улице» 1962), Б.С. Угаров («В колхоз. Год 1929-й» 1954, «Ленинградка» 1961), И.С. Глазунов («Москва строится» 1964) и других.

В жанрах исторической, революционной и военной живописи работали многие крупные художники, в том числе В.А. Серов («Зимний взят!» 1954, «Ждут сигнала» 1957, «Декрет о мире» 1957, «Декрет о земле» 1957, «Рабочий» 1960), Д.А. Налбандян («Молодой Ульянов на Волге» 1962), В.Н. Костецкий («Вручение партийного билета

на фронте» 1959), Ю.М. Непринцев («Рассказ об отце» 1955), П.Т. Мальцев («Штурм Сапун-горы» 1958), И.С. Глазунов («Дороги войны» 1955, «Ленинградская блокада» 1956, «Русская песня» 1960, «Князь Игорь» 1962) и другие живописцы.

Жанр книжной графики был представлен целым рядом выдающихся работ, в том числе графикой Е.А. Кибрика («Как закалялась сталь» Н.А. Островского 1956, «Борис Годунов» А.С. Пушкина 1964), Д.А. Шмаринова («Война и мир» Л.Н. Толстого 1955, «Тарас Бульба» Н.В. Гоголя 1959, «Ромео и Джульетта» и «Двенадцатая ночь» У. Шекспира 1960–1964), О.Г. Верейского («Поднятая целина» М.А. Шолохова 1961, «Василий Теркин» А.Т. Твардовского 1961, «Жизнь Ленина» М.П. Прилежаевой 1964) и других.

В годы «хрущевской оттепели» в советском живописном искусстве зародился так называемый «суровый стиль», видными представителями которого стали Г.М. Коржев («Влюбленные» 1959), П.Ф. Никонов («Наши будни» 1960, «Геологи» 1962), Т.Т. Салахов («Резервуарный парк» 1959, «Портрет композитора К. Караева» 1960, «Ремонтники» 1960), Н.И. Андронов («Плотогоны», 1961), В.Е. Попков («Строители Братска» 1961), братья А.А. и П.А. Смолины («Полярники», 1961, «Стачка» 1964), Д.Д. Жилинский («Семья у Моря» 1964) и другие.

В эти же годы дальнейшее развитие получил жанр монументальной скульптуры. И хотя здесь наблюдался явный перекокс, вновь связанный с возведением огромного количества различных памятников В.И. Ленину, тем не менее, и тогда появился целый ряд выдающихся произведений монументальной и пластической скульптуры.

Среди скульпторов-монументалистов особо значимые творения создали такие авторы, как Е.В. Вучетич, которому принадлежали памятники В.Г. Белинскому в Пензе (1954) и Ф.Э. Дзержинскому в Москве (1958), аллегорическая статуя «Перекуём мечи на орала» в Нью-Йорке и Москве (1957) и знаменитая скульптура «Родина-мать» на Мамаевом кургане в Волгограде (1958); С.М. Орлов, создавший памятник князю Ю. Долгорукому в Москве (1954); Н.П. Томский, который в эти годы создал памятник М.В. Ломоносову (1954) и памятник-бюст М.И. Кутузову (1958) в Москве, памятник адмиралу П.С. Нахимову в Севастополе (1959) и бронзовые портреты художника Д. Риверы (1957), скульптора Т.Э. Залькалнса (1956) и писателя С.Н. Сергеева-Ценского (1962); А.П. Кибальников, создавший знаменитый памятник В.В. Маяковскому в Москве (1958); И.М. Рукавишников, который изваял прекрасный памятник А.П. Чехову в Таганроге (1960); В.В. Липев, ставший автором памятников Д.И. Менделееву (1952) и К.Д. Ушинскому (1961) в Ленинграде; В.Е. Цигаль, который прославился своими мраморным портретом А.В. Суворова (1959), бронзовым портретом М.А. Светлова (1965) и памятником генералу Д.М. Карбышеву в Маутхаузене (1962); М.К. Аникушин, создавший знаменитый памятник А.С. Пушкину на Площади Искусств в Ленинграде (1957) и бронзовые бюсты академика В.М. Бехтерева (1960) и космонавта Г.С. Титова (1961); Л.Е. Кербель, ставший автором монументальных памятников К. Марксу в Москве и Карл-Маркс-штадте (1961).

Последнее время, говоря о развитии советского изобразительного искусства в годы «хрущевской оттепели», многие авторы как заговоренные особо акцентируют внимание на посещении Н.С. Хрущевым, М.А. Сусловым, А.Н. Шелепиным и С.П. Павловым в декабре 1962 г. экспозиции авангардистов в Манеже, которая стала предтечей конца «оттепели». Конечно, эта оценка преднамеренно преувеличена, поскольку никакого влияния на развитие живописного искусства и измене-

ние общественных настроений в стране она не оказала. Просто **Н.С. Хрущев**, всегда отличавшийся особым бескультурьем и природным хамством, будучи в плохом настроении, разразился площадной бранью в адрес ряда художников и скульпторов, чьи работы были представлены на этой выставке, в частности **Ю.И. Соостера**, **В.Б. Янкилевского**, **Б.И. Жутовского** и **Э.И. Неизвестного**, которых он назвал «дегенератами и педерастами». Но ровно таким же образом глава партии и правительства вел себя и по отношению к другим, в том числе к членам **Президиума ЦК**, поэтому придавать этой выходке **Н.С. Хрущева** эпохальное значение вряд ли стоит.

Что касается архитектурного творчества, то в годы хрущевской «оттепели» оно просто перестало существовать как таковое, поскольку в **ноябре 1955 г.** после выхода **Постановления ЦК КПСС и СМ СССР «Об устранении излишеств в проектировании и строительстве»**, на смену помпезному сталинскому ампиру пришла чисто «функциональная», «типовая» и «примитивная» архитектура, которая с теми или иными изменениями просуществовала до конца существования советской власти. При этом во времена **Н.С. Хрущева**, на волне новой борьбы с Русской Православной Церковью, продолжилось беспощадное уничтожение русского архитектурного наследия. Достаточно сказать, что только при строительстве **Кремлевского Дворца съездов**, возведенного в **1959–1961 гг.** по проекту архитектора **М.В. Посохина**, при активной поддержке **Н.С. Хрущева** на территории **Московского Кремля** были снесены **Дворец Бориса Годунова (1600)** и старое здание **Оружейной палаты (1807–1810)**, пережившие нашествие **Наполеона** и сожжение **Москвы в 1812 г.**

Тема: ЭКОНОМИЧЕСКОЕ И СОЦИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ СССР В 1953–1964 ГГ.

План:

1. Перестройка управления народным хозяйством СССР.
2. Развитие промышленного производства и создание ракетно-ядерного щита.
3. Развитие сельского хозяйства: «достижения» и провалы.
4. Трагедия в Новочеркасске.
5. Развитие социальной сферы.
6. Денежная реформа 1961 г. и ее последствия.

1. Перестройка управления народным хозяйством СССР

Перестройка управления народным хозяйством страны началась практически сразу после смерти **И.В. Сталина**, когда по инициативе **Л.П. Берия** началось разрушение прежней системы принудительного труда, бывшей одной из опор сталинской советской экономики. Уже в **марте 1953 г.** в состав **Министерства юстиции СССР** был передан весь **ГУЛАГ**, а в промышленные и строительные министерства восемнадцать гигантских хозяйственных управлений, в том числе **Дальстрой**, **Спецстрой**, **Гидропроект** и другие, которые занимались заготовкой древесины, добычей камен-

ного угля и руды, возведением крупных промышленных объектов и грандиозных судоходных и оросительных каналов.

Затем, в **апреле 1953 г.**, по инициативе **Г.М. Маленкова** было принято **Постановление Совета Министров СССР «О расширении прав министерств СССР»**, согласно которому были существенно расширены права и полномочия руководителей всех оборонных, промышленных, строительных и транспортных министерств, во главе которых стояли **М.З. Сабуров, В.А. Малышев, М.Г. Первухин, Д.Ф. Устинов, Б.Л. Ванников, И.Ф. Тевосян** и другие крупные государственные деятели страны — знаменитые «сталинские наркомы». В результате принятых решений эти министры впервые за многие годы освобождались от необходимости согласования и утверждения значительного круга повседневных вопросов в **Президиуме Совета Министров СССР и Секретариате ЦК**.

Однако уже в **декабре 1953 г.** усилиями **Н.С. Хрущева** эта реформа была отменена и восстановлена прежняя, предельно централизованная структура **Совета Министров СССР**, где воссоздали семь **отраслевых Бюро** — по сельскому хозяйству (**Н.С. Хрушев**), металлургии (**И.Ф. Тевосян**), машиностроению (**В.А. Малышев**), транспорту и связи (**Л.М. Каганович**), энергетике (**М.Г. Первухин**), ширпотребу (**А.Н. Косыгин**) и торговле (**А.И. Микоян**).

В **декабре 1956 г.** на **Пленуме ЦК** был вновь поднят вопрос о перестройке **Совета Министров СССР**, инициатором которого, как полагают ряд историков (**Р. Пихоя**), был член **Президиума ЦК**, первый заместитель председателя **Совета Министров СССР** **М.Г. Первухин**. В частности, его план реорганизации правительства предусматривал существенное укрепление центрального планирования и ужесточение контроля за деятельностью всех министерств. Однако этот план посчитали не вполне своевременным и новый проект решения этого вопросу поручили подготовить **Н.С. Хрущеву**.

В **начале февраля 1957 г.** **Н.С. Хрущев** внёс на рассмотрение **Президиума ЦК** записку «**Об улучшении руководства промышленностью и строительством**», где предлагалось ликвидировать большинство отраслевых промышленных министерств и передать их функции новым территориальным управлениям — **Советам народного хозяйства (Совнархозам)**. Сама идея создания региональных управленческих структур и сокращения раздутых функций союзных министерств была, конечно, здоровой, но она нуждалась в серьезном обсуждении и практической проверке. С этой целью была создана **Комиссия Президиума ЦК**, которую возглавил **М.Г. Первухин**. Однако уже на первом заседании этой **Комиссии** большая часть «узкого руководства» резко выступила против этой хрущевской затеи, поскольку разумно считала ее сырой и неподготовленной. Но вопреки мнению своих ближайших коллег **Н.С. Хрущев** вынес этот вопрос на обсуждение **Пленума ЦК**.

В **середине февраля 1957 г.** состоялся **Пленум ЦК**, на котором, как и ожидалось, схлестнулись две непримиримых группировки. Позицию **Н.С. Хрущева** поддерживали многие региональные вожди, поскольку идея совнархозов показала им весьма привлекательной, прежде всего, потому, что поднимала их политический вес и устранила опостылевший диктат **Москвы**. К числу самых активных сторонников **Н.С. Хрущева** принадлежали Первый секретарь **ЦК КП Узбекистана** **Н.А. Мухитдинов**, Первый секретарь **ЦК КП Украины** **П.Е. Шелест**, председатель **Совета Министров УССР** **Н.Т. Кальченко**, Первый секретарь **Ленинградского обкома КПСС** **Ф.Р. Козлов**, Первый секретарь **Московского обкома КПСС** **И.В. Капитонов**

и другие. Но категорически против хрущевской затеи высказались ряд членов **Президиума ЦК** — **В.М. Молотов, М.Г. Первухин, К.Е. Ворошилов**, а также заместитель председателя **Совета Министров СССР А.Н. Косыгин** и председатель **Госплана СССР Н.К. Байбаков**. Однако позиция **Н.С. Хрущева** получила поддержку большинства членов **ЦК** и соответствующий проект закона был направлен в **Верховный Совет СССР**. Кстати, именно на этом **Пленуме ЦК** кандидатом в члены **Президиума ЦК** был избран **Фрол Романович Козлов** — новый хрущевский фаворит, который в западной печати вскоре получит титул «кронпринца».

В мае 1957 г. сессия **Верховного Совета СССР** по докладу **Н.С. Хрущева** приняла закон под названием «О дальнейшем совершенствовании управления промышленностью и строительством», в соответствии с которым: 1) упразднялось 10 союзных и 15 союзно-республиканских промышленных министерств, функции которых передавались территориальным совнархозам; 2) в составе **Совета Министров СССР** сохранялись только 8 отраслевых министерств — авиационной, оборонной, радиотехнической, судостроительной, химической промышленности, среднего машиностроения, транспортного строительства и электростанций; 3) на всей территории страны создавались 105 административных экономических районов, 70 из которых приходились на долю **РСФСР**. В каждом таком районе создавался свой **Совет Народного Хозяйства (СНХ)** со своими отраслевыми и функциональными управлениями и отделами, где все вопросы экономического управления решались коллегиально, с учетом местной специфики и экономических интересов региона.

Однако довольно скоро стало ясно, что управление по чисто территориальному принципу: а) с одной стороны, несколько расширило возможности межотраслевой специализации и кооперации промышленного производства в пределах самих экономических районов; б) но с другой стороны, стало серьезно сдерживать развитие отраслевой специализации и рациональных производственных связей между предприятиями разных экономических районов страны, отдалило науку от производства, привело к неразберихе в руководстве промышленными отраслями, к потере оперативности в работе и т.д.

Поэтому уже в начале 1960-х гг. началось постепенное возвращение привычной для партийно-хозяйственной номенклатуры централизации системы управления экономикой страны. Сначала были созданы республиканские **СНХ РСФСР, Украины и Казахстана**, а уже в ноябре 1962 г. был создан **СНХ СССР**. Одновременно с этим начался процесс укрупнения местных совнархозов путем слияния соседних экономических районов, в результате чего их количество сократилось со 105 до 43.

Вскоре последовала новая централизация управления местными совнархозами. А в марте 1963 г. вместо республиканских **СНХ** был создан **Высший Совет Народного Хозяйства (ВСНХ) СССР**, который возглавил первый заместитель председателя **Совета Министров СССР Д.Ф. Устинов**. Одновременно значительно увеличилось число всевозможных **Госкомитетов** по различным вопросам промышленной политики, торговли, науки и техники, снабжения и т.д. В результате структура хозяйственного и государственного управления в стране оказалась настолько запутанной, что в ней не всегда разбирались даже старожилы центральных аппаратов **Совета Министров СССР и ЦК КПСС**.

В исторической науке до сих пор существуют разные оценки этой знаменитой хрущевской реформы. Одни авторы (**Р. Пихоя, Ю. Аксютин, А. Пыжиков**) считают,

что она в целом носила положительный характер, поскольку был подорван партийный и министерский диктат над многими отраслями промышленного производства, усилилась кооперация различных производств в рамках экономических районов, уменьшились издержки по транспортировке сырья и готовой промышленной продукции и т.д. Другие авторы (**Н. Шмелев, С. Коваленко**), напротив, полагают, что практика управления советской экономикой посредством совнархозов себя не оправдала, поскольку: **а)** реформа управления затрагивала не сущность, а только форму самой этой системы, которая по своей природе оставалась излишне централизованной и командно-административной; **б)** ответственность за экономическое развитие страны была, в основном, переложена с центральных на местные органы государственной власти и управления, не имевших достаточных финансовых и материальных ресурсов; **в)** в условиях сохранения централизованного государственного планирования и отсутствия рыночных механизмов реформа быстро привела к дезинтеграции всей советской экономики, в основе которой лежали уже давно сформировавшиеся производственные, отраслевые, межотраслевые и межрегиональные экономические связи и т.д. Наконец, третья группа авторов (**В. Катасонов**) убеждена в том, что эта административная реформа нанесла первый и очень ощутимый удар по всей **сталинской экономической модели советского социализма**, которая, в конечном итоге: **а)** резко снизила всю управляемость народно-хозяйственным комплексом страны, **б)** привела к общему падению высоких темпов производства, столь характерных для всей **сталинской мобилизационной экономики**, и **в)** стала первым кирпичиком, положенным в фундамент новой редакции «**нэповского госкапитализма**», который уже в годы «горбачевской перестройки» исполнил роль могильщика не только всей сталинской экономической модели, но и самого СССР.

2. Развитие промышленного производства и создание ракетно-ядерного щита

В 1953–1964 гг. экономическое развитие страны осуществлялось по планам **пятой (1951–1955) и шестой (1956–1958) пятилеток**, и единственной в истории страны **семилетки (1959–1965)**, основные показатели которой были утверждены на специально созванном для реализации этой задачи **XXI съезде КПСС**. Идея самой семилетки возникла при уточнении плановых заданий шестой пятилетки, два последних года которой и следующее (седьмое) пятилетие были сведены в один план. По мнению одних авторов (**А. Вдовин**), главной причиной появления этого семилетнего плана стал переход от отраслевой к территориальной структуре управления народным хозяйством страны, который потребовал кардинальных изменений в самой системе планировании. Однако другие авторы (**Н. Верт, Ю. Аксютин, А. Пыжиков**) полагают, что переход к семилетке был вызван исключительно неудачным ходом выполнения планов шестой пятилетки и срывом практически всех ее главных показателей.

Вместе с тем, в целом для того периода были характерны еще сравнительно высокие темпы экономического роста, прежде всего, в промышленном производстве страны. Так, по данным **Центрального статистического управления СССР**, который возглавлял известный советский экономист **В.Н. Старовский**, за годы **пятой пятилетки (1951–1955)** промышленное производство в СССР удалось увеличить на **85 %**, за три года **шестой пятилетки (1955–1958)** — на **64 %**, а в годы **семилетки**

(1959–1965) — на 84%, что говорило о поступательных темпах промышленного развития страны. Однако эти цифры носили во многом лукавый характер, поскольку в пересчете на традиционные пятилетние планы промышленное производство в 1956–1960-х гг. («шестая пятилетка») возросло на 64%, а в 1961–1965-х гг. («седьмая пятилетка») — только на 51%, то есть на треть меньше, чем десятилетие назад. Иными словами, практически для всего периода хрущевского правления был характерен **определенный спад промышленного производства** по сравнению с первым, самым тяжелым послевоенным десятилетием.

Хотя, ряд авторитетных авторов, в частности профессор Г.И. Ханин («Экономика СССР в 1937–1987 гг.»), говорят, что именно в 1950-х гг. темпы роста советской экономики были самыми высокими за весь период существования СССР, в том числе и в проблемном сельском хозяйстве. Правда, при этом надо признать, что: 1) сам фундамент этого экономического роста все же был заложен в сталинский период, а 2) прочность сталинской экономической модели позволила советской экономике демонстрировать довольно высокие темпы роста и развиваться по инерции вплоть до **начала 1960-х гг.**, когда во всей своей «красе» проявились все «хрущевские новации» в экономическом развитии страны, приведшие ее к тяжелому системному кризису.

В целом же масштабы экономического роста СССР в годы «хрущевской оттепели» выглядели таким образом:

1) По официальной статистике **пятый пятилетний план** развития народного хозяйства страны был **выполнен досрочно** и к началу 1956 г. выпуск промышленной продукции на 15% превысил плановые задания пятилетки. За эти годы были построены и введены в строй более 3200 новых промышленных предприятий во всех регионах страны, в том числе **Череповецкий, Орско-Халиловский и Кутаисский металлургические комбинаты, Закавказский трубопрокатный завод**, десятки новых шахт в Донбасском, Кузбасском, Карагандинском и Печорском угольных бассейнах, **Новокуйбышевский нефтеперерабатывающий комбинат, Березниковский калийный комбинат** и многие другие комбинаты. Тогда же в строй вступили **Приднепровская, Черепетская, Южно-Кузбасская и Южно-Уральская ГРЭС и Мингечаурская, Усть-Каменгорская** и первая очередь **Куйбышевской ГЭС**. При этом общий объем всех капиталовложений в промышленное производство был почти в два раза выше, чем в четвертой пятилетке.

В 1950-х гг. в стране начался важный этап **научно-технической революции**, который выразился в начале **полной автоматизации** ряда крупных производств и развитии таких принципиально новых научно-технических направлений, как **электроника, атомная энергетика и космонавтика**. Уже 1951 г. в стране были созданы первые **электронно-вычислительные машины**, предназначенные для решения статистических задач, а в **июне 1954 г.** в строй была введена первая в мире **Обнинская атомная электростанция**.

В июле 1955 г. состоялся **Пленум ЦК КПСС**, который рассмотрел вопрос «О задачах по дальнейшему подъему промышленности, техническому прогрессу и улучшению организации производства». Именно здесь было впервые отмечено, что страна стоит на пороге новой научно-технической и промышленной революции, поэтому необходимо всесторонне изучать и быстро внедрять в производство наиболее крупные и передовые достижения отечественной и зарубежной науки и техники.

Вместе с тем, во **второй половине 1950-х гг.** основной упор по-прежнему делался на развитие производства средств производства, то есть **группы отраслей «А»**, которые к **началу 1960-х гг.** составляли почти **три четверти** общего объема промышленного производства страны. Такая ситуация во многом определялась тем, что именно **Н.С. Хрущев** был главным поборником такой промышленной политики. Еще в **январе 1955 г.** на **Пленуме ЦК**, где решался вопрос о снятии **Г.М. Маленкова** с поста председателя **Совета Министров СССР**, он прямо обвинил своего соперника в антимакистских, правооппортунистических взглядах на коренные вопросы промышленной политики и заявил, что **«тяжелая индустрия была, есть и будет основой экономической и оборонной мощи нашего социалистического государства»**.

Особенно быстрыми темпами в этот период развивались машиностроение, металлообработка, химия, нефтехимия и электроэнергетика, объемы производства которых выросли в **4–5 раз**. Предприятия **группы отраслей «Б»** — легкая, текстильная, пищевая и другие отрасли промышленного производства развивались значительно скромнее, однако и здесь по данным официальной статистики рост производства вырос примерно в **2 раза**.

2) За три года **шестой пятилетки** в строй было введено еще около **2700** крупных промышленных предприятий, в том числе **Серовский завод ферросплавов, Саратовский химический комбинат, Горьковский, Ярославский, Волгоградский, Омский и Новокуйбышевский нефтеперерабатывающие заводы, газопровод Ставрополь-Москва**, что позволило газифицировать более **160 городов** страны. Причем, особое внимание по-прежнему уделялось существенному повышению энерговооруженности экономики страны. Поэтому именно в эти годы ускоренными темпами было завершено строительство и введены в строй **Иркутская и Новосибирская ГЭС, Томь-Усинская и Верхнетагильская ГРЭС**, что положило начало созданию **Единой энергетической системы** страны.

3) За годы **семилетки** объем промышленного производства увеличился еще на **84 %**, что по статистическим данным было несколько выше установленных плановых заданий. Однако предприятия **отраслей группы «Б»** семилетний план развития народного хозяйства так и не выполнили, и прирост промышленной продукции опять произошел в основном за счет предприятий тяжелой индустрии и военно-промышленного комплекса. В эти годы в строй было введено еще около **5500** крупных промышленных предприятий в разных регионах страны. При этом наибольшие успехи были связаны с ускоренным развитием нефтяной и газовой индустрии, внедрением автоматических систем и сооружением гигантов металлургической промышленности и электроэнергетики. Именно тогда были построены **Беловская, Назаровская, Троицкая, Яйвинская и Конаковская ГРЭС**, пущены в ход самые мощные в мире **Сталинградская, Куйбышевская, Братская и Красноярская ГЭС**, произведен пуск первых реактивных блоков **Нововоронежской и Белоярской атомных электростанций** и т.д.

В годы **семилетки** в строй были введены новые крупные объекты на **Магнитогорском, Новокузнецком, Череповецком, Новотульском и НовOLIпецком металлургических комбинатах**, построены **Барнаульский шинный завод, Качканарский горно-обогатительный комбинат, Щекинский химический комбинат, Солигорский калийный комбинат** и многие другие предприятия в разных регионах страны.

В марте 1962 г. на севере Иркутской области было открыто крупнейшее на тот момент месторождение нефти в Сибири. И если в 1955 г. добыча сырой нефти в стране составляла около 71 млн тонн, в 1960 г. — порядка 150 млн тонн, то уже в 1964 г. она превысила 225 млн тонн, то есть за десять лет выросла более чем в три раза.

В 1950–1960-х гг. опережающими темпами развивался и военно-промышленный комплекс страны, предприятия которого отличались очень высокой производительностью труда и отменным качеством продукции. По данным статистики, предприятия ВПК производили шесть основных видов военной продукции: 1) общевойсковые системы вооружения и боеприпасы; 2) общую и специальную авиационную технику; 3) боевые надводные и подводные корабли; 4) радиоэлектронное военно-техническое оборудование и снаряжение; 5) системы ракетно-космической техники и 6) ядерное и термоядерное оружие и боеприпасы. Причем, особое внимание в эти годы уделялось развитию двух направлений ВПК: 1) атомной и термоядерной промышленности и 2) ракетно-космическому комплексу страны.

1) Ядерный и термоядерный производственно-технологический комплексы страны являлись составной частью атомной промышленности, включавшей в себя предприятия по добыче сырья (уран, плутоний), производству расщепляющихся материалов для атомных энергетических установок и снаряжения ядерных боезарядов, переработке, локализации и захоронению отходов отработанного ядерного топлива. Значительная часть этих работ производилась в так называемых **Закрытых территориальных образованиях (ЗТО)** — Арзамас-16, Томск-7, Красноярск-26, Челябинск-70 и многих других, где работали выдающиеся физики и конструкторы, в том числе И.В. Курчатов, Ю.Б. Харитон, К.И. Щёлкин, Я.Б. Зельдович, Н.Л. Духов, А.Д. Сахаров, В.Л. Гинзбург и многие другие. Общее руководство этой важнейшей сферой военно-промышленного комплекса страны осуществляло **Министерство среднего машиностроения СССР**, который успешно возглавляли Вячеслав Александрович Мальшев (1953–1955), Авраамий Павлович Завенягин (1955–1956) и Ефим Павлович Славский (1957–1986) — выдающиеся государственные деятели, двое из которых в буквальном смысле слова, заболев лучевой болезнью, своей собственной жизнью оплатили создание ракетно-ядерного щита нашей страны.

После создания первой атомной бомбы по решению правительства началось серийное производство первых ядерных боезарядов и к началу 1952 г. в арсенале советских вооруженных сил насчитывалось уже 35 атомных бомб — 29 бомб проекта РДС-1 и 6 бомб проекта РДС-2. Тогда же была создана новая, еще более мощная атомная бомба проекта РДС-3, которая впервые была испытана в ходе летных контрольных испытаний на поршневом стратегическом бомбардировщике Ту-4.

Параллельно крупные советские ученые и конструктора усиленно работали над созданием термоядерного оружия и уже в августе 1953 г. на Семипалатинском полигоне впервые было проведено успешное испытание советской водородной бомбы проекта РДС-бс. Причем, в отличие от атомной бомбы, новая бомба, обладавшая огромной разрушительной мощностью, стала результатом творческой победы именно советских физиков-ядерщиков и конструкторов, в частности А.Д. Сахарова, Ю.Б. Харитона, Я.Б. Зельдовича, В.Л. Гинзбурга, В.А. Давыденко и других. Испытание РДС-бс показало, что именно наша страна впервые в мире создала компактное термоядерное оружие, которое могло разместиться в бомбовых люках стратегического реактивного многоцелевого самолета Ту-16.

Затем, в **ноябре 1955 г.**, по так называемой схеме «Теллера-Улама» была создана новая, еще более мощная термоядерная бомба проекта РДС-37, которая после ее успешного испытания на **Семипалатинском полигоне**, была принята на вооружение. Наконец, в **октябре 1961 г.** группой выдающихся физиков-ядерщиков под руководством академика **И.В. Курчатова** была разработана и создана самая мощная за всю историю человечества **термоядерная авиабомба** проекта РДС-202, которая на турбовинтовом стратегическом бомбардировщике-ракетоносце **ТУ-95** была сброшена в районе **Малой Земли**.

2) Параллельно с созданием ядерного оружия активно велись разработки и по средствам его доставки на территорию потенциального противника, прежде всего, в США. Эта работа, общее руководство которой осуществлял заместитель председателя **Совета Министров СССР** генерал-лейтенант **М.В. Хруничев** и министр авиационной промышленности генерал-лейтенант **П.В. Деметьев**, велась в двух основных направлениях:

а) Создания многоцелевых стратегических бомбардировщиков, работы по которым велись в крупнейших **Конструкторских Бюро (КБ)**, во главе с выдающимися авиаконструкторами академиками **А.Н. Туполевым**, **С.В. Ильюшиным** и **А.С. Яковлевым**. В конечном итоге, после целой серии испытательных полетов приоритет был отдан **КБ А.Н. Туполева**, создавшему в эти годы стратегические многоцелевые бомбардировщики **ТУ-4**, **ТУ-16**, **ТУ-22**, **ТУ-95** и **ТУ-98**, способных доставлять атомную бомбу практически в любой заданный район.

б) Разработки и создания **межконтинентальных баллистических ракет (МБР)**, работа над которыми велась в целом ряде **Опытно-Конструкторских бюро**, в частности **ОКБ «Калининград» С.П. Королева**, **ОКБ «Южное» М.К. Янгеля** и **ОКБ «Реутов» В.Н. Челомея**. Уже в **1950–1954 гг.** в серийное производство были запущены первые **баллистические ракеты Р-1** и **Р-5**, способные нести ядерные заряды. А затем, в **1956–1957 гг.**, на базе этих ракет в **ОКБ С.П. Королева** была создана первая **межконтинентальная стратегическая баллистическая ракета Р-7**, ставшая в тот период основой ракетно-ядерного щита нашей страны.

Именно эти, первоначально сугубо военные, разработки дали мощнейший импульс становлению и развитию гражданских направлений в советском авиастроении и ракетостроении. В частности, в эти годы на **Харьковском, Казанском, Омском, Куйбышевском, Саратовском Иркутском** и других авиазаводах страны началось серийное производство таких пассажирских самолетов, как **ТУ-104**, **ТУ-114**, **ТУ-124**, **Ил-14**, **Ил-18**, **Ил-62**, **Як-40** и **Ан-24**.

Еще более впечатляющие успехи были достигнуты в гражданском ракетостроении. В **1955 г.** по предложению **М.В. Келдыша**, **С.П. Королева** и **М.К. Тихонравова** в правительстве была утверждена специальная программа по этой проблеме, а уже **4 октября 1957** межконтинентальная баллистическая ракета **Р-7** вывела в околоземную орбиту первый искусственный спутник Земли — **Спутник-1**. Чуть позднее, в **ноябре 1957 г.**, на космическом корабле **Спутник-2** был осуществлен первый **орбитальный полет** с живым существом, который погиб во время полета в околоземное пространство. Затем, в **1958–1959 гг.**, были запущены парные орбитальные околоземные спутники «**Электрон**» и три автоматических космических аппарата **Луна-1**, **Луна-2** и **Луна-3**. И, наконец, в **августе 1960 г.** на космическом корабле **Спутник-5** был осуществлен новый **орбитальный полет** живых существ (двух собак — **Белки** и **Стрелки**), которые в полном здравии обратно вернулись на Землю.

Все эти успешные запуски космических кораблей создали необходимые условия для полета человека в космос. Эта подготовка началась еще в **январе-мае 1959 г.**, когда совместными **Постановлениями ЦК КПСС и Совета Министров СССР** было принято решение о подготовке пилотируемого полета в космическое пространство. В **январе 1960 г.** приказом главкома ВВС главного маршала авиации **К.А. Вершинина** был создан первый **Отряд космонавтов** в составе **18** военных летчиков ВВС, ПВО и ВМФ. Первыми членами этого **Отряда** стали летчики **И.Н. Аникеев, П.И. Беляев, В.В. Бондаренко, В.Ф. Быковский, Б.В. Вольнов, Ю.А. Гагарин, В.В. Горбатко, Д.А. Заикин, В.М. Комаров, А.А. Леонов, Г.Г. Нелюбов, А.Г. Николаев, П.Р. Попович, М.З. Рафигов, Г.С. Титов, Е.В. Хрунов, В.И. Филатьев** и **Г.С. Шонин**. Правда, не всем им суждено было совершить космический полет, поскольку **В.В. Бондаренко** трагически погиб при пожаре в сурдобарокамере, а **Д.А. Заикин, Г.Г. Нелюбов** и **В.И. Филатьев** и **М.З. Рафигов** были отчислены из **Отряда** за нарушение режима и правопорядка.

После завершения всех подготовительных программ государственная комиссия под председательством самого **С.П. Королева** определила, что первый пилотируемый полет осуществит старший лейтенант **Ю.А. Гагарин**, а его дублером станет старший лейтенант **Г.С. Титов**. **12 апреля 1961 г.** с космодрома **Байконур** был осуществлен запуск космического корабля «**Восток-1**» с первым космонавтом планеты **Юрием Алексеевичем Гагариным**, который, совершив один виток на околоземной орбите продолжительностью **108 минут**, благополучно вернулся на Землю. Позднее пилотируемые орбитальные полеты совершили и другие советские космонавты: **Г.С. Титов** («**Восток-2**» **1961**), **А.Г. Николаев** («**Восток-3**» **1962**), **П.Р. Попович** («**Восток-4**» **1962**), **В.Ф. Быковский** («**Восток-5**» **1963**), **В.В. Терешкова** («**Восток-6**» **1963**) и другие. Таким образом, была открыта новая эра в развитии всей человеческой цивилизации и дан мощный импульс освоению околоземного космического пространства и значительному ускорению научно-технического прогресса нашей страны и всего мира.

Надо сказать, что высокая степень кооперации гражданских и военно-промышленных предприятий была характерна не только для атомной, авиационной и ракетно-космической отраслей, но и для многих других отраслей народного хозяйства страны. В частности, в **1962 г.** для производства чисто военной продукции привлекалось более **800** предприятий гражданских министерств и ведомств, а предприятия **ВПК**, в свою очередь, должны были произвести **22 000** металлорежущих станков, **35 000** тракторов, **438 000** мотоциклов и мотороллеров, **342 000** холодильников, **800 000** стиральных машин, **150 000** швейных машин, более **3 175 000** ручных часов, **2 150 000** телевизоров и почти **4 770 000** радиоприемников. Таким образом, в **1962 г.** в общем объеме производства предприятий военно-промышленного комплекса сугубо мирная продукция составляла **42 %**, в судостроительной промышленности — **40 %**, а в авиапромышленности — **25 %**.

В целом, по данным советской статистики среднегодовые темпы роста промышленного производства в стране были достаточно высокими. В **1951–1955 гг.** они составляли более **13 %** в год, в **1956–1960 гг.** — более **10 %** в год, а в **1961–1965 гг.** — более **8,5 %** в год. И, хотя ряд современных авторов (**В. Попов, Н. Шмелев**) говорят о явно завышенном характере этих официальных показателей, даже они не ставят под сомнение общую положительную динамику развития промышленного производства страны в этот период.

3. Развитие сельского хозяйства: «достижения» и провалы

В начале апреля 1953 г. при обсуждении бюджета страны на текущий хозяйственный год председатель **Совета Министров СССР Г.М. Маленков** дал прямое указание министру финансов СССР **А.Г. Звереву** срочно изменить сам принцип финансирования экономики и перераспределить большую часть средств с тяжелой и оборонной промышленности на развитие сельского хозяйства и в легкую промышленность. В августе 1953 г. на сессии **Верховного Совета СССР А.Г. Зверев** представил новый бюджет страны, где предлагалось направить в тяжелую промышленность около **83 млрд рублей**, в легкую промышленность более **70 млрд рублей**, а в сельское хозяйство около **40 млрд рублей**, что вполне отвечало новым установкам той части политического руководства страны, которая стремилась изменить саму парадигму экономического развития страны.

Обосновывая столь кардинальное изменение государственного бюджета, **Г.М. Маленков** заявил, что в настоящее время главной задачей партии и правительства является максимально быстрое, в течение ближайших двух-трех лет, существенное повышение жизненного уровня советского народа и обеспечение всех советских граждан высококачественными и дешевыми промышленными и продовольственными товарами.

Последнюю задачу предполагалось решить не только за счет крупного перераспределения бюджетных средств, но и за счет существенного пересмотра политики партии в аграрном вопросе. В частности, в своем докладе **Г.М. Маленков** предложил: **1)** существенно повысить государственные закупочные цены на всю аграрную продукцию; **2)** установить единый сельхозналог для всех категорий крестьянских хозяйств, независимо от личных доходов единоличников и колхозников; **3)** списать все недоимки по прежним налоговым платежам; **4)** прекратить политику ликвидации личных приусадебных хозяйств колхозников и т.д.

В сентябре 1953 г. все эти воистину революционные новации в экономической сфере были утверждены на очередном **Пленуме ЦК**. Однако по неустановленным пока обстоятельствам доклад на этом форуме делал уже не **Г.М. Маленков**, а **Н.С. Хрущев**, который заявил, что основными причинами тяжелого положения в деревни являются: **1)** низкая материальная заинтересованность колхозников в результатах своего труда; **2)** предельно низкий уровень механизации труда в сельском хозяйстве и **3)** отсутствие знающих, опытных и толковых руководящих кадров в колхозах, совхозах и **МТС**.

Для оздоровления сельской экономики было решено: **1)** резко, в **2–5 раз** повысить закупочные цены на основные сельхозпродукты, то есть молоко, масло, картофель и мясо скота и птицы; **2)** снизить нормы обязательных государственных поставок сельхозпродукции с личных подворий колхозников; **3)** существенно уменьшить налоги и изменить сам порядок налогообложения колхозников и т.д. В соответствии с принятыми решениями уже в **1954 г.** сельхозналог стал взиматься не в отдельности за скот, сады, улья и другое личное имущество колхозников, а с размера их приусадебного участка, в результате чего налоговое бремя на крестьян было уменьшено вдвое по сравнению с прошлым годом. Тогда же были существенно, в среднем в **3 раза**, были повышены закупочные цены на ряд основных сельскохозяйственных товаров, в результате чего денежные доходы колхозов в расчете на каждый колхозный двор выросли в **2,5–3 раза**.

Одновременно с этими решениями было существенно увеличено государственное бюджетное финансирование основных аграрных отраслей, в результате чего уже в **1954–1955 гг.** машинно-тракторные станции, совхозы и колхозы страны получили более **400 тыс.** тракторов, **227 тыс.** грузовых автомашин и свыше **80 тыс.** комбайнов. Кроме того, для укрепления руководящих кадров колхозов, совхозов и МТС на работу в качестве их председателей и директоров было направлено более **30 000** партработников и свыше **120 000** специалистов сельского хозяйства — **агрономов, зоотехников и ветеринаров** из управленческого аппарата министерств, ведомств, обкомов и райкомов партии, которые были переведены на практическую работу в село.

Кроме того, в **марте 1955 г.** вышло совместное **Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «Об изменении практики планирования сельского хозяйства»**, которое во многом носило революционный характер, поскольку серьезно расширяло полномочия самих колхозов и совхозов в определении своей аграрной политики, ограничивало партийный диктат и некомпетентное вмешательство партийных работников в их дела. В результате предпринятых мер ситуация в деревне стала по немного выправляться и уже в **1954–1955 гг.** производительность труда в сельском хозяйстве страны выросла почти на **40 %**, а среднегодовой прирост продукции аграрного сектора советской экономики превысил **7 %**.

По мнению ряда современных авторов (**Р. Пихоя, Ю. Аксютин, А. Пыжиков**), уже в начале **1954 г.** этот **«крестьянско-колхозный» курс** развития сельского хозяйства с опорой на колхозы и единоличные крестьянские хозяйства, который отстаивал **Г.М. Маленков**, столкнулся с иной стратегической линией развития советской деревни. Этот курс на создание крупных механизированных хозяйств, где основной рабочей силой должны стать не колхозное крестьянство, а сельский пролетариат, активно стал пробивать **Н.С. Хрущев**. Конечной целью этого **«совхозно-рабочего» курса** развития сельского хозяйства страны, который он всячески пытался протолкнуть еще при **И.В. Сталине** в **1951 г.**, были ликвидация мелкобуржуазных пережитков в крестьянской среде и создание крупных **«агрогородов»**.

В современной исторической науке (**Н. Верт, Р. Пихоя, Ю. Аксютин, А. Пыжиков**) традиционно выделяют несколько крупных, чисто волюнтаристских аграрных новаций **Н.С. Хрущева**, которые окончательно подорвали сельское хозяйство страны, и в конечном итоге, заложили фундамент крушения СССР.

1) Целинная эпопея и ее итоги. В конце января **1954 г.** **Н.С. Хрущев** направил в Президиум ЦК записку о состоянии и перспективах развития сельского хозяйства страны, которая абсолютно четко позволяет понять преемственность его политики в отношении села и постичь те скрытые мотивы, которыми он руководствовался, когда выступил с инициативой освоения целины. К этой записке было приложено три основных пакета документов: **1) Проект Постановления ЦК КПСС «Об увеличении производства зерна в 1954–1955 гг. за счет освоения залежных и целинных земель»;** **2) Докладные записки ряда союзных ведомств, в том числе Госплана, Министерства сельского хозяйства, Министерства совхозов и Министерства заготовок СССР** по этому вопросу и **3) Записка президента ВАСХНИЛ академика Т.Д. Лысенко** по вопросу урожайности зерновых культур на залежных и целинных землях.

В **феврале 1954 г.** состоялся очередной Пленум ЦК, который вновь целиком был посвящен вопросам развития сельского хозяйства страны. Как полагает ряд

историков (**Р. Пихоя, Ю. Жуков**), именно этот партийный форум стал поворотным пунктом в судьбе нового экономического курса, провозглашенного **Г.М. Маленковым** всего полгода назад. Именно на нем с подачи **Н.С. Хрущева** был сделан акцент на экстенсивных методах подъема сельского хозяйства и принято **Постановление «О дальнейшем увеличении производства зерна в стране и об освоении целинных и залежных земель»**. Этим постановлением предполагалось в течение ближайших двух лет освоить около **13 млн гектар** целинных и залежных земель на **Урале, в Сибири и Казахстане** и создать на этих землях крупные зерновые совхозы. И хотя ряд видных членов **Президиума ЦК**, в частности **Г.М. Маленков, В.М. Молотов** и **К.Е. Ворошилов**, категорически выступили против этой новации **Н.С. Хрущева** и предложили направить основные средства на подъем русской деревни нечерноземной полосы, опираясь на подконтрольный ему партийный аппарат, он сумел протащить свое решение на **Пленуме ЦК**.

Одновременно на заседании **Секретариата ЦК** был специально обсужден вопрос о руководстве **Компартии Казахстана**, «вожди» которой — **Ж.Ш. Шаяхметов** и **И.И. Афионов** были подвергнуты резкой критике за их не согласие с планом освоения целинных земель и сняты со своих постов. В результате **Первым секретарем ЦК КПК** был назначен кандидат в члены **Президиума ЦК П.К. Пономаренко**, а **вторым секретарем ЦК** стал давнишний хрущевский приятель с военных времен, генерал-лейтенант **Л.И. Брежнев**, который, оказавшись в опале сразу после смерти **И.В. Сталина**, уже почти год прозябал на должности первого заместителя начальника **Главного Политического управления СА и ВМФ**.

В **январе 1955 г.** на очередном **Пленуме ЦК**, посвященном проблемам сельского хозяйства, **Н.С. Хрущев** поставил задачу освоить к **концу 1956 г.** не менее **28–30 млн гектаров** целинных и залежных земель. При этом, обосновывая свои волюнтаристские планы, он особо подчеркнул, что освоение этих земель является «наиболее доступным и быстрым источником увеличения производства зерна в стране».

По мнению подавляющего большинства специалистов, освоение целинных и залежных земель началось без предварительной подготовки и при полном отсутствии какой-либо сносной инфраструктуры, в частности шоссейных и грунтовых дорог, жилья, зернохранилищ, машинно-тракторных станций, ремонтно-технической базы для сельхозтехники и т.д. Кроме того, совершенно не были приняты во внимание сложнейшие природно-климатические условия степной зоны страны, где постоянно бушевали песчаные бури и суховеи. Так же не были разработаны щадящие способы обработки почв и созданы адаптированные к этой климатической зоне сорта зерновых культур.

По сути дела, освоение целинных и залежных земель превратилось в очередную партийную кампанию и шло необычайно быстрыми темпами. Уже в **1954–1956 гг.** на целине было освоено **32–33 млн гектаров** новых пахотных земель и создано **425** крупных зерновых совхозов, которые стали зримым воплощением давней хрущевской идеи о создании крупных «агрогородов». По официальным данным, которые вполне разделяют и ряд известных современных авторов (**А. Вдовин, А. Пономарев, Р. Медведев**), эти достижения позволили к **концу 1956 г.** существенно увеличить валовой сбор зерна с **82 до 125 млн тонн**. Затем, в **1957–1958 гг.** целинные земли дали рекордный урожай и обеспечили заготовку почти половины всего валового сбора зерновых культур в стране, то есть порядка **58–60 млн тонн**. Однако эти

достижения в большой степени были связаны с тем, что в первые годы целинной эпопеи блестяще сработал эффект «чистой пашни», сохранившей в своем первоизданном виде довольно внушительный плодородный слой земли, позволивший собрать рекордные урожаи зерновых культур.

В декабре 1958 г. в своем докладе на очередном Пленуме ЦК, подводя итоги первых пяти лет освоения целины, Н.С. Хрущев громогласно заявил, что подъем целинных и залежных земель стал решающим фактором решения зерновой проблемы в стране. Однако это утверждение было абсолютно голословным, поскольку в хрущевском докладе полностью отсутствовали какие-либо данные об общей урожайности всех зерновых культур. Вместе с тем, по данным ряда современных авторов (Н. Верт, А. Пыжиков), за прошедшие пять лет в целом по стране она возросла с 7,5 до 11 центнеров зерна с гектара, то есть на 40 %, то отнюдь не за счет целинных земель, где урожайность зерновых составляла всего 9,5 центнеров зерна с гектара. Иными словами, урожайность целинных земель, напротив, существенно тянула вниз весь общесоюзный показатель. Поэтому целинная прибавка в посевах зерновых в лучшем случае дала около 18 млн тонн хлеба, в то время как на старопашотных землях за счет роста урожайности прибавка составила около 38 млн тонн, то есть в два раза больше чем на целине.

Такие же дутые цифры содержались и в «Отчетном докладе ЦК» на XXII съезде КПСС, в котором Н.С. Хрущев заявил, что целинные земли дают свыше 40 % всех заготовок хлеба в стране. На самом деле такой процент заготовок зерна давали не собственно целинные земли, а сами огромные регионы Урала, Сибири и Казахстана, где помимо освоенных целинных и залежных земель существовали огромные районы старопашотных земель, освоенных в годы стольпинской реформы.

Тем не менее, именно в эти годы на освоение целинных и залежных земель были направлены: 1) огромные финансовые ресурсы в размере 31 млрд рублей, что составляло почти треть всех капиталовложений в сельское хозяйство страны; 2) несколько миллионов комсомольцев со всех регионов страны, которые за счет своего энтузиазма и настоящего трудового героизма освоили миллионы гектаров пашотной земли; 3) практически все производимые в стране тракторы, комбайны и другая сельхозтехника; 4) сотни тысяч студентов и механизаторов со всех регионов страны, которые ежегодно принимали активное участие в уборочных кампаниях, и т.д.

Несмотря на трудовой подвиг народа, вскоре стало совершенно очевидно, что все эти усилия оказались тщетны, поскольку чисто экстенсивный путь развития сельского хозяйства объективно исчерпал себя. Уже в 1960–1961 гг. из-за ветровой эрозии почв и гибели верхнего, самого плодородного, слоя пашни почти треть освоенных целинных земель пришлось опять перевести в разряд стойбищ и пастбищ. А в 1962–1963 гг. в результате тяжелых погодных условий, нарушения экологического баланса и эрозии почв на целинных землях не удалось собрать даже посевной фонд.

Кроме того, по мнению ряда авторов (Н. Верт, А. Пыжиков), именно целинная эпопея отвлекла значительные ресурсы от укрепления зернового хозяйства в других регионах страны, прежде всего, в традиционных аграрных районах РСФСР, и привела к росту общих потерь урожая зерновых до 30–40 млн тонн в год, то есть почти в два раза больше того, что давали стране собственно целинные земли.

2) **Кукурузная эпопея и разгром «чистых паров».** Еще одной бредовой новацией **Н.С. Хрущева** стала попытка решить продовольственную проблему в стране путем повсеместного посева кукурузы, поскольку он абсолютно уверовал в то, что именно эта чудо-культура позволит одним махом решить не только зерновую проблему, но и проблему кормов и общего подъема животноводства в стране. В **январе 1956 г.** именно с его подачи **ЦК КПСС** и **Совет Министров СССР** приняли совместное **Постановление «Об увеличении посевов кукурузы и других сельскохозяйственных культур»**, в котором было четко сказано, что «повсеместное распространение этой зерновой и силосной культуры является важнейшей партийной задачей».

Логика при этом была предельно проста: всю пахотную землю в стране предлагалось распахать и засеять ее, абсолютно невзирая на зональные и климатические условия и различия, самыми высокоурожайными культурами и быстро получить за их счет максимум сельскохозяйственной продукции и кормов. Идеализация возможностей разных чудо-культур привела к тому, что уже за первые два года десятикратно были увеличены посевы «кукурузы-царицы полей» и «царя-гороха». А в **сентябре 1959 г.** после официального визита **Н.С. Хрущева** в США и посещения им фермы знаменитого кукурузного магната, миллионера **Р. Гарста** в стране началась подлинная кукурузная лихорадка. И уже к началу **1963 г.** посевные площади под кукурузу были увеличены с **18 млн до 37 млн гектаров** лучших пахотных земель.

Считалось, что для полного обеспечения кормами и развития животноводства в стране урожайность этой «царицы полей» должна составить **300–600 центнеров** зеленой массы на гектар. А между тем результаты этой хрущевской авантюры оказались совершенно плачевными и «царице полей» так и не удалось вывести страну на орбиту коммунистического изобилия. Сокращение посевов пшеницы и ржи ради кукурузы привело к общему снижению сбора зерновых культур, в то время как урожайность кукурузы на силос и зеленый корм в колхозах и совхозах **Нечерноземной зоны РСФСР**, где ей были засеяны почти **3,5 млн гектаров** земли, составляла всего **32–34 центнера** с гектара.

Не меньший урон решению зерновой проблемы нанесла и резкая критика **Н.С. Хрущевым** и его клевретами, типа секретарей **ЦК Н.Г. Игнатов** и **В.И. Полякова**, знаменитой «**травопольной системы**» земледелия академика **В.Р. Вильямса**, которая предполагала отвод **25 %** пахотных земель под чистые пары, однолетние и многолетние травы. **Н.С. Хрущев** считал чистые пары непозволительной роскошью и решительно защищал более интенсивную систему земледелия. В частности, он требовал, чтобы эта часть пахотного клина отводилась под посевы овса и кукурузы. Между тем, многолетние подсчеты видных экономистов и агрономов, в том числе академиков **А.И. Бараева** и **Т.С. Мальцева**, убедительно показывали, что: **1)** очень трудоемкая в своем производстве кукуруза давала гораздо более дорогие корма, чем многолетние травы; **2)** при дождливом и холодном лете кукуруза не вызревала и оставляла скот практически без кормов, тогда как многолетние травы вполне могли давать неплохой урожай даже в этих трудных климатических условиях. Поэтому было грубейшей ошибкой заменять травопольный шаблон новой кукурузной, бобовой и даже свекловичной догмой, как предлагали разного рода шарлатаны, типа агронома **И.И. Наливайко**. Но **Н.С. Хрущев**, как всегда, не прислушался к разумным доводам крупных ученых и стал всячески громить чистые пары. В результате этой бездумной политики доля «паровых» земель в общей

структуре пахотного клина страны за прошедшее десятилетие сократилась в 5 раз — с 16% до 3,3%.

3) **Животноводческая эпопея и ее крах.** В конце мая 1957 г. находясь в Ленинграде на зональном совещании работников сельского хозяйства автономных республик, краев и областей **Н.С. Хрущев** выступил с очередным докладом, в котором поставил новую невыполнимую задачу «**в ближайшие годы догнать и перегнать США по производству мяса, масла и молока на душу населения**». Он бездумно полагал, что первые успехи, достигнутые в освоении целины, позволят быстро решить эту архиважную задачу и уже к 1960 г. в 3,5 раза увеличить производство мяса в стране и догнать США по этим показателям. Но, как и следовало ожидать, эта очередная «хрущевская загогулина» закончилась новой трагедией и практически полным разгромом всего животноводства в стране.

Самым показательным примером этой хрущевской авантюры стала печально знаменитая «**рязанская эпопея**», когда руководство **Рязанской области** в лице первого секретаря обкома партии **А.Н. Ларионова** уже в 1958 г. отправило на заготовительные пункты более 102 тыс. тонн мяса вместо плановых 50 тыс. тонн. Более того, на одном из совещаний **А.Н. Ларионов** заверил **Н.С. Хрущева**, что в 1959 г. его область продаст государству 180–200 тыс. тонн мяса, что, в конечном итоге, и произошло.

В феврале 1959 г. на **XXI съезде КПСС** **Н.С. Хрущев** громкогласно заявил, что уже сейчас имеются достойные примеры трудового почина советских животноводов, которые берут на себя высокие обязательства увеличить производство мяса и молока в **Рязанской области** в 3,8 раза, в **Ставропольском крае** — в 2,5 раза и **Ростовской области** — в 2 раза. Затем, в декабре 1959 г., на очередном **Пленуме ЦК КПСС**, опять посвященном вопросам сельского хозяйства, **Н.С. Хрущев**, поставил в пример «**трудовой подвиг рязанских животноводов**» и заявил, что их опыт нуждается в повсеместном распространении и пропаганде. На самом деле этот «**трудовой подвиг**» оказался самой банальной аферой, поскольку в его основе лежали массовые приписки, убой молодняка и молочного скота, насильственное изъятие и убой скота из личных подсобных хозяйств колхозников, скупка мяса в соседних областях и т.д.

Об этих махинациях знали многие партийные руководители, в том числе куратор сельского хозяйства секретарь ЦК **Н.Г. Игнатов**, заведующий **Сельскохозяйственным отделом ЦК В.П. Мыларшиков** и заведующий **Организационно-партийным отделом ЦК В.Е. Семичастный**. Но все они до поры до времени молчали, и лишь в сентябре 1960 г., когда вскрылись истинные масштабы произошедшей трагедии, все руководство **Рязанской области** было отправлено в отставку. По решению ЦК новым первым секретарем обкома был назначен глава соседней **Владимирской области К.Н. Гришин**, который и стал одним главных разоблачителей этой аферы. **А.Н. Ларионов**, который должен был уехать на новое место службы в Ленинград, не пережив этого позора, неожиданно для всех застрелился.

Кстати, «**рязанская афера**» стала и закатом бурной карьеры бывшего хрущевского любимца и выдвиженца **Н.Г. Игнатова**, который будучи крайне амбициозным человеком уже мнил себя его преемником и стал создавать свою команду внутри **Президиума ЦК**, членами которой были **А.Б. Аристов**, **А.И. Кириченко**, **Е.А. Фурцева** и другие секретари ЦК. Но его «наполеоновским планам» не суждено было сбыться и в мае 1960 г. он был отправлен в отставку с поста секретаря ЦК и назначен

с явным понижением на должность рядового заместителя председателя **Совета Министров СССР**.

Между тем, провал хрущевской аграрной политики вскоре стал настолько очевидным, что уже в **1961 г.** в **ЦК КПСС** и **Совете Министров СССР** никто, кроме самого **Н.С. Хрущева**, уже не строили никаких иллюзий относительно решения этой архиважной задачи. Вместо обещанного изобилия надо было срочно заниматься жестким распределением всей мясомолочной продукции и вскоре на свет появляются многочисленные **Постановления Бюро ЦК КПСС по РСФСР «О продолжающейся практике продажи и сдачи государству маловесного скота многими колхозами и совхозами» (июнь 1960 г.), «О фактах грубых нарушений, допущенных по отдельным хозяйствам Курганской, Воронежской, Свердловской областей и Краснодарском крае» (ноябрь 1960 г.), «Об увеличении дотации мясопродуктов Свердловской области» (февраль 1961 г.), «О ресурсах продуктов животноводства для снабжения населения в IV квартале 1961 г.» (октябрь 1961 г.), «О фактах нарушения принципа добровольности при проведении закупок животноводства у населения Татарской АССР» (август 1962 г.)** и многие другие.

В **1961 г.**, убедившись в полном провале выдвинутой им программы по животноводству, **Н.С. Хрущев** попытался придать ей второе дыхание за счет **Нечерноземья**, где поставил очередную невыполнимую задачу — решить эту проблему за счет развития свиноводства. На сей раз, он предложил развивать эту отрасль за счет сахарной свеклы, которая, как он наивно полагал, была способна давать в этой климатической зоне **300—400 центнеров** корнеплодов с гектара. Но это был очередной хрущевский просчет, поскольку в **Центральном, Волго-Вятском и Северо-Западном районах РСФСР** среднегодовая урожайность сахарной свеклы в те годы составляла всего лишь **75 центнеров** с гектара.

В конечном итоге, маниакальное желание выполнить «хрущевскую программу» любой ценой привело к тому, что в одном лишь **1963 г.** было забито почти **30 млн** голов свиней, что составляло **42 %** поголовья свиного стада всей страны. Но даже эта чудовищная мера ни к чему хорошему не привела. К концу хрущевского правления производство мяса в стране выросло всего на **10 %** — с **7,5 млн** до **8,3 млн тонн**, в то время как сам **Н.С. Хрущев** громогласно обещал всему советскому народу, что этот рост составит не менее **350 %**.

Хрущевские новации, а вернее сказать преступления, в животноводстве и свиноводстве оказались настолько чудовищными, что поголовье крупного рогатого скота и свиней было восстановлено в нашей стране только к **1975 г.**, когда ее население увеличилось более чем **25 млн человек**, и проблема нехватки продовольствия приобрела хронический и крайне болезненный характер, что в конечном итоге и стало одной из причин краха СССР.

В **1961—1962 гг.** в стране стало остро ощущаться нехватка не только мяса, масла и молока, но даже хлеба, крупы, лапши, сахара, то есть всех тех продуктов, которые традиционно считались обязательными для небогатых прилавков провинциальных магазинов страны. С **конца 1962 г.** начинается закупка зерна за рубежом, главным образом в Канаде и США, и наша страна постепенно впадает в хроническую зависимость от импортного зерна.

4) Ликвидация МТС, новая коллективизация и «второе раскулачивание». Реформаторский зуд, охвативший **Н.С. Хрущева**, отнюдь не ограничился постановкой

бредовых, просто нереальных планов развития зернового хозяйства и животноводческого комплекса страны. Он вознамерился совершить **новую коллективизацию сельского хозяйства страны**.

а) Ликвидация МТС и ее последствия. Одной из самых громких хрущевских реформ в сельском хозяйстве стала ликвидация машинно-тракторных станций (МТС), ставших гениальным изобретением сталинской колхозной политики в довоенные годы. Именно здесь были сосредоточены вся сельхозтехника, предназначенная для обработки земли и сбора урожая, ремонтно-техническая база и т.д. Все колхозы, не имевшие права владеть тракторами, комбайнами, автомобилями и другой спецтехникой, вынуждены были заключать договоры с МТС на вспашку, боронование и машинную уборку большей части урожая. При этом сами МТС имели не только сугубо хозяйственные, но и политические функции, которые стали основным инструментом партийно-государственного контроля за повседневной жизнью советской деревни и умонастроениями советских крестьян.

Вместе с тем, МТС и колхозы вместе отвечали за производство продукции сельского хозяйства в стране. Но на практике вместо принципа коллективной ответственности за полученные результаты, возникала коллективная безответственность и тех, и других. МТС были заинтересованы в оплате своей работы только «по площадям», то есть по количеству гектаров вспаханной земли и израсходованным тоннам горюче-смазочного материалов, а колхозы получали деньги за килограммы, литры и тонны зерна, картошки, мяса, молока и другой сельхозпродукции. Таким образом, первые не отвечали за конечный результат всей работы на земле, а вторые — за качество промежуточных этапов сельскохозяйственных работ, то есть вспашку и боронование земли. Партийные органы неоднократно пытались преодолеть это противоречие, но все их решения так и оставались на бумаге.

Поэтому вопрос о ликвидации самих МТС давно назрел и в глубинах советской экономической мысли, и в практической, хозяйственной работе колхозов и МТС. Стратегически он был целиком оправдан, но его официальная постановка в **феврале 1958 г.** на очередном **Пленуме ЦК** была совершенно неожиданной даже для многих работников центрального партийного аппарата. Еще в **феврале 1956 г.** в своем «**Отчетном докладе ЦК**» на **XX съезде КПСС Н.С. Хрущев** говорил о возрастании роли МТС, о необходимых мерах по коренному улучшению их работы, а так же о целесообразности в течение ближайших двух лет перевезти все МТС на хозяйственный расчет.

Но уже в **конце февраля 1958 г.** Пленум ЦК принимает решение «**О дальнейшем развитии колхозного строя и реорганизации МТС**», которое через месяц был утвержден сессией **Верховного Совета СССР** и принял силу закона. Согласно этому закону, получившему название «**О реорганизации машинно-тракторных и ремонтно-тракторных станций**», реорганизация МТС должна была пройти «постепенно, с учетом развития экономики отдельных колхозов и особенно различных зон и районов СССР», но на практике реорганизация практически всех МТС была завершена уже в текущем году.

Первоначально предполагалось, что эта мера серьезно укрепит материальную базу колхозов и ликвидирует существовавшее «двоевластие» на земле, разбудит инициативу самих колхозников и даст мощный импульс развитию сельского хозяйства страны. Однако для многих слабых хозяйств расходы на приобретение

и ремонт сельхозтехники оказались просто непосильной ношей, поэтому многие из них влезли в огромные долги, и под давлением партийных и советских органов вынуждены были выкупать не современную и новую сельхозтехнику, а разбитые трактора, комбайны и автомобили. Кроме того, вся ремонтно-техническая база в сельском хозяйстве оказалась в сильно подорванном состоянии, поскольку значительная часть механизаторов и специалистов МТС не желала превращаться в рядовых колхозников и терять свои социальные гарантии — твердую зарплату, право на пенсии и оплачиваемые отпуска, и многие из них отправились в города.

б) Новая коллективизация и раскулачивание. Выдвижение Н.С. Хрущевым и его клевретами совершенно волюнтаристских целевых программ развития сельского хозяйства объективно не могли сочетаться с научными подходами их реализации. Советская деревня в эти годы превратилась в обширный полигон постоянных и зачастую совершенно чудовищных реорганизаций и преобразований. Причем, в основе этих непродуманных мер лежали сугубо волюнтаристские, догматизированные положения марксизма о явных преимуществах крупного социалистического производства над мелким товарным производством, о государственной форме собственности как высшей по отношению к кооперативно-колхозной собственности и т.д.

Кампания по ликвидации МТС сопровождалась совершенно разнузданной кампанией по укрупнению колхозов и их преобразования в совхозы, а так же ликвидации личных подсобных хозяйств. Уже в **марте 1956 г.** вышло совместное **Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «Об уставе сельскохозяйственной артели и дальнейшем развитии инициативы колхозников в организации колхозного производства и управления делами артели»**, которое положило начало этой бездумной компании. В частности, в этом постановлении речь шла не только о новом урезании и сокращении размеров личных приусадебных хозяйств, но и о существенном ограничении количества скота, находящегося в личной собственности колхозников. Более того, в **августе 1956 г.** в развитие этого решения вышло новое **Постановлением Совета Министров СССР**, которое запретило всем колхозникам и другим категориям граждан, державшим скот в личной собственности, использовать в качестве корма для скота хлеб, крупу и другие продукты, приобретаемые в государственных и кооперативных магазинах.

Одновременно с наступлением на личные хозяйства колхозников началось наступление и на их коллективные хозяйства, существовавшие в форме **производственных артелей**, где во многом формально, но все же сохранялись формы прямой, непосредственной демократии, в том числе при выборах председателей артелей и бригадиров. По оценкам историков (Н. Верт, Р. Пихоя, А. Пыжиков), уже в **1954–1958 гг.** в стране прекратили свое существование около **8500 колхозов**, которые автоматически были переведены в разряд совхозов, а их колхозники — в класс сельских пролетариев. Затем этот процесс реорганизации получил лавинообразный характер, и уже начиная с **1959 г.** ежегодно уничтожалось примерно **10 000** коллективных хозяйств. В результате этих мер к **концу 1963 г.** из **91 000 колхозов** осталось только **39 000 артельных хозяйств**. Причем, в ходе реализации политики укрупнения колхозов средние размеры этих хозяйств возросли примерно в три раза, что существенно сказалось и на самой управляемости этих хозяйств. Партийные идеологи и пропагандисты представляли этот процесс как дальнейшую концентрацию производства, которая является необходимым условием строительства

коммунизма в стране. Однако в реальности советская колхозная деревня столкнулась с самым худшим вариантом сверхцентрализации производства, который очень скоро сказался на отрицательной эффективности многих коллективных хозяйств.

В те же годы продолжился процесс преобразования колхозов в совхозы и уже к концу 1960 г. в разряд совхозов было переведено почти **14 800 хозяйств**, то есть в **2 раза** больше чем в прошедший период. Эти бесконечные укрупнения и реорганизации обернулись тяжелой трагедией для судеб российского села. Неразрывно связанные с этими процессами поспешная централизация руководства, агрономической, зоотехнической, ветеринарной, механизаторской, инженерной и других служб обезглавили сотни тысяч деревень. Само собой встал вопрос и о создании крупных центральных усадеб, неперспективности подавляющего количества малых и средних сел и деревень, проблема бездорожья и транспортного сообщения и т.д.

Конечно, сам **Н.С. Хрущев** прекрасно знал о существовании этих проблем, но с маниакальным упорством продолжал гнуть свою линию, поскольку она находилась в русле его давнишней идеи повсеместного создания крупных **«агрогородов»**. В **декабре 1959 г.** в своем очередном докладе на **Пленуме ЦК** он не только раскрыл эту фантастическую программу, но и впервые заявил о том, что рядом проектных организаций страны подготовлены **«прекрасные программы по ликвидации неперспективных деревень»**, массовом переселении их жителей и концентрации скота в современных поселках городского типа.

В процессе укрупнения колхозов и преобразования их в совхозы одновременно происходило и существенное сокращение размеров крестьянских приусадебных хозяйств. Нетрудно усмотреть, что за этой новой разрушительной кампанией скрывалась очередная попытка покрепче привязать крестьян к совхозно-колхозному производству и вновь расширить совхозные государственные земли за счет их подсобных хозяйств.

Первоначально, когда **Н.С. Хрущев** выдвинул лозунг **«догнать и перегнать Америку»**, он еще рассчитывал заручиться поддержкой колхозного крестьянства, и в **июне 1957 г.** лично инициировал принятие совместного **Постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР «Об отмене сельскохозяйственных поставок хозяйствами колхозников, рабочих и служащих»**. Это решение еще находилось в русле прежней аграрной доктрины о снижении налогового бремени колхозного крестьянства, принятых в **сентябре 1953 г.** на знаменитом **Пленуме ЦК**. Однако уже в **августе 1958 г.** было издано одно из самых вредных и нелепых постановлений **Бюро ЦК КПСС по РСФСР «О запрещении содержания скота в личной собственности граждан, проживающих в городах и рабочих поселках»**. Это Постановление **«Российского Бюро»** напрямую касалось почти **12 млн** городских семей, имевших свои огороды, и воспринималось ими как **«малое раскулачивание»**. Фактическая ликвидация мелкого крестьянского хозяйства в городах быстро опустошила важнейший источник поступления продовольствия, недостаток которого страна остро ощутила уже в **начале 1960-х гг.** Все это существенно отразилось и на уровне производства продукции сельского хозяйства в целом, и на общем негативном настрое самих жителей деревни, особенно ее молодежи.

В результате **«второй коллективизации»**, к концу хрущевского правления размеры приусадебных участков в колхозах сократились в среднем на **12 %**, а в совхозах — вообще на **28 %**, а производство мяса и молока в личном подсобном хозяйстве

крестьян упало почти на **20 %**, что еще в большей степени усугубило и без того тяжелую продовольственную ситуацию в стране.

5) Программа химизации сельского хозяйства. В результате всех хрущевских новаций и реформ к **концу 1963 г.** валовая продукция сельского хозяйства в стране сократилась по отношению к предыдущему году сразу на **12 %**. Семилетний план его развития был провален буквально по всем показателям и страна вступила в полосу ежегодных, постоянно растущих закупок зерна и других продовольственных товаров за рубежом. Видимо, осознав всю бесперспективность своих прежних замыслов и попыток обеспечить устойчивый подъем сельского хозяйства страны, **Н.С. Хрущев** со свойственной ему разрушительной энергией сделал новый резкий поворот в своей аграрной политике.

Теперь, спустя почти десятилетие после сентябрьского **Пленума ЦК**, он вновь объявил курс на **интенсивные меры развития** сельскохозяйственного производства, который напрямую связал с ускоренным развитием промышленности минеральных удобрений и химизацией всего сельского хозяйства. В **октябре 1963 г. ЦК КПСС и Совет Министров СССР** опубликовали совместное письмо об увеличении производства минеральных удобрений и химических средств защиты растений, а затем в **декабре 1963 г. и феврале 1964 г.** один за другим прошли два важнейших **Пленума ЦК**, на которых были приняты два **Постановления ЦК «Об ускоренном развитии химической промышленности» и «Об интенсификации сельскохозяйственного производства»**. В этих документах речь шла о том, что теперь главный упор в развитии сельского хозяйства страны надо сделать на широкое применение химических удобрений, развитие передовых систем орошения, комплексной механизации и внедрения новейших достижений науки и передового опыта и т.д. Этой же проблеме была посвящена очередная записка **Н.С. Хрущева** в Президиум ЦК **«О руководстве сельским хозяйством в связи с переходом на путь интенсификации»**, направленная им в **середине июня 1964 г.** Однако было уже слишком поздно, поскольку дни **Н.С. Хрущева** на высших партийных и государственных постах сокращались как «шагреновая кожа», и вскоре он был отправлен в отставку.

Если в целом дать общую оценку развития сельского хозяйства страны в хрущевский период, то она окажется неутешительной. По данным подавляющего большинства историков и экономистов (**Н. Верт, Г. Ханин, Р. Пихоя, А. Пыжиков, И. Зеленин**), сельскохозяйственное производство в стране по-прежнему развивалось гораздо хуже промышленного производства, темпы его роста значительно уступали другим отраслям народного хозяйства страны и за прошедший период составили менее **70 %**, что негативно сказалось на общем росте **ВВП**. Если говорить более конкретно, то можно четко увидеть, что в **1951–1955 гг.** рост сельскохозяйственного производства составил **21 %**, в **1956–1960 гг.** он вырос до **30 %**, а уже в **1961–1965 гг.** вновь упал до **18 %**, хотя по планам **семилетки** его рост должен был составить **70 %**.

4. Трагедия в Новочеркасске

Прямым следствием хрущевских экспериментов в сельском хозяйстве страны стали трагические события в **Новочеркасске**, ставшие закатом его политической карьеры.

В **начале 1962 г.** в условиях острого дефицита хлеба, круп, растительного масла, мяса, молока и других основных продуктов в ряде союзных республик, краев

и областей страны были введены карточки на большинство видов продовольствия. Кроме того, высшее руководство страны вынуждено было пойти и на существенное повышение розничных цен на основные виды продовольственных товаров. Экономическая целесообразность этой меры была вполне понятна, поскольку за ней стояло горячее стремление хрущевского руководства хоть как-то повысить рентабельность сельскохозяйственного производства в стране. Однако политически и психологически эта мера была абсолютно не подготовлена, поскольку входила в прямое противоречие со сталинской политикой ежегодного снижения цен, которая всегда имела большую популярность в народе.

Формальным выражением полного краха аграрной политики **Н.С. Хрущева** стало печально знаменитое **Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О повышении цен на мясомолочные продукты»**, опубликованное во всех центральных газетах **31 мая 1962 г.** Не удивительно, что повышение цен немедленно вызвало острую ответную реакцию по всей стране. Уже на следующий день в **Москве, Ленинграде, Донецке, Днепропетровске** и других городах появились первые листовки, в которых содержались открытые призывы свергнуть «антинародную советскую власть». Именно эти антисоветские настроения в полной мере воплотились в трагических событиях в **Новочеркасске**, которые развернулись в бывшей столице казачьего края в **начале июня 1962 г.**

Утром **1 июня 1962 г.** на **Новочеркасском электровозостроительном заводе** начался стихийный митинг, на котором собралось более **1000 рабочих** из разных заводских цехов. Директор завода **Б.Н. Курочкин** вместо того, чтобы спокойно разобраться в ситуации и остудить пыл митингующих, в своем выступлении грубо оскорбил их, что вызвало всеобщий гнев недовольства и стало детонатором всех последующих событий. Рабочих завода не только возмутило само повышение цен, но и то, что буквально накануне этого решения администрация завода существенно снизила расценки за их труд, что привело к снижению их заработной платы более чем на треть. Перепалка между директором завода и рабочими кончилась его бегством в заводоуправление и разрастанием конфликта. Уже к **11–12 часам утра** огромная толпа митингующих с самодельными плакатами собралась у здания заводоуправления и остановила пассажирский поезд **Саратов–Ростов**, машинисты которого паровозными гудками стали поддерживать восставших.

Вскоре на завод приехало все областное начальство во главе с первым секретарем **Ростовского обкома партии А.В. Басовым**, что еще больше накалило ситуацию в рабочей среде, поскольку ни он, ни другие руководители области не смогли толком объяснить людям ситуацию и разрядить опасные настроения в митингующей толпе. Вечером того же дня власти предприняли попытку подавить волнения силой, однако отряд милиции в количестве **200 человек** рабочие завода быстро разогнали, а введенные на завод войска отказались стрелять в людей.

Тем временем о ситуации в городе доложили **Н.С. Хрущеву**, который, переговорив с руководством **МО, МВД и КГБ СССР — Р.Я. Малиновским, В.С. Тикунным и В.Е. Семичастным**, отдал приказ подавить «антисоветский бунт» всеми возможными средствами и в кратчайшие сроки. Одновременно в город была послана комиссия **Президиума и Секретариата ЦК** в составе **А.И. Микояна, Ф.Р. Козлова, А.П. Кириленко, Д.С. Полянского, А.Н. Шелепина и Л.Ф. Ильичева**.

На следующий день, **2 июня**, рабочие, под красными флагами и с портретами **В.И. Ленина** двинулись в центр города, к зданию **горкома КПСС**. Одной из задач,

которую московские визитеры поставили перед военными, было не допустить прохода тысяч демонстрантов по мосту через **реку Тузлов** в центр города. Поэтому первый заместитель командующего **Северо-Кавказским Военным округом** генерал-лейтенант **М.К. Шапошников** получил приказ атаковать их танками. Однако мужественный генерал отказался выполнить этот преступный приказ, заявив, что «не видит перед собой такого противника, которого следовало бы атаковать танками» и приказал танкистам и мотострелкам разрядить свои автоматы и карабины и сдать все боеприпасы полковым и батальонным зампотехам. Беспрепятственно преодолев заграждения из танков и автомобилей на мосту, большая толпа рабочих, быстро пополнявшаяся жителями города, дошла до горкома партии и прорвалась внутрь здания. Тогда против рабочих были двинуты внутренние войска, открывшие огонь на поражение. В результате **24 человека** были убиты на месте и около **70 человек** получили тяжелые огнестрельные ранения, многие были сразу арестованы, а затем преданы суду.

В тот же день по местному радио выступил **А.И. Микоян**, однако, несмотря на это выступление, расстрел участников мирной манифестации и уговоры властей, волнения в городе не прекратились. На следующий день, **3 июня**, толпы горожан стали собираться у городских отделов милиции и госбезопасности, и в этой ситуации командующий войсками **Северо-Кавказского Военного округа** генерал армии **И.А. Плиев** отдал приказ о введении в городе комендантского часа. А в **середине августа 1962 г.** в **Новочеркасске** начался открытый судебный процесс над самыми активными участниками этих волнений и уже через неделю **7** из них были приговорены к расстрелу, а **7** — к длительным срокам заключения. Позднее к различным срокам заключения были осуждены еще более **90 человек**. Таково было истинное лицо «хрущевской демократии», столь любимой нашими записными либералами.

5. Развитие социальной сферы

Несмотря на все издержки хрущевского руководства, в условиях дальнейшего роста **ВВП** и развития народного хозяйства страны произошли довольно существенные перемены в социальной политике партии и правительства, которые позволили значительно поднять жизненный уровень большей части населения страны. По мнению большинства современных историков (**Ю. Аксютин, А. Пыжиков, А. Вдовин**), основные успехи были достигнуты в материальном, пенсионном и жилищном вопросах.

1) В сфере трудового законодательства в 1956–1957 гг. были: **а)** полностью ликвидированы все перекосы (правда, совершенно неизбежные в условиях войны и послевоенного восстановления) прежней сталинской политики и упразднена прежняя система обязательных сверхурочных и дополнительных работ, отменен «драконовский» закон, предполагавший прикрепление рабочих к своим предприятиям и суровое уголовное наказание за опоздания и прогулы; **б)** сокращена общая продолжительность трудового дня подростков и продолжительность трудового дня рабочих и служащих по субботам и в предпраздничные дни, начался постепенный переход на семичасовой рабочий день; **в)** была повышена минимальная зарплата на производстве, в строительстве и на транспорте и т.д.

2) В сфере налогового законодательства в 1956–1957 гг.: **а)** произошла отмена всех видов оплаты за школьное, специальное и вузовское обучение; **б)** установлен

необлагаемый минимум заработной платы и значительно снижены подоходные налоги на зарплаты всех рабочих и служащих; **в)** была прекращена прежняя политика внутренних государственных займов, носивших зачастую принудительный характер и т.д.

3) В сфере пенсионного обеспечения в 1956–1964 гг. был осуществлен переход к всеобщей системе пенсионного обеспечения по старости и инвалидности, который до этого носил выборочный характер и распространялся лишь на отдельные категории рабочих и служащих. Новый закон «**О государственных пенсиях**», принятый в **июле 1956 г.**, значительно повысил уровень пенсионного обеспечения и существенно расширил круг лиц, имеющих право на получение государственной пенсии. В частности, по этому закону: **а)** устанавливался единый для всех граждан срок выхода на пенсию — для мужчин — с **60 лет**, при трудовом стаже не менее **25 лет**, и для женщин — с **55 лет**, при трудовом стаже не менее **20 лет**; **б)** выход на пенсию военнослужащих и работников вредных и специальных производств определялся отдельным положением; **в)** **трудовые пенсии** стали назначаться всем рабочим, служащим и другим категориям работников, на которых распространялись нормы государственного социального страхования; **г)** **социальные пенсии по инвалидности и потере кормильца** распространялись на всех граждан, получивших инвалидность при выполнении своего служебного и гражданского долга, а именно при спасении погибавших, охране социалистической собственности, социалистического правопорядка и т.д.

В **июле 1964 г.** был принят закон «**О пенсиях и пособиях членам колхозов**», который распространил нормы пенсионного законодательства и на эту довольно внушительную социальную группу граждан страны. При этом пенсии по старости стали получать мужчины в возрасте **65 лет**, женщины — **60 лет**.

Общий размер государственной пенсии, в зависимости от общего трудового стажа, характера и сложности выполняемых работ, уровня заработной платы, образовательного и профессионального уровня составлял от **55 до 100 %** средней заработной платы по стране, что привело к увеличению пенсий и пособий для многих социальных групп в **2–3 раза**.

4) В сфере жилищного обеспечения. Надо сказать, что в общественном создании и исторической литературе довольно прочно закрепился миф о том, что именно **Н.С. Хрущев** стал инициатором решения жилищной проблемы в СССР. Однако в реальности это было далеко не так. Первый шаг по решению жилищной проблемы был сделан еще в **ноябре 1955 г.**, когда было принято **Постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О разработке типовые проектов жилых домов без архитектурных излишеств»**, в котором изначально речь шла исключительно о внешнем облике домов. Затем, в **июле 1957 г.**, вышло новое **Постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О создании домостроительных комбинатов и ускоренных темпах жилищного строительства»**, которое уже в директивном порядке предписало разработать новые типовые проекты жилых домов и их внутренних планировок, которые затем получили не очень благозвучное название «**хрущевки**».

Первые пятиэтажки стали строить в **Москве** еще в **1958 г.**, но массовое их строительство по всей стране началось только с **1959 г.** Первоначально, до создания домостроительных комбинатов, они возводились старым, дедовским способом из кирпича и цементной кладки, и лишь затем строительство панельных пятиэтажек

началось на индустриальной основе. В **1956–1959 гг.** новые квартиры в «сталинских домах» только на территории **РСФСР** получило более **6 млн человек**. Но уже в **1960 г.**, когда появились первые типовые кирпичные пятиэтажки, численность новоселов начинает резко падать, и эта отрицательная динамика продолжалась вплоть до отставки **Н.С. Хрущева** в **1964 г.**, несмотря на внедрение индустриальных методов панельного домостроения.

Тем не менее, миф о «хрущевском строительном чуде» возник не на пустом месте. Дело в том, что массовое жилищное строительство действительно началось, но только в **Москве**. В **1957–1958 гг.** по старым сталинским проектам здесь было построено **8 млн кв. м. жилья**, однако уже в **1961 г.** в городе было возведено более **12,7 млн кв.м. жилья**, но исключительно в виде кирпичных и панельных пятиэтажек. При этом **Москва** фактически поглотила **25 %** всего нового жилищного фонда **РСФСР**, и если в столице этот фонд за годы хрущевского правления почти удвоился, то, например, в том же **Ленинграде** он вырос только на **24 %**.

Между тем, мало кто знает о том, что резкое увеличение числа полноценных квартир в **1956–1959 гг.** и последующий переход к панельному домостроению в стране имеют одну главную причину: после отставки **Г.М. Маленкова** по предложению **Н.С. Хрущева** правительство сразу заморозило большое количество крупных промышленных строек, в том числе и новых предприятий по производству добротных строительных материалов. Именно эти, освободившиеся людские и материальные ресурсы и были направлены в сферу жилищного строительства. Однако очень скоро этот мощный ресурс был практически исчерпан и начался период падения жилищного строительства, который и привел к тому, что в **первой половине 1960-х гг.** зримо обозначился спад панельного домостроения по всей стране.

6. Денежная реформа 1961 г. и ее последствия

1 января 1961 г. в стране была проведена новая денежная реформа, в результате которой произошел простой обмен старых денежных купюр на новые купюры без какой-либо конфискационной составляющей. Однако на самом деле все было не так просто, как это кажется на первый взгляд. Традиционно эту реформу представляют в виде обычной деноминации, поскольку для непосвященных обывателей все выглядело предельно просто — старые **сталинские «портянки»** заменили новыми **хрущевскими «фантиками»**, существенно меньшими по размеру, но более дорогими по номиналу. Находившиеся в обращении денежные знаки **образца 1947 г.** были обменены без ограничений на новые деньги **образца 1961 г.** в соотношении **10:1**, и в том же соотношении были изменены цены на все товары, тарифные ставки зарплат, пенсий, стипендий, пособий, платежных обязательств, договоров и т.д.

Однако тогда мало кто обратил внимание на одну странность — до проведения реформы доллар стоил **4 рубля** или **40 копеек** в новом исчислении, а после ее проведения курс доллара был установлен в **90 копеек**. Многие наивно полагали, что теперь рубль стал дороже доллара, но на самом деле доллар существенно подорожал — в **2,25 раза**, то есть с **40 до 90 копеек** в новом исчислении. То же самое произошло и с золотым содержанием рубля — вместо **2,22 граммов золота** в нем осталось лишь **0,98 граммов золота**. Таким образом, рубль был недооценен в **2,25 раза**, а его покупательная способность по отношению к импортным товарам во столько же раз уменьшилась.

Недаром бессменный министр финансов СССР, знаменитый «сталинский нарком» **А.Г. Зверев**, занимавший свой ответственный пост аж с **1938 г.**, узнав о том, что в начале мая **1960 г. Н.С. Хрущев** подписал **Постановление Совета Министров СССР «Об изменении масштаба цен и замене ныне обращающихся денег новыми деньгами»**, сразу ушел в отставку, поскольку прекрасно понял к чему приведет эта, казалась бы, простая замена денег. В реальности последствия этой реформы оказались губительными для страны и в ближайшей, и в отдаленной перспективе, поскольку:

1) Резко подорожал весь импорт и заграничные товары, которые для советских покупателей всегда были малодоступны, теперь вообще перешли в разряд предметов роскоши.

2) Цены в государственной торговле изменились ровно в **10 раз**, но на колхозном рынке они изменились лишь в **4–5 раз**. В результате этой «разбалансировки» начался быстрый отток продуктов из государственной торговли на сильно подорожавший колхозный рынок, что довольно больно ударило по благосостоянию практически всего народа и, напротив, положило начало тотальной коррупции в советской государственной торговле, поскольку директора многих государственных магазинов через своих агентов стали массово сбывать качественный товар на колхозный рынок, одновременно выполняя план продаж и получая от этой нехитрой операции существенный навар в собственный карман.

3) В течение **1962–1963 гг.** скрытый рост цен в государственной торговле составил более **60 %**. Особенно тяжелая ситуация сложилась в регионах, поскольку если в **Москве** и **Ленинграде** положение в государственной торговле хоть как-то контролировалось местными властями, то в краевых, областных и районных центрах многие виды продовольственных товаров полностью исчезли из государственной торговли и перетекали на колхозный рынок. В результате «сталинское» магазинное изобилие, столь характерное для всех **1950-х гг.**, в одночасье сменилось пустыми прилавками, поэтому чтобы хоть как-то компенсировать отток основных продуктов, прежде всего, мяса и колбас на колхозный рынок, было решено повысить розничные цены в государственной торговле. И в мае **1962 г.** вышло **Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О повышении цен на мясомолочную продукцию»**.

4) Еще одной причиной проведения денежной реформы, как это не покажется странным, оказалась пресловутая нефть. Дело в том, что в послевоенный период в нашей стране произошел огромный рост ее добычи — с **20 млн до 148 млн тонн**, и именно тогда, в мае **1960 г.**, **Н.С. Хрущев**, при поддержке ряда членов Президиума ЦК, прежде всего, **А.И. Микояна, Ф.Р. Козлова и Н.В. Подгорного**, пробивает решение о начале **широкомасштабного экспорта сырой нефти за рубеж**. В первые послевоенные годы экспорт нефти и нефтепродуктов из СССР был крайне незначителен и составлял в валютной выручке страны менее **4 %** всего ее внешнеторгового баланса. Причина этого состояла, в основном, в том, что все **1950-е гг.** баррель (бочка) сырой нефти на мировом рынке стоил менее **3 долларов**, то есть **12 советских рублей**, а себестоимость добычи и транспортировки советской сырой нефти составляла более **9,5 рублей**, то есть ее экспорт за рубеж был просто нерентабельным.

Рентабельным этот экспорт мог стать только в том случае, если за доллар будут давать значительно больше рублей, чем прежде. А поскольку при **Н.С. Хрущеве** в условиях резкого повышения добычи нефти в **7,5 раз** стал расти и ее экспорт за

рубеж, необходимо было изменить соотношение доллара к рублю. Теперь при изменении курса валют баррель нефти в пересчете на советские дензнаки стал стоить **2,7 новых или 27 старых рублей**, то есть в **2,25 раза** больше чем при **И.В. Сталине**. В этой ситуации при вполне стабильных мировых ценах на сырую нефть и сохранении ее прежней себестоимости экспорт нефти за рубеж оказался довольно выгодной штукой.

Таким образом, **денежная реформа 1961 г.** была не простой деноминацией, она **принесла экономике страны непоправимый вред и две хронических беды: 1) зависимость от нефтяного экспорта и 2) хронический дефицит продовольствия**, которые впоследствии и станут одними из главных экономических факторов, погубивших Советский Союз.

Тема: ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА СССР В 1953–1964 ГГ.

План:

1. Выработка новых подходов во внешней политике СССР.
2. Концепция «отбрасывания коммунизма» и ее основные составляющие.
3. Создание ОВД и вхождение Германии в НАТО (1955).
4. Успехи советской внешней политики в 1955 г.
5. Концепция «мирного сосуществования» и кризис в социалистическом лагере (1956).
 - а) Доктрины «мирного сосуществования» и нового «революционного процесса».
 - б) Кризис в социалистическом лагере.
6. Суэцкий кризис и его международные последствия (1956–1957).
7. Внешняя политика СССР в Азиатско-Тихоокеанском регионе.
 - а) Отношения с Японией.
 - б) Отношения с Китаем.
8. Советско-американские отношения и Второй Берлинский кризис (1958–1961).
9. Карибский кризис и его международные последствия (1962).
10. Становление режима конфронтационной стабильности в 1960-х годах.
11. Политика СССР и проблемы социалистического лагеря в начале 1960-х гг.

1. Выработка новых подходов во внешней политике СССР

После смерти **И.В. Сталина** во внешней политике СССР наметились первые признаки изменений, которые выразились в смягчении прежних, достаточно жестких подходов высшего советского руководства к большинству международных проблем, в частности в корейском и германском вопросах, по проблемам вооружений и других. Более того, у части партийно-государственного руководства страны, прежде всего, нового главы правительства **Г.М. Маленкова** и связанной с ним интеллектуальной элитой, стала активно обсуждаться идея **«мирного сосуществования»**, истоки которой стали возводить к первым политическим актам

ленинского правительства в 1917 г. Этой идее теперь стремились придать более современное звучание, сообразное новым послевоенным реалиям, однако официально концепция «мирного сосуществования» основой внешней политики СССР пока так и не провозглашалась.

Между тем, после долгого перерыва на пост министра иностранных дел СССР вновь вернулся **Вячеслав Михайлович Молотов**, который, невзирая на его прежние разногласия со **И.В. Сталиным**, продолжал оставаться одним из самых ярких противников каких-либо уступок со стороны СССР по ключевым вопросам внешней политики. Эта жесткая позиция главы внешнеполитического ведомства страны была связана и с тем, что смерть **И.В. Сталина** и признаки перемен в политике нового советского руководства вызвали определенный сбой в прежней системе тотального контроля над странами народной демократии, что могло привести к крушению откровенно просоветских политических режимов в ряде восточноевропейских государств. Поэтому уже в мае 1953 г. под давлением **Москвы Первый секретарь ЦК Венгерской партии труда (ВПТ) М. Ракоши** вынужден был уйти с поста председателя Совета Министров Венгерской Народной Республики и уступить этот пост представителю либерального крыла партии **Имре Надю**.

Тогда же, в мае 1953 г., начались массовые беспорядки в ГДР, связанные с тем, что ее политическое руководство взяло курс на форсированное строительство основ социализма в стране. На одном из заседаний Президиума ЦК, где горячо обсуждалось письмо, адресованное **Вальтеру Ульбрихту, Вильгельму Пиду и Отто Гротеволу**, произошла перепалка между **В.М. Молотовым** и **Л.П. Берия** по принципиальному вопросу. Глава **МИД СССР** разумно полагал, что надо убедить германских товарищей повременить с ускоренными темпами строительства социализма в своей стране, но сохранить сам стратегический курс. А глава **МВД СССР** предложил отказаться от строительства социализма в ГДР и взять курс на создание внеблоковой нейтральной Германии. Это предложение крайне обеспокоило всех членов узкого руководства, которые единым фронтом выступили против **Л.П. Берия**.

Между тем, обстановка в ГДР стала стремительно обостряться, и в этой ситуации восточногерманское руководство обратилось к советскому правительству с предложением использовать советские войска для восстановления порядка в стране. **Москва** согласилась с этим предложением и привела в боевую готовность **15 дивизий**, дислоцированных на территории ГДР. Руководство всей операцией по подавлению беспорядков взяли на себя министр внутренних дел СССР маршал **Л.П. Берия** и заместитель министра обороны СССР маршал **В.Д. Соколовский**, которые в **конце июня 1953 г.** прибыли в **Берлин** и быстро навели порядок в столице ГДР. Однако общее положение в стране оставалось крайне сложным и советское руководство пошло на уступки просьбам своих восточногерманских коллег, отказавшись от получения новых репараций с ГДР, и согласилось списать ее задолженность по всем оккупационным расходам советской стороны.

Тем временем обозначились и первые признаки международной разрядки. В частности, в **начале июня 1953 г.** **Москва** официально заявила о своем отказе от прежних претензий к **Стамбулу**, дезавуировав свой **августовский меморандум 1946 г.** о пересмотре **конвенции Монтре** и совместной обороне черноморских проливов. А в **конце июля 1953 г.** благодаря совместным усилиям СССР и США было подписано соглашение о перемирии в **Корее**, которое положило конец **Корейской войне**

(1950–1953) и сохранило статус-кво, сложившееся на Корейском полуострове после прекращения активных боевых действий в 1951 г.

Вскоре **Москва** начала переговоры о нормализации межгосударственных отношений с Югославией. И хотя глава внешнеполитического ведомства **В.М. Молотов** крайне негативно воспринял эту идею, он все же вынужден был уступить давлению других членов узкого руководства, в частности **Л.П. Берия**, **Н.С. Хрущева** и **Н.А. Булганина**. Уже в июне 1953 г. после пятилетнего перерыва в Белград был послан в качестве нового посла заведующий **Отделом Балканских стран МИД СССР В.А. Вальков**, которому была поставлена главная задача — подготовить почву для полномасштабного урегулирования советско-югославских отношений.

В январе 1954 г. в Берлине после довольно продолжительного перерыва состоялась и новая встреча всех руководителей внешнеполитических ведомств государств-членов **СМИД** — **В.М. Молотова**, **Дж. Даллеса**, **Э. Идена** и **Ж. Бидо**, на которой обсуждались ряд ключевых вопросов, в том числе проблема заключения государственных договоров с **Германией** и **Австрией** и проблема урегулирования положения в **Индокитае** и **Корее**. Советское руководство было настроено на пересмотр своих прежних позиций по германскому вопросу и выразило готовность пойти на уступки в вопросе создания единого германского государства, но с условием его полной нейтрализации. Но представители западных держав, нацелившись на формирование сильного антисоветского блока с участием Западной Германии, отказались рассматривать этот вопрос. Не удалось решить и ряд других важных проблем, обсуждавшихся на конференции, однако была достигнута принципиальная договоренность о созыве новой конференции в **Женеве** по вопросам Кореи и Индокитая, где продолжалась кровопролитная **Гражданская война** между северными и южными провинциями страны, в которую, так или иначе, были втянуты все западные страны, прежде всего, французы и американцы.

Тем временем, в марте 1954 г. новое советское руководство выступило с двумя совершенно беспрецедентными инициативами: 1) Председатель **Совета Министров СССР Г.М. Маленков** на предвыборном собрании в **Верховный Совет СССР** заявил, что новая мировая война при наличии ядерного оружия и современных средствах его доставки приведет к «гибели всей мировой цивилизации», то есть фактически впервые выступил с новой внешнеполитической советской доктриной о «мирном сосуществовании» государств с различным общественным строем; 2) Министр иностранных дел СССР **В. Молотов** на встрече с послами трех великих держав — **Ч. Боленом**, **У. Хейтером** и **Л. Жоксом** вручил им ноту, в которой предложил правительствам их стран рассмотреть вопрос об участии СССР в **Северо-Атлантическом военном блоке**. Однако обе эти инициативы советской стороны не нашли поддержки у руководства западных держав, хотя именно в это время, после испытания водородных бомб в СССР и США, в мире резко возросли пацифистские настроения.

В апреле — июле 1954 г. состоялась работа **Женевской конференции** государств-участниц **СМИД**, на которой рассматривались **корейский** и **индокитайский** вопросы. Обсуждение первой проблемы, из-за позиции занятой госсекретарем **Дж. Даллесом**, завершилось безрезультатно. А по второй проблеме была достигнута важная договоренность о прекращении огня и временном разделении территории **Вьетнама** на две части по **17-й параллели**, где создавалась демилитаризованная зона и вводились войска **ООН**. Однако эти соглашения не были подписаны представителем США

и вскоре были вовсе сорваны в результате провозглашения в одной из зон Индокитая **Республики Вьетнам**, которая фактически превратилась в новую американскую колонию на азиатском континенте.

Желая закрепить успехи на азиатском континенте, советское политическое руководство активизировало свою деятельность на дальневосточных рубежах. Уже в **октябре 1954 г.** состоялся первый официальный визит советской делегации во главе с **Н.С. Хрущевым, Н.А. Булганиным и А.И. Микояном в Пекин**. В ходе продолжительных переговоров с **Мао Цзэдуном, Лю Шаоци и Чжоу Энлаем** был подписан советско-китайский договор об экономическом и военном сотрудничестве, который предусматривал выделение китайской стороне крупных денежных кредитов, отказ от смешанных советско-китайских компаний на территории **Маньчжурии**, вывод советских войск из **Порт-Артура и Дайрена** и т.д. Кроме того, руководству **КПК** удалось добиться от **КПСС** признания равенства двух компартий в международном рабочем и коммунистическом движении и «разделение труда» во внешней политике, поскольку китайские руководители считали, что по своему геополитическому положению и влиянию в азиатском регионе они смогут гораздо эффективнее поддерживать национально-освободительные движения в третьем мире.

2. Концепция «отбрасывания коммунизма» и ее основные составляющие

В последние годы правления президента **Г. Трумэна** американская администрация резко ужесточила свои подходы во внешней политике, что было вызвано, как неудачами в **Корейской войне**, так и осложнением внутривластной ситуации в самой стране, где началась печально знаменитая «охота на ведьм» и откровенная антикоммунистическая истерия.

Новое республиканское руководство США во главе с президентом **Д. Эйзенхауэром**, пришедшее к власти в **январе 1953 г.**, не исключало, что смена власти в СССР может пойти во благо их страны, поэтому в **Вашингтоне** были готовы к новому диалогу с **Москвой**. Однако республиканская администрация пришла к власти на волне резкой критики демократов именно за их «примиренчество» по отношению к «коммунистической экспансии» и отрицании их **доктрины «сдерживания коммунизма»**, которая обрекала США на неадекватную и сугубо оборонительную роль, что со всей очевидностью проявилось в печально знаменитой книге **Дж. Даллеса «War or Peace» (1950)**. Все крупные идеологи республиканцев стремились предложить прежней, **трумэновской**, доктрине свою альтернативу, носящую исключительно наступательный характер, которая вскоре оформилась в новую **доктрину «отбрасывания коммунизма»**, которую иногда называют **доктриной «освобождения»**.

Впервые ключевые идеи этой доктрины были сформулированы в мае **1952 г.** в известном новостном журнале **«Life»** в статье **«Политика смелости»**, автором которой стал один из лидеров республиканской партии, глава **Совета по международным отношениям Дж. Даллес**. Суть его программной статьи состояла в том, что на все страны социалистического лагеря, включая СССР, необходимо постоянно оказывать очень жесткое давление посредством реальной угрозы применения массированного ядерного удара в любой момент. Таким образом, он предполагал «политикой страха» сковать активность социалистических держав, заставить их

политическое руководство изменить свою внутреннюю политику и отойти от союза с СССР. Примером, на который постоянно ссылался **Дж. Даллес**, был известный советско-югославский конфликт, ставший, по его мнению, блестящей иллюстрацией политики «отбрасывания» СССР вглубь евразийского континента, подальше от Западной Европы, Балкан и Ближнего Востока.

Официально **Дж. Даллес** представил свое видение международных реалий в **середине января 1953 г.** в выступлении перед сенатской комиссией по иностранным делам **Конгресса США**, где он прямо заявил о своем жестком намерении заменить политику «сдерживания» на «более динамичную политику “освобождения” от коммунизма народов Советского Союза и восточноевропейских стран». Хотя, очевидные минусы этого подхода к оценке международных реалий были понятны почти всем американским экспертам, назначение **Дж. Даллеса** на пост нового главы внешнеполитического ведомства США означало, что новая американская администрация намерена использовать **угрозу применения ядерного оружия как реальный инструмент своей внешней политики.**

С доктриной «отбрасывания коммунизма», которая была призвана дать общее, доктринальное обоснование новой внешнеполитической платформе США, были связаны две **военные доктрины** — «нового взгляда» и «массированного возмездия».

Смысл доктрины «нового взгляда», которая впервые была изложена в докладе помощника президента **Р. Катлера** на заседании **Совета Национальной Безопасности США в августе 1953 г.**, состоял в констатации того факта, что ядерная составляющая вооруженных сил страны обходится госбюджету гораздо дешевле, чем содержание обычных вооруженных сил, применение которых способно обеспечить тот же эффект, что и применение ядерного оружия. Это было циничное, но вполне точное наблюдение, из которого следовало, что США не следует держать большую армию в Европе, а достаточно нарастить количество ядерных боезарядов и средств их доставки на самой территории США и возложить на страны-союзницы по блоку **НАТО** основное бремя содержания всех остальных вооружений и войск, как на европейском континенте, так и в ряде других стратегических регионов мира.

Доктрина «массированного возмездия», провозглашена в **январе 1954 г.** в выступлении **Дж. Даллеса** в **Нью-йоркском Совете по международным отношениям**, в понимание американской администрации, была основным инструментом чисто психологического давления на потенциального противника — СССР. На каждый случай «коммунистической экспансии», угрожавшей безопасности США, госсекретарь предлагал отвечать немедленной угрозой применения всей мощи ядерного потенциала страны в качестве возмездия за посягательство на эту безопасность.

Таким образом, на повестку дня неизбежно ставился вопрос о возможности вертикальной эскалации конфликта, который вскоре приобрел свое юридическое оформление в «**стратегии быстрой эскалации**», принятой странами **НАТО в декабре 1954 г.** В результате принятия этой стратегии любой, абсолютно случайный конфликт с участием США, мог сразу перерасти в большую войну с использованием ядерного оружия.

При этом американской администрацией сознательно устанавливался очень низкий порог возможного ядерного конфликта, поскольку главная опасность новой военной доктрины США заключалась в том, что она полностью легализовала «превентивный удар» по СССР при возникновении любого, даже самого пустя-

кового противостояния двух стран, который мог быть расценен американской администрации как угроза национальной безопасности страны.

Конечно, американские новации во внешнеполитической сфере были крайне рискованны, поскольку уже в **августе 1953 г.** наша страна не просто успешно испытала водородную бомбу, но в отличие от США создала и полноценное термоядерное оружие, пригодное для боевого применения. А в **мае 1954 г.** на военном параде в **Москве** были впервые продемонстрированы четыре межконтинентальных бомбардировщика **ТУ-16**, способных с ядерной бомбой на борту через **Северный полюс** долететь до территории США и возвратиться обратно.

3. Создание ОВД и вхождение Германии в НАТО (1955)

Провал проекта **Европейского оборонного содружества (ЕОС)**, который обсуждался странами **Брюссельского пакта** в **1954 г.**, вызвал явное раздражение в **Вашингтоне**, но не поколебал его стремления добиться сплочения западноевропейских держав, что было просто невозможно без вхождения ФРГ в многосторонние структуры сотрудничества со странами Западной Европы и США. При этом крах проекта **ЕОС** облегчил задачу усиления самого **НАТО**, поскольку была уничтожена угроза конкуренции со стороны «европеистов» атлантической доктрине обеспечения европейской безопасности.

В **сентябре-октябре 1954 г.** в **Лондоне** и **Париже** прошли многосторонние консультации стран-участниц **Брюссельского пакта** и представителей США и Канады, в ходе которых были разработаны условия включения ФРГ и Италии в **Брюссельский пакт**, а ФРГ — в **НАТО**. А уже в **конце октября 1954 г.** в **Париже** состоялось подписание протокола о присоединении ФРГ к **Брюссельскому пакту**, и в связи с этим обстоятельством в текст самого пакта были внесены поправки, согласно которым прежний **Западный Союз** стал официально называться **Западноевропейским Союзом**. Отдельным протоколом на этой конференции было оформлено присоединение ФРГ и к **Северо-Атлантическому договору**. Хотя, в день подписания этих документов, канцлер **Конрад Аденауэр** выступил с официальным заявлением, что его правительство будет воздерживаться от всех действий, несовместимых со строго оборонительным характером парижских договоренностей и никогда не прибегнет к силе для объединения Германии или изменения границ ФРГ.

По мнению ряда современных авторов (**Н. Быстрова, А. Богатуров, В. Аверков**), включение ФРГ в **НАТО** и **Западноевропейский Союз** представляло собой большую ценность для американских стратегов, поскольку до сих пор обе эти структуры оставались, во многом, «бумажными фантомами», т.к. у них не было реальных вооруженных сил. Европейские страны (Франция, Италия, Бенилюкс) не могли по финансовым соображениям содержать многочисленные армии, чтобы уравновесить советское присутствие в Восточной Европе. А Великобритания и США не желали иметь на европейском континенте крупные воинские контингенты, за исключением сугубо символических сил. Поэтому создание германского бундесвера давало европейской и атлантической структурам безопасности необходимый им контингент войск в Западной Европе.

Вместе с тем, вхождение вооруженных сил ФРГ в военно-политические структуры Запада позволяло союзным державам контролировать ее военную политику,

быть в курсе планов ее военного строительства и разработки германской военной доктрины. Таким образом, как полагает ряд авторов (**Н. Павлов, Ф. Новик, А. Богатуров, В. Аверков**), **Североатлантический альянс** был нацелен не только на нейтрализацию активных наступательных устремлений Советского Союза, но и потенциальных реваншистских тенденций в самой Западной Германии. Эта двойная цель альянса и определялась в так называемой доктрине «двойного сдерживания».

После подписания **Парижских соглашений** советское политическое руководство не оставляло надежд убедить западные державы согласиться на решение германского вопроса по формуле «**объединение + нейтрализация**». В качестве возможного компромисса советские дипломаты предложили отложить ратификацию **Парижских соглашений**, однако нейтрализация Германии казалась американским стратегам неприемлемой ценой за ее объединение. Слабая и невооруженная Германия, как полагали в **Вашингтоне**, не сможет быть противовесом советскому присутствию в Европе, тогда как западноевропейские страны без германских ресурсов будут неспособны оказать сопротивление советским войскам в случае начала новой войны. Понимая эту ситуацию, советская дипломатия стала готовить контрудар, активно развернув в этот период подготовку к созданию военно-политического блока восточноевропейских государств.

В начале мая 1955 г. **Парижские протоколы** были ратифицированы западно-германским бундестагом, что юридически оформило вхождение ФРГ в состав **НАТО**. Протестуя против данного решения, советское правительство тут же заявило о денонсации советско-британского и советско-французского союзных договоров, подписанных в 1942–1944 гг. Таким образом, была полностью разрушена юридическая база сотрудничества Советского Союза с бывшими союзниками по антигитлеровской коалиции.

А уже в середине мая 1955 г. руководители СССР, Болгарии, Албании, Венгрии, ГДР, Польши и Чехословакии собрались в **Варшаве** на совещание по вопросам обеспечения мира и безопасности в Европе, на котором в качестве наблюдателя присутствовал и представитель КНР. В ходе совещания был подписан договор «О дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи», который дал старт созданию **военно-политического оборонительного союза** семи социалистических государств — **Организации Варшавского Договора (ОВД)**, проведение ими постоянных консультаций по ключевым военно-политическим вопросам, развитие экономических и культурных связей всех стран и т.д. В соответствии с этим договором были созданы **Объединенные Вооруженные силы (ОВС)** стран-участниц ОВД и объединенное командование этими силами, которое возглавили первый зам. министра обороны СССР, главком Сухопутных войск маршал **И.С. Конев** (главком ОВС) и первый зам. начальника Генштаба генерал армии **А.И. Антонов** (начальник штаба ОВС). Для проведения консультаций и рассмотрения вопросов, возникающих в связи с осуществлением подписанного договора, был образован **Политический консультативный комитет (ПКК) ОВД**, в котором каждое государство было представлено членом правительства или другим специальным представителем. **Варшавский договор** в соответствии со статьей 52 **Устава ООН** носил характер регионального соглашения по самообороне и продлевался дважды — в 1975 г. и 1985 г.

Еще одной, не афишируемой целью создания ОВД было обеспечение юридической базы для сохранения присутствия советских войск в ряде союзных держав,

прежде всего, на территории Румынии и Венгрии, поскольку в случае подписания советско-австрийского мирного договора, пришлось бы выводить группировку советских войск не только с территории Австрии, но и с территории этих союзных держав, что естественно не отвечало геополитическим интересам СССР.

В середине мая 1955 г. главы внешнеполитических ведомств СССР (В.М. Молотов), США (Дж. Даллес), Великобритании (Г. Макмиллан), Франции (А. Пинэ) и Австрии (Л. Фигль) подписали договор о восстановлении государственного суверенитета Австрии и выводе с ее территории союзных оккупационных войск. При этом договор особо оговаривал **нейтральный статус** Австрийской республики, то есть не вхождения ее в структуры НАТО или ОВД.

4. Успехи советской внешней политики в 1955 г.

В это же время большие изменения претерпели и отношения между СССР и Югославией. Еще в начале 1954 г. по настоянию Н.С. Хрущева была создана **Комиссия ЦК** для рассмотрения «югославской проблемы», которую возглавил один из тогдашних его фаворитов, главный редактор газеты «Правда» академик Д.Т. Шепилов. Изучив представленные им материалы, комиссия пришла к выводу, что Югославия является вполне социалистическим государством, и что восстановление полноценных отношений с ней будет залогом укрепления позиций СССР на Балканах и всего социалистического лагеря в целом.

В октябре 1954 г. в центральной партийной печати была прекращена вся антиюгославская кампания, а уже в конце ноября прием в югославском посольстве по случаю **Дня независимости** страны посетило почти все советское руководство, включая министра иностранных дел СССР В.М. Молотова, который был одним из самых активных участников советско-югославского конфликта и до сих пор выступавший против восстановления любых отношений двух держав.

В конце мая 1955 г. для нормализации отношений между СССР и Югославией в Белград прибыла советская партийно-правительственная делегация, в состав которой вошли Н.С. Хрущев, Н.А. Булганин, А.И. Микоян и Д.Т. Шепилов. Прошедшие переговоры оказались довольно трудными, так как советская делегация не желала обсуждать личную ответственность И.В. Сталина за резкое ухудшение советско-югославских отношений и пыталась защитить усопшего вождя от резких нападок югославского политического руководства. Но, тем не менее, они завершились вполне успешно, поскольку обе страны взяли на себя обязательство положить конец всем формам пропаганды и дезинформации, направленных друг против друга, и подписали **советско-югославское соглашение** о развитии научных, экономических и культурных связей. Однако И.Б. Тито отказался входить в единый социалистический лагерь и **Варшавский договор (ОВД)**, что де-факто означало, что отныне основой межгосударственных отношений двух стран признавался не принцип «пролетарского интернационализма», а принцип «мирного сосуществования», как и в отношении с другими капиталистическими странами. Фактически советское руководство согласилось уважать особый суверенный статус Югославии как государства, стоящего в международной политике на позициях **«движения неприсоединения»**, активным идеологом и проводником которого как раз и стал сам маршал И.Б. Тито.

Сразу после возвращения в **Москву**, в **июне 1955 г.** **Н.С. Хрущев** и **Н.А. Булганин** провели очень плодотворные переговоры с руководителями Индии и Народной Республики Вьетнам **Дж. Неру** и **Хо Ши Мином**, в ходе которых были подписаны принципиально важные двухсторонние соглашения о развитии экономических, технических и культурных связей трех стран.

Тем временем, после «**майской конфронтации**», началось относительное потепление отношений с западными державами и в **конце июля 1954 г.** в **Жене**е, впервые после **Потсдамской конференции**, состоялась встреча глав государств и правительств четырех великих держав. Советский Союз был представлен **Н.С. Хрущевым**, **Н.А. Булганиным**, **В.М. Молотовым** и **Г.К. Жуковым**, США — президентом **Д. Эйзенхауэром** и госсекретарем **Дж. Даллесом**, Великобритания — премьер-министром **А. Иденом** и главой внешнеполитического ведомства **Г. Макмилланом** и Франция — премьер-министром **Э. Фором** и министром иностранных дел **А. Пинэ**. Главы государств и правительств обсудили довольно широкий круг вопросов по разным международным проблемам, но не подписали никаких конкретных соглашений, поручив вести дальнейшие переговоры министрам иностранных дел своих стран.

Однако встреча в верхах открыла возможность дальнейшего прогресса в решении германского вопроса и уже **сентябре 1955 г.** состоялся официальный визит канцлера и министра иностранных дел ФРГ **К. Аденауэра** в **Москву**. И хотя эти переговоры тоже проходили достаточно трудно из-за проблем немецких военнопленных и признания восточногерманского государства правительством ФРГ, они в целом завершились успешно. Был подписан договор об установлении дипломатических отношений двух стран и заключен двухсторонний договор о советско-германском экономическом сотрудничестве.

Сразу после завершения визита **К. Аденауэра** в **Москву** прибыли **Первый секретарь ЦК СЕПГ В. Ульбрихт**, президент ГДР **В. Пик** и премьер-министр ГДР **О. Гротеволь**, которые подписали очень важный двухсторонний межправительственный договор «**О дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи**» двух стран, который стал своеобразным щелчком по самолюбию американцев и их западноевропейских партнеров.

Затем, в **сентябре 1955 г.**, благодаря усилиям премьер-министра Финляндии **У. Кекконена** советской стороне удалось пролонгировать советско-финляндский договор «**О дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи**» на чрезвычайно выгодных для себя условиях: Советский Союз получил право вводить свои войска на территорию Финляндии в случае возобновления угрозы со стороны Германии и одновременно досрочно эвакуировал советскую военно-морскую базу в **Портккала-Удд**. Кроме того, в **ноябре 1955 г.** в ходе советско-норвежских переговоров было достигнуто принципиальное согласие норвежского правительства **Г. Эйнара** об отказе от размещения на своей территории иностранных военных баз и ядерного оружия.

Наконец, в **ноябре 1955 г.** состоялись официальные визиты советской партийно-правительственной делегации во главе с **Н.С. Хрущевым** и **Н.А. Булганиным** в Индию, Бирму и Афганистан, в ходе которых состоялись их плодотворные переговоры с премьер-министром Индии и Бирмы **Джавахарлалом Неру** и **У Ну** и королем Афганистана **Мухаммедом Захир Шахом**. По итогам этих переговоров были подписаны двухсторонние договоры «**О дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи**», которые серьезно укрепили позиции СССР в этом стратегически важном азиатском регионе.

5. Концепция «мирного сосуществования» и кризис в социалистическом лагере (1956)

а) Доктрины «мирного сосуществования» и нового «революционного процесса»

В феврале 1956 г. состоялся XX съезд КПСС, который дал мощный старт критике «сталинского культа личности» и провозгласил новый курс «на мирное сосуществование» государств с различным общественным строем, что крайне неоднозначно отразилось на внешнеполитическом положении СССР.

По мнению одних авторов (А. Богатуров, В. Аверков, М. Наринский), решения съезда стали превосходным стимулом к обновлению всей советской внешнеполитической доктрины, базой для которой стала идея «мирного сосуществования», созвучная «ленинским принципам внешней политики», заложенным в знаменитом Декрете «О мире», и буддистским принципам «Панча шила», которые стали основой политической программы Бандунгской конференции (1955), положившей начало «движению неприсоединения». Однако, по мнению их оппонентов (С. Кара-Мурза, Ю. Жуков, Ю. Емельянов), решения, принятые на XX съезде, мало повлияли на изменение внешнеполитической доктрины СССР, но зато они крайне отрицательно сказались на авторитете нашей страны, привели к расколу в международном рабочем и коммунистическом движении, разногласиям в социалистическом лагере, а так же стали одним из главных элементов психологической войны против СССР.

Между тем, по мнению ряда современных авторов (А. Богатуров, В. Аверков, М. Наринский), принцип «мирного сосуществования» в хрущевской интерпретации не был простым воспроизводством ленинских идей, поскольку в нем содержался целый ряд важных новаций:

1) Новая платформа внешней политики СССР закрепляла отказ от прежнего сталинского тезиса о неизбежности новой мировой войны. Напротив, акцент смещался на возможность длительного периода международного развития, для которого, вероятно, будет характерно отсутствие больших войн как между социалистическими и капиталистическими странами, так и между самими странами капитализма.

2) В хрущевской интерпретации принцип «мирного сосуществования» предусматривал сильный акцент на продолжении идеологической борьбы с империализмом. Более того, сам этот принцип стал трактоваться как «специфическая форма классовой борьбы во всемирном масштабе», которая будет сочетать в себе и мирное сотрудничество с империализмом в экономике, и политический диалог в вопросах поддержания мира и разрядки, и одновременно **бескомпромиссную борьбу идей**, то есть всемерное отстаивание явных преимуществ «социалистического образа жизни» и иных экономических и социальных достижений «мировой системы социализма».

3) Сам принцип «мирного сосуществования» не отменял марксистско-ленинской догмы о «неизбежной гибели капитализма» и грядущем «торжестве коммунизма во всем мире». Более того, советская внешнеполитическая платформа разрешала это противоречие между идеей мирного сотрудничества с империализмом и тезисом о его «исторической обреченности» через постулат о непрерывном «обострении внутренних противоречий» капиталистических обществ и их «органических пороках». Капитализм, как общественный строй и элемент международных отношений,

должен был исчезнуть в силу своего естественного саморазрушения, причиной которого должны были стать присущие ему внутренние классовые противоречия между пролетарскими массами и буржуазной политической и экономической элитой этих стран. Таким образом, основная задача Советского Союза состояла не в вооруженной борьбе с противостоящим ему общественным строем, а в мирном, экономическом соревновании с ним и демонстрации преимуществ советского образа жизни и справедливого экономического строя.

В последующие годы платформа «мирного сосуществования» была развита и дополнена рядом важных положений, которые были обобщены в новой **Программе КПСС**, принятой в **октябре 1961 г. на XXII съезде КПСС**. Отныне теория внешней политики СССР была «обогащена» двумя важными положениями: **1)** тезисом о том, что содержание современного исторического процесса стало определяться переходом большинства стран и народов мира от капитализма и докапиталистических форм уклада непосредственно к социализму. **2)** тезисом о «трех революционных силах» современности: **а)** мировой системы социализма, **б)** национально-освободительного движения народов бывших колониальных и зависимых стран и **в)** рабочего и коммунистического движения развитых капиталистических государств, которые были официально провозглашены союзниками СССР на международной арене.

Таким образом, советская внешнеполитическая доктрина в принципе не откачивалась от идеи непрерывно продолжавшегося «**мирового революционного процесса**». Однако теперь акцент был смещен на развитие иных, относительно мирных и не обязательно революционных, трансформаций капитализма в социализм. Конечно, нестабильность в мире воспринималась советским руководством как неотъемлемая часть международных отношений. Вместе с тем, отношение к ней, даже в ее революционных проявлениях, как к норме международных отношений в теории, не исключало стремления СССР поддерживать международную стабильность на практике, если эта стабильность отвечала советским интересам. Главными принципами подхода СССР в отношении со всеми странами Запада и, прежде всего, с США были: **1)** уход от прямого столкновения, кроме случаев прямого нападения на территорию СССР или стран Варшавского договора; **2)** отказ от эскалации региональных конфликтов, способных перерасти в общий конфликт с США и странами НАТО; **3)** диалог по основным международным проблемам; **4)** укрепление биполярности как основного средства закрепления преобладания СССР и США в региональных делах и мировой политике в целом.

б) Кризис в социалистическом лагере

Решения, принятые на **XX съезде КПСС**, а затем и **Постановление ЦК КПСС «О преодолении культа личности И.В. Сталина и его последствий»** вызвали широкий резонанс во всем мире, в том числе в странах социалистического лагеря. Поэтому вскоре после окончания съезда, в **апреле 1956 г.** советское политическое руководство предприняло важный шаг по демократизации своих отношений с коммунистическими и рабочими партиями других стран и распустило **Коминформ**, который был своеобразным инструментом диктата **Москвы** в международном коммунистическом движении и в странах социалистического лагеря. Затем, в качестве демонстрации своей решимости изменить свои подходы во внешней политике страны, в **июне 1956 г.** в отставку был отправлен министр иностранных

дел СССР **В.М. Молотов** и новым главой внешнеполитического ведомства страны стал один из главных идеологов нового хрущевского курса, его тогдашний фаворит **Д.Т. Шепилов**.

Между тем, эти решения вызывали неоднозначную реакцию в других коммунистических партиях. Прежде всего, они были с большой тревогой и недоверием встречены в Китае, где в те годы создавался собственный культ личности вокруг фигуры лидера китайских коммунистов **Мао Цзедуна**. **Пекин** фактически не принял нового «ревизионистского» курса **Н.С. Хрущева** и очень подозрительно отнесся к его попыткам добиться улучшения отношений с западными странами на основе доктрины «мирного сосуществования». Еще более критически новый хрущевский курс оценило албанское руководство во главе с **Э. Ходжи**, которое абсолютно не приняло линии **Москвы** на преодоление сталинского культа. Более того, резкое раздражение в **Тиране** вызывало стремление **Н.С. Хрущева** примириться с **И.Б. Тито**, которого албанские власти считали главным потенциальным противником их режима. В этой ситуации, на почве общего неприятия нового курса советского руководства, началось стремительное сближение двух стран.

Этот раскол в социалистическом лагере вскоре приобретет еще более острый характер и выльется не просто в идеологический спор трех компартий, а в фактический разрыв дипломатических отношений с Китаем и Албанией. Во многом вина за такое развитие событий лежала исключительно на **Н.С. Хрущеве**, который своим откровенно хамским поведением спровоцировал обострение конфликта трех стран на двух **Совещаниях рабочих и коммунистических партий социалистических стран**, проходивших в **Москве 1957 г. и 1960 г.**

Тем временем, в **марте 1956 г. в Варшаве** внезапно скончался президент Польши и **Первый секретарь ЦК ПОРП Болеслав Берут**. Вопрос об избрании его преемника в новых политических условиях перерос в острую дискуссию внутри правящей партии о путях дальнейшего развития страны, что вызвало острый кризис в самом польском обществе. Здесь стала быстро подниматься протестная волна и в **июне 1956 г.** начались забастовки и сильные волнения в **Познани** и других городах, многие из которых были спровоцированы местным католическим духовенством. Новый лидер **ПОРП Эдвард Охаб**, не обладая достаточной властью, не смог предотвратить возникновение острой внутрипартийной борьбы. Поэтому в **июле 1956 г.** срочно собрался **Пленум ЦК ПОРП** для обсуждения возникшей ситуации, на который без приглашения внезапно прибыли **Н.А. Булганин** и **Г.К. Жуков**. Однако их не пустили в зал заседания **Пленума ЦК** и большинство его членов сделали ставку на бывшего лидера внутрипартийной оппозиции **Владислава Гомулку**, который был восстановлен в партии и избран в состав **ЦК**.

Однако вопрос о формировании новых руководящих органов партии было решено отложить до очередного **Пленума ЦК**, назначенного на **октябрь 1956 г.** Тем временем национально-патриотический запал перемен в **Варшаве** приобрел явно антисоветскую направленность. Поэтому **Н.С. Хрущев** решил разобраться в ситуации на месте и в **октябре 1956 г.** возглавляемая им партийно-правительственная делегация прибыла в **Варшаву** для участия в очередном **Пленуме ЦК ПОРП**.

Кризис достиг кульминации, когда советской делегации вновь не разрешили участвовать в работе **Пленума ЦК**. Однако у советского руководства хватило благоразумия не идти на обострение конфликта, тем более что в ходе первой встречи

Н.С. Хрущева и В. Гомулки был установлен личный контакт между двумя лидерами, и возникло полное взаимопонимание на почве общего неприятия сталинизма. Советский лидер признал избрание **В. Гомулки** **Первым секретарем ЦК ПОРП** и согласился с удалением маршала **К.К. Рокоссовского** с поста министра обороны ПНР и из состава руководящих органов **ЦК ПОРП**.

Вскоре после польских событий разразился еще более мощный венгерский кризис. Предыстория этого кризиса была такова: сразу после смерти **И.В. Сталина** **Л.П. Берия** помог давнему агенту советских спецслужб **Имре Надю**, известному в узких кругах под кличкой «**Володя**», стать новым главой венгерского правительства. Однако в **апреле 1955 г.**, воспользовавшись сменой власти в советском руководстве и отставкой **Г.М. Маленкова**, лидер венгерских коммунистов **Матяш Ракоши** сумел дискредитировать **И. Надя** и, обвинив его в «правом уклоне», добился его смещения с поста премьер-министра страны и назначения главой правительства своего выдвиженца, самого молодого члена **Политбюро ЦК ВПТ А. Хегедюша**.

Однако вскоре оказалось, что **М. Ракоши** не в состоянии удержать свою власть. Вывод **Центральной группы советских войск** под командованием генерала армии **А.С. Жадова** с территории Австрии и Чехословакии, открытая критика сталинского культа советским руководством и антисоветские выступления в Польше, спровоцировали кризис в самой Венгрии. Первоначально основной удар критики был сосредоточен только на фигуре **М. Ракоши**, против которого стали выступать даже ряд коммунистических газет. Недовольство масс лидером **Венгерской партии трудящихся (ВПТ)** удачно сочеталось и с откровенно антисемитским курсом оппозиции, который поддерживало большинство коренного населения страны.

В этой ситуации советское политическое руководство очень жестко «порекommendовало» венгерским товарищам укрепить кадровый состав **ВПТ** этническими венграми и в **июле 1956 г.** состоялся **Пленум ЦК ВПТ**, на который прибыл член **Президиума ЦК КПСС А.И. Микоян**. **М. Ракоши** был смещен с поста **Генерального секретаря ЦК ВПТ** и его место занял министр госбезопасности **Эрне Герё (Зингер)**, который, однако, так и не смог переломить ситуацию в стране.

В **начале октября 1956 г.** в столице состоялась церемония перезахоронения останков бывшего министра иностранных дел и члена **Политбюро ВПТ Ласло Райка**, казненного в **1949 г.** в годы политических репрессий, развязанных в стране режимом **М. Ракоши**. Это событие сразу переросло в мощные антиправительственные выступления с требованием возвращения на пост премьер-министра страны популярного в народе **И. Надя**. Ситуация в стране стала развиваться настолько стремительно, что уже **23 октября 1956 г.**, за день до своей отставки, **А. Хегедюш** под давлением советского посла **Ю.В. Андропова** направил в **Москву** обращение об оказании военной помощи правительству Венгрии в подавлении антисоветского мятежа, который уже перерос в кровавое противостояние сторон.

Утром **24 октября 1956 г.** по приказу начальника **Генерального штаба ВС СССР** маршала **В.Д. Соколовского** началась реализация плана «**Волна**» и в **Будапешт** были введены части **Особого корпуса** генерал-лейтенанта **П.Н. Лашенко**, которые взяли под свой контроль все важнейшие объекты столицы. Но это только подогрело обстановку в городе и привело к эскалации конфликта. Чтобы как-то разрядить эту ситуацию, **И. Надь** был срочно введен в состав высших руководящих органов **ВПТ** и вновь назначен премьер-министром страны.

На следующий день в **Будапешт** прибыли члены **Президиума ЦК КПСС М.А. Суслов** и **А.И. Микоян**, которые вынудили **Э. Герё** уйти в отставку и уступить пост **Генерального секретаря ЦК ВПТ Яношу Кадару**, тоже ставшему жертвой политических репрессий. Однако ситуация продолжала накаляться, в столице и других городах страны возникали все новые очаги открытых вооруженных столкновений. Во многих местах начались кровавые расправы с коммунистами и сотрудниками службы безопасности, которые направлялись недобитыми венгерскими фашистами, но венгерская полиция и армия были полностью деморализованы и бездействовали.

Стремясь восстановить контроль над ситуацией, новые руководители страны попытались пойти на примирение с антикоммунистической оппозицией и **27 октября 1956 г.** премьер **И. Надь** сформировал новое коалиционное правительство. **28 октября** враждующие стороны подписали соглашение о прекращении огня, а **31 октября** из **Будапешта** были выведены все советские войска. Одновременно было решено распустить развалившуюся **ВПТ** и создать новую **Венгерскую социалистическую рабочую партию (ВСРП)** во главе с **Я. Кадаром**. Однако стабилизировать ситуацию в стране не удалось, поскольку в стане оппозиции созрел план антисоветского переворота, который поддержал перевертыш **И. Надь**.

По ошибочному мнению ряда современных авторов (**А. Богатуров, В. Аверков, Р. Пихоя**), западные страны не имели намерений вмешиваться в венгерские события, поскольку одновременно с нарастанием кризиса в Венгрии шла бурная эскалация конфликта на Ближнем Востоке, исход которого был для Запада важнее развития ситуации в Венгрии, которая негласно давно была признана частью «советской зоны влияния». Однако это утверждение вполне аргументировано отвергают ряд их оппонентов (**О. Филимонов**), которые обращают внимание на то, что: **1)** невмешательство в венгерские события противоречило самой американской доктрине «отбрасывания коммунизма»; **2)** американская администрация активно поддерживала целый ряд недобитых венгерских фашистских организаций — «**Меч и крест**», «**Белая гвардия**», «**Дивизия Ботонд**», «**Кровавый договор**» и другие, а также откровенно подстрекательскую деятельность венгерского католического духовенства, которое в дни мятежа возглавил кардинал **Й. Миндсенти**; **3)** директор **ЦРУ А. Даллес** санкционировал проведение целого ряда спецопераций под кодовым названием «**Фокус**» для оказания помощи всем антиправительственным силам; **4)** радиостанция «**Свободная Европа**» развернула мощную антисоветскую пропаганду и распространяла лживую информацию о том, что западные страны вот-вот придут на помощь венгерской оппозиции, поэтому надо продолжать свою «священную» борьбу с просоветским коммунистическим режимом в **Будапеште**.

Тем временем в высшем советском руководстве под влиянием **Ю.В. Андропова** и председателя **КГБ СССР И.А. Серова** возобладала точка зрения, что венгерские события являются самой настоящей «контрреволюцией», а **И. Надь** ликвидатором советской власти в стране. Эта оценка венгерских событий вскоре нашла свое зримое подтверждение, когда **1 ноября 1956 г. И. Надь** информировал **Генсека ООН Д. Хаммаршельда** о намерении Венгрии выйти из состава **ОВД** и провозгласить нейтралитет по примеру соседней Австрии.

К тому времени в **Москве** уже было принято решение подавить венгерское восстание силой, и в **Будапешт** срочно вылетел главком **Объединенных вооруженных сил ОВД** маршал **И.С. Конев** с планом конкретных военных действий под кодовым

названием «**Вихрь**». Одновременно в пригороде **Будапешта** по приказу генерала армии **И.А. Серова** была арестована делегация венгерского правительства во главе с новоиспеченным министром обороны генерал-майором **П. Малетером**, которая прибыла на советскую военную базу для переговоров о полном выводе советских войск с территории Венгрии.

3 ноября 1956 г. советские войска под командованием маршала **И.С. Конева** начали операцию «**Вихрь**» и вскоре вступили **Будапешт**, где в тот же день было объявлено о создании **Революционного рабоче-крестьянского правительства** Венгрии во главе с **Я. Кадаром**, которое направило советскому руководству просьбу об оказании помощи в борьбе против фашистской реакции. Через два дня правительство **Я. Кадара** прибыло в **Будапешт** и при поддержке советских войск быстро установило контроль в столице, а затем и по всей стране. **И. Надь** укрылся в югославском посольстве, но через три недели, получив гарантии личной безопасности, покинул его. После этого он был сразу арестован, а затем, в **июне 1958 г.**, повешен вместе с **П. Мелертом** по приговору военного трибунала за подготовку военного мятежа в стране.

В современной историографии существует две противоположных точки зрения в оценке венгерских событий. Либеральные авторы (**А. Яковлев, Р. Медведев, Р. Пихоя**) еще со времен «горбачевской перестройки» совершенно голословно пытались доказать, что эти кровавые события были «народным венгерским восстанием» и «венгерской революцией» против тоталитарного режима и советской оккупации. Их современные оппоненты (**О. Филимонов, В. Гаврилов**) утверждают, что в советской историографии венгерские события совершенно справедливо оценивали как контрреволюционный антисоветский мятеж фашистских недобитков, который был активно поддержан американской администрацией и ее спецслужбами.

6. Суэцкий кризис и его международные последствия (1956–1957)

В **июле 1956 г.** новый президент Египта **Гамаль Абдель Насер** обнародовал декрет о национализации франко-британской «**Компании Суэцкого канала**», который вызвал бурную реакцию в **Лондоне** и **Париже**. Западные державы, возмущенные подобным поведением египетского руководства, стали готовить вооруженную интервенцию против Египта. Создавшуюся ситуацию решили использовать правящие круги **Израиля**, которые прекрасно сознавали, что одним из ключевых программных положений арабского национализма является ликвидация их государства. Исходя из этих практических соображений, израильское правительство **Д. Бен-Гуриона** предложило свое участие в британско-французской интервенции и уже в **конце октября 1956 г.** был подписан секретный протокол о военном союзе трех стран.

Ранним утром **30 октября 1956 г.** израильская армия под командованием генерала **М. Даяна** начала реализацию плана «**Кадеш**» и вторглась на территорию Египта. Сразу вслед за этим последовал абсолютно циничный британско-французский ультиматум, в котором содержалось требование к обеим сторонам конфликта немедленно прекратить боевые действия и отвести свои войска на десять миль от **Суэцкого канала**. Израиль, формально приняв этот ультиматум, продолжил наступление своих войск и уже через два дня захватил весь **Синайский полуостров** и сектор **Газа**. Однако Египет этот ультиматум категорически отверг, и **31 октя-**

бря экспедиционные войска союзных держав начали боевые действия против египетской армии, стремясь захватить всю зону **Суэцкого канала**. Но совершенно неожиданно они встретили упорное сопротивление египетских войск и населения самих городов, где начались тяжелые уличные бои.

В тот же день ситуация в Египте была поставлена на обсуждение **Совета Безопасности ООН**, но британский и французский представители, пользуясь своим законным правом вето, заблокировали принятие проектов двух резолюций, предложенных американской и советской стороной. Тогда **1 ноября 1956 г.** начала свою работу чрезвычайная сессия **Генеральной Ассамблеи ООН**, на которой большинством голосов была принята резолюция по ситуации в зоне конфликта. Этот документ предусматривал немедленное прекращение огня в районе **Суэцкого канала**, отвод всех оккупационных войск на исходные рубежи, создание чрезвычайных вооруженных сил **ООН** и ввод их на территорию Египта. Однако, несмотря на эту резолюцию, британско-французские войска продолжили боевые действия в зоне конфликта.

В этой ситуации, **5 ноября 1956 г.** советское правительство направило правительствам Великобритании, Франции и Израиля ультимативные ноты, в которых заявило о своей полной решимости «применить силу и сокрушить агрессоров», если боевые действия против Египта не будут немедленно прекращены. Одновременно было заявлено об отзыве из **Тель-Авива** советского посла **А.Н. Абрамова** и высказано пожелание американской стороне предпринять совместные шаги для прекращения агрессии против Египта.

Американская администрация тоже решительно осудила действия **Парижа** и **Лондона**, поскольку: **1)** эта агрессия была подготовлена и реализована без ведома **Вашингтона** и других союзников по **НАТО**, чем был нарушен союзнический долг этих держав перед другими участниками альянса; **2)** американская администрация вообще скептически оценивала силовые маневры своих европейских союзников, считая их остатками старых колониальных амбиций; **3)** **Вашингтон** стремился приобрести в ближневосточном регионе как можно больше партнеров среди арабских государств, а поскольку все они осудили агрессию против Египта, США не рискнул оказаться в стане их врагов; **4)** США резонно опасались, что агрессия против Египта даст повод Советскому Союзу для вмешательства в ближневосточные дела, где до сих пор советское присутствие было очень незначительным.

Тем не менее, **Вашингтон** решительно высказался против предложений **Москвы** предпринять согласованные действия на Ближнем Востоке и предупредил советских представителей о своем отрицательном отношении к идее направления в регион советских добровольцев и военспецов. Одновременно американская администрация по своим дипломатическим каналам выразила Франции и Великобритании осуждение их действий и пригрозила прекратить им все поставки нефти, если не будет найден компромисс.

Столкнувшись с мощным давлением извне, **6–7 ноября 1956 г.** британское и французское правительства заявили о своей решимости выполнить резолюцию **ГА ООН** и прекратили боевые действия на территории Египта. В течение одного месяца франко-британский экспедиционный корпус был выведен с территории страны, а в **марте 1957 г.** **Синайский полуостров** и сектор **Газы** покинули израильские войска.

Суэцкий кризис имел далеко идущие последствия для развития всей системы международных отношений, поскольку: **1)** Египетское руководство окончательно перешло в стан политических и военных союзников СССР; **2)** Советский Союз существенно укрепил свои позиции на Ближнем Востоке и поднял свой авторитет среди практически всех арабских государств; **3)** Американская администрация, опасаясь дальнейшего усиления влияния СССР в этом стратегически важном нефтеносном регионе мира в **январе 1957 г.** срочно разработала и приняла специальную программу укрепления своих связей с арабскими державами, получившую название «**доктрина Эйзенхауэра**», которая целиком и полностью находилась в русле общей внешнеполитической **доктрины «отбрасывания коммунизма»**.

7. Внешняя политика СССР в Азиатско-Тихоокеанском регионе

а) Отношения с Японией

После окончания **Второй Мировой войны** между **Москвой** и **Токио** так и не были восстановлены дипломатические отношения, поскольку из-за интриг американских дипломатов советская сторона не подписала **Сан-Францисский мирный договор**. СССР де-факто владел **Южным Сахалином** и **Курильскими островами**, от прав на которые японцы отказалась именно по этому договору, но официально японская сторона ни в одном из документов не признала вхождения этих территорий в состав СССР. Более того, после **1951 г.** японское правительство **С. Ёсида** с подачи и при активной поддержке американской администрации стало оспаривать право советской стороны на обладание четырьмя островами южной части **Курильской гряды** — **Хабомай, Шикотан, Кунашир и Итуруп** на том основании, что географически эти острова никогда не относились к **Курильской гряде**. В обоснование своей позиции японская сторона ссылалась на пограничные российско-японские договоры, заключенные в **1855 и 1875 гг.**

Республиканская администрация, прежде всего, ее госсекретарь **Дж. Даллес**, энергично поддерживали все японские претензии на эти острова. Более того, всячески желая сорвать процесс нормализации советско-японских отношений, американские стратеги постоянно требовали от **Токио** предельно ужесточить свои требования по территориальному вопросу. **Дж. Даллес** даже заявлял, что если Япония проявит уступчивость и согласится с вхождением четырех островов в состав СССР, то и США будут считать себя вправе неограниченно долго оккупировать японский архипелаг **Окинава**, временное военное присутствие на котором было закреплено **Сан-Францисским договором**. В самом **Токио** хотели улучшения отношений с **Москвой**, но опасались добиваться этого ценой ухудшения отношений с США с риском потерять шанс на возвращение **Окинавы**. Поэтому советско-японские переговоры о восстановлении дипотношений продолжались около двух лет и завершились только в **октябре 1956 г.** подписанием совместной **Декларации**.

В соответствии с этой **Декларацией** состояние войны между странами было прекращено и восстановлены нормальные дипломатические отношения. Причем, СССР согласился поддержать просьбу Японии о принятии ее в члены **ООН**, и обе стороны согласились продолжить переговоры о заключении мирного договора.

При этом одним из пунктов **Декларации** было установлено, что «Советский Союз, учитывая интересы Японского государства, соглашается на передачу ему островов **Хабомай** и **Шикотан** с тем условием, что фактическая передача этих островов будет произведена после заключения мирного договора между двумя странами».

Вплоть до **начала 1960-х гг.** советское руководство надеялось на то, что в силу сильных антиамериканских настроений части японской политической элиты после истечения срока действия японо-американского «**Договора безопасности**», подписанного в **1951 г., Токио** войдет в число нейтральных государств, что создаст хорошую базу для заключения мирного договора двух стран. Однако в **январе 1960 г.** японское правительство **И. Киси** заключило с США новый «**Договор безопасности**», который продлил японо-американский союз еще на двадцать лет.

В этой ситуации, в **середине января 1960 г.** советское правительство направило в **Токио** так называемую «**Памятную записку**», в которой известило японскую сторону о своем отказе передать ей острова **Хабомай** и **Шикотан** на том основании, что новый японо-американский договор подрывает суверенный статус Японии и сохраняет ее в качестве военной базы третьей стороны.

б) Отношения с Китаем

После **XX съезда КПСС** в мировом коммунистическом движении возникли довольно большие разногласия, преодолению которых должно было послужить **Совещание представителей коммунистических и рабочих партий**, прошедшее в **Москве** в **ноябре 1957 г.** Это **Совещание** положило начало новой форме совместной работы родственных партий, для участия в которой прибыли лидеры почти всех коммунистических партий мира, в том числе лидер **КПК Мао Цзэдун**. Выступления и дискуссии, происходившие в **Кремле**, не освещались в советской партийной печати, и только после окончания работы **Совещания** были опубликованы **Итоговая Декларация** и **Манифест Мира**, в которых полностью одобрялись все решения **XX съезда КПСС**, в том числе по критике «**сталинского культа**».

Вместе с тем, было хорошо известно, что на этом **Совещании** председатель **Мао**, поддержанный лидерами ряда компартий, прежде всего, **Ким Ир Сеном**, **Э. Ходжа** и **Д. Айдитом**, резко критиковал хрущевский «**ревизионизм**» и призывал лидеров других компартий не бояться «**третьей мировой войны**», которая покончит с мировым империализмом. Однако **Н.С. Хрущеву** все же удалось провести на конференции советские тезисы, а китайцы, желая сохранить миф о единстве социалистического лагеря и мирового коммунистического и рабочего движения, согласились подписать заключительную декларацию, со многими пунктами которой они были не согласны.

Тем временем, уже в **начале 1958 г.** в Китае начался пресловутый «**великий скачок**», который во многом копировал сталинский курс политики «**большого скачка**». Советское политическое руководство, прежде всего, сам **Н.С. Хрущев**, крайне скептически отнеслось новому политическому курсу китайского руководства, опасаясь, что он приведет страну к экономической нестабильности, массовым политическим репрессиям и осложнению общей ситуации в дальневосточном регионе.

Между тем, **весной 1958 г.** крайне обострились отношения между **КНР** и **гоминдановским Тайванем**, который грозил перерасти в новый очаг международной напряженности. В этой ситуации, в **августе 1958 г.** **Н.С. Хрущев** совершил кратко-

временный визит в **Пекин**, где провел несколько личных встреч с **Мао Цзэдуном**. Позднее стало известно, что во время этих переговоров **Мао** жестко настаивал на увеличении советской помощи в создание китайского ракетно-ядерного оружия, однако советский лидер уклонился от каких-либо конкретных обещаний китайской стороне на сей счет.

В **сентябре 1959 г.**, сразу по завершению своего визита в США, **Н.С. Хрущев** вновь посетил **Пекин**, чтобы принять участие в торжествах по случаю десятилетия образования КНР. На сей раз встреча с **Мао Цзэдуном**, **Лю Шаоци** и другими китайскими руководителями прошла в еще более прохладной атмосфере, поскольку китайские товарищи откровенно не скрывали своего явного недовольства недавним визитом **Н.С. Хрущева** в **Вашингтон** и его попытками начать политику разрядки с американскими империалистами.

Тем временем, в **конце 1959 г.** возник острый пограничный конфликт между Индией и Китаем. Пекинские руководители рассчитывали, что СССР автоматически примет их сторону в этом конфликте, поскольку Китай являлся социалистической страной. Однако советское руководство предпочло занять в китайско-индийском конфликте нейтральную позицию, хотя именно тогда, откликнувшись на предложение **Дж. Неру**, **Н.С. Хрущев** направил в Дели советскую партийно-правительственную делегацию в составе **К.Е. Ворошилова**, **Ф.Р. Козлова** и **Е.А. Фурцевой**. Затем, в **феврале 1960 г.**, на пути в Индонезию, где должен был состояться государственный визит советской делегации, **Н.С. Хрущев** остановился в Дели и опять, уже дважды, встретился с **Дж. Неру**.

Естественно, что все эти демонстративные шаги советского руководства вызвали резкое неприятие в **Пекине**, и в **апреле 1960 г.** **Мао Цзэдун** отклонил предложение советской стороны посетить СССР для отдыха и переговоров. Более того, в опубликованных к ленинскому юбилею статьях, в том числе в работе самого **Мао Цзэдуна** «За ленинизм!», китайская партийная пресса подвергла крайне резкой критике ряд положений Декларации Совещания коммунистических партий 1957 г., касающихся культа личности **И.В. Сталина**.

В **июне 1960 г.** ЦК КПСС направил всем компартиям «Информационную записку», в которой критиковались теоретические взгляды и претензии руководства КПК на особую роль и положение в мировом коммунистическом движении. В свою очередь ЦК КПК направил компартиям свое «Письмо» с резкой критикой «ревизионистской» позиции ЦК КПСС. Межпартийная дискуссия отразилась и на межгосударственных отношениях двух стран, и уже в **июле 1960 г.** советское правительство отозвало из КНР всех советских спецов, что крайне негативно отразилось на общей ситуации в стране из-за фактического провала политики «великого скачка».

В **октябре 1960 г.** состоялось очередное Московское совещание представителей коммунистических и рабочих партий, на котором китайская делегация во главе с **Лю Шаоци** и **Дэн Сяопином** потребовала исключить из всех документов ссылку на историческое значение XX съезда КПСС. Этот демарш китайских представителей был отклонен всеми участниками встречи и они вынуждены были подписать Итоговое заявление, принятое в конце работы Совещания. Более того, делегация КПК совершила поездку по СССР и несколько раз была принята самим **Н.С. Хрущевым**, однако эти контакты оказались «последней ласточкой» добрососедских советско-китайских отношений.

8. Советско-американские отношения и Второй Берлинский кризис (1958–1961)

Решимость советского руководства во время **Суэцкого кризиса** нанести превентивный удар по европейским державам серьезно напугали противную сторону и уже в **декабре 1956 г.** **Совет НАТО** одобрил новую стратегию альянса. Составными частями этой стратегии стали: 1) решение о создании крупных военно-сухопутных формирований на европейском континенте, способных сдерживать гипотетический удар со стороны СССР; 2) ограничение **доктрины «массированного воздействия»** и решение о невозможности применения ядерного оружия в небольших по масштабу, локальных военных конфликтах.

Одновременно американцы заморозили свое участие в переговорах с советской стороной об ограничении ядерных испытаний, с которым советское руководство выступило на **Женевской конференции** в **июле 1955 г.**, и стали склоняться к идее предоставления европейским союзникам по **НАТО** права доступа к американскому ядерному оружию в чрезвычайных обстоятельствах.

В **июле 1957 г.** в Советском Союзе прошли успешные испытания межконтинентальной баллистической ракеты (**МБР**), что полностью положило **конец прежней стратегической неуязвимости США**. В этой ситуации европейские союзники стали все настойчивее требовать от **Вашингтона** увеличения военно-технологической помощи со стороны США, что, в принципе, отвечало интересам самих американцев в европейском регионе. Администрация президента **Д. Эйзенхауэра** считала целесообразным помочь европейцам в создании собственного ядерного оружия с тем, чтобы союзники **Вашингтона** смогли сформировать «европейский» потенциал ядерного противостояния СССР и облегчили бремя США в создании и содержании этого оружия.

Уже в **декабре 1957 г.** **Совет НАТО** принял важное решение о размещении на территории Британии, Италии и Турции американских стратегических ракет среднего радиуса действия «**Скайблор**», «**Тор**» и «**Юпитер**». Естественно, что эти шаги американской администрации были восприняты в **Москве** как шаг к «ядерному вооружению» Западной Германии и советская сторона потребовала исключить ФРГ из числа государств-членов **НАТО**, на территории которых могло быть размещено ядерное оружие.

Одновременно с этим советское руководство сделало асимметричный ответ и в **январе 1958 г.** объявило о сокращении численности советских вооруженных сил на **300 000 человек**, что было связано, как с высокими издержками на содержание самой армии, так и с переосмыслением советским руководством значимости обычных вооруженных сил и вооружений в военной стратегии страны. Затем, в **феврале 1958 г.**, **Н.С. Хрущев** предложил созвать конференцию четырех великих держав и пересмотреть статус **Западного Берлина**, объявив его демилитаризованным вольным городом. Однако эти шаги не были оценены противной стороной и в **марте 1958 г.** канцлер **К. Аденауэр** смог убедить западногерманский бундестаг ратифицировать соглашение о размещении на территории ФРГ американских ядерных зарядов.

СССР расценил это решение как шаг к ядерному вооружению Западной Германии и в **мае 1958 г.** в **Москве** состоялось совещание стран-участниц **ОВД**, на котором была согласована тактика действий в германском вопросе. В **июле 1958 г.** ГДР выступила с предложением о заключении мирного договора с ФРГ, выдер-

жанном в русле советской идеи об отказе обоих германских государств от обладания ядерным оружием. Однако западная сторона, расценив это предложение как проявление «слабости **Москвы**», никак не отреагировала на это предложение.

Тогда в **конце ноября 1958 г.** советское правительство направило правительствам США, Великобритании и Франции довольно жесткую ноту, в которой содержалось требование в течение шести месяцев, то есть до **конца мая 1959 г.**, заключить мирный договор с ГДР и признать второе германское государство де-юре. В противном случае советское руководство грозило подписать отдельный мирный договор с ГДР и переложить на ее правительство полную ответственность за обеспечение особого статуса всего **Берлина** и гарантий доступа западных держав в западную часть города.

В исторической литературе эта ноябрьская нота получила название «**Ультиматум Хрущева**», который, как полагают ряд авторов (**А. Филитов, Ф. Новик, М. Наринский**), положил начало **Второму Берлинскому кризису**, продолжавшемуся вплоть до **конца 1961 г.** Однако, по мнению других авторов (**А. Богатуров, В. Аверков**), напряженность вокруг **Западного Берлина** сохранялась все эти годы, поэтому применять термин «кризис» ко всему, почти трехлетнему, периоду этого противостояния нет оснований.

Однако жесткий ультимативный характер «**ноябрьской ноты**» был вскоре деэскалирован самим советским руководством, и в **январе 1959 г.** оно дало понять, что не настаивает на разрешении германского вопроса в первоначально обозначенные сроки. Это поведение советской стороны стало прекрасной иллюстрацией новой характерной черты советской дипломатии, которая сформировалась под прямым влиянием самого **Н.С. Хрущева**: сначала действовать «с позиции силы» и оказать психологическое давление на оппонента, а затем, в случае его отказа от советских предложений, предложить ему относительно мягкую формулу компромисса.

Исторический опыт наглядно показал, что такая тактика далеко не всегда была плодотворной, но именно она проводилась в жизнь самим **Н.С. Хрущевым** и его министрами иностранных дел. Сначала эту должность занимал тогдашний хрущевский фаворит **Д.Т. Шепилов**, пробывший на посту министра всего восемь месяцев, и ушедший в **феврале 1957 г.** с повышением на должность секретаря **ЦК**, с которой с треском вылетел уже в **июне 1957 г.** после разгрома «**антипартийной группы В.М. Молотова, Г.М. Маленкова, Л.М. Кагановича**». Затем эту должность занял карьерный дипломат **А.А. Громыко**, который был министром иностранных дел СССР почти три десятка лет, до **июня 1985 г.**, то есть до прихода к власти **М.С. Горбачева**. При этом надо заметить, что если **В.М. Молотов**, будучи министром иностранных дел, всегда жестко отстаивал свою особую позицию по всем внешнеполитическим вопросам, за что собственно и поплатился своим постом в **июне 1956 г.**, то **А.А. Громыко**, не обладая в хрущевский период каким-либо политическим весом и влиянием, всегда шел в фарватере его внешнеполитического курса и не перечил этому сумасброду, который довольно слабо разбирался в большинстве внешнеполитических проблем.

В **сентябре 1959 г.** состоялся первый в истории двух сверхдержав официальный визит советской партийно-правительственной делегации во главе с **Н.С. Хрущевым** в США. Во время этого турне в ходе личной встречи с президентом **Д. Эйзенхауэром** советский лидер добился от американской стороны принципиального согласия на

созыв в мае 1960 г. международной конференции в Париже по германскому вопросу. Однако **Парижская конференция**, едва начавшись, была сразу сорвана, поскольку **Н.С. Хрущев** в категорической форме потребовал от президента **Д. Эйзенхауэра** принести ему публичные извинения за то, что американские самолеты-разведчики постоянно нарушают воздушное пространство СССР. Но американский президент, которого поддержал его французский коллега президент **Ш. Де Голль**, невзирая на прямые доказательства вины американской стороны, в том числе только что сбитый над **Уралом** советскими баллистическими ракетами самолет-шпион **U-2**, пилотируемый **Ф. Пауэрсом**, отказалась это сделать, и **Н.С. Хрущев** покинул **Парижскую конференцию**. Причем, по мнению ряда советологов (**М. Татю**), этот демарш советского руководителя, произошел вопреки его личного желания, а под сильным давлением членов советской делегации, в том числе министра иностранных дел **А.А. Громыко** и министра обороны маршала **Р.Я. Малиновского**.

В апреле 1961 г. **Н.С. Хрущев** выдвинул новый ультиматум по берлинскому вопросу, объявив, что СССР еще до конца года подпишет мирный договор с ГДР и передаст ей всю полноту власти над восточной частью **Берлина**. Однако вскоре он вновь смягчил свою прежнюю позицию и предложил новой администрации США, которую возглавил президент-демократ **Джон Кеннеди**, вернуться к обсуждению германского вопроса, и в июне 1961 г. в столице Австрии **Вене** состоялась новая встреча в верхах.

В современной исторической литературе (**С. Рогов**, **А. Фурсенко**, **М. Татю**) принято считать, что на переговорах в **Вене** **Н.С. Хрущев** явно недооценил своего американского партнера и, сочтя его слишком молодым и слабым политиком, проявил ненужную полемичность и упустил шанс приблизиться к компромиссу по германской проблеме. В частности, советский лидер снова довольно жестко поставил вопрос о подписании мирного договора с Германией с включением в него статей, запрещающих размещение на всей ее территории ядерного оружия. При этом американской стороне было заявлено, что СССР считает весь **Берлин** территорией ГДР и не видит никаких оснований для сохранения особого статуса в западной части города.

В принципе, позиция **Москвы** во всем, что не касалось статуса **Западного Берлина**, вполне отвечала новым настроениям в американском руководстве. Но сам тон **Н.С. Хрущева** показался американской стороне явно вызывающим, поскольку советский лидер угрожал отказаться гарантировать права западных держав в **Западном Берлине**. В этой ситуации **Дж. Кеннеди** тоже решил проявить твердость и заявил, что при необходимости США будут силой оружия защищать свои интересы в **Западном Берлине**. Подобного прямого обмена скрытыми угрозами и столь резкого разговора между лидерами двух стран прежде никогда не происходило, и в результате эта встреча закончилась безрезультатно.

После провала венский переговоров, в августе 1961 г. **Политический Консультативный Комитет ОВД** призвал руководство ГДР принять самые жесткие меры против «подрывной деятельности» **Западного Берлина**. И в середине августа 1961 г., всего за одну ночь, было окончательно завершено давно начатое строительство бетонной стены вдоль границ **Западного Берлина**. Доступ в западную часть города теперь был разрешен только через контрольно-пропускные пункты и никаких мер, затрудняющих доступ европейских представителей в **Западный Берлин**, восточно-германскими и советскими властями не предпринималось.

Тем не менее, в **конце августа 1961 г.** в ответ на возведение **Берлинской стены** вдоль нее было развернуто около тысячи американских военнослужащих и несколько десятков танков и бронемашин. А в **сентябре-октябре** американская военная группировка в ФРГ была увеличена на **40 000 человек**. В этой ситуации, не желая идти на дальнейшее обострение конфликта, на **XXII съезде КПСС Н.С. Хрущев** вновь заявил о смягчении позиции СССР по берлинскому вопросу и фактически дезавуировал свой **«апрельский ультиматум»**. Однако американская сторона продолжала нагнетать ситуацию вокруг **Берлинской стены**, пока не разразился так называемый **«инцидент у КПП «Чарли»**», который чуть было не привел к военному столкновению советских и американских военнослужащих. Но, к счастью этого не произошло и советские, и американские танки были отведены от **Берлинской стены**.

В современной либеральной историографии и публицистике (**А. Яковлев, Р. Медведев, Л. Млечин**) традиционно пытаются представить возведение **Берлинской стены** как некий символический рубеж, окончательно разделивший мир на «лагерь цивилизованных демократических стран» во главе со светочем демократии США, и «лагерь тоталитарных социалистических режимов» во главе с «империей зла» СССР. Хотя, как верно заметили многие специалисты (**Н. Павлов, А. Богатуров, В. Аверков**), в период **Второго Берлинского кризиса** все действия, предпринятые советским политическим и военным руководством, происходили исключительно в рамках собственной «зоны влияния» и их нельзя трактовать как агрессию советской стороны. Более того, сооружение **Берлинской стены** вызвало сдержанное осуждение и на самом Западе, и ни одна из западноевропейских стран не предприняла энергичных мер в связи с этим событием. Фактически действия советской стороны способствовали сохранению статус-кво в берлинском вопросе, хотя сама германская проблема так и оставалась неразрешенной, поскольку по вине США до сих пор не был подписан общий мирный договор с Германией, а ГДР оставалась непризнанной де-юре западными державами страной.

9. Карибский кризис и его международные последствия (1962)

В **январе 1959 г.** в результате военного переворота на Кубе был свергнут ненавистный режим диктатора **Ф. Батисты** и к власти пришло правительство кубинских националистов и радикалов во главе **Фиделем Кастро**. Американская администрация первоначально отнеслась к утверждению власти кубинских «революционеров» без особой враждебности. Новое кубинское правительство тоже пока воздерживалось от активной антиамериканской пропаганды. Но уже к **концу 1959 г.** разногласия между **Вашингтоном** и **Гаваной** стали нарастать как снежный ком, поскольку **Ф. Кастро** развернул жестокие репрессии против сторонников свергнутого режима, которые переросли в подавление всей проамериканской оппозиции в стране.

В результате на территорию США хлынул поток кубинских беженцев, которые осели в американском штате **Флорида**, где, образовав целое сообщество эмигрантов, стали оказывать активное влияние на американское общественное мнение. Пытаясь как-то повлиять на политику **Гаваны**, американская администрация снова прибегла к экономическим санкциям против Кубы, добавив к эмбарго на поставки вооружений запрет на закупки кубинского сахара. А поскольку тростниковый сахар был главной статьей кубинского экспорта, эти меры больно ударили по кубинской

экономике. В ответ на эти действия американской стороны, в начале **1960 г.** кубинское правительство закупило большую партию оружия в СССР, который также согласился снабжать Кубу своими энергоносителями, в частности сырой нефтью. Одновременно кубинское правительство национализировало все принадлежавшие американским компаниям нефтеперерабатывающие предприятия.

Ближневосточный и берлинский кризисы на время отвлекли внимание ведущих мировых держав от положения дел в Западном полушарии. Однако приход к власти в **Вашингтоне** новой администрации президента **Дж. Кеннеди** привело к резкому обострению американо-кубинских отношений, поскольку демократическая партия считала режим **Ф. Кастро** репрессивным, а демократы, в отличие от республиканцев, всегда были очень чувствительны к так называемой проблеме «защиты прав человека». Учитывая это обстоятельство, кубинская эмиграция, центром которой стал ближайший к Кубе штат **Флорида**, стала оказывать довольно жесткое давление на администрацию **Дж. Кеннеди** с целью побудить ее принять все меры для свержения режима **Ф. Кастро**.

Тем временем кубинское правительство форсированным маршем стало укреплять свои связи с **Москвой**, и уже в **декабре 1960 г.** в **Нью-Йорке** на новой сессии **ГА ООН** состоялась личная встреча **Н.С. Хрущева** и **Ф. Кастро**. Официальным предметом переговоров лидеров двух государств стал вопрос о дальнейшем развитии процесса деколонизации стран Азии, Африки и Латинской Америки, который всегда очень активно поддерживался советской стороной. Но во время неофициальной встречи двух лидеров прямо в присутствии журналистов **Н.С. Хрущев** намерено заявил о том, что если США позволят себе напасть на Кубу, то в ответ они «получат град советских ракет».

Между тем, межгосударственные отношения **Гаваны** и **Вашингтона** приобрели настолько неприязненный характер, что в **январе 1961 г.** после высылки американских дипломатов, администрация **Дж. Кеннеди** разорвала дипломатические отношения с Кубой. А уже в **апреле 1961 г.** американо-кубинский конфликт принял характер жесткого военного противостояния двух стран. Силами кубинских эмигрантов **ЦРУ**, которое по прежнему возглавлял **А. Даллес**, попыталось свергнуть ненавистный режим **Ф. Кастро** вооруженным путем, и разработала спецоперацию под кодовым названием «**Плут**». Однако прибывшие из **Флориды** вооруженные отряды кубинских командос были разбиты революционной армией Кубы на побережье залива **Качинос** в районе **Плайя-Хирон**.

Несмотря на этот провал, американская администрация вовсе не собиралась отказываться от планов свержения режима **Ф. Кастро**, в том числе и военным путем. Уже в **ноябре 1961 г.** при **СНБ США** была создана **Особая расширенная группа** во главе с генералом **М. Тейлором** и генеральным прокурором **Р. Кеннеди** для разработки нового плана под кодовым названием «**Мангуста**». Этот план представлял собой целый правительственный проект, включавший в себя экономическую блокаду и политическую изоляцию Кубы, организацию подрывной работы внутри страны, террористические планы устранения политических лидеров Кубы, прежде всего, самого **Ф. Кастро** и военное вторжение на остров.

Эти события крайне встревожили все кубинское руководство и оно срочно начало переговоры с советской стороной о предоставлении Кубе военно-технической помощи. Для успеха этих переговоров в **декабре 1961 г.** **Ф. Кастро** впервые публично

назвал себя марксистом и заявил о своей полной готовности начать строительство социализма в стране. Для более близкого знакомства с новым руководством Кубы и установления тесных рабочих контактов, в **январе-феврале 1962 г.** **Гавану** посетил ближайший хрущевский соратник, старейший член Президиума ЦК **Анастас Иванович Микоян**, который подписал с **Ф. Кастро** торговый договор, в соответствии с которым советская сторона многократно увеличила военную помощь Кубе, причем, не только в виде обычных вооружений, но и стратегических ракет. В данном случае, по мнению многих современных авторов (**А. Фурсенко, А. Нафтали, М. Татю**), советское руководство и лично **Н.С. Хрущев** исходило не столько из соображений защиты интересов нового члена «социалистического лагеря», сколько из собственных геополитических и стратегических целей и задач. Дело в том, что после размещения в Турции американских баллистических ракет «**Юпитер**», способных спокойно долетать до самой **Москвы**, СССР реально почувствовал всю свою уязвимость перед лицом ракетной угрозы со стороны США, поэтому **Москве** было крайне важно заполучить надежный стратегический плацдарм, позволяющий держать под прицелом большую часть территорию США.

В конце мая 1962 г., сразу после своего возвращения из **Болгарии**, **Н.С. Хрущев** провел беседу в узком кругу с участием своего зама **А.И. Микояна**, министра иностранных дел **А.А. Громыко** и министра обороны маршала **Р.Я. Малиновского**, в ходе которой изложил им свою идею об увеличении советского военного присутствия на Кубе и размещения там советского ядерного оружия. На следующий день на заседании **Совета обороны СССР** большинство его членов, невзирая на все возражения **А.И. Микояна**, поддержали **Н.С. Хрущева**, и он дал указание начать срочную проработку этого вопроса.

Спустя три дня в **Гавану** вылетела советская партийно-правительственная делегация в составе кандидата в члены Президиума ЦК, **Первого секретаря ЦК КП Узбекистана Ш.Р. Рашидова**, зам. министра обороны и главкома **РВСН** маршала **С.С. Бирюзова** и начальника **Главного Оперативного Управления Генштаба** генерал-полковника **С.П. Иванова**. После встречи с **Ф. Кастро** было получено согласие на размещение ракет и принято решение, что для уточнения всех деталей предстоящей операции в **Москву** вылетит его младший брат, министр обороны Кубы **Рауль Кастро**.

После согласования всех вопросов предстоящей операции было принято решение направить на Кубу ограниченный контингент советских войск численностью более **50 000** военнослужащих, пять дивизионов **РВСН**, оснащенных **42** ядерными ракетами средней дальности **Р-12** и **Р-14**, и **12** установок **С-75** в составе **144** баллистических ракет. Общее командование этим контингентом войск было возложено на генерала армии **И.А. Плиева**. К **июлю 1962 г.** **Главное Оперативное управление Генштаба** под руководством зам. министра обороны маршала **И.Х. Баграмяна** разработало операцию прикрытия под кодовым названием «**Анадырь**» и уже в **начале августа 1962 г.** на Кубу пришли первые советские корабли, а к **октябрю** была полностью завершена переброска основного контингента советских войск на «остров Свободы».

Американские средства воздушной разведки — самолеты-шпионы **U-2** обнаружили советские ракетные установки только **14 октября 1962 г.**, и когда экспертиза полученных снимков подтвердила их достоверность, президент **Дж. Кеннеди** срочно собрал секретное совещание членов так называемого «**Исполнительного комитета**»,

которые предложили ему три возможных варианта разрешения этой ситуации: 1) уничтожить советские ракеты точечными ударами; 2) провести полномасштабную военную операцию на Кубе и 3) ввести морскую блокаду острова.

Председатель **Объединенного Комитета начальников штабов (ОКНШ)** генерал армии **М. Тэйлор** и начальник штаба **ВВС** генерал **К. Лемей** выступили с предложением начать вторжение на Кубу. Однако эта идея была сразу отвергнута президентом **Дж. Кеннеди**, который резонно опасался, что «даже в том случае, если на Кубе советские войска не предпримут активных действий, ответ немедленно последует в **Берлине**», что приведет к неизбежной эскалации конфликта. Поэтому по предложению министра обороны США **Р. Макнамары** было принято решение предпринять военно-морскую блокаду Кубы.

18 октября 1962 г. состоялась встреча **Дж. Кеннеди** с министром иностранных дел СССР **А.А. Громыко** и советским послом **А.Ф. Добрыниным**, на которой они упорно отрицали наличие любого советского вооружения на Кубе. Такую же твердую позицию занял и резидент **ГРУ** полковник **Г.Н. Большаков**, который довольно давно имел тесный рабочий контакт с министром юстиции США, братом президента **Робертом Кеннеди**.

20 октября 1962 г. президент **Дж. Кеннеди**, госсекретарь **Д. Раск**, министр обороны **Р. Макнамара** и другие члены **СНБ США** проголосовали за установление морской блокады Кубы. Однако согласно международному праву любая блокада являлась актом войны, в то время как размещение ядерных ракет в Турции и ответное размещение таких же ракет на Кубе никаких соглашений не нарушало. Таким образом, США оказывались в роли агрессора, развязавшего войну. В связи с этим обстоятельством возникли резонные опасения по поводу того, что эта акция США не встретит поддержки у всего мирового сообщества. Поэтому решение о введении блокады Кубы было вынесено на обсуждение **Организации американских государств (ОАГ)**, которая, опираясь на «**Пакт Рио**», единогласно поддержала введение санкций против Кубы, но не в форме «блокады», а в виде «карантина», что означало не полное прекращение морского сообщения с «островом Свободы», а лишь препятствие поставкам вооружений на него.

В те тревожные дни между **Н.С. Хрущевым** и **Дж. Кеннеди** завязалась острая полемическая переписка, в которой каждая из сторон пыталась обосновать правомерность своих действий. Понимая, что советская сторона не намерена отступить, **22 октября Дж. Кеннеди** обратился к американскому народу с предупреждением о возможности начала войны с Советским Союзом. Вооруженные силы США были приведены в повышенную боевую готовность и советской стороне было заявлено, что запуск любой ракеты с территории Кубы будет считаться в США поводом к началу широкомасштабной войны. Одновременно американская администрация ввела «карантин» всех кубинских портов, что, по сути, было равнозначно объявлению блокады острова.

Тем временем советские транспортные корабли с ядерными ракетами на борту продолжали следовать в направлении кубинских портов. Вооруженные силы СССР были тоже приведены в состояние повышенной боеготовности, и любая попытка американских вооруженных сил остановить советские суда могла стать поводом для начала войны. Происходила встречная эскалация конфликта, и противостоящие стороны не знали, каким образом выйти из этого тупика.

23 октября брат президента **Р. Кеннеди** в неофициальном порядке посетил советское посольство в **Вашингтоне**, где в ходе секретных переговоров с советским послом **А.Ф. Добрыниным** был все-таки найден долгожданный компромисс. В ходе этой встречи, а так же обмена новыми посланиями между **Н.С. Хрущевым** и **Дж. Кеннеди** к **28 октября** удалось выработать главные условия компромисса: **1)** США согласились сделать официальное заявление об отказе от любых попыток свергнуть режим **Ф. Кастро** при помощи военной силы; **2)** СССР согласился начать демонтаж своих ракетных установок на Кубе и вывезти все ракеты с территории острова в течение ближайших трех месяцев; **3)** была достигнута секретная договоренность о выводе с территории Турции всех американских ядерных ракет после формального согласования этого вопроса с турецкой стороной и всеми членами **НАТО**.

Вопрос о том, кто одержал победу в этом противостоянии, до сих пор является предметом давней научной дискуссии. Например, ряд авторов (**Р. Пихоя**) полагают, что эту проблему следует рассматривать в трех основных аспектах. **1)** с **военно-стратегической** точки зрения от этого кризиса скорее выиграл Советский Союз, поскольку были устранены американские ракетные базы с территории Турции и Италии, а так же была гарантирована неприкосновенность территории Кубы; **2)** в **политико-пропагандистском** плане выигрыш был на стороне **США**, которые предстали в глазах мирового сообщества как жертва советского экспансионизма и стойкий защитник идеалов западной демократии; **3)** с **геополитической** точки зрения — это был первый и последний ракетно-ядерный кризис, который доказал, что атомное оружие не может быть оружием в собственном смысле этого слова, т.е. инструментом реализации политических целей военными средствами.

10. Становление режима конфронтационной стабильности в 1960-х годах

К **осени 1962 г.** напряженность в послевоенной международной системе достигла своего пика, поскольку мир оказался на грани всеобщей ядерной войны. Биполярная структура мира при хрупком балансировании США и СССР на грани большой войны оказалась крайне опасным типом организации международного порядка. От третьей мировой войны мир удержал только страх перед применением сверхмощного ядерного оружия, поэтому требовались незамедлительные усилия для установления новых, более строгих правил поведения в наступивший ядерно-космический век.

По мнению многих современных авторов (**А. Фурсенко, А. Нафтали, А. Богатuroв, В. Аверков, М. Наринский**), **Карибский кризис** не только стал высшей точкой военно-стратегической нестабильности в международных отношениях всей **второй половины XX века**. Он одновременно обозначил определенный рубеж окончания **политики балансирования на грани войны**, которая определяла всю атмосферу международных отношений на протяжении целой полосы международных кризисов в **1948–1962 гг.** Таким образом, «**холодная война**» в узком смысле этого понятия в принципе закончилась, но сама конфронтация сохранялась вплоть до крушения СССР. Хотя, именно теперь наступила эра «**конфронтации по правилам**» или, по выражению американского историка **Д.Л. Гэдисса**, «**длинного мира**», которая позволяла решать задачи внешней политики сверхдержав без риска лобового столкновения между ними. Этот «**длинный мир**» в международной системе безопасно-

сти воплотился в форме «**конфронтационной стабильности**», которая, несмотря на постоянное чередование волн снижения и роста международной напряженности, в целом сохранилась вплоть до распада СССР и биполярного мира в **1991 г.**

Применительно к **1960-м гг.** конфронтационная стабильность выражалась в активизации диалога между СССР и США, сближении их позиций по проблемам контроля над вооружениями и международной ситуации на европейском континенте на фоне высокого уровня конфликтности в региональных подсистемах, — прежде всего, восточноазиатской (**вьетнамская война, советско-китайский конфликт**) и ближневосточной (**арабо-израильская война**). Между тем, интенсивность конфликтов на периферии, в которые **Москва и Вашингтон** были неизбежно вовлечены, мало сказывалась на глобальном советско-американском диалоге, поскольку основное внимание советских и американских политиков и экспертов снова стали занимать европейские дела и вопросы контроля над вооружениями. В целом события **октября 1962 г.** отрезвляюще действовали на руководство великих держав, которые:

1) Предприняли реальные шаги по расширению технических возможностей для ведения прямого диалога СССР и США в чрезвычайных ситуациях, и в **июне 1963 г.** между **Москвой и Вашингтоном** была установлена прямая линия «горячей связи», которая в режиме круглосуточной работы позволяла лидерам обеих держав общаться друг с другом.

2) США и СССР резко активизировали переговорный процесс по вопросам контроля над вооружениями, который шел по трем узловым проблемам: **а)** ограничения испытаний ядерного оружия, **б)** регулирования вопросов использования космического пространства в военных целях и **в)** введения запретов на свободную передачу ядерных материалов и технологий их использования в государствах, не обладающие ядерным оружием.

3) США и СССР продолжили модернизацию военно-политических доктрин, чтобы повысить порог возможного советско-американского ядерного конфликта, сократить риск непреднамеренного столкновения и перерастания обычного регионального конфликта с участием великих держав в ядерную войну.

К весне **1963 г.** американские лидеры в лице **Дж. Кеннеди** и **Р. Макнамары** окончательно пришли к выводу о практической неприемлемости концепции первого удара и в рамках теории «**гибкого реагирования**» американские стратеги стали разрабатывать новую доктрину «**взаимно гарантированного уничтожения**», которая исходила из основного тезиса, что стратегической неуязвимости американской и советской территорий больше не существует. Гонка ядерных вооружений не могла теперь гарантировать ни одной из сторон приемлемого уровня защиты от удара вероятного противника. Если даже одна сторона превосходила другую по численности боезарядов, у второй все равно их было так много, что она могла полностью уничтожить первую.

После **Карибского кризиса** идея динамичной конкуренции с США начинает отступать на задний план и у советского политического руководства, которое постепенно обращается к логике признания глобального статус-кво. Применительно к переговорам о запрете испытаний ядерного оружия признание статус-кво означало фиксацию соотношения тех переговорных позиций, которые были достигнутых обеими сторонами еще в **октябре 1958 г. в Женеве.**

К началу 1960-х г. в мире существовало четыре ядерные державы. США (1945), СССР (1949), Великобритания (1952) и Франция (1960). Китай только начал работы над созданием собственной атомной бомбы и смог провести первое ядерное испытание в 1964 г. Для того чтобы ограничения на испытания атомного оружия приобрели всеобъемлющий и комплексный характер, в переговорный процесс следовало вовлечь все ядерные державы и КНР. Но Франция отказывалась принимать на себя ограничения в вопросах ядерного строительства, ссылаясь на свое отставание от других стран. Руководство КНР рассматривало приобретение атомной бомбы как важнейшее средство обеспечения своей национальной безопасности в условиях высокой, как считали все китайские руководители, вероятности войны с внешним врагом. Однако было ясно, что либо этот договор надо подписывать немедленно в той форме и тем составом участников, которые согласились к нему присоединиться, либо его заключение будет отложено на неопределенно долгий срок.

В июле 1963 г. СССР снял все свои возражения по тексту данного договора и в августе 1963 г. в Москве представителями трех великих держав был подписан Договор «О запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, космическом пространстве и под водой». В октябре этот договор вступил в силу после его ратификации парламентами СССР, США и Великобританией. Московский договор носил бессрочный и открытый характер и позднее к нему присоединились более 100 государств, в том числе Франция и КНР.

11. Политика СССР и проблемы социалистического лагеря в начале 1960-х гг.

В октябре 1962 г., во время вооруженного конфликта между КНР и Индией, советское правительство вновь, как и три года назад, заняло нейтральную позицию, отказавшись от поддержки Китая. В этой ситуации китайская сторона впервые позволила себе открыто критиковать внешнюю политику Москвы в центральной партийной печати, назвав размещение советских ракет на Кубе авантюризмом, а их вывод по договоренности с США — капитулянством перед мировым империализмом.

Новая полемика между двумя странами развернулась и в следующем 1963 г., в год подписания Договора «О запрещении испытаний ядерного оружия в трех средах». Самым главным в этой полемике стало то, что китайское руководство впервые публично в целом ряде разгромных статей заявило о неправомерном характере русско-китайских пограничных договоров 1858 и 1860 гг., подписанных царским правительством Александра II с правительством императора Ичжу. За этими статьями последовала нота из 25 пунктов, переданная в советское посольство в Пекине в июне 1963 г. Это был явно провокационный обвинительный документ, направленный против всех основных установок советской внутренней и внешней политики. Советское руководство ответило на китайскую ноту в том же тоне, а в июле 1963 г. ряд китайских дипломатов были высланы из Москвы за антисоветскую пропаганду.

После этих инцидентов, в феврале 1964 г. Пленум ЦК одобрил доклад М.А. Суслова «О борьбе КПСС за сплочение международного коммунистического движения», обвинившего китайское руководство в расколе коммунистического движения и империалистических амбициях, тщательно скрываемых за политикой помощи народам, борющимся против колониализма. Кроме того, в Москве откровенно

враждебную позицию **Пекина** расценили как прямое посягательство на территориальную целостность СССР, что впервые заставило советское политическое руководство задуматься о существовании потенциальной военной угрозы со стороны Китая. Но, опасаясь углубления конфликта с китайской стороной, советские руководители согласились начать консультации по уточнению линии государственной границы двух стран.

Однако эти консультации застопорились **летом 1964 г.**, после того как в беседе с иностранными журналистами **Мао Цзедун** прямо заявил о возможности предъявить Советскому Союзу счет за территории к востоку от **Байкала**, которые были незаконно захвачены Российской империей сто лет назад. Хотя официально КНР и не выдвинула каких-либо территориальных претензий к СССР, в советских стратегических планах на повестку дня был поставлен вопрос о срочном укреплении дальневосточных рубежей страны.

Одновременно китайское руководство убедилось в невозможности сотрудничества с СССР в деле создания «единого антиимпериалистического фронта», поскольку в **октябре 1964 г.** во время последнего визита в **Москву** премьера **Госсовета КНР Чжоу Энляя** его предложения на сей счет были просто проигнорированы.

Одновременно с этим, главным конфликтом в сердце социалистического лагеря, в **1963–1964 гг.** резко обострилось противостояние между СССР и Румынией, непосредственной причиной которого стал советский план координации национальных экономик стран Восточной Европы в рамках **Совета Экономической Взаимопомощи (СЭВ)**. Вплоть до смерти **И.В. Сталина** существование этой структуры имело в большой степени политико-экономический характер. Но в **начале 1960-х гг.** руководство СССР, ГДР и Чехословакии высказались за ускорение и углубление процесса экономической специализации в рамках **СЭВ**, что вызвало крайне резкую реакцию в румынском руководстве, которое считало, что их стране будет уготована роль периферийной базы сельскохозяйственного производства, что застопорит ее движение к социализму. Между тем, решимость советского руководства форсировать экономическую интеграцию восточноевропейских стран не в последнюю очередь была связана с кризисом в советско-китайских отношениях и отступничеством Албании. Поэтому экономическая интеграция стала одним из средств борьбы против центробежных политических тенденций в социалистическом лагере, но планы советских и румынских лидеров пришли в непримиримое противоречие, так как румыны были решительно настроены на продолжение политики индустриализации страны. Однако, вскоре поняв, что продолжение давления на румынское руководство только на руку китайцам, **Н.С. Хрущев** пересмотрел свои прежние позиции и на сессии **СЭВ**, состоявшейся в **июле 1963 г.**, требования румынской стороны были частично учтены.

Тем не менее, в **апреле 1964 г.**, когда напряженность в советско-китайских отношениях поднялась на новую ступень, румынское руководство в лице трех влиятельных членов **Политбюро РРП — К. Стойка, Г. Апостола и Н. Чаушеску** инициировало принятие на **Пленуме ЦК** специального заявления «**О позиции РРП по вопросам международного коммунистического движения**», в котором, по сути, поддержало китайское руководство в противостоянии с СССР. Стало очевидно, что румынское диссидентство из чисто экономической сферы перешло в политическую сферу, что настолько напугало **Н.С. Хрущева**, что в **июле 1964 г.** он принял решение провести новую международную встречу всех коммунистических и рабо-

чих партий в **декабре 1964 г.**, в ходе которой предполагалось осудить китайский, албанский и румынский «уклонизм». Но задуманной конференции не суждено было состояться, поскольку в **октябре 1964 г. Н.С. Хрущев** был снят со всех своих постов и отправлен в отставку.

Советская политика в отношении стран третьего мира также не принесла ожидаемых результатов к **началу 1960-х гг.** Вместе с тем, она дала старт разработке **Институтом мировой экономики и международных отношений (А.А. Арзуманян)** новых политических подходов, отразивших общие тенденции к большей умеренности и постепенности в отношении поставленных целей и задач. **Международное совещание коммунистических и рабочих партий**, прошедшее в **Москве в декабре 1960 г.**, одобрило предложенное советской стороной понятие «**государство народной демократии**». Отнесенным к этому типу независимым государствам третьего мира теперь отводилась решающая роль в период «новой фазы общего кризиса капитализма», но согласно журналу «**Коммунист**», только пять государств этого мира отвечали установленным критериям — Куба, Гвинея, Гана, Мали и Индонезия. И в самом деле, несмотря на все усилия советской дипломатии, ни Объединенная Арабская Республика (Египет), получившая от СССР огромный денежный кредит, ни Ирак, где революция **1958 г.** покончила с британским влиянием, ни Конго, в защиту целостности которого **Н.С. Хрущев** выступил в **сентябре 1960 г.** на сессии **ГА ООН** с ботинком в руках, так и не вошли в клан государств «народной демократии». Таким образом, хрущевский волюнтаризм, не способный предложить этим странам третьего мира притягательную модель дальнейшего развития, завел советскую внешнюю политику на этом направлении в тупик.

Тема: КОНЕЦ «ХРУЩЕВСКОЙ ОТТЕПЕЛИ» И ОТСТАВКА Н.С. ХРУЩЕВА

План:

1. XXII съезд КПСС и его основные решения.
2. Управленческий волюнтаризм Н.С. Хрущева в начале 1960-х гг.
3. Подготовка «заговора» против Н.С. Хрущева и его причины.
4. Октябрьский Пленум ЦК КПСС и отставка Н.С. Хрущева.

1. XXII съезд КПСС и его основные решения

XXII съезд КПСС, прошедший в **октябре 1961 г.**, стал своеобразным водоразделом в истории «хрущевской оттепели», поскольку именно на этом съезде были приняты решения, которые, в конечном счете, поставили крест на партийно-государственной карьере самого **Н.С. Хрущева**.

Принятие новой **партийной программы** строительства коммунизма, несмотря на всю ее несостоятельность, практически не вызвало никаких дискуссий внутри партии. Сам текст этой программы носил сугубо ортодоксальный характер и излагал хорошо известные способы перехода к коммунистическому обществу, что вряд

ли могло стать предметом горячих и острых дискуссий на съезде. Согласно этой программе для достижения поставленной цели требовалось двадцать лет напряженного труда, из которых первое десятилетие (1961–1970) отводилось на «создание материально-технической базы коммунизма», а второе десятилетие (1971–1980) — объявлялось переходным периодом от развитого социализма к коммунизму.

При этом в тексте самой программы опять было заявлено, что только «дальнейшее развитие тяжелой индустрии», на базе которой будет проведена техническая реконструкция всех остальных отраслей народного хозяйства, приведет к созданию бесклассового общества с единой формой собственности на средства производства, к постепенному отмиранию социалистического государства и передачи всех его функций органам народного самоуправления.

Однако принятие нового **партийного устава** имело более важные политические последствия. Этот документ, формально вдохновляемый ленинскими принципами революционной легальности, внутривнутрипартийной демократии, идеями народного контроля и коллективного руководства, подчеркивал необходимость **периодической ротации** всех партийных кадров и руководящих органов на всех уровнях партийного аппарата, от первичных ячеек до **Президиума ЦК**. На каждых отчетно-выборных собраниях, конференциях и съездах замене подлежала половина членов всех выборных партийных органов до райкома партии включительно, треть состава — на областном (краевом) и республиканском уровнях, и четверть состава — в **ЦК** и его **Президиуме**. При этом данное положение устава было подкреплено дополнительным правилом, которое запрещало избираться в одни и те же партийные органы более определенного количества раз. Однако, не допуская исключений для первичных и региональных организаций, эти правила предусматривали исключения для членов **ЦК** и **Президиума ЦК**. Члены высших партийных органов, «авторитет которых был единодушно признан всеми членами партии», могли оставаться на своем посту более долгий период, если при тайном голосовании три четверти голосов подавались «за» их кандидатуры. Таким образом, эти новые нормы партийного устава, призванные обеспечить обновление и омоложение партийных кадров, достигли лишь частичного успеха. На самом деле быстрая ротация кадров на низших уровнях приводила к ослаблению их авторитета и ставила в еще большую зависимость от прочно сидящих на своих местах представителей вышестоящих партийных инстанций. Что же касается высших партийных иерархов, то возможность оставаться в верхних эшелонах власти практически на безграничный срок только укрепляла их положение. С другой стороны, чтобы набрать большинство в три четверти голосов, позволяющее сохранить им свои посты во властной вертикали, они, будучи заинтересованы в укреплении личной преданности нижестоящей номенклатуры, неизбежно шли навстречу их требованиям. В итоге кадровая реформа укрепляла отношения **личной преданности и застой в верхах**, одновременно ставя под угрозу карьеры молодых партийных кадров, поставленных в прямую зависимость от благорасположения вышестоящих партийных чиновников. Таким образом, эта уставная реформа оказалась неспособной ни покончить с консервативным сопротивлением в верхах, ни привлечь на сторону **Н.С. Хрущева**, главного автора этой реформы, симпатии огромной армии партийных аппаратчиков на местах.

После двух дней дискуссий по ключевым партийным документам, совершенно неожиданно для большинства делегатов съезда, хрущевские клеветы **А.Н. Шеле-**

пин, **Н.В. Подгорный**, **О.В. Куусинен** и ряд других ораторов перевели дискуссию на, казалось бы, давно забытую тему — критику сталинского культа личности и разоблачение преступных деяний его ближайших сообщников, в первых рядах которых опять замаячили члены давно разоблаченной «антипартийной группы» — **В.М. Молотов**, **Л.М. Каганович**, **Г.М. Маленков** и неожиданно для многих **К.В. Ворошилов**. Причем, престарелого маршала, единственного из ближайших соратников **И.В. Сталина** присутствовавших на этом партийном съезде, который уже не очень хорошо соображал и слышал, заставили прилюдно каяться и посыпать свою седую голову пеплом, что выглядело уж совсем омерзительно.

На волне нового разнузданного шабаша, устроенного на могиле **И.В. Сталина**, **Н.С. Хрущев** опять «пустился во все тяжкие» и стал прилюдно не только оскорблять, но и клеветать на усопшего вождя и его ближайших соратников. Теперь, с маниакальным злорадством, один из самых кровавых создателей политических репрессий в стране, стал в подробностях разоблачать «кровавые сталинские преступления» и недвусмысленно намекнул на то, что именно **И.В. Сталин** повинен в убийстве **С.М. Кирова** и причастен к гибели **Г.К. Орджоникидзе**, что было самой настоящей клеветой. Конечно, выступление **Н.С. Хрущева** и сновидения выживших из ума старых большевичек **Д.А. Лазуткиной** и **О.Г. Шатуновской**, задали тон всей работе съезда, делегаты которого почти единогласно проголосовали за вынос тела **И.В. Сталина** из Мавзолея и исключение из партии его ближайших соратников — **В.М. Молотова**, **Г.М. Маленкова** и **Л.М. Кагановича**, которых сделали главными виновниками политических репрессий в стране. На «орехи досталось» и «примкнувшему к ним» **Д.Т. Шепилову**, которого тоже исключили из партии, хотя, в отличие от самого **Н.С. Хрущева**, никакого участия в сталинских репрессиях он не принимал.

По мнению ряда современных авторов (**Ю. Аксютин**, **А. Пыжиков**), сама атмосфера этого съезда красноречиво говорила о довольно сложной политической ситуации в самой партии. Под видом кажущейся импровизации **Н.С. Хрущев** и его немногочисленные сторонники предприняли тщательно подготовленное ими наступление не столько на **И.В. Сталина**, сколько на своих политических противников. Используя тему разоблачения «сталинских сатрапов», **Н.С. Хрущев** надеялся вызвать эмоциональный отклик у делегатов съезда и повести за собой политически неопытное большинство этих делегатов, которое должно было смести оппозицию **Первому секретарю ЦК КПСС**. В то же время избранная им тактика отражала известную слабость его позиций перед лицом новой оппозиции в высшем руководстве партии, против которой он так и не осмелился выступить с открытым забралом на самом съезде.

Сопротивление дальнейшей десталинизации продолжало оставаться довольно сильным до последних дней работы съезда, поскольку в самом его конце вокруг заключительных резолюций развернулась довольно острая борьба. В частности, дальнейшая судьба членов «антипартийной группы» была вверена для «изучения» **Центральной Контрольной Комиссии КПСС**, хотя, большинство делегатов съезда требовало их немедленного исключения из партии. Была так же сглажена и резолюция, посвященная критике сталинского культа, из текста которой исчезли хрущевское предложение о сооружении памятника жертвам политических репрессий, его указание о дальнейшем расследовании всех преступлений сталинского режима, упоминания о масштабе этих репрессий и т.д.

Незавершенность нового наступления **Н.С. Хрущева** против наследия сталинизма помешала ему изменить баланс сил в руководящих партийных органах. Формально новый состав **ЦК** был обновлен почти на **60 %**, однако, его новые члены, даже если они во многом были обязаны своим выдвижением именно **Н.С. Хрущеву**, не были безусловными приверженцами его антисталинского политического курса. В обновленном составе **Президиума ЦК** его безусловными союзниками были только два члена — **А.И. Микоян, О.В. Куусинен** и, возможно, **Ф.Р. Козлов**. Первые двое, — старейшие члены партии, были идейными противниками сталинизма, а последний — рассматривался самим **Н.С. Хрущевым** в качестве своего преемника, хотя, он и был отпетым консерваторм. Остальные семь членов **Президиума ЦК** — **Л.И. Брежнев, Г.И. Воронов, А.Н. Косыгин, Н.В. Подгорный, Д.С. Полянский, М.А. Суслов** и **Н.М. Шверник** по разным причинам были, безусловно, скрытыми противниками хрущевского курса. Более того, спустя полгода, в **апреле 1962 г.** на очередном **Пленуме ЦК** эта внушительная когорта «консерваторов» пополнится еще одной важной персоной — первым заместителем **Н.С. Хрущева** по **Бюро ЦК КПСС по РСФСР А.П. Кириленко**, который был переведен из кандидатов в полноправные члены **Президиума ЦК**.

Примерно такой же расклад сил был и в **Секретариате ЦК**, где только два секретаря **ЦК** — **О.В. Куусинен** и **Б.Н. Пономарев** твердо стояли на антисталинских позициях, а остальные секретари **ЦК** — **Ф.Р. Козлов, М.А. Суслов, А.Н. Шелепин, Л.Ф. Ильичев, П.Н. Демичев** и отчасти **И.В. Спирidonов** олицетворяли собой консервативное крыло в центральном партийном аппарате. Таким образом, по оценкам историков (**Р. Пихоя, Ю. Аксютин, А. Пыжиков**), **XXII съезд КПСС** завершился фактическим провалом для **Н.С. Хрущева**, которому не удалось, несмотря на расширенный состав участников съезда и серьезное обновление **ЦК**, добиться усиления своих позиций и поддержки большинства в **Президиуме ЦК**.

Вскоре после окончания съезда, в **январе 1962 г.** по инициативе **Н.С. Хрущева** была создана рабочая группа из ведущих ученых-юристов для подготовки проекта новой союзной Конституции, которую возглавил секретарь **ЦК Л.Ф. Ильичев**. Затем, в **апреле 1962 г.**, **Постановлением Президиума Верховного Совета СССР** была создана **Конституционная комиссия** в составе **97 человек** и девять подкомиссий — по общеполитическим и теоретическим вопросам (**Н.С. Хрущев**), по вопросам государственного устройства (**Н.В. Подгорный**), по вопросам государственного управления (**Л.И. Брежнев**), по экономическим вопросам (**А.Н. Косыгин**), по вопросам национальной политики (**А.И. Микоян**) и другим.

Основными новшествами третьей Конституции, по предложению **Н.С. Хрущева**, должны были стать следующие положения: 1) повышение полномочий и прав органов советской власти всех уровней; 2) повышение роли общественных организаций в управлении государством и, прежде всего, коммунистической партии, за которой предлагалось юридически закрепить особый статус как ведущей и направляющей силы советского общества; 3) существенное расширение прав союзных республик и т.д. То есть, иными словами, **Н.С. Хрущев** задумал подвести под новую партийную программу, предполагавшую построение бесклассового коммунистического общества и постепенное отмирание социалистического государства, юридическую базу в виде новой Конституции СССР. Однако из-за отставки **Н.С. Хрущева** этот проект так и не был реализован, и к нему вернулись вновь только во второй половине 1970-х гг.

Тогда же, в **январе 1962 г.**, по личному указанию **Н.С. Хрущева** был подготовлен проект постановления **Президиума ЦК «Вопросы госконтроля и партконтроля»**, который, однако, не был поддержан большинством его членов, прежде всего, **А.И. Микояном** и **А.Н. Косыгиным**. Тогда в **феврале 1962 г.** **Н.С. Хрущев** направил в **Президиум ЦК** новую записку по этому вопросу — **«Об улучшении контроля за выполнением директив партии и правительства»**, которую через полгода, опираясь на ряд самых молодых членов узкого руководства, в частности **А.Н. Шелепина**, он все же смог провалить на очередном **Пленуме ЦК**.

2. Управленческий волюнтаризм Н.С. Хрущева в начале 1960-х гг.

Последние управленческие новации **Н.С. Хрущева** вообще не поддаются объяснению с точки зрения здравого смысла. Хотя, ряд современных авторов (**Р. Пихоя**, **Н. Шмелев**) все же пытались объяснить эти новации горячим желанием **Н.С. Хрущева** «обуздать всевластие партийного аппарата» и создать в стране реальную многопартийность в виде двух конкурирующих партий — «промышленной» и «сельскохозяйственной».

В **марте 1962 г.** состоялся очередной **Пленум ЦК**, посвященный проблемам сельского хозяйства, где главной новацией стало очередное предложение **Н.С. Хрущева** создать новую систему управления сельским хозяйством страны на местах. Главным звеном управления до сих пор являлись райкомы и райисполкомы, которые занимались всеми аспектами хозяйственной и социальной жизни на селе, включая руководство колхозами и совхозами, управление системами здравоохранения, образования, строительства дорог, жилья и т.д. **Н.С. Хрущев** же предложил создать над этими структурами специализированные **колхозно-совхозные управления (КСУ)**, охватывающие территорию двух-трех районов, со своим **парторгом** и центральным печатным органом. Аналогичные системы управления должны были быть созданы и в масштабах всех краев, областей и автономных республик. При этом все первые секретари районных комитетов партии теперь автоматически теряли целый ряд прежних «суверенных» прав и становились замами этих парторгов.

Одновременно в масштабах всей страны был создан **Союзный комитет по сельскому хозяйству**, председателем которого был назначен **Н.Г. Игнатов**, который менее двух лет назад оказался в опале и был выведен самим **Н.С. Хрущевым** из состава **Президиума** и **Секретариата ЦК** и ныне прозябал на второстепенных постах председателя **Госкомитета по заготовкам** и заместителя председателя **Совета Министров СССР**.

Эта реформа стала очередным шоком для всей партийной номенклатуры. При этом наиболее резкий протест всех партийных аппаратчиков вызвало очередное новшество **Н.С. Хрущева**, связанное с изменением традиционно сложившегося представления о работе партийных комитетов. Суть этого новшества сводилась к тому, что отныне партийные комитеты не должны были вмешиваться в вопросы хозяйственного строительства, и им предлагалось сосредоточиться исключительно на политико-просветительской работе.

По мнению ряда авторов (**Р. Пихоя**, **Ю. Аксютин**, **А. Пыжиков**), по своему смыслу эта реформа, преподносимая как чисто техническая реорганизация партийной структуры, была новой иллюзорной попыткой **Н.С. Хрущева** прийти к более эф-

фективному управлению советской экономикой. Но по своей сути она отражала совершенно очевидный разрыв со многими ленинскими принципами организации партии, в частности ее авангардной роли, которые совсем недавно были подтверждены в новой партийной программе, принятой на XXII съезде КПСС. Однако власть хозяйственных структур в лице региональных совнархозов так и не смогла переломить хребет всевластию партийной номенклатуры, поскольку в основе деятельности партии лежал пресловутый ленинский принцип «**демократического централизма**», т.е. безусловного исполнения всеми членами партий, в том числе председателями совнархозов, любых решений руководящих партийных органов.

Тем временем, очередной кризис в советско-китайских отношениях и особенно кубинский ракетный кризис резко подорвали позиции **Н.С. Хрущева** внутри Президиума ЦК. В этой ситуации он вновь попытался обыграть «консерваторов» с помощью либеральной интеллигенции, и **осенью 1962 г.** лично санкционировал публикацию двух литературных сочинений, внесших смятение в консервативный лагерь. В **октябре** в центральном партийном органе газете «Правда» была опубликована поэма **Е.А. Евтушенко** с вызывающим названием «**Сталинские наследники**», а в **ноябре** в «Новом мире» была напечатана повесть «**Один день Ивана Денисовича**», принадлежавшая перу малоизвестного автора и бывшего «политического» зека **А.И. Солженицына**. Однако поддержка этих публикаций, проложивших дорогу целому потоку литературного хлама, который раньше никто не осмелился бы напечатать, осталась единичным актом, поскольку сам **Н.С. Хрущев** очень испугался начавшейся кампании новой десталинизации. Уже в **декабре 1962 г.** **А.Т. Твардовский** в беседе с одним из помощников **Н.С. Хрущева В.С. Лебедевым** был приватно предупрежден, что тема репрессий становится «слишком навязчивой».

Не успела партийная номенклатура отойти от этого шока, как **Н.С. Хрущев** на очередном **Пленуме ЦК**, прошедшем в **ноябре 1962 г.**, инициировал новую коренную реформу всего партийно-государственного управления в стране. Впервые сама идея этой реформы была предложена им в **начале сентября 1962 г.** в очередной «**Записке**», направленной своим коллегам по Президиуму ЦК. Сущность новой хрущевской новации состояла в перестройке всей существовавшей системы партийного руководства с традиционного территориально-производственного принципа на сугубо **производственный принцип**.

В соответствии с решением **Пленума ЦК**, поспешно принявшего новое **Постановление «О развитии экономики СССР и перестройке партийного руководства народным хозяйством»**, на всей территории страны де-факто создавалась абсолютно неуправляемая система «двоевластия», поскольку отныне все краевые, областные и республиканские партийные комитеты разделялись на два **обкома (крайкома)** — **по промышленности и по сельскому хозяйству**. Однако при этом **бюро прежних обкомов оставалось неделимыми**. Эта поспешная перестройка всей системы управления в стране сразу вызвала множество проблем, многие из которых носили не только чисто управленческий характер, но и характер личного соперничества двух первых секретарей в областях, краях или республиках. К тому же, кроме двух новых обкомов (крайкомов) в каждой области (крае, республике), создавались и по два облисполкома. Теперь во всех регионах, имелись два областных здравотдела, два отдела народного образования, два управления милиции, два финансовых отдела, два отдела культуры и т.д.

Усложнилось управление и на уровне союзных республик, где во всех республиканских ЦК создавались два **Бюро ЦК** — по промышленности и по сельскому хозяйству. Усложнилось управление и на районном уровне. Первоначально здесь планировали ликвидировать все городские и районные комитеты партии и заменить их парткомами колхозно-совхозных и промышленно-производственных управлений. Однако затем эту систему несколько «подновили» и на районном уровне кроме райкомов партии по сельскому хозяйству стали действовать новые «зональные» **промышленные райкомы**, расположенные чаще всего в ином населённом пункте, чем сельский райком.

Одновременно **Пленум ЦК** принял решение об изменении прежних систем партийного и государственного контроля, объединив их в единую систему **партийно-государственного контроля**. В **Постановлении ЦК**, принятому по данному вопросу, лукаво говорилось о восстановлении ленинских принципов партийно-государственного контроля, которые якобы были упразднены **И.В. Сталиным**. Однако в реальности новые органы объединенного контроля ничего общего с ленинским планом решения этой проблемы не имели. **В.И. Ленин** в своих последних работах «**Как нам реорганизовать Рабкрин**», «**Лучше меньше, да лучше**» и других писал о четком разделении и параллельном существовании **ЦК** и **ЦКК**, а новые органы партийно-государственного контроля существовали **при** партийных комитетах, а **не параллельно** с ними. Все районные и областные комитеты партийно-государственного контроля возглавлялись по совместительству вторыми секретарями райкомов и обкомов партии. При этом **Комитет партийно-государственного контроля СССР** возглавил секретарь **ЦК А.Н. Шелепин**, который одновременно был назначен заместителем председателя **Совета Министров СССР**.

Кроме того, на этом **Пленуме** в рамках аппарата **ЦК** были созданы два **Бюро** и избраны четыре новых секретаря **ЦК** — **А.П. Рудаков**, **В.И. Поляков**, **В.И. Титов** и **Ю.В. Андропов**, которые стали последней надеждой лидера партии на обновление верхних эшелонов власти. При этом заведующий **Отделом тяжелой промышленности ЦК КПСС А.П. Рудаков** возглавил **Бюро ЦК по промышленности**, бывший главный редактор центральной партийной газеты «**Сельская жизнь**» **В.И. Поляков** стал руководителем **Бюро ЦК КПСС по сельскому хозяйству**, **В.И. Титов** стал секретарем **ЦК** по организационно-партийным вопросам, а **Ю.В. Андропов** — секретарем **ЦК** по связям с коммунистическими партиями соцстран.

Вместе с тем, чтобы обезоружить своих оппонентов в лице двух самых влиятельных секретарей **ЦК Ф.Р. Козлова** и **М.А. Суслова**, первого заместителя председателя **Совета Министров СССР А.Н. Косыгина** и нового председателя **Президиума Верховного Совета СССР Л.И. Брежнева**, **Н.С. Хрущев** инициировал ряд изменений в организации планирования и управления народным хозяйством страны, которые полностью шли вразрез с его прежней политикой децентрализации. В результате принятых решений число региональных управленческих структур было резко сокращено с прежних **105** до **47 совнархозов**, а их практическая деятельность поставлена под плотный контроль **СНХ СССР** во главе с заместителем председателя **Совета Министров СССР В.Э. Дымшицем**, призванного обеспечить строгое выполнение государственного плана, трещавшего по всем швам. Чуть позже, в **марте 1963 г.**, воссоздание централизованной структуры управления было окончательно завершено образованием **ВСНХ СССР**, поставленного теперь над

всеми центральными экономическими ведомствами страны, включая **Госплан** и **Госстрой СССР**. При этом главой **ВСНХ СССР** в ранге первого заместителя председателя **Совета Министров СССР** был назначен виднейший представитель знаменитой когорты «сталинских наркомов» генерал-полковник **Д.Ф. Устинов**, пуповиной связанный со всем военно-промышленным комплексом страны еще со времен войны.

3. Подготовка «заговора» против Н.С. Хрущева и его причины

При изучении вопроса об отставке **Н.С. Хрущева** со всех партийно-государственных постов, произошедшей в **октябре 1964 г.** на **Пленуме ЦК**, историки до сих пор спорят по целому комплексу острых проблем: 1) кто был главным инициатором подготовки и проведения «дворцового переворота»; 2) когда в верхних эшелонах власти созрел сам план этого «переворота»; 3) каковы были главные причины отставки **Н.С. Хрущева** и как расценивать эту отставку. Хотя, как скептически заметили ряд современных авторов (**Р. Пихоя, А. Пыжиков**), обстоятельства непосредственной подготовки снятия **Н.С. Хрущева** никогда не будут выяснены до конца.

1) По первой проблеме в современной литературе существует три основных точки зрения. Одни авторы (**Р. Медведев, Д. Боффа**) считают, что главным вдохновителем этого переворота стал очень влиятельный во всем партийном аппарате многолетний секретарь **ЦК М.А. Суслов**. Другие авторы (**Ф. Бурлацкий**) утверждают, что ведущая роль в перевороте принадлежала другому секретарю **ЦК А.Н. Шелепину** и его «комсомольцам», в том числе председателю **КГБ СССР В.Е. Семичастному**. Третьи авторы (**Р. Пихоя**) говорят, что главными «заговорщиками» стали два самых молодых и очень амбициозных члена высшего партийного ареопага — **А.Н. Шелепин** и **Д.С. Полянский**. Наконец, четвертая группа авторов (**Ю. Аксютин, А. Пыжиков**) полагает, что основную роль в октябрьских событиях сыграли два других влиятельных секретаря **ЦК** — **Л.И. Брежнев** и **Н.В. Подгорный**.

2) По второй проблеме так же существует довольно большая разногласия мнений. В частности, одни авторы (**Ю. Аксютин, А. Пыжиков**) утверждают, что первые ощутимые признаки подготовки «дворцового переворота» обозначились уже в **июне 1963 г.**, когда на **Пленуме ЦК** состоялось избрание **Л.И. Брежнева** и **Н.В. Подгорного** секретарями **ЦК КПСС**. Другие авторы (**Ф. Бурлацкий**) считают, что такая подготовка началась значительно раньше, примерно в **ноябре 1962 г.**, то есть сразу после завершения кубинского ракетного кризиса, который серьезно пошатнул позиции **Н.С. Хрущева** в **Президиуме ЦК**. Еще одна группа авторов (**Р. Медведев**) утверждает, что заговор против **Н.С. Хрущева** созрел в **январе-феврале 1964 г.**, когда на одном из заседаний **Президиума ЦК** он прямо пригрозил отставкой ряду его членов, в том числе и **М.А. Суслову**.

3) По третьей проблеме существует две основных точки зрения. Историки либерального толка (**Р. Медведев, Ю. Аксютин, А. Пыжиков, Р. Пихоя**) традиционно и очень навязчиво трактуют отставку **Н.С. Хрущева** как результат «номенклатурного переворота» и «заговора верхов», изначально вкладывая в эту трактовку крайне негативный смысл. Историки, стоящие на патриотических и марксистских позициях (**Ю. Жуков, С. Кара-Мурза**), считают, что отставка **Н.С. Хрущева** прошла на вполне законных основаниях, в рамках партийной легальности и строго в соответствии

с уставными партийными нормами, поэтому иные трактовки этого события носят не исторический, а чисто эмоциональный и политический подтекст.

Что касается причин отставки **Н.С. Хрущева**, то почти все авторы солидарны в том, что последние два-три года нахождения его у власти, которые ознаменовались крупными провалами во внешней и внутренней политике, и особенно его реформаторский зуд в управленческой сфере, приведший его к непримиримому конфликту со всей партийно-хозяйственной номенклатурой страны, поставили окончательную точку в его многолетней партийно-государственной карьере.

В июне 1963 г. на Пленуме ЦК состоялась очередная рокировка в верхних эшелонах власти, и новыми секретарями ЦК стали **Л.И. Брежнев** и **Н.В. Подгорный**, которых сам **Н.С. Хрущев** считал своими верными сторонниками. Первый из этого тандема сохранил за собой пост номинального главы советского государства, т.е. председателя Президиума Верховного Совета СССР, а второй — был срочно переведен в Москву с поста Первого секретаря ЦК Компартии Украины, которой занял новый хрущевский выдвиженец **П.Е. Шелест**. При этом **Л.И. Брежнев** и **Н.В. Подгорный** поделили между собой «наследство» **Ф.Р. Козлова** как второго секретаря ЦК, поскольку именно они стали фактически руководить работой всего Секретариата ЦК, а в отсутствие **Н.С. Хрущева**, который практически не бывал в Москве, поочередно руководить и работой Президиума ЦК.

Историки по-разному оценивают этот новый кадровый кульбит **Н.С. Хрущева**. Одни (**Р. Медведев**) полагают, что кадровая рокировка была связана с тяжелой болезнью **Ф.Р. Козлова**, у которого в конце апреля 1963 г. случился тяжелейший инсульт, и он автоматически выбыл из числа потенциальных преемников **Н.С. Хрущева**. Другие авторы (**Ю. Аксютин**, **А. Пыжиков**) убеждены в том, что эта «болезнь» **Ф.Р. Козлова** во многом носила чисто дипломатический характер, и он был устранен от власти самим **Н.С. Хрущевым**, за то, что в феврале — марте 1963 г. возглавил внутрипартийную фронду его политическому курсу. Однако о какой фронде идет речь, и в чем собственно состояло ее противостояние с **Н.С. Хрущевым**, они так и не пояснили. Что касается фактического разделения функций второго секретаря ЦК между **Л.И. Брежневым** и **Н.В. Подгорным**, то, по мнению этих авторов, в данном случае **Н.С. Хрущев** взял на вооружение хорошо проверенный временем принцип всех авторитарных правителей — «разделяя и властвуя».

Примерно на рубеже 1963—1964 гг. в узком руководстве созрела сама идея смещения **Н.С. Хрущева**, в которую, вероятнее всего, пока были посвящены только несколько самых влиятельных членов узкого руководства — **Л.И. Брежнев**, **Н.В. Подгорный**, **Д.С. Полянский**, **А.Н. Шелепин**, **Н.Р. Миронов** и **В.Е. Семичастный**. При этом, вхождение двух последних человек в число участников «заговора» имело определяющее значение для его успеха, поскольку: а) **Н.Р. Миронов**, оставаясь действующим генералом госбезопасности, являлся заведующим Отделом административных органов ЦК и курировал по должности все силовые структуры страны; б) **В.Е. Семичастный**, являясь ближайшим соратником и личным другом **А.Н. Шелепина**, унаследовал от него должность председателя КГБ СССР, в состав которого входило знаменитое 9-е Управление, осуществлявшее охрану всех членов Президиума и Секретариата ЦК. Чуть позже согласие на устранение **Н.С. Хрущева** дал и министр обороны СССР маршал **Р.Я. Малиновский**, что тоже стало одним из залогов успешной реализации всего замысла «дворцового переворота».

В июле 1964 г. состоялась очередная сессия **Верховного Совета СССР**, на которой **Л.И. Брежнев**, в связи с острой необходимостью сосредоточиться на работе в **Секретариате ЦК**, был снят с поста главы советского государства, и новым председателем **Президиума Верховного Совета СССР** был избран **А.И. Микоян** — один из немногих настоящих сторонников хрущевского курса и старый его приятель.

По информации ряда современных авторов (**Р. Пихоя**, **Ю. Аксютин**, **А. Пыжиков**), сразу после завершения сессии **Н.С. Хрущев** направил в **Президиум ЦК** очередную записку «О руководстве сельских хозяйством в связи с переходом на путь интенсификации» с предложением упразднить созданные всего полтора года назад парткомы колхозно-совхозных управлений и заменить их политотделами. Негодованию членов **Президиума ЦК** против подобной военизации местных партийных организаций не было предела, и их напор оказался настолько мощным, что **Н.С. Хрущеву** пришлось, несмотря на все свое неудовольствие, отозвать это предложение с рассмотрения высшего партийного ареопага. Было решено перенести рассмотрение этого вопроса на **ноябрьский Пленум ЦК**, а **Д.С. Полянскому** и **В.И. Полякову** подготовить к **августу 1964 г.** проект совместного **Постановление ЦК и Совмина СССР** по этому вопросу.

Тем временем круг лиц, посвященных в планы смещения **Н.С. Хрущева**, стал расти как на дрожжах. Более того, ряд влиятельных членов **ЦК**, в частности Первый секретарь **МГК Н.Г. Егорычев**, Первый секретарь **ЦК КПУ П.Е. Шелест** и председатель **Президиума Верховного Совета РСФСР Н.Г. Игнатов**, стали выступать в роли настоящих курьеров, которые, без устали объезжая города и веси страны, зондировали умонастроения местной партийной номенклатуры относительно возможного смещения **Н.С. Хрущева**. Особенно усердствовал в этом отношении **Н.Г. Игнатов**, который патологически возненавидел **Н.С. Хрущева** за крах своей политической карьеры в **1960—1961 гг.**

По свидетельству ряда мемуаристов (**С. Хрущев**) и историков (**Р. Медведев**, **Ю. Аксютин**, **А. Пыжиков**), которые еще нуждаются в серьезной проверке, именно от охранника **Н.Г. Игнатова** полковника **В.И. Галюкова** сыну **Н.С. Хрущева** стало известно о заговоре против своего отца, которому он сообщил об этом в **сентябре 1964 г.** Сам **Н.С. Хрущев** не очень поверил этой информации, но на всякий случай попросил сына свести **В.И. Галюкова** с **А.И. Микояном** и запротоколировать их беседу. Эта беседа состоялась в самом начале **октября 1964 г.**, и протокол записи этой беседы до сих пор хранится в архиве так называемой «**Секретной папки Политбюро**». Однако из текста этого протокола не вполне ясно, какую роль в этих событиях играли ключевые фигуры этого «заговора» и насколько **В.И. Галюков** верно интерпретировал свои беседы с **Н.Г. Игнатьевым**.

В конце **сентября 1964 г.**, за несколько дней до отъезда **Н.С. Хрущева** на отдых в **Крым**, в **Кремле** состоялось расширенное заседание **Президиума ЦК и Совета Министров СССР** с участием всех первых секретарей республиканских, краевых и областных партийных комитетов, руководителей региональных исполкомов и совнархозов и руководства **Академии Наук СССР**. В центре внимания участников заседания был доклад первого заместителя председателя **Госплана СССР А.А. Горегляда** «О перспективном плане развития народного хозяйства СССР на **1966—1970 гг.**». **Н.С. Хрущев**, выступавший в прениях по этому докладу, впервые после смерти **И.В. Сталина** повторил основные положения знаменитого доклада **Г.М. Мален-**

кова о необходимости ускоренного развития производства средств потребления и скорейшего и, главное, существенного повышения благосостояния советских граждан. Однако это хрущевское «прозрение» уже не спасло его. **30 сентября 1964 г. Н.С. Хрущев**, оставив на «хозяйстве» **Н.В. Подгорного**, уехал в очередной отпуск и «заговор» против него вступил в завершающую фазу.

4. Октябрьский Пленум ЦК КПСС и отставка Н.С. Хрущева

12 октября 1964 г. под председательством **Л.И. Брежнева** собрался Президиум ЦК, на котором было решено обсудить ряд вопросов нового пятилетнего плана с участием **Н.С. Хрущева** и отозвать с мест его последнюю записку «О руководстве сельским хозяйством в связи с переходом на путь интенсификации», которая в середине июля 1964 г. была разослана во все регионы страны.

После окончания этого заседания **Л.И. Брежнев** или **М.А. Суслов** позвонил **Н.С. Хрущеву** в Пицунду, куда он перебрался из-за плохой погоды в Крыму, и настойчиво попросил его прервать свой отпуск и срочно вернуться в Москву для обсуждения неотложных вопросов по сельскому хозяйству. **Н.С. Хрущев** первоначально отказался от этого приглашения, но затем, посоветовавшись с отдыхавшим вместе с ним **А.И. Микояном**, заказал свой самолет и утром вылетел в Москву.

Между тем, в современной литературе (**С. Хрущев**, **Р. Медведев**) существует известная версия, что якобы первоначально **Н.С. Хрущев** собирался вылететь из Пицунды в Киев, где, опираясь на поддержку лично преданного ему командующего Киевским Военным округом генерала армии **П.К. Кошечего**, должен был возглавить борьбу против «заговорщиков» внутри ЦК, но затем под давлением **А.И. Микояна** он отказался от этой затеи и вылетел в Москву. Однако эта ходячая байка легко опровергается тем обстоятельством, что вскоре после свержения **Н.С. Хрущева**, в январе 1965 г. **Петр Кириллович Кошечего** пошел на повышение и был назначен главкомом самой престижной в Вооруженных Силах СССР Группы Советских войск в Германии (ГСВГ), а в апреле 1968 г. был удостоен маршальского звания.

Когда днем 13 октября самолет с премьером на борту приземлился во Внуково, то вопреки сложившемуся протоколу, у трапа самолета **Н.С. Хрущева** и **А.И. Микояна** встречали только председатель КГБ СССР **В.Е. Семичастный** и секретарь Президиума Верховного Совета СССР **М.П. Георгадзе**. С аэродрома все проследовали в Кремль, где уже началось заседание Президиума ЦК, которое продолжалось до вечера 14 октября, т.е. времени созыва Пленума ЦК, члены которого накануне прибыли в Москву.

Протокол этого заседания не велся и о содержании состоявшегося разговора можно судить лишь по отрывочным конспективным записям заведующего Общим отделом ЦК **В.Н. Малина** и мемуарам ряда его участников, в частности **П.Е. Шелеста**, **А.Н. Шелепина**, **Г.И. Воронова** и **В.В. Гришина**. Все выступавшие члены Президиума и Секретариата ЦК, в частности **М.А. Суслов**, **А.Н. Косыгин**, **Г.И. Воронов**, **Д.С. Полянский**, **А.Н. Шелепин** и другие в крайне резких выражениях стали обвинять **Н.С. Хрущева** в попрании ленинских принципов коллективного руководства, хамском поведении по отношению к своим коллегам по руководящим органам партии, крупных провалах во внешней и внутренней политике, в недопустимых реорганизациях партийно-государственного аппарата, которые привели

к настоящему управленческому хаосу, и т.д. Для **Н.С. Хрущева** все это оказалось настолько неожиданным, что вначале он вел себя достаточно самоуверенно, постоянно перебивал выступающих, бросал язвительные реплики и т.д. Но вскоре ему стало ясно, что все заранее предreshено, что все члены высшего руководства выступают единым фронтом против него, и он сразу сник. Ситуацию не помогло сгладить даже примиренческое выступление **А.И. Микояна**, который предложил оставить за **Н.С. Хрущевым** хотя бы один из занимаемых им постов. Все были решительно настроены на полную отставку **Н.С. Хрущева** со всех постов. Когда самому **Н.С. Хрущеву** стало окончательно ясно, что он проиграл, он заявил своим коллегам, что бороться с ними не будет, выступать на **Пленуме ЦК** тоже не будет, извинился за свою грубость и попросил написать за него заявление об отставке с любой подходящей формулировкой, которое он подпишет.

14 октября 1964 г., всего за пару часов до начала работы организационного **Пленума ЦК**, было принято постановление **Президиума ЦК**, в котором говорилось: «Признать, что в результате ошибок и неправильных действий тов. **Хрущева Н.С.**, нарушающих ленинские принципы коллективного руководства, в **Президиуме ЦК** за последнее время создалась совершенно ненормальная обстановка, затрудняющая выполнение членами **Президиума ЦК** ответственных обязанностей по руководству партией и страной». Кроме того, в этом постановлении **Н.С. Хрущев** обвинялся в том, что он проявляет нетерпимость и грубость к товарищам по **Президиуму ЦК**, пренебрежительно относится к их мнению и допустил ряд крупных политических ошибок в практическом осуществлении линии, намеченной решениями **XX, XXI и XXII съездов партии**.

Затем, после завершения горячей «дискуссии», в конце заседания **Президиума ЦК** были приняты следующие решения: 1) посты **Первого секретаря ЦК КПСС** и председателя **Совета Министров СССР** впредь не совмещать; 2) рекомендовать **Пленуму ЦК** избрать **Первым секретарем ЦК КПСС** тов. **Л.И. Брежнева**; 3) учредить пост **второго секретаря ЦК** и назначить на этот пост тов. **Н.В. Подгорного**; 4) рекомендовать **Верховному Совету СССР** назначить на пост председателя **Совета Министров СССР** тов. **А.Н. Косыгина**; 5) Поручить тов. **М.А. Суслову** от имени **Президиума ЦК** сделать доклад на **Пленуме ЦК** и прений по этому докладу не открывать.

В связи с последним обстоятельством необходимо обратить внимание на тот факт, что по данным ряда историков (**Р. Пихоя**), в реальности были подготовлены два альтернативных доклада **Президиума ЦК**, тексты которых сохранились в архиве «**Секретной папки Политбюро ЦК**». Первый доклад, который готовился группой **А.Н. Шелепина — Д.С. Полянского**, содержал в себе очень подробный и аргументированный перечень всех главных провалов хрущевского экономического курса и волюнтаристской внешней политики, поставившей мир на грань ядерной катастрофы. Другой доклад, который, вероятнее всего, готовился в личном аппарате **Л.И. Брежнева** или **М.А. Суслова**, носил не столько политический, сколько эмоционально-психологический характер, где упор делался на личных негативных качествах **Н.С. Хрущева**. Именно этот доклад и был зачитан на **Пленуме ЦК**, что, по мнению тех же авторов, красноречиво говорило о том, что в закулисной борьбе за власть победу одержала менее радикальная группировка **Л.И. Брежнева — М.А. Суслова**, которая затем окончательно обретет всю полноту власти в стране.

Вечером 14 октября 1964 г. начал свою работу Пленум ЦК, который по поручению Президиума ЦК открыл Н.В. Подгорный, объявивший членам ЦК, что на повестку дня поставлен вопрос «О ненормальном положении, сложившемся в Президиуме ЦК в связи с неправильными действиями Первого секретаря ЦК КПСС Н. Хрущева». Затем с большим докладом по этому вопросу выступил М.А. Суслов, который повторил, но в более развернутом и аргументированном виде, весь тот набор обвинений, который прозвучал в адрес Н.С. Хрущева на заседании Президиума ЦК.

Прений по этому докладу не открывали и сразу приняли постановление Пленума ЦК, в котором содержались следующие пункты: 1) «удовлетворил просьбу т. Хрущева Н.С. об освобождении его от обязанностей Первого секретаря ЦК КПСС, члена Президиума ЦК КПСС и Председателя Совета Министров СССР в связи с преклонным возрастом и ухудшением состояния здоровья»; 2) «избрать Первым секретарем ЦК КПСС т. Брежнева Л.И.»; 3) «рекомендовать на пост председателя Совета Министров СССР т. Косыгина А.Н.».

Таким образом, октябрьский Пленум ЦК поставил жирную точку на политической карьере Н.С. Хрущева и положил конец «хрущевской оттепели», эпоха которой до сих пор вызывает самые противоположные оценки в исторической науке и публицистике. Не вдаваясь в анализ этих работ, скажем, что на наш взгляд «хрущевская оттепель» и ее вдохновитель заложили базовые основы разрушения и гибели нашей страны в эпоху «горбачевской перестройки», где главной ударной идеологической силой стали недобитые «шестидесятники» во главе с архитекторами этой перестройки — М.С. Горбачевым и А.Н. Яковлевым.

Тема: ПОЛИТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ СССР В 1965–1982 ГГ.

План:

1. Расстановка сил в верхних эшелонах власти в 1964–1965 гг.
2. Реформы в сфере партийного и государственного управления.
3. XXIII съезд КПСС и укрепление позиций Л.И. Брежнева в руководстве страны.
4. Установление единоличного правления Л.И. Брежнева в 1970-х гг.
5. Конституция СССР 1977 г. и ее основные положения.
6. Последний период правления Л.И. Брежнева 1977–1982 гг.

1. Расстановка сил в верхних эшелонах власти в 1964–1965 гг.

По мнению большинства современных авторов (Р. Пихоя, Д. Чураков, Ю. Зубкова), в октябре 1964 г. после отставки Н.С. Хрущева в высшем эшелоне власти, как и после смерти И.В. Сталина в 1953 г., сложился классический режим «коллективного руководства», поскольку реальные рычаги государственной и партийной власти были сосредоточены в руках нескольких конкурирующих групп.

При этом следует отметить одно важное обстоятельство, на которое раньше почему-то не обращали особого внимания: в результате отстранения Н.С. Хрущева

к власти пришли политики, большинство из которых сформировались в годы войны и которых **И.В. Сталин** стал активно продвигать во власть на место своей «старой гвардии». Однако после смерти вождя члены тогдашней правящей «четверки» — **Л.П. Берия, Г.М. Маленков, В.М. Молотов и Н.С. Хрущев** оттерли многих молодых выдвиженцев, затормозив естественный процесс омоложения руководящих партийных кадров. Так называемое «брежневское поколение» руководителей **пришло во власть на целое десятилетие позже**, чем это должно было произойти, когда его деловая хватка и жажда серьезной работы уже ощутимо ослабли. Многие представители этого военного поколения руководителей, прежде твердо стоявшие на патриотических позициях, вскоре заразились гнилым космополитическим духом «шестидесятников» и довольно быстро привыкли к омерзительной атмосфере постоянных придворных интриг и закулисной борьбы, характерных для всего хрущевского правления. По мнению ряда современных историков (**Д. Чураков**), именно эта **разбалансировка прежней сталинской системы отбора и пестования кадров стало самым тяжелым наследием хрущевской оттепели**.

Произошедшие перемены в высшем руководстве партии и государства не вызвали каких-либо общественных протестов и потрясений. Напротив, многие связывали с отставкой **Н.С. Хрущева** и приходом к власти новых, относительно молодых и энергичных лидеров, надежды на перемены к лучшему и т.д. Вместе с тем само по себе устранение от власти непопулярного лидера автоматические еще не вело к стабилизации в верхах. Прежде чем советская верхушка вновь сможет консолидироваться вокруг единого руководителя, которым в скором времени станет **Леонид Ильич Брежнев**, ей вновь придется пережить несколько продолжительных этапов острой борьбы за власть.

Среди большинства участников смещения **Н.С. Хрущева** не было единства по многим ключевым вопросам внутренней и внешней политики страны. И хотя сразу после его отставки был провозглашен принцип «стабильности» в кадровой политике, существовавшие противоречия обусловили возникновение в высших эшелонах власти довольно острого соперничества, которое вспыхнуло практически сразу после того, как общий враг был повержен. Уже в **ноябре 1964 г.** на очередном **Пленуме ЦК**, который был запланирован самим **Н.С. Хрущевым** для обсуждения его новых инициатив по сельскому хозяйству, были приняты важные кадровые решения:

1) Из состава **Президиума и Секретариата ЦК** был выведен недавний хрущевский фаворит и его потенциальный преемник **Ф.Р. Козлов**, который был неизлечимо болен и вскоре, в **январе 1965 г.**, в результате очередного инсульта скоропостижно скончался. Одновременно поста секретаря **ЦК** и руководителя **Бюро по сельскому хозяйству** лишился другой хрущевский ставленник **В.И. Поляков**, который, будучи совершенно инородным телом в партийном аппарате, был вновь задвинут на журналистскую работу.

2) В обновленный состав **Президиума ЦК** в качестве полноправных членов были введены **А.Н. Шелепин** и **П.Е. Шелест**, а кандидатом в члены **Президиума ЦК** стал секретарь **ЦК П.Н. Демичев**.

Таким образом, накануне **1965 г.** состав высших партийных органов выглядел следующим образом: 1) в состав **Президиума ЦК** входило **11 человек** — **Л.И. Брежнев, Г.И. Воронов, А.П. Кириленко, А.Н. Косыгин, А.И. Микоян, Н.В. Подгорный,**

Д.С. Полянский, М.А. Суслов, Н.М. Шверник, А.Н. Шелепин и П.Е. Шелест; 2) кандидатами в члены Президиума ЦК были 6 человек — П.Н. Демичев, Л.Н. Ефремов, В.В. Гришин, К.Т. Мазуров, Ш.Р. Рашидов и В.П. Мжаванадзе; 3) в Секретариат ЦК входили 9 человек — Л.И. Брежнев, Н.В. Подгорный, М.А. Суслов, А.Н. Шелепин, Ю.В. Андропов, Л.Ф. Ильичев, Б.Н. Пономарев, П.Н. Демичев, А.П. Рудаков и В.Н. Титов.

Конечно, разобраться во всех хитросплетениях взаимоотношений этого очень узкого круга лиц в высшем руководстве страны довольно сложно до сих, поэтому в современной науке (Р. Пихоя, Р. Медведев, А. Вдовин, С. Семанов, А. Безбородов) нет единства взглядов на тот расклад сил, который сложился в новом «коллективном руководстве» страны. По нашему, сугубо предварительному мнению, таких группировок было четыре.

1) Первый центр власти был представлен «группировкой Брежнева», в которую входили сам Первый секретарь ЦК КПСС Л.И. Брежнев, первый заместитель председателя Бюро ЦК по РСФСР А.П. Кириленко, секретари ЦК М.А. Суслов, Ю.В. Андропов, А.П. Рудаков и Б.Н. Пономарев, а так же руководители ЦК КП Узбекистана и Грузии Ш.Р. Рашидов и В.П. Мжаванадзе.

2) Второй центр власти условно можно назвать «группировкой Подгорного», которая была представлена самим Н.В. Подгорным, являвшимся фактически вторым секретарем ЦК, и Первым секретарем ЦК КП Украины П.Е. Шелестом. Несмотря на столь узкий состав этой «группировки» за этими фигурами стояла самая мощная и сплоченная внутри ЦК группа первых секретарей украинских обкомов, которые сыграли решающую роль на Пленуме ЦК во время устранения Н.С. Хрущева.

3) Третий центр власти был сосредоточен вокруг так называемых «технократов» или «группировки Косыгина», которые, будучи изолированными политиками, пока не особо раскрывали своих истинных устремлений. В состав этой группировки входили сам председатель Совета Министров СССР А.Н. Косыгин, его первый заместитель Д.С. Полянский, председатель Совета Министров РСФСР Г.И. Воронов и Первый секретарь ЦК КП Белоруссии К.Т. Мазуров. Вероятнее всего, эту группировку так же поддерживал и председатель ВЦСПС В.В. Гришин.

4) Четвертый центр власти был представлен «группировкой Шелепина», в состав которой на тот момент входили сам А.Н. Шелепин — единственный член высшего партийного руководства, одновременно занимавший посты секретаря ЦК, председателя Комитета партийно-государственного контроля СССР и заместителя председателя Совета Министров СССР, и секретари ЦК Л.Ф. Ильичев и П.Н. Демичев. Кроме того, немаловажно было и то, что в состав этой группировки входили еще четыре влиятельных человека — председатель КГБ СССР В.Е. Семичастный, Первый секретарь МГК КПСС Н.Г. Егорычев, председатель Гостелерадио СССР Н.Н. Месяцев и генеральный директор ТАСС Д.П. Горюнов, составлявшие костяк так называемой «комсомольской группировки» — выходцев из ЦК ВЛКСМ, который в 1952–1958 гг. возглавлял А.Н. Шелепин.

Что касается двух старейших членов высшего руководства, имевших дореволюционных партстаж, А.И. Микояна и Н.М. Шверника, занимавших посты председателя Президиума Верховного Совета СССР и председателя КПК при ЦК КПСС, то они прекрасно сознавали, что уже давно «едут с ярмарки», и поэтому взирали на происходящую «схватку под ковром» как бы со стороны.

Формально после **октябрьского Пленума ЦК** власть была передана «дуумвирату» в лице **Л.И. Брежнева** и **А.Н. Косыгина**, но реально **Н.В. Подгорный**, **А.Н. Шелепин** и ряд других членов **Президиума ЦК** рассматривали **Л.И. Брежнева** как временную и компромиссную фигуру, возглавившую партию до проведения очередного партийного съезда, намеченного на **март 1966 г.** Кроме того, **Алексей Николаевич Косыгин**, который пользовался непрекращаемым авторитетом в партии и правительстве, собирался перетянуть на свою сторону значительную часть властных полномочий и восстановить тот статус председателя **Совета Министров СССР**, который был во времена позднего **И.В. Сталина** и **Г.М. Маленкова**.

Однако все они явно просчитались в своих прогнозах и планах, поскольку сам **Л.И. Брежнев**, обладая сильным бойцовским характером и будучи превосходным мастером закулисных интриг, совершенно не собирался уходить со своего поста. Кроме того, прекрасно зная особое место и роль центрального партийного аппарата во властной пирамиде всей страны, уже в **марте 1965 г.** **Л.И. Брежнев** назначает руководителем ключевого **Общего отдела ЦК** своего старинного друга и соратника **Константина Устиновича Черненко**, который верой и правдой будет служить своему патрону всю его жизнь. Именно **Общий отдел ЦК** традиционно готовил все заседания **Президиума ЦК**, определял его повестку, характер и порядок рассмотрения вопросов, оформлял постановления **Президиума** и **Секретариата ЦК**, что имело принципиальное значение для **Л.И. Брежнева** и его команды.

Тогда же в **марте 1965 г.** с поста секретаря **ЦК** и руководителя **Идеологического отдела ЦК** был отставлен **Л.Ф. Ильичев**, которого «сослали» на должность заместителя министра иностранных дел СССР, в которой он пробудет почти четверть века. Этот шаг был явным реверансом в адрес **Михаила Андреевича Суслова**, который теперь получил полный контроль над всем идеологическим аппаратом **ЦК** и стал более активным сторонником **Л.И. Брежнева**, которому так же верой и правдой служил всю свою жизнь. Одновременно с подачи **Л.И. Брежнева** новым секретарем **ЦК**, курирующим весь военно-промышленный комплекс страны, стал **Дмитрий Федорович Устинов** — еще один личный брежневский друг и верный его соратник.

В **сентябре 1965 г.** на очередном **Пленуме ЦК** произошла новая перестановка в аппарате **ЦК**: 1) в отставку был отправлен заведующий ключевым **Организационно-партийным отделом ЦК** и секретарь **ЦК В.Н. Титов**, которого отправили в **Алма-Ату** на должность второго секретаря **ЦК КП Казахстана**; 2) новым секретарем **ЦК** по сельскому хозяйству был избран **Ф.Д. Кулаков**, а заведующим **Организационно-партийным отделом ЦК** назначен **И.В. Капитонов** — два бывших ответственных работника аппарата **ЦК**, попавшие при **Н.С. Хрущеве** в опалу и отправленные им на периферию на должности первых секретарей **Ставропольского крайкома** и **Ивановского обкома КПСС**. Теперь же оба этих влиятельных аппаратчика стали надежной опорой нового **Первого секретаря**, поскольку именно он инициировал их возвращение во власть.

2. Реформы в сфере партийного и государственного управления

Параллельно с начавшейся борьбой за власть были проведены важные управленческие реформы, среди которых самыми крупными новациями стали: 1) восстановление единства всех партийных комитетов; 2) ликвидация совнархозов и восста-

новление министерств; 3) ликвидация единой системы партийно-государственного контроля.

1) Уже в **ноябре 1964 г.** на очередном **Пленуме ЦК** новое руководство страны отменило самую ненавистную партийным аппаратом хрущевскую реформу, проведенную им ровно два года назад. В соответствии с основным докладом **Н.В. Подгорного «Об объединении промышленных и сельских областных, краевых партийных организаций и советских органов»** участники **Пленума ЦК** единогласно постановили: **а)** восстановить прежний территориально-производственный принцип построения партийных организаций и их руководящих органов; **б)** восстановить единые областные и краевые комитеты партии на всей территории страны; **в)** прежние парткомы производственных колхозно-совхозных управлений преобразовать в сельские райкомы партии.

Таким образом, была восстановлена прежняя вертикаль всей партийной власти, которая затем была распространена и на все органы советской власти на местах — исполкомы областных (краевых), городских и районных **Советов народных депутатов**.

В современной либеральной историографии (**Р. Пихоя, Р. Медведев**) принятые **Пленумом** решения традиционно трактуют как консервативную «**контрреформу**», приведшую к непомерному усилению власти партийного аппарата на всех уровнях. Однако, по мнению других авторов (**С. Семанов, С. Кара-Мурза**), все эти решения были продиктованы сугубо здравым смыслом и были призваны восстановить элементарную управляемость на местах, которая в ходе постоянных хрущевских экспериментов пришла в плачевное состояние.

2) Логическим продолжением этой «контрреформы» стали решения, принятые в **сентябре 1965 г.** на очередном **Пленуме ЦК**, в соответствии с которыми были ликвидированы все **совнархозы**, включая **ВСНХ СССР**, и восстановлена прежняя **система отраслевого управления** народным хозяйством страны. Теперь в рамках **Совета Министров СССР** воссоздавались полноценный **Госплан СССР**, который возглавил **Н.К. Байбаков**, **Госснаб СССР**, главой которого стал **В.Э. Дымшиц**, и все промышленные союзные и союзно-республиканские министерства. Одновременно во всех союзных республиках была восстановлена вся прежняя система республиканских министерств.

По мнению ряда либеральных авторов (**Р. Пихоя**), эта очередная «контрреформа» привела к восстановлению и усилению роли столичной бюрократии в системе государственного управления страны. Однако их оппоненты (**С. Семанов, С. Кара-Мурза**) справедливо говорят о том, что эта реформа: **а)** наконец, покончила с региональным хозяйственным сепаратизмом; **б)** положила начало восстановлению прежней вертикальных и горизонтальных экономических и производственных связей на всей территории страны; **в)** восстановила более управляемую отраслевую систему руководства всем промышленным и строительным комплексом страны; **г)** восстановила прежнюю роль **Госплана СССР** как главного экономического штаба страны и т.д.

3) Еще одной «контрреформой» нового руководства стала ликвидация созданной **Н.С. Хрущевым** единой системы органов объединенного партийно-государственного контроля. Однако, в отличие от двух предыдущих «контрреформ», имевших в большей степени чисто экономический и управленческий характер, новая реформа во

многом диктовалась борьбой за власть. В декабре 1965 г. состоялся очередной Пленум ЦК, на котором должны были обсуждаться два доклада — председателя Госплана СССР Н.К. Байбакова и министра финансов СССР В.Ф. Гарбузова «О восьмом пятилетнем плане развития народного хозяйства СССР на 1966–1970 гг.». Однако, по завершению их обсуждения Л.И. Брежнев совершенно неожиданно проинформировал всех членов ЦК, что по решению Президиума ЦК в согласованную повестку дня дополнительно вносится вопрос о преобразовании органов партийно-государственного контроля. Под чисто демагогическим предлогом, что старое название этого органа не вполне отражает суть выполняемых им функций, **Комитет партийно-государственного контроля (КПГК) СССР** был преобразован в **Комитет народного контроля (КНК) СССР**. При этом произошел совершенно поразительный факт, поскольку Л.И. Брежнев предложил: 1) отменить совмещение должности председателя **Комитета Народного Контроля СССР** с любыми другими постами в партийном и государственном аппаратах власти; 2) освободить А.Н. Шелепина от должности заместителя председателя **Совета Министров СССР** ввиду острой необходимости сосредоточиться на работе в должности секретаря ЦК; 3) вопрос о назначении руководителя нового **КНК СССР** отложить на неопределенный срок, что лишний раз говорило о чисто политической подоплеке этого вопроса. Чуть позже первым председателем **КНК СССР** стал вполне заурядный партийный аппаратчик П.В. Кованов, который до этого работал заместителем А.Н. Шелепина в **КПГК СССР**.

Таким образом, был нанесен первый, но очень ощутимый и главное коварный удар по так называемой «комсомольской группировке», члены которой, считая Л.И. Брежнева не достойной фигурой для управления страны, неумолимо рвались к власти.

Тогда же, в декабре 1965 г. состоялась отставка А.И. Микояна, который, исполнив новую норму партийного устава, достигнув 70-ти летнего возраста, сам подал прошение об уходе на пенсию. Вместо старого «партийного лиса» председателем **Президиума Верховного Совета СССР** был избран Н.В. Подгорный, который, получив заветный церемониальный пост главы советского государства, окончательно потерял все остатки своего бывшего влияния в центральном партийном аппарате, но по-прежнему необоснованно претендовал на равную власть с Л.И. Брежневым и А.Н. Косыгиным.

3. XXIII съезд КПСС и укрепление позиций Л.И. Брежнева в руководстве страны

В марте — апреле 1966 г. состоялся XXIII съезд КПСС, делегаты которого по традиции заслушали и одобрили «Отчетный доклад ЦК» и утвердили основные директивы «Восьмого пятилетнего плана развития народного хозяйства СССР на 1966–1970 гг.», с которыми выступили Л.И. Брежнев и А.Н. Косыгин. Принципиальным новшеством на этом съезде стали изменения в партийном уставе, который был принят всего пять лет назад. В частности, в новой редакции устава: 1) была отменена обязательная ротация партийных кадров на всех уровнях; 2) Президиум ЦК КПСС опять был переименован в Политбюро ЦК КПСС; 3) вместо должности Первого секретаря ЦК КПСС была вновь введена должность Генерального секретаря ЦК КПСС, который избирался на Пленуме ЦК.

В исторической литературе (**Р. Пихоя, Л. Млечин, А. Вдовин, Р. Медведев**) бытует мнение, что восстановление должности **Генерального секретаря и Политбюро ЦК** стало ярким доказательством победы сталинской группировки в новом руководстве страны. Однако думается, что этот расхожий штамп мало соответствует реальному положению вещей. Вероятнее всего, возвращение этих, более привычных названий было вызвано двумя главными обстоятельствами: **1)** обычным человеческим тщеславием и горячим желанием «брежневской группировки» поднять авторитет нового «вождя»; **2)** не менее горячим желанием нового руководства страны даже на уровне символических названий партийных органов покончить с проклятым наследием **Н.С. Хрущева**.

После выборов нового состава **ЦК** и завершения работы партийного съезда прошел организационный **Пленум ЦК**, на котором были избраны новые руководящие органы партии. **Генеральным секретарем ЦК** был избран **Л.И. Брежнев**, а в состав **Политбюро ЦК** вновь вошли **11 человек: Л.И. Брежнев, Г.И. Воронов, А.П. Кириленко, А.Н. Косыгин, К.Т. Мазуров, А.Я. Пельше, Н.В. Подгорный, Д.С. Полянский, М.А. Суслов, А.Н. Шелепин и П.Е. Шелест**. То есть здесь расклад сил практически не изменился, поскольку брежневская команда пополнилась за счет нового председателя **КПК А.Я. Пельше**, а группировка премьер-министра — за счет **К.Т. Мазурова**, ставшего первым заместителем председателя **Совета Министров СССР**. Но зато брежневский клан получил серьезную поддержку в лице новых кандидатов в члены **Политбюро ЦК** — давних и преданных личных друзей генсека — секретаря **ЦК по ВПК Д.Ф. Устинова**, **Первого секретаря ЦК КП Казахстана Д.А. Кунаева** и председателя **Совета Министров УССР В.В. Щербицкого**. Такую же поддержку брежневский клан получил и в **Секретариате ЦК**, где из **10** его членов, как минимум, **7 секретарей ЦК**, в частности **М.А. Суслов, А.П. Кириленко, Д.Ф. Устинов, Ю.В. Андропов, И.В. Капитонов, Ф.Д. Кулаков и А.П. Рудаков**, были стопроцентными сторонниками генсека. Кроме того, важным было и то обстоятельство, что после ухода **Н.В. Подгорного** на пост номинального главы государства **вторым секретарем ЦК** стал **М.А. Суслов**, который занимал эту ключевую должность в аппарате **ЦК** буквально весь период брежневского правления, до самой своей смерти в **январе 1982 г.**

Таким образом, **XXIII съезд** серьезно укрепил позиции **Л.И. Брежнева** и нанес мощный удар по позициям **Н.В. Подгорного** и **А.Н. Шелепина**, которые возлагали большие надежды на этот съезд. Теперь о временном характере власти генсека уже никто не помышлял, поскольку он блестяще обыграл своих ближайших конкурентов в борьбе за власть. Еще одной аппаратной победой новоиспеченного генсека стало воссоздание в **июле 1966 г. Министерства охраны общественного порядка СССР**, переименованного через два года в более привычное **Министерство внутренних дел СССР**, и назначение на этот ключевой пост своего старого товарища и соратника генерал-полковника **Н.А. Щелокова**.

Окончательный удар по «**комсомольцам**» был нанесен в следующем году. Вероятнее всего, предвидя это обстоятельство, в **начале 1967 г. А.Н. Шелепин** предложил **А.И. Микояну**, сохранявшему несмотря на свою отставку членство в **ЦК и Президиуме Верховного Совета СССР**, объединить усилия в борьбе за смещение **Л.И. Брежнева** на ближайшем **Пленуме ЦК**, однако хитроумный лис отверг этот политический союз. Возможно, именно это событие ускорило неиз-

бежную развязку и заставило **Л.И. Брежнева** срочно перейти в наступление на «комсомольцев».

Сначала, в **июне 1967 г.**, под благовидным предлогом (бегства дочери **И.В. Сталина С.И. Аллилуевой** за границу) своего поста лишился председатель **КГБ СССР В.Е. Семичастный** и новым главой этого ключевого ведомства страны был назначен **Юрий Владимирович Андропов**. При этом впервые с момента ареста **Л.П. Берия** новый председатель **КГБ СССР** вновь стал политической фигурой и в качестве кандидата в члены был введен в состав **Политбюро ЦК**. При этом следует отметить тот факт, что многоопытный генсек, хорошо памятуя о той роли, которую сыграл **КГБ** в свержении **Н.С. Хрущева**, окружил **Ю.В. Андропова** двумя верными «друзьями» — своим свояком генерал-полковником **Г.К. Циневым** и одним из членов «молдавского клана» генерал-полковником **С.К. Цвигуном**, которые вскоре стали заместителями председателя **КГБ СССР**.

На том же **Пленуме ЦК** закатилась и политическая карьера Первого секретаря **МГК Н.Г. Егорычева**, который, став жертвой хитроумной брежневской интриги, опрометчиво стал критиковать генсека и высший генералитет за просчеты в оборонной политике страны. Новым главой самой крупной и влиятельной московской партийной организации был назначен кандидат в члены **Политбюро ЦК Виктор Васильевич Гришпин**, который в это время, вероятнее всего, уже переметнулся из лагеря премьера в лагерь генсека.

Последний удар колокола по «комсомольской группировке» прозвучал в **конце сентября 1967 г.**, когда на очередном **Пленуме ЦК Александр Николаевич Шелепин** под благовидным предлогом укрепления руководства советскими профсоюзами был перемещен с должности секретаря **ЦК** на маловлиятельный пост председателя **ВЦСПС**.

После смертельного удара по ключевым фигурам «комсомольской группировки», долгое время мнивших себя новыми правителями страны, в **1967–1970 гг.** под руководством главного партийного идеолога, «серого кардинала» **М.А. Суслова** произошла тотальная зачистка всех руководящих органов от рудиментов этой группировки. В частности, своих должностей лишились заведующий **Агитпропом ЦК КПСС В.И. Степак**ов, председатель **Гостелерадио СССР Н.Н. Месяцев**, генеральный директор **ТАСС Д.П. Горюнов** и другие влиятельные «комсомольцы», которые контролировали главные институты советской информации и пропаганды.

Поражение **А.Н. Шелепина** и его команды в борьбе за власть до сих пор неоднозначно оценивается в литературе. Представители либерального лагеря (**Р. Пихоя, Р. Медведев, Ф. Бурлацкий**) традиционно твердят о том, что поражение «комсомольцев» было благом для страны, поскольку они были еще большими приверженцами сталинского курса, чем брежневская команда, и в случае их прихода к власти страну неизбежно ждали бы новые кровавые репрессии и ужас сталинских лагерей. Однако эта сугубо доктринерская оценка вполне справедливо критикуется их оппонентами, поскольку наведение порядка в стране и настоящее служение Отечеству, за что особо ратовали «комсомольцы», не есть синоним сталинизма и новых политических репрессий.

По мнению историков патриотического лагеря (**А. Вдовин, С. Семанов, Д. Чураков, С. Кара-Мурза**), поражение **А.Н. Шелепина** и его команды имело два серьезных последствия для политического развития страны: **1)** оно означало фактический

отказ нового руководства от продолжения **национально-большевистской политики первых послевоенных лет**, и переход на невнятные позиции «центризма», не готового на откровенное формирование собственного политического курса; 2) разгром «комсомольцев» означал политическое истребление молодых и опытных руководителей, готовых эффективно «подменить» у руля «старших товарищей», в результате чего в политическое небытие ушло целое поколение крупных и перспективных политиков страны.

Однако поражение «комсомольцев» не позволило брежневской группировке полностью «оккупировать» власть. В условиях довольно успешной экономической реформы, начатой **1965 г.**, прочные позиции в верхних эшелонах власти продолжала занимать группировка премьера **А.Н. Косыгина**, который не только жестко контролировал практически весь правительственный аппарат, но и стал очень активно вмешиваться во внешнюю политику страны. Костяк премьерской группировки в верхних эшелонах власти составляли сам председатель **Совета Министров СССР А.Н. Косыгин**, первые заместители председателя **Совета Министров СССР Д.С. Полянский** и **К.Т. Мазуров**, заместители председателя **Совета Министров СССР Н.К. Байбаков**, **В.А. Кириллин** и **В.Н. Новиков**, а так же председатель **Совета Министров РСФСР Г.И. Воронов**. Однако **Л.И. Брежнев** так же смог создать в правительстве свой «днепропетровский клан», ставший своеобразным противовесом премьеру, видными членами которого стали три заместителя председателя **Совета Министров СССР — Н.А. Тихонов**, **В.Э. Дымшиц** и **И.Т. Новиков**, с которыми генсек крепко подружился еще в свою бытность первым секретарем **Запорожского и Днепропетровского обкомов КПУ в 1946–1950 гг.**

До определенного момента **Л.И. Брежнев** внешне не стремился к лидерству в определении экономического курса страны, признавая в этой сфере авторитет **А.Н. Косыгина**. Поэтому, когда в **начале 1969 г.** он начал открыто критиковать положение дел в народном хозяйстве страны, это вызвало резкий протест со стороны ряда старых членов **Политбюро** и привело к серьезному охлаждению отношений с премьером. Однако к этому времени **Л.И. Брежневу** уже удалось серьезно укрепить свои связи с высшим генералитетом страны, который еще в **апреле 1967 г.**, после смерти маршала **Р.Я. Малиновского**, возглавил его старинный фронтовой друг маршал **А.А. Гречко**, назначенный новым министром обороны СССР.

По информации ряда современных авторов (**А. Вдовин**, **Д. Чураков**), в **1969 г.** ряд членов высшего советского руководства, в частности **А.Н. Шелепин**, **Г.И. Воронов**, **К.Т. Мазуров**, **Д.С. Полянский** и **П.М. Машеров**, которые придерживались умеренной сталинской линии по наведению элементарного порядка в стране, попытались существенно подправить официальные оценки роли **И.В. Сталина** в истории нашей страны. Поэтому в **октябре 1969 г.** в главном теоретическом журнале «**Коммунист**» к **90-летию** со дня рождения усопшего вождя была опубликована статья, содержащая довольно трезвые оценки его эпохальной роли в истории партии и советского государства. Однако, как документально установили другие авторы (**Р. Пихоя**), эту публикацию поддержало практически все руководство **Политбюро** и **Секретариата ЦК**, за исключением только **Н.В. Подгорного**, **А.Я. Пельше**, **Б.Н. Пономарева** и отчасти **А.П. Кириленко**.

В связи с данным обстоятельством думается, что чисто искусственное разделение членов советского руководства на сторонников и противников сталиниз-

ма, которое присутствует в современной исторической литературе, носит сугубо искусственный характер. Борьба в Политбюро ЦК в годы брежневского правления шла не на идейной основе, как это было в 1920-х гг., а носила сугубо личный и клановый характер.

4. Установление единоличного правления Л.И. Брежнева в 1970-х гг.

Очередной шаг по усилению своей единоличной власти Л.И. Брежнев сделал в апреле 1971 г. по окончании XXIV съезда КПСС, когда в состав Политбюро и Секретариата ЦК вошли новые сторонники генсека. Так, в расширенный состав старого Политбюро ЦК вошли 4 новых полноправных члена, в частности Первый секретарь ЦК КПК Д.А. Кунаев, председатель Совета Министров УССР В.В. Щербицкий, Первый секретарь МГК КПСС В.В. Гришин и секретарь ЦК Ф.Д. Кулаков.

Получив подавляющее большинство в Политбюро ЦК, Л.И. Брежнев перешел в решающее наступление против своих политических оппонентов. Уже в июле 1971 г. новой жертвой интриг стал малоуправляемый и строптивый председатель Совета Министров РСФСР Геннадий Иванович Воронов, которого быстренько переместили на маловлиятельный пост председателя Комитета Народного контроля СССР, но пока еще сохранили в составе Политбюро ЦК. Новым главой российского правительства был назначен очередной брежневский выдвиженец, самый «молодой» секретарь ЦК Михаил Сергеевич Соломенцев, который всего через четыре месяца стал и кандидатом в члены Политбюро ЦК КПСС.

Затем, в мае 1972 г., Л.И. Брежнев расправился с Первым секретарем ЦК Компартии Украины Петром Ефимовичем Шелестом, отставка которого стала результатом хорошо спланированной закулисной интриги и готовилась лично генсеком довольно давно, как минимум, с конца 1970 г., когда он добился от других членов узкого руководства согласия на перевод из кандидатов в полноправные члены Политбюро ЦК своего давнего товарища и личного друга председателя Совета Министров УССР В.В. Щербицкого. В результате блестяще проведенной «специальной операции», П.Е. Шелеста, вполне справедливо обвиненного в «украинском национализме», переместили на должность заместителя председателя Совета Министров СССР, и новым хозяином в Киеве стал новый Первый секретарь ЦК КПУ Владимир Васильевич Щербицкий, твердо стоящий «на позициях Богдана Хмельницкого».

Таким образом, судьба двух влиятельных членов узкого руководства была предопределена, и в апреле 1973 г. на очередном Пленуме ЦК Г.И. Воронов и П.Е. Шелест были выведены из состава Политбюро и отправлены в отставку. Одновременно был существенно понижен статус и другого сторонника премьера — Дмитрия Степановича Полянского, которого с должности первого заместителя председателя Совета Министров СССР перевели на «расстрельную» должность министра сельского хозяйства СССР, но пока сохранили в составе Политбюро ЦК до ближайшего партийного съезда.

На этом же Пленуме ЦК произошло еще одно беспрецедентное событие — впервые за многие годы в состав Политбюро ЦК были избраны министр обороны СССР маршал Андрей Антонович Гречко, министр иностранных дел СССР Андрей Андреевич Громыко и председатель КГБ СССР Юрий Владимирович Андропов. При этом А.А. Гречко и А.А. Громыко сразу стали полноправными членами Политбюро

ЦК, минуя «кандидатский предбанник», что сразу, безусловно, говорило о серьезном усилении позиций **Л.И. Брежнева** во всей вертикали власти.

Руководители этих силовых структур всегда чисто формально входили в состав **Совета Министров СССР** и числились за премьер-министром страны, поскольку реально эти фигуры всегда были исключительной «епархией» генсека. Теперь же их авторитет неизмеримо возрос, поскольку наряду с **А.Н. Косыгиным**, «его министры» **А.А. Гречко**, **А.А. Громыко** и **Ю.В. Андропов** стали полноправными членами **Политбюро ЦК**. На этом же Пленуме ЦК ряды кандидатов в члены **Политбюро ЦК** пополнил новая восходящая звезда советской политики — Первый секретарь **Ленинградского обкома КПСС Григорий Васильевич Романов**, что тоже стало определенной сенсацией, поскольку почти тридцать лет, со времен **А.А. Жданова**, руководитель «северной столицы» не входил в высший партийный ареопаг.

На наш взгляд, именно этот **Пленум ЦК** знаменовал собой окончательный крах системы «коллективного руководства» и утверждение единоличного лидерства генсека. Однако **Л.И. Брежневу** не удалось в полной мере насладиться результатами одержанной победы, поскольку уже в **ноябре 1974 г.**, сразу после знаменитой «**Владивостокской встречи**» с президентом США **Дж. Фордом**, у генсека случился первый инсульт, который положил конец его активной политической работе. Вероятно, именно с этим обстоятельством, грозившим новым обострением борьбы за власть, на ближайшем **Пленуме ЦК**, состоявшемся в **апреле 1975 г.**, из состава **Политбюро** под чисто надуманным предлогом его «неудачной» командировки в Англию был выведен уже давно поверженный «железный **Шурик**» — **А.Н. Шелепин**.

В **марте 1976 г.** состоялся **XXV съезд КПСС** с традиционной повесткой дня, который в принципе ничем не отличался от предыдущих съездов, с той лишь разницей, что по итогам организационного **Пленума ЦК** новый состав **Политбюро** практически целиком, за исключением **А.Н. Косыгина**, **Н.В. Подгорного** и **К.Т. Мазурова**, состоял из сторонников генсека. Важно отметить и тот факт, что полноправными членами **Политбюро** стали два видных представителя военно-промышленного комплекса страны — **Д.Ф. Устинов**, который как секретарь ЦК курировал весь **ВПК**, и **Г.В. Романов**, который возглавлял **Ленинград**, являвшийся одним из крупнейших центров советского **ВПК**.

В **апреле 1976 г.** в результате острого сердечного приступа неожиданно для всех скончался министр обороны СССР маршал **А.А. Гречко**. Все предполагали, что новым главой военного ведомства страны станет либо первый заместитель министра, главком **ОВС ОВД** маршал **И.И. Якубовский**, либо другой первый заместитель министра, начальник **Генерального штаба ВС СССР** генерал армии **В.Г. Куликов**. Однако совершенно неожиданно новым министром обороны СССР стал многолетний личный друг генсека, фактический глава всего огромного и влиятельного **ВПК** страны генерал-полковник **Д.Ф. Устинов**, который уже в **апреле** был произведен в генералы армии, а в **июле 1976 г.** стал маршалом Советского Союза. Отныне маршал **Д.Ф. Устинов** стал, пожалуй, самым влиятельным членом высшего партийного руководства, подотчетным только самому **Л.И. Брежневу**.

Затем, в **начале сентября 1976 г.**, вторым первым заместителем председателя **Совета Министров СССР** стал еще один представитель «днепропетровского клана» **Николай Александрович Тихонов**, что красноречиво говорило о том, что это

назначение фактически предрешило скорую отставку двух главных руководителей правительства страны — **А.Н. Косыгина** и **К.Т. Мазурова**.

Наконец, в **мае 1977 г.**, в самый разгар работы над проектом новой «брежневской» **Конституции СССР** с поста председателя **Президиума Верховного Совета СССР** был удален **Н.В. Подгорный**, которого сразу вывели и из состава **Политбюро ЦК**. Одновременно, в нарушение всех прежних решений октябрьского **Пленума ЦК** о запрещении совмещения высших постов в партии и государстве, **Л.И. Брежнев** был избран председателем **Президиума Верховного Совета СССР**. Однако это назначение состоялось уже тогда, когда многолетняя борьба за власть окончательно подточила здоровье генсека, он перенес очередной инсульт и фактически превратился в развалину.

Надо сказать, что еще после первого инсульта, в **начале 1975 г.** **Л.И. Брежнев** обратился с официальным письмом в **Политбюро ЦК** с просьбой об уходе в отставку. Однако его ближайшие соратники и большинство членов **Политбюро**, опасаясь резкого обострения борьбы за власть, отклонили эту просьбу генсека и приняли решение об установлении особого, щадящего режима его работы. Теперь же эта борьба за власть вышла на новый виток.

5. Конституция СССР 1977 г. и ее основные положения

Важнейшей составляющей нового политического курса, ставшей своеобразной визитной карточкой всего брежневского правления, стала концепция «развитого социализма», заменившая собой хрущевскую концепцию «развернутого строительства коммунизма». Начало теоретическому обоснованию этой концепции, названной, естественно, творческим развитием идей «марксизма-ленинизма», которым она абсолютно противоречила по самой своей сути, положил известный горбачевский перевертыш, а тогда вполне заурядный партийный аппаратчик **Ф.М. Бурлацкий**, который затем с присущей ему «скромностью» причислил себя к интеллектуальной элите нации. Еще в **1964 г.**, будучи хрущевским клеветником, он защитил в **АОН при ЦК КПСС** докторскую диссертацию «Общенародное государство». А затем, в **декабре 1966 г.**, в газете «Правда» была опубликована его статья «О строительстве развитого социалистического общества», что чуть позже, в **ноябре 1967 г.**, дало все основания самому **Л.И. Брежневу** впервые публично заявить в своем докладе, посвященном **50-ти летнему юбилею Великой Октябрьской революции**, о построении в СССР развитого социалистического общества.

Официально этот вывод был позднее закреплён в решениях **XXIV съезда КПСС**, состоявшегося в **марте-апреле 1971 г.**, на котором был провозглашен хорошо известный курс на повышение эффективности общественного производства и соединение достижений научно-технической революции с преимуществами социалистической системы хозяйства и достижение еще большей социальной однородности советского общества в условиях «развитого социализма». Конечно, действенных механизмов для реализации этих целей создано так и не было, однако расхождение этой теории с реальными социальными процессами в стране и падением эффективности общественного производства становилось менее заметным, чем в хрущевские времена.

Концепция «развитого социализма» стала, по существу, крупной ревизией представлений о возможности в исторически обозримом будущем построить коммунизм

в отдельно взятой стране. Но она оказалась весьма удобной в том отношении, что не разрушала веру в коммунизм, а переводила его строительство из конкретно-исторической задачи в теоретическую плоскость. Согласно этой концепции, путь к коммунизму предполагал неопределенно длительный этап развития, во время которого социализм обретал окончательную целостность и гармоничное сочетание производственных, социально-политических, нравственно-правовых, идеологических и других отношений в советском обществе.

Ко второй половине 1970-х гг., когда здоровье генсека было уже безнадежно подорвано, консервативный курс советского партийно-государственного руководства сложился в полной мере, и его логическим следствием стал определенный «застой» в развитии советского общества, характерный для всей эпохи позднего «развитого социализма». Этот застой проявлялся на разных уровнях и в разной степени, но наибольший эффект он оказал на партийно-государственную номенклатуру, где стабильность и несменяемость кадров стали своеобразным фетишем всей брежневской эпохи.

По иронии судьбы именно на то время, когда «развитой социализм» уже утратил свою способность к дальнейшему поступательному развитию, завершилась работа над проектом новой советской **Конституции**. Этот вопрос, носивший принципиальный характер, неоднократно ставился на повестку дня все послевоенные годы. Впервые эта задача была поставлена еще при **И.В. Сталине**, когда в 1947 г. по его прямому указанию была создана рабочая группа по подготовке проекта новой **Конституции СССР** под руководством **А.А. Жданова** и **Н.А. Вознесенского**. Однако тогда по не вполне понятным причинам эта работа была прекращена. Затем вопрос о продолжении работы над проектом новой **Конституции** поднимался на **XIX** и **XX съездах КПСС**, по решению которых создавались новые рабочие группы. Но только после **XXII съезда**, на котором была принята третья партийная программа «**Строительства коммунистического общества**», **Н.С. Хрущев** принял окончательное решение разработать новую союзную **Конституцию**, которая «должна была отразить основную цель партии и законодательно закрепить новые формы общественного и государственного устройства нашей страны, соответствующие периоду развернутого строительства коммунистического общества». В соответствии с этой установкой была создана новая рабочая группа, которую возглавил тогдашний председатель **Идеологической комиссии ЦК** и секретарь **ЦК** академик **Л.Ф. Ильичев**.

В апреле 1962 г. **Верховный Совет СССР** утвердил состав новой конституционной комиссии во главе с **Н.С. Хрущевым**, которая в своей практической работе стала исходить из главного, ключевого посыла о «**перерастании государства диктатуры пролетариата в общенародное государство**» и преобразования в связи с этой установкой **Советов депутатов трудящихся** в **Советы народных депутатов** на всех уровнях власти — от поселковых и районных **Советов** до республиканских, краевых и областных **Советов**.

Главным направлением развития политической системы страны должны были стать дальнейшее «развитие общенародной демократии» и передача «некоторых функции государственных органов общественным организациям и усиление общественных начал в деятельности государственных органов». Одновременно предлагалось конституционно закрепить положение о руководящей и направляющей роли **КПСС** в советском обществе. Выдвигались даже идея закрепить в **Основном**

Законе положение о том, что высшая власть в стране принадлежит коммунистической партии, а фактическое руководство политической и хозяйственной жизнью советских республик принадлежит **Центральным Комитетам** республиканских компартий и их первым секретарям.

Однако с отставкой **Н.С. Хрущева** и ревизией прежнего курса на строительство коммунизма направление дальнейшей работы над проектом **Конституции**, естественно, изменилось. Работа над проектом **Конституции** завершалась в соответствии с указаниями **XXV съезда КПСС**, когда либеральные и технократические тенденции в руководстве страны были прерваны и окончательно возобладала доктрина партийности, формировался жесткий внешнеполитический курс, опиравшийся на развитие военно-промышленного комплекса, ярко выраженную линию на создание нового культа личности очередного генсека и укрепление позиций партийно-государственной бюрократии.

Окончательный проект новой **Конституции** был подготовлен рабочей группой под руководством секретаря **ЦК Б.Н. Пономарева** в мае 1977 г., и после одобрения его на **Пленуме ЦК**, он был опубликован в центральной партийной печати и вынесен на всенародное обсуждение. **7 октября 1977 г.** состоялась внеочередная сессия **Верховного Совета СССР**, на которой была окончательно принята новая, «брежневская» **Конституция СССР**, заменившая собой старую, сталинскую **Конституцию СССР 1936 г.** Затем, в 1978 г., в соответствии с нормами общесоюзного **Основного Закона** были приняты республиканские **Конституции** во всех **15 союзных республиках** Союза ССР, в том числе и в **РСФСР**.

Новая **Конституция СССР** состояла из **преамбулы** и **девяти разделов**: **1) Основы общественного строя и политики СССР; 2) Государство и личность; 3) Национально-государственное устройство СССР; 4) Советы народных депутатов и порядок их избрания; 5) Высшие органы власти и управления СССР; 6) Основы построения органов государственной власти и управления союзных республик; 7) Правосудие, арбитраж и прокурорский надзор; 8) Герб, флаг, гимн и столица СССР; 9) Действие Конституции и порядок ее применения.**

Главной новацией стала **преамбула** новой **Конституции**, в которой констатировалось построение в СССР «развитого социализма» и создание «общенародного государства». Таким образом, главный марксистский постулат об «отмирании социалистического государства» был отодвинут на отдаленный срок, а приоритетной становилась задача всестороннего укрепления советской законности и правопорядка.

Основой экономической системы советского государства признавалась социалистическая собственность на средства производства в виде государственной и колхозно-кооперативной форм собственности, **основой политической системы** провозглашались **Советы народных депутатов** всех уровней власти, а **социальной основой** страны объявлялся нерушимый союз рабочего класса, колхозного крестьянства и советской интеллигенции.

Новая глава, не имевшая аналогов в предыдущих советских **Конституциях**, трактовала основные вопросы внешней политики и утверждала, что она направлена на обеспечение благоприятных международных условий «для построения коммунизма в СССР», на «укрепление позиций мирового социализма, поддержку борьбы народов за национальное освобождение и социальный прогресс». Кроме того, в новой **Конституции** закреплялся **принцип социалистического интернационализма**

в отношениях СССР со всеми социалистическими странами и государствами, освободившимися от колониальной зависимости.

Впервые в новом **Основном Законе** был отражен и **реальный механизм власти в СССР**. Отныне **КПСС** называлась «руководящей и направляющей силой советского общества, ядром его политической системы, всех государственных и общественных организаций». Это узаконение реальной роли партии привело к монопольному контролю партийных комитетов за работой всех государственных учреждений и предприятий страны и резко повысило значение всего партийного аппарата по всей властной вертикали и превратило членство в партии в обязательное условие для любой служебной карьеры.

На развитие «подлинной народной демократии» были ориентированы гарантируемые **Конституцией** новые формы «непосредственной демократии» — всенародное обсуждение и референдум, а так же новые гражданские права, в частности на обжалование действий должностных лиц, судебную защиту от посягательства на честь и достоинство, и критику действий государственных и общественных организаций.

Согласно новой **Конституции**, все **Советы народных депутатов** — **Верховный Совет СССР**, **Верховные Советы** союзных и автономных республик, краевые, областные, городские, районные и поселковые **Советы** — составляли единую систему органов государственной власти страны. Высшим органом государственной власти в стране являлся двухпалатный **Верховный Совет СССР**, состоящий из **Совета Союза** и **Совета Национальностей**, который был правомочен решать все важнейшие государственные вопросы, в частности принятие и изменение союзной **Конституции**, включение в состав СССР новых союзных республик, утверждение государственных бюджетов и планов социального и экономического развития страны и т.д. В перерывах между сессиями **Верховного Совета СССР** его функции выполнял **Президиум ВС СССР**, председатель которого де-юре являлся главой советского государства. Повседневная управленческая работа осуществлялась через целую систему государственного управления, которую возглавлял **Совет Министров СССР**, состав и председатель которого утверждались на сессии **Верховного Совета СССР**.

Новый **Основной Закон** сохранял основные положения старой **Конституции 1936 г.** о национально-государственном устройстве страны. При этом многочисленные, во многом, вполне разумные и обоснованные предложения, направленные на устранение существовавшей иерархии национальной государственности и народов внутри СССР путем возвращения к традиционному, дореволюционному территориальному принципу административного деления страны в расчет не были приняты. В то же время само определение Союза ССР как «единого союзного многонационального государства» говорило об определенном стремлении высшего руководства страны усилить унитарные начала в построении союзного государства. Правда, в противоречии с этим стремлением находилось вновь закрепленное **Конституцией СССР** «право свободного выхода союзных республик из состава СССР», что в конечном итоге и погубило нашу великую страну.

6. Последний период правления Л.И. Брежнева 1977–1982 гг.

Главной опорой верховной власти в годы брежневского правления стал **ЦК КПСС** и особенно его аппарат. Если во **второй половине 1960-х гг.** основные решения

по всем ключевым вопросам принимались на **Пленумах ЦК**, то в последующее десятилетие центр властных полномочий все больше стал смещаться в отраслевые и функциональные отделы **ЦК**, где особо место занимали **Общий отдел** и **Отдел организационно-партийной работы**, который все годы брежневского правления возглавляли самые преданные члены его ближайшего окружения — **К.У. Черненко** и **И.В. Капитонов**. Традиционные **Пленумы ЦК** хотя и собирались регулярно, стали все больше носить чисто формальный характер, лишь одобряя уже подготовленные центральным партийным аппаратом решения.

Механизм пополнения аппарата **ЦК** и самого состава **ЦК** к концу 1970-х г. был отлажен до совершенства. В строго определенных пропорциях соблюдалось представительство всех крупнейших республиканских, краевых и областных партийных организаций, военно-промышленного комплекса, правоохранительных органов, деятелей науки и искусства и т.д. Таким образом, в **ЦК** и его аппарате отражались интересы всех властных структур страны. Такая ситуация стала благоприятной средой для лоббирования различных интересов регионов и отраслей, где особой пробивной способностью отличались лоббисты военно-промышленного и аграрно-промышленного комплексов страны.

По подсчетам ряда историков (**Р. Пихоя**), высший уровень власти в стране представляли около **1000 человек** в **Москве** и около **3000** по всему **Советскому Союзу**. В это число входили руководители аппарата **ЦК КПСС**, **Совета Министров СССР**, крупнейших «силовых» министерств — обороны, внутренних дел и иностранных дел, первые секретари обкомов, крайкомов и **ЦК компартий** союзных республик. К этому слою так же относились все остальные министры, заместители министров, члены коллегии министерств и союзных ведомств, высшие представители советского аппарата, армии, госбезопасности, юстиции, промышленности, науки, пропаганды и культуры, являвшиеся членами и кандидатами в члены **ЦК** и **ЦКК КПСС**. На местах к этому перечню добавляются все секретари и заведующие отделами обкомов и крайкомов партии и **ЦК Компартий** всех союзных республик, директора крупнейших промышленных предприятий, командующие всеми военными округами и крупными воинскими частями и соединениями, начальники региональных управлений **КГБ СССР**.

Однако продвижение наверх и развитие партийной карьеры уже не было, как раньше, связано с обязательным восхождением по партийной лестнице. Высшая элита страны с 1970-х гг. начинает все больше воспроизводить себя не за счет выдвиженцев снизу, а путем отбора и подготовки партийных, профсоюзных и комсомольских кадров и дипломатических работников в элитных учебных заведениях, таких как **Академия общественных наук при ЦК КПСС**, **Высшая партийная школа**, **Высшая школа профдвижения**, **Высшая комсомольская школа**, **Дипломатическая академия**, **Институт международных отношений МИД СССР** и других.

К концу 1970-х гг. высшее руководство страны выродилось в настоящую геронтократию — власть стариков. Средний возраст входящих в состав **Политбюро** и **Секретариата ЦК** руководителей страны возрос за прошедшее десятилетие с **60 до 68 лет**. «Коллективное руководство» проявляло исключительное внимание к здоровью своих старших товарищей и в **1978 г.** приняло специальное решение об ограничении времени работы для всех членов **Политбюро** старше **65 лет**. Кроме того, для них увеличивалась продолжительность отпуска, один день в неделю

они могли работать в домашних условиях, по другим дням работу должны были начинать в **10 часов** утра и заканчивать в **17 часов** с обязательным перерывом на обед. Сам **Л.И. Брежнев** по медицинскому заключению имел три выходных дня в неделю, но врачи требовали для него еще один выходной. По этой причине заседания **Политбюро ЦК**, принимавшие важнейшие политические решения, зачастую длились не более **15–20 минут**.

Болель и постепенный отход **Л.И. Брежнева** от дел означал начало формирования в кругах высшего руководства СССР новой конфигурации сил и начало нового витка борьбы за лидерство в партии. Впрочем, старение советской политической верхушки не делало борьбу за лидерство в партии более мягкой, наоборот, это придавало ей дополнительную остроту, поскольку друг другу противостояли пожилые люди с большим жизненным и управленческим опытом, обладавшие мощнейшими политическими ресурсами.

К концу 1977 г. внутри **Политбюро** и **Секретариата ЦК** примерный расклад сил был таков:

1) Старший слой высших руководителей, родившихся в 1899–1911 гг., составляли **Л.И. Брежнев**, **М.А. Суслов**, **А.Н. Косыгин**, **А.П. Кириленко**, **Д.Ф. Устинов**, **А.А. Громыко**, **А.Я. Пельше**, **К.У. Черненко**, **В.В. Кузнецов** и **Б.Н. Пономарев**. Среди этой когорты «стариков» точно отсутствовали политические амбиции только у трех человек — самых старших по возрасту **А.Я. Пельше** и **В.В. Кузнецова**, которые, соответственно, занимали посты председателя **КПК при ЦК КПСС** и первого заместителя председателя **Президиума Верховного Совета СССР**. Так же трезво свое положение в верхах оценивал и академик **Б.Н. Пономарев**, который как старейший секретарь **ЦК** продолжал курировать мировое коммунистическое движение. Председатель **Совета Министров СССР А.Н. Косыгин**, после перенесенного в 1976 г. инсульта, был тяжело болен и уже утратил былую колоссальную работоспособность. Но, несмотря на это обстоятельство, ближайшее брежневское окружение по-прежнему считало больного премьера потенциальным преемником на высшую власть и делало все возможное, чтобы избавиться от него. **М.А. Суслов**, которого за глаза называли «серым кардиналом» партии, несмотря на свой очень преклонный возраст, продолжал исполнять обязанности **второго секретаря ЦК** и вести все заседания **Секретариата ЦК**, жестко контролировал весь партийный аппарат и пользовался безграничным авторитетом этого аппарата. **А.П. Кириленко**, который де-факто являлся **третьим секретарем ЦК** и курировал **ВПК**, был ужасно амбициозен и считал себя способным возглавить партию и страну. Однако реально он опирался только на поддержку **Л.И. Брежнева** и особым авторитетом и влиянием в партийном аппарате не пользовался. Кроме того, вскоре у него началась атрофия головного мозга, и он стал стремительно терять память, а затем и рассудок. Безусловно, очень сильные позиции в узком руководстве страны были у министра обороны СССР маршала **Д.Ф. Устинова** и министра иностранных дел СССР **А.А. Громыко**, которые обладали на редкость огромной работоспособностью и пользовались безграничной поддержкой генсека и его личной дружбой. Однако открытых претензий на высшую власть ни тот, ни другой пока не предъявляли, прекрасно понимая, что в кресло генсека можно пересест только с партийной, а не с государственной должности, которые они занимали. Но поддержка ими любого другого преемника на высшую власть имела, безусловно, самое решающее значение.

Что касается фигуры **К.У. Черненко**, который тоже обладал колоссальной работоспособностью и был очень авторитетной фигурой в аппарате ЦК, то именно в последний период правления **Л.И. Брежнева** началось его стремительное восхождение на политический олимп. Уже в **марте 1976 г.**, после завершения работы **XXV съезда КПСС** на организационном **Пленуме ЦК К.У. Черненко**, сохранив за собой ключевую должность руководителя **Общего отдела ЦК**, избирается секретарем ЦК, а в **октябре 1977 г.** становится и кандидатом в члены **Политбюро ЦК**.

2) **Средний слой** высших советских руководителей, родившихся в **1912–1920 гг.** был представлен такими фигурами, как **Ю.В. Андропов**, **В.В. Гришин**, **Ф.Д. Кулаков**, **К.Т. Мазуров**, **Д.А. Кунаев**, **В.В. Щербицкий**, **П.М. Машеров**, **Ш.Р. Рашидов**, **М.С. Соломенцев**, **П.Н. Демичев**, **И.В. Капитонов** и **М.В. Зимянин**. Из реальных претендентов на роль преемника **Л.И. Брежнева** точно выпадали первый заместитель председателя **Совета Министров СССР К.Т. Мазуров**, отставка которого стала лишь вопросом времени; председатель **Совета Министров РСФСР М.С. Соломенцев**, министр культуры СССР **П.Н. Демичев** и «рядовые» секретари **ЦК И.В. Капитонов** и **М.В. Зимянин**, чей аппаратный вес и отсутствие личных амбиций не позволяли им даже помышлять об их избрании на пост генсека; руководители **ЦК Компартий Казахстана и Узбекистана Д.А. Кунаев** и **Ш.Р. Рашидов**, которые, несмотря на особо доверительные отношения с **Л.И. Брежневым**, не могли стать его преемниками в виду своей этнической принадлежности. Все остальные вожди, в той или иной степени, видели себя в роли возможного лидера страны и по своему влиянию и аппаратному весу могли реально претендовать на эту роль. Например, **Ю.В. Андропов**, будучи главой **КГБ**, был самым информированным членом высшего партийного руководства и входил в круг ближайших соратников генсека. Однако серьезным препятствием для его восхождения к высшей власти было его «чекистское» настоящее и недостаточный вес в партийном аппарате. Зато этот аппаратный вес был у секретаря **ЦК Ф.Д. Кулакова**, который из всех секретарей **ЦК** и полноправных членов **Политбюро**, был самым молодым и относительно здоровым человеком. **В.В. Гришин**, являясь Первым секретарем **МГК КПСС**, тоже имел непререкаемый авторитет в самой крупной и влиятельной партийной организации страны. Такое же влияние на всю огромную украинскую партийную организацию имел и **Первый секретарь ЦК КПУ В.В. Щербицкий**, который, к тому же, был личным другом генсека. Авторитетной фигурой во всей стране был и **Первый секретарь ЦК Компартии Белоруссии П.М. Машеров**, правда, из этой «великолепной» пятерки он был единственным кандидатом, а не полноправным членом **Политбюро ЦК**.

3) **Молодой слой** высших руководителей страны, родившихся в **1921–1930 гг.**, был самым узким, поскольку его представляли единственный член **Политбюро ЦК**, **Первый секретарь Ленинградского обкома Г.В. Романов** — очень сильный и волевой руководитель, который пользовался большим авторитетом у ленинградцев. Таким же авторитетом пользовался и кандидат в члены **Политбюро**, **Первый секретарь ЦК Компартии Азербайджана Г.А. Алиев**, но его единственным минусом опять же была его этническая принадлежность. Наконец, самыми молодыми секретарями **ЦК** были **В.И. Долгих** и **Я.П. Рябов**, которые курировали тяжелую и оборонную промышленность, и обладали довольно сильными амбициями, особенно второй.

По мнению ряда авторов (**М. Восленский**), к началу **1978 г.** внутри высшего руководства сформировались два основных центра силы: так называемый «дне-

пропетровский клан», видными представителями которой были **А.П. Кириленко, В.В. Щербицкий, К.У. Черненко** и два помощника генсека **Г.Э. Цуканов** и **А.И. Блатов**, и «триумvirат» в составе **Д.Ф. Устинова — Ю.В. Андропова — А.А. Громыко.**

В июле 1978 г. обозначились явные признаки обострения борьбы за власть, вызванные внезапной кончиной **60-ти** летнего члена **Политбюро** и секретаря **ЦК Федора Давыдовича Кулакова.** Ряд зарубежных советологов (**В. Соловьев, Е. Клепикова**) и мемуаристов (**Ф. Моргун**) полагают, что его смерть была совсем неслучайна и, вероятнее всего, он стал жертвой подготовленного убийства, организованного чекистами по личному указанию **Ю.В. Андропова,** который уже тогда стал расчищать себе дорогу к высшей власти в стране. Однако эта версия нуждается в более серьезной аргументации, а не только в личных «конспирологических» предположениях.

Сразу после этого события началась острая борьба за то, кто сменит скончавшегося **Ф.Д. Кулакова** и станет новым куратором всего сельскохозяйственного комплекса страны. Основными претендентами на этот пост были два человека — первый секретарь **Полтавского обкома Федор Трофимович Моргун** и первый секретарь **Ставропольского крайкома Михаил Сергеевич Горбачев.** Первый руководитель был хорошо известен как крупный организатор и знаток сельского хозяйства страны и автор знаменитой концепции безплужной обработки почвы. Второй был знаменит только тем, что, будучи «курортным секретарем», к которому на минеральные воды приезжали подлечиться практически все престарелые члены **Политбюро,** пользовался личной поддержкой двух самых влиятельных членов узкого руководства — **М.А. Суслова** и **Ю.В. Андропова.**

Именно стараниями этих двух политических мастодонтов ««подлесок» **М.С. Горбачев** в **ноябре 1978 г.** был избран секретарем **ЦК** по сельскому хозяйству. Однако, желая сохранить баланс сил в узком руководстве, на том же **Пленуме ЦК** в отставку был отправлен **К.Т. Мазуров** и новым членом **Политбюро** стал **К.У. Черненко,** а кандидатом в члены **Политбюро** еще один член «днепропетровского клана» — **Н.А. Тихонов,** которого уже в открытую готовили на роль нового главы советского правительства. Ровно через год, в **ноябре 1979 г., Н.А. Тихонов** становится полноправным членом **Политбюро,** а **М.С. Горбачев** — кандидатом в члены **Политбюро,** что естественно усилило позиции двух группировок в борьбе за власть.

Тем временем, в **апреле 1979 г.** неожиданно для всех оборвалась стремительная карьера самого молодого секретаря **ЦК Якова Петровича Рябова,** прожившего в этой роли всего два с половиной года. Вероятнее всего, причинами его скорой отставки стали: 1) непомерные амбиции самого **Я.П. Рябова** и его холуев, которые в подпитом состоянии, не особо стеснялись поднимать тосты «за нового Генерального секретаря», и 2) острый конфликт с министром обороны СССР маршалом **Д.Ф. Устиновым,** который до сих пор считал себя единственным куратором всего **ВПК** и не терпел конкуренции со стороны других лиц, претендующих на эту ключевую роль. А непосредственным поводом к этой отставке послужила пьяная драка **Я.П. Рябова** с командующим **Уральским Военным округом** генерал-полковником **Н.К. Сильченко** во время одной из его командировок в **Свердловск,** где до этого он был первым секретарем обкома партии.

По мнению ряда современных авторов (**А. Русецкий, В. Соловьев, Е. Клепикова**), следующей жертвой кровавых внутрипартийных разборок стал очень популярный

руководитель советской Белоруссии **Петр Миронович Машеров**, который при довольно странных обстоятельствах погиб в автомобильной катастрофе в **начале октября 1980 г.** Существует версия, что именно он должен был сменить на посту председателя **Совета Министров СССР** тяжело заболевшего **А.Н. Косыгина**, поэтому и был устранен **Ю.В. Андроповым** как наиболее опасный соперник в борьбе за власть.

Как бы то ни было, но через три недели после гибели **П.М. Машерова** действительно состоялся очередной **Пленум ЦК**, на котором **А.Н. Косыгин**, перенесший в **августе 1980 г.** тяжелейший инфаркт, был отправлен в отставку со всех постов и новым председателем **Совета Министров СССР** был назначен престарелый **Н.А. Тихонов**. На этом же **Пленуме ЦК** полноправным членом **Политбюро** становится **М.С. Горбачев**, а кандидатом в члены **Политбюро** избирают **Т.Я. Киселева**, который после гибели **П.М. Машерова** с поста первого заместителя председателя **Совета Министров СССР** вновь вернулся в Белоруссию и стал **Первым секретарем ЦК КПБ**. А спустя всего два месяца, в **декабре 1980 г.** скончался **А.Н. Косыгин** — один из самых популярных и авторитетных лидеров страны.

В **феврале-марте 1981 г.** состоялся последний при жизни **Л.И. Брежнева XXVI съезд КПСС**, который не внес никаких принципиальных изменений в сложившийся расклад сил. Такая ситуация продолжалась весь год, пока совершенно неожиданно для всех в **конце января 1982 г.** во время плановой госпитализации не скончался **второй секретарь ЦК М.А. Суслов**. Смерть этого человека, бывшего образцом настоящего коммуниста-аскета и хранителя «лучших традиций партии», которого справедливо называли «серым кардиналом», вызвала новый виток борьбы за власть. Было совершенно очевидно, что реальным наследником дряхлеющего на глазах генсека станет именно тот, кто займет этот ключевой пост в партийном аппарате страны. Наиболее реальными шансами на успех обладал опытнейший партийный аппаратчик **К.У. Черненко**, который после смерти **М.А. Суслова** и стал де-факто вести еженедельные заседания **Секретариата ЦК**. Но де-юре это положение должен был узаконить **Пленум ЦК**, который был назначен только на **конец мая 1982 г.** Правда, ряд современных авторов (**В. Швед**), утверждают, что о своих претензиях на этот пост в телефонном разговоре с **Ю.В. Андроповым** заявил и министр иностранных дел **А.А. Громыко**, однако шеф **КГБ** очень сдержанно ответил ему, что решение этого вопроса является исключительной компетенцией **Л.И. Брежнева**.

Ближайшие четыре месяца между враждующими группировками шла смертельная схватка за власть, особую остроту которой придавала и открытая вражда **Ю.В. Андропова** с министром внутренних дел СССР **Н.А. Щелоковым**, которые патологически презирали друг друга. «Днепропетровский клан» прекрасно понимал, что ему грозит в случае прихода к власти **Ю.В. Андропова** и делал все возможное, чтобы скомпрометировать главу **КГБ СССР** в глазах генсека. Однако им это не удалось, и в **мае 1982 г.** шеф тайной полиции не просто вернулся в **ЦК**, но и де-юре стал **вторым секретарем ЦК**, что неизмеримо подняло его шансы в борьбе за власть. Но эти шансы были далеко не стопроцентными, поскольку совершенно неожиданно новым председателем **КГБ СССР** был назначен генерал-полковник **В.В. Федорчук**, который с поста руководителя **КГБ УССР** был сразу переведен на столь высокий пост в **Москву**, что было совершенно беспрецедентным событием во всей советской истории. Дело в том, что практически весь период нахождения **Ю.В. Андропова** у руля **КГБ СССР** его единственным первым заместителем был

один из виднейших представителей «молдавско-днепропетровской» группировки генерал армии **С.К. Цвигун**. Но всего за неделю до неожиданной смерти **М.А. Суслова**, он то ли застрелился, то ли был застрелен на своей государственной даче под **Москвой**. Сразу после этого события, в **январе 1982 г.** первыми заместителями **Ю.В. Андропова** стали два выходца из «днепропетровского клана» — генералы армии **Г.К. Цинев** и **В.М. Чебриков**. Сам **Ю.В. Андропов**, вероятнее всего, желал видеть в роли своего преемника **В.М. Чебрикова**, но **Л.И. Брежнев** и его ближайшее окружение решили иначе и перевели из **Киева** в **Москву** именно **В.В. Федорчука**.

На наш взгляд этот поразительный факт прямо говорил о том, что **Л.И. Брежнев** окончательно решил передать всю власть своему старому товарищу и другу, **Первому секретарю ЦК Компартии Украины В.В. Щербицкому**, который пользовался довольно большой популярностью во всей стране и, особенно на Украине, где уже целых десять лет он был безраздельным хозяином положения. Это вполне правдоподобная гипотеза подкрепляется и мнением ряда авторитетных мемуаристов, в частности **Первого секретаря МКГ КПСС В.В. Гришина**, которые утверждают, что на **конец ноября 1982 г.** был назначен очередной **Пленум ЦК**, на котором предполагалось узаконить плавный переход власти. Весь смысл новой интриги, авторами которой называют двух помощников генсека — **А.И. Блатова** и **Г.Э. Цуканова**, состоял в том, чтобы на **Пленуме ЦК** учредить пост почетного председателя партии, переместить на этот пост больного генсека, а новым **Генеральным секретарем ЦК КПСС** избрать вполне здорового и полного сил **В.В. Щербицкого**.

Но по воле рокового случая вся эта интрига не увенчалась успехом, поскольку **10 ноября 1982 г. Л.И. Брежнев** скончался во сне от острого сердечного приступа. В современной литературе, во многом под влиянием мемуаров главного кремлевского врача академика **Е.И. Чазова**, смерть **Л.И. Брежнева** традиционно преподносится как вполне ожидаемое событие, которое произошло естественным путем. Однако в свете последних открытий эта смерть не кажется такой уж ожидаемой, и вполне возможно, что и к ней свою руку приложил **Ю.В. Андропов**. Эта версия не кажется нам настолько чудовищной еще и потому, что именно **Ю.В. Андропов**, установив с **Е.И. Чазовым** особо доверительный личный контакт, был в курсе состояния здоровья всех членов **Политбюро ЦК** и был единственным человеком в высшем руководстве страны, который сразу после смерти генсека приехал на его государственную дачу по вызову своего доверительного информатора академика **Е.И. Чазова**. Даже **Виктория Петровна Брежнева**, увидев **Ю.В. Андропова** на даче в столь ранний час, еще не знала, что ее супруг скоропостижно скончался и его остывающий труп лежит в спальне на втором этаже.

Позднее на дачу прибыли два остальных члена правящего «триумвирата» — министр обороны СССР маршал **Д.Ф. Устинов** и министр иностранных дел СССР **А.А. Громыко**, которые и договорились в узком кругу передать пост генсека **Ю.В. Андропову**. **11 ноября 1982 г.** была создана правительственная комиссия по организации похорон, которую возглавил **Ю.В. Андропов**. **12 ноября** состоялся внеочередной **Пленум ЦК**, который избрал **Ю.В. Андропова** новым **Генеральным секретарем ЦК КПСС**, а **15 ноября** в **Москве** на **Красной площади** состоялась процедура похорон **Л.И. Брежнева** у **Кремлевской стены**.

Советское общество эпохи **Л.И. Брежнева** до сих пор представляет собой определенную загадку для историков. С одной стороны, слишком мало прошло времени,

чтобы взгляд в прошлое обрел должную остроту и четкость. С другой, — обращение к событиям тех лет вызывает у многих болезненную реакцию, впрочем, по-другому и не может быть, поскольку прошлое еще не стало историей в полном смысле этого слова. Вместе с тем историческая наука должна постепенно осваивать и эту эпоху — эпоху «развитого социализма», поскольку именно она может остановить поток фальсификаций и прямого мифотворчества, искажающий наше представление о том времени.

Еще совсем недавно серьезные авторы не решались браться за изучение истории нашей страны **середины 1960-х — начала 1980-х гг.** Публикации, появлявшиеся на страницах газет и различных толстых журналов, не отличались ни достоверностью, ни объективностью, ни глубиной анализа. К счастью, в последнее время ситуация начала немного исправляться и сегодня можно назвать нескольких авторитетных авторов, попытавшихся разобраться с происходившим в то время на серьезном научном уровне. К их числу относятся такие видные исследователи, как **А.А. Зиновьев, С.Г. Кара-Мурза, С.Н. Семанов, И.Я. Фроянов, А.И. Вдовин** и ряд других.

Тема: ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ СССР В 1965–1984 ГГ.

План:

1. Истоки «Косыгинской экономической реформы» 1962–1965 гг.
2. Экономическая реформа А.Н. Косыгина 1965–1970 гг. и ее оценки.
3. Социально-экономическое развитие СССР в 1970-х – начале 1980-х гг.

1. Истоки «Косыгинской экономической реформы» 1962–1965 гг.

Новый председатель **Совета Министров СССР А.Н. Косыгин**, утвержденный на этом посту в **октябре 1964 г.**, прекрасно сознавал, что проведением одной **административной «контрреформы»**, которая предусматривала ликвидацию территориальных совнархозов и восстановление отраслевой структуры управления, преодолеть негативные тенденции в экономическом развитии страны вряд ли удастся. Он был твердо убежден в том, что традиционный партийно-административный механизм управления народным хозяйством необходимо дополнить рядом чисто экономических стимулов, т.е. фактическим введением ряда элементов рыночной экономики.

Сама эта идея впервые получила свое обоснование еще во **второй половине 1950-х гг.**, когда проблема поиска различных моделей оптимальной системы планирования оказались в центре особого внимания ряда видных советских экономистов, в том числе академиков **Л.В. Канторовича, В.С. Немчинова, В.В. Новожилова** и других. Затем, в **сентябре 1962 г.**, в главном печатном органе ЦК — газете «Правда» была опубликована статья никому неизвестного профессора **Харьковского университета Е.Г. Либермана «План, прибыль, премия»**, которая дала старт новой экономической дискуссии, посвященной обсуждению самых актуальных экономических проблем. В ходе состоявшейся дискуссии, в которой приняли участие мно-

гие крупные экономисты, в частности академики **В.С. Немчинов, С.Г. Струмилин, А.М. Румянцев и Н.П. Федоренко**, были поддержаны ряд идей этой статьи, в том числе и такой довольно крамольный вывод о том, что прибыль надо рассматривать как один из важнейших критериев успешной работы любого предприятия. По итогам состоявшейся дискуссии **Е.Г. Либерман** направил в **ЦК КПСС** аналитическую записку «**О совершенствовании планирования и материального поощрения работы промышленных предприятий**», в которой в довольно осторожной форме предложил возродить целый ряд элементов рыночных отношений и создать стройную систему экономического стимулирования для этих предприятий.

Как альтернатива этой «**либермановской реформе**» в среде крупных «технократов» рассматривались идеи известного советского математика, академика **В.М. Глушкова**, который, будучи главой **Межведомственного научного совета по внедрению вычислительной техники и экономико-математических методов в народное хозяйство СССР**, предлагал решить проблемы экономического развития страны не возвратом на рыночные (капиталистические) рельсы, а через внедрение программы тотальной информатизации экономических процессов с применением **Единой системы планирования и управления (ЕСПУ)**, которая должна была базироваться на **Единой Государственной Сети вычислительных центров (ЕГС ВЦ)**. Его идея поначалу была принята в высших эшелонах власти и в **1963 г.** вышло **Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР**, в котором была отмечена особая необходимость создания по всей стране **ЕСПУ и Государственной сети вычислительных центров**.

Позже само понятие **ЕСПУ** в официальных документах трансформировалось в **ОГАС (Общегосударственную автоматизированную систему планирования и управления в народном хозяйстве)** и на основании этого **Постановления** по всей стране развернулась широкая работа по созданию несколько научно-исследовательских институтов, в том числе **Центрального Экономико-математического института (ЦЭИМ)** в Москве. Предлагалось создать единую государственную сеть крупных **Вычислительных центров (ВЦ)**, оборудовать ее мощными электронно-вычислительными машинами, которые бы дали возможность гораздо более оперативно обрабатывать всю поступающую информацию и оптимизировать все управление народно-хозяйственным комплексом страны. Однако решающим аргументом против «**глушковской реформы**» стало то, что издержки на ее проведение оказались существенно выше, чем цена рыночной «**либермановской реформы**», поэтому выбор пал именно на нее. Кроме того, против «**глушковской реформы**» особенно сильно ополчился многолетний глава **ЦСУ СССР** профессор **В.Н. Старковский**, которого академик **В.М. Глушков** открыто критиковал за то, что его ведомство не внедряет передовые системы сбора и обработки информации, ориентирует свою работу на старые счетно-аналитические машины, не стимулирует развитие вычислительной техники и препятствует тому, чтобы информация становилась гибкой и оперативной. По мнению ряда ученых (**В. Деркач, В. Перхорович**), именно позиция **В.Н. Старковского**, яростнее всех выступавшего против проекта академика **В.М. Глушкова**, во многом и предопределила его печальную судьбу.

Новый экономический курс, который в основных своих элементах во многом походил на нэповскую экономiku первых лет советской власти, был впервые обозначен решениями двух **Пленумов ЦК**, прошедших в **1965 г.**

В марте 1965 г. состоялся очередной Пленум ЦК, на котором с основным докладом «О неотложных мерах по дальнейшему развитию сельского хозяйства страны» выступил Л.И. Брежнев. Признав фактический провал всех плановых показателей «хрущевской семилетки», новый лидер партии предложил целый ряд конструктивных мер, призванных реформировать сельское хозяйство страны на основе разумного сочетания общественных и личных интересов тружеников села и усиления их материальной заинтересованности в существенном росте сельскохозяйственного производства. В соответствии с решениями, принятыми на Пленуме ЦК: 1) ежегодный план обязательных государственных закупок зерна был снижен и объявлен неизменным на предстоящие десять лет; 2) все закупочные цены на основную сельскохозяйственную продукцию вновь повысились в 1,5–2 раза; 3) все сверхплановые закупки должны были теперь осуществляться по повышенным ценам, которые составляли 50 % к ее основной цене; 4) существенно снижались цены на всю сельскохозяйственную технику и запчасти к ней; 5) со всех колхозов и совхозов были списаны все долги государству и уменьшены ставки подоходного налога на крестьян; 6) была прекращена порочная практика ликвидации личных подсобных хозяйств колхозников.

Однако самое главное новшество состояло в том, что количество отчетных показателей, установленных ранее для всех типов аграрных хозяйств страны, было резко сокращено и в пределах государственных заданий всем сельскохозяйственным артелям, колхозам и совхозам предоставлялась полная самостоятельность в планировании собственного производства. Одновременно в постановлении Пленума ЦК был сделан особый акцент: 1) на резкое увеличение государственных ассигнований для существенного повышения технического уровня сельского хозяйства и производства сельскохозяйственных машин и минеральных удобрений; 2) на комплексную механизацию тех отраслей сельскохозяйственного производства, прежде всего, животноводства и овощеводства, где большинство работ до сих пор производились «дедовским» ручным способом; 3) на усиление специализации сельскохозяйственного производства не только в рамках отдельных областей, краев и республик, но и самих аграрных хозяйств, многие из которых по-прежнему носили многоотраслевой характер, что негативно влияло на общий рост сельскохозяйственного производства.

Кроме того, прежняя, крайне громоздкая, система органов управления сельским хозяйством была упрощена: все **Министерства производства и заготовок сельскохозяйственных продуктов** союзных республик СССР были преобразованы в республиканские **Министерства сельского хозяйства**, территориальные производственные колхозно-совхозные управления были упразднены и восстановлены структурные подразделения исполкомов местных Советов, ответственные за сельскохозяйственное производство. В то же время в решениях Пленума ЦК особый акцент в руководстве всем аграрным комплексом страны делался на повышение роли **Министерства сельского хозяйства СССР**, которое возглавил бывший глава **Целинного крайисполкома В.В. Мацкевич**.

Принятые решения вскоре принесли колхозам и совхозам существенную выгоду, и уже к концу 1965 г. за сданную сельхозпродукцию они выручили почти на 15 % больше финансовых средств, чем в предыдущие годы. Значительная выгода была получена ими и от снижения цен на сельхозтехнику, электроэнергию и спи-

сания прежних задолженностей по ссудам, которые тяжким бременем лежали на их бюджетах.

В середине марта 1965 г. по инициативе А.Н. Косыгина состоялось расширенное заседание Госплана СССР, которое замышлялось как этапное мероприятие в процессе подготовки к сентябрьскому Пленуму ЦК КПСС. По итогам его работы с исчерпывающей ясностью обозначился акцент не столько на устранение уже очевидной всем тенденции «отсталости» советского промышленного производства, сколько на так называемое «антикризисное управление». Устранение существующих диспропорций и сведение баланса, обеспечение качества продукции и эффективности капиталовложений — таким стал заключительный итог этого совещания.

2. Экономическая реформа А.Н. Косыгина 1965–1970 гг. и ее оценки

В сентябре 1965 г. состоялся новый Пленум ЦК, на котором с основным докладом «Об улучшении управления промышленностью, совершенствовании планирования и усилении экономического стимулирования промышленного производства» выступил председатель Совета Министров СССР А.Н. Косыгин. Именно этот доклад и одноименное Постановление ЦК, принятое по итогам работы Пленума ЦК, и дали старт новой экономической реформе, общая концепция которой включала в себя три основных элемента: а) полную реорганизацию прежней системы управления промышленным производством страны путем ликвидации всех совнархозов и воссоздания 10 общесоюзных и 17 союзно-республиканских министерств, которые должны были обеспечить единую научно-техническую политику и технологический прогресс; б) проведение мероприятий по повышению материальной заинтересованности коллективов предприятий в увеличении своего производства и улучшения качества продукции; в) осуществление целого комплекса мер по совершенствованию планирования, нацеленного на пропорциональное развитие всех отраслей народного хозяйства страны и рост технического уровня производства.

В октябре 1965 г. по итогам работы Пленума ЦК были приняты совместное Постановление ЦК КПСС и СМ СССР «О совершенствовании планирования и усилении экономического стимулирования промышленного производства» и «Положение о социалистическом государственном производственном предприятии».

1) Ключевой задачей новой экономической реформы стал переход от традиционных административных методов управления народным хозяйством страны к экономическим методам управления им. С этой целью предлагалось существенно усилить воздействие и роль стоимостных инструментов экономической политики, то есть цены, прибыли, кредитов, процентов, премий и т.д. В этой связи под реформаторские преобразования подводилась и теоретическая база, смысл которой состоял в признании товарной природы социалистического производства и ключевых интегральных показателей экономической эффективности предприятий — прибыли и рентабельности.

2) Другой важнейшей задачей новой экономической реформы стало усиление оперативно-хозяйственной самостоятельности большинства промышленных предприятий страны, что предусматривало существенное сокращение централизованно спускаемых плановых показателей для них. Адресное директивное планирование не устранялось, но резко сокращалось с 30 до 9 показателей, среди которых со-

хранились только показатели объема реализации продукции, фонда заработной платы, прибыли, рентабельности и ряда других. При этом выполнение плана теперь выражалось не в валовых показателях, а в объеме реализованной продукции. В результате этого нововведения многие промышленные предприятия получили небывалую свободу, поскольку теперь они могли самостоятельно планировать темпы роста производительности труда, снижение себестоимости продукции, устанавливать величину средней заработной платы и т.д.

3) Кроме того, экономическая реформа закладывала идею перевода всех промышленных предприятий на **полный хозяйственный расчет**, что предполагало существенное усиление экономических стимулов в управлении ими. В частности, для всех предприятий устанавливались долговременные экономические нормативы и налоговые платежи, определяющие взаимоотношения с госбюджетом: плата за фонды, рентные платежи, нормативы формирования фондов развития и экономического стимулирования т.д. Согласно принципам экономической реформы, часть прибыли предприятий должна была оставаться в полном распоряжении самих производителей, за счет которых они получали возможность формировать ряд собственных фондов, в частности **фонды развития производства, материального поощрения, социально-культурного назначения, жилищного строительства** и т.д.

В соответствии с главными задачами **«косыгинской экономической реформы»** были определены и основные направления хозяйственной политики в **восьмом пятилетнем плане развития народного хозяйства страны на 1966–1970 гг.** Директивы по новому пятилетнему плану, принятые на **XXIII съезде КПСС в марте 1966 г.**, предполагали увеличить выпуск промышленной продукции на **47–50 %**, сельскохозяйственной продукции на **25 %**, а реальные доходы населения — в **1,5 раза**.

Процесс перехода промышленности на новые условия хозяйствования происходил постепенно. Первоначально, в **январе 1966 г.**, на систему хозрасчета перешли первые **43** крупных промышленных предприятия в **20** городах страны. Затем, после подведения первых положительных итогов реализации реформы, ее положения были распространены и на целые отрасли и сектора народного хозяйства. В частности, в **апреле-июле 1967 г.** Совет Министров СССР принял ряд Постановлений — **«О мерах по дальнейшему улучшению кредитования и расчетов в народном хозяйстве и повышению роли кредита в стимулировании производства»**, **«О переводе предприятий Министерства гражданской авиации СССР, Министерства путей сообщения СССР, Министерства морского флота СССР и республиканских Министерств речного транспорта на новую систему планирования и экономического стимулирования»** и т.д. Затем, в **июле 1968 г. — мае 1969 г.**, были приняты новые Постановления Совета Министров СССР **«О переводе эксплуатационных предприятий и производственно-технических управлений Министерства связи СССР на новую систему планирования и экономического стимулирования»**, **«О совершенствовании планирования и капитального строительства и об усилении экономического стимулирования строительного производства»** и т.д.

Уже к **концу 1967 г.** по новой системе работали более **7 000** крупных промышленных предприятий в разных регионах страны, где было занято свыше **10 млн человек** и на долю которых приходилось около **40 %** всей производимой промышленной продукции в стране. Затем процесс перехода промышленных предприятий страны на новую систему хозрасчета приобрел всеобщий характер и уже к **концу 1970 г.** из

49 тыс. промышленных предприятий более **41 тыс.** заводов, фабрик, портов, шахт и рудников, на долю которых приходилось **95 %** прибыли и **93 %** общего выпуска промышленной продукции, перешли на новые принципы хозяйствования.

Кроме того, в процессе реализации реформы развернулось широкое слияние мелких и средних предприятий и создание крупных производственных объединений. Причем, входившие в состав этих концернов промышленные предприятия были связаны между собой либо тесной производственной кооперацией по выпуску готовой продукции, либо комплексной переработкой сырья. К концу 1970 г. было создано более **600** таких объединений, в том числе «ЗИЛ», «АЗЛК», «ГАЗ», «ВАЗ», «Уралмаш», «Электросила», «Позитрон», «Большевичка» и другие.

Работа в новых условиях позволила успешно выполнить восьмой пятилетний план развития народного хозяйства страны, увеличить выпуск готовой продукции на **50,5 %** и, наконец, приостановить падение среднегодовых темпов роста промышленно производства. За годы **восьмой пятилетки** в строй было введено более **1900** новых крупных промышленных предприятий, в том числе такие уникальные объекты, как Западно-Сибирский и Карагандинский металлургические комбинаты, Волжский и Альметьевский трубные заводы, Братский алюминиевый завод, Красноярская ГЭС, Криворожская и Конаковская ТЭС, первая очередь Волжского автомобильного завода в Тольятти, Волгоградская, Шахтерская и Лениногорская трикотажные фабрики, Волгоградская и Череповецкая обувные фабрики и т.д. Тогда же было закончено формирование Единой энергетической системы Европейской части страны и создана мощная объединенная Западно-Сибирская Энергосистема.

Новая система хозяйствования в восьмой пятилетке внедрялась и в сельском хозяйстве страны. В апреле 1967 г. было принято Постановление Совета Министров СССР «О переводе совхозов и других государственных сельскохозяйственных предприятий на полный хозяйственный расчет», в соответствии с которым уже к концу года на полный хозрасчет перешло более **40 %** всех советских хозяйств. Кроме того, экономическая реформа позволила впервые отказаться от старой системы оплаты труда колхозников по трудодням и перейти к гарантированной ежемесячной оплате их труда наличными деньгами по тарифным ставкам соответствующих категорий работников советских хозяйств. С этой целью во всех колхозах создавался особый фонд, который формировался либо полностью за счет их доходов, либо, при недостатке собственных средств, частично за счет государственного кредита.

Новые условия хозяйствования в колхозах, расширение их самостоятельности в определении собственной экономической политики, заметный рост демократических элементов, предполагавших выборность не только членов правления и председателей колхозов, но и бригадиров и руководителей других подразделений, получили свое отражение в новом **Примерном Уставе колхозов**, который был принят в **ноябре 1969 г.** на **III съезде колхозников СССР в Москве**. Он заменил собой довоенный **Устав 1935 г.** и впервые закрепил права колхозников на гарантируемую зарплату и пенсионное обеспечение. Так же на съезде был избран **Союзный совет колхозов**, в задачу которого входило обсуждение самых важных и острых вопросов колхозной жизни, обобщение опыта различных хозяйств, выработка рекомендаций по совершенствованию производства и т.д.

Для обеспечения намеченных пятилетним планом устойчивых темпов развития сельского хозяйства, в соответствии с решениями нового **Пленума ЦК**, прошедшего

в мае 1966 г., за счет государственного бюджета стали активно проводиться работы по мелиорации и повышению плодородности земель. А в **октябре 1968 г.** очередной **Пленум ЦК** принял ряд кардинальных мер по увеличению поставок всем колхозам и совхозам сельскохозяйственных машин и минеральных удобрений. В результате предпринятых мер уже к концу восьмой пятилетки на полях страны работало около **2 млн тракторов** и более **620 тыс. зерноуборочных комбайнов**, а почти все колхозы и совхозы пользовались электроэнергией от государственных энергетических сетей.

В годы восьмой пятилетки получил дальнейшее развитие процесс преобразования колхозов в совхозы. В **1970 г.** в стране насчитывалось **15 тыс. совхозов**, а число колхозов за пять лет сократилось с **37 тыс.** до **33,5 тыс.** хозяйств. При этом на долю совхозов уже приходилось до **40 %** всей товарной продукции сельского хозяйства страны. Кроме того, именно в эти годы широко практиковалось создание различных межколхозных и колхозно-совхозных производственных объединений, крупных аграрно-промышленных комплексов со своими предприятиями по переработке сельскохозяйственной продукции, производству стройматериалов, откормочных пунктов и т.д. Существенно улучшился и кадровый состав руководителей колхозно-совхозного производства и к концу восьмой пятилетки почти **100 %** директоров совхозов и более **80 %** председателей колхозов имели высшее или среднее специальное образование, а общая численность специалистов сельского хозяйства выросла на **400 тыс. человек**.

В результате предпринятых мер в восьмой пятилетке произошло значительное увеличение производства всей сельскохозяйственной продукции и к **концу 1970 г.** ее валовой объем вырос на **21 %**. Однако и в эту, достаточно благополучную и сбалансированную, пятилетку ряд плановых заданий оказались невыполненными, поскольку самим планом пятилетки намечалось увеличение производства продукции сельского хозяйства на **25 %**. Хотя, в целом негативные тенденции, доставшиеся в наследство от «хрущевских реформ», все же удалось переломить.

По мнению многих либеральных авторов (**Г. Попов, В. Попов, Н. Шмелев, Р. Медведев, А. Шубин, Р. Пихоя**), относительное замедление темпов социально-экономического развития страны, признаки которого стали наблюдаться уже на исходе восьмой пятилетки, во многом объяснялось сознательным «скручиванием» «косыгинской реформы» в самых верхних эшелонах власти. Советская директивная экономика и тоталитарная политическая надстройка смогли довольно быстро и легко нейтрализовать все ее позитивные результаты, поскольку консервативная часть высшего руководства страны, прежде всего, **Л.И. Брежнев, М.А. Суслов, Н.В. Подгорный, Д.Ф. Устинов, А.П. Кириленко и П.Е. Шелест**, с самого начала усматривали в ней реальную угрозу политической стабильности в стране и падения роли партийного аппарата во всей властной вертикали. Поэтому для них **Пражская весна 1968 г.** стала самым зримым подтверждением этой вполне реальной угрозы и, используя чехословацкие события как удобный повод для решительных действий, «охранители догматической идеологии» начали откровенно и резко скручивать реформу уже в **конце 1960-х гг.** Однако, по мнению тех же авторов, главной причиной краха «косыгинской реформы», все же стало то, что сама тоталитарная модель советской экономики, отвергая все передовое и новое, уже исчерпала свой исторический ресурс. Она могла еще какое-то время развиваться по инерции, но в исторической перспективе была, безусловно, обречена, поскольку существовав-

шие условия организации и управления советским производством не могли обеспечить реального решения объективно стоящих перед советской экономикой задач.

Однако данная оценка грешит явной однобокостью и передергиванием фактов, поскольку хорошо известно, что еще во **второй половине 1960-х гг.** эта реформа была подвергнута резкой критике именно «слева», со стороны довольно влиятельной группы советских экономистов, авторов так называемой **«Системы оптимального функционирования экономики» (СОФЭ)**, которые в тот период «окопались» в **Центральном экономико-математическом институте АН СССР**. Именно они, в частности директор ЦЭМИ академик **Н.П. Федоренко** и доктора экономических наук **С.С. Шаталин, И.Я. Бирман** и **А.И. Каценелинбойген**, которых активно поддержал входивший в политический фавор директор **Института США и Канады АН СССР Г.А. Арбатов**, предложили в качестве альтернативы «косыгинской реформе» создать «конструктивную экономико-математическую модель социалистической экономики». Впервые сама эта концепция была представлена на научной конференции в **Институте экономики АН СССР** в **1967 г.** и по мысли ее разработчиков, будучи альтернативой «описательной» политэкономии социализма, должна была полностью вытеснить товарное производство, заменив его системой экономико-кибернетических операций. Причем, сознательно политизируя чисто научную дискуссию, авторы СОФЭ прямо ставили в вину **А.Н. Косыгину** и его команде реформаторов непростительные уступки империалистам, заигрывание с Западом, «предательство» идей социализма, «перетаскивание на советскую почву чуждых нам идей конвергенции», чем реально содействовали торможению, а затем и затуханию этой «рыночной» реформы.

Между тем, их оппоненты из числа ведущих сотрудников **Института экономики АН СССР (Е.И. Капустин, Я.А. Кронрод, Л.И. Абалкин)** и **Госплана СССР (Н.К. Байбаков, А.В. Бачурин, Н.П. Лебединский)** якобы убедительно разоблачили миф о СОФЭ и доказали всю ее несостоятельность на расширенном совещании в **Госплане СССР**, которое состоялось в **апреле 1970 г.** Более того, чуть раньше, в **1968 г.**, в качестве реальной альтернативы СОФЭ **Главный вычислительный центр (ГВИЦ)** и **Научно-исследовательский Экономический институт (НИЭИ) Госплана СССР** под руководством академика **А.Н. Ефимова** на основе собственной экономико-математической модели межотраслевого баланса создали **«Автоматизированную систему плановых расчетов» (АСПР)**. Однако к тому времени «косыгинская реформа» уже «приказала долго жить» и стала достоянием истории.

По мнению ряда современных авторов (**Р. Пихоя**), фактический отказ от проведения экономической реформы был зафиксирован в **декабре 1969 г.** на очередном **Пленуме ЦК**, где в итоговом **Постановлении** вновь был сделан акцент на привычные командно-административные рычаги управления народными хозяйствами страны и заявлено о необходимости усиления борьбы со злостным нарушением государственной и трудовой дисциплины, максимального использования всех резервов производства, усиления режима экономии и т.д.

Вместе с тем, как справедливо отметили ряд авторов (**Л. Абалкин, В. Павлов, С. Семанов, А. Вдовин, Л. Маше-Суница, М. Еремина**), процессу свертывания «косыгинской экономической реформы» способствовали и многие существенные недостатки, которые были присущи ей самой, поскольку: **1)** она предоставляла предприятиям вполне широкое поле для маневра, но не создавала рачительного хо-

зяина, ибо господство государственной собственности сохраняло прежнее отчуждение работника от основных средств производства; 2) ущербность этой реформы во многом определялась абсолютизацией прибыли как обобщающего экономического показателя, поскольку ее можно было получать, как за счет оптимизации производства, так и путем искусственного повышения цен и выпуска менее качественной продукции; 3) фонд заработной платы стал целиком зависеть не от объема товарной продукции, а от численности работников предприятия, поэтому применение округленно-уровнительного принципа планирования фонда зарплаты вело к тому, что сокращение численности работников автоматически уменьшало и фонд зарплаты; 4) сохранялся прежний принцип определения расхода материальных ресурсов на ценовой эквивалент валовой продукции. Чем выше были материальные затраты, тем больше было «законных» оснований для получения более высокой цены, что естественно вело к расточительству производственных ресурсов и росту розничных цен; 5) стимулирование выпуска сверхплановой продукции вызывало стремление самих предприятий к сознательному занижению государственных планов («производственный эгоизм»), поскольку их перевыполнение сулило им гораздо большие выгод, чем работа по напряженным хозяйственным планам; 6) в виду подобной практики, которая была на руку не только предприятиям, но и их министерствам, в существующий хозяйственный механизм стал внедряться механизм инфляции и «плановой анархии» и т.д.

Вскоре позитивный потенциал хозяйственной реформы стал постепенно исчерпываться, и народное хозяйство страны возвращалось к традиционным источникам экономического роста за счет топливно-энергетического и военно-промышленного комплексов, в рамках которого находились до 80 % всех станкостроительных и машиностроительных предприятий страны. Не принесли ожидаемых результатов и попытки внедрить в массовое производство наукоемких технологий, в частности радиоэлектронику, информатику, вычислительную технику и биотехнологию. Структура советской экономики приобретала все более нерациональный и однобокий характер с традиционным уклоном в тяжелую индустрию и капитальное строительство. Однако это вовсе не означало, что сама модель советской экономики была ущербна сама по себе.

Вместе с тем, в постсоветский период появился целый ряд непримиримых критиков «косыгинской реформы», в частности известные российские экономисты профессора Г.И. Ханин и В.Ю. Катасонов. Первый считал, что **успехи этой реформы были «статистической иллюзией»**, а второй был убежден, что именно эта реформа сыграла самую пагубную роль в трансформации социалистической модели советской экономики, созданной И.В. Сталиным, в **неонэповскую модель государственного капитализма**, которая и привела, в конечном счете, к гибели самого СССР.

3. Социально-экономическое развитие СССР в 1970-х – начале 1980-х гг.

Развитие советской экономики в это десятилетие проходило под знаком дальнейшей централизации управления, свертывания всех хозяйственных реформ и падения темпов роста всех основных социально-экономических показателей развития народного хозяйства страны. В новое брежневское десятилетие темпы роста советской экономики определялись планами **девятой (1971–1975) и десятой**

(1976–1980) пятилеток, директивы которых были одобрены XXIV и XXV съездами КПСС, прошедших в 1971 г. и 1976 г. Планы этих пятилеток, как и раньше, намечали увеличение производства продукции и национального дохода страны, однако существенного ускорения темпов роста производства они уже не предполагали. Причем, само снижение темпов объяснялось возрастающими масштабами производства, поскольку если в 1966–1970-х гг. 1 % прироста национального дохода равнялся 1,9 млрд рублей, то уже в 1971–1975 гг. он должен был составлять 2,7 млрд рублей.

В годы девятой пятилетки удалось увеличить объемы промышленной продукции на 43 %, а в десятой пятилетке — уже только на 24 %. Та же картина наблюдалась и на аграрном фронте — производство сельскохозяйственной продукции в девятой пятилетке возросло на 13 %, а в десятой пятилетке — уже только на 9 %. При этом, как и в предыдущие десятилетия, показатели пятилетних планов развития народного хозяйства страны вновь оказались невыполненными. Так, план по увеличению валового объема промышленной и сельскохозяйственной продукции в 1971–1975 гг. был выполнен лишь на 91 % и 68 %, а уже в 1976–1980 гг. — только на 67 % и 56 %.

Все это не могло не вести к снижению среднегодовых темпов прироста ВВП. Если в годы восьмой пятилетки производство промышленной продукции ежегодно увеличивалось на 8,5 %, в девятой — на 7,4 %, то в десятой — уже только на 4,4 %. Тот же процесс наблюдался и в производстве сельскохозяйственной продукции: в восьмой пятилетке ее ежегодный прирост составлял 3,8 %, в девятой — 2,3 %, а в десятой — только 1,7 %.

Основной упор в промышленном развитии страны в 1970–1980-х гг. был сделан на создание гигантских Территориально-производственных комплексов (ТПК) в разных регионах страны. При этом главное внимание уделялось Западно-Сибирскому ТПК, в частности Тюменскому региону, где были обнаружены огромные залежи углеводородов — нефти и природного газа. В 1969 г. ЦК КПСС и Совет Министров СССР приняли очередное совместное Постановление «Об ускоренном развитии и освоении крупных нефтедобывающих и газодобывающих районов Западной Сибири» — Самотлора, Сургута, Уренгоя, Ямбурга и других знаменитых месторождений, куда были брошены огромные финансовые, технологические и трудовые ресурсы страны. В результате предпринятых мер только в 1970-х гг. добыча нефти в Западной Сибири выросла в 10 раз, а уже в начале 1980-х гг. здесь стало добываться более 10 % мирового объема добычи всей нефти и природного газа.

В тот же период ускоренное развитие получила и добыча каменного угля и были созданы два крупнейших производственных комплекса по открытой добыче высококачественных коксующих углей: в Казахстане — Павлодарско-Экибастузский топливно-энергетический комплекс и в Красноярском крае — Канско-Ачинский топливно-энергетический комплекс. Кроме того, на базе Усть-Илимской ГЭС был создан Братско-Усть-Илимский лесопромышленный комплекс, а на базе Саяно-Шушенской ГЭС — Саянский производственный комплекс по обработке цветных металлов. В целях активизации развития экономики Сибири и Дальнего Востока в 1974 г. совместным Постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР было возобновлено строительство Байкало-Амурской железнодорожной магистрали, возведение которой было прервано в годы войны.

Другим приоритетным направлением развития советской экономики стал мощнейший **военно-промышленный комплекс (ВПК)** страны, который нашел в лице ряда членов Политбюро — **Д.Ф. Устинова, А.П. Кириленко и Г.В. Романова**, очень авторитетных и влиятельных лоббистов. В рамках советского **ВПК** не только были сконцентрированы самые лучшие инженерно-конструкторские кадры, огромные финансовые и людские ресурсы, но и основной потенциал новейших достижений **НТР**, в частности лазерной, волоконно-оптической и других новейших промышленных технологий. При этом все новейшие технологические разработки, как правило, не выходили за рамки **ВПК** и не распространялись на «гражданские» отрасли народного хозяйства страны.

В годы девятой и десятой пятилеток СССР вышел на первое место в мире по производству многих промышленных товаров и сырья, в частности угля, кокса, цемента, нефти, железной руды, минеральных удобрений, тракторов и электровозов. Вместе с тем, именно в эти годы обозначались первые кризисные явления в экономическом развитии страны, в частности стала падать фондоотдача, темпы производства предметов потребления вновь стали отставать от темпов роста производства средств производства, невысокими были и темпы научно-технического прогресса и технического перевооружения производства, за исключением самых технологичных отраслей **ВПК**.

В эти же годы все более отчетливо стали проявляться элементы несбалансированного развития, несоответствия темпов роста денежных доходов населения и темпов прироста товарной массы на потребительском рынке, что привело к тотальному дефициту ряда промышленных и продовольственных товаров. Более резко стали проявляться и совершенно нехарактерные для советской финансовой системы инфляционные процессы, хотя в условиях командной экономики государство искусственно сдерживало рост цен, но инфляция проявляла себя в нарастании товарного дефицита в стране.

Мировой энергетический и экономический кризисы 1973—1975 гг. оказали довольно позитивное влияние на советскую экономику, поскольку именно в эти годы нашей стране удалось извлечь существенные доходы на внешнеэкономическом фронте за счет резкого роста мировых цен на нефть и нефтепродукты. Вместе с тем, надо отметить тот факт, что руководство страны максимально используя естественное преимущество СССР в колоссальных природных ресурсах, сделало ставку на экстенсивное развитие советской экономики, что, безусловно, существенно сдерживало развитие наукоемких отраслей, которые во многом и определяли весь научно-технический прогресс — **электроники, кибернетики, робототехники, биотехнологии** и других. Однако расширение продажи нефти и газа в страны Западной Европы и США давало необходимые валютные ресурсы, которые тратились на закупку недостающего зерна и высокотехнологичного оборудования.

В области сельского хозяйства страны в годы этих пятилеток основной упор был сделан на дальнейшую **агропромышленную интеграцию** и объединение сельскохозяйственного производства с теми отраслями промышленного производства, которые наиболее тесно были связаны с ним, т.е. с пищевой и перерабатывающей промышленностью, кооперативной торговлей, промышленным строительством и т.д. При этом такая интеграция была призвана не только обеспечить общий подъем всего сельскохозяйственного производства страны, но и рассматривалась советским поли-

тическим руководством как главное направление сращивания двух основных форм социалистической собственности — государственной и кооперативно-колхозной.

Надо сказать, что многие члены высшего советского руководства и, прежде всего, сам **Л.И. Брежнев**, был активным сторонником крупных капиталовложений в аграрный сектор экономики, которые превысили пятую часть всех инвестиций в народное хозяйство страны. В результате этого сельское хозяйство впервые заняло почетное место в ряду приоритетных отраслей народного хозяйства, обогнав даже легкую промышленность. По официальным данным только в годы девятой и десятой пятилеток туда было направлено более **380 млрд рублей**, что составляло **78 %** всех капиталовложений в сельское хозяйство страны за все годы советской власти. За счет этих средств началось осуществление грандиозных программ по комплексной механизации, автоматизации и электрификации сельского хозяйства, мелиорации и химизации почв и т.д. Но брежневская аграрная стратегия, консервирующая прежнюю структуру совхозно-колхозного производства путем значительных финансовых инъекций, не смогла решить его глубинных проблем и, прежде всего, отчуждение крестьянина от земли и основных средств производства.

В годы девятой и десятой пятилеток были развернуты большие работы по мелиорации сельскохозяйственных земель, и началось строительство грандиозных оросительных каналов — **Большого Ставропольского, Северо-Крымского, Каракумского** и других, а также создание многоцелевых систем для обводнения и орошения наиболее проблемных пахотных районов страны в рискованной зоне земледелия.

В **1974 г.** под давлением российского руководства, прежде всего, нового председателя **Совета Министров РСФСР М.С. Соломенцева, ЦК КПСС и Совет Министров СССР** приняли совместное **Постановление «О мерах по дальнейшему развитию сельского хозяйства Нечерноземной зоны РСФСР»**, которая была рассчитана на **15 лет** и предполагала резкое увеличение капиталовложений в социально-экономическое развитие **29 областей и республик РСФСР**. Однако огромные денежные средства не смогли существенно улучшить ситуацию в исконной российской деревне, поскольку львиная доля этих средств шла на «широкую мелиорацию земель» и «комплексную механизацию и химизацию производства», но отнюдь не в социальную сферу и механизацию самых трудоемких сельскохозяйственных производств. Более того, эта ситуация усугублялась массовой ликвидацией «неперспективных» деревень, которые с точки зрения ряда либеральных экономистов, в частности академика **Т.И. Заславской**, препятствовали развитию агропромышленной интеграции и концентрации сельскохозяйственного производства в стране.

Настоящим бичом народного хозяйства оставались отвлечение на «шефскую помощь» селу во время уборочной страды до **20 %** всего активного населения страны и огромные, до **30–40 %**, потери урожая. Сельское хозяйство все меньше и меньше справлялось с задачами продовольственного снабжения страны и с **середины 1970-х гг.** в разряд дефицита все чаще попадали мясо, колбасы, сыры и молочные продукты. Вместе с тем следует отметить, что, несмотря на все противоречия экономического развития страны на этапе раннего «развитого социализма», экономический потенциал, созданный в годы восьмой и девятой пятилеток (**1966–1975**), оказался равен потенциалу, на создание которого в стране ушли предыдущие полвека. Если в **1922 г.** доля СССР в мировом промышленном производстве составляла всего **1 %**, то в **1975 г.** она выросла до **12,5 %**.

Победе директивной экономики над политикой экономических реформ способствовала и «холодная война», прежде всего, постоянно растущее соревнование с США и Китаем в области наращивания военного потенциала, что вело к существенной милитаризации народного хозяйства СССР. По оценкам большинства специалистов (**Н. Симонов, И. Быстрова**), военные расходы поглощали почти пятую часть валового национального продукта страны. По заказам военно-промышленного комплекса работала значительная часть всех машиностроительных заводов страны, и оборонка постоянно снижала реальные возможности интенсификации отраслей гражданского производства, примиряла с нерациональным расходом сырья, электроэнергии, экстенсивным капитальным строительством, растущей диспропорцией в развитии отраслей народного хозяйства. Кроме того, колоссальные средства поглощали и сами **Вооруженные Силы СССР**, численность которых в **1965–1975 гг.** возросла с **3,7 млн до 4,2 млн военнослужащих**.

Замедление темпов экономического роста плачевно отражалось и на многих социальных программах, и общем уровне благосостояния советских людей. При росте национального дохода в **3,2 раза** реальные доходы населения за этот период выросли лишь в **2,3 раза**. С **середины 1970-х гг.** стал постоянно увеличиваться разрыв между объемом и товарным покрытием денежной массы, что постепенно привело к товарному голоду, который поначалу распространялся на особо престижные товары и предметы длительного пользования, а с годами затронул практически всю сферу товаров и услуг.

Конечно, ряд высших советских руководителей, в том числе **А.Н. Косыгин, К.Т. Мазуров и Н.К. Байбаков**, прекрасно сознавали рост негативных тенденций в экономическом развитии страны. Поэтому в **1979 г.** группа видных аналитиков под руководством заместителя председателя **Совета Министров СССР**, бывшего председателя **Государственного комитета СССР по науке и технике** академика **В.А. Кириллина** подготовила доклад о состоянии и перспективах советской экономики, который содержал вполне реалистичную картину ее довольно тяжелого положения. Главный вывод авторов доклада состоял в констатации двух основных положений: **1) СССР стал безнадежно отставать в разработке и внедрении передовых технологий, особенно в сфере машиностроения; 2) проблемы дальнейшего развития страны нельзя решить без радикального и структурного реформирования всей прежней экономической системы.**

Следует отметить, что предложения «**группы академика В.А. Кириллина**», как и все более ранние проекты реформ, были так или иначе связаны с представлениями о необходимости расширения роли элементов рыночных отношений в социалистической экономике, а позднее — с необходимостью замены плановой экономики саморегулирующейся рыночной экономикой. Поэтому эти предложения вызвали лишь раздражение и недовольство большинства членов **Политбюро**, и в **январе 1980 г.** академик **В.А. Кириллин** был отправлен в отставку. По всей видимости, именно это обстоятельство и стало одной из причин обострения болезни самого **А.Н. Косыгина**, который во **второй половине 1970-х гг.** уже перенес ишемический инсульт и первый инфаркт.

Именно тогда ближайшее брежневское окружение, прежде всего, самые влиятельные члены «днепропетровского клана», стали готовить отставку главы правительства. В **1978 г.** на пенсию был отправлен член **Политбюро ЦК**, первый за-

меститель председателя **Совета Министров СССР К.Т. Мазуров**, который считался прямой креатурой **А.Н. Косыгина**. Тогда же в состав **Политбюро ЦК** был введен другой первый заместитель председателя **Совета Министров СССР Н.А. Тихонов**, который во время болезни премьера стал фактически исполнять функции главы правительства. Затем, в **октябре 1980 г.** **Пленум ЦК** освободил **А.Н. Косыгина** от всех занимаемых им партийно-государственных постов и новым председателем **Совета Министров СССР** был назначен **Николай Александрович Тихонов**, который, как и его земляк **Л.И. Брежнев**, крайне подозрительно относился к любым радикальным экономическим реформам в стране.

Поэтому дальнейшее развитие народного хозяйства страны пошло по уже традиционному руслу замещения экономических рычагов управления чисто административными методами хозяйствования. В **июле 1979 г.** вышло **Постановление ЦК КПСС «О дальнейшем совершенствовании хозяйственного механизма и задачах партийных и государственных органов»**, которое вновь делало основной упор на дальнейшее повышение роли государственного плана как «важнейшего инструмента государственной политики». В частности, предлагалось улучшить систему плановых показателей, «чтобы они всемерно побуждали все трудовые коллективы страны на борьбу за повышение производительности труда, максимальное использование основных фондов, за экономию материальных ресурсов» и т.д. При этом число обязательных плановых показателей было увеличено в сотни раз, а их конкретное содержание было подробно расписано в новом **Постановлении ЦК КПСС «Об улучшении планирования и усилении воздействия хозяйственного механизма на повышение эффективности производства и качества работы»**, принятом тогда же, в **июле 1979 г.** Параллельно с этим еще более усложнялась и дифференцировалась отраслевая структура управления советской экономикой. Если в **1974 г.** существовало только **44** общесоюзных и союзно-республиканских отраслевых министерств, то к **1981 г.** их число составило более **100 министерств**.

Попытки интенсифицировать экономику страны посредством очередного составления многочисленных программ автоматизации и комплексной механизации, носивших чисто административно-бюрократический характер, оказались малоэффективными, поскольку они не влияли на уровень заработной платы и рост благосостояния советских людей. Не удавались и попытки реанимировать трудовой энтузиазм, поскольку многочисленные трудовые почины, вахты, встречные обязательства и работа по бездефектному методу имели мало общего с ударничеством довоенных лет и трудовым энтузиазмом первой послевоенной пятилетки, а чаще всего были «инициативой» самих партийных органов и быстро угасали в бюрократической рутине.

Кроме того, с **конца 1970-х гг.** стало нарастать влияние и ряда объективных факторов, которые серьезно тормозили развитие советской экономики привычными экстенсивными методами. В частности, речь шла: **1)** о существенном осложнении демографической ситуации в стране, связанной с вхождением в детородный возраст детей «военного поколения», что привело к значительному сокращению притока трудовых ресурсов в экономику страны; **2)** о существенном физическом износе и моральном старении значительной части промышленного оборудования, прежде всего, станочного парка страны; **3)** об истощении традиционной сырьевой базы и перемещении основных центров добывающей промышленности в восточные

регионы страны, что существенно повысило себестоимость топливно-энергетического сырья, которое вскоре стало приобретать первостепенное значение в общем внешнеторговом балансе страны; 4) о существенном росте военных расходов в условиях продолжавшейся «холодной войны» и очередного витка гонки вооружений.

Кроме того, именно в эти годы экономика страны плотно подседа на «нефтяную иглу», поскольку доля экспорта углеводородного сырья возросла в **3,5 раза** и составила почти **55 %** всего внешнеторгового баланса страны. В **1970–1982 гг.** общая валютная выручка от экспорта нефти и газа составила около **170 млрд долларов**, однако в годы позднего «развитого социализма», поглощая огромные потоки нефтедолларов, советское политическое руководство, оказавшись заложником идеологических догм, практически ничего не сделало для перестройки старых экономических механизмов и активного внедрения передовых технологий. Практически вся валютная выручка страны шла за закупку дорогостоящей импортной техники, продуктов ширпотреба и зерна.

Во второй половине 1970-х гг. продолжилась традиционная практика строительства крупных ТПК и были введены в строй почти **1000** крупных промышленных предприятий в разных регионах страны, в том числе **Волгодонский завод тяжелого машиностроения, Астраханский газоконденсатный комбинат, Тенгизский газохимический комбинат, Лисичанский нефтеперерабатывающий завод, Жлобинский металлургический комбинат, Оскольский электрометаллургический комбинат, Таджикский алюминиевый завод, Калмыцкий оросительный канал** и многие другие. Тогда же под руководством Министерства энергетики и электрификации СССР (П.С. Непорожний) была продолжена реализация комплексной программы по вводу в строй новых электростанций, в том числе **Саяно-Шушенской, Усть-Илимской, Нижнекамской, Чебоксарской, Нуρεкской и Токтогульской ГЭС**, а так же **Смоленской, Курской, Запорожской, Ровенской и Армянской АЭС**. Однако сотни крупных промышленных объектов страны превратились в так называемый «долгострой» и не оправдали огромных финансовых и трудовых затрат на их строительство и ввод в строй.

Довольно тяжелая ситуация в годы десятой пятилетки сложилась и в сельском хозяйстве страны. Однако поиски выхода из кризиса, предпринятые в **конце 1970-х гг.**, во многом, лежали в традиционном русле. **М.С. Горбачев**, ставший в **1978 г.** новым секретарем ЦК по сельскому хозяйству, возглавил разработку очередного проекта оздоровления аграрной отрасли страны. Этот проект, получивший название «**Продовольственной программы СССР на период до 1990 г.**» был одобрен специальным постановлением Пленума ЦК КПСС в мае 1982 г.

Суть новой аграрной программы состояла в комплексном использовании всего арсенала административно-бюрократических мер для решения продовольственной проблемы в стране. В основе этой программы лежала идея всеобщей агропромышленной интеграции, в частности установления прямых производственных связей между колхозами, совхозами, предприятиями пищевой промышленности, торговыми, строительными и транспортными организациями. Отныне все производство сельскохозяйственной продукции в стране замыкалось в единый государственный агропромышленный комплекс. На региональном уровне в АПК объединялись все предприятия, связанные с производством и переработкой сельскохозяйственной продукции, с производством минеральных удобрений, различной сельхозтехники и т.д. Создавались соответствующие структуры агропромышленных объединений

(АПО) и на районном уровне. Однако из-за жесткой позиции председателя **Совета Министров СССР Н.А. Тихонова**, который резонно опасался возникновения «двоевластия» в правительстве, **Госагропром СССР**, поглотивший затем функции шести общесоюзных министерств: **Минсельхоза, Минплодоовощхоза, Минпищепрома, Минмясомолпрома, Минсельстроя и Госкомсельхозтехники**, был создан только после его отставки, в **ноябре 1985 г.**, когда новым **Генеральным секретарем ЦК** стал **М.С. Горбачев**.

К **середине 1980-х гг.** в агропромышленной сфере страны существовало почти **4,8 тыс. межхозяйственных предприятий**, однако агропромышленная интеграция не принесла ожидаемого эффекта. За счет дополнительных бюджетных ассигнований в одиннадцатой пятилетке удалось преодолеть лишь спад производства в сельском хозяйстве страны и даже обеспечить некоторый его рост по сравнению с десятой пятилеткой. Однако в целом намеченных программой показателей достичь опять не удалось, и страна была вынуждена по-прежнему ввозить из-за рубежа все большее количество продовольственных товаров. Если в **1976–1980 гг.** их импорт составлял **10 %** от уровня сельскохозяйственного производства страны, то уже в **1981 г.** он достиг почти **28,5 %**.

Дефицит сельскохозяйственной продукции усугублялся еще большими потерями на всем пути от производителя до потребителя. Недостаток и низкое качество транспортных средств, хранилищ, тары, перерабатывающих предприятий, удаленность их от полей и ферм, садов и огородов, к тому же плохие дороги «съедали» до **20 % зерна, 30 % овощей, 40 % картофеля** и около **1 млн тонн мяса**.

Кроме того, в целях ускорения развития сельского хозяйства в южных регионах страны в начале **1980-х гг.** в недрах **ЦК КПСС** были разработаны проекты переброски части стока северных рек в **Кубань и Крым**, сибирских рек — в **Среднюю Азию**, а европейских рек — в **Закавказский регион**. Эти проекты широко обсуждались в правительстве и находили определенную поддержку, как среди руководителей южных регионов страны, в частности **Первых секретарей ЦК Компартий Казахстана и Узбекистана Д.А. Кунаева и Ш.Р. Рашидова**, так и среди влиятельных руководителей союзного правительства, прежде всего, многолетнего председателя **Госплана СССР Н.К. Байбакова**. Однако благодаря резкой критике этого проекта со стороны руководства российского правительства в лице кандидата в члены **Политбюро ЦК М.С. Соломенцева**, ряда крупных русских писателей — **В.И. Белова, Ю.В. Бондарева, В.Г. Распутина и С.П. Залыгина** и выдающихся советских историков и археологов, академиков **Б.А. Рыбакова и В.Я. Янина**, осуществление этого опасного проекта, грозившего самой настоящей экологической катастрофой в стране, было приостановлено в **середине 1980-х гг.**

Несмотря на все предпринятые меры, уже с **середины 1970-х гг.** темпы общего прироста сельскохозяйственной продукции стали серьезно отставать от темпов прироста населения страны. Даже по официальным данным **ЦСУ СССР** валовой прирост продукции в сельском хозяйстве СССР составил: за годы восьмой пятилетки (**1966–1970**) — **21 %**, девятой пятилетки (**1971–1975**) — **13 %**, десятой пятилетки (**1976–1980**) — **9 %**, а одиннадцатой пятилетки (**1981–1985**) — уже только **6 %**.

По общему мнению большинства либеральных экономистов (**Н. Федоренко, Г. Попов, Н. Шмелев**), к началу **1980-х гг.** советская экономика вошла в полосу затяжной стагнации или застоя. В натуральном выражении объемы производ-

ства в ряде отраслей народного хозяйства страны не только перестали расти, но даже стали снижаться. Фактически прекратился рост производительности труда и постепенно стала нарастать целая система блокировки экономических рычагов регулирования народно-хозяйственных пропорций, в результате чего в стране окончательно оформился так называемый механизм социально-экономического торможения. Однако, как совершенно справедливо утверждают их многочисленные оппоненты (**С. Кара-Мурза, Г. Ханин, В. Катасонов**), кризис советской экономической модели крылся отнюдь не в самой системе социалистического производства, а в издержках устаревших принципов его управления, в падении качества управленческих кадров и кадровом «застое» на всех уровнях власти, а так же в том катастрофическом наследстве, которое оставил столь любимый записными либералами **Н.С. Хрущев**.

Тема: ОБЩЕСТВЕННАЯ И КУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ СССР В 1965–1984 ГГ.

План:

1. Общественно-политическая и литературно-художественная жизнь.
2. Развитие художественной культуры.
 - а) Развитие советского театрального искусства и кинематографа.
 - б) Развитие советского музыкального искусства.
 - в) Развитие советского живописного искусства и скульптуры.
3. Диссидентское движение.

1. Общественно-политическая и литературно-художественная жизнь

Накануне созыва XXIII съезда КПСС ряд видных представителей советской либеральной интеллигенции, вполне сознательно взбудораженные слухами о возможной реабилитации **И.В. Сталина** на предстоящем партийном съезде, в **середине февраля 1966 г.** направили в адрес **Л.И. Брежнева** и других членов Президиума ЦК так называемое «**Письмо 25-ти**». В этом послании, которое подписали академики **Л.А. Арцимович, П.Л. Капица, И.Е. Тамм, И.М. Майский, М.А. Леонтович, С.Д. Сказкин** и **А.Д. Сахаров**, писатели и поэты **К.П. Паустовский, К.И. Чуковский, В.П. Катаев, В.П. Некрасов, В.Ф. Тендряков, С.Н. Ростовский** и **Б.А. Слуцкий**, художники **П.Д. Корин, Ю.И. Пименов, Б.М. Неменский** и **С.И. Чуйков**, деятели театра и кино **Г.А. Товстоногов, М.И. Ромм, А.А. Попов, О.Н. Ефремов, И.М. Смоктуновский, М.М. Плисецкая** и **М.М. Хуциев**, говорилось об абсолютной недопустимости «частичной или косвенной реабилитации **И.В. Сталина**» и о предании гласности фактов «совершенных им жутких преступлений». Более того, в своем письме его авторы высказали «глубокое беспокойство» по поводу возможности частичного пересмотра решений **XX и XXII съездов КПСС**, после того как стало известно о «поистине страшных фактах преступлений **И.В. Сталина** и его ближайшего окружения».

Довольно быстрое распространение информации об этом письме привело к тому, что уже **25 марта 1966 г.** еще ряд видных деятелей науки и культуры, в частности академики **А.Н. Колмогоров, Б.Л. Астауров А.И. Алиханов и И.Л. Кнунянц**, писатели **С.С. Смирнов, И.Г. Эренбург и В.Д. Дудинцев** и видные представители художественной интеллигенции — **И.В. Ильинский, Г.Н. Чухрай, В.И. Мурадели** и другие отправили аналогичное письмо в **Президиум ЦК** под названием «**Письмо 13-ти**», выразив в нем свою полную поддержку авторам «**Письма 25-ти**». Авторы нового послания также заявили, что «возможная реабилитация **И.В. Сталина**, в какой бы то ни было форме, явилась бы бедствием для нашей страны и для всего дела коммунизма» и в категорической форме высказались против нее.

Своеобразным ответом на эти два письма сознательно «возбужденной» интеллигенции прозвучало выступление на **XXIII съезде КПСС** Первого секретаря **МГК КПСС Н.Г. Егорычева**, который заявил, что «в последнее время стало модным выискивать в политической жизни страны какие-то элементы так называемого «сталинизма», и как жупелом пугать им общественность, особенно интеллигенцию. Мы говорим им, не выйдет, господа!». И хотя, кроме этого единственного выступления, видимой реакции на эти письма де-факто не последовало, на самом партийном съезде пересмотра решений **XX и XXII съездов КПСС**, осудивших сталинский культ, так же не последовало.

Хотя, надо сказать, что такие настроения в верхних эшелонах власти явно существовали. В частности, в **декабре 1969 г.**, накануне сталинского юбилея, **Политбюро ЦК** специально обсуждало вопрос о публикации в «**Правде**» статьи посвященной этому событию. Ряд членов высшего партийного ареопага, в частности **Н.В. Подгорный, А.П. Кириленко, А.Я. Пельше и Б.Н. Пономарев**, по разным мотивам высказались против публикации такой статьи. Однако большинство членов и кандидатов в члены **Политбюро ЦК и Секретариата ЦК**, в частности **Л.И. Брежнев, А.Н. Косыгин, М.А. Суслов, А.Н. Шелепин, П.Е. Шелест, Г.И. Воронов, К.Т. Мазуров, Д.А. Кунаев, Д.Ф. Устинов, В.В. Гришин, В.В. Щербицкий, М.С. Соломенцев, И.В. Капитонов и Р.Ш. Рашидов**, не только активно высказались за публикацию такой статьи, но и впервые публично осудили разоблачения сталинского культа, что, по их справедливому мнению, нанесло колоссальный «удар по престижу и устоям нашей страны и всему рабочему и коммунистическому движению в мире».

Помимо либеральной фронды объективно оппозицию брежневскому руководству представляли и ряд легальных общерусских организаций и движений, выражавших национально-государственные интересы России и русского народа. Одним из таких центров русских национальных сил стало основанное в **1966 г. Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры (ВООПИК)**, о необходимости создания которого еще в хрущевские времена писал известный историк и археолог профессор **Н.Н. Воронин**, выдающийся скульптор **С.Т. Коненков**, историк и литературовед профессор **Д.С. Лихачев** и другие. Духовными руководителями этого движения были видные русские патриоты: выдающийся археолог и историк академик **Б.А. Рыбаков**, крупнейший физико-химик академик **И.В. Петрянов-Соколов**, великий русский композитор **Г.В. Свиридов**, знаменитые художники **П.Д. Корин, Н.А. Пластов и И.С. Глазунов**, выдающиеся писатели **Л.М. Леонов, В.А. Солоухин и В.Д. Иванов** и многие другие. А всю подготовительную и организационную работу по созданию этого общества провели не-

сколько замечательных людей — выдающийся советский архитектор-реставратор **П.Д. Барановский** и его соратники по русскому патриотическому клубу любителей памятников истории и культуры «Родина» **Л.И. Антропов, Г.И. Гунькин и В.А. Десятников**. В июле 1965 г. председатель Совета Министров РСФСР **Г.И. Воронов** подписал Постановление о создании **ВООПИК**, а уже в июле 1966 г. состоялся Учредительный съезд **ВООПИК**, который возглавил заместитель председателя Совета Министров РСФСР **В.И. Кочемасов**.

В 1968—1969 гг. в составе патриотического клуба «Родина» на базе его секции по комплексному изучению русской истории и культуры действовал так называемый «Русский клуб». Он представлял собой негласное объединение русской интеллигенции, где впервые за многие годы стали обсуждаться животрепещущие вопросы формирования русской духовности и культуры, в том числе через новое прочтение великого наследия выдающихся русских мыслителей прошлого столетия — **Н.Я. Данилевского, М.Н. Каткова, К.Н. Леонтьева, К.П. Победоносцева, В.В. Розанова** и других.

Членами этого клуба стали молодые историки и литературоведы **В.В. Кожин, А.Г. Кузьмин, О.Н. Михайлов, С.И. Шешуков** и **А.П. Ланшиков**, писатели **А.И. Байгушев** и **В.А. Чивилихин**, поэты **И.И. Кобзев, С.Ю. Куняев, Г.В. Серебряков** и **В.В. Сорокин**, журналисты **В.Д. Захарченко, А.В. Никонов** и **Е.И. Осетров**, художник **И.С. Глазунов**, архитекторы-реставраторы **В.А. Виноградов, О.И. Журин** и другие. А неформальными лидерами «Русского клуба» стали известный русский писатель **Д.А. Жуков**, историк **С.Н. Семанов** и литературовед **П.В. Палиевский**.

Заметной вехой в возрождении русского национального самосознания стали организованная **ВООПИК** в мае 1968 г. новгородская конференция «**Тысячелетние корни русской культуры**», на которой выступили десятки видных деятелей русской науки и искусства. Затем, в 1969 г., члены «Русского клуба» приняли активное участие в дискуссии, развернувшейся на страницах журнала «**Вопросы литературы**», о месте и роли славянофилов в истории нашей страны, в результате чего произошла их частичная реабилитация и сняты традиционные ярлыки «реакционеров» и «прислужников царизма».

Ряд современных авторов (**А. Вдовин, Н. Куценко**) полагают возможным считать это объединение своеобразной «Русской партией», организационное оформление которой произошло в конце 1966 г. и костяк которой составили **И.В. Петрянов-Соколов, О.В. Волков, П.В. Палиевский, В.В. Кожин, С.Н. Семанов, Д.А. Жуков, А.П. Ланшиков** и **М.Н. Любомудров**. Возродив давнюю традицию русского патриотизма, эта «партия» была на грани своего превращения в широкое национальное движение, однако в результате чисток общества органами **КГБ**, который в мае 1967 г. возглавил **Ю.В. Андропов**, этого, увы, не произошло.

Со второй половины 1960-х гг. значительно усилился идеологический контроль за всеми средствами массовой информации и учреждениями культуры. Основанием для этого стало принятое в январе 1969 г. Постановление ЦК «О повышении ответственности руководителей органов печати, радио, телевидения, кинематографии, учреждений культуры и искусства за идейно-политический уровень публикуемых материалов и репертуара». В результате этого советская цензура нередко совершенно необоснованно стала запрещать выпуск различных художественных и публицистических произведений, кинофильмов, организацию художественных выставок и т.д.

Причем, особый приоритет стал отдаваться выпуску произведений исключительно на историко-революционные, военно-патриотические и производственные темы.

Вместе с тем, в советском обществе сохранялся и определенный плюрализм литературного и общественно-политического процесса, который находил свое зримое отражение в работе многих популярных литературно-художественных журналов. Так, у либералов был свой журнал «**Новый мир**», который по-прежнему возглавлял **А.Т. Твардовский**. У «твердых партийцев» таковыми оставались журналы «**Октябрь**» и «**Огонек**» во главе с **В.А. Кочетовым** и **А.В. Софоновым**. А у так называемых «почвенников» или «славянофилов» основными идейными рупорами стали три журнала — «**Молодая гвардия**», «**Наш современник**» и «**Москва**», редакции которых возглавляли **А.В. Никонов**, **С.В. Викулов** и **М.Н. Алексеев**. Однако власть, стремясь не допустить дальнейшего размежевания творческой интеллигенции, в 1970 г. наносит одновременный удар и по либералам, и по русофилам.

В феврале 1970 г. на заседании секретариата Союза Писателей СССР была подвερгнута резкой критике редакция журнала «**Новый мир**», поводом для которой стала публикация за рубежом знаменитой поэмы **А.Т. Твардовского** «По праву памяти». Все попытки либеральной литературной общественности защитить своего главного редактора ни к чему не привели. В результате тяжело больной **А.Т. Твардовский** за полтора года до своей смерти вынужден был уйти со своего поста и «хрущевская линия», которая твердо проводилась этим журналом все последние годы, была фактически прервана, хотя его и возглавил скрытый либерал **В.А. Косолапов**.

Вместе с тем, так называемой «идеологии сталинизма» продолжали объективно противостоять и ряд известных писателей-«деревенщиков», в частности **Ф.А. Абрамов**, **В.И. Белов**, **Б.А. Можаяев**, **В.Г. Распутин**, **В.Ф. Тендряков** и **М.Н. Алексеев**, ярко показавшие в своих произведениях негативные последствия сталинской коллективизации для судеб советской деревни.

В ноябре 1970 г. состоялось заседание Секретариата ЦК, на котором был нанесен ответный удар по русофилам. В частности, за публикацию статей известного литературного критика **В.И. Чалмаева** «Великие искания» и «Неизбежность» и «антисоветского» романа **И.А. Ефремова** «Час быка» с поста главного редактора журнала «**Молодой гвардии**» был снят **А.В. Никонов**, которого заменил поэт **Ф.Е. Овчаренко**. Формальным поводом для этой отставки послужило обращение **Ч.Т. Айтматова**, **В.И. Амлинского**, **В.Д. Цыбина** и других писателей-партийцев, в котором **В.И. Чалмаев** был подвергнут жесткой, но абсолютно неоправданной критике со стороны космополитических и партийных литераторов, сочинивших на него донос в ЦК КПСС, где его обвинили в «идеализации старины» и «отходе от марксистских классовых позиций». Именно этот донос был положен в основу печально знаменитой «Записки» и.о. заведующего Агитпропом ЦК КПСС и будущего «архитектора горбачевской перестройки» господина **А.Н. Яковлева**, в которой журналу «**Молодая гвардия**» вменялось в вину его «опасное отступление от ленинских принципов партийности, внеклассовое и внесоциальное толкование народности, идеализация дореволюционной России» и т.д.

Инструктору ЦК **Ф. Овчаренко** поручили «выправить» русофильскую линию журнала и сделать его советским, а не русским. Однако новый главный редактор удовлетворился уходом из редакции двух-трех самых «одиозных» фигур, и заметного изменения линии журнала так и не произошло. Однако вскоре он скончался,

и в 1972 г. пост главного редактора журнала занял выдающийся русский писатель **А.С. Иванов**, автор знаменитых романов **«Тени исчезают в полдень» (1963)** и **«Вечный зов» (1970–1972)**, которые имели огромную популярность у миллионов советских читателей. В результате **«Молодая гвардия»** вновь заняла прочные позиции на «правом фланге литературно-общественного фронта».

Противодействие властей и либеральной критики испытала на себе и редакция журнала **«Октябрь»**, которую возглавлял известный советский писатель **В.А. Кочетов**. Публика долго оставалась взбудораженной публикацией его романов **«Угол падения» (1967)**, **«Чего же ты хочешь» (1969)** и **«Молнии бьют по вершинам» (1973)**, а так же публикацией романов **И.М. Шевцова «Любовь и ненависть» (1969)**, **«Война отца и сына» (1970)** и **«Набат» (1979)**. Все эти романы, изображавшие либеральных интеллигентов как настоящих империалистических агентов, невзирая на их показной просоветский культурно-политический курс, считались партийными властями не очень уместными и слишком откровенными. В частности, роман **«Чего же ты хочешь»** был полон критики и неприятия разоблачений советской истории, сделанных на хрущевских партийных съездах, и глубокого убеждения в тотальной вредоносности западного влияния на нашу культуру и страну. Более того, он был направлен не только против либеральной прозападной интеллигенции, но и против доморощенных почвенников — «националистов» и «славянофилов».

В печати о самом **И.М. Шевцове** говорили вообще-то довольно редко, однако в целом все его произведения подвергались разносторонней критике, как «идеологически ошибочные», искажающие политическую и культурную жизнь страны. Особенно резкому неприятию и осмеянию его романы подвергались в самиздатской печати либерального толка. От «прозападных либералов» не отставали и функционеры **Агитпропа ЦК**, которые постоянно пытались не допустить публикации его романов, а когда этого не удавалось сделать, всячески поддерживали все кампании по их дискредитации и осуждению. Причем, в этом «неблаговидном деле» они почти всегда пользовались покровительством и поддержкой **второго секретаря ЦК М.А. Суслова** и главы **Агитпропа ЦК А.Н. Яковлева**.

Именно с их подачи жесткими репрессиями закончилась публикация романа **И.М. Шевцова «Наши»**, в котором был остро поставлен «еврейский вопрос» и подвергнуты резкой критике сионистское подполье и его покровители в аппарате самого **ЦК**. Главный редактор издательства **«Современник» В.В. Сорокин**, выпустивший этот роман в свет, был сразу снят с работы, а на выпуск книг писателей-русофилов на несколько лет был наложен негласный запрет. Однако, несмотря на жесткую цензуру, время от времени появлялись и другие сочинения подобного рода, в частности книга публициста **Ф.Н. Нестерова «Связь времен» (1980)**, ставшая своеобразным **национал-большевистским манифестом**, направленным на борьбу с русофобией и нигилистическими концепциями русской истории.

В **ноябре 1971 г.** под очередным давлением партийных сатрапов из **Агитпропа ЦК** секретариат **Союза Писателей РСФСР** на своем заседании подверг резкой критике редколлегию журнала **«Октябрь»** за «ложные и путанные общественно-политические утверждения ряда журнальных публикаций». А уже в **ноябре 1973 г.**, сразу после самоубийства **В.А. Кочетова**, главным редактором этого журнала был назначен **А.А. Ананьев**, в результате чего этот журнал вновь вернулся к относительно либеральной линии в оценке многих явлений и прошлого, и настоящего нашей страны.

На протяжении всех 1970-х гг. кураторы советских писателей из ЦК и литературные критики, выражавшие их интересы и настроения, всячески старались воспрепятствовать перемещению центра общественно-литературной жизни из «Нового мира» и «Октября» в журналы «Молодая гвардия», «Наш современник» и «Москва». Однако сделать им это не удалось. Откровением и потрясением для многих русских людей стали «Письма из Русского музея» (1966) и «Черные доски» (1969) В.С. Солоухина; «Уроки французского» (1973), «Живи и помни» (1974) и «Прощание с Матерой» (1976) В.Г. Распутина; «Привычное дело» (1966), «Плотнические рассказы» (1968) и «Кануны» (1972) В.И. Белова; «Краюха» (1968), «Ивушка неплачущая» (1971) и «Драчуны» (1982) М.Н. Алексеева; «Живой» (1968) и «Мужики и бабы» (1976) Б.А. Можая; «Белый Бим Черное ухо» (1972) Г.Н. Троепольского; «Берега» (1971), «Красное вино победы» (1971) и «Усвятские шлемоносцы» (1977) Е.И. Носова; «Любавины» (1965), «Я пришел дать вам волю» (1971), «А поутру они проснулись» (1973) В.М. Шукшина; «Последний поклон» (1968), «Слякотная осень» (1970) и «Царь-рыба» (1976) В.П. Астафьева; «Прощай, Гульсары!» (1966), «Белый пароход» (1970), «Ранние журавли» (1975), «Пегий пёс, бегущий краем моря» (1977) и «Буранный полустанок» (1980) Ч.Т. Айтматова; «Судьба» (1972) и «Имя твое» (1978) П.Л. Проскурина; «Не стреляйте в белых лебедей» (1973) Б.Л. Васильева и другие прекрасные произведения советской классической литературы.

Кроме того, большой популярностью у читателей пользовались исторические романы Д.М. Балашова («Марфа-посадница» 1972, «Младший сын» 1975, «Бремя власти» 1981), В.А. Чивилихина («Память» 1976–1982) и В.С. Пикуля («Пером и шпагой» 1972, «Моонзунд» 1973, «Слово и дело» 1975, «У последней черты» 1979), а так же блестящие научно-художественные биографии А.В. Суворова, С.О. Макарова, А.А. Брусилова, Г.Р. Державина, Ф.М. Достоевского, И.А. Гончарова, С.Т. Аксакова и других великих россиян, изданные в серии ЖЗЛ, которую возглавлял С.Н. Семанов.

В годы «брежневского застоя» дальнейшее развитие получила и знаменитая «лейтенантская проза», представленная многими произведениями выдающихся советских писателей, таких как В.М. Кожевников («Шит и меч» 1965); К.М. Симонов («Последнее лето» 1971, «Случай с Польшинным» 1971, «Двадцать дней без войны» 1972); Ю.В. Бондарев («Горячий снег» 1970, «Берег» 1975, «Выбор» 1980); А.А. Ананьев («Межа» 1970, «Версты любви» 1972, «Годы без войны» 1984); Г.Я. Бакланов («Был месяц май» 1971, «Навеки — девятнадцатилетние» 1979); В.В. Быков («Круглянский мост» 1968, «Сотников» 1970, «Обелиск» 1971, «Дожить до рассвета» 1972, «Его батальон» 1975); Г.М. Марков («Орлы над Хинганом» 1967, «Моя военная пора» 1979); Е.И. Носов («Красное вино победы» 1971); И.Ф. Стаднюк («Война» 1971–1980); Б.Л. Васильев («А зори здесь тихие» 1972, «А завтра была война» 1984); Д.А. Гранин и А.М. Адамович («Блокадная книга» 1977–1981) и другими.

Особое место в истории русской национальной литературы того времени занимает творчество великого русского поэта, наследника «есенинской традиции» Николая Михайловича Рубцова, при жизни и сразу после гибели которого вышло несколько сборников его стихов — «Лирика» (1965), «Звезда полей» (1967), «Душа хранит» (1969), «Сосен шум» (1970), «Зелёные цветы» (1971), «Последний пароход» (1973) и «Подорожники» (1975).

Многие из этих публикаций вызвали самый живой интерес во всем советском обществе, но ряд из них стали причиной довольно жестких репрессивных мер со

стороны ЦК и КГБ СССР, которые умело направлялись главными «интернационалистами», а по сути, русофобами в верхних эшелонах власти — **М.А. Сусловым, Ю.В. Андроповым и А.Н. Яковлевым**. Одной из самых знаковых попыток повернуть литературный процесс вспять и остановить мощную русификацию общественного сознания стала печально знаменитая статья «**Против антиисторизма**», опубликованная в **ноябре 1972 г.** в «**Литературной газете**», которую возглавлял известный советский писатель и литературный флюгер **А.Б. Чаковский**, прославившийся своими конъюнктурными романами «**Блокада**» (1969) и «**Победа**» (1979). Сама эта статья была подготовлена группой инструкторов Агитпропа ЦК КПСС и опубликована за подписью их главного начальника, доктора исторических наук тов. **А.Н. Яковлева**, получившего эту высокую ученую степень за «научную» критику теорий американского империализма по проблемам войны и мира.

В этой статье с главный «партийный демократ» и будущий «архитектор горбачевской перестройки», воскресив бухаринскую русофобию первых лет советской власти, с особой неприязнью ко всему русскому писал: «то, что жизнь и уклад русского мужика порушили вместе с милыми его сердцу святынями в революционные годы, так это было не от злого умысла и невежества, а вполне сознательно, поскольку «справного мужика» надо было порушить». Обрушившись на русских писателей и критиков **М.П. Лобанова, В.В. Петелина, В.И. Чалмаева, В.В. Кожина** и других, всегда ратовавших за сохранение самобытной русской культуры, **А.Н. Яковлев** в унисон с творцами проекта уничтожения неперспективных русских деревень, в частности мадам **Т.И. Заславской**, цинично декларировал, что «сегодняшние ревнители патриархальщины, восторгаясь созданным ими иллюзорным миром, защищают то прошлое в жизни крестьянства, с которым без какого-либо сожаления расстался современный колхозник».

Статья и обвинения в ней были составлены настолько топорно, что по своей сути бросали вызов всей русской интеллигенции. С протестом против этой откровенно русофобской статьи выступила довольно большая и влиятельная группа русских писателей, активно поддержанная **М.А. Шолоховым**. Статья не понравилась и крайне осторожному **Л.И. Брежневу**, который, ознакомившись с ней, раздраженно заявил на Политбюро, что «этот мудак хочет поссорить нас с русской интеллигенцией». В результате **А.Н. Яковлев** был отстранен от работы в ЦК и на долгие десять лет отправлен послом в Канаду.

На рубеже 1970–1980-х гг. русофобской партийной номенклатурой с подачи андроповских чекистов была проведена масштабная чистка средств массовой информации от «русских элементов». В частности, от работы были освобождены директора и главные редакторы многих российских литературных издательств, журналов и газет: «**Московский рабочий**» (**Н. Есильев**), «**Современник**» (**Ю. Прокушев**), «**Молодая гвардия**» (**А. Никонов**), «**Комсомольская правда**» (**В. Ганичев**), «**Человек и закон**» (**С. Семанов**), «**Наш современник**» (**Ю. Селезнев**), «**Волга**» (**Н. Палькин**), «**Техника — молодежи**» (**В. Захарченко**) и многие другие. Агитпроп ЦК КПСС и КГБ СССР видели тогда главную опасность в проявлениях русского шовинизма и через «либерально-партийные» журналы «**Новый мир**», «**Знамя**» и «**Октябрь**», которые тогда возглавляли верные партийцы **С.С. Наровчатов, В.М. Кожевников и А.А. Ананьев**, всячески клеймили эти «антисоветские проявления русской интеллигенции».

Очень показательна в этом отношении и реакция высшего партийного руководства на знаменитое письмо **Михаила Александровича Шолохова**, направленное в **феврале 1978 г.** на имя **Л.И. Брежнева**, в котором великий писатель нашел в себе мужество обратить внимание генсека на недопустимость положения, когда через кино, телевидение и печать «протаскиваются антирусские идеи, порочащие нашу историю и культуру». В частности, он справедливо писал, что в свете приведенных фактов «становится очевидной необходимость еще раз поставить вопрос о более активной защите русской национальной культуры от антипатриотических, анти-социалистических сил, правильном освещении ее истории в печати, кино и телевидении, раскрытии ее прогрессивного характера, исторической роли в создании, укреплении и развитии русского государства».

В **марте 1978 г.** **Л.И. Брежнев** поставил на этом письме резолюцию: «**Секретариату ЦК. Прошу рассмотреть с последующим рассмотрением на Политбюро**». Однако влиятельные «интернационалисты» из аппарата ЦК и состава Политбюро проигнорировали эту проблему, расценив ее «идейно-политической ошибкой» великого русского писателя. В закрытом **Постановлении Секретариата ЦК** было сказано, что «необходимо разъяснить товарищу **Шолохову М.А.** действительное положение дел с развитием культуры в стране, необходимость более глубокого и точного подхода к поставленным им вопросам в высших интересах русского и советского народа. Никаких открытых дискуссий по поставленному им вопросу о русской культуре не открывать».

Давняя русофобия правящего режима, которая стала открыто проявляться в последние годы брежневского правления, наиболее ярко была выражена в «крылатой фразе» одного из видных «интернационалистов», председателя **КГБ СССР Ю.В. Андропова**, который прямо заявил, что «**главная забота для нас — русский национализм, а диссиденты потом — их мы возьмем за одну ночь**». Так, в его записке, направленной им в **1981 г.** в ЦК КПСС, «русизм» квалифицировался как крайне опасная тенденция в настроениях части интеллигенции, выступающей под лозунгом защиты русских национальных традиций. Всему составу Политбюро открыто внушалось, что «демагогией о необходимости борьбы за сохранение русской культуры, памятников старины, за спасение русской нации прикрывают свою деятельность откровенные враги советского строя». В пособиях этих врагов, по логике записки, можно было зачислить кого угодно, в том числе многих крупных русских писателей, ставивших острые вопросы о вечных ценностях, духовной природе русского человека, необходимости отдать должное русскому православию как истоку русской национальной культуры и т.д.

Вразрез с официальной идеологической линией и с известным уклоном к либерализму развивалось творчество многих бывших «шестидесятников», среди которых особой популярностью пользовались такие поэты, писатели и драматурги, как **А.А. Вознесенский** («Тень звука» 1970, «Взгляд» 1972, «Выпусти птицу» 1974, «Витражных дел мастер» 1976, «Соблазн» 1978); **Е.А. Евтушенко** («Под кожей статуи Свободы» 1968, «Снег в Токио» 1974, «Ивановские ситцы» 1976, «Голубь в Сантьяго» 1978); **Р.И. Рождественский** («Баллада о знамени» 1969, «Баллада о красках» 1971, «Мгновения», 1973, «Песня о далекой Родине» 1973, «Даль великая» 1974, «За того парня» 1975); **Б.Ш. Окуджава** («Нам нужна одна победа» 1970, «Бери шинель, пошли домой» 1971, «Ах, Арбат, мой Арбат» 1976); **Б.А. Чичибабин** («Гармония» 1965, «Плывет Аврора» 1968, «Колокол» 1980); **А.Д. Дементьев** («Наедине с совестью» 1965, «Боль и радость» 1973, «Рядом ты и любовь» 1976, «Азарт» 1983); **Б.А. Ахмадулина** («Уроки

музыки» 1969, «Свеча» 1977, «Сны о Грузии» 1979, «Тайна» 1983); Д.А. Гранин («Кто-то должен» 1969, «Дождь в чужом городе» 1973, «Клавдия Вилор» 1975, «Картина» 1980); Ю.М. Нагибин («Чужое сердце» 1968, «Пик удачи» 1970, «Вечные спутники» 1972, «Берендеев лес» 1977); Ю.В. Трифонов («Нетерпение» 1973, «Старик» 1978, «Время и место» 1981); В.П. Аксенов («В поисках жанра» 1972, «Ожог» 1975, «Остров Крым» 1979); А.Г. Битов («Образ жизни» 1972, «Семь путешествий» 1976, «Дни человека» 1978, «Пушкинский дом» 1980); В.С. Розов («Традиционный сбор» 1966, «С вечера до полудня» 1970, «Гнездо глухаря» 1978); М.Ф. Шатров («Большевики» 1968, «Синие кони на красной траве» 1979, «Так победим!» 1982); А.М. Володин («С любимыми не расставайтесь» 1972, «Дочки-матери» 1974, «Две стрелы» 1980, «Ящерица» 1982); А.В. Вампилов («Прощание в июне» 1966, «Старший сын» 1968, «Утиная охота» 1970, «Прошлым летом в Чулимске» 1972); Л.Г. Зорин («Покровские ворота» 1974, «Царская охота» 1974, «Медная бабушка» 1975, «Незнакомец» 1976, «Карнавал» 1981) и другие.

При этом, имея негласную поддержку среди ряда высших руководителей страны, прежде всего, со стороны **Ю.В. Андропова**, часть либералов от литературы занялись откровенным фрондерством. В частности, в 1978 г. из их среды вышел «самиздатовский» литературных альманах «**Метрополь**», в котором были опубликованы запрещенные цензурой произведения более двадцати авторов, в том числе **В.П. Аксенова**, **А.А. Вознесенского**, **Б.А. Ахмадулиной**, **В.С. Высоцкого**, **Ф.А. Искандера**, **А.Г. Битова**, **М.Г. Розовского** и других. Затем этот альманах был опубликован в США, но при этом никаких репрессивных мер против его авторов не последовало. Более того, один из них — **А.А. Вознесенский** был тогда же, в ноябре 1978 г., удостоен Государственной премии СССР!

Особое место в истории советской литературы тех лет занимает творчество **А.И. Солженицына**, который, будучи обласкан властью в хрущевские времена, в начале брежневского правления переходит в открытую оппозицию к власти и в 1967–1968 гг. публикует в самиздате и ряде западных издательствах свои романы «**В круге первом**» и «**Раковый корпус**». Сразу после этих публикаций советская партийная пресса начала пропагандистскую кампанию против автора этих книг и вскоре он был исключен из состава **Союза Писателей СССР**. После своего исключения **А.С. Солженицын** начал открыто заявлять о своих «православно-патриотических взглядах» и крайне резко критиковать советскую власть. Затем, в июне 1971 г., в Париже вышел новый его роман «**Август Четырнадцатого**», в котором в самой полной мере были выражены его якобы православно-патриотические убеждения и крайне негативные оценки **Великого Октября**. А уже в октябре 1971 г., когда «проблема **А.С. Солженицына**» приобрела международный характер, министр внутренних дел СССР генерал-полковник **Н.А. Щелоков** направил в Политбюро ЦК записку «**К вопросу о Солженицыне**», однако все его разумные предложения, в том числе о публикации «**Ракового корпуса**», из-за явного противодействия **Ю.В. Андропова** и **А.Н. Яковлева** не нашли поддержки в верхах.

В 1972–1973 гг. **А.И. Солженицын** активно работал над своей новой эпопеей «**Красное колесо**» и временно отошел от активной диссидентской деятельности. Однако уже в августе 1973 г. он направил в Кремль свое знаменитое «**Письмо вождям Советского Союза**», в котором призвал их отказаться от прогнившей коммунистической идеологии и сделать решительные шаги по превращению СССР в русское национальное государство.

В конце августа 1973 г. в газете «Правда» было напечатано открытое письмо группы видных советских писателей — М.А. Шолохова, К.А. Федина, К.М. Симонова, Ч.Т. Айтматова, С.П. Зальгина, В.П. Катаева, Г.М. Маркова, Б.Н. Полевого и других с крайне резким осуждением подрывной антисоветской деятельности А.И. Солженицына и А.Д. Сахарова, «клеветующих на наш государственный и общественный строй». Однако уже в конце декабря 1973 г. было объявлено о выходе в свет первого тома «Архипелага ГУЛАГ», а вскоре А.И. Солженицын стал инициатором и собирателем группы ряда авторов (И.Р. Шафаревич, М.С. Агурский, Е.В. Барабанов) сборника «Из-под глыб», изданного в Париже в январе 1974 г., написав для него три своих статьи — «На возврате дыхания и сознания», «Раскаяние и самоограничение как категории национальной жизни» и «Образованщина».

Сразу после этих публикаций в советских средствах массовой информации началась целая компания против А.И. Солженицына как предателя родины и «литературного власовца». А в январе 1974 г. выход в свет «Архипелага ГУЛАГ» и меры «по пресечению антисоветской деятельности» А.И. Солженицына стали предметом обсуждения на заседании Политбюро ЦК. Ряд его членов, в частности Л.И. Брежнев, А.Н. Косыгин, Н.В. Подгорный, А.Н. Шелепин и А.А. Громыко, высказались за арест и ссылку А.И. Солженицына. Однако в конечном итоге возобладала точка зрения двух главных идеологических борцов с диссидентским движением в стране — М.А. Суслова и Ю.В. Андропова о его высылке за рубеж. В феврале 1974 г. он был арестован, обвинен в измене Родине и лишен советского гражданства, а затем выслан из страны и доставлен на территорию ФРГ.

Надо так же сказать, что в последнее время особо модной темой стал вопрос об эмиграции ряда деятелей советской культуры и лишения их советского гражданства. Действительно в середине 1970-х — начале 1980-х гг. за рубеж эмигрировало несколько десятков видных представителей культурной элиты страны. Однако, одни из них — (М.Л. Ростропович, Г.П. Вишневская, А.А. Тарковский, В.П. Аксенов) совершенно свободно уехали из страны и лишь постфактум были лишены советского гражданства, другие — (М.Н. Барышников, О.Б. Видов, А.Б. Годунов, М.Д. Шостакович), продавшись за тридцать серебряников, по собственной воле сбежали за рубеж и стали «невозвращенцами», и только третья группа эмигрантов (Ю.М. Кублановский, В.Е. Максимов, А.А. Зиновьев) была насильно выдворена из страны с подачи органов КГБ СССР. При этом одни эмигранты (В.Е. Максимов, А.А. Зиновьев, С.Д. Довлатов), проживая за рубежом, продолжали активно заниматься своим творчеством и не клеветали на собственную страну, а другие (В.А. Аксенов, А.А. Галич, А.Т. Гладили, А.Д. Синявский, О.Я. Рабин) — не просто поливали собственную страну грязью, но и активно сотрудничали с западными средствами массовой информации (Радио «Свобода», «Немецкая волна»), которые были на содержании ЦРУ и ежечасно клеветали на советскую власть и советский народ.

2. Развитие кино, театра, музыки, живописи и скульптуры

В отличие от литературы, которая всегда напрямую управлялась Идеологическим отделом ЦК и Правлением Союза Писателей СССР, который в те годы возглавляли К.А. Федин (1959–1977) и Г.М. Марков (1977–1986), остальные сферы советского искусства находились под неусыпным контролем Министерства культуры СССР.

В 1960–1974 гг. это ведомство возглавляла выдающийся советский государственный деятель **Екатерина Алексеевна Фурцева**, которая очень многое сделала для развития советской культуры и оставила о себе добрую память в сердцах многих советских музыкантов, режиссеров, артистов, художников и других представителей творческой интеллигенции страны. После ее трагической гибели новым главой **Министерства культуры СССР** был назначен кандидат в члены **Политбюро ЦК и секретарь ЦК Петр Нилович Демичев**, который возглавлял это ключевое ведомство страны вплоть до начала «горбачевской перестройки» (1974–1986).

Кроме того, особое место в руководстве советской культурой занимал **Государственный Комитет по кинематографии СССР**, который был создан на самом излете «хрущевской оттепели» ввиду той особой роли, который играл великий советский кинематограф в общей культурной и общественной жизни страны. Руководили этим ведомством два ответственных сотрудника аппарата **ЦК КПСС** — сначала **А.В. Романов (1963–1972)**, а затем — **Ф.Т. Ермаш (1972–1986)**. Не менее значительную роль в этом процессе играл и **Государственный Комитет по телевидению и радиовещанию СССР**, который в те годы возглавлял личный друг **Л.И. Брежнева**, очень образованный и начитанный партийный работник и дипломат, а также известный антисемит **С.Г. Лапин**.

Большую роль в развитии советского искусства играли и все творческие союзы, в том числе **Всероссийское театральное общество (М.И. Царев)**, **Союз кинематографистов СССР (Л.А. Кулиджанов)**, **Союз композиторов СССР (Т.Н. Хренников)** и **Союз художников СССР (Н.А. Пономарев)**.

а) Развитие советского театрального искусства и кинематографа

В годы брежневского правления партия и правительство по-прежнему уделяли особо пристальное внимание развитию советского киноискусства, поскольку руководство страны прекрасно сознавало его возможности влиять на умы и настроения советских людей и использовать в качестве мощного воспитательного и идеологического оружия в борьбе за торжество коммунистических идей и противостояния западной морали и буржуазного образа жизни.

В эти годы резко возросло производство кинокартин, созданных в совершенно разных жанрах, среди которых было немало настоящих шедевров советского киноискусства, вошедших в его золотой фонд.

1) **Историко-патриотический жанр** советского кинематографа был представлен картинами **А.А. Тарковского («Андрей Рублев» 1966)**, **С.Ф. Бондарчука («Ватерлоо» 1970)**, **Ю.А. Швырева («Баллада о Беринге и его друзьях» 1970)**, **Э.Г. Климова («Агония» 1974)**, **В.Я. Мотыля («Звезда пленительного счастья» 1975)**, **И.Ф. Масленникова («Ярославна, королева Франции» 1978)**, **А.А. Салтыкова («Емельян Пугачев» 1978)**, **С.И. Ростоцкого («Эскадрон гусар летучих» 1980)**, **С.А. Герасимова («Юность Петра» 1980, «В начале славных дел» 1981)**, **Г.Р. Кохана («Ярослав Мудрый» 1980)**, **И.Я. Гурина («Россия молодая» 1981)**, **Ю.Г. Ильенко («Легенда о княгине Ольге» 1983)**, **Я.Л. Лапшина («Демидовы» 1983)**, **Н.Н. Гусарова («Семен Дежнев» 1983)**, **А.А. Прошкина («Михайло Ломоносов» 1985)** и другими.

2) **Историко-революционный жанр**, получивший новый импульс в своем развитии, был отмечен блестящими картинами **В.Д. Назарова («Пакет» 1965)**, **В.В. Мельникова («Начальник Чукотки» 1966)**, **С.Н. Колосова («Операция «Трест»**

1967), А.Ю. Германа («Седьмой спутник» 1967), Г.А. Панфилова («В огне брода нет» 1968), Е.Е. Карелова («Служили два товарища» 1968), С.С. Говорухина («День ангела» 1968), Е.И. Ташкова («Адъютант Его превосходительства» 1969), В.С. Ордынского («Красная площадь» 1970), А.А. Алова и В.Н. Наумова («Бег» 1970), В.М. Георгиева («Кремлевские куранты» 1970), В.А. Фетина («Любовь Яровая» 1970), В.И. Трегубовича («Даурия» 1971), Д.Я. Храбровицкого («Укрощение огня» 1972), И.В. Таланкина («Выбор цели» 1974), Н.П. Машенко («Как закалялась сталь» 1975), Б.Е. Кроманова («Бриллианты для диктатуры пролетариата» 1975), В.П. Басова («Дни Турбинных» 1976), С.Ф. Бондарчука («Красные колокола» 1982) и другими.

Вплотную к этому жанру примыкал жанр приключенческого кинематографа, который был представлен известными картинами Э.Г. Кеосаяна («Неуловимые мстители» 1966, «Новые приключения неуловимых» 1968, «Корона Российской империи» 1971), А.К. Шакенова («Конец атамана» 1970), В.Я. Мотыля («Белое солнце пустыни» 1970), В.С. Бычкова («Достояние республики» 1971), А.И. Хамраева («Седьмая пуля» 1972), А.С. Мкртчана («Земля Санникова» 1973), Н.С. Михалкова («Свой среди чужых, чужой среди своих» 1974), В.Д. Дормана («Пропавшая экспедиция» 1975, «Золотая речка» 1976), Э.М. Уразбаева («Транссибирский экспресс» 1977), С.В. Гаспарова («Хлеб, золото, наган» 1980, «Шестой» 1981) и других известных режиссеров.

3) В период брежневского правления был создан принципиально новый жанр советского кинематографа — жанр телесериалов, которые пользовались огромной популярностью и любовью миллионов советских зрителей. В рамках этого направления в совершенно разных жанрах были сняты такие шедевры советского кинематографа, как «Следствие ведут знатоки» (1971–1980) В.В. Бровкина, «Тени исчезают в полдень» (1970–1971) и «Вечный зов» (1971–1983) В.А. Краснопольского и В.И. Ускова, «Строговы» (1976) В.Я. Венгерова, «Соль земли» (1978) И.А. Хамраева, «Два капитана» (1976) Е.Е. Карелова, «Берега» (1977) Г.Д. Лордкипанидзе, «Огненные дороги» (1977–1984) Ш.С. Аббасова, «Долгая дорога в дюнах» (1980), А.А. Бренча, «Государственная граница» (1980–1987) Б.М. Степанова, «ТАСС уполномочен заявить» (1984) В.П. Фокина и много других.

4) Военно-патриотический жанр советского кинематографа обогатился в это время многими выдающимися кинокартинами С.Н. Колосова («Вызываем огонь на себя» 1964, «Помни имя свое» 1974), Е.И. Ташкова («Майор Вихрь» 1967), В.М. Георгиева («Сильные духом» 1967), С.С. Говорухина («Белый взрыв» 1969), В.Я. Мотыля («Женя, Женечка, Катюша» 1967), Н.Б. Бирмана («Хроника пикирующего бомбардировщика» 1967), В.П. Басова («Щит и меч» 1968), В.И. Трегубовича («На войне как на войне» 1968), Ю.Н. Озерова («Освобождение» 1968–1971), В.А. Азарова («Путь в Сатурн» 1968, «Конец Сатурна» 1970, «Бой после победы» 1972), М.И. Ершова («На пути в Берлин» 1969, «Блокада» 1977), М.М. Хуциева («Был месяц май» 1970), А.С. Смирнова («Белорусский вокзал» 1970), Н.Н. Губенко («Пришел солдат с фронта» 1971, «Подранки» 1976), Ю.А. Германа («Проверка на дорогах» 1971, «Двадцать дней без войны» 1976), В.А. Рогового («Офицеры» 1971), С.И. Росточкин («А зори здесь тихие» 1972), Г.Г. Егиазарова («Горячий снег» 1972), Б.И. Волчек («Командир счастливой «Щуки» 1972), Т.И. Лиозновой («Семнадцать мгновений весны» 1973), Л.Ф. Быкова («В бой идут одни старики» 1973), С.Ф. Бондарчука («Они сражались за Родину» 1975), Л.Е. Шепитько («Восхождение» 1976), Г.Н. Чухрая («Трясина» 1977), Е.С. Матвеева («Судьба» 1977, «Особо важное задание» 1979, «Победа» 1985),

И.А. Гостева («Фронт без флангов» 1974, «Фронт за линией фронта» 1977, «Фронт в тылу врага» 1981), Н.А. Кошелева («Старшина» 1978), С.Д. Аграновича («Торпедоносцы» 1983), А.А. Алова и В.Н. Наумова («Берег» 1984) и многими другими.

5) Производственно-бытовой жанр и тесно связанный с ним жанр мелодрамы был представлен огромным количеством разнообразных работ, в том числе известными картинами режиссеров Э.Г. Кеосаяна (Стряпуха» 1965), Е.С. Матвеева («Цыган» 1967, «Любовь земная» 1974), Т.М. Лиозновой («Три тополя на Плющихе» 1967, «Мы, нижеподписавшиеся» 1980, «Карнавал» 1981), С.И. Ростокского (Доживем до понедельника» 1968, «Белый Бим Черное ухо» 1977), В.М. Шукшина («Странные люди» 1969, «Печки-лавочки» 1972, «Калина красная» 1973), С.И. Самсонова («Каждый вечер в одиннадцать» 1969, «Одиноким предоставляется общежитие» 1983), Г.А. Панфилова («Начало» 1970, «Прошу слова» 1975, «Тема» 1979), В.В. Мельникова («Мама вышла замуж» 1970, «Здравствуй и прощай» 1972, «Ксения, любимая жена Федора» 1974), И.А. Авербаха («Монолог» 1972), А.А. Коренева («Большая перемена» 1973, «По семейным обстоятельствам» 1977), В.И. Трегубовича («Старые стены» 1973, «Уходя — уходи» 1978), И.Е. Хейфица («Впервые замужем» 1973, «Единственная» 1975), В.В. Меньшова («Розыгрыш» 1976, «Москва слезам не верит» 1979, «Любовь и голуби» 1984), С.Г. Микаэляна («Премия» 1974, «Вдовы» 1976, «Влюблен по собственному желанию» 1982), Э.А. Рязанова («Ирония судьбы, или С легким паром!» 1975, «Служебный роман» 1977, «Вокзал для двоих» 1982), В.Г. Шамшурина («Безотцовщина» 1976), Р.Р. Нахапетова («Не стреляйте в белых лебедей» 1979), А.С. Кончаловского («Сибириада» 1979), Н.С. Михалкова («Пять вечеров» 1979, «Родня» 1981, «Без свидетелей» 1983), Н.Н. Губенко («Из жизни отдыхающих» 1980, «И жизнь, и слезы, и любовь» 1984), П.Е. Тодоровского («Любимая женщина механика Гаврилова» 1981, «Военно-полевой роман» 1983), К.П. Худякова («С вечера до полудня» 1981, «Успех» 1984), Ю.П. Егорова («Отцы и деды» 1982), Ю.Я. Райзмана («Частная жизнь» 1982), И.М. Добролюбова («Белые росы» 1983), Р.Г. Балаяна («Полеты во сне и наяву» 1983) и многих других.

6) Комедийный и сатирический жанры отечественного кино были представлены целым созвездием лирических и гротесковых комедий Э.А. Рязанова («Дайте жалобную книгу» 1965, «Берегись автомобиля» 1966, «Зигзаг удачи» 1968, «Старики-разбойники» 1971, «Невероятные приключения итальянцев в России» 1973), Л.И. Гайдая («Операция «Ы» и другие приключения Шурика» 1965, «Кавказская пленница, или новые приключения Шурика» 1966, «Бриллиантовая рука» 1968, «12 стульев» 1971, «Иван Васильевич меняет профессию» 1973, «Не может быть!» 1975, «За спичками» 1980, «Спортлото-82» 1982), Е.Е. Карелова («Дети Дон Кихота» 1965, «Семь стариков и одна девушка» 1968), М.А. Швейцера («Золотой теленок» 1968, «Смешные люди» 1977), Н.Б. Бирмана («Волшебная сила искусства» 1970), А.И. Серого («Джентльмены удачи» 1971), В.А. Азарова («Неисправимый лгун» 1973), В.А. Титова («Здравствуй, я ваша тетя!» 1975), С.П. Никоненко («Трын-трава» 1976), Г.Н. Данелия («Не горюй» 1969, «Афоня» 1976, «Мимино» 1977, «Осенний марафон» 1979), С.А. Любшина («Позови меня в даль светлую» 1977), В.А. Рогового («Баламут» 1978, «У матросов нет вопросов» 1980) и другими.

7) В жанре музыкальных и музыкально-комедийных фильмов, получивших широкую популярность в годы «брежневского застоя», работали многие режиссеры, в том числе А.П. Тютышкин («Свадьба в Малиновке» 1967), О.П. Николаевский («Трембита» 1968), И.В. Усов («Табачный капитан» 1972), С.И. Самсонов («Много шума из

ничего» 1973), А.А. Белинский («Лев Гурыч Синичкин» 1974), Л.А. Квинихидзе («Со-
ломенная шляпка» 1974, «Небесные ласточки» 1976), В.Е. Воробьев («Труффальдино
из Бергамо» 1976), М.А. Захаров («Двенадцать стульев» 1976, «Обыкновенное чудо»
1978, «Тот самый Мюнхгаузен» 1979), Я.Б. Фрид («Собака на сене» 1977, «Летучая
мышь» 1979, «Благочестивая Марта» 1980, «Сильва» 1981, «Вольный ветер» 1983),
М.Г. Григорьев («Дуэнья» 1978), Г.Э. Юнгвальд-Хилькевич («Д'Артаньян и три муш-
кетёра» 1978, «Ах, водевиль, водевиль, водевиль...» 1979), Н.Б. Бирман («Трое в лодке,
не считая собаки» 1979), С.С. Дружинина («Сватовство гусара» 1980), М.М. Казаков
(«Покровские ворота» 1982), К.Г. Шахназаров («Мы из джаза» 1983) и другие.

8) Классический жанр советского кинематографа был представлен многими
кинофильмами, снятыми по известным произведениям крупнейших классиков рус-
ской и мировой литературы, в частности кинокартинами С.Ф. Бондарчука («Война
и мир» 1965–1967, «Степь» 1977), А.Г. Зархи («Анна Каренина» 1967), А.Л. Птушко
(«Вий» 1967), К.Н. Воинова («Дядюшкин сон» 1967, «Рудин» 1977), В.Я. Венгерова
(«Живой труп» 1968), И.А. Пырьева («Братья Карамазовы» 1968), Я.Л. Лапшина («Уг-
рюм-река» 1968, «Приваловские миллионы» 1972), А.С. Кончаловского («Дворянское
гнездо» 1969, «Дядя Ваня» 1970), Л.А. Кулиджанова («Преступление и наказание»
1969), С.А. Соловьева («Егор Булычев и другие» 1971, «Станционный смотритель»
1972), Э.В. Лотяну («Табор уходит в небо» 1975, «Мой ласковый и нежный зверь»
1978), С.А. Герасимова («Красное и черное» 1976), В.А. Быкова («Нос» 1977), В.С. Ор-
дынского («Хождение по мукам» 1977), Н.С. Михалкова («Неоконченная пьеса для
механического пианино» 1977, «Несколько дней из жизни И.И. Обломова» 1979),
М.А. Швейцера («Маленькие трагедии» 1979, «Мертвые души» 1984), Ю.Ю. Кара-
сика («Стакан воды» 1979), И.Ф. Масленникова («Шерлок Холмс и доктор Ватсон»
1979, «Приключения Шерлока Холмса и доктора Ватсона» 1980–1983), Н.П. Ма-
щенко («Овод» 1980), И.Ф. Масленникова («Пиковая дама» 1982), Э.А. Рязанова
(«Жестокий романс» 1983), Е.И. Ташкова («Подросток» 1983) и другими.

9) Детективный и приключенческие жанры в советском кинематографе, которые
традиционно пользовались большим интересом у зрителя, были представлены рабо-
тами Г.М. Раппапорта («Два билета на дневной сеанс» 1966, «Круг» 1972, «Сержант
милиции» 1974), В.Д. Дормана («Ошибка резидента» 1968, «Судьба резидента» 1970,
«Возвращение резидента» 1980), В.В. Назарова («Хозяин тайги» 1968, «Пропажа сви-
детеля» 1971), А.А. Бобровского («Возвращение «Святого Луки» 1970, «Чёрный принц»
1973), М.Н. Орлова («Человек в проходном дворе» 1971), С.М. Цыбульник («Ин-
спектор уголовного розыска» 1971, «Будни уголовного розыска» 1973), А.М. Файн-
циммера («Пятьдесят на пятьдесят» 1972, «Без права на ошибку» 1975, «Трактир на
Пятницкой» 1978), В.М. Шределя («Дела давно минувших дней» 1972, «Длинное,
длинное дело» 1976), Ю.С. Кавтарадзе («Совесть» 1974), Г.Р. Кохана («Рожден-
ная революцией» 1974–1977), А.И. Ладынина («Версия полковника Зорина» 1978),
Б.В. Дурова («Пираты XX века» 1979), С.С. Говорухина («Место встречи изменить
нельзя» 1979), В.П. Фокина («Сыщик» 1979, «ТАСС уполномочен заявить» 1984),
Р.Ю. Фрунтова («Ларец Марии Медичи» 1980), В.Д. Дормана («Ночное происше-
ствие» 1980), Б.А. Григорьева («Огарёва, 6» 1980, «Петровка, 38» 1980, «Приступить
к ликвидации» 1983), В.А. Родченко («Два долгих гудка в тумане» 1980), Г.М. Кузне-
цова («Найти и обезвредить» 1982), А.И. Бланка («Профессия — следователь» 1982),
С.Д. Арановича («Противостояние» 1985) и другими.

10) В этот период стал активно развиваться жанр научной фантастики, в котором были созданы, как фильмы для детей и юношества, так серьезные философские притчи, в частности кинокартины Е.С. Шерстобитова («Туманность Андромеды» 1967), А.А. Тарковского («Солярис» 1972, «Сталкер» 1979), Л.А. Квинихидзе («Крах инженера Гарина» 1973), Б.А. Метальникова («Молчание доктора Ивенса» 1973), Р.Н. Викторова («Москва-Кассиопея» 1973, «Отроки во Вселенной» 1974, «Через тернии к звёздам» 1980), В.И. Селиванова («Большое космическое путешествие» 1974), М.А. Швейцера («Бегство мистера Мак-Кинли» 1975), В.Ю. Абдрашитова («Парад планет» 1984) и другие.

11) Жанр сказочного и детско-юношеского кинематографа, которому советское правительство всегда придавало огромное значение, был представлен замечательными работами А.А. Роу («Морозко» 1965, «Огонь, вода и медные трубы» 1968, «Варвара-краса, длинная коса» 1970, «Золотые рога» 1972), А.Л. Птушко («Сказка о царе Салтане» 1966, «Руслан и Людмила» 1972), Р.А. Быкова («Айболит-66» 1966, «Внимание, черепаха» 1970, «Автомобиль, скрипка и собака Клякса» 1974, «Чучело» 1983), Н.Н. Кошеверовой («Старая, старая сказка» 1968, «Тень» 1971, «Царевич Проша» 1974), М.И. Жарова («Деревенский детектив» 1968, «Анискин и Фантомас» 1973, «И снова Анискин» 1978), В.А. Храмова («Денискины рассказы» 1970), И.А. Фреза («Приключения жёлтого чемоданчика» 1970, «Чудак из пятого «Б» 1972, «Это мы не проходили» 1975, «Вам и не снилось...» 1980), Н.А. Калинина («Кортик» 1973, «Бронзовая птица» 1974), И.В. Усова («Новогодние приключения Маши и Вити» 1975), Л.А. Нечаева («Приключения Буратино» 1975, «Про Красную Шапочку» 1977), С.С. Говорухина («Жизнь и удивительные приключения Робинзона Крузо» 1976, «Приключения Тома Сойера и Гекльберри Финна» 1981), Г.В. Васильева («Финист — Ясный Сокол» 1975, «Новые приключения капитана Врунгеля» 1978, «Василий Буслаев» 1982), В.А. Грамматикова («Усатый нянь» 1977, «Шла собака по роялю» 1978), К.Н. Бромберга («Приключения Электроника» 1979), Г.Л. Аронова («Каникулы Кроша» 1980), Л.А. Квинихидзе («Мери Поппинс, до свиданья!» 1983), Г.С. Бежанова («Витя Глушаков — друг Апачей» 1983) и многими другими.

Непосредственно к этому жанру примыкал изумительный по своей красоте, содержанию и воспитательной силе жанр советской мультипликации, любимый не только детьми, но и взрослым населением страны. Именно тогда этот жанр достиг своего наивысшего расцвета и обогатился огромным количеством настоящих шедевров мультипликации, не идущих ни в какое сравнение с современной убогой и похабной мультипликацией, царящей на телеэкранах страны. Среди самых популярных мультфильмов той поры были знаменитые «Ну погоди!» В.М. Котеночкина, «Вини-Пух» Ф.С. Хитрука, «Крокодил Гена» Р.А. Качанова, «В стране невыученных уроков», «Ох и Ах» и «Коля, Оля и Архимед» Ю.А. Прыткова, «38 попугаев» И.В. Уфимцева, «Кот Леопольд» А.И. Резникова, «Вовка в тридцатом царстве», «Мальш и Карлсон» и «Карлсон вернулся» П.Б. Степанцева, «Приключения капитана Врунгеля» Д.Я. Черкаского, «Маугли» Р.В. Давыдова, «Бременские музыканты» И.А. Ковалевской, «Умка», «Умка ищет друга», «Бобик в гостях у Барбоса» и «Трое из Простоквашино» В.И. Попова и многие другие.

В годы «брежневского застоя» наряду с целой плеядой выдающиеся советских актеров прошлых десятилетий, среди которых особой зрительской любовью пользовались М.И. Жаров, Н.А. Крючков, Э.П. Гарин, А.Н. Грибов, М.М. Яншин,

И.В. Ильинский, В.В. Меркурьев, П.П. Кадочников, В.В. Кенигсон О.П. Жаков, Н.О. Грищенко, И.Ф. Переверзев, Б.Н. Ливанов, Р.Я. Плятт, Б.Ф. Андреев, В.В. Санаев, М.А. Ульянов, Е.С. Матвеев, В.В. Тихонов, Е.А. Евстигнеев, М.А. Глузский, В.П. Басов, О.А. Стриженов, О.Н. Ефремов, М.М. Казаков, И.М. Смоктуновский, О.П. Табаков, Ю.В. Никулин, Ю.В. Яковлев, Л.Ф. Быков, Б.К. Новиков, Г.М. Визин, А.С. Демьяненко, О.И. Борисов, К.Ю. Лавров, Е.П. Леонов, В.М. Невинный, Л.В. Куравлев, И.О. Горбачев, Г.А. Юматов, В.С. Лановой, А.В. Баталов, В.П. Басов, С.Н. Филиппов, А.М. Смирнов, М.И. Пуговкин, Б.М. Тенин, Е.Е. Тетерин, Т.И. Пельтцер, Л.Н. Смирнова, Н.В. Мордюкова, В.А. Кузнецова, И.В. Макарова, К.С. Лучко, Л.И. Хитяева, Л.И. Касаткина, Л.М. Гурченко, Н.Н. Фатеева и другие, наступает расцвет творчества новой талантливой плеяды киноактеров, составивших славу советского киноискусства.

Среди этих актеров, прежде всего, следует назвать имена А.Д. Папанова, А.А. Миронова, А.А. Ширвиндта, Ю.В. Волынцева, В.И. Гафта, И.В. Кваши, Л.С. Броневго, О.И. Даля, А.В. Збруева, О.И. Янковского, Н.П. Караченцева, А.Г. Абдулова, С.А. Любшина, Ю.Г. Богатырева, Н.С. Михалкова, П.С. Вельяминова, И.Г. Лапикова, С.П. Никоненко, В.Т. Кашпура, Д.Ю. Баниониса, О.В. Басилашвили, В.И. Стрельчик, Е.З. Копеляна, Н.Н. Трофимова, Е.А. Лебедева, П.Б. Луспекаева, Ю.И. Демича, М.Г. Водяного, В.С. Высоцкого, В.С. Золотухина, М.С. Боярского, А.Б. Белявского, Г.И. Буркова, Ю.Н. Медведева, Р.А. Быкова, Е.Я. Весника, В.В. Захарченко, Н.Н. Гринько, Б.Н. Брондукова, Н.Н. Еременко-ст., Н.Н. Еременко-мл., Н.Н. Губенко, В.М. Шукшина, Н.Г. Гринько, Л.К. Дурова, В.В. Дворжецкого, С.Л. Фараду, Э.Г. Витограна, В.В. Гостюхина, А.Б. Джигарханяна, Н.П. Бурляева, В.П. Заманского, В.Б. Ливанова, В.П. Павлова, Ю.М. Соломина, В.В. Соломина, А.Л. Кайдановского, А.А. Калягина, В.К. Кикабидзе, Ф.М. Мктрчана, Е.А. Киндинова, М.И. Кононова, Г.А. Королькова, Л.В. Маркова, И.М. Костоллевского, А.Б. Кузнецова, А.А. Лазарева, С.В. Крамарова, В.И. Ледогорова, Г.Я. Мартынюка, А.В. Мягкова, А.В. Козела, В.Б. Носика, М.И. Ножкина, А.Я. Михайлова, С.В. Мишулина, Ю.В. Назарова, Р.Р. Нахапетова, Ф.И. Одинокова, Н.В. Оляпина, И.П. Рыжова, А.В. Петренко, А.Ш. Пороховщикова, П.К. Прокоповича, Н.И. Парфенова, М.С. Светина, Л.Г. Прыгунова, В.Н. Сергачева, А.В. Ромашина, Г.М. Ронинсона, В.Я. Самойлова, Н.А. Скоробогатова, В.Г. Смирнитского, Б.С. Ступку, Р.Д. Ткачука, А.Ю. Толубеева, Л.А. Филатова, А.К. Фатюшина, В.А. Этюша, Г.С. Жженова, С.Ю. Юрского, П.И. Щербакова, С.К. Шакурова, Е.А. Аросевой, И.И. Алферовой, Ж.А. Болотовой, А.А. Вертинской, М.А. Вертинской, Н.Н. Ургант, А.С. Демидовой, Л.И. Добржанской, Т.В. Дорониной, Н.М. Дорошиной, И.П. Купченко, Л.В. Зайцевой, Н.Л. Крачковской, А.Б. Фрейндлих, Л.А. Лужиной, Н.Е. Меньшиковой, И.К. Скобцевой, Т.П. Семиной, Н.Ф. Гвоздиковой, Н.А. Сазоновой, С.В. Немоляевой, М.М. Нееловой, В.А. Титовой, О.М. Остроумовой, Л.И. Пыревой, И.М. Чуриковой, Р.Д. Нифонтовой, А.Н. Роговцевой, И.С. Саввиной, Л.М. Савельевой, Н.И. Селезневой, Л.С. Соколовой, Н.М. Теняковой, М.Б. Тереховой, И.И. Ульяновой, Е.Ю. Урусовой, Е.Н. Ханаевой, Л.А. Чурсиной, Т.Е. Самойловой, Л.А. Шагаловой, Л.И. Голубкиной, Э.П. Шашковой, Н.Г. Гундаревой, Т.А. Догилевой, С.Н. Крючковой, И.В. Муравьевой, Л.А. Гузеевой и многих-многих других.

В театральном искусстве страны лидирующие позиции по-прежнему занимали несколько ведущих театров Москвы и Ленинграда, правда, МХАТ им. М. Горького,

который несколько десятилетий был неформальным главным театром страны, по-прежнему переживал творческий кризис, и на первые роли вышли театральные коллективы **Московского Академического театра им. Е.Б. Вахтангова**, **Московского Академического театра им. В.В. Маяковского**, **Московского Академического театра им. Моссовета**, **Московского театра на Таганке** и **Ленинградского Большого Драматического театр им. А.М. Горького**, труппы которых возглавляли крупнейшие театральные режиссеры и реформаторы сцены **Р.Н. Симонов**, **А.А. Гончаров**, **Ю.А. Завадский**, **Ю.П. Любимов** и **Г.А. Товстоногов**.

В 1970 г. волевым решением министра культуры СССР **Е.А. Фурцевой**, существовавший долгие годы во **МХАТе** правящий «триумвират» в составе народных артистов СССР **В.Я. Станицына**, **Б.Н. Ливанова** и **М.Н. Кедрова**, был упразднен и новым руководителем театра назначен **О.Н. Ефремов**. Его назначение на пост руководителя ведущего театра страны вызвало определенный кризис в Театре «Современнике», поскольку многие его основатели и ведущие актеры, в частности **Г.Б. Волчек**, **И.В. Кваша**, **О.П. Табаков**, **В.И. Гафт**, **Л.М. Толмачева**, **Н.М. Дорошина** и другие, расценили уход **О.Н. Ефремова** как предательство и отказались уходить с ним во **МХАТ**. Однако вскоре кризис в обоих коллективах был преодолен: «Современник» возглавила **Г.Б. Волчек**, а к **О.Н. Ефремову** во **МХАТ** постепенно перешли **Е.А. Евстигнеев**, **О.П. Табаков**, **В.Н. Сергачев**, **П.И. Щербаков**, **С.А. Любшин** и другие ведущие актеры его бывшего театра. В результате **МХАТ** получил «второе дыхание» и многие старожилы ведущего театра страны в лице выдающихся мастеров сцены, народных артистов СССР **А.Н. Грибова**, **М.И. Прудкина**, **М.М. Яншина**, **В.Я. Станицына**, **П.В. Массальского**, **О.Н. Андровской**, **А.К. Тарасовой**, **А.П. Зуевой** и других приняли новичков и вновь создали изумительный театральный коллектив, создавший немало блестящих спектаклей.

Такие же мощные театральные труппы сложились и в других ведущих театрах страны:

В знаменитом **Ленинградском БДТ Г.А. Товстоногова** сплотил вокруг себя выдающуюся труппу, в которой творили **Е.З. Копелян**, **Е.А. Лебедев**, **В.И. Стржельчик**, **К.Ю. Лавров**, **П.Б. Луспекаев**, **О.В. Басилашвили**, **Н.Н. Трофимов**, **О.И. Борисов**, **С.Ю. Юрский**, **Г.А. Штиль**, **Л.И. Макарова**, **Н.М. Тенякова**, **В.И. Ковель**, **З.М. Шарко** и многие другие выдающиеся актеры.

В старейшем **Московском Академическом Малом театре**, которым долгие годы руководил **М.И. Царев**, наряду с любимыми и признанными мастерами сцены — **И.В. Ильинским**, **М.И. Жаровым**, **Б.А. Бабочкиным**, **Н.И. Рыжовым**, **В.В. Кенигсоном**, **А.П. Кторовым**, **Н.А. Анненским**, **Е.В. Самойловым** и **Е.Н. Гоголевой**, творило и молодое поколение великолепных актеров — **В.Д. Доронин**, **Е.Я. Весник**, **В.И. Коршунов**, **Ю.И. Каюров**, **В.П. Павлов**, **Ю.М. Соломин**, **В.В. Соломин**, **Н.В. Подгорный**, **Р.Д. Нифонтова**, **Э.А. Быстрицкая** и другие.

Великолепная театральная труппа под руководством **Р.Н.** и **Е.Р. Симоновых** сложилась в **Московском театре им. Е.Б. Вахтангова**, костяк которой составили **М.А. Ульянов**, **Ю.В. Яковлев**, **Н.О. Грищенко**, **В.А. Этуш**, **В.С. Лановой**, **Н.С. Плотников**, **А.К. Гравве**, **В.И. Осенев**, **Ю.В. Волинцев**, **Ц.Л. Мансурова**, **Ю.К. Борисова**, **Л.В. Целиковская**, **Л.В. Максакова**, **И.П. Купченко** и другие блестящие актеры.

Замечательный театральный коллектив в эти годы сложился в **Московском театре им. Моссовета**, где под руководством **Ю.А. Завадского** работали **Р.Я. Плятт**,

Г.С. Жженов, Л.В. Марков, Б.В. Иванов, А.М. Адоскин, Ф.Г. Раневская, Л.П. Орлова, В.П. Марецкая, М.Б. Терехова, В.И. Талызина и другие актеры и актрисы.

Прекрасный коллектив был создан и в Московском театре им. В.В. Маяковского, где его новый худрук А.А. Гончаров собрал вокруг себя замечательную труппу, где ведущую роль играли Б.М. Тенин, А.А. Лазарев, А.Б. Джигарханян, И.Л. Охлупин, А.К. Фатюшин, И.М. Косталевский, Л.П. Сухаревская, Т.М. Карпова, Н.Г. Гундарева, С.В. Немоляева, Е.П. Симонова и многие другие великолепные артисты.

В Московском Академическом театре Сатиры, который возглавлял В.Н. Плучек, в эти годы тоже сложился замечательный театральный коллектив, на сцене которого блистали такие любимые артисты, как А.Д. Папанов, Г.П. Менглет, А.А. Миرونнов, С.В. Мишулин, А.А. Ширвиндт, М.М. Державин, Б.К. Новиков, Р.Д. Ткачук, Б.В. Рунге, Т.И. Пельтцер, В.К. Васильева, О.А. Аросева, Н.И. Селезнева и другие. При этом большинство из этих актеров и актрис принимали активное участие в знаменитом «Кабачке 13 стульев», который был любим миллионами советских телезрителей, в том числе лично «дорогим Леонидом Ильичем Брежневым».

Заметное место в театральной жизни страны по-прежнему занимал Московский театр на Таганке, которым руководил Ю.П. Любимов и костяк труппы которого составляли Н.Н. Губенко, Л.А. Филатов, И.С. Бортник, С.Л. Фарада, В.С. Высоцкий, В.С. Золотухин, Ю.Н. Смирнов, Б.А. Хмельницкий, З.А. Славина, А.С. Демидова, И.И. Ульянова, Н.С. Шацкая и другие талантливые актеры.

В Центральном Академическом театре Советской армии, который возглавлял замечательный советский актер А.Д. Попов, в эти годы тоже сложилась замечательная труппа, ведущими актерами которой были В.М. Зельдин, Н.И. Пастухов, Д.Л. Сагал, В.Б. Сошальский, Ф.Я. Чеханков, Л.И. Добржанская, Н.А. Сазонова, Л.А. Чурсина, Л.И. Касаткина, А.С. Покровская и Л.И. Голубкина.

Кроме того, в эти годы чрезвычайно интересные труппы сложились и в других ведущих театрах страны — в Ленинградском театре Ленсовета, Московском театре Ленком и Московском театре на Малой Бронной, которыми руководили И.П. Владимиров, М.А. Захаров и А.В. Эфрос.

В эти годы мощный импульс в своем развитии получила и советская сатирическая эстрада, на сцене которой блистали замечательные актеры А.И. Райкин, Г.В. Хазанов и В.Н. Винокур, известный поэт-пародист А.А. Иванов, писатели-сатирики А.М. Арканов, М.М. Жванецкий, С.Т. Альтов и Е.М. Смолин, сатирические дуэты А.А. Ширвиндта и М.М. Державина, В.С. Тонкова и Б.П. Владимирова, Р.А. Карцева и В.Л. Ильченко и других артистов.

б) Развитие советского музыкального искусства

Эпоха «брежневского застоя» стала новым этапом в развитии советского музыкального искусства, которое развивалось в трех основных формах — классической симфонической музыки, народного хорового пения и народного танца и эстрадной музыки. В классической музыке этого периода особое место по-прежнему занимала целая плеяда выдающихся советских композиторов — Д.Д. Шостакович, А.И. Хачатурян, Г.В. Свиридов, Д.Б. Кобалевский, Т.Н. Хренников, Р.К. Щедрин, А.Г. Шнитке и другие.

Вместе с тем, в тогдашнем музыкальном искусстве появилось и так называемое «новаторское направление», представленное именами Э.В. Денисова, В.П. Артемь-

ева, В.Е. Суслина, А.А. Кнацфеля, Д.Н. Смирнова, С.А. Губайдулиной и Е.О. Фирсовой, которое совершенно справедливо было подвергнуто острой критике на VI съезде Союза Композиторов СССР, состоявшемся в ноябре 1979 г. В частности, в своем выступлении на этом съезде председатель СК СССР Т.Н. Хренников предельно точно и объективно заявил, что «ради необычных тембровых комбинаций и эксцентричных эффектов», эти «композиторы создают безобразную какофонию, в которых музыкальная мысль безнадежно тонет в потоке неистовых шумов, резких выкриков или невразумительного бормотания».

В этот период достойное место в музыкальном искусстве страны заняли и многие другие композиторы, работавшие в жанрах симфонической, камерной и песенной музыки, в том числе Н.В. Богословский, И.И. Шварц, А.Г. Новиков, Я.А. Френкель, В.П. Соловьев-Седой, М.И. Блантер, Б.А. Мокроусов, А.Я. Эшпай, А.С. Зацепин, А.П. Петров, А.Н. Пахмутова, М.Г. Фрадкин, А.И. Островский, С.С. Туликов, О.Б. Фельцман, Е.Н. Птичкин, Э.С. Колмановский, Р.В. Паулс, Д.Ф. Тухманов, М.Л. Таривердиев, М.И. Дунаевский, В.Я. Шаинский, Е.Г. Мартынов, Г.В. Мовсесян, И.М. Лученок, Э.С. Ханок, Е.Д. Дога, Ю.С. Саульский, Е.П. Крылатов, М.М. Магомаев, М.М. Кажлаев, М.А. Минков, Ю.М. Антонов, В.Г. Мигуля и многие другие.

На музыку этих композиторов были написаны сотни прекрасных песен и романсов, которые с большим успехом исполняли Л.О. Утесов, В.К. Трошин, И.Д. Кобзон, Л.В. Лещенко, М.М. Магомаев, Э.А. Хиль, Ю.А. Гуляев, А.А. Миронов, О.А. Анофриев, Ю.И. Богатилов, Ю.М. Антонов, В.К. Кикабидзе, Н.А. Сличенко, В.В. Ободзинский, А.Б. Градский, К.И. Шульженко, Л.Г. Зыкина, О.Б. Воронец, Н.Г. Брегвадзе, В.В. Толкунова, С.М. Ротару, М.В. Кристаллинская, А.Б. Пугачева, Э.С. Пьеха, И.В. Понаровская, А. Вески и многие другие певцы. На пике брежневского правления расцвел и жанр авторской песни, наиболее яркими представителями которого были В.С. Высоцкий, Ю.И. Визбор, Б.Ш. Окуджава, А.М. Городницкий, Ю.Ч. Ким, А.Я. Разенбаум, О.Г. Митяев, Н.Н. Матвеева и другие советские поэты.

Время «брежневского застоя» стало периодом расцвета и многих выдающихся советских артистов классической оперы и балета. Наряду с прославленными мастерами оперной сцены — С.Я. Лемешевым, И.С. Козловским, Г.К. Отсом, Г.П. Вишневской, М.П. Макасовой и другими, на сценах ведущих театров страны стали блистать таланты таких прекрасных исполнителей, как Б.Т. Штоколов, Е.Е. Нестеренко, Ю.А. Гуляев, Д.М. Гнатюк, А.Б. Соловьяненко, З.Л. Соткилава, Л.А. Сметанников, В.И. Пьявко, И.К. Антонова, Е.В. Образцова, Б.А. Руденко, Т.И. Шмыга, Т.И. Синявская и многих других. На балетной сцене страны на смену великим мастерам балета так же пришла новая плеяда талантливых танцоров, в частности М.Э. Либа, В.В. Васильев, М.Л. Лавровский, В.М. Гордеев, М.М. Плисецкая, Е.С. Максимова, Н.И. Бессмертнова, Л.И. Семеняка и другие.

В эти годы мировое признание получили многие академические ансамбли СССР, которые прославляли искусство нашей страны по всему миру, в том числе Государственный академический ансамбль народного танца СССР под руководством И.А. Моисеева, Государственный академический хореографический ансамбль «Берёзка» под руководством Н.С. Надеждиной, Академический ансамбль песни и пляски Советской Армии им. А.В. Александрова под руководством Б.А. Александрова, Российский Государственный народный хор им. М.Е. Пятницкого под руководством

В.С. Левашова, Украинский Государственный народный хор им. Г.Г. Веревки под руководством А.Т. Авдиевского и другие.

Годы брежневского правления стали настоящим триумфом советской исполнительской школы, которая была представлена именами выдающихся пианистов, скрипачей, виолончелистов и дирижеров Г.Г. Нейгауза, Д.Ф. Ойстраха, С.Т. Рихтера, Э.Г. Гилельса, Е.А. Мравинского, М.Л. Ростроповича, Е.Ф. Светланова, В.В. Третьякова, Г.И. Рождественского, В.И. Федосеева, Ю.В. Силантьева и многих других.

в) Развитие советского живописного искусства и скульптуры

Как и в предыдущий период, живописное искусство развивалось в рамках нескольких жанровых направлений, которые довольно часто органически переплетались в творчестве многих советских художников. При этом это были не только сторонники традиционной реалистической школы, но представители других художественных направлений, в частности импрессионизма (М.С. Сарьян), экспрессионизма (А.А. Дейнека), «сурового стиля» (Г.М. Коржев) и других.

— В жанре портрета были созданы, написанные в разной стилистике, прекрасные работы А.А. Дейнеки («Портрет молодого инженера» 1965, «Трудное решение» 1966, «Юный конструктор» 1966); В.П. Ефанова («Москвичка» 1965, «Комсомолка Люба» 1966, «Портрет Я.М. Свердлова» 1969, «Портрет академика И.В. Курчатова» 1969, «Портрет академика А.М. Прохорова» 1970, «Внук Антоша», 1974, «Портрет Сергея Дрезнина» 1975); М.С. Сарьяна («Портрет Р.Н. Симонова» 1967, «Портрет А.С. Иассакаяна» 1968); А.И. Лактионова («Портрет космонавта В.М. Комарова» 1967, «Портрет архитектора А.Н. Душкина» 1967, «Портрет космонавта П.И. Беляева» 1969, «Автопортрет с горящей свечой» 1970); Е.Н. Широкова («Писатель В.П. Астафьев» 1969, «Актер Е.З. Копелян» 1973, «Актриса Л.А. Чурсина» 1973, «Актер А.А. Миронов» 1977, «Автопортрет» 1980, «Актер К.Ю. Лавров» 1981); В.А. Серова («Портрет М.О. Рейзена» 1968); Б.С. Угарова («Портрет М.О. Угаровой» 1970, «Портрет Тани» 1971, «Портрет композитора А.П. Петрова» 1971, «Портрет жены» 1974); И.С. Глазунова («Портрет Л.И. Брежнева» 1973, «Фидель Кастро» 1973, «Индира Ганди» 1973, «Портрет писателя В.Г. Распутина» 1984); Ю.М. Непринцева («Портрет М.А. Тихомировой» 1973, «Портрет художника В.М. Городецкого» 1974, «Портрет искусствоведа Е.Н. Литовченко» 1979, «Портрет академика Д.С. Лихачева» 1983); Т.Т. Салахова («Портрет Д.Д. Шостаковича» 1976, «Портрет Расула Гамзатова» 1978, «Портрет матери» 1984); А.М. Шилова («Пастух» 1975, «Непобедимый» 1977, «Моя бабушка» 1977, «Автопортрет» 1978, «В театре» 1981, «В день рождения Ариши» 1981, «В ожидании» 1982, «Портрет академика Н.Н. Семенова» 1982); Б.В. Щербакова («Тургенев. Прощание с Родиной» 1976, «Лев Толстой в Ясной Поляне», 1978) и многие другие.

— В жанре пейзажа и натюрморта были написаны полотна, принадлежащие кисти многих выдающихся мастеров, в том числе Ю.М. Непринцеву («Прага. Карлов мост» 1965, «Суздаль» 1967, «Рим. Пейзаж с лилиями» 1972); А.А. Пластову («Осень» 1966, «Зима» 1969, «Мартовское солнце» 1969); В.А. Серову («Уголок осеннего леса» 1967, «Берег Москвы-реки» 1968); Б.В. Щербакову («Суворовский дуб» 1969, «Русь Подмосковная» 1972, «Ростов Великий — град светлый» 1975, «Церковь в селе Уборы» 1982); Д.А. Налбандяну («Лето. Село Уборы» 1965, «В лесу» 1971, «Мисхор. Пасмурный день» 1973, «Италия. Неаполь» 1976); Е.И. Зверькову («Река Повесть» 1967,

«Осенняя пора» 1970, «Весна в лесу» 1971, «Голубой апрель» 1972, «Утро в поле» 1979, «Осенний день» 1981); В.П. Ефанову («Золотая осень» 1968); Б.С. Угарову («Венеция. Набережная Большого канала» 1971, «За околицей» 1971, «Околица. Грачи» 1978); В.М. Сидорову («Последний снег» 1969, «Первая зелень. Розовый конь» 1970, триптих «Моя Родина» 1972, «Сенокосное утро» 1974, «Егорьев день» 1975, «Над полями синий вечер» 1976, «Гроза идет» 1980); Н.М. Ромадину («Есенинский вечер» 1965, «Золотая речка» 1970, «Затопленный лес» 1970); И.С. Глазунову («Погост Ненокса» 1967, «Русский Север» 1968, «Первый снег. Ферапонтово» 1968, «На Волге» 1983); А.М. Семенову («Дворик в Ростове Великом» 1965, «Старая Ладога. К весне» 1972, «Вид на Смольный собор» 1974, «Литейный мост» (1982); Ю.П. Кугачу («Сирень» 1979, «Весна. Ручей» 1979, «Отставшая тучка» 1980, «В марте» 1984); А.М. Шилову («Бехово. Церковь» 1977, «За околицей» 1979, «Деревня Астафьева» 1981, «Анютины глазки» 1982) и другим выдающимся живописцам.

— Жанр бытовой живописи был представлен многими работами таких замечательных художников, как Е.Н. Широков («Баллада о солдате» 1964, «Хлеб — фронту» 1967, «Раздумье (Ветеран)» 1970, «Посреди России» 1983); А.И. Курнаков («Короткий отдых» 1966, «И поднялся народ» 1969); Ю.И. Пименов («Задумчивая девушка» 1965, «Рабочая бригада» 1968, «Гримерная в «Большом» 1972, «Стюардесса» 1974); Т.Н. Яблонская («Безымянные высоты», 1969; «Лен», 1977); Г.М. Коржев («Опрокинутый» 1970, «Обреченная» 1975, «Егорка-летун» 1980); Д.А. Налбандян («Юность» 1971); А.А. Пластов («Костер в поле» 1968, «Из прошлого» 1970); Б.С. Угаров («Весна на Волховском фронте» 1978), Д.К. Мочальский («Троица. Заочники» 1978); И.С. Глазунов («За ваше здоровье» 1977) и других.

— В жанрах исторической, революционной и военной живописи работали многие крупные художники, в том числе В.А. Серов («Ленин в Розливе» 1967); Б.С. Угаров («Мать. Год 1941-й» 1965, «Декрет о земле» 1967, «За землю, за волю» 1969, «Солдаты революции» 1977, «Пугачевщина» 1979, «Возрождение» 1980); Б.В. Щербаков («Суд народный» 1966, «В.И. Ленин и А.М. Горький в октябре 1920» 1970); Д.А. Налбандян («Ходоки у Ленина» 1967, «Ленин на балконе Моссовета» 1970, «Интересная беседа» 1980, «На переднем крае» 1981); Ю.М. Непринцев («Родная земля» 1965, «Вот солдаты идут...» 1970, «Балтийцы» 1970); В.П. Ефанов («Ленин — вождь Октября» 1969); Е.Н. Широков («В.И. Ленин на Конгрессе Коминтерна» 1970, «Весна сорок пятого» 1975, «Мы наш, мы новый мир построим» 1980), П.Т. Мальцев («Бой воздушного десанта под Вязьмой зимой 1942 г.» 1972); И.С. Глазунов (цикл «Поле Куликово» 1979—1980) и другие живописцы.

— Жанр книжной графики был представлен целым рядом выдающихся работ, в том числе Е.А. Кибрика («Борис Годунов» А.С. Пушкина 1965, «Портрет» Н.В. Гоголя 1977), О.Г. Верейского («Поднятая целина» М.А. Шолохова 1967, «Жизнь Ленина М.П. Прилежаевой» 1970, «Анна Каренина» Л.Н. Толстого 1982), А.М. Каневского («Леночка с букетом» А.Л. Барто 1968, «Сатира» В.В. Маяковского 1969, «Витя Малеев в школе и дома» Н.Н. Носова 1971, «Вчера, сегодня, завтра» С.В. Михалкова 1976); Д.А. Шмаринова («Капитанская дочка» 1974 и «Пиковая дама» 1976 А.С. Пушкина, «По ком звонит колокол» Э. Хемингуэя 1979); В.Н. Горяева («Петербургские повести» 1965 и «Мертвые души» 1982 Н.В. Гоголя, «Идиот» Ф.М. Достоевского 1971, «Стихотворения и повести» А.С. Пушкина 1974, «Три толстяка» Ю.К. Олеши 1978), И.С. Глазунова («Дуэль» А.И. Куприна 1969, «Белые ночи» Ф.М. Достоевского

1970, «Очарованный странник» Н.С. Лескова 1973, «Обрыв» А.И. Гончарова 1977) и других крупных живописцев.

В эти же годы дальнейшее развитие получил жанр монументальной скульптуры. И хотя здесь наблюдался явный перекося, связанный с возведением огромного количества различных по своему художественному уровню памятников В.И. Ленину, тем не менее, и тогда появился целый ряд выдающихся произведений монументальной и пластической скульптуры.

Среди скульпторов-монументалистов особо значимые творения в эти годы создали Е.В. Вучетич, ставший автором скульптурных композиций «К звездам» в Москве (1966) и «Родина-мать» в Киеве (1972) и памятника В.И. Ленину в Волгограде (1970); Н.П. Томский, создавший надгробные бюсты И.В. Сталину (1970) и С.М. Буденному (1973) в Некрополе у Кремлевской стены, памятник М.И. Кутузову в Москве (1973) и знаменитую композицию на «Могилах неизвестного солдата» у Кремлевской стены (1975); А.П. Кибальников, создавший знаменитые памятники С.А. Есенину в Рязани (1975) и В.М. Третьякову в Москве (1980); И.М. Рукавишников, ставший автором памятников И.В. Курчатову (1973) и А.В. Щусеву (1974) в Москве, обелиска на месте гибели Ю.А. Гагарина (1975) и надгробных бюстов М.А. Сусллова и Л.И. Брежнева в Некрополе у Кремлевской стены (1983); В.Е. Цигаль, который создал памятники С.А. Есенину в Москве (1972) и Р. Зорге в Баку (1981) и монумент «Героям Великой Отечественной войны» в Новороссийске (1982); М.К. Аникушин, создавший знаменитый мемориал «Героическим защитникам Ленинграда» (1975), портреты Н.К. Черкасова (1975) и Г.В. Свиридова (1980), памятники А.С. Пушкину на станции метро «Черная речка» в Ленинграде (1982) и Г.С. Улановой в Москве (1984); Л.Е. Кербель, ставший автором мраморных портретов космонавтов Ю.А. Гагарина, Г.С. Титова, А.Г. Николаева, П.Р. Поповича и А.С. Елисеева, писателей Б.А. Лавренева и Ч.Т. Айтматова, поэта Р.Г. Гамзатова, композитора Т.Н. Хренникова, мемориального комплекса «Жертвам фашизма» в городе Рудня (1965); В.А. Сидур, создавший в эти годы серию памятников «Погибшим от насилия» в Касселе (1965), Бабьем Яру (1966), Треблинке (1966) и циклы скульптурных композиций «Женское начало» (1977) и «Формула скорби» (1981); П.И. Бондаренко, ставший автором знаменитых Ленинского мемориала в Ульяновске (1967–1970) и памятника Ю.А. Гагарину на Ленинском проспекте в Москве (1980); О.К. Комов, который создал мемориалы «Погибшим воинам» под Новомосковском (1973) и «Борцам за Советскую власть на Дальнем Востоке» во Владивостоке (1976), памятники И.Е. Репину (1973) и А.Г. Венецианову (1980) в Вышнем Волочке, А.С. Пушкину в Твери (1974) и Большом Болдине (1979), С.П. Королеву и Ю.А. Гагарину в Таганроге (1975), М.Ю. Лермонтову в городе Лермонтов (1981), А.В. Суворову в Москве (1982) и К.Э. Циолковскому в Рязани (1983).

Последнее время, говоря о развитии советского изобразительного искусства в годы брежневского «застоя», многие авторы как заговоренные акцентируют внимание на так называемой «Бульдозерной выставке» художников-авангардистов, которая была разогнана в Москве в сентябре 1974 г. Инициаторами показа этой авангардистской мазни опять выступили записные космополиты, в частности А.Д. Глезер, О.Я. Рабин, А.О. Рабин, Ю.А. Жарких, В.А. Комар, А.Д. Меламид, Е.Л. Рухин, И.С. Холин, Б.А. Штейнберг, Н.В. Эльская и другие, которые сознательно устроили эту гнусную провокацию. Неслучайно позднее организатор этой

выставки **О.Я. Рабин** прямо заявил что эта «выставка готовилась скорее как политический вызов репрессивному режиму, а не как художественное событие. Я знал, что у нас будут проблемы, что будут аресты и избиения». Поэтому делать из этого события какое-то эпохальное явление культурной жизни страны, по меньшей мере, странно, а по большому счету является такой же провокацией, как и сама эта выставка «художников», не обладавших элементарным вкусом и навыками студентов-первокурсников художественно-ремесленного училища.

3. Диссидентское движение

Идейное противоборство в литературе и художественной жизни страны проявлялось и в иных формах. Идейную и организационную оппозицию власти в условиях «развитого социализма» составляли разномастные в идейном отношении диссидентские движения, которые зримо являли свое идейное родство и с **западниками**, и со **славянофилами**, и с **социалистами**. С учетом реалий **второй половины XX в.** это были либо **русофильские («почвеннические»)** течения в их консервативном и либеральном вариантах, либо **течение новых западников**, в рамках которого довольно причудливо были сплетены либерально-демократические, социал-демократические и евро-коммунистические потоки. Кроме того, в советском диссидентстве существовали также и различные националистические, религиозные, экологические и другие течения.

Известное единство движению диссидентов придавали активное неприятие сложившихся порядков и стремление к пресловутой «свободе личности» и «правам человека». Со временем это движение стало приобретать все более выраженные черты антикоммунизма и антисоветизма. Именно с этой, самой радикальной, частью диссидентского движения в **конце 1980-х гг.** объединилась значительная часть партийно-государственной советской элиты, в результате чего программные лозунги диссидентов стали носить официальный характер, и партийно-государственная власть сама встала на путь обличения своих собственных пороков. Именно это объединение власти с «широкой общественностью» в едином стремлении кардинально «исправить» пороки социалистического строя и стало главной причиной ликвидации социализма и разрушения СССР.

В диссидентстве **социал-демократического толка**, которое довольно тесно смыкалось с **либеральными течениями** в их неприятии национально-патриотической перспективы развития советского общества, наибольшую известность приобрели братья **Р.А. и Ж.А. Медведевы**, под влиянием которых зарождалось мнимое «свободомыслие» академика **А.Д. Сахарова**. В рамках **национально-либеральных** и **«почвеннических» течений** общественной мысли и «советского диссидентства» наибольшим антисоветизмом отличались позиции **А.И. Солженицына** и **И.Р. Шафаревича**. А гораздо менее радикальный характер носили взгляды представителей различных **национально-патриотических течений** социально-культурного и консервативно-державного толка, вождями которых были **И.В. Огурцов, В.Н. Осипов, Л.И. Бородин** и другие. В «реальном социализме» они не видели почти ничего ценного, но в отличие от западников и либералов не поддерживали диссидентов, которые «целились в коммунизм, а стреляли в Россию».

В современной науке (**А. Вдовин, Н. Митрохин**) в развитии диссидентского движения, как правило, выделяют несколько этапов: **1) становление движения (1964–1972),**

2) его кризис (1973–1974), 3) международное признание и расширение его деятельности (1974–1979) и 4) сужение движения под ударами репрессий (1980–1985).

Социал-демократическое направление в диссидентском движении наиболее ярко было представлено ежемесячными самиздатовскими публикациями довольно посредственного историка-фантазера Р.А. Медведева, которые в 1971–1972 гг. были напечатаны за рубежом в виде отдельных книг — «**Политический дневник**», «**К суду истории**», «**Социализм и демократия**» и других. В этих работах, которые были буквально напичканы огромным количеством фактических ошибок и всевозможных политических баек, содержалась разнузданная критика сталинизма и призывы «очистить ленинизм» от всех искажений и наслоений сталинской эпохи.

Либеральное западничество в брежневский период дало о себе знать в 1965 г. выпуском в **Москве** самиздатского журнала «**Сфинксы**», редактором которого был **В.Я. Тарсис**, а так же публикацией за рубежом и распространением внутри страны гротескно-сатирических повестей о социальных и психологических феноменах тоталитаризма. В частности, речь идет об отвратительных и бездарных русофобских подделках **А.Д. Синявского** («**Суд идет**», «**Любимов**») и **Ю.М. Даниэля** («**Говорит Москва**», «**Искушение**»), которые «**Литературная газета**» вполне справедливо назвала самой настоящей антисоветчиной, вдохновленной «лютой ненавистью к советскому народу и социалистическому строю». В **сентябре 1965 г.** чекисты, квалифицировав деяния этих писак как «особо опасные государственные преступления», арестовали их.

В **феврале 1966 г.** **В.Я. Тарсис**, успевший сбежать в Англию, был лишен советского гражданства, а в **Москве** состоялся суд над **А.Д. Даниэлем** и **Ю.М. Синявским**, обвиненных по статье за «антисоветскую агитацию и пропаганду, направленную на подрыв советской власти». В защиту обвиняемых было направлено более двадцати писем от советской «общественности», которые подписали более восьми десятков человек, большинство из которых принадлежали к либеральному крылу **Союза Писателей СССР**: **Л.А. Аннинский**, **П.Г. Антокольский**, **Б.А. Ахмадулина**, **В.Д. Берестов**, **З.Б. Богуславская**, **В.Н. Войнович**, **А.А. Вознесенский**, **Ю.О. Домбровский**, **Б.М. Сарнов**, **А.В. Жигулин**, **Л.Г. Зорин**, **Г.С. Фиш**, **А.Т. Гладилин**, **В.А. Каверин**, **Р.С. Сеф**, **Л.З. Копелев**, **Г.В. Владимов**, **Ю.Д. Левитанский**, **С.Л. Лунгин**, **С.П. Маркиш**, **А.А. Тарковский**, **В.Б. Шкловский**, **Ю.М. Нагибин**, **Б.Ш. Окуджав**, **С.Б. Рассадин**, **Д.С. Самойлов**, **И.Г. Эренбург**, **Л.И. Славин**, **Л.К. Чуковская** и другие. Однако в ответном письме **Секретариата Союза Писателей СССР**, которое подписали ряд выдающихся русских писателей и поэтов, в том числе **К.А. Федин**, **Н.С. Тихонов**, **К.М. Симонов**, **Л.С. Соболев**, **С.В. Михалков** и **А.А. Сурков**, «омерзительная выходка» этих русофобов совершенно справедливо была заклеяна позором. В таком же резком тоне против них выступил и великий русский писатель **М.А. Шолохов** на **XXIII съезде КПСС**.

Наиболее известными событиями истории либерального диссидентского движения в указанный период стали:

1) Суд над участниками **Всероссийского социал-христианского союза освобождения народа** — крупнейшей за всю историю движения подпольной организации во главе с **И.В. Огурцовым**, который состоялся в **феврале — декабре 1967 г.**

2) Начало издания самиздатского правозащитного бюллетеня «**Хроника текущих событий**» (1968–1983), составителями которого были три патологических русофоба

и психически больные представители «московской интеллигентской тусовки» — **С.А. Ковалев, Н.Е. Горбаневская и Т.С. Ходорович**, наиболее зримо показавшие в перестроечные годы всю свою гнилую русофобскую суть.

3) Публикация в «самиздате» в **июне 1968 г.** известной работы академика **А.Д. Сахарова «Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе»**, которая стала своеобразной программой всего либерально-западнического движения и фактическим планом первого этапа «горбачевской перестройки».

Летом 1970 г. в Ленинграде состоялся громкий «самолетный процесс» над группой еврейских диссидентов, которые безуспешно попытались захватить самолет для вылета в Израиль. Конечно, эта террористическая акция не могла не привлечь внимания властей и общественности к проблеме еврейского национализма и сионизма, как одной из самых ярких форм его выражения, тем более что вскоре эта проблема приобрела международный аспект. В частности, в **декабре 1973 г. на XXVIII сессии Генеральной Ассамблеи ООН** при выработке международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации представители ряда государств-членов ООН попытались осудить антисемитизм и резко выступили против предложения советской делегации отнести к расовой дискриминации, как антисемитизм, так и сионизм. Поэтому данный вопрос решить тогда не удалось и его сняли с повестки дня.

Однако уже на **XXX сессии Генеральной Ассамблеи ООН** началась новая дискуссия вокруг этой темы, которая была поднята рядом представителей развивающихся стран, в частности Судана и Уганды. В своих выступлениях они прямо заявили, что постоянная поддержка Израиля правительством США объясняется тем, что «такая могущественная нация, как Соединенные Штаты Америки, находится во власти сионистов». На сей раз, в **ноябре 1975 г.** резолюция ООН, осуждающая «сионизм как разновидность расизма и расовой дискриминации», вопреки резким попыткам представителей Израиля и США не допустить принятия данного решения, была одобрена подавляющим большинством государств, включая Советский Союз.

Между тем, громкий «самолетный процесс» зримо показал, что значительная часть так называемых советских «правозащитников» использовала правозащитную идею не по назначению, а исключительно для прикрытия воинствующего национализма и других, совершенно далеких от прав человека, идей. Позднее об этом со всем присущим ей цинизмом, абсолютно откровенно поведала известная либералка и «правозащитница» мадам **В.И. Новодворская**, которая дословно заявила следующее: «Я лично правами человека накушалась досыта. Некогда и мы, и ЦРУ, и США использовали эту идею как таран для уничтожения коммунистического режима и развала СССР. Эта идея отслужила свое, и хватит врать про права человека и про правозащитников».

Однако именно в 1970-х гг. правозащитное движение становится одним из главных составляющих диссидентского движения в СССР. Уже в **ноябре 1970 г.** издатель самиздатовского журнала «Общественные проблемы» некто **В.Н. Чалидзе** создал некий Комитет защиты прав человека, куда вошли **А.Д. Сахаров, И.Р. Шафаревич, А.Н. Твердохлебов** и другие. Этот Комитет действовал около двух лет, а затем ему на смену в 1973 г. пришла русская секция «Международной амнистии», руководителями которой стали **В.Ф. Турчин и А.Н. Твердохлебов**. Причем, по словам ряда современ-

ных авторов (**А. Вдовин, Т. Глушкова**), в этот период во всем диссидентском движении большой удельный вес стала занимать «еврейская проблематика», связанная, прежде всего, с оживлением сионизма в самом СССР. Значительной была доля евреев и среди участников диссидентского движения в стране, поэтому самым существенным в этом движении было то, что оно, в основном, противоречило всему русскому началу, составлявшего костяк советской идейности. В этом космополитическом движении никогда не было опоры на национальные традиции и культуру, его члены опирались на одни лишь **«Хельсинкские соглашения»**, поэтому борьба с советской властью «шла на основе западных ценностей, не менее, а более чуждых и враждебных русскому духу, чем коммунистический интернационализм или атеизм».

Между тем, **летом 1972 г.** были арестованы два известных деятеля диссидентского движения — **П.И. Якир** и **И.Л. Красин**, которые были ближайшими родственниками видных деятелей «ленинской гвардии». Во время следствия эти трусливые диссиденты согласились сотрудничать с чекистами, и в результате по стране прокатилась широкая волна новых арестов и заметное затухание диссидентского движения.

Новый подъем этого движения во многом был связан с публикацией в ряде западных изданий и в советском «самиздате» двух известных работ **А.И. Солженицына**: историко-публицистической книги **«Архипелаг ГУЛАГ»** и статьи **«Жить не по лжи»**. Затем, в **сентябре 1973 г.** **А.И. Солженицын** написал **«Письмо вождям Советского Союза»**, в котором предложил им полностью отказаться от марксистской идеологии, переместить «темный вихрь» этой западнической доктрины на огромные китайские просторы, а самим разумно, опираясь на сталинский опыт первых лет войны, поднять «старое русское знамя и православную хоругвь» и больше не повторять ошибок конца войны, когда мы «снова вытащили из нафталина» это «передовое учение». Кроме того, он предлагал перенести все усилия государства с решения внешних задач на внутренние проблемы и, в частности отказаться от водки как важнейшей статьи государственного дохода, от многих видов ядовитых промышленных производств, признать необходимым установление в стране авторитарного строя и отказаться от невыполнимых и ненужных задач мирового господства.

Своеобразной альтернативой этой программе **А.И. Солженицына** стала новая работа академика **А.Д. Сахарова «Тревога и надежды»**, написанная им в **1974 г.**, в которой он представил свое видение будущей мировой цивилизации. В частности, он наивно пытался убедить своих читателей в том, что возможным условием предотвращения мировой ядерной катастрофы является преодоление распада мира на антагонистические группы государств, неизбежный процесс сближения или конвергенции социалистической и капиталистической систем, демилитаризацией, укреплением международного доверия, защитой человеческих прав, закона и свободы, глубоким социальным прогрессом и демократизацией, укреплением нравственного и духовного личного начала в человеке.

Однако все его дальнейшие работы, написанные под диктовку его новоявленной супруги **Е.Г. Боннэр**, отчетливо показали, за какую конвергенцию выступал этот «великий гуманист». Об истории своей собственной страны он презрительно писал, что она «полна ужасного насилия и чудовищных преступлений» и, что «существующий веками рабский и холопский дух, сочетающийся с презрением к иноземцам и иноверам», является величайшей бедой русской нации. Причем, в своей телеграмме, направленной президенту **Дж. Картеру** в **1977 г.**, он выразил

холуйскую уверенность, что «исполненная мужества и решимости первая в мире демократическая страна с честью понесет бремя, возложенное на нее историей в противостоянии тоталитарному миру социалистических стран» и т.д. Затем этот новоявленный «теоретик» и «великий гуманист» естественным путем пришел в лагерь **мондиалистов**, и уже на закате своей разрушительной диссидентской работы заявил, что процесс конвергенции двух систем естественно приведет к созданию мирового правительства и т.д.

В **декабре 1975 г.** за свои сомнительные достижения и подвиги в борьбе с собственной страной **А.Д. Сахаров**, вслед за **А.И. Солженицыным**, стал новым советским диссидентом, удостоенным **Нобелевской премии**, что, естественно, способствовало международному признанию диссидентского движения в хорошо известных западных кругах. Кроме того, расширению известности диссидентского движения в СССР способствовала и подрывная работа других «теоретиков» диссидентства, в частности **Р.А. Медведева**, который в **1975—1976 гг.** редактировал самиздатский журнал «**XX век**», выходивший одновременно в **Лондоне** и **Москве**. Затем, в **мае 1976 г.**, после подписания **Хельсинкских соглашений** была создана так называемая **Московская Хельсинкская группа**, в состав которой вошли самые отпетые сионисты и русофобы — **Ю. Орлов, Л. Алексеева, М. Бернштам, Е. Боннэр, А. Гинзбург, П. Григоренко, А. Корчак, М. Ландау, А. Марченко, Н. Щаранский** и **В. Рубин**, многие из которых были просто психически больными людьми. В **январе 1977 г.** при **Московской Хельсинкской группе** была образована рабочая комиссия по расследованию использования психиатрии в политических целях, одним из основателей которой стал еще один сионист **А. Подрабинек**.

Официальные власти вполне справедливо считали, что одна из главных опасностей для советского государства исходит именно от диссидентов, поэтому на **рубеже 1970—1980-х гг.** они резко ужесточили репрессии против них, в результате чего были арестованы и сосланы почти все лидеры и активные участники не только правозащитных, но и оппозиционных властям национальных и религиозных организаций. Неслучайно, уже в **апреле 1981 г.** первый заместитель председателя **КГБ СССР** генерал армии **С.К. Цвигун** со страниц центрального партийного печатного органа журнала «**Коммунист**» прямо заявил, что «все антиобщественные элементы, умело маскировавшие себя под поборников демократии, обезврежены, и правозащитное движение в стране перестало существовать». Однако, как показали последующие события, победа над русофобским диссидентством оказалась эфемерной.

Горбачевская «перестройка» в полной мере выявила настоящую значимость этого проплаченного западными спецслужбами преступного движения, идеями которого оказалась заражена значительная часть партийно-государственного аппарата. Именно они, крупные партийные аппаратчики и их прихлебатели из академических институтов, обласканные властью, — **М.С. Горбачев, А.Н. Яковлев, В.А. Медведев, А.С. Черняев, А.Г. Арбатов, А.Е. Бовин, Ф.М. Бурлацкий, И.Т. Фролов, В.В. Загладин, Н.Б. Беккенин** и другие стали движущей силой «**номенклатурной революции**», которая моментально подрубила все устои «развитого социализма» и обрушила здание «**нерушимого**» советского государства.

При оценках исторической роли либерального диссидентства в разрушении страны, ряд современных авторов (**М. Зенина**) испытывают немалые трудности, поскольку до сих пор не могут назвать вещи своими именами, и открыто обелить

«пятую колонну», выступавшую в союзе с «прогрессивным западным миром» против собственной страны и своего народа. Поэтому довольно часто приходится встречаться с сентенциями о том, что все советские «реформаторы», начиная с **Н.С. Хрущева**, «в силу своего мировоззрения видели в либеральной интеллигенции потенциального противника, нежели советчика и помощника, поскольку в интеллигентской среде были очень сильны консервативно-охранительные настроения, на которые и опиралась власть». Однако, на взгляд других авторов (**А. Барсенков, А. Вдовин**), наиболее существенным для исторических судеб России является именно то обстоятельство, что **национально-патриотические течения так и не смогли набрать силу и существенно повлиять на власть** и развитие советского общества. «Русофилы» в значительной части остались диссидентами по отношению и к свершившейся контрреволюции, и к утвердившейся на ее волне новой правящей элите.

Между тем, в **1960–1980-х гг.** в диссидентстве стало более заметным течение русской либеральной национально-патриотической мысли, выраженное в самиздатской публицистике, которая стала своеобразным ответом на «самиздат» либерально-руссофобского толка. По данным ряда современных авторов (**А. Вдовин, Н. Митрохин**) первым известными трактатом русских «националистов» стало «**Слово нации**», опубликованное **А.М. Ивановым (Скуратовым)** в декабре 1970 г., которое стало своеобразным полемическим ответом на анонимную «**Программу Демократического Движения СССР**», опубликованную в либеральном «самиздате» в 1969 г.

Несмотря на всю свою утопичность, «**Слово нации**» представляет собой интерес и как исторический документ, и как документ, созвучный современной политической ситуации в России. По мнению автора «**Слова**», западный мир биологически вырождается, а поскольку биологическое начало лежит в первооснове всего, в том числе и социального начала, то всякая демократия и права человека становятся совершенно бессмысленны сами по себе. Противостоять этому процессу биологического вырождения способно лишь сильное правительство, которое опирается на национальные традиции, поскольку нация первична и представляет собой особую духовную общность, своеобразие которой имеет глубокий мистический смысл. При этом основными признаками нации являются **расовый тип**, определяющий ее психологический склад, **язык**, определяющий ее способ мышления, и **национальная идеология**. Автор «**Слова нации**» выражал абсолютную уверенность в том, что именно национальный вопрос является главным вопросом для страны, поскольку русские играют в жизни своего государства непропорционально малую роль, а «малый народ», претендуя на роль угнетенного меньшинства, фактически монополизировал всю науку и культуру страны. Поэтому в стране должна произойти национальная революция и русский народ должен стать господствующей нацией на своей земле.

Важным событием в русском либерально-патриотическом движении стал выход в свет журнала «**Вече**» (1971), который так же стал своеобразным ответом на различные диссидентские издания либерально-западнического толка. Инициатором создания этого журнала стал бывший политзаключенный **В.Н. Осипов**, а его наиболее видными авторами **А.М. Иванов (Скуратов), М.Ф. Антонов, Г.М. Шиманов, Д.С. Дудко и С.А. Мельникова**. Однако этот журнал просуществовал недолго и в уже июле 1974 г. **С.А. Мельникова** и **И.В. Овчинников** от имени редакции заявили о его закрытии. Но ряд членов редколлегии, в частности **В.Н. Осипов** и **В.С. Родионов**,

не согласились с данным решением и наладили выпуск нового самиздатского журнала «Земля», заявив, что знамя русского возрождения по-прежнему находится в их надежных руках. Однако и это журнал был вскоре закрыт.

В сентябре 1974 г. Л.И. Бородин начал издание журнала «Московский сборник», посвятив его проблемам нации и религии. В своей издательской деятельности он опирался на помощь молодых христиан, которые группировались вокруг Г.М. Шиманова, Д.С. Дудко, В.Н. Осипова и других русских патриотов.

В середине-второй половине 1970-х гг. произошла глубокая идейная трансформация крупнейшего советского математика и диссидента, академика И.Р. Шафаревича, который до этого входил в различные группировки либеральных диссидентов. Особенно широкую известность в это время приобрели его статьи «Обособление или сближение» и «Есть ли у России будущее?», вошедшие в сборник «Из-под глыб» (1974), а также книги «Социализм, как явление мировой истории» (1977) и «Русофобия» (1980). Эти работы создали автору репутацию идеолога национально-православного движения, сразу же вызвав критику в кругах «демократически» настроенной интеллигенции, профессиональных историков и этнографов, находящихся в них разного рода натяжки и неточности. Однако теория «малого народа», которую развивал И.Р. Шафаревич вслед за французским историком О. Кошеном, получила довольно широкое признание в патриотических кругах, поскольку он считал, что ядро «малого народа», управлявшего страной составляет еврейство.

Во второй половине 1970-х гг. в «самиздате» появилось новое течение «национал-коммунистов», которое претендовало на то, чтобы вместе с властями бороться против сионизма за самобытное русское государство. В рамках этого течения существовали две группировки — «православные» во главе с Г.М. Шимановым и Ф.В. Карелиным, и «язычники» во главе с А.М. Ивановым (Скуратовым) и В.И. Скурлатовым. Обе эти группировки активно открестились от советского диссидентства в его либеральной ипостаси и резко критиковали деятельность весь прозападных диссидентских структур — Московской Хельсинской группы, Христианского Комитета защиты верующих, «Международной амнистии» и других.

В 1980—1982 гг. под редакцией Г.М. Шиманова, Ф.В. Карелина и В.И. Прилуцкого выходил самиздатский журнал «Многая лета», основная идея которого состояла в том, чтобы склонить советскую власть к политике «здравого смысла» и укрепить эту власть за счет народных коммун, объединенных по родовому и религиозному признаку. Однако в 1982 г. под угрозой ареста авторов журнала он прекратил свое существование, и с его закрытием организованные структуры русского диссидентского национального движения практически перестали существовать.

В религиозном отношении в русском национально-патриотическом движении были не только христиане, но и устойчивые группы «новых язычников», среди которых выделялись три лидера — А.М. Иванов (Скуратов), В.И. Скурлатов и В.Н. Емельянов. Причем, их неформальными лидером был именно А.М. Иванов (Скуратов), ставший автором целого ряда довольно скандальных работ, направленных на разоблачение христианства, — «Тайна двух начал» (1971), «Заратустра говорил не так» (1977), «Христианская чума» (1979), «Основы арийского мировоззрения» (1981) и «История как орудие геноцида: несколько слов в защиту венедов» (1981). Другой участник этой группировки В.Н. Емельянов, будучи автором известных «Критических заметок русского человека о патриотическом журнале «Вече» (1973)

и книги «Десионизация» (1979), подвергал резкой критике не только сам журнал «Вече», который он считал «сионистским предбанником», но все христианство и ислам как «дочерние компании иудаизма», придуманные им для порабощения «гоев». Между тем, по информации историков (А. Вдовин), он входил в узкий круг тех авторов, которые с согласия властей разоблачали реакционную сущность сионизма и теоретически обосновывали советскую политику во всем Ближневосточном регионе. В этот «узкий круг» так же входили Ю.С. Иванов («Осторожно: сионизм» 1969), В.В. Большаков («Сионизм на службе антикоммунизма» 1972), Е.С. Евсеев («Фашизм под голубой звездой» 1971), В.Я. Бегун («Ползучая контрреволюция» 1974), В.И. Скурлатов («Сионизм и апартеид» 1975), В.А. Семенюк («Националистическое безумие» (1976) и другие.

Тема: ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА СССР В 1965–1984 ГГ.

План:

1. Отношения СССР с ведущими западноевропейскими державами в 1965–1973 гг.
2. Ближневосточный конфликт в 1967–1973 гг. и первый «нефтяной шок».
3. События в Чехословакии и «доктрина социалистического интернационализма» (1968–1969).
4. Война США во Вьетнаме (1965–1973) и ее международные последствия.
5. Советско-китайский конфликт в 1960-х гг.
6. Советско-американские отношения в первой половине 1970-х гг.
7. Нормализация дипломатических отношений СССР с Японией.
8. Европейский процесс — основные положения Хельсинкского акта (1975).
9. Проблема прав человека и ее влияние на межгосударственные отношения в 1970–1980-х гг.
10. Создание сети партнерских отношений СССР со странами Африки (1974–1978).
11. Становление «треугольных» отношений СССР-США-КНР в 1970-х гг.
12. Политика СССР на Ближнем Востоке в 1970-х гг.
13. Крах разрядки и «двойное решение» НАТО.
14. Эскалация конфликтов на Среднем Востоке на рубеже 1970–1980-х гг.
15. Первый период Афганской войны (1979–1982) и ее последствия.
16. Конфликты внутри зон влияния сверхдержав на рубеже 1970–1980-х гг.
17. Внешнеполитическая стратегия СССР и США в первой половине 1980-х гг.
18. Новый виток гонки вооружений в начале 1980-х гг.

1. Отношения СССР с ведущими западноевропейскими державами в 1965–1973 гг.

В отличие от **Вашингтона Париж** не рассматривал всерьез перспективу глобальной войны против СССР и не видел оснований подозревать его в намерении развязать

эту войну. Французские военные стратеги исходили из того, что со стороны Советского Союза для Франции существует лишь ограниченная угроза, которую она в состоянии сдержать собственным ядерным потенциалом. Безопасность Франции в **Париже** фактически отделили и от безопасности Запада в целом, и от безопасности США в частности. Французский лидер — президент **Шарль Де Голль** прямо отвергал сосредоточенность американских политиков исключительно на возможности войны с «социалистическим блоком» и выступал с концепцией «**обороны по всем азимутам**» и «**многостороннего сдерживания**», в рамках которых конфликт с **Москвой** и ее союзниками рассматривался в **Париже** как один из нескольких возможных негативных сценариев развития международной обстановки. Франция по-прежнему признавала себя составной частью западной цивилизации, но не желала участвовать в войне против СССР, если это не было продиктовано ее собственными интересами.

Стремление **Парижа** к обособлению внутри военно-политической стратегии западных стран усиливалось по мере разрастания войны США во Вьетнаме в **1965–1966 гг.** Франция резко критиковала **Вашингтон** за начало вьетнамской кампании. Более того, президент **Ш. Де Голль** вполне обоснованно подозревал США в желании присвоить французское «колониальное наследство» и перехватить геополитический плацдарм в Индокитае, который прежде принадлежал французам. Кроме того, **Париж** учитывал фактическую вовлеченность в эту войну СССР и Китая, которые действовали на стороне вьетнамцев против США. Расклад сил во многом напоминал **Корейскую войну (1950–1953)**, и президент **Ш. Де Голль** не исключал расширения масштабов этого конфликта за счет неконтролируемой эскалации противостояния США с двумя ведущими коммунистическими державами мира. Риск стать заложником советско-американской конфронтации не устраивал французское руководство и поэтому **Париж** пришел к заключению о необходимости принятия радикального решения.

В **феврале 1966 г.** Франция официально заявила о своем выходе из военной организации **НАТО**. Мотивируя свое решение, **Ш. Де Голль** заявил, что в связи с изменившимися условиями в мире, политика, проводимая в рамках **НАТО**, противоречит интересам Франции и может привести к автоматическому вовлечению ее в ненужные военные конфликты. **Ш. Де Голль** добился от **Вашингтона** эвакуации с французской территории всех военных штабов **НАТО**, вывода всех союзнических войск и ликвидации иностранных военных баз. Одновременно с **июля 1966 г.** все французские вооруженные силы были подчинены национальному командованию, а с **октября 1966 г.** представители Франции покинули **Постоянный комитет Совета НАТО**.

Сделав резкий поворот в отношениях с США и **НАТО**, французское политическое руководство понимало, что ему предстояло разъяснить стратегический смысл содеянного им для советско-французских отношений. Поэтому президенту **Ш. Де Голлю** было необходимо, чтобы **Москва** не только заметила, но и оценила новую позицию **Франции** как страны, не желающей связывать себя «солидарной ответственностью» с **Вашингтоном** и **НАТО** в военно-стратегических вопросах. Независимость Франции от **НАТО** имела практический смысл только в одном случае, если **Москва** перестала бы видеть Францию в одном ряду с США и другими натовскими странами в качестве гипотетического противника. Вот почему сразу

после решения о выходе из НАТО президент Ш. Де Голль отправился с официальным визитом в Москву.

В ходе этого визита, который состоялся в июне-июле 1966 г. была впервые подписана Советско-французская декларация, ставшая одним из основополагающих документов двусторонних отношений Москвы и Парижа. В ней удалось зафиксировать элементы общего для СССР и Франции видения перспектив развития международной ситуации. В частности, обе стороны сошлись в необходимости создать атмосферу разрядки между Востоком и Западом, которая открыла бы путь к сотрудничеству во всей Европе, и предполагало настрой Москвы и Парижа на взаимную поддержку в ключевых вопросах европейской безопасности. Особое значение имело включение в эту декларацию и пункта о регулярных советско-французских межправительственных консультациях.

Затем, в 1970 г., уже при новом французском президенте Жорже Помпиду, это положение было оформлено и развито в отдельном документе — Протоколе о политических консультациях, в котором регламентировался порядок и периодичность советско-французских обсуждений по всем острым вопросам международного развития. Фактически, Советско-французская декларация 1966 г. и Консультативный протокол 1970 г. означали формирование «консультативного пакта» между Францией и СССР, что подтвердилось дальнейшей практикой двусторонних отношений, что для всей послевоенной истории международных отношений стало беспрецедентным шагом.

Одновременно с нормализацией советско-французских отношений начался процесс нормализации отношений с Западной Германией, где в сентябре 1968 г. в ходе очередных парламентских выборов сокрушительное поражение потерпел правящий блок ХДС/ХСС, и к власти впервые пришла коалиция СДПГ/СвДПГ во главе с Вилли Брандтом, который стал новым федеральным канцлером ФРГ.

Лидер германских социал-демократов лучше других понимал, что советская политика в германском вопросе была скорее защитной, чем наступательной. Правда, он понимал и то, что она была выдержана в духе того, что в классической военной теории называлось «активной обороной». Тем не менее, В. Брандт не демонизировал Советский Союз и считал неизбежным и необходимым иметь с ним дело. Более того, он открыто говорил, что бескомпромиссная политика конфронтации с Москвой не приближает решение германского вопроса, а только осложняет обстановку в Европе. Поэтому, не отказываясь от стратегической задачи объединения Германии, В. Брандт был уверен, что путь к решению этой задачи надо начинать с примирения с Советским Союзом, устранения препятствий для общеевропейского диалога и «включения-погружения» обеих частей Германии в процесс европейского сотрудничества, который позволит найти взаимоприемлемое решение германской проблемы.

После победы на выборах новое правительство ФРГ огласило свою программу, в которой впервые признало факт существования ГДР как независимого германского государства. Хотя, это вовсе не означало намерения Западной Германии официально признать его, программа В. Брандта содержала призыв к поиску путей для улучшения отношений между двумя частями Германии параллельно с углублением сотрудничества ФРГ с НАТО. Вслед за тем новое западногерманское правительство направило ноты правительствам СССР и Польши с предложением

начать обсуждение нерешенных проблем, на что были немедленно получены положительные ответы.

В **ноябре 1969 г.** кабинет **В. Брандта** заявил о присоединении ФРГ к **Договору о нераспространении ядерного оружия** в качестве неядерного государства, официально отказавшись от каких-либо претензий на обладание им. Это заявление вызвало вздох облегчения в **Москве**, поскольку был устранен один из источников недоверия советского руководства к **Бонну**. А уже в **декабре 1969 г.** руководитель ГДР **В. Ульбрихт** направил **В. Брандту** свои предложения о мерах по улучшению отношений ГДР и ФРГ, которые были приняты к рассмотрению, и вскоре начались прямые контакты между двумя странами на уровне глав правительств и государств. Тогда же по предложению западных держав была достигнута договоренность о проведении четырехсторонних консультаций полномочных представителей СССР, США, Великобритании и Франции о статусе **Западного Берлина**.

Эти перемены ускорили компромисс по вопросу о созыве **Общеввропейского совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе**, и в **начале декабря 1969 г.** на сессии **Совета НАТО** было решено согласиться с предложениями стран-участниц **Варшавского договора** при условии, что на это совещание будут приглашены как равноправные участники США и Канада. Таким образом, с **конца 1969 г.** на европейском континенте фактически начался т.н. «**общеввропейский процесс**», т.е. многосторонний диалог и сотрудничество, в котором стали участвовать все европейские страны, независимо от их блоковой и «формационной» принадлежности.

Интеграционный процесс внутри Западной Европы шел параллельно с общеввропейским процессом улучшения отношений между западной и восточной частями Европы. «**Новая восточная политика**» **В. Брандта** благоприятно влияла на отношения между великими державами. **Бонн** перестал, как при **К. Аденауэре** и его политических наследниках **Л. Эрхарде** и **К. Кизингере**, провоцировать напряженность между СССР и странами НАТО. В **апреле 1970 г.** **В. Брандт** отправился с официальным визитом в **Вашингтон**, где обсудил с президентом **Р. Никсоном** программу улучшения отношений ФРГ со странами социалистического лагеря, прежде всего, Советским Союзом, Польшей и Чехословакией. В ее основе была идея признания существующих реальностей, главной из которых было изменение восточногерманских границ и признание существования ГДР. Американская администрация в целом поддержала «**новую восточную политику**» **В. Брандта**, но при условии, что улучшение отношений со странами социалистического лагеря не подорвет сотрудничества ФРГ с НАТО. Однако в отличие от французского президента **В. Брандт** был убежденным «**атлантистом**» и в его планы отнюдь не входило отход от военного союза США и НАТО.

В **августе 1970 г.** канцлер **В. Брандт** прибыл с официальным визитом в **Москву**, где был подписан **советско-западногерманский договор**, в котором **Бонн** официально признал линию по **Одеру — Нейсе** восточной границей германских государств, отказавшись от всех претензий на бывшие германские земли, перешедшие после окончания **Второй Мировой войны** к СССР и Польше. Кроме того, СССР и ФРГ обязались твердо соблюдать территориальную целостность всех европейских государств в тех границах, которые существовали на момент подписания договора, включая границу между ФРГ и ГДР, отказались от любых попыток их изменения и заявили о полном отсутствии любых территориальных претензий и намерений высказывать таковые претензии в будущем.

В сентябре 1971 г. в Западном Берлине было впервые подписано **Четырехстороннее соглашение** между СССР, США, Францией и Великобританией, в соответствии с которым западная часть **Берлина** признавалась отдельной территориальной единицей с особым международным статусом под управлением союзных держав. Было официально установлено, что **Западный Берлин** не является частью ФРГ, и не будет управляться боннским правительством. Главным органом власти управления **Западного Берлина** признавался западноберлинский сенат, который должен был сотрудничать с властями трех западных держав. Вместе с тем, это соглашение устанавливало четкий порядок поддержания связей между **Западным Берлином** и Западной Германией и гарантировало надежность сообщения между ними. Стороны согласились воздерживаться от применения силы в районе **Западного Берлина**, в том числе для изменения существующего статус-кво в одностороннем порядке.

Решение этой проблемы ускорило нормализацию отношений между ФРГ и ГДР. Боннское правительство впервые с **1955 г.** отказалось от «**доктрины В. Хальштейна**», в соответствии с которой оно разрывало дипломатические отношения с любой страной, признававшей правительство ГДР. Вместе с тем, необходимо было оформить отношения между двумя частями Германии на официальном уровне. Поэтому для решения этой животрепещущей проблемы пришлось даже сменить руководство ГДР, и по настоятельной «рекомендации» **Москвы** вместо **Вальтера Ульбрихта** Первым секретарем ЦК СЕПГ был избран **Эрих Хонеккер**.

В **декабре 1972 г.** был заключен договор об основах отношений между ГДР и ФРГ, который предусматривал установление отношений между ними на основе равноправия, суверенного равенства, уважения территориальной целостности и нерушимости границ, отказа от дискриминации, применения силы и решения всех споров мирными средствами. Затем, в **сентябре 1973 г.**, оба германских государства стали полноправными членами **ООН**.

Наконец, в **декабре 1973 г.** ФРГ заключила договор с Чехословакией, в котором не только признала законность установленной границы между двумя государствами, но и согласилась считать **Мюнхенское соглашение (1938)** о «добровольной» уступке Чехословакией **Судетской области** в пользу Германии недействительным с момента его подписания. Фактически ситуация вокруг Германии была полностью нормализована во всем, что не касалось вопроса об ее объединении.

2. Ближневосточный конфликт в 1967–1973 гг. и первый «нефтяной шок»

Во второй половине **1960-х гг.** снова обострились арабо-израильские отношения, что в значительной степени было обусловлено действиями правительства левых социалистов **С. Джадида** и **Х. Асада**, пришедших к власти в **Дамаске** в результате военного переворота. С этого момента новое сирийское руководство взяло курс на строительство социализма, широкомасштабное сотрудничество с Советским Союзом и уничтожение Израиля. В **ноябре 1966 г.** оно подписало договор о военном союзе с лидером Египта (ОАР) **Г.А. Нассером** и стало открыто провоцировать израильское руководство на военный конфликт со всем арабским миром.

В мае **1967 г.** с закрытия **Тиранского пролива**, через который Израиль имел выход к **Красному морю**, началась эскалация арабо-израильского конфликта. **5 июня 1967 г.**

Израиль начал превентивную войну против коалиции арабских стран — Египта, Сирии и Иордании, которая в **мае 1967 г.** тоже заключила с ОАР соглашение о совместной обороне и таким образом фактически примкнула к сирийско-египетскому союзу. Война началась с удара израильской авиации по базам египетских ВВС в дельте **Нила**. Израильтянам удалось спровоцировать обострение отношений Египта с США и Великобританией, которые в это время проводили совместные весенние маневры с участием **6-го флота США** и британских ВВС, дислоцированных на Кипре. Ударная группа израильской авиации на очень низкой высоте, вне зоны видимости египетской системы **ПВО**, вышла на траверз района британско-американских маневров, а затем набрала высоту, имитируя их начало, и атаковала египетские авиабазы в дельте **Нила**. Выведя их из строя, она возвратилась в Израиль, произвела дозаправку горючего и боеприпасов и осуществила второй и третий налеты. Внешне все это выглядело так, как будто израильские самолеты наносили удары «из-под прикрытия» американо-британских вооруженных сил. В результате этих ударов большая часть египетских ВВС была уничтожена на земле и египетская группировка, лишившись авиационного прикрытия, была быстро разгромлена. Та же участь вскоре постигла иорданскую и сирийскую армии.

Израильтянам удалось не только решить одну из главных военно-стратегических задач, но и достичь главной политической цели, поскольку введенное в заблуждение командование египетских **ПВО** информировало президента **Г.А. Насера** о том, что Египет был атакован британско-американской авиацией. В результате уже **7 июня 1967 г. Г.А. Насер** объявил о разрыве дипломатических отношений с США и Британией, обвинив их в агрессии против Египта.

Тем временем Израиль начал сухопутную войну на трех фронтах. На **египетском фронте** израильская армия вышла к **Суэцкому каналу** и заняла весь **Синайский полуостров**. На **иорданском фронте** она оккупировала западный берег реки **Иордан** вдоль всей границы с Иорданией и перешла в наступление на **сирийском фронте** в направлении на **Дамаск**. В этой ситуации **Совет Безопасности ООН** начал непрерывно обсуждать возникший военный конфликт и постоянно принимал резолюции о прекращении огня. Однако Израиль никак не реагировал на эти призывы и упорно продолжал наступать на **Дамаск**.

Катастрофическое положение арабских стран было спасено решительными действиями советского политического руководства, которое, разорвав дипломатические отношения с Израилем, заявило о своей готовности прийти на помощь Сирии в случае, если до **10 июня** наступление израильских войск не будет остановлено. Параллельно СССР выразил готовность оказать любую военную помощь Египту. В результате предпринятых шагов израильское наступление было остановлено, но **Июньская война 1967 г.**, получившая название **Шестидневной войны**, завершилась катастрофическим поражением арабских государств. Израиль захватил у Египта весь **Синайский полуостров** и сектор **Газы**, у Иордании — **Восточный Иерусалим** и территорию западного берега реки **Иордан**, у Сирии — **Голанские высоты**, с которых израильская авиация теперь могла беспрепятственно обстреливать **Дамаск**.

В **августе 1967 г.** в **Хартуме** на высшем уровне состоялась сессия совета **Лиги Арабских государств (ЛАГ)** для обсуждения сложившейся ситуации. **Г.А. Насер** и король Иордании **Хусейн** заявили о необходимости заключения мира с Израилем. Но король Саудовской Аравии **Фейсал**, который стал настаивать на продолже-

нии войны, подчеркивая, что его страна и другие нефтедобывающие государства Аравийского полуострова готовы взять на себя финансирование военных усилий «прифронтовых» с Израилем арабских государств.

Используя негативное отношение к Израилю в связи с его превентивным нападением на арабские страны, советская дипломатия развернула кампанию за ликвидацию последствий израильской агрессии. Особенно сложной для Израиля и поддерживавших его США была обстановка в **ООН**. В результате ожесточенных дискуссий в **ноябре 1967 г. Совет Безопасности ООН** принял **резолюцию № 242**, которая представляла собой так называемый «**британский компромисс**» между позициями СССР и США и содержала следующие положения: **1)** вывод израильских войск со всех оккупированных территорий, **2)** справедливое решение проблемы палестинских беженцев, **3)** прекращение войны между евреями и арабами, **4)** гарантии государственных границ стран региона со стороны великих держав и **5)** соблюдение свободы судоходства по всем водным путям.

Пункт о гарантиях существующих границ подразумевал признание факта существования самого государства Израиль, что до сих пор не признавалось всем арабским миром. Однако, несмотря на это обстоятельство правительства Египта и Иордании согласились с **резолюцией ООН**. Сирия отвергла эту резолюцию, а Израиль занял невнятную позицию, выдвинув ряд условий, связанных с обеспечением его безопасности и проведением прямых переговоров с арабскими странами о мире. Нежелание Израиля признать ооновскую резолюцию во многом объяснялось намерением премьер-министра **Леви Эшколя** реализовать вожделенный план создания «Великого Израиля» в границах исторической Палестины, то есть в гораздо более обширных пределах, чем те территориальные захваты, которые израильская армия произвела во время **Шестидневной войны**.

Обострение ситуации на Ближнем Востоке вызвало значительное беспокойство в СССР и США, поскольку обе великие державы не желали перерастания арабо-израильской войны в крупный международный конфликт. Именно по этой причине **Москва** и **Вашингтон** постоянно поддерживали диалог по линии «горячей связи» между президентом США **Л. Джонсоном** и председателем **Совета Министров СССР А.Н. Косыгиным**. При этом советская сторона смогла привлечь на свою сторону общественно-политическое мнение большинства арабских стран и почти половина всех арабских государств разорвали дипломатические отношения с США, а ряд из них предоставили советским военно-морским силам право захода в свои порты.

Однако после окончания **Шестидневной войны** ситуация в Ближневосточном регионе отнюдь не разрядилась, поскольку:

1) Резко обострилась проблема арабских беженцев с тех территорий исторической Палестины, которая была захвачена армией Израиля и где правительство **Л. Эшколя** начало создание незаконных еврейских поселений.

2) В связи с этим обстоятельством руководители палестинских организаций приняли решение начать тотальную диверсионно-террористическую войну против Израиля, которую возглавила **Организация освобождения Палестины (ООП)** во главе с новым лидером **Ясиром Арафатом**.

3) Активизация действий палестинских «боевиков» привело к расколу в лагере арабских государств и возникновению конфликта между **Иорданией, Сирией** и **ООП**, который активно поддерживали в **Тель-Авиве** и **Вашингтоне**. Благодаря

их поддержке лагеря палестинских беженцев были взяты под строгий контроль иорданской армией и ООП лишилась возможности вести боевые действия против Израиля с территории Иордании.

4) Сохранению фактического состояния войны между Египтом и Израилем, которые постоянно обменивались авиационными ударами. Однако вскоре израильская авиация захватила превосходство в воздухе и смогла беспрепятственно наносить удары по крупнейшим городам Египта. В этой ситуации **Г.А. Насер** обратился за помощью к СССР, который быстро поставил ему современные комплексы **ПВО** и направил в регион более **20 тыс. военнослужащих**. Одновременно **Каир** предоставил советским **Военно-Морским силам** право свободного захода в египетские порты **Александрию** и **Порт-Саид**, а также разрешил использовать советскими **Военно-Воздушными силами** ряд аэродромов на его территории. Комплекс этих мер резко изменил баланс сил в воздушном пространстве региона, израильская авиация понесла серьезные потери, и военное руководство Израиля вынуждено было отказаться от продолжения «воздушной войны».

Тем временем, в **сентябре 1970 г.** от острого сердечного приступа скончался президент **Гамаль Абдель Насер**, бывший убежденным союзником СССР. Новым президентом страны стал вице-президент **Анвар Садат**, который вскоре стал вести двойную игру. С одной стороны, он продолжил политику союза с **Москвой** и, стремясь завершить перевооружение египетской армии, в **мае 1971 г.** подписал новый **советско-египетский договор «О дружбе и сотрудничестве»** сроком на пятнадцать лет. Но с другой стороны, **А. Садат** резко активизировал свои контакты с **Вашингтоном**, и **весной 1972 г.**, идя на поводу американской стороны, выслал всех советских военных советников из страны и отказался от использования советских систем **ПВО**.

Однако эти шаги не привели к улучшению египетско-израильских отношений, поскольку новое израильское правительство во главе с **Голдой Меир** не собиралось идти на какой-либо компромисс. Более того, в **сентябре 1973 г.** в развитие своей наступательной доктрины оно обнародовало план освоения всех захваченных арабских территорий и строительства на них еврейских поселений. Это решение **Тель-Авива** перечеркнуло все надежды **А. Садата** на скорый компромисс с Израилем и в **Каире** приняли решение начать новую войну. Совершив стремительный визит в **Дамаск**, **А. Садат** согласовал план новой войны с президентом Сирии **Х. Асадом**, и в **начале октября 1973 г.** вооруженные силы Египта и Сирии внезапно атаковали Израиль.

Израиль не был готов к новой войне, и первоначально наступление арабских армий развивалось более чем успешно. В частности, египетские вооруженные силы смогли форсировать **Суэцкий канал** и стали теснить израильские войска вглубь **Синайского полуострова**. Однако вскоре, получив солидную военно-техническую помощь со стороны США, израильская армия, оправившись от шока, к **середине октября 1973 г.** смогла вернуть себе стратегическую инициативу и окружила группировку египетских войск на **Синайском полуострове**. В этой ситуации **А. Садат** обратился за помощью к СССР и в **Каир** с тайной миссией срочно прибыл премьер **А.Н. Косыгин**, который сообщил об увеличении военной помощи Египту и обещал через механизмы **ООН** добиться прекращения наступления израильских войск на позиции окруженной египетской армии. Кроме того, он убедил **А. Садата** согласиться на немедленное прекращение огня.

20 октября 1973 г. в **Москву** срочно прилетел госсекретарь США **Г. Киссинджер**, который в ходе переговоров с советским руководством согласовал текст новой резолюции **Совета Безопасности ООН № 338**, которая рекомендовала израильской и арабской сторонам немедленно прекратить огонь и сесть за стол переговоров. Однако Израиль проигнорировал эту резолюцию **СБ ООН** и тогда Советский Союз прибег к испытанному средству, приведя в состояние боевой готовности свои части **ВВС**. Одновременно по согласованию с **Москвой** президент **А. Садат** выступил с инициативой разместить в ближневосточном регионе контингенты советских и американских вооруженных сил.

В ответ на эти действия **Москвы** **Вашингтон** привел в состояние боевой готовности свои вооруженные силы, хотя конфликт с советской стороной из-за Израиля совершенно не входил в планы американской администрации. Поэтому **Вашингтон** в ультимативной форме потребовал от израильского правительства немедленного прекращения огня и завершения войны. Напор американских дипломатов был настолько силен, что **25 октября 1973 г.** боевые действия были прекращены, а **Совет Безопасности ООН** принял решение о размещении вдоль всей линии прекращения огня семитысячного контингента ооновских миротворцев.

В **декабре 1973 г.** в **Женеве** под эгидой **ООН** открылась международная конференция по ближневосточному урегулированию, в качестве сопредседателей которой выступили СССР и США. В ходе работы этой конференции удалось добиться принципиальной договоренности о разъединении вооруженных сил воюющих сторон и восстановления в регионе статус-кво.

В разгар **октябрьской войны 1973 г.** и в связи с ней произошло важное событие, которое вскоре приобрело общемировое значение. Десять арабских государств, входящих в **Организацию стран-экспортеров нефти (ОПЕК)** и объединенные в особую группу — **Организацию арабских стран-экспортеров нефти (ОАПЕК)**, приняли принципиальное решение о сокращении, а затем и прекращении всех поставок нефти в те страны, которые поддерживали Израиль. Одновременно они опубликовали список «недружественных государств», в который вошли США, Канада, Великобритания, Нидерланды, Япония и ряд других держав. При этом арабские государства потребовали от этих государств немедленно изменить свою политику в отношении событий на **Ближнем Востоке** и поддерживать «освободительную борьбу арабских народов» против израильской агрессии. Стремясь избежать риска введения эмбарго на импорт нефти из арабских стран, правительства Франция, ФРГ и Япония высказались в поддержку решений **ООН** и справедливой борьбы арабских народов за их исторические территории, захваченные Израилем в **1967 г.**

Действия арабских стран-экспортеров нефти спровоцировали **всемирный экономический кризис**. Страх перед нехваткой нефти, угроза прекращения ее поставок и резкий рост цен на нефть с **2 долл.** до **14 долл.** за баррель вызвали первый «**нефтяной шок**» и привели к тяжелейшему энергетическому кризису во многих буржуазных странах. Вместе с тем этот кризис дал мощный импульс скорейшему слому старой энергоемкой и ресурсоемкой модели промышленного производства и заставил правительства западных держав начать структурные экономические реформы и существенно увеличить вложения в разработку передовых технологий, способных резко сократить энергопотребление и ограничить рост зависимости их стран от импорта углеводородов.

3. События в Чехословакии и «доктрина социалистического интернационализма» (1968–1969)

К концу 1960-х гг. в активную общественную жизнь стало вливаться первое поколение молодежи, родившееся после войны, которое привнесло с собой в общественные отношения новые представления о смысле жизни, общественном устройстве и своем месте в отношениях с государством. Это было значительно более образованное поколение людей, меньше скованное традиционными моральными регуляторами и прежними представлениями о традиционных ценностях и общественной иерархии. Не чувствуя себя достаточно востребованной, не находя понимания со стороны государственной власти и не вписываясь в традиционный тип семейных отношений, часть молодежи находила выход своей активности в сфере активной политической борьбы, зачастую принимавшей крайне радикальные формы. Наиболее ярким проявлением этой борьбы стал беспрецедентный рост активности членов так называемых «красных бригад», воззрения которых носили характер причудливого сочетания идей М.А. Бакунина, Л.Д. Троцкого, Мао Цзэдуна и других видных теоретиков анархизма и коммунизма.

В наиболее бурной форме молодежные волнения проявились во Франции, ФРГ, Мексике, Бразилии, Японии и других странах, где в середине 1968 г. прокатилась мощная волна так называемых «студенческих революций» и возникло массовое движение «хиппи». Отношение советского руководства к революционным тенденциям 1960-х гг. носило двоякий характер. С одной стороны, Москва, внимательно следя за протестным движением в западных странах, прекрасно понимало, что оно подрывает империализм. Но с другой стороны, молодежные движения западных стран развивались независимо от СССР и были направлены против любых властных элит, любого государственного принуждения и ограничения суверенной свободы личности. Поэтому бесконтрольное проникновение протестных настроений в социалистический лагерь совершенно не отвечало интересам советской правящей элиты.

В середине 1960-х гг. в ряде социалистических стран, в частности в Венгрии, Польши и Чехословакии, стали проводиться осторожные эксперименты в экономической сфере, которые предусматривали частичное допущение в экономику этих стран отдельных элементов рыночных отношений. В частности, в 1966 г. в Венгрии под руководством лидера ВСРП Яноша Кадара была разработана экономическая реформа, которая легализовала мелкую частную собственность при сохранении прежнего курса на строительство социализма и полного контроля компартии над политическими институтами страны.

Успехи венгерской модернизации дали импульс аналогичным настроениям и в других странах социалистического лагеря. Так, в конце 1967 г. в Чехословакии развернулась острая критика политического курса президента страны и лидера КПЧ Антонина Новотного, руководившего страной почти пятнадцать лет. Одна из главных претензий к многолетнему лидеру партии и государства состояла в его неспособности примирить интересы чешской и словацкой партийно-государственных элит и нежелания создать равноправную федерацию двух славянских республик.

В январе 1968 г. после многомесячного Пленума ЦК КПЧ он был вынужден подать в отставку с поста Первого секретаря ЦК КПЧ и поделиться властью с пред-

ставителем словацкой партийной бюрократии **Александром Дубчеком**, который стал новым лидером компартии страны. В эйфории ожидания скорых перемен в стране развернулась широкая дискуссия о строительстве «социализма с человеческим лицом», которая быстро переросла в мощное общественно-политическое движение, вышедшее из-под контроля властей. На волне этих настроений, в **конце марта 1968 г. А. Навотный** подал в отставку и с поста президента страны и новым главой государства был избран бывший министр национальной обороны генерал армии **Людвиг Свобода**, который негласно поддержал реформаторское крыло партии во главе с **А. Дубчеком**.

Тем временем ситуация внутри **КПЧ** вызвала серьезную озабоченность у руководителей почти всех стран социалистического лагеря, которые в ходе **Дрезденской встречи**, состоявшейся в **марте 1968 г.**, долго «пытали» **А. Дубчека** о его истинных намерениях и критиковали за ревизионизм. Однако он всячески старался убедить **Л.И. Брежнева, В. Гомулку, Я. Кадара, В. Ульбрихта и Т. Живкова**, что речь идет лишь о придании социализму гораздо более привлекательного облика и не более того.

Между тем, вскоре оппозиционное движение стало приобретать гораздо более радикальные формы и его лидеры, в частности известные чешские писатели **Л. Вацулик и В. Гавел**, стали вести речь не об обновлении социализма, а о полном изменении государственного и общественного строя в стране. Отныне действия радикальной оппозиции объективно стали носить откровенно антисоветский характер, поскольку участие Чехословакии в **Варшавском договоре** она считала главными препятствиями для свободного развития страны. **Летом 1968 г.** события в **Праге** достигли кульминации, поскольку здесь стали проходить массовые антисоветские митинги и демонстрации, участники которых стали все более настойчиво требовать смены власти в стране.

Резкое обострение ситуации в столице вызвало новый раскол внутри **ЦК КПЧ**. Против «реформаторского крыла» партийно-государственной бюрократии, которое олицетворяли **А. Дубчек, Й. Смирковский, Ф. Кригель, О. Шик, З. Мльнарж, Ч. Цисарж и В. Славик** выступило «консервативное крыло» во главе **В. Биляком, А. Индрой, А. Костелянским, О. Кольдером и Й. Ленартом**. Чтобы как-то сгладить возникший конфликт и предотвратить дальнейшее развитие кризиса, в **начале мая 1968 г.** делегация **ЦК КПЧ** во главе с **А. Дубчеком** прибыла в **Москву** для переговоров с **Л.И. Брежневым, А.Н. Косыгиным и Н.В. Подгорным**. В ходе состоявшихся бесед чехословацкая делегация была подвергнута резкой критике за оппортунизм и вынуждена была дать обязательства по решительному пресечению всех антисоветских выступлений в стране. Однако ситуация в Чехословакии продолжала ухудшаться. Более того, в **конце июня 1968 г.** в популярной пражской газете «**Литерарни новины**» было опубликовано провокационное письмо «**Две тысячи слов**», сочиненное **Л. Вацуликом** и подписанное шестьюдесятью «интеллектуалами» страны. В этом письме, истинным вдохновителем которого был член Президиума **ЦК КПЧ Ф. Кригель**, под видом демократизации политического режима, фактически содержались призывы к отстранению от власти **КПЧ**, подмене и дезорганизации законных органов власти и отказу от курса на строительство социализма.

В этой критической ситуации в **середине июля 1968 г.** руководители пяти правящих коммунистических партий социалистических стран — **Л.И. Брежнев, В. Го-**

мулка, Я. Кадар, В. Ульбрихт и Т. Живков направили в адрес ЦК КПЧ коллективное послание, в котором призывали «чехословацких товарищей» решительно покончить со всеми либеральными поползновениями внутри партии, восстановить порядок в стране и не вносить раскол в единый социалистический лагерь и международное рабочее движение.

Однако этот призыв не возымел действия, и тогда советское руководство приняло последнюю попытку образумить «пражских реформаторов». В конце июля – начале августа 1968 г. в пограничном городе Чьерне-над-Тиссой состоялись трехдневные переговоры членов Политбюро ЦК КПСС Л.И. Брежнева, А.Н. Косыгина, Н.В. Подгорного, М.А. Суслова, А.Н. Шелепина и П.Е. Шелеста с членами Президиума ЦК КПЧ А. Дубчеком, А. Черником, Л. Свободой, Й. Смирковским, В. Биляком и О. Кольдером. Однако состоявшийся обмен мнениями лишь подтвердил несовместимость позиций в руководстве ЦК КПЧ между группировкой А. Дубчека и группировкой В. Биляка. После окончания встречи советское руководство окончательно убедилось в том, что решить чехословацкий вопрос можно только «хирургическим путем», поскольку все остальные способы решения проблемы были просто исчерпаны.

Формальным предлогом для военного вторжения в Чехословакию стали Братиславское совещание с рядом руководителей ЦК КПЧ и «Письмо пяти», в котором В. Биляк, О. Кольдер, А. Индра, А. Капек и С. Швестка призывали советских руководителей спасти их страну «от опасности неминуемой контрреволюции». Хотя, по информации ряда историков (Р. Пихоя), с просьбой о вводе войск к Л.И. Брежневу обращался и сам А. Дубчек, который к тому времени окончательно потерял контроль над ситуацией в партии и стране.

В середине августа 1968 г. руководители пяти стран-участниц Варшавского договора — СССР, Польши, Венгрии, Болгарии и ГДР приняли решение о коллективной «интервенции» в Чехословакию, и вскоре началась реализация плана «Дунай», основные параметры которого были разработаны еще в апреле 1968 г. под руководством главкома ОВС ОВД маршала Н.И. Якубовского. Перед началом этой операции министр обороны СССР маршал А.А. Гречко предупредил министра национальной обороны ЧССР генерал-полковника М. Дзура о недопустимости оказания сопротивления советским войскам, а советский посол в ЧССР С.В. Червоненко передал аналогичные требования президенту страны генералу армии Л. Свободе, который согласился со всеми доводами своего визави.

20 августа 1968 г. вооруженные силы ОВД в количестве 25 мотострелковых, танковых и воздушно-десантных дивизий под общим командованием главкома Сухопутных войск, заместителя министра обороны СССР генерала армии И.Г. Павловского вошли на территорию Чехословакии и, не встречая никакого сопротивления, к исходу следующего дня заняли все крупные города и стратегические объекты Чехословакии. В течение нескольких дней все немногочисленные очаги оппозиционных выступлений были подавлены и ситуация в Чехословакии была нормализована. 27 августа 1968 г. все руководство ЦК КПЧ, включая А. Дубчека, Л. Свободу, О. Черника и других, за исключением Ф. Кригеля, подписало так называемый Московский протокол, который в обмен на признание советской стороны решений январского Пленума ЦК КПЧ и сохранения власти в руках «пражских реформаторов», предусматривал размещение ограниченного

контингента советских войск — ЦГСВ (генерал-лейтенант **А.М. Майоров**) на территории Чехословакии.

Однако было совершенно очевидно, что достигнутый компромисс носит временный характер и вскоре внутри **ЦК КПЧ** начался новый виток борьбы за власть. Процесс освобождения партийно-государственного руководства от «правых уклонистов» занял почти целый год. Сначала, в **январе 1969 г.**, в отставку был отправлен председатель **Национального Собрания ЧССР Й. Смирковский**. Затем, в **апреле 1969 г.**, на очередном **Пленуме ЦК КПЧ** в отставку был отправлен **А. Дубчек** и новым **Первым секретарем ЦК КПЧ** был избран **Густав Гусак**, который в тот момент представлялся самой приемлемой и компромиссной фигурой для всех сторон. Наконец, в **январе 1970 г.** с поста председателя правительства был снят **О. Черник** и новым председателем **Совета Министров ЧССР** был назначен **Любомир Штроугал**.

Чехословацкий кризис, который в историографии часто именуют «**Пражской весной**», имел несколько важных международных последствий:

1) Во-первых, военную акцию пяти стран-участниц **ОВД** в отношении Чехословакии осудили и не поддержали правительства четырех социалистических стран — **КНР (Мао Цзэдун)**, **Албании (Э. Ходжа)**, **Югославии (И.Б. Тито)** и **Румынии (Н. Чаушеску)**, что еще более усилило раскол внутри стран социалистического лагеря, возникший после **XX съезда КПСС**. Кроме того, из состава **ОВД** вышла **Албания**, которая присоединилась к «**Движению неприсоединения**».

2) Во-вторых, военную акцию против Чехословакии осудили многие коммунистические партии во всем мире, в том числе самые многочисленные и влиятельные компартии **Франции (В. Роше)**, **Италии (Л. Лонго)** и **Испании (С. Каррильо)**, что внесло раскол и в международное коммунистическое и рабочее движение.

3) В-третьих, опасаясь дальнейшего нарастания идейных разногласий и противоречий в «стройных» рядах международного рабочего и коммунистического движения, в **конце 1968 г.** советское политическое руководство произвело вынужденную модернизацию известного марксистско-ленинского постулата о «пролетарском интернационализме» и представило его в обновленной форме так называемой **доктрины «социалистического интернационализма»**, получившей в западной политологии звучное название «**доктрина Брежнева**».

В трактовке советских идеологов социалистический интернационализм преподносился как учение об общности коренных классовых интересов и исторических судеб всех социалистических государств. Исходя из этого тезиса, теоретики **КПСС** делали вывод о необходимости строить отношения между соцстранами на основании **принципа «социалистической солидарности»**, которая предполагала взаимное оказание «братской помощи», в том числе военной, в интересах всемерной защиты интернациональных интересов всех социалистических стран при возникновении любых угроз «делу мира и социализма».

4) В-четвертых, события в Чехословакии имели серьезные последствия и для развития внутрисоциалистической ситуации в самих странах социалистического лагеря, поскольку подавление чехословацкой оппозиции дало повод консервативным силам внутри самих правящих коммунистических партиях начать наступление на позиции более либеральной части коммунистической элиты своих стран, выступавшей с позиций «ревизионизма».

4. Война США во Вьетнаме (1965–1973) и ее международные последствия

Несмотря на тенденции к примирению между СССР и США на глобальном уровне, международная периферия оставалась ареной их скрытого противоборства. В **середине 1960-х гг.** одной из самых «горячих точек» на планете вновь стала Юго-Восточная Азия. Источником разрушительных импульсов в Индокитае было положение в Южном Вьетнаме, где правил режим **Нго Дин Дьема**. Учитывая его неспособность найти взаимопонимание со всеми умеренными слоями общества, американская администрация санкционировала контакты своих агентов в **Сайгоне** с группой здешних военных заговорщиков, силами которых в **ноябре 1963 г.** был осуществлен государственный переворот, в ходе которого **Нго Дин Дьем** был убит.

Однако уже в **декабре 1963 г.** американская администрация пришла к неутешительному выводу о том, что новое южновьетнамское правительство генерала **Зыонг Ван Миня** так же не в состоянии контролировать ситуацию в стране, и в **январе 1964 г.** в **Сайгоне** произошел очередной государственный переворот. Однако и новое правительство **Нгуен Кхань** не обеспечило порядка в стране. Более того, возникла реальная угроза победы сторонников **Фронта Национального Освобождения (ФНО)**, что, по мнению американских аналитиков, было равнозначно победе местных коммунистов. Руководство Демократической Республики Вьетнам (ДРВ) во главе с **Хо Ши Мином** тоже было настроено расширить помощь **ФНО**, но при ограниченных ресурсах **Ханой** стремился опереться на поддержку из-за рубежа. Однако в планы **Москвы** совершенно не входило обострение отношений с **Вашингтоном** из-за Вьетнама и в вопросах продолжения революционной войны реальным союзником **Хо Ши Мина** мог быть только **Пекин**.

Тем временем ситуация в Индокитае резко изменилась, поскольку в **августе 1964 г.** два американских миноносца, находящихся в **Тонкинском заливе**, войдя в территориальные воды Северного Вьетнама, спровоцировали атаку вьетнамских катеров на них. Используя этот вооруженный инцидент, администрация нового президента США **Линдона Джонсона** обратилась в **Конгресс США** с просьбой применить «ограниченную силу для защиты американских военнослужащих во Вьетнаме» и вскоре получила добро на это предложение.

Между тем, в **октябре 1964 г.** к власти в **Москве** пришел новый правящий «дуумвират» в составе **Л.И. Брежнева — А.Н. Косыгина**, в котором именно глава правительства первоначально стал главной фигурой в формировании советского внешнеполитического курса. Новое руководство изменило прежнюю политику в отношении Вьетнама и с **февраля 1965 г.** **Москва** стала оказывать ДРВ массированную военную помощь.

Одновременно, в **феврале 1965 г.**, после того как на базы американских **ВВС** в Южном Вьетнаме стали нападать южновьетнамские партизаны, пользовавшиеся поддержкой ДРВ, администрация президента **Л. Джонсона** на основании «**тонкинской резолюции**» приняла решение «в целях защиты американских военнослужащих во Вьетнаме» начать боевые действия, как против южновьетнамских партизан, так и против армии ДРВ. Сначала начались массированные американские бомбардировки территории Северного Вьетнама, а затем в Южный Вьетнам были направлены американские сухопутные части, численность которых к **концу 1965 г.**

достигла **150 тыс. человек**. Администрация президента **Л. Джонсона** очень боялась быть обвиненной в «потере Вьетнама» и подобно президенту **Д. Эйзенхауэру** стала рассматривать вьетнамский вопрос в контексте **доктрины «домино»** и, таким образом, Вьетнам стал очередной сферой противостояния СССР и США.

Тем временем **Москва**, оказывая всемерную помощь правительству **Хо Ши Мина**, одновременно не только воздерживалась от угрожающих заявлений в адрес **Вашингтона**, но чрезвычайно активно вела диалог с США по широкому кругу международных проблем, прежде всего, вопросам контроля над вооружениями и нормализации обстановки в Европе. Таким образом, советско-американские противоречия с глобального уровня «сжались» до уровня азиатской периферии, где они были менее опасны и не угрожали «большой войной». Это была политика, которая точно соответствовала духу «гибкого реагирования».

Однако США несли во Вьетнаме настолько большие людские потери, что американская администрация впервые со времен **Гражданской войны (1861–1865)** добилась введения всеобщей воинской повинности, что привело к возникновению массовых антивоенных протестов. Между тем, в **ноябре 1968 г.** предстояли новые президентские выборы, и демократическая партия могла потерять на них много «протестных» голосов. Поэтому президент **Л. Джонсон** стал модифицировать свою политику в Азии и искать способ урегулирования конфликта с Вьетнамом. Причем, поскольку в **Вашингтоне** были уверены, что за вьетнамскими коммунистами стоят **КПК** и **КПСС**, то было признано необходимым прорабатывать вопрос и о примирении с **Ханоем**, и о нормализации отношений с **Пекином** и **Москвой**.

Тем временем **Вьетнамская война**, начавшаяся как относительно частная военная операция по обеспечению защиты американских военных баз в Южном Вьетнаме от южновьетнамских партизан и их северовьетнамских союзников, к **1968 г.** переросла в широкомасштабную войну, в которой принимало участие более **520 тыс. американских военнослужащих**. При этом партизанский характер войны в джунглях и городах не позволял американским силам использовать свои преимущества в боевой выучке и технической оснащенности. Попытки США принудить коммунистические формирования к капитуляции бомбардировками их баз на территории Южного Вьетнама, а также регулярными налетами на военные и промышленные объекты в ДРВ не давали желаемого результата. Война приобрела затяжной характер, и потери американской стороны стали расти в геометрической прогрессии.

В результате этих событий внутри американской администрации произошел раскол и в **феврале 1968 г.** в отставку был отправлен министр обороны США **Р. Макнамара**, считавшийся главным инициатором этой войны. Новый руководитель **Пентагона К. Клиффорд**, хотя и старались проявлять показную твердость, достаточно скептически оценивали возможность достижения победы в этой войне. Тем временем отношение к войне вызвало размежевание в высшем руководстве демократической партии, что ставило под вопрос выдвижение **Л. Джонсона** кандидатом от демократов на второй срок.

В **начале марта 1968 г.** на праймериз, т.е. предварительном выдвижении кандидата от демократической партии, победу одержал сенатор **Ю. Маккарти**, выступавший под антивоенными лозунгами. Затем, в **середине марта** о своем вступлении в предвыборную гонку заявил сенатор **Р. Кеннеди**, брат убитого президента и один из самых популярных американских политиков, который также выступил с резкой

критикой **Вьетнамской войны** и всей внешней политики действующего президента. В такой обстановке в **конце марта 1968 г.** президент **Л. Джонсон** в своем обращении к нации заявил об изменении политики во вьетнамском вопросе и официально отклонил требования военных об увеличении численности американского контингента войск во Вьетнаме.

Вскоре США прекратили бомбардировки Северного Вьетнама, а в **мае 1968 г.** в **Париже** начались американо-вьетнамские переговоры, но это не спасло демократов от поражения на президентских выборах, победу на которых одержал кандидат республиканской партии **Ричард Никсон**. Новый американский президент пришел к власти на волне массовых антивоенных настроений, учитывая которые он обещал избирателям вывести американские войска из Юго-Восточной Азии и прекратить войну. С **мая 1969 г.** в **Париже** стали интенсивно проводиться консультации США и ДРВ относительно вывода американских войск, а в **июне** президент **Р. Никсон**, выступая перед военнослужащими американской военной базы на острове **Гуам**, огласил новую доктрину американской политики в азиатском регионе, в основу которой был положен принцип «вьетнамизации» этой войны, что означало перенос основного бремени ведения боевых действий с американских экспедиционных войск на армию правительства Южного Вьетнама.

«**Гуамская доктрина**» **Р. Никсона** означала, что США больше не будут защищать союзные им азиатские режимы силами американской армии. Теперь азиатские союзники США должны были защищаться собственными силами, а **Вашингтон** гарантировал им свой «ядерный зонтик» и был готов оказывать авиационную и военно-морскую поддержку. Новый подход предусматривал сокращение числа стационарных американских баз во всем мире и расширение сети подвижных баз, т.е. подводных лодок и морской авиации. Во всем, что выходило за рамки безопасности Австралии, Новой Зеландии, Японии, Южной Кореи, Тайваня, Таиланда и Филиппин, американская администрация была склонна искать взаимопонимания с **Москвой** на базе нейтрализации соответствующих районов.

По мнению историков (**Ф. Дэвидсон, А. Богатуров, В. Аверков**), в **начале 1970-х гг.** СССР и Китай фактически скрыто конкурировали между собой за право помочь Соединенным Штатам прийти к компромиссу с Вьетнамом. Но поскольку недоверие руководства ДРВ к **Пекину** было выше, то **Ханой** был более отзывчив к рекомендациям **Москвы**, и советско-американское взаимодействие по вьетнамскому вопросу было более успешным, чем американо-китайское. СССР оказывал успешное давление на ДРВ с целью умерить ее требования и ускорить разрешение конфликта на условиях, которые, с одной стороны, гарантировали бы победу Вьетнама, а с другой, позволили бы США найти «достойный» выход из войны и сохранить «свое лицо».

Главным препятствием для прекращения этой войны был вопрос о «выживаемости» южновьетнамского режима, который держался исключительно благодаря военной поддержке **Вашингтона**, и был совершенно не способен обрести поддержку внутри самого южновьетнамского общества. К **январю 1973 г.** американской стороне удалось достигнуть взаимопонимания, как официального, с ДРВ и ФНО, так и полуофициального, — с СССР и КНР относительно условий компромисса. США согласились начать вывод своих войск и завершить его в кратчайшие сроки, ДРВ обязалась воздерживаться от вооруженного вмешательства в южновьетнамские дела, а КНР и СССР обещали сократить помощь ДРВ, чтобы таким образом огра-

ничить ее возможности силой влиять на ситуацию в Южном Вьетнаме. С большим трудом американской администрации удалось убедить правительство в **Сайгоне**, которое чувствовало себя брошенным на произвол судьбы, принять такую схему, фактически не получив взамен гарантий от ДРВ и южновьетнамских партизан. В конце января 1973 г. в **Париже** представителями США, ДРВ, Южного Вьетнама и южновьетнамских коммунистов было подписано **Четырехстороннее соглашение о прекращении войны**.

К **марту 1973 г.** американские войска покинули вьетнамскую территорию, но уже в **конце 1973 г.** в Южном Вьетнаме после безуспешных переговоров об урегулировании конфликта возобновились боевые действия между сайгонским правительством и коммунистами. Хотя перевес в технике и вооружениях был на стороне **Сайгона**, проамериканский режим **Нгуен Ван Тхьеу** терял опору в обществе, и его шансы сохранить власть уменьшались с каждым днем. **Весной 1975 г.** в ходе широкомасштабного наступления северовьетнамской армии, общее руководство которой осуществлял начальник Генерального штаба генерал **Ван Тиен Зунг**, **Сайгон** был взят и южновьетнамский режим ликвидирован. А в **июле 1976 г.** был объявлено о создании единой Социалистической Республики Вьетнам, первым президентом которой стал **Тон Дык Тханг**.

5. Советско-китайский конфликт в 1960-х гг.

Между СССР и Китаем существовало несколько групп противоречий, связанных, прежде всего, с нежеланием китайского руководства играть роль младшего партнера внутри социалистического лагеря и на международной арене. Особенно эти претензии возросли после смерти **И.В. Сталина** и раскола мирового коммунистического движения, который возник вскоре после окончания **XX съезда КПСС**, решения которого были расценены в **Пекине** как победа «ревизионистов» в советском руководстве. Кроме того, китайское руководство убедилось в невозможности сотрудничества с СССР и в деле создания «единого антиимпериалистического фронта».

Последняя попытка **ЦК КПК** вернуться к сотрудничеству с СССР на антиамериканской почве была предпринята во время визита в **Москву** премьера **Госсовета КНР Чжоу Эньлая** в **октябре 1964 г.**, сразу после отставки **Н.С. Хрущева**. Однако, поскольку новое советское руководство после **Карибского кризиса**, намеревалось продолжить курс на избежание возможной ядерной войны с США, китайский зондаж закончился провалом. Убедившись в невозможности привлечь на сторону «китайской революции» новых советских вождей, лидеры КНР встали на путь одновременного противостояния с **Москвой** и **Вашингтоном**, а выдвинутая **Мао Цзедун** «теория трех миров», давала программное обоснование новой политики **Пекина**.

В **1966 г.** в Китае началась печально знаменитая «**культурная пролетарская революция**», в период которой напряженность в отношениях с СССР достигла наивысшей точки. Опасность ситуации была настолько очевидна, что трезвомыслящая часть китайского руководства, прежде всего **Чжоу Эньлай**, пыталась привлечь внимание **Мао Цзедуна** к необходимости пересмотреть свой прежний курс на одновременное противостояние с США и СССР. При этом сам **Чжоу Эньлай** склонялся к примирению с США, хотя ряд высших руководителей страны, в частности очень влиятельный министр обороны и единственный заместитель председателя

КПК маршал **Линь Бяо** выступали категорически против каких-либо контактов с американской стороной. При этом надо заметить, что сторонники сближения с США взяли на вооружение вполне банальный тезис о существовании «советской военной угрозы» и стали всячески манипулировать им.

Фактические отношения между **КПСС** и **КПК** были окончательно разорваны в **марте 1966 г.**, когда **Мао Цзедун** проигнорировал приглашение советской стороны для участия в работе **XXIII съезда КПСС**. При этом довольно грубая идеологическая полемика между двумя партиями сочеталась с резким ухудшением отношений и на межгосударственном уровне. В частности, китайская партийная печать и руководители **КНР** продолжали всячески оспаривать законность **русско-китайских пограничных договоров 1858 и 1860 гг.**, открыто требуя передачи **КНР** части территорий **СССР**. Более того, в **январе 1967 г.** китайские власти организовали круговую осаду советского посольства в **Пекине** отрядами китайской «революционной молодежи» — цзаофаней, которая продолжалась более двух недель. Тогда же начались первые инциденты на границе двух стран. Пытаясь как-то воздействовать на китайское руководство, советская сторона провела на территории **Дальневосточного Военного округа** крупномасштабные военные учения, которые возглавил его командующий генерал-полковник **И.Г. Павловский**, но они не произвели желаемый эффект.

Тем временем особую остроту в противостояние держав приобрел вопрос о границе по рекам **Амур** и **Уссури**, которые имели статус пограничных артерий, поскольку они разделяли на довольно протяженном участке территории двух государств. В соответствии с русско-китайскими договорами, заключенными при **Александре II**, граница была проведена не по середине главного фарватера, а по той их стороне, которая непосредственно признавалась китайской границей. **Пекин** открыто требовал изменения линии границы по пограничным рекам и приведения ее в соответствие с мировым стандартом, а при такой постановке вопроса «спорными» становились около **600 речных островов**.

С **середины 1967 г.** советские пограничники стали патрулировать не только речные острова, но и китайские берега рек **Амур** и **Уссури** на том основании, что линия границы юридически проходила не по рекам, а по их берегам на китайской стороне. Это вызвало резкий протест китайской стороны, и вскоре китайские вооруженные силы стали регулярно нарушать пограничный режим на разных участках государственной границы. В **марте 1969 г.** эти провокации вылились в открытый военный конфликт советских пограничников и китайских армейских частей, который произошел на острове **Даманском** на реке **Уссури**. Ситуация на острове приняла настолько опасный характер, что новый командующий **ДВО** генерал-полковник **О.А. Лосик**, нарушив указание **Политбюро ЦК** не вовлекать в пограничный конфликт советские вооруженные силы, отдал приказ открыть огонь по китайским позициям из секретных установок реактивного залпового огня «**Град**». Этот мощный удар произвел такое ошеломляющее впечатление на противника, что все провокации на советской границе были тут же прекращены.

По информации ряда современных авторов (**А. Мусалов, В. Бубенин, С. Лавринов, И. Попов**), в **августе 1969 г.** западные спецслужбы обратили внимание на то, что стали поступать различного рода сигналы, указывавшие на готовность советской стороны нанести упреждающий удар по ядерным объектам **КНР**. В частности, из американских разведывательных данных стало известно, что на территорию **ДВО**

были срочно переброшены значительные силы советских **ВВС** и советская военная авиация активно отрабатывает нанесение мощных бомбовых ударов по наземным объектам предполагаемого противника. Одновременно было зафиксировано, что ряд советских дипломатов в неофициальном порядке стали зондировать вопрос о возможной реакции США в случае советской превентивной акции против ядерных объектов КНР — так называемой «**ядерной кастрации**». В этой связи директор **ЦРУ Р. Хелмс** устроил брифинг, на котором сообщил об имеющихся разведывательных данных, а затем аналогичную пресс-конференцию провел заместитель госсекретаря США **Э. Ричардсон**, который заявил, что его страна «глубоко озабочена тем, что эскалация советско-китайской ссоры наносит массированный ущерб международному миру и безопасности».

Реакция США в целом отрезвляюще подействовала на обе стороны конфликта, и первый шаг к ослаблению напряженности сделал Советский Союз. В **начале сентября 1969 г.** на обратном пути из **Ханоя**, где состоялись похороны первого президента Демократической Республики Вьетнам **Хо Ши Мина**, советская партийно-государственная делегация приземлилась в пекинском аэропорту, где состоялась многочасовая встреча главы советской делегации **А.Н. Косыгина** с премьером **Госсовета КНР Чжоу Эньлаем**. В ходе состоявшейся беседы была достигнута важная договоренность о возобновлении советско-китайских переговоров по пограничным вопросам, которые были прерваны в **1964 г.** И хотя советско-китайские отношения по-прежнему остались достаточно враждебными, кульминация противостояния двух стран была, к счастью, пройдена.

Между тем, в **июле 1971 г.** советник по национальной безопасности президента США **Г. Киссинджер** совершил тайный рабочий визит в **Пекин**, в ходе которого согласовал с китайским руководством основные условия предстоящей нормализации американо-китайских отношений. Затем, в **феврале 1972 г.**, в **Пекин** с официальным визитом прибыл президент США **Ричард Никсон**, который провел очень плодотворные переговоры с высшими китайским руководством, включая престарелого **Мао Цзэдуна**. Основные условия американо-китайской нормализации были закреплены в знаменитом **Шанхайском коммюнике**, в котором обе державы отказались от попыток установить свою гегемонию в Восточной Азии и договорились выступить единым фронтом против попыток любой другой державы установить такую гегемонию в этом регионе. Иными словами, **Вашингтон** подтвердили намерение поддержать КНР в случае нарастания угрозы со стороны СССР, а **Пекин** обещал продолжить свою стратегическую линию на дальнейший отход от **Москвы**. Таким образом, речь шла об отказе Соединенных Штатов от прежней доктрины «**двойного сдерживания**» СССР и КНР в пользу сдерживания только одного Советского Союза, в том числе путем параллельных политических акций с коммунистическим Китаем.

6. Советско-американские отношения в первой половине 1970-х гг.

В **феврале 1971 г.** в традиционном радиообращении к нации президент США **Р. Никсон** впервые заявил о том, что ни одна из двух мировых держав не имеет явных преимуществ в ядерной сфере, что по существу стало первым примером открытого признания высшим руководством США того, что позднее стало называться «**стратегическим паритетом**». Между тем, «**стратегический паритет**» не означал равен-

ства количественных показателей военного потенциала двух сверхдержав, он был не только напрямую связан с доктриной «взаимно гарантированного уничтожения», но и вытекал из нее. Этот паритет подразумевал соотношение сил в стратегической сфере, при котором военные потенциалы двух стран гарантировали каждой из них способность к нанесению настолько мощного ответного удара, что ущерб от него заведомо превышал мыслимые выигрыши, на которые могла рассчитывать противная сторона, решившаяся нанести первый или упреждающий удар. Такую способность каждая из сторон могла сохранять, совершенно не обладая численным превосходством над соперником по единицам боевой техники, пусковых систем и ядерных боезарядов. Главное, чтобы имеющиеся у нее наступательные средства было невозможно уничтожить одним ядерным ударом, и чтобы сохранившихся сил было достаточно для нанесения противнику неприемлемого ущерба, что подразумевало тогда уничтожение **25%** населения и **70%** промышленного потенциала страны.

Признание паритета означало, что ни при каких обстоятельствах сверхдержавы не смогут гарантированно уберечь себя от удара главного гипотетического противника. Значит, гарантией безопасности каждой стороны становилась ее фактическая уязвимость перед возможным ударом противника и, наоборот. Следовательно, приходилось смириться с этой взаимной уязвимостью сторон и отказаться от любых иных попыток решения этой проблемы, минуя переговорный процесс и поддержание режима военно-политической стабильности во всем мире. Кроме того, становилось очевидным, что к нарушению мировой стабильности могли привести не только резкий отрыв одной из сторон в области наращивания потенциала наступательного удара, но и создание одной из сторон высоконадежных оборонительных систем, способных существенно уменьшить ее уязвимость перед лицом гипотетического удара противника. Отсюда следовала и вся переговорная логика, что необходимо добиваться одновременных соглашений по ограничению наступательных и оборонительных систем вооружений.

Нормализация американо-китайских отношений, которая началась сразу после прихода к власти новой республиканской администрации во главе с президентом **Р. Никсоном**, произвела сильное впечатление на все страны мира, включая Советский Союз. В **Москве** не было сомнений в том, что **Вашингтон** будут вести традиционную игру в «**баланс сил**», пытаясь противопоставить американо-китайские отношения американо-советским, пугая обе крупнейшие социалистические страны перспективой «союза» **Вашингтона** то с **Москвой**, то с **Пекином**. Главным творцом новой американской внешней политики в администрации **Р. Никсона** стал помощник президента по национальной безопасности **Генри Киссинджер**.

С точки зрения логики «равновесия», американский «рывок» или «прорыв» на китайском направлении следовало компенсировать соразмерным успехом на советском направлении — иначе в системе международных отношений США могли возникнуть перекося в сторону КНР и вспышка отчуждения в отношениях с СССР и, как результат этого — общий рост нестабильности во всем мире. Последнее было крайне невыгодно **Вашингтону**, который стремился к завершению **Вьетнамской войны (1965–1973)** и нуждался в одновременной поддержке **Москвы** и **Пекина** в этом вопросе.

В **сентябре 1971 г.** в **Вашингтоне** было подписано бессрочное советско-американское соглашение о мерах по уменьшению опасности возникновения ядерной

войны между СССР и США. В соответствии с ним обе стороны обязались сразу информировать друг друга обо всех случаях «несанкционированного, случайного или иного необъяснимого инцидента, связанного с возможным взрывом ядерного оружия», а также принимать меры для предотвращения случайного или несанкционированного применения ядерного оружия, находящегося под контролем каждой стороны. Это соглашение регламентировало и ряд важных технических и организационных аспектов взаимодействия СССР и США в случае возникновения опасных ситуаций во избежание конфликта между ними. Это был первый документ после **Карибского кризиса 1962 г.**, в котором фиксировались правила поведения сторон в случае возникновения «ядерной тревоги».

В мае 1972 г. состоялся официальный визит президента США **Р. Никсона** в Москву, ставший первым в истории визитом высшего американского руководителя в Советский Союз. В результате очень плодотворных переговоров, проведенных с **Л.И. Брежневым, А.Н. Косыгиным, А.А. Громыко** и другими советскими руководителями удалось заключить целый ряд важных соглашений военно-стратегического и общеполитического характера. Прежде всего, были подписаны первые документы, ставшие результатом компромиссов, достигнутых в рамках переговоров по **ограничению стратегических вооружений**, получивших сокращенное название **ОСВ**. В рамках этих переговоров, имевших многоступенчатый и длительный характер, были подписаны целые пакеты советско-американских договоров, которые условно подразделяют на «ОСВ-1» и «ОСВ-2».

К визиту **Р. Никсона** в Москву относятся договоренности серии «ОСВ-1», а именно «Договор об ограничении систем противоракетной обороны» (ПРО) и «Временное соглашение о мерах в области ограничения стратегических наступательных вооружений», подписанные в мае 1972 г.

1) **Договор ПРО**, который просуществовал почти тридцать лет, был призван предупредить гонку вооружений в области создания систем обороны против взаимных ракетно-ядерных ударов. Эти новые системы, которые разрабатывались и в Советском Союзе, и в Соединенных Штатах, были достаточно дорогостоящими и, по заключениям экспертов, не вполне надежными. Они представляли собой оборонительные комплексы, состоящие из так называемых «противоракет», т.е. **ракет-перехватчиков**, способных уничтожать приближающиеся ракеты противника до того момента, как те смогут нанести ущерб обороняющейся стороне. СССР и США договорились о том, что каждой стороне будет разрешено создать по два комплекса таких «противоракет» и поставить под их защиту по два района по выбору — вокруг столиц и в районе расположения шахтных пусковых установок — баз МБР. При этом обе стороны обязались не создавать общенациональных **Противоракетных систем (ПРО)**, то есть покрывающих всю территорию страны. Договором также запрещалось создавать, испытывать и развертывать системы или компоненты систем ПРО морского, воздушного, космического и мобильно-наземного базирования. Подписанный договор был бессрочным, но из него можно выйти, уведомив об этом за шесть месяцев до дня предполагаемого выхода из него, чем собственно и воспользовалась американская сторона в **2001 г.**

Во время второго визита президента **Р. Никсона** в Москву в июне 1974 г. специальным советско-американским протоколом число районов, разрешенных для размещения систем ПРО, было сокращено с четырех до двух — по одному для

каждой стороны. При этом было установлено, что Советский Союз разместит свою систему ПРО в районе **Москвы**, а США — в **Гранд-Форкс** — районе основной базы пусковых установок МБР.

2) Вторым элементом договоренностей серии «ОСВ-1» было **«Временное соглашение о мерах в области ограничения стратегических наступательных вооружений»**, которое содержало количественные ограничения развертывания наступательных вооружений. СССР получил право иметь **1600** единиц МБР наземного и морского базирования, а США — **1054** единиц МБР аналогичного базирования. Формально СССР получил право на большее число ракет, но советские межконтинентальные ракеты в тот период имели всего одну боеголовку, а американские — уже имели разделяющиеся головные части, поскольку одна ракета могла нести несколько боеголовок, каждая из которых была способна к индивидуальному наведению на цель. Сверх этого лимита стороны обязались в течение пяти лет не увеличивать число стационарных пусковых установок МБР наземного базирования и пусковых установок баллистических ракет подводных лодок (БРПЛ).

Вместе с тем договоренности серии «ОСВ-1» не касались таких важных видов наступательных вооружений, как бомбардировщики дальнего радиуса действия, по числу которых США имели трехкратное преимущество над СССР. Кроме того, соглашения не регламентировали численность разделяющихся головных частей (РГЧ), что позволяло увеличивать разрушительную мощность МБР за счет размещения на них разделяющихся боеголовок вместо обычных, оставаясь формально в лимитах соглашений 1972 г.

Во время визита **Р. Никсона** в **Москву** в мае 1972 г. был также подписан еще один важный документ — **«Основы взаимоотношений между СССР и США»**, в котором содержалось **12 принципов**, которыми намеревались руководствоваться оба государства во взаимоотношениях друг с другом. Они образовывали своего рода кодекс их взаимного поведения — во всяком случае, в условиях так называемой **«разрядки»**. 1) Основной базой советско-американских отношений признавались **принципы мирного сосуществования**, а имеющиеся между двумя странами различия в идеологии и социальных системах не рассматривались как препятствия для развития нормальных отношений на принципах равенства, невмешательства во внутренние дела, суверенитета и взаимной выгоды. 2) Еще более знаменательным было обязательство сторон в своих взаимоотношениях **избегать любой конфронтации**, стремиться к предотвращению ядерной войны и не пытаться прямо или косвенно приобрести односторонние преимущества за счет другой стороны. 3) В области безопасности США и СССР согласились исходить из принципов **признания интересов безопасности** каждой стороны и равенства этих интересов, а также отказа от применения силы и угрозы ее применения.

В концептуальном отношении **«Основы взаимоотношений СССР и США»** были важнейшим документом, так как американская сторона впервые официально согласилась с советской **доктриной мирного сосуществования**, положительная оценка которой впервые прозвучала из уст **Г. Киссинджера**.

К тому же приезд **Р. Никсона** в СССР заложил традицию регулярных встреч высших руководителей двух держав, которая была продолжена в **июне 1973 г.** ответным визитом **Л.И. Брежнева** в США. Затем, **летом 1974 г.**, **Р. Никсон** повторно приезжал в **Москву**, а в **декабре 1974 г.** во **Владивостоке** состоялась очередная встреча

Л.И. Брежнев и нового президента США **Джеральда Форда**, который сменил на этом посту **Р. Никсона**, подавшего в отставку из-за угрозы объявления импичмента. В ходе этих встреч было подписано еще несколько важных соглашений между двумя странами. В частности, в **июне 1973 г.** в **Вашингтоне** во время визита **Л.И. Брежнева** в США было подписано бессрочное «**Соглашение о предотвращении ядерной войны**». По своему названию оно несколько напоминало прежнее советско-американское соглашение **сентября 1971 г.**, однако: **1) Соглашение 1973 г.** по смыслу было более широким, поскольку оно касалось предотвращения риска случайной войны не только между СССР и США, но и возможного конфликта любой из них с третьей страной. В соответствии с договоренностью, срочные советско-американские консультации следовало проводить, как в случае угрозы ядерного столкновения между СССР и США, так и в ситуации, когда одна из этих держав окажется перед опасностью ядерного конфликта с другой ядерной страной, в частности с Китаем. **2) Соглашение 1971 г.** было скорее чисто прикладным, поскольку оно регламентировало правила поведения двух стран в опасных и «необъяснимых» ситуациях. А **Соглашение 1973 г.** было концептуальным, поскольку оно ориентировало обе стороны на сотрудничество в деле предупреждения ядерной войны и нацеливало их на уменьшение риска любого ядерного конфликта с участием одной или обеих сверхдержав. В случае же возникновения подобного риска Советский Союз и Соединенные Штаты согласились незамедлительно вступить в консультации и предпринять меры по его нейтрализации.

Тогда же, в **июне 1973 г.**, **Л.И. Брежнев** и **Р. Никсон** полностью согласовали «**Основные принципы переговоров о дальнейшем ограничении стратегических наступательных вооружений**». В соответствии с достигнутой договоренностью в повестку дня советско-американских переговоров впервые были включены вопросы о бомбардировочной авиации и разделяющихся головных частях (**РГЧ**), а также согласована схема подготовки соглашений в рамках переговорного процесса **ОСВ**. В развитие достигнутых договоренностей уже в **конце октября 1973 г.** в **Вене** начались переговоры стран **НАТО** и **ОВД** о взаимном сокращении вооруженных сил и вооружений в Европе.

7. Нормализация дипломатических отношений СССР с Японией

К **осени 1973 г.** под влиянием первого «**нефтяного шока**» японское правительство резко повысило активность своей внешней политики, стремясь уменьшить прежнюю зависимость от внешнеполитического курса США, который так сильно скомпрометировал Японию в глазах арабских стран-производителей нефти. Пойдя на улучшение отношений с **Вашингтоном**, **Токио** одновременно вынужден был провозгласить курс на проведение «многополюсной дипломатии», которая предполагала развитие отношений сотрудничества не только с США, но и с другими соседями по региону, прежде всего, **КНР** и СССР. В частности, японские политические круги, добившись переговорным путем передачи их стране **Окинавы**, оккупированной американскими войсками, надеялись на то, что они смогут аналогичным путем убедить **Москву** пойти на уступки в территориальном вопросе, переговоры по которому были прерваны в **1960 г.**

В **начале октября 1973 г.** премьер-министр Японии **К. Танака** прибыл с официальным визитом в **Москву**, где провел ряд переговоров с **Л.И. Брежневым**

и **А.Н. Косыгиным** об окончательной нормализации советско-японских отношений. Основная задача японской правительственной делегации состояла в том, чтобы вернуться к условиям **Совместной декларации 1956 г.**, предусматривавшей заключение мирного договора и передачу **Токио** двух островов южной части **Курильской гряды**. Попытаясь заинтересовать советское руководство перспективой улучшения межгосударственных отношений, правительство **К. Танака** предложило **Москве** помощь в виде льготных кредитов для освоения сырьевых ресурсов Дальнего Востока и Сибири. В частности, в ходе состоявшихся переговоров обсуждались проект совместной эксплуатации тюменских нефтяных месторождений с последующей поставкой нефти в Японию по нефтепроводу, который планировалось построить за счет кредитов японской стороны. Однако все предложения **К. Танака** о возобновлении диалога по территориальному вопросу были решительно отклонены.

По итогам переговоров в **октябре 1973 г.** было подписано только **совместное заявление**, в котором удалось зафиксировать, что «урегулирование нерешенных вопросов, оставшихся со времен войны, и заключение мирного договора внесут вклад в установление подлинно добрососедских и дружественных отношений между двумя странами». При этом японская сторона стала заявлять, что под «нерешенными проблемами» на переговорах имелась в виду передача островов **Курильской гряды**. А советская сторона утверждала, что речь шла лишь о заключении мирного договора, поскольку территориальной проблемы между Советским Союзом и Японией в принципе не существует.

8. Общеευропейский процесс — основные положения Хельсинкского акта

Еще в **марте 1969 г.** на заседании **Политического консультативного комитета** стран-участниц **Варшавского договора**, прошедшего в **Будапеште**, все лидеры социалистических стран выдвинули предложение о проведении **Общеввропейского совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе**. Столь масштабные предложения прежде не выдвигались, и сама идея **Общеввропейского совещания** произвела сильное впечатление на мировое сообщество, хотя не казалась в тот момент вполне реалистичной. Тем не менее, она стала предметом обсуждения и на сессии **Совета НАТО**, которая состоялась в **Вашингтоне** в **апреле 1969 г.**

Затем, в **июне 1969 г.**, в период работы в **Москве** нового, третьего по счету, **Международного совещания коммунистических и рабочих партий**, **Л.И. Брежнев** вновь высказал свое предложение о необходимости существенного улучшения отношений между Востоком и Западом. А уже в **июле 1969 г.** идея созыва общеввропейского форума была вновь озвучена министром иностранных дел СССР **А.А. Громыко**. В популяризации идеи такого совещания проявила большую активность и **Финляндия**, которая находилась в дружественных и экономически выгодных для нее отношениях привилегированного партнерства с Советским Союзом и одновременно была встревожена угрозой напряженности между СССР и Западом, первой жертвой которой, как полагали в **Хельсинки**, может оказаться именно Финляндия.

Поэтому в **мае 1969 г.** по согласованию с советской стороной президент Финляндии **Урхо Калева Кекконен** направил ноты руководителям **32 европейских государств** с предложением «добрых услуг» в налаживании механизма многосторонних

консультаций по вопросам организации **Общеввропейского совещания**. К **октябрю 1969 г.** возникло понимание относительно возможности проведения такого форума в **Хельсинки**, и большинство стран **НАТО** уже более серьезно отнеслись к идее созыва такой конференции. Однако их не устраивало, что США и Канада могут остаться за рамками европейского переговорного процесса, поэтому этот вопрос потребовал дополнительных согласований.

В **ноябре 1972 г. в Хельсинки** начались первые многосторонние рабочие консультации делегаций всех европейских стран по вопросам подготовки **Общеввропейского совещания**, которые продолжались до **июня 1973 г.** В ходе состоявшихся дискуссий были выработаны общая повестка дня и организационные основы **Общеввропейского совещания**, которое должно было пройти в три этапа для обсуждения четырех групп проблем: **1)** вопросов, относящиеся к безопасности в Европе, **2)** проблем сотрудничества в области экономики, науки, техники и окружающей среды, **3)** тесного сотрудничества в гуманитарных и других областях и **4)** дальнейших шагов по развитию общеевропейского процесса по завершении работы совещания.

Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе превратилось в очень длительный и достаточно трудный переговорный процесс. Его пленарные заседания чередовались с многочисленными консультациями и совещаниями рабочих групп, разросшихся в огромный комплекс многосторонних переговоров. В общей сложности этот переговорный процесс занял почти три года и продолжался вплоть до **августа 1975 г.** Одной из причин столь медленного продвижения переговоров был принятый на них принцип консенсуса.

Собственно само **Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе (СБСЕ)** проходило в три этапа: **первый этап** на уровне министров иностранных дел состоялся в **Хельсинки** в **июне 1973 г.**, **второй этап** на уровне экспертов прошел в **Женеве** в **августе 1973 г.** — **июне 1975 г.** и **третий заключительный этап** на высшем уровне состоялся опять в **Хельсинки** в **июле-августе 1975 г.** В работе этого совещания приняли участие представители **33 государств** Европы, за исключением Албании, и делегации США и Канады.

11 августа 1975 г. в Хельсинки на заседании СБСЕ на высшем уровне состоялось торжественное подписание **Заключительного акта СБСЕ (Хельсинкского акта)**, который подписали главы государств и правительств **35 стран**, в том числе **Л.И. Брежнев** и **Дж. Форд**.

Основой **Заключительного акта** стали результаты работы трех комиссий, в которых дипломаты согласовали приемлемые для всех стран-участниц принципы отношений между государствами. Договоренности в рамках трех комиссий получили название «**трех корзин**».

Важнейшей частью «**первой корзины**» **Заключительного акта** стал раздел, получивший название «**Декларация принципов, которыми все государства-участники будут руководствоваться во взаимных отношениях**». Эта Декларация представляла собой комментированный перечень **10 основных принципов**: **1)** суверенное равенство и уважение прав, присущих суверенитету; **2)** неприменение силы или угрозы силой; **3)** нерушимость границ; **4)** территориальная целостность государств; **5)** мирное урегулирование споров; **6)** невмешательство во внутренние дела друг друга; **7)** уважение прав человека и основных свобод, включая свободу мысли, совести, религии и убеждений; **8)** равноправие и право всех народов распоряжаться своей

судьбой; 9) сотрудничество между государствами и 10) добросовестное выполнение обязательств по международному праву.

Наиболее важными группами противоречий были две. Первая определялась смысловыми различиями между провозглашенными **принципом нерушимости границ и правом народов на самоопределение**. На первом настаивал Советский Союз, имея в виду закрепление существовавших в Европе послевоенных границ. На втором — западные страны, желавшие закрепить принципиальную возможность объединения Германии в будущем на основе свободного волеизъявления немцев. Формально такая постановка вопроса не противоречила принципу нерушимости границ, так как нерушимость понималась как неприемлемость их изменения посредством силы, но вовсе не означала их окончательной неизменности.

Вторая группа смысловых разногласий касалась взаимоотношения **принципа территориальной целостности государств к праву народов распоряжаться своей судьбой**. Первый — закреплял территориальное единство каждого из подписавших акт государств, включая те, где имелись сепаратистские тенденции — Великобритания, Югославия, СССР, Испания, Италия, Франция и Канада. Принцип права народов распоряжаться своей судьбой по смыслу мог быть почти равнозначным праву на самоопределение, как его в свое время его понимал президент **В. Вильсон**, выступавший за создание независимых национальных государств.

В целом эта **Декларация** была успехом линии на закрепление статус-кво в Европе. Она, конечно, не решала всех проблем отношений между Западом и Востоком, но означала повышение порога конфликтности в Европе и уменьшала вероятность обращения европейских стран к военной силе для урегулирования всех спорных вопросов. По сути, в **Хельсинки** была подписана **общеевропейская конвенция о ненападении**, гарантами которой стали четыре из пяти великих держав — СССР, США, Великобритания и Франция. К **Декларации** по смыслу примыкал и один раздел **Заключительного акта**, который назывался «**Документ по мерам укрепления доверия и некоторым аспектам безопасности и разоружения**». В нем раскрывалось содержание понятия «меры доверия», к наиболее важным из которых были отнесены: взаимное предварительное уведомление о проведении крупных военных учений сухопутных войск или их передислокациях, обмен в добровольном порядке и на взаимной основе военными наблюдателями, командироваемыми на подобные учения, и т.д.

Договоренности по «**второй корзине**» касались вопросов сотрудничества в области экономики, науки и техники и окружающей среды. В этом смысле стороны согласились содействовать внедрению в торгово-экономических отношениях между собой режима наибольшего благоприятствования.

Очень большое внимание в **Заключительном акте** было уделено договоренностям по «**третьей корзине**», т.е. сотрудничеству в вопросах обеспечения гуманитарных и иных прав граждан. В частности, в нем была закреплена необходимость сближения подходов всех стран к регулированию таких проблем, как право на воссоединение семей, разделенных государственными границами; вступление в брак по своему выбору, включая браки с иностранными гражданами; свободный выезд из своей страны и возвращение обратно; развитие международных связей и т.д. Особо оговаривалось взаимодействие в вопросах информационного обмена, в налаживании научных контактов и сотрудничества в области образования, культурных обменов и свободного радиовещания.

В заключительных разделах **Хельсинкского акта** стороны выразили намерение углублять процесс разрядки и сделать его непрерывным и всесторонним. Было так же решено продолжить общеевропейский процесс посредством дальнейшего регулярного проведения многосторонних встреч между всеми европейскими державами, США и Канадой.

9. Проблема прав человека и ее влияние на межгосударственные отношения в 1970–1980-х гг.

В 1974 г. республиканская администрация оказалась объектом критики по всем ключевым вопросам ее внешней политики. Курс разрядки в отношениях с **Москвой** стали называть непродуманным, а соглашения с Советским Союзом — невыгодными для Соединенных Штатов. Ощущая утрату общественной поддержки, республиканцы вели себя крайне осторожно, боясь дальнейшего обострения отношений с **Конгрессом США**. Новый президент **Джеральд Форд** попытался включиться в переговоры с СССР и в **ноябре 1974 г.** во **Владивостоке** состоялась его встреча с **Л.И. Брежневым**, по завершению которой было подписано заявление, в котором фиксировались параметры будущего советско-американского соглашения об ограничении наступательных вооружений. Второй тур переговоров по «**ОСВ-2**» предполагалось завершить до **конца 1975 г.**, а затем приступить к следующей серии обсуждений — **ОСВ-3**. Однако эти договоренности осуществить не удалось, поскольку вскоре диалог двух стран был сорван по вине **Вашингтона**.

Еще в **октябре 1972 г.** между СССР и США было заключено соглашение о торговле и кредитах, в соответствии с которым стороны на взаимной основе предоставляли друг другу режим наибольшего благоприятствования. Тогда же было подписано долгожданное соглашение об урегулировании расчетов по **ленд-лизу** и установлено, что до **2000 г.** СССР выплатит США более **720 млн долл.** **Осенью 1974 г.** эти соглашения поступили на утверждение в **Конгресс США**. Но по ходу их рассмотрения сенатор-демократ **Г. Джексон** выступил с заявлением, в котором изложил факты ограничительной практики в вопросах эмиграции советских граждан за рубеж. Ключевым моментом речи **Г. Джексона** было предложение внести поправку в закон «**О внешней торговле**», по которой режим наибольшего благоприятствования в торговле разрешалось применять лишь к тем коммунистическим странам, которые соответствуют критериям соблюдения гражданских прав и свобод, включая право на свободную эмиграцию. В **Палате представителей Конгресса США** аналогичное предложение внес конгрессмен **Ч. Веник**, поэтому впоследствии оба эти предложения были названы «**поправкой Джексона-Веника**». В принципе эта поправка носила универсальный характер и могла касаться отношений США не только с СССР, но и с Китаем или другими социалистическими странами, но в ситуации **осени 1974 г.** она была направлена, прежде всего, на то, чтобы обесценить для СССР **советско-американское торговое соглашение 1972 г.**

Перед грядущими президентскими выборами демократам был нужен громкий скандал. Сенатор **Г. Джексон** всюду повторял требование увеличить число ежегодных выездов из СССР до **60 тыс. человек**. Ему подыгрывали американские еврейские организации, по разным причинам заинтересованные в притоке еврейского населения, как в Израиль, так и в США. Шумная пропагандистская кампания,

развернутая вокруг спора из-за эмиграционных квот, приобрела вызывающий характер по отношению к **Москве**, поскольку американские сенаторы стали нагло указывать, каким образом надо решать вопросы, относящиеся к исключительной компетенции советского правительства. Кульминация скандала наступила в **декабре 1974 г.**, когда «**поправка Джексона-Веника**» была принята обеими палатами **Конгресса США**. В ответ на этот демарш, в **январе 1975 г.** СССР денонсировал **советско-американское торговое соглашение 1972 г.** и прекратил все выплаты по **ленд-лизу**, которые он осуществлял в **1972–1974 гг.**

В **ноябре 1976 г.** республиканцы потерпели поражение на президентских выборах и новым президентом США стал кандидат демократов **Джимми Картер**, который, будучи ортодоксальным баптистом, как политик сформировался под сильным влиянием так называемой школы «**политического морализма**». Он резко порицал республиканцев за их «цинизм», «прагматизм» и «беспринципность» в отношениях с Советским Союзом и утверждал, что, увлекшись военно-политическими расчетами, они забыли о морали и ради подписания соглашений по контролю над вооружениями пренебрегли ценностями свободы и прав личности.

Кроме того, на президента **Дж. Картера** огромное влияние стал оказывать его советник по национальной безопасности **Збигнев Бжезинский**, который, будучи выходцем из семьи польских эмигрантов, воспитанный в духе крайней русофобии, был склонен большую часть международных реалий рассматривать только через призму освобождения Польши от влияния **Москвы**, которой он приписывал «естественные имперские тяготения» к экспансии в западном направлении. Поэтому главной задачей внешней политики США он считал исключительно противодействие любым попыткам СССР распространить свое влияние в мире и поддержки центробежных тенденций внутри «советского блока». Эта логика имело мало общего с концепцией «**всемирного статус-кво**», которую отстаивали **Г. Киссинджер** и **Р. Никсон**, и напоминала прежнюю риторику **Дж. Даллеса**, но без присущих ей угроз превентивного применения ядерного оружия.

При администрации **Дж. Картера** в кругах лиц, причастных к советско-американским переговорам, получила распространение идея «**увязывания**», которая подразумевала движение к договоренностям в военной области в увязке с обсуждением вопросов защиты прав человека. Американская сторона заняла жесткую позицию в этом вопросе после того, как в Советском Союзе начались аресты членов пресловутых «**хельсинкских групп**» и академик **А.Д. Сахаров** под диктовку своей второй супруги, госпожи **Е.Г. Боннэр** написал и направил президенту **Дж. Картеру** письмо с просьбой обратить внимание на факты нарушения прав человека в СССР. В связи с этим обстоятельством внутри администрации демократов наметился острый конфликт между государственным секретарем США **С. Вэнсом**, который считал главной внешнеполитической задачей США решение крупных военно-политических вопросов, и **З. Бжезинским**, который полагал, что правозащитная тематика важнее военно-политических вопросов. Президент **Дж. Картер** всегда колебался между позициями своих главных внешнеполитических советников, но чаще склоняясь к поддержке второго.

Во **второй половине 1970-х гг.** **Вашингтон** поднял вопрос защиты прав человека до уровня самой крупной международной проблемы, стоящей в одном ряду с вопросами контроля над вооружениями и стабильного обеспечения мировой эконо-

мики энергоносителями. Однако оборотной стороной этого курса стала утрата всех важных приобретений в области стабилизации международных отношений и кризис «политики разрядки».

В соответствии с Хельсинским актом Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе (СБСЕ) было продолжено в октябре 1977 г. — марте 1978 г. на очередной встрече в Белграде, где развернулась острая полемика по вопросам интерпретации договоренностей Хельсинского акта. Для советской стороны в хельсинских договоренностях главными были те из них, которые относились к «первой корзине» (мир и стабильность), а для западных стран — к «третьей корзине» (гуманитарные вопросы и права граждан). Поэтому добиться реальных подвижек в отношениях двух мировых систем не удалось. Однако руководство европейских государств стремилось удержать Советский Союз в режиме дальнейшего диалога с ним, чтобы исключить возможность непредсказуемых действий с его стороны.

Вот почему осенью 1980 г. в Мадриде была созвана очередная встреча в рамках СБСЕ, повестка дня которой определялась необходимостью обсудить выполнение договоренностей в рамках Хельсинского акта. Основной накал дискуссий был вновь связан с правами человека, нарушение которых западные делегаты увязывали с тем, что происходило в Польше. На Мадридской встрече начала складываться неформальная коалиция большинства стран-участниц СБСЕ по правозащитным вопросам, главной целью которых стало предотвращение отказа СССР от соблюдения хельсинских договоренностей и удержание европейской политики Москвы в русле тех моральных ограничений, которые были навязаны ей в 1975 г. ценой уступок в вопросе о территориальном статус-кво.

Однако уже осенью 1983 г., из-за провокации устроенной США с пресловутым южнокорейским «Боингом», обозначился резкий рост международной напряженности, сравнимой с ситуацией конца 1940-х гг. Поэтому продолжать общеевропейский диалог стало де-факто невозможно, так как он вылился в непримиримую взаимную полемику и в сентябре 1983 г. Мадридская встреча была завершена.

10. Создание сети партнерских отношений СССР со странами Африки (1974–1978)

После многих лет преобладания европейской тематики в повестке дня советско-американских отношений во второй половине 1970-х гг. в ней снова стали заметное место занимать неевропейские проблемы. Вопрос о том, насколько сознательно советское руководство шло на нарушение статус-кво на периферии мировой системы остается дискуссионным в зарубежной и отечественной литературе. В принципе, Москве не было необходимости взваливать на себя бремя соперничества с США в отдаленных регионах планеты, где у нее не было существенных экономических интересов, и которые не имели ключевого значения для обороны страны. Но такой тип рациональных суждений, преобладавший в Политбюро ЦК после Карибского кризиса, видимо, не был характерен для всего советского политического руководства. Какова бы ни была сознательная приверженность Советского Союза логике статус-кво, разные «революции», госперевороты или иные внутренние катаклизмы в развивающемся мире неизбежно порождали соблазн их утилизации для усиления советского влияния и увеличения престижа СССР во всем мире.

В силу совпадений или сознательной внешнеполитической линии **Москва** стала снова укреплять свои позиции в тех зонах, положению в которых **Вашингтон** всегда придавал большое значение. В частности, именно тогда Советский Союз приобрел ряд опорных точек в **Красном море** — в Сомали (**порт Бербера**), в Эфиопии (**порт Массавы**) и Южном Йемене (**порт Аден**), где были созданы определенные структуры для проецирования советской военной мощи на важные для жизнеобеспечения США пути транспортировки нефти с **Ближнего Востока**.

Однако советско-американские противоречия распространялись не только на **Ближний Восток**, но и на **Африканский континент**, где еще с **конца 1960-х г.** заметный интерес к сотрудничеству с **Москвой** неожиданно стало проявлять руководство Сомали. В **1969 г.** в результате военного переворота к власти в **Могадишо** пришел режим генерала **М. Сиад Баре**, с которым в **июле 1974 г.** советское руководство подписало **Договор «О дружбе и сотрудничестве»** сроком на двадцать лет.

Однако после военного переворота региональные кланы не получили мест в центральном правительстве Сомали, из-за чего они перестали подчиняться ему и в стране возник острый вооруженный конфликт. Сомалийское правительство стало использовать помощь, поступавшую из СССР, для борьбы с политической оппозицией и на короткое время сомалийский режим оказался главным партнером Советского Союза на Африканском континенте, поскольку **М. Сиад Баре** провозгласил курс на «социалистическую ориентацию».

Вслед за Сомали на путь социалистического развития встали и другие государства южной части Африканского материка, где после смерти португальского диктатора **А. Салазара** была разрушена колониальная империя этой небольшой европейской страны. В **июне 1975 г.** после предоставления Мозамбику независимости к власти в стране пришел выступавший под левыми социалистическими лозунгами **Фронт освобождения Мозамбика (ФРЕЛИМО)** во главе с **Самора Машелом**. Вскоре в стране воцарился хаос и она оказалась втянутой в военное противостояние с соседними государствами — Южной Родезией и ЮАР, где довольно сильные позиции занимали консервативные силы во главе с **Робертом Мугабе** и **Николасом Дидерихсом**.

Еще более сложная ситуация сложилась в Анголе, которая была крупнейшим экспортером кофе и имела крупнейшие на континенте месторождения нефти и алмазов. Она граничила с Намибией и в этом смысле могла быть как союзником, так и противником ЮАР. После получения независимости в Анголе сложилось три основных политических группировки, имевшие собственные вооруженные формирования — **Национальный союз за полную независимость Анголы (УНИТА)** во главе с **Жонас Савимби**, **Фронт национального освобождения Анголы (ФНЛА)**, который возглавлял **Роберто Холден**, и **Народное движение освобождения Анголы (МПЛА)**, лидером которого был **Жозе Эдуарду душ Сантуш**.

На первую группировку делала ставку ЮАР, поскольку в **Претории** ее считали вполне умеренной и надеялись, что в случае ее прихода к власти она не станет поддерживать партизан в соседней Намибии. Вторую группу поддерживали западноевропейские страны, США и Заир. Третья группировка, которая позиционировала себя как настоящая «марксистская» партия, стали активно поддерживать руководство Кубы и СССР. Сначала в Анголе было сформировано **Временное коалиционное правительство**, но вскоре между тремя группировками началась во-

оруженная **Гражданская война**, в ходе которой **УНИТА** и **ФНЛА** заключили союз против **МПЛА**. В **ноябре 1975 г.** отряды **МПЛА** захватили столицу государства **Луанду** и вскоре установили контроль практически над всей территорией страны. В **октябре 1976 г.** был подписан советско-ангольский **Договор «О дружбе и сотрудничестве»**, на основании которого правительству **Ж. Сантуша** стали поставляться советские вооружения и техника.

Формирование партнерских отношений с Сомали, Мозамбиком и Анголой налагало на Советский Союз довольно тяжелое экономическое бремя, не принося ему практически никаких экономических дивидендов. Напротив, расширение сети своих сателлитов вызвало распыление ресурсов СССР, отвлекая их от нужд внутреннего развития страны. И без того тяжелое бремя помощи африканским странам стало еще тяжелее, когда в круг ее получателей попала еще одна беднейшая страна Африки — Эфиопия. В **сентябре 1974 г.** эфиопские военные совершили государственный переворот и свергли императора **Хайле Селассие I**, который был взят под стражу и через год убит. С **ноября 1974 г.** власть в стране оказалась в руках подполковника **Менгисту Хайле Мариама**, установившего под знаменем «социализма» жесткий диктаторский режим.

Появление за короткий промежуток времени на Африканском континенте четырех потенциально просоветских режимов было с тревогой воспринято на Западе. Советский Союз считал, что он вправе помогать дружественным африканским правительствам, даже если они проводят антизападную политику. Но Соединенные Штаты были уверены в том, что СССР, поступая таким образом, нарушает советско-американское взаимопонимание о сохранении глобального статус-кво и пользуется временной слабостью США для захвата новых геополитических плацдармов. В результате в **Вашингтоне** стали обвинять **Москву** в «ревизионизме» и возобновлении попыток установления мировой гегемонии.

В **1977 г.** СССР и США оказались вовлеченными в косвенную конфронтацию в связи с вооруженным конфликтом между христианской Эфиопией и исламской Сомали из-за эфиопской провинции **Огаден**. Советский Союз оказался в достаточно сложной ситуации, поскольку войну между собой начали две страны, с которыми он строил союзнические отношения. В качестве альтернативы **Москва** предложила создание социалистической федерации в составе Сомали, Эфиопии, Джибути и Южного Йемена. Однако этот план был категорически отвергнут правительством Сомали.

Поэтому перед советским руководством возникла проблема выбора между партнерством с Эфиопией или Сомали. Эфиопский режим, который провел радикальную земельную реформу, производил впечатление более революционного режима, поскольку он активней выступал за строительство «социализма» у себя в стране. Кроме того, советские военные считали, что потенциал влияния Эфиопии на Африканском континенте значительно больше того, которым обладал Сомали. Поэтому в **Москве** сочли, что союз с Эфиопией важнее союза с Сомали и Советский Союз совместно с Кубой стал оказывать ей военную помощь. В ответ на эти решения **Москвы** сомалийское правительство **М. Сиада Барре** денонсировало советско-сомалийский договор и закрыло порт **Бербера** для заходов советских военных кораблей. Вслед за тем, сомалийский лидер обратился за помощью к США, и **Вашингтон** счел возможным оказать ему поддержку, которой, однако, оказалось

недостаточно, поскольку внутри самой американской администрации были активные противники вмешательства в этот конфликт, в частности госсекретарь **С. Венс**.

В **ноябре 1978 г.** в **Москве** был подписан советско-эфиопский **Договор «О дружбе и сотрудничестве»**, и военная помощь правительству **М.Х. Мариама** была многократно увеличена, в результате чего Эфиопия выиграла войну за **Огаден**, и к **началу 1979 г.** сомалийские войска были вынуждены отступить и признать потерю этой территории.

11. Становление «треугольных» отношений СССР-США-КНР в 1970-х гг.

«Возвратный» рост советско-американского соперничества на периферии международной системы привел американскую администрацию к мысли о необходимости оказывать давление на СССР с окраинных точек международной системы, в которых по каким-либо причинам Советский Союз не мог приобрести благоприятных для себя позиций. Такой точкой, по мнению американских стратегов, был Дальний Восток, поэтому игра на советско-китайских и советско-японских противоречиях стала очень характерной чертой всей американской дипломатии **рубежа 1970–1980-х гг.**

В **1976 г.**, сразу после смерти **Мао Цзэдуна** новое китайское правительство во главе с **Хуа Гофэном** и **Дэн Сяопином**, учитывая сильное раздражение **Токио** после неудачной попытки договориться с **Москвой** по территориальному вопросу, предложило японской стороне подписать не просто мирный договор с КНР, а договор о взаимном партнерстве. При этом руководство КНР добивалось от **Токио** согласия на включение в текст этого договора положения о совместном выступлении Китая и Японии против гегемонии любой державы на Дальнем Востоке. Таким образом, китайское руководство стремилось придать трактовке этого тезиса антисоветскую направленность, аналогично тому какой содержался **Шанхайском коммюнике**, подписанным между **Пекином** и **Вашингтоном** в **1972 г.**

Естественно в **Москве** достаточно нервно реагировали на эти маневры китайской дипломатии, и советское руководство пыталось всячески помешать заключению японо-китайского договора на предлагавшихся **Пекином** условиях. Тем не менее, в **августе 1978 г.** японо-китайский договор о мире и дружбе был подписан, правда, японская сторона добилась корректировки китайского проекта, и положение «о гегемонии» было включено не в основной текст, а в преамбулу этого договора. Хотя, в целом заключение этого договора было расценено как поражение советской дипломатии и успех китайской политики сотрудничества с Японией и США на антисоветской основе.

Затем, в **январе 1979 г.**, состоялся визит **Дэн Сяопина** в **Вашингтон**, в ходе которого были установлены дипломатические отношения между двумя странами, и администрация **Дж. Картера** стала расценивать усилия **Пекина** по созданию антисоветской коалиции как основное средство глобального сдерживания СССР в **Азиатско-Тихоокеанском регионе**. Однако в **апреле 1979 г.** **Конгресс США** принял закон об отношениях с Тайванем, который, формально снизив статус американо-тайваньских отношений, фактически позволил **Вашингтону** сохранить свои связи с **Тайбэем** на прежнем уровне. Отказ США полностью разорвать свои отношения с Тайванем вызвал крайнее раздражение в **Пекине** и, реагируя на это решение

американской стороны, Китай предложил Советскому Союзу начать переговоры о нормализации межгосударственных отношений. Эти переговоры начались **осенью 1979 г.**, однако вторжение СССР в Афганистан сорвало эти планы и придало антисоветскому «блоку» США — Китай — Япония новый стимул.

Тем временем в самой американской элите не было единства взглядов по поводу пределов американо-китайского сближения, выход за которые мог привести к втягиванию США в советско-китайский конфликт. В **Вашингтоне** прекрасно сознавали, что **Москва** была крайне чувствительна к китайской военной угрозе, и что провоцировать ее было крайне опасно, поскольку вторжение в Афганистан зримо показало, что **Москва** способна на любые резкие шаги. Несмотря на это обстоятельство, с **1980 г.** США начали поставлять КНР технологию двойного назначения и вспомогательное военное оборудование, что в дальнейшем приобрело характер так называемого **американо-китайского квази-союза**.

Вместе с тем, в самом **Пекине** продолжали шириться сомнения в обоснованности линии на союз с **Вашингтоном**. Старые аргументы, в частности отсутствие ясной поддержки Китаю со стороны США в ходе вьетнамо-китайского конфликта и сохранение США связей с Тайванем были дополнены новыми аргументами — в **Пекине** все больше стали полагать, что линия дальнейшего сближения с **Вашингтоном** может поставить КНР в одностороннюю зависимость от США.

12. Политика СССР на Ближнем Востоке в 1970-х гг.

На **Женевской конференции** под председательством СССР и США удалось добиться определенных успехов в ближневосточном урегулировании и в **январе 1974 г.** было подписано египетско-израильское соглашение о разъединении войск, в соответствии с которым вооруженные силы Израиля были отведены с западного берега **Суэцкого канала**. В **феврале 1974 г.** были восстановлены дипломатические отношения между Египтом и США, а в **июне** президент **Р. Никсон** совершил официальный визит в **Каир**, в ходе которого достиг с президентом **А. Садатом** принципиальной договоренности о возобновлении американо-египетского сотрудничества. В **мае 1974 г.** соглашение о разъединении войск с Израилем подписала и Сирия, которая в **июне** восстановила дипломатические отношения с США, однако на большие уступки президент **Х. Асад** не считал возможным идти. Затем, в **ноябре 1975 г.**, было подписано очередное египетско-израильское соглашение о разъединении войск, по которому израильские войска были полностью отведены от **Суэцкого канала**, и всем стало ясно, что Египет отказался от дальнейшей борьбы против израильской агрессии.

После второго разъединения войск, при посредничестве **Вашингтона** в **Каире** начались египетско-израильские переговоры о комплексном урегулировании конфликта, прорыв в которых произошел в **ноябре 1977 г.**, когда президент **А. Садат** к изумлению всего арабского мира отправился в **Иерусалим**. Здесь в ходе переговоров с премьер-министром Израиля **М. Бегинном** он добился принципиальной договоренности о мирном урегулировании конфликта. А затем, в **сентябре 1978 г.**, **Анвар Садат** и **Менахем Бегин** подписали в загородной резиденции американских президентов в **Кэмп-Дэвиде** два соглашения: «**Рамки мирного договора между Египтом и Израилем**» и «**Рамки мирного урегулирования на Ближнем Востоке**», которые

привели к заключению в **марте 1979 г.** в **Вашингтоне** мирного договора между Израилем и Египтом.

После достижения **кэмп-дэвидских соглашений** в Багдаде на сессии совета **Лиги Арабских Государств** большинство его членов разорвало дипломатические отношения с Египтом и объявило ему бойкот, который продолжался в течение десяти лет. Крайне отрицательно к египетско-израильскому мирному договору отнесся и СССР, руководство которого осудило его как сепаратную сделку с израильской военщиной. Кроме того, **Москва** была крайне обеспокоена новым охлаждением советско-египетских отношений, поскольку еще в **марте 1976 г. Каир** в одностороннем порядке денонсировал советско-египетский **Договор «О дружбе и сотрудничестве»** и с **января 1977 г.** начал активно сворачивать советско-египетское сотрудничество в различных областях, в том числе в военной сфере. Характер советско-египетских отношений не изменился и после того, как экстремистская группировка **«Братьев-мусульман»** в **октябре 1981 г.** во время проведения военного парада в **Каире** убила президент **А. Садата**, и к власти пришел вице-президент **Хосни Мубарак**, который сохранил прежний проамериканский внешнеполитический курс.

В своей ближневосточной политике Советский Союз отныне сделал ставку на президента Сирии **Хафиза Асада**, нового президента Ирака **Саддама Хусейна** и **Организацию Освобождения Палестины (ООП)** во главе с **Ясиром Арафатом**. Кроме того, негласно **Москва** поддерживала и новый тегеранский режим, где после **январской «революции»** к власти пришел режим аятоллы **Рухолла Хомейни**.

13. Крах разрядки и «двойное решение» НАТО

Взросшая гибкость военных доктрин и военно-технические достижения **конца 1970-х гг.** предопределили возрастание интереса американских стратегов к идее **«управляемых конфликтов»** и **«ограниченных войн»** в соответствии с новой доктриной **«контр-силы»**. Хотя советские аналитики и эксперты военно-политического профиля признавали обоснованность логики **«взаимно гарантированного уничтожения»** и доктрины **«контр-силы»**, официально в СССР эти идеи отвергались. Советская военная доктрина не была официально оглашена, а по смыслу официальных высказываний политиков и военных можно было предполагать, что Советский Союз рассчитывает на победу в гипотетическом ядерном конфликте и считает ее, в принципе, возможной.

Еще в **начале 1977 г.**, сразу после прихода администрации **Дж. Картера**, в **Вашингтоне** приобрела популярность идея **«окна уязвимости»**, высказанная известным американским аналитиком **П. Нитце**, в соответствии с которой Советский Союз обладал превосходством над Соединенными Штатами, и поэтому последним требовалось немедленно принять решительные меры для увеличения способности США осуществлять устрашение Советского Союза. В такой обстановке американский **Конгресс** принял резолюцию, в соответствии с которой администрация **Дж. Картера** была обязана при заключении новых соглашений с СССР по контролю над вооружениями добиваться численного равенства всех показателей этих ограничений. Это решение поддержали и американские военные, хотя они вполне сознавали всю его абсурдность с точки зрения доктрины **«взаимно гарантированного уничтожения»**. Логика **Пентагона** была проста: неравенство количественных показателей в тексте

соглашений могло создать у публики впечатление превосходства СССР над США и вызвать нежелательные политические последствия для самой американской администрации.

Несмотря на все трудности советско-американских переговоров выработать компромисс все же удалось и в **июне 1979 г.** в **Вене** после пятилетнего перерыва состоялся новый советско-американский саммит на высшем уровне, на который прибыли **Л.И. Брежнев** и **Дж. Картер**. В ходе этой встречи был подписан советско-американский **Договор «Об ограничении стратегических вооружений» («ОСВ-2»)**, который установил равные предельные уровни средств доставки ядерного оружия. Каждая сторона могла иметь не более **2400 единиц** всех трех типов пусковых установок и средств доставки ядерного оружия — **МБР, БРПЛ и ТБ**, при этом каждая сторона имела право самостоятельно установить численность носителей каждого типа в пределах этой установленной суммы. Кроме того, было согласовано, что к **январю 1981 г.** общая численность пусковых установок и средств доставки ядерного оружия будет уменьшена до **2250 единиц**, а в пределах этих лимитов каждой стороне разрешалось иметь не более **1320 ракет** с разделяющейся головной частью (**РГЧ**). Так же обе стороны договорились не увеличивать число боеголовок на имеющихся у них на вооружении типах ракет, что означало согласие США и СССР прекратить гонку вооружений в области производства новых видов **РГЧ**. Одновременно с этим договором был подписан протокол о запрещении развертывания крылатых ракет наземного и морского базирования с радиусом действия свыше **600 км.** и установлен запрет на создание мобильных пусковых установок **МБР**.

Тем временем СССР разместил на европейской части страны новые ракеты среднего радиуса действия, которые на Западе получили название «**СС-20**» или «**Сатана**». В самой **Москве** этот шаг рассматривали как традиционную плановую замену устаревших ракет соответствующего типа «**СС-4**» и «**СС-5**». При этом основной целью советской стороны было нейтрализовать возможную ядерную угрозу, которую могла представлять для СССР американская система передового базирования, в которую входили все ракеты, размещенные на их бомбардировщиках и подводных лодках, дислоцированных в Западной Европе и у побережья СССР. Теоретически эти вооружения считались «оружием театра боевых действий», т.е. оружием «достратегического уровня», но реально эти ракеты могли достигать любой точки европейской части территории СССР, поэтому де-факто они, конечно, представляли «стратегическую угрозу» для него. Помимо американской системы передового базирования, потенциальную угрозу для СССР могли представлять «независимые» военные потенциалы Франции и Великобритании, которые не были предметом советско-американских переговоров, хотя советское руководство считало, что их тоже следует принимать в расчет при оценке соотношения сил между СССР и Западом.

Между тем, информация о размещении новых советских ракет вызвала тревогу в западноевропейских столицах. Однако и в США, и в Западной Европе **Москву** больше порицали за нарушение политического статус-кво, чем за слом военно-стратегической стабильности, которого, как понимали эксперты и высшие руководители стран **НАТО**, на самом деле не произошло. СССР вновь стали обвинять в экспансионизме и намерении оторвать европейские страны от США посредством ядерного шантажа и запугивания. В этой ситуации на очередной сессии **Совета**

НАТО, состоявшейся в **Брюсселе** в **декабре 1979 г.**, было принято так называемое «**двойное решение**», предполагавшее размещение на территории европейских стран **НАТО** новых американских ракет среднего радиуса действия «**Першинг-2**» и одновременное продолжение переговоров с **Москвой** с целью найти компромисс по вопросам стратегической обстановки в Европе.

Строго говоря, размещение новых американских ракет тоже было частью плановой модернизации американского военного присутствия в Европе, но рост противоречий между СССР и Западом придал этому процессу вид встречной эскалации противостояния. По мнению ряда современных авторов (**А. Фурсенко, М. Наринский, А. Богатуров**), крах «**политики разрядки**» был предопределен тремя главными причинами: **1)** отходом СССР от принципа статус-кво в периферийных зонах, в частности на Африканском континенте и в Афганистане; **2)** созданием по инициативе США тройственной антисоветской коалиции на Дальнем Востоке; **3)** возобновлением прежней «идеологической войны» двух систем, в основу которой была положена пресловутая доктрина «прав человека».

14. Эскалация конфликтов на Среднем Востоке в рубеже 1970–1980-х гг.

Относительно удачные действия американской дипломатии на Дальнем Востоке были перечеркнуты потерями, которые США понесли на Среднем Востоке. В качестве главного партнера **Вашингтона** в этой части мира традиционно выступал Иран, где существовал авторитарный режим шаха **Мохаммеда Реза Пехлеви**. **Вашингтон** и **Лондон**, считая Иран своим стратегическим союзником в регионе, поощряли правительство шаха в его намерении играть ведущую роль в зоне **Персидского залива**. И хотя администрация **Дж. Картера** не одобряла репрессивной политики шаха внутри страны, в **Вашингтоне** ценили партнерство с **Тегераном**, особенно после того, как возникла реальная угроза применения «нефтяного оружия» арабскими странами в период очередного военного конфликта с Израилем.

Однако в **начале января 1979 г.** совершенно неожиданно для **Вашингтона** в **Тегеране** произошла так называемая **исламская революция**, в результате которой к власти пришло правительство великого аятоллы имама **Р. Хомейни**, которое в **апреле 1979 г.** официально провозгласило создание Исламской Республики Иран. В **ноябре 1979 г.** иранские студенты ворвались на территорию посольства США и захватили в качестве заложников более **50 американских дипломатов**, потребовав от **Вашингтона** выдачи шаха **М.Р. Пехлеви**, находившегося на территории США. Однако в ответ на эти действия иранской стороны президент **Дж. Картер** в **апреле 1980 г.** объявил о разрыве дипломатических отношений с Ираном и ввел экономические санкции против **Тегерана**, наложив запрет на импорт иранской нефти и объявив о замораживании всех иранских активов в американских банках на сумму в **12 млрд долларов**. В **мае 1980 г.** к санкциям против Ирана присоединились все страны европейского сообщества. События в **Тегеране** породили так называемый **второй «нефтяной шок»**, связанный с опасениями прекращения экспорта иранской нефти на мировой рынок, в результате чего цена на нефть взлетела с **12–13 до 40–45 долларов** за баррель сырой нефти.

На **рубеже 1970–1980-х гг.** ситуация на международной арене достигла еще большего накала в результате нестабильного положения в **Афганистане**, который

потрясали перманентные политические кризисы. Ситуация в стране еще больше обострилась, когда в **июле 1973 г. в Кабуле** произошел государственный переворот, в результате которого от власти был отстранен король **Захир-шах** и Афганистан был объявлен республикой, которую возглавил кузен низложенного монарха **Мохаммед Дауд**. Новый афганский режим был вскоре признан всем мировым сообществом, в том числе и **Москвой**, поскольку генерал **М. Дауд** был давно известен советскому руководству, когда в **1953—1963 гг.** занимал должности премьер-министра и министра национальной обороны страны.

В отношениях со всеми великими державами новое афганское руководство продолжило прежнюю политику балансирования, не отдавая предпочтения ни одной из них. Тем не менее, **Москва** стала активно наращивать экономическую и военную помощь **Кабулу**, расширяя свое влияние в афганской армии и оказывая негласную поддержку **Народно-демократической партии Афганистана (НДПА)**, которую возглавляли лидеры двух противостоящих друг другу фракций — **«Хальк»** во главе **Н.М. Тараки** и **«Парчам»** во главе с **Б. Кармалем**.

В **апреле 1978 г.** армейские офицеры во главе с майором **А. Ватанджаром** совершили новый государственный переворот, в ходе которого **М. Дауд** и ряд министров его правительства были убиты. Власть в **Кабуле** перешла к руководству **НДПА**, объявившего эти события «национально-демократической» **Саурской революцией**, и страна была провозглашена **Демократической Республикой Афганистан (ДРА)**. Высшим органом ДРА стал **Революционный Совет** во главе с генеральным секретарем **ЦК НДПА Нуrom Мохаммедом Тараки**.

Отношения с Советским Союзом, основанные на принципах «братства и революционной солидарности», были провозглашены приоритетом во внешней политике ДРА. Впервые месяцы после апрельской революции между **Москвой** и **Кабулом** была заключена серия соглашений и контрактов в разных областях социально-экономического, культурного и военно-политического сотрудничества, и в страну прибыли многочисленные советники из СССР. Союзнический характер советско-афганских отношений был закреплён **Договором «О дружбе, добрососедстве и сотрудничестве»** сроком на двадцать лет, который был подписан **Н.М. Тараки** и **Л.И. Брежневым** в **декабре 1978 г. в Москве**. Помимо традиционных сфер партнерских отношений этот договор предусматривал и военное сотрудничество двух стран, однако конкретно не оговаривал возможность размещения вооруженных сил одной страны на территории другой. При этом следует подчеркнуть тот факт, что **Н.М. Тараки** неоднократно просил высшее советское руководство в лице **Л.И. Брежнева** и **А.Н. Косыгина** помимо многократного увеличения военно-технической помощи **направить в его страну контингент советских войск**, однако каждый раз получал категорический отказ.

В **сентябре 1979 г.** в **НДПА** произошел очередной раскол, в результате которого произошел государственный переворот: **Н.М. Тараки** был отстранен от власти, а затем убит, и новым председателем **Революционного Совета** стал организатор этого переворота премьер-министр **Хафизулла Амин**. Новый глава ДРА, будучи жестоким и предельно циничным политиком, вскоре развязал в стране настоящий «революционный» террор и стал тайно заигрывать с эмиссарами **ЦРУ**. Правительство в **Кабуле** стало быстро терять свое влияние в провинциях, власть в которых начала стремительно переходить под контроль вождей местных кланов и племен, которые

сформировали собственные вооруженные отряды, способные оказывать достойное сопротивление правительственным войскам. Уже к концу 1979 г. антиправительственная оппозиция, выступавшая под традиционными исламскими лозунгами, контролировала 18 из 26 провинций страны. Более того, возникла вполне реальная угроза падения кабульского правительства и превращение Афганистана в один из военных плацдармов США, находящегося на границах СССР.

В этой ситуации так называемый правящий «триумvirат», в состав которого входили три самых влиятельных члена Политбюро ЦК — председатель КГБ СССР Ю.В. Андропов, министр обороны СССР Д.Ф. Устинов и министр иностранных дел СССР А.А. Громыко, приняли решение о вводе ограниченного контингента советских войск в Афганистан. И хотя ряд высокопоставленных военных, в частности начальник Генерального штаба маршал Н.В. Огарков, начальник Главного Оперативного Управления Генштаба генерал армии В.И. Варенников и главком Сухопутных войск генерал армии И.Г. Павловский, в категорической форме возражали против ввода войск в Афганистан, всесильный «триумvirат» смог убедить Л.И. Брежнева принять их сторону.

15. Первый период Афганской войны (1979–1982) и ее последствия

14 декабря 1979 г. на заседании Политбюро ЦК под председательством Л.И. Брежнева было принято решение о вводе на территорию Афганистана ограниченного контингента советских войск, костяк которого должны были составить части и соединения 40-й общевойсковой армии Туркестанского Военного округа, которым командовал генерал-полковник Ю.П. Максимов. Во исполнение принятого решения, уже в конце декабря 1979 г. в Афганистан прибыл 154-й («мусульманский») батальон 15-й ОБр спецназа ГРУ, руководимый майором Х.Т. Халбаевым, а затем осуществлен ввод первого эшелона войск 40-й армии под командованием генерал-лейтенанта Ю.В. Тухаринова.

27 декабря 1979 г. бойцы спецназа ГВБ СССР (группа «Альфа») под руководством полковника Г.И. Бояринова в ходе молниеносной операции «Шторм» штурмом взяли президентский дворец, уничтожили президента Х. Амина и привезли с собой нового руководителя страны Бабрака Кармаля, который стал новым генеральным секретарем ЦК НДПА и президентом ДРА.

В январе-марте 1980 г. части 103-й гвардейской воздушно-десантной дивизии под командованием генерал-майора И.Ф. Рябченко подавили антиправительственные мятежи регулярных афганских войск в Кабуле, Нахрине и Асмаре. В результате этих событий, в апреле 1980 г. Конгресс США санкционировал «прямую и открытую помощь» афганской антикабульской оппозиции, которая начала очень активно создавать собственные базы боевиков во всех уголках страны.

В апреле — августе 1980 г. части 201-й мотострелковой дивизии под командованием полковника В.А. Степанова провели три крупных войсковых операций в провинции Кунар, Панджшерском и Машхадском ущельях, где нанесли ряд крупных поражений отрядам лидера «северного альянса» Ахмад Шаха Масуда, однако полностью взять под контроль ситуацию на севере Афганистана им не удалось. В этой ситуации в сентябре 1980 г. новым командующим 40-й армии был назначен генерал-лейтенант Б.И. Ткач, на долю которого пришлось и разработка первых крупных общевой-

сковых операций, и полноценное обустройство наших войск на всей территории сопредельной страны.

В **апрель — июне 1981 г.** части и соединения **201-й мотострелковой дивизии** полковника **В.А. Дрюнова** и **66-й мотострелковой дивизии** полковника **О.Е. Смирнова** успешно провели новую **Панджшерскую операцию** в провинции **Парван** и **Джелалабадскую операцию** в провинции **Нангархар**, где в труднодоступном районе афгано-пакистанской границы взяли штурмом крупный укрепленный район моджахедов **Тора-Бора**. Затем, в **декабре 1981 г.**, советские и афганские войска под руководством начальника штаба **40-й армии** генерал-майора **Н.Г. Тер-Григоряна** разгромили базовый лагерь оппозиции в ущелье **Дарзаб** в провинции **Джаузджан**. Однако общая ситуация в Афганистане продолжала стремительно ухудшаться.

Весь **1982 г.** на территории страны шли тяжелые бои с отрядами афганских моджахедов в провинциях **Кандагар**, **Парван** и **Каписа**. Советские войска вынуждены были вновь проводить две крупных операции в **Панджшерском ущелье**, однако реального улучшения ситуации не произошло. Центральное афганское правительство по-прежнему контролировало только **Кабул** и еще ряд крупных городов страны, в частности **Герат**, **Кандагар** и **Джелалабад**, но большая часть Афганистана находилась под контролем отрядов антикабульских моджахедов. В создавшейся ситуации в **ноябре 1982 г.** в **Москве** прошли первые переговоры нового **Генерального секретаря ЦК КПСС Ю.В. Андропова** с президентом Пакистана **М. Зия-уль-Хаком**, от исхода которых во многом зависел вопрос афганского урегулирования. Однако, как и ожидалось, они завершились полным провалом.

Вмешательство СССР в афганский конфликт вызвало всеобщее осуждение со стороны руководства США, Китая и государств Западной Европы. С резким осуждением **Москвы** выступили и руководители всех ведущих западноевропейских коммунистических партий. Самым серьезным последствием афганских событий стало резкое обострение всей международной обстановки. **Вашингтон** стал подозревать, что Советский Союз готовится к прорыву в район **Персидского залива**, чтобы установить полный контроль над его богатейшими нефтяными ресурсами. Поэтому уже в **начале января 1980 г.** президент **Дж. Картер** направил обращение в **Сенат США** с просьбой снять с ратификации подписанный в **Вене** советско-американский договор **ОСВ-2**, который так никогда и не был ратифицирован. Одновременно американская администрация официально заявила, что будет оставаться в пределах ограничений, согласованных в **Вене**, если Советский Союз будет следовать ее примеру. В результате этого острота конфликта была немного сглажена, однако **прежней «политике разрядки» пришел конец**, и напряженность в советско-американских отношениях стала нарастать как снежный ком.

В **конце января 1980 г.** **Дж. Картер** выступил с ежегодным посланием «**О положении страны**», в котором провозгласил новую внешнеполитическую доктрину США, в которой регион **Персидского залива** был объявлен зоной особых интересов США, ради защиты которых **Вашингтон** был готов пойти на применение вооруженной силы. Поэтому в соответствии с «**доктриной Картера**» попытки любой державы установить свой контроль над этим регионом были заранее объявлены посягательством на стратегические интересы США. Идеологом этой доктрины вновь стал **З.Бжезинский**, который сумел убедить президента **Дж. Картера** в том, что советское руководство формирует в **Центральной Азии** «антиамериканскую

ось» в составе СССР — Индия — Афганистан и предлагал создать «антисоветскую ось» в составе США — Пакистан — Китай — Саудовская Аравия. Принятие этой внешнеполитической доктрины привело к резкому размежеванию между **З. Бжезинским** и **С. Вэнсом**, который по-прежнему считал основным приоритетом США сохранение конструктивных отношений с СССР, что, в конце концов, привело к его отставке, которая произошла в **апреле 1980 г.**

Реагируя на афганские события, **Вашингтон** произвел изменения и в своем подходе к основным военно-политическим вопросам мировой политики. В частности, в **июле 1980 г.** в **секретной президентской директиве № 59** были изложены основные положения «**новой ядерной стратегии**» США, смысл которой состоял в возвращении к старому представлению о возможности одержать победу в ядерной войне. В частности, в этой директиве акцентировалась старая идея превентивного удара, которая в новой упаковке должна была стать ключевым элементом **доктрины «гибкого реагирования»**.

При этом руководство СССР и США довольно искаженно представляли себе намерения противоположной стороны. Так, американская администрация считала, что вторжение в Афганистан означало выбор **Москвы** в пользу глобальной конфронтации. А советское руководство было абсолютно уверено в том, что афганские события, имевшие сугубо второстепенное, региональное значение, служили для **Вашингтона** лишь удобным предлогом для возобновления глобальной гонки вооружений, к которой он всегда тайно стремился.

Вместе с тем, среди ведущих стран-участниц **НАТО** отсутствовало единство оценок в данном вопросе. В частности, руководство Франции и Италии не считали вмешательство **Москвы** в Афганистан событием мирового порядка и считали продолжение «политики разрядки» куда более важным направлением международного сотрудничества, чем конфронтация между СССР и США. Однако **Дж. Картер** постоянно предостерегал своих европейских союзников против «ошибочной веры в разрядку» и попыток сохранить с **Москвой** конструктивные отношения.

16. Конфликты внутри зон влияния сверхдержав на рубеже 1970–1980-х гг.

На **рубеже 1970–1980-х гг.** резко обострилась внутривнутриполитическая ситуация в одной из ведущих стран социалистического лагеря — Польше, которая стала удобным полигоном для удара по всей социалистической системе. Ситуация в стране осложнилась и таким неординарным внешним обстоятельством, как избрание в **октябре 1978 г.** на римский престол польского кардинала **Кароля Войтылы**, принявшего после интронизации имя **Иоанн Павел II**. Новый римский первосвященник стал уделять особое внимание положению католической церкви во всех странах социалистического лагеря, прежде всего, в самой Польше. Поэтому его визит на родину, состоявшийся в **июне 1979 г.**, способствовал консолидации всех антиправительственных сил в стране. Одновременно под влиянием неустанных выступлений римского понтифика стал быстро возрастать и интерес международного общественного мнения к тому, что происходит в этой стране. Более того, его призывы поддержать польскую оппозицию встретили самый горячий отклик у этнического поляка **З. Бжезинского**, который занимал ключевую позицию в администрации

Дж. Картера и сохранил свое влияние на американскую политику и после прихода к власти новой республиканской администрации во главе с президентом **Р. Рейганом**, победившим на президентских выборах в **ноябре 1980 г.**

Польша традиционно была не самой благополучной страной «социалистического лагеря», поскольку в политике **Первого секретаря ЦК ПОРП Владислава Гомулки**, руководившего страной с **1956 г.**, заметно усилились консервативные тенденции, которые вошли в хронический конфликт высшего партийного руководства с польской интеллигенцией, католическим духовенством и молодежью. Поэтому в **декабре 1970 г.**, после массовых антиправительственных выступлений, по «рекомендации» **Москвы** **В. Гомулка** был заменен на посту **Первого секретаря ЦК ПОРП Эдвардом Герек**ом.

В основу нового курса польское политическое руководство положило идею модернизации своей экономики за счет крупных зарубежных инвестиций, что в конечном итоге нанесло сокрушительный удар по всей польской экономике, поскольку по объему внешнего долга Польша намного опередила все страны социалистического лагеря. В **августе 1980 г.** в портовых городах балтийского побережья, прежде всего, в **Гданьске** прошла мощная волна забастовок, в ходе которых бастующие рабочие выдвинули требование создать независимые профсоюзы. Руководство **ЦК ПОРП** не рискнуло применить против забастовщиков военную силу, поэтому в **конце августа 1980 г.** в **Гданьске** было подписано беспрецедентное для всего социалистического лагеря соглашение, по которому правительство признало право рабочих на забастовки и создание независимых профсоюзов. В свою очередь лидеры оппозиции признали руководящую роль **ПОРП** и все международные обязательства Польши, в том числе в рамках **ОВД**. Подписание этого соглашения открыло путь к формированию нового профсоюзного объединения «**Солидарность**» во главе с судовым электриком **Лехом Валенсой**, которое вскоре превратилось в мощное общественно-политическое движение, способное соперничать с правящей **ПОРП**.

Конечно, ситуация в Польше серьезно беспокоила советское политическое руководство, однако учитывая «уроки пражской весны», **Москва** не желала повторения прежних ошибок. В **сентябре 1980 г.** **Э. Герек** был отправлен в отставку и новым руководителем **ЦК ПОРП** стал **Станислав Каня**, который до этого в качестве члена **Политбюро** курировал органы государственной безопасности страны. Кроме того, в **ноябре-декабре 1980 г.** у границ Польши были проведены масштабные военные учения стран **Варшавского договора**, что многие эксперты и политики расценили как угрожающий сигнал польской оппозиции в случае дальнейшего обострения ситуации в стране.

Однако уже в **феврале 1981 г.** было решено вновь укрепить польское политическое руководство, поскольку **С. Каня** стал сильно злоупотреблять алкоголем. Поэтому новым премьер-министром страны был назначен министр национальной обороны генерал армии **Войцех Ярузельский**, который уже в **октябре 1981 г.**, сменив **С. Канию** на посту **Первого секретаря ЦК ПОРП**, сосредоточил в своих руках всю полноту партийно-государственной власти в стране. Однако уже в **ноябре 1981 г.**, в **Варшаве** произошли столкновения оппозиции с полицией и, опасаясь перерастания этого конфликта в более острые формы противостояния, в **декабре 1981 г.** **В. Ярузельский** ввел военное положение в стране и образовал **Военный Совет на-**

ционального спасения. Естественно деятельность «Солидарности» и всех остальных оппозиционных групп, активно спонсируемых Ватиканом и Вашингтоном, была запрещена, а их лидеры интернированы за пределы страны.

Однако не все в порядке было и в зоне влияния США, поскольку помимо потери Ирана новые острые проблемы возникли и в традиционной зоне их влияния — в Центральной Америке, где резко обострилась ситуация в Никарагуа. С 1934 г. этой небольшой страной правил диктаторский клан семейства Сомоса, которому традиционно противостояли две структуры — Союз демократического освобождения (СДО) во главе с Педро Чаморро и Сандинистский фронт национального освобождения (СФНО), лидером которого был Даниэль Ортега.

В июле 1979 г. на волне мощных антиправительственных волнений и военных успехов сандинистов диктатор А.Д. Самоса бежал из страны, где было создано временное военное коалиционное правительство, в которое вошли представители обеих оппозиционных сил. Однако в 1980 г. правительственная коалиция распалась, и в стране стал формироваться новый гражданский конфликт, который вскоре вылился в вооруженное сопротивление правительству Д. Ортеги так называемых отрядов «контрас», которых очень активно поддерживали США. В ответ на эти действия американской стороны никарагуанскому правительству стали оказывать активную помощь СССР и Куба. Однако вскоре в этот конфликт оказались втянуты соседние Сальвадор и Гондурас, и в результате гражданское противостояние в одной из стран Центральной Америки постепенно переросло в новое глобальное соперничество СССР и США.

17. Внешнеполитическая стратегия СССР и США в первой половине 1980-х гг.

В начале 1980-х гг. новый конфликт двух сверхдержав определялся соперничеством за глобальное лидерство в мире. Обе страны стремились к установлению преобладающего влияния на международные дела и, сознавая это, властные элиты обоих государств всячески старались приписать сопернику самые зловещие намерения, чтобы отвлечь внимание от проявлений собственного экспансионизма. Причем, если в 1970-х гг. США проявляли в международных делах относительную сдержанность, то к началу 1980-х гг. пораженческий «вьетнамский синдром» начал здорово ослабевать и американские лидеры стали возвращаться к традиционным версиям борьбы за утверждение своего господства.

Советское руководство, давно отказавшись от концепции «мировой революции», встало на позиции доктрины «социалистического интернационализма», которая оставалась основой внешней политики СССР в отношении социалистических стран. Кроме того, в идейном арсенале КПСС имелась доктрина «солидарности с борьбой народов за свое социальное и национальное освобождение», которая позволяла обосновать возможность вмешательства СССР в любой региональный конфликт, где наблюдались очевидные признаки освободительных движений, межэтнических и социальных конфликтов. При этом идеологи КПСС, отбросив давнюю доктрину «саморазрушения капитализма» под давлением «внутренних противоречий» и обострения «классовых битв», переключились на периферийную стратегию ограничения влияния капитализма в окраинных регионах мира.

Идеология внешней политики США в эти годы стала приобретать характер **либерального экспансионизма**. Терминологически американские политики оставались в рамках прежних постулатов о «защите свободы, демократии и американских ценностей» от «посягательств безбожных коммунистов», но в реальности это означало фронтальное противостояние советскому влиянию по всем окраинным зонам международной системы. Американское руководство понимало «защиту интересов свободы и демократии» как **«передовое базирование»**, **«превентивную стратегию»** и **«активную оборону»**, поэтому идеология американской внешней политики позволяла обосновать необходимость своего вмешательства за рубежом с такой же легкостью, как и советская доктрина.

Ряд самых влиятельных членов советского политического руководства, прежде всего, министр обороны СССР маршал **Д.Ф. Устинов** и стоящий за его спиной советский **ВПК**, пытались отстоять лидерские амбиции страны посредством опоры на экстенсивное наращивание силового потенциала и создание новых видов вооружений, поглощавших огромные средства государственного бюджета страны. При этом в стране был создан колоссальный потенциал вооружений, многократно перекрывавший реальные потребности утешения Соединенных Штатов, но средства на военные цели продолжали расходоваться во все возрастающих масштабах. При этом финансирование гражданских отраслей постоянно отставало и не хватало инвестиций на обновление технологической базы остального промышленного комплекса страны во всем, что не касалось военных производств.

Соединенные Штаты стремились вырваться на позиции мирового лидера иным путем. Они сделали основную ставку на свое, не утраченное технологическое превосходство и на изматывание СССР через провоцирование его на постоянное увеличение своих военных расходов. Соединенные Штаты тоже не отказались от наращивания своих вооружений, но, обладая более мощной экономикой, они могли позволить себе более сбалансированное распределение бюджетных средств между отраслями военного и гражданского назначений.

В **декабре 1981 г.** новая американская администрация президента **Рональда Рейгана** объявила о введении дополнительных санкций против СССР из-за поддержки им «репрессивной политики руководства Польши». В частности, были закрыта советская закупочная комиссия в **Нью-Йорке**, прекращены поставки нефтегазового оборудования, прекращена выдача лицензий на продажу электронно-вычислительной техники, отсрочены переговоры по новому долгосрочному соглашению по зерну, было отказано в возобновлении соглашений по энергетике, научно-техническому сотрудничеству и космосу, а так же пересмотрены все соглашения по двустороннему обмену.

Западноевропейские, главным образом, германские и японские компании были очень недовольны американскими санкциями против СССР, и американской администрации пришлось оказывать жесткое давление на своих политических партнеров, чтобы заставить их действовать в русле американской политики. Особенно сильно были раздражены те европейские корпорации, которые были связаны с импортом советских энергоресурсов и совместно работали с советской стороной над проектом **«газ в обмен на трубы»**, в соответствии с которым они должны были поставить в Советский Союз трубы большого диаметра для транспортировки газа,

а СССР — построить из них газопровод от западносибирских месторождений до территории ФРГ.

Будучи хорошо осведомленной об экономических трудностях в СССР, американская администрация стремилась усилить давление на Советский Союз и в **феврале 1985 г.** президент **Р. Рейган**, переизбранный на новый срок, провозгласил новую «**доктрину неоглобализма**», смысл которой состоял в намерении отказаться от всех самоограничений, которые США налагали на свою политику в отношении «коммунистических стран». По сути, **Р. Рейган** предлагал американской элите вернуться к проведению подлинно глобальной политики, что в его интерпретации означало готовность США противостоять «мировому коммунизму» одновременно в любой точке мира.

18. Новый виток гонки вооружений в начале 1980-х гг.

Новый президент США **Р. Рейган**, порицавший в ходе избирательной компании своих оппонентов демократов за слишком большое внимание к Советскому Союзу, считал, что главной внешнеполитической задачей США должно стать изживание «вьетнамского синдрома сдержанности» в военно-политических вопросах и возврат к проведению напористой внешней политики времен **Г. Трумэна** и **Д. Эйзенхауэра**. Президент **Р. Рейган** всерьез намеревался сломать стратегическое равновесие с СССР и изменить соотношение сил в пользу США, что неизбежно выводило обе сверхдержавы на новый виток гонки вооружений — на более высоком технологическом уровне, который могли себе позволить США, «прорвавшись» в предшествующие годы на новый этап научно-технического прогресса.

Более того, как установили ряд историков (**В. Крашенинникова**), в Совете национальной безопасности США, который в **январе 1982 г.** возглавил личный друг президента **Уильям Кларк**, была создана особая секретная группа в составе **12 человек**, о существовании которой даже не подозревали вице-президент США **Джордж Буш** и госсекретари **Александр Хейг** и **Джордж Шульц**. Будучи религиозным фанатиком-пресвитерианцем и ультраправым консерватором, **Р. Рейган** был абсолютно убежден, что его историческая миссия состоит в разрушении СССР. Поэтому он собрал в этой группе команду настоящих «политических головорезов», которым поставил вполне конкретную задачу по составлению комплексного плана уничтожения СССР, включавшего в себя принципиально новые экономические, военные, информационные и психологические аспекты «холодной войны». Вскоре такой план, включавший в себя обвал мировых цен на нефть, срыв советско-европейских энергетических проектов, новую гонку вооружений посредством программы «**Звездных войн**» и т.д., был представлен президенту и одобрен им.

Новая республиканская администрация объявила **1970-е гг.** «десятилетием бездействия», а политику разрядки — политикой с «односторонним движением». В отличие от прежней республиканской администрации **Р. Никсона**, которая считала паритет между СССР и США нежелательным, но неизбежным, администрация **Р. Рейгана** взяла откровенный курс на завоевание военно-силового превосходства. Однако, не желая портить отношения с европейскими партнерами, администрация **Р. Рейгана** вынуждена была возобновить переговорный процесс.

Наиболее острой проблемой международной безопасности, доставшейся республиканцам в наследство от демократов, было предстоящее в 1983 г. размещение американских ракет средней дальности (РСД) «Першинг-2» и крылатых ракет наземного базирования (КРНБ) в Западной Европе. Хотя соответствующее решение было принято странами НАТО еще в 1979 г., руководители западных держав испытывали определенные страхи в связи с предстоящим осуществлением этого решения, поскольку не знали, насколько бурной может быть ответная реакция **Москвы**.

В **ноябре 1981 г.** президент **Р. Рейган** выступил с предложением ограничить ядерные вооружения в Европе посредством принятия так называемого «**нулевого варианта**», в соответствии с которым США должны были отказаться от размещения ракет «Першинг-2» и крылатых ракет (КРНБ), а СССР — демонтировать размещенные в Европе новые ракеты **СС-20** и старые ракеты **СС-4** и **СС-5**. В ответ советское руководство выступило с контрпредложениями и в **марте 1982 г.** на **Всесоюзном съезде профсоюзов Л.И. Брежнев** заявил о решении советского правительства ввести в одностороннем порядке мораторий на развертывание ядерных вооружений средней дальности в европейской части СССР. Этот мораторий должен был действовать до достижения соответствующего соглашения с США или до того момента, когда **Вашингтон** перейдет к практической подготовке развертывания в Европе ракет «Першинг-2» и крылатых ракет (КРНБ).

В 1981–1983 гг. при участии СССР и США сложились четыре основных переговорных блока по вопросам ограничения вооружений, но работа в рамках этой переговорной системы не приносила желанных результатов. **Москва** отвергала «**нулевой вариант**», отказываясь уничтожить свои ракеты средней дальности, считая его «односторонним разоружением» СССР. Помимо этого, Советский Союз исходил из того, что при оценке суммарных соотношений потенциалов вооружений СССР и США следовало учитывать не только советские и американские ударные средства, но и ядерный потенциал Франции и Великобритании. В **Москве** справедливо полагали, что эти вооружения потенциально являются стратегическим резервом США, с учетом которого американская сторона имеет силовые преимущества над советской стороной. Американские переговорщики отвергали такую логику своих оппонентов, тем более что против нее выступали французское и британское правительства, которые утверждали, что их независимый ядерный потенциал не может быть предметом двусторонних советско-американских переговоров. Наконец, советская сторона увязывала возможность договоренности по этому вопросу с ратификацией США договора **ОСВ-2**.

В отличие от 1970-х гг. переговорный процесс между США и СССР сопровождался не взаимной сдержанностью, а ростом агрессивной наступательной политики американской стороны. **Вашингтон** вполне сознательно провоцировал **Москву** на новый виток гонки вооружений, которая, как рассчитали аналитики разведывательных служб США, должна была привести к полному экономическому истощению СССР в ближайшей исторической перспективе. Следуя этой линии, в **марте 1983 г.** президент **Р. Рейган** огласил программу «**Стратегической оборонной инициативы**» (СОИ), которая, как оказалась, была самым настоящим блефом, но которая послужила инструментом вовлечения СССР в дорогостоящие работы по разработке средств нейтрализации американских мер.

Проект СОИ предусматривал создание системы защиты от **МБР** на основе строительства в космическом пространстве специальных платформ, на которых могли быть размещены сверхмощные лазерные установки, способные поражать ракеты противника на подлете к территории США. **Проект СОИ** противоречил **Договору по ПРО (1972)**, запрещавшему создание территориальной противоракетной обороны, что фактически означало отказ **Вашингтона** от доктрины «**взаимно гарантированного уничтожения**» и возвращение к логике борьбы за военное превосходство.

В результате ни по одному из обсуждавшихся на **Женевских переговорах** военно-политических вопросов добиться результатов не удалось и в **сентябре 1983 г.** первые американские ракеты были доставлены на пункты своего базирования на территорию Великобритании, ФРГ и Италии. Стратегическая ситуация в Европе резко изменилась, снизился порог возможного конфликта, поскольку особый дестабилизирующий эффект новых ядерных средств в Европе определялся малым подлетным временем ракет от места пуска до предполагаемой цели. За столь короткий срок стороны не имели возможности ни применить контрмеры, ни вступить в переговоры на предмет выявления намеренного или случайного характера произведенного запуска.

Одновременно с этим во всех средствах массовой информации западных стран началась широкомасштабная и хорошо спланированная антисоветская кампания, которая резко усилилась после того, как советские летчики **40-й истребительной авиадивизии** генерал-майора **А.М. Карнукова** по приказу командующего **Дальневосточным Военным округом** генерала армии **И.М. Третьяка** сбили над **Сахалином** пассажирский южнокорейский «**Боинг-747**», дважды нарушивший воздушное пространство СССР. В настоящее время точно установлено, что гибель этого воздушного судна, который был американским самолетом-разведчиком, была заранее спланированной американскими спецслужбами провокацией, но тогда именно этот инцидент послужил началом настоящей антисоветской истерии. Тон всей этой мерзопакостной кампании задал сам президент **Р. Рейган**, который назвал Советский Союз «империей зла» и призвал весь «цивилизованный мир» пойти «крестовым походом против СССР».

В **ноябре 1983 г.** последовало угрожающее по своему смыслу и тональности заявление советского руководства о положении в Европе в связи с размещением там американских ракет. Советское руководство, вполне справедливо возложив всю ответственность за рост международной напряженности на западные страны, заявило о прекращении **Женевских переговоров** по вопросам ограничения ядерных вооружений в Европе, отмене моратория на размещение советских ядерных средств средней дальности в европейской части СССР, ускорении подготовительных работ на территории ГДР и ЧССР для размещения там оперативно-тактических ракет повышенной дальности и развертывании дополнительных ядерных средств морского базирования. Затем, в **декабре 1983 г.**, советская сторона заявила о приостановке своего участия в **Женевских переговорах** по ограничению и сокращению стратегических вооружений (**ОССВ**) и **Венских переговорах** о взаимном сокращении вооруженных сил и вооружений в Центральной Европе.

В ответ на размещение американских ракет в Западной Европе Советский Союз разместил на территории Чехословакии и ГДР оперативно-тактические ком-

плексы **ОТР-22** и **ОТР-23**, а также продвинул **ПЛАРБ** ближе к Атлантическому и Тихоокеанскому побережьям США. Широкомасштабные ответные меры были осуществлены и в стратегической сфере. Советские ракетные войска стратегического назначения (**РВСН**) были оснащены самым современным оружием — баллистическими ракетами большой дальности, которые обладали **РГЧ** значительной поражающей мощностью и были способны наносить удары одновременно по многим объектам противника. Кроме того, в ответ на разворачивание Соединенными Штатами **ПЛАРБ «Трайидент»** Советский Союз приступил к постройке подводных лодок **«Тайфун»** аналогичного класса.

Между тем, рост советской экономики прекратился и наступил период стагнации. Разрыв в уровнях технической оснащенности гражданских отраслей в СССР и подавляющем большинстве стран Запада и Японии к **середине 1980-х гг.** стал просто разительным. Даже для поддержания должного технологического уровня военного производства Советский Союз был вынужден прибегать к спецоперациям по нелегальному приобретению зарубежных технических разработок и образцов продукции, прежде всего, новейшего оборудования для обработки металлов и станкостроения.

Огромные доходы от экспорта нефти, полученные в **1970-х гг.**, были быстро растрчены, не обеспечив рывка советской промышленности. Из-за истощения старых легкодоступных месторождений углеводородов экспорт советской нефти сократился, а освоение новых месторождений требовало дополнительных инвестиций. Между тем, мировые цены на нефть перестали расти, отчасти из-за уменьшения спроса на нее со стороны развитых стран, перешедших на технологии энергосбережения. В результате был, по сути, подорван основной источник формирования бюджета СССР, который стал терять прежнюю способность финансировать проведение активной внешней политики.

Таким образом, по мнению ряда современных авторов (**А. Богатуров, В. Аверков, М. Наринский**), основным итогом биполярной конфронтация стало частичное экономическое истощение СССР, который стал проигрывать конкуренцию с США. Опираясь на более эффективную экономическую модель, США смогли преодолеть трудности **1970-х гг.** и обеспечить рост своих внешнеполитических ресурсов, которые в соединении с ресурсами американских военных союзников позволили **Вашингтону** победить Советский Союз в многолетнем глобальном противостоянии. **Ялтинско-потсдамский порядок**, в основе которого лежали регулируемое противостояние двух сверхдержав и сохранение статус-кво в военно-политической и политико-дипломатической областях, стал разрушаться и обе державы перешли к его ревизии.

Однако подобная оценка, столь характерная для всей постсоветской историографии, в настоящий момент совершенно справедливо критикуется целым рядом видных авторов (**С. Кара-Мурза, Н. Нарочницкая, Г. Ханин, В. Катасонов**), которые не склонны столь однозначно расценивать «эффективность» американской и «неэффективность» советской экономик. Причина проигрыша СССР крылась совсем в иных обстоятельствах, в том числе сугубо субъективного характера, а именно прихода к власти **М.С. Горбачева и Ко.**

Тема: СССР НАКАНУНЕ ПЕРЕСТРОЙКИ В 1982–1985 ГГ.

План:

1. Борьба Ю.В. Андропова за власть в 1973–1982 гг.
2. Правление Ю.В. Андропова в 1982–1984 гг.
3. Правление К.У. Черненко в 1984–1985 гг.

1. Борьба Ю.В. Андропова за власть в 1973–1982 гг.

Первоначально трудно было предположить, что в лице **Ю.В. Андропова** советские органы госбезопасности способны попытаться взять реванш в борьбе за власть с партийной номенклатурой, которую они потеряли после незаконного устранения **Л.П. Берия**. Однако сам **Ю.В. Андропов**, видимо, считал иначе. По утверждению ряда современных авторов (**В. Соловьев, Е. Клепикова**), еще в конце 1960-х — начале 1970-х гг., едва успев укрепиться на посту председателя **КГБ СССР**, который впервые со времен **И.В. Сталина** опять вошел в состав **Политбюро ЦК**, он начинает подбирать свою команду и расставлять своих людей на стратегически важных участках борьбы за власть.

Уже в июле 1969 г. на волне борьбы с коррупцией, серьезно поразившей все закавказские республики, к власти в Азербайджане впервые приходит кадровый чекист: вместо прежнего руководителя республики **В.Ю. Ахундова**, правившей ей без малого десять лет, **Первым секретарем ЦК КП Азербайджана** становится руководитель республиканского **КГБ** генерал-майор **Гейдар Алиевич Алиев**. По мнению ряда советологов (**В. Соловьев, Е. Клепикова**), это назначение стало первой отдаленной победой **Ю.В. Андропова** в борьбе за высшую власть в стране. Однако другие авторы (**Ф. Бобков**) утверждают, что назначение **Г.А. Алиева** произошло по более банальной причине, в частности подсказке брежневского свояка, первого заместителя председателя **КГБ СССР** генерал-полковника **С.К. Цвигуна**, заместителем которого **Г.А. Алиев** и был в бытность того председателем **КГБ Азербайджанской ССР**.

Затем аналогичная смена власти произошла в Грузии, где в сентябре 1972 г. в отставку был отправлен многолетний руководитель республики **Василий Павлович Мжанавадзе** и новым **Первым секретарем ЦК КП Грузии** стал министр внутренних дел генерал-майор **Эдуард Амвросиевич Шеварнадзе**. Ряд современных авторов (**В. Соловьев, Е. Клепикова, Н. Зенькович**), опять же, утверждают, что это назначение стало следующим шагом **Ю.В. Андропова** на пути к высшей власти. Однако думается, что такие оценки, событий, произошедших на Кавказе, вряд ли тогда, когда **Л.И. Брежнев, А.Н. Косыгин, М.А. Суслов, А.П. Кириленко, Ф.Д. Кулаков** и другие члены **Политбюро ЦК** и **Секретариата ЦК** были еще вполне здоровы и находились в самом расцвете политических сил, могли каким-то образом повлиять на укрепление позиций **Ю.В. Андропова** в верхних эшелонах власти. Тем более, в эту схему не вполне вписывается смена власти в третьей закавказской республике — Армении, где в ноябре 1974 г. прежнего руководителя республики **А.Е. Кочиняна** заменил новый **Первый секретарь ЦК КП Армении** **Карен Серобович Демирчян**, который был профессиональным партийным работником и никого отношения к «силовикам» никогда не имел.

На наш взгляд, реальное укрепление позиций **Ю.В. Андропова** в верхних эшелонах власти произошло в **апреле 1973 г.**, когда он стал полноправным членом **Политбюро ЦК**. А реальные шансы на обладание высшей власти у главного чекиста страны появились только в **ноябре 1974 г.**, когда сразу после завершения знаменитой советско-американской встречи во **Владивостоке** на обратном пути в **Москву** у **Л.И. Брежнева** произошел ишемический инсульт.

Однако на пути **Ю.В. Андропова** к вершинам власти стояли и другие мощные фигуры, которые пользовались гораздо большей популярностью и влиянием в центральном партийном аппарате и у региональных партийных вождей — **М.А. Суслов**, **Ф.Д. Кулаков**, **Д.Ф. Устинов** и другие. Кроме того, к этому времени **Ю.В. Андропов** сам серьезно заболел и уже находился на гемодиализе почек.

Вероятнее всего, новое обострение борьбы за власть произошло во **второй половине 1976 г.**, когда у **Л.И. Брежнева** произошел второй инсульт. Именно тогда **Ю.В. Андропов**, хорошо осведомленный о состоянии здоровья генсека и других членов **Политбюро ЦК** через своего доверенного информатора — начальника **4-го Главного Управления Минздрава СССР** академика **Е.И. Чазова**, решил начать борьбу за власть.

По мнению ряда авторов (**Н. Зенькович**), в тот момент реальными наследниками генсека могли быть несколько человек, в частности два члена **Политбюро ЦК** — секретарь **ЦК Ф.Д. Кулаков**, который имел сильную поддержку у многих первых секретарей обкомов и крайкомов партии, и восходящая звезда политики, Первый секретарь **Ленинградского обкома КПСС Г.В. Романов**, которого активно поддерживали влиятельные члены **Политбюро М.А. Суслов** и **Д.Ф. Устинов**, за которыми стояли весь мощнейший партийный аппарат и военно-промышленный комплекс страны.

Однако в **июле 1978 г.** совершенно неожиданно скоропостижно скончался **Ф.Д. Кулаков**, смерть которого ряд авторов (**В. Соловьев**, **Е. Клепикова**, **А. Лукьянов**, **Н. Зенькович**) напрямую связали с именем **Ю.В. Андропова**. Сразу после этого события началась острая борьба за то, кто именно сменит умершего **Ф.Д. Кулакова** и станет новым куратором всего сельскохозяйственного комплекса страны. Основными претендентами на этот пост были первый секретарь **Полтавского обкома Ф.Т. Моргун** и первый секретарь **Ставропольского крайкома М.С. Горбачев**. Первый руководитель был хорошо известен как крупный организатор и знаток сельского хозяйства страны. Второй был знаменит только тем, что, будучи «курортным секретарем», к которому на минеральные воды приезжали подлечиться практически все престарелые члены **Политбюро**, пользовался личной поддержкой двух самых влиятельных членов узкого руководства страны — **М.А. Суслова** и **Ю.В. Андропова**.

Именно их стараниями «подлесок» **М.С. Горбачев** в **ноябре 1978 г.** был избран секретарем **ЦК** по сельскому хозяйству. Однако, желая сохранить баланс сил в узком руководстве, на том же **Пленуме ЦК** новым членом **Политбюро** стал ближайший брежневский соратник, секретарь **ЦК** и заведующий ключевым **Общим отделом ЦК К.У. Черненко**. В **ноябре 1979 г.** **М.С. Горбачев** становится кандидатом в члены **Политбюро**, а ровно через год, в **октябре 1980 г.**, его избирают полноправным членом **Политбюро ЦК**, что, безусловно, усилило позиции **Ю.В. Андропова** в борьбе за власть.

К тому времени **Ю.В. Андропов** уже имел своих людей во многих властных структурах — в центральном чекистском аппарате, в идеологических структурах

партии, академических институтах и даже диссидентском движении. Именно им, еще в бытность секретарем ЦК по работе с соцстранами, была выпестована целая когорта будущих «прорабов горбачевской перестройки», которых Л.И. Брежнев иронично называл «мои социал-демократы», подчеркивая этим их фактический «меньшевизм» в вопросах идеологии и политики. Среди этой когорты «внутрипартийных диссидентов» самые сильные позиции занимали Н.Н. Иноземцев, Г.А. Арбатов, В.В. Загладин, Г.Х. Шахназаров, А.И. Бовин, Н.В. Шишлин, К.Н. Брутенц и другие партийные аппаратчики и номенклатурные академики, которые «заразились» идеями евро-коммунизма еще в начале — середине 1960-х гг., находясь на стажировке в редакции международного журнала «Проблемы мира и социализма», которая размещалась в Праге.

В конце января 1982 г. во время плановой госпитализации совершенно неожиданно скончался многолетний второй секретарь ЦК М.А. Суслов. Очень странная смерть этого человека, бывшего образцом настоящего коммуниста-аскета и хранителя «лучших традиций партии», вызвала новый виток борьбы за власть. Было совершенно очевидно, что реальным наследником дряхлеющего генсека станет именно тот, кто займет этот ключевой пост в партийном аппарате страны. Наиболее реальными шансами на успех обладал опытный партийный аппаратчик и настоящий виртуоз организационно-партийной работы К.У. Черненко, который и стал после смерти М.А. Суслова вести еженедельные заседания Секретариата ЦК. Но де-юре это положение должен был узаконить Пленум ЦК, который был назначен только на конец мая 1982 г.

Все эти месяцы между враждующими группировками шла смертельная схватка за власть, особую остроту которой придавала открытая вражда Ю.В. Андропова с министром внутренних дел СССР Н.А. Щелоковым, которые патологически презирали и ненавидели друг друга. «Днепропетровский клан» прекрасно понимал, что ему грозит, в случае прихода к власти Ю.В. Андропова и делал все возможное, чтобы скомпрометировать главу КГБ СССР в глазах генсека. Однако им это сделать не удалось, и в мае 1982 г. шеф тайной полиции при поддержке очень влиятельного маршала Д.Ф. Устинова не просто вернулся в ЦК, но де-факто стал вторым секретарем ЦК, что неизмеримо подняло его шансы в борьбе за власть. Однако эти шансы были не стопроцентными, поскольку совершенно неожиданно новым председателем КГБ СССР был назначен генерал-полковник В.В. Федорчук, который с поста руководителя КГБ УССР был сразу переведен на столь высокий пост в Москву, что было совершенно беспрецедентным событием в истории страны.

На наш взгляд, этот поразительный факт мог свидетельствовать о том, что Л.И. Брежнев, вероятнее всего, решил передать всю власть своему старому товарищу и личному другу, Первому секретарю ЦК Компартии Украины В.В. Щербицкому, который он «по-отечески» любил и безмерно уважал и ценил. Это вполне правдоподобное предположение подкрепляется и мнением ряда авторитетных мемуаристов, в частности члена Политбюро, Первого секретаря МГК КПСС В.В. Гришина и секретаря ЦК И.В. Капитанова, которые утверждали, что на конец ноября 1982 г. был назначен очередной Пленум ЦК, на котором предполагалось узаконить плавный переход власти. В частности, смысл всей этой интриги состоял в том, чтобы на предстоящем Пленуме ЦК учредить пост почетного председателя партии, пере-

местить на этот пост больного генсека, а новым **Генеральным секретарем ЦК КПСС** избрать вполне здорового и полного сил **В.В. Щербицкого**.

Но по воле рокового случая вся эта интрига не увенчалась успехом, поскольку **10 ноября 1982 г. Л.И. Брежнев** скончался во сне от острого сердечного приступа. В современной литературе, во многом под влиянием мемуаров главного кремлевского эскулапа академика **Е.И. Чазова**, смерть **Л.И. Брежнева** традиционно преподносится как вполне ожидаемое событие, которое произошло естественным путем. Однако в свете последних открытий эта смерть не кажется такой уж ожидаемой и, вполне возможно (**В. Соловьев, Е. Клепикова, Н. Зенькович**), что к ней каким-то образом был причастен и **Ю.В. Андропов**.

2. Правление Ю.В. Андропова в 1982–1984 гг.

Смерть **Л.И. Брежнева** для многих стала полной неожиданностью, поскольку еще в день юбилея Октябрьской революции **7 ноября 1982 г.** он приветствовал праздничные колонны демонстрантов с трибуны **Мавзолея**. После окончания юбилейных торжеств он, как всегда, отправился в свою любимую резиденцию — охотничье угодье **Завидово** и никаких жалоб на свое здоровье не высказывал, а утром **10 ноября** офицеры охраны нашли генсека мертвым. Именно здесь на брежневской даче **Ю.В. Андропов, Д.Ф. Устинов** и **А.А. Громыко** договорились о передаче власти бывшему шефу тайной полиции.

Никто из соперников **Ю.В. Андропова**, будь-то члены «днепропетровской группировки» — **К.У. Черненко** и **Н.А. Тихонов**, будь-то лидеры крупнейших столичных и республиканских парторганизаций — **В.В. Гришин, Г.В. Романов, В.В. Щербицкий** и **Д.А. Кунаев** не выступили против восхождения **Ю.В. Андропова** на высшую ступеньку власти в стране. Более того, на внеочередном **Пленуме ЦК**, прошедшем **12 ноября 1982 г.**, по личной просьбе **Д.Ф. Устинова** с предложением о выдвижении **Ю.В. Андропова** на пост генсека выступил никто иной, как его главный конкурент **К.У. Черненко**.

За проявленную «мудрость» и нежелание обострять борьбу за власть, **К.У. Черненко** был сполна вознагражден на первом же заседании **Политбюро ЦК**, состоявшемся уже **18 ноября**. Именно ему при распределении обязанностей между членами **Политбюро** было поручено вести **Секретариат ЦК** и курировать работу ключевых **Отделов ЦК** — общего, организационно-партийной работы, административных органов и идеологии. Иными словами, именно **К.У. Черненко** де-юре и де-факто стал вторым секретарем ЦК. Кроме того, он сумел протолкнуть на должность заведующего **Общим отделом ЦК** свою прямую креатуру **К.М. Боголюбова**, который стал вместе со своим патроном формировать повестку дня заседаний **Политбюро** и **Секретариата ЦК**, что имело в тогдашней системе власти колоссальное значение.

Однако сразу после прихода к высшей власти **Ю.В. Андропов** стал целенаправленно усиливать свои позиции в высшем руководстве страны и формировать свою «команду реформаторов». Уже **22 ноября 1982 г.** на очередном **Пленуме ЦК** были приняты важные кадровые решения: 1) из состава **Политбюро** и **Секретариата ЦК** был выведен старинный брежневский друг **А.П. Кириленко**, прогрессирующий маразм которого уже ни для кого не был секретом; 2) новым полноправным членом **Политбюро ЦК** был избран **Г.А. Алиев**, который одновременно был переве-

ден в **Москву** на должность первого заместителя председателя **Совета Министров СССР**, с вероятным прицелом его скорого восхождения пост председателя **Совета Министров СССР**, который занимал престарелый **Н.А. Тихонов**; 3) в аппарате **ЦК** была впервые учреждена должность секретаря **ЦК** по экономике, на которую был избран чистый «технар» и производственник **Н.И. Рыжков**, который до этого занимал должность первого заместителя председателя **Госплана СССР** и никогда не работал в партийном аппарате. Кроме того, он возглавил вновь организованный **Экономический отдел ЦК**, который должен был стать «мозговым штабом» по подготовке и проведению новой экономической реформы.

В **декабре 1982 г.** произошла давно ожидаемая рокировка в ведущих силовых структурах страны: с поста министра внутренних дел СССР был снят генерал армии **Н.А. Щелоков**, которого сменил председатель **КГБ СССР** генерал армии **В.Ф. Федорчук**, а новым главой тайной полиции был назначен давнишний соратник **Ю.В. Андропова** генерал армии **В.М. Чебриков**. Тогда же, в **декабре 1982 г.** генсек провел первую крупную рокировку в центральном партийном аппарате: с должности главы ключевого **Отдела Агитации и пропаганды ЦК** был снят **Е.М. Тяжельников** и его место занял **Б.И. Стукалин**.

Кроме того, в **декабре 1982 г.** по прямому указанию **Ю.В. Андропова** ряд членов высшего руководства страны — **М.С. Горбачев**, **В.И. Долгих** и **Н.И. Рыжков**, которые как ведущие секретари **ЦК**, соответственно, курировали все сельское хозяйство, промышленность и экономику страны, начали совместную работу над новой экономической реформой. Причем, для подготовки этой программы впервые были привлечены наработки «диссидентов» от экономической науки, в частности известных советских академиков **А.Г. Аганбегяна**, **А.И. Анчишкина**, **О.Т. Богомолова**, **В.А. Тихонова**, **Т.И. Заславской** и ведущих докторов экономических наук **Л.И. Абалкина**, **Н.Я. Петракова**, **С.А. Ситаряна** и других. В центре внимания «новых реформаторов» были три ключевые проблемы: 1) существенное укрепление исполнительской дисциплины, 2) децентрализация управления и 3) роль экономических стимулов в развитии народного хозяйства страны.

В **январе 1983 г.** состоялось расширенное совещание в **ЦК КПСС**, на котором подробно обсуждались вопросы укрепления трудовой и производственной дисциплины, ставшие лейтмотивом всего правления нового генсека. То, что этот курс довольно быстро вылился в чисто полицейские мероприятия и демонстрацию силы, мало кого смущало, напротив, новый курс получил всемерную поддержку большинства советских граждан, которые истосковались по твердой руке и элементарному порядку в стране.

Параллельно с этим «усилением» власти, **Ю.В. Андропов** делает ее более открытой, что в тогдашних условиях было смертельно опасно для нее. В частности, в центральной партийной печати начинают еженедельно публиковаться отчеты о вопросах, обсуждаемых на **Политбюро ЦК**, — т.е. та информация, которая еще со времен **И.В. Сталина** относилась к категории высших государственных секретов. Тогда же в центральную и местную печать начинает проникать первая, ранее закрытая информация о фактах разложения власти и коррупции в партийном и советском аппаратах, которую по прямому указанию генсека «сливали» в прессу **Генеральная Прокуратура СССР (А.М. Рекунков)** и **КГБ СССР (В.М. Чебриков)**. Одновременно по указанию генсека чекисты и прокурорские работники центрального аппарата

стали усиленно раскручивать «милицейское», «московское», «краснодарское», «узбекское» и другие коррупционные дела, в которых были замешаны ряд крупных партийных и государственных работников, в том числе кандидат в члены Политбюро ЦК, Первый секретарь ЦК КП Узбекистана Р.Ш. Рашидов, бывший министр внутренних дел СССР Н.А. Щелоков, бывший первый секретарь Краснодарского крайкома С.Ф. Медунов и другие.

В марте 1983 г. в главном теоретическом журнале «Коммунист» была опубликована статья Ю.В. Андропова «Карл Маркс и некоторые вопросы социалистического строительства в СССР», в которой генсек откровенно заявил, что «мы еще не изучили в должной степени то общество, в котором живем и трудимся, поэтому порой вынуждены действовать эмпирически, путем проб и ошибок». Кроме того, в этой статье он фактически дезавуировал идею непосредственного перехода к коммунизму, заменив ее идеей «совершенствования развитого социализма», подчеркнув при этом, что «наша страна находится в начале этого длительного исторического этапа, который, естественно, будет знать свои периоды и свои ступени роста».

В современной историографии существуют разные оценки этой статьи. Так, либеральные авторы (Р. Пихоя, А. Шубин) полагают, что это «теоретический» трактат, подготовленный по случаю столетнего юбилея со дня смерти К. Маркса, носил чисто ритуальный характер и не имел программного характера. Однако их оппоненты из патриотического лагеря (И. Фроянов, А. Вдовин, А. Барсенков) категорически утверждают, что эта работа генсека носила программный характер и фактически означала победу «западнического крыла» партийно-государственного истеблишмента страны.

Тогда же, в марте 1983 г. произошло серьезное укрепление позиций А.А. Громыко, который впервые со времен В.М. Молотова, оставаясь на посту министра иностранных дел СССР, был назначен первым заместителем председателя Совета Министров СССР. С чем было связано это высокое назначение, которое, безусловно, серьезно повысило аппаратный вес многолетнего главы внешнеполитического ведомства страны, до сих пор остается загадкой для историков.

В апреле 1983 г. при активной поддержке М.С. Горбачева, А.А. Громыко и Д.Ф. Устинова Ю.В. Андропов провел новую серьезную рокировку в центральном партийном аппарате. В частности, на ключевой пост главы Организационно-партийного отдела ЦК, который занимался подбором и расстановкой всех более-менее значимых партийных и государственных кадров, занял первый секретарь Томского обкома Е.К. Лигачев. А прежний глава этого отдела секретарь ЦК И.В. Капитонов, занимавший этот пост весь период брежневского правления, стал отныне курировать в Секретариате ЦК «расстрельный» ширпотреб. При этом надо подчеркнуть, что перед назначением Е.К. Лигачева на должность главного партийного «кадровика» Ю.В. Андропов дал ему четкую установку «провести кадровую революцию» и, невзирая на лица и их прежние заслуги, очистить партийный аппарат от зарвавшихся и неспособных к «активной созидательной работе товарищей». Надо сказать, что Е.К. Лигачев с присущей ему бешеной энергией и рвением принялся исполнять это поручение генсека, и уже к концу 1983 г. партийный аппарат в стране был обновлен ровно на одну треть.

В июне 1983 г. состоялось новое укрепление позиций генсека и его команды во властной вертикали, поскольку на очередном Пленуме ЦК: 1) новым председателем

КПК при ЦК КПСС стал М.С. Соломенцев, сменивший на этом посту умершего А.Я. Пельше; 2) новым секретарем ЦК по оборонной промышленности с подачи Д.Ф. Устинова стал член Политбюро ЦК Г.В. Романов, который серьезно укрепил свои позиции во власти, и в частности среди очень влиятельного военно-промышленного лобби; 3) кандидатом в члены Политбюро ЦК был избран В.И. Воротников, который сменил М.С. Соломенцева на посту председателя Совета Министров РСФСР; 4) из состава ЦК КПСС были досрочно выведены Н.А. Щелоков и С.Ф. Межунов, что стало поистине беспрецедентным событием за последние три десятка лет.

На этом Пленуме ЦК своеобразный реванш попыталась взять «старая гвардия», лидер которой К.У. Черненко выступил с докладом «Актуальные вопросы идеологической и массово-политической работы партии». Этот доклад второго секретаря ЦК, выдержанный в последовательном брежневском духе, настолько не понравился Ю.В. Андропову, что вопреки установленному порядку, вечернее заседание Пленума ЦК вел уже не К.У. Черненко, а М.С. Горбачев, который фактически стал правой рукой генсека.

Сразу после завершения Пленума ЦК состоялась сессия Верховного Совета СССР, на которой по традиции Ю.В. Андропов был избран председателем Президиума Верховного Совета СССР, обязанности которого с ноября 1982 г. исполнял престарелый кандидат в члены Политбюро, первый заместитель председателя ПВС СССР Василий Васильевич Кузнецов, уже побывавший «в шкуре» временного «президента» страны.

В июле-августе 1983 г. по инициативе Ю.В. Андропова принимается несколько совместных постановлений ЦК КПСС, Совета Министров СССР и ВЦСПС, в том числе «О мерах по ускорению научно-технического прогресса в народном хозяйстве», «О дополнительных мерах по расширению прав производственных предприятий в планировании и хозяйственной деятельности», «Об усилении работы по укреплению социалистической дисциплины труда» и «О дополнительных мерах по укреплению трудовой дисциплины», которые в целом определили новый вектор хозяйственной и внутренней политики нового лидера страны.

Тем временем, в июле 1983 г. во время планового отдыха в Крыму у К.У. Черненко совершенно непредвиденно случилось острое пищевое отравление, которое привело к тяжелой интоксикации всего организма, что в условиях тотального контроля всех продуктов в специальных лабораториях 9-го Управления КГБ СССР, отвечавшего за охрану всех высших должностных лиц, выглядело более чем странно. По свидетельству главного кремлевского знахаря академика Е.И. Чазова положение было настолько угрожающим, что речь шла о возможной гибели второго человека в руководстве страны. Однако К.У. Черненко сумел побороть этот страшный недуг, но после перенесенной болезни его здоровье настолько пошатнулось, что руководство 4-го Главного Управления Минздрава СССР во главе с тем же Е.И. Чазовым прямо поставило вопрос о переводе К.У. Черненко на инвалидность с естественной отставкой с постов члена Политбюро и секретаря ЦК. Этот вопрос предполагалось решить на ближайшем Пленуме ЦК, однако последующие события не позволили реализовать этот «коварный» план.

В августе 1983 г. Ю.В. Андропов вновь серьезно перетряхнул центральный партийный аппарат. В частности, на ключевой пост руководителя Управления делами ЦК КПСС вместо старинного брежневского соратника и друга Г.С. Павлова был

назначен еще один горбачевский выдвиженец, первый зам. зав. **Сельскохозяйственным отделом ЦК Н.Е. Кручина**, а пост руководителя **Отдела науки и учебных заведений ЦК** вместо другого брежневского соратника **С.П. Трапезникова** занял ректор АОН при ЦК КПСС **В.А. Медведев**, который затем станет одним из главных «прорабов» и идеологов «горбачевской перестройки». Кроме того, именно тогда по инициативе **М.С. Горбачева** из «канадской ссылки» был возвращен самый одиозный представитель «горбачевской команды» разрушителей страны **А.Н. Яковлев**, который после смерти академика **Н.Н. Иноземцева** был назначен на очень престижный пост директора **Института мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО) АН СССР**, ставший одним из главных «мозговых центров» будущей «горбачевской перестройки».

Одновременно серьезной чистке были подвергнуты все союзное правительство и региональные партийные структуры. Всего за год с небольшим в отставку были отправлены два заместителя главы правительства **В.Н. Макеев** и **И.Т. Новиков**, 18 руководителей союзных министерств, в том числе министры путей сообщения **И.Г. Павловский**, тяжелого и транспортного машиностроения **В.Ф. Жигалин**, энергетического машиностроения **В.В. Кротов**, судостроительной промышленности **М.В. Егоров**, мясомолочной промышленности **С.Ф. Антонов**, сельского строительства **С.Д. Хитров** и внутренней торговли **А.И. Струев**, и 37 первых секретарей обкомов, крайкомов и рескомов партии, в том числе **Б.В. Попов** (Архангельского), **Л.С. Куличенко** (Волгоградского), **Н.С. Коновалов** (Калининского), **Г.П. Павлов** (Липецкого), **С.М. Шабает** (Витебского), **И.И. Скиба** (Ивано-Франковского), **А.К. Каримов** (Бухарского) и многие другие.

Однако эти важные перемещения во властной вертикали оказались, по сути, последними серьезными кадровыми решениями **Ю.В. Андропова**. В сентябре 1983 г. он уехал на отдых в Крым, где серьезно простудился и заработал флегмону — гнойное воспаление клетчатки, которая, в конечном итоге, и свела генсека в могилу. В Москве ему была сделана срочная операция, однако процесс болезни принял уже необратимый характер и с этого момента он полностью перестал бывать на **Старой площади** и в **Кремле**, и перенес свой рабочий кабинет в больничный корпус **ЦКБ**, где происходили все его встречи с высшим руководством страны.

Тем временем, в конце октября 1983 г., ушел из жизни кандидат в члены **Политбюро ЦК, Первый секретарь ЦК КП Узбекистана Ш.Р. Рашидов** — ключевая фигура всего брежневского правления, который пользовался особым расположением генсека. Однако при **Ю.В. Андропове** его положение резко пошатнулось, поскольку по личному указанию нового генсека сотрудники госбезопасности и прокуратуры стали активно раскручивать коррупционное «узбекское дело». Более того, по его же указанию произошло совершенно беспрецедентное событие — **Ш.Р. Рашидов** был вызван на прием к **Е.К. Лигачеву**, где ему было открыто заявлено о крайне неблагоприятном положении в республике и его персональной ответственности за создавшуюся ситуацию. Видимо, именно эти обстоятельства и стали непосредственной причиной трагической смерти **Ш.Р. Рашидова**, который, по одним сведениям, покончил жизнь самоубийством, а по другим — умер от острой сердечной недостаточности, находясь в рабочей поездке по республике.

В ноябре 1983 г. должен был состояться очередной **Пленум ЦК**, посвященный проблемам научно-технической революции, однако из-за болезни генсека он был

перенесен. Многие надеялись, что к этому времени **Ю.В. Андропов** сможет поправиться и выступить с программным докладом на нем, однако этого не произошло. В **декабре 1983 г.** состоялась работа отложенного **Пленума ЦК**, на котором **М.С. Горбачев** по поручению генсека зачитал его доклад, в котором содержались ряд новаций в экономической сфере. В частности, было заявлено о необходимости модернизировать прежний хозяйственный механизм, повысить действенность экономических рычагов и сделать особый упор на интенсивных методах развития советской экономики.

По свидетельствам ряда осведомленных мемуаристов, в частности личного помощника **Ю.В. Андропова** по экономическим вопросам **А.И. Вольского**, в заключительной части этого доклада содержался абзац, в котором генсек просил членов **ЦК** дать согласие, чтобы на время его болезни именно **М.С. Горбачев** руководил заседаниями **Политбюро ЦК**, однако в самый последний момент стараниями сотрудников **Общего отдела ЦК**, занимавшихся рассылкой этого доклада, этот абзац был странным образом изъят из него. Хотя, надо признать, что проверить достоверность этой информации до сих пор не удалось, поскольку никто из других участников этой «операции» не подтвердил, но и не опроверг ее.

На этом **Пленуме ЦК** были проведены и новые кадровые перестановки, которые отчасти усилили позиции команды **Ю.В. Андропова** в верхах: 1) полномочными членами **Политбюро ЦК** были избраны **М.С. Соломенцев** и **В.И. Воротников**; 2) кандидатом в члены **Политбюро ЦК** стал председатель **КГБ СССР В.М. Чебриков** и 3) новым секретарем **ЦК** был избран **Е.К. Лигачев**.

Однако эпоха **Ю.В. Андропова** закончилась так же внезапно, как и началась. В историю опять вмешался хорошо известный фактор, крайне слабо подвластный придворному интриганству, — здоровье престарелого лидера. **Ю.В. Андропову** так и не удалось до конца довести свои кадровые начинания, что делало шансы его команды «младореформаторов» в борьбе за власть мизерными по сравнению с позицией «старой гвардии». **9 февраля 1984 г.** **Ю.В. Андропов** скончался и решением **Политбюро ЦК** была создана похоронная комиссия, которую возглавил **второй секретарь ЦК К.У. Черненко**, что зримо говорило о том, кто будет новым лидером страны.

В современной историографии существуют диаметрально противоположные оценки личности и деяний **Ю.В. Андропова** на посту **Генерального секретаря ЦК КПСС** и лидера страны. Часть историков и мемуаристов либерального толка (**Р. Пихоя, А. Черняев**) считают его настоящим партийным фундаменталистом, который, искусно прикрываясь «либеральной фразеологией», по своей внутренней сути был ортодоксальным марксистом и собирался провести лишь косметический ремонт всей советской системы, совершенно не затрагивая ее социалистического базиса и коммунистической тоталитарной надстройки. Другие либеральные авторы, многие из которых входили в ближайшее окружение генсека (**Г.А. Арбатов**), утверждают, что **Ю.В. Андропов**, опираясь на китайский опыт реформ **Дэн Сяопина**, собирался сначала провести кардинальные реформы в экономике страны, а затем коренным образом реформировать и политический режим. Аналогичных оценок, но в более жесткой интерпретации придерживаются и ряд представителей патриотического лагеря (**И. Фроянов, А. Вдорвин, Т. Карякина**), которые прямо называют **Ю.В. Андропова** «отцом горбачевской перестройки». Более того, ряд современных авторов

(А. Шубин) считают, что политика «ускорения», проводившаяся М.С. Горбачевым в 1985—1987 гг., была прямым продолжением того внутриполитического курса, который был намечен именно Ю.В. Андроповым сразу после своего прихода к власти в 1982 г.

3. Правление К.У. Черненко в 1984–1985 гг.

По свидетельству ряда осведомленных мемуаристов (М.С. Горбачев, Е.И. Чазов), вопрос о новом **Генеральном секретаре ЦК** был решен на **Старой площади** в здании ЦК КПСС во время встречи четырех старейших членов высшего партийного руководства страны — К.У. Черненко, Н.А. Тихонов, Д.Ф. Устинова и А.А. Громыко.

13 февраля 1984 г. на заседании **Политбюро ЦК** во избежание любых неожиданностей глава правительства Н.А. Тихонов, взяв слово по ведению заседания, сразу предложил избрать новым **Генеральным секретарем ЦК К.У. Черненко** и весь состав высшего партийного ареопага единодушно поддержал это предложение. Хотя, ни для кого не было секретом, что новый генсек тяжело болен, именно он стал той компромиссной фигурой, которая вполне устроила всех членов **Политбюро** и **Секретариата ЦК**, где в тот переходный период, условно говоря, существовало три основных группировки.

Один «клан» состоял из представителей так называемой «брежневской группировки», в состав которой входили старейшие и авторитетные члены высшего руководства страны — К.У. Черненко, Н.А. Тихонов, Д.Ф. Устинов, А.А. Громыко, В.В. Щербицкий и Д.А. Кунаев. Члены этой группировки имели сильные позиции в центральном и республиканских партийных аппаратах, в государственных структурах и военно-промышленном комплексе страны.

Второй «клан» состоял из членов так называемой «команды реформаторов», костяк которой составляли М.С. Горбачев, В.И. Воротников, В.М. Чебриков, Н.И. Рыжков, Е.К. Лигачев и Э.А. Шеварнадзе. Вероятнее всего, именно эта группировка создавалась Ю.В. Андроповым как свой «стратегический резерв» и должна была прийти на смену ему в случае любых непредвиденных обстоятельств. Однако смерть Ю.В. Андропова произошла настолько быстро, что эта группировка не успела серьезно укрепить свой аппаратный вес в высших партийных и государственных структурах страны.

Третий «клан», который был своеобразным буфером между первыми двумя «кланами», составляли Г.А. Алиев, Г.В. Романов, М.С. Соломенцев, В.В. Гришин, В.И. Долгих, П.Н. Демичев, Б.Н. Пономарев, М.В. Зимянин, И.В. Капитонов и К.В. Русаков. При этом внутри этого «клана» существовало две группировки: большинство его членов составляли так называемое «болото», готовое поддержать любую победившую группировку в борьбе за власть, а ряд крупных партийных и государственных деятелей, в частности Г.А. Алиев, Г.В. Романов и В.В. Гришин, при определенном раскладе сил, были готовы сами побороться за высшую власть в стране.

13 февраля 1984 г. сразу после завершения заседания **Политбюро ЦК** состоялся внеочередной **Пленум ЦК**, на котором К.У. Черненко был избран новым **Генеральным секретарем ЦК**, хотя многих участников этого заседания само предложение об избрании К.У. Черненко явно озадачило. Однако в тогдашней практике не было

принято оспаривать решение высшего партийного ареопага, поэтому новый генсек был избран единогласно всеми членами ЦК. При этом пост председателя Президиума Верховного Совета СССР пока остался вакантным и формальным главой советского государства на переходный период вновь стал первый заместитель ПВС СССР В.В. Кузнецов.

Вскоре после этих событий состоялось заседание Политбюро ЦК, на котором был рассмотрен вопрос о новом распределении обязанностей между его членами. В ходе заседания К.У. Черненко предложил поручить ведение Секретариата ЦК М.С. Горбачеву, который в таком случае де-юре становился вторым секретарем ЦК, а значит, и самым реальным преемником больного генсека. Однако против этого назначения в крайне резкой форме выступил глава правительства Н.А. Тихонов, которого фактически поддержали А.А. Громыко и В.В. Гришин, предложившие перенести решение этого вопроса на неопределенный срок. И хотя весь период работы К.У. Черненко на посту генсека именно М.С. Горбачев де-факто вел заседания Секретариата ЦК, а в последнее время и заседания Политбюро ЦК, официальное решение о наделении его функциями второго секретаря ЦК так и не было принято Политбюро ЦК.

В апреле 1984 г. состоялась очередная сессия Верховного Совета СССР, на которой К.У. Черненко по уже заведенной традиции был избран Председателем Президиума Верховного Совета СССР, т.е. не только фактическим, но и юридическим главой советского государства.

По мнению большинства авторов (Р. Пихоя, А. Шубин, А. Вдовин), приход К.У. Черненко к власти сразу обернулся отказом практически от всех новаций умершего генсека и возвращением к брежневским традициям. Борьба за укрепление государственной и производственной дисциплины была фактически свернута, а нити многих коррупционных дел оборваны на уровне среднего управленческого звена. Зато в это время в центре внимания оказались дискуссия о новой Программе КПСС и стадии развития советского общества, которую теперь предлагалось называть не развитым, а развивающимся социализмом. Однако представляется, что данная оценка не вполне корректна, поскольку, например, сам К.У. Черненко не дал согласие на прекращение «милицкого дела» и именно при нем был окончательно решен вопрос об аресте его старинного товарища генерала армии Н.А. Щелокова, который не состоялся только ввиду самоубийства бывшего министра внутренних дел СССР, произошедшего в декабре 1984 г.

По мнению тех же современных авторов, знаковым решением нового руководства страны стало восстановление в партии ближайшего соратника И.В. Сталина В.М. Молотова, который был исключен из ее рядов еще в 1961 г., на волне новой хрущевской истерии по поводу сталинского культа. Сама фигура В.М. Молотова, который был старейшим членом большевистской партии с 1906 г., была поистине легендарной и до сих пор пользовалась огромной популярностью в стране. Поэтому в июне 1984 г., после очередной его просьбы о восстановлении в партии, решением Политбюро ЦК В.М. Молотов был восстановлен в ее рядах, а членский билет ему лично вручил генсек. Более того, на одном из заседаний Политбюро подавляющее большинство его членов, в том числе Д.Ф. Устинов, А.А. Громыко, М.С. Горбачев и Г.В. Романов, высказались за восстановление в партии и других членов «антипартийной группы» — Г.М. Маленкова и Л.М. Кагановича. Мотивируя это предложение, один из самых влиятельных членов высшего руководства

страны маршал **Д.Ф. Устинов** совершенно справедливо заявил, что «**ни один враг не принес столько бед нашей стране, сколько принес нам Хрущев** своей политикой в отношении прошлого нашей партии и государства, а также в отношении **Сталина**». Однако принятие этого решения было отложено, поскольку председатель **КГБ СССР В.М. Чебриков** высказал серьезную озабоченность тем, что их «реабилитация» вызовет ненужное брожение в обществе и приведет к новому всплеску антисоветской и антикоммунистической истерии на Западе.

Тем временем ряд ближайших соратников престарелого генсека, в частности его помощники **В.А. Печенев** и **В.В. Прибытков** вкупе с главным редактором журнала «**Коммунист**» **Р.И. Косолаповым**, ставшим главным идеологом нового «царствования», задумали хитроумную интригу. Суть этой интриги состояла в следующем: поскольку их патрон был тяжело и неизлечимо болен и его уход из жизни не сулил им дальнейшего карьерного роста и был чреват приходом к власти «прозападного крыла» в руководстве страны, они решили перенести на год раньше созыв запланированного на **февраль 1986 г. XXVI съезда КПСС**, с тем, чтобы успеть перетряхнуть **ЦК**, заполучить ключевые посты в **Секретариате** и **Политбюро ЦК**, и отстранить от власти «команду реформаторов» во главе с **М.С. Горбачевым**.

Однако в планы этой группировки опять вмешался фактор здоровья престарелого лидера. В **сентябре 1984 г.** здоровье **К.У. Черненко** вновь серьезно пошатнулось, поскольку по совету **М.С. Горбачева** и **Е.И. Чазова** он опрометчиво уехал на отдых в высокогорный **Кисловодск**, что для хронического астматика, страдавшего к тому же тяжелой эмфиземой легких, было сродни настоящему самоубийству. Именно после этого злополучного «отдыха» **К.У. Черненко** окончательно слег и борьба за власть у одра умирающего генсека вступила в решающую фазу.

В **октябре — ноябре 1984 г.** в аппарате **ЦК** обострилась подспудная борьба за власть, в которой **М.С. Горбачев** и его команда стали постепенно терять свой аппаратный вес. В частности, именно тогда была предпринята попытка срыва **Всесоюзной Идеологической конференции**, которая готовилась командой **М.С. Горбачева**. И хотя в последний момент **К.У. Черненко** все же дал отмашку на ее проведение, сам факт закулисной борьбы вокруг нее говорил о многом.

В **середине декабря 1984 г.** состоялась первая за многие годы «холодной войны» поездка парламентской делегации СССР в составе **М.С. Горбачева**, **А.Н. Яковлева** и **Л.М. Замятина** в Великобританию. В советской печати этот визит преподносили как вполне заурядное событие, однако, многие тогдашние советологи и современные историки и мемуаристы расценили эту поездку как своеобразные «**смотрины**» **М.С. Горбачева**, после которых премьер-министр Великобритании **М. Тетчер** открыто заявила, «что с ним можно иметь дело».

Новое обострение борьбы за власть было связано с тем, что в **конце декабря 1984 г.** после срочной операции скоропостижно скончался министр обороны СССР маршал **Д.Ф. Устинов**, который всегда отличался крепким здоровьем и потрясающей работоспособностью. Всем было ясно, что в предстоящей борьбе за власть именно позиция этого самого авторитетного и властного члена **Политбюро** имела определяющее значение для любой противоборствующей группировки, поэтому его неожиданный уход до сих пор вызывает массу вопросов. Более того, ряд современных авторов (**Н. Зенькович**) выдвигают версию, что маршал **Д.Ф. Устинов**, наряду с министрами обороны ГДР и ЧССР генералами армии **Х. Гофманом** и **М. Дзуром**,

был отравлен неизвестным распыляющим ядом на проходивших незадолго до их смерти совместных военных учениях стран-участниц ОВД.

Новый 1985 г. ознаменовался очередной схваткой за власть, где четко обозначились два основных конкурента — **В.В. Гришин** и **М.С. Горбачев**. Многолетний вождь московских коммунистов, который был олицетворением лучших традиций «партийного аскетизма» и «сталинского стиля» работы, вероятнее всего, мог рассчитывать на поддержку самых влиятельных членов «консервативного крыла» высшего партийного руководства страны — **Н.А. Тихонова**, **Г.В. Романова**, **В.И. Долгих** и других. А **М.С. Горбачев**, потерявший с внезапным уходом из жизни **Д.Ф. Устинова**, значительный властный ресурс, теперь стал искать поддержки у другого «аксакала» в Политбюро — министра иностранных дел **А.А. Громыко**. Именно тогда, в **январе — феврале 1985 г.** путем закулисных переговоров, в которых приняли участие только четыре человека — директор ИМЭМО АН СССР **А.Н. Яковлев**, директор Института Востоковедения АН СССР **Е.М. Примаков**, директор Института Африки АН СССР **Ан.А. Громыко** и начальник ПГУ (внешняя разведка), заместитель председателя КГБ СССР генерал-полковник **В.А. Крючков**, был достигнут «исторический компромисс». Суть этого компромисса состояла в том, что **М.С. Горбачев** и **А.А. Громыко** делят верховную власть в стране: первый становится Генеральным секретарем ЦК КПСС, а второй — председателем Президиума Верховного Совета СССР.

В конце февраля — начале марта 1985 г. **В.В. Гришин** и его команда резко активизировали борьбу за власть, не гнушаясь использовать в этой схватке смертельно больного генсека. Однако **10 марта 1985 г. К.У. Черненко** скончался, и они так и не успели реализовать свой сценарий прихода во власть.

ЛИТЕРАТУРА

- Авторханов А.Г.* Загадка смерти Сталина: заговор Берия. М., 1995
- Адибеков Г.М.* Коминформ и послевоенная Европа. 1947–1956 гг. М., 1994
- Аймермахер К.* От единства к многообразию: разыскания в области «другого» искусства 1950–1970-х годов. М., 2004
- Аксютин Ю.В.* Хрущевская «оттепель» и общественные настроения в СССР в 1953–1964 гг. М., 2011
- Аксютин Ю.В., Волобуев О.В.* XX съезд КПСС: новации и догмы. М., 1991
- Аксютин Ю.В., Пыжиков А.В.* Постсталинское общество: проблема лидерства и трансформация власти. М., 1999
- Алексеева Л.М.* Поколение оттепели. М., 2006
- Андрянов В.И.* Косыгин. М., 2003
- Арбатов Г.А.* Затянувшееся выздоровление (1953–1985). М., 1991
- Баландин Р.К.* Маленков. Третий вождь Страны Советов». М., 2007
- Барсуков Н.А.* XX съезд КПСС и его исторические реальности. М., 1991
- Батюк В.И.* У истоков «холодной войны»: советско-американские отношения в 1945–1950 гг. М., 1995

- Богатуров А.Д.* Великие державы на Тихом океане. М., 1997
- Быстрова И.В.* Военно-промышленный комплекс СССР в годы холодной войны (вторая половина 40-х — начало 60-х годов). М., 2000
- Быстрова И.В.* Советский военно-промышленный комплекс в 1930—1980-х гг. М., 2006
- Быстрова Н.Е.* СССР и проблема создания безъядерных зон в Европе (середина 50-х — конец 80-х годов). М., 1995
- Быстрова Н.Е.* СССР и формирование военно-блокового противостояния в Европе (1945—1955гг.). М., 2007
- Ванденберге И.* Историческое недоразумение: холодная война. 1917—1990. М., 1996
- Вербицкая О.М.* Российское крестьянство: от Сталина к Хрущеву. М., 1992
- Власова Е.С.* 1948 год в советской музыке. М., 2010
- Гвишиани А.Д.* Феномен Косыгина. М., 2004
- Гиренко Ю.С.* Сталин-Тито. М., 1991
- Громов Е.С.* Сталин: власть и искусство. М., 1998
- Губарев В.С.* Ракетный щит империи. М., 2006
- Губарев В.С.* Атомная бомба: хроника великих открытий. М., 2009
- Данилов А.А., Пыжиков А.В.* Рождение сверх державы: 1945—1953 годы. М., 2002
- Денисова Л.Н.* Исчезающая деревня России: Нечерноземье в 1960—1980-е годы. М., 1996
- Добрынин А.Ф.* Сугубо доверительно. М., 1997
- Едемский А.Б.* От конфликта к нормализации: советско-югославские отношения в 1953—1956 годах. М., 2008
- Емельянов Ю.В.* Сталин: на вершине власти. М., 2007
- Жуков Ю.Н.* Сталин: тайны власти. М., 2005
- Зеленин И.Е.* Аграрная политика Н.С. Хрущева и сельское хозяйство страны. М., 2001
- Зенина М.Р.* Советская художественная интеллигенция и власть в 1950—1960-е годы. М., 1999
- Зенькович Н.А.* Михаил Горбачев: жизнь до Кремля. М., 2001
- Зенькович Н.А.* Тайны уходящего века. М., 2003
- Зима В.Ф.* Голод в СССР 1946—1947 годов: происхождения и последствия. М., 1996
- Зубкова Е.Ю.* Послевоенное советское общество: политика и повседневность. М., 2000
- Зубкова Е.Ю.* Общество и реформы. 1945—1964. М., 2003
- Казак В.* Лексикон русской литературы XX века. М., 1996
- Кара-Мурза С.Г.* Советская цивилизация: от Великой Победы до наших дней. М., 2001
- Катасонов В.Ю.* Экономика Сталина. М., 2014
- Катасонов В.Ю.* Бреттон-Вудс. Ключевое событие новейшей финансовой истории. М., 2014
- Катасонов В.Ю.* Россия в мире репараций. М., 2015
- Кобба Д.В.* Государственная деятельность Л.П. Берия (1939—1953 гг.). М., 2002
- Коваленко С.Г.* Реформы управления народным хозяйством СССР в 1950-х гг. М., 2008

- Кожин В.В.* Россия век XX. 1939–1964. М., 1999
- Козлов В.А.* Массовые беспорядки в СССР при Хрущеве и Брежневе. Н., 1999
- Кокошин А.А.* Армия и политика. Советская военно-политическая и военно-стратегическая мысль. М., 1995
- Костырченко Г.В.* Тайная политика Сталина. Власть и антисемитизм. М., 2003
- Кудров В.М.* Советская экономика в ретроспективе: опыт переосмысления. М., 2003
- Ледовский А.М.* СССР, США и китайская революция глазами очевидца 1946–1949. М., 2005
- Лельчук В.С.* Научно-техническая революция и промышленное развитие СССР. М., 1987
- Леонов Б.А.* История советской литературы. М., 2008
- Ляховский А.А.* Пламя Афганистана. М., 1999
- Медведев Р.А.* Они окружали Сталина М., 1990
- Медведев Р.А.* Личность и эпоха. Политический портрет Л.И. Брежнева. М., 1991
- Медведев Р.А.* Юрий Андропов: неизвестное об известном. М., 2004
- Медведев Р.А.* Никита Хрущев: отец или отчим советской «оттепели». М., 2006
- Микоян С.А.* Анатомия Карибского кризиса. М., 2006
- Митрохин Н.А.* Русская партия: движение русских националистов в 1953–1985 гг. М., 2003
- Мусатов В.И.* Предвестники бури. Политические кризисы в Восточной Европе (1956–1981). М., 1996
- Мухин Ю.Г.* Убийство Сталина и Берия. М., 2003
- Наринский М.М.* Советская внешняя политика в годы «холодной войны» (1945–1985): новое прочтение. М., 1995
- Наринский М.М.* История международных отношений. 1945–1975. М., 2004.
- Нарочницкая Н.А.* Ялта-1945. Начертания нового мира. М., 2010
- Наумов В.П.* К истории секретного доклада Н. Хрущева на XX съезде КПСС. // ННИ, № 4, 1996
- Никонова С.И.* Духовная жизнь советского общества в 1965–1985 гг.: идеология и культура. К. 2006
- Новик Ф.И.* СССР — ФРГ: проблемы сосуществования и сотрудничества. 1975–1986. М., 1987
- Новик Ф.И.* В ловушке холодной войны (Советская политика в отношении Германии, 1953–1958 гг.). М., 2014
- Орлов А.С.* Холодная война. М., 2000
- Пихоя Р.Г.* Советский Союз: история власти 1945–1991. Н., 2000
- Пихоя Р.Г.* Кремль-Венгрия: октябрь-ноябрь 1956. М., 2006
- Пихоя Р.Г.* СССР. История Великой империи. Догнать и перегнать. М., 2008
- Пихоя Р.Г.* Москва. Кремль. Власть: 1945–1964. М., 2009
- Поляк Г.П.* Послевоенное восстановление народного хозяйства. М., 1986
- Попов В.П.* Крестьянство и государство (1945–1953). П., 1992
- Попов В.П.* Экономическая политика советского государства. 1946–1953 гг. Т., 2000
- Попов В.П.* Сталин и проблемы экономической политики после войны (1946–1953). М., 2002

- Попов В.П.* Большая ничья: СССР от Победы до распада. М., 2005
- Прибытков В.В.* Аппарат. 390 дней и вся жизнь генсека Черненко. М., 2002
- Прудникова Е.А.* Берия. Преступления, которых не было. СПб., 2005
- Прудникова Е.А.* 1953. Роковой год советской истории. М., 2008
- Пыжиков А.В.* Хрущёвская «оттепель» 1953–1964 гг. М., 2002
- Пыжиков А.В., Данилов А.А.* Рождение сверхдержавы. 1945–1953 гг. М., 2002
- Рогов С.М.* Советский Союз и США: поиск баланса интересов. М., 1989
- Сафронов В.П.* СССР–США–Япония в годы «холодной войны», 1945–1960. М., 2003
- Семанов С.Н.* Леонид Брежнев. М., 2005
- Семанов С.Н.* Дорогой Леонид Ильич. М., 2007
- Семанов С.Н.* Юрий Андропов. Генсек из КГБ. М., 2011
- Семиряга М.И.* Как мы управляли Германией. М., 1995.
- Симонов Н.С.* Военно-промышленный комплекс СССР 1920–1950-е годы. М., 1996
- Соколов К.Б.* Художественная культура и власть: союз и борьба (1953–1989). СПб., 2007
- Соловьев В.И., Клепикова Е.И.* Заговорщики в Кремле: От Андропова до Горбачева. М., 1991
- Соловьев В.И., Клепикова Е.И.* Юрий Андропов: Тайный ход в Кремль. СПб., 1995
- Суворов В.Б.* Кузькина мать: Хроника великого десятилетия. М., 2011.
- Тaubман У.* Хрущев. М., 2008
- Тимошина Т.М.* Экономическая история России. М., 1998
- Торкунов А.В.* Загадочная война: Корейский конфликт 1950–1953 гг. М., 2000
- Удилов В.Н.* Теракты и диверсии в СССР: стопроцентная раскрываемость. М., 2011
- Федоренко Н.П.* Россия: уроки прошлого и лики будущего. М., 2000
- Феклисов А.С.* Карибский ракетно-ядерный кризис: Кеннеди и советская агентура. М., 2001
- Ферр Г.* Тени XX съезда, или Антисталинская подлость. М., 2010
- Фирсов Б.М.* Разномыслие в СССР в 1940–1960-е годы. История, теория и практика. СПб., 2008
- Филитов А.М.* «Холодная война»: историографические дискуссии на Западе. М., 1991
- Филитов А.М.* Германский вопрос. От раскола к объединению. М., 1993
- Фроянов И.Я.* Погружение в бездну: Россия на исходе XX века. СПб., 2002
- Фурсенко А.А., Нафтали Т.* Безумный риск: секретная история Кубинского ракетного кризиса 1962 г. М., 2006
- Ханин Г.Н.* Динамика экономического развития СССР. Н., 1991
- Ханин Г.И.* Экономика СССР в конце 30-х — 1960 год. Н., 2003
- Ханин Г.И.* Экономика СССР в 1961–1987 гг. Н., 2007
- Хлевнюк О.В.* Сталин. Жизнь одного вождя. М., 2015
- Хлусов М.И.* Развитие советской индустрии. М., 1977
- Хмельницкий Д.С.* Архитектура Сталина: психология и стиль. М., 2007
- Шубин А.В.* Золотая осень, или период застоя. СССР в 1975–1985 гг. М., 2007
- Шубин А.В.* Диссиденты, неформалы и свобода в СССР. М., 2008
- Чазов Е.И.* Здоровье и власть. М., 1992
- Черняев А.С.* Совместный исход. Дневник двух эпох. 1972–1991 годы. М., 2008
- Чубарьян А.О.* Европейская идея в истории: проблемы войны и мира. М., 1987

ГЛАВА ВТОРАЯ

«ГОРБАЧЕВСКАЯ ПЕРЕСТРОЙКА» И ГИБЕЛЬ СССР (1985–1991)

Тема: ПЕРВЫЙ ЭТАП «ГОРБАЧЕВСКОЙ ПЕРЕСТРОЙКИ» В 1985–1988 ГГ.

План:

1. Избрание М.С. Горбачева новым лидером страны в марте 1985 г.
2. Курс на ускорение социально-экономического развития страны в 1985–1986 гг.
3. Трансформация политики «ускорения» в политику «перестройки».
4. Начальный этап политики «горбачевской перестройки» в 1987–1988 гг.

1. Избрание М.С. Горбачева новым лидером страны в марте 1985 г.

Кончина очередного престарелого генсека в **марте 1985 г.** стала последней в череде многочисленных смертей высших руководителей страны, начавшихся с **декабря 1980 г.**, которую злые языки тут же окрестили «**пятилеткой пышных похорон**». Действительно в это пятилетие один за другим из жизни ушли девять членов и кандидатов в члены Политбюро — **А.Н. Косыгин, М.А. Суслов, Л.И. Брежнев, Т.Я. Киселев, А.Я. Пельше, Ш.Р. Рашидов, Ю.В. Андропов, Д.У. Устинов и К.У. Черненко**, которые являлись последней когортой высших руководителей страны, получивших свою политическую закваску и закалку в сталинский период и занимавших, в основном, охранительные позиции в оценке той модели сталинского социализма, которая сложился в **1930-х гг.**

Было совершенно очевидно, что приход к власти нового «старика» из состава **Политбюро** может вызвать непредсказуемые последствия не только в широких общественных кругах, но и в недрах правящей партийно-государственной номенклатуры, прежде всего, первых секретарей республиканских, краевых и областных партийных комитетов. Поэтому шанс на приход к власти авторитетных «стариков», в частности **А.А. Громыко** и **В.В. Гришина**, был практически исключен, поскольку мог вызвать «бунт» со стороны значительной половины членов ЦК. Хотя, сами они были не прочь побороться за пост нового генсека, особенно **А.А. Громыко**, что явствует из воспоминаний многих участников тех событий, в том числе самих членов **Политбюро**.

Среди «молодых» членов **Политбюро** наибольшие шансы на успех были у **Г.А. Алиева, Г.В. Романова** и **М.С. Горбачева**. Однако первый, несмотря на свой авторитет и популярность в стране, будучи этническим азербайджанцем, автоматически выпадал из числа реальных претендентов на высшую власть, хотя вполне мог

побороться за пост председателя **Совета Министров СССР**. Второй, ставший после смерти маршала **Д.Ф. Устинова** полноправным хозяином всего военно-промышленного комплекса страны, не успел за столь короткое время сформировать свою команду внутри аппарата **ЦК** и стал заложником закулисных интриг либеральных «партийных диссидентов», которые боялись **Г.В. Романова**, слывшего настоящим аскетом и жестким руководителем сталинского типа. Самой подходящей фигурой для прогнившей части партийной номенклатуры был **М.С. Горбачев**, который сумел с помощью руководителя **Организационно-партийного отдела ЦК Е.К. Лигачева** довольно быстро сколотить в центральном партийном аппарате и среди обкомовских секретарей целую когорту своих активных сторонников.

Кроме того, решающим фактором в борьбе за власть стало и то, что в результате закулисных интриг **М.С. Горбачев** сумел заручиться поддержкой самого авторитетного члена **Политбюро**, первого заместителя председателя **Совета Министров СССР**, министра иностранных дел СССР **А.А. Громыко** — фактически последнего члена высшего руководства страны, принадлежавшего к сталинской управленческой элите. Немаловажным обстоятельством было и то, что **М.С. Горбачев** активно поддержал и новый глава **КГБ СССР** генерал армии **В.М. Чебриков**, который в силу своей должности был одним из самых информированных людей в стране.

По свидетельству всех участников этих судьбоносных событий, в закулисных переговорах **А.А. Громыко** и **М.С. Горбачев** приняли активное участие только четыре человека: сын министра иностранных дел, директор **Института Африки** **Ан.А. Громыко**, директор **ИМЭМО** **А.Н. Яковлев**, директор **Института востоковедения** **Е.М. Примаков** и начальник **ПГУ КГБ СССР** генерал-полковник **В.А. Крючков**. Именно они оговорили весь механизм прихода к власти нового генсека и распределение ролей в новом «правлящем дуумвирате»: **М.С. Горбачев** — генсек, **А.А. Громыко** — глава государства. Причем, по достигнутой договоренности новым главой внешнеполитического ведомства страны должен был стать либо первый заместитель министра иностранных дел **Г.М. Корниенко**, либо многолетний советский посол в США **А.Ф. Добрынин**, который «прозябал» в **Вашингтоне** почти четверть века.

Буквально на следующий день после кончины **К.У. Черненко**, **11 марта 1985 г.** состоялся внеочередной **Пленум ЦК**, на котором по предложению **А.А. Громыко** **М.С. Горбачев** был единогласно избран новым **Генеральным секретарем ЦК** и стал фактическим лидером страны. Тогда, конечно, никто не мог предположить, что это решение станет роковым для судеб самой партии и всей великой страны, поскольку советское общество ждало перемен и с большой надеждой приняло молодого лидера страны.

Согласно официальному протоколу заседания **Политбюро ЦК КПСС**, экстренно созванного для рассмотрения кандидатуры нового лидера страны, оно началось в **14.00 часов 11 марта 1985 г.** Однако ряд осведомленных мемуаристов, в частности **Н.И. Рыжков**, говорят о том, что первое заседание **Политбюро** состоялось практически сразу после смерти **К.У. Черненко**, примерно в **22 часа 10 марта 1985 г.** О том, что происходило на этом первом заседании **Политбюро**, однозначных сведений нет. Так, по свидетельству тогдашнего заместителя начальника **9-го Управления КГБ** генерал-майора **М.С. Докучаева**, осуществлявшего охрану высших лиц в государстве, первым на этом заседании выступил **Г.В. Романов**, который, сославшись на завещание **К.У. Черненко**, предложил на пост генсека кандидатуру **В.В. Гришина**.

Однако против его кандидатуры резко выступил **А.А. Громыко**, который жестко настоял на кандидатуре **М.С. Горбачева**, и это предложение прошло большинством всего в один голос. О возможности подобного развития событий говорит и то, что будущий «архитектор перестройки» академик **А.Н. Яковлев** в своих мемуарах «**Омут памяти**» прямо написал о том, что «ближайшее окружение **Черненко** уже готовило речи и политическую программу для **Гришина**».

Между тем, существует и другая версия, согласно которой против кандидатуры **В.В. Гришина** первым выступил не **А.А. Громыко**, а председатель **КГБ СССР** генерал армии **В.М. Чебриков**, поэтому он взял самоотвод, но тут же предложил кандидатуру **Г.В. Романова** на вакантное место генсека. И только в этот переломный момент слово взял **А.А. Громыко**, который якобы, сославшись на крайне неподходящую фамилию «оборонного» секретаря **ЦК**, убедил всех, что новым **Генеральным секретарем ЦК КПСС** может стать только **М.С. Горбачев**.

Полагаем, что каждая из этих версий имеет право на существование, ибо не очень верится, чтобы столь сложный вопрос, при том раскладе сил внутри **Политбюро ЦК**, который сложился на момент кончины **К.У. Черненко**, решился так просто и однозначно, как об этом пишет сам **М.С. Горбачев** и его ближайшие соратники, в том числе **Г.Х. Шахназаров** и **А.С. Черняев**. На сегодняшний день практически не вызывает сомнений тот факт, что в **марте 1985 г.** накануне **Пленума ЦК** состоялось несколько заседаний **Политбюро**, в том числе и «узкого круга», и только когда всем стал ясен окончательный расклад сил, противная сторона решила «сдаться» на милость победителя и согласилась на кандидатуру **М.С. Горбачева**.

Причем, надо заметить, что на этих судьбоносных заседаниях **Политбюро ЦК** по очень странному стечению обстоятельств отсутствовали два самых авторитетных и старейших члена **Политбюро** — **Первый секретарь ЦК Компартии Казахстана Д.А. Кунаев** и **Первый секретарь ЦК Компартии Украины В.В. Щербицкий**. Оба они не приехали в **Москву** совершенно неслучайно, поскольку их сознательно слишком поздно проинформировали о смерти **К.У. Черненко** и созыве внеочередного **Пленума ЦК** буквально на следующий день после его кончины. В первом случае самую паскудную роль сыграл зав. **Орготделом** и секретарь **ЦК** по кадрам **Е.К. Лигачев**, а во втором — давний и верный «андроповский кадр» академик **Г.А. Арбатов**. Являясь основателем и многолетним директором **Института США и Канады АН СССР**, он по должности сопровождал **В.В. Щербицкого** во время его пребывания в **Вашингтоне** во главе советской парламентской делегации. Сразу получив всю информацию о смерти **К.У. Черненко** от своего давнего «подельника», первого заместителя главы **Международного Отдела ЦК А.С. Черняева**, он сообщил об этом **В.В. Щербицкому** только на следующий день. Не исключено, что и **В.М. Чебриков**, владевший как глава **КГБ СССР** самой полной информацией об обстоятельствах смерти **К.У. Черненко**, предупредил начальника личной охраны **В.В. Щербицкого** генерал-майора **В.Ф. Вакуленко** не информировать его об этом без прямых указаний из **Москвы**.

2. Курс на ускорение социально-экономического развития страны в 1985–1986 гг.

Начало широкомасштабных реформ, произошедших в нашей стране во второй половине 1980-х гг., традиционно связывают с именем **М.С. Горбачева**, хотя ряд

современных авторов (Т. Корякина, И. Фроянов, Р. Пихоя, А. Шубин) справедливо считают, что «отцом горбачевской перестройки» был его «духовный пастырь» и многолетний покровитель Ю.В. Андропов, и выделяют так называемый «эмбриональный период перестройки», который датируют 1983—1985 гг.

Действительно еще при жизни Ю.В. Андропова началась работа над новой экономической реформой, которую возглавили три секретаря ЦК — М.С. Горбачев, В.И. Долгих и Н.И. Рыжков. Однако наличие одной лишь политической воли для решения острейших экономических проблем было явно недостаточно. Многое зависело от тех представлений, которые новая команда реформаторов собиралась положить в основу своего экономического курса, и здесь любой потенциальный советский реформатор неизбежно сталкивался с большими трудностями. С одной стороны, новый лидер страны и его команда привлекли в качестве главных консультантов и советников таких известных экономистов, как академики А.Г. Аганбегян, О.Т. Богомолов, Л.И. Абалкин, Р.А. Белоусов, Н.Я. Петраков, С.А. Ситарян и других, имевших «нестандартные наработки и крамольные мысли», которые в новых условиях оказались очень востребованы. Но с другой стороны, в силу объективных идеологических причин, усилия этих экономистов концентрировались только на развитии марксистской экономической доктрины, а именно теории планирования.

Более того, по мнению ряда современных авторов (Г. Попов, Н. Шмелев, А. Барсенков), к началу политики «ускорения» и «перестройки» в нашей стране практически не было крупных специалистов-теоретиков по макроэкономике, рынкам труда и капитала, международным финансам и теории производственных структур. Поэтому горбачевская «экономическая реформа» не была подготовлена ни в идейно-теоретическом, ни в организационно-прикладном плане и ее «концепция» во многом являлась чистой импровизацией. Впрочем, существует и другая точка зрения (А. Островский), авторы которой утверждают, что концепция «горбачевской перестройки» как раз существовала и активно разрабатывалась в недрах узкого круга «посвященных лиц», где верховодил тогдашний директор ИМЭМО академик А.Н. Яковлев.

В конце апреля 1985 г. состоялся очередной Пленум ЦК, который в современной историографии (Р. Пихоя, В. Согрин, А. Шубин, А. Барсенков) принято считать началом первого этапа «горбачевской перестройки» — так называемой «политики ускорения», которую традиционно датируют 1985—1986 гг.

Поскольку детально разработанной программы реформ у М.С. Горбачева и его команды не существовало, то в своем «программном» политическом докладе на апрельском Пленуме ЦК он предельно четко сформулировал только одну главную задачу — **резкое повышение темпов социально-экономического развития страны**. При этом на первый план была выдвинута задача перевода производства на рельсы интенсификации и ускорения научно-технического прогресса. Для реализации этой масштабной задачи предлагалось: 1) решительно поднять ответственность всех руководящих кадров, организованность и производственную дисциплину; 2) уделить центральное место в «политике ускорения» **развитию машиностроения** и в ближайшие годы перейти к производству принципиально нового поколения машинного и технологического оборудования; 3) особо пристальное внимание сосредоточить на ускоренном развитии станкостроения, вычислительной техники, приборостроения, электротехники и электроники как главных катализаторов

научно-технического прогресса; 4) в кратчайшие сроки подготовить **комплексную программу** развития производства товаров народного потребления и сферы услуг.

Кроме того, **М.С. Горбачев** поставил вопрос о «перестройке» стиля и «гласности» в работе всех партийных и государственных учреждений, и заявил о необходимости существенного обновления кадров и особой роли «человеческого фактора» в ускоренном развитии страны.

На **апрельском Пленуме ЦК М.С. Горбачев** приступил и к первому этапу своей «кадровой революции», в результате чего: 1) полноправными членами **Политбюро ЦК**, минуя традиционный «кандидатский предбанник», стали два самых молодых секретаря ЦК — **Егор Кузьмич Лигачев** и **Николай Иванович Рыжков**. При этом **Е.К. Лигачев** де-юре стал вторым секретарем ЦК, поскольку именно ему было поручено вести заседания **Секретариата ЦК** и курировать важнейшие **Отделы ЦК** — **общий, организационный, идеологический** и т.д.; 2) из состава кандидатов в полноправные члены **Политбюро ЦК** был переведен председатель **КГБ СССР В.М. Чебриков**, который был одним из самых активных сторонников нового генсека в период «междоуцарствия», и приложил немало сил для его утверждения на этом посту; 3) кандидатом в члены **Политбюро ЦК** стал новый министр обороны СССР маршал **С.Л. Соколов**; 4) новым секретарем ЦК по сельскому хозяйству стал министр сельского хозяйства РСФСР **В.П. Никонов**, который одновременно возглавил **Сельскохозяйственный отдел ЦК**.

Тогда же, в **апреле 1985 г.** произошли серьезные перемены и в аппарате ЦК. В частности, новым заведующим **Общим отделом ЦК** стал студенческий приятель нового генсека, прожженный партийный аппаратчик **А.И. Лукьянов**, заведующим **Организационно-партийным отделом ЦК** был назначен первый секретарь Краснодарского крайкома **А.П. Разумовский**, главой вновь созданного **Отдела строительства ЦК** стал первый секретарь Свердловского обкома **Б.Н. Ельцин** и т.д.

Новый этап зачистки высшего руководства страны от «брежневских кадров» прошел на очередном **Пленуме ЦК** и новой сессии **Верховного Совета СССР**, которые прошли в **начале июля 1985 г.** При этом ряд кадровых решений, принятых на этих форумах, вызвали настоящий шок в советском обществе и за рубежом: 1) из состава **Политбюро** и **Секретариата ЦК** без каких-либо объяснений был выведен **Г.В. Романов**, что лишний раз говорило о том, что при молчаливом согласии всех членов высшего руководства страны **М.С. Горбачев** убрал с политической арены своего самого опасного и ненавистного конкурента; 2) новым полноправным членом **Политбюро ЦК** стал **Первый секретарь ЦК КП Грузии Э.А. Шеварнадзе**, который практически одновременно был назначен новым министром иностранных дел СССР; 3) патриарх советской внешней политики и старейший член **Политбюро А.А. Громыко**, возглавлявший свое ключевое ведомство без малого три десятка лет, был избран председателем **Президиума Верховного Совета СССР**; 4) новыми секретарями ЦК стали **Л.Н. Зайков** и **Б.Н. Ельцин**.

Надо сказать, что настоящей сенсацией для всех, но только не для самого **М.С. Горбачева**, стало назначение **Э.А. Шеварнадзе** министром иностранных дел СССР. Эти два руководителя давно и хорошо знали друг друга и уже в **конце 1970-х гг.** полностью сошлись во мнении, что в советском обществе «все прогнило и необходимо все менять». Поэтому, придя к власти, **М.С. Горбачев**, задумав грандиозный «прорыв» на внешнеполитическом фронте, прекрасно понимал,

что **А.А. Громыко** и любой другой карьерный дипломат из его блестящей когорты, например, первый заместитель министра иностранных дел СССР **Г.М. Корниенко**, или многолетний советский посол в Вашингтоне **А.Ф. Добрынин**, станут помехой для реализации его «грандиозных» внешнеполитических замыслов. Поэтому выбор и пал именно на **Э.А. Шеварднадзе**, ставшего надежным и верным соратником генсека в реализации его предательского внешнеполитического курса по отношению к своей собственной стране.

Сразу после окончания Пленума ЦК и сессии Верховного Совета СССР Политбюро ЦК утвердило новое распределение ролей в Секретариате ЦК: **Е.К. Лигачев** — второй секретарь, ведет заседания Секретариата ЦК и курирует Организационный отдел и Агитпроп ЦК, **Н.И. Рыжков** курирует Экономический отдел, **Л.Н. Зайков** — оборонную промышленность, **В.И. Долгих** — тяжелую промышленность, **И.В. Капитонов** — легкую промышленность и торговлю, **В.П. Никонов** — сельское хозяйство, **Б.Н. Пономарев** — международный отдел, **К.В. Русаков** — соцстраны, **М.В. Зимянин** — культуру и **Б.Н. Ельцин** — строительство.

Одновременно с кадровой чисткой в высших эшелонах власти новое руководство страны приступило к решению давно назревших хозяйственных и социальных проблем, которые по установившейся традиции попыталось решать чисто административным путем, не затрагивая самих основ экономической системы страны. Крайне показательной в этом отношении является печально знаменитая антиалкогольная кампания — первое крупное комплексное мероприятие новых лидеров страны, которая последовательно проводилась в 1985–1987 гг. И хотя целый ряд членов высшего советского руководства, в частности **Н.А. Тихонов**, **Г.А. Алиев** и **Н.И. Рыжков**, категорически выступали против начала этой очень сомнительной и абсолютно неподготовленной кампании, **М.С. Горбачев**, опираясь на поддержку **Е.К. Лигачева**, **М.С. Сломenceва** и других членов Политбюро сумел протащить это решение.

В мае 1985 г. были приняты два Постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по преодолению пьянства и алкоголизма, искоренению самогоноварения», которые предписывали всем партийным, советским, административным и правоохранительным органам страны решительно и повсеместно усилить борьбу с этим социальным пороком, поразившим все слои советского общества в последний период брежневского правления. Как всегда, главными инструментами этой борьбы стали исключительно карательные и административные меры, в частности: 1) резкое усиление уголовной и административной ответственности за самогоноварение и все преступления, совершенные в состоянии алкогольного опьянения; 2) значительное сокращение производства алкогольных напитков и существенное повышение стоимости на них; 3) резкое сокращение мест и времени их реализации в государственной торговли и т.д.

Антиалкогольная кампания, главными идеологами и проводниками которой стали два влиятельных члена Политбюро — председатель КПК при ЦК КПСС **М.С. Соломенцев** и второй секретарь ЦК **Е.К. Лигачев**, имела двоякие последствия, причем, по запоздалому признанию самого **М.С. Горбачева** «негативные последствия этой кампании намного превзошли ее плюсы». С одной стороны она, конечно, способствовала: 1) сокращению производственных потерь, которые, по разным оценкам, ежегодно составляли от 100 млн до 180 млн руб.; 2) резкому

снижению смертности и производственного травматизма среди мужчин трудоспособного возраста и повышению общей продолжительности жизни в стране; 3) существенному повышению рождаемости и сокращению детской смертности и т.д. Однако, с другой стороны в результате бездумного проведения этой кампании: 1) государственный бюджет страны, по разным оценкам, ежегодно терял от **67 млрд до 200 млрд рублей**, что катастрофически сказалось на всей финансовой разбалансированности народного хозяйства страны; 2) началась совершенно бездумная компания вырубki ценнейших пород винограда и прекращение закладки новых плантаций, в результате чего площади виноградников только в РСФСР сократились с **210 тыс. до 160 тыс. га**, а среднегодовой сбор винограда упал с **850 тыс. до 430 тыс. тонн**; 3) массовое развитие получило бытовое самогонование, что привело к фактическому исчерпанию сахарных ресурсов страны и потянуло за собой резкое сокращение ассортимента кондитерских и иных изделий в государственной торговле; 4) эта кампания сопровождалась совершенно бездарной и временами разнузданной пропагандой трезвости, которая порой доходила до прямого абсурда и т.д. Кроме того, антиалкогольная кампания вскоре привела к серьезным политическим потерям, прежде всего, к резкому падению личного авторитета и рейтинга самого **М.С. Горбачева**, популярность которого в стране стала таять буквально на глазах.

В середине июня 1985 г. состоялось **Всесоюзное совещание по проблемам научно-технического прогресса**, где **М.С. Горбачев** в своем докладе «**Коренный вопрос экономической политики партии**» впервые изложил свою первоначальную экономическую концепцию, заявив, что «**задача подъема советского машиностроения является магистральным направлением нашего развития**». По мнению ряда современных авторов (**Р. Пихоя, Г. Ханин**), сама эта идея была не нова и содержалась в известном докладе академика **В.А. Кириллина**, которая стала одной из причин его отставки с поста заместителя председателя **Совета Министров СССР** в **январе 1980 г.** Теперь же эту идею «вынули из нафталина» и сделали основой новой экономической доктрины.

В **сентябре-ноябре 1985 г.** после недолгого «политического затишья» началась новая кадровая чистка в верхних эшелонах власти, жертвой которой стало практически все руководство советского правительства: 1) сначала, в **конце сентября**, в отставку был отправлен давний горбачевский оппонент, глава правительства **Н.А. Тихонов** и новым председателем **Совета Министров СССР** был назначен **Н.И. Рыжков**; 2) затем в отставку отправили большинство заместителей председателя **Совета Министров СССР**, которые руководили ключевыми отраслями народного хозяйства страны, — **Н.К. Байбакова, И.И. Бодюла, В.Э. Дымшица, Н.В. Мартынова, З.Н. Нуриева и Л.В. Смирнова**; 3) первыми заместителями председателя **Совета Министров СССР** были назначены новый председатель **Госплана СССР Н.В. Талызин**, новый председатель **Госснаба СССР Л.А. Воронин** и председатель **Госагропрома СССР В.С. Мураховский**; 4) в соответствии с **Постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР** были ликвидированы пять союзно-республиканских министерств — сельского хозяйства (**В.К. Месяц**), плодоовощного хозяйства (**Н.Т. Козлов**), мясомолочной промышленности (**Е.И. Сизенко**), пищевой промышленности (**Б.П. Леин**) и сельского строительства (**В.Д. Даниленко**) и Государственный комитет по сельхозтехнике (**Л.И. Хитрун**), на базе которых затем будет создан очередной государственный монстр — **Госагропром СССР**, который возглавит **В.С. Мураховский**.

В декабре 1985 г. была создана **Комиссия по реформе хозяйственного механизма**, которую возглавил председатель Госплана СССР **Н.В. Талызин**, заместителями которого стали **Л.А. Воронин**, **Д.М. Гвишиани**, **С.А. Ситарян**, **Ю.П. Баталин** и **Б.И. Гостев**. В рамках этой **Комиссии** было создано несколько рабочих секции, при этом важно отметить тот факт, что в состав **Научной секции**, которую возглавил академик **Д.М. Гвишиани**, вошли такие известные экономисты и правоведы, как академики и доктора наук **Л.И. Абалкин**, **А.Г. Аганбегян**, **Г.А. Арбатов**, **А.И. Анчишкин**, **О.Т. Богомолов**, **А.Г. Гранберг**, **Г.А. Егиазарян**, **Н.И. Капустин**, **В.Н. Кириченко**, **Л.А. Козлов**, **В.Н. Кудрявцев**, **И.И. Лукинов**, **Б.З. Мильнер**, **О.И. Милоков**, **Е.М. Примаков** и **Е.К. Смирницкий**.

Конечно, персональный состав этой секции заслуживает отдельного разговора, однако даже беглое знакомство с этим списком говорит о том, что особое место в нем заняли экономисты-рыночники, которые уже давно фигурировали в списке ближайших соратников **А.Н. Яковлева**.

В самом конце декабря 1985 г. **М.С. Горбачев** расправился с еще одним давним политическим противником — старейшим членом **Политбюро** и многолетним Первым секретарем **МГК КПСС В.В. Гришиным**, который почти два десятка лет был безраздельным хозяином столицы. На смену этому «политическому аксакалу» пришел новоявленный секретарь **ЦК Б.Н. Ельцин**, который всего полгода назад оказался в **Москве** благодаря мощному напору тогдашнего горбачевского фаворита **Е.К. Лигачева**, который рассчитывал, слепить из этого «уральского медведя» очередного члена горбачевской команды «реформаторов». Ряд членов тогдашнего руководства страна, в частности будущий глава союзного правительства **Н.И. Рыжков**, хорошо знавший необузданный и тяжелый характер **Б.Н. Ельцина** по многолетней совместной работе в **Свердловске**, категорически возражали против его перевода на работу в **Москву**. Однако **Е.К. Лигачев**, которому очень импонировал бешенный ельцинский напор и жесткий стиль руководства, сумел настоять на своем и убедить **М.С. Горбачева** в своей правоте. Кроме того, и самому **М.С. Горбачеву** нужно было поставить во главе **Москвы** «мощный таран», который смог бы решительно расправиться с «зажравшейся» московской номенклатурой.

Придя на пост Первого секретаря **МГК КПСС**, **Б.Н. Ельцин** тут же начал проводить безжалостную зачистку столицы от прежних партийных кадров, и уже к началу 1986 г. сменил почти треть всех секретарей районных комитетов партии и начальников главных управлений **Мосгорисполкома**. Эти популистские шаги, вкупе с острыми критическими выступлениями **Б.Н. Ельцина**, носившими явно популистский характер, поначалу очень понравились москвичам и новому руководству страны. И уже в феврале 1986 г. на последнем, предсъездовском, **Пленуме ЦК** он был избран кандидатом в члены **Политбюро ЦК**.

В январе 1986 г. **М.С. Горбачев** поставил на **Политбюро ЦК** вопрос о замене генерала армии **В.В. Федорчука** на посту министра внутренних дел СССР. Этот вопрос был решен без особых усилий и практически весь состав высшего руководства страны принял это предложение генсека. При этом новым руководителем этой ключевой силовой структуры страны был назначен не крепкий профессионал, а кадровый партийный работник, первый секретарь Ростовского обкома **А.В. Власов**, которому вскоре присвоили воинское звание генерал-полковник. Тогда же **М.С. Горбачев** расстался и со своим «нечаянным» помощником по внешнеполитическим вопросам

А.М. Александровым-Агентовым, который прекрасно и качественно работал в этой должности более двадцать лет, и пригласил на этот пост известного «партийного диссидента» **А.С. Черняева**, занимавшего долгие годы важный пост первого заместителя заведующего **Международным отделом ЦК КПСС**, который возглавлял известный антисталинист, многолетний секретарь **ЦК Б.Н. Пономарев** — главный куратор всего международного рабочего и коммунистического движения от **КПСС** еще со времен **Н.С. Хрущева**.

В конце февраля 1986 г. начал свою работу **XXVII съезд КПСС**, делегаты которого, заслушав основные доклады **М.С. Горбачева** и **Н.И. Рыжкова**, единогласно утвердили новую редакцию **Третьей Программы КПСС** и **Директивы на XII пятилетку (1986–1990)**, в которых был отчетливо обозначен новый горбачевский курс на «**политику ускорения**» социально-экономического развития страны, провозглашенный в апреле 1985 г. Кроме того, именно на этом съезде годы брежневского правления впервые были названы «**периодом застоя**», который негативно отразился на общих темпах экономического и социального развития страны, что привело к ее существенному отставанию от передовых индустриально-промышленных стран мира, давно вступивших в эпоху постиндустриального развития.

В начале марта 1986 г. по завершению работы съезда состоялся организационный **Пленум ЦК**, на котором были избраны руководящие органы партии. Полноправными членами **Политбюро ЦК** были избраны **М.С. Горбачев**, **Г.А. Алиев**, **В.И. Воротников**, **А.А. Громыко**, **Л.Н. Зайков**, **Д.А. Кунаев**, **Е.К. Лигачев**, **Н.И. Рыжков**, **М.С. Соломенцев**, **В.М. Чебриков**, **Э.А. Шеварднадзе** и **В.В. Шербицкий**. Кандидатами в члены **Политбюро ЦК** стали **П.Н. Демичев**, **В.И. Долгих**, **Б.Н. Ельцин**, **Н.Н. Слюньков**, **С.Л. Соколов**, **Ю.Ф. Соловьев** и **Н. В. Талызин**. В состав **Секретариата ЦК** вошли **М.С. Горбачев**, **А.П. Бирюкова**, **А.Ф. Добрынин**, **В.И. Долгих**, **Л.Н. Зайков**, **М.В. Зимянин**, **Е.К. Лигачев**, **В.А. Медведев**, **В.П. Никонов**, **Г.П. Разумовский** и **А.Н. Яковлев**.

Таким образом, **М.С. Горбачев** завершил первый этап своей «кадровой революции» и самое главное впервые сумел протащить в руководящие партийные органы двух главных своих соратников — **А.Н. Яковлева** и **В.А. Медведева**, которые в купе со своим патроном сыграют роковую роль в истории нашей страны.

После завершения работы съезда **М.С. Горбачев** и его команда с удвоенной энергией принялись воплощать в жизнь свою «политику ускорения», которая по традиции вылилась в очередную административную кампанию. Хотя, еще несколько лет назад ряд крупных финансистов страны, в частности заместитель заведующего **Экономическим отделом ЦК В.П. Можин** и член коллегии **Госплана СССР В.С. Павлов**, совершенно разумно предлагали начать экономическую реформу в стране с **кардинальной реформы всех оптовых, закупочных и розничных цен**. Принципиальное решение о проведении этой реформы было принято еще **Л.И. Брежневым**, однако после прихода к власти **Ю.В. Андропова** **М.С. Горбачев** и другие его клевреты сумели убедить нового генсека отложить проведение ценовой реформы до лучших времен. При **К.У. Черненко** этот вопрос не поднимался, а при **М.С. Горбачеве** он вновь оказался в центре экономических дискуссий.

Основной смысл **ценовой реформы**, предложенной **В.П. Можиним**, **В.С. Павловым** и другими крупными специалистами, состоял в следующем: 1) нынешняя система цен, сознательно созданная в сталинскую эпоху, выполнила свою истори-

ческую миссию по ускоренной индустриализации страны и в настоящий момент стала мощным тормозом для дальнейшего движения вперед; 2) прежняя система цен базировалась на искусственно созданной стоимостной диспропорции труда и продукции сельскохозяйственного и промышленного производств, где существовал явный перекоп в сторону промышленных товаров за счет существенного занижения цены труда и аграрной продукции; 3) для придания мощного импульса развитию советской экономики и создания экономических стимулов, повышающих производительность труда, необходимо существенно повысить стоимость самого труда, т.е. заработной платы, и одновременно закупочных и розничных цен на продукцию сельского хозяйства, т.е. установить «рыночный» паритет цен, основанный на себестоимости продукции и трудовых затрат на ее производство.

Однако новое руководство страны из чисто популистских побуждений не рискнуло начать эту архиважную реформу и вновь прибегло к хорошо испытанным административно-командным методам управления народным хозяйством страны. Более того, по свидетельству ряда мемуаристов (**Н. Рыжков**), своеобразие нового подхода состояло в том, что за управленческий образец была взята **Государственная комиссия по военно-промышленному комплексу**, в рамках которой были объединены все министерства и ведомства этого профиля. Уже в **ноябре 1985 г.**, сразу после отставки главного противника аграрных и экономических новаций генсека **Н.А. Тихонова**, на базе шести общесоюзных министерств был создан управленческий гигант — **Госагропром СССР**, который возглавил новый горбачевский выдвиженец и его преемник на посту первого секретаря **Ставропольского крайкома партии В.С. Мураховский**.

Кроме того, первоначально, находясь в «плёну» экономической доктрины академика **А.Г. Аганбегяна**, новое руководство страны сделало основной упор на **развитие всего машиностроительного комплекса**, наивно полагая, что именно эта наукоемкая отрасль промышленного производства станет тем ключевым звеном, который позволит вытянуть на новые технологические горизонты все народное хозяйство страны. Именно с этой целью в **январе-мае 1986 г.** была принята целая серия всевозможных постановлений и решений **ЦК КПСС** и **Совета Министров СССР**, направленных на ускоренные темпы внедрение достижений научно-технического прогресса в экономику страны: «**О создании Бюро Совмина СССР по машиностроению**», «**О создании Государственного комитета по вычислительной технике и информатике**», «**О создании межотраслевых научно-технических комплексов**», «**Об организации Главного управления по созданию и использованию космической техники для народного хозяйства и научных исследований**» и т.д.

Одновременно традиционный административный ресурс стал активно использоваться в сфере непосредственного производства, где целым рядом специальных постановлений правительства страны предписывалось: 1) быстро повысить эффективность использования новой техники путем проведения аттестации рабочих мест; 2) перевести на трехсменный режим работы все те промышленные предприятия, которые уже обладают современным и высокопроизводительным технологическим оборудованием с целью ликвидации его простоя; 3) распространить на все промышленные предприятия страны полностью оправдавшую себя в оборонных отраслях систему государственной приемки готовой продукции и т.д.

Вместе с тем, стремясь более активно использовать экономические стимулы в развитии промышленного производства, **Совет Министров СССР** пошел на ряд

беспрецедентных мер и в **августе-ноябре 1986 г.** принял несколько **Постановлений**, которые впервые с нэповских времен узаконили: **1)** право самостоятельного выхода на внешний рынок **20 союзных министерств и 60 крупнейших предприятий**; **2)** введение новых, существенно повышенных тарифных ставок и окладов и снятие всех ограничений на фонд заработной платы во всех производственных отраслях; **3)** организацию при исполкомах местных советов кооперативов по сбору и переработке вторичного сырья; **4)** принятие закона **«Об индивидуальной трудовой деятельности»**, который легализовал создание частных кооперативов в некоторых видах производства товаров и услуг; **5)** создание и деятельность на территории страны совместных предприятий (концессий) с участием иностранного капитала и т.д.

Одновременно руководство партии и правительства, живо реагируя на две острейших социальных проблемы страны, приняло две важнейших и вполне выполнимых тогда **Комплексных программы** — **«Развития производства товаров народного потребления и услуг»** и **«Жилье-2000»**, гарантируя гражданам страны настоящий прорыв в решении этих насущных задач.

Однако решение глобальных задач по техническому переоснащению всей экономики страны и реализация важнейших социальных программ требовало больших ассигнований. Между тем, именно в это время ресурсы государства значительно сократились из-за проведения антиалкогольной кампании и в связи с неблагоприятной международной конъюнктурой. В частности, уже в **конце 1985 г.** резко упали мировые цены на нефть, и общесоюзный бюджет лишился многомиллиардных долларовых поступлений, которые в значительной степени компенсировали недостатки советской экономической системы, позволяя закупать за рубежом недостающую в стране продукцию сельского хозяйства, легкой и текстильной промышленности, высокотехнологическое оборудование и т.д. Кроме того, взятый политическим руководством курс на ускоренные темпы развития машиностроительного комплекса страны естественным образом повлек за собой серьезное увеличение закупок импортного технологического оборудования в ущерб приобретения разных товаров социального назначения и ширпотреба.

Кроме того, серьезный урон по экономике страны нанесла **Чернобыльская катастрофа**, ставшая настоящим шоком для руководства и всего населения страны. **26 апреля 1986 г.** при проведении экспериментальных работ на четвертом энергоблоке **Чернобыльской атомной электростанции** произошел мощный взрыв, разрушивший этот энергоблок. В результате этой, невиданной ранее, техногенной катастрофы произошло очень опасное радиационное загрязнение значительной части Украины, Белоруссии, а так же Брянской и Тульской областей РСФСР.

Для ликвидации тяжелейших последствий этой катастрофы была создана специальная правительственная комиссия во главе с заместителем председателя **Совета Министров СССР Борисом Евдокимовичем Щербиной**, которая в кратчайшие сроки решила несколько наиважнейших проблем: **1)** потушила возникший после взрыва атомного реактора крайне опасный пожар, грозивший угрозой новых взрывов на **Чернобыльской АЭС**; **2)** эвакуировала из **30-ти километровой зоны** и переселило на новые места проживания почти **135 тыс. человек**; **3)** установила при помощи армейских частей химзащиты и внутренних войск **МВД СССР** надежный контроль над всей «зоной отчуждения»; **4)** разработала и создала **концепцию «саркофага»**, который в кратчайшие сроки был возведен над разрушенным реактором; **5)** установила на

этом свинцово-бетонном саркофаге надежную систему контроля за состоянием реактора и т.д. Причем, основная тяжесть работ выпала на долю воинских частей и соединений **МО и МВД СССР**, общее руководство которыми было возложено на командующего **Среднеазиатским Военным округом** генерал-полковника **В.Н. Лобова**, который блестяще справился с поставленной задачей.

Большую роль в ликвидации последствий чернобыльской катастрофы сыграли так же **Оперативная группа Политбюро**, которую возглавил **Н.И. Рыжков**, и рабочая группа физиков-атомщиков во главе с заместителем директора **Института ядерной энергии АН СССР** академиком **В.А. Легасовым**, который был автором идеи создания и куратором строительства свинцово-бетонного саркофага над разрушенным реактором.

Непосредственная ликвидация чернобыльской катастрофы, которая обошлась госбюджету в **24 млрд рублей**, нанесла серьезный удар по всему экономическому потенциалу страны. Но еще важнее было то, что эта катастрофа оказала крайне негативное влияние на общественно-политическую ситуацию в стране, поскольку первоначальная, достаточно скупая и явно ложная информация о ней, которую **М.С. Горбачев** озвучил только **14 мая 1986 г.**, впервые поставили под сомнение авторитет высшей власти, утратившей прежний ареал «сакральной святости» и непогрешимости.

Между тем, **М.С. Горбачев** использовал эту аварию для новых кадровых чисток и вскоре отправил в отставку более десятка союзных министров, в том числе легендарного главу **Министерства среднего машиностроения СССР** **Ефима Павловича Славского**, который возглавлял всю атомную промышленность страны почти тридцать лет, и президента **Академии Наук СССР** академика **Александра Петровича Александрова**, который был одним из авторов взорвавшегося реактора **РБМК**.

3. Трансформация политики «ускорения» в политику «перестройки»

Курс на ускорение социально-экономического развития страны был важным этапом в осмыслении той ситуации, которая сложилась в стране к **весне 1985 г.** Однако, по справедливому мнению многих современных авторов (**Р. Пихоя, А. Барсенков, А. Шубин**), принимаемые тогда решения опирались на общее представление о том, что «так жить нельзя» и были не столько результатом продуманной системы мер, сколько отражали определенную «философию действия» и стремление нового руководства страны взяться за решение накопившихся проблем.

Одновременно у **М.С. Горбачева** и его ближайших соратников, в узкий круг которых входили **А.Н. Яковлев, В.А. Медведев, В.И. Болдин, А.С. Черняев** и ряд других прожженных партийных «диссидентов-аппаратчиков», постепенно стала формироваться собственная концепция широкомасштабных реформ. В частности, еще в **начале декабря 1985 г.** **А.Н. Яковлев**, ставший к тому времени заведующим **Отделом пропаганды ЦК**, направил на имя **М.С. Горбачева** аналитическую записку, в которой предложил провести масштабные реформы политической системы страны, которые фактически разрушали весь советский политический строй, созданный еще во времена **И.В. Сталина**. В частности, уже тогда этот «архитектор перестройки» предлагал создать на базе **КПСС** двухпартийную систему и легализовать политическую оппозицию, разрушить всю вертикаль органов советской

власти и учредить пост **Президента СССР**, изменить всю избирательную систему и ввести альтернативные выборы и т.д. И хотя в тот период **М.С. Горбачев**, не имея большинства в **Политбюро**, не рискнул прибегнуть к столь радикальным переменам, именно эти идеи стали путеводной звездой его нового политического курса.

Определенным рубежом в формировании этой концепции стал **XXVII съезд КПСС**, после завершения которого наметились важные перемены в трактовке этих преобразований. Прежняя, ставшая уже не нужной **формула «ускорения»**, стала наполняться новым содержанием и все активнее стала насаждаться мысль о том, что необходимо в гораздо большей степени и комплексно реформировать весь советский общественный строй.

Уже в **мае-июле 1986 г.** приевшийся термин **«ускорение»** постепенно стал вытесняться новым понятием **«перестройка»**. Раскрывая смысл этого понятия, **М.С. Горбачев** стал активно подчеркивать, что «перестройка» должна затронуть не только экономику страны, но и всю систему политических и социальных отношений, духовно-идеологическую сферу, стиль и методы работы партийных и советских кадров и т.д. Более того, он впервые **поставил знак равенства между понятиями «перестройка» и «революция»**, подчеркнув, что «политика перестройки это не разовый, одномоментный акт, а процесс, который будет протекать в рамках определенного исторического периода».

В **августе 1986 г.** под влиянием ряда членов своей команды «реформаторов», прежде всего, «перевертыша» **А.Н. Яковлева**, у **М.С. Горбачева** появляется еще одна навязчивая тема, которая вскоре станет лейтмотивом всех его выступлений. В частности, речь шла о сознательном или неосознанном противодействии политике «перестройки», главным противником которой впервые была названа партийная и государственная бюрократия и, прежде всего, ее среднее звено, которое **М.С. Горбачев** впервые публично **обвинил в саботаже «перестройки»**. В борьбе с этой консервативной прослойкой правящей номенклатуры генсек все чаще стал апеллировать к научной и творческой интеллигенции и молодежи, т.е. двум социальным группам, интеллектуальный потенциал и динамизм которых позволял видеть в них наиболее естественных союзников задуманных им масштабных перемен. Так постепенно началось формироваться представление о «перестройке» как о революции, начатой «просвещенным» руководством «сверху» и проводимой при активной поддержке «снизу».

Более того, именно тогда **М.С. Горбачев** начинает постоянно повторять, что перемены в обществе идут недостаточно быстро и главной причиной этого торможения являются пассивность подавляющей массы населения страны и приверженность управленческих структур к прежним директивным методам и формам управления. В связи с этим обстоятельством на первое место стала постепенно выходить **проблема демократизации советского общества**, которая стала трактоваться не только как одна из целей реформ, но и как их обязательная предпосылка.

Одновременно происходят существенные перемены в трактовке нового понятия **«гласность»**, которую сами «архитекторы» и «прорабы» «горбачевской перестройки» стали рассматривать как важнейший рычаг демократизации страны и повышения социальной активности инертной части населения страны. Значительное расширение информационной открытости, повышение уровня критично обсуждаемых проблем, востребованность интеллектуального потенциала — все это, по мысли

М.С. Горбачева и Ко, должно было способствовать преодолению идеологического догматизма и ломке прежних стереотипов политического поведения, что должно было существенно ускорить перестроечные процессы во всех сферах советского общества. По этой логике вещей гласность и интеллектуальное раскрепощение советского общества должны были **предшествовать самим преобразованиям и оптимизировать их**, обогащая теорию и практику перестройки «анализом» зарубежного и отечественного опыта. Причем, **роль идейной оппозиции консерватизму и партийному аппарату отводилась, прежде всего, прессе.**

Именно с этой целью новый секретарь ЦК **А.Н. Яковлев**, вернувшийся в партийный аппарат после многолетней «политической ссылки» в Канаде, проводит очень аккуратную, но вполне целенаправленную организационную подготовку «наступления гласности». В частности, он либо расставляет во главе ряда ключевых массовых печатных изданий свои, хорошо проверенные кадры — **И.Т. Фролова («Коммунист»), И.Д. Лаптева («Известия»), В.А. Коротича («Огонек»), С.П. Зальпина («Новый мир»), Г.Я. Бакланова («Звезда»), Е.В. Яковлева («Московские новости»), М.Н. Полторанина («Московская правда»),** либо умело «вербует» в качестве активных сторонников «перестройки» и «политики гласности» старых главных редакторов — **А.Д. Дементьева («Юность»), Г.Н. Селезнева («Комсомольская правда»), П.Н. Гусева («Московский комсомолец»), В.А. Старкова («Аргументы и факты»)** и других, которые вскоре стали одними из самых популярных изданий в стране, тиражи которых возросли в десятки раз. При этом «политика гласности», будучи изначально **хорошо управляемым явлением**, отнюдь не означала введения свободы слова. Более того, все содержание мощных информационных кампаний того времени определялось на постоянных инструктажах руководителей ведущих «демократических» изданий, которые регулярно проводились в идеологических структурах ЦК, возглавлявшихся **А.Н. Яковлевым** и его клевретами.

Тем временем в руководстве страны уже сложились **два различных подхода** по вопросу о дальнейших путях реформирования советского общества. Часть толковых управленцев, которые вплотную занимались решением экономических и социальных проблем, в частности член Политбюро, первый заместитель председателя Совета Министров СССР **Г.А. Алиев**, кандидат в члены Политбюро, секретарь ЦК **В.И. Долгих**, заместитель председателя Совета Министров СССР, председатель военно-промышленной комиссии **Ю.Д. Маслюков** и новый председатель Государственного Комитета СССР по ценам **В.С. Павлов** считали, что необходимо сконцентрировать все внимание на **экономической реформе**. Основную суть преобразований они видели в коренном изменении прежних принципов управления народным хозяйством и мотивации труда путем: **1) перевода всей системы планового управления с материально-вещественных критериев на приоритет стоимостных критериев и 2) сокращения сферы государственного регулирования.** Одну из главных задач сторонники этого подхода видели в строгой увязке личных, коллективных и общегосударственных интересов через реализацию целого комплекса разноплановых экономических мер, среди которых особое место отводилось **реформе ценообразования.**

Другая часть высших руководителей страны, в частности сам **М.С. Горбачев**, **Э.А. Шеварднадзе**, **А.Н. Яковлев**, **В.А. Медведев** и другие, были твердо убеждены в том, что решение всех экономических проблем упирается в неэффективность по-

литической системы. Поэтому с осени 1986 г. именно **реформа политической системы** стала рассматриваться ими как главное условие дальнейшего движения вперед. В частности, речь шла реформе самой партии и отстранения ее вездесущего аппарата от вмешательства в повседневную работу государственных и хозяйственных органов, перераспределения власти в пользу выборных региональных и местных советов, утверждения всесторонней гласности, организационных форм осуществления права на свободу слова, совести, печати, собраний, митингов и демонстраций и т.д.

Именно эти вопросы и предстояло поставить на очередном **Пленуме ЦК**, интенсивная подготовка к которому началась в **октябре 1986 г.** под руководством **А.Н. Яковлева** и других «прорабов перестройки» в подмосковной резиденции **Вольинское-2**. Там же было решено **отодвинуть на второй план вопросы экономической реформы** и свернуть работу экспертной группы по экономическим вопросам, которую возглавляли новые руководители **Министерства финансов СССР** и **Госкомитета СССР по ценам Б.И. Гостев** и **В.С. Павлов**.

Тем временем, в **конце октября — начале декабря 1986 г.** в ходе ряда острых заседаний **Политбюро ЦК** впервые обозначился раскол внутри высшего советского руководства. Одна линия раскола, олицетворением которой стал **А.А. Громыко**, носила принципиальный и концептуальный характер, поскольку этот старейший член **Политбюро ЦК** впервые открыто выступил против: **1)** очередной попытки «партийных диссидентов», плотно окруживших генсека, вновь поставить вопрос об осуждении сталинского культа и реабилитации жертв политических репрессий и **2)** концептуального изменения основ внешнеполитического курса страны. Вторая линия раскола носила более прикладной характер и была связана с вопросом реформы цен. Одна часть членов высшего партийного руководства, в частности **М.С. Горбачев**, **Н.И. Рыжков**, **В.П. Никонов** и **А.П. Бирюкова** выступали за проведение этой реформы. А другая часть в лице **Е.К. Лигачева**, **В.И. Воронникова** и **Э.А. Шеварднадзе** была категорически против этой «шоковой» реформы, которая могла вызвать непредсказуемую реакцию у населения страны.

Тем временем, в **середине декабря 1986 г.** с ключевого поста **Первого секретаря ЦК КП Казахстана** был снят старейший член советского руководства **Динмухамед Ахмедович Кунаев**, который по-прежнему пользовался непререкаемым авторитетом у большей части казахской партийно-государственной номенклатуры. Новым главой республики с подачи **Э.А. Шеварднадзе** был назначен первый секретарь Ульяновского обкома **Г.В. Колбин**, который в недавнем прошлом более восьми лет проработал в его команде вторым секретарем **ЦК КП Грузии**. Это назначение стало одно из грубейших кадровых ошибок генсека, которая привела к массовому всплеску казахского национализма и антирусским выступлениям в **Алма-Ате** и **Караганде**, которые власть довольно быстро подавила силой, отработав в ходе операции «**Метель**» сценарий возможных действий в подобных ситуациях. Причем, тогдашний командующий **Среднеазиатским Военным округом** генерал-полковник **В.Н. Лобов** в категорической форме отказался применять армию против мирного населения республики, за что вскоре был переведен в **Москву** и назначен на руководящую должность в **Генштаб**.

Однако при этом до сих пор остается загадкой роль тогдашнего председателя **Совета Министров Казахской ССР Н.А. Назарбаева** в организации этих событий, поскольку ряд современных авторов (**М. Калишевский**, **А. Островский**) полагают,

что именно он был главным теневым организатором декабрьских событий, рассчитывая на волне этой антирусской провокации прийти к власти в **Алма-Ате**.

Тогда же, в **середине декабря 1986 г.** произошло событие, имевшее «знаковый» смысл для всех последующих событий в стране, поскольку по личной инициативе **М.С. Горбачева** из «горьковской ссылки» был возвращен и фактически реабилитирован духовный лидер антисоветских диссидентов-либералов академик **А.Д. Сахаров**, которого они всегда почитали как узника совести. Тем самым правящая группировка во главе с **М.С. Горбачевым** продемонстрировала всем, в каком направлении и насколько далеко она готова была идти в своем переосмыслении советской истории и политики прежнего партийно-государственного руководства страны.

4. Начальный этап политики «горбачевской перестройки» в 1987–1988 гг.

По мнению ряда современных авторов (**Р. Пихоя, А. Барсенков, А. Шубин**), наступивший новый год в определенном смысле стал ключевым этапом горбачевских реформ, который во многом предопределил все последующее развитие событий в стране, поскольку именно тогда была полностью отброшена «**доктрина авторитарной перестройки**» в «прежней упаковке», созданной под руководством **Ю.В. Андропова**, и окончательно сформулирована **собственно горбачевская стратегия преобразований** и началось ее активное и стремительное воплощение в жизнь.

Основные усилия «реформаторов» теперь были направлены на пробуждение советского общества, повышение активности всех «конструктивных сил», кровно заинтересованных в обновленческих процессах. Новый план преобразований был озвучен в **январе 1987 г.** на очередном **Пленуме ЦК**, где в своем докладе «**О перестройке и кадровой политике партии**» **М.С. Горбачев** констатировал, что к **середине 1980-х гг.** в стране сложился «**механизм торможения**», который сдерживал социально-экономическое развитие страны и не позволял раскрыть все преимущества социализма. Корни этого механизма лежали в серьезных недостатках функционирования институтов социалистической демократии, устаревших политических и теоретических установках и в консервативном механизме управления. В качестве главного средства слома «механизма торможения» предлагалось «углубить» социалистический демократизм и дать новый мощный импульс развитию самоуправления народа через коренную **реформу избирательного процесса**, впервые основанного на **альтернативных выборах** в органы советской власти всех уровней.

На этом же **Пленуме ЦК** были проведены новые кадровые перестановки: **1)** из состава **Политбюро ЦК** был выведен **Д.А. Кунаев**, а с поста секретаря **ЦК** снят **М.В. Зимянин**; **2)** кандидатом в члены **Политбюро** был избран **А.Н. Яковлев**, что резко подняло его аппаратный вес; **3)** новыми секретарями **ЦК** были избраны **А.И. Лукьянов** и **Н.Н. Слюньков**. При этом **А.И. Лукьянов** был перемещен на должность заведующего ключевым **Отделом административных органов ЦК** и стал курировать всю систему **КГБ, МВД и Генеральной Прокуратуры СССР**, новым главой **Общего отдела ЦК** стал ближайший помощник генсека **В.И. Болдин**, а **Н.Н. Слюньков** возглавил **Экономический отдел ЦК**.

Вскоре после **Пленума ЦК** завершается и формирование нового понимания «**гласности**». Теперь ее начинают рассматривать как средство пробуждения и необ-

ходимый инструмент формирования общественного сознания в нужном направлении, как форму контроля за работой неповоротливых управленцев и как один из самых действенных способов мобилизации активных сторонников «перестройки». По сути, новая **«горбачевская гласность»** революционизировала и политизировала все советское общество, резко расширяя возможности общественного анализа по всему диапазону доступной информации и снятию ранее запретных и закрытых тем. Решения этого **Пленума ЦК** резко стимулировали пробуждение общественной активности и формирование инициативного социального поведения масс. Начавшаяся «самоорганизация общества», которая очень умело направлялась «прорабами» перестройки, проявилась в так называемых **«неформальных движениях»** и различных **«дискуссионных клубах»**, которые возникли во многих крупных городах страны.

В частности, уже в **феврале 1987 г.** в **Ленинграде** возник первый клуб **«Перестройка»**, инициативную группу которого возглавили молодые экономисты, социологи и философы, в том числе **А.Б. Чубайс, Е.Т. Гайдар, П.С. Филиппов, В.Н. Монахов** и другие. Основной целью этого клуба официально провозглашалась «разработка программ эффективного разрешения общественных конфликтов и проведение научных экспертиз по вопросам экономического и политического развития страны». Уже в **марте 1987 г.** в **Москве** по предложению членов этого клуба состоялась первая научная дискуссия, посвященная обсуждению проекта закона **«О государственном предприятии»**. А затем в рамках этого клуба состоялись новые дискуссии, на которых выступали многие известные экономисты, в том числе **Г.Х. Попов («С точки зрения экономиста»)**, **Н.Я. Петраков («Управление экономикой и демократизация»)**, **В.И. Данилов-Данильян («Экономические проблемы перестройки»)** и другие.

А между тем, мало кто знает откуда «растут уши» у этого клуба. Еще в **1973 г.**, сразу после начала **«политики разрядки»** во время ответного визита **Л.И. Брежнева** в **Вашингтон** по предложению тогдашнего президента США **Р. Никсона** лидеры двух сверхдержав подписали соглашение о создании австрийском **Лаксенбурге** **Международного института прикладного системного анализа (МИПСА)**, а затем, в **1976 г.**, в **Москве** был создан его советский филиал — **Всесоюзный НИИ системного анализа ГКНТ и АН СССР (ВНИИСИ)**. Причем, что любопытно: 1) вице-президентом первого и бессменным директором второго институтов был член **Римского клуба** и давний приятель президента **МИПСА** лорда **С. Цукермана** (автора британской бомбовой стратегии в годы **Второй Мировой войны**), косыгинский зять и примаковский шурин, академик **Джермен Михайлович Гвишиани**, который еще в **1969 г.** защитил очень показательную докторскую диссертацию **«Американская теория организационного управления»**; 2) именно под чутким руководством **Д.М. Гвишиани** в **1983–1984 гг.** его «птенцы» **Е.Т. Гайдар, П.О. Авен, О.Н. Ананьич** и другие мальчиши-плохиши в «розовых штанишках» корпели над андроповской экономической реформой и частенько ездили в **Ленинград**, где обсуждали все свои новации на закрытых семинарах в **«Змеиной Горке»**, где от питерских главным «смотрящим» был **А.Б. Чубайс**. По свидетельству самого **Е.Т. Гаидара**, «наш семинар разделялся на две части, на закрытую и открытую. На открытой присутствовали человек тридцать, обсуждение было интересно, информативно. Но мы прекрасно понимали, что один или два агента спецслужб на семинаре присутствуют. Поэтому на открытой части тезисы облекались в политически корректные формы. Они были крайне от-

кровенными по масштабам того, что можно было обсуждать на научном семинаре в СССР, но в рамках того, за что не сажали. И была закрытая часть семинара, всего, если память мне не изменяет, человек восемь. Участники этих обсуждений хорошо понимали, что экономическая система, сформированная в СССР в современном мире нежизнеспособна, надо думать о том, что будет после ее краха».

Чуть позже аналогичные организации в поддержку «перестройки» возникли в **Москве**, в частности **«Клуб социальных инициатив»**, который возглавили **Б.Ю. Кагарлицкий** и **Г.О. Павловский**, и **«Община»**, лидерами которой стали студенты исторического факультета МГПИ им. **В.И. Ленина** **А.К. Исаев**, **В.В. Гурболиков** и **А.В. Шубин**.

Кроме того, курс на проведение **«политики гласности»** дал мощный импульс развитию в стране так называемой альтернативной прессы. И хотя ее тиражи были ограничены, тем не менее, именно здесь в достаточно резкой и откровенной форме обсуждались все острейшие проблемы общественной жизни страны. Более того, издания такого рода, выйдя «из подполья», не только стали средством выражения определенных политических позиций, но и сыграли важную роль в организационной консолидации советских «неформалов».

Тем временем **М.С. Горбачев** и его ближайшее окружение продолжили зачистку верхних эшелонов власти от влиятельных политических оппонентов. Безусловно, что одним из таких оппонентов был авторитетный министр обороны СССР маршал **С.Л. Соколов**, который мешал **М.С. Горбачеву** и его команде сделать «прорыв» в переговорах по ядерному разоружению с США.

В самом конце мая 1987 г., когда **М.С. Горбачев**, **Н.И. Рыжков**, **Э.А. Шеварднадзе**, **А.Н. Яковлев** и другие члены высшего руководства страны находились на заседания **Политического Консультативного комитета** стран-участниц **ОВД** в **Варшаве**, в самом центре **Москвы** совершил наглую посадку самолет **«Сессна-172»**, который пилотировал немецкий студент **М. Руст**. Советская система **ПВО** обнаружила этот самолет сразу после нарушения им советско-финской границы и на его перехват трижды поднимались несколько советских истребителей. Однако советский генералитет, зараженный «корейским синдромом», не рискнул прибегнуть к крайним мерам и без санкций высшего политического руководства страны отдать приказ об уничтожении этого воздушного объекта. В результате этой, хорошо спланированной, провокации **М.С. Горбачев** получил прекрасный повод для расправы с теми членами высшего руководства **Вооруженных сил СССР**, которые были явными противниками его политического курса, что со всей очевидностью проявилось еще в **феврале-марте 1987 г.** во время обсуждения на **Политбюро ЦК** острых вопросов о сокращении вооружений, концепции «общеевропейского дома» и изменения военной доктрины **ОВД**.

Буквально на следующий день после возвращения **М.С. Горбачева** в **Москву** состоялось внеплановое заседание **Политбюро ЦК**, по решению которого министр обороны СССР маршал **С.Л. Соколов** и его заместитель, легендарный главком **ПВО** главный маршал авиации **А.И. Колдунов** были отправлены в отставку. Новым министром обороны СССР был назначен генерал армии **Д.Т. Язов**, а главкомом **ПВО** стал его старинный боевой друг генерал армии **И.М. Третьяк**.

Надо сказать, что в настоящее время для многих стало совершенно очевидным, что эта «подлая ротация» в руководстве военным ведомством страны давно гото-

вилась генсеком и его командой. Еще в **августе 1986 г.** во время визита во **Владивосток М.С. Горбачев** и его вездесущая супруга **Р.М. Горбачева** были буквально очарованы бравым командующим **Дальневосточным Военным округом** генералом армии **Д.Т. Язовым**, который покори́л их своим поэтическим даром и превосходным знанием стихотворного наследия великих русских поэтов. Уже в **январе 1987 г.** красавец-генерал переводится в **Москву** и становится новым начальником **Главного Управления кадров Министерства обороны СССР**, а спустя всего четыре месяца и новым главой всего военного ведомства страны. Понятно, что такой стремительный карьерный рост делал генерала **Д.Т. Язова** полностью зависимой и управляемой фигурой, чего собственно и добивался новый генсек.

Между тем, горбачевская команда продолжала лихорадочно искать пути выхода из системного кризиса, в который стала потихоньку вползать вся экономика страны. Еще в **начале апреля 1987 г.** при подготовке проекта **новой экономической реформы М.С. Горбачев** прямо поставил вопрос о необходимости **возвращения к нэповской многоукладной экономике**, основанной на принципах рыночного регулирования и сохранения в руках государства только «крупного промышленного производства». Поэтому, по мнению ряда современных авторов (**А. Островский, В. Катасонов**), постоянные заклинания генсека о «социализме с человеческим лицом» представляли собой лишь дымовую завесу, поскольку на самом деле он и его команда собирались не реформировать, а демонтировать ту систему, которую они называли социалистической.

В **конце апреля 1987 г.** вопрос о состоянии советской экономики и подготовке новой экономической реформы был вынесен на заседание **Политбюро ЦК**, куда горбачевская команда сознательно пригласила министра финансов СССР **Б.И. Гостева**. После его явно провокационного доклада, в котором он заявил о том, что дефицит государственного бюджета страны составляет астрономическую сумму в размере **80 млрд рублей**, было решено изменить систему планирования, ликвидировать **Госснаб СССР** и осуществить «переход на оптовую торговлю через **Госплан СССР**». Ликвидация **Госснаба СССР**, который традиционно отвечал за распределение и снабжением всех предприятий страны материально-техническими ресурсами, и переход к оптовой торговле фактически представляли собой первый шаг к рынку и к возрождению товарных бирж.

Дальнейшие поиски новой экономической доктрины и работа над ее тезисами подвигли **М.С. Горбачева** к обоснованию: **1)** новой модели хозяйственного управления и коренного изменений самой «философии» планирования от директивного и распорядительного к рекомендательному и прогностическому; **2)** перевода промышленных предприятий на полную самокупаемость и хозрасчет; **3)** перехода к новым принципам ценообразования, сочетающих в себе рыночные механизмы с государственным регулированием, и т.д.

В **конце мая 1987 г.** на заседании **Политбюро ЦК Н.И. Рыжков** выступил с докладом «**О перестройке деятельности Совета Министров СССР, министерств и ведомств сферы материального производства и республиканских органов управления**». Основные предложения главы советского правительства сводились к следующему: **а)** в непосредственном подчинении союзного правительства остаются только базовые отрасли экономики страны; **б)** сокращается общее число союзных, союзно-республиканских и республиканских министерств; **в)** ликвидируются все всесоюзные

производственные объединения и г) во всех министерствах сохраняются только функциональные Главки.

Однако этот «революционный» доклад **Н.И. Рыжкова** и пакет законодательных актов, особенно **Постановление Совета Министров СССР «О совершенствовании деятельности республиканских органов управления»**, полностью разрушавшее прежний отраслевой принцип управления народным хозяйством страны и передававшее управление всех социальных отраслей — легкой, текстильной, пищевой и строительной промышленности, а так же всего агропромышленного комплекса на уровень союзных республик, вызвал серьезные возражения у ряда членов **Политбюро**, в частности **А.А. Громыко**, **Е.К. Лигачева**, **В.И. Воротникова** и **М.С. Соломенцева**, поэтому было решено отправить их предложения на дальнейшую доработку.

В июне 1987 г. на заседание **Политбюро ЦК** был вынесен очередной вопрос «О переводе объединений, предприятий и организаций отраслей народного хозяйства на полный хозяйственный расчёт и самофинансирование», вокруг которого опять развернулись горячие споры. Например, не возражая против самой этой идеи, председатель **Совета Министров РСФСР В.И. Воротников** резонно заметил, что в нынешних условиях, когда многие промышленные предприятия имеют дефицитный бюджет, переход к полному хозрасчету и самофинансированию грозит или банкротством этих предприятий, или искусственным взвинчиванием цен как самого простого способа повышения собственной рентабельности.

Сразу после этих событий **М.С. Горбачев** и **А.Н. Яковлев** уединились в **Волынском-2**, где по свидетельству горбачевского помощника **А.С. Черняева**, стали готовить новый доклад к **Пленуму ЦК**, который по своему значению сами приравнивали «к ленинскому докладу о переходе к новой экономической политике» в **марте 1921 г.**

Во время подготовки этого **Пленума ЦК** между генсеком и премьером впервые возникли серьезные разногласия, которые дошли до взаимных обвинений и даже оскорблений. Более того, в ходе одной из частных бесед **Н.И. Рыжков** прямо поставил вопрос ребром: или наиболее радикальные предложения убираются из проекта решений **Пленума ЦК**, или он уходит в отставку. Сам **М.С. Горбачев** утверждал, что главное разногласие между ним и **Н.И. Рыжковым** было связано с тем, что перевод предприятий на самоокупаемость и хозрасчет приведет к тому, что будет разрушена вся система планового хозяйства и потеряет смысл весь пятилетний план, который надо будет либо в корне пересмотреть, либо вообще отменить. **Н.И. Рыжков** же утверждал, что суть разногласий состояла в том, что **М.С. Горбачев** и его команда собирались не только перевести все предприятия на полный хозрасчет и самофинансирование и отказаться от директивного планирования, но и с **января 1988 г.** полностью отпустить все социально-значимые цены и отдать ценообразование на откуп «свободному рынку», которого в стране просто не существовало в принципе. Не желая раньше времени идти на раскол в высшем руководстве партии, **М.С. Горбачев** вынужден был пойти на уступки и за неделю до **Пленума ЦК** на встрече с **Н.И. Рыжковым**, **А.Н. Яковлевым**, **В.А. Медведевым**, **Н.Н. Слюньковым**, **В.И. Болдиным** и **А.С. Черняевым**, которая прошла в **Волынском-2**, согласовать компромиссный вариант экономической реформы.

В конце июня 1987 г. состоялся новый **Пленум ЦК**, на котором были рассмотрены два вопроса: 1) задачи партии по коренной перестройке управления экономикой и 2) созыв **XIX партконференции**. Основные положения одобренной **Пленумом ЦК**

экономической реформы состояли в следующем: **а)** директивное планирование было решено заменить на индикативное, то есть рекомендательное; **б)** основой взаимоотношений предприятий и государства должен был стать государственный заказ; **в)** производимая сверх госзаказа продукция могли реализоваться предприятиями по договорным ценам; **г)** предполагалось увеличить размер оставляемой в руках предприятий прибыли; **д)** отменялись все прежние ограничения на размер заработной платы и т.д. При этом было принято решение, что осуществление этой реформы будет проводиться поэтапно, в течение двух ближайших лет.

Между тем, решения **июньского Пленума ЦК КПСС** представляли собой лишь начало более радикальных экономических реформ, поскольку в **сентябре 1987 г.** один из главных разработчиков этой реформы академик **А.Г. Аганбегян** откровенно заявил, что «мы **пока** не собираемся создавать акционерный капитал и выпускать акции... мы **пока** развиваем и углубляем рынок потребительских товаров, создаем новый для нас рынок средств производства и оптовую торговлю ими, намечаем реформу цен. Если ко всему этому мы еще создадим рынок капитала, биржи, то это может нас вывести из экономического равновесия». Таким образом, переход предприятий на хозрасчет и самофинансирование рассматривался лишь как первый шаг на пути к созданию многоукладной рыночной экономики.

Июньский Пленум ЦК принял и новые кадровые решения, которые укрепили позиции горбачевской команды: **1)** полноправными членами **Политбюро ЦК** стали **А.Н. Яковлев, Н.Н. Слюньков и В.П. Никонов**; **2)** кандидатом в члены **Политбюро ЦК** вместо отставного маршала **С.Л. Соколова** стал генерал армии **Д.Т. Язов**.

Кроме того, **Пленум ЦК** принял беспрецедентное решение о созыве в следующем году **XIX партийной конференции**, которая целиком должна была сосредоточиться на одном-единственном вопросе — коренной реформе всей политической системы страны. Надо сказать, что многие социальные слои советского общества связывали с **июньским Пленумом ЦК** большие надежды на изменения экономической ситуации к лучшему, однако, вскоре стало очевидно, что отказ от советских методов планового хозяйства и принятые нововведения резко ухудшили экономическую ситуацию в стране, а вместе с ней и всю психологическую атмосферу в обществе.

Осенью 1987 г. споры внутри руководства партии выплеснулись наружу. Уже в начале **сентября 1987 г.** на заседании **Политбюро ЦК**, которое в отсутствие **М.С. Горбачева** вел второй секретарь ЦК **Е.К. Лигачев**, между ним и **Б.Н. Ельцин** вспыхнул острый конфликт, связанный с тем, что партийный руководитель **Москвы** перестал согласовывать свои политические шаги с **Секретариатом и Политбюро ЦК**. После произошедшей перепалки **Б.Н. Ельцин** направил **М.С. Горбачеву**, отдыхавшему в своей новой крымской резиденции «**Форос**», «сопливое письмо», в котором, высказав сугубо личную обиду на тов. **Е.К. Лигачева**, его «негодный» стиль управления и организованную им травлю, поставил вопрос о своей отставке с постов Первого секретаря **МГК КПСС** и кандидата в члены **Политбюро ЦК**.

Ряд современных либеральных авторов (**Р. Пихоя**) называют это письмо «документом громадного личного мужества». Однако их идейные оппоненты (**А. Островский**) вполне справедливо полагают, что можно с полным основанием утверждать, что на подобный «самоотверженный шаг» **Б.Н. Ельцина** подтолкнул никто иной, как сам интриган **М.С. Горбачев**, чтобы руками этого «уральского медведя» расправиться с «консерваторами» в **Политбюро**. Однако чтобы отвести от себя подозрения

в причастности к этой интриге, сам **М.С. Горбачев**, который в то время вкупе со своим помощником по международным делам **А.С. Черняевым** сочинял по заказу двух американских издательств свой «теоретический шедевр» **«Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира»**, предложил **Б.Н. Ельцину** подождать с решением его вопроса до своего возвращения в **Москву**.

После возвращения генсека в **Москву** состоялось очередное заседание **Политбюро**, посвященное вопросу о «масштабах и темпах перестройки». По итогам обсуждения этого вопроса было принято постановление, текст которого было поручено отредактировать рабочей группе, в состав которой вошли **Е.К. Лигачев** и **А.Н. Яковлев**. Второй секретарь ЦК довольно быстро подготовил проект постановления **«Об узловых вопросах перестройки в стране и задачах партийных организаций по ее активизации»**, и по давно заведенной традиции передал его «по кругу». Однако этот проект вернулся от прожженного интригана **А.Н. Яковлева** в совершенно неузнаваемом виде, и именно в этой редакции был обнародован **М.С. Горбачевым** на очередном заседании **Политбюро ЦК**. В связи с этим обстоятельством в начале октября 1987 г. **Е.К. Лигачев** направил **М.С. Горбачеву** возмущенное письмо, но генсек, занятый подготовкой доклада к юбилею **Великого Октября**, не отреагировал на него.

21 октября 1987 г. состоялся Пленум ЦК, посвященный **70-ти** летнему юбилею **Великой Октябрьской социалистической революции**, на котором с докладом **«Великий Октябрь и перестройка — революция продолжается»** выступил сам **М.С. Горбачев**. Возомнив себя новым партийным теоретиком, он особо отметил творческий характер ленинизма и подчеркнул уникальную способность **В.И. Ленина** отказаться от тех догм, которые не отвечали императивам своего времени и самой жизни. Тем самым, он провел прямую параллель с нынешней «перестройкой», заявив о том, что она является ярким доказательством творческого развития «диалектических основ ленинизма». Кроме того, теоретик-генсек впервые подверг серьезной ревизии начальный этап советской истории, который был давно канонизирован в **«Кратком курсе истории ВКП(б)»**. В частности, он впервые заявил: **1)** о положительном значении всех внутрипартийных дискуссий **1920-х гг.**, которые помогли руководству страны «выработать нужные решения»; **2)** о явно недооцененных сталинским политическим руководством возможностях **НЭПа** и необоснованном отказе от его проведения; **3)** о негативных последствиях сплошной коллективизации и непомерной социальной цене революционных преобразований; **4)** о создании в **конце 1930-х гг.** административно-командной системы, которая подмяла под себя не только экономический базис, но и всю политическую надстройку страны, и т.д. Кроме того, **М.С. Горбачев** впервые: **1)** поставил вопрос о политической реабилитации **Н.И. Бухарина**, **А.И. Рыкова** и других деятелей правой оппозиции и заявил о необходимости довести до конца приостановленный процесс реабилитации жертв политических репрессий; и **2)** заявил о личной ответственности **Л.И. Брежнева** за нарастание всех негативных процессов в жизни советского общества в **1970-х — начале 1980-х гг.**

После доклада **М.С. Горбачева** было принято решение прений не открывать, но совершенно неожиданно слово для выступления попросил **Б.Н. Ельцин**. **Е.К. Лигачев**, который вел это заседание **Пленума ЦК**, никак не отреагировал на этот факт, однако интриган **М.С. Горбачев**, заявив что «у товарища **Ельцина** есть какое-то заявление», предоставил ему слово. Прекрасно зная о письме **Б.Н. Ельцина** на его имя, **М.С. Горбачев**, конечно, понимал, зачем он просил слова и не ошибся в своих

прогнозах. В своем довольно сумбурном выступлении **Б.Н. Ельцин** вновь заявил: 1) об отставании темпов «перестройки»; 2) о существовании серьезной оппозиции этой политике среди значительной части партийно-государственной бюрократии; 3) о своей невозможности работать с **Е.К. Лигачевым** и другими консерваторами в **Политбюро** и 4) о своей отставке с поста кандидата в члены **Политбюро ЦК**.

После ельцинского заявления началась бурная «дискуссия», умело направляемая **М.С. Горбачевым**, в ходе которой несостоявшийся «бунтарь» был буквально размазан по стенке всеми выступавшими членами **ЦК**, в том числе **А.Н. Яковлевым**, **Э.А. Шеварднадзе**, **Н.И. Рыжковым**, **А.А. Громыко**, **Е.К. Лигачевым**, **В.А. Медведевым** и многими другими членами **ЦК**. Однако вопреки веским ожиданиям, решение о его отставке принято так и не было, а в заключительной резолюции **Пленума ЦК** только содержалась кондовая запись о признании выступления «товарища Ельцина **Б.Н.** политически ошибочным».

Зато именно на этом **Пленуме ЦК** в отставку был отправлен член **Политбюро**, первый заместитель председателя **Совета Министров СССР Г.А. Алиев**, который был одним из немногих членов высшего руководства страны, работавший буквально на износ и представлявший реальную опасность для **М.С. Горбачева**. Воспользовавшись тем, что **Г.А. Алиев** после смерти своей супруги перенес тяжелейший инфаркт, он фактически вынудил его подписать заявление о своей отставке и выкинул этого выдающегося государственного деятеля страны из большой политики.

7–8 ноября 1987 г. состоялись грандиозные торжества по случаю юбилейной годовщины **Великого Октября**, на которых **М.С. Горбачев** слово в слово повторил свой доклад на большом торжественном заседании, прошедшем в **Кремлевском Дворце съездов**. А 9 ноября **Б.Н. Ельцин**, будучи в пьяном, невменяемом состоянии, совершил опереточную попытку «самоубийства» и был госпитализирован в **ЦКБ**. Несмотря на эту «трагедию», **Политбюро ЦК** приняло решение заменить **Б.Н. Ельцина** на посту Первого секретаря **МГК Л.Н. Зайковым**, который при этом сохранил за собой прежний пост секретаря **ЦК** по оборонной промышленности.

По мнению ряда либеральных авторов (**Р. Пихоя**), отставка **Б.Н. Ельцина**, несмотря на то, что она была поддержана всеми членами **Политбюро**, объективно способствовала укреплению консервативного крыла в высшем руководстве страны, видными членами которого были **Е.К. Лигачев**, **А.А. Громыко**, **М.С. Соломенцев**, **Л.Н. Зайков**, **В.И. Воронников** и **В.М. Чебриков**. Однако другие авторы (**А. Островский**) не склонны столь примитивно оценивать эти события, и полагают, что вся заварушка, связанная с **Б.Н. Ельциным**, стала первым звеном хитроумной интриги, затеянной **М.С. Горбачевым** и **А.Н. Яковлевым**, главной целью которой была нейтрализация **Е.К. Лигачева** и **Ко**.

11 ноября 1987 г. состоялся **Пленум МГК КПСС**, который зримо показал всему руководству страны и самим москвичам, какую негативную и разрушительную роль сыграл **Б.Н. Ельцин** за неполных два года в качестве руководителя **Москвы**, как безжалостно он расправлялся с партийными и хозяйственными кадрами столицы, доведя двух секретарей райкомов партии до самоубийства, как полностью разрушил всю систему управления городским хозяйством и социальной сферы и т.д. В результате жесткого и принципиального разговора он был с позором снят со своей должности и новым Первым секретарем **МГК** был избран член **Политбюро** и Секретариата **ЦК Л.Н. Зайков**.

1. Курс на политическую реформу и новый этап горбачевской «перестройки»

Еще в **конце декабря 1987 г.** на последнем предновогоднем заседании **Политбюро М.С. Горбачев** предложил всем его членам «крепко поразмыслить», «сформировать концепцию перестройки» и «обсудить все в январе». Подготовку материалов для этого обсуждения генсек поручил **А.И. Лукьянову**, который в **начале января 1988 г.** направил ему документ под названием «**Набросок возможной концепции дальнейшей демократизации советского государственного строя (к XIX Всесоюзной партийной конференции)**».

В процессе планируемой демократизации советского общества **А.И. Лукьянов** выделил три направления: **1)** кардинальное усиление властных полномочий Советов и контроля с их стороны за деятельностью подчиненного им государственного аппарата; **2)** обеспечение дополнительных и эффективных гарантий демократических прав и свобод советского человека; **3)** проведение глубокой реформы всей системы советского законодательства и деятельности всех правоохранительных органов.

В связи с этим предлагалось «решительно устранить двоевластие партии и Советов, которое прочно укоренилось за последние пять десятилетий» и передать Советам реальную государственную власть, чтобы партия, «освободившись от несвойственных ей функций хозяйственного управления, смогла бы, наконец, сосредоточиться на осуществлении своей авангардной роли, определяя главные направления политики, расставляя и контролируя кадры, соединяя в общественное русло действия всех государственных и общественных организаций». Одновременно с этим намечалась реформа самой государственной власти. Прежде всего, имелось в виду введение альтернативных выборов. При этом предлагалось «возвращение к ленинской системе съездов Советов, при которой население избирает только низовые звенья Советов, а все остальные органы власти формируются съездами Советов».

Тогда же, в **начале января 1988 г.** на первом в новом году заседании **Политбюро ЦК М.С. Горбачев** активно продолжил гнуть свою политическую линию и распорядился «больше не ставить в повестку дня его заседаний хозяйственные вопросы», чем: **1)** фактически отстранил весь состав **Политбюро** от реального обсуждения всех проблем экономической реформы и **2)** вывел правительство страны из-под текущего контроля со стороны высших органов партии.

Одновременно **М.С. Горбачев** выступил за резкое сокращение числа заседаний **Секретариата ЦК**, мотивировав свое предложение необходимостью борьбы с бюрократизмом. Хотя, на самом деле он преследовал совершенно иную цель: **1)** прежде всего, он решил существенно ослабить и нейтрализовать роль **Секретариата ЦК** как коллегиального руководящего органа партии, работавшего в постоянном режиме; **2)** сознавая, что его «перестройка» вступает в решающую стадию, он стремился полностью парализовать возможное сопротивление его политическому курсу среди консервативного крыла в руководстве партией, олицетворением которого стал **второй секретарь ЦК Е.К. Лигачев**, который по должности вел все заседания **Секретариата ЦК** и осуществлял реальное оперативное руководство всем центральным партийным аппаратом и реализацией его решений в жизнь.

Эта тенденция отстранения партии от реального руководства страной дала о себе знать и при подготовке очередного **Пленума ЦК**, который состоялся в **середине**

февраля 1988 г., поскольку впервые в истории партии доклад генсека был вынесен на суд членов ЦК без предварительного обсуждения на Политбюро ЦК.

На этом Пленуме М.С. Горбачев выступил с докладом «Об идеологическом обеспечении перестройки», который был опубликован во всех центральных газетах под звонким названием «Революционной перестройке — идеологию обновления». Основные положения этого доклада действительно носили революционный характер, поскольку в нем содержались крамольные идеи о том, что: 1) поразивший страну кризис носит «не частный, а общий, системный характер»; 2) логика реформ требует не простого совершенствования всей советской системы, а «вторжения в самые ее основы»; 3) главным направлением дальнейшего движения вперед является «перестройка всей политической системы», а ее «коренным вопросом является разграничение функций партийных и государственных органов».

В этом же докладе М.С. Горбачев, возмнивший себя новым В.И. Лениным, подобно ему указал на срочную необходимость провести «коренную перемену всей точки зрения на социализм», однако, понимая, что этот «теоретический пассаж» может насторожить непосвященных членов ЦК, он цинично и лживо заявил, что «в нашей работе мы должны действовать, руководствуясь нашими, марксистско-ленинскими принципами, а принципами, товарищи, мы не должны поступаться ни под какими предложениями».

На этом Пленуме ЦК произошли очередные кадровые перестановки: 1) кандидатами в члены Политбюро ЦК были избраны Г.П. Разумовский и Ю.Д. Маслюков; 2) новым секретарем ЦК по оборонке стал О.Д. Бакланов; 3) Б.Н. Ельцин был выведен из Политбюро ЦК и «сослан» в ранге министра первым заместителем председателя Государственного строительного комитета СССР. Естественно все эти перестановки имели свою логику, так как: 1) повышение политического статуса Г.П. Разумовского, который был главным партийным «кадровиком», выводило его из непосредственного подчинения Е.К. Лигачева; 2) вхождение Ю.Д. Маслюкова в состав высшего партийного ареопага было связано с тем, что, оставаясь на прежнем посту председателя Военно-промышленной комиссии, он становился новым председателем Госплана СССР и первым заместителем председателя Совета Министров СССР; 3) назначение министра оборонной промышленности СССР О.Д. Бакланова новым секретарем ЦК, курирующим весь военно-промышленный комплекс страны, было связано с переходом на работу в Московский горком партии Л.Н. Зайкова, а так же с тем обстоятельством, что сам М.С. Горбачев, накануне задуманных им «разоруженческих инициатив» и грандиозных планов конверсии военного производства, панически боялся испортить отношения с очень влиятельными военно-промышленными кругами страны и стал откровенно заигрывать с ними; 4) наконец, новое назначение Б.Н. Ельцина, вероятнее всего, было связано с тем, что М.С. Горбачев, хорошо предвидя все свои дальнейшие шаги по разрушению политического и общественного строя страны, решил держать его «на коротком поводке» и использовать в нужный политический момент, но, как всегда, просчитался. Ведь, генсек мог совершенно спокойно сослать несостоявшегося «бунтаря» в качестве советского посла в любую из «банановых республик» Африки, но сознательно не сделал этого.

Тем временем политическая ситуация в стране стала резко обостряться. Все громче стали звучать голоса тех представителей творческой и научной интеллигенции,

которые категорически не принимали новый политический курс **М.С. Горбачева** и его команды. Уже в **середине марта 1988 г.** на страницах русской патриотической газеты «**Советская Россия**», главным редактором которой был **В.В. Чикин**, была опубликована письмо-статья «**Не могу поступаться принципами**», автором которой была доцент **Ленинградского технологического института Н.А. Андреева**.

Общее содержание этой статьи, название которой было взято из последнего горбачевского «пассажа» на **Пленуме ЦК**, состояло в констатации того, что: **1)** критика сталинских репрессий в либеральных печатных изданиях превратилась в разнузданную критику всей политики партии в эпоху индустриализации и коллективизации страны; **2)** сторонники «леволиберального социализма» и откровенные «троцкисты», стоящие на западнических и космополитических позициях, занялись самой настоящей фальсификацией истории и теории социализма; **3)** необходимо твердо стоять на почве «классового подхода» в оценке событий прошлого и настоящего нашей страны и т.д.

В то же день по рекомендации своего нового помощника **Г.Х. Шахназарова** **М.С. Горбачев** ознакомился с этой статьей, но никак не отреагировал на нее, поскольку в **Москве** отсутствовал его главный «идеологический гуру» **А.Н. Яковлев**, да и сам генсек на следующий день отправлялся с государственным визитом в Югославию. Однако затем, после возвращения **М.С. Горбачева** и **А.Н. Яковлева** из зарубежных поездок в **Москву**, генсек, умело накаченный «хромоногим дьяволом», решил дать бой консерваторам в **Политбюро**. В **конце марта 1988 г.** в течение двух дней на **Политбюро** шли самые жаркие баталии вокруг этого письма. **М.С. Горбачев**, активно поддержанный **Н.И. Рыжковым**, **Э.А. Шеварднадзе** и **В.А. Медведевым**, буквально сорвавшись с цепи, стал всячески поносить **И.В. Сталина** и сталинизм самыми последними словами. Более того, прожженный партийный интриган-«демократ» **А.Н. Яковлев**, который, вероятнее всего, и был главным режиссером этого спектакля, в духе «лучших» партийных традиций припечатал к этому письму обвинительный ярлык — «**манифест антиперестроечных сил**» и подвел «теоретический базис» под свое определение. Результатом этого обсуждения стала подготовленная **А.Н. Яковлевым**, **В.И. Болдыным** и другими «реформаторами» анонимная редакторская статья «**Принципы перестройки, революционность мышления и действий**», опубликованная в «**Правде**» в **начале апреля 1988 г.**, которая стала определенным водоразделом в развитии политических процессов в стране.

Статья **Н.А. Андреевой**, в подготовке и публикации которой был не вполне обоснованно обвинен **Е.К. Лигачев**, открывала для **М.С. Горбачева** и **Ко** прекрасную возможность нанести превентивный удар по консерваторам, который был необходим, так как именно в это время шла подготовка к **XIX партийной конференции**. К тому времени никаких видимых серьезных покушений на основы марксизма-ленинизма еще не наблюдалось, что позволяло без особого труда отвергнуть все обвинения **Н.А. Андреевой** как абсолютно беспочвенные, и в связи с этим дискредитировать любую критику перестройки. Эта статья позволяла также поставить вопрос о необходимости сломить сопротивление консерваторов, для чего реформировать всю политическую систему страны.

В своих мемуарах «**Омут памяти**» **А.Н. Яковлев** прямо характеризует статью **Н.А. Андреевой** как «малый мятеж против перестройки». С этой оценкой вполне можно согласиться, но при одном принципиальном уточнении — как и знамени-

тый **корниловский мятеж**, этот «мятеж» был спровоцирован теми, кто его потом и подавил. Более того, еще один «прораб горбачевской перестройки» **А.С. Черняев** не менее цинично писал, что «если бы не было **Нины Андреевой**, ее надо было бы выдумать, поскольку именно после этой статьи пошел такой шквал критики сталинизма в газетах и журналах, такая раскованность, что до того дня **Е. Лигачев** и его команда не потерпели бы и дня».

Тем временем команда **М.С. Горбачева** продолжила наращивать усилия по проведению политической реформы, и в **середине апреля 1988 г.** он «в три приема, чтобы создать непринужденную и доверительную атмосферу, провел беседы со всеми секретарями **ЦК** компартий республик, крайкомов и обкомов партии». В общей сложности в этих «беседах» приняло участие больше **150 человек**, в ходе которых генсек едва ли не впервые открыто поставил под сомнение правомерность существования **6-й статьи Конституции СССР** о руководящей и направляющей роли партии.

После окончания этих встреч состоялось заседание **Секретариата ЦК**, на котором была создана рабочая группа по доработке тезисов доклада **М.С. Горбачева** на **XIX партийной конференции**. Первый, еще вполне «сырой» вариант этих тезисов был подготовлен двумя помощниками генсека — **И.Т. Фроловым** и **Г.Х. Шахназаровым**. А затем, в **конце апреля 1988 г.** **М.С. Горбачев** пригласил на приватную беседу в свою резиденцию **А.Н. Яковлева**, **В.А. Медведева**, **Н.Н. Слонькова**, **А.И. Лукьянова**, **И.Т. Фролова**, **А.С. Черняева**, **В.И. Болдина**, **С.А. Ситаряна**, **Г.Х. Шахназарова**, **В.П. Можина** и **Н.Б. Биккенина**, где провел с ними «обстоятельный разговор о характере тезисов». Затем эти тезисы были переданы рабочей группе, которая расположилась в поселке **Волыньское-2**, где завершающая работа над ними велась уже под непосредственным руководством **А.Н. Яковлева**.

В **конце мая 1988 г.** «горбачевские тезисы» были рассмотрены на **Политбюро** и одобрены **Пленумом ЦК**, а затем опубликованы в «**Правде**». Главное место в этом документе занимали следующие положения: **1)** необходимо вернуть Советам реальные властные полномочия, передав на их рассмотрение и решение все без исключения конкретные вопросы государственной, хозяйственной и социально-культурной жизни страны»; **2)** исключить из повседневной практики принятие постановлений партийных комитетов, содержащих прямые указания государственным, хозяйственным органам и общественным организациям, поскольку отныне свой политический курс партия должна проводить через коммунистов, работающих в органах государственной власти; **3)** для реализации последнего положения предполагалось разрешить секретарям партийных комитетов совмещать свои партийные посты с руководящими должностями в Советах; **4)** предлагалось принципиально изменить характер самих выборов, которые впервые должны стать действительно свободными и альтернативными; **5)** создать материальные и правовые условия для реализации конституционных прав и свобод граждан, т.е. свободы слова, печати, собраний, митингов, уличных шествий и демонстраций и других.

В «горбачевских тезисах» ничего не говорилось о свободе союзов или партий, но подчеркивалось, что «возникает необходимость в ближайшее время определить правовую основу деятельности всех общественных организаций, добровольных обществ и самодетельных объединений».

О том, что эти «тезисы» имели не декларативный характер, свидетельствует следующий факт: уже в **начале апреля 1988 г.**, когда работа над ними еще только

начиналась, уже были подготовлены проекты законов о гласности, о средствах массовой информации, о свободе совести, о добровольных общественных и творческих союзах, о порядке проведения собраний, митингов и демонстраций, и велась активная работа над законами о профсоюзах и молодежи. Однако, в конечном итоге, все ограничилось только тем, что в **конце мая 1988 г.** был утвержден новый закон «**О кооперации**», который положил начало приватизации и открыл возможность для легализации «теневых капиталов» в стране.

За неделю до начала конференции состоялось обсуждение проекта доклада **М.С. Горбачева** на очередном заседании **Политбюро**, где по странному стечению обстоятельств, все его члены, в том числе вожди «консерваторов» **А.А. Громько**, **В.В. Щербицкий** и **Е.К. Лигачев**, поддержали эти «новаторские предложения», которые, по сути, означали «разгосударствление партии».

2. XIX партийная конференция и ее итоги

28 июня 1988 г. состоялось открытие **XIX партийной конференции**, на рассмотрение которой было вынесено два основных вопроса: **1) «О ходе реализации решений XXVII съезда КПСС, основных итогах первой половины двенадцатой пятилетки и задачах партийных организаций по углублению процесса перестройки»** и **2) «О мерах по дальнейшей демократизации жизни партии и общества»**.

Однако, естественно в центре внимания делегатов конференции оказался второй вопрос, ради которого она, собственно говоря, и созывалась. По мнению ряда современных авторов (**Р. Пихоя**), «в ходе многочисленных выступлений на конференции довольно ясно определились два крыла в партии». Одно из них (**В.В. Бакатин**, **Л.И. Абалкин**, **М.А. Ульянов**) — «реформаторское», которое выступало за горбачевскую формулу «больше демократии — больше социализма», а другое (**Ю.В. Бондарев**, **Г.В. Колбин**, **А.А. Логунов**) — «консервативное», которое выступало с позиций противников перестройки. Однако представляется, что подобная трактовка расстановки политических сил внутри партии носит довольно примитивный характер. В частности, если говорить о выступлении директора **Института экономики АН СССР** академика **Л.И. Абалкина**, то он: **1)** выступил с резкой критикой популярной тогда концепции «ускорения» и заявил, что экономика страны нуждается не столько в увеличении темпов экономического роста, сколько в структурной перестройке; **2)** заявил о том, что в нынешних условиях именно решение экономических, а не политических задач должно стать магистральным направлением работы всей партии по реформированию советского общества; **3)** первым подверг сомнению поспешное горбачевское предложение о совмещении партийных и государственных постов. Все эти заявления настолько возмутили **М.С. Горбачева**, что он был вынужден тут же прокомментировать их, и обвинил **Л.И. Абалкина** в «экономическом детерминизме». Вместе с тем это выступление было высоко оценено главой правительства **Н.И. Рыжковым**, который вскоре предложил **Л.И. Абалкину** стать его советником по вопросам экономической реформы.

Что касается выступления выдающегося советского писателя **Ю.В. Бондарева**, то оно действительно стало одним из самых критических выступлений в хоре той восхищенной «словесной шелухи», которая неслась в адрес «перестройки» и ее инициатора. Будучи умудренным «инженером человеческих душ», прошедшим

самое пекло войны в лейтенантских погонах, он образно сравнил «перестройку» с самолетом, который поднялся в воздух, совершенно не зная место своего будущего приземления.

В центре внимания делегатов конференции оказались так же выступления двух ярких политических оппонентов, о существовании которых, но только кулуарно, говорили все последнее время — **Б.Н. Ельцина** и **Е.К. Лигачева**. Сначала на трибуну якобы «прорвался с боем» **Б.Н. Ельцин**, который выступил с тем же набором голословных и чисто популистских обвинений, которые содержались в его сумбурном выступлении на **Пленуме ЦК** в **октябре 1987 г.** В частности, он заявил о том, что: **1)** «перестройка» практически не затронула партию и, прежде всего, ее консервативный аппарат; **2)** необходимо привлечь к ответственности тех лидеров партии, т.е. членов **Политбюро**, которые довели страну до нынешнего кризисного состояния; **3)** следует разобраться со всеми номенклатурными привилегиями партийной верхушки и ликвидировать их и т.д. Кроме того, в конце своего выступления **Б.Н. Ельцин** обратился к делегатам **Конференции** с просьбой о прижизненной «политической реабилитации».

Конечно, это откровенно популистское выступление было с восторгом встречено значительной частью советских людей, особенно творческой интеллигенцией, которые еще не знали, что собой представлял этот «народный трибун» и «партийный бунтарь», бывший на поверку банальным алкоголиком и популистом. Поэтому все последующие выступления с критикой **Б.Н. Ельцина**, особенно эмоциональная речь **Е.К. Лигачева**, были встречены с большим неприятием в обществе. Именно с этого момента **Б.Н. Ельцин**, фактически вернувшись в «большую политику», стал стремительно набирать политические очки и постепенно превращаться в лидера всей либеральной оппозиции.

По итогам работы **XIX партийной конференции** было принято пять итоговых резолюций: «О демократизации советского общества и реформе политической системы», «О международных отношениях», «О борьбе с бюрократизмом», «О гласности» и «О правовой реформе».

Главное место в этом ряду заняла первая резолюция, которая дала старт реформе всей политической системы страны. В частности, было решено незамедлительно внести в **Конституцию СССР** поправки о создании **Съезда народных депутатов СССР** и принять соответствующий закон о выборах, в **апреле 1989 г.** провести на основании нового закона выборы народных депутатов СССР, а **осенью 1989 г.** провести аналогичные выборы во всех союзных республиках.

Не менее серьезные новшества содержались и в резолюции по национальному вопросу, которые в конечном итоге заложили фундамент разрушения всей союзной федерации. В частности, в этой резолюции говорилось: **1)** о необходимости перераспределения власти от союзного центра в пользу республик; **2)** о постепенном переходе республик и регионов на принципы хозрасчета; **3)** о развитии прямых связей между союзными республиками, минуя союзный центр; **4)** о лишении русского языка статуса государственного языка и признание его в качестве средства межнационального общения и т.д.

Через три недели после партийной конференции **Политбюро ЦК** постановило провести до конца текущего года во всех партийных организациях страны отчетно-перевыборные собрания и конференции и подготовить все документы,

необходимые для реформы политической системы страны. Затем, в **конце июля 1988 г.**, очередной **Пленум ЦК** утвердил постановление **Политбюро** о создании **Комиссии ЦК** во главе с **М.С. Горбачевым** для подготовки предложений, связанных с осуществлением политической реформы. Одновременно в рамках **Комиссии** была создана рабочая группа по подготовке поправок к **Конституции СССР**, которую возглавили два профессиональных юриста и прожатых партийных аппаратчика — **А.И. Лукьянов** и **Г.Х. Шахназаров**, руками которых **М.С. Горбачев** стал уничтожать советский политический строй.

Затем «**Правда**» опубликовала **Постановление Пленума ЦК «О практической работе по реализации решений XIX Всесоюзной конференции КПСС»**, в котором говорилось, что: **1)** необходимо в кратчайшие сроки осуществить практические шаги по разграничению функций партийных комитетов и Советов народных депутатов всех уровней; **2)** впредь исключить принятие совместных постановлений партийных комитетов и исполнительно-распорядительных органов Советов; **3)** решительно пресекать любые попытки работников партийного аппарата вмешиваться в осуществление полномочий советских органов власти.

Это «самоотречение» правящей партии от власти необходимо было облечь в юридическую форму, поэтому далее в опубликованном **Постановлении** ставилась прямая задача: подготовить и представить на всенародное обсуждение в **октябре 1988 г.** проекты Закона «**Об изменениях и дополнениях Конституции СССР**» и Закона «**О выборах народных депутатов СССР**», провести эти выборы в **марте 1989 г.**, а уже в **апреле 1989 г.** созвать **Съезд народных депутатов СССР**, который изберет новый **Верховный Совет СССР**.

Одновременно предлагалось: **1)** «развернуть в **Верховном Совете СССР** работу над проектами законов о молодежи, о правах профсоюзов, о добровольных обществах, органах общественной самодеятельности и иных самодеятельных объединениях, о печати, других законодательных актов, вытекающих из реформы политической системы»; **2)** «подготовить к **началу 1989 г.** необходимые материалы по вопросам совершенствования межнациональных отношений в СССР для рассмотрения на **Пленуме ЦК КПСС**»; **3)** «до **середины 1989 г.** осуществить в основном судебную реформу, перестройку деятельности прокуратуры, арбитража, следственных органов, адвокатуры, юридической службы в народном хозяйстве и провести серьезную работу по совершенствованию уголовного законодательства».

Характеризуя значение **XIX партийной конференции**, сам **М.С. Горбачев** позднее говорил, что она стала «по-настоящему поворотным моментом, после которого перестройка начала приобретать необратимый характер», более того, «перестройку можно датировать именно этим временем, а все остальное — это прелюдия перестройки».

Конечно, **М.С. Горбачев**, будучи многоопытным партийным функционером, не мог не понимать, что разделяя партию и государство — этих двух сиамских близнецов, он ставит на край гибели и партию, и государство. Однако, несмотря на это, в **начале августа 1988 г.**, находясь на отдыхе в своей новой крымской резиденции в **Форосе**, он приступил к созданию очередного «теоретического» шедевра — брошюры под названием «**О социализме**», в которой с присущим ему цинизмом продолжал дурачить партию и народ о «перестройке, призванной раскрыть все преимущества социализма».

3. Развитие политической реформы во второй половине 1988 г.

После возвращения в **Москву** главные усилия **М.С. Горбачева** и его команды были направлены на то, чтобы «разработать концепцию преобразования партийного аппарата, и в первую очередь самого **Центрального Комитета партии**». В результате, уже в **конце августа 1988 г.** на свет появилась горбачевская записка «**К вопросу о реорганизации партийного аппарата**», в которой предлагались беспрецедентные меры: 1) передать все функции по оперативному управлению экономикой от соответствующих отделов **ЦК Совету Министров СССР**; 2) в связи с этим обстоятельством сократить партийный аппарат всех уровней на **700–800 тыс. человек**, в том числе половину ответственных и технических работников аппарата **ЦК**, т.е. около **1500 человек**.

В **начале сентября 1988 г.** эта записка была рассмотрена на заседании **Политбюро ЦК**, и хотя ряд его членов, в частности **Е.К. Лигачев**, **Н.И. Рыжков** и **В.И. Воротников**, высказали веские опасения, что столь радикальные меры могут привести к параличу всей системы управления народным хозяйством страны, это убийственное решение было принято. В результате внутри партийного аппарата, как в центре, так и на местах, сложился очень мощный очаг сопротивления горбачевским начинаниям, поскольку практически все партаппаратчики стали тихо ненавидеть генсека и его команду «реформаторов».

Одновременно **М.С. Горбачев** начал радикально менять и свое отношение к старой команде «реформаторов» и избавляться от прежних соратников, с которыми он начал «политику ускорения». Свое новое отношение к бывшим соратникам по перестройке **М.С. Горбачев** ярко продемонстрировал в самом **конце сентября 1988 г.**, когда состоялся очередной **Пленум ЦК**, прошедший, по словам очевидцев, «не более получаса». За столь короткое время без всяких дискуссий и прений, с подачи «демократа» **М.С. Горбачева** были приняты важнейшие политические и кадровые решения:

1) Прежде всего, в отставку были отправлены ряд партийных «аксакалов» — старейший член **Политбюро**, председатель **Президиума Верховного Совета СССР** **А.А. Громыко**, член **Политбюро**, председатель **КПК при ЦК** **М.С. Соломенцев**, кандидат в члены **Политбюро**, секретарь **ЦК** **В.И. Долгих**, кандидат в члены **Политбюро**, первый заместитель **ПВС СССР** **П.Н. Демичев** и один из самых «молодых» секретарей **ЦК** уже горбачевского призыва **А.Ф. Добрынин**;

2) Полноправным членом **Политбюро** стал секретарь **ЦК** по идеологии **В.А. Медведев**, новым секретарем **ЦК** по правовым вопросам был избран председатель **КГБ СССР** генерал армии **В.М. Чебриков** и новыми кандидатами в члены **Политбюро** стали **А.В. Власов** и **А.П. Бирюкова**;

3) Сам **М.С. Горбачев** был рекомендован на пост председателя **Президиума Верховного Совета СССР**, **А.И. Лукьянов** — на пост первого заместителя председателя **ПВС СССР**, **В.И. Воротников** — на пост председателя **Президиума Верховного Совета РСФСР**, **А.В. Власов** — на должность председателя **Совета Министров РСФСР**, Первый секретарь **ЦК КП Латвии** **Б.К. Пуго** — на пост председателя **КПК при ЦК КПСС**, первый секретарь Кемеровского обкома **В.В. Бакатин** — на пост министра внутренних дел СССР, а начальник **ПГУ КГБ СССР** генерал-полковник **В.А. Крючков** — на пост нового председателя **КГБ СССР**.

4) Вместо прежних **20 отраслевых отделов ЦК** было создано всего несколько **Комиссий ЦК**, которые полностью утратили прежние управленческие функ-

ции. **Е.К. Лигачев** и **В.П. Никонов** возглавили Комиссию по сельскому хозяйству, **В.А. Медведев** — Идеологическую комиссию, **А.Н. Яковлев** — Международную комиссию, **В.М. Чебриков** — Правовую комиссию, **Н.Н. Слюньков** — Социально-экономическую комиссию и **Г.П. Разумовский** — Комиссию партийного строительства.

Коренная реформа центрального партийного аппарата естественным образом поставила на повестку дня вопрос о роли **Секретариата ЦК**, который на протяжении десятилетий являлся основным рабочим органом **ЦК КПСС**. Он собирался регулярно раз в неделю и коллегиально решал все текущие вопросы партийного и государственного строительства. Заседания **Секретариата ЦК** традиционно проводил секретарь **ЦК**, занимавший в партийной иерархии второе после генсека место и обладавший огромными властными полномочиями. С момента прихода к власти **М.С. Горбачева** этот пост де-юре занимал **Е.К. Лигачев**, но с начала 1988 г., когда его взгляды вошли в непримиримое противоречие с взглядами новой горбачевской команды, генсек стал сознательно ограничивать властный ресурс второго секретаря **ЦК**.

Уже в начале октября 1988 г. на первом после Пленума **ЦК** заседании Политбюро **М.С. Горбачев** заявил, что отныне «необходимость проведения **Секретариата ЦК** будет определять сам генсек, а вести его заседания по очереди, ежемесячно, будут все секретари **ЦК**». До конца года состоялось всего несколько заседаний этого рабочего органа, которые провели сам **М.С. Горбачев**, а затем **В.А. Медведев**, и на этом заседания **Секретариата ЦК** прекратились сами собой и «партия лишилась своего оперативного штаба по руководству страной». В результате **Е.К. Лигачев**, который курировал всю идеологию и кадры и вел заседания **Секретариата ЦК**, утратил свое прежнее положение и вскоре перешел в открытую оппозицию к генсеку.

Едва завершился сентябрьский Пленум **ЦК**, как возглавляемая **А.И. Лукьяновым** и **Г.Х. Шахназаровым** Комиссия **ЦК** представила свои поправки к Конституции СССР, которые были направлены на рассмотрение **М.С. Горбачева**. Затем, в двадцатых числах октября, в печати были опубликованы проекты законов «Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного Закона) СССР» и «О выборах народных депутатов СССР», которые должны были пройти процедуру всенародного обсуждения. Однако уже через пять дней состоялся новый Пленум **ЦК**, который в ускоренном порядке рассмотрел вопрос «О мерах по осуществлению реформы в области государственного строя» и на следующий день внеочередная сессия Верховного Совета СССР одобрила эти законопроекты.

В начале декабря 1988 г. **М.С. Горбачев** подписал Постановление Президиума Верховного Совета СССР «О порядке введения в действие Закона СССР «Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного Закона) СССР», в соответствии с которым в стране учреждался новый высший орган государственной власти — Съезд народных депутатов СССР, который получил право избирать постоянно действующий Верховный Совет СССР. А спустя три дня был подписан закон «О выборах народных депутатов СССР», в соответствии с которым общее количество народных депутатов определялось в 2250 человек, из которых 1500 депутатов подлежали избранию на всенародных альтернативных выборах по мажоритарным округам, а 750 депутатов — делегировались общественными организациями страны. Поскольку **ЦК КПСС** имел прекрасную возможность определять состав этих 750 депутатов,

то для контроля над работой Съезда народных депутатов СССР ему требовалось получить на альтернативных выборах чуть больше 370 мандатов в 1500 избирательных округах, что гарантировало «демократическому» горбачевскому руководству необходимое большинство голосов.

4. Создание первых легальных антисоветских политических структур

Параллельно с реформой политической системы, которую проводила узкая группировка горбачевских клевретов, началась бурная активизация общественной жизни страны. По неполным данным КГБ СССР только в одной Москве за прошедший год состоялось более 600 несанкционированных митингов, организованных рядом неформальных, не подконтрольных партии структур, в развитии которых начинается совершенно новый этап.

Еще в марте 1988 г. ведущий научный сотрудник Института государства и права АН СССР Б.П. Курашвили, который, к слову сказать, был выпускником Высшей школы КГБ СССР, выступил с идеей объединения сторонников перестройки и создания общероссийского «Демократического союза» или «Народного фронта в поддержку перестройки». Затем, в апреле 1988 г., в Москве возникла так называемая «Клубная партийная группа», в состав которой вошли «Демократическая перестройка», «Перестройка-88», «Народное действие», «Социальная перестройка» и другие структуры, «вождями» которых стали ряд вузовских преподавателей, в частности Г.Г. Гусев, В.Н. Лысенко, И.Б. Чубайс и С.Б. Шеболдаев.

В начале мая 1988 г. под Москвой состоялся учредительный съезд «Демократического союза», лидером которого стала В.И. Новодворская, а затем в начале июня в Москве состоялся «форум демократической общественности», в котором принял участие ректор МГИАИ Ю.Н. Афанасьев. Главным итогом этого форума стало решение о создании Организационного комитета Московского народного фронта, и хотя вскоре в самом Оргкомитете возник раскол между социалистами и либералами, в конце июля 1988 г. было объявлено о создании Московского народного фронта.

В Ленинграде вопрос о создании аналогичной организации под названием «Союз демократических сил» был рассмотрен на заседании клуба «Перестройка» еще в конце мая 1988 г., а уже через десять дней возник Инициативный комитет Народного фронта Ленинграда, позднее преобразованный в организацию «За Народный фронт».

В начале июня 1988 г. в Литве появилась организация, получившая название «Движение за перестройку», которую возглавили детский писатель В.К. Петкявичус и академик Э.И. Вилкас. Тогда же в Прибалтике стали создаваться и первые политические партии, которые открыто провозгласили курс на независимость и выход из состава СССР — Партия национальной независимости Эстонии, Движение за национальную независимость Латвии, Лига свободной Литвы и ряд других.

В начале августа 1988 г. М.С. Горбачев направил в Прибалтику А.Н. Яковлева, который в своем выступлении на собрании в Академии наук Литовской ССР прямо заявил, что «когда В.И. Ленин писал о суверенных республиках, он говорил, что лишь два вопроса составляют общесоюзный интерес — оборона и внешняя политика». Тем самым член Политбюро и секретарь ЦК, один из ближайших сподвижников генсека, открыто признал, что является сторонником развала единого союзного государства и превращения его в аморфную конфедерацию «свободных

республик». Завершив свой политический вояж и сорвав бурные аплодисменты у всех русофобов и сепаратистов, **А.Н. Яковлев** отправился в крымскую резиденцию генсека и заверил его, что «все прибалтийцы выступают за перестройку и за Союз», поэтому «нам не следует выступать с позиции осуждения народных фронтов, а нужно всячески поддержать их и сотрудничать с ними».

Тем временем, **осенью 1988 г.** процесс создания альтернативных политических структур антисоветской и русофобской направленности стал набирать новые обороты. Уже в **сентябре 1988 г.** украинские националисты объединились в народное движение «Рух», а в **октябре** прошли учредительные съезды **Народных фронтов Эстонии, Латвии и Литвы**, к которым с приветствиями обратились новоиспеченные **Первые секретари ЦК Прибалтийских Компартий В.И. Вяляс, Я.Я. Вагрис и А.М. Бразаускас.**

В **середине октября 1988 г.** состоялось заседание **Политбюро**, на котором был поставлен вопрос о подготовке **Пленума ЦК** по межнациональным отношениям. Выступая на этом заседании, **М.С. Горбачев** ни словом не обмолвился о тревожной ситуации, складывавшейся в **Прибалтике**, однако на следующий день он предложил **Н.Н. Слюнькову** выехать в Литву, **В.А. Медведеву** — в Латвию, а **В.М. Чебрикову** — в Эстонию. Эти поездки состоялись сразу после праздника, т.е. в **первой декаде ноября 1988 г.**, и по свидетельству **А.С. Черняева** «привели в ужас трех членов **Политбюро**».

В современной либеральной историографии (**Р. Пихоя, В. Согрин, Р. Медведев, Л. Млечин**) создание всех массовых движений «в поддержку перестройки» традиционно трактуют как «живое творчество масс», возникшее на благотворной волне горбачевской политики гласности и демократизации советского общества, объявленной самой **КПСС**. Однако ряд авторов патриотической направленности (**И. Фроянов, А. Островский**) утверждают, что даже беглое знакомство с известными обстоятельствами возникновения народных фронтов и других подобных им организаций показывает, что на огромной территории Советского Союза они появились на свет почти одновременно, в пределах всего полугода, и уже один этот факт дает все основания думать, что процесс формирования политической оппозиции в стране имел не стихийный, а вполне организованный характер. Более того, в современной мемуарной литературе, в частности воспоминаниях бывшего начальника **Второго Главного управления КГБ СССР** генерал-полковника **В.Ф. Грушко**, уже появились достоверные сведения, что за спиной этой антисоветской оппозиции стояли зарубежные спецслужбы.

Кроме того, в бывшем архиве **ЦК КПСС** чудом сохранилась записка «**О негативном аспекте международных связей ряда самостоятельных общественных объединений**», датированная **январем 1989 г.**, в которой содержатся конкретные сведения о работе представителей зарубежных спецслужб, в частности американских дипломатов, которые являлись кадровыми сотрудниками **ЦРУ**, на территории Прибалтики.

Вместе с тем, не отрицая активной причастности зарубежных спецслужб к организации общественного движения на территории СССР, следует обратить внимание и на другие факты. В частности, в **середине января 1989 г.** помощник генсека **Г.Х. Шахназаров** предложил **М.С. Горбачеву** подумать о том, что делать с быстро растущей оппозицией внутри страны. Рассматривая три возможных варианта действий — подавление, раскол или внедрение, он предложил отдать предпочтение

третьему варианту, то есть не только «проникнуть во внутрь и постараться интегрировать» оппозиционное движение, но и «встроить в обновленную политическую систему социализма блок конструктивной оппозиции».

5. Первые итоги горбачевской экономической реформы

Пока «архитекторы» и «прорабы» горбачевской перестройки «пекли» политическую реформу, сами же активно создавали оппозиционное движение, провоцировали национальные конфликты и начинали разводить народы по их национальным квартирам и разрушать Советский Союз, общая ситуация в стране продолжала ухудшаться.

Несмотря на то, что ушедшая эпоха «застоя» характеризовалась небольшим замедлением темпов экономического роста и складыванием предпосылок возможного экономического кризиса, само его возникновение во многом имело сугубо искусственный характер. Это касается и антиалкогольной кампании, и сознательного понижения мировых цен на нефть, ставшего результатом прямого сговора администрации президента **Р. Рейгана** с арабскими шейхами, но все же решающий удар по советской экономике нанесла **экономическая реформа 1987 г.**

На первый взгляд, **вторая половина 1980-х гг.** характеризовалась ростом производства товаров и услуг. По данным советских экономистов (**Н. Федоренко, Л. Абалкин, Г. Ханин, В. Катасонов**), в этот период размер валового внутреннего продукта (**ВВП**) страны вырос с **780 млрд до 1000 млрд рублей**, то есть почти на **30 %**, однако за эти же годы «перестройки» общий объем промышленного производства увеличился менее чем на **15 %**, а сельскохозяйственного производства — лишь на **5 %**.

Ранее уже отмечалось, что когда в **конце 1987 г. Н.И. Рыжков** представил на заседание **Политбюро ЦК** план развития народного хозяйства на **1988 г.**, то получил одобрение на его реализацию только после того, как большинство его коллег приняли решение, что «госзаказ по многим министерствам будет снижен сразу на одну треть, а в некоторых отраслях — наполовину и более от общего объема производства». Это означало, что, начиная с **1988 г.**, все предприятия получили прекрасную возможность сократить объем выпускаемой ими «обязательной» продукции, а всю остальную продукцию, произведенную сверх госзаказа, реализовать на рынке по «договорным ценам».

Когда началась **экономическая реформа 1987 г.** многие специалисты полагали, что ее ждет печальная судьба **экономической реформы 1965 г.**, так как было совершенно невозможно перевести на полный хозяйственный расчет и самофинансирование основу всей советской промышленности — военно-промышленный комплекс СССР. Однако в этой казавшейся неотразимой логике была одна существенная ошибка: все тогдашние «непосвященные» экономисты исходил как из аксиомы, что советское правительство не способно пожертвовать интересами **ВПК**. А между тем, провозгласив курс на сближение с «цивилизованным» Западом и начав безудержное разоружение, «архитекторы перестройки», прежде всего, пошли на сокращение госзаказа именно военной промышленности, нанеся **первый, смертельный удар по экономике всей страны**. Единственным выходом из такого положения вещей стала конверсия военного производства, хотя, начиная экономическую реформу и подписывая первые крупные соглашения по разоружению, советское правительство не имело никакой программы конверсии. Более того, не учитывая

специфики отдельных военных предприятий, оно поставило перед ними одну, общую задачу — производство товаров народного потребления.

Второй мощный удар по советской экономике был нанесен абсолютно бездумным решением правительства предоставить всем предприятиям страны право на реализацию производимой сверх госзаказа продукции по договорным ценам, а также произвольно повышать цены на любые виды новой продукции и импортные товары. Доказательство этого мы находим в специальной справке **Госкомстата СССР**, представленной в **ЦК КПСС**, где сообщалось, что на предприятиях **Министерства легкой промышленности СССР в 1987–1988 гг.** при общем росте производства изделий легкой промышленности в **рублевом выражении** всего на **3 %**, объем товаров, реализуемых по договорным ценам, увеличился в **3 раза**, а производство остальных товаров, реализуемых по твердым ценам, сократилось почти на **10 %**. При этом рентабельность товаров, реализуемых по договорным ценам, стала в **3 раза** выше средней цены и превышает **60–80 %** к ее себестоимости, в результате только за счет этих надбавок к твердым розничным ценам на различных предприятиях легкой и текстильной промышленности страны было получено более половины прироста всей прибыли. Одновременно с этим сократилось производство в **натуральном выражении** ряда товаров массового спроса, в частности шерстяных тканей, пальто, плащей, брюк, женского трикотажа, радиоприемников, холодильников, термосов и т.д. Причем, на ряде предприятий сокращение объемов производства в натуральном виде достигло **20–25 %**.

Более того, в условиях товарного дефицита процесс вымывания из ассортимента недорогих изделий принял массовый характер. Сначала это сказалось «на ассортименте товаров для детей, молодежи и лиц старшего возраста», а затем с прилавков магазинов стали исчезать такие повседневные товары, как мыло, домашняя обувь, школьная форма, карандаши, зубные щетки, керосин, геркулес, макароны, мука, сигареты и т.д., то есть все то, на чем невозможно было сразу получить крупную торговую прибыль. Поэтому уже **осенью 1989 г.** академик **Л.И. Абалкин** вынужден был констатировать, что экономическое положение в стране продолжает стремительно ухудшаться, в большинстве отраслей и предприятий производство не растет, а если и растет, то нередко в силу элементарного завышения цен.

Третий удар по советской экономике был нанесен ликвидацией прежних нормативов на заработную плату. С **января 1987 г.** начало действовать новое **Постановление Совета Министров СССР «О совершенствовании организации заработной платы и внедрения новых тарифных ставок и должностных окладов работников производственных отраслей народного хозяйства»**, отменившее ее предельный уровень, следствием чего стал стремительный рост фонда заработной платы. Если в **1985 г.** средняя зарплата в стране составляла **190 рублей** в месяц, то уже **1989 г.** она достигла **275 рублей**, то есть выросла почти на **50 %**. И это при том, что в стране именно тогда существенно усилился товарный дефицит, что еще больше обострило социальную обстановку в советском обществе.

Обратной стороной роста цен и фонда заработной платы было быстрое увеличение денежной массы. По данным все того же **Госкомстата СССР в 1985 г.** общий объем денежной массы в стране составлял менее **71 млрд рублей**, а уже в **1989 г.** он составил почти **110 млрд рублей**, то есть всего за пять лет, он вырос на **40 млрд рублей**. Таким образом, при средней оборачиваемости одного рубля пять раз в год,

в 1985 г. товарный спрос населения составлял **355 млрд рублей**, а уже в 1989 г. он составил **550 млрд рублей**. Если сопоставить эти показатели с розничным товарооборотом, который составлял в 1985 г. **325 млрд рублей**, а в 1989 г. — **420 млрд рублей**, то окажется, что в начале перестройки неудовлетворенный спрос не превышал **30 млрд рублей (10 %)**, а на ее пике он составил **130 млрд рублей (40 %)**.

В результате всех этих «реформ» потребительский рынок в стране был буквально взорван, а традиционный для советской экономики разрыв между денежной и товарной массой, возникший именно во времена **Н.С. Хрущева**, приобрел просто угрожающий характер, и полки всех магазинов стали пустеть буквально на глазах. Одним из зримых проявлений этого развала потребительского рынка в стране был стремительный рост денежных вкладов населения в **Сбергательный банк СССР**: если в 1985 г. общая сумма вкладов населения страны составляла **221 млрд рублей**, то уже в 1989 г. она выросла до **338 млрд рублей**, т.е. почти на **55 %**.

Еще быстрее рос внутренний государственный долг страны: если в 1985 г. он составлял около **142 млрд рублей**, то уже в 1989 г. он вырос до **399 млрд рублей**, т.е. за прошедшие пять лет он увеличился почти в **3 раза**. А поскольку **Сбербанк СССР** принадлежал исключительно государству, то по сути дела все вклады населения представляли собою внутренний государственный долг.

Четвертый сокрушительный удар по советской экономике нанесли ряд печально знаменитых нормативных актов принятых **Верховным Советом** и **Советом Министров СССР**, в частности **Закон «Об индивидуальной трудовой деятельности»** (ноябрь 1986 г.), **Постановление СМ СССР «О создании кооперативов по производству товаров народного потребления»** (февраль 1987 г.) и особенно пресловутый **Закон «О кооперации в СССР»** (май 1988 г.). Когда разрабатывались эти правовые акты, значительная часть высших руководителей страны наивно полагала, что они позволят быстро создать рядом с государственным новым, дополнительный сектор советской экономики, который, аккумулируя негосударственные средства, приведет к существенному росту потребительских товаров и услуг. Однако на самом деле этот кооперативный сектор стал расти и развиваться исключительно за счет государственного сектора, дополнительно дестабилизируя и без того тяжелое положение в экономике страны. Как констатировал тогдашний зам. главы советского правительства академик **Л.И. Абалкин**, к середине 1990 г. из **210 тысяч** кооперативов, существовавших к тому времени стране, более **85 %** действовали при существующих государственных предприятиях. Кроме того, не следует забывать, что эти правовые акты и, прежде всего, «либеральный» **Закон «О кооперации»** положил начало легализации старых подпольных цехов, начальной, абсолютно незаконной, приватизации государственной собственности, отмыванию гигантских теневых капиталов и возникновению первых очевидных очагов организованной преступности, которая с **начала 1990-х гг.** будет контролировать значительную часть промышленных и крупных аграрных предприятий страны.

Наконец, **пятый смертельный удар по советской экономике** был нанесен отменой государственной монополии внешней торговли. Если в **начале 1986 г.** право непосредственной экспортно-импортной деятельности в порядке эксперимента было предоставлено очень ограниченному кругу предприятий и организаций, то уже с **апреля 1989 г.** практически все советские государственные и кооперативные предприятия и другие организации получили право непосредственно экспорти-

ровать собственную продукцию и закупать на заработанные средства товары для развития производства и удовлетворения потребностей своих трудовых коллективов. К этому времени только официально было зарегистрировано свыше **14 тысяч** советских участников внешнеэкономической деятельности, среди которых было более **10 тысяч** государственных предприятий, **2,5 тысяч** кооперативов и около **1,5 тысяч** совместные предприятия с участием зарубежного капитала. Неслучайно именно тогда **Министерство внешней торговли СССР**, которое почти три десятка лет возглавлял легендарный управленец **Николай Семенович Патоличев**, было ликвидировано и на его месте создано аморфное **Министерство внешнеэкономических связей СССР**, которое возглавил либерал-министр **К.Ф. Катусhev**, чья блестящая партийная карьера как секретаря **ЦК** по связям с соцстранами закатилась еще в брежневские времена.

Если в **1987 г.** на децентрализованные операции всех участников внешней деятельности приходилось только **20 %** общего товарооборота страны, то уже в **1989 г.** государственные объединения и предприятия, находящиеся в подчинении **Министерства внешнеэкономических связей СССР**, сохранили за собой только **60 %** всего внешнеторгового товарооборота страны, в том числе примерно **70 %** экспорта и **50 %** импорта, приходящихся исключительно на ключевые товары общегосударственного назначения.

Принимая это решение, правительство наивно рассчитывало на то, что разрушение одного из основополагающих столпов сталинской советской экономики позволит достаточно быстро насытить внутренний рынок новейшим, высокотехнологичным оборудованием и качественными импортными товарами ширпотреба, а так же принесет существенные дополнительные доходы в казну. Однако реальность превзошла все самые мрачные прогнозы: в **1985–1990 гг.** общий экспорт советской продукции за рубеж сократился с **73 млрд** до **61 млрд рублей**, а импорт зарубежной продукции увеличился всего с **69 млрд** до **70,5 млрд рублей**. Таким образом, если в **1985 г.** СССР имел положительное сальдо внешнеторгового баланса, которое составляло порядка **4 млрд рублей**, то уже в **1990 г.** получил отрицательное сальдо внешнеторгового баланса, которое составляло почти **12 млрд рублей**.

По мере того как сокращались доходы от внешнеторговых операций, а сами эти операции стали приобретать откровенно убыточный характер, рос и внешний долг государства. Только в **1986–1990 гг.** по обслуживанию внешнего долга государственная казна уплатил более **80 млрд долларов**. В таких условиях было неизбежно увеличение дефицита государственного бюджета и ограничение расходов на капитальное строительство и незавершенных работ. По данным ряда экономистов (**Н. Федоренко, Н. Шмелев, Г. Ханин**), если в **1985–1986 гг.** ежегодный бюджетный дефицит составлял в среднем **20 млрд рублей**, в **1987–1988 гг.** он постепенно подобрался к отметке в **60 млрд рублей**, то уже в **1989 г.** был запланирован на уровне **120 млрд рублей**. Если же взять только союзный бюджет, без местных бюджетов союзных республик, краев и областей, то картина будет еще более ужасающей: если в **1985 г.** ежегодный бюджетный дефицит страны составлял порядка **5,5 %**, а уже в **1989 г.** он вырос до астрономической цифры в **35,5 %**, т.е. почти в **7 раз**.

В **1985–1989 гг.** доходы государственного бюджета практически стабилизировались на одном уровне. Объясняя причину такого положения вещей, ряд известных экономистов (**Е. Гайдар, Н. Шмелев**) утверждали, что серьезное сокращение

доходов госбюджета шло по двум крупным статьям — 1) налога с оборота от реализации спиртных напитков и 2) доходов от внешней торговли, а так же двух дополнительных факторов — 1) борьбы с нетрудовыми доходами и 2) увеличения капиталовложений. Однако другие авторы (**А. Островский, Г. Ханин**), не отрицая действия этих факторов, считают, что гораздо более важным фактором такого бедственного положения вещей стало гигантское перераспределение прибыли в пользу предприятий, произошедшее в результате реализации экономической реформы **1987–1988 гг.** Таким образом, если в **1985 г.** дефицит государственного бюджета в значительной степени был порожден антиалкогольной кампанией, если в **1986–1987 гг.** важным фактором его формирования стало резкое снижение мировых цен на нефть, то в **1988–1989 гг.** дефицит госбюджета в значительной степени был результатом начатой экономической реформы.

6. Выборы народных депутатов СССР и обострение политической ситуации в стране

Новый **1989 г.** начался под знаком предстоящих выборов на **Съезд народных депутатов СССР**. Согласно новому избирательному закону две трети народных депутатов СССР подлежали избранию всем населением страны, а треть депутатов должны были избрать из своей среды общественные организации. На **750 мест**, принадлежащих этим организациям, в частности **КПСС, Академии Наук СССР, Союзам Писателей и Композиторов СССР** и другим структурам, было выдвинуто **870 кандидатов**, при этом **100 мандатов** приходились на долю **КПСС**. Разумеется, состав этой «красной сотни» был предварительно лично определен **М.С. Горбачевым** и узким кругом его соратников, затем утвержден **Политбюро ЦК** и только после этого предложен **Пленуму ЦК**. При этом во время самой процедуры голосования за «красную сотню», такие антагонисты в **Политбюро**, как **А.Н. Яковлев** и **Е.К. Лигачев**, получили больше всего «черных шаров», что говорило о серьезном расколе внутри самого **ЦК**.

Поскольку после сентябрьского Пленума **ЦК** Комиссию партийного строительства **ЦК** продолжал возглавлять верный горбачевский клеврет **Г.П. Разумовский**, то именно ему были доверены подготовка и проведение выборов народных депутатов СССР. В конце января **1989 г.** **А.И. Лукьянов** и **Г.П. Разумовский** представили в **ЦК** записку «Об основных итогах выдвижения кандидатов в народные депутаты СССР», в которой речь шла о необходимости усилить работу партийных комитетов в связи с проведением окружных предвыборных собраний по регистрации кандидатов в народные депутаты СССР.

Появление этой записки во многом было связано с тем, что горбачевское руководство не могло не учитывать тот важный факт, что в предстоящих выборах впервые примет участие политическая оппозиция. В столице своеобразным центром этой оппозиции стала «**Московская трибуна**», вокруг которой консолидировались все интеллектуальные силы либеральных сторонников «перестройки», не входивших во властные структуры страны.

Идея этого клуба родилась еще летом **1988 г.**, сразу после **XIX партийной конференции**. По одним данным, инициатором создания «**Московской трибуны**» был научный сотрудник **Института Всеобщей истории АН СССР Л.М. Баткин**, а по

другим данным, у ее истоков стоял ни кто иной, как член **Политбюро** и секретарь **ЦК А.Н. Яковлев**. Как бы то ни было, но уже в начале октября 1988 г. в актовом зале **Московского Историко-Архивного института** состоялось первое легальное собрание «**Московской трибуны**», в котором приняли участие ряд видных либеральных ученых и писателей, в том числе **А.Д. Сахаров, Ю.Н. Афанасьев, Л.М. Баткин, Л.В. Карпинский, Ю.Ф. Карякин, С.С. Аверинцев, А.М. Адамович, М.Я. Gefтер, Т.И. Заславская, А.Б. Мигдал, Р.З. Согдеев** и другие представители либеральной научной элиты страны.

Тот факт, что среди инициаторов и организаторов «**Московской трибуны**» были ректор **МГИАИ** профессор **Ю.Н. Афанасьев**, который, как известно, являлся доверенным лицом помощника генсека **А.С. Черняева**, а также **Л.В. Карпинский**, входивший в редколлегию главного партийного журнала «**Коммунист**», позволяет утверждать, что вся работа этого клуба контролировалась и направлялась именно аппаратом **ЦК**.

В результате очень агрессивной избирательной кампании, которая впервые носила откровенную антисоветскую и антипартийную направленность, народными депутатами СССР были избраны многие, тогда еще малоизвестные представители прозападной либеральной интеллигенции, которая сыграет роковую роль в судьбе великой страны: **А.Д. Сахаров, А.А. Собчак, Г.Х. Попов, Ю.Н. Афанасьев, Г.Э. Бурбулис, С.Б. Станкевич, Ю.Н. Болдырев, А.Н. Мурашев, Ю.Д. Черниченко** и многие другие. Особую известность на этих выборах приобрела фигура опального **Б.Н. Ельцина**, который баллотировался по одному из московских избирательных округов. Все прекрасно понимали, что после «октябрьского эпизода» у генсека существовала масса способов добить своего политического оппонента и навсегда убрать его из «большой политики». Однако именно **М.С. Горбачев** настоял на том, чтобы оставить его в **Москве**, не выводить из состава **ЦК** и назначить на министерскую должность — первого заместителя председателя **Госстроя СССР**, которая была создана именно под него.

После отставки с поста Первого секретаря **МГК КПСС Б.Н. Ельцин** на время ушел в тень, однако на протяжении полутора лет подцензурные средства массовой информации периодически вспоминали о нем и его имя неоднократно выплывало то по радио, то по телевидению, то в периодической печати. Особый резонанс вызвало интервью **Б.Н. Ельцина** английским средствам массовой информации, которое он дал в мае 1988 г. во время визита президента **Р. Рейгана** в **Москву**. Данный факт даже обсуждался на заседании **Политбюро ЦК**, где его интервью было признано ошибочным и **КПК при ЦК КПСС** провело с **Б.Н. Ельциным** воспитательную беседу, напомнив ему, как члену **ЦК**, о партийном уставе и партийной дисциплине.

Несмотря на это, **Б.Н. Ельцин** оказался среди делегатов **ХІХ партийной конференции** и даже выступил на ней, что вызывает целый ряд недоуменных вопросов. В своих мемуарах он утверждает, что это произошло случайно, и ярко описывает, как ему пришлось прорваться к микрофону и заставить **М.С. Горбачева** предоставить ему слово. Однако этой версии противоречит тот хорошо известный факт, что выступление **Б.Н. Ельцина** на партийной конференции было полностью показано по центральному телевидению. Более того, к ноябрьским праздникам опальный «бунтарь» получил приглашение на торжественный прием в **Кремль** и, расчувствовавшись от такого внимания со стороны генсека, направил ему личное послание:

«Уважаемый Михаил Сергеевич! Примите от меня поздравление с нашим Великим праздником — годовщиной **Октябрьской революции**. Веря в победу перестройки, желаю Вам, силами руководимой Вами партии и всего народа полного осуществления в нашей стране того, о чем думал и мечтал **В.И. Ленин**». Именно поэтому «записной демократ» **Б.Н. Ельцин** пошел на выборы не с критикой самой политики «горбачевской перестройки» или бездарной экономической реформы, а с чисто популистской критикой партийных привилегий, которая была очень популярна в народе и обеспечила ему поддержку почти **90 %** москвичей.

Первые альтернативные выборы народных депутатов СССР состоялись **26 марта 1989 г.**, а уже **4 апреля Центральная избирательная комиссия** подвела их первые итоги, которые выглядели следующим образом: на **2250** депутатских мандатов в первом туре голосования было избрано **1958 депутатов**, т.е. в **292** мажоритарных округах предстояли повторные выборы. Из общего числа выбранных депутатов **1716 мандатов** получили члены и кандидаты в члены **КПСС**, а **242 мандата** — беспартийные кандидаты, шедшие по мажоритарным округам.

Первый «крупный разговор» о результатах выборов состоялся на **Политбюро ЦК** еще в **конце марта 1989 г.**, где сразу обозначился явный раскол среди его членов. Одна часть высших руководителей страны, в частности **Е.К. Лигачев, В.М. Чебриков, В.В. Щербицкий, В.И. Воротников, В.П. Никонов** и другие, расценили их как унижительное поражение партии. Однако сам **М.С. Горбачев** и его клеветы **А.Н. Яковлев, Э.А. Шеварднадзе и В.А. Медведев** цинично заявили «о крупной политической победе», «народном референдуме в поддержку перестройки», поскольку, дескать, большинство депутатов съезда были членами **КПСС**.

Конечно, это заявление было на грани «добра и зла», поскольку реальные цифры говорили совершенно о другом: **1)** из **458** членов и кандидатов в члены **ЦК** депутатские мандаты получили только **134** представителя этого высшего партийного органа страны; **2)** **35** первых секретарей обкомов партии не были избраны народными депутатами СССР, в том числе и кандидат в члены **Политбюро**, Первый секретарь Ленинградского обкома **Ю.Ф. Соловьев**. Столь плачевные для партии итоги выборов во многом стали результатом той разнузданной травли, клеветы и лжи, которую «демократическая» пресса, умело руководимая **А.Н. Яковлевым**, буквально обрушила на «противников» перестройки и весь партийный аппарат. Кроме того, не надо забывать, что среди делегатов-партийцев были такие «перевертыши», как **Б.Н. Ельцин, Ю.Н. Афанасьев, Г.Х. Попов, А.А. Собчак, А.С. Черняев, Г.А. Арбатов, Е.В. Яковлев, В.А. Коротич** и сотни других «внутрипартийных диссидентов», вступивших в партию только ради карьеры и собственного благополучия.

7. Тбилисские события в апреле 1989 г.

Фактическое завершение избирательной кампании, которая стала мощнейшим фактором общей политизации всей страны, удивительным образом совпало с печально знаменитой «**Тбилисской трагедией**». В современной историографии существуют совершенно разные оценки тех событий, которые во многом носят лживый и чисто политический характер.

1) Первая оценка «**Тбилисских событий**» принадлежит представителям так называемого «демократического» лагеря, среди которых оказалось поразительно

много талантливых сказителей и баснописцев. Весь смысл их «изумительных» по своей фантазии сказок и сочинений заключается в том, что **5–8 апреля 1989 г.** в центре **Тбилиси** проходила вполне мирная и дружелюбная манифестация сторонников перестройки, которые пели старинные грузинские песни, танцевали, истово молились и даже целовались от избытка чувств к «горбачевской перестройке» и ее замечательному лидеру. Однако совершенно неожиданно московский сатрап и диктатор **Е.К. Лигачев**, который в отсутствие **М.С. Горбачева** находился на «хозяйстве» в **Москве**, отдал приказ разогнать эту мирную демонстрацию силой. В результате этого преступного приказа командующий **Закавказским Военным округом** генерал-полковник **И.Н. Родионов**, еще один «палач и убийца грузинского народа», «взял под козырек» и силами хорошо экипированных десантных частей, применивших саперные лопатки и отравляющие газы, жестоко разогнал мирных жителей грузинской столицы. В результате этой кровавой расправы более **4000 человек** было ранено, а **19** безвинных грузинских старушек и юных красавиц были убиты саперными лопатками.

Эта откровенная ложь была сразу озвучена и на **I Съезде народных депутатов СССР** из уст народного депутата **Т.В. Гамкрелидзе** и в докладе «съездовской комиссии», которую возглавил депутат **А.А. Собчак**, а затем в мемуарах **М.С. Горбачева**, **Э.А. Шеварднадзе**, **А.А. Собчака** и других записных демократов и в работах многих либеральных историков, в частности **Р.Г. Пихоя**.

2) Вторая, вполне правдоподобная оценка тех событий, принадлежит представителям патриотического лагеря и содержится в работах многих добросовестных историков и мемуаристов, в частности генерала **И.Н. Родионова** и профессоров **И.Я. Фроянова** и **А.А. Островского**. Вся суть произошедших событий состоит в том, что:

а) **5–8 апреля 1989 г.** в самом центре **Тбилиси** у Дома Правительства проходил несанкционированный властями многотысячный митинг, организованный руководители общества «**Церетели**» — **З.К. Гамсахурдия**, **М.И. Костава**, **Г.О. Чантурия**, **И.И. Церетели** и другими грузинскими националистами.

б) На этом митинге не только звучали антисоветские и русофобские призывы и лозунги, но и было принято обращение к американским конгрессменам и президенту США, в котором содержались пункты о признании советской оккупации и оказании помощи Грузии для выхода из состава Союза ССР путем ввода войск НАТО или ООН.

в) Все руководство республики, в том числе **Первый секретарь ЦК КП Грузии Д.И. Патиашвили**, председатель республиканского КГБ **Г.Г. Гумбаридзе** и министр внутренних дел ГССР **Ш.А. Горгадзе** заняли откровенно выжидательную позицию и отклонили предложение генерала **И.Н. Родионова** о наведении порядка в **Тбилиси**. Одновременно они держали постоянный рабочий контакт с высшим руководством в **Москве**, в том числе с **Е.К. Лигачевым**, **В.М. Чебриковым** и **Д.Т. Язовым**, однако до приезда **М.С. Горбачева** никто из тогдашних членов Политбюро не рискнул дать санкцию на разгон митинга в центре **Тбилиси**.

г) Поздним вечером **7 апреля**, вернувшись из Лондона в **Москву**, **М.С. Горбачев** прямо в аэропорту дал указание **Э.А. Шеварднадзе** и **Г.П. Разумовскому** срочно вылететь в **Тбилиси** и разобраться на месте с возникшей ситуацией, однако они проигнорировали это указание генсека. А утром **8 апреля** ситуация в **Тбилиси**

стала предметом обсуждения на встрече ряда членов **Политбюро**, в ходе которой **М.С. Горбачев** дал прямое указание министру обороны генералу армии **Д.Т. Язову** навести порядок в городе и послать в качестве руководителя этой операции его заместителя генерала армии **К.А. Кочетова**, который долгие годы служил в этом регионе в качестве командира армейского корпуса, командующего **7-й общевойсковой армией**, а затем и войсками всего **Закавказского Военного округа**.

д) Вечером **8 апреля**, когда организаторы митинга запланировали штурм **Дома Правительства**, части советских войск, несмотря на отчаянное сопротивление агрессивно настроенных боевиков, без какого-либо применения оружия и спецсредств, вытеснили демонстрантов с площади и установили в центре **Тбилиси** порядок. В ходе проведения этой операции, в результате сознательно созданной давки, устроенной грузинскими провокаторами, погибло **19 гражданских лиц**, и более **160 военнослужащих** советской армии получили ранения.

Однако тогда эта достоверная информация была сознательно искажена и представлена на съезде и в средствах массовой информации именно в той «упаковке», которая нужна была ее организаторам и провокаторам, преследовавших далеко идущие цели развала великого советского государства.

8. Накануне I съезда народных депутатов СССР

14 апреля **М.С. Горбачев** подписал указ «О созыве Съезда народных депутатов СССР» на **25 мая 1989 г.** и с этого момента развернулась не только подготовка к съезду, но и организация парламентской оппозиции. По мнению ряда авторов (**А. Островский, А. Барсенков**), первые шаги в этом направлении были сделаны в **Москве** еще в период проведения выборов, когда в избирательный штаб **Б.Н. Ельцина** было направлено письмо **22 кандидатов** в народные депутаты СССР в поддержку его кандидатуры. А затем, уже после подведения итогов выборов, этот процесс пошел семимильными шагами.

Один центр либеральной оппозиции сложился в **середине апреля 1989 г.** в **МНТК «Микрохирургия глаза»**, который возглавили его директор профессор **С.Н. Федоров** и ректор **МГИАИ** профессор **Ю.Н. Афанасьев**, сразу получивший поддержку со стороны их тайного куратора, помощника генсека **А.С. Черняева**.

Другой центр оппозиции сложился в **Академии наук СССР**, где главными фигурами стали академик-диссидент **А.Д. Сахаров** и профессор экономики **Г.Х. Попов**, активно поддержанные одним из лидеров **Московского народного фронта** **С.Б. Станкевичем**. Именно эта группировка либеральных «демократов» имела прямой выход на самого **М.С. Горбачева** и активно контактировала с первым заместителем председателя **КГБ СССР** генералом армии **Ф.Д. Бобковым**, который, будучи начальником знаменитого **5-го Управления КГБ СССР**, почти четверть века курировал все подпольное «диссидентское» движение страны.

К **концу апреля 1989 г.**, при посреднической миссии **Г.Х. Попова**, ставшего идейным кукловодом всей московской оппозиции, были быстро преодолены все разногласия между «**группой Ю.Н. Афанасьева**» и «**группой Б.Н. Ельцина**» и в **Московском Доме Политпросвета** состоялось организационное оформление так называемой «**Московской группы депутатов**». Вскоре в журнале «**Огонек**» была опубликована программная статья **Г.Х. Попова**, которая стала альтернативой «аппаратному»

регламенту и повестке дня самого съезда, а так же замыслам **А.И. Лукьянова**, готовившего этот общенародный форум.

По утверждению самих либералов, объединение всех оппозиционных сил в тот период шло на базе следующих основных требований: **а) отмены 6-й статьи Конституции СССР** о руководящей и направляющей роли КПСС; **б) перехода к рыночной экономике и введения частной собственности на землю**; и **в) отмены всей цензуры и введение свободы слова**.

Пока шло объединение либеральной оппозиции состоялся внеочередной **Пленум ЦК**, решение о созыве которого было принято спонтанно, практически сразу по возвращению **М.С. Горбачева** в Москву. Казалось бы, главным на этом **Пленуме** должен был стать вопрос об итогах прошедших выборов и приближающемся **Съезде народных депутатов СССР**. Однако в реальности он был посвящен совершенно другой проблеме. Поскольку итоги прошедших выборов вызвали огромный рост протестных настроений в партийном аппарате, то возникла реальная угроза отставки **М.С. Горбачева** и всей команды «реформаторов» со своих высоких постов. Именно об этом на последнем заседании **Политбюро** заявил и глава правительства **Н.И. Рыжков**, предупредив своих коллег о возможной «коллективной отставке **Политбюро** с последующим избранием нового руководства страны».

По свидетельству осведомленного **А.С. Черняева**, еще «в середине месяца генсек решил на **Пленуме** освободить из **ЦК 83 членов**, пенсионеров... знают об этом пока человек пять». Вероятнее всего, в эту «пятерку посвященных» в тайный замысел генсека кроме самого **М.С. Горбачева** и **А.С. Черняева**, входили **В.И. Болдин**, **А.И. Лукьянов** и **Г.П. Разумовский**, которые, возглавляя ключевые отделы **ЦК**, и провели всю «черновую» работу в преддверии этого **Пленума ЦК**. В результате их титанических усилий, уговоров, посулов и даже угроз большая часть пенсионеров-членов **ЦК** написали добровольные прошения о досрочном выходе из состава **ЦК**, мотивируя это тем, что они не хотят и не могут быть преградой на пути грандиозных перемен, намеченных «мудрым» руководством партии и правительства. Одновременно **М.С. Горбачев** замыслил кооптировать в обновленный состав **ЦК** группу своих явных сторонников, однако из-за резкого протеста ряда членов **Политбюро**, прежде всего, **Е.К. Лигачева**, который напомнил генсеку о том, что члены **ЦК** должны избираться только партийным съездом, тот не рискнул пойти на столь явное нарушение партийного устава.

25 апреля 1989 г. состоялся **Пленум ЦК**, на котором **М.С. Горбачев** зачитал коллективное обращение **122 членов** и кандидатов в члены **ЦК** и членов **ЦРК**, избранных на **XXVII съезде КПСС**, о досрочном и «добровольном» сложении своих полномочий. Причем, «под раздачу» попали все ветераны партии и крупнейшие государственные и партийные деятели страны, в том числе **А.А. Громыко**, **Н.А. Тихонов**, **А.Г. Алиев**, **В.И. Долгих**, **П.Н. Демичев**, **Е.П. Славский**, **С.А. Афанасьев**, **А.П. Александров** и другие, которых горбачевская команда подозревала в подготовке «госпереворота». Однако, как верно заметили ряд авторов (**А. Островский**, **А. Барсенков**), был ли в результате этой нечистоплотной «операции» подавлен зревший в руководстве партии бунт или это был только превентивный удар по консерваторам, еще предстоит выяснить.

Впрочем, этим крупнейшим разгромом всего партийного **ЦК**, который не снился даже **И.В. Сталину**, дело не ограничилось, и уже в **начале мая** в здании **Моссо-**

вета М.С. Горбачев встретился с московскими депутатами, где их «идейный гуру» **Г.Х. Попов** поднял вопрос о необходимости участия московских депутатов в подготовке всех съездовских документов. **М.С. Горбачев** отнесся к этому предложению более чем благосклонно, и тут же предложил ему связаться с тов. **А.И. Лукьяновым**, который вскоре собрал народных избранников либеральной ориентации в Доме **Политпросвета**, где закипела работа по дальнейшему разрушению страны.

Накануне открытия съезда состоялся новый **Пленум ЦК**, который был целиком посвящен **I Съезду народных депутатов СССР**. Основные выступления членов **ЦК** касались чисто рутинных и тактических вопросов, и лишь один **Б.Н. Ельцин** вновь выступил с «политическим заявлением» и предложил именно на этом **Съезде** «передать реальную власть от партии к Советам». И хотя именно в этом и заключалась главная цель всей горбачевской политической реформы, его предложение никто пока не поддержал.

9. I Съезд народных депутатов СССР и его итоги

25 мая 1989 г. открылся **I Съезд народных депутатов СССР**, который сам **М.С. Горбачев** назвал «крутым поворотом» и «настоящей сменой вех», за которыми должна была последовать постепенная замена старых институтов власти и ее символики», то есть государственного герба, государственного гимна и государственного флага страны.

Согласно **Конституции СССР** «первое после выборов заседание **Съезда народных депутатов СССР** ведет председатель **Центральной избирательной комиссии** по выборам народных депутатов СССР, а затем **Председатель Верховного Совета СССР** или его заместитель». Однако, видимо, опасаясь неожиданностей, едва только был избран президиум съезда, как **М.С. Горбачев** взял председательствование в свои руки. В связи с этим обстоятельством вся последующая работа съезда, по сути дела, приобрела незаконный характер.

После доклада **Мандатной комиссии** съезда народные депутаты избрали председателя **Верховного Совета СССР**, которым стал **М.С. Горбачев**, и только затем — сам **Верховный Совет СССР**, что так же было вопиющим нарушением закона. При этом надо отметить три любопытных факта:

1) При избрании **Председателя Верховного Совета СССР** «опереточную» альтернативу **М.С. Горбачеву** попытался создать никому не известный депутат **А.М. Оболенский**, который якобы стал самовыдвиженцем. Однако подавляющее большинство делегатов съезда проголосовали против включения его кандидатуры в бюллетень для тайного голосования, поэтому «демократ» **М.С. Горбачев** был избран на пост главы советского государства на безальтернативной основе, получив голоса практически всех народных депутатов СССР.

2) При избрании членов **Верховного Совета СССР**, который в отличие от **Съезда народных депутатов** должен был работать на постоянной основе, все кандидатуры, предложенные оппозицией, были провалены, среди них оказался и **Б.Н. Ельцин**. Тогда на следующий день сибирский депутат **А.И. Казанник** «добровольно» сложил свои полномочия в пользу **Б.Н. Ельцина**, который не просто вошел в **Верховный Совет СССР**, но и был избран председателем **Комитета по строительству и архитектуре**, который создали специально под него.

Непосвященным гражданам страны все эти события были преподнесены как сплошная импровизация, однако на самом деле все было далеко не так. После того, как состоялись выборы в **Верховный Совет СССР**, куда не прошел ни один из лидеров либеральной оппозиции — **Б.Н. Ельцин, А.Д. Сахаров, Ю.Н. Афанасьев, А.А. Собчак** и другие, куратор всех съездовских демократов **Г.Х. Попов** встретился с **М.С. Горбачевым**. На этой «тайной вечере» генсек-интриган, прекрасно сознававший роль возвращенной им же «оппозиции» в **Верховном Совете** как реального противовеса власти **ЦК**, дал согласие на эту комбинацию, а затем активно поддерживал ее на всех пленарных заседаниях съезда, постоянно, в нарушение регламента, давая слово **Ю.Н. Афанасьеву, А.А. Собчаку, А.Д. Сахарову** и другим «демократам».

3) Явное недовольство «демократов» подобным исходом голосования в **Верховный Совет СССР** заставило одного из их идейных лидеров и кукловодов — **Ю.Н. Афанасьева** заявить, что в результате выборов был сформирован «**сталинско-брежневский**» **Верховный Совет** и назвать большинство народных избранников, не поддержавших либеральную оппозицию, «**агрессивно-послушным большинством**».

Помимо чисто организационных вопросов, в центре внимания депутатов съезда оказались и другие острые проблемы общественной и политической жизни страны:

1) Довольно жаркие, но пустые прения прошли по вполне заурядному докладу **М.С. Горбачева «Об основных направлениях внутренней и внешней политики СССР»**, по итогам обсуждения которого была принята совершенно абсурдная резолюция. Однако при этом, в данном документе было записано о необходимости к кратчайшие сроки «перейти к новой экономической модели» и отстранить государство «от функций непосредственного вмешательства в оперативное управление всеми хозяйственными предприятиями и объединениями страны», т.е. фактически речь шла о полной ликвидации плановой социалистической системы хозяйства и перехода на рыночные отношения.

2) Не меньшие споры вызвало предложение академика **А.Д. Сахарова** принять на съезде «**Декрет о власти**» и провозгласить в нем отмену **6-й статьи Конституции СССР** о руководящей и направляющей роли **КПСС** и передаче реальной власти в стране Советам всех уровней. Многие рассматривали вызывающее поведение **А.Д. Сахарова** на съезде как поведение энтузиаста-одиночки. Однако это было далеко не так, поскольку в настоящее время доподлинно установлено, что весь период работы съезда он активно поддерживал контакты с **М.С. Горбачевым**, а в роли челнока между ними выступал один из основателей **Эстонского Народного фронта** академик-диссидент **В.А. Пальм**.

3) На этом съезде была сформирована **Межрегиональная депутатская группа (МДГ)**, скромно обозвавшая себя «**демократической**» фракцией **Съезда народных депутатов СССР** и первой легальной парламентской оппозицией в стране. В состав этой МДГ первоначально вошло порядка **60 депутатов**, а ее сопредседателями стали **А.Д. Сахаров, Б.Н. Ельцин, Ю.Н. Афанасьев, Г.Х. Попов** и **В.А. Пальм**, к которым достаточно быстро присоединилась вся националистическая и сепаратистская оппозиция прибалтийского, грузинского, украинского и молдавского розлива.

4) Важную роль в объединении всей либеральной оппозиции и партийных диссидентов сыграли еще три, явно провокационных вопроса, сразу поднятых на съезде депутатами-националистами и либералами всех мастей. Речь шла: а) об оценке «**Тбилисских событий**» и установления виновных в произошедшей трагедии;

б) об оценке советско-германского Пакта «О ненападении» и секретных протоколов к нему; в) о так называемом «Деле кремлевских взяточников», где с подлой подачи «демократов-прокуроров» и продажной «демократической» прессы фигурировали имена безупречных с моральной точки зрения бывших и нынешних высших руководителей страны — **Е.К. Лигачева, М.С. Соломенцева и Г.В. Романова.**

По всем этим вопросам были созданы специальные парламентские комиссии, которые, естественно, возглавили горбачевские «прорабы» **А.А. Собчак, А.Н. Яковлев и Р.А. Медведев.** При этом надо отметить тот факт, что все эти решения были приняты на фоне совершенно разнузданной антисоветской и антирусской пропаганды во всех трех Прибалтийских республиках, где при активной поддержке руководителей местных компартий **В.И. Вяляса, Я.Я. Вагриса и А.М. Бразаускаса** Верховные Советы Эстонии, Латвии и Литвы приняли Декларации «О государственном суверенитете» и законы «Об основах экономической самостоятельности», «О верховенстве республиканских законов» и другие, которые заложили прочный фундамент крушения СССР.

Однако союзная власть в лице **М.С. Горбачева, А.Н. Яковлева, Э.А. Шеварднадзе** и других «реформаторов» в Политбюро не только не препятствовала открытым и провокационным действиям прибалтийских сепаратистов, но и активно поддерживала и подстрекала их к более радикальным шагам. В частности, сразу после завершения съезда на одном из заседаний Политбюро, где в присутствии первых секретарей местных компартий обсуждался прибалтийский вопрос, **М.С. Горбачев** прямо заявил, что «за союзным центром надо оставить лишь оборону, внешнюю политику, транспорт и связь, а все остальное отдать республикам».

Таким образом, **I Съезд народных депутатов СССР** можно с полным основанием рассматривать как поворотное событие в истории нашей страны, ставшее важной вехой на пути отстранения КПСС от власти, перехода страны на принципы рыночной экономики и подготовки к разрушению СССР.

10. Развитие политической ситуации в стране во второй половине

1989 г.

а) Национальный вопрос и кадровая чистка в Политбюро

В середине июня 1989 г., сразу после **I Съезда народных депутатов СССР**, должен был состояться очередной Пленум ЦК, посвященный проблемам национальной политики, однако, рассмотрев представленные материалы, **М.С. Горбачев** пришел к выводу, что нужен более глубокий документ, поэтому «отложил этот разговор до сентября».

Между тем, межнациональные конфликты в стране приобрели лавинообразный характер и после кровавых событий в **Карабахе** и **Сумгаите**, где в 1988 г. в смертельной схватке сошлись армяне и азербайджанцы, в 1989 г. пламя межнациональной резни перекинулось в **Новый Узень** (Казахстан), **Фергану** (Узбекистан), **Кишинев** (Молдавия) и **Сухуми** (Абхазия), где в братоубийственной бойне схлестнулись казахи, киргизы, узбеки, турки-месхетинцы, грузины, абхазы, молдаване и гагаузы. По данным МВД СССР, к этому времени на территории страны произошло более **4000 погромов** и более **600 тыс.** советских граждан стали беженцами. Однако союзный

центр продолжал тянуть резину и «работать» над программными документами по национальному вопросу.

Новый проект **Платформы КПСС «О путях гармонизации межнациональных отношений в СССР»** был рассмотрен **Политбюро ЦК** в **середине июля 1989 г.** Сам текст этого проекта пока неизвестен, но, как явствует из его обсуждения, он предполагал перевод всех республик на полный хозяйственный расчет, заключение нового союзного договора, предоставление республиканским компартиям полной самостоятельности и т.д. Кто именно готовил этот документ и как протекала работа над ним, установить пока не удалось. Можно лишь констатировать тот факт, что в тот период национальную политику в **ЦК** курировал **В.М. Чебриков**, а непосредственно этой проблемой занимались специально созданный **Отдел национальной политики ЦК**, который возглавлял **В.А. Михайлов**, и **Комиссия ЦК по Прибалтике** во главе с **В.А. Медведевым**.

Представляя проект этого документа на заседании **Политбюро**, **М.С. Горбачев** заявил, что «хотя в нем не все бесспорно, с этим проектом можно идти на **Пленум ЦК**» и предложил «через неделю направить его членам **ЦК**». Однако вокруг этой «платформы» разгорелись настолько горячие споры, что от своего первоначального замысла генсеку пришлось отказаться. Если идея республиканского хозрасчета ни у кого не вызвала особых возражений, то против заключения нового союзного договора и предоставления большей самостоятельности республиканским компартиям решительно выступил **Первый секретарь ЦК Компартии Украины В.В. Щербицкий**, активно поддержанный **Е.К. Лигачевым**, **В.И. Воротниковым**, **В.П. Никоновым** и другими членами партийного ареопага. Примирить спорящие стороны не удалось, поэтому было решено отложить обсуждение данного вопроса до лучших времен.

Тем временем, под мощным давлением прибалтийских сепаратистов в **конце июля 1989 г.** **Верховный Совет СССР** начал активно рассматривать вопрос об экономической самостоятельности прибалтийских республик и вскоре принял **Постановление «О переходе Литовской ССР, Латвийской ССР и Эстонской ССР на хозрасчет»**. Практически параллельно с принятием этого убийственного документа, к началу августа в кулуарах **«Медведевской комиссии»** была завершена работа над «тезисами по национальному вопросу» и новый проект **Платформы КПСС «Национальная политика партии в современных условиях»** был сразу опубликован в печати. В основе этого документа лежали всего две идеи: 1) перевод союзных республик на полный хозяйственный расчет и 2) подписание нового союзного договора, что фактически означало признание союзных республик независимыми государствами.

В **середине сентября 1989 г.** состоялся отложенный **Пленум ЦК**, все участники которого, заслушав доклад **М.С. Горбачева «О национальной политике партии в современных условиях»**, одобрили представленную **«Платформу КПСС»**, где особое место занимало совершенно ложное «теоретическое» положение о том, что «в современных условиях суверенитет находит свое выражение в переходе всех союзных республик на хозрасчет и самофинансирование». Иными словами, это де-факто означало признание за каждой союзной республикой права собственности на саму землю и ее недра, закрепление за ними в собственность всех промышленных предприятий республиканского значения, предоставление республикам права самостоятельно определять «экономические методы и формы хозяйствования», перевод

всех республиканских и союзно-республиканских экономических отношений на договорные, т.е. рыночные основы, и т.д.

Кроме национального вопроса **Пленум ЦК** рассмотрел и кадровый вопрос, при этом **М.С. Горбачев** умудрился не только избавиться от последних рудиментов «брежневской команды», доставшейся ему в наследство от **К.У. Черненко**, но и вывести из руководства страны своих первоначальных выдвиженцев:

1) Из состава **Политбюро ЦК** были выведены **Первый секретарь ЦК КП Украины В.В. Щербицкий**, секретари **ЦК В.П. Никонов** и **В.М. Чебриков**, бывший первый секретарь Ленинградского обкома **Ю.Ф. Соловьев** и заместитель председателя **Совета Министров СССР Н.В. Талызин**.

2) Полноправными членами **Политбюро** были избраны председатель **КГБ СССР В.А. Крючков** и председатель **Госплана СССР Ю.Д. Маслюков**, а кандидатами в члены **Политбюро ЦК** стали председатель **Совета Союза ВС СССР академик Е.М. Примаков** и председатель **КПК при ЦК КПСС Б.К. Пуго**.

3) Новыми секретаря **ЦК** были избраны первые секретари Орловского, Липецкого, Татарского и Крымского обкомов партии **Е.С. Строев**, **Ю.А. Манаенков**, **Г.И. Усманов** и **А.Н. Гиренко**.

Показательно, что вопрос о столь масштабных кадровых перестановках в руководстве страны, который всегда в предварительном порядке обсуждался на **Политбюро**, на сей раз был решен кулуарно, самим «демократом» **М.С. Горбачевым**, и все остальные члены **Политбюро** были поставлены в известность о планируемых переменах только во время работы **Пленума ЦК**.

б) Новая экономическая реформа

В июле-августе 1989 г. **Верховный Совет СССР**, ставший впервые за годы советской власти работать на постоянной основе, сформировал новое союзное правительство, члены которого так же впервые прошли «парламентское чистилище». В результате этого состав нового **Совета Министров СССР** обновился почти на 90%. Председателем **Совета Министров СССР** вновь был утвержден **Н.И. Рыжков**, его первым заместителем по общим вопросам был назначен **Л.А. Воронин**, а остальными первыми заместителями главы правительства стали председатель **Госплана СССР Ю.Д. Маслюков**, председатель **Госкомиссии по Чрезвычайным ситуациям В.Х. Догужиев** и председатель **Госкомиссии по продовольствию В.В. Никитин**. Сам факт создания этих комиссий и назначение их руководителей первыми заместителями главы правительства говорил о многом, а именно о том, что экономика страны находится в катастрофическом состоянии.

Должности «простых» заместителей председателя **Совета Министров СССР** заняли **А.П. Бирюкова**, **В.К. Гусев**, **И.С. Белоусов**, **Н.П. Лаверов**, **П.И. Мостовой**, **Л.Д. Рябев**, **И.С. Силаев** и **С.А. Ситарян**, которые курировали конкретные отраслевые блоки правительства, в частности социальный, оборонный, топливно-энергетический, машиностроительный и другие важные комплексы народного хозяйства страны. Однако еще одним заместителем председателя **Совета Министров СССР** стал бывший директор **Института экономики АН СССР академик Л.И. Абалкин**, который возглавил **Комиссию по экономической реформе**.

Именно ему и его команде экономистов было поручено в кратчайшие сроки разработать и представить на рассмотрение правительства страны новую стратегию

экономической реформы, базой для которой должно было стать **Постановление Съезда народных депутатов СССР «Об основных направлениях внутренней и внешней политики СССР»**. В рамках этой **Комиссии** было рассмотрено три основных варианта реформы:

1) Первый, так называемый **«эволюционный вариант»**, предусматривал посредством сугубо административных методов управления постепенно преобразовать нынешние формы советского планового хозяйства и умеренные темпы структурных экономических реформ.

2) Второй, **«радикальный вариант»**, подразумевал «шоковую терапию», т.е. практически одновременное снятие всех ограничений для рыночных механизмов, полный отказ от контроля над ценами, массовый переход к новым формам собственности и ведения хозяйства, массовую приватизацию предприятий и т.д.

3) Третий, **«радикально-умеренный вариант»**, предполагал комплекс предварительных мер для создания стартовых условий перехода к новому хозяйственному механизму, развитие рыночных отношений, но при сохранении регулирующей роли государства, контроля за ценами, доходами, инфляцией и т.д.

Именно этот вариант экономической реформы и был взят за основу **Комиссии Л.И. Абалкина**, которая уже к **середине августа** предложила свою концепцию перехода страны к многоукладной рыночной экономике в три этапа: **1989–1990, 1990–1992 и 1993–1995 гг.** При этом предлагалось к окончанию реформы создать в стране три основных формы собственности: **1) государственную**, в размере **60 %** основных фондов, из которых **30 %** будут сданы в долгосрочную аренду; **2) акционерную**, в размере **25 %** основных фондов и **3) кооперативную**, в размере **15 %** основных фондов.

К **концу августа 1989 г.** проекты основных законов о собственности, о земле, об аренде, о налогах были готовы и в **начале сентября** поступили в **Верховный Совет СССР**, где **Н.И. Рыжков** сделал доклад **«Стратегии углубления экономической реформы — новую законодательную инициативу»**, в котором была поставлена задача перевода всей экономики страны на рельсы многоукладного хозяйства, что, по своей сути, означало реставрацию индивидуальной и расширение корпоративной частной собственности, иными словами, возрождение капитализма.

В **начале ноября 1989 г.** вопрос об экономической реформе был рассмотрен на специальном совещании, которое состоялось в **ЦК КПСС**. Затем эта концепция была опубликована в **«Экономической газете»** и вскоре стала предметом обсуждения на специальной научной конференции, прошедшей в **середине ноября**, а вслед за этим в печати появился проект **Закона «О собственности»**, который ставил крест на прежней социалистической системе всего народного хозяйства страны.

в) Консолидация либеральной оппозиции

В **конце июля 1989 г.** в **Московском Доме кино** под председательством **Г.Х. Попова** прошло общее собрание членов **МДГ**, в состав которой к тому времени вошли **393** народных депутатов СССР. На этом сборище был избран **Координационный совет** из **25** человек и **5** сопредседателей. В **Координационный совет МДГ** вошли **А.Д. Сахаров, Б.Н. Ельцин, Ю.Н. Афанасьев, Г.Х. Попов, А.А. Собчак, Н.И. Травкин, Ю.Д. Черниченко, А.Н. Мурашев, А.М. Оболенский, Г.Э. Бурбулис, Ю.Ф. Карякин, С.Б. Станкевич, Е.А. Гаер, М.М. Мартиросян, В.А. Тихонов, В.А. Пальм,**

В.А. Логунов, А.А. Ярошинская, М.А. Бочаров, В.В. Гончаров, М.Н. Полторанин, А.М. Емельянов, Т.Х. Гдлян и А.В. Яблоков. Сопредседателями Координационного совета МДГ стали **Б.Н. Ельцин, Ю.Н. Афанасьев, Г.Х. Попов, В.А. Пальм** и **А.Д. Сахаров**.

Ю.Н. Афанасьеву была поручена координация действий со всеми общественными движениями, **Б.Н. Ельцину** доверены контакты с **Верховным Советом СССР**, в том числе с **М.С. Горбачевым** и **А.И. Лукьяновым**, на **В.А. Пальма** возложена обязанность поддерживать отношения со всеми республиками, на **А.Д. Сахарова** — аналогичные контакты с границей, а **Г.Х. Попов** взял на себя организационные вопросы. Ответственным секретарем МДГ был избран **А.Н. Мурашев**, который руководил так называемым оргбюро — группой депутатов, ведавших финансами и подготовкой различных документов.

Несмотря на то, что для всех непосвященных МДГ представляла собою реальную оппозицию, **Ю.Н. Афанасьев** постоянно контактировал с **А.С. Черняевым** и **А.Н. Яковлевым** и пользовался личным покровительством самого **М.С. Горбачева**. А сам **М.С. Горбачев** активно поддерживал тайные связи с **А.Д. Сахаровым, Б.Н. Ельциным** и **Г.Х. Поповым**. Таким образом, все пять сопредседателей МДГ прямо или опосредованно были связаны как со **Старой площадью**, так и с **Кремлем**. Подтверждая этот факт, сам **М.С. Горбачев** недавно признался, что «у меня с межрегиональной группой сложились самые нормальные, самые хорошие отношения — даже лучшие, чем отношения с некоторыми другими секторами депутатского корпуса». Все это вместе взятое дает основание утверждать, что МДГ была сформирована если не по прямой указке, то, во всяком случае, при активном участии самого **М.С. Горбачева** и его ближайшего окружения.

Однако доморощенная «оппозиция» была нужна не только лично **М.С. Горбачеву** и его ближайшему окружению. По мере того как перестройка приобретала все более радикальный характер, все теснее становились связи наших неформалов, а затем и «демократов» с представителями иностранных посольств, в частности американским послом **Дж. Мэтлоком**, в гостях у которого частенько бывали **Г.Х. Попов, Ю.Н. Афанасьев, Г.А. Арбатов, Н.П. Шмелев** и даже **Б.Н. Ельцин** с супругой.

А пока шло формирование МДГ, три его сопредседателя — **Ю.Н. Афанасьев, Б.Н. Ельцин** и **А.Д. Сахаров** — получили приглашения на зарубежный вояж. В частности, в **сентябре 1989 г.** в американское турне отправился главный «демократ» **Б.Н. Ельцин**, который с самых первых своих шагов по американской земле шокировал тамошнюю публику своими неординарными поступками и заявлениями. Злые языки утверждали, что для бодрости, храбрости и преодоления разницы во времени бывший прораб целую неделю не расставался с «**Черным Джеком**» — самой дешевой американской водкой. Дело доходило до того, что во время некоторых встреч он с большим трудом вязал лыко, однако на это старались не обращать особого внимания, так как в США **Б.Н. Ельцин** представлял поднимающуюся антисоветскую оппозицию.

Во время этого путешествия он сделал ряд громких заявлений, в частности объявил, что выступает за право республик на выход из СССР и многопартийность, а так же заверил американцев, что уже в следующем году **М.С. Горбачев** уйдет со своего поста. Во время этого визита **Б.Н. Ельцину** были устроены очень серьезные смотрины, в которых приняли участие сам президент **Дж. Буш, Б. Скоукрофт,**

Д. Рокфеллер, З. Бжезинский, О. Андреас, Д. Хамбург и другие воротили американской политики и бизнеса.

А пока Б.Н. Ельцин путешествовал по США, в стране шла дальнейшая работа по сплочению либеральной оппозиции. В середине сентября 1989 г. в Ленинграде прошла Всесоюзная конференция демократических движений, на которой были сделаны три доклада: Ю.Н. Афанасьева «Политическая ситуация в стране», Г.В. Старовойтовой «Национально-государственное устройство страны» и М.Е. Салье «Революционная ситуация, задачи революционного движения и координация действий». Главный лейтмотив всех этих провокационных выступлений состоял в следующем: 1) передать всю власть от партии государству, 2) передать всю государственную собственность в частные руки; 3) денонсировать союзный договор и предоставить всем компактно проживающим народам право на образование новых союзных республик и заключение ими нового союзного договора на конфедеративной основе.

Затем, в конце сентября 1989 г., состоялось второе собрание членов Межрегиональной депутатской группы, где были приняты «Тезисы к платформе МДГ» и выдвинут фальшивый лозунг «Вся власть Советам!», под которым развернулась массированная агитация против 6-й статьи Конституции СССР. Именно с этой целью в большое агитационное турне по всей стране отправилась целая группа «опозиционеров», в том числе Г.Х. Попов, А.А. Собчак, Ю.Н. Афанасьев, А.Д. Сахаров, Г.В. Старовойтова, А.М. Адамович, М.А. Бочаров, Т.Х. Гдлян, И.И. Заславский, Н.В. Иванов, В.И. Новодворская, М.Н. Полторанин и другие либерал-демократы. Впоследствии эти идеи МДГ были очень четко отчеканены в пяти «де»: департизация, децентрализация, демонополизация, деидеологизация и демократизация.

Тем временем, в Воркуте, Кузбассе и Донбассе стала подниматься волна массовых шахтерских забастовок, которыми решили воспользоваться в МДГ. Как признавались сами либералы, именно после контактов Г.Х. Попова, Н.И. Травкина, А.Д. Сахарова и С.Б. Станкевича с лидерами шахтерских комитетов забастовочное движение в стране стало приобретать откровенно политический характер.

11. II Съезд народных депутатов СССР

В конце ноября 1989 г. лидеры МДГ решили вынести на II Съезд народных депутатов СССР вопрос об отмене 6-й статьи Конституции СССР о руководящей роли КПСС. С этой целью ее представители предложили на заседании Верховного Совета СССР включить данный вопрос в повестку дня съезда. Однако при голосовании этого вопроса им не хватило всего трех голосов. Тогда в начале декабря 1989 г. лидеры МДГ обратилась к населению с призывом провести накануне Съезда народных депутатов СССР предупредительную забастовку в поддержку их предложения об отмене 6-й статьи. Однако какого-либо отклика этот «пламенный» призыв тоже не получил. Не оказалось единства и среди самих членов МДГ, часть из которых считали постановку этого вопроса явно преждевременной.

Накануне съезда прошел и очередной Пленум ЦК, на котором М.С. Горбачев впервые был подвергнут резкой критике со стороны ряда его членов, в частности советского посла в Польше В.И. Боровикова. И хотя эта критика носила вполне объективный и деловой характер, она не была поддержана большинством участников Пленума ЦК, и М.С. Горбачев в очередной раз сумел выйти «сухим из воды». Более

того, он протащил в руководящие партийные органы еще двух своих клеветников: полноправным членом Политбюро стал новый **Первый секретарь ЦК КП Украины В.А. Ивашко**, а секретарем ЦК — бывший горбачевский помощник, главный редактор газеты «Правды» академик **И.Т. Фролов**.

12 декабря открылся **II Съезд народных депутатов СССР**, в центре внимания которого была программа новой экономической реформы, разработанной под руководством академика **Л.И. Абалкина** и представленная съезду в докладе главы правительства **Н.И. Рыжкова**. Особый интерес к этой программе и обсуждению экономических проблем был связан с тем, что к **концу 1989 г.** экономический кризис в стране начал вступать в самую острую фазу. Уже в **декабре** произошло абсолютное снижение объемов промышленного производства, ускорился развал потребительского рынка, стал быстро обесцениваться рубль и стало очевидным, что народное хозяйство страны стоит перед серьезными потрясениями.

Казалось бы, эта ситуация должна была привести руководителей страны к мысли о необходимости сохранения и даже укрепления плановых начал в экономике страны. Между тем, предложенная **Н.И. Рыжковым** новая программа экономических реформ предусматривала дальнейшее движение к рынку, переход к которому теперь предлагалось осуществить не в три, а в два этапа — по три года каждый.

На следующий день после горбачевского доклада скоропостижно скончался академик **А.Д. Сахаров**, считавший «духовным гуру» всей либеральной оппозиции, и эта роль «по наследству» перешла к **Б.Н. Ельцину**, который, выступив на съезде, неожиданно взял под свою защиту **М.С. Горбачева**, резко раскритиковал программу правительства и заявил о необходимости отмены пресловутой **6-й статьи**. Тем не менее, большинством народных депутатов экономическая программа правительства была одобрена, а проблема руководящей роли партии была отодвинута на второй план. Кроме того, на этом съезде были заслушаны доклады **Комиссии «По политической и правовой оценке советско-германского договора 1939 года»** (**А.Н. Яковлев**), **Комиссии «По расследованию тбилисских событий»** (**А.А. Собчак**) и **Комиссии «По проверке материалов, связанных с деятельностью следственной группы Прокуратуры СССР»** (**В.А. Ярин**).

Конечно, особое место в работе съезда имел иезуитский доклад «**Комиссии А.Н. Яковлева**», который, признав советско-германский **Пакт «О ненападении»** сговором двух диктаторов и косвенно подтвердив наличие секретных протоколов к нему, фактически дал беспроигрышный карт-бланш всем прибалтийским сепаратистам, выступавшим за выход из состава СССР.

В те самые дни, когда в **Москве** заседал **II Съезд народных депутатов СССР**, в **Вильнюсе** состоялся **XX внеочередной съезд Коммунистической партии Литвы**. На своем последнем заседании, одновременно с принятием **II Съездом народных депутатов СССР** постановления о преступном характере **Пакта «Молотова-Риббентропа»**, литовские коммунисты во главе со своим первым секретарем **А.М. Бразаускасом**, не только одобрили «**Декларацию о самостоятельности Компартии Литвы**», но и провозгласили в качестве главной своей цели создание независимого демократического литовского государства. И лишь меньшинство делегатов съезда, не согласное с принятым решением, заявило о своем выходе из **КПЛ** и создании собственной партии на платформе **КПСС**.

В самом **конце декабря 1989 г.** был проведен очередной **Пленум ЦК**, на котором, рассмотрев положение в Литве, он так и не принял никаких конструктивных

решений. Выступая на нем, **М.С. Горбачев** лишь лицемерно и беспомощно предостерегал литовских коммунистов от принятого ими решения, но ведь, назначая **А.Н. Яковлева** главой этой **Комиссии** и голосуя за осуждение советско-германского **Пакта «О ненападении»**, он прекрасно сознавал, что творит, и давал им козырной карт-бланш на выход из СССР.

В конце работы **Пленума ЦК** был решен и традиционный кадровый вопрос: в состав **Политбюро ЦК** был введен **В.А. Ивашко**, сменивший выдающегося советского партийного и государственного деятеля, многолетнего лидера Украинской ССР **В.В. Щербицкого** на посту **Первого секретаря ЦК КП Украины** в сентябре 1989 г.

Тема: ДУХОВНОЕ РАЗВИТИЕ ОБЩЕСТВА В 1985–1991 ГГ.

План:

1. Новые идеологические ориентиры и литературный процесс.
2. Зарождение политической оппозиции.
3. Сокрушение идеологических основ советского общества.

1. Новые идеологические ориентиры и литературный процесс

В начале февраля 1986 г. в интервью газете французских коммунистов «**Юманите**» на вопрос корреспондента об его отношении к сталинизму **М.С. Горбачев** заявил, что «сталинизм — это понятие, придуманное на Западе противниками коммунизма и широко использующееся для того, чтобы очернить Советский Союз и социализм в целом». Более того, в конце октября 1986 г. в одном из своих выступлений на заседании **Политбюро**, генсек вообще разразился целой тирадой и заявил, что «если все затеять, как это было на **XX съезде** партии, начать самим себя разоблачать, уличать в ошибках, то это был бы самый дорогой, самый желанный подарок нашему врагу. Возьмем, например, такого писателя, как **Б. Можжев**, который требует, чтобы мы издали продолжение его романа «**Мужики и бабы**». А в этом романе практически под сомнение ставится все, что было сделано в период индустриализации и коллективизации. А мы теперь знаем, что если бы не было коллективизации и индустриализации, то не было бы сейчас и нас, страну просто раздавил фашистский сапог». И далее, обращая внимание на повесть **В.В. Быкова** «**Знак беды**», генсек заметил, что «в кинофильме по этому роману кое-кто попытался сравнить коллективизацию с действиями фашистов».

Однако прошло совсем немного времени и уже в начале 1987 г. в центральной печати грянул такой идеологический залп разоблачений сталинизма, перед которым сразу померкли все разоблачения **Н.С. Хрущева** на **XX** и **XXII съездах КПСС**. В чем же состояли причины столь быстрого «прозрения» генсека **М.С. Горбачева** и его команды.

А ларчик открывается довольно просто. По свидетельству ряда осведомленных соратников генсека, в частности тогдашнего секретаря **ЦК В.А. Медведева**, вопрос о необходимости подготовки борьбы со сталинизмом **М.С. Горбачев** предметно

обсуждал в «узком кругу» своих соратников еще до открытия партийного съезда, т.е. именно тогда, когда появилось упомянутое выше интервью газете «Юмани-те». А затем этот вопрос стал постепенно «обкатываться» на различных публичных встречах генсека с творческой интеллигенцией. В частности, уже в **июне 1986 г.** на одной из таких встреч тогдашний глава АПН **В.М. Фалин** в присутствии всей идеологической элиты страны заявил, что «социализма в нашей стране не существует и, что все его ростки подмяла и извела военно-феодалная диктатура сталинизма». Само это заявление одного из главных сановных идеологов страны было встречено без особых эмоций, но сам факт произошедшего говорил о многом.

По мнению ряда современных авторов (**И. Фроянов, А. Островский**), уже в **августе 1986 г.** группа новых партийных идеологов во главе с новым секретарем ЦК **А.Н. Яковлевым** завершила разработку целостной программы по новой дискредитации сталинизма, как начального этапа дискредитации всей коммунистической партии и советского общественного строя. Начало этой абсолютно разнузданной по форме и клеветнической по содержанию кампании положил знаменитый фильм «Покаяние», созданный известным грузинским режиссером **Т.Е. Абуладзе** еще в **1984 г.** с согласия тогдашнего **Первого секретаря ЦК КП Грузии Э.А. Шеварднадзе**, который уже прекрасно понимал и знал, кто и зачем вскоре станет новым лидером партии и государства. В **сентябре 1986 г.** фильм «Покаяние» был представлен в **Идеологический отдел ЦК КПСС**, и в тот же день новый председатель **Союза кинематографистов СССР Э.Г. Климов** встретился с **А.Н. Яковлевым**, который, сознавая, что выпуск этого фильма будет подобен сигнальной ракете, которая ознаменует резкий поворот политического курса, дал добро на выход этого фильма на широкий экран.

Первый открытый показ «Покаяния» состоялся в **Москве** в **конце января 1987 г.** в рамках недели грузинского кино в кинотеатре «Тбилиси», после чего этот фильм появился на экранах других кинотеатров столицы, а затем пошел широким прокатом по всей стране. По личному указанию **А.Н. Яковлева** фильму была сделана самая широкая реклама, и уже в первую неделю его показа хвалебные рецензии о нем появились на страницах «Правды», «Труда», «Аргументов и фактов», «Литературной газеты», «Литературной России», «Недели» и других периодических изданий страны. Вскоре к этому хору «слащавых песнопений» присоединилась и эмигрантская пресса.

Почти одновременно с этим аналогичная кампания против сталинизма началась и в литературе. Уже в **начале 1986 г.** в центре внимания оказался роман **В.Д. Дудинцева «Белые одежды»** о борьбе в биологической науке в годы сталинизма, запрещенный к печати в хрущевские времена. Первоначально его предполагалось напечатать в «Новом мире» или «Нашем современнике», однако преодолеть сопротивление его публикации в **Москве** тогда не удалось. Только в **августе 1986 г.** в журнале «Огонек», который с подачи **Е.К. Лигачева** и **А.Н. Яковлева** стал редактировать известный киевский либерал-публицист, секретарь **Союза Писателей СССР В.А. Коротич**, были опубликованы фрагменты этого романа и объявлено о том, что полностью этот роман будет напечатан в ленинградском журнале «Нева». Сотрудники **Ленинградского обкома партии**, который в то время вместо **Л.Н. Зайкова** возглавил **Ю.Ф. Соловьев**, всячески пытались приостановить его публикацию, однако так и не смогли противостоять напору со стороны **Агитпропа ЦК**, который вновь возглавил **А.Н. Яковлев**. И в **январе — апреле 1987 г.** этот,

вполне заурядный, но столь важный для авторов «перестройки» литературный хлам, был опубликован в журнале «Нева».

Пока шла борьба вокруг публикации романа **В.Д. Дудинцева**, в ноябре — декабре 1986 г. на страницах журнала «Звезда», который тогда возглавлял еще один выдвиженец **А.Н. Яковлева** писатель-фронтовик **Г.Я. Бакланов**, было опубликовано очередное «крамольное» произведение, не вышедшее в свет в годы «хрущевской оттепели» — роман **А.А. Бека** «Новое назначение».

Затем, в апреле — июне 1987 г., на страницах журнала «Дружба народов», который возглавлял еще один литературный флюгер, «детский» писатель **С.А. Баруздин**, появился роман **А.Н. Рыбакова** «Дети Арбата», который был тоже создан во времена «хрущевской оттепели». Тогда публикация этого романа не состоялась из-за отставки самого **Н.С. Хрущева** и двадцать лет его рукопись томила в писательском столе, ожидая нового прихода к власти «политических извращенцев». Вскоре после смерти **К.У. Черненко** **А.Н. Рыбаков** направил рукопись этого романа лично **М.С. Горбачеву**, который, ознакомившись с ним, заключил, что «в художественном отношении эта книжонка не произвела на него впечатления, но в ней воспроизводилась мрачная атмосфера времен сталинизма, а это было куда важнее ее литературных достоинств». Поэтому сразу после партийного съезда помощник генсека **А.С. Черняев** передал рукопись романа **А.Н. Яковлеву**, который дал ему «зеленый свет», и в сентябре 1986 г. редколлегия журнала «Дружба народов» рекомендовала его к печати.

Тогда же, в начале 1987 г., еще один литературный флюгер **С.П. Залыгин**, который в 1973 г. был одним из подписантов знаменитого «писательского письма», направленного против **А.И. Солженицына** и **А.Д. Сахарова**, заявил одному из западных корреспондентов, что намерен опубликовать в своем журнале «Новый мир» роман **А.И. Солженицына** «Раковый корпус». Однако практически сразу это заявление не в меру ретивого литератора было дезавуировано, и публикация романа, естественно, запрещена. Безусловно, в руководстве партии по этому вопросу не было, да и не могло быть единства мнений, поэтому, скорей всего, **С.П. Залыгин** не по своей воле озвучил мнение самого близкого к нему «идейного сподвижника» **А.Н. Яковлева**, благодаря которому и стал главным редактором «Нового мира» в 1986 г. Зато в январе 1987 г. в «Новом мире» увидела свет явно провокационная повесть **Д.А. Гранина** «Зубр», посвященная судьбе беглого советского генетика **Н.В. Тимофеева-Ресовского**, который отказался вернуться на родину и ради «служения чистой науке» перешел на службу к германским нацистам.

Вскоре в различных литературных журналах были опубликованы и другие, ранее запрещенные произведения, в частности поэма **А.Т. Твардовского** «По праву памяти», сборник **В.Т. Шаламова** «Колымские рассказы», повести **А.П. Платонова** «Котлован» и «Чевенгур», роман **М.А. Булгакова** «Собачье сердце», роман **В.И. Белова** «Кануны», повесть **А.И. Приставкина** «Ночевала тучка золотая» и другие сочинения совершенно разного идейного и художественного уровня и содержания. Тогда же, в 1986—1987 гг. вышли в свет новые произведения ряда выдающихся советских писателей, которые в отличие от тогдашнего литературного хлама, действительно стали крупным культурным событием в истории страны. В частности, речь идет о романах и повестях **Ч.Т. Айтматова** «Плаха», **В.С. Пикуля** «Честь имею», **В.Г. Распутина** «Пожар», **Ю.В. Бондарева** «Игра», **М.Н. Алексеева** «Меж бегущих дней», **В.П. Астафьева** «Печальный детектив» и ряда других произведений.

В феврале 1987 г. Союз Писателей СССР посмертно отменил давнишнее постановление об исключении из своего состава **Б.Л. Пастернака**, произошедшее в хрущевские времена, что позволило «Новому миру» начать подготовку к печати его ранее запрещенного романа «Доктор Живаго». И буквально сразу после этого решения, в марте 1987 г. состоялось заседание Секретариата Правления Союза Писателей РСФСР, на котором признанный классик советской литературы **Ю.В. Бондарев** пророчески заявил: «Гражданской войны в искусстве я пока не вижу. Но я бы определил нынешнее состояние русской литературы, осажденной тоталитарно-разрушающей частью нашей критики, как положение, создавшееся в июле 1941 г., когда прогрессивные силы, оказывая неорганизованное сопротивление, отступали под натиском таранных ударов цивилизованных варваров... Если это отступление будет продолжаться и не наступит пора Сталинграда — дело кончится тем, что национальные ценности — все то, что является духовной гордостью народа, будет опрокинуто в прошлое».

Прошло совсем немного времени и уже в конце мая 1987 г. в Москве стала активно распространяться листовка, заканчивающаяся словами «Остановить Яковлева!», в которой содержались вполне обоснованные обвинения руководителя Агитпропа ЦК во враждебной интересам страны политике, выражалась тревога по поводу предстоящего его перемещения на роль «второго человека в государстве» и говорилось, что «июнь 1987 г. может оказаться таким же роковым для судеб нашего отечества, как и июнь 1941 г.».

Тем временем, в январе 1987 г. газета «Московские новости», редактором которой с подачи все того же **А.Н. Яковлева** был назначен еще один «партийный диссидент», его однофамилиц и идейный сотоварищ, господин **Е.В. Яковлев**, опубликовала конъюнктурную статью ректора МГИАИ профессора **Ю.Н. Афанасьева** «Энергия исторического знания», в которой автор назвал созданное в годы сталинизма советское общество «казарменным социализмом» и поставил вопрос о необходимости пересмотра всей советской истории. Эта статья **Ю.Н. Афанасьева**, опубликованная АПН, положила начало новому обсуждению проблемы сталинизма в научной и публицистической литературе, а все направление этой «дискуссии» определил сам **М.С. Горбачев**, который в феврале 1987 г. прямо заявил «все, что после **В.И. Ленина**, подлежит пересмотру».

Уже в апреле 1987 г. в Институте истории АН СССР прошла широкая дискуссия по докладу академика **М.П. Кима** «Основные этапы развития советского общества», в котором был сделан новый «теоретический» вывод, что о завершении строительства социализма в нашей стране можно говорить только с начала перестройки. А чуть позже аналогичный холуйский вывод был сделан на подобной же дискуссии, проведенной в редакции журнала «Коммунист», который вместо истинного партияза-патриота **Р.И. Косолапова** возглавил очередной горбачевский теоретик, дутый академик-философ **И.Т. Фролов**. Тогда же, в апреле 1987 г. по решению Политбюро была создана Межведомственная комиссия, которая приступила к ликвидации всех библиотечных спецхранов, что означало возвращение к массовому читателю ранее запрещенных книг, однако, далеко не всех, а только тех, которые отвечали интересам правящей команды горбачевских реформаторов.

В это же время наметились определенные изменения в отношении к Русской Православной Церкви, которая готовилась к приближавшемуся 1000-летию юби-

лею Крещения Руси. Решение о подготовке к этой дате **Святейший Синод РПЦ** принял еще в **1981 г.**, когда под руководством патриарха **Пимена** была создана **Юбилейная Комиссия РПЦ**. Однако тогда, в брежневские времена, **Совет по делам религий при Совете Министров СССР**, который еще с хрущевских времен возглавлял генерал-лейтенант **КГБ В.А. Куроедов**, заявил о своем неучастии в подготовке этого юбилея. Но уже в **мае 1985 г.**, когда председателем этого **Совета** был назначен старый партийный работник и дипломат **К.М. Харчев**, тогдашний секретарь **ЦК М.В. Зимянин** дал ему руководящее напутствие не ссорить партию с церковью. Правда, уже в **сентябре 1985 г. Секретариат ЦК** принял решение о противодействии клерикальной пропаганде в связи с подготовкой юбилейных торжеств, а в **марте 1986 г. Пленум ЦК** продублировал это решение.

Но прошло совсем немного времени и уже в **июне 1986 г.** на встрече **М.С. Горбачева** с главными редакторами средств массовой информации, тогдашний глава **АПН В.М. Фалин**, то ли прозрев, то ли получив рекомендации свыше, предложил отметить **1000-летие Крещения Руси** как национальный праздник. Вскоре после упомянутого совещания **В.М. Фалин** направил в **ЦК** специальную записку по этому вопросу, а главный редактор журнала «Коммунист» академик **И.Т. Фролов** выступил с инициативой издания трудов русских религиозных философов прошлого века. Поскольку тогда непосредственным начальником и того, и другого был новоиспеченный секретарь **ЦК** по идеологии **А.Н. Яковлев**, вряд ли бы они решились на подобные шаги, не согласовав их с ним.

В **конце 1986 г. В.М. Фалин** снова поднял тот же вопрос и на этот раз получил поддержку со стороны генсека, который, по свидетельству его помощника **А.С. Черняева**, уже в **начале 1987 г.** дважды публично заявил, что мы «будем отмечать **1000-летие Крещения Руси**». Поскольку советское государство всегда было сугубо светским, а его идеология — атеистической, то согласие генсека отметить этот юбилей на официальном уровне означало только одно — отказ от воинствующего атеизма как официальной государственной идеологии. В доказательство этих грандиозных планов в **июле 1987 г.** на страницах «**Московских новостей**» появилась знаковая публикация «**Земли родной минувшая судьба**», представлявшая собой диалог известного советского историка и археолога профессора **В.Л. Янина** с известным православным теологом, протоиереем **Иоанном Белевцевым** по поводу приближающегося юбилея.

Пересмотр прежней политики в отношении церкви был, безусловно, связан с совершенно иными целями нового советского руководства, которые для **М.С. Горбачева** и его команды были куда важнее, чем нормализация церковно-государственных отношений. Еще в **январе 1987 г.** в руководстве партии был поднят вопрос о подготовке к **70-летию Великой Октябрьской социалистической революции**, а уже в **марте М.С. Горбачев** поручил главному редактору журнала «Коммунист» **И.Т. Фролову** подготовить «концепцию его доклада» к этому юбилею.

По свидетельству самого **И.Т. Фролова**, представленный им вариант настолько понравился **М.С. Горбачеву**, что уже в **конце апреля 1987 г.** он предложил ему перейти на должность его помощника по вопросам идеологии, науки, образования и культуры. И вскоре он был освобожден от должности главного редактора журнала «Коммунист» и его преемником на этом посту стал однокурсник **Р.М. Горбачевой Н.Б. Биккенин**. Тогда же в состав редколлегии этого главного теоретического журна-

ла партии были включены новоявленные «рыночники» — **О.Р. Лацис** и **Е.Т. Гайдар**, первый из которых стал первым заместителем главного редактора. По заявлению самого **М.С. Горбачева**, работа над этим докладом началась с совещания в узком кругу, где высказывались самые смелые и крамольные мысли, ряд из которых даже не попали в сам доклад, но не по причине несогласия с ними, а исключительно по тактическим соображениям, поскольку «еще не пришло время».

В конце сентября 1987 г. состоялось обсуждение основных идей этого доклада на заседании Политбюро, где **М.С. Горбачев** заявил, что завершился первый этап перестройки и начался ее второй этап — «трансформация политики, идей первого этапа в практическую жизнь», поэтому надо честно сказать партии и народу о том, от чего мы отказываемся и чего хотим. В тот же день Политбюро приняло решение о создании новой **Комиссии по реабилитации жертв сталинских репрессий**, в состав которой вошли всего восемь человек: **В.И. Болдин**, **П.Н. Демичев**, **А.И. Лукьянов**, **Г.П. Разумовский**, **Г.Л. Смирнов**, **М.С. Соломенцев**, **В.М. Чебриков** и **А.Н. Яковлев**. Первоначально председателем этой комиссии стал глава КПК при ЦК КПСС **М.С. Соломенцев**, а после его отставки, в октябре 1988 г. ее возглавил **А.Н. Яковлев**. Однако пока, принятое узким руководством решение, не получило огласки и до поры до времени держалось в тайне.

К середине октября 1987 г. появился черновой вариант юбилейного доклада, который вновь был обсужден и одобрен на Политбюро ЦК. Затем, по заведенному порядку, проект уже подготовленного доклада должен был пройти через утверждение на Пленуме ЦК. Поэтому перед этим утверждением в «узком кругу» текст доклада прошел окончательную доработку в брежневской резиденции **Завидово**, где над ним целую неделю корпели сам **М.С. Горбачев**, **А.Н. Яковлев**, **В.А. Медведев**, **В.И. Болдин**, **А.С. Черняев**, **Г.Х. Шахназаров**, **Н.Я. Петраков** и **Н.Б. Биккенин**. Несмотря на возникшие расхождения, в целом доклад был одобрен и вынесен на Пленум ЦК, а в начале ноября 1987 г. **М.С. Горбачев** выступил с ним на торжественном заседании в **Кремлевском Дворце съездов**.

В основу всего горбачевского доклада была положена идея, что все проблемы, с которыми столкнулось советское общество на современном этапе — это наследие сталинизма, а «горбачевская перестройка» — это «возвращение к ленинизму». Поэтому в этом докладе впервые после **Н.С. Хрущева** на официальном уровне сталинские репрессии были названы преступлением, была поставлена под сомнение обоснованность этих репрессий и тем самым положено начало идейной, а затем и юридической реабилитации их жертв. Первым среди этих жертв был назван **Н.И. Бухарин**, после чего стала активно пропагандироваться идея о возвращении к НЭПу, верным стражем которого якобы был этот настоящий большевик-ленинец.

Позднее, характеризуя всю эту кампанию и раскрывая ее потаенный и действительный смысл, главный «архитектор» горбачевской перестройки академик **А.Н. Яковлев** в предисловии к предельно лживой «**Черной книге коммунизма**», написанной коллективом французских историков-еврокоммунистов под руководством **Н. Верта** и **С. Куртуа**, предельно цинично писал: «После XX съезда в сверхузком кругу своих ближайших друзей и единомышленников мы часто обсуждали проблемы демократизации страны и общества. Избрали простой, как кувалда, метод пропаганды «идей» позднего **Ленина**. Надо было ясно, четко и внятно вычленить феномен большевизма, отделив его от марксизма прошлого века. А потому без усталости говорили

о «гениальности» позднего **Ленина**, о необходимости возврата к ленинскому «плану строительства социализма» через кооперацию, через государственный капитализм и т.д. Группа истинных, а не мнимых реформаторов разработали (разумеется, устно) следующий план: авторитетом **Ленина** ударить по **Сталину**, по сталинизму. А затем, в случае успеха, **Плехановым** и социал-демократией бить по **Ленину**, либерализмом и «нравственным социализмом» — по революционаризму вообще. **Начался новый виток разоблачения «культа личности Сталина»**. Но не эмоциональным выкриком, как это сделал **Хрущев**, а с четким подтекстом: преступник не только **Сталин**, но и сама **система преступна**. Тем самым, господин **А.Н. Яковлев** предельно открыто признал, что дело заключалось отнюдь не в восстановлении исторической правды и справедливости, а в сугубо идеологической подготовке задуманной им же реформы политической системы, призванной сокрушить саму эту систему.

Кроме того, особое значение в этом докладе имело заявление **М.С. Горбачева** о том, что «никто не знает истины в последней инстанции», поэтому следует отказаться «от монополии на истину». Если учесть то обстоятельство, что до сих пор в качестве последней инстанции выступала именно **КПСС**, в **КПСС** — ее роль играл **ЦК**, в **ЦК** — **Политбюро**, а в **Политбюро** — **Генеральный секретарь**, то получается, что **осенью 1987 г.** устами самого **М.С. Горбачева** партия заявила о своем отказе от монополии на идеологию и провозгласила идеологический плюрализм. Однако этот «плюрализм» сразу оказался предельно однобоким и с очень большим привкусом раболепия и низкопоклонства перед «цивилизованным Западом».

Для понимания тех коренных перемен, которые наметились в партийной идеологии именно в **конце 1987 г.**, принципиальное значение имеет и доклад секретаря **ЦК В.А. Медведева «Великий Октябрь и современный мир»**, который был сначала произнесен им на научной конференции, а затем опубликован в виде статьи на страницах журнала **«Коммунист»**. На протяжении многих десятилетий все высшее партийное руководство страны исходило из знаменитого ленинского постулата о том, что на рубеже **XIX-XX вв.** капитализм вступил в высшую и последнюю стадию своего развития — империализм. В соответствии с этим вся история капитализма **XX в.** стала рассматриваться с точки зрения его неизбежного системного кризиса и последующей гибели.

Однако в **начале 1986 г.**, в процессе подготовки новой редакции партийной программы, которая была принята на **XXVII съезде КПСС**, была сделана осторожная попытка поставить этот ленинский тезис под сомнение, и в текст новой редакции программы было включено положение о том, что «капитализм не исчерпал себя». Но тогда эта новация вызвала серьезные возражения у партийных «ортодоксов» и была отклонена. Между тем, вскоре после окончания съезда новый директор **ИМЭМО** академик **Е.М. Примаков** представил в журнал **«Коммунист»** свою статью **«Ленинский анализ империализма и современность»**, в которой, с одной стороны, утверждалось, что империализм находится в нисходящей стадии своего развития, но с другой стороны, особо подчеркивалось то, что он еще не исчерпал всех возможностей своего развития. Однако и эта статья вызвала возражения со стороны редакционной коллегии журнала и была опубликована только после серьезной редакторской правки. В результате изумленные читатели журнала смогли насладиться таким «теоретическим» перлом, что «тенденция к загниванию капитализма на высшей стадии не исключает его неизмеримо более быстрого в целом роста,

чем прежде». Этот «околонаучный бред», не только противоречил элементарной логике, но и реальным историческим фактам развития современных буржуазных государств.

И вот теперь к этой «давней» проблеме вновь обратился секретарь ЦК В.А. Медведев, который впервые заявил, что возможно монополистический капитализм в нынешних условиях является наиболее «адекватной формой капиталистического способа производства». Таким образом, новый партийный «теоретик» горбачевского разлива, по сути дела, **поставил под сомнение ленинскую теорию империализма**, в частности его главный вывод о том, что монополистический капитализм — это высшая и последняя стадия в развитии капитализма, а значит, поставил под сомнение все прежние разговоры об общем кризисе капитализма, его загнивании и скорой гибели. Из этого авторского заключения логически вытекал следующий вывод: если капитализм не исчерпал возможностей для своего развития, то, следовательно, нет никаких материальных условий для перехода к другой, более высокой стадии общественного развития — социализму, а значит, **Октябрьская революция** не была и не могла быть социалистической и рассчитывать на победу социализма над капитализмом в ближайшем обозримом будущем не приходится.

Одновременно на волне нового этапа экономических реформ, в 1987 г. появляются публицистические статьи ряд видных либеральных философов и экономистов, в том числе профессоров В.И. Селюнина и Г.И. Ханина «Лукавая цифра» («Новый мир» № 2), Г.Х. Попова «С точки зрения экономиста» («Наука и жизнь» № 4), Н.П. Шмелева «Авансы и долги» («Новый мир» № 6), И.М. Клямкина «Какая улица ведет к храму» («Новый мир» № 11) и ряд других. Главный смысл всех этих публикаций состоял в том, что: 1) тот исторический путь, по которому советское государство пошло в начале 1930-х гг. оказался тупиковым и необходимо вернуться назад, к той исторической развилке, откуда был сделан неверный поворот; 2) в годы сталинизма в стране была создана командно-административная система, которая исчерпала свой исторический ресурс; 3) необходимо вновь свернуть на столбовую дорожку развития всей человеческой цивилизации и признать общечеловеческую ценность основных принципов рыночной экономики и объективных законов экономического развития всех стран.

В январе 1988 г. было опубликовано постановление Политбюро ЦК о создании при ЦК КПСС Комиссии «По реабилитации жертв политических репрессий конца 1930-х годов», а затем, в июле 1988 г., вышло новое Постановление Политбюро ЦК КПСС «О дополнительных мерах по завершении работы, связанной с реабилитацией необоснованно репрессированных в 1930—1940-е годы и начале 1950-х годов», которые дали мощный старт новой истерии, связанной с разнузданной и во многом лживой критикой сталинизма. При этом вполне сознательная ложь и клевета была направлена теперь не только против И.В. Сталина и Л.П. Берия, но и против всех членов тогдашнего политического руководства страны — В.М. Молотова, К.Е. Ворошилова, М.И. Калинина, Л.М. Кагановича, А.А. Жданова, Г.М. Маленкова, М.А. Суслова и многих других. Именно тогда на страницах многих либеральных газет и журналов стали появляться низкопробные и гнусные статьи Р.А. Медведева, Ю.С. Семенова, А.В. Антонова-Овсеенко и других идеологических «прорабов перестройки».

Одновременно процесс развенчания сталинского культа и созданного им «казарменного социализма» стал разворачиваться «снизу». Учрежденное рядом творче-

ских организаций историко-просветительское общество «Мемориал», объединившее в своих рядах отпетых либеральных диссидентов и патологических русофобов (**А.Д. Сахаров, С.А. Ковалев, Л.А. Пономарев, А.В. Рогинский**), прикрываясь лживыми лозунгами содействия полной реабилитации жертв политических репрессий, оказания им помощи, восстановления исторической правды о сталинской эпохе, занялось откровенной подрывной деятельностью против основ советского государственного и общественного строя.

Конечно, все происходящее крайне неоднозначно оценивалось широким общественным сознанием, так как под лозунгом «возрождения ленинского облика социализма» в средствах массовой информации развернулась совершенно разнузданная кампания по дискредитации прошлого нашей страны, в которой начинается критика самих идеологических основ и ценностей социализма. На страницах ряда периодических изданий, в частности «Огонька», «Московских новостей», «Недели», «Московского комсомольца» и других, ликвидация «белых пятен» в истории страны постепенно стала превращаться в закрашивание черной краской целых исторических периодов страны. При этом с понятием «сталинизм» все чаще начинают ассоциировать все политические процессы, происходившее в стране в 1920–1950-х гг., и ставить под сомнение сам социалистический характер советского общественного строя.

2. Зарождение политической оппозиции

Еще в годы «хрущевской оттепели» в нашей стране зародилось диссидентское движение и, хотя его ряды постепенно расширялись, по оценкам самих лидеров этого движения (**В. Буковский**), оно вряд ли насчитывало более 10 000 человек. При этом активная, деятельная часть диссидентов была и того малочисленнее, и насчитывала не более 600–700 человек.

После того, как в декабре 1986 г. Политбюро ЦК и лично **М.С. Горбачев** приняли решение о возвращении из «горьковской ссылки» академика **А.Д. Сахарова**, в стране была проведена крупная политическая амнистия. Однако, как верно заметили ряд авторов (**А. Шубин**), «освобождение диссидентов стало началом конца этого движения, поскольку многие из них, устав от борьбы», либо отошли от активной политической деятельности, либо эмигрировали, и лишь единицы продолжили свою политическую борьбу. Между тем «архитекторам» перестройки нужна была мощная армия своих «хунвейбинов», способных задавить любых противников перестройки, поэтому в условиях разгрома диссидентского движения требовалось срочно создать новую «оппозицию» своими собственными руками. Именно поэтому в политическом лексиконе вскоре появился совершенно неизвестный для обывательского большинства термин «неформалы».

Еще в мае 1986 г. был принят союзный закон «О порядке создания любительских объединений и клубов по интересам», а уже в сентябре 1986 г. в Москве на базе детского клуба «Наш Арбат» возник «Клуб социальных инициатив», который стал одним из первых очагов консолидации неформалов в столице. Сопредседателями этого «Клуба» стали ранее совершенно неизвестные между собой люди — **Г.Л. Пельман, Б.Ю. Кагарлицкий, М.В. Малютин и Г.О. Павловский**, которых кто-то очень быстро и с вполне определенной целью познакомили и сдружили. Обстоятельства возник-

новения этой «конторы» до сих пор покрыты тайной, и можно лишь отметить тот факт, что она была организована «по инициативе молодых ученых **Центрального экономико-математического института АН СССР**». Впоследствии этот клуб несколько раз менял своих учредителей, пока в **октябре 1987 г.** он не был зарегистрирован при **Советской социологической ассоциации**, которую в **1986 г.** возглавила академик **Т.И. Заславская**.

В связи с вышесказанным заслуживает особого внимания один любопытный факт: по свидетельству тогдашнего первого заместителя председателя **КГБ СССР** генерала армии **Ф.Д. Бобкова**, еще в **конце 1960-х гг.** по указанию **Ю.В. Андропова** в **Институте социологии АН СССР** был создан закрытый сектор **5-го Управления КГБ СССР**, целиком состоящий из офицеров госбезопасности, на базе которого затем «развивался и рос сам этот институт». Это признание представляет особый интерес, если учесть, какую роль в подготовке и реализации политики «перестройки» играла **Советская социологическая ассоциация**. Очевидно, что «социологи» из **КГБ** имели не только полную информацию о том, что происходило в этой ассоциации, но и могли оказывать влияние на ее деятельность.

Уже в **октябре 1986 г.** «**Клуб социальных инициатив**» провел первое свое мероприятие — обсуждение проекта Закона «О кооперации», куда были приглашены видные советские ученые, в том числе члены **Советской социологической ассоциации** — **Т.И. Заславская** и **Л.А. Гордон**, которые и стали патронировать этот клуб. Кроме того, одним из «теневых» центров, направлявших работу этого клуба, стала квартира известного либерального историка **М.Я. Гефтера**, которую посещали ряд «партийных диссидентов», в том числе бывшие крупные комсомольские работники и члены редколлегии журнала «**Коммунист**» **Л.В. Карпинский** и **Ю.Н. Афанасьев**.

Сам по себе факт посещения **Ю.Н. Афанасьевым** этих посиделок не представлял бы особого интереса, если бы не одно обстоятельство: он стал участником этих встреч не сам по себе, а «в качестве связного от помощника генсека **А.С. Черняева**», за которым стоял никто иной, как новоявленный зав. **Агитпропом ЦК** и **секретарь ЦК** по пропаганде **А.Н. Яковлев**. Когда именно **Ю.Н. Афанасьев** познакомился с **А.С. Черняевым** не вполне ясно, но до **марта 1986 г.** они оба входили в состав редколлегии журнала «**Коммунист**» и по свидетельству помощника генсека «были близки до перестройки и в начале ее», когда тот ходил к нему за поддержкой, а сам **М.С. Горбачев** «поначалу его очень ценил». После того, как у **Ю.Н. Афанасьева** возникли трения с новым главным редактором журнала «**Коммунист**» академиком **И.Т. Фроловым**, именно **А.С. Черняев** убедил секретаря ЦК **М.В. Зимянина**, который курировал все высшие учебные заведения страны, переместить его на пост ректора **Московского Историко-архивного института**.

Все эти обстоятельства дают основание думать, что именно через **Ю.Н. Афанасьева** деятельность «**Клуба социальных инициатив**» если и не направлялась со **Старой площади**, где располагалось здание ЦК, то, по крайней мере, согласовывалась с ней. Более того, по мнению ряда авторов (**А. Шубин**, **А. Островский**), именно на посиделках в «штабной квартире» **М.Я. Гефтера** «обкатывались» все основные вопросы, интересовавшие либеральное крыло в **Политбюро**, включая самого **М.С. Горбачева**.

На **рубеже 1986—1987 гг.** возникла очередная либеральная «тусовка», которая объединила ряд молодых и очень амбициозных экономистов из **Ленинграда**, **Москвы** и **Новосибирска**. В состав этой «тусовки» вошли три основных группировки:

«московско-питерская» (Е.Т. Гайдар, П.О. Авен, А.Р. Кох, А.Б. Чубайс), «новосибирская» (В.М. Широнин, С.Г. Кордонский) и «госплановская» (В.А. Найшуль). Во время работы этой «школы молодых экономистов и социологов» появилась идея создания «клуба профессионального общения и работы на перестройку», которая тут же получила всемерную поддержку со стороны МГК КПСС (Б.Н. Ельцин) и ЛОК КПСС (Ю.Ф. Соловьев), в результате чего уже в апреле-июле 1987 г. в Москве и Ленинграде возникли два дискуссионных клуба под одноименным названием «Перестройка». Причем, по утверждению целого ряда хорошо осведомленных авторов (А. Шубин, Г. Павловский), обе «Перестройки» проектировались как вполне открытые клубы, за которым стоял «Клуб социальных инициатив как управляющая ложа». Основной базой московского клуба «Перестройка» стал Центральный экономико-математический институт АН СССР во главе с академиком В.Л. Макаровым, который лично курировал А.Н. Яковлев, а его доверенным лицом в этом клубе был Е.Т. Гайдар, входивший в состав редколлегии журнала «Коммунист».

В 1987 г. возглавляемая еще одним академиком-экономистом А.Г. Аганбегяном редакция журнала «ЭКО», которая наиболее активно пропагандировала новые идеи в экономике, стала создавать в ряде крупных городов страны клубы своих читателей, которые стали еще одной формой объединения советских «неформалов». В июне 1987 г. на Пленуме ЦК Первый секретарь Ленинградского обкома Ю.Ф. Соловьев, непосвященный во все эти закулисные интриги, выразил искреннее беспокойство по поводу возникновения неформальных объединений в стране, однако тогда на его беспокойство никто не отреагировал. В конце сентября 1987 г. этот вопрос вновь был поднят на заседании Политбюро, но тогдашний председатель КГБ СССР генерал армии В.М. Чебриков успокоил всех товарищей, заявив им, что «образование неформальных общественных организации — это закономерный процесс».

Понять спокойствие шефа тайной полиции страны, в общем-то, было нетрудно, поскольку начало этому «закономерному процессу» было положено «письмом одного из руководителей партии» в адрес руководства КГБ СССР с просьбой дать рекомендации, кого можно выдвинуть на перспективу в качестве «демократов». Естественно на Лубянке такой список быстро составили и включили в него «около тысячи имен», которых сами генералы спецслужб характеризовали как «бросовую агентуру». Разумеется, было бы неверно зачислять в агентуру спецслужб всех неформалов 1980-х гг., точно так же неверно было бы видеть во всех социологах офицеров 5-го Управления КГБ. Однако есть все основания думать, что Агитпроп ЦК КПСС, который тогда возглавил А.Н. Яковлев, и КГБ СССР во главе с В.М. Чебриковым играли важную роль в организации неформального движения, а затем и «демократической оппозиции» в стране.

В августе 1987 г. в Москве в Доме культуры «Новатор» под эгидой двух райкомов партии была проведена «встреча-диалог» «Общественные инициативы в перестройке», в которой приняли участие более 300 человек, представлявшие 50 клубов из 12 городов страны. Организатором этой встречи был «Клуб социальных инициатив», а в кулуарах самой встречи поговаривали, что она «курируется лично А.Н. Яковлевым». Из числа участников этой встречи известны такие персонажи, как Б.Ю. Кагарлицкий, В.А. Гурболиков, А.К. Исаев, В.А. Золотарев, В.И. Новодворская, П.М. Кудюкин, М.В. Малютин, С.Б. Станкевич, Г.О. Павловский, Г.Л. Пельман

и другие неформалы из студенческой и научной среды. Несмотря на то, что во время этой встречи звучали различные радикальные предложения, в частности идея **В.И. Новодворской** провозгласить это сборище новым **Учредительным Собранием**, фактически этот форум закончилась ничем, и первая попытка объединить неформальные организации страны оказалась неудачной.

Важную роль в дальнейшем развитии неформального движения в стране сыграла **Комиссия по проблемам самостоятельных объединений, клубов и инициативных групп**, которая была создана **осенью 1987 г.** при **Советской социологической ассоциации** во главе с бывшим комсомольским работником, директором **НИИ Культуры В.Б. Чурбановым**, имевший прямой «доступ к определенным лицам в ЦК КПСС, в том числе к **А.Н. Яковлеву**».

Между тем, из всех оппозиционных группировок, действовавших в Советском Союзе к началу перестройки, самой многочисленной и лучше всех организованной был знаменитый **Народно-трудовой союз (НТС)**, который к тому же имел за границей собственную издательскую базу и три журнала — «**Встречи**», «**Грани**» и «**Посев**». По данным спецслужб, к **середине 1980-х гг.** в «молекулах» **НТС** насчитывалось около **2000 человек**, которые действовали во многих городах страны. Казалось бы, именно **НТС** мог стать ядром всей оппозиции, однако, никаких директив на этот счет не поступало. А между тем, имеются достоверные сведения о том, что зарубежные спецслужбы сразу обратили внимание именно на неформальные объединения и начали работать с их лидерами уже в **1985—1986 гг.**, что позволило позднее продвинуть своих людей в органы государственного управления России «на весьма высоком уровне». Среди этих сотрудников, плотно опекавших доморощенных неформалов в столице, были и два «вторых секретаря политического отдела посольства США в Москве **С. Вагнер** и **Р. Стефенсон**».

3. Сокрушение идеологических основ советского общества

Чтобы обеспечить успех политике «перестройки» и сделать ее необратимой, требовалось радикально изменить отношение советских людей к прежним идейным ценностям. А совершить эту «революцию в умах» можно было только с помощью прессы. Поэтому вся **вторая половина 1980-х гг.** характеризовалась редким издательским бумом, которому во многом способствовала отмена лимитов тиражей периодических изданий, принятое специальным **Постановлением ЦК**. Достаточно сказать, что именно в эти годы тираж многих либеральных изданий, поливавших помоями и грязью всю советскую историю, вырос до заоблачных размеров, например, у вполне заурядной партийной газетенки «**Аргументы и факты**», которой руководил **В.А. Старков**, тираж за три года вырос **1,4 млн до 9,2 млн экземпляров**.

Используя этот взрыв читательского интереса и умело направляя его, руководство партии в **начале 1988 г.** развернуло открытую кампанию по идеологическому перевооружению советского общества. Важную роль в этой кампании сыграла серия статей о теневой экономике. Если в **1985—1986 гг.** в печати появляются и постепенно распространяются публикации об отдельных злоупотреблениях власти и в сознание людей вбрасывается идея о сращивании власти и криминала как частном явлении, то уже в **1987—1988 гг.** открыто поднимается вопрос о существовании советской мафии.

Одна из первых публикаций на эту тему появилась в **январе 1988 г.**, когда центральный орган партии газета **«Правда»** напечатала статью **Г.М. Овчаренко «Кобры над золотом»**. С этого момента тема советской мафии постепенно раскручивается и приобретает такой же характер, как и тема сталинизма. Более того, жертвой этой кампании стали многие невинные жертвы, в том числе бывший брежневский зять, первый заместитель министра внутренних дел СССР генерал-полковник **Ю.М. Чурбанов**, который по личному указанию **М.С. Горбачева** был осужден на **12 лет** лишения свободы.

По информации ряда хорошо осведомленных авторов (**Р. Медведев**), имевших тесные контакты с окружением **М.С. Горбачева**, первоначально предполагалось начать пересмотр открытых процессов сталинской эпохи сразу после завершения помпезных торжеств, посвященных юбилею **Великого Октября**. Однако затем было решено отложить эту политическую акцию до поездки **М.С. Горбачева** в **Вашингтон**, и лишь в **начале 1988 г.** началась новая волна реабилитации жертв политических репрессий. Первыми были реабилитированы лидер «правых уклонистов» **Н.И. Бухарин** и его ближайшие поделчики **А.И. Рыков**, **М.П. Томский** и **Н.Н. Угланов**, а затем в **июне 1988 г.** все обвинения уголовного характера были сняты и с лидеров «объединенной левой оппозиции» — **Л.Д. Троцкого**, **Г.Е. Зиновьева**, **Л.Б. Каменева** и других.

После того, как активно заработала **Комиссия по реабилитации**, где первую скрипку стал играть **А.Н. Яковлев**, в печать буквально хлынул поток новых материалов о сталинских репрессиях. Первоначально **М.С. Горбачев** и его идеологические сатрапы пошли по пути, проторенному **Н.С. Хрущевым**, разоблачавшего **И.В. Сталина** под лозунгом возвращения к **В.И. Ленину** и очищения ленинизма от сталинских извращений.

В связи с этим обстоятельством в периодической печати началось очень активное обсуждение проблемы «термидорианского переворота». Насколько удалось установить, первым эту проблему еще в **октябре 1987 г.** поднял господин **Л.В. Карпинский**, а затем, в **январе 1988 г.** ее коснулся вполне заурядный публицист **А.А. Нуйкин**, опубликовавший в **«Новом мире»** свою статью **«Идеалы или интересы»**. Затем эта проблема была специально рассмотрена в публикации **В.В. Кавторина** и **В.В. Чубинского «Роман и история»**, увидевшая свет в **марте 1988 г.** в ленинградском журнале **«Нева»**. Начав свой опус с обсуждения романа **А.Н. Рыбакова «Дети Арбата»**, они сразу перешли к проблеме сталинизма, поставив перед собою задачу, понять его происхождение. В ходе этого довольно сумбурного и бездоказательного «рассуждения» они высказали мысль, что **1937 г.** «по своей сути был государственным переворотом», который **Ф.Э. Дзержинский** предсказал еще в **1926 г.** в одном из своих частных писем к **В.В. Куйбышеву**.

Затем, в **июле 1988 г.**, подобная публикация появилась на страницах **«Правды»**, где **Ю.Н. Афанасьев** заявил, что «не считает созданное у нас общество социалистическим» и полагает, что необходимо выработать новую тактику, «чтобы заново вырулить на социалистическую дорогу». Эта точка зрения сразу же была поддержана и другими либеральными авторами, в частности вездесущей «академической дамой» **Т.И. Заславской**, которая заявила, что в советском обществе «причудливо смешались элементы общества, переходящего от капитализма к социализму, азиатской деспотии, государственно-монополистического капитализма, а может быть,

и каких-то иных типов общества». А далее она поставила собственный «диагноз» перестройке как «второй революции социалистического типа».

Тем временем, в **январе — апреле 1988 г.**, журнал «**Октябрь**» опубликовал уже получивший к тому времени известность роман **В.С. Гроссмана «Жизнь и судьба»**, которому сразу же была сделана громкая реклама. Главная причина этой рекламы заключалась отнюдь не в художественных достоинствах данного романа, а в том, что его автор поставил вопрос о родстве сталинизма и фашизма. Таким образом, еще не утихли страсти вокруг «**Белых одежд**» **В.Д. Дудинцев** и «**Детей Арбата**» **А.Н. Рыбакова**, как в **Агитпропе ЦК** уже начали готовить новый идеологический залп. Это дает основание думать, что обсуждение данной темы с самого начала рассматривалось идеологами партии лишь как подготовка к тому, чтобы поставить в сознании советских людей сталинизм на одну доску с гитлеризмом.

Позднее на страницах этого журнала увидели свет запрещенные советской цензурой «**Реквием**» **А.А. Ахматовой**, «**Адам и Ева**» **М.А. Булгакова**, «**Самоубийство**» **М.А. Алданова**, «**Псалом**» **Ф.Н. Горенштейна**, «**Революция! Революция! Революция!**» **В.Ф. Тендрякова**, а так же явно провокационная и низкопробная «историческая фантазия» **Д.А. Волкогонова «Триумф и трагедия: политический портрет И.В. Сталина»**. Все эти публикации, особенно роман **В.С. Гроссмана «Жизнь и судьба»** и русофобская книжонка **А.Д. Синявского «Прогулки с Пушкиным»**, вынудили руководство **Союза Писателей РСФСР** во главе с выдающимся советским поэтом и общественным деятелем **С.В. Михалковым** поставить принципиальный вопрос об отставке **А.А. Ананьева** с поста главного редактора этого журнала. Однако благодаря активной поддержке со стороны **Агитпропа ЦК** и либеральной общественности в лице **Д.С. Лихачева**, **А.Д. Сахарова**, **А.Г. Шнитке**, **О.Н. Ефремова**, **М.А. Захарова** и других, подписавших письмо в защиту журнала, **А.А. Ананьев** сохранил свой пост и продолжил русофобскую линию журнала.

Пока советские читатели знакомились с романом **В.С. Гроссмана**, грянула очередная громкая сенсация. В **конце сентября 1988 г.** на страницах «**Литературной газеты**» член ее редколлегии, заштатный писатель и публицист **О.П. Мороз** опубликовал совершенно клеветническую статью, в которой заявил, что известный русский психиатр академик **В.М. Бехтерев** был отравлен после того, как поставил **И.В. Сталину** диагноз паранойя.

Прошло совсем немного времени и на страницах центральной печати появилась еще одна сенсационная версия о связях **И.В. Сталина** с царской охранкой. Впервые буквально вскользь эта тема была затронута в **августе 1987 г.** в интервью историка **М.Я. Гефтера** диссиденту **Г.О. Павловскому**, которые, как известно, были членами одного «клуба посвященных». Затем, **весной 1988 г.**, по рукам стал ходить откровенная фальшивка — «**Письмо**» жандармского полковник **А.И. Еремина**, из которого явствовало, будто бы **И.В. Сталин** являлся агентом царской охранки. Следующий шаг в дискредитации вождя был уже сделан в **октябре 1988 г.**, когда профессор **МГИМО Д.Ф. Волков** огласил названное письмо на **Учредительной конференции общества «Мемориал»**. А в **ноябре** увидела свет повесть **А.М. Адамовича «Каратели»**, в которой инспирированная партийными диссидентами-аппаратчиками версия о связях **И.В. Сталина** с царской охранкой была запущена в массовое сознание.

Одурманенная публика еще только-только переваривала эти две сенсации, а уже в **конце ноября 1988 г.** «**Московские новости**» опубликовали статью **Р.А. Мед-**

ведева «Наш иск Сталину», в которой без всяких доказательств утверждалось, что жертвами сталинских репрессии стали более **25 млн советских граждан**, из которых почти половина «погибли или были убиты». Между тем, замыслы организаторов этой разнузданной клеветнической кампании шли еще дальше. Уже в **марте — июне 1988 г.** рижский журнал «Родник» опубликовал сказку-притчу **Дж. Оруэлла «Скотный двор»**, в которой автор подводил читателя к выводу о том, что мир, в котором мы живем, — это огромный скотный двор, но вырваться из него мы не способны, так как скоты обречены на то, чтобы оставаться скотами всю свою жизнь.

Едва закончилась публикация романа **В.С. Гроссмана «Жизнь и судьба»**, как в свет вышел майский номер журнала «Новый мир» со статьей **В.И. Селюнина «Истоки»**, в которой советское общество рассматривалось как социалистическое общество, а все его пороки, прежде всего внеэкономическое принуждение, характеризовались как внутренняя сущность самого социализма. Таким образом, автор подводил читателей к мысли о том, что истоки сталинизма следует искать не в скверном характере вождя, а в сущности самой социалистической теории.

Этой теме был посвящен и знаменитый роман **Е.И. Замятина «Мы»**, который в **апреле — мае 1988 г.** опубликовал журнал «Знамя», редактором которого был еще один записной либерал, тов. **Г.Я. Бакланов**. Написанный в жанре фантастики, это роман рисовал социалистическое общество как большую тюрьму, что, по сути, роднило его с предельно лживым романом **А.И. Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ»**, который тогда все еще был запрещен к публикации советской цензурой.

Однако уже в **апреле 1988 г.** редактор «Нового мира» **С.П. Залыгин** вновь заявил, что в ближайшее время возглавляемый им журнал приступит к публикации произведений **А.И. Солженицына**. На этот раз никто не стал опровергать его заявление, и более того, директор русского зарубежного издательства **ИМКА Пресс Н.А. Струве** подтвердил, что «Новый мир» действительно планирует публикацию произведений **А.И. Солженицына**. В **июле С.П. Залыгин** направил ему телеграмму с просьбой дать согласие на публикацию его произведений в СССР и предложил начать с «**Ракового корпуса**». Однако **А.И. Солженицын**, ответив согласием, поставил условие, что такую публикацию надо начать с «**Архипелага ГУЛАГ**».

Пока в верхах решался этот вопрос, в **августе 1988 г.** на страницах «**Московских новостей**» появилась статья **Л.А. Воскресенского «Здравствуйте, Иван Денисович!»**, а «**Книжное обозрение**» опубликовало статью **Е.К. Чуковской «Вернуть Солженицыну гражданство СССР»**. После этих публикаций новый глава Союза кинематографистов СССР **А.С. Смирнов** официально направил в Президиум Верховного Совета СССР предложение о его восстановлении в гражданстве. Однако, обсудив поставленный вопрос, два секретаря ЦК **В.М. Чебриков** и **В.А. Медведев** представили в ЦК КПСС записку, в которой высказались против реабилитации **А.И. Солженицына**. В **октябре 1988 г.** этот вопрос был вынесен на рассмотрение Политбюро, но вокруг него разгорелись настолько горячие споры, что никакого решения принять не удалось.

В связи с этим обстоятельством, с одной стороны, **С.П. Залыгину** было предложено задержать публикацию «**Архипелага ГУЛАГ**», а с другой стороны, было дано добро на неофициальное чествование **А.И. Солженицына** по случаю его **70-летнего юбилея**, которые состоялись в ряде творческих союзов страны. И хотя публикацию «**Архипелага ГУЛАГ**» удалось задержать, идеологическая атака на советскую систему продолжала идти по нарастающей, что прямо зафиксировал в своем дневнике гор-

бачевский помощник **А.С. Черняев**: «каждый день читаю где-нибудь о разрушении догм и принципов... В каждом номере серьезных журналов идет повальное разрушение столпов, на которых строился весь официальный «марксизм-ленинизм».

Когда установка о том, что сталинский социализм — это фашизм прочно вошла в сознание советских граждан, в их умы стала ускоренно внедряться новая установка о том, что **И.В. Сталин** является самым верным учеником и продолжателем дела **В.И. Ленина** и **К. Маркса**. Уже в начале ноября 1988 г. в журнале «**Огонек**» известный страж «ленинизма», драматург **М.Ф. Шатров**, сделавший себе головокружительную карьеру на конъюнктурный пьесках «**Так победим**» (1982), «**Диктатура совести**» (1986) и «**Брестский мир**» (1987), быстро перестроился и уже выступил против прежнего «обожествления **В.И. Ленина** и революции».

Еще дальше в этом отношении пошел очередной партийный аппаратчик-диссидент, сотрудник **Международного отдела ЦК** профессор **А.С. Ципко**, опубликовавший на рубеже 1988—1989 гг. в журнале «**Наука и жизнь**» свою статью «**Истоки сталинизма**». По признанию самого автора эта статья была создана им по заданию секретаря **ЦК** по идеологии **В.А. Медведева**, который попросил его написать «аналитический текст о тех сторонах учения **К. Маркса** о коммунизме, которые не оправдались на практике». А затем аналогичную «просьбу» повторил еще и тов. **А.Н. Яковлев**, который вообще заявил ему, что «настало время сказать, что марксизм с самого начала был утопичен и ошибочен».

Одна из важнейших идей этой провокационной статьи заключалась в утверждении того, что «сталинизм» — это «разновидность левого экстремизма», а «истоки сталинизма лежат в традициях русского левого радикализма», который был характерен для всего революционного движения в России. И хотя, сам **А.С. Ципко** не писал об этом прямо, из всей его статьи вытекало, что принципиальной разницы между **И.В. Сталиным** и **В.И. Лениным** не существует. Более того, в конце своей статьи он сформулировал вывод о том, что «**И.В. Сталин** как личность сформировался в марксистской среде» и в «целом никогда не выходил за рамки азбучных истин марксизма», а поэтому «и его мышление, и его представления о социализме были типичными для марксистов того времени». Таким образом, в общественное сознание начинает активно внедряться мысль, что сталинские преступления — это неизбежное следствие самого марксистского учения и самой социалистической системы.

Характеризуя значение этой публикации, горбачевский помощник **А.С. Черняев** позднее откровенно писал, что «со знаменитых статей **А. Ципко** полным ходом развернулся демонтаж ленинизма, во всяком случае, марксизма-ленинизма». А уже в начале апреля 1989 г. он сделал восторженную запись в своем дневнике: «прочитал в «**Коммунисте**» статью некоего **А. Панарина** «**Диалектика гуманизма**». Это — отмена марксизма-ленинизма как идеологии!». И эти цинично-восторженные перлы писал ни кто-нибудь, а помощник **Генерального секретаря КПСС**, который продолжал носить в своем кармане партийный билет!

В результате всех этих публикаций, уже с начала 1989 г. начинается целенаправленное охаивание **Великой Октябрьской социалистической революции**. И хотя в бурные революционные годы действительно было много различных нераскрытых и темных сторон, однако главный смысл всей этой писанины сводился не к тому, чтобы создать многоцветную картину тех лет, а к тому, чтобы дискредитировать

самую идею революционной борьбы и вылить очередной ушат грязи на советскую историю.

Незаметно до этих событий по указке **А.Н. Яковлева и Ко** в недрах **ЦК** был разработан проект либерального закона о печати, который предусматривал полный отказ государства и партии от монополии на издательскую деятельность и отмену предварительной цензуры, что по существу означало полный отказ правящей партии от монополии на идеологию. Однако на самом деле большинство средств массовой информации все больше и больше стали играть только в одни ворота. По утверждению хорошо осведомленного во всей этой кухне журналиста **М.Н. Полторанина**, самой строгой цензуре подвергались самые «свободные» издания, в частности газета «**Московские новости**» и журнал «**Огонек**». Главные редакторы этих светочей демократической прессы — **Е.В. Яковлев** и **В.А. Коротич** брали с собой все статьи очередного номера и ехали с этой папочкой к самому **А.Н. Яковлеву**, который эту папочку внимательно просматривал и давал прямую установку, что печатать, а что нет. Например, писать о расстреле польских военнопленных в **Катыни** было можно и даже нужно, а о зверствах белополяков в годы **Гражданской войны** — нельзя и т.д.

Когда для дискредитации **И.В. Сталина** и сталинизма было сделано все возможное и невозможное, началось отождествление сталинизма и ленинизма. Наиболее последовательно и открыто эта идея была воплощена в повести все того же **В.С. Гроссмана** «**Все течет**», которая была опубликована в **июне 1989 г.** на страницах журнала «**Октябрь**». Эта публикация была отнюдь неслучайной, поскольку именно в то время, когда журнал «**Октябрь**» готовил повесть **В.С. Гроссмана** к печати, полным ходом шла подготовка к публикации всех знаковых и на шумевших сочинений **А.И. Солженицына**.

В **апреле 1989 г.** видный «прораб перестройки» **С.П. Зальгин** заявил, что в седьмом номере «**Нового мира**» будет опубликована «**Нобелевская лекция**» **А.И. Солженицына**, с восьмого номера начнется публикация его «**Архипелага ГУЛАГ**», а уже в **начале июня** оба номера этого журнала были подписаны к печати и сданы в набор. В результате вопрос об этих публикациях возник на заседании **Политбюро ЦК**, где глава **Идеологической комиссии** **В.А. Медведев** предложил не мушкетировать эту проблему и «отдать ее на откуп» **Союзу Писателей СССР**, чтобы «инженеры человеческих душ» сами решили судьбу **А.И. Солженицына** и его произведений, после чего **М.С. Горбачев** единолично снял данный вопрос с обсуждения. А уже на следующий день **Секретариат Союза Писателей СССР** дал добро на публикацию бездарных солженицынских фальшивок.

Таким образом, был дан старт публикации самых злобных, лживых и кощунственных произведений, в которых все советское государство с момента своего возникновения называлось огромным концлагерем, во главе которого стояли сплошь и рядом кровожадные убийцы и палачи. В доказательство своих слов, **А.И. Солженицын** лживо утверждал, что при **И.В. Сталине** в советских концлагерях находилось около **15–20 млн человек**, и по **1 млн** советских граждан расстреливалось ежегодно. В результате сорок лет существования советской власти унесли **110 млн** человеческих жизней, из которых **66 млн** были замучены и убиты в концлагерях, остальные **44 млн** пали на полях **Гражданской** и **Великой Отечественной войн!**

И хотя, эти цифры были самой настоящей и чудовищной фальсификацией, о чем прекрасно знали все, в том числе сам **М.С. Горбачев**, **А.Н. Яковлев** и их «при-

слуга» от исторической науки, типа профессора **В.П. Наумова**, они сознательно были запущены в «научный» и общественный оборот, чтобы окончательно добить сталинизм, а вместе с ним и всю систему советской власти в стране. Это значит, что **руководство партии стало сознательно переходить от объявленного реформирования советской системы к ее полному разрушению.**

Тогда же, в **октябре 1989 г.**, в виде отдельной статьи под названием **«Читая Ленина»** появился фрагмент из книги известного русского писателя **В.А. Солоухина «Последняя ступень»**, в которой автор обвинял вождя революции и возглавляемую им партию большевиков в том, что, захватив государственную власть, они «ввели в стране оккупационный режим» и положили начало массовому геноциду русского народа. Но более важным была даже не сама статья, а то обстоятельство, что перепечатанная из эмигрантского **«Посева»**, она появилась не в каком-нибудь диссидентском издании, а в журнале, на обложке которого значилось: **«Издание газеты «Правда», «Ордена Ленина и ордена Октябрьской революции типография имени В.И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда».**

Разумеется, данная статья была опубликована под рубрикой «полемика» и сопровождалась критическими возражениями под названием **«Куда идет суд»**. Но это была лишь дымовая завеса, имеющая своей целью продемонстрировать, что главное партийное издание выше бушующих в стране политических страстей. Именно так, по-иезуитски, сразу после **I Съезда народных депутатов СССР**, руководимые партией средства массовой информации открыли бешеный огонь теперь уже по **В.И. Ленину** и всей советской системе. А все это, по утверждению все того же помощника генсека, тов. **А.С. Черняева**, дало мощный импульс к превращению критики «деформаций социализма и отступлений от **Ленина** в обвальное развенчание всего марксизма-ленинизма как идеологии, теории и практики строительства социализма, и положило начало отторжению социалистического строя вообще».

О том, что это была хорошо продуманная политическая линия, зримо свидетельствует следующий факт: в **конце августа 1989 г. Госкомитет по народному образованию СССР**, который возглавлял еще один горбачевский ставленник **Г.А. Ягодин**, издал приказ **«О перестройке преподавания общественных наук в высших учебных заведениях»**. Этим приказом вместо «марксистско-ленинской философии» вводилась просто «философия», вместо «марксистско-ленинской политэкономии» — «политическая экономия», вместо «научного коммунизма» — «проблемы теории современного социализма», а вместо «истории КПСС» — «социально-политическая история XX века». По существу, это было равнозначно отделению партии от государства, поскольку сама партия начала наступление на ту идеологию, которую она еще недавно исповедовала и от которой еще до конца не отказалось. Фактически это было «идеологическое хакири». Причем, вдогонку к этому «хакири», уже в **сентябре 1989 г. «Новый мир»** опубликовал статью **В.Н. Тростникова «Научна ли научная картина мира»**, автор которой поставил под сомнение не только дарвиновскую теорию происхождения человека, не только теорию эволюции, но и вообще возможность познания мира без божественного откровения.

В **ноябре 1989 г. А.С. Черняев** направил своему патрону письмо, в котором прямо писал, что «речь сейчас пойдет уже не просто о развитии концепции перестройки, а о смене теоретических основ нашей политики и общественного развития, о новом скачке в истории социалистической мысли принципиального значения,

о диалектическом преодолении **В. Ленина**». Есть основания предполагать, что программу этого этапа перестройки **М.С. Горбачев** собирался обнародовать уже в **конце 1989 г.**, однако, вернувшись в **Москву** с очередного заграничного турне, он не решился предпринять столь рискованный шаг и окончательно отстранить партию от власти. Неслучайно в новом письме своему патрону **А.С. Черняев** писал: «могу понять ваши опасения, начнется погром райкомов и обкомов, изъятие у них партийного имущества... **Политбюро** потеряет легальное право быть на деле властвующим верховным органом, но ведь это неизбежно».

Логическим следствием этого процесса стала инициатива народного депутата РСФСР **В.П. Миронова**, который в **июне 1990 г.** предложил вынести на обсуждение **Верховного Совета РСФСР** постановление «**Об исторической и правовой оценке насильственного свержения законного правительства демократической Российской Республики в октябре 1917 г. и о роли в этих событиях партии большевиков во главе с В.И. Лениным**». Параллельно с процессом «развенчания ленинизма» началась активная публикация известных философских работ, принадлежащих перу **В.С. Соловьева, Г.П. Федотова, П.А. Сорокина, В.В. Розанова, И.А. Ильина** и других выдающихся русских религиозных мыслителей, которые, как известно, были активными противниками большевизма. Кроме того, в начале **1990 г.** был переиздан антибольшевистский сборник «**Из глубины**» (**1918**), авторами которого были **П.Б. Струве, С.Л. Франк, С.Н. Булгаков, Н.А. Бердяев, А.С. Изгоев** и другие бывшие «легальные марксисты», а чуть позже был переиздан не менее знаменитый сборник «**Вехи**» (**1909**), созданный теми же авторами.

Своеобразным противовесом этой разнузданной вакханалии, учиненной либеральными изданиями, напрямую руководимыми **А.Н. Яковлевым и Ко**, стали русские патриотические издания, в частности журналы «**Наш современник**», «**Молодая гвардия**» и «**Москва**», которые возглавляли крупные русские писатели и публицисты **С.В. Викулов, А.С. Иванов и М.Н. Алексеев**. На страницах этих журналов не только печатались произведения крупнейших русских советских писателей — **Ю.В. Бондарева, В.Г. Распутина, П.И. Проскурина, Ю.Н. Лошица, В.Н. Крупина, Ф.А. Абрамова, А.А. Проханова, Е.А. Исаева** и других, но глубокие и очень содержательные философские и исторические работы крупнейших русских советских ученых, в частности **А.Г. Кузьмина, В.В. Кожинова, Ф.Ф. Кузнецова, И.Р. Шафаревича** и многих других.

В **марте 1990 г.** из среды именно этой части советской патриотической интеллигенции вышло знаменитое «**Письмо 74-х**», адресованное «**Президенту СССР, Верховному Совету СССР, Верховному Совету РСФСР и делегатам XXVIII Съезда КПСС**», которое было опубликовано журнале «**Наш современник**» и объявлено открытым для подписания всеми патриотами Отечества. В результате под ним поставили автографы более тысячи советских деятелей литературы, искусства и науки, в том числе **Л.М. Леонов, П.Л. Проскурин, В.Г. Распутин, Ю.И. Бондарев, А.А. Проханов, В.В. Кожинов, Ю.П. Кузнецов, В.Н. Крупин, А.Г. Кузьмин, И.Р. Шафаревич, А.С. Иванов, С.Ю. Куняев, Д.А. Жуков, М.А. Ганина** и другие.

В этом «**Письме**» совершенно справедливо утверждалось, что «под знаменами объявленной «демократизации», строительства «правового государства», под лозунгами борьбы с «фашизмом и расизмом» в нашей стране разнуздались силы общественной дестабилизации, на передний край идеологической перестройки

выдвинулись преемники откровенного расизма. Их прибежище — многомиллионные по тиражам центральные периодические издания, теле и радиоканалы, вещающие на всю страну. Происходит беспрецедентная во всей истории человечества массированная травля, шельмование и преследование представителей коренного населения страны. Совершенно тенденциозные, полные национальной нетерпимости, высокомерия и ненависти публикации «Огонька», «Советской культуры», «Комсомольской правды», «Книжного обозрения», «Московских новостей», «Известий», журналов «Октябрь», «Юность», «Знамя» и других вынуждают заключить, что пасынком нынешней «революционной перестройки» является в первую очередь русский народ. Люди русского происхождения — ежедневно, без каких-либо объективных оснований именуется в прессе «фашистами» и «расистами». Русофобия в средствах массовой информации сегодня догнала и перегнала зарубежную, заокеанскую антирусскую пропаганду. Русский человек сплошь и рядом нарекается «великодержавным шовинистом», угрожающим другим нациям и народам. Для этого лживо, глумливо переписывается история России так, что священная защита Отечества, святая героика русского патриотического чувства трактуется как «генетическая» агрессивность, самодовлеющий милитаризм. «Прогрессивная» пресса, в том числе и органы ЦК КПСС, насаждают кощунственное понятие «русского фашизма».

Особое неприятие авторов письма вызвала проводимая «передовыми» СМИ идеализация еврейского народа «как истинно интернационалистического, самого гуманного, самого талантливого, самого трудолюбивого и понесшего притом якобы наибольшие жертвы». «Не замечателен ли сам по себе факт, что фабрикация мифа о «русском фашизме» проходит на фоне стремительной реабилитации и **безоглядной идеализации сионистской идеологии**. Эта идеализация равно касается нынче и советских, и зарубежных культурных, общественных деятелей еврейского происхождения — в том числе политических деятелей фашистского государства-агрессора Израиля. Эта чисто расистская идеализация дошла ныне до игнорирования едва ли не всей мировой общественности с ее трезвыми оценками и выводами. Некритическое, слащаво-умильное, по существу — раболепное отношение к еврейству в его прошлом и настоящем, к здешнему и зарубежному, к империалистам и сионистам в том числе, оказывается, с точки зрения ведущих средств массовой информации, главным мерилом личного, общественного, даже профессионального достоинства советских людей нееврейского происхождения».

Письмо требовало «положить конец антирусской, антироссийской кампании в печати, на радио и телевидении» и завершалось следующим пассажем: «Всегда помните о национальном достоинстве великороссов, завещанном нам нашими славными предками, тысячелетней историей России, ежедневно помните, что мы, русские, — высокоталантливый, героически отважный, знающий радость осмысленного, созидательного труда, могучий духом народ. Что «русский характер», «русское сердце», бескорыстная русская преданность истине, русское чувство справедливости, сострадания, правды, наконец, — неистребимый, беззаветный русский патриотизм — все это никогда и никем не может быть изъято из сокровищницы человеческого духа».

Свою негативную лепту в промывание мозгов советских граждан внес и перестроечный кинематограф, где тоже произошли крутые перемены не в лучшую сто-

рону. Еще в мае 1986 г. состоялся печально знаменитый V съезд кинематографистов СССР, который вошел в историю советской культуры как самый разнузданный по форме и по содержанию форум творческой интеллигенции страны. Получив команду «фас» от нового главы Агитпропа ЦК А.Н. Яковлева, группа наиболее ретивых «реформаторов», которую возглавляли режиссеры Э.Г. Климов, С.А. Соловьев и А.С. Смирнов, не просто захватила всю власть в Союзе кинематографистов СССР, но и опустилась до личного сведения счетов, травли и оскорблений в адрес ряда великих советских режиссеров — народных артистов СССР С.Ф. Бондарчука, С.И. Ростоцкого, Л.А. Кулиджанова и других, которые до недавнего времени возглавляли этот союз.

Одновременно на экраны страны было выпущено более 100 кинофильмов, которые были запрещены к показу в предыдущий период, в частности работы А.Я. Аскольдова «Комиссар» (1967), А.С. Кончаловского «История Аси Клячкиной, которая любила, да не вышла замуж» (1967), К.Г. Муратовой «Долгие проводы» (1971), А.Ю. Германа «Проверка на дорогах» (1971), Э.Г. Климова «Агония» (1974), И.А. Шешукова «Вторая попытка Виктора Крохина» (1977) и другие.

Казалось бы, процессы «демократизации», отмена тотальной цензуры, ликвидация художественных советов, внедрение рыночных механизмов в процесс советского кинопроизводства должны были дать мощный импульс новому этапу в развитии великого советского кинематографа. Однако ничего этого не произошло. Напротив, на экраны страны хлынул целый поток различных по художественному уровню, но очень актуальных и откровенно политизированных фильмов, которые смаковали все самые негативные стороны жизни советского общества.

Именно с таким, зачастую с откровенно антисоветским, подтекстом были созданы социальные и криминальные драмы В.Ю. Абдраштова («Плюмбум, или Опасная игра» 1986, «Слуга» 1989); К.Г. Шахназарова («Курьер» 1986, «Город Зеро» 1988); Р.Г. Балаяна («Храни меня, мой талисман» 1986); П.Е. Тодоровского («По главной улице с оркестром» 1986, «Интердевочка» 1989); А.А. Итьгипова («Обвиняется свадьба» 1986, «Смирненное кладбище» 1989); В.В. Бортко («Единожды солгав» 1987); Э.А. Рязанова («Забытая мелодия для флейты» 1987, «Дорогая Елена Сергеевна» 1988, «Небеса обетованные» 1991); Э.М. Уразбаева («Визит к Минотавру» 1987); С.А. Соловьева («Асса» 1987, «Черная роза — эмблема печали, красная роза — эмблема любви» 1989, «Дом под звездным небом» 1991); Е.В. Герасимова («Забавы молодых» 1987); Ю.Н. Кары («Воры в законе» 1988); В.П. Тодоровского («Бич Божий» 1988); С.И. Ашкинази («Криминальный талант» 1988); В.А. Рыбарева («Меня зовут Арлекино» 1988); С.Я. Кулиша («Трагедия в стиле рок» 1988); С.О. Снежкина («ЧП районного масштаба» 1988); В.В. Пичула («Маленькая вера» 1988, «В городе Сочи темные ночи» 1989); А.В. Рогожина («Караул» 1989); С.В. Бодрова («Катала» 1989); А.А. Муратова («Криминальный квартет» 1989, «По прозвищу зверь» 1990); М.Н. Туманишвили («Авария — дочь мента» 1989); В.А. Сергеева («Палач» 1990, «Гений» 1991); С.Г. Эркенова («Сто дней до приказа» 1990); Л.А. Филатова («Сукины дети» 1990); П.С. Лунгина («Такси-блюз» 1990); Г.Г. Натансона («Взбесившейся автобус» 1990); Р.Ю. Фрунтова («Дураки умирают по пятницам» 1990), М.Н. Туманишвили («Волкодав» 1991) и других режиссеров.

Не менее популярной темой в годы «перестройки» стала так называемая ликвидация «белых пятен» истории, а фактически сознательное искажение рево-

люционной и советской истории и насаждение новых идеологических клише. Именно в таком контексте были созданы картины Р.Г. Балайна («Филер» 1987); Ю.Н. Кары («Завтра была война» 1987, «Пир Валтасара, или Ночь со Сталиным» 1989); В.В. Бортко («Собачье сердце» 1988); С.И. Ростоцкого («Из жизни Федора Кузькина» 1989); В.И. Кучинского («Любовь с привилегиями» 1989); Е.А. Евтушенко («Похороны Сталина» 1990); А.А. Прошкина («Николай Вавилов» 1990); Л.В. Марягина («Враг народа Бухарин» 1990); Т.В. Левчука и Н.Р. Кохана («Война на западном направлении» 1990); А.С. Кончаловского («Ближний круг» 1991); К.Г. Шахназарова («Цареубийца» 1991) и других советских режиссеров, которые в прежние времена «господства советской цензуры» создавали куда более содержательные и художественно ценные фильмы.

Аналогичная плачевная ситуация сложилась и в таком любимом жанре советского кинематографа, как кинокомедия, где даже классики этого жанра — Э.А. Рязанов, Л.И. Гайдай и Г.Н. Данелия, не смогли создать ничего такого, что могло бы сравниться с их шедеврами, созданными в годы «брежневского застоя». Среди советских кинокомедий того периода более-менее сносный прием у публики получили фильмы Е.В. Герасимова («Не ходите, девки, замуж» 1985), В.Н. Шиловского («Миллион в брачной корзине» 1986), Ю.Б. Мамина («Праздник Нептуна» 1986, «Фонтан» 1988, «Бакенбарды» 1990); А.Н. Эйрамджана («Бабник» 1989, «Моя морячка» 1990); Л.И. Гайдая («Частный детектив, или Операция «Кооперация» 1989, «На Дерибасовской хорошая погода, или На Брайтон-Бич опять идут дожди» 1991); Г.Н. Данелия («Кин-дза-дза!» 1986, «Паспорт» 1990) и ряд других.

Свою лепту в разрушение морально-нравственных устоев советского общества внесли новые телевизионные передачи «Взгляд», «До и после полуночи», «Пятое колесо», «600 секунд», «Прожектор перестройки», которые были буквально напичканы негативными сюжетами, а так же провокационные документальные ленты С.С. Говорухина («Так жить нельзя», «Россию, которую мы потеряли») и Ю.Б. Подниекса («Легко ли быть молодым»).

Годы «перестройки» стали временем тяжелейшего и затяжного кризиса советского театрального искусства и эстрады, который проявился в разных плоскостях, в частности:

1) В широком развитии так называемого студийного движения и созданием примитивных и убогих театров-студий С.Е. Кургияна (Театр-студия «На досках»), М.Г. Розовского (Театр-студия «У Никитских ворот»), И.Л. Райхельгауза (Театр-студия «Школа современной пьесы»), В.Р. Беляковича (Театр-студия «На Юго-Западе») и других.

2) В конъюнктурных театральных постановках на тему «революции» и «сталинских репрессий», среди которых особым рвением отличались главные режиссеры театров «Ленком» и «Современник» М.А. Захаров и Г.Б. Волчек, где шли спектакли по пьесам и произведениям М.Ф. Шатрова («Диктатура совести», «Синие кони на красной траве», «Дальше, дальше, дальше...»), Е.С. Гинзбург («Крутой маршрут»), И.С. Грековой («Вдовый пароход»), С.А. Каледина (Смирненное кладбище») и другие очень актуальные спектакли, внесшие свою лепту в разоблачение «пролетарской революции», «кровавого сталинского режима» и «эпохи брежневского застоя».

3) В тяжелом кризисе и расколе ряда знаменитых театральных коллективов страны, в частности двух ведущих московских театров — МХАТ им. М. Горького

и Театра драмы и комедии на Таганке. Первый раскол был связан с инициативой самого главного режиссера МХАТа **Олега Николаевича Ефремова**, который предложил разделить театральную труппу на две части, и противостоящей ему группы актеров, которую возглавляла **Татьяна Васильевна Доронина**. Второй раскол был связан с тем, что после возвращения в страну бывшего основателя и главного режиссера театра **Юрия Петровича Любимова**, часть театральной труппы во главе с **Николаем Николаевичем Губенко** и **Леонидом Алексеевичем Филатовым** восстала против его диктаторских и «рыночных» методов управления, в результате чего возник второй театр «Содружество актеров Таганки» во главе с **Н.Н. Губенко**.

4) В первые перестроечные годы из подполья вышла музыкальная рок-культура, видными представителями которой стали **Ю.Ю. Шевчук** (группа «ДДТ»), **Б.Б. Гребенщиков** (группа «Аквариум»), **А.В. Макаревич** (группа «Машина времени»), **В.Р. Цой** (группа «Кино»), **А.А. Микоян** («Группа Стаса Намина»), **П.Н. Мамонова** (группа «Звуки Му»), **С.В. Маврин** («Авария»), **И.И. Сукачев** («Бригада С») и другие.

Тема: ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА СССР В 1985–1991 ГГ.

План:

1. Новое политическое мышление и новые приоритеты внешней политики СССР.
2. Общеввропейский процесс и его роль в крушении СССР и ОВД.
3. Процесс урегулирования в Афганистане и вывод советских войск.
4. Новая политика СССР на Дальнем Востоке и Юго-Восточной Азии.
5. Антикоммунистические «революции» в Центральной и Восточной Европе.
6. Крушение ГДР и создание единой Германии.
7. Комплекс международных соглашений о разоружении (РСМД, ДОВСЕ, СНВ-1).
8. Война в Персидском заливе и роль СССР в решении Ближневосточного кризиса.
9. Итоги горбачевской перестройки во внешней политике.

1. Новое политическое мышление и новые приоритеты внешней политики СССР

В начале марта 1985 г. скончался **Генеральный секретарь ЦК КПСС К.У. Черненко** и новым главой партии был избран **М.С. Горбачев**, в результате чего в высшем руководстве состоялась смена политических поколений. Новый лидер партии представлял собой относительно молодое поколение высших руководителей страны и на первых порах пользовался его поддержкой, которая сочеталась с поддержкой наиболее дальновидных, опытных и ответственных представителей старой партийно-государственной элиты, которые сами сознавали необходимость кадро-

вого, экономического и научно-технического обновления страны, оказавшейся в определенном кризисе. Ясной внешнеполитической программы обновления у **М.С. Горбачева** и его команды, вероятно, еще не было, но было ясно и то, что он принадлежал к той части высшего политического руководства страны во главе с **Ю.В. Андроповым**, которая считала, что: **1)** необходимо отказаться от прежней, крайне жесткой конфронтации с Западом, **2)** выйти из международной изоляции, в которую СССР попал после начала **Афганской войны**, и **3)** в обмен на примирение с «империалистами» получить от них доступ к передовым гражданским технологиям и сосредоточиться на решении задач экономической модернизации страны. А все это, естественно, предполагало проведение более гибкой внешнеполитической линии, чем прежде.

Первые признаки новой внешнеполитической линии стали уже заметны при прежнем лидере страны, когда в **январе 1985 г.** СССР и США смогли согласовать вопрос о предмете и целях своих переговоров по космическим и ядерным вооружениям, которые начались в **Женеве** в **марте 1985 г.** Это было первым шагом к возобновлению диалога по стратегическим вопросам, прерванного два года назад, после известного инцидента с корейским «**Боингом**». Кроме того, еще в **феврале 1985 г.** Советский Союз пошел на беспрецедентный шаг, подписав с **МАГАТЭ** соглашение о постановке под международный контроль ряда реакторов советских атомных электростанций. А уже в **апреле 1985 г.** новое советское руководство заявило о введении моратория на принятие ответных мер в связи с размещением американских ракет среднего радиуса действия и крылатых ракет в Европе. Таким образом, **Москва** стала явно демонстрировать свое горячее желание улучшить отношения с западными странами и в дипломатических кругах, впервые после продолжительного перерыва, стал активно обсуждаться вопрос о возможном проведении очередной советско-американской встречи на высшем уровне.

Все европейские союзники США, прежде всего, премьер-министр Великобритании **Маргарет Тэтчер**, которая встречалась с **М.С. Горбачевым** еще в **декабре 1984 г.**, с нескрываемым облегчением и надеждой встретили перемены во внешней политике **Москвы**, всячески убеждая американскую администрацию отнестись с большим вниманием к этим переменам. Более того, совсем недавно стало известно, что в одном из личных писем президенту **Р. Рейгану** британский премьер так отрекомендовала будущего лидера СССР: «Он относительно открыт в своих манерах и умен. Он приветлив и имеет свой шарм и чувство юмора. Я считаю, что он человек, с которым можно иметь дело. Мне он понравился». Конечно, подобного рода «комплименты» делались не просто так, однако именно сейчас удалось установить всю подоплеку этих «комплиментов»: в ходе своей первой встречи с **М. Тетчер**, будучи «рядовым» секретарем ЦК, **М.С. Горбачев** де-факто слил «потенциальному противнику» ряд секретных карт нашего **Генштаба** с полной маркировкой советских межконтинентальных баллистических ракет и направлений их главных ударов.

В **марте 1985 г.**, после похорон **К.У. Черненко**, в **Кремле** состоялись краткие рабочие встречи нового генсека с премьер-министром Великобритании **Маргарет Тэтчер** и федеральным канцлером ФРГ **Гельмутом Колем**, а уже **мае 1985 г.** **Москва** с официальным визитом посетил премьер-министр Италии **Беттино Кракси**. В ходе

этих встреч **М.С. Горбачев** прямо намекнул своим собеседникам, что смена власти в **Москве** самым позитивным образом скажется и на изменении внешнеполитического курса нового советского руководства.

Затем, в **июле 1985 г.**, состоялось еще одно знаковое событие, которое зримо говорило о желании нового советского руководства кардинально изменить свой внешнеполитический курс: на сессии **Верховного Совета СССР** многолетнего главу советского внешнеполитического ведомства, патриарха советской дипломатии **А.А. Громыко**, начавшего свою блестящую карьеру еще при **И.В. Сталине**, сменил мало кому известный **Первый секретарь ЦК КП Грузии Э.А. Шеварднадзе**, который одновременно стал полноправным членом **Политбюро ЦК** и вошел в число высших политических руководителей страны.

В **октябре 1985 г.** новый советский лидер отправился с официальным визитом в **Париж**. Сама эта поездка не преследовала конкретной политической цели, но **Москве** было крайне важно начать работу по размыванию стойкого стереотипа советской военной угрозы для «цивилизованного» Запада. Поэтому во время пребывания в **Париже** в своем выступлении на официальном обеде, устроенным президентом **Франции Франсуа Миттераном** в честь высокого гостя, **М.С. Горбачев** впервые огласил идею строительства «общего европейского дома», сославшись на высказанную еще президентом **Ш. Де Голлем** мысль о «Большой Европе от Атлантики до Урала». Это заявление об «общем европейском доме» было воспринято на Западе с определенным интересом, поскольку, в принципе, оно могло подразумевать революционную по тем временам идею преодоления раскола Европы, хотя понять, что конкретно имел в виду **М.С. Горбачев**, пока было невозможно. Однако всем было очевидно и то, что ввиду назначенной на **ноябрь 1985 г.** встречи **М.С. Горбачева** с **Р. Рейганом** в **Женеве** советской стороне было важно показать **Вашингтону** готовность европейцев вести диалог с **Москвой** опережающими темпами по отношению к США.

В **ноябре 1985 г.** состоялась **Женевская встреча** лидеров СССР и США, положившая начало целой серии советско-американских саммитов на высшем уровне, которые стали регулярно проводиться все последующие годы существования СССР и, в основном, были посвящены вопросам контроля над вооружениями. Поскольку эти саммиты следовали один за другим, де-факто обе стороны отказались от существовавшей ранее практики длительных, занимавших по несколько лет предварительных проработок соглашений на уровне военных экспертов, как это происходило в **1960–1970-х гг.** Прежде такой практики ведения военно-политических переговоров никогда не существовало, что красноречиво указывало на молчаливое согласие обеих сторон подчинить военно-технические вопросы проблемам общеполитического диалога. Советско-американский саммит в **Женеве** не принес никаких практических результатов, но именно он позволил начать новый «диалог» двух великих держав, результаты которого всего за пять лет полностью изменили весь миропорядок и положение СССР и США на мировой арене.

В **феврале-марте 1986 г.** в **Москве** состоялся **XXVII съезд КПСС**, в решениях которого впервые со времен «разрядки» содержались новые оценки международной обстановки, поскольку новое советское руководство: **1)** призвало великие державы прийти к общему согласию о неприемлемости ядерной войны как средства реше-

ния международных споров; 2) предложило западным партнерам отказаться от попыток добиться силового превосходства над СССР, обещая со своей стороны не стремиться к превосходству над Западом. Эта идея была воплощена в тезисе об «**одинаковой безопасности**», которая, как говорилось в докладе **М.С. Горбачева**, должна была прийти на смену прежней концепции «**одинаковой опасности**», определявшей логику взаимного устрашения на базе **доктрины «взаимно гарантированного уничтожения»**; 3) впервые за многие годы дало позитивную оценку политики нового китайского руководства и провозгласило линию на улучшение советско-китайских отношений.

Кроме того, в документах партийного съезда было непривычно мало критики внешнеполитического курса США, государств НАТО и рассуждений о росте опасности возникновения новой мировой войны, да и общая тональность всех его материалов настраивала на режим продуктивного диалога с Западом. Однако сами по себе решения XXVII съезда не были революционными, поскольку терминологически они во многом походили на материалы XXIV съезда КПСС, легализовавшего разрядку 1970-х гг. Но, добившись от съезда одобрения своего внешнеполитического курса, новое руководство страны, прежде всего, **М.С. Горбачев**, **Э.А. Шеварднадзе** и **А.Н. Яковлев**, получило легитимную возможность действовать в сфере международных отношений значительно более решительно и смело, не оглядываясь на позицию «консерваторов» в Политбюро. Отталкиваясь от решений партийного съезда, уже в **середине 1987 г.** **М.С. Горбачев** и ряд его ближайших соратников разработали целую систему взаимоувязанных тезисов и положений, образовавших основу того, что затем получило громогласное название **концепция «нового политического мышления»**. В современной исторической литературе существует представление, что автором этой концепции был сам **М.С. Горбачев** и его новый помощник по международным делам **А.С. Черняев**, которые оттачивали ее основные положения на крымской даче генсека в **Форосе** при написании по заказу двух американских издательств знаменитого горбачевскогоopusа «**Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира**». Однако это не совсем так, поскольку по свидетельству ряда осведомленных мемуаристов, в частности **Е.М. Примакова** и **В.М. Фалина**, главным разработчиком новой концепции был новый секретарь ЦК **А.Н. Яковлев**, в рабочую группу которого входили первый заместитель министра иностранных дел СССР **А.Г. Ковалев**, председатель правления АПН СССР **В.М. Фалин** и директор Института США и Канады АН СССР академик **Г.А. Арбатов**.

В развернутом виде основные положения этой концепции были представлены в речи **М.С. Горбачева** на сессии **Генеральной ассамблеи ООН**, произнесенной им в **декабре 1988 г.**, которую сам же генсек назвал «**Фултоном наоборот**». Содержание новой горбачевской концепции определялось двумя принципиальными положениями. **Во-первых**, она утверждала **приоритет общечеловеческих ценностей** и их преобладающее значение по отношению к интересам отдельных государств и социальных групп. Советский Союз впервые отказывался от старого тезиса, что в международной политике главенствуют классовые ценности и интересы классовой борьбы во всемирном масштабе. По сути, это означало призыв к деидеологизации международных отношений и разрыв со старой традицией противопоставления Востока и Запада по принципу защиты противоположных классовых интересов.

Во-вторых, в ряду основных общечеловеческих ценностей главной ценностью провозглашалась идея **выживания человечества**. Поэтому в центр всех международных отношений помещалась проблема обеспечения мира и избежания мировой ядерной войны. Именно этот интерес провозглашался всеобщим и объединяющим (синтезирующим) для всех стран мира, независимо от их общественного строя, идеологии, силы, величины и т.д.

Из самой концепции «нового политического мышления» логически вытекали важные установки практической внешней политики СССР, главными из которых были: **1)** достижение компромисса с США в вопросах сокращения стратегических вооружений; **2)** экономическое и политическое сближение с западноевропейскими странами, в том числе ценой возможных уступок в ключевом вопросе объединения Германии; **3)** нормализация межпартийных и межгосударственных отношений с КНР и расширение советско-китайского сотрудничества; **4)** тесное сотрудничество с западными державами в урегулировании региональных конфликтов на Азиатском, Латиноамериканском и Африканском континентах; **5)** содействие реформированию политических режимов стран Восточной Европы по образцу и подобию СССР; и **6)** изменение политики в отношении прав человека и приведение внутреннего законодательства и политической практики СССР в большее соответствие с нормами международного права.

Сразу после выступления на Генеральной Ассамблее ООН **М.С. Горбачев** направился для встречи с уходящим в отставку президентом **Р. Рейганом** и новым американским президентом **Дж. Бушем**, но именно в этот момент весь мир облетела печальная новость о страшном землетрясении в Армении. Как будто бы сама природа возмутилась горбачевским «**Анти-Фултоном**» и не желала дальнейшего обсуждения этих новаций, поэтому **М.С. Горбачев** был вынужден срочно покинуть США, и вылетел в **Москву**.

Однако уже в **середине декабря 1988 г.** президент **Дж. Буш** провел совещание в узком кругу, в котором приняли участие все ключевые игроки его новой команды — патриарх американской политики **Г. Киссинджер**, новый госсекретарь **Дж. Бейкер** и помощник по национальной безопасности **Б. Скоукрофт**. На этой встрече был обсужден вопрос о том, как реагировать на сделанное **М.С. Горбачевым** заявление в ООН. С одной стороны, **Вашингтон** готов был сравнить выступление **М.С. Горбачева** с «**14 пунктами В. Вильсона**» и «**Атлантической хартией**», подписанной в годы **Второй Мировой войны**, но с другой стороны, американцы никак не могли поверить в то, что сделанное **М.С. Горбачевым** заявление об односторонних уступках СССР является искренним.

Однако после всестороннего обсуждения данной проблемы, американцы увидели в этом предложении советского лидера свидетельство того, что «Советский Союз распадется изнутри» и поэтому сразу же был поставлен вопрос о том, что нужно делать в ближайшее время, чтобы «вытеснить Советский Союз из Восточной Европы». Бывший госсекретарь **Генри Киссинджер** «высказался в пользу секретной дипломатии с **М.С. Горбачевым**» и предложил президенту **Дж. Бушу** свои услуги в качестве личного эмиссара.

Пока американцы размышляли, как реагировать на заявление **М.С. Горбачева**, в самом **конце декабря 1988 г.** состоялось заседание **Политбюро**, выступая на котором министр обороны СССР генерал армии **Д.Т. Язов** заявил, что «во

исполнение решения **Совета Обороны СССР в Министерстве обороны СССР** уже разработаны планы вывода советских войск с территории ГДР, ЧССР, ВНР и ПНР», т.е. ключевых союзников СССР в Европе и во всем социалистическом лагере.

Прекрасно зная об этих настроениях в верхах, в **начале 1989 г.** американский посол в **Москве Дж. Мэтлок** направил в **Вашингтон** секретное послание, в котором с предельным цинизмом заявил, что «нынешний хаос во внутривнутриполитической жизни СССР предоставляет Соединенным Штатам беспрецедентную возможность повлиять на советскую внешнюю и внутреннюю политику. Наши возможности отнюдь не безграничны — мы не можем заставить их отдать нам ключи от своей лавки, но они достаточны, чтобы изменить в нашу пользу баланс интересов по многим ключевым вопросам, при условии, если проявим достаточную мудрость в умелом, последовательном и настойчивом использовании **нашего скрытого влияния**».

Тем временем, **15 января 1989 г.** состоялось подписание «**Итогового документа Венской встречи**», а уже на следующий день в **Москву** прилетела делегация **Трехсторонней комиссии** во главе с **Г. Киссинджером**, который в тот же день встретился с **А.Н. Яковлевым**. В ходе состоявшейся беседы эмиссар американского президента открыто потребовал, чтобы СССР во избежание обострения советско-американских отношений не мешал развитию «естественных» событий в Восточной Европе и гарантировал, что в этом случае его страна не будет угрожать СССР. Затем состоялась встреча **Г. Киссинджера** с **М.С. Горбачевым** и **А.Ф. Добрыниным**, в ходе которой эмиссар американского президента предложил советскому генсеку сделку, смысл которой состоял в том, что американская сторона пойдет на расширение политических контактов с СССР и поможет облегчить бремя его военных расходов путем свертывания гонки вооружений в обмен на перемены в Восточной Европе.

Сразу после завершения этой «тайной вечера» **М.С. Горбачев** принял всех представителей **Трехсторонней комиссии**, в частности **Г. Киссинджера**, **Д. Рокфеллера**, **У. Хайленда (США)**, **Ж. Бертюена**, **В. Жискара Д'Эстена (Западная Европа)** **Я. Накасонэ** и **И. Окавара (Япония)**. С советской стороны, помимо самого генсека, на этой встрече присутствовали ряд его доверенных лиц, в частности **А.Н. Яковлев**, **В.А. Медведев**, **В.М. Фалин**, **С.Ф. Ахромеев**, **А.Ф. Добрынин**, **А.С. Черняев**, **Г.А. Арбатов** и **Е.М. Примаков**. На протяжении нескольких часов участники этой встречи обсуждали: а) «перспективы вхождения СССР в мировой рынок», б) «формы участия СССР в мирохозяйственных связях», в) «правила многостороннего сотрудничества», г) «условия подключения СССР к деятельности международных экономических организаций» и т.д.

Во время обсуждения этих вопросов представители **Трехсторонней комиссии** заявили, что при вхождении СССР в мировое сообщество «главные проблемы» для **Москвы** возникнут в «третьем мире». Поэтому их интересовало то, как Советский Союз будет «разбираться» с этими странами, что дает веское основание предположить, что именно **Трехсторонняя комиссия** потребовала от **Москвы** списания долгов стран «третьего мира» в качестве одного из условий вхождения СССР в мировое сообщество. А между тем размер этих самых долгов составлял астрономическую сумму в **150 млрд долларов**.

Затем, в **середине февраля 1989 г.**, в **Белом доме** состоялось очередное совещание, посвященное положению дел в СССР, на котором все его участники, включая президента **Дж. Буша**, госсекретаря **Дж. Бейкера** и помощника президента по национальной безопасности **Б. Скоукрофта**, с большим удовлетворением констатировали, что **М.С. Горбачев** дал согласие на перемены в Восточной Европе, что, в свою очередь, приведет к развалу самого СССР. А сразу после совещания **Дж. Буш** подписал директиву о конкретных шагах США в отношении СССР.

Тогда же в **феврале 1989 г.** **Дж. Мэтлок** направил из **Москвы** в **Вашингтон** очередное донесение, в котором говорилось, что «перестройка ведет к демобилизации Советского Союза, поэтому главная проблема не в том, как нам помочь перестройке или **М.С. Горбачеву**, а в первую очередь в том, как обеспечить интересы Соединенных Штатов... наша задача — служить нашим, а не их интересам. Мы должны стремиться к тому, чтобы побуждать советское руководство к формированию децентрализованной, плюралистической, ориентированной на гражданское производство экономики».

Уже к **середине марта 1989 г.** пересмотр внешней политики США по отношению к СССР был в основном завершен и оформлен в виде особого документа **Совета безопасности при президенте США** под названием «**NSR-3**». Главная идея этого документа сводилась к следующему: сделать начавшиеся в Советском Союзе реформы необратимыми. Тогда же в **марте 1989 г.** была подготовлена и **Директива Совета национальной безопасности № 23**, в которой говорилось, что «возможно, мы стоим перед новой эрой и сможем двигаться за пределы сдерживания к новой американской политике, предполагающей интеграцию Советского Союза в международную систему».

В **начале апреля 1989 г.** в **Париже** состоялось очередное заседание **Трехсторонней комиссии**, на котором была специально рассмотрена проблема «Восток-Запад». А сразу после этой встречи новый государственный секретарь **Дж. Бейкер** отправился в **Москву**, где в **начале мая** состоялась его встреча **М.С. Горбачевым**, в ходе которой была достигнута окончательная договоренность, что **Москва** не будет противодействовать коренным переменам в Восточной Европе.

В связи с этим обстоятельством, особого внимания заслуживает речь **М.С. Горбачева**, с которой он выступил в **начале июля 1989 г.** в **Страсбурге**. Из этого выступления явствует, что к тому времени на высшем уровне уже обсуждалась идея расширения границ объединенной Европы на восток. Полемизируя со сторонниками Европы «от **Бреста до Бреста**», советский лидер противопоставил ей Европу «от **Атлантики до Урала**». Однако речь шла не только о границах «объединенной Европы». Во время встреч с европейскими лидерами затрагивались совершенно разные вопросы, в том числе проблемы архитектуры «общеевропейского дома», методов его строительства и его «меблировке». При этом, по признанию самого **М.С. Горбачева**, самыми плодотворными и весьма масштабными были беседы на эту тему в **Москве** и **Париже** с президентом Франции **Ф. Миттераном**.

К сожалению, сам **М.С. Горбачев** до сих пор скрывает важные детали всех своих переговоров. Между тем, по утверждению **В.М. Фалина**, говоря о желании жить в «общеевропейском доме», генсек вел речь уже не о разных подъездах и общих коммуникациях, а об общем домоуправлении, считая, что «общеевропейский

дом» должен представлять собою «европейскую конфедерацию». А вхождение СССР в эту «европейскую конфедерацию», естественно, предполагало ликвидацию «мировой системы социализма», уничтожение советского строя и дезинтеграцию самого СССР.

2. Общеввропейский процесс и его роль в крушении СССР и ОВД

Изменения во внешней политике **Москвы** позволили вывести общеевропейский процесс из тупика, в котором тот пребывал с **сентября 1983 г.**, и начать консультации в рамках так называемой **Стокгольмской конференции СБСЕ по мерам доверия в Европе**, которая по существу бездействовала со дня своего открытия в **январе 1984 г.** Однако смена политического руководства в СССР «неожиданно быстро» дала свои первые плоды, и первая сессия **Стокгольмской конференции** завершилась в **сентябре 1986 г.** подписанием итогового документа, который содержал описание этих самых мер доверия, которые все стороны согласились применять в отношениях друг с другом для уменьшения угрозы случайных военных конфликтов. Среди этих мер были: **1)** предварительное уведомление о военной деятельности и приглашение иностранных наблюдателей на все крупные военные учения и маневры; **2)** взаимный обмен важной информацией военного характера; **3)** введение полных ограничений на проведение всех военных мероприятий, превышающих их согласованный масштаб, и **4)** проведение комплексных проверок на месте, т.е. непосредственно в зонах применения этих мер доверия.

Затем, в **октябре 1986 г.**, в **Вене** начала работу очередная встреча СБСЕ, которая должна была сосредоточиться на так называемом «человеческом измерении» общеевропейского процесса. В повестке дня всей этой встречи главное место должны были занять вопросы, которые всегда являлись самыми болезненными для **Москвы** — правозащитные. Но формирование атмосферы доверия в отношениях с Западом было составной частью «**нового политического мышления**» **М.С. Горбачева**. Поэтому, подобно тому, как **Н.С. Хрущев** в **1950-х гг.** пошел на односторонние уступки для подтверждения серьезности своих намерений, **М.С. Горбачев**, стремясь всеми силами понравиться западным партнерам и добиться ослабления международной напряженности, искал реальный способ повлиять на зарубежное общественное мнение, чтобы заставить руководство США и стран Западной Европы отнестись к его «революционным» предложениям вполне серьезно.

В свою очередь, зарубежные «партнеры», прекрасно понимая всю сложность положения их визави в партийной властной вертикали, стремились побудить его к гораздо более радикальным шагам по реформированию советской политической системы через ее демократизацию, внедрение практики идейного и политического плюрализма и т.д. Подобные идеи встречали самый благожелательный отклик, как у самого **М.С. Горбачева**, так и у части его либеральной команды в лице **Э.А. Шеварднадзе**, **А.Н. Яковлева**, **А.С. Черняева** и других.

В **декабре 1988 г.**, выступая на сессии **Генеральной ассамблеи ООН**, советский лидер впервые с хрущевских времен громогласно объявил новую программу односторонних сокращений советских вооруженных сил, которая предусматривала уменьшение их численности на **500 тыс. человек**. По оценкам многих военных экс-

пертов (**В.И. Варенников, Л.И. Ивашов, В.Н. Лобов**), эта явно популистская мера привела бы к тому, что Советский Союз в одночасье бы утратил всю способность к внезапному вооруженному нападению на европейском театре военных действий, поскольку брал на себя преступные, по сути, обязательство вывести с территории ГДР, ЧССР и ВНР свыше **10 тыс.** танков, **8,5 тыс.** артиллерийских систем и **800** самолетов.

По мнению ряда современных авторов (**А. Богатуров, А. Аверков**), Москва пошла на эти односторонние уступки в отношениях с западноевропейскими «партнерами» в надежде устранить общую напряженность в Европе, избавиться от необходимости содержать мощную группировку своих войск на европейском направлении и сократить свои огромные военные расходы. Однако их авторитетные оппоненты (**И. Фроянов, А. Островский, А. Барсенков**) полагают, что подобные горбачевские инициативы преследовали совершенно иную цель, в частности полную капитуляцию и сдачу позиций СССР на европейском континенте.

В **январе 1989 г.** состоялось подписание итогового документа **Венской встречи СБСЕ**, в котором было зафиксировано множество важных положений военно-политического и экономического характера. Главным среди них стало обязательство всех стран-участниц «обеспечить, чтобы их законы, административные правила, практика и политика соотношались с их обязательствами по международному праву и были гармонизированы с положениями «**Декларации принципов**» и другими обязательствами по СБСЕ». Одоблив этот документ, Советский Союз, по сути, впервые официально согласился с **принципом приоритетности международного права** по отношению к собственному внутреннему законодательству и сделал крупный, однако явно подрывной, шаг к распространению в Советском Союзе общеевропейских стандартов и представлений о фундаментальных ценностях и личных свободах.

Позднее эта, так называемая гуманитарная и правозащитная тематика, стала предметом дальнейших обсуждений на **Парижском (1989), Копенгагенском (1990) и Московском (1991) совещаниях СБСЕ «по человеческому измерению»**, которые окончательно подчинили все советское законодательство международным конвенциям и договорам. Само решение о переводе СССР на международно-правовые стандарты в собственной внутренней политики в соответствии с документами **Венской встречи** имело далеко идущие негативные последствия, как для отношений между федеральным центром и союзными республиками в рамках самого СССР, так и в отношениях между СССР и странами социалистического лагеря. Резкая активизация националистических сил в советской зоне влияния еще как-то сдерживалась «политико-идеологическим прессом» со стороны **Москвы**, однако сразу после завершения **Венской встречи** националистическая оппозиция, особенно в Польше, Венгрии, Чехословакии и в Советской Прибалтике, получила полное правовое основание для своей легализации. Именно теперь она вполне открыто и даже агрессивно стала добиваться изменения внутреннего законодательства своих стран, непосредственно апеллируя к международным правовым актам.

Между тем, в **конце октября 1990 г.** в **Париже** состоялась встреча глав государств и правительств СБСЕ, предложение о проведении которой сделал сам **М.С. Горбачев** еще в **июле 1990 г.** В ходе этой встречи была подписана печально знаме-

нитая «**Парижская хартия для новой Европы**», лицемерно провозгласившая «эру демократии, мира и единства на континенте». В этом документе было формально заявлено об окончании эпохи глобальной конфронтации, то есть «холодной войны», и принято решение о превращении СБСЕ в постоянно действующий международный институт — **Организацию по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ)**. Таким образом, всему общеевропейскому процессу был окончательно придан непрерывный характер и было установлено, что отныне каждые два года в одной из европейских столиц будут проводиться консультации на уровне глав государств и правительств всех стран, подписавших **Хельсинкский Заключительный акт (1975)**, а регулярные встречи министров иностранных дел европейских государств в рамках **ОБСЕ** будут проходить ежегодно в трех штаб-квартирах **ОБСЕ** — в **Праге, Вене и Варшаве**.

Советский Союз с большой готовностью согласился на расширение полномочий **ОБСЕ**, что отчасти отвечало общему настрою высшего советского руководства на «коллективное регулирование общеевропейского процесса», поскольку оно наивно полагало, что расширение полномочий **ОБСЕ** может помочь предупредить рост влияния США на европейские дела. Однако **ОБСЕ** так и осталась довольно слабой и аморфной политической структурой, поскольку у нее отсутствовали полномочия, которыми обладала та же **ООН** в вопросах применения военной силы и экономических санкций. Кроме того, все важнейшие решения в **ОБСЕ** могли быть приняты только по формуле «консенсус минус один голос», что очень затрудняло принятие любых решения по самым острым и спорным вопросам, находящихся в сфере компетенции **ОБСЕ**. Именно поэтому она так и не смогла сыграть существенной роли в практической деятельности по предотвращению и урегулированию любых военных конфликтов в Европе, что наглядно подтвердилось в ходе начавшейся летом 1991 г. **Гражданской войны на территории Союзной Югославии (СФРЮ)**.

Затем, там же в **Париже**, в середине ноября 1990 г., лидеры 22 государств, входивших в **ОВД** и **НАТО**, подписали **Договор «Об обычных вооруженных силах в Европе» (ДОВСЕ)**. Переговоры по этой проблематике продолжались более тридцати лет, но лишь теперь обе стороны смогли достичь согласия в этом крайне непростом вопросе. Этот договор предусматривал значительное сокращение всех вооружений — от Атлантики до Урала, с тем, чтобы оставшейся военной техники и вооруженных сил хватило для решения сугубо оборонительных задач, при резком сокращении возможностей для ведения наступательных военных операций на всем европейском континенте. С этой целью были установлены предельные уровни вооружений и военной техники для стран **НАТО** и **ОВД**. Например, по танкам они не должны были превышать **20 000 единиц** для каждой стороны, однако на момент подписания **ДОВСЕ** страны **НАТО** располагали на европейском континенте **30 000 танков**, а страны **ОВД** — **60 000 танков**, то есть сокращение вооружений опять носило явно асимметричный характер. Формально этот беспрецедентный договор был призван стать основой «новой системы безопасности» в Европе. Поэтому в принятой по его итогам «**Совместной декларации двадцати двух государств**» лицемерно констатировалось, что все страны-подписанты «больше не являются противниками, будут строить новые отношения партнерства и протягивают друг другу руку дружбы», но на деле все произошло как раз наоборот.

3. Процесс урегулирования в Афганистане и вывод советских войск

Наиболее острой внешнеполитической проблемой **Москвы** на азиатском континенте оставалось ее активная вовлеченность во внутриафганский военно-политический конфликт, в который она ввязалась в **декабре 1979 г.**, что сразу вызывало резкую ответную реакцию со стороны всех ведущих участников международного процесса, в том числе **Вашингтона, Брюсселя и Пекина**. Кроме того, **Афганская война** была крайне непопулярна и в самом советском обществе, и против ее продолжения активно выступали многие советские военачальники, в том числе высшее руководство **Генерального штаба** в лице его главы маршала **С.Ф. Ахромеева** и его первого заместителя генерала армии **В.И. Варенникова**, считая эту военную кампанию совершенно бесперспективной. Хотя, в целом войска **40-й общевойсковой армии**, которую в **начале 1985 г.** возглавил генерал-лейтенант **И.Н. Родионов**, вполне справлялись с возложенными на них непростыми боевыми задачами. В частности, в **1985–1986 гг.** частям и соединениям **103-й гв. воздушно-десантной дивизии** генерал-майора **Ю.В. Ярыгина** и **5-й гв. мотострелковой дивизии** генерал-майора **Г.П. Касперовича** удалось провести ряд успешных боевых операций в провинциях **Кабул, Парван, Лагман, Каписа, Фарах и Кунар** и нанести ощутимый удар по формированиям афганских моджахедов.

Тем не менее, новое советское руководство стало активно искать пути выхода из афганского тупика, пытаясь расширить социально-политическую базу просоветского режима в **Кабуле**. Уже в **мае 1986 г.** под жестким давлением **Москвы** **Бабрак Кармаль**, который больше опирался на поддержку афганских таджиков, узбеков и других этнических меньшинств, уступил свой пост лидера **НДПА** главе **Службы Безопасности Мохаммаду Наджибулле**, представлявшему интересы этнического большинства — пуштунов и афганских спецслужб. А затем, в **октябре 1986 г.**, он был избран и новым президентом **ДРА** и автоматически стал председателем **Революционного Совета ДРА**.

Тогда же по прямому указанию **Москвы** **М. Наджибулла** резко умерил политический радикализм прежнего афганского руководства и пошел на примирение с влиятельным афганским духовенством, постоянно обвинявшим просоветский кабульский режим в предательстве интересов ислама. Вскоре новое афганское руководство, опять же по прямому указанию «московских друзей», ввело в стране ограниченную многопартийность, провозгласило свободу печати и прекратило проведение «социалистических реформ», которые активно насаждались прежним кабульским режимом. Затем, в **декабре 1986 г.**, состоялся чрезвычайный **XXI Пленум ЦК НДПА**, который провозгласил курс на «политику национального примирения» и скорейшего прекращения братоубийственной **Гражданской войны**. А уже в **январе 1987 г.** **М. Наджибулла** объявил об одностороннем прекращении боевых действий против всех отрядов вооруженной оппозиции и предложил лидерам афганских моджахедов **Б. Раббани, Г. Хекматияру, А.Ш. Масуду** и другим начать переговоры об урегулировании обстановки на всей территории страны. Однако оппозиция отвергла это предложение и заявила, что вступит в диалог с правительством **ДРА** только после вывода из страны всех советских войск.

Тем временем советские войска резко активизировали боевые действия на территории Афганистана. Сначала, в **феврале-марте 1987 г.**, под руководством

генерала армии **В.И. Варенникова** войска **40-й армии**, которую уже возглавил генерал-лейтенант **В.П. Дубынин**, провели удачные войсковые операции «Шквал» в провинции **Кандагар**, «Удар-2» в провинции **Кундуз**, «Гроза» в провинции **Газни** и «Круг» в провинциях **Кабул** и **Логар**. А затем, в мае-сентябре 1987 г., под руководством нового командующего **40-й армии** генерал-лейтенант **Б.В. Громова** были проведены еще ряд успешных операций — «Весна» в провинции **Кабул**, «Залп» в провинциях **Логар**, **Пактия** и **Кабул**, «Юг-87» в провинции **Кандагар** и знаменитая «Магистраль» в районе города **Хост**.

Между тем, **Москва** в секретном порядке начала консультации по афганской проблематике с **Вашингтоном** и **Исламабадом**, в ходе которых стали постепенно вырисовываться рамки урегулирования внешних аспектов афганской проблемы. Затем, в **марте 1988 г.**, при содействии Миссии «Добрых услуг» ООН в **Жене**ве были организованы переговоры между представителями **Афганистана** и **Пакистана**, который помимо собственных интересов представлял и интересы части афганской оппозиции. Однако официально афганская оппозиция в самих переговорах не участвовала, что в дальнейшем дало ей повод не признавать договоренности, выработанные без ее участия.

В **апреле 1988 г. в Жене**ве было подписано пять отдельных, но взаимосвязанных, соглашений по афганскому вопросу. Первые два важнейших соглашения были подписаны министрами иностранных дел Афганистана и Пакистана **А. Вакилем** и **С. Якуб-Ханом**. Это были двусторонние соглашения 1) «О принципах взаимоотношений, невмешательстве и отказе от интервенции» и 2) «О добровольном возвращении беженцев». Смысл этих соглашений состоял, в основном, в том, что Пакистан обязался прекратить вмешательство в афганские дела, а афганское правительство дало свое согласие на легальное возвращение из Пакистана в Афганистан всех укрывавшихся там оппозиционных полевых командиров со всеми их сторонниками и членами семей. Двумя другими документами в этом комплексе договоренностей стали 3) советско-американская Декларация о международных гарантиях выполнения договоренностей по Афганистану и 4) советско-американское Соглашение о взаимосвязи всех договоренностей, относящихся к Афганистану, которые были подписаны министром иностранных дел СССР **Э.А. Шеварднадзе** и госсекретарем США **Дж. Шульцем**. В соответствии с подписанными документами **Москва** согласился вывести с афганской территории все свои войска, а **Вашингтон** принял на себя обязательство воздерживаться от вмешательства в дела Афганистана после вывода оттуда советского воинского контингента. Последний, пятый документ представлял собой четырехсторонний «Меморандум взаимопонимания», в котором прямо говорилось о том, что все пять подписанных документов, представляют собой единый комплекс соглашений и подлежат обязательному исполнению всеми сторонами.

Согласно достигнутым договоренностям, с **15 мая 1988 г.** Советский Союз должен был начать вывод своих войск и завершить его в течение девяти месяцев. Организация и выполнение этой очень непростой задачи была возложена на командующего **40-й армией** генерал-лейтенанта **Б.В. Громова**, который в срок и с минимальными потерями выполнил эту боевую задачу и к **15 февраля 1989 г.** вывод всех советских войск был полностью завершен, за исключением ряда спецвойск **КГБ СССР** и **ГРУ Генштаба**.

После вывода советских войск положение правительства **М. Наджибуллы** осталось крайне нестабильным, поскольку афганская оппозиция, почему-то не допущенная к переговорам в **Женева**, не признала **Женевских договоренностей** и стала готовиться к походу на **Кабул**. Кроме того, **Исламабад** и **Вашингтон** вопреки самому смыслу **Женевских соглашений**, резко увеличили помощь афганским моджахедам и стали провоцировать на территории Афганистана новый виток многолетней **Гражданской войны**.

4. Новая политика СССР на Дальнем Востоке и Юго-Восточной Азии

Вскоре после своего прихода к власти и улучшения отношений с западным миром, **М.С. Горбачев**, стремясь нейтрализовать возможные обвинения консервативного крыла внутри **Политбюро** в недооценке его внимания к ключевым проблемам международного коммунистического движения, предпринял крупные шаги для улучшения отношений с Китайской Народной Республикой, где полным ходом шли масштабные реформы, инициированные **Дэн Сяопином**. Исходным рубежом новой политики **Москвы** в отношении **Пекина** стала речь генсека во **Владивостоке**, произнесенная им в **июле 1986 г.**, а затем дополненная и конкретизированная в его выступлении в **Красноярске** в **сентябре 1988 г.**

В этих программных выступлениях были сформулированы новые постулаты советской внешней политики в важнейшем для СССР **Азиатско-Тихоокеанском регионе**: **1)** свертывание военного присутствия в Восточной Азии посредством вывода советских войск с территории Монголии и сокращения численности сухопутных сил в восточных регионах СССР; **2)** нормализация отношений с Китаем с учетом позиции **Пекина** относительно «четырех препятствий» для улучшения советско-китайских отношений; **3)** нормализация отношений с Японией и **4)** установление дипломатических отношений с Южной Кореей в контексте оздоровления общей обстановки на Корейском полуострове.

Конечно, в этом перечне основных проблем главными были «**четыре препятствия**» для нормализации советско-китайских отношений, в частности: **а)** присутствие советских войск в Афганистане; **б)** присутствие вьетнамских войск в Камбодже; **в)** советское военное присутствие в Монголии и **г)** наличие усиленных контингентов советских войск на границе с КНР.

В ходе обсуждений камбоджийского вопроса США и СССР пришли к пониманию необходимости срочно прекратить военную помощь всем участникам камбоджийского военного конфликта. В результате достигнутых договоренностей **Москва** обещала свернуть военно-техническую поддержку Вьетнама, а **Вашингтон** — убедить Таиланд выдворить со своей территории базировавшихся там «красных кхмеров» **Пол Пота**. Однако необходимо было добиться прекращения помощи «красным кхмерам» и со стороны Китая. После серии американо-китайских и советско-китайских консультаций **Пекин** согласился с их доводами и в **декабре 1988 г.** на переговорах министров иностранных дел СССР и КНР **Э. Шеварднадзе** и **Ц. Цичэня** была зафиксирована близость советской и китайской позиций в отношении необходимости устранения иностранного военного присутствия в Камбодже.

Затем, в **январе 1989 г.**, под влиянием **Москвы Ханой** объявил о своем намерении вывести к **сентябрю 1989 г.** свои войска из Камбоджи, тем более что, несмотря на значительное военное превосходство Вьетнама, подавить сопротивление «красных кхмеров» так и не удалось. Согласие **Ханоя** на вывод своих войск вызвало активизацию посреднических усилий стран-участниц **АСЕАН**, которые активно поддерживали «коалиционное правительство Демократической Кампучии» во главе с **Н. Сиануком** и считали нужным восстановить его власть в Камбодже.

В **июле – августе 1989 г.** в **Париже** состоялась конференция по Камбодже с участием четырех камбоджийских сторон, Вьетнама, стран-участниц **АСЕАН**, Франции, СССР, США и КНР. Эта встреча не привела к выработке окончательного соглашения, хотя, было заметно существенное сближение позиций сторон, и вскоре после ее завершения, в **сентябре 1989 г.** вьетнамские войска были выведены с территории Камбоджи.

Вывод вьетнамских войск из Камбоджи означал, что последнее из «четырёх препятствий» для нормализации советско-китайских отношений было устранено. Поскольку именно к этому времени численность советских войск в азиатской части страны была существенно сокращена и прошла реорганизация **Сибирского** (генерал-полковник **Б.Е. Пьянков**), **Забайкальского** (генерал-полковник **В.М. Семенов**), **Дальневосточного** (генерал-полковник **В.И. Новожилов**) и **Среднеазиатского** (генерал-полковник **А.В. Кавтунов**) военных округов таким образом, чтобы они были сориентированы на сдерживание американско-японской, а не китайской угрозы. Кроме того, в **Москве** были приняты решения: **1)** о сокращении в азиатской части страны числа ядерных ударных средств наземного базирования и самолетов-носителей ядерного оружия; **2)** о полном выводе войск **39-й армии** (генерал-лейтенант **С.Г. Иванов**) **Забайкальского Военного округа** с территории Монголии; **3)** о сокращении военных маневров и районов патрулирования частями и соединениями **Тихоокеанского Военно-Морского флота** (адмирал **Г.А. Хватов**).

В **мае 1989 г.** состоялся официальный визит **М.С. Горбачева** в **Пекин**, где состоялись его очень продуктивные переговоры с лидером КНР **Дэн Сяопином**, по итогам которых были подписаны принципиально важные документы о нормализации советско-китайских межгосударственных и межпартийных отношений. А затем, в **апреле 1990 г.**, в ходе ответного визита в **Москву** премьера **Госсовета КНР Ли Пэна** было подписано важное соглашение о демилитаризации советско-китайской границы и достигнута первая за многие годы договоренность о закупках Китаем в СССР истребителей **МИГ-29** и **СУ-27**.

Но при этом следует отметить, что нормализация советско-китайских отношений не привела к прекращению военного сотрудничества между **Пекином** и **Вашингтоном**. На территории **Синьцзяна** по-прежнему во всю работали совместные китайско-американские центры электронного слежения за советскими ракетами и испытаниями ядерного оружия в Средней Азии и Сибири, продолжался обмен разведывательной информацией о советских военных объектах и размещении его вооруженных сил, шли поставки отдельных видов компьютерной техники военного назначения и т.д.

Параллельно с нормализацией советско-китайских отношений у советского руководства стал возрастать интерес к нормализации отношений с Южной Кореей, где в **1986–1987 гг.** под давлением американской администрации началась либера-

лизация военного режима генерала **Чон Ду Хвана**. В **декабре 1987 г.** он добровольно ушел в отставку и в стране были проведены «свободные» президентские выборы, в результате которых новым лидером страны был избран генерал **Ро Дэ У**, что открыло путь к нормализации советско-южнокорейских отношений. Уже в **апреле 1989 г.** между **Москвой** и **Сеулом** было подписано первое советско-корейское торговое соглашение, а в **октябре 1990 г.** были установлены дипломатические отношения двух стран.

Безусловно, эти решения привели к оживлению диалога двух Корей, в центре которого оказалась проблема превращения всего Корейского полуострова в безъядерную зону и заключение договора о ненападении между **Пхеньяном** и **Сеулом**. В ходе довольно трудных переговоров между СССР, США, Японией и обеими Кореями в **сентябре 1991 г.** была выработана формула «**перекрестного признания**» двух Корей и состоялось их принятие в состав стран-участниц ООН. Затем, в **декабре 1991 г.**, КНДР и Республика Корея подписали соглашение «**О примирении, ненападении и сотрудничестве**», а в **феврале 1992 г.** заключили совместную декларацию о безъядерной зоне на Корейском полуострове. Однако на практике ситуация на Корейском полуострове оставалась крайне напряженной.

С началом политики «перестройки» начался и новый этап межгосударственных отношений между Советским Союзом и Японией. Уже в **январе 1986 г.** новый министр иностранных дел СССР **Э.А. Шеварднадзе** посетил с официальным визитом **Токио**, где провел со своим японским коллегой **С. Абэ** ряд предварительных консультаций по экономическим и общеполитическим проблемам и взаимоотношениям двух стран. Однако все попытки японской стороны поднять территориальный вопрос были решительно пресечены советской стороной. Вместе с тем, по итогам прошедших консультаций было подписано совместное **Советско-японское коммюнике**, в котором содержались основные принципы условий заключения мирного договора двух стран. Таким образом, эти консультации имели большое позитивное значение, поскольку означали возобновление прямого политического диалога между СССР и Японией.

Затем, в течение нескольких лет советские и японские дипломаты вели очень трудные переговоры по всему комплексу двусторонних проблем, итогом которых стал визит **М.С. Горбачева** в **Токио**, который состоялся в **апреле 1991 г.** Причем, накануне этого визита в японской столице побывал тов. **А.Н. Яковлев**, возглавлявший **Международную комиссию ЦК**, который в нужном русле «подготовил» турне президента страны по японским островам. В ходе этого визита было проведено шесть раундов переговоров с премьер-министром **Т. Кайфу**, на которых обе стороны попытались выработать единую позицию по всем спорным вопросам. В результате было подписано новое **Советско-японское коммюнике**, в котором говорилось об обстоятельном и углубленном обсуждении всего комплекса двусторонних проблем, включая: **1) проблему территориального размежевания островов Хабомаи, Шикотан, Кунашир и Итуруп** и **2) проблему заключения полномасштабного мирного договора двух стран на принципах Конвенции 1956 г.**, которая декларировала прекращение состояния войны и восстановление дипломатических отношений между СССР и Японией.

Таким образом, впервые с хрущевских времен **М.С. Горбачев** официально **признал наличие территориального вопроса** в отношениях двух стран и четко обозна-

чил все спорные территории — четыре острова **Курильской гряды**. Вместе с тем, о возвращении Японии островов **Хабомаи** и **Шикотан** после заключения мирного договора в этом коммюнике ничего не говорилось. Конечно, **Советско-японское коммюнике** прекратило прежнюю, довольно жесткую, конфронтацию в территориальном вопросе между Японией и СССР, поставив взаимные отношения двух стран на новые стартовые позиции. Но сам факт признания этой проблемы говорил о слабости позиций СССР, чем не преминули воспользоваться в **Токио**.

Уже в **октябре 1991 г.** с официальным визитом в **Москву** прибыл новый министр иностранных дел **Т. Накаяма**, который убедил советскую сторону создать постоянную рабочую комиссию для обсуждения территориальной проблемы. Советская сторона пошла на этот шаг, в расчете на то, что новое японское правительство, которое вновь возглавил **Т. Кайфу**, предоставит экономическую и финансовую помощь СССР, однако, не добившись нужного результата, японцы отказали в этой просьбе **Москве**.

5. Антикоммунистические «революции» в Центральной и Восточной Европе

Подобно тому, как к **концу 1988 г.** высшее советское руководство пришло к выводу о нецелесообразности финансирования военной организации **ОВД**, оно стало считать ненужным бременем и экономический союз с восточноевропейскими союзниками по **СЭВ**. Внутри самого **СЭВ** к тому времени было много разногласий, поскольку лидеры ряда восточноевропейских государств, в частности Румынии, Венгрии и Болгарии, полагали, что Советский Союз полностью подчинил их своим интересам, заставив переориентировать именно на него все их внешнеэкономические связи.

Советское руководство тоже перестало считать связи с Восточной Европой экономически выгодными, решив, что обеспечивать союзников поставками нефти и газа по ценам ниже мировых совершенно нецелесообразно. Поэтому вскоре в **Москве** было принято решение перевести торговлю энергоносителями со странами **СЭВ** на расчеты в свободно конвертируемой валюте и начать поэтапный переход к двусторонним договорам о поставках нефти в социалистические страны по мировым ценам.

Начавшиеся в СССР перемены поначалу минимально отразились на восточноевропейских странах, поскольку созданная здесь по советскому образцу довольно жесткая модель партийно-государственной власти зорко стояла на страже своих интересов. Поэтому практически все лидеры восточноевропейских стран с очень большим сомнением и тревогой наблюдали за «демократическими реформами» в СССР и опасались следовать советскому примеру. Особенно настороженно на «горбачевскую перестройку» реагировали в ГДР, Румынии и Болгарии, где давно сложились авторитарные режимы во главе с **Э. Хонеккером**, **Н. Чаушеску** и **Т. Живковым**.

По мнению ряда современных авторов (**А. Богатуров**, **В. Аверков**, **В. Медведев**, **А. Черняев**), придя к выводу о «нерентабельности» сохранения зоны своего влияния в Восточной Европе, советское политическое руководство перестало считать себя ответственным за сохранение у власти в восточноевропейских странах и самих

коммунистических режимов. Либо страны Восточной Европы должны были реформироваться в соответствии с духом и буквой «горбачевской модели перестройки», либо они должны были сами отвечать за свое будущее. Неслучайно в **октябре 1989 г.** во время официального визита в Финляндию **М.С. Горбачеву** был задан прямой вопрос об оценке им политической ситуации в ГДР, где поднялась волна общественного недовольства под лозунгом отстранения от власти многолетнего **Генерального секретаря ЦК СЕПГ Э. Хонеккера**. Отвечая на заданный вопрос, советский лидер так же впервые прямо заявил о том, что Советский Союз не имеет никаких намерений вмешиваться во внутренние дела восточноевропейских государств, что, по сути, означало провозглашение новой внешнеполитической **«доктрины невмешательства»**, пришедшей на смену прежней брежневской **«доктрине социалистического интернационализма»**.

Более того, в **начале декабря 1989 г.** на острове Мальта в Средиземном море состоялась первая встреча **М.С. Горбачева** с новым американским президентом **Дж. Бушем-старшим**, бывшим до этого вице-президентом в администрации **Р. Рейгана**, который, отсидев в **Белом Доме** положенных ему два срока, ушел на покой. В современной мемуаристике и исторической литературе (**А. Добрынин, Ан. Громыко, В. Медведев, М. Полюнов**) можно встретить довольно расхожее мнение о том, что во время этой встречи, которую часто именуют **«Советским Мюнхеном»**, советская сторона достигла договоренности с американцами о невмешательстве в восточноевропейские дела. Однако это не совсем так, поскольку к моменту проведения этой встречи на высшем уровне антикоммунистическая трансформация в Восточной Европе была де-факто завершена, а сразу после нее такая «трансформация», правда с большой кровью, произошла в Румынии. Поэтому советско-американские дискуссии на **Мальте** не могли иметь решающего значения для развития восточноевропейской ситуации, но именно во время этой встречи руководители СССР и США официально и торжественно провозгласили **окончание «холодной войны»**, которая, конечно, никуда не исчезла, а позднее трансформировалась в иные формы противостояния транснационального олигархического капитала и англосаксонской политической элиты с нашей страной.

Вместе с тем, по мнению других современных авторов (**А. Островский, А. Барсенков**), вряд ли стоит говорить о горбачевской **«доктрине невмешательства»**, поскольку именно активное вмешательство высшего советского руководства, прежде всего, самого **М.С. Горбачева, Э.А. Шеварднадзе, А.Н. Яковлева и В.А. Медведева**, во внутренние дела восточноевропейских компартий и стали главной причиной крушения коммунистических просоветских режимов в странах Восточной Европы и всего социалистического лагеря.

Конечно, информационные волны о «горбачевской перестройке» довольно быстро докатились до всех стран социалистического лагеря и стали мощным стимулом для роста там сильных антикоммунистических настроений. Причем, как и в СССР, в восточноевропейском регионе первоначально началось движение за «обновление социализма», которое довольно быстро переросло сначала в стихийный, а затем и не вполне стихийный, а, напротив, очень хорошо организованный слом старой политической системы.

Первой европейской страной социалистического лагеря, где началась резкая трансформация коммунистической политической системы, стала **Польская На-**

родная Республика. Еще в 1981 г. новому лидеру ПОРП генералу армии **Войцеху Ярузельскому** посредством введения военного положения удалось добиться относительной стабилизации обстановки в стране. Но, не удовлетворившись укреплением личной власти, он стал осторожно развивать диалог с оппозицией, чтобы не допустить повторного протестного взрыва в ряде регионов страны. Поэтому вскоре после своего избрания президентом ПНР, в 1986 г. **В. Ярузельский** объявил политическую амнистию, в результате которой в полном объеме возобновила свою подрывную деятельность пресловутая «**Солидарность**» во главе с **Лехом Валенсой**, которая активно финансировалась из-за рубежа, в частности знаменитым фондом **Дж. Сороса**. Кроме того, в это время резко активизировалась подрывная работа влиятельного католического духовенства, которым умело верховодил римский папа **Иоанн Павел II**, который, как известно, был этническим поляком и в «девичестве» носил имя **Кароль Войтыла**.

В конце сентября 1988 г. **М.С. Горбачев** и **В.А. Медведев** приняли в Москве члена Политбюро ЦК и секретаря ЦК ПОРП **Ю. Чирека**, который проинформировал их о готовности Запада, в том числе Ватикана, отказаться от скрытой войны с ПОРП и пойти на компромисс с ней. Речь шла о диалоге с «**Солидарностью**» и проведении в стране альтернативных выборов. **В. Ярузельский** был готов принять это предложение и выступить с идеей компромисса путем созыва «круглого стола» всех политических сил. Изложив этот план, **Ю. Чирек** сообщил, что Политбюро ЦК ПОРП пока не в курсе этих замыслов президента страны, но советский генсек сразу же одобрил их. Таким образом, в сентябре 1988 г. **М.С. Горбачев** дал добро на подготовку к тем событиям, которые ровно через год привели к отстранению ПОРП от власти. Причем, есть все основания предполагать, что если события в Эстонии рассматривались **М.С. Горбачевым** и **Ко** как полигон для разрушения СССР, то Польше отводилась роль аналогичного полигона для отработки тактики разрушения «мировой системы социализма».

В январе 1989 г. в Варшаве состоялся X Пленум ЦК ПОРП, на котором произошло резкое размежевание в рядах высшего партийного руководства страны. Под угрозой своей отставки **В. Ярузельский**, глава правительства **М. Раковский**, министр национальной обороны генерал армии **Ф. Сивицкий** и министр внутренних дел генерал брони **Ч. Кищяк** смогли убедить большинство членов ЦК пойти на уступки оппозиции и принять решение о созыве «круглого стола» всех политических партий и движений. В феврале — апреле 1989 г. в ходе заседаний «круглого стола» руководство страны согласилось легализовать «**Солидарность**» и провести ряд существенных изменений в политическом строе страны. В частности, была достигнута договоренность о внесении поправок в Конституцию ПНР о проведении парламентских выборов на многопартийной основе и учреждения второй, верхней палаты парламента — **Сената**.

В июне 1989 г. состоялись первые альтернативные выборы в нижнюю палату польского парламента — **Сейм**, после завершения которых «**Солидарность**» вступила в коалицию с другими некоммунистическими партиями, и ПОРП осталась в меньшинстве. Тем не менее, в июле 1989 г. польский Сейм большинством в один голос снова избрал **Первого секретаря ЦК ПОРП В. Ярузельского** президентом страны, который согласно новой Конституции вынужден был покинуть свой высший партийный пост. В результате на XIII Пленуме ЦК ПОРП новым лиде-

ром польских коммунистов стал председатель **Совета Министров ПНР Мечислав Раковский**.

В **сентябре 1989 г.** после отставки кабинета **М. Раковского** было сформировано первое за послевоенный период некоммунистическое правительство страны во главе с одним из лидеров «Солидарности» **Т. Мазовецким**. А уже в **январе 1990 г.** ПОРП объявила о своем преобразовании в социал-демократическую партию и отказалась от ряда ключевых постулатов своей старой партийной программы, в частности идеи строительства социализма. На **ноябрь 1990 г.** были назначены прямые всенародные выборы президента страны, однако накануне их проведения **В. Ярузельский** отказался от выдвижения своей кандидатуры и в результате новым президентом Польши стал лидер «Солидарности» **Л. Валенса**, одержавший победу во втором туре.

В результате произошедших событий в истории советско-польских отношений начался новый этап. Стремясь предупредить нарастающее отчуждение польской правящей элиты от **Москвы**, продажное советское руководство пошло на беспрецедентный шаг и официально признала ответственность «преступного сталинского режима» за расстрел пленных польских офицеров в **Катыни весной 1940 г.** и передало новым польским властям часть сфабрикованных документов, относящиеся к событиям тех лет. Однако этот жест «доброй воли» был прохладно встречен польской стороной. Более того, он еще больше способствовал разжиганию антисоветской и антирусской истерии в польском обществе, где первую скрипку стали играть католическое духовенство и агрессивные русофобы из польской «Солидарности».

По аналогичному сценарию вскоре стали развиваться события в соседней **Чехословацкой Социалистической Республике**. Еще в **декабре 1987 г.** под прямым давлением **Москвы** многолетний лидер ЧССР **Густав Гусак** ушел с поста руководителя партии и сохранил за собой только пост **Президента ЧССР**, а новым **Генеральным секретарем ЦК КПЧ** стал **Милош Якеш**. Однако эта смена лидеров не нашла поддержки в обществе и уже в **марте 1988 г.** в **Братиславе** прошла так называемая «демонстрация со свечами», которая была организована агентами католической церкви и западных спецслужб. Затем, в **январе 1989 г.**, аналогичные демонстрации прокатились по всей стране, но они были жестко подавлены полицией.

Однако постепенно ситуация в стране стала выходить из под контроля правящей партии и вскоре вылилась в массовые антиправительственные выступления студенческой молодежи, которые умело направлялись агентами западных спецслужб, собственными органами государственной безопасности во главе с генерал-лейтенантом **А. Лоренцем** и руководством католической церкви, которую возглавлял престарелый, но вполне дееспособный кардинал **Ф. Томашек**. Свою руку к этим событиям приложили и советские спецслужбы, в частности **КГБ СССР**, один из руководителей которого — новоиспеченный начальник **Второго Главного Управления КГБ** генерал-лейтенант **В.Ф. Грушко** по личному указанию секретаря ЦК **А.Н. Яковлева** в **середине ноября 1989 г.** побывал в **Праге**.

В **середине ноября 1989 г.** с массовой студенческой демонстраций в **Праге** началась так называемая «бархатная революция» в Чехословакии, в результате которой буквально в считанные дни было сметено все партийно-государственное руководство страны. Сначала в отставку был отправлен **Милош Якеш** и новым **Генеральным секретарем ЦК КПЧ** был избран **Карл Урбанек**. Затем в отставку подал весь состав

Политбюро ЦК КПЧ, а уже в **конце ноября 1989 г.** состоялась встреча руководства правительства, которое возглавлял **Ладислав Адамец**, с лидерами оппозиционного «**Гражданского форума**», лидером которого стал **Вацлав Гавел**. Именно на этой встрече было принято решение об отмене конституционной статьи о руководящей роли **КПЧ**, о введении многопартийности и основных гражданских и политических прав и свобод, и т.д.

После подписания этого соглашения **Президент ЧССР Г. Гусак** ушел в отставку, и в **середине декабря 1989 г.** под руководством ревизиониста **М. Чалфы** было сформировано **Коалиционное правительство национального согласия**, в котором коммунисты и оппозиция получили одинаковое количество мест. Одновременно на своем **XVIII внеочередном съезде КПЧ** отмежеввалась от прежней марксистской доктрины, приняла новую программу действий «**За демократическое социалистическое общество**» и отменила старый партийный устав

Изменение политической системы страны тут же повлекло за собой стремительное вхождение в состав правящей элиты новых фигур. Ядро этой новой политической элиты составили диссиденты, которые верховодили страной еще во времена пресловутой «**Пражской весны**». В самом **конце декабря 1989 г.** реорганизованный парламент избрал своим председателем ревизиониста **А. Дубчека**, а новым **Президентом ЧССР** — лидера «**Гражданского форума**» **В. Гавела**, которые взяли курс на развал единой страны и стремительный дрейф в сторону заокеанский хозяев.

Примерно в это же время аналогичные события стали развиваться и в **Венгерской Народной Республике**, где тридцать лет у власти находился **Первый секретарь ЦК ВСРП Янош Кадар**, который в целом пользовался популярностью и поддержкой в венгерском обществе. Именно по его инициативе **летом 1986 г.** первый секретарь **Будапештского ГК ВСРП Карой Гросс**, который был лидером реформаторского крыла в партии, приступил к подготовке новой программы социально-экономических реформ. В **сентябре 1986 г.** **Государственное Собрание ВНР** утвердило эту программу, а в **июне 1987 г.** было сформировано новое венгерское правительство, которое по личной просьбе **Я. Кадара** возглавил **Карой Грос**. Именно в этом качестве в **конце 1987 г.** **К. Грос** посетил **Москву**, где состоялась его продолжительная встреча с **М.С. Горбачевым**. Само содержание этой встречи так и осталось «тайной за семью печатями», но то, что советский генсек, наверняка, агитировал своего визави «за венгерскую перестройку», вряд ли может вызывать сомнения.

В **апреле 1988 г.** **Я. Кадар**, который к тому времени был уже тяжело и неизлечимо болен, предложил **К. Гросу** возглавить и партию. Он дал согласие на это предложение, но только при условии, что сам **Я. Кадар** станет **Председателем ВСРП**, а из состава **Политбюро ЦК ВСРП** будут удалены несколько самых одиозных фигур, выступавших против реформ. В **конце мая 1988 г.** состоялась **Венгерская партийная конференция**, на которой **К. Грос** был избран **Генеральным секретарем ЦК ВСПР**, **Я. Кадар** стал **Председателем ВСРП**, а из прежнего состава **Политбюро ЦК** было выведено более половины его членов.

Вскоре после произошедших перемен, в **июле 1988 г.** состоялся новый визит **К. Гроса** в **Москву** и одновременно первый визит **Вашингтон**, где состоялись его переговоры с **М.С. Горбачевым** и **Р. Рейганом**. Результаты этих встреч и переговоров тоже стали «тайной за семью печатями», но дальнейшее развитие политической ситуации в стране дает все основания утверждать, что новому лидеру Венгрии хо-

рошо промыли мозги. Более того, в **ноябре 1988 г.** Будапешт посетил горбачевский эмиссар господин **А.Н. Яковлев** и практически сразу после его отъезда **К. Грос**, против своей воли, передал пост председателя **Совета Министров ВНР** новому секретарю **ЦК ВСРП** ревизионисту **Миклошу Немету**.

В **феврале 1989 г.** Пленум **ЦК ВСРП**, явно по подсказке московского эмиссара, принял решение о «переводе реформ из сферы экономики в сферу политики» и отменил руководящая роль партии. А сразу после этого **К. Грос** опять вылетел в **Москву**, где состоялась его новая встреча с **М.С. Горбачевым**, где советский генсек вновь убеждал своего визави, что все идет в нужном направлении. Однако уже в **середине апреля 1989 г.** на очередном Пленуме **ЦК** весь состав **Политбюро ЦК ВСРП** подал в коллективную отставку. В результате этого своих постов лишились два ключевых члена высшего партийного руководства — секретарь **ЦК** по идеологии **Я. Берец** и секретарь **ЦК** по организационным вопросам **Я. Лукач**. **К. Грос** был переизбран **Генеральным секретарем ЦК**, но реальная власть в партии оказалась в руках его оппонентов — лидеров ревизионистов **Р. Ньерша**, **И. Пожгаи** и **М. Немета**. Именно под их давлением на **июньском Пленуме ЦК** смертельно больной **Я. Кадар** был снят с поста **Председателя ВСРП**, который занял **Режё Ньерш**, ставший фактически новым лидером страны.

В **октябре 1989 г.** состоялся **XIV съезд ВСРП**, который принял сторону противников **К. Гроса** и переименовал **ВСРП** в **Венгерскую социалистическую партию (ВСП)**, которая отказалась от прежней марксистской платформы и перешла на позиции ревизионизма. **Р. Ньерш** стал **Председателем ВСП**, а **К. Грос** окончательно лишился власти в стране. В **декабре 1989 г.** сторонники **К. Гроса** вновь созвали **XIV съезд партии**, воссоздали **ВСРП** и заявили о продолжении ее деятельности, однако реальной власти в стране партия так и не получила. Более того, в **марте 1990 г.** на первых свободных парламентских выборах обе партии — **ВСРП** и **ВСП** потерпели сокрушительное поражение, и власть перешла в руки антисоветского **Венгерского демократического форума**, лидер которого **Йожеф Анталл** возглавил новое правительство Венгрии.

В **Народной Республике Болгария**, где с **марта 1954 г.** у власти бессменно находился **Тодор Живков**, «горбачевская перестройка» была встречена не просто настороженно, но крайне враждебно. Часть членов высшего партийно-государственного руководства страны, прежде всего, сам **Генеральный секретарь ЦК БКП** и председатель **Государственного Совета БНР Т. Живков** и председатель **Совета Министров БНР Г. Атанасов**, всячески противились любым переменам в болгарском обществе и как могли сдерживали давление **Москвы**. Но в **ноябре 1989 г.** внутри **Политбюро** созрел заговор, инспирированный московскими эмиссарами (бывшим андроповским помощником и нынешним послом в Софии генералом **В.В. Шараповым**), в результате которого министр иностранных дел **П. Младенов**, министр обороны генерал армии **Д. Джурев**, председатель **Народного Собрания БНР С. Тодоров** и министр внешнеэкономических связей **А. Луканов** отстранили **Т. Живкова** от власти и заявили о начале реализации программы широкомасштабных реформ в стране. Новым **Генеральным секретарем ЦК БКП** и председателем **Госсовета БНР** стал **Петр Младенов**, а главой правительства был назначен **Андрей Луканов**. Однако эти перемены в высшем болгарском руководстве лишь подстегнули антикоммунистические настроения в стране.

На волне этих настроений уже в **декабре 1989 г.** все оппозиционные антикоммунистические силы объединились в **«Союз демократических сил»** во главе с **Ж. Желевым**, по требованию которого новое болгарское руководство пошло на созыв **«национального круглого стола»**. Переговоры в рамках «круглого стола» шли достаточно трудно, но в **марте 1990 г.** было достигнуто соглашение о провозглашении равноправия различных форм собственности, введении принципов разделения властей и многопартийности. Тогда же **БКП** была преобразована в **Болгарскую Социалистическую партию**, которая так же отказалась от марксистской платформы и перешла на позиции ревизионизма. Однако это не спасло новых лидеров страны — президента **П. Младенова** и главу правительства **А. Луканова** от политического поражения.

В **октябре 1991 г.** на волне тяжелейшего экономического кризиса в стране и массовых антиправительственных протестов **БСП** потерпела поражение на парламентских выборах и ушла в оппозицию. Правящей партией стал **«Союз демократических сил»**, лидер которого **Жельо Желев** стал новым президентом страны, а беспартийный **Димитр Попов** возглавил новое правительство Болгарии.

В результате аналогичного заговора, инспирированного **Москвой**, произошла и смена власти в ГДР, где у власти почти два десятка лет находился **Генеральный секретарь ЦК СЕПГ** и председатель **Государственного Совета ГДР Эрих Хонеккер**, категорически не принявший горбачевскую перестройку. Буквально накануне его отставки состоялись торжественные мероприятия, посвященные **40-летию** образования ГДР, в которых принимала участие и советская партийно-правительственная делегация во главе с **М.С. Горбачевым**. Однако сразу после отъезда **М.С. Горбачева** в **Москву** в **Политбюро ЦК СЕПГ** состоялся «верхушечный переворот», в результате которого **Э. Хонеккер** был отправлен в отставку, а новым руководителем **ЦК СЕПГ** и председателем **Госсвета ГДР** стал **Эгон Кренц**. Одновременно новым председателем **Совета Министров ГДР** стал **Ханс Модров**, который был лидером ревизионистского крыла в высшем партийном руководстве страны и фактической креатурой самого **М.С. Горбачева**.

Именно по инициативе этого «реформатора» и могильщика ГДР в **начале ноября 1989 г.** сначала была открыта государственная граница с ФРГ, а затем разрушена знаменитая **Берлинская стена**, ставшая своеобразным символом раскола всего мира на две противоборствующие системы. Ровно через месяц, в **начале декабря 1989 г.** все руководство ГДР ушло в отставку. Новым временным главой **Госсвета ГДР** стал лидер **ЛДПГ Манфред Герлах**, а новым лидером реформированной и переименованной **СЕПГ-ДПС** стал **Грегор Гизи**. Однако ситуация в стране продолжала резко обостряться, на повестку дня встал вопрос об объединении двух Германий, и вскоре все прежнее «реформистское» руководство ГДР, сделав под чутким руководством московских эмиссаров и западных спецслужб свою грязную работу, ушло в отставку. В **апреле 1990 г.** пост председателя **Госсвета ГДР** был упразднен и новым главой государства стала председатель **Народной палаты ГДР Сабина Бергман-Поль**, а главой правительства был назначен **Лотар Де Мезьер**, которые находились на своих постах вплоть до **начала октября 1990 г.**, то есть гибели ГДР и поглощения восточногерманских земель ФРГ.

Последней европейской страной социалистического лагеря, ставшей самой кровавой жертвой «горбачевской перестройки», стала **Социалистическая Республика**

Румыния, которую почти четверть века возглавлял **Николае Чаушеску**, занимавший посты **Генерального секретаря ЦК РКП** и **Президента СРР**.

В **октябре 1989 г.** в Румынии стали активно распространяться подметные письма о злоупотреблениях правящего клана **Чаушеску**, авторы которых, скрываясь под именем мифических «**Фронта национального спасения**» и «**Румынского национального фронта**», призвали всех граждан страны начать массовые акции протеста, а коммунистов — не переизбирать на предстоящем **XIV съезде РКП Н. Чаушеску** лидером партии и страны. Тем не менее, в **ноябре 1989 г.** на состоявшемся партийном съезде **Н. Чаушеску** не только был переизбран на пост **Генерального секретаря ЦК РКП**, но и выступил с разгромной речью в адрес «горбачевской перестройки», которая, по его мнению, приведет к краху весь социалистический лагерь.

Понятно, что подобная фронда вызвало резкое недовольство в **Москве**, и вскоре высшее советское руководство, проведя необходимые консультации с западными коллегами, дало команду собственным органам **ГРУ** и **КГБ СССР** совместно с западными и венгерскими спецслужбами «мочить» **Н. Чаушеску** и его клан.

16 декабря 1989 г. в румынской Трансильвании, в частности городе **Тимишоара**, где компактно проживало венгерское этническое меньшинство, начались акции протеста против снятия с поста и выселения из города венгерского католического пастора **Ласло Текеша**, которые быстро охватили всю остальную часть страны. На следующий день **Н. Чаушеску** выразил министру обороны генерал-полковнику **В. Миля**, главе «**Секуритате**» генералу армии **Ю. Владу** и министру внутренних дел генералу армии **Т. Постелнику** свое недоверие и заявил об их смещении со своих постов. Однако под давлением премьер-министра страны **К. Дэскэлеску** **Н. Чаушеску** отменил свое прежнее решение и отдал приказ «**Секуритате**» и армейским частям немедленно навести порядок в стране.

18 декабря **Н. Чаушеску** отправился с рабочим визитом в Иран для подписания крупного контракта на поставку нефти и оставил «на хозяйстве» свою супругу **Елену Чаушеску**, которую многие румыны очень боялись, считая ее главной фигурой в правящем тандеме. Однако уже **20 декабря** **Н. Чаушеску** прервал свой зарубежный визит и срочно вернулся в страну. Прилетев в **Бухарест**, он сразу выступил с обращением к народу, а затем провел закрытую телеконференцию со всем руководством силовых ведомств и секретарями местных партийных комитетов страны. На этой конференции он: **1)** отдал силовикам приказ привести в состояние повышенной боевой готовности все вооруженные силы страны и «стрелять по мятежникам без предупреждения»; **2)** потребовал от всех партийных секретарей «организовать из сторонников социализма специальные отряды самообороны» в составе **50 тысяч человек** из числа «проверенных пролетариев» и немедленно привезти их в столицу для участия в митинге-поддержке руководства страны.

21 декабря на **Дворцовой площади Бухареста** возле здания **ЦК РКП** начался митинг сторонников президента, который во время выступления **Н. Чаушеску** сотряс громкий взрыв петарды, взорванный одним из агентов западных спецслужб. В результате произошедшего «теракта» митинг сторонников президента в один миг перерос в мощную антиправительственную акцию, которая вскоре охватила весь **Будапешт**. В разных районах города началась беспорядочная стрельба, на улицах появились танки и усиленные солдатские патрули.

22 декабря при загадочных обстоятельствах погиб министр обороны генерал-полковник **В. Миле**, после чего армия перешла на сторону восставших и повернула оружие против отрядов «**Секуритате**». После этого мятежники совместно с армейскими частями заняли телецентр в **Бухаресте** и объявили о падении режима **Н. Чаушеску**. В тот же день **Н. Чаушеску** вместе со своей женой **Е. Чаушеску** и двумя ближайшими членами Политисполкома ЦК РКП Э. Бобу и М. Мэнеску на вертолете с крыши здания ЦК РКП вылетел в резервный командный пункт. Однако после того как новый министр обороны генерал-провокатор **В. Стэнкулеску** закрыл воздушное пространство страны, вертолет с четой **Чаушеску** приземлился в районе города **Тырговиште**.

В тот же день беглецы были задержаны воинским патрулем и последующие двое суток провели в камере отдела военной полиции гарнизона **Тырговиште**. Затем там же наскоро был организован чрезвычайный трибунал, незаконно приговоривший чету **Чаушеску** к расстрелу, с конфискацией всего их имущества. Причем, осужденным была дана призрачная возможность избежать смертной казни, для чего им нужно было согласиться пройти экспертизу на наличие психических заболеваний, а в случае необходимости — отправиться на принудительное лечение в психиатрическую больницу. Но супруги решительно и мужественно отвергли все предложения военных судей. После этого чете **Чаушеску** по стандартной процедуре дали десять дней на обжалование вынесенного смертного приговора, однако, они не признали полномочия незаконного трибунала и героически приняли смерть от врагов румынского народа. **25 декабря 1989 г.** у стены солдатской уборной супруги **Чаушеску** были расстреляны, при этом мужественный президент страны перед приведением незаконного приговора в исполнение, как истинный коммунист, пел «**Интернационал**».

После незаконной расправы с руководителем страны и его супругой власть в стране захватил **Фронт национального спасения** во главе с предателем **Ионом Илиеску**, который в недавнем прошлом был одним из секретарей ЦК РКП. Однако антикоммунистическая оппозиция отказалась признать правительство **ФНС** и в **январе 1990 г.** возобновила кампанию протестов по всей стране. Но в **мае 1990 г.** на президентских выборах **И. Илиеску** был избран президентом Румынии, а главой временного правительства стал **Петро Роман**.

После так называемых «**бархатных революций**» все бывшие социалистические страны стремились как можно быстрее уничтожить последние инструменты влияния **Москвы**. Поэтому уже в **конце февраля 1991 г.** на встрече министров иностранных дел и обороны стран-участниц ОВД в **Будапеште** была достигнута договоренность о прекращении с **апреля 1991 г.** деятельности военной организации Варшавского договора. Затем аналогичная договоренность по предложению **В. Гавела** и при молчаливой поддержке **М.С. Горбачева** была согласована в **Москве** на встрече глав государств и правительств стран-участниц ОВД. А уже в **начале июля 1991 г.** по решению Политического Консультативного комитета ОВД, состоявшегося в **Праге**, Организация Варшавского договора заявила о своем самороспуске. Несколько ранее, в **конце июня 1991 г.**, в **Будапеште** было подписано и соглашение о самороспуске **Совета Экономической Взаимопомощи (СЭВ)** бывших стран социалистического лагеря.

Еще до ликвидации ОВД и СЭВ новые лидеры бывших социалистических стран наперебой стали делать громкие заявления о намерении более тесного сотрудниче-

ства со странами **НАТО** и, в перспективе, вхождения в качестве ассоциированных членов в этот военно-политический блок. Идя навстречу этим пожеланиям лидеров новых «демократических» стран, в **июле 1990 г.** состоялся **Лондонский саммит Совета НАТО**, на котором была принята «**Декларация сотрудничества с бывшими социалистическими странами**» и озвучено официальное приглашение их лидерам посетить штаб-квартиру **НАТО** в **Брюсселе**.

6. Крушение ГДР и создание единой Германии

Принципиальная договоренность об объединении Германии была достигнута между СССР и США во время встречи **М.С. Горбачева** и **Дж. Буша** на **Мальте** в **декабре 1989 г.**, когда стало окончательно ясно, что при активной поддержке горбачевского руководства к власти в **Берлине** пришли откровенно прозападные антисоветские и антикоммунистические силы. Причем, патриарх советской дипломатии и тогдашний советник председателя **Президиума Верховного Совета СССР А.Ф. Добрынин** категорически утверждал, что на **Мальте М.С. Горбачев**, по сути, совершил акт государственной измены и полностью проигнорировал директиву **Политбюро ЦК**, согласно которой объединение Германии допускалось только в том случае, «когда оба блока — **НАТО** и **Варшавский договор** — будут распушены или объединены по взаимному согласию».

В ходе состоявшихся переговоров лидеров двух сверхдержав в центре внимания оказались несколько ключевых проблем:

1) Необходимо было определить формулу самих переговоров. Имелось два ее варианта — «**два плюс четыре**» или «**четыре плюс два**». При первом варианте основными участниками выработки соглашения становились два германских государства, к которым на определенном этапе должны были присоединиться четыре великие державы-участницы антигитлеровской коалиции времен **Второй Мировой войны**, то есть СССР, США, Великобритания и Франция. При втором варианте — условия объединения должны были выработать сами страны-участницы антигитлеровской коалиции, а двум германским государствам был бы предложен к подписанию уже подготовленный документ.

2) Необходимо было прояснить вопрос о границах единой Германии. В этом вопросе не было оснований ждать осложнений, так как оба германских государства, подписав в **августе 1975 г. Хельсинский Заключительный акт**, подтвердили признание германских границ по **Одеру** и **Нейсе**. Требовалось лишь найти формальную формулу, по которой это признание было бы зафиксировано объединенной Германией.

3) Необходимо было договориться о международном статусе будущей единой Германии (ФРГ) — станет ли она нейтральным государством или сохранит прежнее право вхождения в военно-политические блоки.

Вопрос объединения Германии вызывал серьезную озабоченность у лидеров целого ряда западноевропейских государств, прежде всего, президента Франции **Ф. Миттерана** и премьер-министра Великобритании **М. Тэтчер**. Однако уже в **апреле 1990 г.** на сессии **Европейского совета** в **Дублине** было достигнуто соглашение о едином подходе стран **Европейского сообщества** к вопросу объединения Германии. Стараясь развеять все сомнения партнеров, федеральный канцлер **Г. Коль** заявил

о своем желании существенно ускорить все работы по созданию единого валютного союза западноевропейских держав и присоединении его, уже «объединенной», страны к **Шенгенским соглашениям**. В ответ на эти заявления германского канцлера руководители Франции, Британии, Италии и другие страны ЕС высказались в поддержку объединения Германии.

Сам процесс объединения Германии по предложению **М.С. Горбачева** было решено провести по формуле «**два плюс четыре**», и уже в **ноябре 1989 г.** федеральный канцлер **Г. Коля** огласил программу поэтапного объединения Германии, состоящей из **10-ти пунктов**, главным из которых было безоговорочное признание будущей единой Германией существующих европейских границ.

Успех в урегулировании внешних аспектов германского вопроса позволил **Г. Колю** начать реализацию его плана. В **феврале 1990 г.** было объявлено о создании между ГДР и ФРГ валютного союза, основой которого должна была стать западногерманская марка. В **марте 1990 г.** в ГДР состоялись первые выборы на многопартийной основе, в которых победил блок некоммунистических партий «**Альянс за Германию**», выступавший за объединение страны на основе западногерманской конституции — фактически за присоединение ГДР к ФРГ. А в **мае 1990 г.** правительство ГДР во главе с **Л. Де Мезьером** заключило с ФРГ договор о валютном, экономическом и социальном союзе, который делал обе страны единым целым во всем, за исключением сферы международных отношений и обороны. Затем, в **июне 1990 г.**, между ГДР и ФРГ был заключен **государственный договор** об объединении Германии, который, однако, мог вступить в силу только после урегулирования внешних аспектов германской проблемы.

В **мае — июле 1990 г.** в **Бонне, Берлине и Париже** состоялось три тура многосторонних переговоров по Германии по формуле «**два плюс четыре**». А затем, в **середине июля 1990 г.**, состоялась скоротечная встреча **Г. Коля** и **М.С. Горбачева** в ставропольском **Архызе**, где советский генсек фактически сдал ГДР на съедение ФРГ, не потребовав при этом никаких компенсаций со стороны германского канцлера, что вызвало его искренне удивление и даже привело его в шок. Хотя, в тех условиях западногерманское руководство ради объединения Германии готово было пойти на существенные уступки практически в любых вопросах. В частности, речь шла: **1)** о крупных денежных компенсациях за вывод и обустройство частей и соединений **ГСВГ** на территории СССР; **2)** о возможности добиться согласия на нейтральный статус объединенной Германии и ее выхода из военно-политических структур **НАТО**; **3)** о подписании многостороннего договора, который предусматривал не расширение блока **НАТО** на Восток, т.е. территорию стран бывшего социалистического лагеря и т.д.

Полного представления о содержании достигнутых там договоренностей мы не имеем до сих пор. Известно лишь, что на этой встрече главы двух государств окончательно решили вопрос об объединении Германии и обсудили вытекающие из этого проблемы. В частности, **М.С. Горбачев** подтвердил право ФРГ на самостоятельное решение вопроса о членстве в **НАТО** и изъявил готовность ускорить процесс вывода советских войск из Германии.

Как позднее вспоминал заведующий **Международным отделом ЦК В.М. Фалин**, только за вывод советских войск и объединение Германии федеральный канцлер **Г. Коля** предлагал советской стороне безвозмездный кредит в **100 млрд**

марок, однако **М.С. Горбачев** принял «подачку в **14 млрд марок** на обустройство советских войск, даже не списав долги Советского Союза обеим Германиям, при том, что только одно советское имущество в ГДР оценивалось почти в **1 триллион марок**». Что скрывалось за такой политикой, предстоит еще выяснить до конца, но по существу это было государственное преступление. Однако **М.С. Горбачев**, сразу после **Архыза**, с чувством исполненного долга, отправился на отдых в Крым.

В **середине сентября 1990 г.** все внешнеполитические аспекты объединения Германии были окончательно согласованы подписанием в **Москве «Договора об окончательном урегулировании в отношении Германии»**. Он был подписан министрами иностранных дел двух германских государств, СССР, США, Великобритании и Франции в присутствии президента СССР **М.С. Горбачева**. В международно-правовом отношении этот договор представлял собой окончательное разрешение германской проблемы. Отныне политико-правовой статус объединенной Германии, как нового суверенного государства, восстанавливался в полном объеме, а права бывших «оккупирующих держав» в отношении обеих частей Германии прекращались. Объединение Германии состоялось **3 октября 1990 г.**, в результате чего территория бывшей ГДР превратилась в пять новых земель ФРГ. Аналогичным образом были объединены и обе части **Берлина**.

В **начале ноября 1990 г.** состоялся государственный визит **М.С. Горбачева** в единую ФРГ, в ходе которого им и федеральным канцлером **Г. Колем** был подписан новый советско-германский **Договор «О добрососедстве, партнерстве и сотрудничестве»**, окончательно закрепивший произошедшие коренные перемены на европейском континенте. Согласно подписанному договору советские войска могли оставаться на территории бывшей ГДР до **конца 1995 г.** и объединенная Германия взяла на себя обязательства по частичному финансированию содержания выводимых советских войск и обустройства их в новых местах дислокации. Кроме того, германская сторона после вывода советских войск была обязана воздерживаться от размещения на территории восточных земель ФРГ иностранных вооруженных сил, ядерного оружия или его носителей. Не успели высохнуть чернила под этим преступным договором, как уже в **начале декабря 1990 г.** в ознаменование «особых заслуг в деле укрепления мира», а фактически предательства интересов собственной страны **М.С. Горбачев** был удостоен **Нобелевской премии мира**.

7. Комплекс международных соглашений о разоружении (РСМД, ДОВСЕ, СНВ-1)

В **октябре 1986 г.** в столице Исландии **Рейкьявике** состоялся очередной советско-американский саммит на высшем уровне, в ходе которого **М.С. Горбачев** предложил президенту **Р. Рейгану** три проекта соглашений по ядерным вооружениям. **Первый проект** предусматривал в течение ближайших пяти лет сократить ровно на половину арсеналы стратегических ракет двух сверхдержав. **Второй проект** содержал предложение вернуться к «нулевому варианту» **Р. Рейгана**, с идеей которого он выступил еще **ноябре 1981 г.**, и полностью уничтожить американские и советские ракеты средней и меньшей дальности и Европе. **Третий проект** предполагал в течение ближайших десяти лет не использовать свое законное право одностороннего

выхода из бессрочного **Договора о противоракетной обороне (ПРО)**, заключенного в 1972 г. Причем, предлагалось, чтобы **Вашингтон** все свои работы по программе **Стратегической Оборонной Инициативы (СОИ)** ограничил бы исключительно лабораторными исследованиями. Все эти три проекта предполагалось рассмотреть в едином пакете, однако американская сторона была готова подписать лишь два первых соглашения. В результате **М.С. Горбачев** обвинил американскую сторону в стремлении добиться своего превосходства, а **Р. Рейган** заявил, что советская сторона пытается навязать США неприемлемые для них условия договора. В итоге в **Рейкьявике** не было подписано ни одно из предложенных соглашений.

Хотя встреча в **Рейкьявике** и не принесла конкретных результатов, дипломаты обеих держав вынесли твердую уверенность, что советско-американский компромисс в принципе возможен, и уже в **феврале 1987 г. М.С. Горбачев** выступил с новой инициативой «распечатать пакет» переговоров по военным вопросам, выделив в самостоятельный переговорный блок проблемы **ракет среднего радиуса действия (РСРД)** и **крылатых ракет (КРНБ)**.

В этой ситуации тогдашний министр обороны СССР маршал **С.Л. Соколов** и начальник Генерального штаба маршал **С.Ф. Ахромеев** представили **М.С. Горбачеву** подробную аналитическую записку с просьбой рассмотреть этот вопрос на **Совете обороны СССР** с участием большой группы военных специалистов. Однако генсек никак не отреагировал на эту просьбу руководства военного ведомства страны. Более того, в **мае 1987 г.** под благовидным предлогом маршал **С.Л. Соколов** и главнокомандующий **ПВО** главный маршал авиации **А.И. Колдунов** были отправлены в отставку. В **июне 1987 г.** новый министр обороны СССР генерал армии **Д.Т. Язов** вторично обратился к **М.С. Горбачеву** провести серьезный разговор по этой проблеме, но и эта просьба вновь осталась без ответа.

Тем временем, в **сентябре 1987 г.** состоялся скоротечный визит госсекретаря США в **Москву**, где на уровне глав внешнеполитических ведомств двух держав **Э.А. Шеварднадзе** и **Дж. Шульца** была достигнута договоренность о разрешении проблемы ракет средней дальности и крылатых ракет на основании **формулы «глобального нуля»**, в соответствии с которой все ракеты с ядерными боеголовками не просто выводились за пределы Европы (применительно к СССР — за пределы его европейской части), как это обсуждалось в **Рейкьявике**, а подлежали полному уничтожению.

В **начале декабря 1987 г. в Вашингтоне** состоялась еще одна советско-американская встреча на высшем уровне, в ходе которой **М.С. Горбачев** и **Р. Рейган** подписали **Договор «О ликвидации ракет средней и меньшей дальности» (РСМД)**, в соответствии с которым в течение трех лет обе стороны должны были уничтожить все ракеты наземного базирования с радиусом действия от **500 до 5500 км**, включая ракеты, как в европейской, так и в азиатской частях СССР. Согласно этому договору ликвидации подлежали **1752 советских** и **859 американских баллистических ракет**. Причем, советская сторона должна была ликвидировать **650 ракет «Пионер»**, имевших по три **РГЧ**. Таким образом, по подписанному договору советская сторона де-факто уничтожала **3052 ядерных боеголовки** против **859 американских боеголовок**, что носило откровенно асимметричный характер. Плюс к этому советской стороной были ликвидированы все ракеты малой дальности **«Ока»**, размещенные в Сибири и на Дальнем Востоке, о которых в договоре вообще не упоминалось.

Это был первый в истории случай договоренности о реальном сокращении имевшихся вооружений. При этом СССР отказался от своего прежнего требования увязать вопрос о ядерных ракетах с вопросом о **Стратегической Оборонной Инициативы (СОИ)**, которая на поверку оказалась самым настоящим блефом, рассчитанным на подрыв экономической мощи СССР. Договор также предусматривал процедуры проверки исполнения договоренностей не только национальными средствами слежения (в частности, «спутниками-шпионами»), но и посредством направления групп военных инспекторов, которым надлежало следить за уничтожением ракет противоположной стороны на месте их утилизации.

Сам **М.С. Горбачев** и его команда, готовившие сдачу советских позиций американской стороне, были в восторге от подписанного договора. Однако начальник Генерального штаба маршал **С.Ф. Ахромеев**, покидая **Женеву**, с горечью, но вполне здраво заметил: «Теперь мне осталось одно — просить убежище в нейтральной Швейцарии». Не успел **М.С. Горбачев** вернуться в **Москву** и поведать членам **Политбюро ЦК** о том, какой «крупный шаг на пути к разрядке и миру» ему удалось сделать в **Вашингтоне**, как в **середине декабря 1987 г.** США заявили о начале производства бинарного химического оружия.

Между тем, в **середине января 1988 г.** на страницах газеты «**Правды**» появилась статья **Г.Х. Шахназарова** под названием «**Мировое сообщество управляемо**», в которой развивалась старая идея **мондиалистов** о том, что усложнение мира требует создания «нового мирового порядка» и «мирового правительства», которое исходило бы из признания целостности мира и учитывало баланс всех сил на мировой арене. В частности, автор этой статьи совершенно открыто и цинично писал: «Процесс глобализации обусловлен объективно, поэтому ни отменить, ни запретить его невозможно. Точно так же как неизбежно складывание единого мирового хозяйства, единой мировой цивилизации, единого мирового правительства. Весь вопрос заключается только в том, каким образом, в каком качестве и на каких условиях включаются в этот процесс отдельные народы и страны. Все, что известно нам на этот счет до сих пор, свидетельствует: ни о каком равенстве, ни о каком балансе сил речь не идет. Все определяло и определяет соотношение сил».

Появление упомянутой статьи на страницах центрального печатного органа партии уже само по себе было знаменательным событием. Но о многом говорила и фамилия автора этой статьи, который был представлен читателям как простой член-корреспондент **АН СССР**. В реальности **Г.Х. Шахназаров** был давнишнем и очень высокопоставленным сотрудником **Международного отдела ЦК**, а в **конце 1987 г.** по личному приглашению генсека он занял должность помощника **Генерального секретаря ЦК**. Поэтому есть все основания полагать, что в данном конкретном случае он выступал лишь рупором самого **М.С. Горбачева**.

Это означает, что уже в **начале 1988 г.**, то есть до того момента, как советская держава оказалась перед лицом экономического кризиса, до того как сложилась оппозиция, пошедшая на штурм власти, до того как началась дезинтеграция СССР, до того как произошли «бархатные революции» в странах «народной демократии», лидер советской державы открыто, со страниц центрального печатного органа партии, объявил о своей готовности присягнуть на верность «мировому правительству».

Летом 1988 г. начался очередной раунд советско-американских переговоров о новом сокращении стратегических наступательных вооружений, начало которому

было положено ответным визитом президента **Р. Рейгана** в **Москву**. Но из-за смены власти в **Вашингтоне**, где преемником **Р. Рейгана** стал его вице-президент **Дж. Буш**, переговоры по ядерному разоружению более года находились в замороженном состоянии. Кроме того, в этот период **М.С. Горбачева** гораздо в большей степени занимали европейские дела, где начался стремительный обвал социалистической системы, а европейская политическая элита носилась с идеей строительства общеевропейского дома.

Только в **июне 1990 г.** во время очередного визита **М.С. Горбачева** в **Вашингтон** была подписана новая серия документов о сотрудничестве двух стран в самых разных областях. В частности, были заключены соглашения по торговле, по уничтожению и не производству нового химического оружия, протокол к договору по ядерным испытаниям, соглашение по сотрудничеству в области использования атомной энергии и т.д. При этом в ходе этого визита **Э.А. Шеварднадзе** и **Дж. Бейкер** подписали **Соглашение «О линии разграничения морских пространств между СССР и США»**, по условиям которого к американской стороне в акватории **Берингова моря** отошли: **1) часть исключительной экономической зоны СССР площадью свыше 30 тыс. кв. км.** и **2) участок континентального шельфа площадью более 46 тыс. кв. км.,** находящийся за пределами **200 морских миль** от исходных линий.

В результате подписанного соглашения Советский Союз не только лишился возможности ежегодно вылавливать **200 тыс. тонн** минтая, но и огромных запасов углеводородов, которые, по оценкам самих американских экспертов, составляют около **200 млн тонн** нефти и более **200 млрд кубометров** газа. Уже в **сентябре 1990 г.** американский **Конгресс** с превеликой радостью ратифицировал это соглашение и, не дожидаясь его ратификации советской, а затем и российской стороной, фактически присоединил эту огромную акваторию **Баренцева моря** к территории США.

Делая подобный шаг, **М.С. Горбачев**, видимо, надеялся подписать в **Вашингтоне** крупное торговое соглашение, о котором шла речь на **Мальте**, и получить взамен обещанную экономическую помощь от США. Однако вопреки сделанным тогда заверениям, **Дж. Буш** заявил, что направит это соглашение в **Конгресс** лишь после того, как **Москва** прекратит экономическую блокаду Литвы. Тем самым он дал понять, что не позволит союзному центру тормозить процесс распада СССР. Неслучайно потом, характеризуя поведение советского генсека в **Вашингтоне**, **Дж. Бейкер** цинично отметил, что он вел себя «как обманутый любовник, которого покинули у алтаря».

В **июле 1990 г.** на **Лондонской сессии Совета НАТО** была принята декларация, в которой содержались предложения о трансформации военных союзов в Европе и начале диалога между НАТО и ОВД. Страны-участницы НАТО отказались от прежней доктрины «обороны на передовых рубежах» и приняли решения о модификации концепции гибкого реагирования в контексте уменьшения роли ядерного оружия. Кроме того, государства альянса сочли возможным отказаться от применения ядерного оружия первыми.

В **середине октября 1990 г.** в **Париже** состоялась встреча представителей **22 стран НАТО и ОВД**, которые подписали **Договор об ограничении обычных вооруженных сил в Европе (ДОВСЕ)**. Смысл этого соглашения состоял в установлении численных ограничений обычных наступательных вооружений стран-участниц и регламентации

их базирования в конкретных географических районах. Кроме того, в этом договоре ставилась задача выравнивания общего числа вооружений со стороны **НАТО** и **ОВД**. Наиболее строгие ограничения вводились на территории **Центральной зоны** (страны Бенилюкса, Венгрия, Германия, Польша и Чехословакия), в которой войска **НАТО** и **ОВД** входили в непосредственное соприкосновение, но по мере удаления от нее допустимая концентрация войск сразу увеличивалась. Такая форма ограничений — так называемая «**матрешка**» позволяла уменьшить боеготовность сторон в центре Европы и обеспечить достаточно высокий ее уровень на периферии. Но предложенная схема вызвала негативную реакцию «фланговых» государств **НАТО** — Норвегии и Турции, поскольку она означала, что именно на флангах, т.е. непосредственно у их границ, СССР будет концентрировать силы, выводимые им из Центральной Европы.

Сокращение вооружений должно было проходить в три фазы и завершиться в **ноябре 1995 г.** При подписании **ДОВСЕ** советское военное и политическое руководство исходило из перспективы сохранения единого СССР, но этот договор вступил в силу уже после его распада, в **июле 1992 г.** После произошедшего распада оказалось, что квоты сокращений, которые «унаследовала» Российская Федерация, в случае их полного исполнения, должны были привести к неприемлемому ослаблению ее оборонного потенциала на всех ее флангах, прежде всего, южных границах. Поэтому возникла необходимость адаптации **ДОВСЕ** и соответствующих переговоров о пересмотре квот.

По мнению ряда авторов (**М. Наринский, А. Богатуров, В. Аверков**), подписание **ДОВСЕ** означало переход всех европейских стран к военному строительству на базе концепции «**ненаступательной обороны**» и «**разумной достаточности для обороны**». В результате этого огромное превосходство в обычных вооружениях, которым СССР обладал на Европейском континенте над своими потенциальными противниками после окончания **Второй Мировой войны**, было ликвидировано. Однако их многочисленные оппоненты (**А. Островский, Л. Ивашов, Н. Леонов**) справедливо полагают, что **ДОВСЕ** носил явно ассиметричный характер и привел к резкому ослаблению позиций СССР в Европе. В частности, в этом договоре вооруженные сил сторон сокращались до следующего уровня: **самолеты — 5150 (СССР) и 6800 (НАТО), вертолеты — 1500 (СССР) и 2000 (НАТО), танки — 13 000 (СССР) и 20 000 (НАТО), бронемашин — 20 000 (СССР) и 30 000 (НАТО), артиллерия — 13 000 (СССР) и 20 000 (НАТО)** и т.д. Неравноправный характер этого договора виден невооруженным глазом, поэтому его с полным основанием можно назвать преступным актом капитуляции перед главным противником в «холодной войне». Сразу после заключения **ДОВСЕ** советский президент подписал «**Парижскую хартию для Новой Европы**», которая провозглашала дальнейшее движение вперед по тому гибельному пути, который был намечен еще **Венской конвенцией 1989 г.**

Вместе с тем, отмечая ослабление власти **М.С. Горбачева**, американская администрация стала серьезно опасаться за исход переговоров по заключению соглашения о контроле над стратегическими вооружениями с СССР. Кстати, вероятнее всего, именно этим обстоятельством было вызвано то, что в **декабре 1990 г.** новым министром иностранных дел СССР после неожиданной отставки **Э.А. Шеварднадзе** стал советский посол в **Вашингтоне**, кадровый американист **А.А. Бессмертных**.

Несмотря на тяжелую ситуацию внутри СССР, в **июле 1991 г.** в **Москву** прибыл президент США **Дж. Буш**, где состоялся очередной советско-американский саммит на высшем уровне, в ходе которого был подписан «**Договор о сокращении стратегических наступательных вооружений**» (**СНВ-1**). Согласно этому договору СССР и США должны были в течение ближайших семи лет сократить свои ядерные арсеналы таким образом, чтобы у каждой стороны осталось не более **1600 носителей**, т.е. межконтинентальных баллистических ракет (**МБР**) и **6 тыс. ядерных боеголовок**. Правда, согласно «правилам зачета» ядерных боезарядов, находящихся на тяжелых стратегических бомбардировщиках, в реальности СССР мог иметь около **6,5 тыс. боеголовок**, а США — **8,5 тыс. боеголовок**. Таким образом, подписанный в **Московский договор** в очередной раз носил явно асимметричный характер.

8. Война в Персидском заливе и роль СССР в решение Ближневосточного кризиса

Во **второй половине 1988 г.**, после прекращения ирано-иракской войны и гражданского противостояния в Ливане произошла некоторая стабилизация ситуации в зоне **Ближнего и Среднего Востока**. Но мирный период в развитии этого региона оказался на редкость недолговечным. Новый рост напряженности в регионе вновь спровоцировал президент Ирака **Саддам Хусейн**, сделавший иракскую внешнюю политику довольно агрессивной и непредсказуемой.

Несмотря на то, что вопрос ирано-иракского урегулирования по-прежнему оставался открытым, иракское политическое руководство начало планировать захват Кувейта, а при благоприятных обстоятельствах — и **Восточной провинции Саудовской Аравии**, где были сосредоточены основные нефтяные запасы этой страны. В обоснование своих действий **С. Хусейн** заявил, что аравийская нефть представляет собой общеарабскую собственность и должна быть использована, прежде всего, для борьбы с «сионистским врагом», т.е. Израилем.

В **середине июня 1990 г.** Багдад прямо обвинил Кувейт в том, что именно он является главным инициатором «экономической войны» и что он осуществляет «кражу иракской нефти», незаконно добывая ее на богатом месторождении **Румейлы** в районе государственной границы двух стран. В качестве компенсации **С. Хусейн** потребовал от кувейтского правительства выплаты **10 млрд долларов**, которое, пытаясь избежать военного конфликта, согласилось выделить Ираку в качестве беспроцентного займа **9 млрд долларов** и обсудить с ним спорные вопросы в отношениях двух стран. Однако решение о начале войны в Багдаде было уже принято, и в **начале августа 1990 г.** **150-тысячная** иракская армия вторглась в Кувейт.

Малочисленные кувейтские вооруженные силы смогли лишь на пару часов задержать продвижение иракских войск, но этого оказалось достаточно для того, чтобы кувейтское правительство и члены правящей династии **Аль Сабах** смогли покинуть страну. Захватив Кувейт, иракские войска, продолжая наступление, вторглись на территорию Саудовской Аравии, но были отброшены частями саудовской армии к границам Кувейта. Стремясь оправдать оккупацию соседней страны, иракское правительство опубликовало заявление о том, что ввод иракских войск был осуществлен по просьбе «временного свободного правительства»

Кувейта, созданного противниками правящей династии. Однако сформировать такое «правительство» Ираку не удалось, и вскоре **С. Хусейн** объявил об аннексии Кувейта, провозгласив его девятнадцатой провинцией Ирака, названной в его честь **Ас Саддамия**.

Реакция мирового сообщества на иракскую агрессию была быстрой и решительной. Уже **2 августа 1992 г. Совет Безопасности ООН** принял **резолюцию № 660**, в которой осуждались агрессивные действия Ирака, и содержалось требование о немедленном и безоговорочном выводе иракских войск с территории Кувейта. Но поскольку Ирак отказался ее выполнить, **6 августа** была принята новая **резолюция № 661** о введении против него экономических санкций, в результате чего началась полная экономическая блокада Ирака. Инициатором этой резолюций выступили США, поскольку президент **Дж. Буш**, семейство которого давно и самым тесным образом было связано с нефтяными компаниями саудовских шейхов, очень опасался за свой личный бизнес, и не строил иллюзий по поводу возможностей умиротворения **С. Хусейна**.

Поэтому необходимость применения против Ирака вооруженной силы не вызывала у **Дж. Буша** совершенно никаких сомнений. Получив согласие своего компаньона, короля Саудовской Аравии **Фадха**, он отдал **7 августа 1990 г.** приказ о переброске в **Восточную провинцию** Саудовской Аравии мощного контингента американских войск, который был поддержан военно-морской эскадрой, насчитывавшей **80 боевых кораблей**, в том числе **4 авианосца**. Затем к американским войскам присоединились воинские контингенты Великобритании, Франции, Египта, Сирии и ряда других государств, которые образовали межнациональные силы, общей численностью **780 тыс. человек**.

Однако не столь единодушными в оценке иракской агрессии оказались ряд членов **Лиги Арабских Государств (ЛАГ)**. На чрезвычайной сессии **Совета ЛАГ**, проходившей в **начале августа 1990 г. в Каире**, только **12 из 21** государств, входящих в состав этой организации, осудили вторжение Ирака в Кувейт. Вместе с тем, реакция стран-участниц **Организации Исламской Конференции (ОИК)** оказалась куда более единодушной, поскольку подавляющее большинство ее членов осудило агрессию Ирака против суверенного соседа. При этом, однако, Иран сначала заявил о своем нейтралитете в конфликте Ирака с Кувейтом, а затем, когда в районе **Персидского залива** началась стремительная концентрация иностранных вооруженных сил, **Тегеран** открыто встал на сторону Ирака.

Пытаясь удержать политическую инициативу, **С. Хусейн** заявил, что предварительным условием вывода иракских войск из Кувейта является отвод израильских войск со всех оккупированных арабских территорий. Таким образом, он попытался увязать кувейтскую проблему с решением палестинской проблемы. По его словам, аннексия Кувейта была необходимой мерой, призванной мобилизовать ресурсы арабской нации для борьбы с «сионистскими бандами». Он призвал всех арабов и мусульман начать «джихад» (священную войну) против «американцев и сионистов». Однако его призывы к «джихаду» не нашли отклика в арабских и мусульманских кругах. Исключение составила лишь **Организация Освобождения Палестины (ООП)** во главе с **Я. Арафатом**, которая не только одобрила аннексию Кувейта, но и призвала всех находящихся там палестинцев сотрудничать с иракскими оккупационными властями и обратилась к народам государств зоны **Персидского залива**

с призывом начать восстание с целью свержения «реакционных предательских режимов» в своих странах.

19 августа 1990 г. С. Хусейн объявил иностранных граждан, находящихся на территории Ирака и Кувейта — **25 тысяч** европейцев и американцев, заложниками, которые станут «живым щитом» в случае начала военных действий против Ирака. Идя на захват «белых» заложников, **С. Хусейн** стремился заморозить развитие ситуации и добиться изменения позиции СССР и Китая. Хотя обе эти державы и проголосовали за резолюции **СБ ООН**, они не были сторонниками использования военной силы против Ирака. Более того, **М.С. Горбачев** пытался всячески играть роль посредника между Ираком и США, послав на встречу с **С. Хусейном** своего эмиссара, академика **Е.М. Примакова**, дружившего с иракским лидером уже много лет, но эта миссия не увенчалась успехом. В этой ситуации **М.С. Горбачеву** ничего не оставалось делать, как поддержать военную операцию «миротворцев» **ООН**, что фактически означало полную капитуляцию советской стороны перед США и НАТО.

Тем временем, в **конце ноября 1990 г. Совет Безопасности ООН** единогласно принял **резолюцию № 678**, санкционирующую использование военной силы для освобождения Кувейта. Ираку был предъявлен ультиматум, согласно которому все иракские войска должны быть выведены из Кувейта к **15 января 1991 г.**, но **С. Хусейн** отверг этот ультиматум.

17 января 1991 г. многонациональные силы под командованием американского генерала **Н. Шварцкопфа** начали военную операцию по освобождению Кувейта под названием «**Буря в пустыне**», которая завершилась полным разгромом иракских войск, потерявших только убитыми свыше **100 тыс.** человек. В **конце февраля 1991 г.** иракское правительство заявило о признании всех резолюций **Совета Безопасности ООН**, и межнациональные силы, наступавшие на **Багдад**, прекратили боевые действия. Кувейт был освобожден, но режим **С. Хусейна** в Ираке сохранился, поскольку в тогдашних условиях американцы еще не имели возможности добить его. Однако победный исход войны в **Персидском заливе** обеспечил доминирование Соединенных Штатов на всем **Ближнем Востоке**.

Безусловно, помимо иракской и палестинской проблем, одним из острейших вопросов ближневосточного урегулирования оставалась проблема отсутствия советско-израильских дипломатических отношений. Поэтому уже в **феврале 1989 г.** во время поездки министра иностранных дел СССР **Э.А. Шеварднадзе** по ряду стран **Ближнего Востока** в **Каире** состоялась его встреча с министром иностранных дел Израиля **М. Аренсом**. По итогам состоявшихся переговоров было принято решение об организации совместной встречи экспертов по **Ближнему Востоку** для обмена мнениями и аналитическими соображениями по решению всего комплекса ближневосточных проблем. С советской стороны эту группу аналитиков возглавил спецпредставитель СССР **Г.П. Тарасов**, а с израильской стороны рабочую группу возглавил советник премьер-министра **А. Левин**.

В ходе постоянных контактов двух рабочих групп решались две основных проблемы: **1)** восстановление советско-израильских дипломатических отношений, разорванных в **1967 г.**, и **2)** подготовка и организация международной конференции по **Ближнему Востоку**. Когда возможные контуры соглашений по этим ключевым вопросам стали предметом более детальных обсуждений, в **начале 1990 г. Москву**

с рабочим визитом посетил бывший министр обороны Израиля, один из лидеров социалистической партии «Авода» **Э. Вейцман**, который, в частности заявил, что почва для восстановления дипломатических отношений двух стран создана и теперь решение этой проблемы становится неизбежным. В начале января 1991 г. на базе представительств двух стран в **Москве** и **Тель-Авиве** были созданы два генеральных консульства. А уже в **октябре 1991 г.** между двумя странами были восстановлены дипломатические отношения и назначен первый советский (затем российский) посол, которым стал известный либеральный политолог, журналист и публицист **А.Е. Бовин**.

9. Итоги горбачевской перестройки во внешней политике

Весной 1991 г., когда по вине союзного и российского руководства процессы развала СССР приобрели де-факто необратимый характер, в руководстве США уже вызрела идея «подмены союзного центра» республиканскими структурами. Со всей очевидностью этот процесс был продемонстрирован в **июле 1991 г.** на встрече лидеров «**Большой семерки**» и **М.С. Горбачева** в **Лондоне**, где советскому лидеру было отказано в предоставлении масштабной экономической помощи. В тех конкретных исторических условиях это окончательно подорвало позиции союзных властных структур, а после политического кризиса в **августе 1991 г.** сторонники дезинтеграции СССР получили полную поддержку со стороны лидеров всех ведущих западных держав.

В **декабре 1991 г.** в результате предательского сговора руководителей трех славянских республик, подписавших в невменяемом состоянии в **Беловежской пуще** незаконный акт о денонсации несуществующего **Союзного договора 1922 г.**, Советский Союз де-юре и де-факто прекратил свое существование. Причем, **М.С. Горбачев**, хорошо осведомленный о незаконной сходке трех предателей Отечества — **Е.Н. Ельцина**, **Л.М. Кравчука** и **С.С. Шушкевича**, не предпринял абсолютно никаких мер по пресечению акта государственной измены и защиты **Конституции СССР**. В результате к **Беловежскому сговору** вскоре присоединились остальные союзные республики и **25 декабря 1991 г. М.С. Горбачев** добровольно сложил с себя полномочия **Президента СССР** и заявил о роспуске великого Советского Союза.

Американскую стратегию в отношении СССР в годы «перестройки» позднее достаточно цинично разъяснил новый президент США **Билл Клинтон**, который в **октябре 1995 г.**, выступая в **Объединенном комитете начальников штабов**, дословно сказал следующее: «Последние десять лет политика в отношении СССР и его союзников убедительно доказала правильность взятого нами курса на устранение одной из сильнейших держав мира, а также сильнейшего военного блока. Используя промахи советской дипломатии, **чрезвычайную самонадеянность М.С. Горбачева и его окружения**, в том числе и тех, кто откровенно занял **проамериканскую позицию**, мы добились того, что собирался сделать **Г. Трумэн** с Советским Союзом посредством атомной бомбы. Правда, с одним существенным отличием — мы получили сырьевой придаток, а не разрушенное атомом государство, которое было бы нелегко создавать... В ходе так называемой перестройки, расшатав идеологические основы СССР, мы сумели бескровно вывести из войны за мировое господство государство, составляющее основную конкуренцию Америке».

Безусловно, СССР был вторым мировым полюсом, определявшим ход всех международных отношений после окончания **Второй Мировой войны**, поэтому развал Советского Союза стал крахом продолжительного периода биполярного развития мировой цивилизации и исчезновение СССР, как одного из двух определяющих элементов системы международных отношений периода **1945–1991 гг.**, можно считать завершающим событием всей послевоенной эпохи и крахом прежний **Ялтинско-Потсдамский мировой системы**, закрепившей, в том числе, и особый статус СССР на мировой арене.

Тема: СИСТЕМНЫЙ КРИЗИС ПОЛИТИКИ «ПЕРЕСТРОЙКИ» В 1990–1991 ГГ.

План:

1. Новый этап политической реформы в начале 1990 г.
2. Местные выборы зимой-весной 1990 г.
3. Парад суверенитетов в первой половине 1990 г.
4. XXVIII съезд КПСС и окончательное отстранение партии от реальной власти.
5. Поиски путей выхода из экономической катастрофы весной – осенью 1990 г.
6. Обострение политического кризиса осенью-зимой 1990 г.
7. Развитие политической ситуации в стране зимой-весной 1991 г.
8. Развитие политической ситуации летом 1991 г.
9. Августовский «путч» 1991 г.
10. Развитие политической ситуации в стране осенью-зимой 1991 г.
 - а) Передел государственной власти в стране.
 - б) Крах «новоогаревского процесса».
11. Беловежский сговор и гибель СССР.
12. Немного личного.

1. Новый этап политической реформы в начале 1990 г.

Начавшееся после **XIX партийной конференции** перераспределение власти между партией и государственными органами повлекло за собою постепенную утрату партией ее прежней руководящей роли. Как уже отмечалось, на протяжении многих лет в Советском Союзе существовала практика, в соответствии с которой прежде чем поступить в **Верховный Совет СССР** государственный план и бюджет на следующий хозяйственный год всегда рассматривались сначала на **Политбюро ЦК**, а затем на **Пленуме ЦК КПСС**. Но уже с **конца 1986 г.** оба эти документа стали передаваться сразу на утверждение **Верховного Совета СССР** без обсуждения их на **Пленуме ЦК КПСС**. Теперь же ситуация еще больше «упростилась» и в **июне 1989 г. Совет Министров СССР** впервые направил проект государственного

плана на 1990 г. и приложенный к нему «пакет законодательных актов», в том числе **Законов «О собственности» и «О земле»**, без их предварительного рассмотрения даже в **Политбюро ЦК**, который получил эти документы уже в «порядке информации».

Касаясь этой проблемы, новый горбачевский выдвиженец, кандидат в члены **Политбюро ЦК** и председатель **Совета Союза Верховного Совета СССР** академик **Е.М. Примаков** оценил этот шаг как «очень большое достижение перестройки» заявив, что «раньше невозможно было выпустить из **Верховного Совета СССР** ни один документ, пока он не был утвержден в **ЦК**, а сейчас это становится повседневной практикой нашей работы». Конечно, совершенно нельзя себе представить ни одну правящую партию, которая считала бы своим высшим достижением принятие парламентских решений без учета мнения ее руководящих структур, поскольку за влияние на принятие этих ключевых решений во всех странах мира всегда шла и идет ожесточенная борьба. А теперь же кандидат в члены **Политбюро ЦК** расценил фактическое устранение высшего партийного руководства от принятия парламентских решений как величайшее достижение «перестройки».

Именно в таких кризисных условиях в недрах горбачевского окружения постепенно стала вызревать идея введения должности **Президента СССР**, избираемого **Съездом народных депутатов СССР**, что, по сути, рушило всю систему советской власти в стране. Смысл всей этой затеи состоял в том, чтобы: 1) обезопасить **М.С. Горбачева** от «хрущевского варианта» отстранения от власти на **Пленуме ЦК**, поскольку среди его членов уже стала формироваться довольно мощная группировка противников генсека и его курса; 2) окончательно переместить центр управления страной из **ЦК КПСС** в будущую **Администрацию Президента СССР** и полностью отстранить правящую партию от реальных рычагов власти; 3) вывести председателя **Верховного Совета СССР М.С. Горбачева** из-под контроля самого **Верховного Совета СССР**, внутри которого он тоже стал стремительно терять свое бывшее влияние.

По утверждению самого **М.С. Горбачева**, решение об учреждении поста **Президента СССР** «созрело еще осенью 1989 г., но оно довольно долго обсуждалось во внутреннем кругу», а затем группа приближенных юристов — его помощник **Г.Х. Шахназаров** и два «номенклатурных» правоведа — руководители **Института государства и права АН СССР** академики **В.Н. Кудрявцев** и **Б.Н. Топорнин** «засели по моему поручению за подготовку необходимых документов, прежде всего, проекта закона об изменениях **Конституции СССР**».

Затем, в конце января 1990 г., вездесущий господин **А.Н. Яковлев** передал **М.С. Горбачеву** письмо, в котором прямо заявил, что главное препятствие на пути перестройки — это **ЦК и Политбюро**, поэтому от них следует поскорей избавиться и учредить президентскую власть. А далее этот великий «либерал» и «демократ» изложил целую программу действий **М.С. Горбачева** в роли президента страны, которая просто поражает своим цинизмом: «Вы сосредоточите в своих руках всю власть, оттеснив и **Политбюро**, и разговорчивый **Верховный Совет** от реальных ее рычагов. Затем, в ближайшие дни, еще до **Пленума ЦК**, выступить по телевидению и объявить, апеллируя прямо к народу, что берете на себя всю ответственность за программу чрезвычайных мер по формуле: «земля — крестьянам», «фабрики —

рабочим», «республикам — реальная независимость», не союзное государство, а союз самостоятельных государств, многопартийность и полный отказ КПСС от монополии на власть, резко сократить аппарат — всякий, крупные займы у Запада, военная реформа (прогнать генералов, посадить на их место подполковников, начать выводить войска из Восточной Европы), ликвидировать промышленные министерства, среди экстренных мер — дать свободу частному предпринимательству. Система таких мер уже разработана у **Н. Слонькова**.

На следующий день после получения этого письма было срочно созвано **Политбюро ЦК**, на заседании которого рассматривалось экономическое положение страны, обсуждался национальный вопрос и «**Проект платформы ЦК КПСС в XXVIII съезде партии**», который предстояло вынести на ближайший **Пленум ЦК**. При этом **М.С. Горбачев**, открыв заседание **Политбюро**, сразу заявил, что «нужен закон о механизме выхода из СССР, но главное место в повестке дня **Пленума ЦК** займут вопрос об изменении редакции 6-й статьи Конституции и введение президентства». Единственным членом **Политбюро**, который выступил против этих предложений генсека, был **Е.К. Лигачев**, однако его мнение опять потонуло в «хоре славословий» сторонников очередных горбачевских новаций.

Тогда же на свет появилась «**Записка**» **Управляющего делами ЦК КПСС Н.Е. Кручины** и заведующего **Правовым отделом ЦК А.С. Павлова** о проведении в течение двух месяцев инвентаризации всего партийного имущества и подготовке к передаче в ведение «государственных органов» всей шифровальной связи, закрытых телефонов, центральных партийных зданий, системы охраны и всего непомерного для «обычной» политической партии аппарата обслуживания **Политбюро** и **Секретариата ЦК**. Таким образом, за полтора года до знаменитых **августовских событий 1991 г.**, после которых последовали сначала приостановка, затем полное запрещение деятельности **КПСС**, генсек начинает готовиться к передаче государству всего партийного имущества, т.е. к ликвидации возглавляемой им партии. Разумеется, тогда об этом знал только очень узкий круг посвященных в это лиц.

В начале февраля 1990 г. состоялся очередной **Пленум ЦК**, на котором в повестку дня был внесен вопрос о «**Проекте платформы ЦК КПСС в XXVIII съезде партии**». Однако накануне его созыва **М.С. Горбачев** провел совещание первых секретарей обкомов и крайкомов партии, на котором впервые услышал крайне резкую критику проводимой им политики. Естественно это обстоятельство по доверенным каналам связи, прежде всего, через **А.Н. Яковлева**, **А.С. Черняева** и **Г.Х. Шахназарова**, тут же было доведено до всех лидеров либеральной оппозиции, в том числе **Ю.Н. Афанасьева** и **Г.Х. Попова**, которые на следующий день вывели на улицы **Москвы** более **200 тыс.** демонстрантов, что фактически деморализовало всю партийную верхушку. Несмотря на то, что на этом **Пленуме ЦК** ряд его ораторов, в том числе посол СССР в Польше **В.И. Бровиков**, первые секретари Ленинградского, Ивановского и Киевского обкомов партии **Б.В. Гидаспов**, **М. А.Князюк** и **А.И. Корниенко**, выступили с резкой и обоснованной критикой генсека и его предательского политического курса, большинство членов **ЦК** проявили малодушие, что позволило **М.С. Горбачеву** и его команде протащить убийственное решение о необходимости отмены 6-й статьи Конституции СССР и введении поста **Президента СССР**.

После окончания **Пленума ЦК** необходимо было срочно созывать **Съезд народных депутатов СССР** и внести соответствующие изменения в **Конституцию СССР**.

Для решения этого вопроса и включения его в съездовскую повестку дня на **конец февраля 1990 г.** было назначено заседание **Верховного Совета СССР**. Поэтому накануне этого события под лозунгом отмены **6-й статьи** «демократы» опять вывели на улицы **Москвы** около **100 тыс. демонстрантов**.

В **конце февраля 1990 г.** **Верховный Совет СССР** по докладу **А.Н. Яковлева**, которого активно поддержали **Н.И. Травкин, С.П. Залыгин, Д.С. Лихачев** и другие «горбачевские прорабы», принял решение о созыве внеочередного **Съезда народных депутатов СССР** и внесения в его повестку дня двух вопросов: об изменении редакции **6-й статьи Конституции СССР** и введении поста **Президента СССР**. А уже в **начале марта 1990 г.** состоялся внеочередной **Пленум ЦК**, который не только постфактум одобрил учреждение поста **Президента СССР**, но и рекомендовал на этот пост **М.С. Горбачева**. А уже на следующий день собрался **III Внеочередной Съезд народных депутатов СССР**, который отменил **6-ю статью Конституции СССР** о руководящей роли партии и ввел пост **Президента СССР**, на который был сразу избран **М.С. Горбачев**. Сам новоявленный глава государства заявил, что получил поддержку почти **75 % народных депутатов СССР**, однако это заявление было большим лукавством, поскольку из **2245** депутатов за него отдали голос только **1330** народных избранников страны, т.е. менее **60 %** от списочного состава **Съезда народных депутатов СССР**.

Учитывая, что в **мае 1989 г.**, баллотируясь на пост председателя **Верховного Совета СССР**, **М.С. Горбачев** имел поддержку более **90 %** народных избранников страны, то можно констатировать, что за прошедшие девять месяцев он потерял почти треть всех голосов. Поэтому сделанный им и его командой политический маневр был как нельзя кстати. Кроме того, не надо забывать, что эта «пиррова победа» была куплена двумя важными компромиссами: **1) фактической поддержкой либеральной МДГ**, которая насчитывала в своем составе более **300** народных избранников, и **2) созданием двух новых структур — Президентского Совета и Совета Федерации**. Состав первого определял сам президент, а в состав второго должны были входить по должности главы всех союзных республик.

Поскольку с избранием **М.С. Горбачева** на новый пост полноправного главы государства освободилось место председателя **Верховного Совета СССР**, то его преемником на этом посту был избран **А.И. Лукьянов**. А в **конце марта 1990 г.** **Президент СССР** определил и состав своего **Президентского Совета**, который представлял собой невероятную мешанину, поскольку его членами одновременно стали семь ключевых членов союзного правительства — председатель **Совета Министров СССР Н.И. Рыжков**, председатель **Госплана СССР Ю.Д. Маслюков**, министр иностранных дел СССР **Э.А. Шеварднадзе**, министр обороны СССР **Д.Т. Язов**, министр внутренних дел СССР **В.В. Бакатин**, председатель **КГБ СССР В.А. Крючков** и министр культуры СССР **Н.Н. Губенко**, четыре прожженных партийных аппаратчика — **А.Н. Яковлев, В.И. Болдин, В.А. Медведев** и **Г.И. Ревенко**, три академика — **Ю.А. Осипьян, Е.М. Примаков** и **С.С. Шаталин**, два писателя — **Ч.Т. Айтматов** и **В.Г. Распутин**, колхозник-депутат **А.Э. Каулс** и рабочий-депутат **В.А. Ярин**. Однако функции этой новой государственной структуры совершенно не были определены, регламент ее работы отсутствовал и, по сути, она представляла собой придаток президентской власти.

2. Местные выборы зимой-весной 1990 г.

В соответствии с решениями **XIX партийной конференции**, завершающим этапом отстранения **КПСС** от власти и поворотной вехой в «реформировании» СССР должны были стать местные выборы, перенесенные на **весну 1990 г.**

Своеобразной прелюдией к ним оказались события в **Баку**, эхо которых разнеслось по всей, тогда еще единой, стране. Напряженная обстановка в Азербайджане сохранялась с **начала 1988 г.**, когда при прямом и явном подстрекательстве союзных властей, в частности помощника генсека **Г.Х. Шахназарова**, разразился кровавый «**Карабахский кризис**», приведший к резкой дестабилизации ситуации во всем Закавказском регионе. Затем ситуация еще более обострилась после того, как в **конце сентября 1989 г. Верховный Совет Азербайджанской ССР** наспех принял закон о государственном суверенитете.

13 января 1990 г. в **Баку** состоялся массовый митинг, послуживший сигналом к началу кровавого погрома в районах компактного проживания местных армян. В течение нескольких дней, в условиях полного бездействия республиканских властей, во главе которых стоял **Первый секретарь ЦК КП Азербайджана А.Х. Везиров**, в городе царила полная анархия и власть фактически перешла в руки **Народного фронта Азербайджана**, который возглавил бывший диссидент **Абульфаз Эльчибей**.

Только **19 января 1990 г.**, когда ситуация приобрела неуправляемый характер, по указу **М.С. Горбачева** в **Баку** было введено чрезвычайное положение и переброшены части и соединения **76-й и 106-й воздушно-десантных дивизий** под командованием генералов **В.С. Халилова** и **А.И. Лебеда**, которые быстро навели порядок в городе, особо не церемонясь с местными боевиками. Тогда же в **Баку** были посланы эмиссары из **Москвы** — министр обороны СССР генерал армии **Д.Т. Язов**, его первый зам. генерал армии **В.И. Варенников**, член **Президентского Совета Е.М. Примаков** и секретарь **ЦК А.Н. Гиренко**.

Утром **21 января** председатель **Президиума Верховного Совета АзССР Э.М. Кафарава** осудила ввод советских войск в **Баку**, а вечером того же дня чрезвычайная сессия **Верховного Совета АзССР** признала неправомерным этот ввод и приостановила **Указ Президиума Верховного Совета СССР** о чрезвычайном положении в городе, заявив, что, если союзные власти проигнорируют это решение республиканского парламента, то он поставит вопрос о выходе Азербайджана из состава СССР. Однако это требование азербайджанских законодателей было проигнорировано в **Москве**, а уже **25 января 1990 г.** на внеочередном **Пленуме ЦК** республиканской компартии **А.Х. Везиров** был отправлен в отставку и новым **Первым секретарем ЦК КП Азербайджана** был избран председатель **Совета Министров АзССР А.Н. Муталибов**.

Бакинские события не только еще более дестабилизировали положение на всем Кавказе, но и имели особое значение для всей страны, после сразу после нового года на просторах всего Советского Союза развернулась избирательная кампания, в которой национальный вопрос занял первостепенное значение.

Ранее уже отмечалось, что **Межрегиональная депутатская группа** начала готовиться к местным выборам еще **осенью 1989 г.**, когда ее стараниями был создан «демократический избирательный блок» «**Выборы-90**», в который вошли такие группировки, как «**Апрель**», «**Клуб избирателей АН СССР**», «**Мемориал**», «**Москов-**

ская трибуна», «Московское объединение избирателей», «Межрегиональная ассоциация демократических организаций», «Межрегиональное объединение избирателей», «Народный фронт РСФСР», «Социал-демократическая ассоциация» и Союз военнослужащих «Щит».

В конце января 1990 г. представители этих организаций из 22 субъектов Российской Федерации собрались в Москве на Учредительную конференцию и приняли общую Избирательную декларацию, в основу которой легла «Программа МДГ», «Декрет о власти» и «Проект Конституции» А.Д. Сахарова. Причем, в разработке этой Декларации приняли активное участие самые отпетые русофобы и «демократы», в том числе М.А. Бочаров, Д.И. Катаев, С.А. Ковалев, В.М. Куваев, Л.А. Пономарев, В.Г. Уражцев, А.Е. Шабад и В.Л. Шейнис, а по итогам работы конференции был создан новый избирательный блок, обозвавший себя «Демократической Россией».

После создания «Демократической России» была сделана попытка объединить все оппозиционные силы всех республик СССР, для чего в самом конце января 1990 г. в Харькове был созван Демократический конгресс, в котором приняли участие Ю.Н. Афанасьев, В.Н. Лысенко, Л.А. Пономарев, Е.В. Савостьянов, В.Л. Шейнис и Г.П. Якунин. И хотя объединить все «демократические» силы в единый кулак не удалось, на всех местных выборах все «либерал-демократы» шли под русофобскими знаменами и лозунгами развала единой страны. Идеология этих лозунгов была озвучена уже весной 1990 г. на страницах рижской газеты «Советская молодежь», где была опубликована статья Ю.Н. Афанасьева «У социализма не будет второго дыхания». А затем он дал интервью ведущему германскому журналу «Шпигель», в котором откровенно заявил, что «первоочередная задача для России, состоит в том, чтобы присоединиться ко всему остальному человечеству и решающей предпосылкой для этого является юридическое равноправие всех форм собственности. Вторая предпосылка — это ликвидация российской империи, которая до сих пор именуется Советским Союзом». Таким образом, уже в начале 1990 г. «демократы» открыто и цинично заявили, что их главной целью является отнюдь не реформирование, а тотальное разрушение СССР.

Особый резонанс на этих выборах вызвала избирательная кампания Б.Н. Ельцина, важную роль в которой сыграли его предельно лживые мемуары «Исповедь на заданную тему», написанные тогдашним журналистом «Огонька» В.Б. Юмашевым. Главное место в программе Б.Н. Ельцина занимали четыре пункта: а) резкая, чисто популистская критика партийно-государственной номенклатуры и ее привилегий; б) приватизация 90 % всей государственной собственности и переход к рыночной экономике; в) отмена 6-й статьи Конституции СССР о руководящей роли КПСС и г) создание в рамках КПСС Российской Коммунистической партии.

Кроме того, на встрече с избирателями в Уральском политехническом институте Б.Н. Ельцин впервые высказался за превращение СССР в конфедерацию и предложил создать на территории России «семь русских республик». Расшифровывая этот пункт своей предвыборной программы, он потребовал «предоставить всем национальным автономиям самостоятельность, право и возможность входить с предложением в Верховный Совет РСФСР об учреждении новых национально-территориальных образований, где коренное население составляет большинство. На остальной территории, кроме этих автономных образований, в составе РСФСР

после референдума могут возникнуть семь русских республик: Центральная Россия, Северная, Южная, Поволжье, Урал, Сибирь и Дальний Восток».

Показательно, что еще в **июле 1989 г.** с подобной идеей на заседании **Политбюро** выступил и тогдашний его член, секретарь **ЦК Н.Н. Слюньков**, который буквально заявил следующее: «я за то, чтобы децентрализовать управление Россией. Образовать **6—7 регионов**, наделить их полнотой хозяйственной власти и наделить равными правами с союзными республиками. Но чтобы вертикально они подчинялись **Совету Министров РСФСР**». Еще раньше, в **апреле 1988 г.**, аналогичную идею в своей статье «**Перестройка или перепутье**» выдвинул известный либерал-историк **М.Я. Гелфгер**, который предложил разделить РСФСР на семь республик (регионов или земель) с самыми широкими полномочиями: Север, Центр, Юг, Поволжье-Урал, Западная Сибирь, Восточная Сибирь и Дальний Восток.

Между тем, вскоре появились любопытные данные, что руководивший избирательной кампанией **Б.Н. Ельцина** начинающий политтехнолог **А.Р. Урманов** действовал в тесном контакте с **Институтом Р. Крайбла**, который являлся подразделением американской организации «**Свободный конгресс**». При этом сам **Р. Крайбл** теснейшим образом был связан с такими американскими структурами, как «**American Council for Capital Formation**» (**Дж. Шульц**), «**Campaign America Inc**» (**Д. Рамсфельд**), «**Empower America**» (**Дж. Кирпатрик**), «**Freedom and Free Enterprise PAC The Heritage Foundation Trustee**» (**А. Гринспен**), «**National Republican Senatorial Committee**» (**П. Буш, Г. Киссинджер**), «**Jamestown Foundation**» (**З. Бжезинский**) и «**Phi Beta Kappa Society US Chamber of Commerce US Industrial Council Education Foundation**» (**Дж. Буш, Р. Хелмс**).

Причем, что интересно, многие тогдашние эксперты обратили особое внимание на ряд важных деталей нового избирательного марафона. Если на выборах народных депутатов СССР, прошедших в **марте 1989 г.**, главным объектом критики была консервативная часть высшего партийно-государственного руководства, «проклятое» сталинское и брежневское наследие, то уже **весной 1990 г.** под огнем беспощадной критики оказался главный «реформатор» страны **М.С. Горбачев**.

Первыми, в **феврале 1990 г.**, выборы провели Литва, Молдавия, Узбекистан, Киргизия и Таджикистан. Затем, в **марте**, избирательная кампания прошла в России, Белоруссии, на Украине, в Казахстане, Латвии и Эстонии. А Армения, Грузия и Азербайджан, ввиду резкого обострения ситуации в Закавказье, перенесли свои выборы на более поздние сроки. При этом во всех союзных республиках потребовался второй тур голосования, особенно в РСФСР, где в первом туре смогли одержать победу только **120 человек**. Остальные **948 депутатов** были выбраны в ходе второго, а в ряде регионах даже третьего туров голосования, которые состоялись в **конце марта 1990 г.**

Как и следовало ожидать, во многих союзных республиках на выборах лидировала оппозиция, особенно в Прибалтике. В частности, в Литве потерпели сокрушительное поражение обе коммунистические партии, и победу одержал пресловутый «**Саюдис**» во главе с отпетым русофобом **В. Ландсбергисом**, который открыто взял курс на выход Литвы из состава СССР. Более того, практически сразу после окончания выборного марафона лидеры «**Саюдиса**» попросили о встрече с американским послом **Дж. Мэтлоком**, и когда об этой просьбе стало известно **Э.А. Шеварднадзе** тот попытался отговорить «своего друга» от столь опрометчивого шага. Однако в тот

же день американский посол принял депутацию «Саюдиса» и заверил ее, что если «Литва объявит свою независимость и выйдет из состава СССР, то США окажут ей всемерную моральную и политическую поддержку и помощь».

Для начала «Саюдису» это было более чем достаточно, поэтому уже вечером **10 марта** его руководители собрали новый **Верховный Совет** и приняли «**Акт о независимости Литвы**». Причина такой спешки была вызвана тем, что к тому времени из **140 депутатов Верховного Совета Литовской ССР** было избрано лишь **90 депутатов**, и местные сепаратисты очень опасались, что избрание остальных депутатов может подорвать позиции «Саюдиса», завоеванные им в первом туре. Кроме того, литовская оппозиция хотела поставить перед свершившимся фактом **III Внеочередной Съезд народных депутатов СССР**, который должен был открыться всего через два дня.

15 марта 1990 г. III Съезд народных депутатов СССР постановил считать решение **Верховного Совета Литовской ССР** о выходе из СССР недействительным до принятия специального закона на сей счет. Такой закон, получивший название «**О порядке решения вопросов, связанных с выходом союзной республики из состава СССР**», был срочно разработан и принят в **начале апреля 1990 г.** В соответствии с этим законом вопрос о выходе любой союзной республики из состава СССР мог быть решен только путем референдума. В случае его положительного результата, должен был начаться так называемый «**переходный период**», рассчитанный на **пять лет**, в течение которого необходимо было урегулировать все экономические, политические, демографические, территориальные и иные проблемы выходящей из состава СССР союзной республики с такими же союзными республиками и союзным центром.

Таким образом, этот закон открыл возможность для упорядоченного или регулируемого разрушения Советского Союза. Однако новое литовское руководство и тех кукловодов, которые стояли за его спиной, такой медленный способ «цивилизованного развода» явно не устраивал. Вероятно, в связи с этим обстоятельством сразу после утверждения этого закона грянула сенсация: в литовской газете «**Республика**» была опубликована статья, в которой утверждалось, что новый премьер-министр Литвы **Казимира Прунскене** является агентом спецслужб и в доказательство этого была обнародована ее агентурная карточка из архива республиканского **КГБ**. После этой публикации **К. Прунскене** призналась, что «писала докладные записки **Ю.В. Андропову**», правда, только «о положении в экономике Литвы», а также «отчеты о поездках литовцев за границу, но совсем не знала о своем оформлении как агента спецслужб».

Таким образом, кто-то явно сделал недвусмысленные намеки всем бывшим агентам советских спецслужб в руководстве «Саюдиса», что может ждать их, если они будут форсировать события с распадом СССР. В этой ситуации **В. Ландсбергис** счел необходимым предупредить союзные власти и заявил, что «**М. Горбачев сам позволил сложиться нашей ситуации**. Он в течение двух лет наблюдал за ростом нашего движения за независимость. Он мог бы остановить его в любой момент, но он его не остановил». Этим заявлением **В. Ландсбергис** дал четко понять, что в случае дальнейших разоблачений он будет вынужден раскрыть действительную роль товарища **М.С. Горбачева** и его ближайшего окружения в отношении всей Прибалтики. Дальнейших разоблачений не последовало, однако уже в **середине**

апреля 1990 г. Москва резко ограничила поставку в Литву природного газа и нефти, что вызвало так называемую «экономическую блокаду» этой Прибалтийской республики.

Между тем, в **конце марта 1990 г.** объявила о начале выхода из состава СССР Эстония, а уже в **начале мая** декларацию о суверенитете приняла и **Латвия**. Таким образом, **весной 1990 г.** все три Прибалтийские республики фактически заявили о своем государственном суверенитете. Однако это еще не было смертельным ударом по единству Советского Союза. Ситуация радикально изменилась только тогда, когда в самый кульминационный момент «игры» по разрушению великой страны была вброшена «русская карта».

3. Парад суверенитетов в первой половине 1990 г.

В отличие от других союзных республик в РСФСР либеральной оппозиции не удалось одержать победу на прошедших выборах. Почти **80 %** избранных депутатов были членами КПСС, из которых **19 %** партийцев представляли высшее политическое руководство страны, **38 %** — средний слой партноменклатуры и **22 %** — нижний эшелон управления республикой. Иначе говоря, **805 народных депутатов** входили в партийно-государственную номенклатуру страны. Однако сразу после открытия **I Съезда народных депутатов РСФСР**, которое состоялось в **середине мая 1990 г.**, началось резкое размежевание политических сил, в результате чего возникли две ведущих фракции — «**Демократическая Россия**» и «**Коммунисты России**», членами которых, соответственно, стали **465** и **417 народных депутатов**.

26 мая 1990 г. состоялось первое голосование по избранию председателя **Верховного Совета РСФСР**, на которое «**Коммунисты России**» выдвинули кандидатуру первого секретаря **Краснодарского крайкома** партии **И.К. Полозкова**, бывшего одним из самых активных противников «горбачевских реформ», а «**Демократическая Россия**» выдвинула кандидатуру **Б.Н. Ельцина**, который стал признанным лидером российской либеральной тусовки после смерти **А.Д. Сахарова**.

В первом туре голосования не прошел ни один кандидат, поскольку **Б.Н. Ельцин** и **И.К. Полозков** не набрали минимально необходимого числа в **531 голос** своих коллег. Повторное голосование по тем же кандидатурам тоже оказалось безрезультатным, хотя на этот раз **Б.Н. Ельцин** получил чуть больше голосов. Тогда вечером **28 мая 1990 г. М.С. Горбачев** встретился с депутатами-партийцами и призвал их поддержать кандидата от фракции «**Коммунисты России**». Но если оппозиция в третий раз выдвинула **Б.Н. Ельцина**, то **И.К. Полозков** по настоянию генсека, поддавшись неписаному правилу партийной дисциплины, неожиданно для многих взял самоотвод и «**Коммунисты России**» предложили новую кандидатуру — кандидата в члены **Политбюро ЦК**, председателя **Совета Министров РСФСР А.В. Власова**.

29 мая 1990 г. состоялся третий тур голосования, на котором, по данным председателя счетной комиссии съезда **С.В. Сидоренко**, за **Б.Н. Ельцина** проголосовали **534 депутата**, то есть ровно половина от их общего списочного числа. Три бюллетеня оказались испорченными, но чтобы не голосовать в четвертый раз, один испорченный бюллетень был засчитан в пользу **Б.Н. Ельцина**. Таким образом, в результате «небольшой» фальсификации **Б.Н. Ельцин** «победил» и стал первым председателем **Верховного Совета РСФСР**.

Едва только завершились выборы нового российского руководителя, как произошло важнейшее событие, которое следует рассматривать, как поворотное в дезинтеграции и развале СССР. **12 июня 1990 г. I Съезд народных депутатов РСФСР** большинством голосов принял «Декларацию о государственном суверенитете Российской Советской Федеративной Социалистической Республики». В этой незаконной «Декларации» суверенитет определялся: 1) как «полнота власти РСФСР при решении всех вопросов государственной и общественной жизни, за исключением тех, которые ею добровольно передаются в ведение Союза ССР»; 2) как «исключительное право народа на владение, пользование и распоряжение национальным богатством России»; 3) как «верховенство Конституции РСФСР и законов РСФСР на всей территории РСФСР» и т.д. Таким образом, именно российские депутаты спустили курок «суверенизации», и в тот же день на заседании **Совета Федерации СССР**, в состав которого по статусу входили все руководители союзных республик, они хором заявили, что впредь не будут безоговорочно выполнять указы и постановления союзного центра.

15 июня 1990 г. Верховный Совет РСФСР из трех предложенных **Б.Н. Ельциным** кандидатур на пост нового руководителя российского правительства — **И.С. Силаева, Ю.А. Рыжова и М.А. Бочарова**, утвердил в должности председателя **Совета Министров РСФСР** бывшего заместителя **Н.И. Рыжкова** по союзному правительству — **Ивана Степановича Силаева**.

Тем временем союзный центр стал лихорадочно искать возможные пути выхода из тупика, в который сам себя загнал. В частности, по утверждению тогдашнего народного депутата СССР полковника **В.И. Алксниса**, «где-то в середине июня 1990 г. он был приглашен в штаб **Прибалтийского Военного округа**, где его командующий генерал-полковник **Ф.М. Кузьмин** по указанию **Москвы**» не только ознакомили его с планом введения чрезвычайного положения в Латвии, но и предложили ему возглавить новое республиканское правительство. При этом ему было сказано, что введение чрезвычайного положения планируется на **20 июля 1990 г.**

Однако в названный день никаких чрезвычайных действий не последовало. Сам **В.И. Алкснис** склонен объяснять это нерешительностью **М.С. Горбачева**, однако, вероятнее всего, причина заключалась в том, что в **конце июня 1990 г.** новое литовское руководство объявило «стодневный мораторий» на выход из состава СССР «со дня начала переговоров с союзным правительством». В этой связи **Совет Министров СССР** отказался от дальнейшей экономической блокады Литвы, а **М.С. Горбачев** тут же подписал указ «Об образовании делегации **Союза ССР** для проведения переговоров с делегацией **Литовской ССР**», руководителем которой был назначен **Н.И. Рыжков**. В создавшихся условиях все руководство Прибалтийских республик вынуждено было отправиться в **Москву**, где как раз **20 июля 1990 г.** состоялось совместное заседание **Президентского Совета и Совета Федерации**.

Между тем, дезинтеграционные процессы продолжали развиваться по всей стране. По словам американского посла **Дж. Мэтлока**, принятие Россией декларации о независимости «вызвало цепь таких же решений в других республиках, и еще до конца года все они приняли декларации о суверенитете». Процесс суверенизации выглядел следующим образом: если до **июня 1990 г.** решение о своем суверенитете было принято только в Эстонии, Литве, Латвии и Азербайджане, то

уже в **июне — декабре 1990 г.** декларации о суверенитете были приняты всеми союзными республиками, входящими в состав СССР: Россией, Украиной, Белоруссией, Молдовой, Казахстаном, Узбекистаном, Киргизией, Туркменией, Таджикистаном, Арменией и Грузией.

Одновременно с этим начались и дезинтеграционные процессы в самой РСФСР, которые были спровоцированы союзным руководством. Еще в **апреле 1990 г. Верховный Совет СССР** принял законы «**Об основах экономических отношений Союза ССР, союзных и автономных республик**» и «**О разграничении полномочий между Союзом ССР и субъектами Федерации**», в результате чего автономные республики приобрели статус «советских социалистических государств». К тому времени в Советском Союзе существовало **20 автономных республик**: по одной в Узбекистане и Таджикистане, две — в Грузии и шестнадцать — в России. Причем, на долю российских автономий приходилось более четверти всей территории Российской Федерации.

В либеральной литературе (**Р. Пихоя, Р. Медведев**) можно встретить мнение, будто бы союзное правительство пыталось использовать «фактор автономий» для сдерживания выходящих из-под контроля союзных республик, прежде всего, России. Однако реально эти законы представляли собой мину замедленного действия, поскольку с одной стороны, они не отрицали того, что автономные республики по-прежнему «входят в состав союзных республик», но с другой стороны, признали их «субъектами федерации, то есть Союза ССР» и уравнили в правах с союзными республиками. Однако никаких противоречий в данном вопросе между союзным и российским руководством не существовало. Неслучайно в **августе 1990 г.** председатель **Верховного Совета РСФСР Б.Н. Ельцин** во время своей рабочей поездки по стране дословно заявил руководителям российских регионов «**берите столько суверенитета, сколько можете переварить**».

Этот призыв не вполне трезвого и адекватного «**царя Бориса**» тут же был подхвачен всеми лидерами русофобов-сепаратистов и уже в **июле — октябре 1990 г.** о своем государственном суверенитете заявили Северная Осетия, Карелия, Коми, Татарстан, Удмуртия, Мари-Эл, Якутия, Бурятия, Башкирия, Калмыкия и Чувашия. Более того, Татария признала **15 октября** «национальным днем памяти погибших при защите **Казани** от войск **Ивана Грозного**», а Якутия пошла еще дальше и объявила «землю и все природные ресурсы, а также средства и результаты производства на территории республики ее исключительной собственностью», что означало переход в ее полное распоряжение всех огромных месторождений золота и алмазов.

Причем, если первоначально речь шла только о суверенитете республик, то уже в **августе 1990 г.** первый заместитель председателя **Верховного Совета РСФСР Р.И. Хасбулатов** на одном из брифингов прямо заявили, что «РСФСР готова взять на себя ответственность за обязательства СССР, а значит, стать его политическим правопреемником». Тогда же он объяснил американскому послу **Дж. Мэтлоку**, что скрывалось за его словами: «Советский Союз доживает последние дни, в ближайшее время он будет трансформирован в конфедерацию, и Россия станет его правопреемником по большинству внешнеэкономических обязательств».

Тогда же, в **августе 1990 г.**, выступая в **Верховном Совете Латвийской ССР, Б.Н. Ельцин** предельно откровенно заявил: «Россия, возможно, будет участвовать в союзном договоре, но мы подготовили свой вариант, где имеем в виду, что это

будет договор о создании содружества суверенных государств, имеющем основы конфедерации, независимость и, допустим, каких-то два-три объединяющих элемента — может быть оборона, госбезопасность, кредитно-денежные отношения. Вот, пожалуй, и все, что может быть отдано центру».

При полном и преступном попустительстве союзных властей аналогичные процессы стали возникать и на территории **Украинской ССР**, где из подполья вылезло националистическое диссидентское движение, костяк которого составляли самые злые украинские русофобы, типа **В.М. Чорновола, М.Н. Горыня, С.И. Хмары, Ю.Р. Шухевича, И.М. Калинца, Л.И. Плюща** и других. Но самое страшное состояло в том, что «бандеровское подполье» окапались в самом **ЦК КПУ** и во многих творческих структурах, в частности в **Союзе Писателей** и **Союзе Кинематографистов УССР**, где верховодили такие персонажи, как **И.Ф. Драч, С.П. Плачинда, И.М. Дзюба, В.Г. Дрозд, Ю.Г. Ильенко** и другие. Именно эта продажная творческая интеллигенция, несказанно обласканная советской властью, в годы «горбачевской перестройки» инициировала создание **Народного Руха Украины (НРУ)**, который открыто провозгласил свою главную политическую цель — достижение полной государственной независимости Украины и развал СССР. В **марте 1990 г.** НРУ принял участие в выборах в **Верховный Совет УССР** и провел в народные депутаты более **210** своих членов, которые составили костяк оппозиционного блока «**Народна рада**». Именно на этот русофобский блок стал опираться и новоиспеченный **второй секретарь ЦК КПУ Л.М. Кравчук**, который в **июне 1990 г.** был избран на пост председателя **Верховного Совета УССР**. Тогда же **Верховный Совет УССР**, в нарушение союзного законодательства, принял **Декларацию «О государственном суверенитете Украинской ССР»**. Однако высшее руководство страны, в том числе **Президент СССР М.С. Горбачев**, который был гарантом целостности СССР, абсолютно проигнорировало этот вопиющий факт.

4. XXVIII съезд КПСС и окончательное отстранение партии от реальной власти

Как известно, после **ХІХ партийной конференции**, состоявшейся в **июне 1988 г.**, началось стремительное отеснение **КПСС** от реальных рычагов власти. Первоначально этот процесс коснулся центрального партийного аппарата, где были ликвидированы все **отраслевые отделы ЦК** и созданы совершенно беспомощные и никчемные **Комиссии ЦК**. Логическим продолжением этого процесса стала фактическая ликвидация **Секретариата ЦК**, который был настоящим партийным штабом по оперативному управлению страной. Наконец, с **начала 1990 г.** стал фактически разрушаться планомерный характер работы самого **Политбюро ЦК**, который незаконно был подменен узким кругом ближайших и «посвященных» соратников **М.С. Горбачева**, в который входили только несколько членов **Политбюро**, в частности **А.Н. Яковлев, Э.А. Шеварднадзе и В.А. Медведев**.

Именно на такой, уже хорошо унавоженной почве, и готовилось реформирование самой **КПСС**. Замысел всей этой «реформы» исходил не только из перспектив перехода страны к многопартийной системе, но и допускал: **1)** существование в самой партии различных внутрипартийных фракций и платформ и **2)** превращение ее из единой **КПСС** в **Союз Коммунистических партий**.

Еще в **январе 1990 г.**, во время своего пребывания в Литве **М.С. Горбачев** заявил, что он не видит «трагедии в многопартийности» и сразу после возвращения в **Москву** поставил этот вопрос на заседание **Политбюро**. За переход к многопартийной системе высказались **М.С. Горбачев, Н.И. Рыжков, Э.А. Шеварднадзе, А.Н. Яковлев, В.А. Медведев** и **Н.Н. Слюньков**, а против резко выступили **Е.К. Лигачев, Л.Н. Зайков, В.И. Воротников** и **В.А. Крючков**, что выглядело довольно странно, поскольку именно **КГБ СССР** стояло у истоков создания множества неформальных организаций, по сути дела, представлявших собою подобие будущих партий.

В **конце марта 1990 г.** данный вопрос снова обсуждался на **Политбюро**, где **М.С. Горбачев**, возмнив себя «истинным ленинцем», заявил, что «мы подошли к реальному размежеванию внутри партии» и первым этапом этого раскола на противников и сторонников «перестройки» должно стать «идейное размежевание через дискуссию». С этой целью он предложил «разослать по партии» специальную «записку» на этот счет и «сориентировать прессу».

На первый взгляд эта идея носила вполне разумный характер, так как внутри **КПСС** реально существовали группировки с совершенно разными взглядами. Это наглядно продемонстрировала и объявленная в связи с подготовкой к **XXVIII съезду** общепартийная дискуссия, в ходе которой наряду с официальной партийной платформой, появились еще две: либеральная «**Демократическая платформа КПСС**», у истоков которой стояли ректор **ВППШ при ЦК КПСС В.Н. Шостаковский** и доцент общественной кафедры **МАИ В.Н. Лысенко**, и ортодоксальная «**Марксистская платформа КПСС**», которую возглавили два доктора экономических наук, доценты экономического факультета **МГУ А.В. Бугалин** и **А.Н. Когланов**.

Однако очень скоро генсек изменил свою позицию и уже в **начале апреля 1990 г.** на очередном заседании **Политбюро** прямо заявил, что «в случае размежевания можно» остаться с одними ортодоксами. Что произошло за эти две недели, необходимо еще установить, но именно в эти дни идея раскола партии была временно «оставлена». В то же время в поле зрения руководства **КПСС** оказалась другая, не менее важная проблема — проблема создания **Коммунистической партии Российской Федерации**.

Когда еще в **начале мая 1987 г.** тогдашний председатель **Совета Министров РСФСР В.И. Воротников** обратил внимание **М.С. Горбачева** на то, что все союзные республики имеют собственные партии и поставил перед ним вопрос о создании **Коммунистической партии РСФСР**, генсек отклонил эту идею, мотивируя свой отказ тем, что подобный шаг может угрожать целостности СССР. Затем, через два года, в **августе 1989 г.**, **В.И. Воротников** направил в **ЦК КПСС** записку «**О некоторых мерах к расширению суверенных прав РСФСР**», где предложил провести в следующем 1990 г. российскую партконференцию и создать **Компартию РСФСР**. На этот раз его предложение не вызвало возражений со стороны генсека, что дает основание предположить, что к этому моменту он уже не думал о целостности СССР. Показательно, что **осенью 1989 г.** идея создания **Компартии РСФСР** была взята на вооружение и лидерами **Межрегиональной депутатской группы**, а уже **весной 1990 г.** она стала фигурировать в избирательной программе **Б.Н. Ельцина**. Затем, уже в **декабре 1989 г.**, решением **Пленума ЦК** было воссоздано **Российское Бюро ЦК КПСС**, существовавшее в хрущевские времена.

Сама проблема создания **Компартии РСФСР** родилась отнюдь не в годы «перестройки». Как известно, эта идея родилась вскоре после окончания войны в недрах так называемой «**ленинградской группировки**», которую возглавляли тогдашний член **Политбюро ЦК**, председатель **Госплана СССР Н.А. Вознесенский** и секретарь **ЦК А.А. Кузнецов**. Однако **И.В. Сталин**, прекрасно понимая какую угрозу для единства страны таит в себе эта затея, не только категорически отверг этот проект, но и отправил на «плаху» ее инициаторов и проводников. Теперь же эта идея возродилась вновь и ее активно стали раскручивать как консерваторы, так и демократы с одной единственной целью — перехватить власть и избавиться от надоевшего им **М.С. Горбачева** и его «перестройки».

Накануне созыва **XXVIII партийного съезда, 19 июня 1990 г.** в Москве открылась **Российская партийная конференция**, ставшая учредительным съездом **Коммунистической партии РСФСР**, на которой избрали **ЦК** и **Первого секретаря ЦК КП РСФСР**. В ходе состоявшихся прений по кандидатурам было решено внести в избирательный бюллетень фамилии только двух претендентов на пост руководителя российской компартии — второго секретаря **ЦК КП Армении О.И. Лобова**, олицетворявшего собой «либеральное партийное крыло», и первого секретаря **Краснодарского крайкома партии И.К. Полозкова**, ставшего лидером «консервативного крыла». В результате состоявшегося голосования лидером **КП РСФСР** стал **И.К. Полозков**, что зримо показало существенный рост оппозиционности курсу «горбачевской перестройки».

2 июля 1990 г. начал свою работу последний в истории правящей партии **XXVIII съезд КПСС**, делегатов которого «плюралисты» и «демократы» **М.С. Горбачев** и его помощник **А.С. Черняев** презрительно называли «скопещем обезумевших провинциалов и столичных демагогов» и «шкурниками, которым кроме кормушки и власти ничего не надо». Самое печальное заключается в том, что обе эти характеристики были недалеко от истины. Хотя партия, как подбитый корабль, уже шла ко дну, на съезде не нашлось ни одного коммуниста, который хотя бы решился поставить вопрос о верности партийного курса и доверии генсеку. Ближайшее окружение **М.С. Горбачева** предлагало ему сложить свои полномочия и выйти из **КПСС**, но генсек отклонил это предложение, заявив, что «нельзя паршивую собаку отпускать с поводка». Вероятнее всего, стратегический план **М.С. Горбачева, А.Н. Яковлева** и **Ко** заключался в том, чтобы сначала развести **КПСС** по национальным квартирам, а затем преобразовать ее в союз социал-демократических партий.

В центре внимания работы делегатов съезда оказались следующие вопросы:

1) **Отчетный доклад ЦК КПСС Генерального секретаря ЦК М.С. Горбачева**, который был выслушан в гробовой тишине и впервые за многие годы не прерывался «бурными и продолжительными аплодисментами». Причем, по итогам обсуждения этого доклада, **М.С. Горбачеву** пришлось делать еще один доклад, что было беспрецедентным событием в истории партийных съездов всех послевоенных десятилетий.

2) **Отчетные выступления большинства членов и кандидатов в члены Политбюро ЦК**, что стало совершенно беспрецедентным событием в истории таких форумов. Согласно регламенту, принятому на съезде с такими отчетами поочередно выступили **Н.И. Рыжков, В.А. Медведев, А.Н. Яковлев, Л.Н. Зайков, Е.К. Лигачев, Э.А. Шеварднадзе, Ю.Д. Маслюков, В.И. Воротников, В.А. Крючков, Г.П. Разумов-**

ский и Д.Т. Язов. Однако до остальных членов высшего партийного руководства дело не дошло, поскольку эти отчеты порядком надоели делегатам съезда, и их было решено свернуть. Зато ряд членов Политбюро, в частности Н.И. Рыжков, А.Н. Яковлев, В.А. Медведев, Э.А. Шеварднадзе, Е.К. Лигачев и В.А. Крючков, повторно выступали с ответами на вопросы делегатов съезда.

3) На съезде было принято Программное заявление «К гуманному, демократическому социализму», ставшее составной частью Третьей партийной программы и внесены изменения в партийный устав, согласно которым: а) Генеральный секретарь ЦК теперь избирался не на Пленуме ЦК, а на самом партийном съезде; и б) впервые учреждалась должность заместителя Генерального секретаря ЦК.

4) Впервые за всю историю партии на этом съезде были выдвинуты альтернативные кандидатуры на пост Генерального секретаря ЦК КПСС, в том числе А.Н. Яковлева, В.В. Бакатина, О.Н. Лобова и другие, но все они под разными предлогами взяли самоотвод. В результате в избирательный бюллетень были внесены две кандидатуры — Генерального секретаря ЦК КПСС М.С. Горбачева и первого секретаря Киселевского горкома КПСС Т.Г. Авилиани. Естественно новым-старым генсеком был избран М.С. Горбачев, за которого проголосовало чуть более 3400 делегатов съезда из почти 4540 коммунистов, принявших участие в голосовании. Таким образом, в результате этой чисто внешней, формально демократической процедуры, М.С. Горбачеву удалось выйти из-под контроля Центрального Комитета КПСС и обезопасить себя от варианта хрущевской отставки с поста генсека.

5) Впервые на съезде прошли и выборы заместителя Генерального секретаря ЦК, на которую были предложены разные кандидатуры, в том числе активный противник нового горбачевского курса, член Политбюро ЦК Е.К. Лигачев и новый горбачевский фаворит В.А. Ивашко, который на тот момент был членом Политбюро ЦК и председателем Верховного Совета УССР. Именно эти две кандидатуры и были внесены в бюллетень для тайного голосования, и победил, естественно, В.А. Ивашко.

6) В заключительный день работы съезда, при выборах нового состава ЦК, совершенно неожиданно взял слово Б.Н. Ельцин, который под абсолютно надуманным предлогом, заявил о своем выходе из партии, т.е. как крыса побежал с тонущего корабля, предав ту самую партию, которая вывела его на вершины политического олимпа и сделала всесоюзной знаменитостью.

7) На XXVIII съезде КПСС почти все прежнее руководство партии ушло в отставку, а сам состав ЦК обновился более чем на 85%, что окончательно превратило его в послушное орудие генсека и его команды.

В середине июля 1990 г., сразу после завершения работы партийного съезда состоялся организационный Пленум ЦК, на котором были избраны новый состав Политбюро ЦК и Секретариата ЦК. Теперь в состав Политбюро ЦК вошли Генеральный секретарь ЦК М.С. Горбачев, заместитель Генерального секретаря ЦК В.А. Ивашко, секретари ЦК О.С. Шенин, А.С. Дзасохов, Г.И. Янаев, Е.С. Строев, И.Т. Фролов и Г.В. Семенова, первый секретарь МГК Ю.А. Прокофьев и все первые секретари ЦК КП союзных республик, оставшихся на платформе КПСС. Секретарями ЦК, помимо названных членов Политбюро, были избраны В.М. Фалин, В.А. Купцов, А.Н. Гиренко, Ю.А. Манаенков, Б.В. Гидаспов и И.И. Мельников.

Характеризуя новый состав высших руководящих органов партии, ряд современных авторов (**А. Островский**) совершенно верно заметили, что если **весной 1990 г.** правящая Коммунистическая партия утратила монополию на власть, то **летом 1990 г.** она полностью потеряла способность к реваншу.

Прошло совсем немного времени, и в **августе 1990 г.** вступил в силу закон «**О печати и других средствах массовой информации**», который отменил цензуру и предоставил право открывать издательства, издавать книги, газеты, журналы любым юридическим и физическим лицам. Единственно, что первоначально оставалось в руках государства — полиграфическая база. Однако действующее законодательство позволяло не только арендовать государственные, но и создавать частные типографии. А это означало, что **КПСС**, а вместе с ней и советское государство, отказались от контроля над идеологией. Но природа не любит пустоты, поэтому их место быстро заняли те, кто имел деньги — т.е. зарубежная и доморощенная буржуазия.

В **конце сентября 1990 г.** был сделан еще один **самоубийственный шаг**, поскольку **Политбюро ЦК** своим собственным постановлением приняло решение прекратить утверждение всех государственных должностных лиц, что фактически означало **добровольный отказ правящей партии от власти**. Абсурдность принятого решения, не поддается никакому разумному объяснению, но еще более непонятным была трусливая и предательская позиция новых членов **Политбюро**.

Следующим шагом на пути отстранения партии от власти стало решение о сокращении с **января 1991 г.** штатов сотрудников всех райкомов и обкомов партии ровно наполовину. Это была уже не первая, но самая массовая волна сокращения партийного аппарата, которая привела к катастрофическому вымыванию из его состава первоклассных профессионалов с колоссальным опытом партийной и хозяйственно-административной работы. Одновременно с этим началось резкое сокращение самих партийных рядов, которые к **июлю 1991 г.** покинули более **4 млн человек**, т.е. более **20 %** членов партии.

Одновременно с этим, в **октябре 1990 г.**, **М.С. Горбачев** подписал указ «**Об общественных объединениях**», который открыл возможность для легального создания в нашей стране различных политических партий и перехода к реальной многопартийности не только де-факто, но и де-юре. А уже в **апреле 1991 г.** **Министерство юстиции СССР** официально зарегистрировало **Либерально-демократическую партию Советского Союза** во главе с **В.В. Жириновским** — единственную на тот момент оппозиционную политическую партию, которая де-факто существовала еще с **декабря 1989 г.**

5. Поиски путей выхода из экономической катастрофы весной – осенью 1990 г.

Тем временем в **Москве** шла энергичная работа по подготовке новой экономической реформы. Когда в **конце декабря 1989 г.** **II Съезд народных депутатов СССР** в целом одобрил концепцию радикальной экономической реформы, то поручил правительству подготовить к **сентябрю 1990 г.** проект нового пятилетнего плана развития народного хозяйства страны на **1991–1995 гг.**

Проанализировав в начале наступившего года складывающуюся в стране экономическую ситуацию, **Комиссия по экономической реформе**, возглавляемая за-

местителем председателя **Совета Министров СССР** академиком **Л.И. Абалкиным**, пришла к выводу, что в условиях обостряющегося кризиса необходимо или возвращаться к прежней административно-командной системе, или же форсировать переход к рынку. Да и сам **М.С. Горбачев**, отмечая, что в верхах «продолжалось противоборство между двумя основными тенденциями» — традиционно-технократической и экономической, тяготеющей к рыночным реформам, полагал, что на самом деле к началу 1990 г. выбора уже не было. В первую очередь это поняли **Л.И. Абалкин** и **Ю.Д. Маслюков**, которые в записке, направленной главе **Совета Министров СССР Н.И. Рыжкову**, предложили осуществить «крутой поворот к рыночной экономике и приблизить сроки осуществления практических шагов на пути к рынку».

Свои конкретные соображения на этот счет **Л.И. Абалкин** представил **Н.И. Рыжкову** в середине февраля 1990 г., приложив к своему письму на имя премьера две записки: «О предполагаемых мерах нормализации положения в экономике» (1 вариант) и «О путях преодоления экономического кризиса» (2 вариант). При этом сам **Л.И. Абалкин** и его соратники более предпочтительным считали второй вариант.

В начале марта 1990 г. **Совет Министров СССР** принял постановление «О подготовке материалов для осуществления перехода к планово-рыночной экономике» и дал задание в кратчайшие сроки подготовить конкретный план реализации этого проекта. К этому времени в **Комиссии Л.И. Абалкина** наметились два основных способа решения этой проблемы: «одним ударом — уже с июля 1990 г. или с января 1991 г.».

Сторонником немедленного перехода к рынку был ученик **Л.И. Абалкина** по знаменитой «Плешке», кандидат экономических наук **Г.А. Явлинский**, которому он опрометчиво доверил руководство **Сводным отделом Комиссии по экономической реформе**. Однако не получив поддержки со стороны своего шефа, **Г.А. Явлинский** «вместе со своими коллегами и друзьями», в частности экономистами **М.М. Задорновым** и **А.Ю. Михайловым**, создали набросок программы, которая предусматривала переход всей советской плановой системы на рельсы рыночной экономики практически в течение одного года. Программа эта была громогласно названа «**400 дней доверия: концепция ускоренного перевода экономики СССР на рыночные начала**», которая была подготовлена уже в середине марта 1990 г.

А уже в апреле 1990 г., выступая **XXI съезде ВЛКСМ**, **М.С. Горбачев** заявил, что «проанализировав обстановку, мы пришли к выводу о необходимости ускорить проведение экономической реформы, уже в этом году и в начале будущего года осуществить основные мероприятия в этом направлении, которые намечались на 1992—1993 гг.».

Чтобы понять смысл этого шага, необходимо напомнить, что согласно первоначальному плану в 1990—1992 гг. предполагалось добиться стабилизации в экономике и подготовить необходимые условия для перехода к рынку, и лишь затем, в 1993—1995 гг., провести сам этот переход. Теперь же было решено всего за один год осуществить то, что планировать на три первые года экономической реформы. Кроме того, имеются свидетельства самого академика **Л.И. Абалкина**, что к этой работе союзного правительства были подключены западные эксперты, работу которых щедро оплачивал фонд неизвестного «филантропа» и крупного финансового спекулянта **Дж. Сороса**.

Как бы там ни было, но уже в конце мая 1990 г. **Н.И. Рыжков** выступил на сессии **Верховного Совета СССР** с докладом «Об экономическом положении страны и концепции перехода к регулируемой рыночной экономике». Рассмотрев два варианта перехода к рынку — один, рассчитанный на два, а второй — на пять лет и, отвергнув первый вариант как более болезненный, **Н.И. Рыжков** обосновывал предпочтительность второго варианта, который отличался от декабрьского варианта тем, что сдвигал начало второго этапа реформы с 1993 г. на 1991 г. При этом критика первого варианта реформы по существу была скрытой критикой «Программы 400 дней». Обсуждение доклада **Н.И. Рыжкова** продолжалось более двух недель, и в середине июня **Верховный Совет СССР**, одоблив саму концепцию экономической реформы, предложил правительству страны представить программу ее реализации к сентябрю 1990 г.

Параллельно с разработкой программы перехода к рынку союзное правительство развернуло подготовку ряда важных нормативных документов. В июне — августе 1990 г. **Совет Министров СССР** издал ряд подзаконных актов — «Об акционерных обществах и обществах с ограниченной ответственностью», «О ценных бумагах», «О мерах по созданию и развитию малых предприятий», «О мерах по демократизации народного хозяйства» и «О мерах по формированию общесоюзного валютного рынка и о налогах на экспорт и импорт».

Между тем, сразу после того, как «Программа 400 дней» прошла экспертизу в зарубежных институтах и получила там положительную оценку, она в виде ксерокопии стала гулять по высоким кабинетам, пока не попала на глаза к народному депутату СССР, бывшему зав. отделом **Института экономики АН СССР Г.И. Фильшину**. Недолго думая, это шустрый делец от своего имени предложил ее «в обмен на должность вице-премьера российского правительства» тогдашнему председателю **Экономического Совета РСФСР** народному депутату **М.А. Бочарову**, которого именно в это время неведомые силы продвигали к руководству новым российским правительством.

Изменив «400 дней» на «500 дней» и применив содержавшиеся в программе предложения не к СССР, а к РСФСР, **М.А. Бочаров** при обсуждении в **Верховном Совете РСФСР** его кандидатуры на пост премьер-министра нового российского правительства представил ее как результат собственного творчества под названием «О программе перехода к рыночной экономике. Программа минимум — мандат доверия на 500 дней». Ознакомившись с этим документом, в конце июля 1990 г. **Г.А. Явлинский** не только немедленно издал свою **Программу «400 дней доверия»** в виде отдельной брошюры, но и устроил «жулику» **М.А. Бочарову** грандиозный скандал.

Сразу после это **Г.А. Явлинский** и его непосредственный начальник, еще один «великий реформатор» **Е.Г. Ясин**, обратились к главе **Верховного Совета РСФСР Б.Н. Ельцину** за соответствующими разъяснениями. В обмен на отказ от раздувания скандала о плагиате они получили предложения войти в состав российского правительства, причем, **Г.А. Явлинский** сразу получил должность вице-премьера и возделенный портфель председателя **Комиссии по экономической реформе**, после чего взял к себе **А.Ю. Михайлова** и **М.М. Задорнова** как членов комиссии в ранге заместителей министров.

Через десять дней после назначения вице-премьером российского правительства, **Г.А. Явлинский** обратился к **М.С. Горбачеву** и предложил на основе «Програм-

мы 500 дней» разработать общесоюзную программу перехода к рынку. Сразу после этого **М.С. Горбачев** встретился с **Б.Н. Ельциным** и они приняли решение создать совместную **Государственную комиссию по экономической реформе**. В тот же день **Президент СССР** позвонил члену **Президентского Совета** академику **С.С. Шаталину** и сказал ему: «мы решили поручить тебе с командой начать энергичное спасение советской экономики и перевод ее на рыночную основу».

Личное обращение **М.С. Горбачева** к известному советскому экономисту академику **С.С. Шаталину** было совсем неслучайным, поскольку по признанию самого генсека, «где-то в конце 1988 г. академик **С. Шаталин** стал моим неформальным советником по экономическим и не только экономическим вопросам. К зарождению концепции **Г. Явлинского** **С. Шаталин** не имел прямого отношения. Он был подключен к этой работе, что называется, на ходу, но с большим рвением отнесся к новому поручению, и с этой точки зрения вполне обосновано, что «500 дней» стали называть **программой Шаталина-Явлинского**».

Это единоличное решение генсека стало абсолютно неожиданным, а главное малоприятным сюрпризом для всех руководителей союзного правительства, в том числе **Н.И. Рыжкова** и **Л.И. Абалкина**, которые узнали о нем только тогда, когда им прислали уже одобренное соглашение о совместной разработке экономической реформы командами союзного и российского президентов. Уже в начале августа 1990 г. **М.С. Горбачев** подписал распоряжение «О подготовке концепции союзной программы перехода на рыночную экономику как основы Союзного договора», на основании которого была создана рабочая группа. В состав этой «чертовой дюжины» вошли **Л.И. Абалкин, С.С. Шаталин, Г.А. Явлинский, Е.Г. Ясин, Н.Я. Петраков, В.А. Мартынов, Н.П. Шмелев, А.П. Вавилов, Л.М. Григорьев, М.М. Задорнов, В.М. Машин, А.Ю. Михайлов и Б.Г. Федоров**.

Концепцию новой программы экономической реформы рабочая группа должна была представить не позднее сентября 1990 г., поэтому сразу после ее создания она в полном составе срочно выехала в подмосковное **Архангельское**. Однако именно здесь между членами рабочей группы, прежде всего, **Г.А. Явлинским** и **Л.И. Абалкиным**, начались довольно серьезные трения, которые активно провоцировал ученик, а не его учитель. В течение первой недели команда **Г.А. Явлинского** представила на рассмотрение остальных членов комиссии свой «план-проект» экономической реформы, и в середине августа 1990 г. состоялась встреча рабочей группы **С.С. Шаталина — Г.А. Явлинского** с **Н.И. Рыжковым** и **Л.И. Абалкиным**, во время которой обнаружилось, категорическое неприятие союзным правительством всех представленных ими материалов.

По свидетельству самого **М.С. Горбачева**, «совместная работа над программой фактически так и не была начата. Группа **С. Шаталина — Г. Явлинского** продолжала работать сама по себе, отдельно от союзного правительства. А правительство **Н. Рыжкова — Л. Абалкина** трудилось над собственной программой перехода к рынку в соответствии с поручением **Верховного Совета СССР**». При этом полемика между этими рабочими группами вскоре выплеснулась в широкую печать, а в ряде газет даже началась настоящая травля союзного правительства и его руководителя. В этой ситуации **М.С. Горбачев** прервал свой отпуск и вернулся в **Москву**.

Что же представляла собою разрабатывавшаяся «**Программа 500 дней**» и почему вокруг нее возникли столь острые разногласия. Прежде всего, следует отметить,

что авторы этого документа исходили из признания полной независимости всех союзных республик и по этой причине ставили задачу создания **Экономического союза** между ними. При этом допускалось, что в самом **Союзе** должны участвовать только те союзные республики, которые пожелают этого, причем, даже в качестве ассоциативных членов. В связи с этим обстоятельством в программе особо подчеркивалось, что: **1)** «суверенные республики имеют исключительное право на законодательное регулирование владения, пользования и распоряжения всем национальным богатством, находящимся на их территории»; **2)** «все функции и полномочия членов Союза реализуются исходя из принципа верховенства законодательств суверенных республик и эффективного разделения функций республиканского и союзного управления».

В самой программе были названы следующие основные направления реформы: **1)** приватизация большей части государственной собственности, **2)** формирование свободного рынка, **3)** полная демонаполизация экономики, **4)** постепенная либерализация цен, **5)** жесткая денежно-кредитная и финансовая политика, направленная на ограничение денежной массы в наличном обращении, **6)** создание на переходный период «системы социальной поддержки и гарантий для населения» и **7)** существенное изменение всей инвестиционной политики с целью замедления роста производства средств производства и ускорения производства средств потребления. Сюда же следует добавить и еще одно направление, которое не выделялось авторами программы специально, но которое присутствовало в их программе — либерализацию внешнеэкономической деятельности.

Сам переход к рынку планировалось осуществить в четыре этапа. **Первый этап (100 дней)** предполагалось начать с «введения законодательных актов, закрепляющих основные принципы экономической реформы». А затем планировалось принять «пакет законодательных актов, необходимых для функционирования рыночной экономики». Вся координация этой работы и руководство проведением экономической реформы возлагались на пока несуществующий **Межреспубликанский экономический комитет**, создаваемый «при **Президенте СССР** с участием полномочных представителей всех республик».

По замыслу авторов реформы, на первом этапе необходимо было провести «инвентаризацию государственного имущества, финансовых активов и всех видов резервов» и приступить к «реализации этого имущества в собственность граждан». Одновременно предусматривалось объявление «земель колхозов и совхозов суммой наделов их работников» и предоставление им права выхода из колхоза или совхоза с закреплением за ними предоставленных им земельных участков. Важное место на первом этапе отводилось принятию мер «по оздоровлению финансов и денежного обращения». С этой целью было намечено приостановить денежную эмиссию и до возможного минимума сократить дефицит бюджета, в частности за счет сокращения расходов **Министерства обороны СССР** на **80 %** и распродажи «на мировом рынке части задолженности других стран СССР».

Ускоренными темпами предполагалось создание «рыночной инфраструктуры», «чтобы уже в **1991 г.** она смогла взять на себя основную нагрузку по регулированию товарных потоков». Предусматривалось преобразование всех государственных банков в акционерные, отказ государства «от административного повышения розничных цен» и начало движения по пути их постепенной либерализации. Понимая,

что переход к рынку больно ударит по всему населению страны, авторы программы рекомендовали ввести в действие систему индексации доходов и повысить «процентные ставки по вкладам населения в **Сбербанке**».

Основным содержанием **второго этапа (100–250 дни)** должно было стать «полное снятие государственного контроля за ценами на широкий круг продукции производственно-технического назначения, потребительских товаров и услуг и сдерживание с помощью средств финансовой и кредитной политики инфляционных процессов. В этом периоде дефицит бюджета должен быть сведен к нулю при неизменной величине совокупной денежной массы и одновременно планировалось существенное расширение «масштабов разгосударствления, приватизации небольших предприятий» и дальнейшее развитие «рыночной инфраструктуры».

Главная задача **третьего этапа (250–400 дни)** заключалась в том, чтобы «добиться, в основном, стабилизации рынка, как потребительских товаров, так и средств производства». На этом этапе планировалось: **а)** довести долю акционированных или сданных в аренду предприятий до **30–40 %** в промышленности, до **50 %** в строительстве и автомобильном транспорте, и не менее **60 %** в торговле, общественном питании и бытовом обслуживании; **б)** снять «государственный контроль над ценами примерно по **70–80 %** продукции и услуг», сохранив его лишь «на основные первичные ресурсы», в частности нефть, нефтепродукты и газ, а также «ограниченный перечень потребительских товаров первой необходимости», в частности хлеб, мясо, молоко и сахар, транспортные тарифы и тарифы на коммунальные услуги; **в)** добиться окончательного решения «ключевой проблемы перехода к рыночной экономике — проблемы внутренней конвертируемости рубля».

На заключительном этапе реформы (**последние 100 дней**) планировалось перенести центр тяжести работы на дальнейшее «продвижение в разгосударствлении, приватизации и демополизации экономики, на активизацию структурно-инвестиционной политики». К концу этого этапа реформ доля приватизированной или же сданной в аренду собственности должна была достигнуть не менее **70 %** в промышленности, **80–90 %** в строительстве, автомобильном транспорте, оптовой и розничной торговле, общественном питании и бытовом обслуживании. К реализации программы предполагалось приступить с **октября 1990 г.**

По свидетельству ряда участников рабочей группы (**Б.Г. Федоров**), на последнем этапе ее работы возник вопрос о том, что будет какое-то секретное приложение к программе. По согласованию с **Г.А. Явлинским** над ним усердно корпел **Е.Г. Ясин**, и этим «секретным оружием» реформаторов была тривиальная конфискационная денежная реформа.

В конце августа **М.С. Горбачев** вернулся в **Москву**, и в тот же день состоялась третья встреча рабочей группы, занимавшейся составлением сводной программы экономической реформы. По авторитетному свидетельству участника этой встречи академика **Л.И. Абалкина**, «она происходила очень напряженно, нервно, но позволила многое прояснить в позиции, раскрыть внутренний замысел готовившейся программы. В ходе беседы мы постепенно обнаружили ее скрытую суть. Замысел состоял в том, чтобы, как говорится, втихую ликвидировать Союз ССР, заменив федеративное государство экономическим союзом самостоятельных государств». Между тем, как отмечает ряд современных авторов (**А. Островский**), термин «вти-

хую» абсолютно неверен, поскольку новое российское руководство уже вполне открыто заявляло, что стремится к превращению СССР в конфедерацию или содружество независимых государств. В частности, еще в **середине августа 1990 г.**, находясь в **Свердловске**, **Б.Н. Ельцин** предельно откровенно заявил, что «надо каждую республику назвать суверенным государством со своей конституцией, идти на конфедерацию».

Тогда же к новой встрече **М.С. Горбачева** и **Б.Н. Ельцина** была составлена записка, которая обосновывала необходимость взять за основу «**Программу 500 дней**» и рассматривала два варианта последующих действий: а) представление ее **Верховному Совету СССР** с предложением о формировании нового правительства, или б) заключение нового **Союзного договора** и тоже создание нового правительства. Для окончательного решения данного вопроса предлагалось созвать совместное заседание **Президентского Совета** и **Совета Федерации СССР**.

В самом конце августа 1990 г. состоялось совместное заседание **Президентского Совета** и **Совета Федерации**, в котором приняли участие руководители всех экономических ведомств, народные депутаты двух парламентов и ученые-экономисты, всего порядка **200 человек**. Однако, что особо примечательно, собравшимся вместо единой программы экономических реформ были предложены две программы перехода к рынку: программа **Совета Министров СССР**, разработанная под руководством **Н.И. Рыжкова — Л.И. Абалкина**, и программа **С.С. Шаталина — Г.А. Явлинского**, получившая известность как «**Программа 500 дней**».

Руководители республик, как и следовало ожидать, высказали предпочтение программе **С.С. Шаталина — Г.А. Явлинского**, поскольку в ней говорилось не о едином союзном государстве, а об экономическом союзе, где даже не упоминался федеральный налог. В то же время были высказаны опасения, что «заключив экономический союз», республики «откажутся от политического союза». Поэтому **М.С. Горбачев** предложил объединить обе программы и создать компромиссный вариант. Однако **Б.Н. Ельцин** сразу заявил, что сделать это не реально, как не реально «соединить амперы и километры», поэтому обе стороны договорились «об отсрочке внесения программы экономической реформы на **Верховные Советы Союза и Российской Федерации**».

Но, вопреки этому соглашению, уже в начале сентября 1990 г. «**Программа 500 дней**» была представлена **Верховному Совету РСФСР** и опубликована на страницах либеральных «**Известий**» и «**Комсомольской правды**». Сразу после этого **М.С. Горбачев** вновь провел обсуждение и сопоставление двух программ и предложил «сесть двум группам вместе под «арбитражем» **Л.И. Абалкина** и создать интеграционный документ». Однако работа над этим документом шла крайне туго, главным образом, из-за нежелания **Л.И. Абалкина** принимать участие в этой работе. Но все же она была завершена и направлена в **Верховные Советы СССР и РСФСР**. Надо сказать, в новом документе за основу была взята программа **С.С. Шаталина — Г.А. Явлинского**, но при этом устранены те ее положения, которые предвосхищали будущее решение проблем в **Союзном договоре**, в частности был снят очень опасный тезис о верховенстве республиканского законодательства, предусмотрено создание собственной финансовой базы Союза в виде федерального налога и т.д.

Пока шли баталии среди ведущих экономистов страны, в самом государстве начались «**табачный**», «**мыльный**» и «**хлебный**» кризисы, которые привели к резкой

дестабилизации положения в стране. По мнению ряда хорошо «осведомленных» руководителей, эти кризисы во многом имели сугубо искусственный характер. При этом сам **М.С. Горбачев** обвинял во всем номенклатуру, которая пыталась натравить народ на реформаторов, а Первый секретарь **МГК КПСС Ю.А. Прокофьев**, напротив, обвинял в этом горбачевских «реформаторов». При этом оба члена **Политбюро** намекали, что особую роль в этом кризисе сыграли владельцы огромных теневых капиталов.

Перед лицом обостряющегося экономического кризиса **Президент СССР** активизировал свои международные контакты и встречи, и по свидетельству его помощника **А.С. Черняева**, почти перед каждым таким авторитетным собеседником **М.С. Горбачев** ставил вопрос о кредитной поддержке СССР. Именно в таких условиях произошло событие, которое, несомненно, заслуживает особого внимания, но о котором до сих пор существует очень смутное представление. В начале сентября 1990 г. по приказу командующего **Воздушно-десантными войсками** генерал-полковника **В.А. Ачалова** под **Москву** в срочном порядке были переброшены **Тульская, Рязанская и Псковская воздушно-десантные дивизии**. Что скрывалось за этими странными военными «маневрами» до сих пор остается тайной, но есть предположение, что в условиях принятия российским парламентом «**Программы 500 дней**» и неизбежного в таком случае выхода России из состава СССР, **М.С. Горбачев** намеривался издать указ «**О введении чрезвычайного положения**» и установить прямое президентское правление на территории **РСФСР**. Видимо, не вполне понимая смысла всей этой игры, в которой ему пришлось участвовать, вскоре после этих событий министр обороны СССР маршал **Д.Т. Язов** поставил вопрос о своей отставке и начал готовить себе замену в лице генерал-полковника **В.А. Ачалова**, но **М.С. Горбачев** эту отставку не принял.

Тем временем, в середине сентября 1990 г., когда **М.С. Горбачев** вылетел в **Хельсинки** для встречи с президентом **Дж. Бушем**, **Верховный Совет РСФСР** вопреки первоначальной договоренности, практически без обсуждения одобрил программу **С.С. Шаталина — Г.А. Явлинского**. Тогда же, открылась сессия **Верховного Совета СССР**, на которой **Н.И. Рыжков** представил свой доклад «**О подготовке единой общесоюзной программы перехода к регулируемой рыночной экономике и выработке мер по стабилизации народного хозяйства**». Однако, вернувшись в **Москву**, **М.С. Горбачев** расценил это выступление **Н.И. Рыжкова** на сессии **Верховного Совета СССР** как «**неверный шаг**» и объявил «**перерыв в дискуссии**». По мнению ряда современных авторов (**И. Фроянов, А. Островский**), подобная пауза была вовсе неслучайной, поскольку еще в июле 1990 г. в американском городе **Хьюстоне** состоялась встреча лидеров «**Большой семерки**», на которой было решено направить в СССР «**для ознакомления**» с состоянием советской экономики «**группу международных экспертов**». Одновременно в **Москву** была направлена «**авторитетнейшая делегация делового мира Соединенных Штатов, возглавляемая двумя министрами**».

В середине сентября 1990 г. **М.С. Горбачев** принял госсекретаря США **Дж. Бейкера**, министра торговли США **Р. Мосбахера** и группу ведущих американских бизнесменов. В этот же день **Р. Мосбахера**, американского посла **Дж. Мэтлока** и крупных американских бизнесменов — **Д. Андреаса, К. Дерра, Д. Кендалла** и **Дж. Мэрфи** принял и **Н.И. Рыжков**. В связи с этим обстоятельством в обсу-

ждении доклада премьер-министра страны на сессии **Верховного Совета СССР** и был сделан перерыв.

Обсуждение экономической реформы возобновилось только через несколько дней, причем, одновременно с этим отдельной брошюрой в виде приложения к **«Комсомольской правде»**, а затем в **«Литературной газете»** появилась работа **А.И. Солженицына «Как нам обустроить Россию»**, в которой он предельно откровенно предложил ликвидировать союзное государство, сбросить «закавказское и среднеазиатское подбрюшье» и создать новое единое государство на базе России, Украины, Белоруссии и русских областей Северного Казахстана.

Поскольку статья была издана тиражом в **27 миллионов экземпляров**, ее публикация представляла собою масштабную идеологическую акцию, преследующую совершенно определенные цели. При этом выбор времени этой публикации был совершенно неслучайным, поскольку именно в этот день в **Верховном Совете СССР** предполагалось начать обсуждение нового **Союзного договора**. Затем на страницах печатного органа **Верховного Совета СССР** — газеты **«Известия»** появилась большая статья ведущего сотрудника **Института международных экономических и политических исследований (ИМЭПИ) АН СССР А.М. Миграняна «Союз нерушимый: о перспективах советской государственности»**, в которой утверждалось, что после принятия Россией декларации о государственном суверенитете распад СССР стал необратимым. Поэтому стоящая сейчас перед руководством Союза задача заключается только в том, чтобы не допустить стихийного развития этого процесса.

Так было положено начало открытого обсуждения данной проблемы, в том числе на страницах советской печати и в других средствах массовой информации. А поскольку в это время почти все типографские мощности находились в руках государства, и именно оно контролировало радио и телевидение, это означало, что руководство партии и правительства начали крупномасштабную обработку общественного мнения в указанном направлении.

В **середине октября 1990 г.**, когда дискуссия на тему «следует ли сохранять Советский Союз» шла уже полным ходом, в **Риме** состоялась конференция **«Национальные вопросы в СССР: обновление или гражданская война»**. Ее инициаторами стали «независимый» общественный **Университет Вашингтон-Париж-Москва**, журналы **«Континент»** и **«Юность»** и газета **«Комсомольская правда»**. В этой конференции приняли участие **Е.В. Аверин, Ч.Т. Айтматов, В.П. Астафьев, Ю.Н. Афанасьев, Г.Я. Бакланов, И.А. Бродский, В.В. Быков, И.И. Виноградов, Н.Е. Горбаневская, А.А. Дементьев, С.П. Залыгин, В.Н. Крупин, И.П. Золотусский, Д.С. Лихачев, Э.Д. Лозанский, В.П. Максимов, Э.И. Неизвестный, Л.И. Плющ, В.А. Солоухин, А.И. Стреляный, В.А. Фронин, М.М. Шемякин и Э. Эдлис**.

На американские деньги эти «прорабы» перестройки и их коллеги из «русской» эмиграции констатировали приближающуюся смерть Советского Союза как «одной из величайших империй в истории человечества» и договорились способствовать «полной и окончательной ликвидации тоталитарной системы», т.е. советской власти в стране. **«Римское обращение»**, принятое на данной сходке, разошлось массовым тиражом: его опубликовали и **«Комсомольская правда»**, и **«Литературная газета»**, и академическая газета **«Поиск»**. Таким образом, Советский Союз был приговорен к гибели не только Западом, не только партийно-бюрократической номенклатурой,

не только русофобской оппозицией советских республик, но и «русской» творческой элитой, как либералами, так и частью патриотов. Оставалось только привести этот приговор в исполнение.

Тем временем, в конце сентября 1990 г. Верховный Совет СССР принял постановление «О неотложных мерах по стабилизации народного хозяйства и программе перехода к рыночной экономике», в котором предлагалось на основе подготовленных материалов представить до 15 октября 1990 г. окончательный вариант программы перехода к рынку. Тогда же, в сентябре 1990 г. Г.А. Явлинский с благословения М.С. Горбачева выехал в США и представил там «Программу 500 дней» на суд международных экспертов, среди которых были и президент Европейского банка реконструкции и развития (МБРР) Ж. Аттали, и председатель Правления Федерального резервного банка Бостона Р. Купер, и президент Банка Японии Я. Миэно, и президент Бундесбанка К. Пель, и министр финансов Японии Р. Хасимото, и другие воротилы мирового капитала.

По итогам этой поездки эксперты МВФ, МБРР, ОЭСП и ЕБРР опубликовали трехтомное «Исследование советской экономики», в котором содержались детально разработанные предложения по ее «реформированию», где прямо содержались указание «разрушить индустриальный потенциал страны и сделать ее поставщиком энергии и сырьевых ресурсов на международный рынок».

А пока шли консультации в США, союзное правительство форсированными темпами перерабатывало свою «рыночную программу». Первоначально предполагалось поручить ее доработку академикам Л.И. Абалкину и С.С. Шаталину, но первый был слишком связан с правительственным проектом, а второй готовился к поездке в США на операцию. В этой ситуации М.С. Горбачев подключил к этой работе академиков А.Г. Аганбегяна и Н.Я. Петракова. А затем, в течение четырех суток провел два «развернутых разговора об экономической программе», в которых приняли участие Н.И. Рыжков, Л.И. Абалкин, Ю.Д. Маслюков, В.А. Медведев, Е.М. Примаков, Н.Я. Петраков, В.С. Павлов, В.И. Болдин, С.А. Ситарян и В.И. Щербаков. В начале октября 1990 г. вопрос «О положении в стране и задачах КПСС в связи с переводом экономики на рыночные отношения» был вынесен на обсуждение Пленума ЦК, который, как всегда, одобрил все внесенные горбачевской командой документы.

Тем временем под руководством академика Л.И. Абалкина была завершена работа над компромиссным вариантом программы перехода к рыночной экономике и в середине октября 1990 г. в Верховный Совет СССР был направлен 60-ти страничный документ «Основные направления стабилизации народного хозяйства и перехода к рыночной экономике». Через несколько дней, после ожесточенных дебатов, этот документ, в основу которого была положен четвертый вариант правительственной программы Н.И. Рыжкова — Л.И. Абалкина, был все же принят, и союзная власть приступила к реализации своего проекта реформ.

Одновременно с этим Б.Н. Ельцин выступил на заседании Верховного Совета РСФСР и, выразив недоверие союзному правительству Н.И. Рыжкова и обвинив М.С. Горбачева в стремлении к диктатуре, заявил, что Россия одна становится на путь реализации «Программы 500 дней» и приступает к ее выполнению с ноября 1990 г.

6. Обострение политического кризиса осенью-зимой 1990 г.

Сразу после того, как **Б.Н. Ельцин** пошел в атаку на союзные структуры состоялся **Учредительный съезд** новой политической партии — движения «**Демократическая Россия**», в котором первую скрипку играли такие русофобы и радикальные либералы, как **Ю.Н. Афанасьев, А.В. Мурашев, С.Б. Станкевич, Л.А. Пономарев, М.Е. Салье, И.И. Заславский, Г.В. Старовойтова** и другие. По итогам своей работы съезд принял резолюцию, в котором говорилось, что «в случае принятия **Верховным Советом СССР или Президентом СССР** каких-либо актов, ущемляющих суверенитет России, движение будет добиваться выхода Российской Федерации из состава СССР и национализации всей собственности Союза на территории Республики».

С возникновением этой политической партии российское руководство получило массовую организационную поддержку за стенами **Верховного Совета РСФСР** и, используя ее, продолжило наступление на союзный центр. Уже в **конце октября 1990 г. Верховный Совет РСФСР** принял решение о верховенстве российских законов над союзными законодательными актами, а затем утвердил закон «**Об обеспечении экономической основы суверенитета РСФСР**», который закрепил за ней право на всю находящуюся на ее территории собственность и подтвердил свое решение начать реализацию «**Программы 500 дней**». Все это означало, что из трех названных ранее **Б.Н. Ельциным** вариантов действия российское руководство окончательно выбрало самый радикальный вариант и фактически объявило войну союзному центру.

Сразу после принятых решений **М.С. Горбачев** срочно созвал **Президентский Совет**, на котором министр внутренних дел СССР **В.В. Бакатин** предложил не идти на конфронтацию и «искать согласия с республиками в форме круглого стола». Однако большинство участников заседания проигнорировали это предложение и поддержали позицию председателя **Верховного Совета СССР А.И. Лукьянова**, который заявил, что «нам нужен оперативный штаб с диктаторскими функциями». Однако уже в **начале ноября 1990 г. М.С. Горбачев и Н.И. Рыжков** встретились с **Б.Н. Ельциным, И.С. Силаевым и Р.И. Хасбулатовым** и в ходе продолжительных переговоров достигли договоренности о создании из представителей двух правительств совместной комиссии по разделу собственности, реализации программы приватизации, использованию национальных недр и богатств, распределению валюты и финансовых ресурсов, решению проблемы налоговых платежей, разведению банковских систем Союза и России, контролю за денежной эмиссией и бюджетом». Кроме того, во время этой встречи **М.С. Горбачев** согласился: **1)** чтобы все важнейшие законодательные акты и решения правительства СССР предварительно согласовывались с руководством республики и **2)** рассмотреть вопрос о создании коалиционного правительства, причем, российская сторона «выразила желание, чтобы ее представители получили портфели премьера, министра обороны и министра финансов СССР».

В **середине ноября 1990 г.** состоялось заседание **Верховного Совета СССР**, на котором **М.С. Горбачев** выступил с докладом «**О положении в стране**», которое было настолько беспомощным и безликим, что ночью он вынужден был уединиться со своим ближайшим окружением и на следующий день снова появился в **Верховном**

Совете СССР. На сей раз, не согласовав этот шаг с премьер-министром и даже не поставив его в известность, он изложил новую программу выхода из кризиса, которая получила название **«Восемь пунктов Горбачева»**. Эта программа предполагала: **1) расширение прав Совета Федерации, 2) преобразование Президентского Совета в Совет Безопасности, а Совета Министров СССР в Кабинет Министров СССР; 3) усиление контроля над правоохранительными органами, 4) принятие экстренных мер в продовольственном вопросе, 5) повышение эффективности транспорта, 6) ускорение работы над новым Союзным договором, 7) укрепление армии и 8) координацию деятельности Советов.**

Можно было надеяться, что после этого шага, хотя бы на время, между противоборствующими силами наступит перемирие, но уже на следующий день на страницах **«Московских новостей»** появилось **«Открытое письмо»** всех его учредителей — **Т.Е. Абуладзе, А.М. Адамовича, Ю.Н. Афанасьева, Т.И. Заславской, Ю.Ф. Карякина, А.А. Нуйкина, В.А. Тихонова, Ю.Д. Черниченко** и других, в котором они выдвинули **М.С. Горбачеву** ультиматум: «или вы подтвердите свою способность к решительным действиям, или уходите в отставку».

В конце ноября 1990 г. в разных органах печати почти одновременно были опубликованы проект **Конституции РСФСР** и проект нового **Союзного договора**, которые явно противоречили друг другу. По замыслу авторов этой провокации это должно было сыграть решающую роль в нарастающей конфронтации между российским и союзным руководством. В возникшей ситуации **М.С. Горбачев** сделал попытку сорвать этот замысел и снова встретился с **Б.Н. Ельциным**, но она закончилась безрезультатно и **15 декабря 1990 г. II Съезд народных депутатов РСФСР** принял закон **«Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного закона) РСФСР»**, в котором окончательно узаконил прежнее решение **Верховного Совета РСФСР** о верховенстве российских законов над законами СССР.

Тем временем, под давлением депутатской группы **«Союз»**, негласным куратором которой был глава **Верховного Совета СССР А.И. Лукьянов**, **М.С. Горбачев** отправил в отставку не в меру либерального министра внутренних дел **В.В. Бакатина** и назначил на этот пост председателя **ЦКК Бориса Карловича Пуго**, который в брежневские времена возглавлял латвийское **КГБ**.

Практически сразу после этих событий открылся **IV Съезд народных депутатов СССР**, начало работы которого ознаменовалось громким скандалом, связанным с тем, что народный депутат **С.З. Умалатова** вышла на трибуну и поставила вопрос о недоверии президенту страны. В ближайшем горбачевском окружении (**А.С. Черняев**) сложилось стойкое убеждение, что «предательство этой суки» было делом рук **А.И. Лукьянова**, который «специально выпустил ее на трибуну, зная, что она предложит». Однако дело обстояло не совсем так, поскольку вопрос о выражении недоверия президенту возник до съезда на собрании депутатской группы **«Союз»**. Но это предложение, сделанное **В.И. Алкснисом**, не получило поддержки, тогда он и его сторонники приняли решение действовать на съезде в зависимости от обстоятельств, и если в ходе дебатов критические настроения захлестнут зал, поставить вопрос об отставке **М.С. Горбачева**. Однако **С.З. Умалатова** нарушила эту договоренность, и в результате за ее предложение проголосовало чуть больше **420** из **1955** народных депутатов страны.

В ходе работы это съезда произошло несколько знаковых событий:

1) При обсуждении главного вопроса повестки дня о проекте нового **Союзного договора** **Б.Н. Ельцин** открыто заявил, что поскольку «революция сверху закончилась» и союзное руководство стало «блокировать все перестроенные процессы», центр тяжести реформ переместился в союзные республики, которые теперь имеют реальную возможность самостоятельно «начать радикальные преобразования». В связи с этим обстоятельством российский лидер потребовал, чтобы «союзное руководство решительно и навсегда перестало вмешиваться во внутренние дела республик» и поставил задачу «в сжатый срок осуществить и подписать решение о разделе полномочий и собственности между республиками и Союзом», а «затем начать работу над новым **Союзным договором**».

Между прочим, именно в дни работы **IV съезда народных депутатов СССР** в московской резиденции президента Казахской ССР **Н.А. Назарбаева** состоялась его встреча с руководителями РСФСР, УССР и БССР **Б.Н. Ельциным**, **Л.М. Кравчуком** и **Н.И. Дементеем**, где они «попытались спасти единство страны путем создания нового союза четырех суверенных республик». Таким образом, этот «словесный бред» красноречиво говорил о том, что первая попытка ликвидировать Советский Союз была предпринята еще в **декабре 1990 г.**, но она, по каким-то причинам, оказалась неудачной.

2) В разгар дискуссии по союзному договору совершенно неожиданно для всех на съезде выступил министр иностранных дел СССР **Э.А. Шеварднадзе**, который заявил, что на страну надвигается «страшная диктатура», и под этим предлогом подал в отставку со своего поста. Смысл этого заявления до сих пор не вполне ясен. В частности, ряд авторов (**А. Островский**) полагают, что, обозначив угрозу надвигающейся диктатуры, он: 1) пытался оказать влияние на обсуждение главного вопроса, вынесенного на съезд — вопроса о судьбе Советского Союза и 2) был прекрасно осведомлен о том, что еще в **начале декабря 1990 г.** **М.С. Горбачев** в его присутствии поручил руководителям **КГБ СССР** **В.А. Крючкову** и **Ф.Д. Бобкову** подготовить предложения о первоочередных мерах «по стабилизации обстановки в стране на случай введения чрезвычайного положения». Другие авторы (**Р. Пихоя**, **А. Шубин**) склонны объяснять это демарш тем, что **Э.А. Шеварднадзе** утратил прежнее расположение **М.С. Горбачева**, и попытался им упредить свою скорую отставку с поста министра иностранных дел СССР. Однако, наш взгляд, главным побудительным мотивом выступления **Э.А. Шеварднадзе** было все же то, что он, прекрасно зная о дальнейшей судьбе Советского Союза, заранее готовил себе плацдарм для триумфального возвращения в независимую Грузию в качестве президента этой страны.

3) По решению **IV съезда** в **Конституцию СССР** были внесены «изменения и дополнения в связи с совершенствованием системы государственного управления», в соответствии с которыми: 1) вместо прежнего **Совета Министров СССР** был создан **Кабинет Министров СССР** при **Президенте СССР** с явно урезанными властными полномочиями; 2) вместо **Президентского Совета СССР** был создан **Совет Безопасности СССР**; 3) учреждена должность **вице-президента СССР**.

Персональный состав **Кабинета Министров** и **Совета Безопасности СССР** по представлению **М.С. Горбачева** сразу после съезда должны были утвердить **Верховный Совет СССР** и **Совет Федерации СССР**, в который теперь по должности входили не только главы союзных, но и всех автономных республик СССР. Однако

избрать первого **вице-президента СССР** должны были все народные избранники страны, поэтому его кандидатуру необходимо было предложить именно на **Съезде народных депутатов СССР**.

Первоначально **М.С. Горбачев** предполагал предложить на этот пост **Э.А. Шеварднадзе**, однако после его неожиданного заявления о своей отставке, эта кандидатура отпала сама собой. Затем в ближайшем окружении президента всплыли кандидатуры **А.Н. Яковлева** и **Е.М. Примакова**, но по причине их явной непроходимости, они тоже отпали сами собой. Наконец, **М.С. Горбачев** остановил свой выбор на фигуре старого комсомольского и профсоюзного функционера, члена уже фактически безвластного **Политбюро** и секретаря **ЦК Г.И. Янаева**, которой и был избран первым и последним **вице-президентом СССР**.

Что касается судьбы прежнего **Совета Министров СССР**, то после принятия поправок в **Конституцию СССР**, он автоматически прекратил свое существование, а его оболганный и ошельмованный председатель **Н.И. Рыжков** не только подал в отставку с этого поста, но и угодил на следующий день в больницу с тяжелым инфарктом.

4) После жарких дебатов по поводу необходимости заключения, содержания и порядка подписания нового **Союзного договора**, путем поименного голосования было принято решение о проведении общесоюзного референдума о сохранении Союза ССР как «обновленной федерации равноправных суверенных республик», на который выносились три основных вопроса: 1) о сохранении СССР как единого государства, 2) о сохранении в СССР социалистического строя и 3) о сохранении в обновленном Союзе советской власти.

7. Развитие политической ситуации в стране зимой-весной 1991 г.

Сразу после окончания съезда произошло резкое обострение ситуации в Прибалтике, в частности в **Вильнюсе** и **Риге**, где местные сепаратисты по указке американских советников из спецслужб устроили кровавые провокации, которые серьезно ударили по авторитету союзного руководства. Руководители **Совета Оборона СССР** и силовых министерств, в частности **О.Д. Бакланов**, **В.А. Крючков**, **Д.Т. Язов** и **Б.К. Пуго**, не раз предупреждали **М.С. Горбачева** о том, что в начале года в Прибалтике возможно резкое обострение политической ситуации, и первоначально он дал им поручение готовить документы о введении прямого президентского правления там. Но затем, после телефонного разговора с американским президентом **Дж. Бушем**, **М.С. Горбачев** дал задний ход, и по заведенной привычке опять сдал армию и спецслужбы.

Более того, уже после кровавых событий в **Вильнюсе** и **Риге**, в конце января 1991 г. **М.С. Горбачев** принял американского посла **Дж. Мэтлока**, который вручил ему личное письмо президента **Дж. Буша**. В этом послании американский президент, резко осудив события в Прибалтике, предупредил своего «друга Майкла» о возможных санкциях против СССР и отменил запланированный на февраль официальный визит в **Москву**.

На фоне кровавых событий в прибалтийских столицах на **Верховном Совете СССР** произошло формирование **Кабинета Министров СССР**. На роль нового главы правительства сам **М.С. Горбачев** и его ближайшее окружение — **А.Н. Яковлев**,

А.С. Черняев и Г.Х. Шахназаров рассматривали Л.И. Абалкина, Ю.Д. Маслюкова, А.И. Вольского и даже А.А. Собчака, но, в конечном итоге, остановили свой выбор на министре финансов СССР В.С. Павлове, который и был назначен первым и последним премьер-министром СССР. Ключевыми «силовыми» министрами в новом кабинете стали прежние министр обороны СССР маршал Д.Т. Язов, министр внутренних дел СССР Б.К. Пуго и председатель КГБ СССР В.А. Крючков, а так же новый министр иностранных дел СССР А.А. Бессмертных. Тогда же Верховный Совет СССР назначил на 17 марта 1991 г. всесоюзный референдум о сохранении СССР.

Такова была прелюдия к референдуму, а уже в конце января 1991 г. в Харькове состоялась конференция 46 оппозиционных партий и политических движений из 10 союзных республик, среди которых была и пресловутая «Демократическая Россия». Конференция приняла решение учредить Конгресс демократических сил суверенных республик и призвала своих сторонников дать на референдуме отрицательный ответ на вопрос о сохранении обновленного СССР. Одновременно было выдвинуто требование отставки союзного руководства и передачи власти Совету Федерации СССР, а главным средством достижения этих целей объявлена кампания «гражданского неповиновения».

Тем временем, в начале февраля 1991 г. Верховный Совет РСФСР принял особое Постановление «О мерах по обеспечению проведения референдума СССР и референдума РСФСР», в котором постановил включить в бюллетень для тайного голосования два вопроса, вынесенные на Всероссийский референдум — 1) о сохранении Советского Союза и 2) о введении поста Президента РСФСР, избираемого всенародным голосованием.

В ответ на это 270 народных депутатов-коммунистов предложили срочно созвать III Съезд народных депутатов РСФСР и заслушать на нем отчет Б.Н. Ельцина и попытаться отправить его в отставку с поста председателя Верховного Совета РСФСР. Между тем, сам Б.Н. Ельцин выступил по телевидению и потребовал не только немедленной отставки М.С. Горбачева, но и передачи власти Совету Федерации СССР. В этой ситуации в Верховном Совете РСФСР произошел так называемый «бунт шестерых» — двух заместителей председателя ВС РСФСР С.П. Горячевой и Б.М. Исаева, и четырех руководителей двух палат ВС РСФСР Р.Г. Абдулатипова, В.Б. Исакова, А.А. Вешнякова и В.Г. Сыроватко, которые выступили против представления Б.Н. Ельцину дополнительных полномочий и потребовали его отставки с поста руководителя республики. Однако их выступление не нашло поддержки у российских депутатов.

Тем временем, в середине марта 1991 г., М.С. Горбачев, наконец-то, сформировал персональный состав Совета Безопасности СССР, в состав которого теперь вошли только восемь человек: вице-президент Г.И. Янаев, премьер-министр В.С. Павлов, все министры «силового блока» — А.А. Бессмертных, Д.Т. Язов, Б.К. Пуго и В.А. Крючков и два «министра без портфеля» — В.В. Бакатин и Е.М. Примаков.

Тогда же, по утверждению ряда историков (Р. Пихоя, А. Островский), в аппарате секретаря ЦК А.Н. Гиренко был разработан и «План действий», который предусматривал комплекс мер по отставке Б.Н. Ельцина на III Съезде народных депутатов РСФСР, намеченном на конец марта 1991 г. На этой записке М.С. Гор-

бачев начертал следующую резолюцию: «**Тов. Ивашко В.А., членам Политбюро ЦК, секретарям ЦК КПСС.** Записка содержит дельные предложения. Надо буквально мобилизовать всю партию, чтобы реализовать их на практике. Остаются считанные дни, а тут нужна огромная по масштабам организаторская работа, да и расходы немалые. Но это — политическое сражение, может быть, решающее. **М. Горбачев**».

Референдум по вопросу о судьбе Советского Союза состоялся **17 марта 1991 г.** в девяти союзных республиках — РСФСР, Украине, Белоруссии, Азербайджане, Казахстане, Киргизии, Узбекистане, Таджикистане и Туркмении, на которых приходилось **80 %** населения страны, и более **76 %** проголосовавших высказались за сохранение единого СССР. Даже в тех республиках — Молдавии, Армении, Грузии, Литве, Латвии и Эстонии, где их руководство отказалось проводить общесоюзный референдум, за сохранение Союза ССР высказались более **90 %** от числа граждан, принявших участие в голосовании.

После референдума либеральная оппозиция неистовствовала, но не видно было радости и на лице генсека и его команды, поскольку экономическая ситуация в стране продолжала резко ухудшаться. Так, по данным **Внешэкономбанка СССР**, только за первые три месяца **1991 г.** при резком сокращении валютных поступлений внешний долг СССР вырос более чем на **6,5 млрд долларов**, а валютные резервы страны упали с **15 млрд до 1 млрд долларов**. Еще более катастрофическая ситуация сложилась с золотым запасом страны, который сократился с **1300 тонн (30 млрд долл.) до 300 тонн (7 млрд долл.)**, и дефицитом государственного бюджета, который составил более **65 млрд рублей**.

Неслучайно именно тогда ближайший горбачевский помощник **А.С. Черняев** сделал две характерных записи в своем знаменитом дневнике: **1) «Вчера был Совет Безопасности. Проблема продовольствия... Скребли по сусекам, чтоб достать валюту и кредиты и закупить за границей. Но мы уже неплатежеспособны. Кредиты никто не дает: надежда на Южную Корею и на Саудовскую Аравию»; 2) «Объехал всю Москву, начиная с Марьиной Рощи: на булочных либо замки, либо ужасающая абсолютная пустота. Такого Москва не видела, наверное, за всю свою историю — даже в самые голодные годы».**

В конце марта **1991 г.**, накануне открытия **III Съезда народных депутатов РСФСР**, **М.С. Горбачев**, опираясь на информацию **В.А. Крючкова** о том, что в окружении **Б.Н. Ельцина** существует план организовать массовую демонстрацию и направить его участников на штурм **Кремля**, отдал приказ ввести в **Москву** воинские части и блокировать всю центральную часть города. В таких условиях снова возник вопрос о необходимости введения чрезвычайного положения в стране. С этой целью **М.С. Горбачев** собрал на совещание ряд членов высшего партийно-государственного руководства страны и принял решение о создании комиссии по подготовке ряда документов для введения **ЧП**, в которую вошли **Г.И. Янаев, В.С. Павлов, Д.Т. Язов, В.А. Крючков, Б.К. Пуго, О.С. Шенин, В.И. Болдин и Ю.А. Прокофьев**.

Тем временем, на открывшемся **III Съезде народных депутатов РСФСР** план устранения **Б.Н. Ельцина** от власти был сорван действиями генерал-майора **А.В. Руцкого**, который, расколов единую фракцию **КПРФ**, заявил о создании новой фракции «**Коммунисты за демократию**» и о полной поддержке **Б.Н. Ельцина**. За эту услугу он был сполна вознагражден тем, что когда **Б.Н. Ельцин** накануне прези-

дентских выборов из возможных кандидатов на пост вице-президента РСФСР — **Г.Э. Бурбулиса, Г.Х. Попова** и других, остановил свой выбор именно на нем.

В середине апреля 1991 г. в Смоленске прошло экстренное совещание первых и вторых секретарей целого ряда обкомов и горкомов **Компартии РСФСР**, по итогам которого было принято «**Письмо**» с требованием незамедлительной отставки **М.С. Горбачева** и созыва внеочередного **Пленума ЦК** или даже партийного съезда, которое подписали более тридцати первых секретарей российских обкомов партии. Сам генсек подозревал, что «за всей этой возней» стояли те члены высшего партийного руководства — член **Политбюро** и секретарь **ЦК О.С. Шенин**, член **Политбюро** и Первый секретарь Московского горкома **Ю.А. Прокофьев**, секретарь **ЦК** и Первый секретарь Ленинградского обкома и горкома **Б.В. Гидаспов** и секретарь **ЦК А.Н. Гиренко**, которые хотели склонить его к ведению чрезвычайного положения в стране. Однако это было не совсем так, поскольку инициатива в постановке этого вопроса принадлежала одному **О.С. Шенину**.

Тем временем, в конце апреля 1991 г. в подмосковной правительственной резиденции в **Ново-Огареве** состоялась первая рабочая встреча руководителей девяти союзных республик — **Азербайджана (А.М. Муталибов)**, **Белоруссии (Н.И. Деметей)**, **Казахстана (Н.А. Назарбаев)**, **Киргизии (А.А. Акаев)**, **России (Б.Н. Ельцин)**, **Таджикистана (К.М. Макхамов)**, **Туркмении (С.Н. Ниязов)**, **Узбекистана (И.А. Каримов)** и **Украины (Л.М. Кравчук)**. Формально итогом этой встречи было решение совместными усилиями форсировать разработку нового **Союзного договора**, но де-факто **М.С. Горбачев** признал, что отныне он не в состоянии править единолично и готов пойти на передачу реальной власти союзным республикам с сохранением за союзным центром в основном координационных функций.

На следующий день после начала пресловутого «**Новоогаревского процесса**» в **Москве** открылся объединенный **Пленум ЦК и ЦКК**, продолжавшийся два дня. Накануне его созыва собралось **Политбюро ЦК**, и когда **М.С. Горбачеву** показали проект решения **Пленума ЦК**, то он просто вышел из себя, поскольку там шла речь об «антинародной политике генсека». Поэтому свое выступление на **Пленуме ЦК** **М.С. Горбачев** начал с резкой критики и левого радикализма, и правого экстремизма, но, несмотря на это обстоятельство на следующий день оппозиция перешла в наступление на генсека. Тогда он взял слово и, находясь во взвинченном, даже истеричном состоянии, сам заявил об отставке с поста генсека. Сразу после этого был объявлен перерыв, в ходе которого **В.В. Бакатин, А.И. Вольский, О.Р. Лацис** и **А.С. Грачев** собрали сторонников генсека, которые подписали заявление о недоверии всему составу **ЦК** и потребовали созвать внеочередной партийный съезд. Несмотря на то, что им удалось получить только 72 подписи членов **ЦК**, **Политбюро** устами тов. **В.И. Ивашко** предложило снять заявление **М.С. Горбачева** об отставке с голосования, что и было тут же решено. Вскоре после **Пленума ЦК** была завершена подготовка документов для введения чрезвычайного положения в стране, и если в **марте** эти материалы были лишь на стадии черновых разработок, то уже в **конце апреля** **М.С. Горбачев** получил все согласованные предложения.

Между тем, в **начале мая 1991 г.** **М.С. Горбачев**, ознакомившись с аналитической запиской **Е.М. Примакова** и **Г.А. Явлинского**, в которой содержалась идея разработки совместной программы экономических реформ с западными экс-

пертами, дал добро на этот проект и по согласованию с президентом **Дж. Бушем** направил в США **Г.А. Явлинского**. Находясь в Гарварде, он сразу же привлек к разработке своего проекта двух тамошних профессоров, бывших по совместительству членами закрытого **Бильдербергского клуба** — **Г. Аллисона** и **Дж. Сакса**, под руководством которых была разработана та часть его программы, которая касалась «помощи стран Западной Европы и США», а также условий, на которых она могла быть оказана.

8. Развитие политической ситуации летом 1991 г.

Тем временем демократическая оппозиция, желая вывести **Б.Н. Ельцина** из-под контроля народных депутатов РСФСР, организовала прямые президентские выборы, в которых приняли участие шесть человек, в том числе сам **Б.Н. Ельцин**, отставной союзный премьер **Н.И. Рыжков**, член **Совета безопасности СССР** **В.В. Бакатин**, командующий **Приволжско-Уральским Военным округом** генерал-полковник **А.М. Макашев**, председатель **Кемеровского областного Совета** **А.Г. Тулеев** и лидер оппозиционной **Либерально-демократической партии СССР** **В.В. Жириновский**.

В ходе состоявшихся **12 июня 1991 г.** выборов **Президента РСФСР** победу в первом туре одержал **Б.Н. Ельцин**, набравший чуть более **57 % голосов**, второе место занял **Н.И. Рыжков**, за которого проголосовало почти **17 % избирателей**, и совершенно неожиданно для всех на третье место вышел **В.В. Жириновский**, получивший поддержку почти **8 %** российских граждан. Причем, по личным признаниям **В.В. Жириновского**, которое он дал автору этой книги, никакой финансовой поддержки от власти он не получил, но по «рекомендации» сотрудников **Лубянки** следовал буквально по пятам ельцинского маршрута и проводил анти-митинги против «демократов».

Одновременно с выборами российского президента в **Москве** и **Ленинграде** состоялись выборы глав городских администраций — мэров этих двух крупнейших городов, в ходе которых победу одержали два наиболее ярких лидера «оппозиционной» **МДГ Г.Х. Попов** и **А.А. Собчак**, которые уже возглавляли городские Советы **Москвы** и **Ленинграда**.

Не дожидаясь официального подведения итогов выборов, **Б.Н. Ельцин** сразу же отправился в США, где ему была назначена встреча с президентом **Дж. Бушем**. А накануне его приезда **Палата Представителей Конгресса США** одобрила проект закона об иностранной помощи на новый финансовый год, в котором речь шла об оказании этой помощи только отдельным советским республикам и «демократическим организациям». Более того, тогда же американские конгрессмены сходу приняли поправку, запрещающую «направлять американскую помощь центральному советскому правительству», что фактически стало «вотумом недоверия» **М.С. Горбачеву** и открытой демонстрацией курса на дезинтеграцию СССР.

В то же время в **Москве** состоялось заседание **Верховного Совета СССР**, на котором премьер-министр **В.С. Павлов** потребовал от союзных депутатов предоставление правительству чрезвычайных полномочий и получил поддержку руководителей всех силовых структур — **В.А. Крючкова**, **Д.Т. Язова** и **Б.К. Пуго**. «Демократическая пресса» тут же подняла невообразимый вой по поводу надвигающейся диктатуры,

а московский мэр **Г.Х. Попов** даже успел сбегать в американское посольство, где по его словам «предотвратил государственный переворот», затеянный за спиной **М.С. Горбачева** союзным премьером и силовиками.

Однако по утверждению ряда современных авторов (**А. Островский**), это заседание **Верховного Совета СССР** было инициировано и организовано самим **М.С. Горбачевым**, как некая демонстрация возможного возвращения «холодной войны», и была сознательно приурочена к встрече **Б.Н. Ельцина** с **Дж. Бушем**. Однако, испугавшись реакции «демократической прессы», он по традиции дал «задний ход», и уже на следующий день, явившись в союзный парламент, дезавуировал «просьбу» премьера и силовиков.

Тем временем, в **июле 1991 г.** небольшая группа патриотически настроенных деятелей русской культуры, военных и политиков, среди которых были член **Политбюро ЦК КП РСФСР Г.А. Зюганов**, заместитель министра обороны СССР генерал армии **В.И. Варенников**, заместитель министра внутренних дел генерал-полковник **Б.В. Громов**, выдающиеся русские писатели **Ю.В. Бондарев**, **В.Г. Распутин** и **А.А. Проханов**, народный художник СССР **В.М. Клыков** и народная артистка СССР **Л.Г. Зыкина** обратились со знаменитым «Словом к народу», в котором выразили свою нескончаемую боль по поводу того, что «лукавые и велеречивые властители, умные и хитрые отступники, жадные и богатые стяжатели» ведут дело к гибели великого государства. Они призвали всех граждан страны встать на защиту своего Отечества, однако их пламенный и горестный призыв остался «гласом вопиющего в пустыне».

В **конце июля 1991 г.** состоялся очередной **Пленум ЦК**, который был созван буквально через несколько дней после ельцинского указа о ликвидации всех производственных партийных комитетов на всей территории республики. Можно было бы ожидать, что члены **ЦК** хоть каким-то образом отреагирует на указ российского президента и дадут соответствующие директивы на сей счет. Однако на удивление многих, **Пленум ЦК** ограничился только рассмотрением проекта новой программы партии. По мнению ряда авторов (**Р. Пихоя**, **А. Островский**), это было связано с тем, что накануне открытия **Пленума ЦК** состоялась встреча **А.И. Вольского** с **Ю.А. Прокофьевым**, который поставил его в известность о том, что если «консервативная оппозиция» вновь попытается поднять вопрос о доверии генсеку, то его сторонники обратятся за поддержкой к партии, что неизбежно поведет к ее расколу. В связи с этим оппозиция решила отложить решающее сражение на осень, когда предполагалось созвать внеочередной партийный съезд. Не отреагировал **Пленум ЦК** и еще на один жизненно важный вопрос — о судьбе союзного государства, хотя еще в **середине июня 1991 г.** подготовительный комитет завершил работу над проектом **Союзного договора** и направил его для обсуждения в **Верховные Советы** всех союзных республик.

Тем временем подошел к концу и так называемый «**Новоогаревский процесс**», шедший по формуле «**9+1**», в результате которого союзный центр в лице президента **М.С. Горбачева** и девять союзных республик в лице их руководителей: **Б.Н. Ельцина** (Россия), **Л.М. Кравчука** (Украина), **Н.И. Дементя** (Белоруссия), **Н.А. Назарбаева** (Казахстан), **А.А. Акаева** (Киргизия), **И.А. Каримова** (Узбекистан), **К.М. Макхамова** (Таджикистан), **С.Н. Ниязова** (Туркмения) и **А.М. Муталибова** (Азербайджан) в ходе двухмесячных дискуссий одобрили в целом проект договора, и пришли

к выводу о целесообразности его подписания в **сентябре-октябре** на очередном **Съезде народных депутатов СССР**.

Однако в **конце июля 1991 г.** в **Ново-Огареве** прошли закрытые встречи **М.С. Горбачева** с **Б.Н. Ельциным** и **Н.А. Назарбаевым**, где за совместной трапезой союзный президент предложил президентам России и Казахстана начать подписание проекта **Союзного договора** уже **20 августа**. Республиканские лидеры согласились с этой идеей, ибо понимали, что проект договора в последней его редакции не пройдет в **Верховном Совете СССР** и уж тем более на **Съезде народных депутатов СССР**. А поскольку в **августе** все парламентарии были на каникулах, то время для подписания «нужного» проекта представлялось самым удачным. Причем, в обмен на согласие республиканских лидеров **М.С. Горбачев** принял их условие об одноканальной системе налогов и согласился на перестановки в высшем эшелоне союзной власти, в частности немедленной отставки **Г.И. Янаева**, **В.С. Павлова**, **В.А. Крюкова**, **Д.Т. Язова** и **Б.К. Пуго**, и назначения на пост главы союзного правительства **Н.А. Назарбаева**.

Итоговый проект **Союзного договора**, отразил в себе как масштабы претензий союзных республик, так и уровень фактической дезинтеграции СССР. Согласно этому документу, все республики-участницы новой «федерации» — признавались суверенными государствами и «полноправными членами международного сообщества — **Союза Советских Суверенных Республик**», который определялся как «суверенное федеративное демократическое государство». Однако из контекста самого документа следовало то, что суверенитет республик, входящих в новый СССР, все же первичен, чем союзный суверенитет. За Союзом предусматривалось сохранение лишь тех объектов собственности, необходимых для осуществления возложенных на него полномочий, однако он лишился собственных налоговых поступлений, поскольку устанавливалась одноканальная система сбора налогов, при которой союзный бюджет определялся республиками на основе представленных Союзом статей расходов. Однако в этом документе не фиксировались сроки принятия новой союзной **Конституции**, что не связывало государств-участниц нового **Союза ССР** определенными обязательствами. Фактически же это положение на неопределенное время консервировало ситуацию правовой конфликтности, характеризовавшую отношения между центром и республиками после принятия деклараций о суверенитете, от которых никто не собирался отказываться. Вполне реальной становилась перспектива, когда для государств, подписавших новый **Союзный договор**, с той же даты считались бы утратившей силу **Конституция СССР (1977)**, что, по сути, означало бы «мягкий» выход из состава СССР, который освобождал новые суверенные государства от выяснения отношений с бывшими «сестрами» по Союзу ССР, предусмотренного законом «**О порядке решения вопросов, связанных с выходом союзной республики из СССР**», который был принят в **апреле 1990 г.**

Юридическая оценка итогового проекта **Союзного договора**, сделанная группой из **15** ведущих правоведов в **августе 1991 г.**, была фактическим приговором этому документу. В частности, они резонно поставили под сомнение всю правовую значимость самого документа, признав его внутренне противоречивым и нелогичным, и констатировали, что, формально признав федерацию, этот договор на деле создает даже не конфедерацию, а просто клуб государств. Он прямым путем

ведет к уничтожению СССР, поскольку в нем заложены все основы для создания республиканских валют, армий, таможен и т.д.

Широкая общественность могла обсуждать только один, самый первый **новоогаревский проект**, который был одобрен в **середине июня 1991 г.**, а дальнейшая доработка проекта по личному указанию **М.С. Горбачева** велась в обстановке строжайшей секретности, что вызывало различные слухи, будоражило членов правительства, депутатов и общественные организации. Итоговый документ был опубликован лишь **16 августа 1991 г.**, всего за три дня до даты предполагаемого подписания, что практически исключало его обстоятельное обсуждение и внесение поправок. При этом сама публикация **Союзного договора** в центральной печати вызвала неописуемый гнев **М.С. Горбачева**, который по телефону устроил безобразную выволочку **А.И. Лукьянову** и **В.А. Крючкову**, разумно полагая, что именно они устроили эту провокационную утечку «секретного документа».

Верховный Совет СССР имел возможность рассмотреть лишь первый подготовленный «десяткой» проект **Союзного договора**, поэтому в **середине июля 1991 г.** он принял постановление, которое предусматривало формирование полномочной делегации Союза ССР для доработки и согласования «текста Договора в соответствии с замечаниями и предложениями, высказанными комитетами, комиссиями, членами **Верховного Совета СССР**, а также народными депутатами СССР», что фактически означало выражение недоверия **Президенту СССР**, который в ходе этой работы полностью проигнорировал позицию союзных законодателей. Поэтому союзные парламентарии сформулировали целый ряд принципиальных замечаний, учет которых был обязательным при подготовке итогового варианта **Союзного договора**. Однако они так и не были учтены при доработке окончательного текста договора и только этим обстоятельством можно объяснить тот факт, что **М.С. Горбачев** ни разу не собрал союзную делегацию для его обсуждения. Именно это и заставило главу союзного парламента **А.И. Лукьянова** подготовить в тот же день «**Заявление Председателя Верховного Совета СССР**», в котором он акцентировал внимание на том, что **Союзный договор** необходим, но его следует заключать после доработки в **Верховном Совете СССР** и с обязательным отражением результатов мартовского референдума, на котором подавляющее большинство граждан страны высказались за сохранение обновленного, но единого федеративного государства.

Определенный демарш в этом направлении предприняло и союзное правительство. На следующий день после публикации **Союзного договора** по инициативе **В.С. Павлова** был создан **Президиум Кабинета Министров СССР**, на котором все его члены, в том числе заместители премьер-министра **В.И. Щербаков**, **В.Х. Догужиев**, **В.М. Величко**, **Ю.Д. Маслюков**, **Н.П. Лаверов**, **Л.Д. Рябев** и министр финансов СССР **В.Е. Орлов**, выдвинули целый ряд принципиальных поправок в этот документ, который явно не устроил **М.С. Горбачева** и лидеров союзных республик.

9. Августовский «путч»

В начале августа 1991 г. состоялось заседание **Кабинета Министров СССР**, на котором многие его члены выразили крайне серьезную озабоченность и тревогу по поводу углубления внутривластного кризиса и заявили о необходимости «сроч-

но принять любые меры» для спасения страны. В этой ситуации **М.С. Горбачев**, подводя итоги заседания, заверил членов кабинета, что «мы не позволим развалить Советский Союз, и будем принимать все меры вплоть до введения чрезвычайного положения». «Успокоив» таким привычным словесным блудом правительство страны, президент на следующий день отправился отдыхать в Крым.

Практически сразу после отъезда **М.С. Горбачева** председатель **КГБ СССР** генерал армии **В.А. Крючков**, министр обороны СССР маршал **Д.Т. Язов**, заместитель председателя **Совета Обороны СССР** **О.Д. Бакланов**, руководитель президентского аппарата и зав. **Общим отделом ЦК** **В.И. Болдин** и член **Политбюро**, секретарь **ЦК** **О.С. Шенин** собрались на совещание и договорились создать совместную группу экспертов-чекистов, для анализа возможных последствий введения чрезвычайного положения, которую курировал первый заместитель председателя и начальник **Второго Главного управления КГБ СССР** генерал-полковник **В.Ф. Грушко**.

Это поручение было выполнено ровно за два дня, и в результате работы экспертов появился документ, который включал в себя «доклад на двух листочках и приложение о составе сил и средств на случай волнений для усиления основных объектов города **Москвы**». Спустя трое суток **В.А. Крючков** отозвал из отпуска начальника **12-го отдела КГБ СССР** генерал-майора **Е.И. Калгана**, который осуществлял контроль за всеми телефонными разговорами, слуховой контроль помещений и контроль факсимильной связи, и дал ему поручение взять под контроль телефоны правительственной связи **А.И. Лукьянова**, **Г.И. Янаева**, **Б.Н. Ельцина**, **Р.И. Хасбулатова**, **И.С. Силаева** и **Г.Э. Бурбулиса**.

Затем, вечером **17 августа 1991 г.**, на одном из объектов **КГБ СССР**, который носил название **АБЦ**, состоялась встреча **В.А. Крюčkова**, **В.С. Павлова**, **О.Д. Бакланова**, **О.С. Шенина**, **Д.Т. Язова**, **В.И. Болдина**, **В.Ф. Ачалова**, **В.И. Вареникова** и **В.Ф. Грушко**. В ходе состоявшегося разговора было принято решение: а) направить к **М.С. Горбачеву** делегацию руководителей страны, б) поставить перед ним вопрос о необходимости введения чрезвычайного положения, в) если он откажется взять ответственность за введение **ЧП** на себя, и предложить ему временно передать полномочия **Г.И. Янаеву**, г) дальнейшие действия обсудить после возвращения делегации из **Крыма**.

Утром **18 августа** маршал **Д.Т. Язов** созвал в **Министерстве обороны СССР** совещание своих заместителей и отдал приказ командующему **Московским Военным округом** генерал-полковнику **Н.В. Калинин**у «быть готовым по команде ввести в **Москву 2-ю мотострелковую (Таманскую) и 4-ю танковую (Кантемировскую) дивизии**, а командующему **ВДВ** генерал-лейтенанту **П.С. Грачеву** привести в повышенную боевую готовность **106-ю (Тульскую) воздушно-десантную дивизию**». Затем, после полудня делегация в составе заместителя председателя **Совета Обороны СССР** **О.Д. Бакланова**, члена **Политбюро ЦК**, секретаря **ЦК** **О.С. Шенина**, руководителя президентского аппарата **В.И. Болдина**, зам. министра обороны СССР, главкома **Сухопутных войск** генерала армии **В.И. Вареникова**, начальника **9-го Управления (охрана) КГБ СССР** генерал-лейтенанта **Ю.С. Плеханова** и начальника специального эксплуатационно-технического управления при **ХОЗУ КГБ СССР** генерал-майора **В.В. Генералова** вылетела к **М.С. Горбачеву** в **Крым**.

По прибытии в президентскую резиденцию в **Форосе** визитеры были приняты **М.С. Горбачевым**, где между ними состоялся довольно острый разговор. Все

обстоятельства этой беседы до сих пор не прояснены, поскольку все ее участники по-разному интерпретируют состоявшийся разговор. Сам **М.С. Горбачев** утверждает, что он был блокирован «заговорщиками», поскольку категорически отказался выполнить их требование о введение **ЧП** и передачи своих полномочий **Г.И. Янаеву**. Однако все его визави утверждают, что президент, верный своей всегдашней манере поведения, фактически дал добро на эту операцию, но предпочел сделать ее чужими руками, чтобы сохранить свое реноме реформатора и либерала.

Тем временем **В.А. Крючков**, **В.С. Павлов** и **Д.Т. Язов** вызвали на совещание в Кремль **Г.И. Янаева**, **Б.К. Пуго**, **А.И. Лукьянова**, **А.А. Бессмертных** и **Ю.А. Прокофьева** и стали дожидаться возвращения в Москву «крымской делегации». Когда они вернулись и сообщили о результатах своей поездки к **М.С. Горбачеву**, среди собравшихся возникли разногласия, пока **В.А. Крючков** не предложил заранее согласованный между участниками «заговора» список членов **Государственного Комитета по чрезвычайному положению (ГКЧП)** в составе десяти человек. Однако **А.И. Лукьянов** и **А.А. Бессмертных** под благовидным предлогом взяли самоотвод, и в составе **ГКЧП** осталось восемь человек — шесть высших руководителей страны — **Г.И. Янаев**, **В.С. Павлов**, **О.Д. Бакланов**, **В.А. Крючков**, **Б.К. Пуго** и **Д.Т. Язов**, и два руководителя общесоюзных общественных организаций — президент Ассоциации государственных предприятий СССР **А.И. Тизяков** и председатель Крестьянского союза СССР **В.И. Стародубцев**. После того, как весь персональный состав **ГКЧП** был определен, участники совещания в не очень трезвом состоянии приступили к обсуждению его основных документов.

Ранним утром 19 августа 1991 г. были обнародованы четыре первых документа **ГКЧП**:

1) **Указ вице-президента СССР**, в котором сообщалось, что ввиду резкого ухудшения состояния здоровья **М.С. Горбачева** и его временной недееспособности, в соответствии со статьей 127 Конституцией СССР **Г.И. Янаев** вступает в должность временного главы государства.

2) **«Заявление советского руководства»**, подписанное **Г.И. Янаевым**, **В.С. Павловым** и **О.Д. Баклановым**, о том, что в отдельных местностях СССР, в том числе в Москве и Ленинграде, на срок шесть месяцев вводится режим чрезвычайного положения.

3) **«Обращение к советскому народу»**, в котором впервые на столь высоком уровне констатировалось, что «начатая по инициативе **М.С. Горбачева** политика реформ зашла в тупик», и анализировались причины, вызвавшие «безверие, апатию и отчаянье», потерю доверия к власти и неуправляемость страны. В числе главных причин называлось «возникновение экстремистских сил, взявших курс на ликвидацию Советского Союза и захват власти любой ценой». Документ едва ли не впервые в советской истории не содержал призывов защищать социализм, в нем даже не встречались прилагательные «коммунистический» и «социалистический». Апелляция к патриотическим чувствам была призвана подчеркнуть критичность момента, консолидировать всех патриотов страны, независимо от их политических убеждений и взглядов.

4) **«Постановление ГКЧП № 1»**, где перечислялся весь комплекс первоочередных мер по наведению порядка в стране: незамедлительное расформирование всех

структур власти и управления, военизированных формирований, противоречащих **Конституции СССР** и советским законам, подтверждение недействительности законов и решений, противоречащих **Конституции СССР** и союзным законам, приоритет общесоюзного законодательства; приостановка деятельности всех политических партий, общественных организаций и массовых движений, препятствующих нормализации обстановки в стране. Далее следовал перечень необходимых действий по охране общественного порядка и безопасности государства, общества и граждан; мер, не допускающих проведения митингов, уличных шествий и демонстраций, а также забастовок; по установлению контроля над средствами массовой информации, наведению порядка и дисциплины во всех сферах жизни общества, своевременной уборке урожая и удовлетворению первостепенных социальных нужд. В заключение авторы обращались ко всем здоровым политическим силам с призывом объединиться, чтобы «положить конец нынешнему смутному времени».

Тем временем в столицу двинулись войска, и к **10 часам** утра части и подразделения **Кантемировской** и **Таманской гвардейских дивизий** и трех парашютно-десантных полков **Тульской, Рязанской и Костромской дивизий**, общей численностью более **7000 военнослужащих** при содействии **430 автомашин, 360 танков и 290 БМП и БТР** взяли под контроль «ключевые объекты жизнеобеспечения города» и блокировали всю центральную часть города. Тогда же по приказу **Д.Т. Язова, В.А. Крючкова** и **Б.К. Пуго** в состояние повышенной боевой готовности были приведены все вооруженные силы страны, войска **КГБ** и **МВД СССР**. Соответствующую шифрограмму от имени **Секретариата ЦК КПСС** направил на места и член **Политбюро О.С. Шенин**.

В целом население страны довольно спокойно встретило информацию о создании **ГКЧП**, поскольку всем уже надоело тот кавардак, который творился в стране, и только кучка отможенных «демократов» решила оказать сопротивление законной власти **ГКЧП**, представленной высшими должностными лицами страны.

Уже рано утром **19 августа** на государственной даче **Б.Н. Ельцина** в **Архангельском** собрались **Г.Э. Бурбулис, М.Н. Полторанин, И.С. Силаев, Р.И. Хасбулатов, С.М. Шахрай** и **В.Н. Ярошенко**, к которым чуть позже присоединились **К.И. Кобец, Ю.М. Лужков** и **А.А. Собчак**. Обсудив возникшую ситуацию в столице, российские сепаратисты и «демократы» стали «действовать очень быстро и решительно, чтобы перехватить инициативу у мятежников», поэтому создали «штаб по нейтрализации преступной деятельности **ГКЧП**», который возглавил генерал-полковник **К.И. Кобец**. Затем «договорились о тактике» и «решили выступить с обращением к народу», в котором **ГКЧП** объявлялся вне закона и содержался призыв не подчиняться всем его указам и распоряжениям вплоть до организации всеобщей забастовки в стране.

Когда «Обращение» было готово, **Р.И. Хасбулатов, И.С. Силаев** и **Ю.М. Лужков** спокойно выехали в **Москву** и добрались до своих рабочих мест без каких-либо приключений. Затем в столицу выехал и сам **Б.Н. Ельцин**, который под охраной целого десантного батальона так же спокойно добрался до своего рабочего кабинета в здании **Верховного Совета РСФСР**, где уже вовсю шло «строительство» опереточных баррикад, которым руководил народный депутат **А.П. Сурков**.

К этому времени к «Белому дому» подошла первая колонна танков, и **Б.Н. Ельцин** в плотном кольце своей охраны и соратников спустился на улицу и влез на танк, с которого произнес пламенную речь и зачитал свой первый указ, сочиненный придворным юристом **С.М. Шахраем**. В этом первом ельцинском указе создание **ГКЧП** квалифицировалось как государственный переворот, и все его постановления объявлялись не имеющими силу на территории РСФСР. Затем российский президент подписал второй, причем, совершенно незаконный указ, согласно которому «до созыва внеочередного **Съезда народных депутатов СССР**» подчинил себе все органы союзной исполнительной власти на территории РСФСР, в том числе **МО, КГБ и МВД СССР**. А днем у **Б.Н. Ельцина** состоялось совещание, на котором было решено создать штаб по обороне «Белого дома», и назначить главой этого штаба «министра обороны РСФСР» генерал-полковника **К.И. Кобца**.

Противостояние между сторонниками **ГКЧП** и российских властей происходило лишь в центре столицы. Руководители других союзных республик, а также российских краев и областей чаще проявляли сдержанность, ограничиваясь принятием документов, в которых выражалась твердая готовность следовать **Конституции СССР**, российским законам и осуждалось введение чрезвычайного положения в стране. Одновременно руководство **ГКЧП** обзвонило всех президентов союзных республик, кроме прибалтийских «лидеров», и все они присягнули на верность **ГКЧП**, в том числе **Л.М. Кравчук** (Украина), **Н.И. Дементей** (Белоруссия), **М.И. Снегур** (Молдавия), **Л.А. Тер-Петросян** (Армения), **А.М. Муталибов** (Азербайджан), **З.К. Гамсахурдия** (Грузия), **Н.А. Назарбаев** (Казахстан), **И.А. Каримов** (Узбекистан), **А.А. Акаев** (Киргизия), **К.М. Макхамов** (Таджикистан) и **С.Н. Ниязов** (Туркмения).

Затем в кремлевском кабинете и.о. президента началось заседание **ГКЧП**, на котором **Г.И. Янаев** подписал указ об объявлении в **Москве** чрезвычайного положения, однако никаких конкретных действий по его реализации предпринято не было, в том числе и против «Белого дома», где окопались сторонники российских властей. Можно было ожидать, что в этой ситуации **А.И. Лукьянов** немедленно соберет **Президиум Верховного Совета СССР** для созыва внеочередной сессии **Верховного Совета СССР**, однако он предпочел занять выжидательную позицию и назначил открытие сессии союзного парламента только на **26 августа**. Во всей этой истории очень странным является то обстоятельство, что сами члены **ГКЧП**, кровно заинтересованы в том, чтобы узаконить объявленное ими **ЧП**, не оказали необходимого давления на **А.И. Лукьянова**, от действий которого во многом зависел успешный исход начатого «переворота».

Подобную гнилую позицию занял и второй человек в партийной иерархии — зам. генсека **В.А. Ивашко**, не допустивший созыва экстренного **Пленума ЦК**, и только секретарь **ЦК О.С. Шенин** от своего имени направил на места шифрограмму с предписанием всем партийным организациям страны не только поддерживать **ГКЧП**, но и создать подобные комитеты на уровне республик, краев и областей.

Вечером того же дня состоялась пресс-конференция ряда членов **ГКЧП**, которая произвела на всех крайне удручающее впечатление, особенно поведение и.о. президента страны **Г.И. Янаева**, который явно находился в «не рабочем» состоянии. В таком же «не рабочем» состоянии находился и премьер-министр **В.С. Павлов**, ко-

торый тихо ушел в запой. В этой ситуации ряд членов **ГКЧП**, в частности **О.Д. Бакланов**, решил выйти из игры, но после того как министр обороны маршал **Д.Т. Язов** отдал приказ взять под «охрану» **«Белый дом»** и ряд других учреждений **Москвы**, которые стали центром консолидации либеральной оппозиции, он изменил свое решение.

Вечером **19 августа** маршал **Д.Т. Язов** и его заместитель генерал-полковник **В.А. Ачалов** отдали приказ главному **ВДВ** генерал-лейтенанту **П.С. Грачеву** взять штурмом **«Белый дом»**, захватить все российское руководство во главе с **Б.Н. Ельциным** и вывезти их за пределы **Москвы**. Однако **П.С. Грачев**, грубо нарушив воинскую присягу, не исполнил свой воинский долг, поскольку уже тогда находился в сговоре с **Б.Н. Ельциным** и его ближайшим окружением, в частности **Ю.В. Скоковым** и **А.В. Коржаковым**, но об этом еще никто не знал.

К этому времени в **Москве** стало известно заявление **Дж. Буша**, сделанное им по поводу создания **ГКПЧ**, в котором американский президент не только осудил «московских заговорщиков», но и потребовал от них восстановить статус-кво. Поэтому, когда утром **20 августа** члены **ГКЧП** собрались на свое новое заседание, они уже имели дело с совершенно иной ситуацией. Не в их пользу развивались события и за пределами столицы. Однако именно на этом заседании был «утвержден персональный состав штаба **ГКЧП**» во главе с **О.Д. Баклановым** и принято «решение об установлении в столице комендантского часа», который был введен с **23 часов**.

Тем временем защитники **«Белого дома»** практически закончили строительство «укреплений», где рядом с легкими «противопехотными» баррикадами, быстро появились бетонные противотанковые ограждения, сооруженные на средства первых российских буржуа, типа биржевого спекулянта господина **К.Н. Борового**. Тогда же штаб обороны **«Белого дома»** приступил к формированию ополчения из числа отставных военных и студенческой молодежи. В то время как внутри **«Белого дома»** и за его стенами шла незаметная для многих работа по подготовке к возможной его обороне, возле самого **«Белого дома»** собралась огромная масса народа, которая, по оценкам историков (**Р. Пихоя, А. Островский**), составляла от **50 000** до **200 000** человек.

Расценивая ситуацию вокруг **«Белого дома»** как прямую угрозу реализации своих замыслов, **В.А. Крючков, Д.Т. Язов** и **Б.К. Пуго** приняли решение о проведении боевой операции по захвату здания **Верховного Совета РСФСР**, непосредственная подготовка которой была поручена генерал-полковникам **Г.Е. Агееву** и **В.А. Ачалову**, которые в течение **20 августа** разработали операцию под кодовым названием **«Гром»**. Затем, вечером **20 августа**, состоялось совещание по реализации этой операции в кабинете первого заместителя председателя **КГБ СССР** генерал-полковника **Г.Е. Агеева**, в котором принимали участие министр обороны СССР маршал **Д.Т. Язов**, его заместители генерал армии **В.И. Варенников** и генерал-полковник **В.А. Ачалов**, главному **ВДВ** генерал-лейтенант **П.С. Грачев**, зам. министра **МВД СССР**, главному внутренних войск генерал-полковник **Б.В. Громов**, зам. командующего **МВО** генерал-лейтенант **А.А. Головнев** и командир группы спецназа **«Альфа»** генерал-майор **В.Ф. Карпухин**. Когда все «шишки» разошлись, зам. министра обороны генерал **В.А. Ачалов** поручил генералам **А.А. Головневу, В.Ф. Карпухину** и **А.И. Лебедю** провести «рекогносцировку подступов к зданию

Верховного Совета», и когда они вернулись в **Генеральный штаб,** был разработан план блокирования здания **Верховного Совета РСФСР.**

Вечером **20 августа** состоялось очередное заседание **ГКЧП,** на котором присутствовали **Г.И. Янаев, О.Д. Бакланов, О.С. Шенин, В.И. Болдин, Д.Т. Язов, В.А. Крючков, Б.К. Пуго, В.Ф. Грушко, В.И. Стародубцев и А.И. Тизяков.** Итогом этого заседания стало решение о проведении боевой операции по захвату здания **Верховного Совета РСФСР.** Однако два командующих, от которых зависела судьба этого решения, — генералы **П.С. Грачев и Б.В. Громов,** которые через **Ю.В. Скокова** были связаны с ельцинской командой и «сливали» им всю информацию, уже заранее договорились не участвовать в этой операции.

Тем временем сам **Б.Н. Ельцин** и другие «борцы за демократию» — **Г.Х. Попов и Ю.М. Лужков** спустились в бункер «**Белого дома**» и пропьянствовали там всю ночь. А в это время в центре **Москвы,** «демократы» устроили самую настоящую провокацию, в результате которой в ходе нападения на **БМП** погибли три пьяных хулигана, которых затем объявили невинными жертвами «**кровавой хунты**» и возвели в ранг «**мучеников демократии**». Эти события стали поворотным пунктом в истории «путча», поскольку все члены **ГКЧП** испугались первой крови и дали задний ход.

Утром **21 августа** под председательством маршала **Д.Т. Язова** состоялось заседание коллегии **Министерства обороны СССР,** на котором большинство ее членов, в том числе главкомы **ВМФ, РВСН и ВВС** адмирал флота **В.Н. Чернавин,** генерал армии **Ю.П. Максимов** и генерал-полковник авиации **Е.И. Шапошников,** высказались «за необходимость вывода войск из **Москвы,**» после чего министр обороны отдал соответствующий приказ. Узнав о принятом решении, все члены **ГКЧП** срочно выехали в **Министерство обороны СССР,** где состоялась бурное выяснение отношений. **В.А. Крючков, О.Д. Бакланов, Ю.С. Плеханов, А.И. Тизяков и О.С. Шенин** настаивали на продолжении борьбы, но не получив поддержки большинства, они сдались и приняли решение лететь в **Форос** к **М.С. Горбачеву.**

Между тем, когда члены **ГКЧП** находились еще в **Министерстве обороны СССР,** в «осажденном» «**Белом доме**» открылась внеочередная сессия **Верховного Совета РСФСР,** причем, самое удивительное состояло в том, что она транслировалась в прямом эфире по государственному радио и телевидению. После того, как **Верховный Совет РСФСР** осудил «путчистов», **Б.Н. Ельцин** сразу направил членам **ГКЧП** категорическое требование «прекратить свою противоправную антиконституционную деятельность» и отменить все принятые ими решения.

Утром **21 августа** с заявлением, осуждавшим **ГКЧП,** выступили **Политбюро ЦК КПРФ, Секретариат ЦК КПСС и Кабинет Министров СССР,** а **А.И. Лукьянов** вызвал к себе руководителей палат **Верховного Совета СССР** **И.Д. Лаптева и Р.Н. Нишанова** и, назвав все произошедшее авантюрой, заявил им, что он летит в **Форос** на встречу с **М.С. Горбачевым.** Практически сразу после этих предательских заявлений вице-президент **Г.И. Янаев** подписал постановление о роспуске **ГКЧП** и сложил с себя президентские полномочия. С этого момента для завершения «путча» осталось сделать только одно — вернуть в **Москву** самого **М.С. Горбачева.**

Между тем, особый интерес вызывает тот факт, что когда **В.А. Крючков** предложил **Б.Н. Ельцину** вместе лететь в **Форос,** он был готов принять это предложение шефа **КГБ,** однако все его ближайшие соратники решительно выступили против

их совместного полета. Этот вопрос был даже вынесен на заседание **Верховного Совета РСФСР**, который решил направить к **М.С. Горбачеву** собственную делегацию во главе с российским вице-президентом **А.В. Руцким** и главой российского правительства **И.С. Силаевым**.

Не получив согласия на совместный полет, члены **ГКЧП** отправили в **Форос** собственную делегацию, в которую вошли **О.Д. Бакланов**, **В.А. Крючков**, **А.И. Лукьянов**, **Д.Т. Язов**, **В.А. Ивашко** и **Ю.С. Плеханов**. Когда они уже прилетели в Крым, туда вылетел другой самолет, на котором находилась российская делегация во главе с **А.В. Руцким** и **И.С. Силаевым** и, вовремя примкнувшими к ним членами **Президентского Совета СССР В.В. Бакатиным** и **Е.М. Примаковым**.

После того, как обе делегации оказались в **Форосе**, многое, если не все, стало зависеть от позиции самого **М.С. Горбачева**, которая не была ясна ни для одной из конфликтующих сторон. Поэтому решающим в противостоянии между **ГКЧП** и российским руководством на завершающем этапе политического кризиса стал вопрос о том, кто первым встретится с **М.С. Горбачевым** и «перетянет» его на свою сторону. **М.С. Горбачев** сначала принял российскую делегацию, и лишь затем с разрешения **А.В. Руцкого** и **И.С. Силаева** переговорил в присутствии **В.В. Бакатина** и **Е.М. Примакова** с **А.И. Лукьяновым** и **В.А. Ивашко**, но никого из прибывших членов **ГКЧП** так и не принял. Сразу после этого обе делегации выехали на военный аэродром **Бельбек**, откуда оба самолета взяли курс на **Москву**.

По прибытию в столицу в правительственном аэропорте **Внуково-2**, в нарушение всех процессуальных норм, по личному распоряжению **Генерального прокурора РСФСР В.Г. Степанкова** были задержаны и арестованы три члена **ГКЧП В.А. Крючков**, **Д.Т. Язов** и **А.И. Тизяков**, что было явным нарушением закона, поскольку все они были народными депутатами СССР и обладали статусом неприкосновенности, но в тот период мало кто думал о соблюдении закона и действовал исключительно по принципу «политической целесообразности».

В исторической литературе существует три основных версии и оценки **августовских событий**. Представители либеральной историографии (**В. Согрин**, **Р. Пихоя**) традиционно именуют произошедшие события «**августовским путчем**», который был организован консервативной частью ближайшего горбачевского круга, прежде всего, **В.А. Крючковым** и **А.И. Лукьяновым** с целью сохранения тоталитарного коммунистического режима в стране и по причине сугубо личных, чисто «шкурных» интересов сохранения своих прежних позиций во властных структурах СССР. Часть историков патриотического лагеря (**И. Фроянов**) полагают, что так называемый «**августовский путч**» был организован самим **М.С. Горбачевым**, который в самый последний момент, испугавшись за свое реноме «либерала» и «большого демократа», с присущим ему цинизмом предал ту часть своего окружения, которая стояла на патриотических позициях и желала всеми силами сохранить единый Советский Союз. Наконец, другая часть авторов патриотического лагеря (**А. Островский**) утверждают, что так называемый «путч» стал результатом сговора чекистов с высшим российским руководством, целью которого было устранение «слабого и безвольного» **М.С. Горбачева** с политического олимпа страны и передача власти новому российскому руководству. Анализ архивных документов, в частности двух аналитических записок, подготовленных в недрах **Лубянки**, всецело говорит о том, что сама идея сохранения единства страны путем передачи власти от «трепача-де-

мократа» **М.С. Горбачева** в руки «жесткого прагматика и циника» **Б.Н. Ельцина**, созрела в головах **В.А. Крючкова**, **В.Ф. Грушко**, **Л.В. Шебаршина**, **Н.С. Леонова** и других руководителей **КГБ СССР** задолго до августовских событий и накануне этих событий **В.А. Крючков** и **Б.Н. Ельцин** договорились между собой о плане дальнейших действий. Однако затем **Б.Н. Ельцин** цинично надул **В.А. Крючкова** и **Ко**, и вышел победителем в этой «схватке под ковром».

Анализ **августовских событий** показывает, что на их исход повлияли не столько силовые факторы или правовая обоснованность позиций двух сторон, сколько чувство политической интуиции, умение собрать в нужный момент и в нужном месте всех своих сторонников и поставить противника в такие условия, в которых даже численное или силовое превосходство не принесут ему успех. Одна из главных целей **ГКЧП** состояла в том, чтобы «надавить» на российское руководство, заставить его сесть за стол переговоров и сформулировать приемлемые для сохранения СССР и вывода страны из кризиса условия будущего **Союзного договора**. При этом его лидеры не без оснований рассчитывали на неприятие большинством населения страны надоевшего всем **М.С. Горбачева** и отсутствие массовой и устойчивой политической базы у **Б.Н. Ельцина**, а также на подвластные им силовые структуры **КГБ**, **МВД** и **МО СССР**. Однако они недооценили информационно-политическую и организационную мобилизованность «демократов», бескомпромиссность их позиции и готовность либеральной оппозиции идти «до конца».

Кроме того, российское руководство, против которого преимущественно и была направлена активность самого **ГКЧП**, оперативно, продуманно и комплексно отреагировало на их действия:

1) **Во-первых**, была развернута мощная информационная кампания. На одно из центральных мест вышла тема «заботы» о **Президенте СССР** и его здоровье, что должно было сфокусировать внимание на сомнительности повода незаконного отстранения **М.С. Горбачева** от его президентской должности. В результате в общественном сознании удалось демонизировать образ **ГКЧП**, назвав в первый же день происходящее «путчем хунты», что вызывало ассоциации с образами кровавых диктаторов и правового беспредела.

2) **Во-вторых**, российские руководители призвали под стены «Белого дома» своих сторонников и старались на протяжении всего периода противостояния сохранять «живое кольцо», в рядах которого находилось несколько десятков тысяч человек. Это было важным сдерживающим фактором, поскольку обе противостоящие стороны понимали политические последствия возможного кровопролития в столице.

3) **В-третьих**, **Б.Н. Ельцин** и его окружение, отталкиваясь от идеи утраты легитимности союзным руководством в связи с «совершением ими государственного преступления», подписал серию указов, которыми переподчинил себе все органы исполнительной власти СССР, находящиеся на территории РСФСР, в том числе подразделения **КГБ**, **МВД** и **МО СССР**. Он принял также на себя полномочия командующего **Вооруженными силами СССР** на территории РСФСР.

4) **В-четвертых**, **тбилисский**, **бакинский** и **вильнюсский «синдромы»**, когда армия использовалась против экстремистов, но была подвергнута остракизму и грязному шельмованию за то, что было поднято оружие против «безоружного мирного населения», затрудняли, и даже делали де-факто невозможным ее

привлечение для активных действий в **Москве**. Причем, надо понимать, что во всех предыдущих случаях применению вооруженных сил все же предшествовали крупные провокации, а в столице противостояние сторон больше походило на эпизод «верхушечной разборки». Поэтому в самом **ГКЧП** победила позиция тех его членов, кто предлагал привлечь армию для оказания психологического давления, однако нежелание руководителей ряда силовых структур, прежде всего, **Д.Т. Язова** участвовать в политических «разборках», активное неприятие **ГКЧП** рядом высокопоставленных военных во многом предрешили исход начавшегося противостояния.

Подводя итог тех роковых событий, следует признать, что **августовский кризис** перевели латентный процесс дезинтеграции СССР в открытую форму, положив начало новому периоду в истории великой страны, основным содержанием которого стал последовательный демонтаж всех союзных структур.

10. Развитие политической ситуации в стране осенью-зимой 1991 г.

а) Передел государственной власти в стране

Когда «демократы» еще ликовали по поводу провала «кровавого путча» в **Москве**, на страницах **«Тюменских известий»** была опубликована статья народного депутата СССР **С.В. Васильева** **«Государственный переворот 1991 года успешно завершён»**, в который автор, не выражая радости по поводу провала «путча», совершенно справедливо констатировал, что в стране «завершился государственный переворот, разрушительные последствия которого будут осознаны миллионами наших сограждан значительно позже».

С тех пор прошло уже много лет, но смысл августовских событий как государственного переворота до сих пор не осознан большинством. Очевидно, что если в **августе 1991 г.** действительно имел место неудачный «путч», то после того, как **М.С. Горбачев** вернулся в **Москву**, все должно было ограничиться арестом заговорщиков и восстановлением статус-кво, который существовал до начала этих событий, между тем этого не произошло. **22 августа 1991 г. М.С. Горбачев** действительно вернулся в **Москву**, но не вернулся к власти. Чтобы понять это, необходимо познакомиться с некоторыми указами **Б.Н. Ельцина** и распоряжениями его правительства тех дней.

Первый шаг в этом направлении был сделан уже в период августовских событий, когда **Б.Н. Ельцин** издал указы о переходе в его подчинение всех структур **КГБ, МВД и МО СССР** и возложил на себя полномочия **Верховного главнокомандующего страны**. Затем был сделан еще один шаг в этом направлении, когда появился ельцинский указ **«Об обеспечении экономической основы суверенитета РСФСР»**, который гласил, что **«Совету Министров РСФСР до января 1992 г. обеспечить передачу и принятие в ведение органов государственного управления РСФСР всех предприятий и организаций союзного подчинения, находящихся на территории Российской Федерации. Решения союзных органов, касающиеся порядка ввоза (вывоза) товаров, а также установления размеров таможенных пошлин, принятые без согласия с полномочными органами РСФСР, на территории РСФСР не действуют»**. Вскоре последовали новые ельцинские указы, в которых говорилось

о передаче **«Всесоюзной телерадиокомпании, Информационного агентства «Новости»** и всех расположенных на территории РСФСР издательств, полиграфических и их иных предприятий, находящиеся в собственности **КПСС**, в ведение **Министерства печати и массовой информации РСФСР**».

В те же дни произошло еще одно важное событие, на которое не пожелали обратить внимания даже самые «демократические» издания страны: арест руководителей союзного государства, в частности **вице-президента СССР Г.И. Янаева**, председателя **Верховного Совета СССР А.И. Лукьянова**, премьер-министра СССР **В.С. Павлова**, министра обороны СССР **Д.Т. Язова**, председателя **КГБ СССР В.А. Крючкова** и других союзных руководителей, причастных к **ГКЧП**, произошедший не по распоряжению **Генеральной прокуратуры СССР**, а на основании распоряжений **Генеральной прокуратуры РСФСР**.

22 августа М.С. Горбачев прибыл в **Кремль** и сразу пригласил в **Ореховую комнату**, где традиционно собирались только члены **Политбюро**, своих ближайших соратников — **А.Н. Яковлева**, **В.В. Бакатина**, **Е.М. Примакова**, **Г.Х. Шахназарова**, **В.А. Медведева**, **Л.И. Абалкина**, **В.Н. Кудрявцева** и **А.С. Чернышева**. Вместе с ними были приглашены начальник **Генштаба ВС СССР** генерал армии **М.А. Моисеев**, председатель **Комитета конституционного надзора СССР С.С. Алексеев**, **Генеральный прокурор СССР Н.С. Трубин**, министр иностранных дел СССР **А.А. Бессмертных** и председатель **Верховного Суда СССР Е.А. Смоленцев**.

Именно здесь были отменены все указы и распоряжения **ГКЧП** и сделаны новые назначения на ключевые посты в исполнительной власти, после чего **М.С. Горбачев** подписал целую серию указов об отставках и назначениях. От занимаемых должностей были освобождены премьер-министр СССР **В.С. Павлов**, председатель **КГБ СССР В.А. Крючков**, министр обороны СССР **Д.Т. Язов**, начальник службы охраны **КГБ СССР Ю.С. Плеханов** и руководитель аппарата президента СССР **В.И. Болдин**. Однако следует отметить, что единолично ни назначить премьер-министра, ни уволить его президент страны не имел права. Не имел он таких прав и в отношении других членов **Кабинета Министров СССР**, поскольку союзный закон **«О кабинете Министров СССР»** прямо гласил, что «в соответствии с **Конституцией СССР** Кабинет Министров СССР формируется **Президентом СССР** с учетом мнения **Совета Федерации СССР** и по соглашению с **Верховным Советом СССР**. В таком же порядке вносятся изменения в состав **Кабинета Министров**».

Поэтому **М.С. Горбачев**, прежде всего, был обязан созвать **Совет Федерации СССР** и, получив его согласие, вынести данный вопрос на заседание **Верховного Совета СССР** и только после принятия отставки премьер-министра и остальных министров союзным парламентом, мог издать указ об их освобождении от занимаемых должностей, поэтому сделанное союзным президентом на этот счет распоряжение являлось противозаконным. Однако на это грубейшее нарушение закона тогда никто не обратил внимания, поскольку в стране по-прежнему торжествовала «горбачевская демократия».

Новым главой президентского аппарата был назначен **Г.И. Ревенко**, министром обороны СССР стал генерал армии **М.А. Моисеев**, председателем **КГБ СССР** назначили генерал-лейтенанта **Л.В. Шебаршина**, а министром иностранных дел СССР **Б.Н. Панкина**. Однако на этой встрече не был назначен новый глава **Кабинета Министров СССР** и его обязанности де-факто продолжил исполнять **В.Х. Догужиев**,

и не был подписан указ о назначении генерал-полковника **В.П. Трушина** новым министром внутренних дел СССР, поскольку не был подписан указ об отставке **Б.К. Пуго**.

Это, на первый взгляд очень странное обстоятельство, было вызвано тем, что вечером того же дня **Б.К. Пуго** якобы застрелился, сказав своему сыну, что «все это большая игра, и мы в ней проиграли..., а **М. Горбачев** нас всех предал, жалко — так здорово купил и так дешево продал». Вокруг смерти **Б.К. Пуго** до сих пор не прекращаются споры, хотя сразу, еще до завершения следствия, получила распространение одна единственная версия, согласно которой он покончил жизнь самоубийством. Однако во всей этой истории много неясного, поскольку возникают, по крайней мере, два вопроса, если **Б.К. Пуго** сначала убил жену, а затем покончил с собой, то как он смог произвести в себя два выстрела и почему его жена была обнаружена в сознании.

Гибель **Б.К. Пуго** и его жены положила начало целой серии странных смертей. Сначала в своем кремлевском кабинете был обнаружен повешенным президентский советник маршал **С.Ф. Ахромеев**, затем, выбросившись из окна, погиб **Управляющий делами ЦК КПСС Н.Е. Кручина**, за ним таким же способом покончили жизнь самоубийством его многолетний предшественник на этом ключевом посту в центральном аппарате **ЦК КПСС Г.С. Павлов**, который почти десять лет находился на пенсии, и зам. зав. **Международным отделом ЦК КПСС Д.А. Лисоволик**.

Тем временем сам **Б.Н. Ельцин** был занят «кадровым вопросом», причем не в российском руководстве, а именно в составе союзного правительства. Сразу после подавления «путча» он пригласил к себе генерал-лейтенанта **П.С. Грачева**, «поблагодарил за помощь и предложил ему занять пост министра обороны СССР», но тот отказался по причине того, что «к такой должности не готов», и тогда было решено, что «министром обороны СССР будет **Е.И. Шапошников**, а **П.С. Грачев** — его первым заместителем». А пока президент России еще только начинал решать кадровые вопросы союзного значения, ему сообщили, что **М.С. Горбачев** уже произвел первые кадровые назначения и его это до крайности возмутило.

Утром **23 августа** **Б.Н. Ельцин** пришел в кабинет к **М.С. Горбачеву** и в довольно жесткой форме потребовал от него немедленно отменить все сделанные вчера назначения во все силовые ведомства страны. Более того, он так же жестко настаивал, чтобы новым министром обороны СССР стал генерал-полковник авиации **Е.И. Шапошников**, который через три дня был удостоен звания «маршал авиации», его первым заместителем и начальником **Генерального штаба** был назначен генерал армии **В.Н. Лобов**, пост председателя **КГБ СССР** занял генерал-лейтенант **В.В. Бакатин**, а новым министром внутренних дел СССР стал генерал-лейтенант **В.П. Баранников**.

Тогда же **М.С. Горбачев** не только сдал всех только что назначенных министров, но и пошел еще дальше и сдал всю партию. По распоряжению мэра **Москвы Г.Х. Попова**, согласованного с **М.С. Горбачевым** и российским госсекретарем **Г.Э. Бурбулисом**, было закрыто и опечатано здание **ЦК КПСС**, а **Б.Н. Ельцин**, находясь в президиуме сессии **Верховного Совета РСФСР**, прямо перед телекамерами подписал указ о приостановлении деятельности всех органов и организаций **Компартии РСФСР**.

После этого, **24 августа М.С. Горбачев** подписал заявление, в котором не только сложил с себя полномочия **Генерального секретаря ЦК**, но и призвал **ЦК КПСС** к самороспуску. Вслед за этим «авангард предателей, попрытавшись по щелям, послушно замолчал, не издавая звука протеста. **Политбюро ЦК, ЦК КПСС**, республиканские компартии, обкомы, крайкомы, райкомы просто разбежались, как крысы с тонущего корабля». В тот же день, незаконно распустив **Кабинет Министров СССР**, **М.С. Горбачев** своим указом создал новый исполнительный орган — **Комитет по оперативному управлению народным хозяйством СССР**, возглавить который поручил российскому премьеру **И.С. Силаеву**. Тогда же были назначены три заместителя нового «премьера», которыми стали **А.И. Вольский, Г.А. Явлинский и Ю.М. Лужков**, и три союзных министра — министр экономики и прогнозирования СССР **Е.Ф. Сабуров**, министр финансов СССР **И.Н. Лазарев** и министр торговли СССР **А.Ф. Хлыстов**, которые занимали соответствующие посты в российском правительстве.

Все эти шаги президента страны носили откровенно антиконституционный характер, поскольку: **1)** создание новых органов исполнительной власти по **Конституции СССР** было исключительной прерогативой парламента; **2)** **Кабинет Министров СССР** был распущен, но не упразднен, поэтому передавать его полномочия и функции другому, не предусмотренному **Конституцией СССР** государственному органу, президент страны тоже не имел права. Вслед за этим **Совет Министров РСФСР** принял постановление, которое гласило, что «впредь до формирования нового состава **Кабинета Министров СССР** руководство всеми министерствами и ведомствами СССР, подведомственными им объединениями, предприятиями и организациями, расположенными на территории РСФСР, принимает **Совет Министров РСФСР**», что было грубейшим нарушением действующей **Конституции СССР**.

24 августа последовали еще четыре очень важных, но **абсолютно незаконных** решения: **1)** о передаче всех архивов центрального аппарата **КГБ СССР** и его управлений в республиках, краях и областях в ведение архивных органов РСФСР; **2)** о передаче в ведение **КГБ РСФСР** всех видов секретной правительственной связи, в том числе документального шифрования, на всей территории СССР; **3)** о принятии на баланс **Государственного Комитета РСФСР по управлению государственным имуществом** нежилых помещений, зданий и сооружений, занимаемые **Кабинетом Министров СССР**, министерствами, ведомствами и организациями СССР»; **4)** о передаче в государственную собственность все принадлежащее **КПСС** и **КП РСФСР** недвижимое и движимое имущество, включая денежные средства в рублях и иностранной валюте».

Одновременно под чутким и неусыпным руководством **М.С. Горбачева, Б.Н. Ельцина и В.В. Бакатина** развернулось масштабное «реформирование» **КГБ СССР**, которое шло по двум основным направлениям. **Первое направление** — полная дезинтеграция и раздробление **КГБ СССР** на ряд самостоятельных ведомств и лишение его монополии на все виды деятельности, связанные с обеспечением безопасности страны. Предполагалось «разорвать комитет на части», которые, находясь в прямом подчинении главе государства, конкурировали и уравнивали друг друга. **Второе направление** — полная децентрализация или вертикальная дезинтеграция и предоставление полной самостоятельности всем республиканским

органам госбезопасности в сочетании с координирующей работой межреспубликанских структур.

Уже в **конце августа 1991 г.** из состава **КГБ СССР** были выведены все войска специального назначения, **9-е Управление** преобразовано в **Управление охраны при аппарате Президента СССР**, **8-е Управление**, отвечавшее за правительственную связь, шифровку и радиоэлектронную разведку преобразовано в **Комитет Правительственной связи при Президенте СССР**. Затем, в **начале сентября**, вместо **Коллегии КГБ СССР** был создан **Координационный совет** в составе председателей республиканских **КГБ**, которых стали назначать руководители самих республик и т.д. После этих структурных изменений дошла очередь и до самых крупных подразделений **КГБ** — разведки, контрразведки и пограничных войск. В **конце октября 1991 г.** **КГБ СССР** был окончательно добит и разделен на три независимых структуры — **Межреспубликанскую службу безопасности СССР**, которую возглавил сам **В.В. Бакатин**, **Центральную службу разведки СССР**, главой которой был назначен академик **Е.М. Примаков**, и **Комитет по охране государственной границы СССР**, который возглавил генерал-полковник **И.Я. Калининченко**.

Таким образом, уже в **начале сентября 1991 г.** **М.С. Горбачев** лишился почти всех рычагов исполнительной власти, потерял контроль над экономикой, радио и телевидением, правительственной связью. Всё это вместе взятое зримо свидетельствует, что под прикрытием так называемого **«августовского путча»** начался настоящий государственный переворот, возглавляемый **Б.Н. Ельциным и Ко**.

б) Крах «новоогаревского процесса»

Сразу после подавления **«августовского путча»** началось повальное провозглашение независимости союзных республик и уже к **концу августа 1991 г.** новый государственный статус провозгласили парламенты Украины, Белоруссии, Эстонии, Латвии, Молдавии, Азербайджана, Киргизии и Узбекистана. Более того, тогда же **Б.Н. Ельцин** совершенно незаконно, опять-таки в нарушении **Конституции СССР**, признал независимость всех трех Прибалтийских республик.

Казалось бы, после подавления мнимых «мятежников» можно было начать процесс подписания нового **Союзного договора**, которое намечалось на **20 августа 1991 г.**, однако об этом почему-то все сразу забыли. Только спустя неделю после «путча» **М.С. Горбачев** позвонил своему помощнику **Г.Х. Шахназарову** и дал ему задание срочно заняться **Союзным договором**, подключив к этой работе нового главу своей Администрации **Г.И. Ревенко** и директора **Института государства и права АН СССР** академика **В.Н. Кудрявцева**. Однако когда в кабинете **Г.Х. Шахназарова** собралась вся рабочая группа, все ее члены сразу заявили, что отныне «политическая погода в стране все меньше зависит от **Кремля** и все больше от **Белого дома**», поэтому надо выяснить намерения **Б.Н. Ельцина** и его команды.

В тот же день **Г.Х. Шахназаров** позвонил двум его помощникам — **С.М. Шахраю** и **С.Б. Станкевичу**, которые не стали раскрывать всех карт, но заявили, что **Б.Н. Ельцину** сейчас не до этого, да и вообще **Союзный договор**, похоже, выпал из повестки дня и утратил свою актуальность. А спустя всего несколько дней в «**Независимой газете**» было опубликовано «**Письмо семи**» — **Ю.Н. Афанасьева**, **Л.М. Баткина**, **В.С. Библера**, **Е.Г. Боннэр**, **Ю.Г. Буртина** и **Л.М. Тимофеева**, в ко-

тором прямо говорилось, что они «приветствуют развал империи» и создание «евразийского сообщества».

Тем временем, **24 августа 1991 г. Верховный Совет Украинской ССР** утвердил **«Акт о государственной независимости Украины»**, который зримо показал все интеллектуальное убожество свидомой украинской интеллигенции. В частности, этот наспех состряпанный «исторический» документ, гласил, что «исходя из **смертельной опасности, нависшей над Украиной** в связи с государственным переворотом в СССР **19 августа 1991 года**, продолжая **тысячелетнюю традицию** государственного строительства на Украине, исходя из права на самоопределение, предусмотренного **Уставом ООН** и другими международно-правовыми документами, осуществляя Декларацию о государственном суверенитете Украины, **Верховный Совет УССР торжественно провозглашает независимость Украины и создание самостоятельного украинского государства — Украины»**.

Тогда же **Верховный Совет УССР**, незаконно, в нарушение, как **Конституции УССР**, так и **Конституции СССР**, назначил на **1 декабря 1991 г.** республиканский референдум, в котором значился только один вопрос: **«Подтверждаете ли Вы Акт провозглашения независимости Украины»**. Накануне этого референдума **Президиум Верховного Совета УССР** принял **«Обращение к народу Украинской ССР»**, ряд положений которого сейчас выглядят как вверх цинизма и кошунства: «Сегодня не поддержать независимость означает лишь одно — поддержать зависимость, альтернативы — нет. Только независимая Украина сможет, как равноправный партнер вступать в любое межгосударственное сообщество с соседями, в первую очередь с наиболее близкой нам Россией... Экономическая целесообразность, интересы собственного народа, а не какие-то другие критерии должны диктовать нам, с кем и как сотрудничать. Когда же мы говорим об интересах собственного народа, то имеем в виду не только украинцев, но и русских, имеющих в парламенте Украины свыше ста народных депутатов. Мы обязаны сделать республику настоящей доброй матерью для всех ее граждан. Декларация прав национальностей, принятая **Верховным Советом Украины** единогласно открывает широкие возможности для развития языков и культур всех наций в Украине. Неважно, на каком языке говорит гражданин Украины, важно, чтобы он говорил о независимой Украине, о ее законных правах. Успешно прошедшие всеукраинский межнациональный конгресс и межрелигиозный форум дают все основания утверждать: что в Украине и впредь не будет места для межнациональных конфликтов. Украина гарантирует особое уважение освободителям от фашизма и ветеранам».

В начале сентября 1991 г. был созван **V Внеочередной Съезд народных депутатов СССР**, который констатировал, что прежний Союз ССР больше не существует, и провозгласил начало переходного периода к новому объединению бывших советских республик — **Союзу Суверенных государств**. В связи с этим был принят закон **«Об организации государственной власти и управления в Союзе ССР в переходный период»**, который де-факто приостановил деятельность **Съезда народных депутатов СССР**, создал новый орган власти — **Государственный Совет СССР** и установил, что на время переходного периода высшим представительным органом союзной власти является **Верховный Совет СССР**, внес изменения в его структуру и систему комплектования, а так же преобразовал одну из двух палат — **Совет национальностей** в **Совет республик**. Тогда же было принято решение преобразовать **Комитет**

по оперативному управлению в Межреспубликанский Экономический комитет СССР, главой которого был утвержден И.С. Силаев, а его заместителями стали Г.И. Кулик и А.И. Бектемисов.

По мнению ряда современных авторов (А. Барсенков, А. Островский), создание Госсовета СССР в составе союзного президента и глав остальных союзных республик де-юре легализовало положение, существовавшее с конца апреля 1991 г., когда начался сам «Новоогаревский процесс». Именно тогда важнейшие вопросы будущего Союза стали обсуждаться за закрытыми дверями в узком кругу высших руководителей республик, которые сознательно искажали информацию о происходившем на переговорах и вводили в заблуждение представительные органы власти своих республик. На практике Госсовет СССР стал не органом «для согласованного решения вопросов внутренней и внешней политики, затрагивающих общие интересы», как декларировалось изначально, а институтом, в рамках которого оформляли свое движение к полной независимости почувствовавшие «вкус свободы» республики гибнущего СССР.

На последнем заседании V Съезда народных депутатов СССР союзные парламентарии на основании указа «О порядке решения вопросов, связанных с выходом союзной республики из СССР» опротестовали принятые решения о независимости республик, но уже на следующий день в полном противоречии с этим решением М.С. Горбачев признал независимость всех трех Прибалтийских республик. Сразу после этого о своей независимости заявили Армения, Туркмения и Таджикистан, и фактически к началу октября в Союзе ССР остались только две республики — Россия и Казахстан. Однако сразу после этих событий Б.Н. Ельцин подписал указ «О роли Совета Министров РСФСР в системе исполнительной власти Российской Федерации», который был направлен на то, чтобы взять под полный контроль всю исполнительную власть на местах.

В середине сентября состоялось первое заседание Государственного Совета СССР, на которое был вынесен вопрос о дальнейшей судьбе союзных республик. Представители Азербайджана, Белоруссии, Казахстана, Кыргызстана, России, Таджикистана, Туркмении, Узбекистана и Украины высказались за сохранение Союза, и в связи с этим рассмотрели проект Договора «Об экономическом сообществе независимых государств».

Дело в том, что после августовских событий «сторонники» сохранения Союза считали, что на подписание экономического договора республики пойдут быстрее и охотнее, чем на заключение политического соглашения, именно поэтому в окружении М.С. Горбачева особое внимание уделялось этому вопросу. Ответственный за разработку этого документа Г.А. Явлинский полагал, что главная задача Экономического союза состоит в консолидации усилий суверенных государств с целью образования общего рынка и проведения согласованной экономической политики как неременного условия преодоления системного кризиса в стране. При этом он подчеркивал, что вступление в него не обуславливается подписанием нового «политического» договора о Союзе Суверенных Государств.

18 октября 1991 г. Президент СССР и руководители восьми республик, за исключением главы Украинской ССР Л.М. Кравчука, подписали «Договор об экономическом сообществе суверенных государств», который исходя из факта реального разрушения единого союзного государства, предполагал «доделывать» союзную соб-

ственность, ликвидировать общий **Центральный Банк** и обзавестись собственными национальными валютами. Для того чтобы этот договор вступил в законную силу, необходимо был подписать еще порядка двадцати дополнительных соглашений по конкретным сферам экономики. Однако все эти документы, в лучшем случае, могли быть подготовлены и ратифицированы только через несколько месяцев, поэтому в условиях острейшего экономического кризиса весь этот договор становился чисто декларативным документом. Кроме того, республиканские лидеры крайне болезненно относились к возможности создания наднациональных органов управления, что изначально ставило под сомнение реализацию всех этих договоренностей.

Тем не менее, **М.С. Горбачеву** удалось убедить **Б.Н. Ельцина** в желательности возобновления новоогаревских встреч. Но его согласие было получено только при условии, что будет подготовлен новый проект **Союзного договора** с установкой не на федерацию, а на конфедерацию. С союзной стороны рабочую группу по этому вопросу возглавили **Г.Х. Шахназаров** и **В.Н. Кудрявцев**, а с российской стороны этим вопросом было поручено заняться **Г.Э. Бурбулису**, **С.М. Шахраю** и **С.Б. Станкевичу**.

Спустя неделю российская сторона представила такой документ, который не оставил сомнений в том, что ни о каком Союзе речи не идет. Однако, по признанию самого **Г.Х. Шахназарова**, «выбора не было», поэтому «начался длительный торг, и после двух-трех туров совместной работы» был подготовлен компромиссный проект. Рабочая группа, в которую от союзного центра вошли **Г.Х. Шахназаров**, **В.Н. Кудрявцев**, **Б.Н. Топорнин** и **Ю.А. Батурин**, а от российского правительства **С.И. Шахрай**, **С.Б. Станкевич** и **А.А. Котенков**, подготовила «обновленный вариант договора» к октябрю 1991 г.

А пока в **Москве** корпели над проектом нового **Союзного договора**, в **Сочи**, где после тяжких трудов по развалу страны отдыхал **Б.Н. Ельцин**, ему был направлен с грифом «сугубо конфиденциально» крайне любопытный документ «**Стратегия России в переходный период**» или «**Меморандум Г.Э. Бурбулиса**», лейтмотивом которого был следующий пассаж: все республики Союза заинтересованы в сохранении союзного центра только для того, чтобы «эксплуатировать ресурсы России, а России никакой центр не нужен».

В середине октября 1991 г. состоялось новое заседание **Государственного Совета СССР**, в котором приняли участие главы девяти союзных республик, в том числе **Б.Н. Ельцин**. Все они, за исключением «хитроумного хохла» **Л.М. Кравчука**, в целом одобрили работу над **Экономическим соглашением**, **Продовольственным соглашением** и **Союзным договором**, и приняли решение продолжить разговор на эти темы в начале ноября. **Б.Н. Ельцин** вынужден был дать формальное согласие на то, чтобы завершить доработку текста **Союзного договора** и парафировать его на следующем заседании глав союзных республик, однако на двух очередных заседаниях **Госсвета СССР** преодолеть разногласий так и не удалось.

По информации тогдашнего министра обороны СССР маршала авиации **Е.И. Шапошникова**, с которой он поделился с автором данных строк несколько лет назад, где-то в начале ноября 1991 г. **М.С. Горбачев** пригласил его срочно в свой кремлевский кабинет и принял его не в традиционном рабочем порядке, а «по-отечески», в собственной комнате отдыха, где был накрыт богатый трапезный стол.

В ходе состоявшейся беседы, после долгих словоблудий и стенаний о том, что все «летит к черту» и что «он не спит ночами», **М.С. Горбачев** предложил обалдевшему министру обороны «совершить очередной августовский путч и взять военным властью в свои руки». Понимая, что он может стать новой жертвой очередной «горбачевской подставы», маршал **Е.И. Шапошников** прямо заявил, что у президента страны есть все возможные инструментарии для предотвращения развала страны, в том числе путем законного введения чрезвычайного положения и установления прямого президентского правления, а он лично «становится новым козлом отпущения, как маршал **Д.Т. Язов**, не желает».

Тем временем, в **середине ноября 1991 г.** был подготовлен итоговый проект **Договора о Союзе Суверенных государств (ССГ)**, в котором будущий «союз» республик определялся как «конфедеративное демократическое государство», где не предусматривалось общей «союзной» **Конституции**, однако предполагались: **1)** выборы «союзного» президента коллегией выборщиков; **2)** выборный двухпалатный парламент от республик и округов, избираемый на два года; **3)** формирование некоего подобия «союзного правительства» с ограниченным кругом полномочий и т.д.

Формально заседание **Госсвета СССР**, на котором был рассмотрен новый **Союзный договор**, закончилось на «оптимистической ноте», поскольку была достигнута договоренность приступить к его парафированию **25 ноября 1991 г.**, однако никакого подписания документов в этот день не состоялось. Российская делегация предложила вернуться к согласованному уже тексту проекта нового **Союзного договора** и снять формулировку о «конфедеративном демократическом государстве», оставив «конфедерацию независимых государств». В качестве предлога для нового демарша была названа позиция **Верховного Совета РСФСР**, который, дескать, не готов ратифицировать ранее оговоренный вариант. Кроме того, **Б.Н. Ельцин** заявил, что «подписание договора без Украины — это бесполезное дело», и предложил «подождать Украину», пока там не пройдет референдум, назначенный на **1 декабря 1991 г.**

В современной Украине традиционно говорится о том, что юридическим обоснованием отказа руководства **УССР** от подписания нового **Союзного договора** и выхода из состава СССР стали итоги **Всеукраинского референдума**, проведенного **1 декабря 1991 г.**, на котором более **80 %** граждан республики высказались за признание «**Акта о государственной независимости УССР**». По официальным данным **Украинского ЦИК**, даже будущий мятежный Донбасс дал **76 % голосов «за»** выход из состава СССР. Однако эти цифры абсолютно не отражали реального положения вещей, поскольку формулировка вопроса, вынесенного на референдум, была откровенно лукавой. Любой неискушенный избиратель всегда проголосует при прочих равных за независимость, если не будет точно знать, как именно будет транскрибирован его ответ организаторами референдума. Между тем, и в **Конституции СССР**, и в Конституциях союзных республик уже прямо говорилось о том, что все они являются суверенными и демократическими государствами, входящими в состав **Союза ССР**.

В самом же «**Акте о государственной независимости Украины**» прямо говорилось, что с момента его провозглашения на территории **УССР** действуют только Конституция и законы Украины. Однако и сама **Конституция УССР**, и республиканские

законы признавали действие законов СССР и были отменены **Верховным Советом Украины** только в **августе 1992 г.** Таким образом, провозглашение верховенства **Конституции УССР** и республиканского законодательства не отрицало, а, напротив, подтверждало нахождение **УССР** в составе СССР. Таким образом, ни **«Акт о государственной независимости»** от **24 августа 1991 г.**, ни **Республиканский референдум 1 декабря 1991 г.** ничего не говорили о выходе **Украинской ССР** из состава СССР. Именно поэтому и был получен такой неоспоримый количественный результат: среди голосовавших «за» были, как и те, кто сознательно хотел развала СССР, так и те, кто этого вовсе не хотел, а понимал независимость и демократичность как существование в составе единого государства — наряду с другими независимыми республиками, входившими в состав СССР. И уж, конечно, за развал СССР не голосовали ни **Крым**, ни добрая половина всех восточных и центральных областей **Украинской ССР**, где проживало больше **22 млн** русских и русскоговорящих мало-россов. Более того, если внимательно прочитать сам текст **«Акта о государственной независимости Украины»**, то там прямо гарантировалось сохранение для граждан **УССР** гражданства СССР и содержалось обещание подписать новый **Союзный договор** со всеми союзными республиками и, прежде всего, с **РСФСР** и **БССР**. Таким образом, тогдашняя украинская номенклатура интерпретировала волеизъявление народа диаметрально противоположно тому смыслу, какой это волеизъявление носило по своей сути.

Одновременно с этим референдумом, **1 декабря 1991 г.** были проведены выборы первого **Президента УССР**, в которых приняли участие **6 кандидатов**. Победу на выборах естественно одержал председатель **Верховного Совета УССР Л.М. Кравчук**, за которого проголосовали почти **62 % (19 700 млн)** украинских избирателей. Казалось, что это была очень убедительная победа властного кандидата, однако это не совсем так, поскольку суммарное количество голосов, поданных за трех кандидатов-националистов из Западной Украины — **В.М. Чорновола**, **Л.Г. Лукьяненко** и **И.Р. Юхновского**, составило почти **30 % (9 500 млн)** голосов. Совершенно очевидно, что уже тогда почти треть активных украинских избирателей голосовали за вполне русофобский, прозападный курс «самостийной» Украины и любой здравомыслящий российский политик должен был предвидеть то, что в скором времени будет твориться на территории бывшей **УССР**. Однако, ни **М.С. Горбачев**, ни **Б.Н. Ельцин**, ни кто-либо другой из тогдашней правящей элиты не придали этой ключевой проблеме ни малейшего значения. Более того, руководство **РСФСР** в лице ее президента тут же де-юре признало итоги референдума и заявило о своем желании быстрее подписать с «самостийной» Украиной межгосударственный договор, что де-факто означало развал СССР, поскольку именно эти две крупнейшие славянские республики составляли его политико-экономический, военный и культурный каркас. Международное признание Украины после референдума **1 декабря 1991 г.** напоминало настоящее цунами, которое стало беспрецедентным во всей мировой практике. Уже **3 декабря** Украину признала Венгрия, **4 декабря** — Литва и Латвия, **5 декабря** к ним присоединились Аргентина, Болгария, Боливия и Хорватия, а к **концу декабря** Украину признали **68 государств**, в том числе все члены **«Большой семерки»**.

Сбросив столь ненавистные оковы в виде союзного центра и возмнив себя создателей независимой «Украинской державы», новоиспеченный президент

Л.М. Кравчук взял откровенный прозападный курс, тем более что руководство РФ, прежде всего, президент **Б.Н. Ельцин** и министр иностранных дел **А.В. Козырев**, совершенно спокойно взирали на откровенно русофобский курс новой украинской элиты. Прямым доказательством такой предательской политикой Кремля стала история с **Черноморским флотом СССР**, который **Б.Н. Ельцин**, упоенный своей победой над ненавистным **М.С. Горбачевым**, фактически слил украинской стороне. Только «мятеж» командующего флотом адмирала **И.Н. Касатонова**, который вывел основной состав **Черноморского флота** в **Средиземное море** и категорически отказался принимать украинскую присягу, уберег нашу страну от вселенского позора и непоправимых последствий. Уже **11 декабря 1991 г.**, то есть когда **Украинская ССР** де-юре еще находилась в составе СССР, новоиспеченный президент **Л.М. Кравчук** вызвал в **Киев** весь высший генералитет трех военных округов и **Черноморского флота**, расположенных на территории УССР и, объявив себя верховным главнокомандующим, заявил о переподчинении всех воинских частей **Киеву**. Все советские генералы, в том числе командующие **Киевским, Одесским и Прикарпатским Военными округами** генерал-полковник **В.С. Чечеватов**, генерал-лейтенант **В.Г. Радецкий** и генерал-полковник **В.В. Скоков**, восприняли этот указ как должное. И только командующий **Черноморским флотом** адмирал **И.Н. Касатонов** заявил, что не будет исполнять этот преступный указ, поскольку считает его незаконным.

Тем временем, **3 декабря 1991 г.** **Верховный Совет СССР** одобрит проект **Договора о Союзе Суверенных Государств**, и президент **М.С. Горбачев** обратился за его одобрением к **Верховным Советам** союзных республик, руководители которых парафировали этот договор. Однако этот шаг союзного руководства побудил всех противников **М.С. Горбачева** перейти к решительным действиям.

11. Беловежский сговор и гибель СССР

7 декабря 1991 г. **Б.Н. Ельцин** с целой свитой своих холуев отправился с государственным визитом в **Минск**, официальной целью которого заявлялось заключение **Договора «О дружбе и сотрудничестве между РСФСР и БССР»**. После подписания договора в тот же день российская делегация должна была вернуться в **Москву**, однако в столице она так и не появилась, поскольку после официальной церемонии состоялся неофициальный банкет, на котором **Б.Н. Ельцин** и его спутники хорошо «расслабились».

Между тем, многих сразу насторожило то, что об этой довольно ordinарной поездке не были поставлены в известность ни вице-президент **А.В. Руцкой**, ни председатель **Верховного Совета РСФСР Р.И. Хасбулатов**, ни секретарь **Верховного Совета РСФСР С.А. Филатов**. Настораживало и то, что вместе с президентом **Б.Н. Ельциным** в **Минск** улетели государственный секретарь **Г.Э. Бурбулис**, вице-премьер **Е.Т. Гайдар**, министр иностранных дел **А.В. Козырев** и советник президента по правовым вопросам **С.М. Шахрай**. Еще более странным было то, что из **Киева** в **Минск** с такой же свитой холуев отправился только что избранный президент Украины **Л.М. Кравчук**.

После прилета украинского президента в столицу Белоруссии, **Б.Н. Ельцин**, **Л.М. Кравчук** и их радушный хозяин, председатель **Верховного Совета БССР**

С.С. Шушкевич решили провести совместную встречу не в Минске, а под Брестом в Беловежской пуще, в поселке Вискули. Прибыв в Вискули, вся троица тут же села обедать и так надралась, что ни о каких переговорах не могло быть и речи. Но зато на пьяную голову они сформулировали концепцию трехстороннего соглашения и поручили «экспертам» и «аналитикам» из своих свит «поработать» над этими идеями и утром представить готовый документ. Поздним вечером, хорошо поддавшие Г.Э. Бурбулис, Е.Т. Гайдар, А.В. Козырев и С.М. Шахрай вместе с белорусскими «товарищами» — вице-премьером М.В. Мясниковичем и министром иностранных дел П.К. Кравченко пошли париться в баньку и попутно «работать» над «эпохальным» договором о сотрудничестве трех славянских республик.

Утром 8 декабря текст «Банного Соглашения», состоящий из Преамбулы и 14 статей был представлен на суд уже опохмелившихся глав государств, которые, обсуждая эту предательскую писанину, сдабривали каждую согласованную статью громогласными выкриками восторга и рюмочкой «хорошего коньяка». В результате этого, к 14 часам дня, когда договор был полностью согласован и подписан, лидеры братских республик едва стояли на ногах.

Главная идея этого документа была сформулирована следующими словами: «Мы, Республика Беларусь, Российская Федерация и Украина как государства-учредители Союза ССР, подписавшие Союзный Договор 1922 года, далее именуемые Высокими Договаривающимися Сторонами, констатируем, что Союз Советских Социалистических Республик, как субъект международного права и геополитическая реальность, прекращает свое существование».

Между тем, как уже неоднократно было отмечено в исторической литературе, Союзный договор 1922 г. просуществовал немногим более года и превратился в чисто исторический документ, так как в январе 1924 г. его заменил новый Союзный договор, ставший неотъемлемой частью первой Конституции СССР 1924 года. Но и этот договор ушел в историческое небытие сразу после того, как была принята новая Конституция СССР 1936 года, в которой Союзный договор даже не был упомянут. Не упоминался этот договор и в последней Конституции СССР 1977 года. Более того, все остальные союзные республики, вошедшие или сформированные в рамках СССР после 1924 г., а именно Казахстан, Киргизия, Узбекистан, Таджикистан, Туркменистан, Молдавия, Латвия, Литва, Эстония и Карелия никогда не подписывали давно несуществующий договор! Поэтому с таким же успехом эта «несвятая троица» могла денонсировать Папскую буллу Павла III о создании Ордена Иезуитов или Нантский эдикт короля Генриха IV о религиозных правах гугенотов.

Но даже если бы к 8 декабря 1991 г. подписанный в 1922 г. Союзный договор продолжал действовать, три названные союзные республики не имели права расторгнуть этот договор и объявить Советский Союз прекратившим свое существование, поскольку а) он не предусматривал такой возможности и давал подписавшим его республикам лишь право самим выйти из состава СССР, а не распускать его; б) кроме этих трех республик этот договор был подписан ЗСФСР, и хотя на тот момент эта федерация трех закавказских государств была уже распущена в 1936 г., в рамках СССР продолжали существовать составлявшие ее республики — Грузия, Армения и Азербайджан, ставшие ее правопреемниками; в) в состав СССР входило 15 союзных республик, поэтому три из них никак не могли решить судьбу остальных

12 республик и лишить их права пребывания в Союзе ССР, г) судьбу СССР мог решить только его высший законодательный орган, которым по Конституции СССР являлся **Съезд народных депутатов СССР**, а согласно решениям **V Съезда народных депутатов СССР — Верховный Совет СССР**.

Самое большее, что могли сделать руководители трех славянских республик — это принять решение о выходе «своих» республик из состава СССР, но сам порядок такого выхода должен был строго соответствовать закону **«О порядке решения вопросов, связанных с выходом союзной республики из СССР»**, принятого в апреле 1990 г. Таким образом, **«Банное Соглашение»** носило чисто антиконституционный характер и представляло собой настоящий государственный переворот.

Подписав документ, **Б.Н. Ельцин** в присутствии **Л.М. Кравчука** и **С.С. Шушкевича** позвонил министру обороны СССР маршалу авиации **Е.И. Шапошникову**, сказал ему о подписанном соглашении и тут же сообщил, что главы трех республик договорились о создании **Объединенных Вооруженных сил Содружества** и о его назначении их главнокомандующим. Затем последовал звонок американскому президенту **Дж. Бушу** и лишь потом состоялся «тяжелый разговор» с **М.С. Горбачевым**. Причем, сразу после разговора с ним, опасаясь своего возможного ареста, все подельники по преступному деянию, которое всеми республиканскими **Уголовными кодексами** квалифицировалось как измена Родине, срочно покинули **Вискули**.

10–12 декабря 1991 г. в полном противоречии с Конституцией СССР и союзным законодательством **Верховные Советы РСФСР, БССР и УССР** не только незаконно денонсировали **Союзный договор 1922 г.**, которого в природе давно не существовало, но и ратифицировали **«Банное соглашение»**, которое по недоразумению все по-прежнему почему-то называют **«Беловежским»**.

21 декабря 1991 г. в **Алма-Ате** состоялась встреча глав **11 советских республик** — **Б.Н. Ельцина** (РСФСР), **Л.М. Кравчука** (УССР), **С.С. Шушкевича** (БССР), **Н.А. Назарбаева** (Казахская ССР), **А.А. Акаева** (Киргизская ССР), **И.А. Каримова** (Узбекская ССР), **К.М. Макхамова** (Таджикская ССР), **С.Н. Ниязова** (Туркменская ССР), **А.М. Муталибова** (Азербайджанская ССР) и **Л.П. Тер-Петросяна** (Армянская ССР), на которой были приняты два абсолютно незаконных решения — о ликвидации **Союза Советских Социалистических Республик (СССР)** и образовании **Союза Независимы Государств (СНГ)**.

Как совершенно справедливо пишут ряд современных авторов (**И. Фроянов, А. Островский, Е. Лукьянова**), узнав о **«Банном соглашении»**, **М.С. Горбачев** как Президент СССР обязан был немедленно поставить об этом в известность **Верховный Совет СССР, Совет Безопасности СССР, Генеральную Ассамблею и Совет Безопасности ООН**, однако ничего подобного союзный президент не сделал. Кроме того, это соглашение и все, что последовало за ним, имело противозаконный, антиконституционный характер, поэтому **М.С. Горбачев**, как Президент СССР и гарант Конституции СССР, обязан был сразу после того, как ему стало известно о беловежском сговоре, не только опротестовать подписанный главами трех союзных республик документ, но и потребовать от **Генеральной Прокуратуры СССР** возбудить против них уголовное дело. Более того, он был обязан опротестовать ратификацию **«Банного соглашения»** республиканскими парламентами, выступить с инициативой созыва чрезвычайной сессии **Верховного Совета СССР** и вынести

на ее обсуждение этот вопрос. А поскольку **М.С. Горбачев** не сделал этого, то он нарушил не только данную им президентскую присягу, в которой прямо говорилось о соблюдении и защите **Конституции СССР**, но и саму **Конституцию СССР**. Поэтому его поведение следует квалифицировать или как соучастие, или как преступное бездействие, повлекшее за собою расчленение государства со всеми вытекающими из этого последствиями.

24 декабря три главных могильщика великой страны — **М.С. Горбачев**, **А.Н. Яковлев** и **Б.Н. Ельцин** встретились за «рюмкой чая» в **Кремле**, где речь пошла об отступных уходящему президенту разрушенной великой державы. Список претензий **М.С. Горбачева**, изложенный им на нескольких страницах, был просто огромен и практически весь состоял из материальных требований: пенсии в размере президентского оклада, президентской квартиры, дачи, машины для жены и для себя, государственной охраны, но главное — создание собственного фонда. Под этот фонд он запросил целый комплекс зданий бывшей **Высшей партийной школы при ЦК КПСС**, состоящий из десятка помпезных сооружений, где были конференц-залы, гостиница, рестораны и т.д.

25 декабря 1991 г. **М.С. Горбачев** выступил по советскому телевидению с заявлением о прекращении своей деятельности на посту **Президента СССР** и сразу после этого с **Первого Корпуса Кремля**, где находился рабочий кабинет президента страны, был спущен **Государственный флаг СССР**.

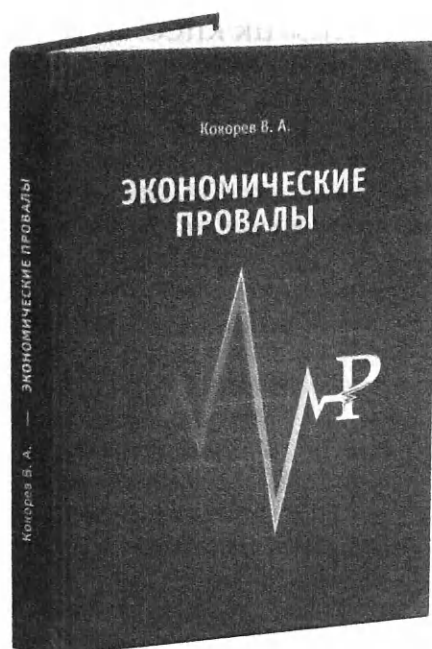
12. Немного личного

Так случилось, что мне довелось стать живым свидетелем «горбачевской перестройки» в годы своей студенческой юности на прославленном историческом факультете легендарного **МПГУ им. В.И. Ленина (1986–1991)**, где кипели «перестроечные страсти» в знаменитой исаевской «Общине» и где моими учителями были многие выдающиеся советские историки, в том числе доктора исторических наук профессора **Аполлон Григорьевич Кузьмин**, **Николай Иванович Павленко**, **Владимир Борисович Кобрин**, **Виктор Григорьевич Тюкавкин**, **Леонид Михайлович Ляшенко**, **Геннадий Андреевич Кошеленко**, **Галина Тимофеевна Залобовина**, **Юрий Иванович Писарев**, **Евгения Ивановна Попова**, **Михаил Юрьевич Золотухин** и многие другие замечательные педагоги и ученые. Более того, начиная с **1991 г.** мне довелось хорошо знать и лично общаться практически со всеми знаковыми фигурами тех трагических событий, в том числе с **М.С. Горбачевым**, **Р.М. Горбачевой**, **Н.И. Рыжковым**, **Е.К. Лигачевым**, **А.Н. Яковлевым**, **В.А. Медведевым**, **В.В. Бакаτιным**, **Д.Т. Язовым**, **Н.И. Родионовым**, **Е.И. Шапошниковым**, **Б.В. Громовым**, **В.Н. Лобовым**, **А.И. Лебедем**, **А.В. Руцким**, **В.Ф. Шумейко**, **С.С. Шаталиным**, **Л.И. Абалкиным**, **Г.Х. Поповым**, **А.А. Собчаком**, **А.С. Черняевым**, **Г.Х. Шахназаровым** и многими другими. С кем-то это общение носило «шапочный характер», например, с тем же **А.А. Собчаком** или с **Р.М. Горбачевой**, но со многими из них мне довелось общаться многие годы, вплоть до последних дней... Если Господь дарует мне возможность написать новую книгу обо всех этих людях, сыгравших ключевую роль в «окаянных днях» ушедшего **XX века**, то постараюсь, чтобы эта книга была по возможности предельно объективной, хотя, конечно, не без эмоций, особенно по отношению к ряду персонажей тех дней.

ЛИТЕРАТУРА

- Барсенков А.С.* Реформы Горбачева и судьба союзного государства: 1985–1991. М., 2001
- Барсенков А.С.* Введение в современную российскую историю 1985–1991. М., 2002
- Богатуров А.Д.* Великие державы на Тихом океане. М., 1997
- Ванденберге И.* Историческое недоразумение: холодная война. 1917–1990. М., 1996
- Варенников В.И.* Неповторимое: Афганистан, Чернобыль. т., 5. М., 2001–2002
- Варенников В.И.* Неповторимое: трагедия Отечества (1985–1991). т., 6. М., 2001–2002
- Гайдар Е.Т.* Гибель империи. Уроки для современной России. М., 2006
- Горбачев М.С.* Жизнь и реформы. М., 1995
- Громов Б.В.* Ограниченный контингент. М., 1994
- Добрынин А.Ф.* Сугубо доверительно. М., 1997
- Зенькович Н.А.* Тайны уходящего века. М., 2003
- Кара-Мурза С.Г.* Советская цивилизация: от Великой Победы до наших дней. М., 2001
- Киссинджер Г.* Дипломатия М., 1997
- Корниенко Г.М.* Холодная война: свидетельство ее участника. М., 1994
- Леонов Б.А.* История советской литературы. М., 2008
- Ляховский А.А.* Пламя Афганистана. М., 1999
- Медведев В.А.* В команде Горбачева: взгляд изнутри. М., 1994
- Медведев В.А.* Распад: как он вызревал в мировой системе социализма. М., 1994
- Орлов А.С.* Холодная война. М., 2000
- Островский А.В.* Глупость или измена? Расследование гибели СССР. СПб., 2010
- Пихоя Р.Г.* Советский Союз: история власти 1945–1991. Н., 2000
- Пихоя Р.Г.* Москва. Кремль. Власть: 1964–1985. М., 2008
- Попов В.П.* Большая ничья: СССР от Победы до распада. М., 2005
- Рогов С.М.* Советский Союз и США: поиск баланса интересов. М., 1989
- Согрин В.В.* Политическая история современной России. 1985–2001. М., 2001
- Соколов К.Б.* Художественная культура и власть: союз и борьба (1953–1989). СПб., 2007
- Филитов А.М.* Германский вопрос. От раскола к объединению. М., 1993
- Фроянов И.Я.* Погружение в бездну: Россия на исходе XX века. СПб., 2002
- Ханин Г.И.* Экономическая история России в новейшее время: Экономика СССР в 1961–1987 гг. Н., 2007
- Ханин Г.И.* Экономическая история России в новейшее время: Экономика СССР и России в 1988–1991 гг. Н., 2011
- Шахназаров Г.Х.* Цена свободы: реформация Горбачева глазами его помощника. М., 1994
- Шмелев Н.П.* Авансы и долги: вчера и завтра российских экономических реформ. М., 1996
- Шубин А.В.* Парадоксы перестройки: Упущенный шанс СССР. М., 2005

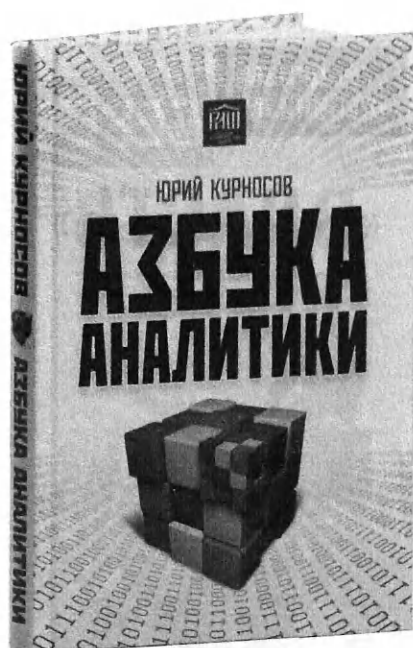
- Шубин А.В.* Диссиденты, неформалы и свобода в СССР. М., 2008
- Черняев А.С.* Совместный исход. Дневник двух эпох. 1972–1991 годы. М., 2008
- Черняев А.С.* и др. В Политбюро ЦК КПСС. М., 2011
- Яковлев А.Н.* «Омут памяти». М., 2002

Экономические провалы

Автор: В.А.Кокорев
Объём: 304 стр.
Формат: 60×90/16 (140×210 мм)
Переплёт: твёрдый

«Экономические провалы» — главное публицистическое произведение Кокорева, его политическое завещание, обращенное к русской общественности. В ней русский предприниматель призывает отказаться от слепого подражательства Западу и перейти к поиску своих внутренних начал для экономического возрождения России. «Пора государственной мысли, — пишет он, — прекратить поиски экономических основ за пределами России и засорять насильственными пересадками родную почву; пора, давно пора возвратиться домой и познать в своих людях свою силу».

Азбука аналитики

Автор: Юрий Курносов
Объём: 240 стр.
Формат: 60×90/16 (140×210 мм)
Переплёт: твёрдый

В издании рассматривается широкий спектр вопросов, связанных с методологией, организацией и технологиями современной аналитической работы. Показаны возможности использования аналитического инструментария для исследования социально-политических и экономических процессов, организации эффективного функционирования и развития систем управления предприятиями и учреждениями, совершенствования процессов принятия управленческих решений в сфере государственного муниципального управления. Раскрывается сущность системного анализа и решения проблем, приведены примеры успешной прикладной аналитической работы.

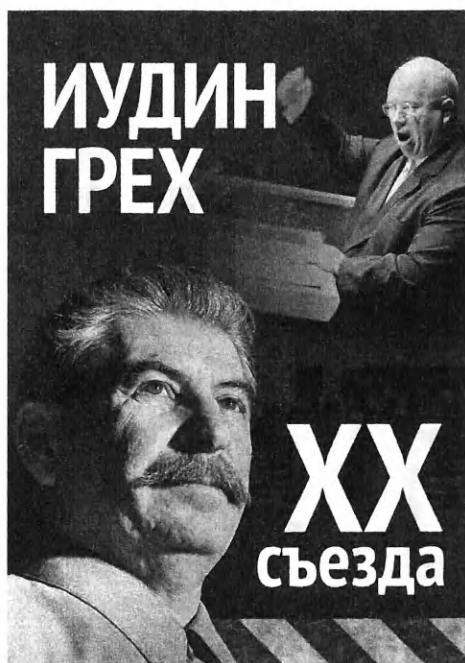

Троцкизм-«ленинизм» берёт «власть»

Анализ ошибок большевистской партии перед взятием власти в 1917 г.

Автор: Внутренний Предиктор СССР
Объём: 446 стр.
Формат: 60×90/16 (140×210 мм)
Переплёт: твёрдый

Подробная информация о двух революциях 1917 года сегодня доступна каждому. Теперь очевидно, что революции совершаются не на пустом месте, а при сложившемся системном кризисе, которым умело пользуются враги государства — как внутренние, так и внешние. Понимание истории помогает лучше разбираться и в текущих событиях, но чему же нас учат ошибки прошлого? Какова расплата за следование принципу «я вне политики»? В чём суть троцкизма, как психического явления? Каковы критерии овладения философской культурой? Как отличить субъективизм политика от его продажности? Почему лозунг «всё отнять и поделить» несовместим с истинным социализмом? В книге на примере и в сопоставлении работ Ленина, Троцкого, Сталина и других документов того времени рассматриваются особенности идеологии и психологии троцкизма-«ленинизма» и большевизма, их принципиальные отличия. На основе разбора предпосылок, развития и последствий революционного процесса даётся анализ ошибок большевистской партии перед взятием власти в 1917 г. Помните, что писал Ключевский: «История ничему не учит, а только наказывает за незнание уроков».

Иудин грех XX съезда

Автор: Внутренний Предиктор СССР
Объём: 256 стр.
Формат: 60×90/16 (140×210 мм)
Переплёт: твёрдый

Настоящая работа посвящена двум крупным историческим периодам (эпохам) в жизни СССР и России в XX веке. Рубежом, разделившим эти периоды, явился февраль 1956 г., когда на XX съезде КПСС Н.С.Хрущёвым был оглашён «секретный» доклад «О культе личности и его последствиях».

В работе рассмотрены вопросы о том, каковы были истинные цели этого доклада, в чём проявилась его лживость, и как он повлиял на последующую судьбу СССР и России? Каким был И.В.Сталин как личность и как управленец? Этот вопрос рассмотрен на основе воспоминаний людей, лично и постоянно работавших с И.В.Сталиным, на основе малоизвестных но значимых письменных трудов И.В.Сталина и его выступлений.

В работе даны определения и сущностные характеристики масонства, марксизма и большевизма — трёх основных идей и процессов, составлявших политику в СССР. Власть в СССР представлена как борьба четырёх групп: масонов, «идейных» марксистов, бюрократии, большевизма. Показано, что в понимании сути и характера этой борьбы лежит ключ к пониманию массовых репрессий в СССР.

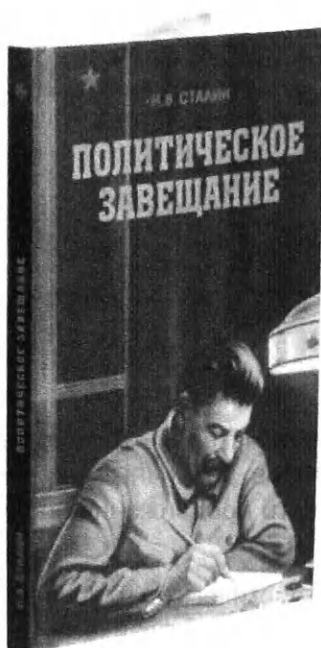

Форд и Сталин:

О том, как жить по-человечески

Автор: Внутренний Предиктор СССР
Объём: 446 стр.
Формат: 60×90/16 (140×210 мм)
Переплёт: твёрдый

Настоящая работа Внутреннего Предиктора СССР посвящена наследию двух известных личностей в истории XX века: Г.Форда и И.В.Сталина. На основе печатных трудов и публичных выступлений Форда и Сталина рассматриваются их взгляды на экономику и организацию жизни общества. На примерах из теоретического и практического наследия Форда и Сталина рассмотрены принципы организации справедливого устройства общества и экономики. Доступно и ясно описаны принципы и механизмы устойчивого функционирования экономики государства, как целостности. Проведены параллели между фордизмом в США и большевизмом в СССР. Проанализирована история и опыт большевизма в СССР в XX веке.

Политическое завещание

Автор: Сталин Иосиф Виссарионович
Объём: 176 стр.
Формат: 84×108/32 (130×200 мм)
Переплёт: твёрдый

Участникам экономической дискуссии. Замечания по экономическим вопросам связанным с ноябрьской дискуссией 1951 года.

Сталин организовал безкризисное развитие народного хозяйства СССР на основе отказа от ссудного ростовщического процента, что позволило не только дважды восстановить страну после войн, но и устойчиво снижать цены. Ведь снижение цен без увеличения заработной платы — забота о благосостоянии народа.

«Необходимо... добиться такого культурного роста общества, который бы обеспечил всем членам общества всестороннее развитие их физических и умственных способностей, чтобы члены общества имели возможность получить образование, достаточное для того, чтобы стать активными деятелями общественного развития, чтобы они имели возможность свободно выбирать профессию, а не быть прикованными на всю жизнь, в силу существующего разделения труда, к одной какой-либо профессии».

ПАТРИОТИКА

Союз издателей и предпринимателей «Патриотика» приглашает к сотрудничеству издательства, авторов, розничные магазины, интернет-магазины и точки продаж для совместного продвижения продукции и взаимовыгодного сотрудничества.

Если ваши книги имеют патриотическую направленность, способствуют нравственному, культурному, духовному и физическому преобразению современного человека, мы готовы протянуть вам руку дружбы и делового партнёрства. Союз «Патриотика» обладает новейшими технологиями издания и продвижения книг, а также собственными интернет-СМИ.

Наши преимущества:

- Выверенный ассортимент патриотических книг;
- Современная система определения наиболее ходовых позиций;
- Чёткая логистика;
- Дружественная ценовая политика (работаем только с издательствами напрямую);
- Налаженные партнёрские связи с крупнейшими российскими книготорговыми сетями;
- Прозрачная бухгалтерия и своевременный расчёт;
- Возможность бесплатной рекламы в книгах, издаваемых нашими партнёрами;
- Информационная поддержка в СМИ.

+7 (495) 755-45-13
soyuz@patriotika.com

Подробности и свежий прайс на **patriotika.com**

НАШИ КНИГИ «ВЖИВУЮ»

Москва

«Концептуал» на Комсомольской:

Комсомольская площадь,
дом 1а, строение 15

Телефон: +7 (495) 755-44-13

Email: kob@konzeptual.ru

«Концептуал» в «Олимпийском»:

м. Проспект Мира,
Книжный клуб СК «Олимпийский»,
торговая точка №109 (1 этаж)

Время работы: 9:00–15:00

Понедельник выходной

Воскресенье 10:00–15:00

Санкт-Петербург

Магазин «Галактика»

м. Елизаровская, проспект Обуховской Обороны, дом 105
ДК им. Н.К.Крупской (правая лестница, 2-й этаж)

Магазин №93, главный зал (место №25); балкон (место №16);

Время работы: 10:00–18:00, выходной — понедельник

Телефоны: +7 (812) 339-09-41, +7 (905) 226-36-28

Дом быта (2-й этаж): м. Нарвская, Нарвский проспект, дом 18

Время работы: 11:00–20:00, выходной — воскресенье

Телефоны: +7 (812) 746-54-45, +7 (911) 911-89-98

СПИЦЫН Евгений Юрьевич

РОССИЯ — СОВЕТСКИЙ СОЮЗ 1946–1991 ГГ.

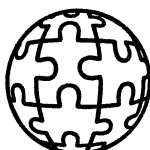
Полный курс истории России для учителей, преподавателей и студентов

Книга 4

Подписано в печать 30.09.2015 г.
Формат 70×100/16

Бумага офсетная.
Тираж 2000 экз. Заказ № 4891

Отпечатано способом
ролевой струйной печати
в АО «Первая Образцовая типография»
Филиал «Чеховский Печатный Двор»
142300, Московская область, г. Чехов,
ул. Полиграфистов, д.1
Сайт: www.chpd.ru
E-mail: sales@chpd.ru
тел. 8(499)270-73-59

Концептуал

— ЧТОБЫ ПОНИМАТЬ —

.....

СМИ, издательство и интернет-телевидение

Мы распространяем информацию, которая помогает человеку сложить,
как мозаику, адекватную картину мира

концептуал.рф • konzeptual.ru • konzeptual.tv

Спицын Евгений Юрьевич

– историк, публицист, с отличием закончил исторический факультет МПГУ им. В.И. Ленина. Среди его учителей были многие крупные русские советские историки, в том числе доктора наук, профессора А.Г. Кузьмин, Н.И. Павленко, В.Б. Кобрин, В.Г. Тюкавкин, Л.М. Ляшенко, Г.А. Кошеленко и другие.

Е.Ю. Спицын двадцать лет работал учителем истории и директором одной из московских школ. Опубликовал десятки статей и несколько книг для учителей истории, абитуриентов и студентов исторических факультетов, в том числе «История России с древнейших времён до конца XIX века» (2000), «История русской культуры IV–VII вв.» (2004) и «История России 1894–1945 гг.» (2006).

Предлагаемый четырехтомный труд по истории России создавался более 15 лет и предназначен, прежде всего, учителям истории и преподавателям исторических факультетов. Он также представляет несомненный интерес для преподавателей, студентов и аспирантов гуманитарных вузов, старшеклассников и абитуриентов, а также для всех интересующихся прошлым нашего Отечества, дезориентированных существующей четверть века на книжном рынке и в сети Интернет литературой сомнительного содержания и качества, с крайне субъективными оценками и вульгарной трактовкой исторических событий, не имеющей ничего общего с научной интерпретацией фактов.

